25 60 N
T

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

20 ноября 1864 г.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-34465
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Фбк 1

ПЕТРОГРАДЪ
1914

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

По вступленіи на прародительскій престолъ, однимъ изъ первыхъ **НАШИХЪ** желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ Манифестѣ 19 Марта 1856 года, было: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ».

Съ того времени, среди другихъ преобразованій, вызванныхъ потребностями народной жизни, **МЫ** не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли посредствомъ лучшаго устройства судебной части и, послѣ многостороннихъ предварительныхъ работъ во второмъ отдѣленіи Собственной **НАШЕЙ** канцеляріи, 29 сентября 1862 года утвердили и тогда же повелѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе основныя положенія преобразованія этой части.

Составленные, въ развитіе сихъ основныхъ положеній, особо учрежденною **НАМИ** ком-

мисіею, проекты уставовъ, нынѣ подробно обсужены и исправлены Государственнымъ Совѣтомъ.

Разсмотрѣвъ сіи проекты, **МЫ** находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію **НАШЕМУ** водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ **НАШИХЪ**, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ **НАШЕМЪ** то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до нисшаго.

Вслѣдствіе того, признавъ за благо утвердить составленные и разсмотрѣнные въ такомъ порядкѣ: 1) учрежденіе судебныхъ установленій, 2) уставъ уголовнаго судопроизводства, 3) уставъ гражданскаго судопроизводства и 4) уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и препровождая всѣ означенныя законоположенія въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ ему сдѣлать надлежащія распоряженія для ихъ обнародованія. Порядокъ приведенія ихъ въ дѣйствіе

будетъ, неотложно за симъ, особо **НАМИ** указанъ.

Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, МЫ радостно выражаемъ надежду, что намѣренія НАШИ осуществятся при ревностномъ содѣйствіи НАШИХЪ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства нынѣ, по волѣ НАШЕЙ, на новыхъ основаніяхъ образуемаго.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«***АЛЕКСАНДРЪ.***»

Въ Царскомъ Селѣ,
20 Ноября 1864 года.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ,

участвовавшихъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.

гр. Д. Н. Блудовъ.

Въ составленіи Основныхъ Положеній преобразованія судебной части участвовали слѣдующія лица:

В. П. Бутковъ, А. М. Плавскій, Н. А. Буцковскій, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій, С. И. Зарудный, П. Н. Даневскій, Д. П. Шубинъ, Д. А. Ровинскій, А. П. Вилинбаховъ.

Въ комиссіи, Высочайше учрежденной при Государственной Канцеляріи для составленія законоположеній о преобразованіи судебной части (1862—1863 г.г.), участвовали слѣдующія лица:

В. П. Бутковъ, Н. А. Буцковскій, С. И. Зарудный, П. Н. Даневскій, А. М. Плавскій, К. П. Побѣдоносцевъ, Д. А. Ровинскій, Н. И. Стояновскій, М. Е. Ковалевскій, Д. П. Шубинъ, Я. Г. Есиповичъ, А. С. Любимовъ, А. П. Вилинбаховъ, А. Д. Желтухинъ, В. И. Баршевскій,

Е. И. Бреверн, А. Ѳ. Бычков, кн. М. С. Волконскій, бар. Е. Е. Врангель, В. И. Гуринъ, М. И. Зарудный, П. А. Зубовъ, Н. В. Калачовъ, О. И. Квистъ, А. А. Книримъ, П. П. Крейтеръ, Е. А. Перетцъ, А. Н. Поповъ, Н. Г. Принтцъ, Г. К. Рѣпинскій, Н. И. Розовъ, С. Н. Шечковъ, Б. И. Утинъ.

Въ обсужденіи Министерствомъ Юстиціи, внесенныхъ 24 декабря 1863 г. въ Государственный Совѣтъ проектовъ комиссіи при Государственной Канцеляріи, участвовали слѣдующія лица:

Д. Н. Замятнинъ, Н. И. Стояновскій, бар. Е. Е. Врангель, Б. Н. Хвостовъ, Н. Н. Шрейберъ, Г. К. Рѣпинскій, Д. Б. Беръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудъ „Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ“ издается по случаю истекающаго 20 ноября сего года пятидесятилѣтія со дня утвержденія блаженной памяти Императоромъ Александромъ II Судебныхъ Уставовъ.

Цѣль изданія—изобразить съ возможною полнотою причины и ходъ судебной реформы, а равно примѣненіе Судебныхъ Уставовъ и развитіе или измѣненіе институтовъ нашего процессуальнаго права въ теченіе истекшаго пятидесятилѣтія.

Ближайшее наблюденіе за составленіемъ труда и редакція его были возложены министромъ юстиціи, статсъ-секретаремъ И. Г. Щегловитовымъ на особую комиссію, которая состояла изъ трехъ лицъ: сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника В. Ѳ. Фененко, въ качествѣ предсѣдателя, и членовъ: сенатора, доктора финансоваго права, тайнаго совѣтника Э. Н. Берендтса и инспектора Сенатскаго Архива, состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ и исп. обяз. товарища оберъ-прокурора I департамента Сената, камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества И. А. Блинова, причемъ на послѣдняго изъ названныхъ членовъ были возложены также и обязанности дѣлопроизводителя. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ комиссіи принималъ, по желанію министра, участіе исп. обяз. оберъ-прокурора I департамента Сената, сенаторъ, егермейстеръ Высочайшаго Двора Н. А. Добровольскій, раздѣлившій отчасти и трудъ по редакціонной работѣ.

Цѣлью изданія обусловленъ былъ какъ планъ, такъ и характеръ его. Судебная реформа имѣла неизмѣримое значеніе въ развитіи государственнаго и общественнаго строя Россіи. Она наравнѣ съ крестьянской реформой была самымъ драгоцѣннымъ даромъ великаго царствованія Царя-Освободителя. Дѣятельность суда скораго, милостиваго, гласнаго и равнаго для всѣхъ тѣсно связана съ интересами всѣхъ классовъ общества и на жизни сего общества отзывается всякій успѣхъ или неуспѣхъ въ правоохраняющей дѣятельности судебныхъ органовъ.

Обширный трудъ, посвященный полувѣковому развитію русскаго суда, не долженъ поэтому имѣть характера сухого офиціальнаго отчета, пересказа нормъ, содержащихся въ соотвѣтствующихъ частяхъ Свода Законовъ, описанія судоустройства и свода результатовъ судоговоренія. Всякій учебникъ русскаго уголовнаго или гражданскаго процесса содержитъ данныя, объясняющія намъ судебный строй и комментирующія статьи законовъ.

Составляя планъ изданія, комиссія старалась сочетать серьезность научнаго изслѣдованія, коимъ обусловлена и полная свобода научной критики, съ доступностью литературнаго изложенія.

Сравнительно обширная научная и публицистическая литература уголовнаго и гражданскаго процессуальнаго права выяснила и достоинство нашего суда, и его недостатки. Однако полной исторіи русскаго суда со времени утвержденія Судебныхъ Уставовъ она не дала и далеко не всѣ сырые матеріалы, которые хранятся въ различныхъ архивахъ, были использованы изслѣдователями. Поэтому были приняты мѣры къ тому, чтобы лица, которыя согласились принять на себя составленіе отдѣльныхъ частей труда, получили свободный доступъ въ тѣ архивы, въ коихъ хранятся многочисленные, достигающіе десятковъ тысячъ, акты, изученіе коихъ дало возможность пролить новый свѣтъ какъ на ходъ самой реформы (впрочемъ уже весьма тщательно изученный), такъ и на первые шаги новыхъ судебныхъ

установленій, а равно на измѣненія, которыя въ теченіе истекшихъ пятидесяти лѣтъ были внесены въ законы, относящіеся къ процессуальному праву.

Главный и самый обильный матеріалъ былъ доставленъ, конечно, Сенатскимъ Архивомъ. Кромѣ того, лица, участвовавшія въ работахъ по составленію юбилейнаго изданія, работали въ открытыхъ для нихъ архивахъ: Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Государственнаго Совѣта. Большую пользу принесли богатыя книгохранилища: Библіотека Государственнаго Совѣта и Императорская Публичная, въ коихъ изслѣдователи встрѣчали неизмѣнно радушный пріемъ. Эти архивныя и библіотечныя работы дали возможность привлечь къ дѣлу матеріалы, которые еще не успѣли войти въ научное обращеніе и тѣмъ самымъ внесли въ изданіе не только научную полноту, но и извѣстную свѣжесть новизны, тѣмъ болѣе, что онѣ относились не столько къ области подготовительныхъ работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ, сколько къ вопросу о томъ, какъ реформа отразилась на дѣйствительной жизни и какъ дѣйствовали судебныя установленія въ сферахъ, близкихъ къ дѣятельности другихъ органовъ власти, коихъ преобразовательная дѣятельность коснулась въ несравненно менѣе значительной мѣрѣ.

Трудъ раздѣленъ на 3 части, помѣщенныя въ двухъ томахъ. Въ юбилейномъ трудѣ нѣтъ портретовъ или другихъ иллюстрацій. Комиссія полагала, что лучшимъ украшеніемъ труда будетъ текстъ приснопамятнаго Высочайшаго указа Сенату 20 ноября 1864 г., на которомъ находится царственная подпись Императора Александра II, и списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ Онъ удостоилъ великой чести быть приглашенными къ участію въ составленіи Судебныхъ Уставовъ. И указъ, и списокъ помѣщены передъ предисловіемъ.

Первая часть подъ общимъ заглавіемъ: „Судебная реформа“ содержитъ 4 отдѣла. Одинъ изъ нихъ (1) посвященъ краткому, по возможности, описанію дореформеннаго судебнаго строя и

старыхъ судебныхъ порядковъ. Во второмъ отдѣлѣ изложенъ ходъ судебной реформы съ 1857 г. по 1864 г., въ третьемъ разобранъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ иностранное законодательство послужило образцомъ при составленіи Судебныхъ Уставовъ. Въ четвертомъ изложена связь судебной реформы съ другими реформами 60-хъ годовъ, равно и отношеніе ея къ тѣмъ частямъ государственнаго строя, преобразованіе коихъ требовалось необходимостью согласовать новый судъ съ системой управленія другихъ областей общественной жизни. Первая часть имѣетъ характеръ какъ бы введенія.

Вторая и третья части подъ общимъ заглавіемъ: „Новый судебный строй" должны дать по возможности полную картину созданнаго Императоромъ Александромъ II судебнаго строя во всѣхъ его частяхъ. Эти части распадаются на 15 отдѣловъ. Они не равномѣрны по объему. Эта неравномѣрность не требуетъ оправданія, ибо обусловлена тѣмъ, что дѣятельность различныхъ институтовъ процессуальнаго права требуетъ болѣе или менѣе подробнаго изложенія въ зависимости отъ большей или меньшей сложности данной части судебной системы.

Отдѣлы, которые входятъ во вторую и третью части, слѣдующіе:

1) Очеркъ основныхъ началъ судоустройства Россіи и главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ за пятьдесятъ лѣтъ, 2) Гражданскій процессъ, 3) Очеркъ общихъ основаній нашего уголовнаго процесса, по сравненію съ иностранными эаконодательствами, 4) Выборный мировой судъ, 5) Слѣдственная часть, 6) Судъ присяжныхъ, 7) Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ, 8) Прокурорскій надзоръ, 9) Адвокатура, 10) Кассаціонная инстанція, 11) Статистическія свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ установленій, 12) Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ процесса и права гражданскаго, 13) Правотворческая ихъ дѣятельность въ сферѣ процесса и права уголовнаго, 14) Отно-

шеніе между судебной и административной властями и судьба основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ въ позднѣйшемъ законодательствѣ и 15) Вліяніе судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный бытъ Россіи. Въ цѣляхъ уравненія объема томовъ первые три отдѣла второй части помѣщены въ первомъ томѣ.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ частей въ изданіе включены слѣдующія приложенія: 1) Хронологическія данныя къ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ и 2) Списки судебныхъ дѣятелей учрежденій, открытыхъ въ 1866—1870 г.г. и лицъ, состоящихъ къ 20 ноября 1914 г. на службѣ по Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату, которыя получили назначенія въ кассаціонныхъ департаментахъ, палатахъ и окружныхъ судахъ при открытіи ихъ въ 1866—1868 г.г.

Наконецъ къ труду приложены алфавитные указатели: личный и географическій, и оглавленіе.

Одновременно выходитъ изъ печати томъ матеріаловъ къ настоящему изданію, заключающій въ себѣ: 1) Хронологическій перечень узаконеній, на основаніи которыхъ измѣнялись Судебные Уставы и 2) Указатель состава магистратуры и прокуратуры судебныхъ учрежденій, открытыхъ въ 1866—1876 г.г. съ краткими біографическими свѣдѣніями объ этихъ судебныхъ дѣятеляхъ.

Составленіе указанныхъ отдѣловъ юбилейнаго труда приняли на себя слѣдующія лица:

Статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ, сенаторы Н. М. Рейнке, Ѳ. І. Гредингеръ, Э. Н. Берендтсъ, ординарные профессоры: Императорскаго Томскаго университета С. П. Мокринскій, Императорскаго Московскаго университета С. В. Познышевъ, профессоръ Императорскаго Александровскаго Лицея баронъ А. Э. Нольде, докторъ гражданскаго права Е. В. Васьковскій, товарищи оберъ-прокурора Уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената В. П. Ширковъ и А. Н. Лазаренко, камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Вели-

чества И. А. Блиновъ, юрисконсультъ Министерства Юстиціи И. Д. Мордухай-Болтовской, начальникъ статистическаго отдѣленія Министерства Юстиціи Е. Н. Тарновскій и судебный слѣдователь 14 участка г. Петрограда Б. Л. Бразоль.

Что касается приложеній, то ихъ составили: 1) Списокъ чиновъ судебнаго вѣдомства — состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ во II департаментѣ Сената и исп. обяз. секретаря Сенатскаго Архива Н. А. Мурзановъ, 2) Хронологическія данныя — В. В. Яковлевъ, 3) главная работа по составленію указателей выполнена отставнымъ гвардіи полковникомъ Л. Л. Слухоцкимъ.

Хотя предметомъ труда являлась судебная реформа Императора Александра II и примѣненіе Судебныхъ Уставовъ 1864 г. т. е. памятники русскаго законодательства, тѣмъ не менѣе составители различныхъ отдѣловъ не находили возможнымъ держаться исключительно въ рамкахъ русскаго процессуальнаго права, а старались, гдѣ то казалось полезнымъ, проводить параллель съ иностранными процессуальными порядками и не русскимъ судебнымъ строемъ, ибо такое сопоставленіе давало возможность отмѣтить нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства нашихъ Судебныхъ Уставовъ.

Авторы старались избѣгать полемики и не входили въ разборъ различныхъ контроверзъ при обсужденіи и изложеніи различныхъ сторонъ нашего судебнаго строя и процессуальныхъ порядковъ.

Громадный объемъ труда объясняетъ нѣкоторые недочеты изданія. Къ числу таковыхъ нельзя не отнести неравномѣрность при изложеніи примѣненія созданнаго въ 1864 г. процессуальнаго порядка въ дѣйствительной жизни. Первымъ десятилѣтіямъ послѣ реформы въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ отведено болѣе широкое мѣсто, нежели тѣмъ, которыя ближе къ нашему времени. То, что служитъ еще злобою дня, не есть достояніе исторіи. Время для оцѣнки этихъ явленій еще не наступило. Это область публицистики, а не исторіи.

Въ составленіи исторіи принимали участіе значительное количество лицъ. Судъ и его дѣятельность—явленіе многогран-

ное и даетъ поводъ къ различной оцѣнкѣ въ зависимости отъ субъективнаго взгляда лицъ, приступающихъ къ этой оцѣнкѣ.

Хотя были приложены старанія къ устраненію рѣзкихъ разногласій, тѣмъ не менѣе, различныя точки зрѣнія на сложные вопросы и явленія судебной жизни не могли не сказаться если не въ главныхъ пунктахъ, то въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Нельзя было также избѣжать и нѣкоторыхъ повтореній, ибо одинъ и тотъ же вопросъ могъ дать и давалъ поводъ къ изложенію взглядовъ и мыслей въ различныхъ отдѣлахъ, составленныхъ различными авторами, причемъ далеко не всегда оказалось возможнымъ ограничиться ссылками на сказанное въ предыдущемъ отдѣлѣ. Однако едва ли читатели найдутъ разногласіе при оцѣнкѣ главныхъ явленій жизни и дѣятельности нашего суда или совершенно лишнія повторенія.

Составленіе и печатаніе огромнаго труда потребовали усиленныхъ занятій со стороны какъ чиновъ Сенатскаго Архива, такъ и служащихъ въ Сенатской Типографіи. Успѣшному ходу работъ по составленію юбилейнаго труда много содѣйствовалъ личный составъ Сенатскаго Архива, которымъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора Архива И. А. Блинова, были сдѣланы многочисленныя выписки изъ документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ и представляющихъ матеріалъ для исторіи Судебныхъ Уставовъ, а также разобраны и приведены въ порядокъ дѣлопроизводства Правительствующаго Сената и Министерства Юстиціи за цѣлый рядъ лѣтъ, имѣющія отношеніе къ судебной реформѣ Императора Александра II. Кромѣ того старшій архиваріусъ Сенатскаго Архива В. В. Яковлевъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ служащихъ Архива, произвелъ обширныя изысканія въ Архивѣ и Библіотекѣ Государственнаго Совѣта и въ отдѣленіяхъ Императорской Публичной Библіотеки съ цѣлью собиранія матеріаловъ для исторіи, которыми воспользовались многіе составители.

Сведеніе замѣчаній членовъ редакціонной комиссіи при печатаніи текста и нелегкій трудъ чтенія корректуры, провѣрки

цитатъ и указаній на источники лежалъ на группѣ служащихъ Сенатскаго Архива, во главѣ съ Л. Л. Слухоцкимъ, ближайшими сотрудниками котораго были Н. А. Мурзановъ и В. В. Яковлевъ, затѣмъ къ этой группѣ принадлежали—В. А. Анисимовъ и Е. Я. Сахарова.

Переписка потребовавшихся для изданія документовъ и выписокъ лежала преимущественно на Л. С. Николаевой, а отчасти на Л. П. Гусевѣ и А. Ѳ. Бѣдняковой.

Со стороны Сенатской Типографіи успѣшности и техническому совершенству изданія много содѣйствовали управляющій Типографіею, членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, тайный совѣтникъ А. А. Жедринскій, завѣдывающій технической частью типографіи И. Т. Ивановъ, помощникъ его П. Г. Кошелевъ, метранпажъ В. Н. Васильевъ и печатный мастеръ Гурлевъ.

Въ заключеніе редакціонная комиссія считаетъ долгомъ своимъ выразить глубокую благодарность Его Высочеству Герцогу Михаилу Георгіевичу Мекленбургъ-Стрелицкому, предоставившему свой архивъ въ пользованіе члена комиссіи И. А. Блинова и слѣдующимъ лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху труда: директору Императорской Публичной Библіотеки, члену Государственнаго Совѣта Д. Ѳ. Кобеко, товарищу главноуправляющаго Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей егермейстеру Высочайшаго Двора Н. А. Воеводскому, разрѣшившему участникамъ въ составленіи юбилейнаго изданія пользоваться Архивомъ Канцеляріи, государственному секретарю сенатору С. Е. Крыжановскому, открывшему имъ доступъ въ Архивъ Государственнаго Совѣта, управляющему означеннымъ Архивомъ С. А. Панчулидзеву, старшимъ библіотекарямъ Императорской Публичной Библіотеки В. И. Саитову, Н. Д. Чечулину и А. И. Браудо, содѣйствовавшимъ авторамъ при отысканіи печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи судебной реформы. Столь же просвѣщенное содѣйствіе оказали баронъ А. Э. Нольде, В. Н. Строевъ, И. М. Барковъ и А. В. Шебаловъ.

Составленіе юбилейнаго труда начато въ періодъ мира съ сосѣдями. Хотя предчувствовалась гроза, но никто не могъ ждать нападенія со стороны державъ, которыя неоднократно въ критическія минуты своей жизни пользовались безкорыстной помощью Россіи. Русскій Монархъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, точно также, какъ и Великій Дѣдъ Его, не переставалъ трудиться надъ задачей человѣколюбія, стремясь предупредить вооруженныя кровавыя столкновенія между народами культурнаго міра. Но голосу Его неохотно внимали тѣ, кто грубой силѣ даетъ преимущество передъ мирнымъ состязаніемъ на поприщѣ культурнаго труда.

Юбилейный трудъ выходитъ въ свѣтъ въ періодъ доблестной, побѣдоносной войны. Кровь самоотверженныхъ русскихъ воиновъ и искусство русскихъ полководцевъ охраняютъ Россію отъ вражескаго нашествія и русское знамя озарено новой славой.

Успѣхъ русскаго оружія приведетъ къ усиленію ея внѣшняго могущества, но что пріобрѣтетъ мечъ, то укрѣпится за Россіей мирнымъ трудомъ государственнаго строительства. Въ излеченіи ранъ, нанесенныхъ войной, въ возстановленіи мѣстами разрушеннаго благосостоянія и въ возвращеніи государства на стезю мирнаго творчества приметъ участіе и русскій судъ, охраняющій право и творящій правду по указу Его Величества.

1914 года 6 ноября.
Петроградъ.

ЧАСТЬ I.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.

Судебный строй и судебные порядки передъ реформой 1864 года.

I. Давнишнее стремленіе къ правосудію. II. Судебная организація и процессъ до реформы 1864 года. III. Фактическое состояніе правосудія до реформы 1864 года. IV. Всеобщее отрицательное отношеніе къ состоянію правосудія. V. Сознаніе необходимости судебной реформы.

I. Давнишнее стремленіе къ правосудію.

Правосудіе представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ важныхъ условій нормальнаго существованія человѣческихъ обществъ. Оно въ одинаковой мѣрѣ необходимо каждому государству, независимо отъ принятой въ немъ формы правленія. Несовершенство судебнаго строя и дурные судебные порядки вызываютъ обыкновенно дружное недовольство народа, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго является отрицательное отношеніе не только къ носителю государственной власти, но и къ существующему политическому строю. Исторія подтверждаетъ это положеніе многочисленными примѣрами. И, напротивъ того, чѣмъ лучше устроена судебная часть, чѣмъ просвѣщеннѣе судьи и чѣмъ независимѣе суды, тѣмъ популярнѣе государственная власть и тѣмъ спокойнѣе чувствуютъ себя граждане, сознавая, что ихъ личность и собственность надлежащимъ образомъ обезпечены. Эта спокойная увѣренность въ правовой охранѣ безусловно необходима для экономическаго и духовнаго развитія человѣческихъ обществъ [1]). Высказанная истина давно извѣстна чело-

[1]) Ср. I. Simon. „La liberté politique", ch. III, § 3, page 186; Saint Girons. „La séparation des pouvoirs", livre II, ch. II, page 411; Anatol Leroy-Beaulieu. „L'Empire des Tzars et les Russes". Tome II, livre IV, chap. I, page 282.

вѣчеству и притомъ не только политическимъ мыслителямъ, но и практическимъ дѣятелямъ въ сферѣ политики—монархамъ и ихъ совѣтникамъ. Такъ, въ ордонансахъ французскихъ королей XV вѣка мы находимъ самыя опредѣленныя указанія на великое значеніе правосудія для благоденствія народа и на крайнюю опасность судебной неправды и волокиты. Подобныя же мысли проводилъ не разъ въ своихъ указахъ Императоръ Петръ Великій. Съ давняго времени лучшія правительства всѣхъ странъ и народныя массы одушевлены одинаковымъ желаніемъ водворить истинное правосудіе, но жизнь показываетъ, что этого не легко достигнуть. Независимо отъ различныхъ, болѣе или менѣе существенныхъ условій, какъ-то: извѣстнаго нравственнаго уровня народа, достаточнаго числа просвѣщенныхъ гражданъ для занятія судебныхъ должностей, необходимаго для созидательной дѣятельности политическаго спокойствія и т. п., здоровые судебные порядки создаются обыкновенно совмѣстными усиліями государственной власти и общества. Каждое правительство, даже обладающее всею полнотою власти, воодушевленное лучшими желаніями и имѣющее въ своемъ распоряженіи достаточное количество образованныхъ и честныхъ юристовъ, нуждается для проведенія судебной реформы въ поддержкѣ общественныхъ силъ и сочувствіи общественнаго мнѣнія.

Только при такомъ соотношеніи двухъ важнѣйшихъ факторовъ каждаго государства: власти и народа, возможно провести въ жизнь систему, обезпечивающую надлежащее сочетаніе формальной правды съ истинной справедливостью и человѣчностью.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, многіе монархи и народъ издавна стремились къ насажденію правосудія,—еще въ серединѣ XVI вѣка, въ лучшую пору царствованія Ивана Грознаго, была въ этихъ цѣляхъ проведена реформа, сущность которой сводилась къ замѣнѣ суда московскихъ чиновниковъ-кормленщиковъ судомъ болѣе совершеннымъ, при которомъ къ кормленщикамъ придавались выборные старосты и цѣловальники. То же стремленіе къ правосудію одушевляло московскихъ людей черезъ сто лѣтъ въ серединѣ XVII вѣка, — когда было создано Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, стремившееся, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшого чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“. Заботамъ о правосудіи посвящена

была значительная часть энергіи Императора Петра Великаго, который ввелъ существенныя измѣненія въ судоустройство и въ особенности въ судопроизводство, но результаты не соотвѣтствовали затраченному труду: состояніе правосудія продолжало быть неудовлетворительнымъ. Это мы можемъ видѣть хотя бы изъ наказовъ, данныхъ депутатамъ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія (1767 г.)[1]). Какъ извѣстно, цѣль, поставленная этой комиссіи, не была достигнута, и сама комиссія при началѣ войны съ Турціей (1768 г.) была распущена, но полученныя отъ депутатовъ свѣдѣнія послужили основаніемъ для изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, въ предисловіи къ которому съ обычнымъ для того времени краснорѣчіемъ и лиризмомъ разбирались недостатки существующаго губернскаго устройства и отправленія правосудія: „въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи и казенные доходы и счеты обще съ благочиніемъ или полиціею и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются... Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно, съ одной стороны медленность, упущенія и волокита суть естественныя слѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія... отъ медлительнаго производства возрастаетъ своевольство и ябеды обще со многими пороками". Давъ такой суровый, но совершенно справедливый отзывъ о ходѣ административныхъ и судебныхъ дѣлъ, Императрица Екатерина II указываетъ, что Учрежденіе для управленія губерній вводится для пресѣченія... многихъ неудобностей, наипаче же ради заведенія лучшаго порядка... и правосудія". На новое учрежденіе законодатель возлагаетъ большія надежды и находитъ что оно „наивящше противъ прежняго надежно утверждаетъ, общую тишину и безопасность". Къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала этихъ свѣтлыхъ ожиданій!

---

[1]) Наиболѣе любопытные въ этомъ отношеніи наказы помѣщены въ томѣ IV Сборника Имп. Русск. Ист. Общества.

II. Судебная организація и процессъ до реформы 1864 года.

Созданная Учрежденіемъ 1775 года система судебныхъ мѣстъ просуществовала съ небольшими измѣненіями до судебной реформы 1864 года, вслѣдствіе этого на ней и придется остановиться нѣсколько подробнѣе, въ цѣляхъ наилучшаго уясненія какъ развитія политической мысли, подготовившей умы къ судебному преобразованію, такъ и самаго хода работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Императрица Екатерина II, какъ видно изъ приведенныхъ критическихъ строкъ предисловія къ „Учрежденію" 1775 года, хорошо сознавала неудобства проистекающія отъ смѣшенія административныхъ и судебныхъ дѣлъ, но, не смотря на это, она не ввела въ губернскую жизнь раздѣленія властей, не устранила Ею же самою осужденнаго порядка [1]).

Правда, въ Учрежденіи о губерніяхъ говорится, что „Государевъ намѣстникъ не есть судья" [2]) и что „Учрежденіе" „судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій", но дѣйствительно, какъ то видно изъ дальнѣйшаго текста того же Учрежденія, отдѣленіе тутъ было чисто внѣшнее,—на намѣстника (или губернатора) возложены были и судебныя функціи,—въ значительной зависимости отъ него находился какъ личный составъ судовъ, такъ и направленіе многихъ судебныхъ дѣлъ. Типичной чертой мѣстнаго административнаго строя по прежнему оставалось соединеніе въ лицѣ главы губернскаго управленія судебныхъ и административныхъ функцій, сохранялось прежнее смѣшеніе суда съ администраціей. Хотя непосредственно губернаторы почти перестали быть судьями, но имъ принадлежало очень важное право—утверждать выборныхъ судей. Затѣмъ всѣ суды, кромѣ палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, должны были исполнять „повелѣнія" губернскихъ правленій, т. е. тѣхъ же

---

[1]) О раздѣленіи властей административной и судебной, какъ одномъ изъ принциповъ „Учрежденія" 1775 года, см. у Лохвицкаго „Губернія", стр. 55 и дал.; объ „Учрежденіи" 1775 года, ср. Градовскій, т. I, стр. 223; В. М. Гессенъ. „Губернаторъ, какъ органъ надзора"; Куплеваскій. „Русское государственное право", т. II, стр. 172.

[2]) П. С. З., № 14392, пунктъ 82.

губернаторовъ. Наконецъ, губернаторы же могли приказать судамъ засѣдать и большее число разъ, чѣмъ установлено закономъ. Кромѣ того имъ были предоставлены весьма обширныя права въ сферѣ судопроизводства, особенно уголовнаго, которыя фактически ставили судебныя учрежденія, созданныя Императрицей Екатериной II, въ полную отъ нихъ зависимость. Однимъ изъ поводовъ къ начатію дѣла въ палатѣ уголовнаго суда была жалоба стряпчаго, вносимая по приказанію губернатора. Для остальныхъ же судовъ такимъ же поводомъ служитъ повелѣніе губернскаго правленія [1]) (т. е. губернатора же). Губернаторы должны требовать у полиціи, чтобы „всякое преступленіе было приводимо въ точную извѣстность надлежащимъ изслѣдованіемъ"... При разсмотрѣніи донесеній полиціи о чрезвычайныхъ происшествіяхъ и о слѣдствіяхъ они рѣшаютъ, не нужно ли начать новое слѣдствіе и усилить производство уже начатаго, для чего, если потребуется, назначаютъ слѣдователей изъ особо довѣренныхъ чиновниковъ или составляютъ по своему усмотрѣнію особыя слѣдственныя комиссіи [2]).

Наблюдая вообще за безостановочнымъ и, по возможности, быстрымъ производствомъ слѣдствій, губернаторы имѣютъ надзоръ и за теченіемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, чтобы предупредить всякую напрасную проволочку и медленность, и „побуждаютъ, когда нужно, нерадивыхъ къ исполненію долга"... Губернаторы обязаны наблюдать, чтобы послѣ подачи отзыва о неудовольствіи на рѣшеніе палаты уголовнаго суда, такіе дѣла не были оставляемы безъ представленія въ Правительствующій Сенатъ долѣе шести недѣль [3]), въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли пріостановить разсмотрѣніе дѣлъ въ судахъ. Дѣла палаты уголовнаго суда, совѣстнаго суда и уѣздныхъ судовъ, по ихъ рѣшеніи судами, вносятся на утвержденіе губернатора [4]), при чемъ палатѣ уголовнаго суда неоднократно подтверждалось, чтобы она всѣ безъ изъятія дѣла представляла губернатору, дабы онъ „яко хозяинъ губерніи могъ контролировать постоянно дѣятельность палаты и въ случаѣ несправедливаго опредѣленія

---

[1]) П. С. З., № 14.392, пункты 109, 198, 203, 406 и др.

[2]) 2-е П. С. З., № 10.303, §§ 228, 229 и 236.

[3]) Тамъ же. № 10.303, §§ 234, 235, 242 и 245.

[4]) При существованіи верхняго земскаго суда, расправы и губернскаго магистрата также и ихъ дѣла.

могъ бы (на основ. 86 ст. Учрежд. 1775 г.) остановить исполненіе его и донести Сенату [1]). Въ случаѣ, если губернаторъ найдетъ нужнымъ, можетъ приказать произвести дополнительное слѣдствіе и со вновь полученными свѣдѣніями дѣло снова вносится въ надлежащій судъ, по разсмотрѣніи въ которомъ поступаетъ опять для утвержденія къ губернатору и онъ можетъ утвердить рѣшеніе, если дѣло не принадлежитъ къ одному изъ семнадцати разрядовъ дѣлъ, указанныхъ въ Наказѣ губернаторамъ 1837 года, утверждаемыхъ Сенатомъ, министрами и Высочайшею властью. Утвердивъ рѣшеніе, губернаторъ возвращаетъ его для исполненія въ соотвѣтствующій судъ. Неутвержденіе дѣла губернаторомъ влечетъ передачу его на ревизію въ высшую инстанцію.

Губернаторамъ дано было весьма важное право смягчать въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказанія, налагаемыя судами, а иногда даже отмѣнять ихъ совершенно (напр., относительно осужденныхъ военными судами за неповиновеніе властямъ). Сенатъ стремился придать дѣлу утвержденія губернаторами рѣшеній разныхъ судовъ серьезное значеніе и, въ случаѣ, если губернаторы соглашались съ рѣшеніями, которыя впослѣдствіи Сенатъ признавалъ незаконными, то за это имъ объявлялись выговоры [2]). Забота о своевременномъ и точномъ исполненіи приговоровъ лежала всецѣло на губернаторахъ и губернскихъ правленіяхъ; поэтому они распоряжались освидѣтельствованіемъ приговоренныхъ къ отдачѣ въ военную службу, снабженіемъ всѣмъ необходимымъ приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь или на Кавказъ [3]) и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при необходимости сужденія виновныхъ военнымъ судомъ, даже самое созданіе суда зависѣло отъ губернатора, который назначалъ предсѣдателя и членовъ по своему усмотрѣнію [4]) (конечно назначая ихъ изъ опредѣленнаго закономъ круга лицъ). Нѣкоторыя группы дѣлъ (напр. о держателяхъ военныхъ дезертировъ) были подсудны губернскому правленію, слѣдовательно, рѣшались губернаторами. Все изло-

---

[1]) П. С. З., № 20745.

[2]) Андреевскій. „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ", стр. 149 и 2-е П. С. З., № 10.303, §§ 238, 239, 242, 246, 249, 251, 255 и 256.

[3]) Тамъ же, № 10.303, §§ 263—265 и слѣд.

[4]) Тамъ же, § 168.

женное ясно показываетъ, въ какой зависимости находился судъ отъ администраціи. Но губернаторы нерѣдко не довольствовались предоставленной имъ широкой властью и вмѣшивались въ уголовныя дѣла еще больше, чѣмъ имъ позволялъ это дѣлать законъ [1]).

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какой-либо самостоятельности мѣстныхъ судебныхъ учрежденій. Они входили тѣсно въ систему губернскаго управленія и всецѣло подчинялись „хозяину губерніи"—губернатору.

Сводя приведенныя соображенія въ краткую формулу, надо признать, что одною изъ характерныхъ чертъ судебнаго строя, существовавшаго въ Россіи отъ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. до реформы 20 ноября 1864 г., было смѣшеніе административныхъ и судебныхъ дѣлъ и зависимость суда отъ администраціи. Обращаясь затѣмъ къ самой судебной системѣ, которую замѣнили нынѣ дѣйствующіе суды, приходится отмѣтить двѣ ея особенности,—многочисленность инстанцій и многочисленность спеціальныхъ судовъ. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. поставило внизу лѣстницы судебныхъ мѣстъ уѣздные суды, городовые магистраты и нижнія расправы, слѣдующей инстанціей были верхніе земскіе суды, губернскіе магистраты и верхнія расправы, еще выше стояли палаты гражданскаго и уголовнаго суда и, наконецъ, Сенатъ (Департаменты и Общее Собраніе); число инстанцій сократилось при Павлѣ I благодаря уничтоженію верхняго земскаго суда, верхней расправы и губернскаго магистрата, но вскорѣ снова возрасло вслѣдствіе учрежденія Государственнаго Совѣта, въ который стали переходить судебныя дѣла изъ Сената для окончательнаго разрѣшенія. Кромѣ перечисленныхъ судовъ Учрежденіе 1775 г. создало нижніе земскіе суды въ уѣздахъ, на которые были возложены полицейскія, судебно-полицейскія и слѣдственныя обязанности, а въ болѣшихъ городахъ для той же цѣли вводились управы благочинія.

Перечисленныя мѣста имѣли болѣе или менѣе общій характеръ, такъ какъ дѣятельность ихъ распространялась на значительный кругъ лицъ и дѣлъ (на всѣхъ вообще обывателей, какъ палаты и Сенатъ, или на какое либо сословіе, какъ напр. расправы и магистраты), но, кромѣ нихъ, существовали еще спеці-

---

[1]) П. С. З., № 20.372.

альные суды съ болѣе узкою подсудностью, которая опредѣлялась или принадлежностью къ какой либо опредѣленной группѣ населенія или характеромъ возникающаго дѣла, къ такимъ судамъ надо отнести военные, духовные, коммерческіе, горные, совѣстные, межевыя конторы и проч. Изъ этихъ судовъ наибольшее значеніе для населенія имѣли военные, подсудность которыхъ, постепенно расширяясь, къ концу царствованія Императора Николая I достигла весьма большого объема.

Правительство того времени опредѣленно стремилось къ милитаризаціи различныхъ сторонъ государственнаго обихода. Въ сферѣ управленія оказывалось большое довѣріе военному персоналу и военныя лица (напр. флигель-адъютанты, генералъ-адъютанты, жандармскіе офицеры) постоянно командировались на ревизіи, слѣдствія и для различныхъ административныхъ распоряженій общаго характера, которымъ правительство придавало важное значеніе, какъ напр. для производства рекрутскихъ наборовъ. Точно такъ же правительство стремилось опереться на военные суды (военно-судныя комиссіи); отчасти такое стремленіе исходило изъ совершенно основательнаго недовѣрія къ общимъ судебнымъ мѣстамъ, волокита и кривосудіе которыхъ были всѣмъ извѣстны, но въ еще большей степени оно вытекало изъ желанія усилить кару за многія преступленія, представлявшіяся сознанію правящей среды особенно опасными для существующаго государственнаго и общественнаго строя,—безъ измѣненія при этомъ постановленій общихъ уголовныхъ законовъ.

Военнымъ судамъ предписывалось обыкновенно въ такихъ случаяхъ примѣнять законы военнаго времени и такимъ образомъ достигалось присужденіе къ смертной казни и другимъ тяжкимъ наказаніямъ за такія преступныя дѣянія, которыя по Своду Законовъ наказывались гораздо мягче. Итакъ, направленіе дѣлъ вмѣсто общаго суда къ спеціальному военному влекло за собою обыкновенно болѣе суровыя послѣдствія для обвиняемаго. Противоположное значеніе для населенія имѣлъ другой спеціальный судъ, — совѣстный. Онъ былъ созданъ Императрицей Екатериной II во имя гуманности. Въ составъ юрисдикціи совѣстныхъ судовъ входили нѣкоторыя гражданскія дѣла и „такія преступленія, которыя совершены по несчастному какому нибудь приключенію или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягчаю-

щихъ судьбу виновнаго свыше мѣры имъ содѣяннаго... нуждающихся въ томъ, чтобъ ихъ разсматривали съ особою снисходительностью". Совѣстный судъ обязанъ былъ руководствоваться естественной справедливостью, вслѣдствіе чего при постановкѣ рѣшеній онъ долженъ былъ обращать вниманіе: 1) на человѣколюбіе вообще, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, 3) отвращеніе отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества, „и для того совѣстный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе дѣлъ, ему порученныхъ". Учрежденіе съ такими задачами представляло для своего времени замѣчательное явленіе,— въ немъ были заложены здоровыя начала суда по совѣсти и при томъ признающаго за обвиняемымъ права человѣческой личности. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и правотворческой дѣятельности судовъ — совѣстное производство могло бы развиться и сыграть значительную роль въ дѣлѣ перехода отъ старыхъ, отжившихъ судебныхъ порядковъ, къ новому судебному строю, но ходъ внутренней политики и государственной жизни Россіи до воцаренія Императора Александра II не былъ благопріятенъ для расширенія дѣятельности подобнаго института и поэтому совѣстные суды не сыграли значительной роли въ исторіи правовой жизни русскаго народа, они не дожили даже до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 года, такъ какъ были постепенно уничтожены въ 1852—1861 годахъ [1]).

Упоминая о совѣстныхъ судахъ, нельзя не замѣтить, что многіе изъ современниковъ отдавали себѣ полный отчетъ въ значеніи этихъ учрежденій и мечтали о расширеніи ихъ дѣятельности въ цѣляхъ насажденія истиннаго правосудія [2]).

---

[1]) Послѣ уничтоженія совѣстныхъ судовъ дѣла ихъ были переданы палатамъ, гдѣ производились особымъ совѣстнымъ порядкомъ; чтобы дать понятіе о числѣ подобныхъ дѣлъ приведемъ цифровыя свѣдѣнія за 1862 годъ:

I) гражданскихъ дѣлъ было: а) о раздѣлахъ и выдѣлахъ 86, по искамъ о неправильномъ и насильномъ владѣніи 116, о денежныхъ вознагражденіяхъ за имущество 99; II) уголовныхъ дѣлъ было: а) о злоупотребленіи власти родителей и о преступленіяхъ дѣтей противъ родителей 581, о воровствѣ-кражѣ 185, о зажигательствѣ 132. Сен. Арх. Отчетъ Мин. Юст. за 1862 годъ.

[2]) Съ этой точки зрѣнія представляетъ большой интересъ хранящаяся въ Арх. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (№ 3460) записка надворнаго совѣтника Наумова, подробно разбирающаго преимущества совѣстнаго производства передъ судомъ по формѣ и полагавшаго, что расширеніе дѣятельности совѣстнаго суда приведетъ къ ослабленію „тяжебнаго духа".

Императрица Екатерина II ввела въ созданныя Ею учрежденія выборный отъ сословій элементъ, предоставивъ ему преимущественное значеніе въ низшихъ мѣстахъ, но впослѣдствіи—въ царствованіе Императора Николая Павловича—и важнѣйшія изъ губернскихъ судебныхъ должностей —предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда—стали выборными отъ дворянства. Такимъ образомъ выборному элементу обезпечено было широкое участіе въ отправленіи правосудія на мѣстахъ. Казалось бы, что такое привлеченіе мѣстнаго общества къ участію въ разборѣ судебныхъ дѣлъ должно было представлять изъ себя серьезную гарантію правосудія—крѣпкій фундаментъ для нормальнаго судебнаго строя, но на самомъ дѣлѣ выборные отъ сословій судьи не принесли той пользы, которую можно было отъ нихъ ожидать. Останавливаясь на причинахъ этого печальнаго явленія, нѣкоторые публицисты 60-хъ годовъ указывали прежде всего на сословность выборовъ,—судебныя должностныя лица, разсуждали они, будучи выбраны отъ какого либо одного сословія, не могутъ быть безпристрастными судьями по отношенію къ своимъ избирателямъ, а въ особенности при столкновеніи ихъ съ лицами другихъ сословій. Быть можетъ это обстоятельство и играло нѣкоторую роль, но, во всякомъ случаѣ, далеко не главную. Для разрѣшенія вопроса, почему выборный элементъ не принесъ пользы дѣлу насажденія правосудія, необходимо помнить прежде всего характеръ отношеній дореформенныхъ судовъ къ администраціи и ту роль, которая была предоставлена закономъ губернаторамъ при отправленіи правосудія. Ни суды въ цѣломъ, ни тѣмъ болѣе отдѣльные ихъ члены не имѣли по закону надлежащей независимости—этого первѣйшаго условія для успѣшнаго отправленія судебной функціи. Что же касается фактическихъ отношеній мѣстныхъ судовъ къ администраціи, то жизнь здѣсь оставляла далеко позади законъ;—фактически губернаторъ, по большей части, являлся полновластнымъ распорядителемъ какъ личнаго состава судовъ, такъ и всего хода судебныхъ дѣлъ на мѣстахъ. Выборные отъ сословій засѣдатели и даже ставленники перваго сословія—предсѣдатели палатъ—не имѣли особенно важнаго значенія въ глазахъ начальника губерніи, который привыкъ обращаться полновластно даже съ представителями дворянства—предводителями и мало считаться съ дворянскими собраніями. Иностранцы, посѣщавшіе

Россію въ концѣ XVIII вѣка, говорятъ о рабской зависимости дворянскихъ собраній отъ губернаторовъ. Порабощеніе дворянскихъ обществъ губернаторами обратило на себя вниманіе и правительства, которое бралось иногда за ихъ защиту. Въ одномъ сенатскомъ указѣ конца XVIII в. мы читаемъ: „открылось, что правитель губерніи (губернаторъ) пришедъ въ собраніе дворянства, выслалъ изъ онаго дворянина, выговаривалъ губернскому предводителю за опредѣленіе, собраніемъ учиненное и подтвержденное, въ принесеніи жалобы Ея Императорскому Величеству на намѣстническое правленіе, настоялъ на выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергалъ выбраннаго дворянствомъ въ губернскіе предводители дворянина и сверхъ того приводилъ съ собою въ дворянское собраніе гостей“ [1]).

Злоупотребленія губернаторовъ въ данныхъ отношеніяхъ продолжались и даже усиливались при преемникахъ Екатерины II. При Павлѣ I, напримѣръ, Костромское губернское правленіе, т. е. фактически губернаторъ, запретило губернскому предводителю созвать уѣздныхъ предводителей для обсужденія одного, вполнѣ законнаго дѣла. Въ 1802 году поручено было извѣстному Державину произвести слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ Калужскаго губернатора (Лопухина); оказалось, что этотъ губернаторъ, присутствуя на выборахъ (тогда дѣйствовало правило о присутствіи губернаторовъ при выборахъ), нерѣдко вмѣшивался въ производство ихъ, ему подавались жалобы на пристрастную баллотировку (которыхъ принимать онъ не имѣлъ права), подчищались баллотировочные списки и т. п.

По словамъ одного изъ авторитетныхъ наблюдателей мѣстной жизни въ царствованіе Александра I, дворянство, въ лицѣ своихъ предводителей, крайне оскорбляется и унижается неприличнымъ и неучтивымъ тономъ переписки губернскихъ правленій, „не имѣющей иногда ни основанія, ни благопристройности и единственно для подчиненія ихъ изобрѣтаемой“. Если провинціальныя должностныя лица мало стѣснялись съ губернскими дворянскими учрежденіями и предводителями, то не трудно себѣ представить, какъ они обращались съ уѣздными. Наиболѣе распространенный въ средѣ губернской администраціи

[1]) П. С. З., № 16.731.

взглядъ на уѣздныхъ предводителей дворянства былъ какъ на чиновниковъ, ей подчиненныхъ, которымъ можно было давать самыя разнообразныя порученія и въ любое время командировать по своему усмотрѣнію по всякаго рода дѣламъ. По словамъ нѣсколькихъ сенатскихъ указовъ на уѣздныхъ предводителей и маршаловъ губернскими властями „возлагаются комиссіи съ ихъ обязанностью, предписанною въ Жалованной Грамотѣ, вовсе не сообразныя", вслѣдствіе чего Сенатъ не разъ указывалъ на неправильность такихъ распоряженій. Но многія губернскія правленія считали своими подчиненными не только выбираемыхъ собраніями должностныхъ лицъ, но и всѣхъ дворянъ вообще, хотя бы и не состоящихъ на службѣ, и Сенату приходилось защищать ихъ отъ такого рода притязаній. До чего губернскія правленія распоряжались неслужащими дворянами, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: въ Симбирской губ. былъ преданъ суду мѣщанинъ Кафтанниковъ, управляющій фабрикой купца Пчелина; тогда губернское правленіе предписало одному неслужащему дворянину, совмѣстно съ однимъ купцомъ, надзирать сообща за помянутой фабрикой. Къ счастію для дворянина за него вступился губернскій предводитель, обратившійся по этому поводу съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ, а этотъ послѣдній передалъ возникшее дѣло на разсмотрѣніе Сената. Конечно, Сенатъ нашелъ распоряженіе губернскаго правленія совершенно неправильнымъ, а данное дворянину назначеніе неприличнымъ [1]). Не стѣсняясь распоряжаться по своему усмотрѣнію служащими и даже неслужащими дворянами, губернское начальство такъ же мало стѣснялось удалять отъ должностей „по своей волѣ въ противность Жалованной Дворянству Грамотѣ" избираемыхъ дворянами лицъ. Это было весьма обычное явленіе, на которое неоднократно жаловались губернскіе предводители дворянства. Иногда такія увольненія принимали массовый характеръ, такъ въ Смоленской губ. за одно трехлѣтіе было отрѣшено губернаторомъ отъ должностей 189 дворянъ [2]), а въ Виленской—столько предано суду, что на это обратилъ вниманіе Государь и призналъ дѣйствія мѣстнаго губернатора неправильными.

---

[1]) П. С. З., 1820 г., № 28.368.

[2]) Ист. обз. дѣят. Ком. Мин. т. I, стр. 287.

Это небольшое отступленіе въ сферу взаимныхъ отношеній губернатора и дворянства до реформъ 60-хъ годовъ XIX вѣка — хорошо показываетъ ихъ сравнительный удѣльный вѣсъ въ строѣ тогдашней губернской жизни. Понятно, при такихъ условіяхъ наиболѣе состоятельные, независимые и образованные дворяне, которые дѣйствительно могли бы принести пользу, не стремились къ занятію выборныхъ должностей, а особенно такихъ незначительныхъ, какъ засѣдателей судебныхъ мѣстъ. На эти должности попадали по большей части мелкопомѣстные и притомъ нерѣдко плохо грамотные дворяне, безропотно подчинявшіеся начальству и заботившіеся больше о прокормленіи своего семейства, чѣмъ о служеніи малопонятному для нихъ дѣлу правосудія.

Находясь въ большой зависимости отъ губернаторовъ, предсѣдатели и члены дореформенныхъ судебныхъ учрежденій въ такой же мѣрѣ зависѣли отъ своихъ канцелярій. Не имѣя обыкновенно надлежащихъ юридическихъ знаній и практической подготовки для судебной дѣятельности, они оказывались всецѣло въ распоряженіи секретарей, чему въ особенности содѣйствовалъ принятый въ то время слѣдственный процессъ, благодаря которому процвѣтало многописаніе и даже незначительныя дѣла разрастались въ цѣлые томы.

Непривлекательность службы въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ усугублялась еще незначительностью получаемаго за эту службу содержанія [1]), матеріальное обезпеченіе какъ предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, такъ и ихъ канцелярій было крайне скудное! Значительно ниже окладовъ по соотвѣтственнымъ должностямъ другихъ вѣдомствъ. Въ то время, напримѣръ, когда вице-губернаторъ получалъ въ годъ 2500 р., управляющій казенной палатой 4400 р., а управляющій палатой государствен-

---

[1]) Извѣстный французскій писатель Анатоль Леруа Болье даетъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ правильную характеристику дореформенныхъ выборныхъ судей: „Les juges, pour la plupart choisis par la noblesse et pris dans son sein, étaient d'habitude de petits propriétaires besogneux, sans instruction juridique, sans compétence professionelle. Ces fonctions, d'ordinaire peu considerées et mal retribuées n'attiraient à elles que des hommes de peu de consideration et de peu de valeur. Avec la procédure secrète, il ne pouvait y avoir de sérieux controle des électeurs sur les élus. C'était en vain que les élections se répétaient á de courts intervalles, de trois ans en trois ans. La plupart des juges ou assesseurs élus n'avait pas même le temps de se mettre au courant de leurs fonctions, ils ne faisaient qu'approuver les décisions et contresigner les arrêts des juges de profession ou des greffiers du tribunal (Leroy-Beaulieu. L'Empire des Tzars et les Russes. Tome II. Livre IV. Chap. I, Page 292).

ныхъ имуществъ 2860 р., содержаніе предсѣдателей палатъ уголовнаго и гражданскаго суда не превышало 1500 рублей, засѣдатели же палатъ получали менѣе 300 рублей въ годъ. Взвѣсивъ внимательно все сказанное о положеніи выборныхъ отъ сословій лицъ, входившихъ въ составъ дореформенныхъ мѣстъ, мы поймемъ, почему эти лица не оказали никакого вліянія на русскій юридическій бытъ [1]).

Исходя отъ вышеприведенныхъ цифръ окладовъ первыхъ лицъ губернскаго судебнаго міра, нетрудно догадаться, какъ были обезпечены чины судебныхъ канцелярій и какія проистекали послѣдствія отъ такого обезпеченія. Приведемъ по этому поводу официальный отзывъ Министерства Юстиціи: „Въ каждомъ изъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ въ губерніи, содержаніе для чиновниковъ и канцелярскихъ служителей очень ограниченное, такъ что столоначальники получаютъ жалованія отъ 8 до 12 руб., а канцелярскіе отъ 3 до 5 и не болѣе 7 руб. въ мѣсяцъ. При такомъ содержаніи всякій чиновникъ болѣе способный предпочитаетъ выгоднѣе для себя заниматься частными дѣлами, внѣ службы, въ присутственныя же мѣста поступаютъ по большей части молодые люди неспособные, и потому присутственныя мѣста вынуждены, для скорѣйшаго хода дѣлъ, допускать къ занятіямъ лицъ вольнонаемныхъ, по большей части испорченной нравственности, подсудимыхъ и изгнанныхъ изъ службы за пороки, коихъ не столько интересуетъ назначаемое имъ жалованье, сколько непозволительные доходы, вымогаемые ими отъ посѣтителей обманнымъ образомъ; люди сіи, не представляя собою ни малѣйшаго ручательства въ добросовѣстномъ поведеніи своемъ, при всякомъ заинтересованіи въ дѣлѣ взяткою, или посулою со стороны тяжущихся, посягаютъ на похищеніе или самыхъ дѣлъ или нужныхъ изъ нихъ бумагъ и документовъ“ [2]).

Благодаря такимъ ничтожнымъ окладамъ жалованья, судебныя учрежденія обходились казнѣ дешево, тридцать—сорокъ тысячъ рублей въ годъ расходовалось на содержаніе судовъ цѣлой губерніи [3]), но народу отправленіе правосудія стоило очень

---

[1]) Ср. сочин. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 467.

[2]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 4990, л. 84.

[3]) Интересныя свѣдѣнія о числѣ дѣлъ въ разныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, размѣрахъ жалованья и стоимости содержанія каждаго суда см. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 307.

дорого! Всякаго рода взяточничество, вымогательство и волокита свили себѣ прочное гнѣздо въ дореформенныхъ судебныхъ мѣстахъ, о чемъ придется ниже говорить болѣе подробно. Затѣмъ къ слабымъ сторонамъ дореформенной судебной организаціи надо отнести неудовлетворительное устройство слѣдственной части и крайне несовершенный порядокъ исполненія приговоровъ. Начальный и конечный актъ почти каждаго уголовнаго дѣла находился всецѣло въ рукахъ общей полиціи [1]), которая ни по своей подготовкѣ и развитію, ни по нравственнымъ качествамъ не была пригодна для несенія этихъ серьезныхъ обязанностей. Состоя въ полномъ распоряженіи губернскаго начальства и вполнѣ правильно считая своимъ главнымъ назначеніемъ дѣятельность административно-исполнительную, полиція весьма мало считалась съ требованіями мѣстныхъ судовъ, а слѣдствіями и исполненіемъ приговоровъ интересовалась преимущественно какъ источниками вѣрныхъ и притомъ весьма значительныхъ доходовъ.

Не задаваясь цѣлью дать сколько-нибудь полную и исчерпывающую оцѣнку судебной организаціи, существовавшей до изданія Уставовъ 1864 года, и не перечисляя поэтому другихъ ея недостатковъ, ограничимся сопоставленіемъ всего сказаннаго по этому поводу. Дореформенный судебный строй характеризуется прежде всего подчиненіемъ судовъ администраціи, затѣмъ многочисленностью инстанцій и спеціальныхъ судовъ, плохимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ судей и канцелярій, полной неудачей привлеченія къ отправленію правосудія общественно-выборнаго элемента, который былъ поставленъ въ такое положеніе, что не могъ принести пользы, и наконецъ весьма неудовлетворительнымъ порядкомъ производства слѣдствій и исполненія приговоровъ.

Переходя къ подсудности старыхъ судебныхъ учрежденій, необходимо отмѣтить прежде всего ея крайнюю сложность и запутанность, вслѣдствіе чего систематическое изложеніе круга вѣдомства дореформенныхъ судовъ представляется невозможнымъ, а приходится или ограничиться самыми общими указаніями или прибѣгнуть къ простому перечисленію всѣхъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію даннаго суда.

---

[1]) Изъ общаго правила о производствѣ слѣдствій полиціей законъ допускаетъ довольно многочисленныя исключенія.

По общему правилу уѣздному суду были подсудны дѣла всѣхъ сословій, кромѣ купцовъ и мѣщанъ, подвѣдомыхъ магистратамъ и ратушамъ. Но изъ этого основного положенія закономъ устанавливались многочисленныя исключенія по категоріямъ дѣлъ и лицамъ, количество которыхъ постепенно возрастало, при чемъ особенно расширялся кругъ вѣдомства военныхъ судовъ, такъ что къ концу царствованія Императора Николая I насчитывалось около сорока родовъ дѣлъ, подлежавшихъ военному суду. Уѣздные суды по однимъ дѣламъ постановляли рѣшенія, хотя и неокончательныя, а по другимъ лишь подготовляли матеріалъ, высказывая свои „мнѣнія".

Изъ общаго положенія о подсудности палатамъ уголовнаго и гражданскаго суда всѣхъ дѣлъ данной губерніи точно также было установлено очень много исключеній, причемъ палаты являлись то въ качествѣ первой инстанціи, то въ качествѣ второй. Но въ особенности сложна и запутана была подсудность Сенату, къ тому же она нерѣдко измѣнялась и дополнялась по частнымъ случаямъ, доходившимъ до разсмотрѣнія Сената или Комитета Министровъ. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе доклада Сената въ 1821 году состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о внесеніи въ Сенатъ всѣхъ приговоровъ уголовныхъ палатъ о чиновникахъ, предаваемыхъ суду ревизующими сенаторами" [1]). Затѣмъ Новгородскій и Тверской генералъ-губернаторъ, принцъ Ольденбургскій, обратилъ вниманіе на приговоры Новгородской уголовной палаты, которая постановила за порубку казенныхъ лѣсовъ отдать цѣлыя деревни въ рекруты. Принцъ нашелъ, что это разоритъ населеніе, поэтому участь виновныхъ была облегчена, а на будущее время создано правило, что дѣла о порубкѣ казенныхъ лѣсовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда привлекается къ отвѣтственности много лицъ, должны вноситься на ревизію въ Сенатъ, а затѣмъ на Высочайшее усмотрѣніе. Черезъ нѣкоторое время за этимъ частнымъ измѣненіемъ подсудности Сенату послѣдовало другое, болѣе общее. При разсмотрѣніи дѣла крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ Яковлева, предсѣдатель Комитета Министровъ, кн. Лопухинъ, предложилъ принять на будущее время за правило:

---

[1]) П. С. З., № 28.825. Сенаторъ Мясоѣдовъ еще въ 1817 г. въ письмѣ къ Трощинскому предлагалъ ввести этотъ порядокъ.

если приговоромъ присуждается къ наказанію много лицъ, то всякій разъ такой приговоръ до приведенія въ исполненіе отдавать на разсмотрѣніе Сената. Въ этомъ смыслѣ и состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ [1]).

Такихъ примѣровъ можно бы было привести еще очень много и въ отношеніи не только дѣлъ уголовныхъ, но и гражданскихъ. Это постоянное расширеніе подсудности Сенату объясняется очень просто: законодатель не довѣрялъ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ и стремился открыть путь въ Сенатъ всѣмъ сколько нибудь существеннымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ разсмотрѣнія ихъ въ Сенатѣ, важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ направить въ Государственный Совѣтъ.

Вотъ какой, въ общихъ чертахъ, былъ ходъ законодательства о подсудности Сенату. Тотъ же пріемъ постепенныхъ по частнымъ случаямъ исключеній и увеличеній подсудности высшимъ судамъ насчетъ низшихъ примѣнялся правительствомъ и къ мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ. Но правительство первой половины XIX вѣка отнюдь не было склонно строго слѣдовать буквѣ закона, по соображеніямъ цѣлесообразности оно всегда готово было допустить изъятія и отступленія отъ установленнаго судебнаго порядка.

Даже съ Сенатомъ (не говоря о прочихъ судахъ) мало стѣснялись и къ его судебной дѣятельности не питали полнаго довѣрія; поэтому нерѣдко, помимо Сената, административнымъ порядкомъ разрѣшались весьма важныя дѣла, которыя правительство, по какимъ либо соображеніямъ, хотѣло окончить быстро и безъ огласки, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя дѣла о бунтахъ крестьянъ и заводскихъ рабочихъ, дѣло покражи кредитныхъ билетовъ изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и проч. [2]). Но какъ ни мало почитало правительство судебную дѣятельность Сената, еще менѣе довѣряло оно губернскимъ и уѣзднымъ судебнымъ учрежденіямъ, поэтому нерѣдко дѣлались распоряженія о направленіи, въ видѣ изъятія, тѣхъ или иныхъ дѣлъ на ревизію въ Сенатъ, а иногда и для разсмотрѣнія ихъ Сенатомъ въ качествѣ первой инстанціи [3]).

---

[1]) Ист. обз. дѣят. Ком. Мин., т. I, стр. 376.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 380 и т. II, стр. 104 и 105.

[3]) Напримѣръ дѣло о духовномъ завѣщаніи графа Шереметева — Арх. Гос. Сов., т. IV, часть I, стр. 9 и 10.

Чтобы дать болѣе точное понятіе о дореформенномъ законодательствѣ, регулировавшемъ подсудность, и о порядкѣ и условіяхъ восхожденія дѣлъ по инстанціямъ, остановимся подробнѣе на подсудности Сенату.

Несмотря на все разнообразіе и пестроту дореформенной уголовной подсудности и уголовнаго процесса, можно, безъ особаго затрудненія, свести всѣ вносившіяся въ Сенатъ уголовныя дѣла въ двѣ группы: одни восходятъ на ревизію Сената въ силу самаго требованія закона, независимо отъ чьей либо воли, другія вносятся только при наличности жалобы осужденнаго или протеста подлежащаго должностного лица (или учрежденія).

Первая категорія крайне сложна, принадлежность къ ней даннаго дѣла опредѣляется различными основаніями: 1) родомъ преступленія, 2) родомъ и размѣромъ наказанія, 3) званіемъ, состояніемъ или вѣроисповѣданіемъ подсудимаго, 4) числомъ осужденныхъ къ наказанію лицъ, и другими.

На ревизію Сената должны были поступать (по силѣ Свода Закон. 1832 г.) приговоры уголовныхъ палатъ: 1) о лишеніи дворянства, чиновъ и орденовъ, 2) по преступленіямъ должности, хотя бы виновные не были дворянами или классными чиновниками, если они присуждаются къ лишенію жизни, чести или торговой казни, 3) приговоры, которыми подсудимые присуждаются къ отрѣшенію отъ мѣстъ и исключенію изъ службы съ тѣмъ, дабы впредь ихъ никуда не опредѣлять, 4) слѣдственныя дѣла о казенныхъ взысканіяхъ, 5) когда къ тяжелому наказанію приговариваются болѣе девяти человѣкъ, 6) если иновѣрцы, тяжкіе преступники примутъ православную вѣру, 7) дѣла, по которымъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, 8) всѣ дѣла, начавшіяся по предложенію ревизующихъ сенаторовъ [1]), 9) дѣла, по которымъ при разсмотрѣніи приговора уголовной палаты губернаторъ потребовалъ дополненія слѣдствія, 10) дѣла о дворянахъ, судившихся за убійство, хотя бы они были признаны невиновными [2]).

---

[1]) Ст. 605, т. II и ст.ст. 613, 614, 618, 620, 1317, т. XV Св. Зак. 1832 г.

[2]) Эта статья (ст. 612, т. II) позднѣйшаго происхожденія, подъ ней имѣются ссылки на указы 1806 и 1820 гг. Цѣль ея—чтобы дворянинъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и матеріальными средствами, не уклонился отъ законной кары. Всетаки въ Сенатѣ не такъ легко было добиться рѣшенія въ желательномъ смыслѣ, какъ въ уголовной палатѣ.

Въ дѣйствительности уголовныя палаты весьма часто нарушали требованіе закона о внесеніи дѣлъ на ревизію въ Сенатъ: это было самое обыкновенное злоупотребленіе [1]).

Среди дѣлъ второй категоріи можно прежде всего указать на тѣ, которыя поступали въ Сенатъ вслѣдствіе несогласія губернатора съ рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда [2]). Такихъ дѣлъ было не мало, такъ какъ многіе губернаторы охотно пользовались предоставленнымъ имъ правомъ переноса дѣлъ въ Сенатъ. Правда, для этого были и особыя побуждающія причины: Сенатъ и Комитетъ Министровъ обыковенно не оставляли безъ взысканія тѣхъ губернаторовъ, которые соглашались съ неправильными приговорами палатъ.

Кромѣ губернаторовъ право протеста по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ принадлежало прокурорамъ, но они не проявляли особой энергіи въ этомъ дѣлѣ. Причины такого порядка вещей были весьма сложны: тутъ играли роль и недостаточная ихъ освѣдомленность въ законахъ и крайнее обремененіе просмотромъ журналовъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и незначительность ихъ служебнаго положенія. Дѣло нѣсколько измѣнилось къ лучшему въ самые послѣдніе годы дореформеннаго режима, когда на должности губернскихъ прокуроровъ стали назначать молодыхъ и образованныхъ юристовъ, которые къ тому же нерѣдко имѣли поддержку въ Министерствѣ Юстиціи, вслѣдствіе семейныхъ или школьныхъ отношеній.

Затѣмъ, по нѣкоторымъ дѣламъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ казенному интересу, право протеста было предоставлено органамъ хозяйственнаго управленія [3]).

Чтобы покончить со второй категоріей, надо упомянуть о частныхъ жалобахъ. Дореформенный законодатель смотрѣлъ вообще не особенно одобрительно на жалобы и жалобщиковъ, а правительственная практика едва ихъ терпѣла.

Было весьма распространено воззрѣніе, что внесеніе важнѣйшихъ дѣлъ на ревизію, въ силу требованія закона и протеста губернаторовъ и прокуроровъ, въ достаточной мѣрѣ обезпечи-

---

[1]) См. напр., рапортъ сенатора Дурасова о ревизіи Курской губ. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1854 г. № 9993.

[2]) Ст. 606 и 607, т. II Св. Зак. 1832 г.

[3]) Вице-губернатору, когда онъ былъ предсѣдателемъ казенной палаты, палатѣ государственныхъ имуществъ и др.

ваетъ правильное теченіе правосудія [1]), жалобы же являются чѣмъ-то излишнимъ, безполезнымъ, напрасно замедляющимъ движеніе уголовныхъ дѣлъ.

При такихъ условіяхъ жаловаться было крайне затруднительно. Чтобы представить себѣ ясно всю трудность положенія жалобщиковъ, достаточно привести лишь одно постановленіе дореформеннаго законодательства: „купцы 3-й гильдіи, мѣщане и крестьяне могутъ приносить жалобы на рѣшеніе палаты уголовнаго суда, когда они присуждены къ торговой казни, ссылкѣ на поселеніе или въ работу", но уже послѣ приведенія приговора въ исполненіе, причемъ „если по разсмотрѣніи дѣла (въ Сенатѣ) жалоба оказывается несправедливой, то податель ея наказывается тѣлесно" [2]). Неблагопріятна была жалобщикамъ и тогдашняя житейская обстановка — отсутствіе образованныхъ юристовъ, съ которыми можно было бы посовѣтоваться, и вообще низкій уровень просвѣщенія. Кромѣ сказаннаго надо имѣть въ виду сложность и запутанность нашего уголовнаго законодательства до 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Все это, вмѣстѣ взятое, стѣсняло пользованіе жалобой, какъ средствомъ переноса уголовныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій, съ чѣмъ можно было бы еще примириться, если бы дѣятельность мѣстныхъ судовъ была безупречна. На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, уголовное правосудіе шло изъ рукъ вонъ плохо, и Сенату приходилось измѣнять и отмѣнять больше половины восходившихъ на его разсмотрѣніе приговоровъ.

Дѣла гражданскія по отношенію къ условіямъ переноса ихъ на разсмотрѣніе Сената, какъ и дѣла уголовныя, могутъ быть сведены въ двѣ группы: одни представляются на ревизію изъ палаты гражданскаго суда въ силу требованія закона, какъ, напримѣръ, всѣ дѣла по удѣльнымъ имѣніямъ, монастырскимъ владѣніямъ и церковнымъ землямъ, когда часть ихъ должна быть кому-нибудь отчуждена [3]); другія восходятъ на разсмотрѣніе Сената лишь вслѣдствіе домогательства заинтересованныхъ лицъ по апелляціоннымъ жалобамъ.

Чтобы не обременять Сенатъ массой мелкихъ гражданско-правовыхъ споровъ, были установлены: во первыхъ,—минималь-

---

[1]) Ср. ст. 1146 и 1147 зак. уг., т. XV Св. Зак. 1832 г.

[2]) Ст. 1163 и 1167 зак. уг., т. XV Св. Зак. 1832 г.

[3]) П. С. З., 1804 г. № 21.248 и ст. 306, 320 т. IX Св. Зак. 1842 г.

ная цифра иска, при которой допускалось обращеніе къ Сенату (2.000 р.—при счетѣ на ассигнаціи и 600 р.—при счетѣ на серебро), и, во вторыхъ,—залогъ правой апелляціи (въ 200 р. ассигнаціями).

Рѣшеніемъ Сената далеко не всегда кончалось судебное дѣло,—въ случаѣ разногласія сенаторовъ, протеста оберъ-прокуратуры или всеподданнѣйшей жалобы, признанной заслуживающей уваженія, дѣло переносилось въ одно изъ общихъ собраній Сената, а оттуда, при несоставленіи законнаго большинства голосовъ или при несогласіи министра юстиціи, восходило на разсмотрѣніе департамента Гражд. и Дух. Дѣлъ, а затѣмъ и Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Такое безконечное восхожденіе дѣлъ снизу вверхъ по инстанціямъ мало содѣйствовало насажденію истиннаго правосудія, но оно находилось въ полномъ соотвѣтствіи со всей системой тогдашняго процесса, проникнутой недовѣріемъ не только къ подсудимымъ или вообще заинтересованнымъ лицамъ, но даже къ свидѣтелямъ и, наконецъ, къ самимъ судьямъ. Законодатель не довѣрялъ судебнымъ учрежденіямъ *отъ низшихъ до высшихъ и предпочиталъ каждое важное* дѣло разрѣшать самъ, давая такимъ рѣшеніямъ форму Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта.

Познакомившись съ характеромъ дореформеннаго законодательства о подсудности, а также порядкомъ и условіями переноса дѣлъ изъ низшихъ судовъ въ высшіе, надлежитъ нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ типическихъ чертахъ судопроизводства.

Дѣйствовавшія въ Россіи въ серединѣ XIX вѣка процессуальныя нормы развились преимущественно изъ законодательства Петра Великаго, который, подчиняясь духу времени и господствовавшимъ юридическимъ понятіямъ, ввелъ въ русскую жизнь розыскную (слѣдственную) форму процесса [1]), сущность которой заключалась въ томъ, что судьи принимали самое дѣятельное участіе въ ходѣ и развитіи судебнаго дѣла и изысканіи доказательствъ въ цѣляхъ установленія матеріальной истины. Конечно, слѣдственная форма процесса не сразу вытѣснила принятую раньше обвинительную форму; да и самъ Петръ Великій издалъ въ 1723 г. „Указъ о формѣ суда“, въ духѣ обвинительнаго

---

[1]) Латкинъ: Учебникъ исторіи русскаго права, стр. 519; по опредѣленію воинскихъ процессовъ „процессъ есть дѣло судимое, чрезъ которое тяжебныя дѣла основательнымъ представленіемъ, и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ явныя сочиняются, и потомъ отъ судей, по изобрѣтенію оныхъ причинъ, рѣшеніе чинится“.

процесса. Такимъ образомъ обѣ формы продолжали существовать параллельно, но несомнѣнно, что обвинительный порядокъ быстро клонился къ упадку. Челобитчики въ судахъ злоупотребляли правомъ словесныхъ объясненій, а судьи имъ часто мирволили или просто не умѣли съ ними сладить. Тяжущіеся отказывались продолжать судоговореніе и затягивали дѣло, когда судьи напоминали имъ, чтобы они постороннихъ рѣчей не говорили. Иногда серьезныя затрудненія возникали оттого, что выступавшіе на судѣ ябедники сбивали судей, не обладавшихъ обыкновенно надлежащими юридическими свѣдѣніями, бывали даже случаи настоящихъ перебранокъ и скандаловъ, возникавшихъ изъ обмѣна слишкомъ горячими рѣчами; таково, напримѣръ, въ серединѣ XVIII вѣка было дѣло Пушкина и Крекшина, которое обратило на себя вниманіе Сената. Во время суда Пушкинъ называлъ Крекшина извѣстнымъ воромъ и проклятымъ матерью сыномъ; а Крекшинъ Пушкина воромъ и смертоубійцей; за что Сенатъ посадилъ ихъ на мѣсяцъ въ тюрьму и опубликовалъ объ ихъ наказаніи особымъ указомъ.

Законодатель пытался урегулировать порядокъ произнесенія рѣчей и возраженій на судѣ, но всѣ направленныя къ этому мѣры плохо удавались, такъ какъ люди того времени, по выраженію извѣстнаго историка права Ѳ. М. Дмитріева, „уже не понимали обвинительнаго процесса“ [1]).

Изъ принципа недовѣрія, представлявшаго собою одно изъ основаній слѣдственнаго процесса, естественно вытекали три его характерныя особенности: 1) система предустановленныхъ доказательствъ, 2) крайнее развитіе письменнаго производства и 3) оставленіе обвиняемыхъ въ подозрѣніи.

Не довѣряя судьямъ, законодатель очевидно не могъ имъ предоставить свободу оцѣнки разбираемыхъ на судѣ фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего въ законѣ было подробно перечислено, что именно должно служить доказательствомъ, причемъ съ мелочною обстоятельностью было указано значеніе каждаго изъ нихъ. Доказательства дѣлились на совершенныя и несовершенныя. Къ совершеннымъ или полнымъ доказательствамъ относилось прежде всего собственное сознаніе подсуди-

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 550—552.

маго, которое, по выраженію Петровскихъ воинскихъ процессовъ, является „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта".

Конечно, для образованныхъ юристовъ собственное сознаніе пріобрѣтало такое значеніе лишь при наличности извѣстныхъ условій; вотъ какъ говоритъ по этому поводу одинъ юридическій афоризмъ, напечатанный въ 1843 году. „Собственное признанье паче свидѣтельства цѣлаго свѣта. Если признаніе сдѣлано во-первыхъ, лицомъ извѣстнымъ честностію и доброю славою; во-вторыхъ, независимымъ лично, по званію своему въ обществѣ и по состоянію; въ третьихъ, не имѣвшимъ никакой причины ожидать себѣ отъ того какой либо пользы или прибыли; въ четвертыхъ, подвергшимъ себя, напротивъ того, строгой отвѣтственности предъ закономъ, чрезъ огласку такихъ дѣйствій, въ коихъ само (хотя и невольно) участвовало; въ пятыхъ, сдѣлано не принужденно, съ тою искренностью, коею отличается правда отъ лжи и отъ ложныхъ, двусмысленныхъ показаній; если, наконецъ, это признаніе подтверждается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ другихъ лицъ и открывшимися впослѣдствіи времени обстоятельствами, то какой свѣтъ наводитъ оно на лица и на дѣла, какъ драгоцѣнно такое признаніе для судей правосудныхъ!!"

Къ сожалѣнію, такое строгое отношеніе къ условіямъ, въ которыхъ давалось собственное сознаніе, было удѣломъ весьма немногихъ, громадное же большинство слѣдователей и судей относилось къ сознанію совершенно формально, довольствуясь самымъ его фактомъ и не обращая никакого вниманія на обстановку и условія, въ которыхъ оно было дано.

Затѣмъ, къ совершеннымъ доказательствамъ отнесены были одинаковыя показанія двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, письменные документы и присяга.

Степень достовѣрности свидѣтелей устанавливалась разъ навсегда закономъ, въ которомъ подробно говорилось, кому именно нужно отдавать предпочтеніе. Такъ законодатель довѣрялъ больше показаніямъ мужчины, чѣмъ женщины, духовному лицу болѣе чѣмъ свѣтскому, ученому больше, чѣмъ неученому.

Несовершенныхъ доказательствъ было гораздо больше, причемъ законъ также стремился опредѣлить относительное ихъ значеніе. Осужденіе обвиняемаго могло послѣдовать лишь при наличности совершенныхъ доказательствъ, а при несовершенныхъ, —обвиняемый оставлялся въ подозрѣніи. Не довѣряя не

только заинтересованнымъ лицамъ, но также свидѣтелямъ и, наконецъ, судьямъ, законодатель вынужденъ былъ допустить такія рѣшенія, которыя, въ сущности говоря, представляли изъ себя отсутствіе всякаго рѣшенія,—сознаніе суда въ полной неспособности обнаружить истину. Едва-ли нужно распространяться о томъ, что приговоры объ оставленіи въ подозрѣніи, естественно вытекавшіе изъ слѣдственнаго процесса, имѣли самое развращающее вліяніе, какъ на суды, такъ и на обвиняемыхъ и, наконецъ, на все общество.

Суды пріучались халатно относиться къ дѣлу, зная, что установленіе матеріальной истины не является для нихъ обязательнымъ, подсудимые, въ особенности рецидивисты и вообще наиболѣе дурные въ нравственномъ отношеніи получали возможность, оставаясь въ подозрѣніи, продолжать свою преступную работу и наносить серьезный вредъ населенію, и, наконецъ, общество, видя безнаказанность преступниковъ, естественно утрачивало правовое сознаніе и все больше и больше пополняло ихъ кадры. По офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ громадное большинство уголовныхъ дѣлъ въ дореформенныхъ судебныхъ мѣстахъ оканчивалось оставленіемъ въ подозрѣніи.

Недовѣріе къ должностнымъ лицамъ, которымъ поручено было дѣло отправленія правосудія, влекло за собою установленіе и крайнее развитіе письменности процесса. Законодатель желалъ, чтобы каждое дѣйствіе слѣдователя и судьи могло быть провѣрено высшей инстанціей и для этого требовалъ подробнаго занесенія на бумагу всѣхъ показаній и разсматриваемыхъ данныхъ и вообще каждаго мельчайшаго шага!

Письменныя производства вслѣдствіе этого необычайно разрастались и, благодаря своему объему, становились малодоступными для членовъ судебныхъ мѣстъ.

Если къ сказанному еще прибавить, что обыкновенно въ каждой инстанціи документы, по большей части, лишь переписывались по мѣрѣ и въ порядкѣ ихъ появленія въ дѣлѣ, а не сводились въ одно систематическое цѣлое, то станетъ понятно, что въ высшихъ инстанціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Сенатѣ, подробное письменное производство разрастаясь во многія тысячи листовъ, служило нерѣдко не къ разъясненію, а лишь къ затемнѣнію дѣла и открывало канцеляріямъ широкое поле для злоупотребленій.

То-же недовѣріе къ судьямъ и судамъ привело законодателя къ созданію большого количества особыхъ видовъ судопроизводства. Эти исключенія изъ общаго процесса возрастали съ такою силою, что къ серединѣ XIX вѣка ихъ было около двадцати; вводились они обыкновенно для наиболѣе важныхъ дѣлъ или для извѣстныхъ лицъ и сословій [1]). Законодатель, очевидно, самъ былъ недоволенъ дѣйствовавшимъ судопроизводствомъ, но въ то же время не рѣшался на измѣненія общаго характера, а предпочиталъ ограничиваться принятіемъ подъ свое особое попеченіе почему либо интересовавшихъ его дѣлъ, причемъ хотя для нихъ и устанавливались особые виды судопроизводства, но всѣ они были того-же слѣдственнаго характера.

III. Фактическое состояніе правосудія до реформы 1864 года.

Отъ изображенія характерныхъ чертъ судопроизводства и судоустройства, дѣйствовавшихъ въ Россіи до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г., намъ надлежитъ перейти къ весьма важному вопросу о фактическомъ состояніи правосудія.

Эта тема въ первой половинѣ и въ серединѣ XIX вѣка была одною изъ самыхъ излюбленныхъ, ей удѣляли серьезное вниманіе корифеи русской изящной словесности; богатство отрицательныхъ типовъ въ дореформенной судебной средѣ давало обильный матеріалъ для обличительной литературы, къ которой всегда тяготѣли русскіе писатели.

Поэтому неудивительно, что мы находимъ данныя, характеризующія фактическое состояніе правосудія, въ цѣломъ рядѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ.

Но еще болѣе матеріала даютъ намъ офиціальные документы, отчеты и дѣла Министерства Юстиціи, всевозможныя объяснительныя записки и проекты и въ особенности донесенія посылавшихся на ревизіи губерній сенаторовъ.

---

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ. Собр. соч., т. II, стр. 468.

По справедливому выраженію одного изъ извѣстныхъ русскихъ юристовъ (К. П. Побѣдоносцева): „дѣйствіе учрежденій зависитъ отъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ виду, что и люди образуются въ духѣ тѣхъ или другихъ учрежденій". Эти слова Побѣдоносцева приложимы къ объясненію старыхъ судебныхъ порядковъ и плохого состоянія дореформеннаго правосудія.—Суды были поставлены въ такое положеніе, такъ организованы, что почти всякіе люди оказывались въ нихъ плохи.

Самая обстановка судовъ и видъ судебныхъ дѣятелей были въ большинствѣ случаевъ крайне непривлекательны, достаточно вспомнить хотя бы классическое изображеніе канцеляріи палаты гражданскаго суда, въ которой Чичиковъ совершалъ купчія крѣпости на пріобрѣтенныя имъ мертвыя души, или палаты уголовнаго суда, изображенной И. С. Аксаковымъ въ его интересныхъ сценахъ: „Присутственный день уголовной палаты".

Въ уѣздныхъ же судахъ было еще неприглядне и хуже. Въ тѣсныхъ, грязныхъ комнатахъ сидѣли полуголодные писцы, которые подъ руководствомъ юридически-невѣжественныхъ, и по большей части плутоватыхъ чиновниковъ строчили неправосудныя рѣшенія.

Юридическое невѣжество дореформенныхъ судебныхъ и слѣдственныхъ дѣятелей не представляетъ изъ себя ничего удивительнаго, такъ какъ большинство изъ нихъ не обладало даже надлежащей грамотностію; при такихъ условіяхъ совершенно понятно, что они не умѣли не только вести возникшее дѣло, но и дать ему надлежащій заголовокъ. Еще въ публицистикѣ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра II приводились курьезные примѣры дѣлъ „о найденныхъ въ лѣсу костяхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, повидимому солдатскихъ, по причинѣ найденной между ними форменной пуговицы", „о подложномъ присвоеніи крестьянскому мальчику Василію женскаго пола" и т. п. Не менѣе любопытные образчики юридической терминологіи сообщаетъ А. Ѳ. Кони изъ слѣдственной практики должностныхъ лицъ Казанской губерніи: дѣло „о кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ", тогда какъ въ дѣйствительности это было дѣло объ убійствѣ съ четырьмя обвиняемыми, кладнушкой-же называлась палубная лодка съ мачтою; „о публичномъ произнесеніи крестьяниномъ NN похвальныхъ словъ",

„о дракѣ со взломомъ", „объ учиненіи мѣщанскому старостѣ буйства на лицѣ" и т. п. [1]).

Авторы такихъ своеобразныхъ наименованій не представляли чего-либо исключительнаго для своего времени, они вполнѣ отражали степень развитія и юридической освѣдомленности окружавшей ихъ среды, правосознаніе которой оставляло еще желать многаго.

Да и трудно было ждать быстраго роста юридическаго образованія, когда многія лица изъ правящей среды относились къ нему съ нескрываемой подозрительностью, а глава судебнаго вѣдомства, министръ юстиціи графъ Панинъ, по словамъ одного современника, прямо говорилъ: „не надо забывать, что вредно и опасно для государства, если глубокое знаніе права будетъ распространено въ классѣ людей, не состоящихъ на государственной службѣ" [2]).

Хотя, какъ упоминалось выше, старая судебная организація была такого свойства, что почти всякіе люди въ ней оказывались плохи, но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что и стремившіеся къ занятію судебныхъ должностей лица по своему нравственному, умственному и образовательному уровню въ большинствѣ случаевъ были крайне неудовлетворительны.

Служба по судебному вѣдомству, какъ упоминалось выше, не была привлекательна и личный составъ судовъ былъ плохъ во всѣхъ отношеніяхъ. Лишь въ послѣдніе годы передъ судебной реформой появляются въ должностяхъ товарищей предсѣдателей палатъ, губернскихъ прокуроровъ и оберъ-секретарей Сената, молодые и образованные юристы, которые вносятъ живую струю въ дѣло отправленія правосудія, но это были первыя ласточки, которыя не могли сдѣлать весну. При такихъ условіяхъ понятно дѣятельность судовъ по существу своему была весьма неудовлетворительна. По уголовнымъ дѣламъ царила крайняя приверженность къ формальнымъ доказательствамъ и прежде всего къ собственному сознанію подсудимаго, котораго поэтому домогались всевозможными способами, граничившими съ пыткой [3]),

---

[1]) Очень характерные образцы юридической освѣдомленности производившихъ слѣдствія чиновъ московской полиціи приводитъ Ровинскій въ своей рѣчи, сказанной впервые назначеннымъ въ 1860 г. судебнымъ слѣдователямъ.

[2]) „Колоколъ", изд. Герцена, 1858 г., листъ 13.

[3]) А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія, стр. 528.

и строгость, близкая къ жестокости по отношенію къ подсудимымъ низшихъ состояній при весьма снисходительномъ отношеніи къ лицамъ привилегированнымъ. По дѣламъ гражданскимъ рѣшенія судовъ отличались необычайною запутанностью [1]) и противорѣчивостью, которыя иногда выносились съ умысломъ канцеляріей и вели къ новымъ безконечнымъ процессамъ весьма разорительнымъ для заинтересованныхъ лицъ. Поэтому неудивительно, что высшія учрежденія должны были отмѣнять и измѣнять многіе приговоры низшихъ. Для примѣра возьмемъ данныя относительно дѣлъ, входившихъ въ 1862 г. изъ уголовныхъ палатъ въ Сенатъ. Изъ 2102 приговоровъ Сенатъ утвердилъ безъ измѣненій 948 и отмѣнилъ вовсе 509, а остальные подвергъ болѣе или менѣе серьезнымъ измѣненіямъ [2]).

Теченіе судебныхъ дѣлъ отличалось необычайной, поистинѣ легендарной, медленностью, которая проникала одинаково всѣ стадіи процесса, начиная съ возбужденія дѣла и кончая исполненіемъ приговора.

Историческіе выводы, по удачному выраженію Шатобріана, подобно физическимъ должны основываться на фактахъ; поэтому, несмотря на рискъ утомить читателя, приведемъ нѣкоторыя фактическія данныя, заимствуя ихъ изъ офиціальныхъ документовъ. Ревизія Курской губерніи сенаторомъ кн. Долгорукимъ открыла, напримѣръ, дѣла, находившіяся въ производствѣ болѣе 20 лѣтъ и еще далеко не законченныя; въ одномъ только Льговскомъ уѣздномъ судѣ подобныхъ дѣлъ было шестьдесятъ четыре [3]).

Ревизіей той-же губерніи сенаторомъ Дурасовымъ (1850 г.) обнаружено, что цѣлый рядъ вошедшихъ въ законную силу рѣшеній судебныхъ мѣстъ остается безъ исполненія около 20 лѣтъ [4]).

---

[1]) Въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, тянулось лѣтъ двадцать дѣло о землѣ между Гавриловымъ и Желябугинымъ. Наконецъ вышло рѣшеніе Сената (вѣроятно VIII-го департамента), сочиненное оберъ-секретаремъ Петровымъ, по вопросу о томъ кому принадлежитъ земля, Гаврилову или же Желябугину—обращаясь къ смыслу существующихъ узаконеній и находя, что въ настоящее время состоялся манифестъ о полюбовномъ размежеваніи опредѣляютъ: предписать кому слѣдуетъ, приказать кому нужно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній. Получивъ такой указъ Пензенская гражданская палата для отклоненія отъ себя всякой отвѣтственности, переписавъ сенатскій указъ, переслала его въ Саранскій уѣздный судъ съ предписаніемъ рѣшить вопросъ по указу Сената.

[2]) Сен. Арх., отчетъ Мин. Юст. за 1862 годъ, л. 40 обр.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Ревизія кн. Долгорукимъ Курской губерніи.

[4]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1854 г. № 9993.

Ревизія Западной Сибири (1826—1827) открыла много дѣлъ, тянувшихся по 12—15 и болѣе лѣтъ. Сенаторъ Бѣгичевъ, при ревизіи Орловской губерніи, нашелъ приговоры палаты уголовнаго суда, которые около 13 лѣтъ пролежали у губернатора, ожидая его утвержденія, и вѣроятно, оставались бы въ томъ же положеніи и дольше, если бы не началась сенаторская ревизія [1]).

Въ отчетѣ министра юстиціи за 1863 г. говорится, что къ 1-му января 1864 года изъ числа неоконченныхъ дѣлъ въ производствѣ были болѣе 20 лѣтъ 561; болѣе 15—1466; болѣе 10—6758. Огромный матеріалъ для характеристики медленности производства дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ хранится въ Архивѣ Собствен. Е. И. В. Канцеляріи въ видѣ вѣдомостей о медленно-текущихъ дѣлахъ, представлявшихся на Высочайшее имя, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что даже указанія Государей объ ускореніи оставались очень часто безъ всякаго результата и Высочайшія повелѣнія не исполнялись по много лѣтъ, такъ напр. Высочайшее повелѣніе 1837 года объ удовлетвореніи претензіи на казну купца Авзера Разовскаго за продовольствіе во время кампаніи 1806 и 1807 гг. военныхъ госпиталей въ Бѣлостокѣ оставалось неисполненнымъ до 1856 г., причемъ въ вѣдомости значится, что исполненіе задерживается за неполученіемъ Петербургскимъ надворнымъ судомъ надлежащихъ свѣдѣній отъ Балашовскаго и Кирсановскаго земскихъ судовъ, которыя ожидаются „въ теченіе полугода“ [2]). Указаніе, что свѣдѣнія ожидаются „въ теченіе полугода“ было лишь стереотипной, канцелярской формулой, которая постоянно повторялась въ тѣхъ случаяхъ, когда не надѣялись скоро получить желаемыхъ свѣдѣній. Очевидно, съ даннымъ дѣломъ не очень торопились.

На замѣчанія о медленности суды обыкновенно отвѣчали, что они собираютъ дополнительныя свѣдѣнія, наводятъ справки или составляютъ экстракты, и дѣйствительно наведеніе справокъ было однимъ изъ удобныхъ способовъ замедлять дѣла. Многіе суды или вѣрнѣе ихъ канцеляріи поступали для этой цѣли такъ: наводилась сперва справка отъ одного учрежденія,

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1842 г. № 574.

[2]) Архивъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, № 7389.

потомъ отъ другого и т. д. Точно также дѣлалось и при собираніи дополнительныхъ свѣдѣній, причемъ часто въ такихъ случаяхъ суды отсылали и самыя дѣла, руководствуясь единственною цѣлью показать въ концѣ года въ отчетѣ наименьшее число остающихся за ними производствъ. Поводы, изъ за которыхъ требовались дополнительныя свѣдѣнія и возвращались дѣла часто бывали совершенно незначительны. Такъ напримѣръ недостаточно полная надпись на тюкѣ, который тѣмъ не менѣе прибылъ по назначенію, ошибки въ нумераціи на приложенныхъ къ дѣлу описяхъ и тому подобныя мелочи, не имѣвшія рѣшительно никакого значенія. Суды старались показать, что они работаютъ, но на самомъ дѣлѣ большая часть ихъ труда сводилась къ канцелярской отпискѣ. Надзоръ высшихъ учрежденій за низшими, а также надзоръ прокуроровъ и губернаторовъ мало помогалъ дѣлу.

Послѣдствіемъ медленности было чрезвычайное накопленіе дѣлъ и неисполненныхъ бумагъ, которыя часто не записывались въ реестры, а просто валялись въ безпорядкѣ на полкахъ канцелярскихъ шкаповъ или для очистки мѣста нерѣшенными сдавались въ архивы. Но не одною медленностью характеризуется дѣятельность старыхъ судебныхъ учрежденій, ревизіи постоянно обнаруживали въ нихъ всевозможные безпорядки и злоупотребленія. Въ иныхъ случаяхъ положительно нельзя не удивляться, что судъ, вся дѣятельность котораго въ теченіе многихъ лѣтъ была сплошнымъ безпорядкомъ, оставался тѣмъ не менѣе долгое время, обыкновенно до наступленія сенаторской ревизіи, безнаказаннымъ. Для примѣра можно привести Курскій уѣздный судъ, который сенаторомъ Дурасовымъ въ 1850 г. былъ преданъ суду: а) за нарушеніе законовъ о порядкѣ веденія канцелярскихъ книгъ, б) неизвинительную медленность въ дѣлопроизводствѣ, отчего накопилось въ судѣ до тысячи неоконченныхъ дѣлъ, в) незанесеніе въ настольные реестры, въ теченіе двухъ лѣтъ, нѣкоторыхъ дѣлъ, оставшихся во все сіе время въ безгласности, г) представленіе губернскому начальству ежемѣсячно невѣрныхъ вѣдомостей о дѣлахъ, д) утайку въ вѣдомости, представленной въ губернское правленіе къ іюлю мѣсяцу 1850 г., болѣе полутораста дѣлъ уголовныхъ, е) приведеніе уголовной части по суду до крайняго разстройства, ж) записку въ докладные реестры не всѣхъ требовавшихъ доклада бумагъ,

з) несоблюденіе законовъ о составленіи, писаніи, подписаніи и исполненіи журналовъ, между которыми встрѣчаются статьи безъ всякаго по нимъ приказанія, и) составленіе журналовъ позднѣйшими противъ дѣйствительнаго числами, і) подлогъ въ журналѣ 21 февраля 1850 г., въ статьѣ подъ № 1267, к) подачу членамъ къ подписанію журналовъ, уже исполненныхъ, л) рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ съ нарушеніемъ всѣхъ обрядовъ и формъ, для судопроизводства постановленныхъ, о) перевершеніе своею властію собственныхъ рѣшеній, п) превратное исполненіе журнала о выдачѣ просительницѣ Авериной свидѣтельства на полученіе капитала, оставшагося по смерти дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аверина, р) окончательное рѣшеніе корчемныхъ дѣлъ, подлежащихъ ревизіонному ходу, а также принятіе къ своему производству дѣлъ слѣдственныхъ по преступленію должности, с) нарушеніе узаконеній насчетъ веденія и составленія протоколовъ, т) утрату или и истребленіе подлинныхъ судебныхъ опредѣленій и дѣлъ, у) растрату казенныхъ денежныхъ суммъ и передержку, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ къ отправленію въ приказъ общественнаго призрѣнія апелляціонныхъ денегъ, ф) безпорядки по архиву и неосвидѣтельствованіе онаго и, наконецъ, х) за оставленіе безъ огласки и донесенія начальству о множествѣ бумагъ и дѣлъ, найденныхъ заброшенными въ чуланѣ и на чердакѣ въ самомъ жалкомъ и недостойномъ званія присутственнаго мѣста видѣ“ [1]).

Не лучше исполнялъ свои обязанности и Тобольскій окружной судъ. Ревизующіе сенаторы нашли въ немъ: „безпорядки, упущенія и отступленія отъ законоположеній въ производствѣ дѣлъ, превыше всякаго возможнаго чаянія. Здѣсь не законы, но собственный произволъ судей постановлялъ рѣшенія.... и все сіе не было прегражденo поставленными отъ правительства блюстителями“; дѣятельности суда вполнѣ соотвѣтствовало состояніе его канцеляріи, въ которой многія дѣла оказались безъ начала и безъ конца [2]).

Среди безпорядковъ въ судахъ, особенно низшихъ, не послѣднее мѣсто занимала утрата дѣлъ. На это обстоятельство обратила вниманіе комиссія, разсматривавшая годовой отчетъ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1858 г. № 6858, стр. 1—3.

[2]) Тамъ же, дѣло I-го деп. Сен. 1826 г. № 2413.

министра юстиціи за 1859 г. [1]), вслѣдствіе чего были черезъ губернскихъ прокуроровъ собраны надлежащія свѣдѣнія, которыя лишній разъ дали заглянуть въ самую гущу уѣзднаго чиновничества судебнаго вѣдомства. Конечно картина открывшаяся взору, была малопривлекательна. Для примѣра приведемъ донесеніе ярославскаго губернскаго прокурора: по Ярославской губ. была утрата дѣлъ въ слѣдующихъ присутственныхъ мѣстахъ: а) въ Угличскомъ уѣздномъ судѣ, о покражѣ пряжи. Слѣдствіемъ открыто, что дѣло это было вынесено изъ уѣзднаго суда писцомъ онаго, Жеребцовымъ, для показанія подсудимымъ, которыми и было похищено, при нетрезвомъ состояніи Жеребцова, въ которое онъ былъ приведенъ самими похитителями, б) въ томъ же судѣ не оказывалось долгое время неоконченнаго производства о лѣсоистребленіяхъ, открытыхъ въ 1843 г., но впослѣдствіи времени производство сіе найдено въ архивѣ, куда оно было сдано по ошибкѣ, и в) въ Рыбинскомъ городовомъ магистратѣ открыта утрата дѣлъ объ обидѣ, причиненной рыбинскимъ купеческимъ сыномъ Эльтековымъ митавскому гражданину Штернъ и о неправильной торговлѣ сего послѣдняго шампанскимъ виномъ. Дѣло это было взято помощникомъ столоначальника того магистрата Петровскимъ изъ шкафа, ключъ отъ котораго находился у него, для прочтенія Штерну, но въ квартирѣ послѣдняго Петровскій напился до того, что не помнитъ, какимъ образомъ утратилось дѣло“ [2]).

Самымъ горькимъ зломъ дореформеннаго судебнаго обихода было взяточничество, оно такъ въѣлось въ жизнь и наносило такой ущербъ народу, что лучшіе русскіе люди, мечтая о судебной реформѣ, больше и прежде всего хотѣли изгнать взятки изъ судовъ. Въ одной изъ своихъ статей позднѣйшаго времени И. С. Аксаковъ прямо говоритъ: „мы желали суда, только безъ взятокъ“. О взяткахъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ столько говорилось и писалось, что трудно сказать что-либо новое и едва ли представляется надобность дополнять примѣрами изъ подлинныхъ дѣлъ длинный списокъ случаевъ взяточничества, который каждый легко можетъ составить на основаніи произведеній изящной литературы, всевозможныхъ журнальныхъ и газет-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 4990.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 4990, л. 18.

ныхъ статей и лондонскихъ изданій Герцена второй половины 1850 гг.

По выраженію одного изъ современниковъ той эпохи взятки въ Россіи свирѣпствуютъ эндемически, спорадически и эпидемически; этою язвою заражены всѣ до послѣдняго сторожа и сельскаго писаря. А другой современникъ излилъ по этому поводу свои чувства въ стихотворномъ обращеніи къ московскому генералъ-губернатору:

„Какой-же думаешь ты учредить законъ
Какіе новые установить порядки.
Ужъ не мечтаешь ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести иль посягнуть на взятки?
За это не берись; остынетъ гордый пылъ
И сокрушится власть подобно хрупкой стали;
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ
Вѣдь это съ молокомъ мы матери всосали".

Столь же избитое мѣсто говоритъ о господствовавшихъ въ то время ябедѣ и крючкотворствѣ, съ помощью которыхъ и суды и заинтересованныя лица старались безконечно затягивать и запутывать дѣла. Духъ ябеды и крючкотворства геніально воплощенъ Гоголемъ въ лицѣ юрисконсульта, къ которому обратился за совѣтомъ Чичиковъ, когда попалъ въ затруднительное положеніе. „Будьте всегда покойны, поучалъ юрисконсультъ Чичикова, и не смущайтесь ничѣмъ, даже еслибы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь; нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня; я всегда покоенъ. Какіе бы ни были взводимы на меня казусы, спокойствіе мое не поколебимо".

Лицо юрисконсульта пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи... „Конечно это первая вещь", сказалъ Чичиковъ. „Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такія дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе".

„Повѣрьте мнѣ, это малодушіе", отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. „Старайтесь только, чтобы производство дѣла было всё основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было и какъ только увидите, что дѣло идетъ

къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь не-то, чтобы оправдывать и защищать себя,—нѣтъ, просто спутать новыми вводными обстоятельствами... Спутать, спутать и ничего больше", „ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали бы сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ".

„Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу", сказалъ Чичиковъ.

„Подберутся обстоятельства, подберутся! повѣрьте, отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше и жалованья имъ больше... Словомъ втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ; да вѣдь имъ же оправдаться... имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно откупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что какъ только обстоятельства становятся критическими, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ?—Потому, что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свое—и губернатора, и вице-губернатора, и полиціймейстера и казначея,—всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутываются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и водятся раки. Всѣ только ждутъ, чтобы запутать". Этими строками дается ясная картина той атмосферы, которой дышали и жили старые суды и обращавшіеся около нихъ практики—юристы [1]). Крайне неудовлетворительное состояніе правосудія до судебной реформы 1864 года не было темнымъ пятномъ на фонѣ свѣтлой государственной дѣйствительности, напротивъ того, оно находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ прочими сторонами тогдашней жизни.

Послѣднія десятилѣтія передъ воцареніемъ Императора Александра II были въ Россіи эпохой полнаго и крайняго господства

---

[1]) Интересный образчикъ стариннаго крючкотворства приводится въ Русскомъ Архивѣ 1870 г. стр. 269; предисловіе написано И. С. Тургеневымъ.

принциповъ полицейскаго государства. Правительство считало необходимымъ проникать всюду и вмѣшиваться даже въ частную жизнь, причемъ, настойчиво придерживаясь охранительнаго направленія, оно заботилось болѣе всего о созданіи сильной власти, главнымъ образомъ въ цѣляхъ поддержанія внѣшняго порядка.

Однимъ изъ основныхъ началъ тогдашней русской жизни было поглощеніе личности государствомъ, которое проходитъ красною нитью черезъ всю русскую исторію, начиная съ возвышенія Москвы и вплоть до великихъ реформъ Императора Александра Николаевича. Въ свое время это вызывалось безусловною необходимостью противостать врагамъ, обложившимъ съ трехъ сторонъ Московское государство—татарамъ и стоявшимъ за ними туркамъ, Литвѣ, Польшѣ и шведамъ и сплотить воедино составныя части русской земли.

Въ концѣ XVIII вѣка были болѣе или менѣе благополучно разрѣшены три важнѣйшіе вопроса традиціонной русской внѣшней политики—Черноморскій, Балтійскій и Польскій—и въ достаточной мѣрѣ укрѣплено единство и внутренній порядокъ въ государствѣ. При такихъ условіяхъ не представлялось уже болѣе надобности въ исконномъ поглощеніи личности русскаго человѣка государствомъ,—естественно было ждать значительныхъ измѣненій и дѣйствительно въ первые годы царствованія Императора Александра I замѣчается опредѣленное стремленіе измѣнить внутренній курсъ государственной машины и прежде всего раскрѣпостить личность, но затѣмъ, грозныя, внѣшнія событія отвлекли всю силу и вниманіе на военныя и дипломатическія дѣла, и положеніе личности въ государствѣ осталось прежнее; послѣ же окончанія великой борьбы съ Наполеономъ, въ силу различныхъ причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, наступило господство крайне охранительнаго направленія, не представлявшаго изъ себя надлежащей атмосферы для развитія личной свободы. Даже привилегированное сословіе—дворянство, освобожденное отъ обязательной службы еще въ 1762 году и получившее въ 1785 Жалованную Грамоту имѣло нѣкоторыя права лишь въ составѣ своей корпораціи—губернскаго дворянскаго общества, лично же каждый дворянинъ передъ государствомъ и представлявшей его государственной властью былъ почти безправенъ. Его могли всегда назначить на государственную службу и нерѣдко назначали

противъ собственнаго желанія, какъ то дѣлалось и до Жалованной Грамоты.

Такое положеніе, конечно, вызывало недовольство дворянъ, которое высказывалось иногда съ крайней рѣзкостью и остротою; для примѣра можно привести одинъ памфлетъ 1850 г. По его словамъ права дворянства состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ знакъ особой благодати поступать съ малолѣтства въ казенную собственость физически, нравственно и умственно.

2) Поступать на службу, если примутъ.

3) Выйти въ отставку, если выпустятъ.

4) Ѣхать туда, куда позволятъ.

5) Быть избавлену отъ тѣлеснаго наказанія, пока не высѣкутъ [1]).

По выраженію одного изъ русскихъ ученыхъ, законодательство Екатерины II не освободило дворянъ отъ государственной служебной повинности, а лишь перенесло эту повинность съ лица дворянина на губернское дворянское общество, при чемъ одной изъ важнѣйшихъ цѣлей созданія такихъ обществъ было обезпеченіе комплектованія чиновниками многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій.

Избранныя дворянами лица не имѣли политической опоры въ своихъ избирателяхъ и всецѣло подчинялись поставленному надъ ними начальству, они на время сроковъ избранія какъ бы отрывались отъ своей общественной среды, которая и вообще-то не отличалась сплоченностью; при такихъ условіяхъ, конечно, трудно было ожидать общественной поддержки дѣлу управленія и правосудія. Судъ не опирался на общественное сочувствіе и на общественное пониманіе истинной справедливости. Постоянная забота правительства объ усиленіи власти и сохраненіи внѣшняго порядка и покорнаго безмолвія заслоняла другія задачи управленія, и при отсутствіи развитыхъ и сколько нибудь самостоятельныхъ общественныхъ группъ и полномъ поглощеніи личности государствомъ создавалась благопріятная обстановка для развитія чиновничьяго произвола, прикрывавшагося витіеватыми фразами различныхъ отчетовъ и сомнительными цифрами вѣдомостей объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ.

---

[1]) Памфлетъ „Права русскаго народа", напечатанный въ кн. 3-ей Полярной Звѣзды.

Официальная ложь и показная мишура, противъ которыхъ съ такою силою впослѣдствіи возсталъ одинъ изъ искреннѣйшихъ и талантливыхъ сотрудниковъ Царя Освободителя Великій Князь Константинъ Николаевичъ, принимались за дѣйствительность.

На бумагѣ все шло хорошо или по крайней мѣрѣ удовлетворительно, а въ дѣйствительности, которую по временамъ и лишь отчасти вскрывали сенаторскія ревизіи, и которую видѣли лучшіе люди, оказывалось полное разстройство едва-ли не всѣхъ сторонъ государственной жизни, а въ томъ числѣ и судебной части.

Россія весьма опредѣленно шла къ кризису, отъ котораго ее могли избавить лишь дружныя усилія правительства и народа. Тѣ изъ русскихъ людей, которые привыкли думать не только о себѣ, но и о родинѣ, понимали всю серьезность существующаго положенія.

Великій писатель земли русской, смѣявшійся сквозь незримыя слезы надъ ея пороками, выразилъ свои мысли по этому поводу въ слѣдующихъ горячихъ строкахъ.

„Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать свою землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ, что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху всеобщаго возстанія народовъ вооружился..., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою-же кровью, я теперь обращаюсь къ вамъ.

Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какоенибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется“...

Другого склада и темперамента человѣкъ, профессоръ Никитенко въ 1843 году записываетъ въ свой дневникъ: „Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ называемыя злоупотребленія; это наша оппозиція, нашъ протестъ... Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленій.

Между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ“ [1]).

Паденіе общественной нравственности сдѣлало возможными такія чудовищныя разсужденія, что „совѣсть нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ высшее начальство“!

IV. Всеобщее отрицательное отношеніе къ состоянію правосудія.

Ко времени вступленія на престолъ Императора Александра Николаевича не было стороны нашего быта въ такой мѣрѣ дискредитированной и признанной всѣми несостоятельной, какъ наша судебная часть.

Идея правосудія какъ будто была чужда нашему обиходу. У насъ существовали иногда суды съ недурнымъ личнымъ составомъ, но вѣры въ святость и силу праваго дѣла не было. У насъ точно по выраженію одного публициста былъ поврежденъ самый органъ всякаго права, общественная совѣсть. Нѣтъ сферы нашей народной жизни, въ которой не сохранилась бы память о людяхъ, честно и энергически, съ знаніемъ и умомъ послужившихъ общему дѣлу. Не сохранилась только память о лицахъ, безстрашно державшихъ вѣсы правосудія. Типъ судьи праведнаго, судящаго и пользующагося общимъ довѣріемъ, чуждъ не только древней, но и новой Россіи вплоть до реформы 1864 года.

Въ отрицательномъ отношеніи къ состоянію правосудія народъ былъ вполнѣ солидаренъ съ государственной властью.

При этомъ конечно каждый по своему выражалъ свое отрицательное отношеніе.

Народныя массы создали рядъ поговорокъ и пословицъ.

---

[1]) Дневникъ, изд. 1904 г. Т. I, стр. 341, 25 мая.

Образованные круги выступали съ художественно-литературными, публицистическими и научными произведеніями, и наконецъ государственная власть издавала указы, назначала ревизіи, отмѣняла и измѣняла судебныя рѣшенія.

По взгляду народному вообще трудно судиться [1])—„не дай Боже лѣчиться, да судиться", „изъ суда, что изъ пруда, сухой не выйдешь", „лучше утопиться, чѣмъ судиться".

При прежнемъ порядкѣ судопроизводства—при неправосудіи, взяточничествѣ и медленности въ разсмотрѣніи дѣлъ, тяжущіеся несли большіе расходы, и часто даже выигранное дѣло вело только къ обогащенію судьи: „судьѣ рыба, а просителю чешуя", „тяжбу завелъ, сталъ голъ, какъ соколъ".

Народная мудрость подсказывала не вести тяжбъ съ богатѣями и вліятельными людьми,—„кто борется съ морозомъ, тотъ будетъ безъ уха, кто тяжется съ начальствомъ, тотъ будетъ безъ головы" или, „не тягайся съ богатымъ, не борись съ сильнымъ"; „коза съ волкомъ тягалась, хвостъ да шкура осталась", и вообще по возможности избѣгать суда: „умный на судъ не ходитъ, а глупый и съ суда не сходитъ".

Много поговорокъ говорило о произволѣ и неправосудіи „законы святы, да законники супостаты" или „законы миротворцы, да законники крючкотворцы", „судъ что паутина, шмель проскочитъ, а муха увязнетъ"; но особенною ѣдкостью отличаются поговорки, касающіяся взяточничества, которыя были самыми ходовыми: „слова не скажи, только грошъ покажи", „захочешь добра, подсыпь серебра", „золотой молотокъ желѣзныя ворота прокуетъ", „когда карманъ сухъ, тогда и судъ глухъ", „мздою, что уздою обратишь судью въ твою волю". и др.

Не менѣе рѣзко и не менѣе страстно осуждала старые судебные порядки интеллигенція.

Начиная съ Петра Великаго въ литературѣ нашей не переставало слышаться обличительное слово, направленное противъ лихоимства, ябеды, беззаконныхъ судей и приказныхъ [2]).

Противъ „застарѣлой неправды" возставалъ Посошковъ, писалъ сатиры Кантемиръ, былъ созданъ на эту тему цѣлый рядъ памфлетовъ, комедій и другихъ произведеній.

---

[1]) Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ, изд. 1904 года.

[2]) Афанасьевъ „Черты русскихъ нравовъ XVIII ст. Русскій Вѣстникъ 1857 г., т. 10, стр. 623—626, 627—629, 641—644.

Фонвизинъ оставилъ „письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника Взяткина"; сатирическія изданія XVIII столѣтія, съ самымъ живымъ интересомъ относившіяся ко многимъ общественнымъ вопросамъ, постоянно возвышали свой голосъ противъ неправосудія и взятокъ.

Высмѣивая судей и приказныхъ, „Всякая всячина", издававшаяся секретаремъ Императрицы Козицкимъ, напечатала характерную „нравоучительную заповѣдь подъячимъ", которая даетъ ясное указаніе на тогдашніе пороки чиновничества: 1) „не бери взятокъ", 2) „не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго", 3) „не сотвори крючковъ", 4) „не обходися грубо съ людьми", 5) „не говори челобитчикамъ завтра", 6) „не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣла и законовъ выписей", 7) „не давай наставленій въ ябедѣ", 8) „не напивайся пьянъ", 9) „чеши всякій день голову, ходи чисто", 10) „покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ".

Въ концѣ XVIII в. и въ XIX в. до реформы 1864 г. былъ созданъ рядъ памфлетовъ и комедій на судебные нравы, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ „Ябеда" Капниста, принадлежащая концу XVIII в.

Капнистъ самъ испыталъ на себѣ, что такое были тогдашніе суды и какъ трудно было добиться въ нихъ правды. Онъ испыталъ это въ своемъ дѣлѣ съ полковницею Тарновскою, которое и дало ему матеріалъ для комедіи.

Главными дѣйствующими лицами являются предсѣдатель и члены гражданской палаты, чины ея канцеляріи, лица, имѣющія въ ней дѣло и губернскій прокуроръ; атмосфера, въ которой они дѣйствуютъ—неправосудіе и взяточничество. О предсѣдателѣ одинъ изъ повытчиковъ даетъ такой отзывъ, „что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ".

Не меньшею язвительностію отличается характеристика губернскаго прокурора: „вотъ прямо въ точности всевидящее око... не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ".

Прокуроръ, окруженный сослуживцами, поетъ такой куплетъ собственнаго сочиненія:

„Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что можно только взять;
На что-жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать".

А всѣ хоромъ подпѣваютъ: „брать, брать, брать“.
Отъ прокурора не отстаетъ и предсѣдатель:

„Но надо, чтобъ уйти прижимки
И чтобъ не оплошать,
Перчатки невидимки
На мигъ не скидывать“...

Въ такомъ духѣ написана вся комедія.

По преданію „Ябеда“ впервые была дана на придворномъ театрѣ въ Павловскѣ, при чемъ очень понравилась Императору Павлу Петровичу. Успѣхъ комедіи былъ вообще весьма большой, и она выдержала подрядъ нѣсколько представленій, возбудивъ много разговоровъ и толковъ.

Литература начала XIX вѣка охотно повторяла тѣ же мотивы, на что конечно наталкивала ее неизмѣнность нравовъ судебной среды,—одна изъ сатиръ той эпохи начинается четверостишіемъ:

„О злые времена, о нравы!
Вездѣ плутни и обманъ,
Прочь законы и уставы,
Судьямъ только дай въ карманъ“.

Гоголь въ двухъ мѣстахъ своихъ произведеній далъ блестящія характеристики низшихъ судебныхъ мѣстъ: въ повѣсти „Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ и въ „Ревизорѣ“, гдѣ оцѣнку дѣятельности уѣзднаго суда Гоголь вкладываетъ въ уста самого уѣзднаго судьи Ляпкина-Тяпкина, который въ ожиданіи ревизора произноситъ слѣдующій монологъ: „Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ уже пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку, только рукою махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда, что неправда“. Чувство художественной мѣры оградило Гоголя отъ преувеличенія: его судья не представляетъ изъ себя крайне циничнаго взяточника, въ духѣ „Ябеды“; правда, Ляпкинъ-Тяпкинъ беретъ взятки, но чѣмъ — „борзыми щенками“ и тѣмъ, что охотится на земляхъ лицъ, имѣющихъ у него тяжбы.

Столь-же отрицательное отношеніе къ старому судебному строю проходитъ красною нитью и черезъ дальнѣйшую лите-

ратуру, — этой темѣ немало удѣляютъ вниманія Писемскій, Островскій, Некрасовъ, Щедринъ и др. Приведемъ небольшую выписку изъ произведеній послѣдняго писателя (Сатиры въ прозѣ, Литераторы—обыватели), который вообще отличается глубокимъ знаніемъ служебнаго быта провинціальной чиновничьей среды.

„Справедливо гласитъ русская пословица: „не бойся суда, а бойся судьи"; мудрость этого изреченія приходится испытывать на бокахъ нашихъ! Какъ бы вы думали, чьимъ рукамъ ввѣрены у насъ вѣсы Ѳемиды? Я не буду ни слова говорить о личныхъ качествахъ нашихъ „судей праведныхъ".... Богъ съ ними! Быть можетъ, всѣ они хорошіе семьяне, подаютъ нищей братіи, неуклонно исполняютъ христіанскія обязанности—все это остается при нихъ! Но способны ли они, но имѣютъ ли они право судить подобныхъ себѣ? — вотъ вопросъ! Для разрѣшенія этого вопроса позвольте мнѣ представить вамъ портретную галлерею нашихъ „судей праведныхъ". Предупреждаю: не ищите въ этихъ портретахъ остроумія—ищите одну истину, одну голую истину! Судья отличный человѣкъ; тученъ до того, что даже когда, ничего не дѣлая, сидитъ въ креслахъ, то и тутъ, черезъ какихъ нибудь полчаса, такъ запыхается, какъ будто бы, не кормя, во весь духъ тридцать верстъ проскакалъ. Недурные люди и засѣдатели: придутъ въ судъ и слоняются изъ угла въ уголъ, покуда секретарь почти насильно не засадитъ ихъ за докладной и не заставитъ резолюціи переписывать. Казалось бы работа не головоломная, но и тутъ бываютъ смѣхотворные случаи. На дняхъ одинъ засѣдатель, переписывая съ черновой довольно длинную резолюцію, занимавшую двѣ страницы, что бы вы думали ухитрился сдѣлать? Началъ съ оборота листа, а кончилъ началомъ! И это бываетъ сплошь, да рядомъ! А другой засѣдатель, чтобъ избѣжать надзора секретаря, безпрестанно, какъ школьникъ, бѣгаетъ въ сторожевскую, гдѣ проводитъ время въ разговорахъ съ сторожами и арестантами. Вообще довольно любопытно заглянуть въ нашъ судъ и видѣть, какъ наши „судьи праведные" сидятъ за докладными и, пыхтя и потѣя, безсознательно списываютъ резолюціи съ листочковъ, на которыхъ онѣ предварительно пишутся секретаремъ, между тѣмъ, какъ мысль ихъ „далече отстоитъ" отъ предмета ихъ занятій".

У того же писателя есть рядъ прекрасныхъ эскизовъ о производствѣ слѣдствій.—Выводится уѣздный врачъ Иванъ Петровичъ, который былъ виртуозомъ взяточничества.

„Утонулъ ли кто въ рѣкѣ, съ колокольни ли упалъ и расшибся — все это ему рука.... И какъ бы вы думали: ну, утонулъ человѣкъ, расшибся; кажется, какая тутъ корысть, чѣмъ тутъ попользоваться? А Иванъ Петровичъ зналъ чѣмъ. Пріѣдетъ въ деревню, да и начнетъ утопленника то пластать; натурально, понятые тутъ и фельдшеръ тоже, собака такая, что хуже самого Ивана Петровича.

— „А ну-ка ты, Гришуха, держи-ка покойника-то за носъ, чтобъ мнѣ тутъ ловчѣе было.

„А Гришуха (изъ понятыхъ) смерть покойника боится, на пять саженъ и подойти-то къ нему не смѣетъ.

— „Ослобони, батюшка Иванъ Петровичъ, смерть не могу, нутро измираетъ!

„Ну и освобождаютъ, разумѣется, за посильное приношеніе. А то другого заставляетъ внутренности держать. Сами разсудите, кому весело мертвечину ослизлую въ рукахъ имѣть,—ну и откупаются полегоньку; анъ, глядишь, и наколотитъ Иванъ Петровичъ рубликовъ десятокъ; а и дѣло-то все пустяковое.

Не лучше были и другіе уѣздные чиновники, одинъ изъ нихъ разсказываетъ: „А то была у насъ и такая манера: заведешь, бывало, слѣдствіе, примѣрно хоть по конокрадству; облупишь мошенника, да и пустишь на волю. Смотришь черезъ мѣсяцъ опять попался — опять слупишь и опять выпустишь. До тѣхъ, сударь, поръ этакъ дѣйствуешь, покуда на голубчикѣ, что называется лягушечьяго пуха не останется. Ну тогда ужъ шалишь, любезный, ступай въ острогъ и взаправду. Оно, вы скажете, скверно преступника покрывать, а я вамъ доложу, что не покрывать, а примѣрно, значитъ, пользоваться обстоятельствами дѣла. Вѣдь мы знаемъ, что онъ нашихъ рукъ не минуетъ, такъ отчего жъ и не потѣшить его?“

Во всѣхъ цитированныхъ произведеніяхъ выводятся рѣзко отрицательные типы дореформенной чиновничьей среды, выводятся болѣе или менѣе дурные люди, отъ которыхъ трудно и ожидать чего либо хорошаго, но еще болѣе сильное впечатлѣніе производятъ такія картины, въ которыхъ дѣйствуютъ по-

рядочные люди, склонившіеся подъ вліяніемъ обстоятельствъ и внѣшнихъ условій, къ дурнымъ поступкамъ.

Къ такимъ произведеніямъ надо отнести судебныя сцены И. С. Аксакова „Присутственный день уголовной палаты", дающія замѣчательную картину внутренней жизни палаты и отправленія въ ней правосудія.

Предсѣдатель, засѣдатели палаты и даже секретарь—недурные люди, но о правосудіи они весьма мало заботятся. Одинъ засѣдатель, прослужившій въ этой должности 17 лѣтъ, поучаетъ другого: „Да вы не читайте, такъ подписывайте.... дѣлайте какъ я.... оно и для совѣсти то спокойнѣе, ей Богу! Вѣдь по правдѣ сказать, что толку, что вы прочтете приговоры или нѣтъ? Дѣла же вы всетаки читать не станете!.... Я вамъ всю мудрость открою.... Первое дѣло—это чтобъ секретарь былъ хорошій и добрый, ну и не очень корыстный. Коли секретарь человѣкъ знающій, дѣло-то и ладно, ужъ онъ присутствующихъ ни подъ выговоръ, ни подъ штрафъ и не подведетъ.... Я вѣдь вотъ какъ разсуждаю: вѣдь на что-нибудь секретарь да заведенъ, вѣдь коли бы мы и дѣла стали читать, и законы пріискивать, и резолюціи всѣ сочинять, такъ тогда зачѣмъ и секретарь? Не нужно секретаря, прочь его. Вѣдь законы то не дураками писаны. Такъ оно-то и значитъ, что все это дѣло секретарское, а не наше. Такъ ли?

На это другой засѣдатель возражаетъ:

Конечно такъ, однакожъ для чего нибудь мы здѣсь да сидимъ?

1-й засѣдатель;

Да такъ, для порядку".

И затѣмъ оба засѣдателя успокаиваются на той мысли, что вѣдь за ихъ рѣшеніями наблюдаютъ и прокуроры и губернаторъ и „за неправое рѣшеніе кто отвѣчаетъ—не мы одни, и они также. У насъ оттого и заведеніе такое, коли прокурору что въ рѣшеніи не нравится или губернатору, такъ мы домашнимъ образомъ и переправляемъ дѣла. Что его въ Сенатъ таскать. Зато ужъ если всѣ промахнемся или дѣло рѣшимъ криво, такъ ужъ всѣ молчокъ, другъ друга не выдадимъ, все шито да крыто; дѣло то вѣдь общее"....

Судебныя сцены И. С. Аксакова представляютъ изъ себя переходъ отъ художественнаго воспроизведенія дореформенныхъ

судебныхъ нравовъ къ длинному ряду публицистическихъ произведеній на ту же тему.

Много горькихъ словъ о неправосудіи было сказано, много искреннихъ и горячихъ страницъ написано, особенно въ первые годы царствованія Императора Александра II.

Съ разнымъ конечно талантомъ, но съ одинаковымъ усердіемъ множество лицъ критиковало со всѣхъ точекъ зрѣнія дореформенный судебный строй,—указывали, что онъ цѣликомъ основанъ на бюрократическихъ началахъ старой Россіи, что поэтому населеніе не довѣряло суду, и обыватель страшился не столько наказанія, сколько судебнаго вѣдомства; что въ Россіи уголовный судъ есть мертвый механическій процессъ, „хотя предметъ его суда — человѣкъ, жизнь и страсти человѣка", что ото всего нашего судебнаго обихода вѣетъ лишь безнадежной скукой, что наша судебная система отжила давно свой вѣкъ. Публицисты восклицали, что у нихъ нехватаетъ словъ, чтобы изобразить мрачную пучину зла, которое гнѣздится въ нашемъ судопроизводствѣ и „подобно раку и Антонову огню точитъ.... силы русскаго народа". По удачному выраженію одного изъ нихъ „законность терялась до реформы 1864 г. въ лабиринтѣ безконечной переписки, правосудіе изнывало при закрытыхъ дверяхъ, право задыхалось въ глухой таинственности—книги этому помочь не могутъ, единственно только гласность, устность и свобода печати. Безъ гласности и устности судъ ни что иное, какъ подкрадывающаяся въ темнотѣ змѣя, распространяющая трепетъ и ужасъ. Каждый обвиняемый съ момента своего вызова въ судъ подвергался пыткѣ; его мучили страхъ, сомнѣнія, неопредѣленность, потому что правота его не защищала, а справедливость являлась лишь случаемъ" [1]).

Двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 года одинъ изъ искреннѣйшихъ русскихъ публицистовъ И. С. Аксаковъ, по личной своей службѣ знакомый съ прежними учрежденіями, восклицалъ: „старый судъ"! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ [2]).

---

[1]) Ein Wort zu den Reformen in Russland, v. Slepoff. Leipzig, 1865 г., стр. 67 и 69.

[2]) И. С. Аксаковъ. Собр. соч., т. IV, стр. 525. Не менѣе яркую характеристику стараго судебнаго строя даетъ Леруа-Больe: Le tribunal, entouré de ténèbres, était devenu une sorte de comptoir, où l'on trafiquait sans honte des biens et de la liberté des hommes.

Среди представителей науки не было такого единодушія въ оцѣнкѣ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ,—правда, критика раздавалась и изъ этого лагеря, но съ другой стороны находились и защитники дѣйствовавшей судебной системы и въ особенности слѣдственнаго процесса.

Не имѣя возможности отвести достаточно мѣста изложенію взглядовъ старыхъ представителей офиціальной науки, ограничимся воспроизведеніемъ основныхъ точекъ зрѣнія лишь двухъ авторовъ, по одному съ каждой стороны, — Н. Гартунга и С. Баршева.

Гартунгъ въ своей интересной „Исторіи уголовнаго судопроизводства и судоустройства Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, приноровленной къ университетскому курсу", шагъ за шагомъ подвергаетъ научному анализу важнѣйшіе институты дореформеннаго судебнаго строя [1]). Такъ, онъ останавливается подробно на роли полиціи въ дѣлѣ отправленія правосудія и на отдѣленіи слѣдствія отъ суда и замѣчаетъ, что „предоставленіе полиціи вчинять производство слѣдствія тяжелымъ гнетомъ давило общество и заставляло полицію вмѣшиваться во все и привязываться ко всему..... это превращало полицію въ страшилище. Все во власти полиціи, которая и вчиняетъ дѣло и собираетъ данныя, на которыхъ основывается потомъ судъ,— вотъ прямое послѣдствіе отдѣленія слѣдствія отъ суда".

Осужденіе Гартунга вызываетъ пестрота и сложность подсудности и весьма несправедливый порядокъ восхожденія дѣлъ по инстанціямъ, при которомъ лицамъ непривилегированныхъ

Les scribes ou avoués (striaptchi), chargés des intérêts des parties, n'étaient guère que des courtiers entre juges et plaideurs. Les sentences étaient à l'encan; les symboliques balances de la justice servaient moins à peser les droits et les titres que les offres et les présents des parties.

Le juge intègre était celui, qui recevait des deux mains et des deux parties sans vendre ses decisions ni à l'une, ni à l'autre.....

Un propriétaire avait un procés, son affaire était excellente, le président du tribunal était son ami, et de plus un homme aussi estimè que pouvait l'être un juge. Le plaideur n'osait, selon l'usage, graisser la patte du magistrat, qui ne cessait de lui répéter: „Ne vous préoccupez de rien, votre cause n'est pas douteuse". Vient le jour où le tribunal rend son arrêt, notre propriétaire est condamné. „Mon ami, lui dit le juge à la sortie de l'audience, votre affaire est si bonne que nous pouvons bien laisser à votre adversaire le plaisir de gagnes en première instance". Leroy-Beaulieu. L'empire des Tsars et les Russes. Tome II. Livre IV. Chap. I. Page 291.

[1]) „Исторія" Гартунга, изд. 1868 г., но изъ текста ея можно заключить, что это курсъ, который читался ранѣе 1864 года.

сословій предоставлялось жаловаться на осуждающіе ихъ приговоры лишь по исполненіи надъ ними тяжкаго, тѣлеснаго наказанія; затѣмъ въ помянутой работѣ имѣются весьма основательныя указанія на недостатки засѣдателей отъ сословій въ качествѣ судей и на полную безполезность сословныхъ депутатовъ при производствѣ слѣдствій, роль которыхъ и по самому закону была весьма ограниченной.

С. Баршевъ въ 1842 г. выступилъ защитникомъ существующаго судебнаго строя въ статьѣ „О преимуществѣ слѣдственнаго процесса передъ обвинительнымъ“ [1]); онъ съ большою силою своего несомнѣннаго діалектическаго таланта, восхваляетъ дѣйствующее судопроизводство, приводя и группируя преимущественно общеизвѣстныя доказательства достоинствъ слѣдственнаго процесса.

Разсмотрѣвъ обвинительную и смѣшанную форму процесса, Баршевъ пишетъ, „гораздо простѣе и сообразнѣе съ цѣлью представляются у насъ и во всѣхъ важнѣйшихъ германскихъ государствахъ..., гдѣ все дѣлается самимъ слѣдователемъ и самими судьями ex officio..., такъ какъ слѣдователь не судитъ о тѣхъ дѣлахъ, по которымъ онъ производитъ слѣдствіе, то отъ того, что онъ соединяетъ въ себѣ и роль обвинителя ни государство, ни подсудимый ничего не проигрываютъ, напротивъ, оба даже выигрываютъ потому, что въ этомъ случаѣ слѣдователю уже никто не мѣшаетъ въ производствѣ слѣдствія, отчего оно и не можетъ не итти быстрѣе и успѣшнѣе... Средствъ защиты подсудимый въ слѣдственномъ процессѣ имѣетъ даже болѣе, нежели гдѣ нибудь. О доставленіи ихъ обязанъ заботиться даже самъ слѣдователь, потому что цѣль слѣдственнаго процесса состоитъ не въ обвиненіи подсудимаго, а въ дознаніи высочайшей матеріальной истины“. Къ преимуществамъ слѣдственнаго процесса Баршевъ относитъ, во-первыхъ, ту независимость и самостоятельность, съ которыми производятъ уголовныя дѣла слѣдователь и судья и которыхъ они не имѣютъ ни въ чисто обвинительной, ни въ смѣшанной формѣ: главнымъ же образомъ то, что въ системѣ слѣдственной дѣло переходитъ само собою чрезъ многія инстанціи, а въ другихъ нѣтъ.

---

[1]) Юридическія записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ, т. II, 1842 г.

По мнѣнію Баршева процессъ слѣдственный совершенно неправильно считается несовмѣстимымъ съ гражданскою свободою. Правда, продолжаетъ Баршевъ, съ перваго взгляда представляется, что гдѣ судъ по преступленіямъ ввѣряется народнымъ судьямъ, личная свобода ограждается болѣе, нежели тамъ, гдѣ онъ предоставляется коронным судьямъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Народные судьи, если и свободны отъ вліянія государственной власти, зато они всегда находятся подъ вліяніемъ духа партій и, кромѣ того, весьма часто сами лично бываютъ прикосновенны къ тѣмъ дѣламъ, о которыхъ судятъ.

Наконецъ, если даже допустить, что народные судьи наименѣе способны къ злоупотребленіямъ, то и въ этомъ случаѣ ихъ судъ нельзя было-бы признать образцовымъ. Въ присяжные избираются обыкновенно люди, которые не имѣютъ никакихъ свѣдѣній въ правѣ. Эти свѣдѣнія считаются совершенно ненужными для нихъ оттого, что на нихъ возлагается рѣшеніе по одному внутреннему убѣжденію, только такъ называемыхъ фактическихъ вопросовъ, а для этого признается достаточнымъ одинъ здравый смыслъ. Но справедливо ли это? Въ началѣ государствъ, когда общественныя и всѣ житейскія отношенія еще слишкомъ просты, и когда право не скрывается въ мертвыхъ письменахъ и буквахъ, а живетъ въ общественномъ обычаѣ, достаточно конечно одного здраваго смысла и внутренняго убѣжденія для того, чтобы найти простой и справедливый приговоръ. Но въ наше время, когда общественныя отношенія сдѣлались многосложнѣе и запутаннѣе и когда повсюду дѣйствуетъ писанный законъ, необходимо имѣть, при здравомъ смыслѣ и внутреннемъ убѣжденіи, еще основательное познаніе въ законахъ, дабы быть въ состояніи исполнять, какъ должно, трудную обязанность судьи.

Что же можетъ быть хуже и ненадежнѣе этихъ судей? Сужденія т. н. здраваго смысла не всегда и не у всѣхъ одинаковы.

Безъ всякаго отчета и отвѣтственности они даютъ свои приговоры и при томъ такъ, что однажды данные, они считаются неопровержимыми.

Противъ нихъ нѣтъ ни ревизіи, ни апелляціи, ниже другого какого-нибудь средства, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ. Не лучше ли поэтому то судопроизводство, гдѣ сколько воз-

можно менѣе представляется произволу судей и гдѣ они всѣ свои приговоры обязываются утверждать на законахъ? Въ этомъ судопроизводствѣ осуждаетъ уже не судья, а законъ; и если онъ, по ошибкѣ или злоупотребленію,—приводится неправильно, то это можетъ быть тотчасъ замѣчено и исправлено въ этой же инстанціи или въ другой, куда дѣло переходитъ само собою.

Безстрастенъ и равнодушенъ, какъ законъ, долженъ быть судья, въ рукахъ котораго находится жизнь, честь, свобода и другія важнѣйшія блага его согражданъ. Всякое другое чувство, кромѣ строгаго и неумолимаго правосудія, должно быть ему чуждо.

Затѣмъ Баршевъ горячо возстаетъ противъ публичности и устности процесса: въ первой онъ не видитъ никакой пользы потому, что присутствующая публика обыкновенно не обладаетъ надлежащими познаніями въ законахъ и вообще образованіемъ, при наличности котораго только и возможенъ надзоръ общества за судьями; что-же касается устности, то Баршевъ положительно противъ нея, такъ какъ она даетъ возможность заинтересованнымъ лицамъ „стакиваться“ и ведетъ, по его мнѣнію, только къ развитію безполезной адвокатской риторики, могущей вредно вліять на менѣе опытныхъ судей.

Мнѣнія этого несомнѣнно даровитаго теоретика системы офиціальнаго благополучія и полнаго довольства существующимъ порядкомъ не раздѣлялось большинствомъ людей практики, даже и такихъ, которые уже по самому положенію своему были весьма далеки отъ какого-бы то ни было радикализма.

Сенаторы, ревизовавшіе губерніи, единодушно свидѣтельствовали о полномъ разстройствѣ правосудія. По картинному выраженію одного изъ нихъ „единственно успѣшный способъ заключенія многихъ уголовныхъ дѣлъ—это давность“.

Даже послѣ реформы 1864 г. старыя судебныя мѣста, гдѣ они сохранились, несмотря на нѣкоторыя улучшенія, внесенныя въ ихъ дѣятельность правилами 1865 г., дѣйствовали крайне неудовлетворительно, вызывая къ себѣ самое отрицательное отношеніе такихъ безпристрастныхъ и компетентныхъ наблюдателей, какъ ревизующіе сенаторы [1]).

---

[1]) См. крайне любопытное опредѣленіе Сената, по донесенію сенатора Клушина, ревизовавшаго Пермскую губернію въ 1870 г., напечатанное въ 1914 г. въ Журн. Мин. Юстиціи.

Столь-же отрицательно относилось къ дѣятельности дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ и правящая среда. Суды отъ низшихъ до высшихъ не пользовались довѣріемъ правительства, поэтому нерѣдко судебныя дѣла, вопреки точному смыслу закона, разрѣшались административнымъ порядкомъ [1]). Извѣстенъ цѣлый рядъ Высочайше утвержденныхъ положеній Комитета Министровъ, которыми видоизмѣнялись, а иногда и совершенно отмѣнялись приговоры Сената, постановленные имъ въ качествѣ ревизіонной инстанціи; при этомъ нельзя не замѣтить, что нерѣдко рѣшенія Комитета кажутся намъ болѣе соотвѣтствующими понятію правосудія и справедливости, нежели рѣшенія Сената.

И это совершенно понятно. Комитетъ Министровъ не былъ въ такой мѣрѣ связанъ, какъ Сенатъ, теоріей формальныхъ доказательствъ и другими отжившими постановленіями нашего законодательства. Сенату его „Учрежденіемъ“ предписывалось буквальное примѣненіе закона и строго воспрещалось не только дѣятельность преобразовательная, но и сколько нибудь свободное толкованіе закона, тогда какъ Комитетъ Министровъ не былъ стѣсненъ такими ограниченіями и во имя требованій жизни могъ допускать изъятіе изъ закона, а въ случаѣ надобности имѣлъ возможность немедленно-же создавать новыя нормы, въ формѣ Высочайше утвержденныхъ положеній. Императоры Александръ I и въ особенности Николай I очень интересовались ходомъ судебныхъ дѣлъ въ Сенатѣ и мѣстныхъ судахъ, просматривали представлявшіяся Имъ поэтому поводу вѣдомости, обращались къ Сенату съ побуждающими указами, гнѣвались на судебную волокиту.

Иногда Монаршая критика судебной дѣятельности звучитъ очень строго; такъ, напримѣръ, въ указѣ министру юстиціи отъ 13 февраля 1823 г. говорится: „Указомъ, 28 іюня истекшаго года даннымъ, по дѣлу объ убійствѣ Курской губерніи Льговскаго уѣзда дворянки дѣвицы Алтуховой, повелѣвъ Правительствующему Сенату, по надлежащимъ вопросамъ, очнымъ ставкамъ и церковному увѣщанію, постановить приговоръ и учинить рѣшеніе по законамъ, какъ о самомъ преступникѣ и

---

[1]) Ср. Колмакова, „Старый Судъ“, Русская Старина, 1886 г., № 12, гдѣ приводятся очень интересныя данныя о старыхъ судебныхъ порядкахъ.

соучастникахъ его, такъ и о тѣхъ, коихъ небреженіемъ или пристрастіемъ обстоятельства дѣла сего были сокрыты отъ дѣйствія правосудія,—Я предоставилъ ему всѣ способы кончить сіе важное дѣло безъ потери времени.

Но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не произошло въ Сенатѣ ничего, кромѣ преній безполезныхъ и такихъ вопросовъ губернскому начальству, кои, не служа прямо къ изобличенію въ преступленіи, удобны лишь запутать дѣло и отдалить окончаніе онаго на время неопредѣленное. Я поручаю Вамъ объявить Сенаторамъ сіе замѣчаніе, отклонить отъ дѣла сего все, что не ведетъ существенно къ тѣмъ удостовѣреніямъ, какихъ требуютъ обстоятельства онаго, и наблюсти, чтобъ оно рѣшено было безъ послабленія на основаніи законовъ [1])".

V. Сознаніе необходимости судебной реформы.

Всеобщее отрицательное отношеніе къ существующему судебному строю естественно приводило къ мысли о необходимости судебной реформы. Сперва эта мысль была достояніемъ немногихъ—наиболѣе просвѣщенныхъ и понимавшихъ государственныя надобности людей, но постепенно она болѣе и болѣе распространялась и къ концу пятидесятыхъ годовъ XIX в. стала единодушнымъ желаніемъ всѣхъ сколько нибудь развитыхъ группъ населенія.

Вопросъ объ улучшеніи судебныхъ порядковъ весьма опредѣленно интересовалъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ первую половину царствованія Александра Павловича, которая вообще представляется намъ временемъ необычайнаго оживленія политической мысли, но внѣшнія событія и послѣдовавшая затѣмъ эпоха застоя отодвинули всѣ преобразовательныя въ этомъ отношеніи намѣренія и желанія на задній планъ. Въ 20-хъ годахъ идея судебной реформы, въ связи съ другими преобразованіями, весьма занимала многихъ членовъ тайныхъ обществъ, участвовавшихъ впослѣдствіи въ декабрьскомъ возстаніи—1825 г.,

---

[1]) Сборникъ Истор. матеріаловъ, извлечен. изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцел. т. VI, стр. 93 и 94. Высочайшія повелѣнія по гражданской части 1823 года.

причемъ они хотѣли реформы на тѣхъ приблизительно основаніяхъ, на которыхъ она проведена была впослѣдствіи при Императорѣ Александрѣ II.

Въ особенности подробно останавливался на этомъ вопросѣ Никита Муравьевъ, признававшій необходимымъ отдѣленіе судебной власти отъ административной, судъ присяжныхъ и пр.

Приблизительно въ то же время вопросъ о судебной реформѣ занималъ и государственныхъ людей,—предсѣдатель Государственнаго Совѣта В. П. Кочубей составлялъ проектъ объ учрежденіи „мирныхъ судей", которые должны разбирать всѣ споры и тяжбы, руководствуясь болѣе совѣстью и здравымъ разсудкомъ, нежели формами, но рѣшенія ихъ становились обязательными лишь по дѣламъ менѣе важнымъ [1]).

Извѣстный адмиралъ Мордвиновъ, обсуждая въ одной изъ своихъ записокъ вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ министерскаго и коллегіальнаго управленія, подробно останавливается на необходимости отдѣленія судебной власти отъ административной.—„Всегда и вездѣ, пишетъ онъ, признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой. Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣйшимъ можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста, въ предметахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ никакого между собою смѣшенія". „Между европейскими державами почитается самымъ худшимъ правленіе турецкое, потому что тамъ не судья судитъ, но паша. Онъ рѣшаетъ дѣла тяжебныя о собственности и казнитъ виновныхъ не по приговору судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своему произволу. Такое нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ; повсемѣстно-же водворились дикость, уныніе и нищета. Гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ

---

[1]) М. А. Филипповъ. Судебная реформа въ Россіи, т. I.

дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми... Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предпоставленныхъ для созданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ земныхъ".

Еще болѣе заслуживаютъ вниманія соображенія статсъ-секретаря Балугьянскаго [1]), высказанныя имъ въ „Разсужденіи объ учрежденіи губерній", внесенномъ въ „Комитетъ 6-го декабря 1826 года" по Высочайшему повелѣнію отъ имени неизвѣстнаго.

Кореннымъ недостаткомъ современнаго ему порядка управленія Балугьянскій признавалъ „произволъ и деспотизмъ всѣхъ чиновниковъ отъ министра до послѣдняго". „Въ нашемъ вѣкѣ гдѣ деспотизмъ? спрашиваетъ онъ, въ царяхъ? Взглянемъ на европейскихъ государей. Гдѣ деспотизмъ? Онъ есть въ управляющихъ мѣстахъ и лицахъ, дѣйствующихъ съ совершенно неопредѣленною властью въ замѣшательствѣ порядка и въ производствѣ дѣлъ".

Но, „всѣхъ болѣе несовершенною" считаетъ Балугьянскій „судную часть". Подчиненность судебныхъ мѣстъ губернатору, опредѣленіе судей посредствомъ выборовъ, крайняя медленность производства дѣлъ, обусловленная тѣмъ, что, при чрезвычайной ограниченности власти судовъ первой и второй степени, всѣ дѣла обращаются въ Сенатъ, и тяжбы дѣлаются безконечными— таковы существенные, по мнѣнію Балугьянскаго, недостатки нашего стараго судопроизводства.

Безъ независимости судебной власти отъ правительственной, говоритъ онъ, нѣтъ законнаго правосудія. Необходимость отдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ правительственныхъ не подлежитъ въ нашемъ вѣкѣ никакому сомнѣнію. Всякій чувствуетъ, что тамъ, гдѣ губернаторъ можетъ дать повелѣнія судьямъ судить то или другое, пересматривать ихъ приговоры, остановить исполненіе, тамъ не законъ царствуетъ, а произволъ. Въ цѣлой Европѣ безъ всякаго изъятія, да и у Римлянъ и въ древней Греціи, судная часть отдѣлена была отъ правительственной, и не только чтобы начальники сей послѣдней могли остановлять или пересматривать ихъ рѣшенія, они обязаны исполнять ихъ приговоры безпрекословно. Только у дикихъ необразованныхъ народовъ соединяетъ одинъ начальникъ всѣ

---

[1]) Коркуновъ. Сборникъ статей, стр. 134—139.

власти. Судная власть сама по себѣ составляетъ одну изъ трехъ главныхъ частей верховной власти.

Всѣ прочія управленія суть только подраздѣленія части исполнительной, слѣдовательно судная власть занимаетъ послѣ законодательной второе мѣсто въ государствѣ. Она не можетъ имѣть равное устройство съ управляющимъ мѣстами. Величество закона требуетъ, чтобы приговорамъ оной повиновались всѣ прочія управленія. Если судебные приговоры требуютъ исправленія, то для сего существуетъ по гражданскимъ дѣламъ апелляція, по уголовнымъ—ревизія въ высшихъ степеняхъ суда. На что же вмѣшаніе губернатора, мало или совсѣмъ не свѣдущаго въ законахъ, или по крайней мѣрѣ не знающаго производства всего дѣла, о которомъ онъ судить долженъ? Если общія жалобы, что законы не исполняются, имѣютъ какую то основательность, то причина оной состоитъ въ совершенной ничтожности судейской власти.

Для устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ Балугьянскій находилъ необходимымъ положить въ основу предполагаемаго преобразованія судебнаго устройства самостоятельность суда и независимость судей.

Переносъ судебныхъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ не долженъ допускаться. На Высочайшее усмотрѣніе вносятся въ видѣ исключенія только приговоры „къ лишенію жизни или чести дворянъ, случаи оскорбленія Величества или измѣны, случаи о имуществѣ Царской Фамиліи“. Функціи министра юстицій, которому Балугьянскій предполагалъ присвоить званіе канцлера, находя генералъ-прокурорское званіе для него неприличнымъ, ограничиваются только судебнымъ управленіемъ. „Министерство не можетъ ни перевершивать, ни разсматривать приговоровъ самыхъ низшихъ судовъ,... или предлагать свое мнѣніе Сенату“ (парагр. 3). Сенатъ долженъ былъ стать кассаціоннымъ судомъ: „не судить о существѣ тяжбы или судьбѣ подсудимаго по апелляціи, но уничтожить производство въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона къ дѣлу или нарушенія формы и велѣть разсмотрѣть дѣло другому суду“. „Всѣмъ судамъ высшимъ и меньшимъ не зависѣть отъ какой нибудь власти, кромѣ власти судебнаго сената“. Поэтому мѣстныя судебныя установленія „совершенно изъемлются изъ подъ власти губернатора и губернскаго правленія“.

Кромѣ всего этого, для большаго обезпеченія самостоятельности судебной власти Балугьянскій предполагалъ еще реформировать прокуратуру, пріурочивъ ее исключительно къ судамъ и ограничивъ функціи ея тѣмъ, чтобы: 1) имѣть бдѣніе о сохраненіи порядка въ судопроизводствѣ, законами предписаннаго; 2) вести казенныя тяжбы и сохранять при каждомъ случаѣ права правительства; 3) преслѣдовать преступниковъ, дѣлать слѣдствіе и пр.; 4) наблюдать за исполненіемъ приговоровъ суда".

Наконецъ Балугьянскій проектировалъ также образованіе особыхъ органовъ судебной полиціи: „исполненіе судебныхъ приговоровъ по дѣламъ тяжебнымъ поручается приставамъ, коихъ древнее званіе возобновляется" (парагр. 21).

Для обезпеченія судейской независимости онъ находилъ нужнымъ всѣхъ судей, какъ назначаемыхъ отъ правительства, такъ и выборныхъ сдѣлать пожизненными.

Согласно этимъ общимъ руководящимъ началамъ, Балугьянскій предлагалъ слѣдующую организацію судебныхъ установленій.

Во главѣ всей судебной власти верховный судъ или судебный сенатъ, вѣдающій: 1) уничтоженіе приговоровъ апелляціонныхъ судовъ; 2) разрѣшеніе сомнѣній о подсудности и пререканія судебной власти; 3) сужденіе преступленій противъ Величества. Онъ раздѣляется на три департамента: 1) гражданскихъ дѣлъ, 2) уголовныхъ и 3) прошеній. Сенаторы назначаются изъ предсѣдателей судныхъ палатъ.

Вслѣдъ за Сенатомъ слѣдуютъ „палаты судныя", учреждаемыя на двѣ губерніи по одной и раздѣляющіяся на департаменты гражданскаго и уголовнаго суда. Палаты состоятъ изъ одного перваго предсѣдателя, двухъ предсѣдателей и по десяти судей, опредѣляемыхъ Высочайшею властью пожизненно.

Уѣздный судъ учреждается на одинъ, два или даже три уѣзда. Онъ также раздѣляется на два департамента, тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, и состоитъ изъ предсѣдателя, старшаго судьи и отъ шести до десяти судей. Судьи избираются депутатскимъ собраніемъ изъ дворянъ или чиновниковъ по жизнь съ Высочайшаго утвержденія. Они почитаются наравнѣ съ другими судьями.

Въ городахъ предполагалось учредить особые магистратскіе суды, состоящіе изъ судьи, опредѣляемаго министромъ юстиціи

по представленію судной палаты, и засѣдателей, избираемыхъ на неопредѣленное время изъ жителей, внесенныхъ въ городскую книгу безъ различія состоянія, дворяне ли они или мѣщане, или купцы.

Наконецъ, для крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ, должны бы быть учреждены нижнія земскія расправы, состоящія изъ расправнаго судьи по выбору изъ дворянъ и 2—4 засѣдателей поселянъ по выбору подсудныхъ этимъ расправамъ волостей.

Проектъ Балугьянскаго былъ обсужденъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, и хотя комитетъ и не былъ согласенъ съ нѣкоторыми его сужденіями и предположеніями, но въ общемъ отнесся къ проекту довольно доброжелательно.

Идеи, высказанныя Балугьянскимъ, были такого рода, что конечно не могли вызвать общаго сочувствія правящей среды, многія лица которой вполнѣ удовлетворялись существующимъ порядкомъ вещей. Такъ, напримѣръ, Закревскій при обсужденіи вопроса объ измѣненіяхъ въ строѣ губернскихъ учрежденій писалъ: „долговременное и благотворное существованіе губернскихъ учрежденій усвоило его въ любви народной и произвело то, что самые поселяне знаютъ всѣ постановленія, въ немъ заключающіяся, и удобно снискиваютъ себѣ правосудіе, и нѣтъ прямой необходимости отмѣнять сіе учрежденіе и вводить новое, мѣняя такимъ образомъ благо, уже испытанное, на пользу еще сомнительную [1]).

Едва ли нужно останавливаться на томъ, насколько эта идиллія соотвѣтствовала дѣйствительности; понятно такіе взгляды не раздѣлялись лучшими русскими людьми, мысль которыхъ постоянно обращалась къ судебному преобразованію,—они горячо мечтали о насажденіи въ Россіи истиннаго правосудія, при чемъ инстинктивно чувствовали, что это возможно лишь при дружной совмѣстной работѣ правительства съ общественными силами. Въ такомъ направленіи не разъ высказывается въ своемъ дневникѣ весьма умѣренный человѣкъ, профессоръ и академикъ Никитенко, [2]) также думалъ и писатель совершенно другого склада Ник. Ив. Тургеневъ, удѣлявшій въ своемъ сочиненіи

---

[1]) М. А. Филипповъ. Судебная реформа въ Россіи, т. I, стр. 617.

[2]) Ср. Никитенко. Дневникъ, т. II, стр. 463 и 464.

„La Russie et les russes“ и другихъ работахъ большое вниманіе вопросу о судебномъ преобразованіи.

Тургенева въ особенности привлекали англійскіе порядки, хотя онъ отдавалъ должное и французской практикѣ. Онъ желалъ отдѣленія судебной власти отъ правительственной, введенія суда присяжныхъ какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, устнаго судопроизводства, введенія адвокатуры и пр.

Нѣтъ причинъ думать, пишетъ Тургеневъ, чтобы учрежденіе суда присяжныхъ въ Россіи было сопряжено съ непреодолимыми препятствіями, такъ какъ до Петра I былъ вѣдь старинный судъ цѣловальниковъ [1]), который оттѣснило введенное Петромъ нѣмецкое судопроизводство.

Сознаніе необходимости судебной реформы постепенно распространялось и укрѣплялось и, наконецъ, проникло въ учрежденіе, вѣдавшее кодификацію нашего законодательства и незадолго передъ тѣмъ составившее Сводъ Законовъ—во II-ое Отдѣленіе Собств. Е. И. Величества Канцеляріи, главноуправляющій которой графъ Блудовъ въ 1843 году затребовалъ черезъ министра юстиціи, графа Панина, мнѣнія прокуроровъ и предсѣдателей судовъ и палатъ по поводу недостатковъ русскихъ законовъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Но общая политическая обстановка того времени не была благопріятна сколько нибудь существеннымъ измѣненіямъ, даже въ такой спеціальной сферѣ, какъ гражданскій процессъ.

Принятая правительственная система покоилась на незыблемомъ сохраненіи существующаго порядка и вообще всего строя созданныхъ ранѣе отношеній. Совершенно игнорировалась истина, хорошо выраженная однимъ изъ современниковъ той эпохи, что консерватизмъ такая же крайность, какъ и ученія радикаловъ: жизненнаго процесса нельзя ни перегнать, ни остановить.

Поэтому понятно, что работы въ направленіи судебнаго преобразованія не двигались, но сознаніе необходимости реформы все же не оставляло многихъ лицъ правящей среды, и въ 1848 году было ясно высказано въ слѣдующей резолюціи Императора Николая Павловича по дѣлу объ имѣніи и долгахъ Баташова: „изложеніе причинъ медленности непомѣрной, съ которою

---

[1]) В. И. Семевскій. Политическія идеи декабристовъ, стр. 555—569.

производится сіе столь извѣстное дѣло, ясно выставляетъ всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства".

Эта резолюція временно нѣсколько оживила вопросъ объ исправленіи судебныхъ порядковъ, но не привела и не могла привести къ сколько нибудь существеннымъ результатамъ, такъ какъ общее охранительное направленіе русской внутренней политики еще усилилось вслѣдствіе серьезныхъ народныхъ волненій на западѣ Европы, начавшихся февральской революціей во Франціи. Къ этому же времени лучшіе дѣятели первыхъ лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, какъ Кочубей, Сперанскій и Новосильцевъ сошли одинъ за другимъ въ могилу, и на высшія должности попали люди значительно меньшихъ способностей, безъ широкаго государственнаго кругозора, и правительство окончательно сосредоточиваетъ свое исключительное вниманіе на двухъ чисто полицейскихъ вопросахъ, — сокращеніи сношеній русскихъ людей съ западной Европой и поддержаніи внѣшняго порядка. Для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей правительство сочло себя вынужденнымъ принять рядъ мѣръ стѣснительнаго характера, вызвавшихъ значительное недовольство среди болѣе образованныхъ группъ населенія.

При такой мало благопріятной внутренней обстановкѣ и при полномъ отсутствіи союзниковъ Россіи пришлось начать восточную войну съ коалиціей, опиравшейся на общественное мнѣніе почти всей Европы.

Борьбѣ противъ нашего отечества придавалось большое культурное значеніе, и цѣлью ея должно было быть ослабленіе Россіи, какъ наиболѣе крѣпкаго оплота реакціи. Крымская война почти сразу же обнаружила нашу полную неподготовленность къ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ, нашу жалкую отсталость отъ цивилизованныхъ странъ Европы. Всѣмъ стало ясно, что тридцатилѣтнее господство показной военщины принесло страшный вредъ не только гражданской жизни Россіи, но и самой арміи, занимавшейся больше церемоніальными маршами, нежели подготовкой къ войнѣ. Правда, солдаты и офицеры сражались какъ львы, но большинство генераловъ было очень плохо и совершенно лишено иниціативы; хуже всего были старшіе начальники; долгое господство безпощадной, суровой и бездушной дисциплины сильно препятствовало развитію и движенію самостоятельныхъ и та-

лантливыхъ людей, которые нужны для войны такъ же, какъ для всякаго крупнаго дѣла.

Въ эту истинно трагическую для Россіи минуту, когда на политическомъ ея горизонтѣ все сгущались и сгущались грозовыя тучи, а внутри страны царило уныніе, соединявшееся въ наиболѣе передовыхъ группахъ населенія съ раздраженіемъ и озлобленіемъ противъ правительства, скончался 18-го февраля 1855 года Императоръ Николай Павловичъ, и началось славное царствованіе Императора Александра II.

Это царствованіе составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ нашей исторіи,-- оно ознаменовалось цѣлымъ рядомъ великихъ реформъ, которыя были направлены къ раскрѣпощенію личности, уничтоженію произвола и водворенію гуманности въ разныхъ сферахъ русской жизни.

Дружными усиліями правительства и общества заложенъ надежный фундаментъ для созданія въ Россіи правового строя, этого непремѣннаго условія для экономическаго и духовнаго процвѣтанія каждаго народа.

Въ ходѣ реформъ весьма активное участіе принималъ самъ Императоръ Александръ Николаевичъ, который всегда интересовался и всегда опредѣленно сочувствовалъ законности и закону, и былъ проникнутъ истинною человѣчностью [1]).

Это настроеніе Государя, сыгравшее большую роль въ исторіи преобразованій 1860-хъ г.г., коренилось въ обстановкѣ и условіяхъ его воспитанія, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ [2]).

Императоръ Александръ Николаевичъ родился 17 апрѣля 1818 года. Заря жизни его была воспѣта Жуковскимъ въ красивыхъ стихахъ, въ которыхъ былъ высказанъ рядъ вдохновенныхъ пожеланій.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій „человѣкъ".

---

[1]) Интересныя мысли о времени Императора Александра II и его дѣятельности см. у Anatole Leroy-Beaulieu. Etudes russes et européennes, стр. 10—18.

[2]) Фактическія свѣдѣнія о воспитаніи и многихъ чертахъ дѣятельности Императора Александра II взяты преимущественно у Татищева. „Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе"; см. также А. Корниловъ. „Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ II". М. 1909 г.

Не менѣе горячо и столь-же пророчески привѣтствовалъ его другой видный поэтъ той-же эпохи, вложившій свои пожеланія въ уста тѣни Екатерины II.

„Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ,
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Дай просвѣщенные уставы,
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби . . .
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ,
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждан.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори
И Ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари".

Если бы поэтамъ было суждено дожить до славной эпохи реформъ Императора, младенчество котораго они такъ пророчески воспѣвали, то конечно это были бы счастливѣйшія ихъ минуты.

Когда Александру Николаевичу исполнилось шесть лѣтъ, его передали изъ женскихъ рукъ въ мужскія; его воспитателемъ былъ назначенъ капитанъ Мердеръ. Это былъ человѣкъ хорошей души и твердаго характера, оказавшійся кромѣ того прекраснымъ педагогомъ: онъ вполнѣ сознавалъ всю важность лежавшей на немъ отвѣтственности и сумѣлъ, съ одной стороны, развить хорошія стороны сердца и ума своего питомца, съ другой—бороться съ его недостатками. Обстановка первоначальнаго воспитанія будущаго Царя-Освободителя сложилась очень благопріятно: онъ былъ окруженъ общимъ доброжелательствомъ и любовью, и прежде всего любовью своихъ родителей, которые, однако, не

баловали чрезмѣрно своего сына и держали его, по большей части, вдали отъ той пышности, которой были сами окружены, и которая, конечно, не могла быть благопріятнымъ условіемъ для нормальнаго и здороваго воспитанія ребенка.

Императоръ Николай Павловичъ опредѣленно высказывалъ, что желаетъ воспитать въ Своемъ сынѣ человѣка, раньше чѣмъ сдѣлать изъ него государя. Онъ искалъ Своему сыну подходящаго наставника и нашелъ его въ лицѣ Жуковскаго. Это былъ истинный гуманистъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, человѣкъ, сумѣвшій и ученику своему внушить уваженіе къ личности и достоинству человѣка, а это качество очень цѣнно въ монархѣ и дѣлаетъ его близкимъ и дорогимъ сердцу народа. Понимая всю важность возложеннаго на него порученія и отвѣтственность передъ родиной за надлежащую подготовку будущаго Государя, Жуковскій горячо принялся за дѣло, которое всего его поглотило и стало главнѣйшею цѣлью его жизни. Онъ уѣхалъ за границу и на свободѣ, въ уединеніи, занялся подготовительной работой къ предстоящимъ обязанностямъ и прежде всего составленіемъ плана ученія наслѣдника.

Въ планѣ, составленномъ Жуковскимъ, на первое мѣсто выдвигалась нравственная сторона, моральное воспитаніе, развитіе природныхъ добрыхъ качествъ и борьба съ дурными побужденіями и наклонностями; цѣль ученія—образованіе добродѣтели. Въ систему преподаванія наслѣднику должны были войти, кромѣ предметовъ общаго начальнаго образованія, науки естественныя и гуманитарныя, и, наконецъ, вѣнцомъ всего должно быть систематическое чтеніе лучшихъ произведеній литературы, въ особенности тѣхъ, которыя знакомили бы будущаго Императора съ Россіей и русскимъ народомъ. Отводилъ нѣкоторое мѣсто Жуковскій и обученію военному дѣлу: ознакомленію съ нимъ предполагалось посвящать ежегодно лѣтнее вакаціонное время (полтора мѣсяца), но, озабочиваясь болѣе воспитать человѣка и монарха, нежели полководца, Жуковскій опасался увлеченія военщиной и не сочувствовалъ раннему появленію Наслѣдника въ военной обстановкѣ, на военныхъ торжествахъ и парадахъ.

Жуковскій находилъ, что главною наукою Наслѣдника должна быть исторія, которую онъ называетъ сокровищницею царскаго просвѣщенія. Въ оцѣнкѣ значенія исторіи Жуковскій слѣдуетъ Карамзину. Онъ говоритъ, что исторія наставляетъ опытами

прошедшаго, объясняетъ настоящее и даетъ возможность предсказывать будущее. Она знакомитъ Государя съ нуждами его страны и вѣка, она воспламеняетъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству; изъ нея извлечетъ Государь правила дѣятельности царской. Вотъ что писалъ Жуковскій для своего высокаго воспитанника: „Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ-Аврелій и Генрихъ Великій, сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти: народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ—просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе—оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ; истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народовъ. Будь вѣренъ слову; безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, отдаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся насчетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели. Сіе есть вѣра въ Бога! Она защититъ твою душу отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей“.

Образованіе Александра Николаевича шло въ общемъ не дурно, въ особенности же посчастливилось наукамъ юридическимъ. Хотя самъ Императоръ Николай Павловичъ относился къ юриспруденціи и ученымъ юристамъ безъ особеннаго сочувствія, но тѣмъ не менѣе онъ допустилъ обученіе наслѣдника законовѣдѣнію, понимая его, правда, болѣе въ смыслѣ практическомъ: ознакомленія съ русскимъ Сводомъ Законовъ, чѣмъ въ смыслѣ ряда научныхъ дисциплинъ. Преподавателемъ былъ очень удачно избранъ М. М. Сперанскій, сподвижникъ Императора Александра Павловича въ первую половину его царствованія и составитель Свода Законовъ. Онъ широко смотрѣлъ на поставленную ему задачу, и его „Бесѣды о законахъ", продолжавшіяся около полутора года, представляли серьезный курсъ публичнаго права, который какъ нельзя лучше подготовлялъ Наслѣдника къ будущей его государственной дѣятельности. Сперанскій былъ проповѣдникъ законности и уваженія къ закону,—эти положенія одушевляли его въ государственной работѣ и руководили имъ при составленіи Полнаго Собранія и Свода Законовъ, ихъ же положилъ онъ въ основаніе своихъ лекцій Наслѣднику. Говоря о самодержавной и неограниченной власти русскаго монарха, Сперанскій подчеркивалъ, что законы, волею его созданные, должны быть обязательны для него самого, точно такъ же, какъ и для его подданныхъ, до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ отмѣнены или замѣнены новыми законами. Устанавливая принципъ незыблемости законовъ, какъ основаніе государственнаго порядка, Сперанскій поучалъ далѣе, что всякое право, а слѣдовательно, право самодержавное—право только до тѣхъ поръ, пока оно основывается на правдѣ; тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, будетъ уже не право, а самовластіе [1]). Умъ наслѣдника былъ хорошо подготовленъ Жуковскимъ и Мердеромъ къ воспринятію идей, проводившихся въ бесѣдахъ Сперанскаго; добрыя сѣмена падали на хорошо воздѣланную почву и принесли обильные плоды. Главнымъ образомъ благодаря этимъ тремъ лицамъ воспитался монархъ, дѣятельность котораго была проникнута постояннымъ стремленіемъ къ справедливости и глубокимъ уваженіемъ къ законности и закону.

---

[1]) См. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Т. I. Изд. 2-е, 1911 г. Стр. 64 и 65, и Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., XXX. „Годы ученія". Т. I, стр. 370 и 371.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II во внутренней жизни Россіи сразу почувствовалась перемѣна политическаго курса, повѣяло свѣжимъ воздухомъ. Образованное общество, съ восторгомъ привѣтствовавшее воцареніе новаго Государя, не обманулось въ своихъ надеждахъ, такъ какъ хотя и не было предпринято еще какихъ либо крупныхъ шаговъ къ исправленію выяснившихся недостатковъ и золъ, но послѣдовала отмѣна цѣлаго ряда весьма непопулярныхъ мѣръ, принятыхъ въ концѣ прошлаго царствованія. Прежняя строгость къ печатному слову уступила мѣсто болѣе терпимому отношенію къ литературѣ и періодической печати, измѣнилось отношеніе и къ университетамъ: отмѣнены были нѣкоторыя ограниченія при пріемѣ студентовъ, вновь разрѣшено было посылать за границу для подготовки къ профессорской дѣятельности; заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на службѣ, были возвращены отнятыя у нихъ въ 1852 году пенсіи, послѣдовала отмѣна весьма стѣснительныхъ и обидныхъ мѣръ, клонившихся къ полному воспрещенію русскимъ подданнымъ выѣзда за границу. Всѣ эти и другія подобныя мѣропріятія имѣли слѣдствіемъ то, что государственная власть стала снова популярной, въ нее вѣрили и отъ нея ждали дальнѣйшаго исправленія недостатковъ и уничтоженія злоупотребленій, приведшихъ Россію къ политическому и общественному кризису.

Выразителемъ тогдашняго общественнаго настроенія явился извѣстный историкъ Погодинъ, такъ привѣтствовавшій радужную зарю новаго царствованія: „Въ трудныхъ обстоятельствахъ принялъ Государь свою державу. Ни одно вступленіе на престолъ въ Русской исторіи не сопрягалось съ такими грозными внѣшними опасностями; но въ утѣшеніе и одобреніе можемъ сказать себѣ и то, что ни одинъ Государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовью, безъ примѣси всякихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ Онъ. Всѣ сердца къ Нему стремятся, и не было, можетъ быть, никогда минуты болѣе благопріятной, когда было бы такъ удобно, такъ легко сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Преобразованія и исправленія внутреннія для насъ не только нужны, но и необходимы. Скажу болѣе: ими только можемъ мы спастися, ими только можемъ отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія".

Люди, жившіе въ то время, въ своихъ запискахъ говорятъ о сладкомъ чувствѣ облегченія, которое охватило русское общество, когда съ высоты престола послышались кроткія и милостивыя слова [1]). „Простить, отпустить, разрѣшить", говорилъ видный писатель на одномъ изъ многочисленныхъ тогда публичныхъ обѣдовъ, „сколько заключается въ этихъ немногихъ словахъ" [2]).

Наблюдательные современники отмѣчаютъ необычайное общественное оживленіе, которое быстро охватило различные слои населенія. Всѣ заволновались, заговорили, заспорили, но конечно особенное оживленіе замѣчалось въ столицахъ [3]).

Въ тогдашней Россіи было что-то праздничное, утреннее, весеннее, каждый „хотѣлъ думать, читать, учиться.... спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать" [4]).

Ближайшимъ результатомъ этого общественнаго подъема было недовольство существующими порядками, доставшимися новому царствованію отъ времени Императора Николая Павловича, духъ критики широко распространился съ низу до самаго верха [5]). Появилась обширная обличительная литература печатная, среди которой видное мѣсто занимали лондонскія изданія Герцена [6]) (Колоколъ съ приложеніемъ „Подъ судъ", Голоса изъ

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго царствованія было освобожденіе отъ наказанія плетьми слабосильныхъ преступниковъ, къ которымъ стали чаще всего относить женщинъ (Исторія Россіи въ XIX в., изд. Гранатъ, т. III, стр. 236).

[2]) „Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія, стр. 10; ср. „Мои воспоминанія" Е. Нарышкиной, стр. 93. Duc de Morny „Une Ambassade en Russie" стр. 93 и 94; La Russie en 1859, les reformes et la politique, стр. 12; situation financière стр. 37 и 38.

[3]) „Отличительною чертою тогдашняго Петербурга была его оживленность". Кн. Мещерскій, „Мои воспоминанія", ч. I, стр. 99.

[4]) Шелгуновъ „Изъ прошлаго и настоящаго", „Русская Мысль" 1885 г. № XI, стр. 237. Ср. „Мои воспоминанія", Е. Нарышкиной.

[5]) Въ томъ, что послѣ Севастопольскаго погрома всѣ очнулись, говоритъ Н. В. Шелгуновъ, всѣ стали думать и в с ѣ м и овладѣло критическое настроеніе, заключается разгадка мистическаго секрета 60-хъ годовъ; в с ѣ—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха реформъ. Императоръ Николай I опирался только на Государственный Совѣтъ. Императоръ Александръ II обратился къ чувствамъ всѣхъ, къ тѣмъ громаднымъ творческимъ и сознательнымъ силамъ, которыя хранились въ нижнемъ теченіи (Изъ прошлаго и настоящаго, „Русская Мысль" 1885 г. № XI, стр. 221).

[6]) „Къ концу 1856 г., когда успокоились всѣ волненія коронаціи, небо стало хмуриться..... началась совсѣмъ новая политическая жизнь..... явился новый страхъ—Герценъ; явилась новая служебная совѣсть—Герценъ; явился новый идолъ—Герценъ. Герценъ основалъ эпоху обличенія. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ того времени, брошюры Герцена читались..... Классы юнкеровъ дѣлились на герценистовъ и антигерценистовъ. Явился новый духъ, либеральный и современный, заключавшійся въ открещиваніи отъ Николаевщины: въ порицаніи его военщины, къ критикованію его дисциплины". Кн. В. П. Мещерскій, „Мои воспоминанія", ч. I, стр. 67 и 68.

Россіи, Полярная звѣзда и Историческій сборникъ) и рукописная, быстро достигшая большого развитія.

По рукамъ ходила масса записокъ, посвященныхъ критикѣ существующихъ порядковъ, причемъ иногда намѣчались и необходимыя исправленія. Тонъ этихъ записокъ обыкновенно энергическій, подчасъ желчный [1]), содержаніе довольно разнообразное, но преимущественное вниманіе удѣлялось крѣпостному праву, нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны впослѣдствіи или въ заграничныхъ изданіяхъ конца 50-хъ годовъ или въ различныхъ историческихъ изданіяхъ, но много есть и такихъ, которыя сохранились лишь въ рукописномъ видѣ. Подобные памятники публицистики средины XIX вѣка можно найти во многихъ частныхъ архивахъ. Значеніе этой рукописной литературы, какъ источника для русской исторіи и роль, которую она сыграла для подготовки общества къ реформамъ, давно отмѣчены изслѣдователями.

Авторами такихъ записокъ нерѣдко бывали даровитые и хорошо знакомые съ государственными нуждами люди, поэтому изложеніе ихъ отличается основательностью, яркостью и картинностью. „Мы согрѣшили, говорится въ одной изъ такихъ записокъ, задремавъ на лаврахъ 1812—1815 г.г., мы сорокъ лѣтъ увлекались наружнымъ блескомъ и заграничною молвою, но мало пеклись о существенномъ устройствѣ внутренняго порядка и

[1]) Въ одной изъ записокъ читаемъ: „Взятки и разграбленіе казны были издавна преимущественною кручиною нашего правительства и всѣхъ людей благомыслящихъ. Язвы эти, съ теченіемъ времени, становились все глубже, шире и смертоноснѣе. Въ послѣднее время въ бѣдственную, едва прожитую нами годину, это зло выказалось въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Грабили казну и частныхъ людей подъ непріятельскими пушками, въ сосѣдствѣ и въ отдаленіи отъ поля брани; грабили на провіантѣ, на амуниціи, на военныхъ припасахъ, на лекарствахъ, на корпіи; грабили на сушѣ и на водѣ, въ городахъ и деревняхъ, на базарахъ и въ захолустьяхъ; грабили при пріемѣ рекрутовъ и ратниковъ; грабили при сборѣ пожертвованій на военные расходы; грабили въ судахъ, въ полиціяхъ и въ мѣстахъ управленія; грабили чиновники военные и гражданскіе, большіе и малые; грабили ополченцы, словомъ грабили всѣ, всѣхъ и все. Царь и немногіе еще уцѣлѣвшіе честные люди озираются теперь со страхомъ и ужасомъ, не знаютъ, что дѣлать, какія мѣры принять къ искорененію зла и чуть чуть не приходятъ въ отчаяніе. Для увраченія болѣзни первое условіе есть узнать ее и причину, ее породившую. Залѣчивать прыщи и наружныя раны, когда испорчена кровь, есть дѣло тщетное и даже вредное. Вѣшаніе взяточниковъ и воровъ принесетъ мало пользы; оно только подниметъ премію на риски, заставитъ грабителей быть искуснѣе, воровать болѣе и скорѣе, чтобы было чѣмъ откупиться отъ слѣдствія и суда. Для пораженія, уничтоженія зла надобно открыть источникъ онаго, вполнѣ обнаружить его и пресѣчь изліяніе и распространеніе заразы въ самомъ ея корнѣ“.

всенароднаго благосостоянія. Вещественныя богатства и живыя силы, которыми Провидѣніе щедро надѣлило народъ и землю русскую, частью костенѣли въ застоѣ, частью расточались на суетную роскошь. Мелочный надзоръ, полицейская опека и канцелярскія придирки стѣсняли личную предпріимчивость. Дѣла копились, но громады бумагъ не давали хода настоящему дѣлу. Поэтому многія благія соображенія и мѣры, отечески задуманныя къ облегченію подданныхъ, пребыли безгласными и даже обратились во вредъ". Въ другой запискѣ того времени говорится: „лежащая въ натурѣ русскихъ министровъ тенденція къ произволу и самовластію заставляла каждаго изъ нихъ стремиться къ независимости отъ своихъ коллегъ. Каждая отрасль управленія сдѣлалась постепенно государствомъ въ государствѣ, чего не видывала вся остальная Европа. Одна юстиція требуетъ такой независимости и пользуется ею во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, только не въ Россіи" [1]).

Во многихъ запискахъ выводятся недостатки существующаго судебнаго строя и указывается на необходимость преобразованія судебной части.

Рѣзкая критика существующихъ злоупотребленій раздалась и въ правящей средѣ, гдѣ главнымъ выразителемъ общественнаго настроенія явился Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Поставленный во главѣ флота и морского вѣдомства, онъ приблизилъ къ себѣ цѣлый рядъ просвѣщенныхъ и мечтавшихъ о реформахъ лицъ и, занимая спеціально военный постъ генералъ-адмирала, оказывалъ несомнѣнное вліяніе на все внутреннее управленіе.

Для характеристики настроенія той части правящей среды, которая примыкала къ Великому Князю Константину Николаевичу, приведемъ выдержку изъ письма близкаго ему человѣка статсъ-секретаря Головнина къ фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому, пользовавшемуся, какъ извѣстно, особымъ расположеніемъ Императора Александра II.

„Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣдніе сорокъ лѣтъ правительство много брало у этого народа, а дало ему очень мало,

---

[1]) Цитированная записка—на нѣмецкомъ языкѣ—изъ Архива Е. В. Герцога Михаила Георгіевича Мекленбургскаго.

что же дѣлало правительство въ то-же самое время для этихъ же мѣстъ взамѣнъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями, ничего для народнаго просвѣщенія, ничего для дорогъ, такъ какъ онѣ находятся въ томъ-же состояніи, въ какомъ онѣ находились во времена нашего предка Рюрика. Правительство содержало съ незначительными издержками суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу и полицію, которая грабитъ народъ. Государственный доходъ . . . . . тратился на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ очень мало полезенъ для настоящей Россіи. И такъ деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, все это было большою несправедливостью, а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще грудные младенцы, вырастутъ и поймутъ все то, о чемъ я только что говорилъ. Это можетъ случиться въ царствованіе внука настоящаго Государя [1]).

Не менѣе опредѣленно выражалъ свое неудовольствіе существующими злоупотребленіями и безпорядками и самъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна записка, разосланная по приказанію Великаго Князя подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ морского вѣдомства, въ которой воспроизводились мысли П. А. Валуева (высказанныя въ „Думѣ русскаго“) о господствѣ тогда офиціальной лжи. „Многочисленность формъ, писалъ Валуевъ, подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь; взгляните на годовые отчеты: вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. . . . . Сверху блескъ, внизу гниль, въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины“. Приведя эти слова и еще нѣкоторыя мысли изъ „Думы русскаго“, Великій Князь писалъ, „мы ожидаемъ отчета за нынѣшній годъ и повторите имъ (подчиненнымъ), что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалъ, а истины и въ особенности откровеннаго

---

[1]) Барсуковъ, т. XVII, стр. 195 и 196.

и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія".

Настроеніе критики существующихъ порядковъ и недовольство ихъ недостатками раздѣлялъ съ подданными и Императоръ Александръ II. На первомъ же представленномъ ему отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 г. онъ подчеркнулъ именно эту сторону, написавъ слѣдующія слова: „Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за изложеніе всѣхъ недостатковъ" . . . . Съ такою же охотою неоднократно выслушивалъ Онъ и въ слѣдующіе годы критику различныхъ сторонъ управленія. На всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Сафонова, ревизовавшаго въ 1859 г. Пензенскую губернію, Государь написалъ: „Обращаю особое вниманіе Комитета Министровъ на этотъ добросовѣстный и дѣльный рапортъ . . . . . , за который объявить особую Мою благодарность. Дай Богъ, чтобы замѣчанія его, касающіяся вообще до нашего губернскаго управленія, послужили впрокъ", а противъ того мѣста рапорта, гдѣ сенаторъ писалъ, что онъ счелъ долгомъ откровенно изложить какъ тѣ несовершенства, которыя онъ усмотрѣлъ въ управленіи Пензенскою губерніею, такъ и тѣ, которыя болѣе или менѣе свойственны другимъ частямъ обширнаго отечества нашего, Государь помѣтилъ: „за это въ особенности Я ему благодаренъ".

Отрицательное отношеніе къ создавшемуся укладу государственной жизни обусловливалось главнымъ образомъ двумя его особенностями: 1) закрѣпощеніемъ и порабощеніемъ личности и при томъ не только крѣпостныхъ, собственно, крестьянъ, но и прочихъ сословій и 2) господствомъ произвола. Поэтому общія желанія лучшихъ людей сосредоточивались на уничтоженіи произвола и водвореніи законности, при наличности каковыхъ условій и возможно только истинное раскрѣпощеніе личности. Вопросъ объ уничтоженіи произвола и водвореніи законности сдѣлался одной изъ любимыхъ темъ разговоровъ и текущей публицистики и привлекъ къ себѣ серьезное вниманіе правительства [1]).

---

[1]) Объ этомъ-же охотно говорили и съ университетскихъ каѳедръ, см. напр. Барсуковъ—Жизнь и труды Погодина, т. 18, стр. 260, гдѣ приводится конспектъ вступительной лекціи Б. Н. Чичерина. Интересны для иллюстраціи этого вопроса всеподданнѣйшія записки мин. юстиціи Замятнина, хранящіяся въ Сенатскомъ Архивѣ. Сравн. также Flerowsky „Unter drei Kaisern", гдѣ дается односторонняя оцѣнка дѣятельности Имп. Александра II, сближающаяся съ нѣкоторыми разсужденіями Анатоля Леруа-Болье.

Императоръ Александръ Николаевичъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣлялъ настроеніе своихъ подданныхъ. Такъ, уже въ манифестѣ 21 мая 1855 г., которымъ устанавливались порядокъ опеки и организація правительства на случай смерти государя до совершеннолѣтія наслѣдника—было сказано: „Постановленіемъ и обнародованіемъ сихъ правилъ, устраняя заранѣе всякое сомнѣніе въ волѣ и намѣреніяхъ Нашихъ въ отношеніи къ управленію государствомъ во время малолѣтства Нашего Наслѣдника, Мы желали съ тѣмъ вмѣстѣ при самомъ началѣ Нашего царствованія явить любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ новый знакъ благоговѣйнаго уваженія Нашего къ законамъ отечества. Да будутъ они всегда и всѣми столь-же свято исполняемы и на семъ, ничѣмъ незыблемомъ основаніи, да утверждаются болѣе и болѣе благоустройство, могущество и счастіе державы, отъ Бога Намъ врученной"; такой-же взглядъ на законъ, какъ на важнѣйшую основу государственной и частной жизни, проводится и въ другихъ манифестахъ и указахъ; напр. въ манифестѣ 15 марта 1856 года объ окончаніи войны съ коалиціей, гдѣ высказывается пожеланіе, чтобы „каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, наслаждался плодами мирныхъ трудовъ". Въ этомъ-же манифестѣ находятся и знаменитыя слова: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ". Эти мысли, высказанныя въ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ начала царствованія Александра II, отражаютъ идеи, которыя ему внушали Жуковскій и Сперанскій; выраженныя въ прочувствованныхъ словахъ, онѣ не были лишь красивой риторикой, а представляли изъ себя рядъ положеній программнаго характера, отъ которыхъ, въ той или иной степени, отправлялись послѣдовавшія въ шестидесятыхъ годахъ великія реформы. Обращенныя къ народу съ высоты престола многозначительныя слова о незыблемости закона и о великомъ значеніи его, какъ первой основы государственнаго порядка, были какъ бы отвѣтомъ на горячія желанія различныхъ слоевъ населенія, чтобы былъ уничтоженъ царствовавшій всюду произволъ и водворилась законность въ управленіи.

Мысль о водвореніи законности и правосудія въ Россіи принадлежала къ числу любимыхъ мыслей Императора Александра II и выражалась имъ охотно даже въ такихъ случаяхъ, когда говорить объ этомъ вопросѣ казалось бы не было повода; для примѣра можно привести письмо его митрополиту

московскому Филарету, человѣку крайне охранительнаго направленія, не раздѣлявшему общаго настроенія критики и недовольства существующими порядками: „сегодня въ день Моего ангела", писалъ Государь, „дошло до Меня изъ Гефсиманской пустыни ваше поздравленіе, молитвы ваши обо Мнѣ и Моемъ семействѣ и полныя глубокихъ назиданій, воспоминанія о русскомъ православномъ угодникѣ, имя коего Я ношу и соименномъ Мнѣ Императорѣ, освободившемъ Россію отъ иноплеменниковъ. Преданный православію, какъ Святой Великій Князь, Мой угодникъ, дорожа достояніемъ Россіи, какъ знаменитый Императоръ, Мой дядя, Я прошу у Бога не ихъ славы, а счастья видѣть народъ Мой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраненнымъ въ своемъ развитіи твердымъ закономъ и ненарушимымъ правосудіемъ. Молите предъ престоломъ Всевышняго, дабы дано Мнѣ было привести въ исполненіе эти всегда присущія сердцу Моему желанія на благо любезнаго отечества" [1]).

Получивъ, благодаря лекціямъ Сперанскаго, юридическое образованіе и интересуясь постоянно водвореніемъ правомѣрности въ различныхъ сферахъ русской жизни, Императоръ Александръ Николаевичъ хотѣлъ и старшему сыну Своему, Цесаревичу Николаю Александровичу, дать хорошую юридическую подготовку, для чего и были приглашены виднѣйшіе профессора того времени: Кавелинъ, Побѣдоносцевъ, Чичеринъ и Андреевскій; любопытно отмѣтить, что занятія ихъ съ наслѣдникомъ происходили какъ разъ въ то время, когда вырабатывалась судебная реформа.

Сопоставляя все сказанное о первыхъ годахъ царствованія Императора Александра II, мы видимъ, что это было время необычайнаго общественнаго подъема, когда духъ недовольства создавшимися безпорядками и злоупотребленіями охватилъ всѣ слои населенія [2]) и вылился въ рѣзкую критику отрицательныхъ

---

[1]) Это письмо напечатано у Татищева въ его исторіи Имп. Александра II.

[2]) Любопытно отмѣтить несомнѣнное развитіе самосознанія въ крестьянской средѣ. При Николаѣ I въ комиссію прошеній ежегодно отъ крестьянъ поступало 10—20 прошеній, а въ первые годы царствованія Императора Александра II ихъ число быстро повысилось и скоро перешло за т ы с я ч у. Самые предметы домогательства сдѣлались болѣе разнообразны и касались нетолько жалобъ на помѣщиковъ, но также надѣловъ землею, неправильныхъ дѣйствій мѣстной власти, воинской повинности и пр. Въ 1866 г. было около 400 доносовъ, 500 просьбъ по дѣламъ воинской повинности и 100 о земельномъ устройствѣ.

(„Учрежденіе по принятію и направленію прошеній и жалобъ, приносимыхъ на Высочайшее Имя", стр. 111).

сторонъ тогдашней русской жизни, причемъ общественная мысль, озабочиваясь уничтоженіемъ ненавистнаго произвола, опредѣленно тяготѣла къ законности и закону.

Настала пора, когда по выраженію историка Погодина, страхомъ, насиліемъ, угрозами и грубостью ничего уже нельзя было сдѣлать [1]).

При такихъ условіяхъ, понятно, должно было оживиться сознаніе необходимости коренного судебнаго преобразованія, безъ котораго было немыслимо установленіе истинной правомѣрности. И дѣйствительно, во всѣхъ сколько нибудь развитыхъ группахъ населенія настойчиво заговорили о судебной реформѣ, но главными выразителями этого общественнаго настроенія явились губернскія дворянскія собранія и представители губернскихъ комитетовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу. Мысль о судебной реформѣ подсказывалась сама собою при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Предстоящая „эмансипація“ должна была серьезно отразиться на положеніи помѣстнаго дворянства, уменьшивъ его вліяніе и удѣльный вѣсъ въ провинціи; въ то-же время она выдвигала весьма важный вопросъ объ охранѣ правовыхъ отношеній между освобождаемыми крестьянами и ихъ бывшими господами.

Старые суды и старые судебные порядки были совершенно неудовлетворительны. Это было весьма хорошо извѣстно и хотя въ нихъ взяткой можно было многаго добиться, но дворянство отнюдь не было склонно становиться на этотъ невѣрный путь въ весьма возможныхъ случаяхъ предстоящихъ столкновеній съ крестьянами. Оно естественно желало болѣе надежнаго суда для охраны своей личности и собственности. Такимъ образомъ выдвигалась чисто практическая причина для оживленія сознанія о судебномъ преобразованіи, но была и другая не менѣе существенная причина: это общій умственный и нравственный подъемъ средняго уровня дворянской среды, оживленіе политической мысли и несомнѣнные успѣхи самосознанія.

Гуманныя чувства и взгляды Пушкина, облеченные въ дивную музыку его стиховъ, смѣхъ сквозь слезы Гоголя надъ пороками русскаго общества, трогательное воспроизведеніе жизни подневольныхъ людей въ „Запискахъ охотника“ Тургенева и нако-

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. 17, стр. 57.

нецъ геніальный призывъ къ пробужденію и работѣ въ романѣ Гончарова „Обломовъ", раздавшійся именно въ пору переоцѣнки цѣнностей и всеобщаго возбужденія—всѣ эти и многія другія литературныя произведенія выдвигали передъ русскими людьми высокіе идеалы справедливости и человѣчности и подсказывали необходимость энергической работы для созданія болѣе здоровыхъ порядковъ и отношеній.

Въ томъ же направленіи вліяла на умы германская философія первой половины XIX вѣка, съ которою знакомились молодые люди иногда изъ первыхъ рукъ, заканчивая свое образованіе за границей, а чаще изъ вторыхъ, благодаря книгамъ и лекціямъ въ русскихъ университетахъ.

Но на пути достиженія высокихъ идеаловъ справедливости и человѣчности стояли старые суды съ ихъ специфическими порядками, поэтому естественно было желать коренной судебной реформы.

Первыми заговорили губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, работавшіе въ 1858—59 г.г. и дворянскія собранія. Открытіе губернскихъ комитетовъ было событіемъ необычайной важности въ исторіи русской губерніи вообще и въ частности—въ исторіи нашего провинціальнаго общества. Вопросъ исключительнаго, первостепеннаго значенія былъ переданъ на обсужденіе помѣстнаго дворянства, до того времени занятаго лишь выборами, да сравнительно незначительными мелкими дѣлами; будничные интересы должны были отодвинуться на задній планъ, уступивъ мѣсто обсужденію важнѣйшаго дѣла, отъ рѣшенія котораго въ томъ или иномъ смыслѣ зависѣло будущее не только дворянства или помѣщичьихъ крестьянъ, но и всей страны.

Въ 48 губернскихъ комитетахъ и комиссіяхъ участвовали 1.377 человѣкъ. При такомъ многолюдствѣ, пререканія, столкновенія и недоразумѣнія неизбѣжны, и надо удивляться не тому, что въ нихъ происходили пререканія, а скорѣе тому, что пререканія эти почти вездѣ оставались въ предѣлахъ надлежащаго приличія, которое далеко не всегда сохраняется въ несравненно болѣе развитыхъ политическихъ коллегіяхъ, какъ напримѣръ, въ современныхъ намъ законодательныхъ собраніяхъ разныхъ странъ. Губернскіе комитеты были одновременно и школой и экзаменомъ для помѣстнаго дворянства; съ одной стороны, участіе въ нихъ было хорошей подготовкой къ будущей обществен-

ной дѣятельности, зарожденіе которой стало возможнымъ при новомъ режимѣ, а съ другой—умѣньемъ работать въ комитетахъ провѣрялась степень культурности дворянскаго сословія. И надо отдать справедливость „излюбленнымъ“ людямъ дворянства: они выказали значительную степень развитія и въ большинствѣ случаевъ оказались на высотѣ поставленной имъ задачи.

Сосредоточивъ главное свое вниманіе на предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, многіе комитеты коснулись однако и вопроса о судебномъ преобразованіи. Такъ напр. орловскій комитетъ высказывалъ пожеланія о водвореніи независимой и несвязанной формальностями дворянской юрисдикціи, которая отправлялась бы избранными дворянскимъ собраніемъ „мирными судьями“, онъ находилъ, что съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости слѣдуетъ поручить управленіе народомъ и соединенные съ нимъ судъ и расправу не бездомнымъ скитальцамъ, пріѣзжающимъ на кормленіе, а лучшимъ людямъ, взятымъ изъ той же мѣстности и способнымъ внушить къ себѣ довѣріе народа.

Рязанскій комитетъ проектировалъ соединеніе сельскихъ обществъ въ округа, во главѣ которыхъ стоялъ бы мировой судья, замѣщаемый по выбору землевладѣльцевъ; этотъ судья долженъ предсѣдательствовать въ особомъ судѣ присяжныхъ, избранныхъ обществами изъ своей среды.

Комитеты тверской, владимірскій, ярославскій, калужскій, харьковскій и саратовскій высказались за важнѣйшіе институты будущей судебной реформы, за учрежденіе суда присяжныхъ и за мировой судъ [1]). Вообще различныхъ сторонъ судебнаго преобразованія, какъ перечисленныхъ, такъ и другихъ, какъ, напримѣръ, независимости суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ и пр. касались во многихъ комитетахъ.

Еще болѣе вниманія удѣлили вопросу о необходимости судебной реформы члены губернскихъ комитетовъ, избранные „для представленія высшему правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій“, въ особенности такъ называемые депутаты перваго приглашенія [2]).

[1]) Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, изд. 2, стр. 322 и Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, изд. 1907 г., стр. 166.

[2]) Правительство, не желая одновременнаго скопленія въ Петербургѣ представителей отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, раздѣлило ихъ на двѣ очереди, отсюда и установившіяся въ литературѣ названія — депутаты перваго и второго приглашенія.

Объѣзжая губерніи въ 1858 г., Государь категорически пообѣщалъ, что, по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ, имъ разрѣшено будетъ выбрать изъ своей среды по два члена для совмѣстнаго съ правительственными чинами обсужденія проектовъ реформъ. Но Н. А. Милютину совсѣмъ не улыбалась перспектива многолюднаго собранія въ Петербургѣ лицъ, въ значительной части несогласныхъ съ нимъ и его сотрудниками; онъ составилъ записку, въ которой подвергалъ рѣзкой критикѣ дѣятельность губернскихъ комитетовъ, для того, чтобы мнѣніямъ и голосамъ ихъ членовъ, имѣющихъ прибыть въ Петербургъ, не было придано большого значенія. Милютинъ проводилъ мысль, что главная забота должна направляться къ тому, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы съ единомысленными мнѣніями и не образовались бы разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. „Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено". Милютинъ напоминалъ, что, въ силу Высочайшаго повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству „тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть, правительству же полезно имѣть отъ нихъ справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ"; уничтоженіе крѣпостного права было дѣло уже рѣшенное и никакой перемѣнѣ подлежать не могло: царское слово „непоколебимо".

Такимъ образомъ, для дѣятельности мѣстныхъ представителей въ Петербургѣ подготовлялась неблагопріятная обстановка, ихъ ждали далеко не съ распростертыми объятіями. Въ Петербургѣ не желали и, повидимому, опасались одновременнаго съѣзда всѣхъ губернскихъ представителей, поэтому избранные отъ губернскихъ комитетовъ члены (по одному отъ большинства и меньшинства) были раздѣлены на двѣ смѣны, сперва отъ одной группы губерній, а потомъ отъ другой. „Депутаты перваго приглашенія" стали прибывать въ Петербургъ въ по-

ловинѣ августа 1859 г., руководители крестьянской реформы поспѣшили сразу же поставить ихъ на предназначенное имъ весьма скромное мѣсто. Имъ была предъявлена инструкція, которою ихъ дѣятельность сводилась къ обязанности давать письменные отвѣты на предложенныя имъ редакціонными комиссіями вопросы, а также словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссіи. Это было далеко не то, на что съ полнымъ основаніемъ имѣли право расчитывать и дѣйствительно расчитывали депутаты. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они хотѣли было обратиться съ жалобой къ Государю, но затѣмъ ограничились письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ домогались разрѣшенія имѣть общія совѣщанія, съ тѣмъ, чтобы всѣ соображенія ихъ по крестьянскому дѣлу поступили на разсмотрѣніе высшаго правительства. Желаемое разрѣшеніе было дано, а Государь постарался любезнымъ пріемомъ въ Царскомъ Селѣ усладить горечь неудовольствія и раздраженія депутатовъ. Рѣчь, съ которой Онъ обратился къ нимъ, была проникнута желаніемъ сказать имъ пріятное и успокоить ихъ опасенія. Государь причислялъ себя къ дворянству, высказывалъ увѣренность, что дворяне съ нимъ солидарны, и обѣщалъ, что всѣ мнѣнія, высказанныя депутатами, дойдутъ до Него и до главнаго комитета. Государь любилъ и умѣлъ говорить, и слова Его произвели извѣстное впечатлѣніе, но руководимые Милютинымъ члены редакціонныхъ комиссій отъ министерствъ отнюдь не были склонны считаться съ мнѣніями и желаніями депутатовъ, чего и не скрывали въ дальнѣйшихъ съ ними сношеніяхъ.

Огорченные и раздраженные принялись представители губернскихъ комитетовъ за изученіе трудовъ редакціонныхъ комиссій, которыя нашли въ нихъ хотя и не вполнѣ безпристрастныхъ, но умѣлыхъ и дѣльныхъ критиковъ. Слабыя стороны проектовъ комиссіи были замѣчены и указаны весьма основательно. Прежде всего вниманіе депутатовъ привлекло предположенное административное устройство сельскихъ обществъ, явно клонившееся къ тому, чтобы лишить дворянство всякаго вліянія на крестьянъ, замѣнивъ таковое надзоромъ и опекой уѣздной полиціи. Депутаты ясно и отчетливо сознавали, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если за нею не послѣдуетъ преобразованіе всего государственнаго порядка, и поэтому указывали правительству на

необходимыя реформы, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть предприняты немедленно по освобожденію крестьянъ. Большинство депутатовъ сходилось въ единодушномъ желаніи, чтобы былъ установленъ новый судебный строй съ судомъ присяжныхъ, чтобы введено было мѣстное самоуправленіе, облегчено положеніе печати и т. д., т. е. желало того, что и было вскорѣ проведено въ русскую государственную и общественную жизнь, перестроивъ нѣкоторыя ея стороны на совершенно новыхъ, невиданныхъ дотолѣ у насъ основаніяхъ.

Большинство депутатовъ перваго приглашенія, подвергая подробному разсмотрѣнію недостатки настоящей системы администраціи, находило, что они заключаются въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнію народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной, безотвѣтственной исполнительной власти и въ совершенномъ отсутствіи самостоятельной судебной власти. Въ силу указанныхъ коренныхъ недостатковъ, вся администрація наша, говорятъ они, представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, которыя могутъ быть устранены только радикальною реформою управленія. Въ основаніе этой реформы должны быть, по мнѣнію всѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, поставлены: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской, и самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи. Такъ какъ, притомъ, съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости нѣтъ никакой разумной причины удерживать разъединеніе сельскихъ обывателей подчиненіемъ ихъ различнымъ вѣдомствамъ, и такъ какъ интересы дворянства находятся въ неразрывной связи съ интересами другихъ сельскихъ обывателей, то „хозяйственно-распорядительное управленіе должно быть общее, выборное для всѣхъ сословій“. На этихъ главныхъ началахъ должно быть немедленно организовано новое управленіе, иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ. При чемъ многіе депутаты добавляли, что преобразованіе администраціи и суда съ нетерпѣніемъ ожидается всѣми сословіями въ томъ смыслѣ, чтобы сила закона и уваженіе къ нему возвышены были до непреложнаго исполненія, колеблемаго нынѣ бюрократическимъ устройствомъ управленія и суда.

Изъ рядовъ депутатовъ перваго приглашенія раздался призывъ къ депутатамъ второго приглашенія, чтобы они настойчиво домогались „устройства суда гласнаго и изустнаго", безъ чего и самое освобожденіе крестьянъ не принесетъ пользы,— „на этомъ стойте пуще всего, говорилось въ разосланномъ безъименномъ письмѣ, и если достигнете этого, то все остальное прійдетъ само собою" [1]).

Но хотя мнѣнія депутатовъ въ отношеніи желанія судебной реформы и представляли изъ себя дружный хоръ, все же стоитъ остановиться хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности, въ виду яркости, а иногда и несомнѣнной оригинальности высказанныхъ ими мыслей. Начнемъ съ мнѣнія депутатовъ рязанскаго комитета кн. Волконскаго (отъ большинства) и Офросимова (отъ меньшинства), которые находили, что вся жизнь народа взята подъ опеку, и нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной народу. При всемъ этомъ, исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ, и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя, и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное лицо и управленіе имѣетъ надъ человѣческою личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствія ограниченъ только географически. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ. Будучи обязанъ произносить приговоръ на основаніи статей закона, регламентирующихъ всѣ роды доказательствъ, основываться на письменныхъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ втайнѣ, и, не имѣя возможности повѣрять дѣйствія слѣдователей, нашъ судъ является только безполезною формою, машиною, исполняющею волю полновластной исполнительной власти. При всемъ томъ, судебныя должностныя лица поставлены подъ надзоръ исполнительныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Дѣлъ по управленію безчисленное множество, такъ что ни у одного чиновника нѣтъ физической возможности добросовѣстно исполнить обязанности, и опека надъ жизнью народа, не исполнимая на практикѣ, дѣлается сама причиною беззаконій.

---

[1]) Письмо депутата перваго призыва къ депутатамъ второго приглашенія любопытно по своей крайне рѣзкой и красочной критикѣ существующаго порядка, при которомъ „всю власть и все значеніе захватила бюрократія, которая своевольствовала, угнетала народъ вездѣ и всячески и припрягала къ себѣ дворянство чинами, званіями и жалованіями". Дворянство было тѣстомъ, изъ котораго преимущественно пеклись чиновники, подкладкою, которою подбивалась мантія бюрократіи, и архивомъ, куда сдавались неудавшіеся и престарѣлые чиновники (Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, стр. 200).

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, т. е. по причинѣ соединенія всего управленія въ рукахъ одной не отвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія суда, вся администрація наша представляетъ нескончаемый рядъ злоупотребленій.

Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ, и въ доказательство приводятъ права разныхъ обществъ по Своду Законовъ, утверждая, что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ воспользоваться правами своими. Но какія же это права, спрашиваютъ кн. Волконскій и Офросимовъ?

Дворянство избираетъ должностныхъ лицъ въ судебныя и полицейскія должности; но судъ, какъ выше сказано, не имѣетъ никакой власти; о выборѣ низшихъ полицейскихъ властей не можетъ быть и рѣчи, ибо выборные поступаютъ въ распоряженіе правительственныхъ канцелярій, и избиратели лишены возможности защищать своихъ избранныхъ отъ произвола начальства. Притомъ же выборъ утверждается начальникомъ губерніи, а одно это уничтожаетъ совершенно выборное начало.

Городскія сословія въ общественныхъ дѣлахъ — безгласны; на самомъ дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжаются губернскія правленія. Головы и гласные избираются только для того, чтобы платить оброки губернскимъ канцеляріямъ; ратманы въ полиціяхъ не смѣютъ подать голоса, а засѣдатели въ палатахъ и судахъ, при нашемъ порядкѣ судопроизводства, ничего не значатъ.

Положеніе государственныхъ крестьянъ еще хуже. Совершенная зависимость сельскихъ начальствъ отъ бюрократіи, чуждой интересамъ народа, отняло у крестьянъ всякую возможность пользоваться общественными правами.

Пользуясь этимъ порядкомъ, чиновники управляютъ деспотически всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины.

По освобожденіи крестьянъ таковой порядокъ вещей будетъ лишенъ всякой опоры; крестьяне подпадутъ подъ крѣпостную зависимость чиновниковъ, всегда худшую, чѣмъ помѣщичья, ибо чиновникъ руководясь тѣмъ же произволомъ, не имѣетъ никакихъ выгодъ въ сохраненіи благосостоянія крестьянъ. Расчиты-

вать на личныя качества чиновниковъ—значитъ расчитывать на случайность, а расчитывать на авось въ дѣлѣ государственной безопасности—нельзя. Цѣль государственнаго устройства состоитъ въ обезпеченіи личной и имущественной безопасности каждаго отъ преступныхъ стремленій, а потому, для охраненія общественнаго порядка, нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ.

Думать, что прибавка жалованья или возвышеніе должностей разными отличіями могутъ привлечь лучшихъ людей къ государственной службѣ, неосновательно, ибо и теперь мы видимъ чиновниковъ, получающихъ огромныя жалованья и проживающихъ въ десять разъ болѣе, не смотря на то, что кромѣ жалованья они не имѣютъ никакого состоянія. Возвышеніе должности внѣшними отличіями не соблазнитъ никого. Привлечь лучшихъ людей къ службѣ можно только нравственнымъ возвышеніемъ должностей и это нравственное возвышеніе можетъ быть произведено только самостоятельностью должностныхъ лицъ, возможною лишь при гласности дѣлопроизводства и отвѣтственности передъ независимою судебною властію.

„И такъ все дѣло въ гласности; въ учрежденіи независимаго суда; въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ; въ строгомъ раздѣленіи властей, и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи".

Никто не оспариваетъ достоинствъ этихъ учрежденій, но слышатся сужденія о невозможности ихъ въ настоящее время.

Говорятъ, что судъ присяжныхъ у насъ невозможенъ потому, что народъ недостаточно развитъ для этого учрежденія. Присяжнымъ нужно развитіе на столько, на сколько его нужно для нагляднаго сужденія о фактѣ по совѣсти и здравому смыслу. Конечно, русскій народъ не лишенъ ни здраваго смысла, ни добросовѣстности. Судъ присяжныхъ требуетъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели наше сложное письменное судопроизводство. Поэтому можно скорѣе сказать, что у насъ только и возможенъ судъ присяжныхъ и всего менѣе возможно наше письменное судопроизводство. Если допустить невозмож-

ность суда присяжныхъ потому, что не всѣ сословія у насъ одинаково развиты, то и это несправедливо; и теперь у насъ засѣдаютъ въ судахъ лица всѣхъ сословій, которыя не болѣе развиты своихъ собратій. Конечно, при отсутствіи всякаго значенія суда и при письменномъ судопроизводствѣ, городскія и сельскія сословія считаютъ повинностію государственную службу; засѣдатели ихъ подписываютъ только подаваемыя имъ бумаги или прикладываютъ къ нимъ печати, но это происходитъ отъ сложности судопроизводства и отъ того, что судъ не имѣетъ значенія. Если же устроить самостоятельный судъ, и притомъ словесный и гласный, то тѣ же люди, будучи присяжными, поймутъ всю важность своего назначенія, и окажутся способными къ произнесенію приговоровъ.

То же возраженіе слышится и противъ непосредственной отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ. Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ выгодна для самой власти. Открытый судъ по совѣсти даетъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть останется, во всякомъ случаѣ, чистою отъ всякихъ подозрѣній.

Высказавъ начала, на которыхъ, по мнѣнію кн. Волконскаго и Офросимова, должно быть создано новое управленіе, они добавляютъ, что этого мало: необходимо правильное развитіе этихъ началъ. Въ проекты реформъ незамѣтно могутъ вкрасться подробности, повидимому ничего не значащія, но на практикѣ уничтожающія весь смыслъ реформы. Стоитъ только посмотрѣть, что можно сдѣлать съ самыми лучшими началами, предпоставленными правительствомъ. Правительство признало напр., раздѣленіе властей полицейской, хозяйственной, распорядительной и судебной. Стоитъ только подчинить болѣе или менѣе, прямо или косвенно, всѣхъ чиновниковъ одной исполнительной власти, хотя бы начальнику губерніи, и вновь пойдутъ въ пользу канцелярій разные оброки съ подчиненныхъ и потворство первыхъ въ отношеніи послѣднихъ. И вновь слѣдователи не будутъ открывать преступленій, судъ не будетъ судить и т. д.

Другой примѣръ: правительство предположило учредить мировыхъ судей, нравственное вліяніе которыхъ способствовало бы уменьшенію спорныхъ дѣлъ. Стоитъ только предоставить опредѣленіе ихъ начальнику губерніи, и тогда они будутъ совер-

шенно безъ всякаго нравственнаго авторитета и, ставъ въ зависимость отъ губернскихъ канцелярій, постараются увеличить число дѣлъ, для извлеченія незаконныхъ доходовъ. [1])

Весьма значительный интересъ представляетъ собою мнѣніе тверскаго депутата Унковскаго, но въ виду того, что оно много разъ приводилось въ литературѣ ограничимся лишь небольшими изъ него выдержками.

Высказавъ мысли о существованіи полной зависимости судебной власти отъ исполнительной, вполнѣ совпадающія съ приведенными выше разсужденіями кн. Волконскаго и Офросимова, Унковскій указываетъ на многочисленные недостатки въ системѣ управленія и затѣмъ продолжаетъ: „Ясно, что этотъ порядокъ вовсе не можетъ держаться по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. При этой реформѣ онъ не будетъ имѣть никакой опоры. Если управленіе останется по прежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности вѣдь все равно, быть ли крѣпостнымъ помѣщика, или крѣпостнымъ чиновника, и даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ. Помѣщикъ имѣетъ выгоду въ благосостояніи крѣпостныхъ людей, и власть его не переходитъ изъ рукъ въ руки, къ произволу одного скорѣй можно привыкнуть. Поэтому помѣщичьи крестьяне останутся въ такомъ же положеніи, какъ теперь, если не въ худшемъ.

Въ дальнѣйшемъ Унковскій развиваетъ тѣ же доказательства, что и вышеупомянутые депутаты, относительно качествъ чиновниковъ и способовъ ихъ нравственнаго возвышенія и, перейдя затѣмъ къ изложенію своего взгляда на „судъ присяжныхъ“, онъ къ сказанному въ уже цитированныхъ нами мнѣніяхъ добавляетъ: „говорятъ еще, что судъ присяжныхъ есть начало, противное духу настоящихъ государственныхъ учрежденій, и въ особенности понятію о самодержавной власти, но это возраженіе уже не имѣетъ никакого смысла. Опытъ показываетъ намъ, что судъ присяжныхъ можетъ существовать при всякой системѣ государственнаго управленія. Понятно, что это возраженіе дѣлается только съ единственною цѣлью, отклонить правительство отъ судебной реформы и заставить молчать защитниковъ суда присяжныхъ, подъ страхомъ обвиненія ихъ

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 226, л.л. 118—126 обр.

въ преступномъ образѣ мыслей, какъ привыкли у насъ выражаться. Унковскій полагалъ, однако, что противники суда присяжныхъ уже однимъ этимъ возраженіемъ ставятъ себя на мѣсто, заготовленное ими для своихъ антогонистовъ. „Мы желаемъ учрежденія самостоятельной судебной власти въ видахъ уничтоженія настоящей грабительственной системы управленія, позорящей государственную власть; мы желаемъ этого въ видахъ утвержденія самой власти и сосредоточенія ея въ законныхъ рукахъ, и вѣримъ, что судъ и правда могутъ существовать и при нашей формѣ правленія, которая даже болѣе другихъ нуждается въ строгомъ исполненіи самодержавной воли. Противники же суда присяжныхъ сами высказываются противъ основныхъ государственныхъ законовъ, считая ихъ несовмѣстными съ началами безпристрастнаго суда и справедливости".

То же самое возраженіе слышится иногда и противъ непосредственной отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ. Здѣсь это возраженіе еще неосновательнѣе. Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ выгодна для самой власти. При настоящемъ порядкѣ вещей, всякій чиновникъ, узнавъ о злоупотребленіяхъ подчиненныхъ, становится въ тупикъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, потому что въ большей части случаевъ нѣтъ никакихъ средствъ узнать истину. Во всѣхъ дѣлахъ власть идетъ ощупью и принимаетъ все на совѣсть. При отсутствіи гласнаго и независимаго суда и непосредственной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ, власть во всѣхъ распоряженіяхъ можетъ быть подозрѣваема въ пристрастіи, и эти подозрѣнія ничѣмъ не могутъ быть уничтожены. По этой одной причинѣ, власть, съ каждымъ днемъ, теряетъ болѣе и болѣе свое нравственное вліяніе, необходимое для существованія всякой власти, и быстро идетъ къ упадку; напротивъ, при существованіи дѣйствительнаго независимаго отъ правительственной власти суда и отвѣтственности предъ нимъ всѣхъ должностныхъ лицъ безъ всякаго исключенія, положеніе власти совсѣмъ другое; она не задумается, какъ поступить съ злоупотребленіями. Открытый судъ по совѣсти даетъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть остается, во всякомъ случаѣ, чистою отъ всякихъ подозрѣній. Самый нравственный авторитетъ независимаго

суда поддерживаетъ власть; всякій согласится, что онъ въ этомъ отношеніи сильнѣе милліона штыковъ. Почему же невозможна непосредственная отвѣтственность передъ судомъ безъ согласія административнаго начальства, и для чего нужно это согласіе. Разумѣется для того только, чтобы начальники, или всего чаще ихъ канцеляріи, имѣли возможность покрывать выгодныя для нихъ злоупотребленія.

Что можетъ ожидать Россія, при освобожденіи крестьянъ, безъ учрежденія независимаго суда и отвѣтственныхъ чиновниковъ? Безпорядковъ и смутъ, отвѣчаетъ Унковскій [1]).

Другой членъ тверского комитета, Кардо-Сысоевъ, излагая планъ осуществленія предлагаемаго этимъ комитетомъ хозяйственно-распорядительнаго самоуправленія, говоритъ, что однородность интересовъ крестьянскихъ обществъ съ интересами всѣхъ вообще землевладѣльцевъ и сельскихъ жителей требуетъ общаго участія въ хозяйственно-распорядительномъ управленіи, а потому „управленіе должно быть общее, выборное отъ всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ, закономъ и обществомъ". Общество само отвѣтствуетъ за лица, имъ избираемыя; слѣдовательно, выборныя лица должны утверждаться правильностью лишь избранія, а потому административныя власти повѣряютъ только эту правильность, но не должны имѣть права на утвержденіе, въ отстраненіе всякаго лицепріятія и произвола.

Такая система хозяйственно-распорядительнаго самоуправленія требуетъ отвѣтственности всѣхъ и каждаго предъ судомъ и закономъ, а потому „судебное уголовное учрежденіе должно быть самостоятельное, гласное, словесное и по совѣсти, т. е. судъ присяжныхъ". Только совершенно не знающіе возможности всѣхъ злоупотребленій закона въ тайномъ канцелярскомъ судопроизводствѣ и не допускающіе совѣсти въ русскомъ народѣ могутъ утверждать, что судъ присяжныхъ въ Россіи преждевременъ и невозможенъ.

Новыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, новыя права и интересы землевладѣльцевъ, дѣйствительное улучшеніе быта всѣхъ сословій указываютъ на необходимое „преобразованіе и судовъ гражданскихъ, съ введеніемъ въ нихъ гласнаго и словес-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 227.

наго судопроизводства". Самостоятельность суда, возможная гласность и скорость рѣшеній, уничтожая канцелярскую тайну, принесутъ величайшую нравственную и матеріальную пользу обществу. Упрощеніе гражданскаго судопроизводства, съ уничтоженіемъ лишнихъ инстанцій, отстранитъ множество несчастій, неизбѣжныхъ при настоящемъ, многосложномъ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ. Тогда не будетъ такъ часто повторяться явленіе, поражающее отсутствіемъ здраваго смысла и правды — это рѣшеніе дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ суда различнымъ образомъ, на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ, растягивающее дѣло иногда на многіе десятки лѣтъ.

Судъ присяжныхъ, гласный, словесный и по совѣсти положитъ конецъ часто невиннымъ страданіямъ и отстранитъ всякій поводъ къ томительному держанію подсудныхъ въ тюрьмахъ и острогахъ по нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того, послѣдствіемъ благодѣтельнаго и разумнаго выборнаго самоуправленія хозяйственнаго и самостоятельности и гласности суда будетъ: 1) облегченіе правительственныхъ заботъ о благосостояніи общественномъ; 2) исправное поступленіе всякаго рода повинностей; 3) уничтоженіе произвола и взяточничества чиновниковъ, изъ которыхъ многіе, по пресѣченію этихъ доходовъ, обратятся къ болѣе полезнымъ занятіямъ; 4) дѣйствительная личная отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ предъ судомъ и закономъ, безъ права ссылаться на предписаніе начальства, въ оправданіе своего противозаконнаго дѣйствія; 5) уваженіе всѣхъ къ закону, и полная, непоколебимая довѣренность къ правительству и, наконецъ, правильное, быстрое, нравственное развитіе народа.

Излагая свое мнѣніе, Кардо-Сысоевъ говоритъ, что онъ выразилъ только общій практически-вѣрный взглядъ на главныя начала, съ сильнымъ убѣжденіемъ, что для общаго спокойствія въ государствѣ необходимо, чтобы „реформы крѣпостного права шли одновременно со сказанными выше преобразованіями учрежденій: судебнаго, административнаго и полицейскаго".

Если правительству угодно будетъ принять главныя вышеизложенныя начала и основанія, то развитіе и примѣненіе ихъ слѣдуетъ поручить выборнымъ лицамъ, которыя сами по себѣ

терпятъ всѣ злоупотребленія настоящаго порядка дѣлъ, „а не чиновникамъ“ [1]).

Безобразовъ (членъ, избранный меньшинствомъ Владимірскаго комитета) разсуждалъ такъ,—„возрождая народъ, надо дать ему не одни только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій—указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить предѣлъ злоупотребленіямъ. Это можетъ быть достигнуто, по мнѣнію Безобразова, только тогда, когда во всей администраціи будутъ проведены слѣдующія важнѣйшія начала:

1) Строгое раздѣленіе властей административной, судебной и полицейской (особенно въ высшихъ сферахъ, въ низшихъ можетъ быть допущено нѣкоторое смѣшеніе). 2) Полицейское управленіе правительственное и централизованное въ чисто охранительномъ духѣ. Полиція должна быть другомъ народа, охранительницей порядка; надобно отнять отъ нея всякій карательный характеръ, приведеніе въ исполненіе приговоровъ суда, наказанія не должны быть дѣломъ полиціи. 3) Судебныя учрежденія, независимыя ни отъ правительственной власти, ни отъ общества, съ введеніемъ гласности и словоговоренія; уголовный судъ, гласный, словесный и по совѣсти, т. е. судъ присяжныхъ. 4) Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

Безобразовъ не представилъ подробнаго развитія этихъ началъ; но, заявляя ихъ въ настоящемъ дѣлѣ, думалъ, что, по распоряженію правительства, необходимо возложить это на образованныхъ помѣщиковъ и людей спеціальныхъ, и ежели все это безъ малѣйшаго упущенія будетъ принято за основанія, какъ не приносящія одно безъ другого истинной пользы, то желанія благодушнаго монарха вполнѣ осуществятся [2]).

Депутаты отъ полтавскаго комитета, Позенъ и Богдановичъ, находили, что безъ существенныхъ преобразованій въ устройствѣ суда и полиціи крестьянская реформа можетъ при самомъ началѣ встрѣтить чрезвычайныя затрудненія и повести къ большимъ неустройствамъ. Правительство предусмотрѣло это, постановивъ въ числѣ условій реформы, чтобы на мѣстѣ была сильная власть. Не зная, какъ предполагаетъ правительство уста-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 227.

[2]) Тамъ же. Тѣ же дѣла, кн. 223, л.л. 354 и 355 обр.

новить эту власть, Позенъ и Богдановичъ не входили въ большія подробности, но высказали убѣжденіе, что было бы весьма полезно „не увеличивать числа чиновниковъ, а обратиться преимущественно къ выборному элементу". Особенное вниманіе, говорятъ они, необходимо обратить на должность мирового судьи, если должность эта будетъ окончательно признана необходимою, на уѣздную расправу и на мѣстную полицію.

„Изъ мирового судьи не слѣдуетъ", по мнѣнію Позена и Богдановича, „дѣлать чиновника", не слѣдуетъ также обременять его разборомъ мелочныхъ споровъ и тяжбъ. Кругъ дѣйствія его и отношенія къ мѣстнымъ и губернскимъ властямъ должны быть опредѣлены такъ, чтобы дворяне не имѣли причины отказываться отъ этой должности [1]).

Членъ отъ нижегородскаго комитета Нестеровъ говорилъ исключительно о крестьянскомъ судѣ. Предложивъ схему сельскаго административнаго и судебнаго устройства и перейдя затѣмъ къ разсужденіямъ о „судѣ стариковъ", онъ говоритъ, что гарантія этого учрежденія будетъ заключаться въ совершенной „гласности судопроизводства", при просвѣщенномъ содѣйствіи адвокатовъ, изъ среды молодыхъ образованныхъ людей, въ которыхъ не будетъ недостатка. Нестеровъ не отвергалъ прекраснаго значенія суда присяжныхъ, но былъ убѣжденъ, что этого значенія онъ можетъ достигнуть лишь тогда, когда общество пройдетъ чрезъ школу самоуправленія, когда члены его, дѣятельно участвуя въ общественномъ управленіи, сознаютъ необходимую связь общественнаго интереса съ интересами личными. До тѣхъ поръ присяжные будутъ походить „на нашихъ понятыхъ", которые, поднявъ безсмысленно два пальца кверху, готовы отказаться отъ отца и родного брата, лишь бы распустили ихъ по домамъ [2]).

Представитель большинства новгородскаго комитета Косаговскій писалъ, что секретное производство дѣлъ и полная зависимость должностныхъ лицъ отъ административной власти, во многихъ случаяхъ, дѣлаютъ изъ нашихъ судовъ излишнюю и даже вредную формальность, причемъ исполненіе законовъ зависитъ отъ произвола чиновниковъ. Лучшими тому доказа-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 225, л.л. 112 обр.—114.

[2]) Тамъ же. Тѣ же дѣла, кн. 224, л.л. 284 и 285.

тельствами служатъ многотомныя дѣла, продолжающіяся иногда десятки лѣтъ, и многолѣтнія заключенія въ тюрьмахъ, часто по одному только подозрѣнію.—Безчисленныя злоупотребленія, прикрываемыя узаконенными формальностями, вызываютъ на конечное „преобразованіе нашихъ судовъ, которые должны быть самостоятельны и гласны". „Принятіе правильнаго выборнаго начала, преобразованіе судовъ, строгое разграниченіе властей: судебной, административной и полицейской, наконецъ личная отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ и закономъ, безъ права ссылаться на предписанія начальства, въ оправданіе незаконныхъ дѣйствій,—вотъ тѣ условія, при которыхъ высшее правительство можетъ расчитывать, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, на содѣйствіе общества". Если при всемъ этомъ будетъ допущена „печатная гласность", то бо̀льшая часть злоупотребленій если не устранится вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, не будетъ укрыта, и слѣдовательно не останется безнаказанною. Вышесказанныя условія неминуемо увеличатъ довѣріе общества къ правительству; довѣріе это, въ настоящее время, необходимѣе, чѣмъ когда либо, потому что крестьянское дѣло не обойдется безъ значительныхъ финансовыхъ предпріятій со стороны правительства. Поэтому Косаговскій утверждалъ, что упомянутыя преобразованія составляютъ естественную принадлежность правильнаго и мирнаго исхода крестьянскаго вопроса [1]).

Приведенныя мнѣнія свидѣтельствуютъ о значительной солидарности во взглядахъ представителей губернскихъ комитетовъ не только на необходимость судебной реформы, но также и на существеннѣйшіе ея пункты, но впрочемъ были отдѣльные голоса, несогласные по нѣкоторымъ вопросамъ съ общимъ хоромъ. Для примѣра приведемъ мнѣніе уже упоминавшагося выше Нестерова объ учрежденіи мировыхъ судей. Возможно ли у насъ въ настоящее время учрежденіе мировыхъ судей, спрашиваетъ Нестеровъ? Для того, чтобы это учрежденіе было благомъ, а не величайшимъ зломъ, т. е. созданіе новаго чиновника со всѣми его зловредными атрибутами, необходимо, по его мнѣнію, чтобы мировой судья былъ лицо, назначенное высшею властью, вполнѣ независимое и отвѣтственное лишь предъ закономъ, пользую-

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 224, л.л. 352 обр.—354.

щееся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Но гдѣ же среда, изъ которой подобныя лица должны быть назначаемы? Доселѣ общество было безмолвно и лишено движенія, оно представляло безразличную массу. Въ этой безразличной массѣ, лишенной слова и движенія ничего не найдетъ взоръ верховной власти, хотя бы одаренный сверхъестественною прозорливостью. А выбирать на удачу отдѣльныя единицы будетъ несообразно съ ея справедливостью и мудростью. Всякое же другое значеніе мирового судьи невозможно. Если онъ будетъ, какъ видно изъ предположенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на жалованьи, будетъ ли онъ выбранъ крестьянами или дворянствомъ, утвержденъ начальникомъ губерніи, кто бы онъ ни былъ, онъ будетъ не мировой судья, а чиновникъ. И сельское управленіе, съ такимъ трудомъ спасаемое отъ чиновническаго элемента, сдѣлается снова его жертвою. По моему убѣжденію, въ настоящее время, учрежденіе мировыхъ судей невозможно и не нужно.

Разсужденія депутатовъ свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью о томъ, что вопросъ о судебной реформѣ особенно занималъ умы помѣстныхъ дворянъ, въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка, поэтому естественно о немъ должны были заговорить и дворянскія собранія, настроеніе и характеръ которыхъ въ это время значительно измѣнились. Мелкіе личные счеты, споры и будничныя провинціальныя заботы отступаютъ на второй планъ, и общее вниманіе сосредоточивается на крупныхъ государственныхъ вопросахъ, среди которыхъ естественно одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимала судебная реформа. Послѣ горячихъ, иногда бурныхъ преній многія дворянскія собранія составляли адресы Государю, въ которыхъ настойчиво просили о коренномъ судебномъ преобразованіи, указывая и главныя его основанія, какъ то: независимость судебной власти, устность и гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и пр. Для характеристики общественнаго настроенія той эпохи и для освѣщенія весьма важнаго вопроса о степени участія общества въ ходѣ судебной реформы эти адресы и обстоятельства, сопровождавшія ихъ составленіе, представляютъ весьма большой интересъ. Ближайшее ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ даетъ ясное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ Судебные Уставы 1864 года явились отраженіемъ желаній наиболѣе просвѣщеннаго круга провинціальнаго общества. Хотя правительство встрѣчало эти адресы не особенно

сочувственно, видя въ нихъ поползновенія дворянства на участіе въ общегосударственныхъ дѣлахъ, но содержаніе ихъ въ такой мѣрѣ соотвѣтствовало нуждамъ той эпохи, что высказанныя дворянами мысли несомнѣнно оказали вліяніе на правящую среду и черезъ нѣсколько лѣтъ воплотились въ законъ.

Однимъ изъ первыхъ выступило харьковское дворянство, которое 26 сентября 1858 года, постановило, между прочимъ, ходатайствами просить правительство „упростить судопроизводство и сдѣлать его гласнымъ". Объяснительный журналъ къ этому постановленію заслуживаетъ вниманія [1]), онъ начинается указаніемъ, что въ настоящее время въ печати выставляютъ на показъ наши общественные недостатки, толкуютъ о злоупотребленіяхъ гласно; въ допущеніи такой свободы критики видно несомнѣнное намѣреніе правительства заклеймить порокъ и предать его публичному презрѣнію. Сомнительно, чтобы эта мѣра произвела всѣ желаемыя послѣдствія: она бы дѣйствительно принесла пользу, если бы гласность не ограничивалась одними намеками, слишкомъ замаскированными, и если бы голосъ общественный былъ у насъ силенъ и справедливъ.

Чтобы обуздать зло, намъ нужны средства болѣе прямыя и болѣе опредѣлительныя. Надобно, чтобы сословія объяснили правительству свое положеніе, свои нужды, чтобы они сознали свои пороки и помогали бы закону исправить ихъ.

Въ настоящее время, разсуждаютъ харьковскіе дворяне, когда дворянство, побуждаемое благою волею Монарха, силится возродить себя, измѣнить свой бытъ, мы должны со всѣмъ вниманіемъ повѣрить и правильно опредѣлить наши обязанности, нашъ интересъ сословный, наши отношенія къ другимъ сословіямъ и къ правительству, чтобы мы съ пониманіемъ долга, чести и справедливости могли слѣдовать по новому пути, намъ указанному.

Намъ предоставлено право въ собраніи разсуждать о своихъ нуждахъ и пользахъ (Св. Зак. т. IX, ст. 112), представлять губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постано-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 1903, л.л. 4—15.

вленія (Св. Зак. т. IX, ст. 135), но всякій разъ дворянскія совѣщанія, во время выборовъ, ограничиваются постоянно испрошеніемъ милости о разсрочкѣ взноса недоимокъ, о разсрочкѣ платежа въ Опекунскій совѣтъ, о прибавкѣ ссуды при залогѣ имѣній и мы считаемъ себя вполнѣ облагодѣтельствованными, если намъ разсрочатъ или простятъ недоимку. Правду сказать, мы должны стыдиться этого публичнаго подаянія: убыточнаго для казны, несправедливаго въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и унизительнаго для чести дворянскаго сословія.

Мы желаемъ только справедливости и во имя этого святого чувства мы принимаемъ смѣлость обратить вниманіе правительства на стѣснительное наше положеніе, происходящее отъ медленности и недостаточности нашего судопроизводства.

Несмотря на всѣ мѣры, предпринимаемыя правительствомъ къ ускоренію рѣшенія дѣлъ, несмотря на строгія побужденія начальниковъ, дѣла у насъ тянутся десятки лѣтъ и всегда найдутся законныя причины, оправдывающія медленность. Время у насъ теряется въ перепискахъ, собираніяхъ справокъ, въ отысканіи лицъ, требуемыхъ къ дѣлу, на объявленіе рѣшеній.

Обыкновенно дѣло останавливается на становомъ или частномъ приставѣ. Они доставляютъ всѣ матеріалы, нужные къ дѣлу, они же приводятъ рѣшеніе въ исполненіе. На многократныя побужденія присутственныхъ мѣстъ становой не отвѣчаетъ и наконецъ, угрожаемый лишиться мѣста, доноситъ, что требуемое лицо находится въ отсутствіи, или онъ доставляетъ показанія неполныя, неясныя, неправильныя и присутственное мѣсто, потерявши много времени, должно вновь пополнять, или рѣшать дѣло, основываясь на показаніяхъ невѣрныхъ. Причина такого замедленія состоитъ въ томъ, что мы имѣемъ возможность укрываться отъ распоряженій суда, если они противны нашимъ интересамъ, а становой или частный приставъ могутъ произвольно выставлять тѣ или другія причины невыполненія предписаній. Съ умноженіемъ числа становыхъ или по замѣщеніи ихъ засѣдателями отъ дворянства, движеніе судопроизводства нисколько не ускорится—нужно измѣнить положеніе объ обязанностяхъ станового, чтобы въ прямомъ и скоромъ выполненіи ихъ онъ находилъ свой интересъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ общество было защищено отъ его произвола.

Процессы немногосложные, напримѣръ: взысканія по векселямъ безспорнымъ, дѣла конкурсныя продолжаются у насъ многіе годы и, при медленности судопроизводства, пока совершается переписка, должникъ успѣетъ перевести свое имущество, а заарестованное согніетъ прежде чѣмъ продано будетъ.

При видѣ такой медленности и безполезности судопроизводства кредиторы не предъявляютъ своихъ документовъ ко взысканію, дабы избѣжать потери времени и денегъ, съ нимъ соединенной. Купцы предпочитаютъ взять только 10 копѣекъ съ рубля, нежели заводить тяжбу. Они теряютъ 90 процентовъ и со временемъ забудутъ свое горе; но заведши 10—20-лѣтній процессъ, они тратятъ дорогое время, лишаются покоя и дѣлаютъ издержки, превосходящія нерѣдко самый капиталъ. Купецъ, по необходимости, беретъ 50 процентовъ лишняго съ своихъ покупателей, дабы покрыть потери, сопряженныя съ кредитомъ.

По той же причинѣ многіе контракты остаются невыполненными.

Еще болѣе отяготительны споры о правахъ на имѣніе: съ обѣихъ сторонъ приносятся жертвы безполезныя. Дѣло, подвергаясь разнымъ случайностямъ, возрастаетъ, вслѣдствіе частныхъ жалобъ, объясненій и дополненій до неслыханныхъ размѣровъ, наконецъ усложняется и спутываетса до того, что усилій человѣческихъ недостаточно, чтобы обнять его. Подобный споръ рѣшается тогда, когда имѣніе разорится и одна или обѣ стороны изнемогутъ.

Въ дѣлахъ уголовныхъ становой или частный приставъ производитъ слѣдствіе, отбираетъ показанія свидѣтелей по своему выбору и по безграмотности ихъ, при таинственности судопроизводства, недопускающаго контроля на мѣстѣ, составляетъ часто показанія вовсе несправедливыя, но слѣдствіе, произведенное становымъ, составляетъ краеугольный камень дѣлу.

Преступленія часто остаются недоказанными потому, что свидѣтели, страшась суда, скрываются отъ дачи показанія. Хотя преступленіе очевидно, всѣмъ извѣстенъ преступникъ и гласно объ немъ говорятъ, но мнѣніе общественное и голосъ народа у насъ не имѣютъ должнаго значенія.

Таковое бѣдственное состояніе нашего судопроизводства наиболѣе зависитъ отъ самой формы его, которая, при всѣхъ

сдѣланныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, не можетъ удалить безчисленныхъ злоупотребленій и судья, даже при всей добросовѣстности, нерѣдко затрудняется и дѣлаетъ ошибки по многосложности и громадности письменнаго процесса. Иногда онъ долженъ рѣшать дѣло не по чувству справедливости и полному убѣжденію, но только соблюдая узаконенныя формы, дабы самому не попасть въ отвѣтственность. Личность подсудимаго, его прямодушіе и честная жизнь, его отчаянное положеніе, истинное раскаяніе не могутъ имѣть кредита и цѣны въ судѣ, гдѣ читаются только донесенія станового или слѣдователя.

У насъ часто говорятъ, что человѣкъ, потерявшій искъ, по совѣсти правъ, а по закону виноватъ, какъ будто законъ можетъ противорѣчить совѣсти и правдѣ, но ошибка въ этой фразѣ исправляется, если подъ словомъ законъ разумѣть форму, но при этомъ грустно вспомнить, что человѣкъ долженъ лишиться правъ, принадлежащихъ ему по совѣсти, или подвергнуться осужденію за недостаткомъ средствъ, предоставляемыхъ формою судопроизводства къ защитѣ его, именно потому, что совѣсть трудно сознать на бумагѣ, но она видна на лицѣ, голосѣ и слезахъ подсудимаго — доказательства эти недоступны при закрытомъ судопроизводствѣ.

Нашъ капиталъ и наши имѣнія обезпечиваются бумажными документами, хранящимися въ архивахъ и присутственныхъ мѣстахъ, но документы эти неопредѣлительны, непрочны; несмотря на ихъ громадность и безчисленность, эти бумажныя крѣпости, защищаемыя секретно, не могутъ охранить нашей собственности и личности.

Намъ нужны другія средства, болѣе прочныя, живущія, болѣе рѣшительныя: они заключаются въ голосѣ народа, въ здравомъ общественномъ мнѣніи, въ чувствѣ правды и чести, если они будутъ выражены гласно, откровенно и публично.

Гласность и здравое общественное мнѣніе снимутъ личину съ преступнаго чиновника и вызовутъ заслуги и безкорыстіе честнаго судьи [1]).

---

[1]) Ходатайство харьковскаго дворянства возбудило переписку между министромъ вн. дѣлъ Ланскимъ и министромъ юстиціи гр. Панинымъ, причемъ послѣдній писалъ первому: „Сообщенное мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ постановленіе Харьков-

Въ томъ же 1858 году Тульское дворянское собраніе возбудило ходатайство „о допущеніи публичности или гласности судопроизводства во всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ и судебно-полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ", причемъ дворяне скромно прибавляли: „въ томъ размѣрѣ, какой будетъ признанъ возможнымъ". Въ началѣ 1859 года выступило съ подобной же просьбой воронежское дворянство; въ составленномъ по этому поводу адресѣ оно говорило: „Правосудіе, милосердіе и отеческая заботливость Вашего Императорскаго Величества о благѣ всѣхъ сословій нашего отечества, открывающія новую эру въ исторической жизни государства и всего просвѣщеннаго міра, — осмѣливаютъ вѣрноподданное и безгранично преданное Вашему Императорскому Величеству дворянство Воронежской губерніи,—въ виду предстоящей перемѣны отношеній между главными сословіями государства, и потому крайняго неудобства и даже вреда тайнаго судопроизводства во всѣхъ тѣхъ недоумѣніяхъ, спорахъ и тяжбахъ, которые, при существованіи канцелярской тайны въ судахъ и слѣдствіяхъ, въ неопредѣленномъ количествѣ могутъ неизбѣжно возникнуть между лицами и произвесть даже враждебную недовѣрчивость между сословіями, — повергнуть къ подножію священнаго престола Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу о водвореніи открытаго судопроизводства и гласности во всѣхъ судахъ и слѣдствіяхъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе, имущество, честь и самая жизнь всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества" [1]).

Вопросъ о судебной реформѣ обсуждался въ томъ же 1859 году и во Владимірскомъ дворянскомъ собраніи, гдѣ выступили съ интересными рѣчами бывшіе депутаты отъ губернскаго комитета

скаго дворянскаго собранія относится до двухъ предметовъ: упрощенія судопроизводства и гласности онаго.

„Первымъ предметомъ, какъ вамъ, милостивый государь, извѣстно, давно уже занимается правительство, и нынѣ разные проекты, составленные во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ.

„Вопросъ о гласности былъ возбужденъ въ періодическихъ сочиненіяхъ, какъ на это указано и въ постановленіи Харьковскаго дворянскаго собранія. Государь Императоръ призналъ возбужденіе вопроса по сему предмету неудобнымъ, и вслѣдствіе происходившихъ по сему предмету сношеній послѣдовало распоряженіе, сообщенное мнѣ министромъ народнаго просвѣщенія въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1857 года".

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 1903, л. л. 21—28.

Безобразовъ и Протопоповъ, первый изъ нихъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ охарактеризовалъ недостатки тогдашняго управленія и судопроизводства и высказывалъ опасеніе, „что ежели дворянство предадутъ на произволъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ народомъ, у котораго эти новые попечители отнимутъ все, чѣмъ мы готовы наградить его", а второй настаивалъ на необходимости установленія строгой отвѣтственности всѣхъ состоящихъ на государственной службѣ лицъ предъ судомъ и закономъ, гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ. По выслушаніи этихъ рѣчей избрана была комиссія для составленія проекта адреса Государю, а на другой день громаднымъ большинствомъ голосовъ былъ принятъ текстъ адреса, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „вступая на путь вѣковыхъ преобразованій... отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона... правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши обязаны производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій". Владимірскіе дворяне приходили къ заключенію, что исполненіе у насъ законовъ зависитъ большею частью отъ личнаго произвола, и что такой порядокъ не можетъ быть терпимъ далѣе, а поэтому признавали необходимымъ цѣлый рядъ реформъ и въ томъ числѣ введеніе гласнаго судопроизводства, суда присяжныхъ, непосредственной отвѣтственности каждаго передъ судомъ, строгой отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ и раздѣленіе властей судебной и административной [1]). Почти въ такихъ выраженіяхъ ходатайствовало и ярославское дворянство [2]). Подобнаго рода мысли, такъ сказать, носились въ воздухѣ, ихъ высказывали или хотѣли высказать въ своихъ адресахъ многія дворянскія общества, причемъ на этой почвѣ происходили неоднократныя столкновенія съ мѣстной администраціей и центральнымъ правительствомъ, которое пристально слѣдило за общественнымъ подъ-

[1]) Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, изд. 1903 г., стр. 384 и слѣд.

[2]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крестьянск. дѣлу, кн. 37, д. № 71, л. л. 55—62, 79 и 80; за подачу этого адреса губ. предв. Бему было сдѣлано замѣчаніе.

емомъ провинціи и отнюдь не желало допускать сужденій дворянства объ дѣлахъ общегосударственнаго характера [1]).

Сознаніе необходимости судебной реформы не было исключительнымъ достояніемъ помѣстнаго дворянства, оно проникало и въ прочія группы тогдашней интеллигенціи. Съ университетскихъ каѳедръ раздались настойчивые голоса, призывавшіе къ коренному судебному преобразованію, причемъ на первый планъ выставлялись все тѣ же пожеланія—отдѣленія суда отъ администраціи, устности и гласности, суда присяжныхъ и проч. [2]). Особенное вниманіе вопросу о судебной реформѣ удѣлялось въ печати. Положительно каждый журналъ и каждая газета спѣшили совершенно опредѣленно заявить о своемъ недовольствѣ существующими судебными порядками и указать на необходимость судебной реформы. Подобнаго рода статьи прежде всего появляются въ большомъ количествѣ въ лондонскихъ русскихъ изданіяхъ, причемъ какъ и въ дворянскихъ пожеланіяхъ выставляется на одно изъ первыхъ мѣстъ требованіе самостоятельности и независимости судовъ отъ исполнительной власти при непремѣнномъ условіи контроля надъ ними общественнаго мнѣнія въ формѣ гласности судопроизводства, „вѣчное зрѣлище суда и наказанія, говорится въ одной изъ этихъ статей, разовьетъ въ гражданахъ чувство права и законности, составляющее первое основаніе всякой разумной общественной жизни“ [3]). Любопытно отмѣтить, что русская зарубежная печать не ограничивается общими фразами и пожеланіями кореннаго пере-

---

[1]) Въ 1859 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе дворянскимъ собраніямъ: не входить ни въ какія сужденія по предметамъ, касающимся вообще до крестьянскаго вопроса, которое вызвало неудовольствіе многихъ дворянскихъ собраній; нѣкоторыя собранія старались обойти это запрещеніе, другія обратились съ ходатайствомъ о его отмѣнѣ; къ послѣднимъ принадлежало, между прочимъ, Рязанское дворянское собраніе, которое привлекло къ себѣ особое вниманіе правительства по слѣдующему поводу. Къ началу собранія былъ полученъ съ эстафетою № 6 Русской Газеты, отъ 9 декабря 1859 года, со статьями Наумова и Стаховича, взволновавшими всѣ умы. Эти статьи весьма любопытны для показанія настроенія дворянства того времени. Въ нихъ дворяне призываются къ пробужденію, авторы предлагаютъ составлять адресы съ ходатайствами о необходимыхъ реформахъ и напоминаютъ дворянамъ предоставленныя имъ права, причемъ среди необходимыхъ реформъ одно изъ первыхъ мѣстъ отводится гласности судопроизводства и вообще судебному преобразованію (Арх. Госуд. Сов. Дѣла Главн. Комит. по крест. дѣлу, кн. 37, д. № 71, л. л. 24—29; кн. 40, д. № 94, л. л. 1 обр., 3—8, 10).

[2]) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. 18, стр. 258. Рѣчь профессора Куницына „О мѣрахъ къ отвращенію неправосудія по русскому законодательству“.

[3]) Голоса изъ Россіи, книжка 4-я (1857 г.), „Современныя задачи русской жизни“—эта статья написана въ іюнѣ 1855 года.

устройства судебныхъ порядковъ, а подробно останавливается и на практической сторонѣ реформы. Цензурныя условія не давали имперской печати полной свободы высказаться съ такою же откровенностью, но и она по мѣрѣ возможности заговорила о судебной реформѣ, причемъ наиболѣе излюбленными ея темами были независимость судебной власти, устность и гласность судопроизводства и судъ присяжныхъ, а затѣмъ удѣлялось значительное вниманіе мировому институту и адвокатурѣ [1]).

[1]) Въ какой степени во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ возросъ интересъ къ вопросамъ права и въ частности къ организаціи на западноевропейскихъ началахъ судоустройства и судопроизводства можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго, примѣрнаго списка статей, появившихся въ тѣ годы въ разныхъ изданіяхъ.

С. И. Баршевъ. „Объ устности и гласности уголовнаго судопроизводства". Русск. Вѣстн., 1857 г., іюнь, т. 10. Его же. „О судѣ присяжныхъ". Тамъ же, 1857 г., т. 9. К. Яневичъ-Яневскій. „О публичности и устности уголовнаго судопроизводства по русскому положительному праву". Тамъ же, 1857 г., т. 11. Эта же статья перепечатана въ Морскомъ Сборникѣ въ томъ же году, въ октябрьской книжкѣ. Его же. „Объ адвокатахъ и адвокатурѣ въ Россіи". Отечествен. Записки, 1858 г., № 7. Его же. „О введеніи, развитіи и современномъ состояніи суда присяжныхъ во Франціи". Юридич. Записки, изд. П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. 1859 г. А. Хомяковъ. „О юридическихъ вопросахъ (необходимость судебной гласности)". Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 10. М. Филипповъ. „Взглядъ на русск. судоустройство и судопроизводство". Современникъ, 1859 г., №№ 1, 3, 4, 7, 8. Полюмбецкій (А. А.), „Вопросъ объ устности и гласности суда". Русск. Вѣстн., 1859, № 2. „Объ адвокатурѣ въ гражданск. процессѣ". Тамъ же, 1859 г., № 3. Баршевъ, С. И. „О необходимыхъ гарантіяхъ уголовнаго суда". Тамъ же, 1859 г., № 3. Саранчовъ, Д. „Уголовный судъ въ Англіи". Отеч. Зап., 1859 г., № 4. Побѣдоносцевъ, К. П. „О реформахъ въ гражд. судопроизводствѣ". Русск. Вѣстн., 1859 г., № 6, 7. „Повальный обыскъ по дѣламъ уголовнымъ". Отеч. Зап., 1859 г., № 10. Утинъ, Б. И. „Очеркъ истор. образованія суда присяжныхъ въ Англіи". Русск. Вѣстн., 1860 г., № 3. „Повальный обыскъ и очная ставка". Отеч. Зап., 1860 г., № 4. К. Яневичъ-Яневскій. „О судѣ присяжныхъ въ Англіи". Юрид. Зап., т. IV. 1860 г. П. Рѣдкинъ. „О независимости юстиціи". Тамъ же. Спасовичъ, В. „О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ". (Публичная лекція въ сентябрѣ—октябрѣ 1860 г.). Напечатаны въ Журн. Мин. Юст., 1860 г., №№ 11 и 12, т. VI. Чебышевъ-Дмитріевъ (А.). „Начала обвинительное и слѣдственное въ уголовномъ процессѣ". Юрид. Вѣстникъ, изд. Н. Калачевымъ, 1860—1861 г., вып. I. „Уголовное право во Франціи". Русск. Вѣстн., 1860 г., № 7. Зарудный, М. И. „Англійскіе суды". Тамъ же, 1860 г., № 8. Чебышевъ-Дмитріевъ (А.). „Очеркъ уголовн. процесса въ Англіи, Франціи и Германіи". Отеч. Зап., 1860 г., №№ 10, 12. Утинъ, Б. „Къ вопросу о мировой юстиціи и самоуправленіи въ Англіи". Современникъ, 1860 г., № 11. Полозовъ, Н. „Нѣсколько словъ объ уголовн. слѣдствіяхъ". Русск. Вѣстн., 1861 г., № 2. Арсеньевъ, К. К. „О современномъ состояніи французской адвокатуры". Тамъ же, 1861 г., № 3. Бѣляевъ, И. „Своевременна ли отмѣна тѣлеснаго наказанія въ Россіи". День, 1862 г., №№ 50 и 52. Видингъ, К., профессоръ Грейфсвальдскаго университета, переводъ его статьи: „О судѣ присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ", помѣщенный въ Юрид. Зап. П. Рѣдкина, 1862 г., т. V. Унковскій, А. „Новыя основанія судопроизводства". Современникъ, 1863 г., №№ 1, 2. Баршевъ, С. И. „Задача присяжныхъ въ дѣлѣ уголовнаго суда". Русск. Вѣстн. 1863 г., № 5. Сверхъ того большое количество матеріала по однороднымъ вопросамъ имѣется въ Журналѣ Министерства Юстиціи, основанномъ въ іюлѣ 1859 года и въ Морскомъ Сборникѣ, начиная съ 1857 г.

Среди печатныхъ органовъ наиболѣе видную роль въ дѣлѣ подготовки умовъ къ судебной реформѣ сыграли „Журналъ Министерства Юстиціи“ и „Морской Сборникъ“. Первый изъ этихъ журналовъ выполнялъ такимъ образомъ свое естественное назначеніе, что же касается второго, то его заслуги должны быть особенно отмѣчены.

Представляя изъ себя спеціальный журналъ русскаго флота, „Морской Сборникъ“ являлся въ то же время отраженіемъ преобразовательныхъ идей и просвѣщенной дѣятельности августѣйшаго генералъ-адмирала, распространявшейся на многія стороны государственной жизни. Благодаря высокому покровительству, этотъ журналъ ранѣе другихъ получилъ возможность высказаться съ надлежащею свободою и полнотою о необходимости кореннаго судебнаго преобразованія и остановиться подробно на весьма важномъ вопросѣ о совмѣстимости независимой судебной власти, устнаго и гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ съ неограниченною самодержавною властью русскихъ монарховъ. Поставленный вопросъ весьма талантливо разрѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ генералъ-аудиторъ морского вѣдомства Глѣбовъ въ своей статьѣ „Морское судопроизводство во Франціи [1])“. Въ доказательство своей мысли авторъ ссылается во первыхъ на Наполеона I, который, несмотря на постоянное стремленіе къ деспотической власти, не только позволилъ заняться обработкой законовъ о судопроизводствѣ на началахъ словеснаго открытаго суда съ обезпеченіемъ самостоятельности судей, но и самъ работалъ усердно надъ этими законами, и во вторыхъ вообще на исторію Франціи, которая показываетъ что суды, являясь учрежденіемъ охранительнымъ и стремясь лишь къ исполненію закона, одинаково успѣшно служатъ опорою власти при самыхъ разнообразныхъ режимахъ.

Мысли, высказанныя въ „Морскомъ Сборникѣ“ о полной совмѣстимости самодержавной власти съ независимостью судовъ и новыми формами судопроизводства, повторялись неоднократно во время составленія Судебныхъ Уставовъ и служили вѣскимъ возраженіемъ тѣмъ лицамъ правящей среды, которыя опасались радикализма новыхъ судебныхъ учрежденій.

---

[1]) Эта статья представляетъ собою извлеченіе изъ письма Глѣбова, командированнаго во Францію для изученія устройства морской судебной части, къ Вел. Кн. Константину Николаевичу.

Сознаніе необходимости судебной реформы на началахъ независимости судебной власти, устности, гласности и суда присяжныхъ становилось все болѣе и болѣе всеобщимъ и отраженіемъ этого сознанія являлась не одна научная литература и публицистика, но также и изящная словесность.

Общественная мысль и общественное сознаніе давно переросли старый судебный строй и народная совѣсть не хотѣла болѣе мириться съ безчисленными злоупотребленіями и неправосудіемъ. Русскіе люди того времени, одухотворенные стремленіемъ къ высокому идеалу справедливости и человѣчности, горячо стремились къ водворенію истинной правды въ родной землѣ—коренная судебная реформа становилась неизбѣжной.

И. Блиновъ.

Ходъ судебной реформы 1864 года.

I. Учрежденіе слѣдователей. Проекты Блудова и составленіе Основныхъ Положеній. II. Отношеніе къ Основнымъ Положеніямъ въ обществѣ и печати. III. Замѣчанія, представленныя на Основныя Положенія. IV. Составленіе проектовъ Судебныхъ Уставовъ. V. Замѣчанія на проекты Судебныхъ Уставовъ. VI. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній и откуповъ. VII. Обсужденіе проектовъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе Государемъ. VIII. Къ вопросу о дѣятеляхъ судебной реформы. IX. Отношеніе современниковъ къ судебной реформѣ.

I. Учрежденіе слѣдователей. Проекты Блудова и составленіе Основныхъ Положеній.

Первымъ шагомъ къ коренному судебному преобразованію была реформа слѣдственной части. Въ то время, какъ шли работы редакціонныхъ комиссій, подготовлявшихъ освобожденіе крестьянъ, правительство не могло не обратить самаго серьезнаго вниманія на состояніе полиціи, которой предстояла весьма важная задача—охранять порядокъ и общественное спокойствіе во время проведенія въ жизнь этой великой соціальной реформы.

Но такъ какъ времени оставалось немного, то рѣшено было отказаться отъ мысли о коренномъ преобразованіи мѣстной полиціи, приходилось довольствоваться лишь нѣкоторыми наиболѣе неотложными улучшеніями, среди которыхъ, по общему мнѣнію, первое мѣсто занимало освобожденіе полиціи отъ слѣдственныхъ обязанностей съ учрежденіемъ особыхъ слѣдственныхъ приставовъ или судей.

Въ такомъ именно направленіи и шли работы учрежденной въ 1859 году комиссіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ [1]).

[1]) Точное названіе этой комиссіи было таково: „Комиссія, учрежденная по Высочайшему повелѣнію 27 марта 1859 года для начертанія проектовъ новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій", предсѣдательствовалъ въ ней Н. А. Милютинъ, а членами были: Ждановъ, графъ Шуваловъ, К. Гротъ, Арцимовичъ, Зарудный, Калмыковъ, Н. Смирновъ, Миллеръ, Гирсъ, Стояновскій, Калачовъ и Я. А. Соловьевъ.

Среди членовъ ея болѣе всѣхъ интересовался вопросомъ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи Стояновскій, принявшій на себя тяжелый трудъ составленія надлежащихъ законопроектовъ; результатомъ его усиленной, почти годовой работы явились проекты учрежденія слѣдственныхъ судей, наказа этимъ должностнымъ лицамъ и наказа полиціи о производствѣ дознанія. Въ маѣ 1860 года эти проекты подверглись обстоятельному обсужденію въ Соединенныхъ Департаментахъ (Гражданскомъ и Законовъ) Государственнаго Совѣта, усиленныхъ членами Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, при чемъ возраженія послѣдовали прежде всего противъ наименованія „слѣдственный судья". Присутствіе департаментовъ и членовъ Главнаго Комитета находило, что слова „слѣдственный судья" могутъ дать неправильное понятіе объ учрежденіи, потому что этотъ судья не судитъ, а собираетъ только данныя, представляемыя имъ на разрѣшеніе суда; онъ производитъ слѣдствіе и поэтому долженъ называться слѣдователемъ, но такъ какъ слѣдствія изъ вѣдомства полиціи переходятъ къ судамъ, то правильнѣе всего было бы назвать его судебнымъ слѣдователемъ.

Затѣмъ члены Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета обратили вниманіе на порядокъ назначенія судебныхъ слѣдователей. Они исходили изъ того соображенія, что, согласно Высочайше утвержденному положенію объ отдѣленіи полицейской власти отъ судебной, слѣдствіе должно производиться чиновникомъ не полицейскаго, а судебнаго вѣдомства, поэтому и слѣдователи должны назначаться не губернскимъ начальствомъ, какъ предположено въ проектѣ учрежденія слѣдственныхъ судей, а министромъ юстиціи, какъ главнымъ начальникомъ судебнаго вѣдомства, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы назначеніе это дѣлалось по представленію губернатора, который долженъ входить по этому поводу въ соглашеніе съ губернскимъ прокуроромъ.

Другіе вопросы, относящіеся до организаціи новаго института, какъ-то: число слѣдователей для всей Имперіи, размѣръ содержанія и проч., не вызвали особыхъ возраженій.

При обсужденіи наказа судебнымъ слѣдователямъ Соединенное Присутствіе Департаментовъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета сдѣлало серьезныя исправленія

по двумъ вопросамъ: во-первыхъ, по поводу актовъ слѣдствія и, во-вторыхъ, о допущеніи въ крайнихъ случаяхъ осмотра безъ свидѣтелей или понятыхъ. Въ проектѣ наказа употреблялись выраженія: акты, журналы и протоколы, безъ точнаго однако опредѣленія каждаго изъ этихъ понятій, при чемъ неоднократно допускалось смѣшеніе. Поэтому было признано необходимымъ указать точно случаи, когда должны составляться тѣ или иные акты, и кромѣ того было рѣшено вмѣнить судебнымъ слѣдователямъ въ обязанность вести общую дневную записку, изъ которой можно было бы видѣть весь ходъ слѣдствія и, между прочимъ, время совершенія тѣхъ дѣйствій, которыя не вносятся ни въ протоколъ, ни въ постановленіе.

Въ проектѣ наказа было установлено правило о производствѣ слѣдователемъ осмотра, въ крайнихъ случаяхъ, безъ свидѣтелей или понятыхъ. Такое правило, по мнѣнію Соединеннаго Присутствія, открывая возможность полнаго произвола, представляетъ чрезвычайную опасность и не вызывается дѣйствительною необходимостью, такъ какъ едва ли можетъ быть такой крайній случай, чтобы слѣдователь не успѣлъ пригласить понятыхъ; поэтому рѣшено было не предоставлять слѣдователямъ указаннаго полномочія. По исправленіи Государственнымъ Совѣтомъ, составленные комиссіею объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ проекты были утверждены 8 іюня 1860 года Государемъ и составили три закона: Учрежденіе Судебныхъ Слѣдователей, Наказъ Судебнымъ Слѣдователямъ и Наказъ полиціи о производствѣ дознаній. Сущность этихъ узаконеній сводилась, во-первыхъ, къ отдѣленію слѣдственной части отъ полиціи, за которою оставалось лишь первоначальное изысканіе о преступленіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, дальнѣйшее же изслѣдованіе возлагалось на членовъ уѣзднаго суда, получившихъ названіе судебныхъ слѣдователей, и, во-вторыхъ, въ коренномъ измѣненіи положенія заподозрѣннаго лица во время слѣдствія. Подъ вліяніемъ идей правомѣрности и человѣчности былъ введенъ рядъ правилъ для обезпеченія интересовъ и правъ заподозрѣннаго, — былъ установленъ контроль надъ лишеніемъ его свободы, ему предоставлено присутствовать при осмотрахъ и обыскахъ, вмѣнено слѣдователю въ обязанность охранять его тайны и проч., однимъ словомъ, „личность запо-

дозрѣннаго, бывшая дотолѣ предметомъ произвольныхъ дѣйствій, получила свои законныя права" [1]).

Новые законы при добросовѣстномъ ихъ примѣненіи давали въ руки подлежащихъ властей надежныя средства для открытія преступленій и притомъ безъ нанесенія излишняго вреда отдѣльной личности. По духу своему они были преддверіемъ къ Судебныхъ Уставамъ 1864 года. „Наказъ судебнымъ слѣдователямъ, пишетъ А. Ѳ. Кони, былъ не только практической для своего времени мѣрой, не только цѣннымъ историческимъ памятникомъ по отношенію къ прошлому, но и своего рода завѣтомъ для будущаго. Онъ знаменовалъ собою проведенную въ 1860 году границу, за которую возвращаться нельзя, не рискуя, пошатнувъ все зданіе уголовнаго процесса, очутиться снова въ тѣхъ дебряхъ, среди которыхъ блуждала въ теченіе многихъ лѣтъ, изнывая, потребность общества въ дѣйствительномъ правосудіи".

Въ то время, какъ обсуждались реформа полиціи и отдѣленіе отъ нея слѣдственной части, шли обширныя работы по подготовкѣ судебнаго преобразованія.

Сознаніе необходимости судебной реформы, проникшее въ первые годы царствованія Императора Александра II во всѣ слои русскаго общества, было могучимъ двигателемъ подготовительныхъ работъ, на которыхъ вполнѣ отразилось всеобщее оживленіе, охватившее русскихъ людей послѣ крымской войны. II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, начавшее еще въ сороковыхъ годахъ составлять Судебные Уставы, сосредоточило прежде всего свое вниманіе на уставѣ гражданскаго судопроизводства, и 6 іюня 1857 года состоялось по докладу Блудова Высочайшее повелѣніе о внесеніи въ Государственный Совѣтъ составленнаго имъ проекта устава гражданскаго судопроизводства и объяснительной къ нему записки. Черезъ два дня помянутые документы были дѣйствительно представлены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и съ этихъ поръ вплоть до ноября 1864 года вопросъ о судебной реформѣ не сходилъ съ очереди.

15 ноября 1857 года состоялось первое засѣданіе Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ, посвя-

---

[1]) А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія, стр. 657.

щенное новому уставу, на которомъ департаменты признали необходимымъ поручить II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, чтобы оно немедленно и не ожидая окончательнаго утвержденія устава судопроизводства, приступило къ составленію проекта судоустройства, соотвѣтствующаго потребностямъ и условіямъ новаго процесса.

Съ этого времени и до 23 сентября 1859 года состоялось 37 засѣданій, посвященныхъ лишь Уставу Гражданскаго Судопроизводства. Эта почтенная цифра говоритъ сама за себя безъ всякихъ поясненій, свидѣтельствуя о весьма большомъ интересѣ и серьезномъ вниманіи, которое проявили Соединенные Департаменты къ вопросу о судебной реформѣ и въ частности къ указанному законопроекту. Не останавливаясь далѣе на внѣшней исторіи проекта устава гражданскаго судопроизводства, скажемъ нѣсколько словъ о томъ направленіи, въ которомъ складывалось его содержаніе.

Авторы интересующаго насъ законопроекта — чины II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, руководимые Блудовымъ, и Государственная Канцелярія, подготовлявшая доклады для Государственнаго Совѣта, придавали особое значеніе упрощенію производства, въ особенности по маловажнымъ дѣламъ, въ каковыхъ цѣляхъ предполагалось введеніе примирительнаго разбирательства и словеснаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ связи съ уменьшеніемъ числа инстанцій и вообще устраненіемъ излишнихъ формальностей. Покуда уставъ гражданскаго судопроизводства обсуждался въ Соединенныхъ Департаментахъ, именно въ такомъ духѣ былъ изданъ, такъ сказать, пробный законъ, которымъ создавалась въ Петербургѣ особая комиссія для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ между нанимателями и рабочими словеснымъ и сокращеннымъ порядкомъ, съ примѣненіемъ примирительнаго разбирательства прежде разбора существа каждаго дѣла [1]). Успѣшная дѣятельность комиссіи и довѣріе, которое она быстро завоевала какъ среди нанимателей, такъ равно и среди рабочихъ, при чемъ большую роль играла публичность ея засѣданій, служили лучшимъ доказательствомъ того, что принципы, положенные въ основаніе ея дѣятельности,

---

[1]) Эта комиссія была поставлена въ непосредственное отношеніе къ Сенату, чѣмъ достигалось сокращеніе числа инстанцій.

соотвѣтствовали потребностямъ даннаго времени. Такимъ образомъ лица, желавшія реформы гражданскаго процесса, находили опору для своего домогательства публичнаго, словеснаго и сокращеннаго производства, со введеніемъ примирительнаго разбирательства и сокращеніемъ числа инстанцій.

Въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи, составленныхъ въ 1859 г. по поводу проекта устава гражданскаго судопроизводства, имѣется прямая ссылка на организацію и практику упоминавшейся нами комиссіи [1]), причемъ приводятся пространныя доказательства необходимости сокращеннаго порядка производства и учрежденія мирового суда, которыя впослѣдствіи болѣе или менѣе повторялись при составленіи Судебныхъ Уставовъ [2]).

Въ новомъ судоустройствѣ графъ Блудовъ со своими сотрудниками и Государственный Совѣтъ предполагали отвести видное мѣсто мировому суду, который ихъ интересовалъ въ такой же мѣрѣ, какъ впослѣдствіи составителей Судебныхъ Уставовъ. Значенію мирового суда въ системѣ новаго судоустройства посвящена особая глава соображеній Государственной Канцеляріи, въ которой часто слышатся мысли, высказывавшіяся впослѣдствіи составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года; нерѣдко мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми доказательствами и даже съ тѣми же оборотами фразъ; не хватаетъ только цѣль-

[1]) Любопытно отмѣтить, что законъ 30 іюня 1858 г., создавшій комиссію для разбора дѣлъ между нанимателями и рабочими и установившій словесный и сокращенный порядокъ судопроизводства, сдѣлался извѣстнымъ и въ Европѣ. Вотъ что о новомъ порядкѣ писалось въ газетѣ „Indépendance Belge": „La premiére affaire de cette nature c'est discutée et jugée publiquement il y a quelques jours a la grande satisfaction des assistants. C'est lá il me semble un commencement d'application sur une échelle bien infinie cans doute, mais enfin un commencement d'application du principe de publicité dans les débats judiciaires".

[2]) „У насъ, какъ и вездѣ, разсуждала Государственная Канцелярія, есть дѣла, которыя требуютъ быстраго разрѣшенія на мѣстѣ. Но оно не достигается установленіемъ особыхъ правилъ, по коимъ въ отдаленныхъ отъ мѣста судахъ все дѣлается въ одинъ день. Оно достигается установленіемъ судей на недалекомъ разстояніи отъ тяжущихся, спеціальныхъ судей, которые только и занимаются этими дѣлами. Теперь дѣла эти у насъ производятся и въ полиціи, и въ судѣ. Судъ получаетъ дѣло, испорченное полиціею, отсюда смѣшеніе властей, безконечные споры, трата времени и денегъ. Изъять эти дѣла изъ вѣдомства полиціи и предоставить ихъ судамъ въ настоящемъ ихъ составѣ, значитъ обременить ихъ выше силъ человѣческихъ, и тяжущихся лишить всякой возможности даже начинать дѣло, ибо судъ не судъ, когда требуется безотлагательное разысканіе, а чтобы добраться до суда, надо ѣхать или идти за сто или двѣсти верстъ..." (Библ. Гос. Сов., дѣло о преобраз. суд. части въ Россіи, томъ IX, предварительныя работы Госуд. Канцеляріи по проекту уст. гражд.).

ности, послѣдовательности и радикальности, которыми характеризуется большинство соображеній составителей Судебныхъ Уставовъ. Очевидно многія идеи, положенныя черезъ нѣсколько лѣтъ въ основаніе судебной реформы, не вполнѣ еще созрѣли, не вполнѣ были выношены.

При образованіи новыхъ судовъ, разсуждала въ 1859 г. Государственная Канцелярія, вообще необходимо имѣть въ виду, чтобы суды эти могли занять опредѣленное мѣсто въ системѣ всего судоустройства въ государствѣ. Посему прежде всего надобно сказать нѣсколько словъ объ общей возможной въ Россіи при предполагаемыхъ преобразованіяхъ системѣ судоустройства.

Судоустройство есть органъ, коимъ приводятся въ дѣйствіе правила судопроизводства, и потому самое устройство судовъ должно быть послѣдствіемъ основныхъ началъ, принятыхъ въ судопроизводствѣ. Основное начало всякаго правильнаго судопроизводства состоитъ въ томъ, чтобы каждое дѣло не проходило болѣе двухъ инстанцій, т. е. двухъ степеней суда. Недостаточность одной инстанціи признана вѣковыми опытами Европы, а безполезность 10-ти и даже 12-ти инстанцій лучше всего доказываетъ опытъ Россіи. Посему при организаціи судовъ слѣдуетъ идти отъ одного начала,—дѣло должно разрѣшаться въ двухъ степеняхъ суда. Начало это можетъ быть выражено въ судоустройствѣ двоякимъ способомъ:

1) Учрежденіемъ двухъ степеней суда: низшей и высшей инстанцій, съ тѣмъ, чтобы всѣ дѣла начинались въ первой и разрѣшались окончательно во второй степени; 2) учрежденіемъ трехъ и даже четырехъ степеней суда, съ тѣмъ, чтобы дѣла раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, изъ коихъ первый разрядъ долженъ начинаться въ первой степени суда и рѣшаться окончательно въ третьей. Наконецъ, третій разрядъ дѣлъ долженъ начинаться въ третьей степени суда и рѣшаться окончательно въ четвертой. Судоустройство, существующее нынѣ въ Россіи, ближе подходитъ ко второму предположенію. У насъ можно считать четыре степени суда. 1-я степень: судъ полицейскій, суды словесные. 2-я степень: суды уѣздные, надворные, третейскіе. 3-я степень: палаты, коммерческіе суды. 4-я степень: Сенатъ.

При существующемъ порядкѣ каждое дѣло должно пройти черезъ три инстанціи и можетъ проходить и черезъ всѣ четыре,—

не считая другихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, каковы Комиссія прошеній, Государственный Совѣтъ, министры и проч. Чтобы сколько-нибудь уменьшить это неудобство слѣдуетъ примѣнить къ существующимъ судамъ указанное выше основное начало судопроизводства о разрѣшеніи каждаго дѣла въ двухъ инстанціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширить кругъ дѣйствія низшихъ степеней суда, установивъ, что полицейскіе суды, т. е. мировые или словесные, рѣшатъ окончательно сокращеннымъ порядкомъ дѣла до 50 руб. сер., уѣздные суды до 500 руб., палаты до 2000, а Сенатъ всѣ безъ изъятія.

По общему правилу сокращеннымъ порядкомъ дѣла должны производиться въ словесномъ судѣ, въ прочихъ судъ сокращенный есть только изъятіе изъ общаго правила. Мировой судъ именно необходимъ въ качествѣ первой степени суда. Онъ необходимъ для дѣлъ простыхъ и малоцѣнныхъ. Изъятіе ихъ изъ вѣдомства суда уѣзднаго облегчитъ обязанности этого послѣдняго и значительно ускоритъ ходъ дѣлъ. Кругъ дѣйствія мировыхъ судовъ долженъ быть ограниченъ двумя условіями: во-1-хъ цѣнностью иска, можно назначить 300 рублей и дозволить суду рѣшать окончательно дѣла до 50 рублей, во 2-хъ простотою дѣла. Въ ограниченныхъ предѣлахъ словесный простой судъ необходимъ и полезенъ. Но не должно чрезъ мѣру и кромѣ того на первый разъ расширять его предѣловъ, а въ особенности смѣшивать его обязанности съ обязанностями уѣзднаго суда. Иначе, выйдетъ тоже, что съ судомъ по формѣ, установленнымъ указомъ 1723 года; словесное судопроизводство исчезнетъ въ письменномъ. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что словесный судъ, съ сокращеннымъ порядкомъ, имѣетъ въ виду выгоды истца и лишаетъ отвѣтчика многихъ правъ: срокъ на явку въ судъ для него сокращается, онъ лишается права имѣть въ виду письменное требованіе истца съ доказательствами, обдумать свое право, приготовить возраженіе; онъ является на битву, не зная, что говорить, какъ защищаться. Сокращенный порядокъ, какъ выше показано, весьма часто бываетъ ничто иное какъ судебный поединокъ и потому необходимо вмѣнить истцу въ обязанность, чтобы онъ до явки отвѣтчика въ судъ, по крайней мѣрѣ за день, сообщалъ ему письменно свои требованія и доказательства, дабы сей послѣдній могъ приготовиться къ защитѣ. Эти требованія и доказательства

составятъ основные пункты словеснаго пренія и дадутъ отвѣтчику возможность обдумать свои возраженія. Наконецъ, словесный судъ открываетъ широкое поле для произвола судьи и потому для ограниченія сего произвола необходимо дозволить какъ истцу, такъ и отвѣтчику приводить съ собою посторонних свидѣтелей словеснаго пренія.

Низшій словесный судъ, разсуждала Государственная Канцелярія, долженъ быть болѣе патріархальный, чѣмъ формальный. Обязанность его, прежде всего, должна состоять въ примиреніи спорящихъ. Слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ суда должно быть единство и потому: во-1-хъ, судья долженъ быть одинъ, а не три,—коллегіальность въ видахъ ускоренія дѣлопроизводства представляется излишнею; во-2-хъ, онъ назначается правительствомъ, а не по выбору; въ 3-хъ, прежде всего онъ склоняетъ тяжущихся къ примиренію; въ 4-хъ, стряпчаго при словесныхъ судахъ не нужно. Установленіе его уничтожитъ все значеніе словеснаго краткаго суда.

Главный недостатокъ нашего судопроизводства состоитъ въ томъ, что оно не сокращенное, а пространное. Этотъ главный недостатокъ слагается изъ слѣдующихъ частныхъ: 1) смѣшеніе власти судебной и правительственной и недостатокъ суда для дѣлъ, требующихъ безотлагательнаго разрѣшенія на мѣстѣ; 2) неопредѣлительность законовъ о подсудности, въ коихъ заключаются основныя правила для начатія тяжбы; 3) неточность законовъ о судебныхъ издержкахъ, которыя часто составляютъ препятствіе къ достиженію правды; 4) недостатокъ законовъ о дѣлахъ охранительнаго порядка, которыя смѣшаны съ апелляціонными и производятся внѣ правилъ закона; 5) продолжительность и разнообразіе сроковъ; 6) существованіе исключительно письменной системы, которая не дозволяетъ тяжущимся явиться лично и объяснить на словахъ всѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть при разсмотрѣніи письменныхъ документовъ. Установленіе мировыхъ судей на вышеизложенныхъ основаніяхъ будетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ искорененію сихъ недостатковъ. И при этомъ законодатель не долженъ видѣть препятствія въ недостаткѣ хорошихъ людей въ Россіи. Если онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ той мысли, что у насъ нѣтъ людей, то въ такомъ случаѣ не представляется никакой надобности въ улучшеніи судопроизводства. Трудно спорить противъ общеизвѣстной мысли, что дурной порядокъ

судопроизводства при образованныхъ, честныхъ и отвѣтственныхъ судьяхъ, всегда лучше, чѣмъ хорошій порядокъ при судьяхъ необразованныхъ, корыстолюбивыхъ, пристрастныхъ и безотвѣтственныхъ. Для Россіи нужны тѣ люди, въ которыхъ у ней нѣтъ недостатка. Нужно только облегчить ихъ дѣйствія, дать имъ средства жить честно, установить основныя правила, отъ коихъ они не должны отступать. Затѣмъ строго взыскивать за нарушеніе закона. При такомъ порядкѣ всегда найдутся хорошіе люди.

27 октября 1859 года Государь поручилъ главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Блудову приступить немедленно къ составленію проекта судоустройства, не ожидая окончательнаго утвержденія устава гражданскаго судопроизводства. Въ виду этого, Блудовъ составилъ записку объ общихъ основаніяхъ, на которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало построить систему судовъ и представилъ ее на одобреніе Государя.

Императоръ Александръ II отнесся благопріятно къ соображеніямъ Блудова, отражавшимъ многія ходовыя мысли общества того времени о судебномъ преобразованіи. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ въ какой мѣрѣ взгляды Блудова на новое судоустройство послужили матеріаломъ для сужденій составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. приведемъ небольшія выдержки изъ упомянутой записки [1]).

По мнѣнію Блудова суды должны остаться тѣ же самые: суды уѣздные, палаты и Сенатъ. Палаты гражданскую и уголовную желательно соединить въ одинъ губернскій судъ. Число инстанцій ограничить двумя, начиная менѣе важныя дѣла (не влекущія лишенія правъ) въ первой инстанціи, болѣе важныя—во второй.

Магистраты и ратуши должны соединиться съ уѣздными судами. Въ столицахъ надворные суды соединяются съ уѣздными, но ввиду большого количества дѣлъ здѣсь, казалось бы, лучше отдѣлить дѣла уголовныя отъ гражданскихъ. Но одинъ судъ на уѣздъ будетъ недостаточенъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ увеличится число дѣлъ и, за дальностью разстояній, по незначительнымъ дѣламъ и искамъ населеніе иногда предпочтетъ

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 6370.

вовсе не обращаться къ суду. Почему желательно установить малые суды или, вѣрнѣе, судей, назвавъ ихъ мировыми и предоставивъ имъ сокращеннымъ порядкомъ рѣшать менѣе важныя дѣла. Эти суды могутъ быть устроены довольно просто и сходно съ французскими мировыми.

Блудовъ находилъ, что полезно было бы предоставить сторонамъ право и по искамъ болѣе важнымъ вызывать къ мѣстному судьѣ противниковъ для прекращенія дѣла миромъ, „что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать духу нашего народа, вообще склоннаго къ скорому примирительному разбирательству". Соображенія о мировыхъ судьяхъ заслужили полное одобреніе Государя, который противъ этого мѣста записки написалъ: „Мнѣ кажется, что мысль эта весьма хороша".

Вслѣдствіе принятыхъ уже въ проектахъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго правилъ, что дѣла докладываются самими членами судовъ, составъ судовъ долженъ быть увеличенъ, а канцелярій уменьшенъ.

При каждомъ судѣ должны быть: прокуроръ или стряпчій, исполнительные пристава, особые пристава для вызова въ судъ и секретари. Слѣдствія лучше поручать самимъ членамъ суда, что дастъ возможность усиливать, то слѣдственный составъ, то судебный и одни и тѣ же лица не обременяются болѣе трудными обязанностями слѣдственными. Это соображеніе вызвало тоже одобреніе Государя, написавшаго—„очень хорошо".

Блудовъ полагалъ, что при судебныхъ мѣстахъ должны быть: 1) отдѣленія крѣпостныхъ дѣлъ и отдѣленія ипотечныя, 2) присяжные стряпчіе или повѣренные. Засѣданія судовъ предполагалось раздѣлить на судебныя и распорядительныя. Больше вниманія удѣлялось въ запискѣ вопросу о надзорѣ за судебными мѣстами и отвѣтственности лицъ судебнаго вѣдомства.

Надзоръ раздѣлялся на три рода: 1) высшій—Министерства Юстиціи, 2) болѣе близкій—высшихъ судовъ надъ низшими и 3) непосредственный — предсѣдателей судовъ надъ подчиненными ему чиновниками.

Надзоръ Министерства будетъ дѣйствителенъ, если оно будетъ имѣть при каждомъ судѣ особаго чиновника (прокурора). Непосредственный надзоръ въ старыхъ судахъ слабъ оттого, что предсѣдатели выборные (неопытны и не чувствуютъ твердости своего положенія). За канцеляріей и приставами надзоръ

слѣдуетъ поручить предсѣдателямъ и прокурорамъ. За присяжными повѣренными—предсѣдателямъ судовъ и совѣту присяжныхъ. Отвѣтственность чиновниковъ судебнаго вѣдомства можно установить: за маловажные проступки—дисциплинарную, налагаемую начальствомъ или судомъ, при которомъ состоятъ и судебную—за болѣе важныя нарушенія.

Жалкое положеніе у насъ судебной части, писалъ Блудовъ, есть прямое послѣдствіе почти совершеннаго недостатка въ хорошихъ чиновникахъ. Необходимо принять правило, что „никто не можетъ быть допускаемъ къ должности по судебной части, если онъ не получилъ спеціальнаго юридическаго образованія и не пріобрѣлъ нужныхъ практическихъ свѣдѣній". Это должно относиться и къ выборнымъ лицамъ, причемъ, въ случаѣ представленія кандидатовъ, несоотвѣтствующихъ этому условію, правительство само будетъ замѣщать таковыя должности; тогда и выборы будутъ доставлять хорошихъ чиновниковъ. Особенно важно назначеніе предсѣдателей судебныхъ палатъ отъ правительства. Чтобы не обидѣть дворянство, можно устроить новую высшую должность—главнаго губернскаго судьи (по назначенію), который будетъ руководить общимъ присутствіемъ палатъ. Высшихъ судебныхъ должностей не поручать лицамъ, не прошедшимъ низшихъ (не обязательно — самыхъ низшихъ). Улучшить матеріальное положеніе судебныхъ чиновъ, даровать имъ высшіе классы должности, судьямъ и прокурорамъ — право несмѣняемости безъ судебнаго приговора. Опредѣленіе чиновъ канцелярій предоставить предсѣдателямъ судовъ по соглашенію съ прокурорами. Въ концѣ записки указывалось на необходимость установить приличное содержаніе чинамъ судебнаго вѣдомства въ соотвѣтствіи съ современной дороговизной жизни.

На такихъ основаніяхъ былъ составленъ, подъ руководствомъ Блудова, уставъ судоустройства и внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подвергся столь же тщательному обсужденію, какъ и проектъ устава гражданскаго судопроизводства. Любопытно отмѣтить, что и въ Государственномъ Совѣтѣ особенное важное значеніе придавалось созданію мироваго института. Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскаго отъ 2 іюня 1861 г. прямо говорится, что „существенная и, можно сказать, важнѣйшая перемѣна, предлагаемая въ проектѣ—есть учрежденіе мировыхъ судей". Согла-

шаясь вполнѣ съ изложенными въ общей объяснительной запискѣ главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи доказательствами о необходимости учрежденія у насъ сего новаго, такъ сказать, первоначальнаго органа судебной власти, Соединенные Департаменты усматриваютъ, что обыкновенно указываютъ на недостатокъ въ людяхъ какъ на одно изъ препятствій ко введенію сего учрежденія; но, по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, нельзя и думать, чтобы въ замѣщеніи должностей мировыхъ судей встрѣтились значительныя затрудненія. Значеніе столь важной должности, польза, которая должна произойти отъ усерднаго ея исполненія и условія, въ которыя мировой судья долженъ быть поставленъ въ отношеніи къ судебной власти, будутъ весьма содѣйствовать тому, что у насъ явится необходимое число желающихъ вступить на эти мѣста изъ лицъ, до сего времени удалявшихся отъ службы по разнымъ причинамъ, тѣмъ болѣе, что со временемъ, когда съ приведеніемъ въ дѣйствіе крестьянскаго положенія должность мировыхъ посредниковъ будетъ мало по малу упраздняться, многія изъ лицъ, оказавшихся способными при исполненіи сихъ должностей, могутъ быть избраны и въ мировые судьи.

Соединенные Департаменты [1]) отнеслись къ проекту судоустройства въ общемъ весьма сочувственно и постановили принять въ основаніе новаго порядка начала, представляющія естественное развитіе положеній, высказанныхъ Блудовымъ и его сотрудниками. Къ числу этихъ началъ Соединенные Департаменты относили созданіе выборныхъ мировыхъ судей, установленіе единаго суда для всѣхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, соединеніе въ возможныхъ случаяхъ нѣсколькихъ уѣздныхъ судовъ и нѣсколькихъ палатъ въ одну; выборный порядокъ замѣщенія должностей предсѣдателей судовъ и назначеніе отъ правительства предсѣдателей палатъ, которымъ предполагалось ввѣрить управленіе судебною частью губерніи или округа съ правомъ ревизіи хода и порядка дѣлъ во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ; учрежденіе исполнительныхъ

---

[1]) Въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ 2 іюня 1861 г. участвовали: графъ Блудовъ, князь Гагаринъ, баронъ М. А. Корфъ, Литке, Кочубей, Норовъ, баронъ Рокасовскій, Мухановъ, Бахтинъ и Д. Н. Замятнинъ, журналъ скрѣпилъ и д. статсъ-секретаря Зарудный.

приставовъ; замѣна Общихъ Собраній петербургскихъ и московскихъ департаментовъ Пр. Сената однимъ верховнымъ кассаціоннымъ судомъ изъ опредѣленнаго числа сенаторовъ, избираемыхъ всѣми или въ совокупности; учрежденіе при судахъ и палатахъ прокуратуры и при кассаціонномъ судѣ оберъ-прокуратуры; замѣщеніе предсѣдателей и членовъ, опредѣляемыхъ отъ правительства, а равнымъ образомъ прокуроровъ и секретарей, лицами съ юридическимъ образованіемъ или доказавшими службой свои познанія по судебной части; несмѣняемость должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства иначе, какъ по суду.

Установивъ эти начала, Соединенные Департаменты положили: предоставить Государственной Канцеляріи, при содѣйствіи чиновъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерства Юстиціи, сообразивъ всѣ сдѣланныя на проектъ судоустройства замѣчанія, и, собравъ всѣ необходимыя для сей работы свѣдѣнія, согласовать подъ руководствомъ предсѣдателя Департамента Законовъ съ указанными здѣсь главными основаніями проектъ положенія о судоустройствѣ въ Россіи и, по предварительномъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, представить его на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ.

2 іюня 1860 года главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи внесъ въ Государственный Совѣтъ первые три раздѣла проекта общаго устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, а затѣмъ были внесены и дальнѣйшіе раздѣлы того же устава. Нововведенія, предложенныя въ сферѣ уголовнаго судопроизводства, были весьма значительны; намѣчалось ослабленіе теоріи формальныхъ доказательствъ, уничтоженіе канцелярской тайны, установленіе устности и гласности и пр., но составители, повидимому, опредѣленно тяготѣли къ слѣдственной формѣ процесса и опасались введенія обвинительной и въ особенности суда присяжныхъ. „Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы, говорилось въ объяснительной запискѣ, и даже на то, что начала ея не были чужды и нашему отечеству въ самыя отдаленныя времена, сія система до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ тому подготовленія и въ народѣ и

въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желаемой цѣли. Не говоря уже о томъ, что введеніе у насъ суда черезъ присяжныхъ было бы нынѣ преждевременнымъ, нельзя не сознаться, что мы еще не совсѣмъ приготовлены къ тому, чтобы могли принять и такой обвинительный порядокъ, какой существуетъ въ государствахъ, не имѣющихъ суда присяжныхъ".

Болѣе другихъ, слабою частью устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ была глава 3-я раздѣла VII—о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, за преступленія должности [1]).

Въ этой щекотливой сферѣ Блудовъ не рѣшился быть реформаторомъ. Составленный подъ его руководствомъ проектъ представлялъ изъ себя воспроизведеніе старыхъ постановленій, сводившихся къ тому, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ чиновника зависѣло исключительно отъ произвола его начальства. Объяснительная записка къ этому раздѣлу устава отличается краткостью и малою обстоятельностью, совершенно необычными для проектовъ, составлявшихся подъ руководствомъ Блудова. Въ ней говорится, что главныя начала судопроизводства по преступленію должности, отличающія его по дѣйствующему законодательству отъ общаго порядка, состоятъ въ томъ, что первоначальное дознаніе о винѣ должностныхъ лицъ производится начальствомъ ихъ, что дѣла о преступленіи по службѣ подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ не иначе, какъ по преданіи должностного лица суду тѣмъ начальствомъ, отъ коего зависитъ опредѣленіе его къ должности, что слѣдствіе производится не общими установленными для этого чиновниками, а особо назначенными лицами или же самимъ судомъ, и что, за весьма немногими исключеніями, дѣла такого рода рѣшаются въ первой инстанціи палатами или Пр. Сенатомъ. „Въ нашемъ проектѣ, говорятъ составители, сохраняются сіи основныя начала, какъ вполнѣ соотвѣтствующія роду дѣлъ и исключительному положенію должностныхъ лицъ, но при семъ мы старались подробныя постановленія, развивающія

---

[1]) Точное названіе этой главы „о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ гражданской".

сіи общія начала, изложить съ большею точностью и въ лучшемъ порядкѣ, исключивъ всѣ тѣ статьи, которыя, какъ замѣчено выше, или не относятся къ сему особенному роду судопроизводства, или же не заключаютъ въ себѣ никакихъ особенныхъ правилъ".

Такимъ образомъ, вся работа Блудова и его сотрудниковъ по этому вопросу сводилась только къ кодификаціи и приведенію въ порядокъ дѣйствующаго законодательства.

Важнѣйшія правила судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ были изложены въ слѣдующихъ статьяхъ: ст. 954. Жалобы, донесенія, предложенія и сообщенія о преступленіяхъ по службѣ обращаются къ непосредственному надъ обвиняемымъ должностнымъ лицомъ начальнику. Онѣ должны заключать въ себѣ точное означеніе вины сихъ лицъ и быть основаны на доказательствахъ; въ противномъ случаѣ оставляются безъ всякихъ послѣдствій. Доносы и извѣты безыменные, пасквили и подметныя письма вовсе не принимаются въ уваженіе.

Ст. 955. Начальство обвиняемаго должностного лица, прежде всего сообщаетъ ему какъ о предметахъ обвиненія, такъ и объ имѣющихся противъ него доказательствахъ, требуя обстоятельныхъ по онымъ объясненій, которыя дозволяется представлять на письмѣ. При недостаточности сихъ объясненій, а равно и въ случаѣ, когда по обстоятельствамъ дѣла сіе будетъ признано нужнымъ, начальство обвиняемаго должностного лица можетъ сдѣлать распоряженіе о предварительномъ изслѣдованіи вины его чрезъ назначенныхъ имъ чиновника или чиновниковъ.

Ст. 956. Когда по истребованіи отъ обвиняемаго должностного лица объясненія, или по произведенному изслѣдованію, сіе лицо будетъ признаваться виновнымъ, то оно, смотря по важности упущенія и мѣрѣ опредѣленнаго за оное взысканія или наказанія, или подвергается отвѣтственности по распоряженію самаго начальства его, или же предается формальному суду.

Ст. 957. Преданіе суду за преступленіе по службѣ зависитъ отъ того начальства, коимъ должностныя лица опредѣляются къ мѣстамъ. Лица, опредѣленныя Высочайшею властью, предаются суду не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Мы выписали эти статьи, сохранявшія старый порядокъ слѣдственнаго типа, въ виду того, что онѣ цѣликомъ вошли

впослѣдствіи въ Уст. Уг. Суд. и сохраняютъ силу по настоящее время.

Насколько извѣстно, ни во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, ни въ Государственномъ Совѣтѣ не произошло разногласій по поводу сохраненія стараго порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія за преступленія должности, тогда какъ въ обществѣ къ этому времени складываются опредѣленно отрицательные взгляды на дѣйствовавшія въ этомъ отношеніи постановленія.

Оставляя такимъ образомъ судьбу должностныхъ лицъ всецѣло въ рукахъ ихъ начальства, Блудовъ и его сотрудники совершенно иначе отнеслись къ должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства: возможность удаленія отъ должности безъ суда представлялась имъ неудобной и поэтому они установили несмѣняемость судей безъ судебнаго приговора.

Интересно отмѣтить, что мысль о необходимости такого порядка вещей не была въ то время всеобщимъ достояніемъ, раздавались отдѣльные голоса о неудобствѣ проведенія этого принципа въ условіяхъ тогдашней русской жизни. Въ этомъ смыслѣ высказался напримѣръ одинъ изъ видныхъ юристовъ того времени К. П. Побѣдоносцевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на Блудовскіе проекты [1]).

По его мнѣнію начало несмѣняемости судей иначе, какъ по приговору суда, за преступленія, едва ли можетъ быть примѣняемо къ нашимъ обстоятельствамъ. „У насъ, пишетъ Побѣдоносцевъ, еще нѣтъ судебнаго сословія, съ сословнымъ духомъ, съ внутреннею дисциплиной чести и мнѣнія, и по недостатку людей, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ, людей, которыхъ способность и достоинство только еще предполагаются, а не достовѣрно извѣстны; наконецъ, обычай, почти повсемѣстный, принимать благодарность отъ просителей, отдѣляется отъ взяточничества такою тонкой и двусмысленною чертой, что нерѣдко нельзя и различить, гдѣ оканчивается обычай и начинается злоупотребленіе. Судей недостойныхъ у насъ много, и нѣтъ повода надѣяться, что со введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ уставовъ злоупотребленія съ одной стороны, съ другой лѣность

---

[1]) Библ. Гос. Сов., дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи. Т. XV. Соображенія разныхъ лицъ о преобразованіи судебной части (1861—1862 г.г. ст. 24).

и неспособность будутъ рѣдкими, исключительными явленіями въ судейскомъ званіи. Въ такомъ положеніи сдѣлать судью несмѣняемымъ значило бы отнять у правительства способъ поправить ошибку въ назначеніи судьи, ошибку иногда неизбѣжную, замѣнить негоднаго судью новымъ, лучшимъ и прекратить или уменьшить злоупотребленія".

Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ работъ Блудова и его сотрудниковъ въ направленіи судебнаго преобразованія говорилось исключительно лишь о трехъ важнѣйшихъ,—уставѣ гражданскаго судопроизводства, уставѣ судоустройства и уставѣ судопроизводства по проступкамъ и преступленіямъ, но всѣхъ проектовъ, относящихся до преобразованія у насъ судебной части и внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ съ 1857 года по 1862 г. было четырнадцать, въ совокупности своей они вполнѣ обнимали всю сферу судоустройства и уголовнаго и гражданскаго судопроизводства [1]).

По внесеніи въ Государственный Совѣтъ всѣ эти проекты вмѣстѣ съ представленными по каждому изъ нихъ обстоятельными записками печатались и разсылались не только членамъ Государственнаго Совѣта, но и многимъ другимъ лицамъ, по своей службѣ и дѣятельности знакомымъ съ судебными дѣлами для доставленія замѣчаній. И дѣйствительно, замѣчанія на проекты были доставлены и притомъ въ большомъ количествѣ, въ нихъ заключалось не мало дѣльныхъ указаній, которыя могли приносить и дѣйствительно приносили пользу при дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ, относящихся до судебнаго преобразованія.

Этотъ пріемъ обращенія къ широкому кругу лицъ съ цѣлью воспользоваться ихъ значеніями и опытомъ сослужилъ боль-

---

[1]) По гражданскому судопроизводству: 1) проектъ устава гражданскаго судопроизводства, 2) о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ, 3) о производствѣ взысканій по актамъ безспорнымъ объ обязательствахъ, 4) о производствѣ гражданскихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ, 5) о примирительномъ разбирательствѣ, 6) о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ, 7) объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ, 8) о судебныхъ издержкахъ. II. По уголовному судопроизводству: 9) проектъ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, 10) о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ въ судахъ мировыхъ, 11) объ издержкахъ при производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, 12) объ особыхъ родахъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ. III. По судоустройству: 13) проектъ положенія о судоустройствѣ, 14) положенія о присяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ.

шую службу въ эпоху реформъ 1860 годовъ; онъ примѣнялся неоднократно и всегда съ большимъ успѣхомъ. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ его сторонниковъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, требовавшій, чтобы проекты улучшеній въ подчиненномъ ему морскомъ вѣдомствѣ и флотѣ разсылались для критики и возраженій всѣмъ лицамъ, хотя бы и другихъ вѣдомствъ, но которыя могутъ представить полезныя замѣчанія по данному вопросу.

Подобное обращеніе къ лицамъ компетентнымъ въ судебныхъ вопросахъ для привлеченія ихъ къ обсужденію проектовъ судебнаго преобразованія, составленныхъ Блудовымъ и его сотрудниками, сыграло весьма большую роль въ ходѣ судебной реформы, постепенно подготовляя умы къ коренному переустройству всей системы отправленія правосудія. Подъ вліяніемъ замѣчаній членовъ Государственнаго Совѣта и критики другихъ лицъ, и вообще подъ напоромъ идей и общественнаго настроенія новаго царствованія, проекты Блудова становились все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе [1]), такъ что по многимъ вопросамъ послѣдняя ихъ редакція расходилась кореннымъ образомъ съ первоначальными предположеніями и гораздо болѣе приближается къ послѣдующимъ постановленіямъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, чѣмъ къ дореформенному законодательству.

Блудовскіе проекты со всей системой обсужденія подготовили многихъ составителей Судебныхъ Уставовъ и самихъ членовъ Государственнаго Совѣта, которые, воспитавшись при старыхъ порядкахъ, едва ли смогли бы сразу подняться до великой судебной реформы, построенной на совершенно новыхъ основаніяхъ. Въ значительной мѣрѣ благодаря этимъ проектамъ въ официальный оборотъ проникли и утвердились тамъ новыя юридическія понятія, отражавшія правовые идеалы тогдашняго общества. Блудовскіе проекты были не только полезной подготовительной работой, но необходимою ступенью къ Судебнымъ Уставамъ 1864 года.

Большинство изслѣдователей эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка не признаетъ за работами Блудова и его сотрудниковъ такого значенія и охотно подчеркиваетъ отсутствіе внутрен-

---

[1]) Ср. Джаншіевъ—Эпоха великихъ реформъ, стр. 389 и слѣд. о разсужденіи Блудова. Дѣло о преобр. судебной части, т. II, объясн. записка къ уст. гр. суд.

ней связи между проектами этого времени и Судебными Уставами 1864 г. [1]).

Такое отношеніе можно объяснить лишь тѣмъ, что блестящая дѣятельность составителей Судебныхъ Уставовъ затмила и какъ бы закрыла работу ихъ предшественниковъ отъ взгляда потомства. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что изъ ничего невозможно создать быстро что либо солидное и полезное.

Въ то время, когда Блудовъ и его сотрудники разрабатывали проекты судебнаго преобразованія, подготовлялась другая великая реформа—освобожденіе крестьянъ, въ теченіе хода которой неоднократно раздавались голоса за необходимость коренного переустройства судебной части, въ виду предстоящаго измѣненія правового положенія огромной народной массы, причемъ многими охотно отмѣчалась неразрывная связь между обѣими реформами и дѣйствительно обѣ реформы вытекали изъ однихъ и тѣхъ же идеаловъ правомѣрности и человѣчности и почти въ одинаковой мѣрѣ имѣли цѣлью уничтоженіе пагубнаго произвола и раскрѣпощеніе личности. Освобожденіе болѣе чѣмъ двадцати милліоновъ крѣпостныхъ естественно требовало серьезныхъ измѣненій въ строѣ государственной машины, требовало приспособленія ея къ новымъ условіямъ, — необходимо было серьезно подумать объ урегулированіи правовыхъ отношеній между новыми гражданами и прежними ихъ господами и о внесеніи правовыхъ началъ въ жизнь освобожденныхъ массъ.

Успѣшное осуществленіе реформы 19 февраля 1861 года въ первые же мѣсяцы послѣ подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ естественно толкало къ другимъ необходимымъ реформамъ и окрыляло надеждами сторонниковъ энергичнаго поступательнаго движенія. Дальнѣйшихъ реформъ горячо желало общество. Лучшая часть правящей среды, въ которой видное мѣсто занималъ въ то время Великій Князь Константинъ Николаевичъ, была проникнута бодрымъ настроеніемъ, это настроеніе всецѣло раздѣлялъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Какъ только одна реформа была доведена до конца и стала воплощаться въ жизнь — все вниманіе его есте-

---

[1]) Большое значеніе Блудовскимъ работамъ придаетъ В. Я. Фуксъ (Судъ и полиція, стр. 34 и слѣд.).

ственно обратилось къ другому, давно уже занимавшему и его самого и общество вопросу—къ судебному преобразованію.

Такимъ образомъ освобожденіе крестьянъ приближало и ускоряло переустройство всей судебной системы, но едва ли будетъ правильно утверждать, какъ то дѣлается многими, что безъ освобожденія крестьянъ не только не было бы, но и не могло бы быть судебной реформы. Исторія знаетъ примѣры удовлетворительныхъ судебныхъ порядковъ и при существованіи рабства, достаточно вспомнить хотя бы о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ до освобожденія негровъ, не говоря уже о древнемъ Римѣ или Аѳинахъ. Еще не окончились медовые мѣсяцы крестьянской реформы, какъ Императоръ Александръ II, возвратясь послѣ осенняго отдыха изъ Крыма въ Царское Село, пожелалъ узнать въ какомъ положеніи находятся въ Государственномъ Совѣтѣ работы по преобразованію судебной части. Вслѣдствіе этого предсѣдательствовавшій въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскаго графъ Блудовъ вошелъ 19 октября 1861 года къ Государю съ докладомъ [1]), составленнымъ совмѣстно съ государственнымъ секретаремъ Бутковымъ, въ которомъ подробно излагалъ на чемъ именно остановилось обсужденіе каждаго изъ проектовъ, составленныхъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, причемъ указывалъ, что Соединенные Департаменты не приступали къ разсмотрѣнію многихъ вопросовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства изъ за неполученія отзывовъ нѣкоторыхъ министровъ и главноуправляющихъ. Любопытно отмѣтить, что это обстоятельство вызвало неудовольствіе Императора Александра II, который противъ указаннаго мѣста доклада помѣтилъ „назначить для сего срокъ не позже 1 декабря".

Закончивъ, такъ сказать, историческую часть своего доклада, Блудовъ задается вопросомъ: какое дальнѣйшее направленіе слѣдуетъ дать дѣлу судебнаго преобразованія „для скораго и по возможности удовлетворительнаго его окончанія" и ранѣе чѣмъ перейти къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса замѣчаетъ—„сей вопросъ особенно важенъ въ настоящую минуту, когда и правительство и почти всѣ подданные Вашего Импе-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Отд. дѣлъ гос. секрет. 1861 г. № 15, о порядкѣ разсмотрѣнія въ Госуд. Сов. работъ по устройству суд. части, л. 1—7.

раторскаго Величества убѣждены въ необходимости сколь можно скорѣе дать судебной части надлежащее образованіе, соотвѣтствующее потребностямъ государства, обстоятельствамъ и самому духу времени".

По мнѣнію графа Блудова и Буткова слѣдовало предоставить Соединеннымъ Департаментамъ внести въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта записку обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ началамъ устройства судебной части въ Имперіи такъ, чтобы эта записка обнимала по возможности „всѣ многоразличные предметы къ этой части принадлежащіе, именно: 1) судоустройство, 2) судопроизводство гражданское, 3) судопроизводство уголовное и, наконецъ, нужныя временныя мѣры для перехода отъ порядка нынѣ существующаго къ предполагаемому новому"; составленіе указанной записки предполагалось поручить занимавшимся производствомъ этого дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ чиновникамъ Государственной Канцеляріи подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря и подъ высшимъ наблюденіемъ графа Блудова. Дальнѣйшій ходъ дѣла намѣчался такой: послѣ одобренія основныхъ началъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта нѣкоторые чины Государственной Канцеляріи, II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при содѣйствіи юристовъ, командированныхъ министромъ юстиціи, должны приступить къ окончательной редакціи составленныхъ II Отдѣленіемъ проектовъ, относящихся до судебной реформы, которые затѣмъ должны были пройти черезъ Соединенные Департаменты и Общее Собраніе Государственнаго Совѣта. Интересно отмѣтить, что управляющій Министерствомъ Юстиціи Замятнинъ предполагалъ командировать отъ Министерства Юстиціи для вышеуказанной задачи оберъ-прокурора VII департамента Сената Буцковскаго, оберъ-секретаря Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Сената Побѣдоносцева и московскаго губернскаго прокурора Ровинскаго, которые впослѣдствіи приняли такое видное участіе въ составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

„Смѣемъ думать, говорилось въ концѣ доклада, что сей порядокъ будетъ имѣть двоякую выгоду, соединяя мѣры нужныя для зрѣлаго обсужденія многоразличныхъ и многосложныхъ проектовъ, относящихся къ одной изъ важнѣйшихъ частей

государственнаго управленія съ мѣрами для скорѣйшаго хода сего дѣла и что, слѣдуя ему, оно можетъ быть приведено къ окончанію довольно скоро, во всякомъ случаѣ прежде наступленія вакантнаго времени въ будущемъ (1862) году".

Цитированный докладъ 23 октября 1861 года былъ одобренъ Государемъ. Государственная Канцелярія во исполненіе такой Высочайшей воли составила при участіи вызванныхъ для этой цѣли юристовъ [1]) историческую записку объ основныхъ началахъ судоустройства и судопроизводства, извлеченныхъ изъ проектовъ, составленныхъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, какъ разсмотрѣнныхъ уже, такъ и не разсмотрѣнныхъ Государственнымъ Совѣтомъ. Записка эта 22 января 1862 года была разослана всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта.

Хотя основанія судебной реформы по проектамъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи постепенно измѣнялись, слѣдуя до нѣкоторой степени за теченіемъ общественной мысли, на что указывалось неоднократно въ объяснительныхъ запискахъ и докладахъ Блудова, но все же желанія и правовые идеалы просвѣщенныхъ группъ населенія были значительно впереди офиціальныхъ предположеній судебнаго преобразованія; этого не могли не видѣть и дѣйствительно видѣли многія изъ лицъ, стоявшихъ близко къ составленію или обсужденію проектовъ; сознаніе недостаточности и неполноты судебной реформы въ томъ видѣ, какъ она была подготовлена II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и намѣчена Государственнымъ Совѣтомъ распространялось все болѣе и болѣе въ той части офиціальной среды, которая интересовалась дѣломъ переустройства судебной части. Нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта раздѣляли такое настроеніе. Примѣръ Западной Европы, юридическая наука и настойчивыя пожеланія представителей дворянства въ редакціонныхъ комиссіяхъ и, наконецъ, цѣлаго ряда дворянскихъ собраній опредѣленно толкали къ радикальному преобразованію всей судебной системы и отжившихъ судебныхъ порядковъ. Въ такой атмосферѣ былъ составленъ из-

[1]) Въ работахъ участвовали состоящій при канцеляріи тайн. сов. Плавскій, Буцковскій, Побѣдоносцевъ, Стояновскій, Зарудный, Даневскій, Шубинъ, Ровинскій и Вилинбаховъ.

вѣстный докладъ вновь назначеннаго предсѣдателя Департамента Законовъ кн. П. П. Гагарина Государю о необходимости порученія Государственной Канцеляріи при содѣйствіи прикомандированныхъ къ ней юристовъ изложить соображенія ихъ „о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должна быть преобразована судебная часть въ Имперіи“ [1]).

Это предположеніе было одобрено Государемъ. Указанный докладъ и послѣдовавшее за нимъ Высочайшее повелѣніе считаются обыкновенно рѣзкимъ поворотомъ, какъ бы переломомъ въ ходѣ работъ по судебному преобразованію; нѣкоторые изслѣдователи, ослѣпленные дѣйствительнымъ блескомъ основныхъ началъ, составленныхъ въ 1862 году Государственной Канцеляріей при участіи прикомандированныхъ юристовъ, упускаютъ изъ виду, что серьезныя подготовительныя работы къ нимъ велись уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра Николаевича, и что эти начала были завершеніемъ предыдущихъ трудовъ, звеномъ непрерывной цѣпи, высшей ступенью, послѣ того какъ были пройдены низшія. Новая работа Государственной Канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ находилась въ непосредственной связи съ предыдущими трудами, да и многія изъ лицъ, призванныхъ къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, уже ранѣе были очень хорошо знакомы съ проектами судебной реформы, такъ, напримѣръ, Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Буцковскій, не говоря уже о Зарудномъ, который сдѣлался выдающимся юристомъ, работая много лѣтъ надъ судебнымъ преобразованіемъ.

Высочайшее повелѣніе еще разъ изложить начала судебной реформы свидѣтельствовало о томъ, что правительство настойчиво искало наилучшаго разрѣшенія назрѣвшаго вопроса, жаждало познать истину; а то обстоятельство, что ссылались на авторитетъ науки и опытъ европейскихъ государствъ, доказывало извѣстную радикальность государственной мысли, готовность правительства смѣло идти на встрѣчу новымъ вѣяніямъ и новымъ представленіямъ о правѣ и справедливости.

---

[1]) Журналъ Соед. Деп. Законовъ и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 10.

Исканіе истины и энергичное движеніе впередъ можно замѣтить ясно уже въ проектахъ Блудова и его сотрудниковъ, составлявшихся въ первые годы царствованія Императора Александра II. Эти проекты сперва были далеки отъ радикализма, но постепенное развитіе подъ несомнѣнымъ вліяніемъ юридической науки и общественнаго настроенія привело ихъ къ смѣлымъ и рѣшительнымъ основнымъ началамъ судебной реформы, составленнымъ въ 1862 г. Государственной Канцеляріей при участіи прикомандированныхъ юристовъ.

Нельзя не сказать, что настойчивое стремленіе установить сперва главныя начала реформы, а потомъ перейти къ подробной ея разработкѣ является характернымъ для эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка; этимъ пріемомъ пользовались тогда постоянно; такъ были установлены главныя начала крестьянской реформы, земской, финансово-счетной, военныхъ реформъ и пр., при чемъ нерѣдко окончательная редакція законовъ сильно отличалась отъ первоначальныхъ общихъ соображеній. Это въ значительной мѣрѣ произошло съ освобожденіемъ крестьянъ, но еще въ большей мѣрѣ съ судебнымъ преобразованіемъ.

Въ трудахъ Государственной Канцеляріи по составленію основныхъ началъ судебной реформы подъ руководствомъ Буткова, приняли участіе Стояновскій, Зарудный, Побѣдоносцевъ, Буцковскій, Ровинскій, Плавскій, Даневскій, Шубинъ и Вилинбаховъ.

Бутковъ и его сотрудники приступили къ работамъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ [1]). Во всей Россіи царило бодрое и приподнятое настроеніе, государственная власть вызывала общее сочувствіе и довѣріе, хотя и были нѣкоторыя лица, недовольныя исходомъ крестьянской реформы, но голосъ ихъ тонулъ въ хорѣ совсѣмъ иныхъ голосовъ, звучалъ лишь незначительнымъ диссонансомъ въ общей гармоніи звуковъ. Общество было готово къ коренному судебному преобразованію, многія изъ существенныхъ основъ котораго стали ходовыми пожеланіями, всѣмъ понятными и близкими истинами. Члены Государственнаго Совѣта, которымъ предстояло разсматривать работу Государственной Канцеляріи, хорошо разбирались въ вопросахъ судебнаго права; подготовленные продолжительнымъ обсу-

[1]) Ср. И. Я. Фойницкій. Уголовное судопроизводство, стр. 38 и 39.

жденіемъ Блудовскихъ проектовъ они въ большинствѣ своемъ вполнѣ могли усвоить правовыя понятія новаго времени, исходившія изъ великихъ идеаловъ правомѣрности и человѣчности. Коренному судебному преобразованію горячо сочувствовали многія вліятельныя лица правящей среды, — какъ, напримѣръ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ Милютинъ, этимъ же настроеніемъ былъ проникнутъ и Государь.

Сами составители основныхъ началъ—чины Государственной Канцеляріи и прикомандированные къ ней юристы всецѣло раздѣляли общественное стремленіе къ водворенію правосудія, обладая въ надлежащей мѣрѣ практическими и теоретическими познаніями и опытомъ участія въ прежнихъ работахъ, они были хорошо подготовлены къ предстоявшему имъ труду. Бодрый и радостный тонъ тогдашней жизни, исходившій изъ вѣры въ человѣческій прогрессъ и уваженія къ личности и достоинству человѣка, оказалъ огромное вліяніе на работы Буткова и его сотрудниковъ, довѣрявшихъ правовому сознанію, нравственному чувству и такту русскихъ людей. Этимъ довѣріемъ къ человѣку проникнуты всѣ разсужденія составителей основныхъ началъ судебной реформы, не боявшихся рѣшительныхъ, радикальныхъ преобразованій, ибо, какъ писалъ Зарудный „трудно думать, чтобы люди гдѣ либо и когда либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго“; вѣра въ людей и пониманіе дѣйствительнаго положенія вещей давали имъ полное основаніе утверждать, что „если законодательныя предположенія правильны, то они и благовременны“ и что „разумный законъ никогда не сдѣлаетъ зла“ [1]).

Вѣря въ людей, они въ такой же мѣрѣ вѣрили и въ знаніе, въ науку и стремились воспользоваться ея указаніями. „Нашъ нормальный путь, писалъ Буцковскій, не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою“.

Многія теоретическія положенія, ставшія достояніемъ юридической мысли къ шестидесятымъ годамъ XIX вѣка послужили исходными точками для составителей основныхъ началъ и вошли впослѣдствіи въ русскую жизнь.

Серьезное вліяніе науки права при разработкѣ судебной реформы въ этой ея стадіи признается всѣми изслѣдова-

---

[1]) Судебные Уставы, изданіе Госуд. Канц., т. III, стр. XXXIX.

телями той эпохи и, думается, не требуетъ какихъ либо доказательствъ.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о томъ въ какой мѣрѣ повліяли на выработку основныхъ положеній Блудовскіе проекты. Въ литературѣ не разъ высказывались мнѣнія о полномъ отсутствіи внутренней связи ихъ съ Судебными Уставами; такая точка зрѣнія представляется намъ не согласною съ дѣйствительностью. Основныя положенія немало восприняли изъ прежнихъ проектовъ, достаточно вспомнить хотя бы о мировыхъ судьяхъ, которые одинаково интересовали, какъ Блудова и его сотрудниковъ, такъ и составителей основныхъ началъ въ 1862 году, представляясь и тѣмъ и другимъ въ качествѣ единоличнаго, нѣсколько патріархальнаго, несложнаго, словеснаго суда, рѣшающаго дѣла по совѣсти безъ излишнихъ формальностей; затѣмъ порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, который составители основныхъ началъ къ сожалѣнію всецѣло заимствовали отъ своихъ предшественниковъ, сохранивъ за чиновниками существовавшую ранѣе административную гарантію въ старофранцузскомъ духѣ; точно также вопросы о двухъ инстанціяхъ, о присяжныхъ повѣренныхъ, о кассаціонномъ судѣ.

Указанные примѣры, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, свидѣтельствуютъ о томъ, что Блудовскіе проекты несомнѣнно послужили источникомъ для основныхъ положеній, какъ это и утверждаютъ нѣкоторые изъ авторовъ, изучавшихъ исторію судебной реформы 1864 г., напр., М. А. Филипповъ или В. Я. Фуксъ.

Равнымъ образомъ въ литературѣ нѣтъ полнаго согласія по вопросу о значеніи третьяго источника основныхъ положеній — иностраннаго законодательства. Публицисты охранительнаго направленія неоднократно упрекали составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. въ слѣпомъ заимствованіи съ Запада, но эти литературные выпады при трезвомъ разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ, на которыхъ они опирались, оказываются не вполнѣ обоснованными. Несомнѣнно, что составители основныхъ началъ судебнаго преобразованія, а впослѣдствіи Судебныхъ Уставовъ, тщательно изучали западноевропейское законодательство и дѣйствительно хорошо съ нимъ ознакомились, чему примѣромъ можетъ служить хотя бы

извѣстный историческій очеркъ суда присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Женевѣ, Бельгіи, Германіи и Италіи, составленный Зарудным. Они настойчиво и въ то же время тщательно и осторожно искали образцовъ въ иностранныхъ законодательствахъ, но будучи просвѣщенными юристами умѣли избѣгать слѣпого заимствованія. „Они сознавали, говоритъ Фойницкій, существованіе другихъ народовъ, прошедшихъ болѣе насъ на пути культуры, заслуживающихъ быть нашими учителями при начертаніи новаго еще у насъ правового порядка". Составленіе Судебныхъ Уставовъ происходило въ то время, когда западно-европейская мысль была занята критическимъ анализомъ французскаго строя правосудія и обратила уже пытливое вниманіе на систему, послужившую для него образцомъ, но значительно имъ измѣненную, именно на систему англійскую. Но критическая литература Западной Европы достигла уже значительнаго развитія въ періодъ составленія Судебныхъ Уставовъ и воздержала нашу законодательную власть отъ чрезмѣрнаго увлеченія французскими образцами, заставивъ ее обратить вниманіе и на англійское законодательство. Учителями составителей Судебныхъ Уставовъ, по мнѣнію Фойницкаго, были два народа, которые по справедливости могутъ быть въ области процесса названы учителями всего человѣчества. Весь міръ живетъ началами того и другого, вся цивилизація въ области процесса опредѣляется англо-французскими положеніями. Но составители Судебныхъ Уставовъ не принимали ихъ безъ провѣрки, есть полное основаніе утверждать, что они не ограничивали свой кругозоръ только Франціей и Англіей, а искали полезныхъ образцовъ и указаній и въ другихъ законодательствахъ, обнаруживая большой интересъ къ кодексамъ Сардинскаго королевства, Женевы и другихъ странъ, которыя благодаря счастливо сложившимся условіямъ имѣли возможность создать у себя болѣе совершенныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правовыя нормы. Но довѣріе къ силамъ русскаго народа и сознаніе его самостоятельныхъ интересовъ, были причиною, что прямого заимствованія изъ иностранныхъ законодательствъ въ Судебныхъ Уставахъ немного. „Въ нашемъ новомъ процессѣ, пишетъ Фойницкій, есть много сходнаго съ англійскимъ и особенно французскимъ, въ общихъ очертаніяхъ онъ приближается къ тому же типу, который выработанъ этими лучшими представителями европейской куль-

туры и установляетъ наши родственныя съ ней отношенія. Но въ то же время почти ни одинъ процессуальный институтъ Уставовъ не можетъ быть признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ; на каждомъ изъ нихъ легла печать самобытности, каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельную русскую физіономію, принаровленную къ русскимъ нуждамъ, непонятную безъ изученія русскихъ условій. Нашъ мировой судъ далекъ отъ англійскаго земскаго представительства, еще болѣе далекъ отъ мировыхъ судей французскихъ. Нашъ судъ присяжныхъ, равнымъ образомъ, вылился въ институтъ совершенно самостоятельный, представляющій значительныя черты различія какъ отъ англійскаго, такъ и отъ французскаго образцовъ. Еще менѣе общаго съ ними имѣютъ наша адвокатура и прокуратура, не говоря уже о судѣ кассаціонномъ, принявшемъ совершенно иныя очертанія. Изучать русскій процессъ по англійскимъ или по французскимъ источникамъ невозможно; этотъ пріемъ привелъ бы къ крайне неправильнымъ аналогіямъ“ [1]).

Въ такомъ же духѣ отзывается о Судебныхъ Уставахъ Анатоль Леруа-Болье, онъ ставитъ въ большую заслугу ихъ составителямъ, что они ничего не заимствовали слѣпо, а поднимались до правовыхъ понятій, выработанныхъ усиліями ума человѣческаго, опирались на истины, добытыя наукой, на общія идеи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, результатомъ чего и была необыкновенная послѣдовательность и гармоническое единство судебной реформы [2]).

Учитывая значеніе разныхъ вліяній, подъ которыми слагались основныя начала судебнаго преобразованія, отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду ту роль, которую сыграли общественныя пожеланія и публицистика; благодаря имъ въ Судебные Уставы вошло не мало полезнаго. Такъ напр. настойчивыя просьбы дворянства объ учрежденіи суда присяжныхъ въ значительной мѣрѣ расчистили почву для насажденія у насъ этого института. На это обстоятельство въ литературѣ обращается весьма мало вниманія, хотя еще въ 1864 году извѣстный нѣмецкій ученый Миттермайеръ указывалъ на роль общественнаго мнѣнія въ ходѣ судебнаго преобразованія. „Реформы судопро-

---

[1]) И. Я. Фойницкій. Уголовное судопроизводство, источники русскаго уг. суд. стр. 39 и 40.

[2]) Leroy-Baulieu. L'Empire des Tzars et les Russes. Tome II, livre IV. Chap. I, page 296 и 297.

изводства, предпринятыя русскимъ законодательствомъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, писалъ Миттермайеръ, могутъ служить замѣчательнымъ доказательствомъ силы и значенія общественнаго мнѣнія. Онѣ показываютъ намъ, какимъ образомъ постепенно окрѣпавшее убѣжденіе о невозможности дальнѣйшаго существованія устарѣвшаго порядка, сломало самыя сильныя препятствія и побудило къ введенію новыхъ, болѣе лучшихъ учрежденій. Долгое время въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, всѣ попытки правительства улучшить правовой бытъ страны, ограничивались полумѣрами, но, наконецъ, въ 1862 г. и тамъ одержало верхъ то мнѣніе, что основательная реформа судопроизводства возможна только при введеніи устности, гласности и суда присяжныхъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Впрочемъ, уже и прежде это мнѣніе было заявляемо въ Россіи; такъ напр., на это обратилъ вниманіе одинъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ писателей Тургеневъ (Ник. Ив.) въ своемъ сочиненіи „о Россіи". Что же касается вліянія литературы, то оно уже давно отмѣчено. Много полезныхъ совѣтовъ и указаній, сдѣланныхъ публицистами, было принято при составленіи основныхъ началъ судебнаго преобразованія.

Начавъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1862 г. работу по составленію основныхъ положеній реформы, Государственная Канцелярія закончила свой трудъ къ апрѣлю того же года и составила окончательныя соображенія, во-1-хъ, по проекту устава судопроизводства гражданскаго, во-2-хъ, по проекту устава судопроизводства уголовнаго по преступленіямъ и проступкамъ, въ-3-хъ, по проекту общаго положенія о судоустройствѣ. Въ виду этого, предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла о судебномъ преобразованіи въ Государственномъ Совѣтѣ [1]). Въ этомъ докладѣ Великій Князь отмѣчалъ, что „въ настоящемъ положеніи всѣхъ вообще работъ по преобразованію судебной части, когда всѣ матеріалы собраны и предварительныя соображенія составлены, остается только приступить къ безотлагательному ихъ обсужденію" и предла-

[1]) Арх. Гос. Сов., дѣло отдѣл. дѣлъ гос. секретаря 1861 г. № 15; о порядкѣ разсмотрѣнія въ Госуд. Совѣтѣ работъ по устр. и преобраз. судебной части, л.л. 27—41 обор.

галъ открыть засѣданія Соединенныхъ Департаментовъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и кончить разсмотрѣніе проектовъ основныхъ началъ такъ, чтобы это дѣло можно было обсудить и разрѣшить въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта „непремѣнно въ теченіе лѣта 1862 года". Въ концѣ доклада Великій Князь прибавлялъ, что „весь успѣхъ разсмотрѣнія этого важнаго дѣла въ Соединенныхъ Департаментахъ зависитъ отъ предсѣдателя сихъ департаментовъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина. Князь Павелъ Павловичъ до сихъ поръ оказывалъ полное сочувствіе дѣлу и искреннее желаніе содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами успѣшному его завершенію. Всѣ изложенныя въ настоящемъ докладѣ предположенія составлены по соглашенію моему съ княземъ Гагаринымъ, который при личныхъ моихъ съ нимъ по этому дѣлу объясненіяхъ обѣщалъ употребить всѣ зависящія отъ него старанія къ скорому окончанію дѣла въ Соединенныхъ Департаментахъ". Утверждая этотъ докладъ помѣткою „согласенъ", Императоръ Александръ II написалъ: „вполнѣ надѣюсь, что кн. Гагаринъ съ извѣстнымъ Мнѣ его усердіемъ поведетъ важное это дѣло къ скорому и давножеланному Мною окончанію".

Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта посвятили разсмотрѣнію работы Государственной Канцеляріи шестнадцать засѣданій въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1862 года. Этимъ засѣданіямъ составленъ журналъ, въ которомъ подробно изложены соображенія Департаментовъ „объ основныхъ началахъ, кои, по мнѣнію Департаментовъ, должны быть окончательно приняты для преобразованія судопроизводства и судоустройства". Громадный объемъ помянутаго журнала (370 печатныхъ страницъ) вполнѣ соотвѣтствуетъ богатству его содержанія, свидѣтельствующему о дѣловитости и обстоятельности сужденій большинства членовъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта. Журналъ начинается краткой исторической справкой о ходѣ первоначальныхъ работъ въ направленіи судебнаго преобразованія, гдѣ, между прочимъ, констатируется давнишнее стремленіе нашего правительства къ преобразованію судебной части. Въ дальнѣйшемъ журналъ раздѣляется на три отдѣла: гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство и судоустройство, при чемъ первые два начинаются критикой ста-

раго процесса, среди недостатковъ котораго первое мѣсто отводятъ Департаменты Государственнаго Совѣта смѣшенію властей административной и судебной; отсюда понятно, почему такое же именно первое мѣсто въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части отведено статьѣ, которою устанавливалось отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной (ст. 1, ч. I.—Судоустройство). Значительная часть основныхъ положеній принята въ Департаментахъ единогласно, остальныя же подавляющимъ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ членовъ, обыкновенно восьми противъ трехъ или девяти противъ двухъ и даже всѣми противъ одного. Наиболѣе охотно оставался въ меньшинствѣ графъ Панинъ, въ сужденіяхъ котораго нерѣдко проглядывало стремленіе сохранить тѣ или иныя положенія дѣйствовавшаго тогда судебнаго законодательства.

Въ общемъ разногласій было не особенно много, наиболѣе значительное число ихъ — пятнадцать — оказалось при обсужденій основныхъ положеній устава уголовнаго судопроизводства, но и тутъ по большей части они касались предметовъ второстепенныхъ и во всякомъ случаѣ не самыхъ важныхъ.

Въ августѣ 1862 года дѣло о преобразованіи судебной части перешло на разсмотрѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, которое приступило къ его обсужденію въ томъ же порядкѣ, какъ и Соединенные Департаменты, при чемъ разногласій было еще менѣе,—по всѣмъ тремъ уставамъ лишь восемнадцать, но графъ Панинъ оставался вѣренъ себѣ и не разъ оказывался одинъ противъ всѣхъ. При утвержденіи постановленій Государственнаго Совѣта Императоръ Александръ II лишь въ двухъ случаяхъ согласился съ мнѣніемъ меньшинства: во-первыхъ, о невключеніи въ уставъ новаго судопроизводства правила о предъявленіи постороннимъ лицамъ признанія, сдѣланнаго подозрѣваемымъ слѣдователю при предварительномъ слѣдствіи и, во-вторыхъ, о сохраненіи въ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства дѣйствовавшаго правила о приговорахъ, подносимыхъ на Высочайшее утвержденіе, распространивъ преимущество это и на священнослужителей всѣхъ степеней духовной іерархіи, всѣ же остальныя разногласія были разрѣшены имъ въ пользу большинства.

29 сентября 1862 года основныя положенія преобразованія судебной части были утверждены Государемъ, при чемъ еще ранѣе ихъ утвержденія, при разсмотрѣніи окончательной мемоpіи Государственнаго Совѣта, Онъ выразилъ категорическое желаніе, чтобы окончательные проекты были изготовлены къ 15 января 1863 г. для сообщенія ихъ главноуправляющему II Отдѣленіемъ и министру юстиціи, которымъ назначалъ лишь шестинедѣльный срокъ на представленіе замѣчаній, „дабы Государственный Совѣтъ могъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію и къ обсужденію исполнительныхъ мѣръ въ теченіе марта мѣсяца будущаго года".

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта находило полезнымъ обнародовать основныя положенія въ общее свѣдѣніе въ виду того интереса и нетерпѣнія, съ которыми окончаніе этого дѣла ожидалось всѣми слоями населенія. Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ, и основныя положенія были немедленно распубликованы, съ указаніемъ, что установленныя ими начала должны быть приняты за основаніе для дальнѣйшаго законодательнаго развитія при выработкѣ окончательныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Опубликованіе основныхъ положеній было крупнымъ событіемъ того времени, оно свидѣтельствовало о стремленіи правительства не только считаться съ общественными пожеланіями, но и совершенно опредѣленно пойти имъ навстрѣчу. Общество съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидало положительнаго результата отъ работъ по судебному преобразованію, и его поспѣшили освѣдомить и тѣмъ успокоить.

Это былъ актъ признанія свыше зрѣлости русскихъ людей, отъ которыхъ не находили болѣе нужнымъ скрывать направленіе предстоящихъ законодательныхъ работъ, а, напротивъ того, ожидали помощи и содѣйствія. Вводя въ основныя положенія цѣлый рядъ институтовъ, намѣченныхъ дворянскими пожеланіями и публицистикой, правительство открывало обществу путь для дальнѣйшей работы, оно готово было выслушать всѣ возможныя замѣчанія и возраженія.

Такимъ внимательнымъ и благожелательнымъ къ обществу отношеніемъ характеризуется весь ходъ судебной реформы, начиная со времени послѣднихъ Блудовскихъ проектовъ, и въ этомъ, думается намъ, одна изъ существенныхъ причинъ блестящаго ея успѣха.

Лица, стоявшія близко къ работамъ по судебному преобразованію, проявили несомнѣнно большій интересъ и большее уваженіе къ общественному мнѣнію, чѣмъ дѣятели другихъ реформъ—напримѣръ, крестьянской или земской. Только Великій Князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ Милютинъ обнаруживали при переустройствѣ во ввѣренныхъ имъ вѣдомствахъ такую же благожелательную готовность выслушивать чужія мнѣнія и совѣтоваться съ широкимъ кругомъ лицъ, какъ составители проектовъ судебнаго преобразованія.

Основныя положенія преобразованія судебной части изложены въ 386 статьяхъ, причемъ наименьшее число статей 91—приходится на судоустройство, а наибольшее 157—на уставъ уголовнаго судопроизводства; середину занимаетъ уставъ гражданскаго судопроизводства (138 статей).

Такая обширность основныхъ положеній объясняется тѣмъ, что въ нихъ не только указаны общія начала, но и довольно подробно намѣчены многія стороны предстоявшаго преобразованія. Несмотря на значительный объемъ, они читаются и усваиваются необычайно легко благодаря ясности и опредѣленности мысли и точности изложенія; чистый и красивый языкъ, которымъ они написаны, вполнѣ соотвѣтствуетъ стройности линій начертанныхъ ими институтовъ. Съ точки зрѣнія содержанія основныя положенія представляютъ изъ себя достойный вѣнецъ многолѣтнихъ усердныхъ трудовъ по судебному преобразованію, громадное большинство слабыхъ сторонъ стараго судебнаго строя ими рѣшительно устранялось. На первый планъ было выдвинуто положеніе необычайной важности, объ отдѣленіи судебной власти отъ административной и законодательной [1]), и это понятно, такъ какъ именно смѣшеніе административныхъ и судебныхъ дѣлъ было одной изъ главнѣйшихъ причинъ разстройства всей системы правосудія. Отдѣленіе суда отъ чуждой ему по духу администраціи открывало возможность обезпечить независимость дѣятельности судебнаго персонала, безъ которой,

---

[1]) Ст. I судоустройства говоритъ: „власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной". Любопытно отмѣтить, что необходимость отдѣленія судебной власти отъ административной, повидимому, давно уже ощущалась русскимъ законодателемъ, что можно вывести хотя бы изъ слѣдующей фразы Учрежденія Министерствъ: „власть судебная во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Сенату по мѣстамъ судебнымъ" (ст. 213 Учр. Мин. т. I, Св. Зак. изд. 1857 г.).

какъ показалъ опытъ всѣхъ временъ и народовъ, немыслимы здоровые судебные порядки. Зависимый судья—исполнитель чужой воли, жалкое явленіе. „Произволъ никогда не бываетъ такъ отвратителенъ, говоритъ Ѳ. М. Дмитріевъ [1]), какъ подъ личиной правосудія, и вредъ судебнаго насилія, поражающаго прямо частные интересы, хуже всякаго административнаго произвола. Вотъ почему всѣ лучшія законодательства Европы ограничиваютъ право смѣны и перемѣщенія судей".

Другимъ капитальнымъ нововведеніемъ было запрещеніе останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ [2]), которое открывало судамъ широкое поле правотворческой дѣятельности. Это положеніе хотя и являлось повтореніемъ ст. 4 кодекса Наполеона [3]), но, въ сущности говоря, оно было твердо установленнымъ тезисомъ юридической науки, находившей необходимымъ предоставить судамъ право широкаго и свободнаго толкованія законовъ.

Относясь съ довѣріемъ къ людямъ вообще, составители основныхъ положеній не могли отнестись иначе къ будущимъ судебнымъ дѣятелямъ, отъ которыхъ они естественно ожидали не мертвой формалистики, а богатой созидательной работы. Вѣра въ эволюцію жизни и преклоненіе передъ человѣческимъ прогрессомъ побуждали открыть широкую дорогу для дальнѣйшаго постепеннаго усовершенствованія намѣченныхъ правовыхъ положеній. Это правило знаменовало собою рѣшительный отказъ отъ принципа недовѣрія, на которомъ покоилась вся система дореформеннаго правосудія.

Не задаваясь цѣлью исчерпать все содержаніе основныхъ положеній, такъ какъ это потребовало бы очень много мѣста и свелось бы къ изученію цѣлаго ряда намѣченныхъ ими институтовъ, что не входитъ въ наши задачи, ограничимся лишь упоминаніемъ о нѣсколькихъ важнѣйшихъ нововведеніяхъ.

Въ сферѣ судоустройства среди предположенныхъ улучшеній одно изъ видныхъ мѣстъ занимало сокращеніе числа инстанцій, чему придавали очень большое значеніе, какъ

---

[1]) Соч. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 493.

[2]) Ст. 12 уг. суд. и ст. 12 гр. суд.

[3]) Ст. 4 кодекса Наполеона говоритъ: le juge, qui refusera de juger sous prétexte du silence, de l'obscurité ou de l'insuffisance de la loi pourra être poursuivi comme coupable de déni de justice.

упоминалось выше, еще Блудовъ и его сотрудники. По общему правилу дѣло могло проходить лишь двѣ инстанціи. Всѣ судебныя учрежденія раздѣлялись на двѣ группы, — для менѣе важныхъ дѣлъ устанавливались мировые судьи и ихъ съѣзды, а для болѣе важныхъ окружные суды и палаты, во главѣ же всей судебной системы ставился верховный кассаціонный судъ — Правительствующій Сенатъ. Созданіе мировыхъ судей, которые были предположены еще Блудовымъ, являлось удовлетвореніемъ горячихъ пожеланій общества и печати, но здѣсь основныя положенія пошли значительно дальше прежнихъ проектовъ, такъ какъ, во-первыхъ, они совершенно обособляли мировую юстицію отъ общей, а во-вторыхъ устанавливали порядокъ замѣщенія судей посредствомъ выбора ихъ всѣми сословіями, тогда какъ Блудовъ и его сотрудники предполагали судей по назначенію отъ правительства. Институтъ мировыхъ судей представлялся сознанію составителей основныхъ положеній въ самыхъ привлекательныхъ, свѣтлыхъ очертаніяхъ. Званіе мирового судьи, разсуждали они, должно имѣть великую важность въ устройствѣ суда и судебнаго управленія. Въ его лицѣ предполагается дать мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенія пререканій о правѣ въ дѣлахъ, требующихъ прежде всего скораго рѣшенія на мѣстѣ и наглядnаго знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посредника для соглашенія требованій, которыя весьма часто только въ началѣ кажутся противоположными, но, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, могутъ быть соглашены разъясненіемъ этихъ недоразумѣній, при посредствѣ лица, пользующагося довѣріемъ обѣихъ сторонъ. Эти разсужденія по своей вѣрѣ въ мировыхъ судей напоминаютъ картину, нарисованную въ учредительномъ собраніи въ 1790 г. во Франціи: „вообразите себѣ человѣка“, говорилось въ учредительномъ собраніи, „который только и думаетъ что о согражданахъ, который только и живетъ для нихъ, а особенно заботится о малолѣтнихъ, отсутствующихъ и всѣхъ безпомощныхъ. Вообразите себѣ отца среди своихъ дѣтей: онъ скажетъ слово и несправедливость умолкаетъ. Его непрерывная неустанная дѣятельность обезпечиваетъ каждому покой и счастье. Это мировой судья“...

Такое романтическое пониманіе задачъ мирового суда свидѣтельствовало больше о богатствѣ воображенія и нѣжности

чувствъ, чѣмъ о практической дѣловитости и естественно вело къ скорому разочарованію. Не менѣе важнымъ новшествомъ было установленіе суда присяжныхъ, которымъ ввѣрялось разрѣшеніе вопроса о виновности по важнѣйшимъ преступленіямъ. Это былъ огромный шагъ впередъ, къ своевременности котораго многія лица правящей среды относились сперва съ большимъ сомнѣніемъ, но впослѣдствіи, въ виду настойчивыхъ домогательствъ дворянства и по мѣрѣ выясненія вопроса трудами Ровинскаго, Заруднаго и другихъ, отношеніе къ нему становилось все болѣе и болѣе благопріятнымъ, такъ что Соединенные Департаменты уже единогласно высказались за введеніе суда совѣсти, отправляемаго самими гражданами. Соображенія ихъ по этому поводу заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ въ нихъ приводится и рядъ доказательствъ въ пользу суда присяжныхъ и нѣсколько серьезныхъ возраженій противникамъ этого института. Вся сила діалектики составителей основныхъ началъ была здѣсь употреблена, и въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ благодаря этому имѣются рѣдкія по своей убѣдительности и таланту изложенія страницы [1]).

Интересно отмѣтить, что нѣкоторыя разсужденія составителей основныхъ началъ и Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта о введеніи у насъ суда присяжныхъ весьма сходны съ тѣми соображеніями, которыя приводили по этому поводу депутаты губернскихъ комитетовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу, а впослѣдствіи чины Государственной Канцеляріи въ своихъ соображеніяхъ по поводу проекта, составленнаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Главное возраженіе противъ введенія у насъ суда присяжныхъ, говорится въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ, состоитъ въ томъ, что народъ нашъ недостаточно еще развитъ для того, чтобы входить въ соображенія, требующія логическихъ выводовъ и достаточной степени образованности. Возраженіе это не убѣдительно. Конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ

[1]) Журналъ Соед. Деп. Гос. Сов. 1862 г. № 65, стр. 181—186.

отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому что такой то именно народъ и нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе.

Если мы вспомнимъ, что писали въ своихъ отзывахъ депутаты перваго приглашенія Офросимовъ и кн. Волконскій и справимся съ помѣщенными въ томѣ XVI ч. I дѣла о преобразованіи судебной части соображеніями Государственной Канцеляріи, высказанными по поводу проектовъ Блудова и его сотрудниковъ, то увидимъ весьма близкое сходство между всѣми этими разсужденіями, изъ которыхъ наиболѣе ранними являются разсужденія названныхъ депутатовъ.

Въ Англіи, отечествѣ суда присяжныхъ, этотъ судъ носитъ характерное названіе judicium per patriam. Это дѣйствительно судъ цѣлой страны. Приговоръ, произнесенный такимъ образомъ, становится подъ охрану общественнаго мнѣнія. Когда институтъ присяжныхъ успѣлъ пустить глубокіе корни въ странѣ, онъ содѣйствуетъ при этомъ юридическому воспитанію народа. Нѣкоторые писатели признаютъ пользу присяжныхъ, даже и въ гражданскихъ дѣлахъ. „Учрежденіе присяжныхъ, говоритъ Токвиль, и особенно по гражданскимъ дѣламъ, сообщаетъ всѣмъ гражданамъ нѣкоторыя изъ привычекъ судьи; а эти привычки лучше всего приготовляютъ народъ къ свободѣ. Оно распространяетъ во всѣхъ слояхъ общества уваженіе къ рѣшенному дѣлу и идею права. Отнимите эти два условія, и любовь къ независимости будетъ только разрушительною страстію. Оно упражняетъ людей въ равенствѣ. Всякій, судя своего сосѣда, думаетъ, что и самъ можетъ быть судимъ имъ. Учрежденіе присяжныхъ пріучаетъ не отступать передъ отвѣтственностью за свои поступки, пріучаетъ къ мужественному чувству, безъ котораго нѣтъ государственной доблести. Оно облекаетъ каждаго гражданина нѣкотораго рода магистратурой, заставляетъ всѣхъ чувствовать, что у нихъ есть обязанности къ обществу и что они составляютъ часть его правительства.

Принуждая людей заниматься не одними собственными дѣлами, оно побораетъ личный эгоизмъ, эту ржавчину каждаго общества".

Основныя положенія посвящаютъ суду присяжныхъ 29 статей [1]), въ которыхъ съ достаточной полнотой и обстоятельностью выясняютъ роль его въ уголовномъ процессѣ и порядокъ привлеченія гражданъ къ отправленію этой важной функціи; главнѣйшее начало, такъ сказать сущность института, была намѣчена въ ст. 78 уголовн. судопроизводства, которая гласила „дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а также всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, судебныя мѣста разсматриваютъ не иначе, какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей". Не задаваясь цѣлью дать хотя бы краткую оцѣнку суда присяжныхъ, вспомнимъ образный отзывъ о немъ Іеринга: „судъ присяжныхъ характеризуетъ переходъ отъ абсолютизма къ правовому государству" и эту заслугу его, какъ справедливо замѣчаетъ въ одной изъ своихъ статей И. Г. Щегловитовъ, мы никогда не забудемъ [2]).

Весьма важнымъ новшествомъ, которое намѣчали основныя положенія, было созданіе адвокатуры, получившей нѣсколько тяжеловатое наименованіе присяжныхъ повѣренныхъ. Какъ извѣстно, отношеніе правительства къ созданію у насъ адвокатскаго сословія было съ давняго времени весьма отрицательное; Императоръ Николай Павловичъ и многіе изъ Его сотрудниковъ видѣли въ немъ серьезную политическую опасность, но общественное движеніе первыхъ лѣтъ царствованія Александра II и изученіе западно-европейской правовой жизни измѣнило въ значительной мѣрѣ взглядъ на адвокатуру, за введеніе которой высказались уже Блудовскіе проекты. Основныя положенія придали этому вопросу большое значеніе, разработавъ съ достаточною обстоятельностью основанія организаціи и дѣятельности сословія присяжныхъ повѣренныхъ, которое получало особое самоуправленіе въ цѣляхъ преимущественно обезпеченія нравственнаго достоинства его членовъ. Ко времени обсужденія основныхъ положеній въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта сознаніе необходимости введенія у насъ

---

[1]) Ст. 27—38 судоустройства и 78—94 уголовнаго судопроизводства.

[2]) И. Г. Щегловитовъ. Журн. Мин. Юст. 1913 г. № 9.

адвокатуры сдѣлалось настолько всеобщимъ, что даже наиболѣе охранительно настроенный членъ ихъ, графъ Панинъ, не возражалъ по существу противъ введенія присяжныхъ повѣренныхъ.

Передѣлывая кореннымъ образомъ наше судоустройство, основныя положенія вводили рядъ капитальныхъ измѣненій и въ судопроизводство—на первомъ мѣстѣ среди нихъ надо поставить замѣну слѣдственнаго процесса слѣдственно-обвинительнымъ, что естественно влекло за собою и другія весьма существенныя перемѣны, сокращеніе письменности, введеніе устности и гласности, ослабленіе, а по уголовнымъ дѣламъ и отмѣну системы предустановленныхъ доказательствъ, упрощеніе порядка производства дѣлъ и проч. [1]).

До сихъ поръ мы перечисляли положительныя стороны основныхъ началъ судебнаго преобразованія, но, какъ во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, были въ нихъ и слабыя мѣста, къ числу такихъ надо отнести прежде всего порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ. Здѣсь основныя начала почти дословно повторяютъ раздѣлъ VII Блудовскаго устава производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, который въ свою очередь являлся лишь пересказомъ и приведеніемъ во внѣшній порядокъ дореформеннаго по этому предмету законодательства, и сводился къ тому, что чиновника можно было привлечь къ отвѣтственности лишь съ разрѣшенія его начальства. Ни составители основныхъ началъ, ни Государственный Совѣтъ не дали сколько нибудь солидной мотивировки столь консервативнаго рѣшенія этого важнаго вопроса, а ограничились нѣсколькими малозначительными фразами и указаніемъ, что отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣла административныя [2]), — эти выра-

---

[1]) Сущность основныхъ положеній и возникшія при обсужденіи ихъ разногласія въ Государственномъ Совѣтѣ обстоятельно изложены въ работѣ І. В. Гессена — Судебная реформа, стр. 58—76.

[2]) Наиболѣе пространныя разсужденія по этому поводу принадлежатъ Государственной Канцеляріи. Думаемъ, что не лишена интереса будетъ выдержка изъ нихъ: „По основному началу объ отдѣленіи власти судебной отъ административной, нельзя предоставить всѣмъ недовольнымъ распоряженіями административнаго должностнаго лица по службѣ

женія повторяютъ мысли Блудовскихъ работъ и напоминаютъ разсужденія старыхъ французскихъ юристовъ и государственныхъ дѣятелей. Но изъ такого сходства разсужденій нельзя еще сдѣлать вывода о заимствованіи нами института административной гарантіи должностныхъ лицъ изъ Франціи; у насъ про-

---

привлекать его къ суду гражданскому или уголовному, безъ разрѣшенія на то начальства сего лица, потому что такимъ образомъ судебная власть разсматривала бы правильность административныхъ распоряженій и приходила бы непрестанно въ столкновеніе съ административными властями. Но когда отъ начальства должностнаго лица, обвиняемаго въ убыточныхъ для частныхъ лицъ распоряженіяхъ, получено разрѣшеніе на начатіе съ него иска о вознагражденіи, то нѣтъ уже никакой надобности для сего иска, которымъ истецъ долженъ доказать дѣйствительность и количество убытковъ, причиненныхъ ему неправильнымъ или медленнымъ распоряженіемъ, дѣлать какое либо изъятіе изъ общаго порядка гражданскаго судопроизводства. Разрѣшеніе на искъ о вознагражденіи убытковъ, причиненныхъ дѣйствіями по службѣ административныхъ чиновъ, должно исходить отъ тѣхъ же властей, отъ которыхъ зависитъ преданіе ихъ суду.

Излишне было бы распространяться о томъ, какое имѣетъ важное значеніе для благосостоянія государства безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій и проступковъ. Когда тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность, при которыхъ государство колеблется въ самыхъ его основаніяхъ. Лихоимство, лицемѣріе и произволъ должностныхъ лицъ всегда и вездѣ были зародышами всѣхъ общественныхъ золъ. Понятно поэтому, что судъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ, можетъ быть ввѣренъ только судилищамъ высоко поставленнымъ, только судьямъ, которые по своему просвѣщенному уму и высокому положенію въ обществѣ представляютъ надлежащія ручательства въ томъ, что они оцѣнятъ всю важность служебныхъ преступленій и будутъ ихъ преслѣдовать самостоятельно и энергически. Равномѣрно и присяжными засѣдателями по дѣламъ о преступленіяхъ должности могутъ быть только лица, имѣющія достаточную степень образованія для сужденій о служебныхъ обязанностяхъ и о силѣ письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основываются обвиненія въ преступленіяхъ сего рода. Въ сихъ видахъ можно было бы постановить: 1) что дѣла по преступленіямъ должности подлежатъ сужденію или судовъ окружныхъ, или областныхъ палатъ, или Кассаціонныхъ департаментовъ Сената, образующихъ изъ себя для сихъ дѣлъ судебное присутствіе; 2) что окружный судъ вѣдаетъ дѣла о преступленіяхъ по службѣ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія, а также нижнихъ полицейскихъ чиновъ; 3) что суду областной палаты предаются всѣ прочія должностныя лица губернскихъ и государственныхъ учрежденій, кромѣ высшихъ чиновъ, за преступленія по службѣ, а также присяжные засѣдатели за нарушеніе ими своихъ обязанностей; 4) что Кассаціонные департаменты Сената, въ судебномъ ихъ присутствіи, разсматриваютъ дѣла о преступленіи должностей первыхъ четырехъ классовъ, а также должностей членовъ областныхъ палатъ, прокуроровъ сихъ палатъ и ихъ товарищей; 5) что дѣла по преступленіямъ должности производятся во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ *по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства; но присяжные засѣдатели* какъ въ областную палату, такъ и въ Кассаціонный Сенатъ по дѣламъ сего рода назначаются и приглашаются порядкомъ установленнымъ для дѣлъ по преступленіямъ государственнымъ и противъ законовъ о печати, по особому списку, составленному для всѣхъ вышеозначенныхъ дѣлъ" (стр. 18—25 печатн. или 147 обр.—151 чернилами). (Записка и Соображенія Государственной Канцеляріи о главныхъ началахъ преобразованія судебной части въ Россіи, томъ XVI, ч. 1. Дѣло о преобразованіи суд. части, экземпл. Библіот. Госуд. Совѣта).

сто остался старый порядокъ слѣдственнаго типа, который существовалъ задолго до судебной реформы 1864 года. Нельзя не замѣтить, что самыя разсужденія о невозможности допустить вмѣшательство судебныхъ чиновъ въ административную жизнь страны имѣютъ подъ собою не русскую, а чисто французскую почву, такъ какъ у насъ не могло быть и рѣчи въ дореформенное время о подобномъ вмѣшательствѣ, во Франціи же парламенты XVIII вѣка (бывшіе судебными мѣстами) дѣйствительно вмѣшивались въ дѣла управленія и критиковали администрацію [1]). Едва ли имѣется надобность излагать текстъ основныхъ положеній по вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ за преступленія должности, такъ какъ установленныя ими правила дѣйствуютъ по настоящее время въ ст. 1085 и слѣдующихъ Уст. Уг. Суд. и поэтому хорошо извѣстны всѣмъ юристамъ.

Другимъ несомнѣнно слабымъ мѣстомъ основныхъ положеній было уничтоженіе губернской прокуратуры. Правда этотъ институтъ принадлежалъ больше къ системѣ внѣвѣдомственнаго над-

---

[1]) L'immixtion des tribunaux dans l'administration était également très grande, au dix-huitième siècle elle apparut comme un procédé systématique de représailles contre l'intervention de la royauté dans la justice; un abus entraîna l'autre: de là entre la royauté et les Parlements, pendant tout le dix-huitième siècle, un conflit qui n'a pris fin qu'à la Révolution. Indépendamment du droit qu'ils avaient de faire sous le nom d'arrêts en commandement de véritables règlements administratifs, les Parlements s'étaient arrogé le pouvoir de citer les administrateurs à leur barre, de critiquer leur administration, et de tracer une ligne de conduite à suivre à l'avenir, se comportant à leur égard exactement comme auraieut pu le faire de vrais supérieurs hiérarchiques, et accomplissant à proprement parler des actes d'administration. (René Jaquelin: Les principes dominants du contentieux administratif ch. II, p. 23, § 1). Очень интересную постановку вопроса объ административной гарантіи даетъ извѣстный парижскій профессоръ Бертелеми. „Y avait-il, dans cette mesure protectrice des fonctionnaires, un privilège injustifiable destiné à couvrir les abus possibles d'une autorité excessive? On l'à souvent répété, et l'usage scandaleux, qui avait été fait à plusieurs reprises du droit de refuser l'autorisation de poursuites avait accrédité cette manière de voir. Elle était fausse, cependant; la garantie des fonctionnaires ne constituait au profit des administrateurs aucun privilège. Pour qu'il y ait privilège, il faut qu'en des situations semblables il y ait inégalité de traitement. Le fonctionnaire, dit on, n'était pas poursuivi comme responsable du dommage qu'il causait, alors qu'on aurait poursuivi un particulier; là était l'inégalité! Non, faut il objecter, parce que le dommage dont le fonctionnaire n'avait pas à répondre, à supposer l'autorisation refusée, c'était le dommage qui l'avait causé dans l'exercice de sa fonction; le particulier n'ayant pas de fonction ne saurait avoir d'excuse semblable. Une analogie frappante peut être invoquée d'ailleurs entre la garantie des fonctionnaires, aujourd'hui supprimée, et les garanties qu'on a justement maintenues en faveur des magistrats de l'ordre judiciaire. H. Berthélemy: Traité élèmentaire de droit administratif. Ch. IV, p. 27.

зора, чѣмъ къ судебному строю и поэтому лежалъ до нѣкоторой степени за предѣлами задачъ поставленныхъ составителямъ основныхъ началъ, но все же удивительно, что они не остановились на немъ съ должнымъ вниманіемъ. Губернская прокуратура не сыграла въ исторіи русской правовой жизни особенно значительной роли, причины этого явленія весьма сложны. Здѣсь не мѣсто на нихъ останавливаться, но правила о ней заключали въ себѣ здоровыя начала, которыя при опредѣленномъ поворотѣ отъ полицейскаго государства къ правовому могли естественнымъ образомъ развиваться и принести обильные плоды; губернская прокуратура, при нѣкоторомъ улучшеніи ея положенія могла сыграть роль оси, на которой возможно было бы повернуть администрацію отъ произвола къ закону. Тѣмъ больше приходится жалѣть о ея уничтоженіи, что послѣднее время своего существованія она обнаруживала несомнѣнно признаки развитія и усиленія; въ рядахъ ея съ конца сороковыхъ годовъ появляются молодые юристы, приносившіе живую струю въ дѣятельность этого стариннаго учрежденія.

Первое время по изданіи Судебныхъ Уставовъ юристы не вспоминали о губернской прокуратурѣ, они, повидимому, были къ ней также равнодушны, какъ и составители основныхъ началъ судебныхъ преобразованій, но впослѣдствіи отношеніе къ ней весьма опредѣленно измѣняется, сперва раздались сожалѣнія о ней изъ лагеря публицистовъ враждебныхъ Судебнымъ Уставамъ (напр., В. Я. Фуксъ въ книгѣ „Судъ и полиція"), ратовавшихъ за прокуратуру преимущественно потому, что она была уничтожена ненавистными имъ законами 20 ноября 1864 года, но впослѣдствіи большой интересъ къ губернской прокуратурѣ обнаружили многіе видные юристы, справедливо указывавшіе, что съ уничтоженіемъ ея остался въ губернской жизни пробѣлъ, по настоящее время ничѣмъ не заполненный, появилась даже идеализація этого наслѣдія петровскихъ временъ.

Задаваясь естественно вопросомъ, почему составители основныхъ началъ не обратили должнаго вниманія на губернскую прокуратуру, думается намъ на него возможно дать лишь одинъ отвѣтъ: мало интересуясь сферой административнаго права и, быть можетъ, стѣсняясь по тактическимъ соображеніямъ касаться вопросовъ, относящихся до управленія, они

пошли здѣсь, какъ и при начертаніи правилъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, всецѣло по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Кромѣ указанныхъ двухъ были конечно и другія слабыя мѣста въ основныхъ положеніяхъ, но всѣ они перевѣшиваются свѣтлыми ихъ сторонами, въ общей своей сложности намѣтившими вполнѣ соотвѣтствующій потребностямъ времени и глубоко человѣчный судебный строй.

II. Отношеніе къ Основнымъ Положеніямъ въ обществѣ и печати.

Изданіе основныхъ положеній было встрѣчено въ широкихъ кругахъ населенія полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. „Въ настоящее время", писалъ по поводу нихъ Чичеринъ „нѣтъ преобразованія болѣе настоятельнаго, болѣе соотвѣтствующаго и высшимъ нравственнымъ требованіямъ и насущной нуждѣ народа, жаждущаго защиты и правды. Это новый великій памятникъ нынѣшняго царствованія, равный Положенію 19 февраля 1861 г. При освобожденіи крестьянъ была дарована свобода 22 милліонамъ людей—реформа суда даетъ правосудіе всѣмъ. Тѣ драгоцѣнныя стяжанія свободы, которыя другіе народы нерѣдко покупали своею кровью, мы получаемъ изъ рукъ правительства, воодушевленнаго мыслью о благѣ подданныхъ". Не смотря на трудность воплотить въ жизнь намѣченныя основными началами преобразованія, Чичеринъ вѣрилъ, что благія намѣренія правительства и готовность общества содѣйствовать великой цѣли дадутъ Россіи возможность установить у себя правосудіе. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ—„сердце русскаго бьется сильнѣе при мысли, что права наши будутъ ограждены, что безкорыстіе и правда водворятся на русской землѣ". Въ такомъ же духѣ отзывался по поводу изданія основныхъ положеній Ѳ. М. Дмитріевъ [1]). По его словамъ, изъ всѣхъ мѣръ послѣдняго вре-

[1]) Журналъ „Наше Время" 1862 г. №№ 244, 245, 280 и 1863 г. №№ 5, 19 и 20. Эти статьи включены въ собраніе его сочиненій, томъ II.

мени ни одна не была встрѣчена такимъ единодушнымъ сочувствіемъ, какъ преобразованіе судебной части.

Эта важная реформа, перенося въ Россію одинъ изъ лучшихъ плодовъ европейской мысли и гражданственности, удовлетворяетъ цѣлому русскому обществу, сверху до низу, и отвѣчаетъ его коренной исторической потребности. „Недостатокъ правосудія", говоритъ Дмитріевъ, „старинная, наболѣвшая рана. Предметъ постоянныхъ попеченій власти и постоянныхъ жалобъ общества, судебный порядокъ, не смотря на всѣ измѣненія, до сихъ поръ сохранялъ еще свои вѣковые недостатки. Среди великихъ успѣховъ прошлаго и нынѣшняго вѣка онъ одинъ оставался печальнымъ памятникомъ прошедшаго. Новая реформа наноситъ ударъ худшему виду произвола, произволу судебному, который прикрывается маской справедливости и поражаетъ самые дорогіе интересы лица. Дать твердыя начала суду, обезпечить его независимость, его безпристрастіе,—значитъ совершить самый важный шагъ къ водворенію законности въ государствѣ. Это полезнѣе многихъ, самыхъ громкихъ политическихъ мѣръ. Ничто такъ не пріучаетъ общества къ разумной самодѣятельности, какъ возможность отстаивать личныя права и полная увѣренность въ ихъ неприкосновенности" [1]). Съ такимъ же глубокимъ сочувствіемъ говоритъ объ изданіи основныхъ положеній человѣкъ другого склада и темперамента—академикъ Никитенко: „прочиталъ Высочайше утвержденный проектъ новаго судоустройства,"—заноситъ онъ въ свой дневникъ, „какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе. Если бы въ Николаевскія времена кто-нибудь вздумалъ помечтать о подобныхъ вещахъ, и мечта его какъ нибудь вылетѣла бы изъ его устъ, тотъ былъ бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ деспотизма администраціи" [2]). Сочувствіе общества основнымъ положеніямъ судебнаго преобразованія выражалось, между прочимъ и въ томъ, что со времени ихъ утвержденія большое число лицъ, получившихъ юридическое образованіе, начинаетъ настойчиво стремиться на службу по судебному вѣдомству, и

---

[1]) Соч. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 463.

[2]) Дневникъ Никитенки, т. II, стр. 103, изд. Пирожкова.

многіе чиновники, покинувшіе Министерство Юстиціи, стали возвращаться обратно. Это явленіе съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министръ юстиціи Замятнинъ [1]), прибавлявшій, что „нынѣ на всѣ должности, зависящія отъ Министерства и бывшія при вступленіи его въ управленіе вѣдомствомъ вакантными, кромѣ должностей судебныхъ слѣдователей, опредѣлены лица не только съ юридическимъ образованіемъ, но и съ надлежащей практической подготовкой“ [2]).

Интересно замѣтить, что нѣкоторые изъ современниковъ судебной реформы отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что новыя учрежденія какъ бы клиномъ входятъ въ старую организацію провинціи, и поэтому трудно расчитывать на солидарную ихъ дѣятельность... „во всякомъ случаѣ число учрежденій значительно увеличится въ губерніяхъ, пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ Отечественныхъ Записокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усложнятся ихъ взаимныя отношенія. Новое зданіе, примыкая къ старому, наляжетъ на него свѣжими силами; старыя стѣны, упираясь на прочно осѣвшій фундаментъ свой, станутъ налегать на новыя. Борьба будетъ неизбѣжна“ [3]).

Среди общаго хора, выражавшаго сочувствіе и одобреніе основнымъ положеніямъ судебнаго преобразованія, раздавались и недовольные ими голоса, исходившіе преимущественно изъ среды лицъ, державшихся въ той или иной степени славянофильскихъ воззрѣній. Не сочувствуя даже и тѣни заимствованія съ Запада и не уяснивъ себѣ хорошенько вопроса о степени независимости основныхъ положеній отъ иностранныхъ образцовъ, славянофилы готовы были отнестись къ намѣченной реформѣ съ крайнею строгостью и обидною несправедливостью. Въ такомъ духѣ, напримѣръ, написана большая часть статьи И. С. Аксакова въ газетѣ „День“. „1862 года, октября 1 дня“, писалъ онъ, „Россія, къ великой для себя неожиданности, увидала себя возведенною, однимъ разомъ, безъ всякихъ замедляющихъ дѣло проволочекъ, на степень цивилизованнѣйшихъ и благо-

[1]) Сен. Арх. Всеподд. доклады по Министерству Юстиціи за 1863 г., стр. 8 обор.

[2]) Цѣнныя указанія объ общемъ вниманіи, которое возбудили основныя положенія, приводитъ Хартулари въ своей книгѣ „Итоги прошлаго“; между прочимъ онъ говоритъ о большомъ числѣ желающихъ серьезно ихъ изучать, стр. VIII.

[3]) Отеч. Записки, 1862 г., т. 144, стр. 55 и 56.

устроеннѣйшихъ европейскихъ государствъ. Нельзя, конечно, не изумиться быстротѣ нашего развитія, дѣятельности администраціи,—и отчасти рѣзкости такихъ переходовъ отъ долговременной нищеты къ внезапному, неслыханному изобилію. Съ будущаго года получаемъ мы вдругъ—и адвокатовъ, и судъ присяжныхъ, и публичность суда, и „кассацію", и несмѣняемость судей, и обвинительный процессъ. Такимъ образомъ то, что стоило нашимъ западнымъ сосѣдямъ столько духовнаго и жизненнаго самостоятельнаго труда, жертвъ, мучительныхъ всенародныхъ напряженій, совокупныхъ усилій милліоновъ умовъ, цѣлыхъ сотенъ лѣтъ медленной органической работы,—досталось или достается намъ не дорогою цѣною, не долговременными заботами, не постепенно, а одновременно, разомъ, такъ сказать въ нѣсколько дней, усиліями и попеченіями немногихъ избранныхъ въ Петербургѣ, безъ всякихъ хлопотъ и безпокойствъ со стороны остального народонаселенія. По мнѣнію большей части нашихъ газетъ, такая ширь и гладь пути для прогресса дѣлаетъ нашъ жребій завиднымъ, и Европѣ, въ скоромъ времени, малымъ чѣмъ останется преимуществовать предъ нашимъ отечествомъ...

Мы вполнѣ цѣнимъ благія побужденія, даровавшія Россіи новое судебное устройство, и вполнѣ сочувствуемъ искренности добрыхъ намѣреній, одушевлявшей составителей проекта. Но не раздѣляя общаго увлеченія нашей печати и даже считая его въ данномъ случаѣ неумѣстнымъ, мы признаемъ нравственною обязанностью отнестись къ проекту съ тѣмъ строгимъ вниманіемъ, котораго вполнѣ заслуживаетъ дѣло такой громадной, жизненной важности.

Преобразованіе судебнаго устройства въ Россіи есть неотразимое послѣдствіе недавняго освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости.

Какъ въ поѣздѣ желѣзной дороги, соскочившемъ съ рельсовъ, вагоны, сшибаясь и громоздясь другъ на друга, ломятся и летятъ въ дребезги,—такъ трещитъ и рушится старый бытъ, сложившійся послѣ Петровскаго погрома и сдвинутый съ своей стороны уничтоженіемъ крѣпостного права. Но еще не очищена почва отъ щепъ и осколковъ, еще не освобождены изъ подъ нихъ ея произрастательныя силы, а уже задвигается она новыми, совсѣмъ готовыми, извнѣ принесенными, чуждыми фор-

мами. Жизнь, возбужденная къ сознанію и дѣятельности событіемъ 19 февраля 1861 года, еще не успѣла сказать свое слово и явиться въ могуществѣ свободныхъ органическихъ отправленій, какъ ей снова приходится становиться въ пассивное отношеніе къ внѣшнимъ формамъ, принимать, а не производить, осваиваться съ чужимъ, а не отдѣлять свое отъ чужого, улаживаться, приноравливаться, вообще тратить силы на работу въ извѣстномъ, заданномъ извнѣ направленіи, а не на трудъ самостоятельнаго созиданія. Новый порядокъ не вытекаетъ изъ стараго, не есть его дальнѣйшее движеніе, или логическое развитіе".

Еще рѣзче отзывался объ основныхъ положеніяхъ судебной реформы Кошелевъ, въ одномъ изъ писемъ къ историку Погодину: „право славно: у насъ будутъ по щучьему велѣнію и по нашему прошенію и адвокаты, и предсѣдатели, способные вести судныя дѣла и пренія, какъ того требуютъ наука и практика. Знаете, безъ смѣха нельзя читать этого прекраснаго сочиненія, хорошо, очень хорошо, а никуда не годится... проектъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ останется in spe и никогда не приведется въ исполненіе". Столь же отрицательно отнесся къ судебной реформѣ Шевыревъ [1]). Не скрывали своей холодности къ основнымъ началамъ судебнаго преобразованія и нѣсколько иного темперамента люди — Самаринъ, кн. Черкасскій; первый изъ нихъ писалъ женѣ Н. А. Милютина, что, по его мнѣнію, Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. ничего не теряетъ при сравненіи съ проектомъ судебной реформы и затѣмъ прибавлялъ, что онъ и Черкасскій удивлены той серьезности, съ которою трактуются тамъ многіе, незначительные, по ихъ мнѣнію, вопросы. Приводя текстъ этого письма, извѣстный французскій писатель Анатоль Леруа Болье замѣчаетъ, что одна изъ причинъ антипатіи дѣятелей крестьянской реформы къ новой судебной организаціи заключалась въ безпокойствѣ о будущности созданныхъ ими волостныхъ судовъ [2]). Очень возможно, что это такъ, но во всякомъ случаѣ эта причина была отнюдь не главной и далеко не единственной. Критическое отношеніе указанныхъ лицъ къ основамъ судебной реформы исходило, по всей

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. 19, стр. 475 и 476.

[2]) Leroy Beaulieu, L'empire des Tzars et les Russes. Tom. II. Livre IV. Chap. I, page 295 и 296.

вѣроятности, изъ ихъ общаго міросозерцанія и въ особенности изъ ихъ историко-философскихъ воззрѣній. Нелюбовь къ точнымъ, рѣзкимъ формамъ, преимущественный интересъ къ вопросамъ религіознымъ, философскимъ, нравственнымъ и экономическимъ, а отнюдь не къ правовымъ, боязнь строго опредѣленной правительственной регламентаціи какой бы то ни было стороны народной жизни, а къ тому же, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, быть можетъ, примѣшивалась своего рода jalousie du metier къ дѣятелямъ судебной реформы, отъ которой сами они стояли во всѣхъ отношеніяхъ далеко.

Русская печать отозвалась на основныя положенія судебной реформы длиннымъ рядомъ статей.

Просматривая страницы журналовъ и столбцы газетъ того времени, нельзя не отдать справедливости добросовѣстности и знанію дѣла, съ которыми большинство ихъ составлялось.

Печать отнюдь не была склонна отнестись къ намѣченной реформѣ только съ восторгомъ, отдѣлаться общими фразами и дешевымъ пафосомъ; правда, она отнеслась въ большинствѣ своемъ весьма благожелательно къ основнымъ положеніямъ, но въ то же время выдвинула не мало дѣльныхъ, критическихъ замѣчаній, сдѣлала не мало полезныхъ указаній, хотя конечно попадались и слабыя статьи, выдвигавшія положенія, которыя намъ представляются неудачными [1]).

Но въ общемъ критика печати отличалась и широтою, и глубиною, а иногда и несомнѣнной талантливостью, причемъ нѣкоторые спеціальные журналы разбирали основныя положенія со своихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, „Военный Сборникъ“ указываетъ на значеніе и важность этого преобразованія собственно для военнаго сословія, которое отнынѣ вмѣстѣ съ гражданскимъ обществомъ будетъ уважать и покоряться закону въ убѣжденіи, что никакое противозаконіе не останется безнаказаннымъ. Отзываясь о началахъ реформы, какъ о чрезвычайно человѣчныхъ, журналъ замѣчаетъ, что преобразованіе гражданскаго суда... вызоветъ необходимость измѣненія и военно-судныхъ законовъ. Газеты „Акціонеръ“ и „Народное Богатство“ взглянули на основныя положенія съ эконо-

[1]) Такъ, напр., въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Сынѣ Отечества“ высказывались сожалѣнія объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи.

мической и финансовой точки зрѣнія, онѣ указывали на значеніе судебной реформы для торговли и промышленности, которыя несли огромные убытки при старыхъ судебныхъ порядкахъ и должны много выиграть при реформѣ судебнаго строя.

Газетныя и журнальныя статьи хотя и посвящались преимущественно конкретнымъ вопросамъ, напримѣръ, мировому суду, суду присяжныхъ и проч., но иногда поднимались и до самыхъ общихъ разсужденій, напримѣръ, о томъ, насколько основныя положенія удовлетворяютъ требованіямъ времени, о пользѣ и необходимости перехода отъ слѣдственнаго къ обвинительному процессу, о невозможности преемственнаго развитія нашего юридическаго быта, въ чемъ усматривали причину радикальности судебнаго преобразованія и проч.

Наибольшее вниманіе удѣлили публицисты мировому институту причемъ, естественно, прежде всего останавливались на сравненіи намѣченнаго у насъ положенія мировыхъ судей съ англійскими судьями. Одни изъ публицистовъ отдавали преимущество этимъ послѣднимъ, другіе предпочитали русскій проектъ. Дореформенная жизнь выучила бояться чрезмѣрной власти, ведущей неизмѣнно къ произволу, поэтому многіе не сочувствовали широтѣ предоставленныхъ мировому институту полномочій. Сумма 300—500 рублей, говорилось въ нѣкоторыхъ статьяхъ, въ предѣлахъ которой дѣла будутъ разсматриваться мировыми судьями, превышаетъ все состояніе множества русскихъ людей, такимъ образомъ имущественное положеніе народной массы будетъ всецѣло отдано на усмотрѣніе мировыхъ судей и съѣздовъ; правда, будетъ путь кассаціоннаго обжалованія, но онъ для большинства окажется слишкомъ сложнымъ и дорогимъ въ виду удаленности Кассаціоннаго Сената и спеціально юридическаго характера кассаціонныхъ жалобъ. Разбираясь подробно въ этомъ вопросѣ, Унковскій (въ „Современникѣ“) замѣчалъ, что мировые судьи есть явленіе специфическое—англо-саксонской расы, находящееся въ прямой зависимости отъ распредѣленія въ Англіи недвижимой собственности. Другіе публицисты, напримѣръ, профессоръ Утинъ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) отмѣчали преимущества русскихъ мировыхъ судей передъ англійскими, которыя по ихъ мнѣнію заключались въ томъ: 1) что власть отдѣльныхъ мировыхъ судей у насъ будетъ менѣе значительна, 2) что у насъ мировые судьи не будутъ производить слѣдствій.

Большое вниманіе привлекалъ къ себѣ вопросъ о выборности мировыхъ судей и о срокахъ избранія. Поклонники англійскихъ образцовъ въ чистомъ ихъ видѣ предпочитали полное заимствованіе англійскаго порядка, не знающаго выбора мировыхъ судей, иные публицисты были противъ выбора, потому, „что, вообще говоря, выборъ вовсе не лучшій способъ для замѣщенія судебныхъ должностей. Судьѣ нужно быть спеціалистомъ, а избраніе можетъ пасть и на лицо безъ всякихъ юридическихъ свѣдѣній. Конечно, отъ мирового судьи, по характеру его званія, не требуется обширное юридическое образованіе, но онъ долженъ однако имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія въ законахъ. Между тѣмъ избиратели могутъ и не обратить вниманія на это важное условіе и имъ чаще всего, конечно, не будутъ руководствоваться. Избранное лицо всегда представляетъ односторонніе интересы тѣхъ, отъ кого зависѣлъ его успѣхъ, отъ кого оно получило свое мѣсто, а первое качество судьи есть безпристрастіе, одинаковое отношеніе ко всѣмъ интересамъ“ [1]). Но большинство публицистовъ отдавали преимущество выборному порядку замѣщенія этихъ должностей. Полныхъ противниковъ имущественнаго ценза было немного; значительная часть склонялась къ тому, что появленіе интеллигентнаго пролетаріата въ роли мировыхъ судей весьма не желательно; лучше на эти мѣста допустить среднихъ во всѣхъ отношеніяхъ дворянъ помѣщиковъ, — говорилось въ газетѣ „Голосъ“, чѣмъ людей въ родѣ Рудина и Базарова; но, конечно, изданія болѣе демократическаго направленія настаивали на уменьшеніи ценза. Немало разногласій возбуждалъ вопросъ о срокѣ выборной службы; были голоса, высказавшіеся въ цѣляхъ обезпеченія надлежащей независимости мировыхъ судей за пожизненное ихъ избраніе. Большое вниманіе привлекалъ къ себѣ вопросъ о мировыхъ съѣздахъ, сводившійся, въ сущности говоря, къ тому, слѣдуетъ ли обособлять мировую юстицію отъ общей, — находились сторонники порядка, намѣчавшагося Блудовымъ, по которому, какъ извѣстно, жалобы на мировыхъ судей должны были приноситься въ окружные суды. Основаніями такого предпочтенія были два соображенія: 1) трудно, почти невозможно, устранить косвенное вліяніе мирового судьи, на котораго жалуются, на его товарищей, членовъ

[1]) Соч. Ѳ. М. Дмитріева, т. II, стр. 475.

съѣзда и 2) апелляціонный судъ, по существу своему, долженъ состоять изъ лучшихъ юристовъ, нежели судъ первой инстанціи, но сторонники мирового съѣзда (напр. „Голосъ") возражали, что мировая юстиція должна быть обособлена отъ общей, такъ какъ все мировое разбирательство должно происходить по совѣсти, а не по закону. Разборъ дѣлъ „по совѣсти, а не по закону" рисовался многимъ людямъ той эпохи въ необычайно привлекательныхъ, и въ то же время романтически неопредѣленныхъ очертаніяхъ, объ этомъ не мало говорилось и писалось во время хода судебной реформы. Повидимому, такое стремленіе представляло изъ себя естественную реакцію противъ формалистики, буквоѣдства и бездушія, привносившихся въ согласіи съ общимъ политическимъ курсомъ въ правовую жизнь народа. Правосудіе не удовлетворяло народную совѣсть, отсюда и мечта замѣнить основу правосудія—законъ—велѣніями совѣсти мировыхъ судей. Другіе же были готовы удовлетвориться болѣе скромнымъ и въ то же время несомнѣнно болѣе реальнымъ и удобоисполнимымъ нововведеніемъ — желали въ мировой институтъ ввести судъ присяжныхъ. „При существующихъ условіяхъ единоличная юрисдикція нашихъ будущихъ мировыхъ судей, пишетъ одинъ изъ видныхъ публицистовъ того времени, не представитъ вовсе обезпеченій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Поэтому для простого и удобнаго разбирательства мелкихъ гражданскихъ дѣлъ и полицейскихъ проступковъ непремѣнно нужно ввести въ этотъ судъ элементъ, который могъ бы имѣть нравственное вліяніе на судью и сдерживать его личный произволъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи ничего не можетъ быть лучше участія присяжныхъ. Если правительство находитъ возможнымъ довѣрить нашимъ присяжнымъ разрѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, „то тѣмъ болѣе они могутъ хорошо рѣшить проступки, которые предоставлено судить мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ".

Отношеніе къ суду присяжныхъ въ публицистикѣ было самое сочувственное, а у отдѣльныхъ писателей того времени прямо восторженное.—„Введеніе присяжныхъ въ наши суды, писалось въ „Библіотекѣ для Чтенія", есть одинъ изъ краеугольныхъ камней нашей судебной реформы, это выходъ изъ варварства, рутины и жестокости и обращеніе къ здравомыслію, человѣколюбію и гуманности, то есть обращеніе къ истинной справедливости". Другой

видный публицистъ того времени находилъ, что если судъ присяжныхъ не улучшитъ немедленно самаго суда, то безъ сомнѣнія возвыситъ въ обществѣ сознаніе гражданскихъ обязанностей... Свобода не пріобрѣтается даромъ, она требуетъ жертвъ и усилій. Но мужественное исполненіе гражданскихъ обязанностей одно даетъ обществу внутреннюю крѣпость и способность къ самоуправленію. Останавливаясь на той роли, которую отводили основныя положенія суду присяжныхъ, многіе публицисты высказывали сожалѣніе, что онъ не распространяется на менѣе важныя преступленія, затѣмъ указывалось, вѣроятно подъ вліяніемъ англійскаго образца, на несправедливость разрѣшенія поставленныхъ присяжнымъ вопросовъ по большинству голосовъ, это правило находили недостаточно гуманнымъ. При перевѣсѣ одного голоса—каторга, отдѣлись одинъ голосъ къ противной сторонѣ, и подсудимый спасенъ, потому что при равенствѣ голосовъ онъ всегда спасенъ. Одинъ голосъ, это волосъ, съ котораго оборвалась каторга. Двѣ лишнихъ минуты спора и человѣкъ былъ бы найденъ быть можетъ невиннымъ. Лишь приговоры за проступки могутъ быть терпимы по большинству голосовъ. Вообще можно сказать, что поскольку многіе опасались широты власти, предоставленной мировымъ судьямъ, постольку же желали расширенія дѣятельности суда присяжныхъ. Лишь отдѣльные, принадлежавшіе къ незначительному меньшинству, голоса совѣтывали не торопиться съ повсемѣстнымъ введеніемъ суда присяжныхъ, а ограничиться покуда открытіемъ его въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ имѣются всѣ необходимые къ тому элементы [1]).

Гораздо болѣе, чѣмъ судъ присяжныхъ, вызывало въ публицистахъ сомнѣніе другое новшество—несмѣняемость судей. По существу ему сочувствовали, но высказывались опасенія, что въ виду отсутствія надлежащаго количества пригодныхъ къ занятію судебныхъ должностей лицъ, возможны неудачныя назначенія, которыя принесутъ особенный вредъ потому, что ихъ нельзя будетъ немедленно исправить. Кстати будетъ напомнить, что подобныя мысли высказывали люди совершенно разнороднаго темперамента и далеко не одинаковаго міровоззрѣнія, какъ, напримѣръ, Чичеринъ и Побѣдоносцевъ. Обращаясь къ сферѣ судопроизводства, нѣкоторые наиболѣе юридически образованные публицисты оста-

[1]) Русскій Листокъ, 1863 г. № 4.

навливались прежде всего на томъ значеніи, которое будетъ имѣть у насъ введеніе началъ обвинительнаго процесса, на сторонѣ этой формы были всѣ ихъ симпатіи. „Нигдѣ не насчитывается столько ненаказанныхъ преступленій, какъ въ тѣхъ странахъ, которыя еще держатся слѣдственной формы", писалъ, разбирая основныя положенія, Ѳ. М. Дмитріевъ. „Въ примѣненіи къ гражданскимъ дѣламъ она еще несостоятельнѣе. Судья, который имѣетъ право изыскивать доказательства, не приведенныя противниками, который наводитъ справки и пополняетъ дѣло, самъ обращается въ заинтересованное лицо и можетъ даже ненамѣренно нарушить равенство между сторонами".

Естественно, что общее вниманіе привлекали два существенныя нововведенія—устность и гласность судопроизводства. При гласности и публичности, справедливо замѣчалъ одинъ видный публицистъ, „явныя притѣсненія сдѣлаются невозможны; возмутительное обхожденіе съ человѣческою личностью исчезнетъ. Общественное мнѣніе, какъ бы оно ни было незрѣло и ничтожно, всегда представляетъ нравственную силу, которая должна поднять и уровень судей. Въ гласности судопроизводства мы полагаемъ главное значеніе настоящаго преобразованія".

Всѣ единодушно желали публичнаго суда и опасались какихъ либо въ этомъ отношеніи ограниченій. Поэтому установленное основными положеніями правило, что „если по особому свойству дѣла публичность засѣданія при докладѣ того дѣла можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, установленныхъ закономъ, то состоящій при судебномъ мѣстѣ прокуроръ въ правѣ, или же палата, или судъ могутъ по собственному усмотрѣнію постановить, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ"—вызывало неодобреніе, боялись, что на этой почвѣ возникнутъ злоупотребленія, которыя приведутъ къ фактическому закрытію судовъ для публики. Разбирая вышеприведенное правило, Огаревъ въ „Колоколѣ" не безъ парадоксальности замѣчалъ: „чѣмъ безнравственнѣе самое дѣло, тѣмъ нравственнѣе публичность суда, совершаемаго надъ нимъ, потому что только публичность суда и вводитъ въ этомъ случаѣ самый важный элементъ—кару общественнаго мнѣнія".

Наиболѣе дружное неудовольствіе вызывало сохраненіе стараго порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ

должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ; намъ не пришлось встрѣтить въ печати того времени ни одного голоса въ защиту этого правила. Всѣмъ было ясно, что единственное средство противъ злоупотребленій „служащихъ людей“ состоитъ въ подчиненіи такихъ злоупотребленій правильно организованному гласному суду, который приступаетъ къ разсмотрѣнію подобныхъ дѣлъ независимо отъ согласія на это начальства обвиняемыхъ. Публицисты правильно отмѣчали, что сохраненіе стараго порядка отвѣтственности должностныхъ лицъ будетъ большимъ препятствіемъ къ водворенію у насъ полнаго владычества закона и послужитъ лишь къ сохраненію ненавистнаго произвола. „Во всякомъ вѣдомствѣ“, писалъ Унковскій, „непремѣнно существуютъ сильный корпоративный духъ и свои нравы и обычаи, въ силу которыхъ обходы нѣкоторыхъ законоположеній считаются не только безгрѣшными, но и необходимыми“. Высшіе чины, если бы даже и хотѣли, фактически не могутъ слѣдить за младшими чиновниками. Для лучшихъ, честныхъ чиновниковъ этотъ порядокъ преданія суду далеко не составляетъ преимущества, а, напротивъ того, лишаетъ ихъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, безъ которой они не могутъ пользоваться и тѣнью самостоятельности, необходимой для строгаго исполненія служебныхъ обязанностей. Каждый честный чиновникъ рискуетъ сдѣлаться жертвой клеветы, не имѣя возможности публично оправдаться иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Такимъ образомъ лица, посвятившія себя служебной дѣятельности, будутъ находиться въ безвыходномъ положеніи безгласныхъ тружениковъ, которые одни изъ всей массы народонаселенія лишены права личной и гласной защиты своихъ дѣйствій. Такое положеніе цѣлаго класса должностныхъ лицъ убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность и дѣлаетъ ихъ безсознательными орудіями въ громадномъ механизмѣ государственнаго управленія. При непосредственной личной отвѣтственности, когда чиновникъ отвѣчаетъ самъ за свои служебныя дѣйствія, онъ чувствуетъ себя уже не слугою своего ближайшаго начальства, но публичнымъ дѣятелемъ, который несетъ на себѣ извѣстную долю отвѣтственности передъ верховною властью и обществомъ. Какова бы ни была окружающая его среда, онъ не видитъ въ ней болѣе единственнаго Верховнаго суда, потому что имѣетъ возможность представить всякое дѣло

открыто на судъ безпристрастныхъ постороннихъ лицъ, не зараженныхъ удушливыми міазмами его начальственной канцеляріи. Многіе оправдываютъ удержаніе прежняго порядка преданія суду должностныхъ лицъ тѣмъ, что отдѣленіе властей судебной отъ административной требуетъ, чтобы первая не вмѣшивалась въ дѣла послѣдней; но эта же самая необходимость, продолжаетъ Унковскій, самаго строгаго раздѣленія властей—судебной и административной—требуетъ, чтобы административныя начальства не имѣли никакого вліянія на дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ своихъ подчиненныхъ, какъ на дѣла чисто судебныя, потому что судъ, разсматривая нарушеніе этими лицами законовъ, никакъ не вмѣшивается въ дѣла администраціи, но отправляетъ только свои судебныя функціи".

Высказывались нѣкоторыя критическія замѣчанія и по поводу прочихъ статей основныхъ положеній судебнаго преобразованія. Такъ, напримѣръ, Спасовичъ (въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ") былъ недоволенъ той ролью, которую предоставили прокуратурѣ.—Общество, по его мнѣнію, „не нуждается ни въ какихъ другихъ стражахъ закона, кромѣ судовъ, ни отъ кого не зависящихъ и стоящихъ подъ нравственнымъ контролемъ одного только общественнаго мнѣнія. За судами могутъ только надзирать судьи—высшіе надъ низшими". Раздавались голоса даже за полное отдѣленіе прокуратуры отъ судовъ, такъ напримѣръ, извѣстный публицистъ Головачевъ предлагалъ поставить прокуратуру въ тѣсную связь съ полиціей, являющейся обвинительницею въ мировыхъ учрежденіяхъ и подчинить ее министру внутреннихъ дѣлъ, слѣдователей же совершенно освободить отъ вліянія прокурорскаго надзора.

Нельзя не отмѣтить, что печать останавливалась преимущественно на судоустройствѣ и уголовномъ судопроизводствѣ, мало удѣляя вниманія гражданскому процессу, тогда какъ общество весьма интересовалось реформой порядка производства гражданскихъ дѣлъ, который касался всѣхъ и каждаго.

Разбирая основныя положенія, публицисты затрагивали всевозможные вопросы, разъясненіе которыхъ могло быть полезно для судебнаго преобразованія. Среди такихъ, какъ бы вспомогательныхъ, статей видное мѣсто надо отвести статистическому изслѣдованію Шуберскаго, помѣщенному въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Авторъ задался важнымъ при осуществленіи

судебной реформы и возбудившимъ много споровъ вопросомъ, достаточно ли будетъ лицъ, получившихъ высшее и преимущественно юридическое образованіе для приведенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія.

Подсчитавъ число лицъ за послѣднія 40 лѣтъ, окончившихъ курсъ по юридическому факультету въ университетахъ, лицеяхъ и Училищѣ правовѣдѣнія и вычтя извѣстный процентъ смертности, онъ заключаетъ, что число всѣхъ имѣвшихся тогда образованныхъ юристовъ простиралось до 6.441 чел., а если изъ этого числа вычесть $^1/_9$ часть лицъ неслужащихъ, то при замѣщеніи новыхъ судебныхъ должностей выборъ можно будетъ сдѣлать только изъ 5.738 человѣкъ. Затѣмъ авторъ опредѣляетъ число новыхъ судебныхъ должностей въ 44 губерніяхъ, управляемыхъ по общему положенію и предполагаетъ, что число палатъ будетъ 12, въ нихъ по 11 человѣкъ и не менѣе какъ съ 20 адвокатами (въ столицахъ—двойной комплектъ), что окружныхъ судовъ будетъ около 100, съ 6 человѣками въ каждомъ и съ 10 къ каждому изъ нихъ приписанными адвокатами; что касается до остальныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ то: Сената, Министерства Юстиціи и коммерческихъ судовъ, то для нихъ едва ли потребуется болѣе 500 человѣкъ. Основываясь на этихъ выводахъ и исчисленіяхъ, Шуберскій приходитъ къ тому заключенію, что количество юристовъ, необходимое для приведенія у насъ въ дѣйствіе судебной реформы не превыситъ $2^1/_2$ тысячъ, а такъ какъ число юристовъ въ Россіи въ 1862 г. должно быть около 5.300 человѣкъ, то опасеніе, что предположенной судебной реформѣ трудно будетъ осуществиться за недостаткомъ людей, оказывается неосновательнымъ.

Зарубежная русская печать мало принесла пользы дѣлу разбора и оцѣнки основныхъ положеній судебнаго преобразованія, отзывы ея отличаются больше радикальностью и страстностью, чѣмъ знаніемъ дѣла и справедливостью. Главнѣйшія критическія статьи принадлежатъ перу Огарева, указывавшаго, что основныя положенія создаютъ суды первой и второй инстанціи, которыхъ географическое распредѣленіе будетъ зависѣть не отъ заявленія мѣстныхъ потребностей, а отъ разграфленія, сдѣланнаго особой комиссіей въ Петербургѣ; суды, „гдѣ въ число присяжныхъ засѣдателей входятъ состоящіе на службѣ чиновники, а изъ крестьянъ только тѣ, которые были чиновниками, т. е.

состояли въ должностяхъ старшинъ, старостъ и пр., но выбыли изъ должностей (за невыборомъ), а, сверхъ того, губернаторъ исключаетъ изъ списка присяжныхъ кого хочетъ". Основныя положенія создаютъ суды, которыхъ всѣ судьи и члены суда отъ первой инстанціи до Кассаціонныхъ департаментовъ Сената включительно назначаются правительствомъ. Они создаютъ суды, которые всѣ состоятъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ судебно-фискальной администраціи прокурорства съ его главою, генералъ-прокуроромъ, т. е. министромъ юстиціи. Создавъ эту сѣть правительственно-сословнаго суда, составители „основныхъ положеній", по мнѣнію Огарева, остались въ наивномъ заблужденіи, или лицемѣрной увѣренности, что взяли за главное основаніе всего проекта отдѣленіе (независимость) судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной. „Но къ этому заблужденію, или къ этой увѣренности Россія не примкнетъ".

Давъ такой неблагопріятный отзывъ, Огаревъ въ частности о гражданскомъ процессѣ замѣчаетъ, что всѣ формы его переписаны изъ французскаго кодекса и въ заключеніе приходитъ къ выводу, что рѣшить задачу переустройства суда можетъ только земскій соборъ, „только собраніе людей, которымъ ея рѣшеніе будетъ предоставлено отъ всего народа, отъ всего земства безсословно".

Гораздо основательнѣе высказывались объ основныхъ положеніяхъ судебнаго преобразованія иностранныя газеты. О Россіи въ то время весьма мало знали въ Западной Европѣ и иностранная пресса интересовалась преимущественно двумя вопросами: во-первыхъ, нашими дипломатическими сношеніями и вообще дѣлами внѣшней политики и, во-вторыхъ, нашимъ финансовымъ положеніемъ; изъ внутренней жизни Россіи приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе лишь польскій вопросъ, но тѣмъ не менѣе нашлись печатные органы, корреспонденты которыхъ удѣлили значительное вниманіе ходу судебнаго преобразованія и въ особенности изданнымъ въ 1862 г. основнымъ его началамъ.

Наибольшее число статей по этимъ предметамъ можно встрѣтить въ газетѣ „L'Indépendance Belge", корреспондентъ которой, повидимому, былъ хорошо освѣдомленъ не только о ходѣ дѣлъ въ Петербургѣ, но и о многихъ слухахъ и закулисныхъ интригахъ и поэтому имѣлъ возможность сообщать точныя

и интересныя свѣдѣнія о настроеніяхъ и преобразовательныхъ работахъ. Такъ, оцѣнивая положеніе, онъ совершенно правильно писалъ въ октябрѣ 1862 г., что всѣ слухи объ остановкѣ реформъ и о реакціи неосновательны, что, несмотря на усилія „камарильи", прогрессивная система не будетъ оставлена и что настроеніе Императора остается по прежнему „великодушнымъ и либеральнымъ". Опубликованіе основныхъ положеній вызвало полное сочувствіе и одобреніе корреспондента [1]), который отлично понялъ все значеніе намѣченной судебной реформы. Сообщая,

---

[1]) L' Indépendance Belge. 19 octobre 1862, № 292.

Отдѣлъ—„Nouvelles de Russie". (Correspondance particulière de L'Indépendance) Saint-Petersbourg 2/14 octobre.

„Plus d'une fois je vous ai entretenu de la grande réforme judiciaire promise à la Russie, et dont les dispositions avaient été dernièrement discutées au conseil de l'empire. L'importance du sujet me forcé d'y revenir aujourd'hui, d'autant plus que j'ai à vous communiquer à cet égard une nouvelle positive.

Vous savez que la chose la plus déplorable en Russie était l'état où se trouvaient les tribunaux, la justice, la magistrature. Il y avait là un amas d'iniquité de toute espèce. Aucune garantie pour les intérêts des citoyens, un arbitraire asiatique, un dédale inextricable de formalités paperassières, qu'exploitaient trop bien les chancelleries. Ajouter que tout y était venal et à tous les degrès de l'échelle, sans parler des sommes énormes exigées pour le papier timbré, dont ont faisait une si terrible consommation. On pourrait se demander comment plus de 60 millions d'individus ont pu vivre pendant des siècles en ordre de société dans un pays où la justice n'existait que de nom et se vendait au plus offrant et dernier enchérisseur, ceci sans hyperbole. L'opinion depuis longtemps stigmatisait cet état de choses, que le pauvre suportait en gémissant tous bas, et que tous les honnêts gens déploraient tout haut.

Eh bien! la dernière heure de ces honteaux abus a sonné. Les bases du nouveau système judiciaire qui, par les raisons que je vous ai dernièrement expliquées, n'ont pu être promulguées à Novgorod le 8/20 septembre dernier, viennent d'être confirmées par l'Empereur. Les volontés de ce prince ont été pleinement satisfaites. Lorsque, dernièrement, il demanda au Conseil de l'Empire où en était cette affaire et qu'on lui eut répondu que les bases de la réorganisation étaient prêtes, mais que les détails demandaient encore quelque temps, le Czar ordonna que ces bases fussent immédiatement publiées, et déjà avant-hier la publication en était faite dans la Gasette du Sénat. L'acte se trouve à cette heure à la traduction, et vous pourrez le lire incessamment dans le Journal de Saint-Pétersbourg.

Ainsi, après deux années de travaux, de soins et d'attente cette grande réorganisation judiciaire est désormais chose accomplie, officiellement annoncée, irrévocable! On m'assure que le ministre de la justice préparait quelques nouvelles modifications qui en eussent amoindri les principes libéraux, et qu'à l'imprimerie du Sénat, on a passé la nuit pour hâter l'impression de l'acte afin qu'il parût tel qu'il avait été confirmé, avant toute démarche près de l'Empereur pour y retoucher.

La nouvelle de la publication de cet acte n'a pas tardé à se répandre. Le public l'a accueillie avec une émotion visible et tout pénétré de joie. J'ai rencontré hier vingt personnes qui m'en ont parlé avec bonheur, je n'avais rien vu de semblable lors de l'émancipation. Cet acte nouveau qui donne enfin la justice à ce vaste empire, est moins éclatant peut être que celui de l'émancipation des paysans, mais il n'est pas moins utile aux intérêts sociaux du pays.

что при дворѣ идутъ непрерывныя увеселенія, и что самъ Императоръ Александръ II все время въ отличномъ настроеніи духа, онъ замѣчаетъ, что никогда чувство удовлетворенія не было болѣе законно и что, конечно, Монархъ имѣетъ полное основаніе радоваться, давъ странѣ такія начала судебной организаціи.

Сообщая о замѣнѣ на посту министра юстиціи Панина Замятнинымъ, которая послѣдовала вскорѣ послѣ изданія основныхъ положеній, корреспондентъ „L'Indépendance Belge" правильно оцѣниваетъ эту перемѣну, отмѣчая роль тормаза, которую неоднократно игралъ гр. Панинъ во время работъ по судебному преобразованію, и всеобщую радость по поводу его увольненія [1]), а затѣмъ добавляетъ, что русскую публику не легко удовлетворить, и что многіе не довольны выборомъ Замятнина, но по мнѣнію

---

[1]) Il est juste de rappeler à cette heure qu'en dehors de ses doctrines rétrogrades, et au point de vue personnel, le comte Panine est *parfaitement* respectable. D'abord c'est un homme d'une probité rigide, ayant de l'esprit et une instruction étendue, avec des moeurs et des habitudes aux quelles on ne saurait reprocher qu'une hauteur parfois blessante. Cette hauteur qui, chez lui prend sa source dans un sentiment aristocratique exagéré, le rend en général peu simpathique, particulièrement à ses inférieurs. Appartenant à l'école de feu l'empereur Nicolas, il n'a jamais voulu faire, on *vient* de le voir, la moindre concession à l'esprit nouveau de la Russie. Dans le cercle spécial de ses hautes attributions, il était intraitable. Je vous l'ai *montré* au Conseil de l'empire le plus ardent, parmi ceux de son parti, à combattre les bases de la réforme judiciaire, défendant pied à pied le terrain des vieux errements, et ne voyant pas, lui cependant si intelligent, qu' un pays a besoin de justice avant tout, et que la justice était *parfaitement* illusoire en Russie, où elle n'existait que de nom. Sa résistance était surtout invincible à l'endroit de la publicité des débats... Il ne voyait dans la *création* d'un barreau, dans la parole libre des avocats, qu'une cause de révolution. Erreur étrange! Comme si c'était à la liberté de la parole qu'on doit attribuer les tentatives de troubles qui se sont manifestées plus d'une fois ici! On ne saurait le dire trop haut, que ceux qui ont charge d'âmes, en Russie, le sachent: ce n'est point la liberté de la parole, c'est sa compression qui enfante les malheurs qu'on redoute. La chose est connue: la pensée ne saurait se comprimer et se refouler toujours, et ce n'est pas lorsque le fleuve a rompu ses digues qu'il faut entreprendre de diriger le cours: alors il est *trop* tard.

J'ai entendu les hommes les plus honorables dire, en faisant allusion à l'esprit rétrograde de l'ex-ministre de la justice, publiquement et à haute voix—„Le comte Panine est le plus grand ennemi de la Russie!"—A leur point de vue, ils disaient juste, et l'opinion à ce sujet était unanime. Cependant par l'attitude qu'il *avait* prise an du Conseil d'Etat à l'occasion de la réforme judiciaire, M. de Panine avait rendu sa position presque impossible à tenir: je vous dis alors, *contrairement* à l'opinion de ses amis, qu'il ne tarderait pas à être dans la nécessité de se relever, et c'est ce qui est arrivé. Vous savez que M. Zamiatnine, qui était son adjoint, est resté, jusqu'à nouvel ordre, chargé de diriger le ministère de la justice.

On parle aujourd'hui, pour M. de Panine, de l'ambassade de Paris, à la place du baron de Budberg, destiné à ce poste. Ce bruit justifie, dans tous les cas, l'opinion favorable qu'on a du comte de Panine en dehors des questions de réformes sociales dans son pays.

корреспондента, Замятнинъ не будетъ препятствовать завершенію судебной реформы и задерживать поступательное движеніе [1]). Изъ французскихъ газетъ отозвались на изданіе основныхъ положеній „Constitutionel", „Patrie" и „France". Всѣ онѣ признаютъ за намѣченной реформой весьма большое значеніе, указывая на недостатокъ правосудія въ Россіи и отдавая должную справедливость правительству, которое выдвинуло на первый планъ такую важную реформу, какъ судебная; послѣдняя изъ названныхъ газетъ восклицаетъ: „судебная реформа въ Россіи составляетъ одно изъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣлъ, когда либо задуманныхъ Монархомъ". Въ такомъ же благожелательномъ духѣ высказывались нѣмецкія газеты „Allgemeine Zeitung", „National Zeitung" и „Neue Preussiche Kreutz Zeitung", въ особенности обратившія вниманіе на отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной. Изъ всѣхъ отзывовъ иностранной печати послѣ газеты „L'Indépendance Belge" наиболѣе содержательнымъ и интереснымъ представляется намъ отзывъ англійской газеты „Times". „Судебная реформа въ Россіи, говорилось въ этой газетѣ, до такой степени важна, что если бы въ томъ же царствованіи ей не предшествовала эмансипація 23 милліоновъ рабовъ, то она обратила бы на себя вниманіе всей Европы. Когда Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ, то три величайшія зла господствовали въ

---

[1]) Приводимъ выдержку изъ той же газеты съ отзывомъ о роли двухъ видныхъ государственныхъ дѣятелей того времени, Великаго Князя Константина Николаевича и кн. П. П. Гагарина.

„A propos de réformes, on a remarqué que depuis l'absence du grand-duc Constantin, des longueurs interminables accompagnaient au Conseil de l'Empire, l'examen de plus d'un projet de très utile amelioration qui lui avait été présenté par S. A. I. avant son départ pour Varsovie, et quelques-uns ont attribué ces lenteurs au prince Paul Gagarine, président du Conseil. Ils ont même accusé celui-ci d'avoir des idées retrogrades. C'est à tort. Le prince Gagarine a l'esprit aussi étendu que vif et éclairé, et il est en tout digne de remplir le poste éminent où il a eu l'honneur d'être appelé. C'est grâce à lui, vous l'avez vu dernièrement, que les bases de la réforme judiciaire ont échappé aux idées arriérées que quelques membres importants du Conseil voulaient faire prévaloir, telle que la prépondérance du Sénat, qui eût gardé ses attributions actuelles, etc.

Le prince Gagarine a l'intelligence des choses utiles, et son esprit est à la hauteur des circontances. Il possède d'ailleurs la pratique des affaires, pratique à laquelle il s'est rompu dans plus d'une fonction supérieure qu'il a toujours parfaitement remplie. C'est donc un homme respectable par ses principes comme par son caractère: il n'est point arrière; il marche avec l'Empereur, dont il sait comprendre et seconder la pensée. Mais il pense et avec raison, ce me semble, que, lorsqu'il s'agit de réformes vitales dans un pays, on ne saurait user de trop de prudence.

Россіи — рабство, тѣлесное наказаніе и такая система администраціи, которая давала возможность по своему несовершенству, голоднымъ и получающимъ плохое содержаніе должностнымъ лицамъ кормиться на счетъ народа. Всѣмъ извѣстно, что рабству положенъ конецъ, но трудный вопросъ о будущихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками еще не разрѣшенъ. Что же касается тѣлесныхъ наказаній, то всѣ крестьяне, исправляющіе извѣстныя должности, какъ-то волостныхъ старшинъ, сельскихъ судей и пр., избавлены уже отъ нихъ, а теперь, говорятъ, Императоръ рѣшился уничтожить и для всѣхъ этотъ способъ исправленія. Теперь всѣ судьи будутъ несмѣняемы и совершенно независимы отъ администраціи; всѣ важныя уголовныя дѣла будутъ разбираться присяжными засѣдателями; судопроизводство будетъ публично, и пресса получитъ правò обсуждать судебныя рѣшенія. Теперь положенъ конецъ той системѣ, которая давала возможность богатому отвѣтчику разорять бѣднаго противника, переносить дѣло изъ одной инстанціи въ другую, пока дѣло не дойдетъ до Сената, а оттуда до Государственнаго Совѣта, гдѣ въ законномъ порядкѣ голосъ министра юстиціи обыкновенно бываетъ всемогущъ. Не желая уменьшить заслуги Монарха, которому именно принадлежитъ честь введенія этой благодѣтельной перемѣны, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что едва ли изъ всего этого есть что-нибудь, на что дворянскія собранія въ прошлую зиму не обращали бы вниманія Государя. Тульская губернія ходатайствовала объ отдѣленіи судебной власти отъ административной, Московская просила установленія суда присяжныхъ, Петербургская разсуждала о преимуществѣ независимыхъ, несмѣняемыхъ и безмездныхъ судей, о замѣнѣ письменныхъ доказательствъ устными, о распространеніи на адвокатовъ и судей отвѣтственности предъ публикой за ихъ доказательства и рѣшенія, а также о разныхъ другихъ вопросахъ, которые не представляли въ то время много вѣроятія быть когда либо облеченными въ форму закона. То обстоятельство, что нынѣ обнародованная реформа еще прежде была предметомъ ходатайства цѣлыхъ обществъ или сословій, даетъ уже поводъ заключить, что она принесетъ болѣе дѣйствительной пользы, чѣмъ отъ нея можно было ожидать, такъ какъ классы народа, до которыхъ она главнѣйшимъ образомъ относится, доказали уже свою способность оцѣнить ее.

Чтобы покончить съ иностранными отзывами, упомянемъ о статьѣ Миттермайера, переводъ которой былъ помѣщенъ въ 1864 году въ Журналѣ Министерства Юстиціи и письмѣ профессора Вехтера къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Отдавая дань справедливаго уваженія Основнымъ Положеніямъ судебнаго преобразованія, Миттермайеръ предостерегалъ правительство и русское общество отъ разочарованій въ случаѣ, если новыя учрежденія не принесутъ немедленно всей той пользы, которой отъ нихъ ожидаютъ, такъ какъ намѣченная реформа быть можетъ и не сразу, но непремѣнно войдетъ въ жизнь Россіи и дастъ благотворные результаты; къ этому выводу его приводило пристальное изученіе исторіи судебнаго законодательства въ Италіи, Германіи и Швейцаріи.

Въ особенности сочувственный отзывъ даетъ Миттермайеръ объ уголовномъ судопроизводствѣ: „въ цѣломъ русскій проектъ, пишетъ онъ, представляетъ новый шагъ впередъ сравнительно съ другими европейскими законодательствами и по послѣдовательности проведенія обвинительнаго начала и устности стоитъ даже выше многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ".

Столь же сочувственный отзывъ далъ объ Основныхъ Положеніяхъ судебнаго преобразованія другой нѣмецкій ученый Вехтеръ въ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; онъ находилъ, что Основныя Положенія составляютъ эпоху даже въ наши „прогрессивныя времена" и что съ ними Россія вступаетъ на новое поприще, пролагая открыто, рѣшительно и безъ всякихъ колебаній путь къ коренной реформѣ, которая вызываетъ всеобщее сочувствіе. Особенное одобреніе Вехтера вызывало отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной, несмѣняемость судей, устность и гласность производства и отмѣна въ уголовномъ судѣ формальныхъ доказательствъ. Разбирая постановленія процессуальныя и указывая на ихъ простоту, Вехтеръ замѣчалъ: „многимъ германскимъ законодательствамъ не мѣшало бы поучиться въ этомъ отношеніи у Россіи" [1]).

[1]) Томъ XXI дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи, по описи Библіот. Госуд. Совѣта. Замѣчанія разныхъ лицъ, ч. II, № 12 (стр. 149—154).

III. Замѣчанія, представленныя на Основныя Положенія.

Какъ только была организована комиссія для окончательнаго составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ (см. ниже), то она немедленно признала полезнымъ для успѣшнаго выполненія возложеннаго на нее порученія имѣть практическія свѣдѣнія и замѣчанія разныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ судебною частью вообще и съ мѣстными условіями разныхъ губерній. Для полученія такихъ свѣдѣній комиссія обратилась въ Министерство Юстиціи съ просьбою предложить всѣмъ вообще чинамъ судебнаго вѣдомства, кто пожелаетъ, доставить прямо въ комиссію свои соображенія относительно развитія Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части. Затѣмъ она обратилась ко всѣмъ профессорамъ юридическихъ наукъ съ просьбою о сообщеніи ихъ замѣчаній и соображеній по статьямъ Основныхъ Положеній, „касательно правильнѣйшаго и наиболѣе удобнаго, согласно требованіямъ науки и условіямъ нашей общественной жизни, развитія сихъ Положеній въ составляемыхъ комиссіею проектахъ уставовъ судопроизводствъ и судоустройства"; кромѣ того, пригласила черезъ періодическія изданія всѣхъ вообще лицъ, желающихъ оказать комиссіи въ порученномъ ей важномъ и трудномъ дѣлѣ свое содѣйствіе, доставить въ комиссію замѣчанія и предположенія о развитіи и примѣненіи Основныхъ Положеній преобразованія судебной у насъ части какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ предметамъ.

Это стремленіе выслушать голосъ общества не осталось безъ благихъ послѣдствій. Въ короткое время было доставлено со всѣхъ концовъ Россіи 448 замѣчаній, изъ нихъ сообщено чинами судебнаго вѣдомства 321, разными другими лицами 127 [1]). Замѣчанія эти, по мѣрѣ поступленія ихъ, печатались отдѣльно и составили 6 большихъ томовъ. Изъ всѣхъ замѣчаній, такимъ образомъ полученныхъ, изготовленъ въ Государственной Кан-

[1]) Эти цифры мы заимствуемъ изъ доклада Буткова, въ печатномъ же экземплярѣ дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи замѣчаній менѣе; по описи экземпляра, находящагося въ Архивѣ Гос. Сов. ихъ значится всего 395, изъ коихъ безыменныхъ 11, касающихся самыхъ разнообразныхъ темъ.

целяріи и напечатанъ особою, 7-ю книгою общій сводъ, въ которомъ противъ каждой статьи Основныхъ Положеній были означены сдѣланныя на нее замѣчанія. Содержаніе присланныхъ замѣчаній отличается необычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ, вслѣдствіе чего даже самое бѣглое обозрѣніе ихъ заняло бы очень много мѣста. Изслѣдователи сравнительно мало занимались этими интересными документами, которые представляютъ собою богатѣйшій матеріалъ для изученія общества того времени. Изъ старыхъ писателей ими очень интересовался М. А. Филипповъ, а изъ новыхъ работъ наиболѣе интересный, содержательный и живой обзоръ ихъ даетъ І. В. Гессенъ въ книгѣ „Судебная реформа“ [1]).

При ознакомленіи съ этими замѣчаніями, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе горячій, почти восторженный тонъ многихъ изъ нихъ, свидѣтельствующій о чувствѣ удовлетворенія и даже нерѣдко восхищенія, которыя вызывали въ авторахъ замѣчаній Основныя Положенія судебнаго преобразованія. — „Не могу умолчать, пишетъ одинъ изъ низшихъ судебныхъ дѣятелей, что эти Положенія встрѣчены обществомъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ важности и благодѣтельности настоящей реформы въ судебной части. Во всѣхъ слояхъ давно чувствуется необходимость измѣнить отжившую форму судопроизводства, форму до того лишенную жизненнаго начала, что вѣру въ правосудіе, въ дѣйствіе и силу закона утратили даже вѣрные слуги Ѳемиды“. Другой тоже не крупный чиновникъ судебнаго вѣдомства отзывался въ такихъ выраженіяхъ: „наконецъ, великое дѣло преобразованій совершается. Мы радуемся, мы торжествуемъ. Мы только горячо желаемъ, чтобы преобразованія эти какъ можно скорѣе были введены въ дѣйствіе. Къ чему же крики малодушія возмущаютъ нашу радость? Зачѣмъ эти сомнѣнія, что мы еще не подготовлены, что общество наше стоитъ на такой низкой степени развитія? Право, жаль этихъ малодушныхъ крикуновъ, не вѣрящихъ ни въ здравый смыслъ народа, ни въ безошибочное чутье его истины, добра и правды, ни въ достаточное развитіе нашего общества. Мы готовы и готовы принять самыя рѣшительныя преобразованія“.

[1]) І. В. Гессенъ. Судебная реформа, стр. 77—106.

Высота подъема и горячность чувствъ большинства лицъ, представившихъ замѣчанія, вполнѣ соотвѣтствуютъ широтѣ содержанія и дѣловитости изложенія высказанныхъ ими сужденій. Ихъ занимали не только общіе принципіальные вопросы, но и выясненіе мѣстныхъ условій для наилучшаго примѣненія новыхъ судебныхъ учрежденій.—Очень нерѣдко одно и то же лицо, посвятивъ начало своего отзыва изложенію принципіальныхъ точекъ зрѣнія и общей характеристикѣ, переходило затѣмъ къ чисто спеціальному, весьма подробному и обстоятельному соображенію о практическихъ условіяхъ введенія въ данномъ районѣ новыхъ судовъ, причемъ такое соображеніе обыкновенно требовало собранія значительнаго фактическаго матеріала и усидчивой и длительной работы. Для того, чтобы высказанное нами положеніе освѣтить примѣромъ, возьмемъ соображенія одного изъ рядовыхъ судебныхъ дѣятелей, товарища предсѣдателя Архангельской палаты уголовнаго и гражданскаго суда Абрамовича. Представленныя имъ замѣчанія занимаютъ 48 рукописныхъ страницъ и трактуютъ о присяжныхъ повѣренныхъ, мировыхъ судьяхъ, окружныхъ судахъ, судебныхъ слѣдователяхъ, судебныхъ приставахъ, объ опекѣ, о развитіи способовъ преобразованія судебной части, о спеціальныхъ условіяхъ Архангельской губерніи, гдѣ дается свѣдѣніе о количествѣ дѣлъ, свѣдѣніе о числѣ жителей, вѣдомость о становыхъ квартирахъ и, наконецъ, чертежъ Архангельской губерніи. Чтобы показать, какъ широко захватывалъ этотъ средней руки чиновникъ судебнаго вѣдомства поставленные имъ вопросы, приведемъ значительную выдержку изъ соображеній его о присяжныхъ повѣренныхъ.

„Установленіе присяжныхъ повѣренныхъ у насъ не новое учрежденіе. Идея судебной защиты есть одна изъ коренныхъ идей народовъ славянскихъ. Названіе адвокатовъ—пособникъ, какъ видно изъ Псковской Судной Грамоты, существовало на Руси еще въ XIV вѣкѣ. Процессомъ обвинительнымъ, извѣстнымъ въ Русской Правдѣ подъ именемъ поклепной виры, рѣшались дѣла на Руси въ присутствіи мечника и дѣтскаго, отрока. Первый былъ обвинителемъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, охранялъ права цѣлой общины — міра; а въ лицѣ дѣтскаго міръ имѣлъ своего защитника. Они состояли при судѣ и получали особую дань, независимо отъ судебныхъ пошлинъ, слѣдовавшихъ въ доходъ судьямъ. У чеховъ съ давнихъ временъ видимъ адвокатовъ подъ

собственнымъ названіемъ ораторовъ. У литовцевъ еще въ 1726 году существовали узаконенія объ адвокатахъ, называемыхъ патронами. Но всѣ, подъ разными наименованіями, защитники, состояли у насъ при судахъ и подъ ихъ надзоромъ".

„Ежели нынѣ признается полезнымъ возвратиться къ существовавшимъ у насъ учрежденіямъ, то прежде введенія новаго въ оныя порядка, какой полагается въ установленіи совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, необходимо подумать: до какой степени полезно будетъ измѣнить таковой порядокъ.

На этой останавливаясь мысли, заглянемъ и въ уставы иностранныхъ державъ, въ коихъ существуютъ подобныя учрежденія.

Во Франціи и Англіи лица, защищающія дѣла въ судахъ, раздѣляются на два сословія: стряпчихъ и адвокатовъ. Первые подаютъ въ судъ бумаги, пріискиваютъ доказательства и вообще ведутъ дѣла, не имѣя права защищать ихъ словесно предъ судомъ. Адвокаты же исключительно занимаются представленіями словесной защиты дѣлъ въ судѣ. Тѣ и другіе состоятъ при судѣ и подъ ихъ надзоромъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ адвокаты также состоятъ подъ надзоромъ судовъ, и лишеніе ихъ занимаемаго ими званія зависитъ отъ суда того округа, въ которомъ они живутъ.

Но въ Ганноверѣ званіе стряпчаго и адвоката соединяется въ одномъ лицѣ, и тамъ они состоятъ подъ надзоромъ совѣта изъ нихъ самихъ учрежденнаго, отъ котораго и зависитъ удаленіе адвоката отъ его обязанности.

И у насъ предназначаемый, на началахъ ганноверскаго законодательства, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ по силѣ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части (ч. I, ст. 80, п. 3 и 4) имѣетъ право присяжныхъ повѣренныхъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей, своею властію, подвергать: запрещенію отправлять обязанности ихъ въ продолженіе опредѣленнаго совѣтомъ времени до одного года и даже исключенію, въ случаѣ неблагонадежности, вовсе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Наказаніе это—не дисциплинарная мѣра. Оно есть не только ограниченіе, но и лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, которыя предоставлены лишь власти суда. Если право такого наказанія присвоить совѣту повѣренныхъ, то съ

одной стороны ослабится сила закона (ст. 1, ч. II Основ. Полож. преобр. судебн. части), по коему никто безъ суда не можетъ быть наказанъ; а съ другой—власть совѣта, въ случаѣ отмѣны судомъ его постановленія, будетъ только послѣдствіемъ взаимнаго прекаанія семейства одного сословія.

И въ самомъ дѣлѣ: ежели судъ, отмѣняя постановленія совѣта, исключившаго повѣреннаго изъ списковъ своихъ, возвратитъ ему прежнія права его, тогда спрашивается: какое будетъ положеніе человѣка силою возвращеннаго въ то общество, которое исключило его изъ среды себя. И взаимно: можетъ ли затѣмъ общество имѣть къ нему какое либо уваженіе и довѣріе.

Юристу, кромѣ теоретическихъ познаній законовъ, необходима еще на сей случай и судебная практика. Да и всѣ ли ученые могутъ хорошо объяснять дѣла. Для суда не столь нужно краснорѣчіе — иногда затемняющее дѣло — сколько понятное объясненіе онаго. Суду обременительно даже и недосужно слушать длинныя, хотя и красивыя рѣчи". „Поэтому непремѣнное условіе, чтобы присяжные повѣренные имѣли аттестаты объ окончаніи курса наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не достигаетъ той цѣли, для которой они учреждаются.

Получившій образованіе, не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже имѣющій домашнее воспитаніе, съ хорошими способностями къ объясненію дѣлъ, если онъ притомъ приготовилъ себя судебною практикою и познаніями законовъ, можетъ быть отличнымъ повѣреннымъ.

Наконецъ, необходимо опредѣлить: слѣдуетъ ли присяжнымъ повѣреннымъ присвоивать права и преимущества государственной и общественной службы.

Докторъ можетъ состоять въ государственной службѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, заниматься частною практикою. Почему же повѣренный, занимаясь частными дѣлами, не можетъ пользоваться правами государственной службы. И докторъ, и повѣренный, равно полезны, для государства и общества. И тотъ, и другой излѣчиваютъ равносильныя болѣзни своихъ паціентовъ. Мы благодарны врачу, если онъ облегчитъ наше страданіе, спасетъ жизнь отъ опасности, но и повѣренный имѣетъ не меньшее право на благодарность, если спасетъ отъ гибели все наше имущество, возвратитъ намъ честь—жизнь духовную, лишеніе коей дороже намъ матеріальной жизни.

Въ справедливомъ вниманіи къ этой мысли и для необходимаго поощренія къ занятію столь важныхъ и общеполезныхъ обязанностей, какія лежатъ на повѣренныхъ, людьми достойными того званія, справедливо же будетъ присяжнымъ повѣреннымъ, бывшимъ нашимъ дѣтскимъ, отрокамъ, сопротиву стоявшимъ прежнимъ мечникамъ, а нынѣ прокурорамъ, предоставить права и преимущества государственной службы, и, по примѣру въ глубокой древности существовавшему на Руси, вмѣсто платимой, дѣтскимъ, міромъ особой дани, тѣмъ изъ нихъ, которые обязаны будутъ нести общественную обязанность защиты, установляемой правилами 75 ст., части I и 60 ст., части II Основн. Полож., назначить и штатное жалованье изъ суммъ общаго земскаго сбора". [1])
А вотъ выдержка изъ его замѣчаній о мировомъ судѣ:

„Необходимы для судьи качества: честность, разумъ, образованіе и судебная практика, но имѣетъ ли онъ и какое состояніе, о томъ вопросъ не долженъ бы въ законодательствѣ возбуждаться. Условіе о необходимости имѣть и выборному судьѣ свою осѣдлость казалось бы не нужное, иначе избиратели будутъ стѣснены въ выборѣ человѣка, котораго считаютъ достойнымъ сего званія.

По шотландскому судоустройству, для права назначенія въ мировые судьи, не требуется: ни извѣстный санъ, ни какая бы то ни было собственность. И справедливо выборъ мировыхъ судей предоставить при соблюденіи другихъ условій, значащихся въ 14 ст. части I Основн. Положеній, самимъ избирателямъ, кои бы, не смотря на состояніе, могли избрать изъ среды своей мировымъ судьею того, кому бы болѣе довѣряли.

Если всѣхъ мировыхъ судей, какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ, собрать единовременно и въ одно мѣсто, тогда на нѣкоторое время, а иногда и въ самое необходимое, какъ для тяжущихся, такъ и для возстановленія нарушеннаго неблагочиніемъ порядка, остановится ходъ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству мировыхъ судей, и ожидаемое отъ нихъ правосудіе не будетъ удовлетворено такъ быстро, какъ это требуется отъ власти сихъ судей. Притомъ, слѣдовало бы означить положительные сроки для мировыхъ съѣздовъ. Сроки эти нужно бъ назначить

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Соображенія тов. предс. Архангельск. палаты уг. и гр. суда Абрамовича, стр. 116—127.

въ свободнѣйшее отъ сельскихъ занятій время, не болѣе двухъ разовъ въ годъ и призывать на одинъ разъ половину состоящихъ въ округѣ мировыхъ судей, а на другой—другую ихъ половину, съ тѣмъ, чтобы остающіеся на своихъ мѣстахъ въ отсутствіи временно выбывшихъ исполняли сихъ послѣднихъ обязанности". [1])

Серьезное вниманіе и сочувствіе составителей замѣчаній возбуждалъ судъ присяжныхъ, большинство изъ нихъ желало дальнѣйшаго его расширенія и замѣны рѣшенія по большинству голосовъ—единогласіемъ; одинъ взятый наудачу примѣръ даетъ ясное представленіе о взглядахъ по этому вопросу.

„На какихъ блюстителей и охранителей права можетъ болѣе всего положиться какъ самое общество, такъ и обвиненный въ нарушеніи общественнаго права". Такимъ вопросомъ задается гдовскій уѣздный судья Блокъ. „Очевидно на тѣхъ, которые избраны изъ среды сего же общества. Обвиненный, находясь въ кругу людей съ одинаковыми нуждами и потребностями, нерѣдко и съ одинаковыми взглядами, конечно долженъ вѣрить въ полную безпристрастную оцѣнку даннаго факта. Но если въ дѣлахъ гражданскихъ обвиненный находится въ опасности потерять нѣкоторыя права и преимущества, то при рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ, гдѣ обвиненный лишается не только всѣхъ правъ состоянія, но подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ, а иногда и лишается самаго драгоцѣннѣйшаго дара—жизни, требуется еще большей осмотрительности со стороны блюстителей закона, гдѣ самое ничтожное обстоятельство можетъ измѣнить весь смыслъ и послѣдствіе всего дѣла. Судъ, такъ называемыхъ присяжныхъ, существующій уже во многихъ европейскихъ государствахъ, подъ различными названіями, даетъ возможность большей гарантіи справедливости, и возраженіе, что присяжные, избираемые временно, не обладаютъ очень часто юридическими свѣдѣніями и тонкостями судебной практики, не можетъ имѣть смысла."

„Руководствуясь Основными Положеніями преобразованія по судебной части, я, по моему крайнему разумѣнію, считаю лучшимъ допустить судъ присяжныхъ и въ тѣхъ нѣкоторыхъ дѣлахъ,

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Соображенія тов. предс. Архангельск. палаты уг. и гр. суда Абрамовича, мировые суды, стр. 128 и 129.

которыя по положенію устава изъяты изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства и не подлежатъ, на основаніи того же положенія, суду присяжныхъ засѣдателей. Заподозрить судъ присяжныхъ въ какомъ либо рѣшеніи, значитъ отвергнуть весь авторитетъ ихъ и самаго учрежденія суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе факта при достаточныхъ показаніяхъ, нисколько не представляетъ большей трудности въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ и проступкахъ; заподозрить ихъ въ пристрастіи политическомъ, я думаю, столько же возможно, сколько и самихъ членовъ уголовныхъ департаментовъ судебной палаты. Правда, что присяжные, какъ люди, подвержены большимъ или меньшимъ несовершенствамъ человѣческой природы, и что, слѣдовательно, полнаго абсолютнаго отреченія присяжныхъ засѣдателей отъ политическихъ оттѣнковъ допустить невозможно, но этимъ же самымъ нельзя ли опровергнуть абсолютную непогрѣшимость и самихъ судей, по пословицѣ: erare humanum est. Съ другой точки зрѣнія, отклоняя всякое непосредственное свое участіе въ обвиненіи лицъ въ упомянутыхъ параграфахъ, а предоставляя право участія присяжныхъ засѣдателей, правительство этимъ самымъ избавляетъ себя отъ нареканія въ пристрастіи обвиненія.

Часть II, параграфъ 64. Дѣла, изложенныя въ семъ параграфѣ, разсматриваются въ предлагаемомъ проектѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; тутъ какъ будто бы кажется, что преступленія меньшей важности не требуютъ такой строгой оцѣнки, какая допускается при рѣшеніи дѣлъ большей важности, а потому подлежащихъ суду присяжныхъ засѣдателей. По моему разумѣнію, принципъ справедливости не долженъ подраздѣляться на категоріи большей или меньшей важности, тѣмъ болѣе въ дѣлѣ оцѣнки самаго факта и если, по неосмотрительности, обвиненный будетъ осужденъ несправедливо, то хотя по § 64 онъ и испытываетъ слабѣйшую мѣру наказанія, но тѣмъ не менѣе онъ лишается своего общественнаго значенія и, такимъ образомъ, испытываетъ двойную мѣру наказанія, то есть несправедливаго рѣшенія суда и неизбѣжнаго суда общественнаго.

Присяжные засѣдатели должны рѣшать вопросъ не большинствомъ голосовъ, а единогласно. Преимущество единогласнаго рѣшенія заключается именно въ полномъ разъясненіи самаго факта, при разногласіи же вопросъ очевидно не на

столько разъясненъ, чтобы придти къ единогласному рѣшенію. Мѣра несостоятельности рѣшенія большинствомъ голосовъ весьма ясно высказывалась и при теперешнихъ выборныхъ баллотировкахъ, гдѣ на 21 голосъ право оставалось за одиннадцатью, а другіе десять оставались вопіющими въ пустынѣ“ [1]).

Просматривая замѣчанія на основныя начала судебнаго преобразованія, проникаемся невольно чувствомъ удивленія къ разносторонней освѣдомленности ихъ авторовъ, большею частью совершенно безвѣстныхъ людей, разсѣянныхъ по захолустьямъ нашего обширнаго отечества,—повидимому они много читали и немало думали и работали, давно интересуясь судебной реформой, потому что въ данный имъ двухмѣсячный срокъ трудно было бы уяснить себѣ вопросы, которые ранѣе ихъ совершенно не занимали. Нѣкоторые изъ нихъ высказываютъ такія спеціальныя соображенія, которыя сдѣлали бы честь любому просвѣщенному и видному юристу [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Замѣчанія Николая Блока на проектъ Основн. Полож. преобразов. судебной части въ Россіи, стр. 147—151.

[2]) Приведемъ еще одинъ примѣръ: „для успѣшнаго, полнаго и систематическаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, прокуроры окружнаго суда и судебной палаты обязаны постоянно заниматься составленіемъ подробныхъ судебно-статистическихъ изслѣдованій о способахъ, условіяхъ и послѣдствіяхъ примѣненія въ дѣйствительности законовъ и наказовъ, относящихся до дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ (см. ст. 65).

Основанія, по которымъ я признаю необходимымъ развить этимъ статьи 51-ю и 52-ю, слѣдующія:

1) обязанности, которыя я полагаю между многими лицами, составляющими прокурорское учрежденіе, требуютъ для успѣшнаго ихъ исполненія совершенно различныхъ способностей и наклонностей. Обязанности, которыя я полагалъ бы возложить на прокурора, требуютъ ума систематическаго, способнаго при разсмотрѣніи каждаго частнаго вопроса оцѣнивать отношеніе его къ цѣлому ряду подобныхъ предметовъ и склоннаго къ занятіямъ уединеннымъ, требующимъ продолжительной сосредоточенности. Обязанности, которыя я полагаю возложить на товарищей прокурора требуютъ ума живого и быстраго, находчиваго при отрывочныхъ занятіяхъ, наклоннаго къ подвижности и внѣшней дѣятельности. Непосредственное наблюденіе и изученіе біографій людей занимавшихся убѣдили меня, что эти два отдѣльныхъ рода способностей и наклонностей несовмѣстимы въ одномъ и томъ же человѣкѣ;

2) въ доказательство необходимости образовать при каждомъ судебномъ мѣстѣ особое статистическое учрежденіе можно привести слѣдующія слова изъ записки сардинской комиссіи судебной статистики, читанной на международномъ статистическомъ конгрессѣ, въ Парижѣ въ сентябрѣ 1855 года.

„Извѣстно, что во всѣхъ странахъ введеніе новаго устава должно первоначально бороться съ предразсудками, привычками и неудовольствіями лицъ, заинтересованныхъ въ прежнемъ порядкѣ, съ незнаніемъ и рутиною, естественными врагами всякаго нововведенія. Подобное противодѣйствіе реформѣ преимущественно встрѣчаютъ новые уставы судопроизводства. Новый сардинскій уставъ судопроизводства первые мѣсяцы его введенія былъ предметомъ критикъ самаго противоположнаго содержанія, но сходныхъ

Весьма большой интересъ возбудилъ у составителей замѣчаній мировой институтъ, по поводу котораго высказано было много и притомъ очень разнообразныхъ соображеній. Чтобы дать представленіе объ этой сторонѣ замѣчаній на Основныя Положенія, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ видѣ самыхъ краткихъ тезисовъ: составители замѣчаній находили, что: 1) надо опредѣлить время и мѣсто избранія мировыхъ судей; 2) опредѣлить права избирательнаго голоса и составить предварительно, по уѣздамъ, списки имѣющихъ право избирать; разъяснить—распространяется ли это на духовенство и въ какой степени; 3) разъяснить—могутъ ли лица женскаго пола передавать свое выборное право, по недвижимой собственности, родственникамъ и уполномоченнымъ; 4) при выборѣ судей всѣ сословія должны имѣть, по возможности, одинаковое число избирателей; 5) предоставить выборъ мировыхъ судей дворянамъ, имѣющимъ значительное состояніе или таковые же чины; 6) мировыхъ судей назначать отъ правительства, участковыхъ—по выборамъ; 8) ограниченіе срока службы мирового судьи тремя годами неудобно; 9) оставить мировыхъ судей и болѣе трехъ лѣтъ, пока сами не будутъ просить увольненія или пока начальство не признаетъ нужнымъ избрать на ихъ мѣсто другихъ; 10) опытные и благонадежные мировые судьи, по прослуженіи

между собою въ томъ, что всѣ онѣ были выражены неопредѣленно, безъ подкрѣпленія положительными фактами. Несмотря на то, что этотъ уставъ составлялъ почти одинъ только переводъ французскаго судопроизводства, высшее правительство Сардиніи признало, что одинъ только опытъ можетъ указать достоинство или недостатки новыхъ судопроизводственныхъ формъ. Вслѣдствіе сего, закономъ 16 іюля 1854 года повелѣно что новый сардинскій уставъ, получившій законную силу съ 1 апрѣля 1853 года, долженъ былъ подвергнуться пересмотру законодательной власти съ 1858 года.

Составленіе экспериментальной статистики примѣненія новаго устава судопроизводства признано единственнымъ раціональнымъ средствомъ добыть основательные матеріалы для сужденія объ удобствахъ или неудобствахъ новаго устава. Эта статистика составляется слѣдующимъ образомъ: въ кассаціонномъ, апелляціонномъ и окружномъ судахъ заведены особые и однообразные регистры, въ которые ежедневно вносится слѣдующее: 1) указаніе статей устава, относительно которыхъ при производствѣ дѣлъ возникли сомнѣнія и вопросы; 2) какимъ образомъ полагали примѣнить эти статьи къ дѣлу участвующія въ дѣлѣ лица, прокурорское учрежденіе и члены суда; 3) соображенія, послужившія основаніемъ судебныхъ рѣшеній. Всѣ эти наблюденія собираются и распредѣляются систематически по статьямъ устава для представленія въ свое время законодательной власти, которая, на основаніи этихъ данныхъ, можетъ положительно судить, какія статьи устава подлежатъ измѣненію, дополненію или отмѣнѣ.

Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966. Соображенія губернскаго прокурора Ѳедора Вешнякова относительно Основныхъ Положеній преобразованія судебной части въ Россіи, судоустройство, стр. 153—156.

3-хъ лѣтъ, не только могутъ, но и должны быть, въ случаѣ ихъ согласія, оставлены и на слѣдующія трехлѣтія; 11) выбирать на гораздо большіе сроки, чѣмъ на три года; 12) разъяснить—могутъ ли тѣ же лица, по выслугѣ трехъ лѣтъ, быть избраны вновь въ мировые судьи; 13) выбирать мировыхъ судей на безсрочное время, привлекая ихъ къ отвѣтственности передъ судомъ; 14) дозволить выбирать въ мировые судьи, на безсрочное время, чиновниковъ, извѣстныхъ по своей честности и опытности.

Наибольшее неудовольствіе вызвало постановленіе 15 ст. учр. суд. мѣстъ, въ силу которой списокъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, повѣряется губернаторами. Въ критикѣ этой статьи сказалось давнишнее недовѣріе и нерасположеніе мѣстнаго общества къ „хозяину губерніи". Елабужскій (Вятской губерніи) уѣздный судья, Горбалевъ, находилъ, что повѣрка губернаторами списковъ мировыхъ судей: во 1-хъ, противорѣчитъ 1-й статьѣ Основныхъ Положеній; во 2-хъ, такъ какъ губернаторъ имѣетъ много занятій, то его повѣрка будетъ или безцѣльна или лицепріятна, а потому онъ предлагалъ—повѣрку списковъ предоставить особымъ комиссіямъ. Предсѣдатель Бессарабскаго коммерческаго суда, Гризовъ, также находилъ это противорѣчіе, а потому предлагалъ составленіе списковъ мировымъ судьямъ передать предводителямъ дворянства, городскимъ и волостнымъ головамъ, бургомистрамъ, а повѣрку этихъ списковъ предоставить особой комиссіи избирателей.

Сорокскій (Бессараб. обл.) прокуроръ, Голишевскій, на томъ же основаніи предлагалъ составленіе списковъ передать комиссіи, учрежденной отъ всѣхъ сословій, подъ наблюденіемъ члена окружного суда; повѣрка списка должна быть предоставлена имъ прокурору или предсѣдателю окружного суда.

„Для чего, пишетъ воронежскій уѣздный судья Мишинъ, списокъ кандидатовъ на должность мировыхъ судей повѣряется губернаторомъ; многіе ли извѣстны начальнику губерніи съ хорошей стороны. Однихъ онъ видѣлъ, бывши въ клубѣ или въ общественномъ собраніи, гдѣ нельзя точно опредѣлить внутреннихъ достоинствъ человѣка; объ остальныхъ слышалъ; но слухи часто бываютъ невѣрны, по причинамъ неисчислимымъ. Общество — лучшій цѣнитель сочленовъ своихъ; дайте ему полное довѣріе:

мнѣніе общества тогда только можетъ выражаться правильно и честно, когда не стѣснено вліяніями; такія вліянія постоянно вредили достоинству дворянскихъ выборовъ и большинство лицъ, обвиняющихъ это сословіе, не принимало труда вникнуть въ настоящую причину зла". „Въ 1-мъ параграфѣ Основного Положенія, разсуждаетъ черниговскій помѣщикъ Калиновскій, объяснено, что власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной. Этотъ выводъ полученъ прямо изъ практики, по неудобству столкновенія властей, что у насъ повторялось въ различныхъ видахъ. Придя къ такому заключенію, нельзя допустить, чтобы губернаторы могли по произволу кассировать списки мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей. Списки эти должны быть приготовлены судебными мѣстами, съ непосредственной отвѣтственностью за правильное ихъ составленіе; ибо ограниченіе правъ къ занятію должности, или къ участію въ общественной дѣятельности не можетъ иначе послѣдовать, какъ по суду. Разбирая съ должнымъ безпристрастіемъ силу и предѣлы отдѣльныхъ властей, направленныхъ къ общему благоустройству, и обращаясь къ власти судебной въ соотношеніи съ административной, естественно приходимъ къ тому заключенію, что первая, то есть власть судебная, должна стоять независимо, выше послѣдней. Наоборотъ, зависимость администраціи отъ суда настолько естественна, насколько всякое исполненіе зависитъ отъ приказаній. Судебная власть, на самомъ дѣлѣ, есть блюстительница и хранительница всего смысла законодательнаго, осуществляя и воплощая общую пользу и благо, по мѣрѣ опредѣленныхъ законами способовъ. Слѣдовательно, власти исполнительная и распорядительная, по естественному ходу вещей, споспѣшествуя совершенію суда и содѣйствуя къ достиженію благоустройства, какъ простое орудіе, составляютъ зависимыя отъ суда учрежденія. У насъ доселѣ, наперекоръ справедливому соображенію, не было основательнаго разграниченія и потому часто администраторы стояли выше суда, личнымъ произволомъ и вліятельно дѣйствовали на судебныя мѣста".

Всѣ приведенныя извлеченія изъ замѣчаній на Основныя Положенія судебнаго преобразованія свидѣтельствуютъ о несомнѣнной ихъ цѣнности, какъ голоса мѣстныхъ людей, много думавшихъ надъ вопросомъ о водвореніи правосудія въ родной землѣ, почему естественно задаться вопросомъ, имѣли ли они

вліяніе при составленіи окончательныхъ проектовъ Уставовъ. На этотъ вопросъ, кажется, слѣдуетъ отвѣтить положительно. Бутковъ и его сотрудники чутко прислушивались къ голосу общественнаго мнѣнія и, лишенные мелкаго авторскаго самолюбія, охотно принимали во вниманіе высказанныя замѣчанія и соображенія. Конечно, они не могли воплотить въ жизнь всѣ тѣ полезныя указанія, которыя шли къ нимъ съ разныхъ сторонъ, такъ какъ имъ приходилось близко придерживаться Основныхъ Положеній, чтобы не затянуть дѣло составленія Судебныхъ Уставовъ, ибо сколько нибудь значительныя измѣненія могли вызвать, и навѣрно вызвали бы, недовольство нѣкоторыхъ вліятельныхъ круговъ и серьезныя тренія, но въ предѣлахъ возможнаго они воспользовались замѣчаніями. Такъ принято было указаніе, чтобы прекращеніе дознаній, заключающихъ въ себѣ происшествія, по коимъ нѣтъ въ виду преступленія или нѣтъ лица, которое можно было бы привлечь къ отвѣтственности, производилось прокуратурой безъ участія судебной власти; точно также и указаніе на отнесеніе къ вѣдомству мирового судьи дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія только тогда, когда жалоба будетъ подана въ опредѣленный закономъ короткій срокъ. Многочисленныя замѣчанія о необходимости допущенія къ избранію въ мировые судьи и лицъ, не владѣющихъ недвижимостью, приняты съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ такомъ случаѣ избраніе должно послѣдовать единогласно; приняты были еще указанія о пріостановленіи исполненія заочныхъ рѣшеній, на которыя поданъ отзывъ и пр.

Нельзя не замѣтить, что цѣлый рядъ пожеланій авторовъ „замѣчаній“ былъ осуществленъ впослѣдствіи.

IV. Составленіе проектовъ Судебныхъ Уставовъ.

Утверждая Основныя Положенія судебной реформы, Государь повелѣлъ: составленіе окончательныхъ проектовъ Уставовъ поручить Государственной Канцеляріи, образовавъ въ составѣ ея для этой цѣли особую комиссію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ государственнаго секретаря; въ эту комиссію членами назначить не только чиновниковъ Государственной Канцеляріи, но и другихъ лицъ, преимущественно юри-

стовъ, отъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и отъ Министерства Юстиціи; предоставить государственному секретарю каждую, оконченную комиссіею работу сообщать на предварительное разсмотрѣніе главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и министра юстиціи, а также, по частямъ, и тѣмъ изъ другихъ министровъ и главноуправляющихъ, до коихъ дѣло будетъ касаться; по полученіи же ихъ отзывовъ вносить работу вмѣстѣ съ окончательными соображеніями комиссіи, въ Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, всю вдругъ, или частями, какъ это, по ближайшему соображенію предсѣдателя сихъ Департаментовъ и соглашенію его съ государственнымъ секретаремъ, окажется возможнымъ и удобнымъ. Комиссіи, при всѣхъ вообще порученныхъ ей работахъ, въ точности руководствоваться Основными Положеніями преобразованія судебной части, принимая въ соображеніе и тѣ сужденія Государственнаго Совѣта, на основаніи которыхъ эти Положенія постановлены.

Такъ какъ для точнаго и успѣшнаго окончанія порученнаго комиссіи дѣла, ей необходимо имѣть въ виду свѣдѣнія о составѣ, кругѣ дѣйствій и дѣлопроизводствѣ различныхъ судебныхъ мѣстъ, то было предоставлено государственному секретарю войти въ соглашеніе съ министромъ юстиціи о доставленіи въ комиссію всѣхъ необходимыхъ для нее свѣдѣній и данныхъ, которыя Министерствомъ могутъ быть собраны.

Вслѣдствіе этого государственный секретарь приступилъ немедленно же къ организаціи комиссіи [1]), причемъ призналъ необходимымъ привлечь къ участію въ ея работахъ, не только тѣхъ чиновъ Государственной Канцеляріи и юристовъ, которые принимали участіе въ предварительныхъ работахъ по составленію Основныхъ Положеній, но и другихъ лицъ, теоретически и практически знакомыхъ съ юриспруденціей и вообще своею опытностью имѣющихъ возможность принести дѣйствительную

[1]) Любопытно отмѣтить, что Бутковъ еще за два дня до утвержденія Основныхъ Положеній, а именно 27 сентября 1862 г. писалъ министру юстиціи гр. Панину, что Государь утвердилъ предположеніе Госуд. Совѣта объ учрежденіи комиссіи для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ и просилъ назначить отъ М. Ю. чиновника, изъ тѣхъ, кому болѣе или менѣе подробно извѣстны дѣла Мин-ства; на другой день, 28 сент. отъ Мин. Юст. былъ назначенъ бар. Врангель. Отсюда видно, какъ торопились съ дѣломъ судебн. преобразованія (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992).

пользу комиссіи. Успѣхъ этого важнаго и обширнаго дѣла, писалъ въ одномъ изъ докладовъ Бутковъ, „зависѣлъ конечно болѣе всего отъ лицъ, въ составъ комиссіи призванныхъ, и потому государственный секретарь счелъ самою главною и важною обязанностью своею привлечь къ этому дѣлу такія лица, участіе коихъ въ предстоящей комиссіи работѣ могло быть порукою того, что работа комиссіи будетъ вполнѣ удовлетворять общему желанію и общему ожиданію“ [1]).

Вновь созданная комиссія раздѣлилась, для успѣшнѣйшаго производства всѣхъ предварительныхъ работъ, на три особыя отдѣленія: отдѣленіе судоустройства, которое было составлено подъ предсѣдательствомъ Плавскаго, изъ барона Врангеля, Да-

---

[1]) „На этомъ основаніи въ составъ комиссіи были назначены слѣдующія лица, принадлежащія или принадлежавшія къ составу Государственной Канцеляріи—состоящій при сей канцеляріи т. с. Плавскій; ему, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, было поручено предсѣдательствовать въ комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда государственный секретарь не можетъ быть въ засѣданіяхъ оной; исправляющіе должность статсъ-секретарей Департаментовъ Государственнаго Совѣта: Законовъ—д. с. с. Зарудный и Гражданскихъ Дѣлъ—д. с. с. Зубовъ; помощники статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта: ст. сов. Шубинъ и Есиповичъ и кол. сов. князь Волконскій и Любимовъ; экспедиторъ Государственной Канцеляріи над. сов. Вилинбаховъ, на коего было возложено управленіе дѣлопроизводствомъ комиссіи; секретарь при предсѣдателѣ Департамента Законовъ—надв. сов. Желтухинъ и причисленный къ Канцеляріи магистръ правъ Утинъ.

Правительствующаго Сената—д. с. с: оберъ-прокуроръ Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Буцковскій, оберъ-секретарь сего же Общаго Собранія (нынѣ оберъ-прокуроръ VIII-го департамента) Побѣдоносцевъ; бывшіе оберъ-секретари Сената: д. с. с. Квистъ (впослѣдствіи производитель дѣлъ Комиссіи прошеній) и ст. сов. Крейтеръ (нынѣ начальникъ отдѣленія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ), и бывшій секретарь Сената надв. сов. Рѣпинскій (нынѣ начальникъ отдѣленія въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ).

II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—состоящіе при Отдѣленіи т. с. Бреверн и д. с. с. Бычковъ; старшій чиновникъ Отдѣленія д. с. с. Даневскій и помощникъ старшаго чиновника кол. сов. Перетцъ.

Министерства Юстиціи—въ должности директора департамента сего Министерства д. с. с. баронъ Врангель; членъ консультаціи д. с. с. Калачовъ и бывшій помощникъ юрисконсульта Министерства Юстиціи надв. сов. Книримъ.

Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — вице-директоръ медицинскаго департамента ст. сов. Розовъ (для участія въ сужденіяхъ по вопросамъ, касающимся судебной медицины) и состоящій при Министерствѣ М. Зарудный (бывшій членъ отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ Екатеринославской губерніи).

Губернскихъ судебныхъ учрежденій—предсѣдатели судебныхъ палатъ: С.-Петербургской уголовной (нынѣ оберъ-прокуроръ 2-го отдѣленія V-го департамента Правительствующаго Сената) д. с. с. Ковалевскій и Курской гражданской — ст. сов. Шечковъ; товарищи предсѣдателей гражданскихъ палатъ: ст. сов., Черниговской — Баршевскій и Екатеринославской — Гуринъ и губернскіе прокуроры: московскій — ст. сов. Ровинскій, могилевскій—надв. сов. Поповъ и симбирскій—надв. сов. Принтцъ. Первоначальный составъ комиссіи былъ значительно меньше; въ составъ ея входили: Плавскій, Буцковскій, Стояновскій, Зарудный, Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Шубинъ, Есиповичъ, Любимовъ, Вилинбаховъ, Желтухинъ.

невскаго, Есиповича, Желтухина, Крейтера, Принтца и Ровинскаго; отдѣленіе уголовнаго судопроизводства, подъ предсѣдательствомъ Буцковскаго, было составлено изъ Бреверна, Есиповича, М. Заруднаго, Зубова, Ковалевскаго, Любимова, Перетца, Попова, Принтца, Розова и Утина; наконецъ отдѣленіе гражданскаго судопроизводства, которое было составлено подъ предсѣдательствомъ Заруднаго, изъ Баршевскаго, Бычкова, Вилинбахова, князя Волконскаго, Гурина, Калачева, Квиста, Книрима, Побѣдоносцева, Рѣпинскаго, Шечкова и Шубина.

Соединеніе всѣхъ трехъ отдѣленій составляло общее собраніе комиссіи, бывшее подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря. Въ занятіяхъ этого общаго собранія, а также въ занятіяхъ нѣкоторыхъ отдѣленій, принимали участіе сенаторы Любощинскій и Матюнинъ.

Кромѣ этого, для большаго успѣха въ исполненіи порученнаго комиссіи дѣла, какъ въ отдѣленія, такъ и въ общее собраніе ея приглашались разныя лица, своею опытностью и своими познаніями могущія принести пользу разсматриваемымъ работамъ. Такъ, въ комиссію приглашались и въ занятіяхъ ея участвовали, смотря по роду разсматриваемыхъ комиссіею дѣлъ: „всѣ статсъ-секретари Государственнаго Совѣта, многіе изъ оберъ-прокуроровъ и оберъ-секретарей Правительствующаго Сената, генералъ-аудиторы Военнаго и Морского Министерствъ, нѣкоторые мировые посредники и чины земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, многіе члены состоящей при Министерствѣ Финансовъ податной комиссіи, предсѣдатели и товарищи предсѣдателей судебныхъ палатъ и С.-Петербургскаго коммерческаго суда, нѣкоторые профессора правъ, присяжные стряпчіе коммерческихъ судовъ, судебные слѣдователи, чиновники исполнительныхъ полицій и многія другія лица, кои участіемъ въ порученномъ комиссіи дѣлѣ могли принести дѣйствительную пользу оному". Привлеченіе разныхъ лицъ къ дѣлу судебнаго преобразованія производилось съ большою осмотрительностью, умѣньемъ и тактомъ, — это большая заслуга Буткова, который владѣлъ даромъ выбирать людей и направлять даже самыя сложныя дѣла [1]).

[1]) Повидимому, забота о выборѣ подлежащаго, вполнѣ достойнаго представителя не была чужда и Министерству Юстиціи, которое еще управлялось Панинымъ при помощи его вѣрнаго сотрудника Топильскаго. Предлагая назначить бар. Врангеля, Топильскій

Находя необходимымъ имѣть въ распоряженіи комиссіи нѣкоторыя фактическія данныя, государственный секретарь испросилъ Высочайшее разрѣшеніе командировать членовъ комиссіи Ковалевскаго и Ровинскаго для собранія по губерніямъ, которыя должны были войти въ составъ округовъ будущихъ судебныхъ палатъ, С.-Петербургской и Московской, самыхъ подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности разныхъ судебныхъ учрежденій; кромѣ того имъ поручено было выяснить число тѣхъ дѣлъ полицейскихъ установленій, которыя по Основнымъ Положеніямъ преобразованія судебной части должны будутъ перейти изъ вѣдомства полиціи въ вѣдомство суда и вообще о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, кои необходимы для введенія въ двухъ означенныхъ округахъ новыхъ уставовъ, когда они будутъ утверждены. По С.-Петербургскому округу собраніе этихъ свѣдѣній и составленіе основанныхъ на нихъ соображеній поручено Ковалевскому, а по Московскому—Ровинскому.

Порядокъ работъ, принятый въ комиссіи, былъ слѣдующій: всѣ вообще работы каждаго отдѣленія, по составленіи имъ общаго конспекта каждаго устава, были раздѣлены между редакторами, по взаимному между ними соглашенію. Каждый редакторъ порученную ему работу соображалъ съ дѣйствующими законами и съ замѣчаніями, поступившими въ комиссію, а также съ законодательствами иностранныхъ государствъ. По соображеніи такимъ образомъ предстоящей работы, редакторъ приступалъ уже къ составленію проектовъ тѣхъ статей, которыя касались порученнаго его развитію предмета. Редакторы каждаго отдѣленія имѣли постоянныя совѣщанія между собою, а когда одна часть какой либо работы была приводима ими къ окончанію, то она печаталась, разсылалась ко всѣмъ членамъ отдѣленія и обсуждалась въ полномъ его составѣ. Къ этому обсужденію отдѣленіе приглашало членовъ другихъ отдѣленій и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, свѣдѣнія и опытность которыхъ могли разъяснить встрѣчаемыя отдѣленіемъ недоразумѣнія. По тщательномъ, такимъ образомъ, разсмотрѣніи и исправленіи проектовъ, составлялись цѣлыя главы, раздѣлы и книги устава по конспекту, принятому отдѣленіемъ сначала. По мѣрѣ изго-

писалъ въ докладѣ, что Врангель занимался проектами и служебнымъ положеніемъ своимъ соотвѣтствуетъ указаніямъ Буткова, отношенія его къ Зарудному, Стояновскому и другимъ дѣятелямъ весьма хороши (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992).

товленія отдѣльныхъ частей каждаго устава, приготовленныя такимъ образомъ части, по отпечатаніи, разсылались ко всѣмъ членамъ комиссіи и послѣ того какъ тѣ достаточно съ ними ознакомились, такія части подробно разсматривались и обсуждались въ общемъ собраніи комиссіи. Общія собранія составлялись подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря изъ членовъ всѣхъ отдѣленій и изъ другихъ лицъ, призванныхъ къ участію въ этомъ дѣлѣ. Въ общее собраніе приглашались также и тѣ эксперты, которые участвовали въ обсужденіи предварительныхъ работъ въ отдѣленіяхъ. По составленіи, разсмотрѣніи и обсужденіи комиссіею въ этомъ порядкѣ окончательно обрабатывалась каждая часть устава и приводилась въ соглашеніе, какъ съ прочими частями того же устава, такъ и съ другими, составленными комиссіею уставами и учрежденіемъ. Собранія редакторовъ отдѣленій происходили ежедневно, а иногда и по два раза въ день. Отдѣленія, въ полномъ ихъ составѣ, имѣли слѣдующее число засѣданій: отдѣленіе судоустройства 47, отдѣленіе уголовнаго судопроизводства 89 и отдѣленіе гражданскаго судопроизводства 91. Общихъ собраній комиссіи было 43.

Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о порученіи особой комиссіи при Государственной Канцеляріи составить проекты законоположеній о преобразованіи судебной части, на началахъ Государемъ одобренныхъ, между прочимъ, было сказано, что каждую конченную комиссіею работу государственный секретарь долженъ сообщать на предварительное разсмотрѣніе главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и министра юстиціи и по полученіи ихъ отзывовъ вносить работу, вмѣстѣ съ окончательными соображеніями комиссіи, въ Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта. Впослѣдствіи, Государь, по докладу государственнаго секретаря, принявъ во вниманіе, что этотъ порядокъ можетъ замедлить работу комиссіи, повелѣлъ: по окончаніи и отпечатаніи уставовъ вносить ихъ прямо въ Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, откуда и сообщать всѣмъ членамъ Департаментовъ, въ томъ числѣ главноуправляющему II Отдѣленіемъ и управляющему Министерствомъ Юстиціи, съ тѣмъ, чтобы они замѣчанія свои по этимъ работамъ изложили въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ общеустановленнымъ порядкомъ.

Бутковъ, повидимому, опасался препятствій во время работы со стороны министра юстиціи гр. Панина, и поэтому испросилъ Высочайшее повелѣніе о томъ, что Министерство Юстиціи обязано доставлять всѣ необходимыя комиссіи свѣдѣнія „безъ всякаго замедленія и не позже какъ въ семидневный срокъ съ тѣмъ, что если въ этотъ срокъ требуемыя комиссіей дѣла и свѣдѣнія не будутъ доставлены, то государственный секретарь долженъ доводить о томъ до свѣдѣнія Государя Императора“ [1]).

Годъ съ небольшимъ длилась подъ умѣлымъ руководствомъ Буткова энергическая работа комиссіи и 24 декабря 1863 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи составленныхъ ею: 1) учр. суд. мѣстъ, 2) уст. уг. суд. и 3) уст. гр. суд. съ объяснительными записками на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ Гражданскаго и Законовъ Государственнаго Совѣта, причемъ Государь выразилъ желаніе, чтобы разсмотрѣніе всѣхъ вообще проектовъ, касающихся преобразованія въ Госуд. Совѣтѣ кончить непремѣнно до наступленія вакантнаго въ 1864 г. времени.

Въ запискѣ, составленной ко дню внесенія проектовъ комиссіи въ Государственный Совѣтъ, Бутковъ указывалъ, что комиссія, руководствуясь Основными Положеніями, при развитіи ихъ, принимала въ соображеніе и законы, нынѣ у насъ дѣйствующіе, и начала, выработанныя какъ наукою, такъ и опытомъ другихъ государствъ, гдѣ давно уже существуетъ вводимая нынѣ у насъ система судопроизводства, а также замѣчанія людей свѣдущихъ и опытныхъ, и наконецъ, свѣдѣнія, собранныя по разнымъ мѣстностямъ Имперіи. Тѣмъ не менѣе, трудъ комиссіи былъ, по словамъ Буткова, „не взирая на всѣ ея старанія и усилія, далекъ отъ совершенства. Преобразованіе судебной части на началахъ, Основными Положеніями указанныхъ, есть дѣло совершенно новое,—а наша судебная практика, сложившаяся при нынѣшнемъ порядкѣ, не представляетъ достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія многихъ, возникавшихъ при этой работѣ вопросовъ. Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла, и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ уставовъ судопроизводствъ и учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта,

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992, л.л. 13—15, отношеніе государственнаго секретаря Буткова.

исправленіи со временемъ сихъ уставовъ и учрежденія, будутъ тщательно охраняемы начала, преподанныя Основными Положеніями, и если при томъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, какъ это указано Его Императорскимъ Величествомъ въ первой статьѣ Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Въ настоящее время комиссія убѣждена вполнѣ только въ одномъ, что преобразованіе судебной части на основаніяхъ, указанныхъ Его Величествомъ и развитыхъ комиссіею въ составленныхъ ею проектахъ, не терпитъ отлагательства и что посему оно, сколь возможно скорѣе, должно быть введено повсемѣстно" [1]).

Въ то время, какъ вырабатывались окончательные проекты учр. судебн. мѣстъ и уст. уг. и гр. суд. правительство было озабочено приведеніемъ матеріальнаго уголовнаго законодательства въ соотвѣтствіе съ намѣченнымъ судебнымъ строемъ и новыми процессуальными правилами, причемъ для всѣхъ, вникавшихъ въ существо дѣла лицъ, являлось очевидной необходимость составить особый кодексъ маловажныхъ проступковъ, подсудныхъ мировой юстиціи.

Мысль о созданіи такого кодекса не представляла ничего новаго, такъ какъ во многихъ законодательствахъ дѣянія, воспрещенныя подъ страхомъ наказанія, раздѣлялись на двѣ группы—преступленія и полицейскія нарушенія—и относились къ двумъ разнымъ кодексамъ. Это раздѣленіе, не имѣя обыкновенно никакого принципіальнаго обоснованія, заключало въ себѣ однако значительное практическое удобство для низшихъ судебныхъ или административныхъ органовъ, которымъ поручалось разсматривать маловажные проступки. Въ Россіи вопросъ о созданіи кодекса маловажныхъ проступковъ былъ впервые возбужденъ М. М. Сперанскимъ, который составилъ и внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ судебно-полицейскаго устава, но проектъ этотъ остался безъ движенія.

При составленіи Уложенія о Наказ. 1845 г., вопросъ объ отдѣленіи маловажныхъ проступковъ, предоставленныхъ непосредствен-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. О преобр. суд. ч. въ Россіи. 1864 г., ч. I. №№ 44, 47, 48, л.л. 1, 26 и 27.

ной полицейской расправѣ, отъ преступленій подлежащихъ вѣдомству уголовнаго суда былъ предметомъ особыхъ подробныхъ соображеній. Составители этого Уложенія сознавали практическую важность и пользу такого раздѣленія и сперва имѣли въ виду созданіе двухъ различныхъ кодексовъ, но впослѣдствіи изъ-за цѣлаго ряда затрудненій были вынуждены отказаться отъ первоначальной мысли.

Вопросъ этотъ былъ вновь выдвинутъ требованіями жизни, уже въ царствованіи Императора Александра II, а именно въ 1859 году.

Особая комиссія изъ членовъ Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ, обратила вниманіе на слабую дѣятельность полиціи къ открытію преступниковъ, а также и на то, что у насъ огромное количество уголовныхъ дѣлъ, изъ коихъ, можетъ быть, значительная часть не заключаетъ въ себѣ особенной важности, разсматривается въ судебныхъ инстанціяхъ, подчиняясь всѣмъ обрядамъ и формамъ судопроизводства, соблюденіе которыхъ, требуя весьма продолжительнаго времени, бываетъ причиною и долговременнаго содержанія подъ стражею. Вслѣдствіе этого, въ тюрьмахъ скопляется много такихъ арестантовъ, которые и по окончательномъ ихъ осужденіи, приговариваются лишь къ легкому исправительному наказанію и для которыхъ, слѣдовательно, содержаніе подъ стражей во время слѣдствія и суда несравненно тягостнѣе того взысканія, коему они подвергаются по судебному приговору. Между тѣмъ, эти арестанты, во время содержанія въ тюрьмахъ, теряютъ остатокъ нравственности и обременяютъ казну безполезнымъ содержаніемъ своимъ. Для устраненія такого неудобства, противнаго строгой справедливости, комиссія признавала необходимымъ пересмотрѣть наши постановленія о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ судебно-полицейскимъ или сокращеннымъ порядкомъ, въ видахъ расширенія, по возможности, пространства дѣйствій и степени власти такого суда и уменьшенія числа содержащихся въ тюрьмахъ. Потребность новаго пересмотра оказывается, по мнѣнію комиссіи, тѣмъ болѣе ощутительною, что законы наши, опредѣляющіе сущность и правила означеннаго порядка судопроизводства, заключаютъ въ себѣ такъ много изъятій, что въ настоящее время, вѣро-

ятно, незначительная только часть дѣлъ по проступкамъ оканчивается производствомъ въ полиціи.

Журналъ этой комиссіи былъ слушанъ въ апрѣлѣ 1859 г. въ Совѣтѣ Министровъ и по приказанію Государя указанныя разсужденія переданы главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графу Блудову.

Войдя въ разсмотрѣніе этихъ разсужденій и предположеній комиссіи и сопоставляя ихъ съ Высочайше утвержденными уже началами для устройства уѣздной полиціи, въ которыхъ постановлено при опредѣленіи предметовъ вѣдомства и обязанностей полицейскаго управленія имѣть постоянно въ виду—чтобы власть судебная по возможности была отдѣлена отъ власти исполнительной, ограничивъ эту послѣднюю исключительно полицейскими обязанностями — графъ Блудовъ приходилъ къ выводу о необходимости создать для болѣе мелкихъ дѣлъ мировыхъ судей, а въ руководство имъ особый кодексъ [1]).

Отправляясь въ своихъ работахъ по этому предмету отъ Уложенія 1845 года II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи составило прежде всего выписку всѣхъ статей Уложенія и постановленій, относящихся къ такимъ нарушеніямъ закона, которыя по самому существу нарушенныхъ ими правилъ и „незначительности опредѣленныхъ за сіе взысканій должны быть отнесены къ разряду проступковъ собственно полицейскихъ, требующихъ скораго, мѣстнаго разсмотрѣнія“. На это извлеченіе Блудовъ смотрѣлъ, какъ на опытъ судебно-полицейскаго устава, какъ на проектъ, который долженъ подлежать тщательному, во всѣхъ подробностяхъ, разсмотрѣнію и соглашенію съ прочими статьями Уложенія. Впослѣдствіи состоялось Высочайшее повелѣніе II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи составить проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ; при исполненіи этого порученія прежде всего представился вопросъ, должно ли уставъ о взысканіяхъ раздѣлить, подобно Уложенію, на общую и особенную части. Съ перваго взгляда, говорится въ объяснительной запискѣ къ уставу, могло бы показаться, что для дѣлъ о про-

[1]) Объяснительная записка къ проекту правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судей.

ступкахъ, входящихъ въ этотъ проектъ, какъ по свойству ихъ, такъ и по опредѣленнымъ за нихъ взысканіямъ, вовсе не нужно руководство, помѣщенное въ общей части Уложенія о Наказаніяхъ; однако, желая устранить всякій поводъ къ произволу и принимая въ соображеніе единоличный составъ суда, а также возможность избранія въ мировые судьи лицъ, не получившихъ основательнаго юридическаго образованія, II Отдѣленіе признало полезнымъ, по примѣру многихъ иностранныхъ судебно-полицейскихъ кодексовъ, предпослать и настоящему уставу общую часть, для руководства мировымъ судьямъ при рѣшеніи дѣлъ; при этомъ не нашли однако нужнымъ излагать въ этой общей части всѣ тѣ подробныя опредѣленія и раздѣленія, какія находятся въ соотвѣтствующихъ ей главахъ Уложенія о Наказаніяхъ, потому что проступки, составляющіе предметъ настоящаго проекта, при незначительности большей ихъ части, не допускаютъ примѣненія къ нимъ правилъ о покушеніи, участіи, умыслѣ, предумышленіи и т. п., начертанныхъ преимущественно для важныхъ преступленій. Вслѣдствіе этого, рѣшено было ограничиться одною вводною главою, въ которой, не вдаваясь въ слишкомъ подробныя опредѣленія, означить лишь самыя основныя правила по указанному предмету.

Составленный II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомственные мировымъ судьямъ, неоднократно дополнялся и исправлялся чинами этой Канцеляріи и окончательную форму принялъ лишь въ 1864 году, когда и внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ окончательномъ видѣ уставъ состоялъ изъ 206 статей, изъ которыхъ 27 относилось къ общей его части, а въ остальныхъ 179 излагались постановленія о проступкахъ и наказаніяхъ.

Въ первой статьѣ проекта говорилось, что мировые судьи опредѣляютъ наказанія только за тѣ проступки, которые въ этомъ уставѣ указаны. Въ объяснительной запискѣ упоминалось, что основаніемъ для составленія устава послужило Уложеніе о Наказаніяхъ и отчасти сельскій судебный уставъ, но что по спеціальности устава для мировыхъ судей, а также вслѣдствіе измѣнившихся со времени изданія Уложенія взглядовъ и потребностей, оказалось необходимымъ отступить въ нѣкоторыхъ частяхъ отъ системы и постановленій общаго уголов-

наго кодекса, „при опредѣленіи же самыхъ проступковъ признано нужнымъ означать не всѣ встрѣчавшіеся до сихъ поръ уголовные случаи, а по возможности соединять ихъ и подводить подъ общія правила“ [1]). По существу своему новый уставъ значительно отличался отъ Уложенія,—онъ вносилъ упрощеніе правилъ объ отмѣнѣ, увеличеніи и смягченіи наказаній, причемъ въ основу его, по справедливому замѣчанію одного современнаго криминалиста, было положено сознаніе необходимости, съ одной стороны, ограничить произволъ судьи и оградить подсудимыхъ отъ возможной излишней его строгости, а съ другой—дать судьѣ полный просторъ для смягченія взысканій, установивъ лишь необходимыя ограниченія [2]). Нельзя не отмѣтить также мягкости наказаній новаго устава за мелкіе проступки противъ порядка управленія, въ противоположность строгости Уложенія о Наказаніяхъ. Такое ослабленіе репрессіи находилось въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами той эпохи и вполнѣ отражало благожелательное отношеніе государственной власти къ гражданамъ.

V. Замѣчанія на проекты Судебныхъ Уставовъ.

Въ концѣ декабря 1863 г. государственный секретарь сообщилъ министру юстиціи выработанные комиссіею проекты судоустройства и судопроизводства, объявивъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайшее повелѣніе, чтобы замѣчанія свои по проектамъ Министерство Юстиціи, для ускоренія дальнѣйшаго хода дѣла, представляло Государственному Совѣту во время самыхъ засѣданій, предназначенныхъ для разсмотрѣнія этихъ проектовъ. Сознавая однако всю важность предстоявшей судебной реформы и необходимость предварительнаго обсужденія проектированныхъ работъ, въ особенности по спорнымъ вопросамъ, возбудившимъ разногласіе въ комиссіи, Замятнинъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на осуществленіе слѣдующихъ мѣръ: 1) чтобы министру было дозволено главнѣйшія изъ сообра-

[1]) Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собст. Е. И. В. Канц. о составленіи проекта устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. 1861 г. № 36, ч. I.

[2]) Статья проф. Чубинскаго—Судебная реформа, въ III томѣ Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ, изд. Гранатъ, стр. 240 и 241.

женій его по упомянутымъ проектамъ сообщить Государственному Совѣту въ печатныхъ экземплярахъ ко времени, которое будетъ назначено для слушанія дѣла, и затѣмъ представлять Совѣту изустно всѣ тѣ разъясненія, какія окажутся необходимыми; 2) чтобы всѣ работы комиссіи были сообщены на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ, какъ лицамъ, обладающимъ обширными юридическими познаніями и практическою въ судебныхъ дѣлахъ опытностью, и 3) чтобы въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта присутствовалъ товарищъ министра юстиціи Стояновскій.

Для ближайшаго съ своей стороны обсужденія внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, министръ юстиціи образовалъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особыя совѣщательныя засѣданія, въ которыхъ приняли постоянное участіе: товарищъ министра Стояновскій, директоръ департамента баронъ Врангель, вице-директоръ Хвостовъ, начальникъ уголовнаго отдѣленія Шрейберъ, юрисконсультъ Рѣпинскій, правитель канцеляріи министра юстиціи Беръ и нѣкоторые другіе чины подвѣдомственныхъ Министерству учрежденій. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ по три раза въ недѣлю по вечерамъ, по пяти и болѣе часовъ каждое. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій, проектовъ, основаній, приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ комиссіи Буткова, и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій, въ засѣданіяхъ этихъ, по указаніямъ министра юстиціи, устанавливалась сущность замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра юстиціи Стояновскаго, окончательно просматривались самимъ министромъ, печатались и, по мѣрѣ изготовленія, разсылались ко всѣмъ членамъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1100 статей проектовъ, а именно: 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, 300-проекта уголовнаго судопроизводства, 80-проекта устава о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и 120-проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Замѣчанія министра юстиціи, составившія обширный томъ in folio въ 500 слишкомъ страницъ, представляютъ собою не-

обыкновенно тщательное, добросовѣстное и основательное изслѣдованіе составленныхъ комиссіею проектовъ. Нѣкоторыя изъ замѣчаній Замятнина были отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ, но большинство предложенныхъ имъ поправокъ было принято и вошло въ Уставы. Не останавливаясь на сущности сдѣланныхъ имъ замѣчаній, нельзя не отмѣтить той настойчивости, съ какою онъ стремился къ возможному улучшенію положенія будущихъ судебныхъ чиновъ, такъ какъ въ этомъ, между прочимъ, сказалась глубокая преданность Замятнина дѣлу судебной реформы и искренняя его заботливость объ ея успѣхѣ. Сознавая вполнѣ, что, при всѣхъ достоинствахъ проектированныхъ Судебныхъ Уставовъ, бездарные, невѣжественные или недобросовѣстные исполнители могутъ скомпрометировать дѣло судебной реформы, и имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду, что при недостаточности окладовъ судебныхъ чиновъ окажется совершенно невозможнымъ привлечь въ судебное сословіе просвѣщенныхъ и талантливыхъ дѣятелей, Замятнинъ придавалъ надлежащему матеріальному обезпеченію судебныхъ чиновъ столь важное значеніе, что отъ этого ставилъ въ зависимость самую возможность осуществленія судебной реформы. „Если по какимъ либо соображеніямъ, писалъ онъ, признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отмѣнить проектированныя прибавки, то лучше отказаться отъ судебной реформы, лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать реформѣ ложное направленіе, поставить ее въ негодныя условія и отказаться отъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно было бы ожидать отъ предначертанныхъ Уставовъ. Если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ лучшихъ мѣстъ“ [1]).

---

[1]) Сен. Арх. Отчетъ министра юстиціи 1864 г. л.л. 5 и 6, и Истор. очеркъ Мин. Юстиціи за сто лѣтъ.

Замѣчанія министра юстиціи не разъ упоминались въ литературѣ, посвященной Судебнымъ Уставамъ 1864 года; гораздо менѣе извѣстны замѣчанія сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ, которыя черезъ министра юстиціи въ весьма значительномъ количествѣ были направлены въ Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта.

Нѣкоторые сенаторы изложили свои замѣчанія каждый въ отдѣльности, другіе же составили совѣщательныя засѣданія, которыя выработали текстъ замѣчаній, причемъ сенаторы не только подвергли тщательному разбору многія положенія составленныхъ комиссіей проектовъ, но высказали рядъ цѣнныхъ соображеній, о порядкѣ введенія Судебныхъ Уставовъ, когда они будутъ изданы. Сенаторы справедливо разсуждали, что каждое великое преобразованіе должно, между прочимъ, заключать условіе „чтобы введеніе его было заранѣе обезпечено правильными мѣрами и достаточными средствами“ [1]).

Среди вопросовъ, обратившихъ на себя вниманіе сенаторовъ, на первомъ мѣстѣ надо поставить мировой судъ, которому посвящено очень много замѣчаній. „Проекты судопроизводства и судоустройства, говорится въ мнѣніи группы сенаторовъ, преобразуютъ нашу судебную часть всецѣло, во всѣхъ ея отправленіяхъ и орудіяхъ; но самое важное, коренное и полезнѣйшее преобразованіе заключается въ учрежденіи мирового суда. Благотворная мысль, по которой онъ учреждается, очертала и самое устройство его такъ, что въ немъ заключаются первые, вѣрные и наилучшіе способы къ введенію преобразованія.

Это учрежденіе прежде всего удовлетворитъ такимъ именно потребностямъ нашего общества, которыя по всей справедливости можно назвать вопіющими, и вызывающими необходимость преобразованія; ибо оно откроетъ судъ дешевый, ближайшій ко всѣмъ сословіямъ, на самыхъ мѣстахъ, и въ такихъ предметахъ, въ которыхъ достиженіе у насъ правосудія было или затруднительно, или невозможно. Ускорить введеніемъ мирового суда нужно теперь и потому, что мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу оказываютъ свою, въ пространствѣ времени, опредѣленную имъ дѣятельность, тогда какъ предметы ея далеко

---

[1]) Оффиціальный отзывъ о томъ значеніи, которое имѣли замѣчанія сенаторовъ см. Сен. Арх. Всеподд. записки мин. юст. 1864 г., л. 150.

еще не всѣ разрѣшены, а разрѣшеніе ихъ можетъ быть ввѣрено лишь предполагаемому мировому суду. Конечно этотъ судъ въ предначалахъ устройства явится у насъ какъ учрежденіе совершенно новое; но оно такъ соотвѣтствуетъ нашимъ обстоятельствамъ, нуждамъ и нравамъ, что представляется какъ бы извлеченнымъ изъ нихъ, а ежели при томъ мировой судъ составится изъ лицъ, коихъ собственные интересы тѣсно связаны съ благосостояніемъ мѣстъ, гдѣ сосредоточится ихъ дѣятельность, ежели въ мировые суды поступятъ по своему положенію независимые, лучшіе люди земства, то неисчислимы нравственныя и всякія другія благія послѣдствія, которыхъ по справедливости ожидать можно. Съ другой стороны отдѣльное отъ всѣхъ общихъ судебныхъ мѣстъ существованіе мирового суда и подчиненіе его одному Правительствующему Сенату открываютъ возможность ввести этотъ судъ прежде всѣхъ другихъ учрежденій, не говоря уже о томъ, что для сего не потребуется никакихъ отъ государства расходовъ кромѣ жалованья прокурорамъ на мировыхъ съѣздахъ,—въ сложности расхода незначительнаго, и что выборъ мировыхъ судей съ желаемыми въ нихъ качествами представляется самому обществу.

Нельзя сверхъ того не замѣтить, что отдѣльное введеніе мирового суда не произвело бы ни малѣйшаго затрудненія, не возбудило бы никакого вопроса по дѣлопроизводству въ существующихъ судебныхъ мѣстахъ". [1])

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ организаціи мирового института—размѣръ имущественнаго ценза, которымъ должны обладать лица, избираемыя на эту должность, привлекъ къ себѣ большое вниманіе сенаторовъ; одинъ изъ нихъ писалъ, „что до сихъ поръ мѣста, занимаемыя по выборамъ дворянства, кромѣ предводителей, исключительно предоставлялись лицамъ бѣднымъ, нуждающимся въ содержаніи себя на общественный счетъ, отчего большею частью происходили искательства и должности замѣщались лицами, неудовлетворяющими потребности; люди же состоятельные не только не искали, но рѣшительно избѣгали служенія по выборамъ; что же будетъ при увеличенномъ числѣ избирателей изъ всѣхъ сословій. Конечно искатели мѣста, обез-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 10—12. Соображенія сенаторовъ о мѣрахъ приведенія въ исполненіе проектовъ судопр. и судоустройства.

печеннаго порядочнымъ содержаніемъ, найдутъ возможность скорѣе найти сторонниковъ въ своей средѣ и какъ число избирателей будетъ состоять болѣе изъ бѣдныхъ, то имъ легко будетъ получить большинство голосовъ надъ тѣми, которые не только не будутъ искать мѣста, но охотно избѣгать его и учрежденіе мировыхъ судей съ перваго раза попадетъ въ руки искателей, а не тѣхъ, которые могли бы возвысить его. Конечно, бѣдность не порокъ, а богатство не составляетъ достоинства, но оно даетъ возможность къ лучшему образованію и обязываетъ болѣе дорожить своею репутаціею, ближе извѣстною въ обществѣ своихъ согражданъ. Главная цѣль ценза заключается въ томъ, чтобы возвысить званіе мирового судьи, а не уронить на первый разъ на степень становыхъ приставовъ, изъ коихъ рѣдкій не имѣетъ 100 р. дохода въ годъ“ [1]).

За увеличеніе ценза до 500 рублей чистаго годового дохода высказывались и еще нѣкоторые сенаторы [2]), отмѣчавшіе, что такъ какъ цензъ для лицъ, избираемыхъ въ мировые суды установленъ какъ одна изъ дѣйствительныхъ мѣръ для поддержанія достоинства и силы мировыхъ учрежденій и какъ важнѣйшее ручательство, что мировые судьи сохранятъ независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и вліяніе на полицію, которыми пользуются нынѣшніе мировые посредники, то и цензъ долженъ быть довольно высокимъ.

Для правильной и однообразной дѣятельности мировыхъ учрежденій имѣлъ очень важное значеніе вопросъ о томъ, какому судебному установленію будетъ предоставленъ кассаціонный надзоръ за мировыми судьями и ихъ съѣздами. Въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 г. на него не было яснаго отвѣта, въ комиссіи же, составлявшей Судебные Уставы, голоса по этому поводу раздѣлились: семь членовъ полагали возложить кассаціонный надзоръ за мировыми учрежденіями на Сенатъ, а семнадцать членовъ—на мѣстныя судебныя палаты. Второе мнѣніе вызвало противъ себя серьезныя возраженія сенаторовъ, вполнѣ основательно замѣчавшихъ, что окончательное разрѣшеніе дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, возложенное на палаты и отмѣна рѣшеній

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 35—37. Замѣчанія сенатора Зурова на проектъ новаго судоустройства.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣч. сен. Безобразова, стр. 172 и слѣд. и замѣч. сен. Щербинина, стр. 52.

въ кассаціонномъ порядкѣ „суть такія судебныя дѣйствія, которыя, не имѣя ничего между собою общаго, не могутъ быть производимы въ одномъ и томъ же мѣстѣ безъ пожертвованія существенными условіями новаго порядка, долженствующаго опираться на стройное очертаніе круга дѣйствій и степени власти всѣхъ судебныхъ мѣстъ и на сосредоточеніе надзора за точнымъ со стороны ихъ исполненіемъ закона въ высшемъ судебномъ учрежденіи, которымъ по проекту долженъ оставаться Правительствующій Сенатъ". По мнѣнію сенаторовъ это въ особенности имѣетъ важное значеніе въ отношеніи мироваго института,—который съ самаго начала необходимо поставить въ такое положеніе, чтобы всѣ питали къ нему довѣріе и уваженіе, „а достигнуть этого и привлечь въ составъ мировыхъ судей людей достойныхъ и по своему положенію независимыхъ можно не иначе, какъ, поставивъ ихъ въ непосредственную связь съ Сенатомъ и поручивъ ему одному высшее ими руководство и право разсматривать и отмѣнять ихъ рѣшенія. Но поручить это палатамъ значило бы совершенно подчинить имъ мировыя учрежденія; въ такомъ случаѣ эти учрежденія превратились бы въ простыя безъ всякаго нравственнаго значенія уѣздныя инстанціи въ полной зависимости отъ палатъ, которыя по своему вліянію на судебную область образовали бы изъ себя отдѣльные центры съ особенными юридическими понятіями и практикой, тогда какъ Сенатъ оставался бы въ сторонѣ и не имѣлъ бы возможности дѣйствовать соотвѣтственно своему назначенію. Изъ приложенныхъ къ проектамъ объясненій видно, что предположенное въ 131 ст. отступленіе отъ желаемаго и необходимаго порядка основано на одномъ опасеніи множества дѣлъ, могущихъ поступать въ Сенатъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судей и съѣздовъ. На это нельзя не замѣтить прежде всего, что число дѣлъ никогда не должно располагать къ распоряженіямъ, которыя удалили бы учрежденія отъ ихъ цѣли и существенныхъ обязанностей; умноженіе дѣлъ, какъ затрудненіе внѣшнее, отвращается и мѣрами въ соотвѣтственномъ смыслѣ. Впрочемъ, въ нашей судебной практикѣ есть примѣръ, въ виду котораго такое опасеніе теряетъ много своей силы и этотъ примѣръ представляетъ комиссія, Высочайше учрежденная въ С.-Петербургѣ для разбирательства споровъ между нанимающими и нанимаемыми людьми, слѣдственно для рѣшенія самыхъ многочислен-

ныхъ и мелочныхъ дѣлъ въ столицѣ, затруднявшихъ суды и полицію. Упомянутая комиссія поставлена внѣ общихъ судебныхъ мѣстъ, такъ точно какъ предполагается учредить мировые суды и подчинена непосредственно Правительствующему Сенату въ ревизіонномъ порядкѣ. Ежели при ея учрежденіи не побоялись наводнить Сенатъ дѣлами и цѣль поставили выше наличныхъ способовъ, то это вполнѣ оправдалось послѣдствіями—дѣлъ по жалобамъ на комиссію поступаетъ въ Сенатъ не болѣе 100 въ теченіе года, тогда какъ сама коммисія рѣшаетъ ихъ во множествѣ ежедневно. Того же самаго можно ожидать разумѣется въ соотвѣтственномъ размѣрѣ, и отъ мировыхъ учрежденій". [1])

Значительный интересъ представляютъ замѣчанія о мировомъ институтѣ оберъ-прокурора Н. П. Семенова, который между прочимъ высказывался за установленіе связи между крестьянскими судебными учрежденіями и мировыми судьями,—съ несомнѣннымъ неудовольствіемъ онъ задается вопросомъ: „почему крестьянскіе суды поставляются внѣ распространенія власти мировыхъ судебныхъ учрежденій". По мнѣнію Семенова для сословныхъ судовъ нѣтъ подходящей почвы въ Россіи, сохранить особые крестьянскіе суды „значитъ создать новое привилегированное сословіе. Такое положеніе могло бы способствовать лишь къ разъединенію его съ классомъ землевладѣльцевъ, что и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, по моему понятію, могло бы принести только вредъ". [2])

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія Александра Башуцкаго на первыя 3 книги проекта суд. гр., стр. 273—288. Есть и противоположныя разсужденія, напр. сенатора Рѣпинскаго, тамъ же, стр. 259—262.

[2]) „При составленіи Положеній 19 февраля 1861 года, продолжаетъ Семеновъ, были учреждены волостные крестьянскіе суды. Это было сдѣлано только по той причинѣ, что съ одной стороны наше прежнее судоустройство оказывалось недостаточнымъ, при вступленіи въ жизнь 22-хъ милліоновъ новыхъ гражданъ, а съ другой, что, по образу ихъ жизни, обычаямъ и привычкамъ, будучи оторваны историческимъ ходомъ событій отъ высшихъ слоевъ нашего общества, они по закону не подчинялись нашему гражданскому судоустройству и стояли внѣ его, подъ властью помѣщиковъ. Подчинить ихъ внезапно общему законодательству было дѣломъ невозможнымъ, но и тутъ нельзя сказать, чтобы нѣкоторая регламентація и форменность въ учрежденіи для нихъ судовъ достигали желанной цѣли. Волостные суды мало прививаются къ жизни; если бы обычное право, у нихъ существующее, относительно способа разбирательства ихъ дѣлъ было предоставлено тоже обычаю, т. е. если бы, напримѣръ, крестьянскій судъ чинили у нихъ старики, дѣло пошло бы можетъ быть успѣшнѣе. Во всякомъ случаѣ, если невозможно было ввести немедленно этихъ новыхъ гражданъ въ общій строй нашихъ гражданскихъ судебныхъ учрежденій, то это всетаки не можетъ еще служить причиною къ тому, чтобы упрочить для крестьянъ и на будущее время особое устройство и допустить, чтобы ихъ суды стояли какими то

Кромѣ этого онъ совершенно правильно отмѣчалъ значеніе почетныхъ мировыхъ судей, отъ которыхъ ожидалъ большой пользы и поэтому совѣтовалъ обставить ихъ службу наиболѣе почетнымъ образомъ.

Замѣчанія сенаторовъ и оберъ-прокуровъ о мировомъ институтѣ отличаются весьма большимъ разнообразіемъ и касаются самыхъ разнородныхъ сторонъ его организаціи и дѣятельности, нѣкоторые изъ нихъ довольствовались лишь какимъ либо частнымъ указаніемъ, но развивали его въ такихъ случаяхъ съ интересною полнотою; такъ напримѣръ, князь Юрій Долгорукій писалъ, что вообще онъ признаетъ проекты „сообразными съ Высочайшими предначертаніями“ и находитъ необходимымъ сдѣлать лишь одно замѣчаніе относительно присяги.

„Въ I книгѣ 5-й главы 53 ст., пишетъ кн. Долгорукій, сказано: въ случаѣ отсутствія священника, мировой судья, напомнивъ свидѣтелямъ объ обязанности показать по чистой совѣсти все имъ извѣстное, приводитъ ихъ самъ къ присягѣ, по слѣдующей формѣ: „Клянусь Всемогущимъ Богомъ показать всю правду по чистой совѣсти“.

Итакъ, мировой судья можетъ замѣнять священника для приведенія къ присягѣ и для увѣщанія къ добросовѣстному свидѣтельству, но свидѣтели, въ свою очередь, не могутъ ли не признавать за мировымъ судьей этого права, такъ какъ при устраненіи священника, они, въ религіозномъ отношеніи, совершенно равны съ судьею; сверхъ того не видно и тѣхъ основаній, по которымъ магометанская форма присяги предложена взамѣнъ христіанской. Если это дѣлается для того, чтобы ослабить уваженіе къ присягѣ въ народѣ и тѣмъ вывести ее мало по малу изъ юридической практики, то и въ этомъ отношеніи мѣра можетъ оказаться или недѣйствительною, или имѣть неожиданное дѣйствіе—повредить въ народномъ мнѣніи самому учрежденію мировыхъ судей, замѣняющихъ собою священниковъ и заимствующихъ форму присяги у муллъ. Наконецъ, слѣдуетъ ли признавать право за какимъ либо чиновникомъ, брать съ кого либо клятву. Это право присвоено съ нѣкотораго времени церкви, но прежде и сама церковь никогда имъ не пользовалась. Хотя

особняками среди общихъ учрежденій судебнаго вѣдомства, когда всѣ хозяйственныя дѣла у нихъ съ землевладѣльцами общіе“. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 85—87.

во 2-мъ пунктѣ 54 статьи сказано, что лица, принадлежащія къ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ, недопуская̀ющимъ присяги, отъ нея освобождаются, но составителямъ положенія вѣроятно не извѣстно, что клятва всякаго рода преимущественно воспрещена лицамъ православнаго исповѣданія, чему яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ служатъ пространный катехизисъ патріарха Филарета, родоначальника фамиліи Романовыхъ (листъ 198 на оборотѣ) и формы всѣхъ присягъ, бывшихъ въ употребленіи при православныхъ царяхъ Русскихъ (см. рукопись Румянц. Музея № 365).

Все это такъ странно и настоящее мое замѣчаніе касается столь важнаго предмета, что по мнѣнію моему не лишнимъ было бы о редакціи означенныхъ статей сдѣлать сношеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ“ [1]).

Судъ присяжныхъ, разумѣется, привлекъ къ себѣ большое вниманіе сенаторовъ, — были голоса и за и противъ него, изъ числа первыхъ особою яркостью отличаются соображенія Карніолинъ-Пинскаго, которыя не разъ упоминались въ литературѣ; въ особенности любопытенъ конецъ ихъ, гдѣ онъ упрекаетъ проектъ въ исключительной заботѣ объ огражденіи интересовъ подсудимаго, „надобно же подумать продолжаетъ онъ, и объ огражденіи интересовъ общества. Безнаказанность преступленія умножитъ количество оныхъ. Единогласное присяжныхъ рѣшеніе виновности, вмѣняемости и предумышленности въ уголовномъ преступленіи, допускаемое англійскимъ институтомъ, безъ сомнѣнія представляетъ болѣе гарантій для незыблемости правосудія; но оно имѣетъ неудобства всѣмъ извѣстныя. Простое большинство во Франціи и наше разногласіе, въ случаяхъ оправданія предполагаютъ еще бо̀льшія неудобства и возможность подговоровъ и соблазновъ. Я полагаю, что въ интересахъ правосудія и обвиненіе, и оправданіе подсудимыхъ должно быть основываемо на единомыслiи двухъ третей присяжныхъ; при несоставленіи же онаго, рѣшеніе дѣла слѣдуетъ откладывать до будущаго періода засѣданій и второе рѣшеніе присяжныхъ считать окончательнымъ“ [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 31 и 32. Письмо князя Ю. Долгорукаго къ мин. юст. Д. Н. Замятнину.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго на проектъ уст. уг. суд., стр. 403—405.

Немалое количество соображеній было высказано о Сенатѣ, причемъ сенаторы возражали противъ малѣйшихъ ограниченій его власти и вліянія; такъ, они были противъ подчиненія сенатской канцеляріи оберъ-прокурору, противъ представленія отчетовъ по кассаціоннымъ департаментамъ Сената черезъ министра юстиціи и проч. Въ будущую кассаціонную дѣятельность Сената они твердо вѣрили и ожидали отъ нея благихъ результатовъ, въ видѣ широкой правотворческой дѣятельности [1]).

Сравнительно мало обратилъ на себя вниманія проектъ „устава о наказаніяхъ за подвѣдомые мировымъ судьямъ проступки". Наиболѣе интересныя замѣчанія на него принадлежатъ перу состоявшаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ кн. Шаховскаго, который очень логично доказывалъ необходимость подчиненія лицъ всѣхъ сословій подсудности мировыхъ судей „по всѣмъ предусмотрѣннымъ въ проектѣ устава проступкамъ, съ назначеніемъ имъ одинаковыхъ наказаній за одинаковые проступки" независимо отъ принадлежности къ тому или иному сословію, т. е., чтобы и дворяне за кражу, мошенничество и растрату, не превышающія извѣстную сумму, судились въ мировомъ судѣ и подлежали за это, какъ и прочія лица, заключенію въ тюрьмѣ.

Переходя затѣмъ къ установленнымъ проектомъ устава наказаніямъ, Шаховской основательно замѣчаетъ, что въ дѣлѣ наказаній, состоящихъ въ лишеніи физической свободы, лѣстница ихъ должна быть устроена такъ, чтобы наибольшій срокъ низшаго наказанія никогда не превышалъ наименьшаго срока высшаго наказанія; иначе несмотря на различіе между низшимъ и высшимъ наказаніемъ въ образѣ содержанія подвергаемыхъ онымъ (régime) не будетъ соотвѣтствія между мнѣніемъ законодателя и мнѣніемъ общества объ относительной строгости наказаній. Правило это не принято въ проектѣ устава. Здѣсь за 3-хъ мѣсячнымъ арестомъ слѣдуетъ, какъ болѣе строгое наказаніе, 2-хъ недѣльное заключеніе въ тюрьмѣ. Между тѣмъ, хотя арестъ и не влечетъ за собою обязательной работы, едва ли не всякій предпочтетъ 3-хъ мѣсячному аресту 2-хъ недѣльное заключеніе въ тюрьмѣ. Многіе предпочтутъ ему и мѣсячное

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, стр. 3—7, 53, 126.

заключеніе въ тюрьмѣ. Наконецъ, трудно рѣшить, что тяжелѣе: 3-хъ мѣсячный арестъ или 2-хъ мѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ. Поэтому Шаховской предлагалъ въ проектѣ устава, сокративъ до 2-хъ мѣсяцевъ maximum ареста, назначить такой же срокъ какъ minimum заключенія въ тюрьмѣ [1]).

Замѣчанія сенаторовъ и оберъ-прокуратуры касаются и многихъ другихъ вопросовъ—перечисленіе ихъ составило бы довольно длинный списокъ,—поэтому, ограничимся упоминаніемъ лишь нѣсколькихъ изъ нихъ. Большое вниманіе обратили сенаторы на редакцію статей объ окончательности оправдательныхъ приговоровъ, на постановку слѣдствія, причемъ подвергся суровой критикѣ проектъ установленія защитниковъ на предварительномъ слѣдствіи; значительныя неудовольствія вызывали техническія подробности, напримѣръ, отсутствіе ссылокъ на источники, неудачная, или не вполнѣ ясная редакція нѣкоторыхъ статей и проч. [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія состоящаго за об.-прокур. столомъ въ Сенатѣ ст. сов. кн. Мих. Шаховскаго на проектъ уст. о нак. за подвѣд. мир. суд. проступки, стр. 161—163.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202. Замѣчанія сенатора Черткова, об.-прокурора Семенова, стр. 76—79 и 147—148; замѣчанія сенаторовъ Кочубея, Карніолинъ-Пинскаго, Войцеховича, Веневитинова, Смирнова, Гана, Любощинскаго, Яковлева, Башуцкаго, Левшина, Позняка, Матюнина, Каппера, Фишера, Черноглазова, Бера, Гизетти, стр. 633, 638, 399, 401—403. Любопытно замѣчаніе сенатора, генерала Рерберга, который писалъ:

„При составленіи проектовъ новой реформы, которою положено преобразовать не только судебныя учрежденія, но и личный составъ членовъ судебнаго вѣдомства, хорошо бы было, пользуясь симъ случаемъ, измѣнить и тѣ названія, которыя перешли и переходятъ къ намъ изъ иностранныхъ государствъ, какъ напримѣръ, кассація, кассаціонный департаментъ, оберъ-прокуроръ, оберъ-секретарь, дисциплинарный и т. д., и замѣнить ихъ другими для русскаго уха болѣе звучными; если лицамъ, трудившимся надъ реформою, легко было ввести въ оную такія удачныя названія, какъ судебный слѣдователь, мировой участокъ, мировой съѣздъ, судебный округъ, судебная область, заочное рѣшеніе, то нетрудно будетъ замѣнить и вышеприведенныя иностранныя названія, названіями болѣе русскими, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, напр., оберъ-секретарь Сената (при уничтоженіи должности секретаря Сената—ст. 91 учрежд.) не имѣютъ даже теперь никакого значенія". Тамъ же, то же дѣло. Замѣчанія сенатора ген.-лейт. Ѳ. И. Рерберга, стр. 194.

VI. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній и откуповъ.

Въ то время какъ составлялись комиссіей проекты Судебныхъ Уставовъ, произошли два весьма важныхъ событія во внутренней русской жизни, значительно расчистившія почву для судебной реформы—были уничтожены тяжкія тѣлесныя наказанія и винные откупа [1]).

Система наказаній должна соотвѣтствовать народному правосознанію, иначе она совершенно не достигнетъ цѣли и приведетъ къ самымъ нежелательнымъ результатамъ. Если наказаніе слишкомъ строго или жестоко, то сочувствіе общества будетъ на сторонѣ наказаннаго преступника, а не на сторонѣ преслѣдующаго его правительства. Такъ именно обстояло дѣло въ Россіи къ началу 60-хъ годовъ. По Уложенію о Наказаніяхъ изд. 1857 г., для лицъ непривилегированныхъ плети и розги составляли необходимое дополненіе всякаго наказанія, начиная съ каторжныхъ работъ и кончая тюремнымъ заключеніемъ. Наказаніе плетьми отъ 30 до 100 ударовъ, предшествовавшее ссылкѣ въ каторжныя работы, производилось публично черезъ палача и сопровождалось наложеніемъ клеймъ на лбу и обѣихъ щекахъ. Для ссыльно-каторжныхъ изъ военно-служащихъ были сверхъ того установлены особыя жестокія наказанія въ видѣ шпицрутеновъ или прогнанія сквозь строй. Публичное исполненіе этихъ наказаній, отъ которыхъ не были освобождены ни женщины, ни старики, не достигшіе еще семидесятилѣтняго возраста, судя по отзывамъ современниковъ, производило потрясающее впечатлѣніе на народъ, присутствовавшій при этомъ зрѣлищѣ. Глухимъ стонамъ наказываемаго, умиравшаго иногда подъ ударами, вторили обыкновенно вопли и рыданія среди собравшагося народа, который, конечно, забывалъ въ эту минуту, что карѣ подвергается тяжкій преступникъ, а видѣлъ въ немъ лишь несчастнаго страдальца и мученика. Такъ относилась толпа, но гораздо сложнѣе были чувства людей развитыхъ, образован-

---

[1]) Законъ объ уничтоженіи откуповъ изданъ 26 октября 1860 г., но введенъ въ дѣйствіе съ 1 января 1863 года.

ныхъ. Воспитанные на произведеніяхъ Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и другихъ лучшихъ писателей, они не могли мириться съ такими грубыми способами обращенія съ человѣкомъ, хотя бы впавшимъ въ преступленіе. Тяжкія тѣлесныя наказанія совершенно не соотвѣтствовали взглядамъ и понятіямъ громаднаго большинства людей 60-хъ годовъ XIX вѣка, начиная съ самого Императора Александра II, такъ опредѣленно стремившихся къ водворенію человѣчности; поэтому отмѣна ихъ подсказывалась общимъ горячимъ желаніемъ. Нечего и говорить, насколько этотъ родъ наказаній не соотвѣтствовалъ Основнымъ Положеніямъ судебной реформы и составлявшимся на основаніи ихъ проектамъ Судебныхъ Уставовъ. Съ одной стороны плети и шпицрутены, а съ другой—присяжные засѣдатели, публичность, гласность; трудно было сочетать такія разнородныя понятія. Сохраненіе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній при новомъ судебномъ строѣ и новомъ уголовномъ процессѣ привело бы къ полному замѣшательству и извращенію все дѣло отправленія правосудія,—не говоря уже о присяжныхъ засѣдателяхъ, которые стали бы руководствоваться чувствомъ состраданія, даже коронные судьи-юристы, еще на школьныхъ скамьяхъ Училища правовѣдѣнія, Лицея и университетовъ, слышавшіе полное осужденіе тѣлесныхъ наказаній [1]), примѣняли бы ихъ въ высшей сте-

[1]) Интересно привести тѣ мысли, которыя высказывались съ каѳедры въ то время, когда многіе изъ судебныхъ дѣятелей перваго призыва еще учились; сдѣлаемъ выдержку изъ учебника уголовнаго права проф. Калмыкова, который читалъ лекціи въ Училищѣ правовѣдѣнія съ 1838 по 1860 (годъ его смерти), а въ лицеѣ съ 1850 по 1860 г.г. (изд. Любавскаго. Часть общая, СПБ., 1866 г., — посмертное). Въ главѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, разсматривая ихъ „необходимость, справедливость и пользу", онъ приходитъ къ совершенно отрицательнымъ выводамъ относительно достоинствъ этихъ наказаній.

Въ п. 2 („Нравственность") К., между прочимъ, говоритъ: „ ... тѣлесное наказаніе, налагаемое на взрослаго человѣка, совершенно справедливо можетъ почесться признаніемъ его лишеннымъ разума и свободной воли, уравненіемъ его съ дитятей или животнымъ. Но, несмотря на то, что чувство чести врождено всякому человѣку, понятіе о ней часто бываютъ относительны и зависятъ отъ нравовъ, обычаевъ и степени образованности даннаго государства. Посему и вопросъ о безнравственности тѣлесныхъ наказаній не долженъ быть рѣшаемъ независимо отъ этихъ обстоятельствъ.

— Всѣ государства, нынѣ существующія, по отношенію къ развитію въ нихъ чувства чести, могутъ быть раздѣлены на три разряда. Въ государствахъ перваго разряда всѣ граждане считаются людьми самостоятельными, какъ бы совершеннолѣтними въ умственномъ и нравственномъ отношеніи: чувство чести развито въ нихъ до такой степени, что они признаютъ присутствіе его и въ преступникѣ, послѣ совершеннаго имъ преступленія, и посему они хотятъ, чтобы и въ преступникѣ, при его наказаніи, не нарушалось свойственное ему чувство чести и человѣческаго достоинства.

пени неохотно. Общественное правосознаніе переросло плети и шпицрутены.

Въ 1861 г., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, генералъ-адъютантъ князь Николай Орловъ подалъ лично Государю записку, въ которой былъ приведенъ цѣлый рядъ соображеній въ подтвержденіе необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія, представляющаго собою „зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ". Записка князя Орлова была передана Государемъ на обсужденіе особаго комитета, учрежденнаго при II Отдѣленіи Собственной

Въ этихъ государствахъ тѣлесныя наказанія вовсе уничтожены. Къ такимъ государствамъ относятся Франція, Бельгія, Нидерланды, Испанія съ 1832 г., Португалія и Сардинія съ 1829 г., Пруссія, Баварія и Вюртембергъ.—Въ государствахъ второго разряда, которыя въ этомъ отношеніи прямо противоположны государствамъ перваго разряда, всѣ граждане разсматриваются какъ люди несамостоятельные, какъ бы не вышедшіе еще изъ дѣтскаго возраста и состоящіе къ правительству ихъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ состоятъ дѣти къ родителямъ. Такъ, напримѣръ, всѣ китайскіе подданные, по духу китайскаго законодательства, считаются дѣтьми китайскаго богдыхана, который посему и наказываетъ ихъ отеческими, домашними средствами. На этомъ основаніи тѣлесныя наказанія въ Китаѣ чрезвычайно употребительны, налагаются на членовъ самаго высшаго общества и не влекутъ за собою для претерпѣвшаго ихъ никакого позора и безчестія.—Государства третьяго рязряда составляютъ средину между двумя упомянутыми крайностями: высшія сословія этихъ государствъ, по отношенію къ развитію въ нихъ чувства чести и самостоятельности, стоятъ наравнѣ съ государствами перваго разряда; низшія сословія—наравнѣ съ государствами второго разряда. Въ этихъ-то государствахъ, представляющихъ смѣшеніе образованности съ грубымъ невѣжествомъ, существуетъ понятіе о людяхъ изъятыхъ и о людяхъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія" (стр. 232 и 233).

Въ п. 3 („Дѣлимость") К. излагаетъ слѣдующія мысли: „Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что тѣлесное наказаніе имѣетъ безчисленное множество степеней, и что, будучи дѣлимо, можно сказать до безконечности, оно вполнѣ удовлетворяетъ условію дѣлимости. Тѣлесныя наказанія допускаютъ и различіе орудій и различіе числа ударовъ. Такъ, напр., въ китайскомъ уложеніи тѣлесныя наказанія представляются въ весьма разнообразномъ видѣ: опредѣлена съ точностью длина, ширина и даже тяжесть бамбуковой палки, которою они должны быть производимы; постановлено, когда слѣдуетъ употреблять толстый и тяжелый конецъ этой палки, когда тонкій и легкій.—Противники тѣлесныхъ наказаній, соглашаясь, что они съ перваго взгляда вполнѣ удовлетворяютъ условію дѣлимости, дѣлаютъ, однакожъ, важное возраженіе, почти уничтожающее и это достоинство тѣлесныхъ наказаній. Они говорятъ, что тѣлесныя наказанія несправедливы потому, что они вполнѣ зависятъ отъ произвола исполнителя ихъ—произвола, который не можетъ быть стѣсненъ даже самымъ бдительнымъ надзоромъ. Произволъ этотъ такъ важенъ, что легкое наказаніе можетъ чрезъ него сдѣлаться жестокимъ, жестокое—легкимъ. Защитники тѣлесныхъ наказаній не могутъ не согласиться съ этимъ возраженіемъ; но, чтобъ устранить этотъ важный недостатокъ, они предлагаютъ изобрѣсти машину, посредствомъ которой можно было бы производить тѣлесныя наказанія безъ помощи рукъ человѣческихъ: сила ударовъ, а слѣдовательно и жестокость наказанія, въ этомъ случаѣ была бы опредѣлена съ точностью, и для повѣрки ея почти вовсе не нужно было бы надзора; кромѣ того, наказаніе при этомъ потеряло бы отчасти свой позорный характеръ, ибо дѣйствіе рукъ человѣческихъ было бы замѣнено дѣйствіемъ механиче-

Его Императорскаго Величества Канцеляріи для разсмотрѣнія проекта воинскаго устава о наказаніяхъ, а соображенія комитета, высказавшагося также за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, были сообщены на заключеніе всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ. Наиболѣе энергическимъ и горячимъ противникомъ предположенной мѣры выступилъ министръ юстиціи графъ Панинъ. Въ обширной запискѣ онъ доказывалъ, что дѣйствовавшая у насъ система тѣлесныхъ наказаній представляется цѣлесообразною, такъ какъ, по его мнѣнію, она находится въ полномъ соотвѣтствіи со степенью умственнаго и нравственнаго развитія народа и одна только можетъ оказать надлежащее сдерживающее вліяніе на развитіе въ немъ преступности. Признавая вслѣдствіе этого, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній даже для женщинъ была бы нежелательна, графъ Панинъ указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на несвоевременность возбужденнаго вопроса объ измѣненіи системы наказаній въ виду полнаго неустройства нашихъ мѣстъ заключенія. Такой же, въ сущности говоря, точки зрѣнія придерживался и видный іерархъ того времени митрополитъ Филаретъ, составившій особую записку „о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія“ въ которой, въ сущности говоря, опредѣленно высказывался за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній. Основная мысль его заключается въ томъ, что Христосъ создалъ на землѣ церковь, а не государство, а потому государство можетъ не всегда слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства и создавать свои особыя правила. Исходя изъ этого основного положенія, авторъ утверждаетъ, что вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи въ государствѣ тѣлесныхъ наказаній стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Далѣе ссылаясь на то, что тѣлесныя наказанія узаконены черезъ Моисея самимъ Богомъ, Филаретъ рѣ-

---

скимъ, не разумнымъ. Но такая машина до сихъ поръ остается книжнымъ предположеніемъ, неосуществленнымъ на практикѣ; ибо гораздо лучше вовсе отмѣнить тѣлесныя наказанія, нежели трудиться надъ изобрѣтеніемъ механизма для производства ихъ“ (стр. 233 и 234).

Въ п. 10 („Ободрительность“) К. говоритъ: „Тѣлесныя наказанія не только не ободрительны и не успокоительны, но, напротивъ того, возбуждаютъ страхъ во всѣхъ членахъ гражданскаго общества: ибо преступникъ не лишается чрезъ нихъ способности вредить, а, напротивъ того, отпускается на свободу съ раздраженною, озлобленною душою и мстительными замыслами въ умѣ—словомъ, тѣлесныя наказанія представляютъ столь много неудобствъ, столь мало достоинствъ, что, съ философской точки зрѣнія, они необходимо должны быть уничтожены“ (стр. 235).

шительно отрицаетъ разрушительное дѣйствіе этого наказанія на народную нравственность и на чувство чести въ наказываемомъ. Въ запискѣ своей онъ задается между прочимъ, ироническимъ вопросомъ, „можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ съ безчестьемъ, а изъ тюрьмы съ честью выходитъ". А въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что перенесшіе тяжкое тѣлесное наказаніе иногда „чувствуютъ внутреннее облегченіе и укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія". Но лучшіе государственные люди того времени, какъ напримѣръ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ Д. А. Милютинъ держались совершенно иной точки зрѣнія [1]).

Великій Князь горячо привѣтствовалъ и поддержалъ гуманное начинаніе кн. Орлова. „Тѣлесныя наказанія, писалъ онъ въ своемъ офиціальномъ заключеніи по этому вопросу, составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей". Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, по его мнѣнію, не достигаетъ цѣли: „ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній, ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго, могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія".

Поэтому онъ энергично настаивалъ на неотложности отмѣны наказаній плетьми и шпицрутенами, которыя въ сущности, какъ указывалъ кн. Орловъ, были не только жестокою пыткой, но и мучительною смертною казнью, такъ какъ наказаніе шпицрутенами весьма часто оканчивалось смертью преступника. Великій Князь предлагалъ узаконить отмѣну этихъ наказаній по военному и морскому вѣдомствамъ немедленно

---

[1]) Для характеристики того, какъ въ это время относились къ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ военной средѣ см. Морской Сборникъ 1862 г. т. 58. Апрѣль. Отд. „Современное обозрѣніе".

и не ожидая соотвѣтствующаго распоряженія по гражданскому вѣдомству.

Къ Великому Князю примкнули многіе сановники и 17 апрѣля 1863 года былъ подписанъ Императоромъ Александромъ II указъ „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ". Въ силу этого указа плети, шпицрутены, а также наложеніе клеймъ и штемпелей были отмѣнены. Розги были временно сохранены впредь до устройства мѣстъ заключенія. Лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, были вовсе изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній встрѣчена была всеобщей радостью и одобреніемъ; единственно о чемъ многіе жалѣли, это о томъ, что не были уничтожены и розги.

Въ томъ же 1863 году была приведена въ дѣйствіе и другая весьма важная мѣра, облегчавшая возможность успѣшнаго проведенія въ жизнь Судебныхъ Уставовъ—были отмѣнены винные откупа, замѣненные какъ извѣстно акцизомъ.

Въ настоящее время намъ трудно представить себѣ какую роль играли винные откупа въ жизни провинціи. Правительство, нуждаясь въ деньгахъ, имъ всячески покровительствовало и закрывало глаза на различныя въ этой сферѣ злоупотребленія [1]); мѣстные администраторы, дѣйствуя по указаніямъ изъ Петербурга, а еще больше руководясь личной выгодой, ближе принимали къ сердцу интересы откупщиковъ, чѣмъ ввѣреннаго имъ населенія; о полиціи и говорить нечего,—она сплошь была на жалованьѣ. Такое отношеніе властей создавало виннымъ откупщикамъ и всему ихъ штату родъ экстерриторіальности,—это было государство въ государствѣ, съ которымъ приходилось считаться даже весьма вліятельнымъ людямъ.

Юридическое и фактическое положеніе винныхъ откуповъ совершенно не соотвѣтствовало принципу равенства всѣхъ передъ судомъ и закономъ, который представлялъ изъ себя одно изъ важнѣйшихъ основаній судебной реформы,—борьба съ ними новыхъ судовъ была неизбѣжна, а это обстоятельство въ высшей степени затруднило бы и безъ того тернистый путь, по которому предстояло идти судамъ, входившимъ какъ бы клиномъ въ старую губернскую систему.

---

[1]) См. Исторія Сената за двѣсти лѣтъ, т. IV, стр. 304.

Пожеланія замѣны откуповъ акцизомъ на вино раздавались не разъ изъ среды дворянства, въ такомъ же духѣ высказывалась и печать, кромѣ того правительство не было удовлетворено откупами и съ точки зрѣнія чисто фискальной; всѣ эти обстоятельства привели къ изданію въ концѣ 1860 года закона, которымъ съ 1 января 1863 года откупа уничтожались.

VII. Обсужденіе проектовъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе Государемъ.

3 марта 1864 года комиссія при Государственной Канцеляріи закончила работы по составленію проектовъ Судебныхъ Уставовъ и на другой день, 4 марта, началось разсмотрѣніе ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ разсматривались и Основныя Положенія судебнаго преобразованія, т. е. сперва въ усиленномъ составѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ [1]), а затѣмъ въ Общемъ Собраніи.

Соединенные Департаменты посвятили проектамъ (считая и проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ) болѣе тридцати засѣданій въ теченіе марта, апрѣля, мая, іюня и іюля мѣсяцевъ, во время которыхъ подвергли ихъ весьма обстоятельному обсужденію, причемъ наибольшее вниманіе ихъ привлекли проекты уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, наименьшее—проектъ мирового устава.

Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ составляетъ 339 печатныхъ страницъ in folio, значительная часть которыхъ является рядомъ возраженій на представленныя министрами замѣчанія.

Исходное положеніе, которымъ руководились Департаменты, заключалось въ строгомъ слѣдованіи Основнымъ Положеніямъ судебнаго преобразованія. Обсужденію подвергались преимущественно второстепенные вопросы, частности и подробности ре-

[1]) Въ Соединенныхъ Департаментахъ участвовали: кн. Гагаринъ, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, гр. Панинъ, Мухановъ, Игнатьевъ, Кочубей, Хомутовъ, Литке, Бахтинъ, Норовъ, бар. Врангель, Замятнинъ (иногда не всѣ).

формы, что же касается мнѣній, кореннымъ образомъ противорѣчившихъ основнымъ началамъ, то они по большей части рѣшительно отвергались, какъ клонившіяся къ измѣненію направленія судебной реформы, окончательно одобреннаго Высочайшей властью.

Въ средѣ Департаментовъ громадное большинство вопросовъ не вызвало разногласій; напр., по уставу гражданскаго судопроизводства было всего четыре разногласія, изъ которыхъ главнѣйшее сосредоточилось сравнительно на мало существенномъ пунктѣ—могутъ ли быть повѣренными студенты и слушатели высшихъ учебныхъ заведеній.

Меньшинство (принцъ Ольденбургскій, гр. Панинъ, гр. Игнатьевъ, Мухановъ) признавало невозможнымъ допустить учащихся, не окончившихъ курса наукъ, къ исполненію обязанностей повѣреннаго, отъ котораго требуется, чтобы онъ изучилъ дѣло своего вѣрителя, слѣдилъ непрерывно за его производствомъ, являлся въ судъ представителемъ тяжущагося, подавалъ за него бумаги и въ защиту его велъ бы на судѣ словесное состязаніе съ противною стороною. Всѣ эти обязанности, меньшинство членовъ Соединенныхъ Департаментовъ признало за „совершенно не совмѣстимыя съ положеніемъ учащагося“, и поэтому предлагалось помѣстить въ уставѣ гражданскаго судопроизводства правило, что повѣренными не могутъ быть ученики, воспитанники и слушатели, продолжающіе учебный курсъ „доколѣ не окончатъ его, за исключеніемъ дѣлъ, въ коихъ они ходатайствуютъ за своихъ родителей, братьевъ и сестеръ“. Но большинство было не согласно съ такой точкой зрѣнія и находило, что если предлагаемое правило имѣетъ въ виду лишь однихъ учениковъ и воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, то неспособность ихъ быть повѣренными, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, достаточно опредѣлена правиломъ, по которому повѣренными не могутъ быть несовершеннолѣтніе, каковыми являются почти всѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Учениковъ, достигшихъ двадцати одного года, въ этихъ заведеніяхъ бываетъ весьма мало, и установлять для такихъ исключительныхъ случаевъ какое либо общее правило нѣтъ никакой надобности. Но было бы несправедливо распространить ограниченіе быть повѣренными на воспитанниковъ и слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, какъ то: университетовъ, медицинскихъ и

духовныхъ академій и т. п., и тѣмъ отнять у университетскихъ и академическихъ студентовъ, достигшихъ совершеннолѣтія, и вслѣдствіе того пользующихся полною самостоятельностію на судѣ, и признаваемыхъ закономъ способными для гражданской дѣятельности, право быть повѣренными не только по чужимъ дѣламъ, но даже по дѣламъ ихъ родственниковъ. Законодательная опека едва ли здѣсь умѣстна, еще менѣе она можетъ имѣть мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеннолѣтній студентъ, признаваемый способнымъ защищать въ судѣ свои интересы, отстраняется отъ обязанности повѣреннаго даже по дѣлу своихъ родныхъ, несмотря на то, что ему ближе всего извѣстны всѣ обстоятельства дѣла.

На статьи проекта устава уголовнаго судопроизводства было сдѣлано много замѣчаній министрами и едва ли не болѣе всѣхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ, вообще мало сочувствовавшимъ судебной реформѣ и въ особенности независимости судебной власти и отдѣленію ея отъ административной. Большинство этихъ замѣчаній клонилось къ существеннымъ измѣненіямъ и потому было рѣшительно отвергнуто единогласнымъ мнѣніемъ Департаментовъ. Такъ, П. А. Валуевъ предлагалъ уничтожить судебныхъ слѣдователей, возложивъ производство слѣдствій на мировыхъ судей или же, сохранивъ слѣдователей, оставить за ними весь ходъ важнѣйшихъ дѣлъ, начиная съ дознанія, менѣе же важныя дѣла всецѣло ввѣрить полиціи. Разбирая весьма обстоятельно приведенное предложеніе, Департаменты вполнѣ основательно замѣчали, что производство слѣдствія мировыми судьями едва ли можетъ быть успѣшно, ибо въ большинствѣ случаевъ они не будутъ обладать подлежащимъ юридическимъ образованіемъ и что, хотя въ Англіи и существуетъ такой порядокъ, но онъ не даетъ хорошихъ результатовъ. Кромѣ того, возложеніе на мирового судью обязанностей слѣдователя сдѣлаетъ эту должность болѣе безпокойной, что несомнѣнно оттолкнетъ отъ нея многихъ состоятельныхъ и уважаемыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Что же касается второго предложенія П. А. Валуева о порученіи слѣдствій полиціи, то Департаменты замѣчали, что судебные слѣдователи пользуются „въ общественномъ мнѣніи необходимымъ довѣріемъ, которымъ никогда не могли похвалиться полицейскіе чиновники“.

Проектъ устава уголовнаго судопроизводства устанавливалъ защиту на предварительномъ слѣдствіи, но Департаменты не согласились съ этимъ нововведеніемъ, такъ какъ находили, что въ этой стадіи процесса „трудно поставить защитника въ надлежащія границы, и нельзя не опасаться, что онъ сочтетъ своею обязанностью противодѣйствовать собранію обличительныхъ документовъ и способствовать обвиняемому въ сокрытіи слѣдовъ преступленія“ [1]).

Затѣмъ Департаменты обратили серьезное вниманіе на опасность публичнаго обсужденія нѣкоторыхъ противонравственныхъ дѣйствій. Не отрицая того, что публичность судебныхъ засѣданій есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду, нельзя однако не признать, что публичность эта не должна быть распространяема на такія дѣла, „содержаніе коихъ оскорбляетъ самыя святыя чувствованія, служащія основаніемъ нравственности. Къ такимъ чувствованіямъ несомнѣнно принадлежитъ уваженіе къ родителямъ, составляющее залогъ семейнаго порядка и счастія. Неизмѣримо велика скорбь родителей, понесшихъ оскорбленіе отъ тѣхъ, кои обязаны имъ не только воспитаніемъ и повседневными о нихъ заботами, но и самымъ существованіемъ своимъ. Выставлять такую скорбь на показъ и допускать виновныхъ къ представленію публично оправданій, которыя могутъ имѣть видъ извѣтовъ на родителей и сопровождаться непочтительными въ отношеніи къ нимъ выраженіями, значило бы усугублять несчастіе родителей и воспроизводить предъ публикою возмутительную для нравственнаго чувства картину“. Равнымъ образомъ неудобно было бы подвергать публичному изслѣдованію и другія преступленія противъ правъ семейственныхъ (Улож. о Наказ. ст. 2118—2169), потому что для огражденія нравственной неприкосновенности домашняго очага не слѣдуетъ оглашать семейныхъ тайнъ, да и противно было бы нравственности и благо-

---

[1]) Вопросъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи привлекалъ къ себѣ въ то время значительное вниманіе печати, такъ, напр., въ Русскомъ Инвалидѣ (въ 1864 г.) были помѣщены очень цѣнныя и обстоятельныя разсужденія на эту тему въ статьяхъ, посвященныхъ разбору окончательныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ. Русскій Инвалидъ высказывался за защиту на предварительномъ слѣдствіи, также какъ и составители многихъ замѣчаній на Основныя Положенія и на проекты.

пристойности открывать публичныя пренія о предметахъ весьма соблазнительнаго свойства. Наконецъ, должно замѣтить, что изъ разряда преступленій противъ общественной нравственности (Улож. о Наказ. ст. 1336—1360), не могутъ подлежать публичному разсмотрѣнію не только противоестественные пороки, но также развратное поведеніе вообще, а равно и сводничество.

Эти соображенія нельзя не признать совершенно основательными, ибо соблазнительныя темы конечно привлекли бы многочисленную публику въ залы судебныхъ засѣданій и доставляли бы крайне нездоровое развлеченіе, вызывая обостренную чувствительность въ сферѣ самаго интимнаго свойства. Къ проекту устава уголовнаго судопроизводства было приложено особое „наставленіе судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ о соображеніи силы судебныхъ доказательствъ", къ которому Департаменты отнеслись весьма несочувственно, очевидно усматривая въ немъ непріятный пережитокъ осужденнаго уже стараго порядка; они исходили изъ того соображенія, что такое постановленіе можетъ, съ одной стороны, стѣснять судей и присяжныхъ засѣдателей, а съ другой — дастъ имъ возможность съ крайней легкостью подводить случаи жизни подъ готовыя формулы, чѣмъ будетъ очень скоро уничтожена живая дѣятельность суда.

Большое вниманіе удѣлили Департаменты суду присяжныхъ, причемъ они подвергли, между прочимъ, строгой критикѣ и отклонили предложенное проектомъ правило, что въ случаѣ разномыслія между присяжными засѣдателями, они должны оставаться въ комнатѣ для совѣщаній не менѣе двухъ часовъ, признавая это постановленіе унизительнымъ для присяжныхъ. Совершенно основательно Департаменты замѣчали, что для добросовѣстныхъ людей такое стѣсненіе излишне, а для слабохарактерныхъ и готовыхъ подпасть подъ чужое вліяніе — вредно.

Охраняя достоинство суда присяжныхъ, Департаменты отмѣнили еще постановленіе проекта о предоставленіи суду права, если онъ признаетъ отвѣты присяжныхъ нелѣпыми, неполными или противорѣчивыми, отослать присяжныхъ къ новому совѣщанію.

Значительно меньше вниманія удѣлили Департаменты проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ. Прежде всего они категорически отвергли предложеніе П. А. Валуева объ учрежденіи въ столицѣ

мировыхъ судей не по выбору, а по назначенію отъ правительства, сославшись на то, что это предложеніе противорѣчитъ Основнымъ Положеніямъ и добавивъ, что принятіе его неудобно и потому, что оно можетъ быть истолковано, какъ „недовѣріе къ столичнымъ жителямъ и лишеніе ихъ того права, которое предоставляется всѣмъ прочимъ жителямъ Имперіи".

Затѣмъ Департаменты остановились на вопросѣ объ имущественномъ цензѣ мировыхъ судей и признали, что цензъ, предложенный проектомъ—100 руб. годового дохода съ недвижимости—крайне недостаточенъ. Департаменты признали необходимымъ, чтобы кандидаты въ мировые судьи или ихъ жены или родители владѣли имуществомъ: въ уѣздахъ, стоящимъ 15000 р., а въ городахъ—3000 рублей.

Послѣ мирового института Соединенные Департаменты болѣе всего занимались организаціей суда присяжныхъ, но никакихъ особенно существенныхъ измѣненій въ проектъ ими внесено не было.

Проектъ „устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ", подвергся весьма быстрому обсужденію, ему было посвящено всего лишь два засѣданія: 1 и 9 іюля [1]).

Вообще это былъ какъ бы пасынокъ среди Судебныхъ Уставовъ, ему удѣлялось весьма мало вниманія какъ въ сферахъ офиціальныхъ, такъ и въ обществѣ. Соединенные Департаменты занялись преимущественно редакціонной его стороной и небольшими примѣненіями наказаній, установленныхъ въ нѣкоторыхъ его статьяхъ, не внеся въ уставъ ничего особенно существеннаго [2]).

Изучая журналъ Соединенныхъ Департаментовъ о проектахъ Судебныхъ Уставовъ и сравнивая его съ журналомъ объ Основныхъ Положеніяхъ судебнаго преобразованія, нельзя не замѣтить сравнительной блѣдности перваго. Важнѣйшіе вопросы принципіальнаго характера разрѣшались при окончательной выработкѣ Основныхъ Положеній, когда и споры отличались значительною горячностью, а общее настроеніе членовъ Государственнаго Совѣта—большимъ подъемомъ. Совсѣмъ другое дѣло было теперь, при обсужденіи уже готовыхъ проектовъ; тутъ

[1]) Журн. Соед. Деп. по этому проекту составляетъ всего 24 печатныхъ страницы.

[2]) См. журн. Госуд. Совѣта по Суд. Уставамъ. Имп. Публ. Библ., іюля 18, шкафъ 235, полка 1, № 46.

была работа уже не творческая, а техническая, не провозглашеніе основныхъ началъ, а детальное обсужденіе всѣхъ подробностей судебной реформы. Но и здѣсь, въ этой сравнительно тусклой роли, Соединенные Департаменты оказались на должной высотѣ, они обнаружили отличное знаніе дѣла, ясное пониманіе существеннѣйшихъ сторонъ предстоящаго преобразованія и опредѣленное стремленіе охранить во всей чистотѣ важнѣйшія нововведенія, какъ напр., судъ присяжныхъ, мировой институтъ и проч.

Разсмотрѣніе проектовъ Судебныхъ Уставовъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта заняло всего лишь шесть засѣданій [1]) и носило очень бѣглый характеръ. Сравнительно большое вниманіе привлекъ къ себѣ лишь уставъ уголовнаго судопроизводства, но и тутъ обсужденіе коснулось лишь 26 пунктовъ, которые въ общей сложности не составятъ по объему и одной десятой части этого устава, что же касается содержанія возникшихъ преній и сдѣланныхъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта исправленій, то они относятся преимущественно до второстепенныхъ предметовъ. Выйдя изъ Соединенныхъ Департаментовъ, проекты Судебныхъ Уставовъ въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ подверглись весьма незначительнымъ и мало существеннымъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ былъ пройденъ длинный и трудный путь составленія Судебныхъ Уставовъ. Призванныя къ этому дѣлу лица внесли въ него много энергіи, настойчивости, знанія и любви, поэтому и работа ихъ оправдала самыя смѣлыя ожиданія и вызвала полное одобреніе громаднаго большинства современниковъ.

Въ памятный день 20 ноября 1864 года Императоръ Александръ Николаевичъ утвердилъ: 1) Учрежденіе Судебныхъ Установленій, 2) Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, 3) Уставъ Гражданскаго Судопроизводства и 4) Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, признавъ ихъ вполнѣ соотвѣтствующими его давнишнему желанію „водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно

[1]) 16, 18, 23, 25, 30 сентября и 2 октября.

быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго".

Указъ 20 ноября 1864 года, при которомъ препровождались новые законы для распубликованія, проникнутъ такой же вѣрою въ людей какъ и самые Уставы и заканчивался слѣдующими многознаменательными словами: „призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльнаго въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ общества, сословій и земства, нынѣ по волѣ Нашей на новыхъ основаніяхъ образуемаго" [1]).

VIII. Къ вопросу о дѣятеляхъ судебной реформы.

Судебной реформѣ особенно посчастливилось, надъ нею трудился цѣлый рядъ энергичныхъ, талантливыхъ и преданныхъ дѣлу лицъ, объединенныхъ единодушнымъ и горячимъ стремленіемъ къ водворенію правосудія въ родной землѣ. Изучая ихъ дружную работу, крайне трудно установить степень вліянія того или другого дѣятеля, воспроизвести въ точности роль, сыгранную каждымъ изъ нихъ.

До сихъ поръ память общественная не одинаково относилась къ „отцамъ Судебныхъ Уставовъ"; одни изъ нихъ прославлены по заслугамъ, какъ напримѣръ, Зарудный или Ровинскій, а другіе незаслуженно остаются въ тѣни и почти забыты, какъ напримѣръ, Бутковъ или кн. Гагаринъ [2]).—Такое отно-

[1]) Лица, участвовавшія въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, получили значительныя награды: чины, ордена и денежныя вознагражденія, такъ напр., Буцковскій—Владиміра 2 степени, Ковалевскій—Св. Станислава I степени, Побѣдоносцевъ и Ровинскій пожизненное прибавочное жалованье, первый 2.000 р., а второй 1.500 р. въ годъ; Книримъ и Принтцъ слѣдующіе чины и пожизненное прибавочное жалованье въ 1.000 р. и проч. (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 7431).

[2]) Кромѣ дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, для выясненія роли того или иного дѣятеля могутъ служить сочиненія, помѣщенныя въ нижеслѣдующемъ перечнѣ; списокъ этотъ примѣрный и отнюдь не претендующій на полноту.

Венгеровъ, С. „Источники словаря русскихъ писателей", т. I-й. Его-же. „Словарь русскихъ писателей". Его-же. „Русскія книги", т. III-й. Спб. 1898 г. Джаншіевъ, Г. „Эпоха великихъ реформъ". Его-же. „Первыя страницы въ исторіи судебной реформы

шеніе представляетъ собою полную несправедливость и ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Судебныхъ Уставовъ своевременно напомнить хотя бы о нѣкоторыхъ изъ дѣятелей этой великой реформы, которые еще ожидаютъ справедливаго суда исторіи. Прежде всего недостаточно оцѣнена роль самого Императора Александра Николаевича. Въ трудахъ, посвященныхъ Его царствованію, обыкновенно отводится первое мѣсто освобожденію крестьянъ и отмѣчается болѣе или менѣе обстоятельно личное участіе Царя Освободителя преимущественно въ этой великой реформѣ.

Ни С. С. Татищевъ, посвятившій изученію жизни и дѣятельности Императора Александра II два огромныхъ тома, въ которыхъ собранъ дѣйствительно богатый матеріалъ, ни другіе изслѣдователи не выясняютъ сколько нибудь обстоятельно степени Его участія въ ходѣ судебнаго преобразованія, тогда какъ это участіе было весьма значительно.

Выше уже неоднократно упоминалось о постоянномъ стремленіи Императора Александра II къ уничтоженію произвола и водворенію законности, которое и служило исходной точкой его отношенія къ судебному преобразованію. Такое настроеніе Государя представляло изъ себя внушительное указаніе линіи

въ Россіи". 1862—1867 г.г. („Русская Старина", 1885 г., т. XLVII, стр. 482—494). Его-же. „Страница изъ исторіи судебной реформы". М. 1883 г. Его-же. „С. И. Зарудный и судебная реформа". М. 1889 г. гл. VI. Его-же. Біографическій очеркъ Б. въ V т. „Критико-біогр. словаря Венгерова". Его-же. „Основы судебной реформы". 1891 (гл. VI). Его-же. „Нашъ судъ присяжныхъ и его критика". Его-же. („Русская мысль", 1890 г. № 5, стр. 63). „Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ" („Вѣстникъ Европы". 1889 г., XII, стр. 476—507). Дылевскій. „Іосифъ Симашко". Ковалевскій, Е. П. „Графъ Блудовъ и его время". Кони, А. Ѳ. Н. А. Буцковскій („Главные дѣятели судебной реформы". Прилож. къ Вѣстн. Самообразованія изд. „Брокгаузъ и Ефронъ", 1904 г.). Его-же. „Очерки и воспоминанія". Мюнстеръ. „Портретная галлерея русскихъ дѣятелей". Tourgueneff, N. La Russie et les Russes". „Вѣстникъ Европы". 1896 г. № 10. „Историческій Вѣстникъ" 1891 г. авг., стр. 524. 1894 г. май, стр. 581. 1895 г. іюль, стр. 243. 1896 г. № 7 и 9. 1900 г. сент., стр. 1150. „Журн. Гражданскаго и Уголовнаго права". 1881 г. № 6 и 1882 г. № 9 (рѣчь Н. И. Стояновскаго). „Журн. Мин. Юстиціи". XXVIII, ч. 2, стр. 600 и 1895 г. № 12, стр. 196 (Изъ воспоминаній Д. Б. Бера). „Русскій Архивъ". Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1873 г. Г. И. Геннади. 1875 г. № 12, стр. 461—468. 1885 г. № 8, стр. 493 (статья Левшина). „Русская Старина". 1894 г. „Изъ воспоминаній А. А. Харитонова". 1895 г. „Записки В. А. Инсарскаго". № 3, 4, 7—9. 1888 г. №№ 2 и 9. 1890 г. № 2. „Биржевыя Вѣдомости". 1873 г. № 260. „Голосъ"—1868 г. „О прежней службѣ сенаторовъ Кассаціонныхъ Деп. Сената". № 161. 1873 г. № 268. „Гражданинъ". 1874 г. № 3, стр. 84 и 85. „Иллюстр. Недѣля". 1873 г. № 42. „Календарь Гатцука" на 1874 г. „Петербургскія Вѣдомости". 1873. № 267. „Русскій Міръ". 1873 г. № 257. „Словари Клюшникова и Березина".

поведенія многимъ сановникамъ, побуждая ихъ на сочувствіе этому дѣлу.

Полное и искреннее одобреніе Императора Александра II, которое встрѣтили Блудовскіе проекты 1857 и 1859 г.г., предлагавшіе уже капитальныя измѣненія нашего судебнаго обихода, давало возможность дальнѣйшей спокойной и смѣлой работѣ, открывало перспективу еще болѣе радикальныхъ измѣненій.

Государь охотно поддерживалъ Блудова и вполнѣ цѣнилъ его энергическія усилія къ проведенію судебной реформы, а когда состоялось освобожденіе крестьянъ, потребовавшее много труда и усилій отъ самого Императора Александра II, и Положеніе 19 февраля 1861 г. стало успѣшно приводиться въ дѣйствіе, то Онъ началъ еще болѣе интересоваться дѣломъ судебной реформы, что, конечно, заставляло торопиться работавшихъ надъ ней лицъ.

Вполнѣ раздѣляя взгляды огромнаго большинства своихъ подданныхъ на старый судебный строй и на необходимость коренаго его измѣненія, Онъ настойчиво поддерживалъ Буткова, внимательно слѣдилъ за всѣми перипетіями подготовительныхъ работъ, и неоднократно старался ихъ ускорить, требуя чтобы тѣ или иныя дѣйствія производились въ весьма короткіе, Имъ Самимъ опредѣлявшіеся сроки, причемъ не разъ подтверждалъ Свою волю о скорѣйшемъ приведеніи судебнаго преобразованія „къ желанному окончанію“. Мысль о реформѣ судебнаго строя не оставляла Императора Александра II даже въ тяжелую годину польскаго возстанія, когда естественно главное вниманіе русскихъ людей сосредоточивалось на Польшѣ и возможныхъ дипломатическихъ осложненіяхъ съ нѣкоторыми западно-европейскими державами.

Когда Уставы были утверждены, и настала пора приводить ихъ въ исполненіе, Провидѣнію угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе. За нѣсколько дней до открытія новыхъ судебныхъ учрежденій раздался злодѣйскій выстрѣлъ Каракозова, послужившій сигналомъ для нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ охранителей громко заговорить противъ этой и другихъ либеральныхъ реформъ. Раздались голоса за отсрочку открытія новыхъ судовъ. Но Императоръ Александръ Николаевичъ хорошо понималъ безусловную необходимость проведенія въ жизнь Судебныхъ Уставовъ и открытіе столичныхъ судеб-

ныхъ учрежденій не было отсрочено, причемъ состоялось по желанію Государя съ полною торжественностью. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Онъ посѣтилъ приготовленное въ Петербургѣ зданіе для судебныхъ установленій и сказалъ будущимъ судебнымъ дѣятелямъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, призывая ихъ на вѣрное служеніе великому дѣлу правосудія [1]), правильному ходу котораго Онъ всегда придавалъ громадное значеніе. „И такъ въ добрый часъ, начинайте благое дѣло", заключилъ свое обращеніе Государь. Дѣятели призванныхъ къ жизни Императоромъ Александромъ Николаевичемъ судовъ не забыли Его Великой заслуги въ дѣлѣ водворенія правосудія; въ ихъ сознаніи имя Александра II навсегда неразрывно было связано съ однимъ изъ славнѣйшихъ памятниковъ Его Царствованія— Судебными Уставами 20 ноября 1864 года. Выразителями общаго настроенія явились московскія и нѣкоторыя другія судебныя установленія, вслѣдствіе ходатайства которыхъ состоялся 17 апрѣля 1884 года Высочайшій указъ о присвоеніи Судебнымъ Уставамъ Имени Императора Александра II.

Весьма большія услуги дѣлу судебнаго преобразованія оказалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, хотя непосредственно онъ почти не принималъ участія въ этой реформѣ. Проникнутый стремленіемъ къ законности и человѣчности не менѣе своего старшаго брата, онъ еще въ первые годы новаго царствованія провелъ по своему вѣдомству рядъ мѣръ, которыя по справедливости могутъ быть названы предвѣстниками судебной реформы, такъ какъ ими устанавливался совершенно новый гуманный взглядъ на подсудимаго [2]).

Эта новая точка зрѣнія была хорошо выражена слѣдующими строками одного изъ Высочайшихъ повелѣній, состоявшагося по представленію генералъ-адмирала: „лица, состоящія подъ слѣд-

---

[1]) Любопытно отмѣтить, какъ внимательно и осторожно относился Александръ II къ дѣламъ, относящимся до судебной реформы. Въ виду неуказанія порядка распредѣленія членовъ судовъ и палатъ по отдѣленіямъ, министръ юстиціи Замятнинъ предложилъ, чтобы распредѣленіе предварительно производилось судами, но съ утвержденія министра юстиціи. Государь велѣлъ разсмотрѣть это предположеніе въ Совѣтѣ Министровъ, а затѣмъ, по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ, велѣлъ надлежащую записку внести въ комитетъ Высочайше утвержд. для разсмотрѣнія вопросовъ по судебному преобразованію. Сен. Арх. Всеподд. записки мин. юстиціи. 1866 г., л. 108, помѣтка рукою Замятнина.

[2]) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в.в. Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Біографическій очеркъ.

ствіемъ и судомъ, доколѣ не будутъ обвинены, не суть еще преступники и посему могутъ быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности. Во всякомъ случаѣ обращеніе сь ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ". Въ 1855 году при аудиторіатскомъ департаментѣ была образована особая комиссія для переработки правилъ и наблюденія за скорѣйшимъ рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и объ отчетности въ ихъ производствѣ. Съ цѣлью возможнаго ускоренія и сокращенія переписки 22 декабря 1858 года отмѣнены были нѣкоторыя судебныя обрядности и установлены новыя правила письмоводства въ судахъ.

Наконецъ, въ военно-морской судъ внесено было до извѣстной степени начало гласности. По распоряженію Великаго Князя, явившемуся важнымъ нововведеніемъ, наиболѣе интересныя изъ морскихъ судебныхъ дѣлъ стали оглашаться во всеобщее свѣдѣніе на страницахъ „Морского Сборника".

Но всѣ эти мѣропріятія не измѣняли основныхъ началъ стараго военно-морского судопроизводства и поэтому, естественно, не могли привести къ существенному его улучшенію. Видя единственный исходъ изъ прежняго неудовлетворительнаго положенія военно-морского суда въ коренной реформѣ его, Великій Князь учредилъ въ іюлѣ 1857 г. при аудиторіатскомъ департаментѣ особый комитетъ по пересмотру свода морскихъ уголовныхъ постановленій, поручивъ ему составить проектъ морского суднаго устава на новыхъ, современныхъ началахъ. Если мы припомнимъ хронологическія данныя хода судебной реформы, то поймемъ все значеніе, которое имѣли начинанія Великаго Князя Константина Николаевича для укрѣпленія идеи о коренномъ судебномъ преобразованіи на основаніи началъ, принятыхъ лучшими западно-европейскими законодательствами. Эти новыя для Россіи начала суда оказались недостаточно извѣстными членамъ комитета и для успѣха ихъ работъ Великій Князь призналъ необходимымъ прежде всего собрать матеріалы за границей; съ этой цѣлью генералъ-аудиторъ флота, П. Глѣбовъ, былъ командированъ въ 1858 году во Францію и позднѣе, въ 1860 г. юрисконсультъ Морского Министерства Варрандъ — въ Англію. Результатомъ командировки Глѣбова былъ составленный имъ, примѣнительно къ судебнымъ учрежденіямъ Франціи, проектъ устава морского судоустройства и судо-

производства, въ основу которыхъ положены были самостоятельность судей, принципы обвинительнаго процесса, устность, гласность и пр.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1880 г. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, справедливо гордясь своимъ содѣйствіемъ великой реформѣ 1864 г., замѣтилъ, что проектъ военно-морского судебнаго устава 1860 г. много содѣйствовалъ принятію рѣшенія подвергнуть наше судоустройство и судопроизводство коренному преобразованію.

Дѣйствительно, этотъ проектъ, напечатанный въ 1860 г. за два года до утвержденія Основныхъ Положеній преобразованія судебной части въ Россіи, тотчасъ же былъ разосланъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, судебнымъ чинамъ (предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и губернскимъ прокурорамъ), а также юристамъ, профессорамъ университетовъ. Въ слѣдующемъ же году Морское Министерство напечатало два тома „Отзывовъ и замѣчаній разныхъ лицъ на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ". Онъ имѣлъ весьма важное значеніе въ общемъ ходѣ судебной реформы, такъ какъ настойчиво проводилъ мысль о коренномъ преобразованіи старыхъ морскихъ судовъ, раздѣлявшихъ весьма многіе недостатки общихъ судебныхъ мѣстъ, на началахъ несмѣняемости судей, устности и гласности судопроизводства и пр.

Великій Князь, выйдя, въ сущности говоря, изъ области подлежащихъ его непосредственному вѣдѣнію вопросовъ морского управленія, своимъ проектомъ смѣло поставилъ на очередь общую судебную реформу. Всѣ поняли значеніе этого шага и большинство восторженно привѣтствовало его проектъ, какъ „зарю прекрасной будущности для Россіи". Нѣкоторые находили неудобнымъ преобразовать морскіе суды, оставивъ въ общихъ судахъ всю прежнюю систему; но многіе поддерживали такую частную реформу, въ увѣренности, что „введеніе морского проекта въ дѣйствіе неминуемо повлечетъ коренное преобразованіе всего судопроизводства и судоустройства, какъ военнаго, такъ и гражданскаго". Морское вѣдомство,—писалъ К. П. Побѣдоносцевъ—хочетъ положить начало, показать примѣръ на практикѣ. „Благослови Боже это благое начинаніе морского вѣдомства". И дѣйствительно работы морского вѣдомства надъ преобразованіемъ своихъ судовъ имѣли большое показательное

значеніе, подготовляя умы къ общему судебному преобразованію; это была своего рода пропаганда новыхъ идей въ сферѣ судебнаго права, энергически руководимая роднымъ братомъ Государя при помощи талантливаго генералъ-аудитора флота Глѣбова.

Такимъ образомъ, хотя Великій Князь, отвлеченный польскими дѣлами и другими обстоятельствами, и не принималъ значительнаго участія въ постройкѣ новаго храма правосудія, но зато сдѣлалъ очень многое для расчистки подъ него почвы [1]).

Кромѣ Государя и Великаго Князя Константина Николаевича въ средѣ Царской Фамиліи было еще одно лицо, грубоко сочувствовавшее судебной реформѣ — это Великая Княгиня Елена Павловна (вдова Великаго Князя Михаила Павловича), которая сумѣла стать въ уровень съ вѣкомъ и понять неотложныя нужды Россіи; въ минуты колебанія и раздумья она поддерживала словомъ и совѣтомъ своего Царственнаго Племянника. Этой замѣчательной женщинѣ Россія многимъ обязана.—Она постоянно содѣйствовала всѣми доступными ей способами и средствами великимъ преобразованіямъ эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка, выдвинула и рекомендовала немало талантливыхъ людей. Памятникомъ непосредственнаго ея интереса къ судебной реформѣ осталось письмо лейпцигскаго профессора Вехтера, представлявшее собою обстоятельное мнѣніе о предстоящемъ судебномъ преобразованіи, съ разборомъ Основныхъ его Положеній, написанное по желанію Великой Княгини.

Великая Княгиня Елена Павловна отлично сознавала все значеніе новыхъ судовъ для Россіи и поэтому вмѣстѣ съ широкими кругами населенія скорбѣла, когда имъ угрожала какая либо опасность. Такъ, напримѣръ, она очень волновалась послѣ ухода Замятнина, боясь, что мѣсто его займетъ незнакомый съ дѣломъ, и вообще не подходящій человѣкъ, и на этомъ основаніи радовалась, когда графъ Паленъ сперва отказался отъ должности министра юстиціи, такъ какъ по прежней своей службѣ и дѣятельности онъ былъ совершенно неподготовленъ къ предназначенной ему роли [2]).

---

[1]) Морской Сборникъ 1862 г. т. 58. „Отчетъ по военно-судной части морского вѣдомства за 1861 годъ, предст. флота генералъ-аудиторомъ Глѣбовымъ“ и Павловъ-Сильванскій — „Очерки по русской исторіи въ XVIII и XIX в. в.“ Велик. Кн. Константинъ Николаевичъ, стр. 317—322.

[2]) Изъ неизданныхъ записокъ Б. Н. Чичерина.

Едва ли есть надобность распространяться о заслугахъ гр. Д. Н. Блудова въ дѣлѣ судебнаго преобразованія, такъ какъ онѣ уже отчасти выяснены выше. Можно поистинѣ удивляться энергіи этого престарѣлаго государственнаго человѣка, который, несмотря на свои семьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ, продолжалъ горячо интересоваться дѣломъ насажденія правосудія и руководить составленіемъ первоначальныхъ проектовъ Судебныхъ Уставовъ. Прослуживъ очень долгое время въ эпоху совершенно неблагопріятную какому либо поступательному развитію, въ эпоху, когда заботились преимущественно о поддержаніи твердой и сильной власти и мало интересовались вопросами правомѣрности и человѣчности, онъ сумѣлъ до старости сохранить живую струю въ душѣ своей и цѣнную способность усваивать новыя идеи и новыя понятія. Когда же судьба на смѣну ему привела къ великому дѣлу судебной реформы новыхъ людей, болѣе молодыхъ, которымъ поэтому легче было рѣшительнѣе пойти на встрѣчу общественнымъ пожеланіямъ и придать болѣе радикальный курсъ начатымъ при немъ работамъ, то онъ, чуждый мелкихъ побужденій, не только не тормозилъ и не препятствовалъ полезной дѣятельности своихъ преемниковъ, но относился къ ней съ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Если роль Блудова въ ходѣ судебнаго преобразованія до настоящаго времени вызывала въ литературѣ разногласія, такъ какъ многими отрицалось и самое значеніе производившихся подъ его наблюденіемъ работъ, то роль его преемника по руководству составленіемъ Судебныхъ Уставовъ—Буткова всѣми одинаково оцѣнивается.

Такіе весьма разнообразные во всѣхъ отношеніяхъ люди, какъ съ одной стороны Н. И. Стояновскій и А. Ѳ. Кони, а съ другой—князь В. П. Мещерскій и Викторъ Фуксъ—единодушно отмѣчаютъ вліяніе и авторитетъ Буткова въ дѣлѣ судебной реформы.

Владиміръ Петровичъ Бутковъ не получилъ широкаго образованія, но ясный, быстро схватывающій сущность всякаго дѣла умъ, энергія, пріобрѣтенный на продолжительной и разнообразной службѣ опытъ и, наконецъ, выдающееся умѣніе, можно сказать талантъ выбирать людей, дѣлали изъ него недюжиннаго государственнаго дѣятеля. Свѣтскій, необычайно пріятный въ обращеніи человѣкъ, обладавшій огромнымъ житейскимъ тактомъ и умѣвшій цѣнить своихъ даровитыхъ сотрудниковъ, онъ какъ

нельзя болѣе подходилъ для руководства сложными работами надъ судебнымъ преобразованіемъ. Въ то же время Бутковъ обладалъ счастливымъ даромъ отличнаго докладчика, что было весьма важно въ виду выпавшей на него доли служить посредникомъ между Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и составителями Судебныхъ Уставовъ. Среди ряда достоинствъ Буткова, какъ государственнаго человѣка, необходимо отмѣтить одно весьма цѣнное качество, которое раздѣляли съ нимъ и нѣкоторые другіе дѣятели той славной эпохи (какъ напримѣръ Замятнинъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской)—это отсутствіе страха, что талантливые помощники могутъ оказаться ему конкурентами, затмить его собственную дѣятельность. Чуждый такой малодушной боязни и мелкаго самолюбія, онъ охотно слѣдовалъ въ дѣлѣ судебнаго преобразованія указаніямъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, лучше его образованныхъ и лучше подготовленныхъ къ разработкѣ сложныхъ вопросовъ судебнаго права.

Изучая дружную и солидарную дѣятельность большой группы лицъ очень трудно установить, что сдѣлано каждымъ изъ нихъ, и отдѣлить работу ея главы и руководителя отъ прочихъ членовъ. Въ такомъ именно положеніи мы оказываемся, выясняя роль Буткова при разработкѣ въ Государственной Канцеляріи сперва основныхъ началъ судебнаго преобразованія, а затѣмъ и проектовъ Судебныхъ Уставовъ. Но есть одно несомнѣнное положеніе, что успѣшная дѣятельность комиссіи, особенно многолюдной, находится въ тѣсной зависимости отъ ея организаціи и направленія работъ; въ данномъ случаѣ и организація и направленіе были очень хороши, поэтому и дѣятельность была весьма успѣшна. Бутковъ, повидимому, отлично понималъ, что нужно ковать желѣзо пока оно горячо, нужно торопиться, пока въ правящихъ сферахъ было достаточное количество убѣжденныхъ сторонниковъ коренного судебнаго преобразованія, въ этомъ направленіи на него воздѣйствовали и ближайшіе сотрудники и, прежде всего, С. И. Зарудный.

Энергическая настойчивость Буткова сыграла большую роль въ ходѣ судебнаго преобразованія,—по авторитетному мнѣнію Стояновскаго, хорошо знавшаго людей и отношенія того времени, а также всю обстановку, въ которой составлялись и обсуждались Судебные Уставы—безъ Буткова и его умѣнія „устра-

нять препятствія, неоднократно встрѣчавшіеся при разсмотрѣніи новыхъ началъ, внесенныхъ въ Судебные Уставы—утвержденіе ихъ въ томъ видѣ какъ оно состоялось и обращеніе къ исполненію могло бы значительно замедлиться", а замедленіе какъ извѣстно нерѣдко оказывается „смерти невозвратной подобно". Такимъ образомъ заслуги Буткова весьма серьезны и можно быть увѣреннымъ, что исторія ихъ не забудетъ.

Среди лицъ, поработавшихъ надъ судебной реформой, видная роль выпала на долю кн. П. П. Гагарина, который вошелъ къ Государю съ докладомъ о порученіи Государственной Канцеляріи изложить соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ „несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должна быть преобразована судебная часть въ Имперіи", а затѣмъ предсѣдательствовалъ въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта при обсужденіи Основныхъ Положеній судебнаго преобразованія и въ обоихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта (Соединенныхъ Департаментахъ и Общемъ Собраніи) при обсужденіи составленныхъ комиссіей проектовъ Уставовъ.

Изслѣдователи эпохи шестидесятыхъ годовъ по большей части останавливаются на указанномъ докладѣ, но почти не упоминаютъ о значеніи кн. Гагарина, какъ предсѣдателя; едва ли такое отношеніе можетъ быть названо правильнымъ, такъ какъ умѣлое и доброжелательное его руководство засѣданіями Государственнаго Совѣта принесло большую пользу дѣлу судебной реформы. Нельзя не отмѣтить, что онъ былъ хорошо подготовленъ къ выпавшей ему роли. Продолжительная служба оберъ-прокуроромъ Сената, затѣмъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, личное знакомство со всѣми деталями старыхъ порядковъ во время произведенной имъ ревизіи Астраханской губерніи и постоянный интересъ къ юридическимъ вопросамъ сдѣлали его очень опытнымъ и отлично понимавшимъ неотложныя задачи правосудія государственнымъ человѣкомъ. Предсѣдательствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ много содѣйствовалъ полному выясненію важнѣйшихъ началъ судебнаго преобразованія, обстоятельному и глубокому ихъ обсужденію и основательной разработкѣ необходимыхъ подробностей; при разсмотрѣніи проектовъ онъ строго охранялъ неприкосновенность

великихъ принциповъ, которые были положены въ ихъ основаніе и много способствовалъ единству и стройности судебной реформы.

Когда Судебные Уставы стали проводиться въ жизнь и встрѣтили во многихъ администраторахъ и нѣкоторой части правящей среды недоброжелательное къ себѣ отношеніе, то кн. Гагаринъ не только продолжалъ вѣрить въ нихъ, но и старался посильно ограждать этотъ законодательный актъ отъ попытокъ, клонившихся къ его искаженію.

Среди составителей Судебныхъ Уставовъ особенно видное мѣсто принадлежитъ С. И. Зарудному, дѣятельность котораго уже давно справедливо оцѣнена всѣми, кто занимался изученіемъ эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Зарудный много и серьезно потрудился для осуществленія своей любимой мысли о коренномъ судебномъ преобразованіи, онъ стоялъ у этого дѣла съ самаго его возникновенія, а въ важнѣйшій періодъ работы, исправляя должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, былъ центромъ и душой всей его организаціи. Отлично знакомый съ вопросами судоустройства и процесса, Зарудный пользовался огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на Буткова и кн. Гагарина. Обладая замѣчательной энергіей и трудолюбіемъ, онъ работалъ не только цѣлые дни, но нерѣдко и ночи, а въ комиссіяхъ горячо спорилъ и страстно отстаивалъ свои мнѣнія, клонившіяся обыкновенно къ возвышенію судебной власти и развитію важнѣйшихъ принциповъ предстоящей реформы. Многія высказанныя имъ положенія повліяли на выработку основныхъ началъ судебнаго преобразованія, а затѣмъ и статей Уставовъ, а нѣкоторыя перешли въ Судебные Уставы цѣликомъ, какъ напримѣръ, по поводу порядка собиранія въ судѣ голосовъ, о присяжныхъ повѣренныхъ и проч.—Заслуги Заруднаго привлекли къ нему общее уваженіе, работавшихъ рядомъ съ нимъ лицъ, начиная съ Буткова, который 22 ноября 1864 года препроводилъ ему первый экземпляръ Судебныхъ Уставовъ „какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ осуществленіемъ".

По окончаніи работъ по судебному преобразованію Зарудный привелъ въ порядокъ и систематизировалъ огромное количество матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи состави-

телей Судебныхъ Уставовъ и изготовилъ имъ опись, благодаря чему значительно облегчилось пользованіе этими документами, имѣющими необычайную цѣнность для изученія исторіи русской государственности и вообще эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Работами Джаншіева и другихъ изслѣдователей роль Зарудnаго въ дѣлѣ судебной реформы достаточно выяснена и заслуги его хорошо извѣстны широкому кругу читающей публики; въ такомъ счастливомъ какъ онъ положеніи находятся еще лишь двое „отцовъ Судебныхъ Уставовъ“ — Буцковскій и Ровинскій, которымъ посвящаетъ рядъ интересныхъ страницъ въ своихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони, сумѣвшій оживить передъ нами этихъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи 60-хъ годовъ XIX вѣка, отдавшихъ на служеніе великому дѣлу судебной реформы всѣ силы своего недюжиннаго ума, огромной эрудиціи и выдающагося трудолюбія.

Большая же часть лицъ, работавшихъ надъ судебнымъ преобразованіемъ, даже такихъ видныхъ, какъ напримѣръ, Побѣдоносцевъ, Плавскій, Даневскій, ждетъ еще любящей руки, которая бы вскрыла и разъяснила заслуги каждаго изъ нихъ, для сохраненія вѣчной памяти благодарнаго потомства объ этой замѣчательной плеядѣ дѣятелей, создавшихъ твердый фундаментъ для водворенія въ Россіи правового строя.

IX. Отношеніе современниковъ къ судебной реформѣ.

Изданіе Судебныхъ Уставовъ вызвало полное удовлетвореніе въ широкихъ кругахъ населенія, недовольныхъ почти не было; даже изъ славянофильскаго лагеря, откуда слышались отрицательные отзывы на Основныя Положенія судебнаго преобразованія, теперь раздались сочувственныя слова. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія новыхъ судовъ И. С. Аксаковъ удостовѣрялъ, что „едва ли какое преобразованіе, кромѣ уничтоженія крѣпостного права, такъ быстро принялось на нашей почвѣ, такъ быстро пустило корни въ народное, именно въ

народное и даже простонародное сознаніе, какъ новыя судебныя учрежденія". „Правый судъ, судъ самостоятельный, независимый и равный для всѣхъ призванъ обновить русскую жизнь во всѣхъ ея отправленіяхъ, государственныхъ, соціальныхъ, бытовыхъ и поднять общій уровень народной нравственности; одно изъ величайшихъ достоинствъ новаго гласнаго уголовнаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что противорѣчіе закона съ нравственными понятіями общества, съ требованіями общественной совѣсти уже не можетъ, какъ прежде, укрываться во тьмѣ судейскихъ и административныхъ порядковъ, а выступаетъ на свѣтъ дневной, колетъ глаза нестерпимою яркостью правды".

Близкій Аксакову по духу человѣкъ, профессоръ Лешковъ съ удовлетвореніемъ отмѣчалъ, что Судебные Уставы воскресили, въ сущности говоря, нашъ самобытный судъ, которымъ судились еще древніе славяне, дополнивъ его выработанными на западѣ формами, а не принципами, такъ какъ принципы обвинительнаго процесса всегда были присущи русскому народу [1]).

Но самымъ яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія и общественнаго отношенія къ судебной реформѣ явился Катковъ, помѣстившій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" рядъ восторженныхъ статей объ этомъ преобразованіи. „Немного изъ того, что свершилось прежде, говоритъ онъ въ одной изъ нихъ, и немногое изъ того, что намъ обѣщаетъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности и значенію съ этимъ великимъ преобразованіемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство, и его впервые получаетъ теперь Россія. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь совершенно новое начало, которое положитъ явственную грань между прошлымъ и грядущимъ, и которое не замедлитъ отозваться во всемъ. Дѣйствіе его не ограничится сферою собственно судебныхъ установленій; какъ стихія, она разольется повсюду и всему дастъ новый видъ, новую силу, новое значенье... Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою. Судъ независимый

---

[1]) Юридическая газета. 1866 г.; ср. также статью Лякуба, Судебная газета. 1890 г., № 14.

и самостоятельный, не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду“ [1]).

Катковъ называлъ Судебные Уставы „драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ“ и высказывалъ полную увѣренность, что „исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи“. Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе публицисты, находившіе, что Судебные Уставы представляютъ изъ себя превосходную обработку лучшихъ юридическихъ теорій, приспособленныхъ для потребностей русскаго быта и русской жизни [2]).

Академикъ Никитенко считалъ Судебные Уставы „великолѣпнымъ монументомъ“ и правильно оцѣнивалъ ихъ значеніе, какъ оплота законности въ русской жизни [3]). Лучшія силы молодой Россіи, стремились служить въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ—это прекрасно свидѣтельствовало объ отношеніи общества къ только что изданному законодательному акту. Такіе взгляды и такія чувства къ судебной реформѣ совершенно понятны и вполнѣ естественны, такъ какъ по справедливому выраженію Н. В. Муравьева, „Судебные Уставы даровали Россіи итогъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія [4])“. Интересно, что послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, такъ же, какъ и послѣ изданія

[1]) Московскія Вѣдомости. 1866 г. № 86.

[2]) На эту сторону реформы многіе обращали вниманіе; см. напр. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, стр. 310, изд. 1872 г.

[3]) „Въ этомъ же 1864 году была проведена судебная реформа; лучшія силы молодой Россіи стремились служить въ этомъ вѣдомствѣ, которое сразу пріобрѣло уваженіе и довѣріе общества. И оно его заслуживало. Первые юридическіе дѣятели, создавшіе нашъ судъ, могли по справедливости сравняться съ мировыми посредниками перваго призыва, сумѣвшими осуществить по всему пространству Россіи упраздненіе крѣпостного права. Люди явились тогда. Они вѣрили въ свое дѣло и въ жизненность его и примѣняли свои знанія на созидательной работѣ, которая, какъ бы она ни заключала въ себѣ детальныхъ неизбѣжныхъ ошибокъ, остается какъ памятникъ ихъ вѣрно направленныхъ стремленій“. Мои воспоминанія. Е. А. Нарышкиной, стр. 242. Другой современникъ говоритъ: „зрѣлые люди и юношество высшихъ учебныхъ заведеній устремились на новое поприще, одушевленные однимъ желаніемъ правосудія и пользы отечества“. Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія, стр. 14.

[4]) Показателемъ общественнаго интереса къ Судебнымъ Уставамъ и созданному ими новому судебному строю могутъ служить довольно многочисленные проекты частныхъ лицъ о различныхъ дополненіяхъ, улучшеніяхъ или просто о наилучшемъ проведеніи въ жизнь положеній, высказанныхъ Уставами; таковы, напр., проектъ генералъ-адъютанта Огарева о подготовкѣ присяжныхъ повѣренныхъ — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 5838, проектъ академика Жуковскаго объ измѣненіи порядка избранія мировыхъ судей въ Петербургѣ. Тамъ-же, дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 5826 и др.

Основныхъ Положеній, раздались голоса о томъ, что новымъ учрежденіямъ будетъ не легко дѣйствовать среди старыхъ, созданныхъ еще въ Екатерининское время и отражающихъ совершенно другія идеи и взгляды, что неизбѣжны тренія и столкновенія [1]).

Останавливаясь на отдѣльныхъ положеніяхъ Судебныхъ Уставовъ, печать прежде всего съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчала отдѣленіе судебной власти и независимость ея отъ администраціи, въ чемъ она справедливо усматривала „самое существенное условіе правильнаго суда". „Безъ полной независимости отъ администраціи, писалось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", наше новое судоустройство не могло бы имѣть силы, какъ бы ни было обставлено и въ какія бы формы не облекалось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ" [2]).

Особенное сочувствіе вызывалъ мировой институтъ [3]) и судъ присяжныхъ, въ которомъ видѣли живую общественную силу и лучшую гарантію гражданской свободы [4]).

Новыя правила судопроизводства всѣ находили крайне простыми и понятными для каждаго и особенную надежду возлагали на гласность и публичность, въ нихъ видѣли серьезное обезпеченіе для правдиваго суда, независимо даже отъ личныхъ качествъ самихъ судей. Поэтому къ сохраненію публичности во вновь открытыхъ судахъ относились крайне ревниво. „Правда ли", писалось въ серединѣ 1866 года въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ, начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно

---

[1]) Московскія Вѣдомости. 1865 г. № 80.

[2]) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ судебной реформы К. К. Арсеньевъ справедливо говорилъ: „для того, чтобы отдѣленіе судебной власти отъ власти исполнительной или административной могло считаться окончательно совершившимся, недостаточно одного невмѣшательства администраціи въ дѣла, производимыя судомъ; необходимо еще, чтобы кругъ дѣйствій судебной власти не былъ стѣсненъ произвольными опредѣленіями, чтобы онъ распространялся на всѣ безъ изъятія дѣла, по существу своему судебныя" („Вѣстн. Европы" 1871 г., кн. 3, стр. 357).

[3]) См. напр., интересныя статьи К. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы" 1871 г.

[4]) Московскія Вѣдомости. 1866 г. № 86, и 1867 г. № 69.

развиваться, ничто не можетъ уберечься отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ: правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть" [1].

Одобреніе общества и печати вызывала гуманность Судебныхъ Уставовъ, опредѣленное стремленіе ихъ обезпечить дѣйствительно невиновнымъ—оправданіе и постоянное уваженіе къ человѣческой личности, въ чемъ правильно видѣли коренное отличіе ихъ отъ прежняго законодательства.

Относясь съ полнымъ сочувствіемъ и серьезнымъ вниманіемъ къ Судебнымъ Уставамъ, печать не ограничивалась только ихъ восхваленіемъ, раздались и серьезныя критическія замѣчанія,—указывали, напримѣръ, на зависимость назначенія чиновъ судебнаго вѣдомства отъ министра юстиціи, на неудовлетворительность порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ, на нѣкоторые недостатки въ организаціи суда присяжныхъ и мирового института и проч. [2].

Недовольные судебной реформой голоса раздавались преимущественно изъ среды высшей администраціи; такъ, къ ней отрицательно относились шефъ жандармовъ Шуваловъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, директоръ одного изъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ гр. Д. Н. Толстой [3] и др. Валуевъ даже пытался пробить брешь въ Судебныхъ Уставахъ и посильно ихъ испортить при самомъ составленіи. 12 ноября 1863 года онъ прислалъ министру юстиціи на заключеніе проектъ реформы полиціи въ Петербургѣ и Москвѣ, по которому полиція раздѣлялась на исполнительную и судебную; по словамъ проекта эта послѣдняя намѣчалась въ духѣ Основныхъ Положеній судебнаго преобразованія, но на самомъ дѣлѣ было далеко не такъ. Полицейскихъ судей, которые по мысли Валуева должны быть созданы вмѣсто мировыхъ, предполагалось опредѣлять по назначенію министра юстиціи; въ видѣ апелляціонной инстанціи проектировался городовой судъ съ

---

[1]) Моск. Вѣд. 1866 г. № 198.

[2]) Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, изд. 1872 г., стр. 287 и слѣд.; статьи К. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы" 1871 года.

[3]) См. Русскій Архивъ, 1885 г., т. II, стр. 65, изъ записокъ гр. Дмитрія Николаевича Толстого.

весьма обширною властью и исключительнымъ преобладаніемъ предсѣдателя, совершенно не въ духѣ Судебныхъ Уставовъ, затѣмъ создавались особые стряпчіе и проч. [1]). Эта попытка Валуева встрѣтила самый энергичный отпоръ Министерства Юстиціи и не имѣла практическихъ послѣдствій. Вообще, Министерство Юстиціи, руководимое Замятнинымъ и его товарищемъ Стояновскимъ, также, какъ большинство людей той эпохи, глубоко сочувствовало судебной реформѣ и еще во время обсужденія Судебныхъ Уставовъ начало энергически готовиться къ открытію новыхъ судовъ. Вполнѣ справедливый отзывъ объ этой дѣятельности даетъ самъ Замятнинъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Юстиціи за 1864 г., въ которомъ между прочимъ говорится: „Съ того времени, какъ Основныя Положенія преобразованія судебной части удостоились Высочайшаго утвержденія, содѣйствіе успѣху этого преобразованія сдѣлалось главною обязанностью министра юстиціи. Поэтому послѣ изданія Основныхъ Положеній дѣятельность Министерства была посвящена преимущественно разсмотрѣнію и обсужденію вопросовъ, касающихся непосредственно судебнаго преобразованія и изысканію мѣръ, которыя подготовили бы судебное вѣдомство къ новому его устройству".

Мѣропріятія Министерства въ этомъ направленіи были весьма разнообразны, оно заботилось о подготовкѣ надлежащихъ зданій для новыхъ судовъ, старалось ускорить окончаніемъ производящіяся въ старыхъ судахъ дѣла, чтобы облегчить работу будущихъ судебныхъ дѣятелей, составило сборники сенатскихъ рѣшеній, прилагало энергическія старанія къ улучшенію личнаго состава вѣдомства, интересовалось подготовкой стенографовъ для записыванія судебныхъ преній и пр. Однимъ словомъ, видно серьезное желаніе подготовить надлежащую почву для новыхъ судовъ, виденъ живой духъ, охватившій это, много лѣтъ пребывавшее въ состояніи омертвенія, вѣдомство [2]).

Провинціальное общество съ нетерпѣніемъ ожидавшее изданія Судебныхъ Уставовъ, отнеслось къ судебной реформѣ съ пол-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 4091.

[2]) См. Тамъ же. Всепод. отчеты мин. юст. за 1862—1866 г.г. и всепод. доклады и записки м-ра юст. за 1863 и 1864 г.г. Чтобы дать представленіе о томъ, насколько Министерство Юстиціи было во время изданія Судебныхъ Уставовъ подготовлено

нымъ одобреніемъ—дворянство, города, только что образованныя земства и многія частныя лица, одинаково спѣшили выразить свои чувства, при этомъ они не ограничивались одними словами, а готовы были на весьма значительныя жертвы для скорѣйшаго открытія новыхъ судовъ.

Интересно замѣтить, что многія незначительные города предлагали пожертвовать довольно крупныя суммы, такъ, напримѣръ—Устюжна 5000 руб., Череповецъ наемную плату за помѣщеніе суда въ теченіе 10 лѣтъ, Боровичи предлагали принять на свой

по своему личному составу къ судебной реформѣ, приведемъ таблицу о полученномъ чинами вѣдомства образованіи:

Изъ числа лицъ, занимающихъ должности.	Число лицъ.	Получили образованіе. Въ высшихъ юридическихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ.	Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.
Оберъ-прокуроровъ . . .	14	13	—	1	—
Чиновниковъ, состоящихъ за оберъ - прокурорскимъ столомъ	25	22	1	2	—
Оберъ-секретарей . . .	42	39	1	1	1
Секретарей	87	75	—	8	4
Губернскихъ, областныхъ и иныхъ мѣстъ прокуроровъ	73	53	3	8	9
Товарищъ прокурора . .	1	1	—	—	—
Предсѣдателей судебныхъ палатъ и коммерческихъ судовъ . .	105	51	4	25	25
Товарищей предсѣдателей	98	76	3	13	6
Совѣтниковъ	37	10	—	5	22
Губернскихъ, областныхъ и войсковыхъ стряпчихъ	113	66	3	27	17
Уѣздныхъ, окружныхъ, полицейскихъ стряпчихъ и прокуроровъ .	521	102	4	210	205
Утвержденныхъ Министерствомъ Юстиціи судебныхъ слѣдователей	482	287	7	126	62
Итого въ 1865 г. .	1598	795	26	426	351
А въ 1864 г. . . .	1303	617	22	358	306

Слѣдовательно, въ личномъ составѣ число лицъ, получившихъ юридическое образованіе къ 1866 году увеличилось на 178 человѣкъ. Это увеличеніе замѣтно въ особенности въ числѣ судебныхъ слѣдователей и уѣздныхъ стряпчихъ.

(Отчетъ Министерства Юстиціи за 1865 г., стр. 21 и 21 обр.).

счетъ полный ремонтъ и приспособленія для суда стараго обгорѣлаго казеннаго зданія и проч. [1]).

Иностранцы, интересовавшіеся судебной реформой 20 ноября 1864 года, относятся къ ней съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Англійскій публицистъ Мекензи Уоллесъ, хорошо знакомый съ Россіей и ея учрежденіями 70-хъ годовъ XIX вѣка, отмѣчалъ необычайную простоту и симетричность созданнаго Уставами 1864 года судебнаго строя и хотя указывалъ на нѣкоторыя заимствованія изъ Франціи и Англіи въ частностяхъ, но подчеркивалъ несомнѣнную оригинальность цѣлаго [2]).

Въ такомъ же духѣ высказывался неоднократно цитированный нами Анатоль Леруа Болье, находившій, что изъ всѣхъ реформъ царствованія Александра II наибольшее вліяніе на государственную власть, нравы и общественную жизнь имѣла судебная реформа.

Еще болѣе горячій отзывъ даетъ другой французскій писатель—де-Кардонъ [3]), въ своей содержательной работѣ о царствованіи Императора Александра II. Судебная реформа 1864 года, говоритъ онъ, основанная на непреложныхъ аксіомахъ современной юридической науки, наиболѣе плодотворна изъ всѣхъ реформъ этой эпохи; она создала въ Россіи суды, достойные этого имени, провозгласила отдѣленіе судебной власти отъ административной и равенство всѣхъ передъ закономъ. Она пріобщила гражданъ къ отправленію правосудія, возвысила народную совѣсть, сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ основаній новой Россіи и навсегда останется благороднѣйшей побѣдой славнаго царствованія Александра II, проникнутаго стремленіемъ къ правомѣрности и прогрессу.

Широкое сочувствіе къ Судебнымъ Уставамъ объясняется тѣмъ, что они, какъ съ точки зрѣнія идейной, такъ и съ точки зрѣнія технической, стояли на высотѣ современныхъ требованій,—

---

[1]) Сен. Арх. Именные Указы 1866 г. № 789, л. л. 32—34 обор.

[2]) D. Mackenzie Wallace. „La Russie". Traduit de l'anglais. Tom. II, page 347—377.

[3]) De Cardonne. L'Empereur Alexandre II (vingt six ans de règne), pages 348, 512, 519, 522—524, 526 и 527.

вполнѣ удовлетворяли давно сознанной необходимости коренного переустройства судебной части. Они всецѣло проникнуты двумя величайшей важности началами—правомѣрностью и человѣчностью, отъ которыхъ отправляются всѣ современныя понятія о человѣческомъ общежитіи. Судебные Уставы знаменовали собою рѣшительный поворотъ отъ произвола, бездушія и узкаго формализма въ отношеніяхъ власти къ подданнымъ — къ признанію незыблемой силы закона и уваженію правъ человѣческой личности, даже впавшей въ преступленіе.

Этотъ замѣчательный законодательный памятникъ отразилъ лучшія стороны русской души, пробудившейся въ первые годы царствованія Александра II послѣ долгаго и тяжелаго сна, онъ отвѣтилъ на горячія желанія общества и его умственныхъ вождей, лучшихъ писателей нашей земли.

Вотъ почему Судебные Уставы, съ которыми неразрывно соединено Великое имя Императора Александра II, сдѣлались съ первыхъ же дней послѣ изданія близки и дороги сердцу почти каждаго русскаго человѣка—населеніе полюбило и оцѣнило новые суды, и каждое посягательство на самостоятельность или достоинство ихъ всегда вызывало неудовольствіе и искреннее огорченіе широкихъ общественныхъ круговъ.

Русскій народъ, много вѣковъ страстно томившійся по истинному правосудію,—наконецъ дождался такого судебнаго строя, который обезпечиваетъ его гражданскія права и удовлетворяетъ его нравственному чувству.

Судебные Уставы 20 ноября 1864 года навсегда останутся прекраснымъ памятникомъ русскаго творчества.

И. Блиновъ.

Вліяніе иностранныхъ законодательствъ на составленіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года.

Введеніе. Значеніе Судебныхъ Уставовъ. Трудность задачи ихъ составленія. Упреки въ рабскомъ перенесеніи чужеземныхъ порядковъ. Мнѣнія Кошелева, Шевырева, Аксакова, Каткова, Семенова, Фукса, Скальковскаго. I глава. Судебныя законодательства первой половины XIX столѣтія. Зародыши обновленія судебныхъ началъ въ законодательствѣ французской революціи. Code de procedure civile 1806 года. Code d'instruction criminelle 1808 года. Законъ 20 апрѣля 1810 года о французскомъ судоустройствѣ. Заимствованіе французскаго законодательства другими государствами. Научныя работы и иностранныя законодательства, на которыя ссылались составители Судебныхъ Уставовъ. II глава. Учрежденіе Судебныхъ Установленій 20 ноября 1864 года. Самобытность русской судебной организаціи. Рѣзкія черты несходства съ французскою организаціею. Отдѣленіе суда отъ властей законодательной и управленія. III глава. Значеніе Устава Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года. Мнѣніе Миттермайера. Черты, отличающія русскій уголовный процессъ отъ французскаго и англійскаго процессовъ. Сокращеніе особыхъ дореформенныхъ порядковъ судопроизводства. IV глава. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства. Мнѣніе К. И. Малышева. Значеніе общихъ началъ гражданскаго процесса. Историческое ихъ развитіе. Сопоставленіе Устава Гражданскаго Судопроизводства съ итальянскимъ уставомъ 1859 года. Главныя черты несходства между ними. V глава. Вылазки противъ Судебныхъ Уставовъ К. Д. Кавелина. Несостоятельность высказаннаго имъ взгляда. Судебные Уставы въ качествѣ Уставовъ „освобожденія".

Значеніе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года въ нашей общественной и государственной жизни громадно. Это одинъ изъ величайшихъ законодательныхъ памятниковъ въ нашей исторіи, который характеризуетъ цѣлую эпоху. Мѣсто ему въ исторической галлереѣ такихъ памятниковъ на ряду съ Русскою Правдою, Псковскою Судною Грамотою, Судебниками и Соборнымъ Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича. По самому своему заданію Судебные Уставы, призванные водворить правосудіе въ Россіи, относятся къ той области права, которая упорядочиваетъ самыя серьезныя проявленія государственнаго властвованія, затрогивая вмѣстѣ съ тѣмъ и самые животрепещущіе интересы всѣхъ и каждаго. Гдѣ же, какъ не въ судѣ, можетъ найти настоящую

защиту всякій, права котораго попраны? Гдѣ же, какъ не въ судѣ, можетъ быть назначена примиряющая всѣхъ кара нарушителю закона? Судъ есть вѣнецъ всякаго права, его послѣднее слово. „Благо Царей", свидѣтельствуетъ народная мудрость, „въ правдѣ судей"; „судья праведный", поясняетъ она же, „ограда каменная". И, дѣйствительно, судъ есть „ограда" противъ всего незакономѣрнаго. Карая подсудимаго, присуждая съ отвѣтчика отыскиваемое съ него, судъ это дѣлаетъ только по отношенію къ подсудимому, виновному въ совершеніи преступленія, и лишь относительно отвѣтчика, учинившаго гражданскую неправду, становясь на защиту подсудимаго невиновнаго, отвѣтчика, неправильно привлеченнаго къ отвѣту.

Выпавшая на долю незабвенныхъ составителей Судебныхъ Уставовъ трудная и отвѣтственная задача дать Россіи истинный судъ послѣ долгихъ, можно сказать, вѣковыхъ ея поисковъ „суда праваго" была ими выполнена блистательно. Маколей, въ четвертомъ томѣ своей Англійской Исторіи, высказываетъ мысль о томъ, что „совершенный законодатель долженъ представлять истинную середину между человѣкомъ чистой теоріи, который ничего не видитъ, кромѣ общихъ принциповъ, и человѣкомъ чистой практики, который не въ состояніи видѣть чего либо, кромѣ частностей". Такое законодательное совершенство несомнѣнно проявили составители Судебныхъ Уставовъ. „Руководительная власть земли, говорилъ на собственномъ юбилеѣ Ѳ. Н. Плевако, призвала людей, которые, точно пророки во время свое, точно на то и родились, на то и пришли въ міръ, чтобы отдаться работѣ честной и святой. Дорогія, незабвенныя имена составителей уставовъ обновленія,—не станемъ называть ихъ, продолжалъ знаменитый ораторъ, чтобы случайное неупоминаніе кого либо не сочли за непризнаніе заслугъ,—проходятъ передъ нашимъ внутреннимъ зрѣніемъ величавые, блистающіе чистотой совѣсти и патріотически-настроеннаго сердца . . . . Почтите ихъ въ тайникахъ вашего духа, какъ строителей царства правды и обновленія!... И слово плоть бысть. Идеи перешли въ Уставы, Уставы—въ жизненныя нормы" [1]).

Трудность отвѣтственной задачи, выпавшей на долю составителей Судебныхъ Уставовъ, опредѣлялась, главнымъ образомъ,

[1]) Ф. Плевако. Рѣчи, т. I, стр. 340.

необходимостью считаться съ двумя противоположными требованіями. Одно изъ нихъ вытекало изъ невозможности ограничиваться полумѣрами. Новый судъ надо было строить на прочныхъ основаніяхъ, чтобы онъ не ушелъ въ ту болотистую почву, на которой его приходилось воздвигать. Необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить притокъ къ нему свѣжаго воздуха, который разсѣялъ бы міазмы, скопившіеся въ русскихъ судахъ со временъ московской волокиты. Для этого нужно было быстрое и рѣзкое преобразованіе, которое вышло бы на свѣтъ, подобно Минервѣ изъ головы Юпитера, во всеоружіи на борьбу съ старымъ порядкомъ, смѣшавшимъ кривду съ правдою. Между тѣмъ крутой и стремительный разрывъ съ прошлымъ не могъ не быть опаснымъ. Со всею работою могло случиться то, что произошло съ Крыловскимъ конемъ, который, смотря съ презрѣніемъ на битюга, спускающаго осторожно на своемъ могучемъ хребтѣ возъ подъ гору, пожелалъ показать, какъ нужно ѣздить, и ринулся со всѣхъ четырехъ ногъ. „И съ возомъ бухъ въ канаву", наставительно поясняетъ Крыловская басня, „прощай хозяйскіе горшки". Слава Богу, этого не случилось съ работою составителей Судебныхъ Уставовъ. Но не случилась бѣда исключительно благодаря тому, что они считались и съ требованіемъ, противоположнымъ тому, которое мы указали. Строя новое зданіе для правосудія, они учитывали наши бытовыя и общественныя условія. Только потому не рухнуло все зданіе и вся ихъ работа не превратилась въ „битые горшки".

Пятидесятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ побуждаетъ насъ обратить серьезное вниманіе на указанную послѣднюю сторону въ работахъ составителей Судебныхъ Уставовъ, которая оставалась незамѣченною не только многими ихъ современниками, но даже прямо отвергалась послѣдующими противниками происшедшаго судебнаго преобразованія, видѣвшими въ Судебныхъ Уставахъ рабское перенесеніе къ намъ чужеземныхъ судебныхъ порядковъ, совершенно, по ихъ мнѣнію, не приспособленныхъ къ условіямъ нашей общественной и государственной жизни.

Такъ, напримѣръ, участникъ крестьянской реформы Кошелевъ характеризовалъ нашему историку и публицисту Погодину судебное преобразованіе слѣдующимъ образомъ: „прочелъ мнѣніе Государственнаго Совѣта съ проектомъ о главныхъ началахъ нашего будущаго судопроизводства и судоустройства. Право,

очень хорошо, не мѣшало бы теперь еще издать законъ о томъ, чтобы всѣ въ Россіи пахали не иначе, какъ плугами. Такой законъ для сельскаго хозяйства былъ бы отлично полезенъ; но вопросъ: откуда взять плуги и гдѣ достать въ достаточномъ количествѣ лошадей годныхъ для плуговъ? Право—славно: у насъ будутъ, по щучьему велѣнью и по нашему прошенію,—и адвокаты, и предсѣдатели, способные вести судныя дѣла и пренія такъ, какъ того требуютъ наука и практика. Знаете, безъ смѣха нельзя читать этого прекраснаго сочиненія: хорошо, очень хорошо, а никуда не годится"! [1]) Тому же Погодину профессоръ русской словесности Московскаго университета Шевыревъ выражалъ слѣдующія опасенія: „Любопытны пренія о судебной реформѣ. Не думаю, чтобы могла у насъ приняться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всегонительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго. Думаю, что русскій человѣкъ адвокату своей неправды способенъ будетъ публично сказать: да вѣдь ты все лгалъ. Я въ самомъ дѣлѣ убійца. И что это за власть Императорская, которая будетъ только гнать и обвинять? нѣтъ, у насъ должно быть что нибудь другое" [2]).

Даже И. С. Аксаковъ, впослѣдствіи горячій защитникъ Судебныхъ Уставовъ, въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „День" 13 октября 1862 г. откололся отъ „общаго увлеченія" нашей печати по поводу обнародованія основныхъ положеній судебной реформы. „Телеграфическія нити всюду, куда только простираются онѣ, разнесли, писалъ онъ, по Россіи извѣстіе, что ей ассигнованы самыя новѣйшія либеральныя судебныя учрежденія, что старой судебной кривдѣ, полтораста лѣтъ въѣдавшейся и наконецъ въѣвшейся въ народную жизнь, сказанъ конецъ, и что неуклюжій судебный порядокъ, клейменный нѣмецкимъ штемпелемъ довольно низкой пробы, смѣненъ порядкомъ высшаго качества, аттестованнымъ за наилучшій всею Европою". Нашему знаменитому публицисту, славянофилу и носителю русскаго народнаго духа не нравилась на первыхъ порахъ судебнаго преобразованія казавшаяся ему „заимствованность" судебной реформы. Зато потомъ онъ былъ воодушевленнымъ ея защитникомъ. Когда враги новаго суда старались доказать, что онъ колеблетъ престижъ государ-

---

[1]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 19, стр. 475.

[2]) Тамъ же, стр. 476.

ственной власти, то, возставая противъ такой точки зрѣнія, И. С. Аксаковъ писалъ въ „Москвичѣ“, что „крики реакціонной печати противъ судебныхъ и мировыхъ учрежденій недобросовѣстны, ибо отъ обновленія правосудія пострадалъ не престижъ государственной власти, а мишура прежнихъ административныхъ гарантій спокойствія и порядка“ [1]).

Судебное преобразованіе уже послѣ его осуществленія встрѣчало иногда даже шутливое къ себѣ отношеніе, какъ нѣчто чужеродное.

Такъ, въ неизданныхъ стихахъ, ходившихъ по рукамъ между судебными дѣятелями вскорѣ послѣ судебной реформы (молва приписывала стихи, носившіе заглавіе „Плачъ Юстиніана“, А. Н. Апухтину), мы встрѣчаемъ слѣдующія строфы:

„Ночью, вчера, задремавъ очень рано,
Въ грезахъ увидѣлъ я Юстиніана:
Въ мантіи длинной, обшитъ соболями,
Такъ говорилъ онъ, сверкая очами:
Русь дорогая! Тебя ли я вижу?
Что съ Тобой? Ты не уступишь Парижу!
Есть учрежденья въ Тебѣ міровыя,
Рельсы на Невскомъ, суды окружные;
Чтобъ не отстать отъ рутины заморской
Есть въ Тебѣ даже надзоръ прокурорскій.
Тоже въ другихъ образованныхъ странахъ
Есть и присяжные... въ длинныхъ кафтанахъ.
Въ судьи ученыхъ Тебѣ и не надо,
Судьямъ въ лаптяхъ Ты, родимая, рада.
Имъ ужъ не мѣсто въ конторѣ питейной—
Судятъ и рядятъ весь міръ на Литейной.
. . . . . .
. . . . . .
Какъ бы Министры мои удивились,
Знавшіе весь Corpus juris civilis,
Если бъ изъ дальней родной Византіи
Вѣтеръ занесъ ихъ на сѣверъ Россіи!

---

[1]) Г. Сюзоръ. Ко дню 75 лѣтняго юбилея Императорскаго Училища правовѣдѣнія, стр. 354 и 355.

Тамъ, въ Византіи, сравненный съ Минервой,
Законодатель считался я первый;
Здѣсь-же остаться мнѣ первымъ ужъ трудно:
Здѣсь сочиняетъ законы—Зарудный!"

Подобно психологической особенности каждаго человѣка легко переходить отъ воодушевленія и увлеченія къ разочарованію и угнетенію, такое же свойство наблюдается и въ общественныхъ теченіяхъ. Сегодняшній восторгъ по поводу какого нибудь событія не застраховываетъ этого событія отъ завтрашней самой безпощадной и ядовитой разцѣнки. Сказанное несомнѣнно проявилось и по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ въ теченіе пятидесятилѣтняго ихъ существованія. Судебные Уставы—созданіе эпохи великихъ преобразованій, изъ которой, по словамъ профессора А. Д. Градовскаго [1]), „пошло все, чѣмъ красна наша жизнь", имѣли свои „медовые" годы, послѣ которыхъ наступила полоса охлажденія къ нимъ и даже гоненія. Нашлись публицисты, которые начали бить тревогу, чуть ли не звонить въ колокола, заявляя о томъ, что государство изъ-за Судебныхъ Уставовъ въ опасности. Все это случилось въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Во главѣ гоненія на Судебные Уставы сталъ, первоначально сочувствовавшій судебному преобразованію, М. Н. Катковъ, перешедшій потомъ въ лагерь злобныхъ его гонителей. „Независимый судъ, писалъ онъ въ періодъ озлобленія,—это судебная республика". Министру юстиціи онъ предоставлялъ только безобидную роль экзекутора въ притворахъ храма Ѳемиды и обязанность состоять дипломатическимъ агентомъ судебнаго вѣдомства при дворѣ Императора Всероссійскаго („Моск. Вѣд." 1884 г. № 12 и 1885 г. № 318). Несмѣняемости судей онъ противопоставлялъ тексты молитвъ при помазаніи Государя на царство: „яко подчиненные суды его немздоимны и нелицепріятны сохранить" („Моск. Вѣд." 1884 г. № 112). Судъ присяжныхъ онъ называлъ „судомъ улицы" („Моск. Вѣд." 1883 г. № 44). Наконецъ, положеніе суда по Судебнымъ Уставамъ онъ приравнивалъ къ самодержавію и восклицалъ: „въ государствѣ, которое хочетъ жить, не можетъ быть двухъ самодержавій!" („Моск. Вѣд." 1884 г. № 316).

---

[1]) Н. Таганцевъ. Послѣднее двадцатипятилѣтіе въ исторіи уголовнаго права. „Вѣстникъ Европы", 1892 г., декабрь.

Около М. Н. Каткова сгруппировались другіе гонители Судебныхъ Уставовъ, значительно уступавшіе ему въ талантѣ, но не въ озлобленіи. Для примѣра мы можемъ указать Н. П. Семенова и В. Я. Фукса, печатавшихъ съ 1884 по 1887 г.г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ", издававшемся Катковымъ, статьи (первый подъ заглавіемъ „Наши реформы", а второй подъ наименованіемъ „Судебныя доктрины 1861—1864 г.г. на практикѣ", „Наканунѣ судебной реформы 1864 г.", „Слѣдователи, обвинители и защитники"; впослѣдствіи статьи В. Фукса были изданы имъ особою книгою—„Судъ и полиція"), направленныя противъ Судебныхъ Уставовъ. Оба автора считаютъ ихъ издѣліемъ иностраннаго образца, совершенно непригоднымъ для русской жизни. Послѣдній изъ нихъ, при одностороннемъ освѣщеніи, при нѣкоторой запальчивости пріемовъ, прилагаетъ путемъ подробныхъ ссылокъ на труды по составленію Судебныхъ Уставовъ всѣ усилія къ тому, чтобы не только умалить ихъ достоинство, но и доказать, что единственно спасительными для судебнаго дѣла были проекты графа Блудова, внесенные въ Государственный Совѣтъ въ 1857—1861 годахъ. Судебные же Уставы В. Фуксъ считаетъ результатомъ „вредныхъ и наносныхъ вліяній, которыя въ 1861—1864 годахъ исказили судебные проекты 1857—1861 годовъ" [1]). Даже заимствованіямъ, въ которыхъ названный авторъ упрекаетъ творцовъ нашей судебной реформы, онъ старается придать характеръ крайней сбивчивости и запутанности. „Хотя отдѣльныя черты Судебныхъ Уставовъ, пишетъ онъ, и были заимствованы съ Запада, но совокупность всѣхъ этихъ заимствованій сведена была у насъ въ такую своеобразную систему, которой мы нигдѣ на Западѣ не находимъ, не только въ Англіи, Германіи, Италіи и Австріи, но даже во Франціи" [2]). Заключительная часть обвинительнаго акта, составленнаго противъ Судебныхъ Уставовъ В. Фуксомъ, гласитъ слѣдующее: „Созданныя по системѣ этихъ уставовъ судебныя учрежденія не оправдали ожиданій ни публики, ни правительства, а въ извѣстной степени и самихъ Судебныхъ Уставовъ. Выдѣленныя изъ общегосударственной дисциплины, не стѣсненныя закономъ, проникнутыя прежде всего маніею

---

[1]) „Судъ и полиція", стр. 146.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

самостоятельности, эти учрежденія, при своемъ неудовлетворительномъ персоналѣ, задались цѣлями и проникліись элементами, несогласными съ задачами правосудія. Въ результатѣ же они внесли въ судебное дѣло такой разладъ, который, отнюдь не обезпечивая правильнаго рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, вводитъ смуту какъ въ нашъ государственный организмъ, такъ и въ нравственныя основы нашего общественнаго развитія" [1]). Такія тяжкія и крайне несправедливыя обвиненія нашихъ Судебныхъ Уставовъ чуть ли не въ государственномъ преступленіи недостойны того, чтобы имъ возражать.

Другой нашъ публицистъ К. А. Скальковскій, отозвавшійся съ большою похвалою о работѣ В. Фукса и видимо проникшійся его доводами, высказывалъ сожалѣніе о томъ, что „Государственная Канцелярія, т. е. главнымъ образомъ Бутковъ и Зарудный, пошла далѣе проектированныхъ графомъ Блудовымъ Судебныхъ Уставовъ и передѣлала ихъ въ политическихъ видахъ, выдѣливъ судебное вѣдомство изъ вѣдѣнія государственной власти, введя институтъ присяжныхъ засѣдателей, образовавъ адвокатскую корпорацію, установивъ связь мирового судьи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ и предоставивъ судьямъ толковать законы по общему ихъ смыслу" [2]). Самую реформу суда 1864 года названный авторъ характеризуетъ такъ: „Она явилась продуктомъ чтенія нѣсколькими правовѣдами французскихъ книжекъ и изученія покойнымъ Зарудныхъ, который въ университетѣ приготовлялся быть астрономомъ, итальянскаго законодательства. Наши юристы, по утвержденію Скальковскаго, вообще не особенно ломали головы—взяли и перевели, напр., Сардинскій кодексъ уголовной процедуры съ легкими кое гдѣ поправками. Этотъ плагіатъ доктринерами выставлялся за продуктъ государственной мудрости, чуть ли не законодательный памятникъ, во всякомъ случаѣ „послѣднее слово науки" [3]).

Насколько намъ извѣстно, вопросъ о томъ, дѣйствительно ли составители Судебныхъ Уставовъ перенесли къ намъ чужеземные судебные порядки и даже, какъ выразился только что

---

[1]) „Судъ и полиція", стр. 135.

[2]) „Современная Россія", 1890 г., т. II, стр. 195 и 196.

[3]) Тамъ же, стр. 190.

приведенный авторъ, совершили плагіатъ, не подвергался серьезному изслѣдованію въ нашей литературѣ. Пора разобраться въ этомъ вопросѣ. Освѣщеніе его лучше всякихъ словъ раскроетъ намъ свойство и значеніе работы, произведенной составителями Судебныхъ Уставовъ.

Въ такомъ изслѣдованіи предстоитъ тѣмъ бо̀льшая необходимость, что всѣ, изучавшіе Судебные Уставы, всегда признавали, что составители ихъ, какъ писалъ покойный профессоръ И. Я. Фойницкій, давшій едва ли не лучшую характеристику этого законодательнаго памятника, „сознавали существованіе другихъ народовъ, прошедшихъ болѣе насъ на пути культуры и заслуживавшихъ быть нашими учителями при начертаніи новаго еще у насъ правового поря́дка“ [1]). Творить имъ приходилось не при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ составлялись, напримѣръ, наши судебники или наше Соборное Уложеніе, когда иностранные образцы были для насъ закрыты. Весь вопросъ только въ томъ, было ли подражаніе западно-европейскимъ образцамъ въ Судебныхъ Уставахъ рабское, носятъ ли они характеръ прямого заимствованія, или же правъ тотъ же профессоръ, что „прямого заимствованія въ Судебныхъ Уставахъ очень мало, почти совсѣмъ незамѣтно“ [2]).

Намѣченное изслѣдованіе, по возможности сжатое, мы произведемъ въ отношеніи Учрежденія Судебныхъ Установленій и Уставовъ Уголовнаго и Гражданскаго Судопроизводствъ. Источниками, которыми мы будемъ преимущественно пользоваться, являются прежде всего объяснительныя записки составителей уставовъ и матеріалы, которыми они располагали, а кромѣ того и имѣвшіеся на Западѣ Европы къ началу шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія главные процессуальные кодексы и научныя работы по судопроизводству. Нашему изслѣдованію мы должны предпослать краткій обзоръ этихъ кодексовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, которыми изъ нихъ, а также какими научными трудами пользовались составители Судебныхъ Уставовъ.

---

[1]) Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

I.

Судебное законодательство континента Западной Европы первой половины прошлаго столѣтія было охвачено общимъ стремленіемъ къ упрощенію и объединенію судоустройства съ освобожденіемъ его отъ многочисленныхъ инстанцій, къ отдѣленію власти судебной отъ властей законодательной и управленія, къ приданію должности судьи самостоятельнаго и независимаго положенія, къ введенію суда присяжныхъ и къ освобожденію самого судопроизводства отъ инквизиціонныхъ чертъ съ переустройствомъ его на началахъ непосредственности (устности), гласности, состязательности и постановленія рѣшенія на основаніи внутренняго убѣжденія съ отмѣною формальной теоріи доказательствъ. Такой крупный переворотъ имѣлъ своимъ источникомъ французское законодательство начала XIX столѣтія, изъ котораго другія государства широко черпали свои судебныя улучшенія и усовершенствованія. Свѣтъ въ этомъ случаѣ исходилъ изъ запада и направлялся постепенно на востокъ.

Крушеніе прежняго судоустройства и инквизиціоннаго процесса произошло во времена французской революціи. Подготовили это событіе труды Монтескьё, Вольтера и Беккаріи. Образцомъ для преобразованія всего судебнаго законодательства послужило англійское судебное право, воспринятое Франціею въ своеобразномъ освѣщеніи. Къ тому же это право не могло быть рабски перенесено во Францію. Препятствовали тому многія причины чисто техническаго свойства, какъ, напримѣръ, необычайная своеобразность англійскаго судебнаго строя, издавна укоренившееся во Франціи начало собиранія доказательствъ особымъ должностнымъ лицомъ, письменное закрѣпленіе ихъ и существованіе организованнаго прокурорскаго надзора.

Учредительное національное собраніе въ 1790 году приняло слѣдующія главныя основанія судебнаго переустройства: 1) безвозмездность правосудія, отправляемаго судьями, избранными народомъ, 2) учрежденіе единоличныхъ мировыхъ судей для мелкихъ дѣлъ, 3) учрежденіе трибуналовъ съ присяжными для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ въ качествѣ камеры, предающей суду, и камеры, разрѣшающей дѣло, и окружныхъ судовъ для гражданскихъ дѣлъ,

4) равенство судовъ въ смыслѣ отсутствія ихъ іерархической зависимости, 5) учрежденіе кассаціоннаго суда для установленія единства въ судебной практикѣ и охраненія правильности въ примѣненіи законовъ [1]) и 6) отправленіе правосудія на началахъ устности, гласности, состязательнаго производства, свободной оцѣнки доказательствъ, отмѣны приговоровъ объ оставленіи въ подозрѣніи (absolutia ab instantia [2]).

Съ принятіемъ этихъ началъ послѣдовало закрытіе цѣлаго ряда судебныхъ инстанцій, патримоніальныхъ судовъ, судовъ церковныхъ и другихъ спеціальныхъ, а также знаменитыхъ во французской исторіи парламентовъ, которые были распущены въ „безсрочныя вакансіи" декретомъ 3 ноября 1789 г. и болѣе не собирались. Интересно, что учредительное собраніе отрицательно отнеслось къ несмѣняемости судей, которой было противопоставлено начало народнаго самодержавія (противъ несмѣняемости были величайшіе юристы того времени Дюпоръ и Тронше), а также къ введенію присяжныхъ засѣдателей въ гражданскій процессъ (за эту мѣру стояли Дюпоръ, Барнавъ, Робеспьеръ). Каждая конституція революціонной эпохи считала необходимымъ измѣнять систему судоустройства, стремясь къ возможно бо́льшему ея упрощенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое время въ качествѣ судопроизводственныхъ правилъ оставались въ силѣ старые ордонансы. Національный конвентъ, увлекаясь духомъ радикализма и ненавистью къ историческому порядку вещей, дошелъ даже до признанія, что судебныя дѣла должны производиться sans procédure [3]), т. е. безъ всякихъ судопроизводственныхъ правилъ. Конечно, такъ долго продолжаться не могло. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться жалобы на произволъ судей. Въ виду этого во времена консульства въ 1800 г. обязательное дѣйствіе ордонансовъ было возстановлено впредь до пересмотра законовъ о судопроизводствѣ. Вскорѣ затѣмъ была учреждена особая комиссія для составленія устава гражданскаго судопроизводства (членами ея были Трельяръ, Пижо и другіе); выработанный ею проектъ получилъ въ 1806 г. силу закона. Что касается уголовнаго судопроизводства, то для составленія соотвѣтствующаго устава также была составлена

[1]) А. Градовскій. Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 466.
[2]) Ю. Глазеръ. Руководство по уголовному процессу, пер. Лихачева, т. I, стр. 130.
[3]) К. Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I, стр. 50.

особая комиссія (членами ея были Трельяръ, Тарже, Блондъ и другіе), причемъ новый уставъ уголовнаго судопроизводства былъ утвержденъ въ 1808 году и вступилъ въ дѣйствіе въ 1811 году.

Оба французскіе code de procédure civile и code d'instruction criminelle, примѣняемые болѣе ста лѣтъ, построены въ общемъ на разумныхъ началахъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они и сохраняютъ постановленія старыхъ инквизиціонныхъ ордонансовъ 1667 и 1670 годовъ. Первая Имперія создала себѣ этими двумя кодексами вѣковой памятникъ. Для судопроизводства своего времени они явились глашатаями новыхъ идей и новыхъ вѣяній. Неудивительно, что они и стали предметомъ заимствованій и подражаній.

Оба кодекса не коснулись однако судоустройства, хотя оба и были расчитаны на опредѣленную его организацію, которая и послѣдовала во Франціи окончательно по закону 20 апрѣля 1810 года. Правда, еще и ранѣе во времена консульства пришлось принять объединяющія мѣры по судоустройству, чрезмѣрно раздробленному преувеличеннымъ развитіемъ теоріи раздѣленія властей. Въ концѣ концовъ первая Имперія справилась съ недостатками судоустройства, оставшимися послѣ революціи. Такъ была устранена большая ошибка отдѣленія суда уголовнаго отъ гражданскаго, были сокращены многочисленные суды съ незначительною властью, было отмѣнено комплектованіе судей по выборамъ и на опредѣленный срокъ, было откинуто раздѣленіе обязанностей прокурора между назначаемымъ правительствомъ, но несмѣняемымъ и независимымъ, комиссаромъ и выборнымъ публичнымъ обвинителемъ и наконецъ, была отмѣнена особая процедура преданія суду за преступленія путемъ совмѣстной дѣятельности обвинительнаго присутствія присяжныхъ и особаго директора его (directeur du jury). Первая Имперія поставила себѣ задачею, по возможности, тѣсно соединить уголовные суды съ гражданскими; она создала, въ лицѣ апелляціонныхъ судовъ (cours imperiales), почтенныя судебныя корпораціи и въ нихъ сосредоточила центръ тяжести судоустройства; она закрѣпила въ судоустройствѣ принципы двухъ инстанцій и юридической провѣрки кассаціоннымъ судомъ приговоровъ и рѣшеній; она приняла начало правительственнаго назначенія судей и прокурорскаго надзора; она же замѣнила

обвинительное жюри коронною обвинительною камерою; она дала наконецъ прочное устройство и адвокатурѣ. Не повезло только судейской несмѣняемости въ правилахъ о французскомъ судоустройствѣ. Наполеонъ I образовалъ въ 1807 году комиссію изъ 10 сенаторовъ для очищенія магистратуры отъ неподходящихъ судей, которыхъ и было уволено до 60 человѣкъ. Въ связи съ этимъ распоряженіемъ сенатусъ-консультомъ отъ 12 октября того же 1807 года Наполеонъ предоставилъ судьямъ несмѣняемость, но лишь по прослуженіи ими 5 лѣтъ, причемъ правило это было закрѣплено затѣмъ закономъ 20 апрѣля 1810 года. Довольно отрицательное отношеніе Наполеона къ несмѣняемости отразилось и на послѣдующей исторіи французской магистратуры, которая свидѣтельствуетъ о частыхъ нарушеніяхъ ея несмѣняемости.

Стройная схема французскаго судоустройства и проникнутое началами устности, гласности и состязательности французское судопроизводство съ очевидными преимуществами передъ отжившими сложными системами судовъ, не отдѣленныхъ къ тому же отъ властей законодательной и управленія, и инквизиціоннымъ процессомъ другихъ континентальныхъ государствъ были совершеннымъ новшествомъ для нихъ. Началось естественно постепенное заимствованіе французскихъ образцовъ съ нерѣдко встрѣчающимися измѣненіями оригиналовъ.

На первомъ планѣ мы ставимъ перенесеніе французскихъ судоустройства и процесса въ Женевскій кантонъ. Присоединенная въ 1798 году къ Франціи, Женева получила судебныя учрежденія этой страны. По признаніи въ 1815 году независимости Женевы, въ 1819 году былъ изданъ женевскій уставъ гражданскаго судопроизводства, который представляетъ собою довольно существенную переработку французскаго устава. Женевскій уставъ 1819 года, а также женевскіе законы 1842 года о мировыхъ судьяхъ, 1848 года о судоустройствѣ и 1851 года о правѣ свободной адвокатуры были переведены на русскій языкъ Н. Рембелинскимъ и изданы въ 1863 году Государственною Канцеляріею въ качествѣ матеріаловъ для работъ по судебному преобразованію.

Далѣе надлежитъ указать на судебное законодательство Сардинскаго, впослѣдствіи Итальянскаго королевства. Въ основаніи его заложено также французское законодательство, перекоче-

вавшее на Аппенинскій полуостровъ вмѣстѣ съ французскимъ владычествомъ и водвореніемъ въ 1805 году новаго вице-короля Итальянскаго Евгенія, причемъ Наполеонъ I произносилъ даже передъ миланскимъ законодательнымъ собраніемъ рѣчь, въ которой заявлялъ, что судъ въ странѣ долженъ быть устный и гласный и что въ Италіи не слѣдуетъ только вводить не соотвѣтствующаго ея развитію суда присяжныхъ. Впослѣдствіи однако 26 марта 1848 года въ Сардиніи были введены присяжные засѣдатели по преступленіямъ печати и политическимъ, а закономъ о судоустройствѣ Пьемонта и присоединенныхъ къ нему провинцій Италіи 13 ноября 1859 года суду присяжныхъ были подчинены и дѣла о другихъ преступленіяхъ [1]). Въ томъ же 1859 году были изданы итальянскіе уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, изъ которыхъ первый имѣется въ матеріалахъ нашего судебнаго преобразованія, переведенный княземъ М. Волконскимъ и выпущенный въ 1863 году Государственною Канцеляріею. Ею же былъ изданъ въ 1861 году и законъ 3 ноября 1859 года о судоустройствѣ Пьемонта и присоединенныхъ къ нему провинцій Италіи.

Немного ранѣе, а именно въ 1859 году, Государственною Типографіею былъ отпечатанъ русскій переводъ уставовъ гражданскаго судопроизводства Сардиніи 1854 года (послѣдующій уставъ 1859 года, который мы указали, составляетъ результатъ пересмотра устава 1854 года) и Венгріи 1852 года. Переводы эти вышли подъ редакціею С. И. Заруднаго съ его очень интереснымъ предисловіемъ. Уставы сардинскій и венгерскій онъ характеризовалъ слѣдующимъ образомъ: „въ первомъ принятъ чисто состязательный процессъ, не допускающій вовсе участія судьи ни въ направленіи дѣла, ни въ изысканіи доказательствъ, которое предоставлено исключительно произволу спорящихъ сторонъ, во второмъ—состязательный процессъ смѣшанъ еще съ остатками древняго слѣдственнаго нѣмецкаго процесса. Сардинскій уставъ, по опредѣленію С. И. Заруднаго, имѣетъ, значительныя преимущества предъ французскимъ и можетъ, по всей справедливости, считаться лучшимъ изъ всѣхъ европейскихъ уставовъ, въ которыхъ принята французская си-

[1]) Широкой постановкѣ суда присяжныхъ въ Италіи весьма содѣйствовалъ итальянскій министръ юстиціи Пизанелли. Рѣчь его о присяжныхъ въ русскомъ переводѣ помѣщена въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ 1864 г., январь.

стема. Венгерскій уставъ былъ изданъ австрійскимъ правительствомъ въ 1852 г. для Венгріи, Кроаціи, Славоніи и другихъ славянскихъ провинцій въ Австріи. Онъ отличается своею ясностью, краткостью и полностью". Въ своемъ предисловіи С. И. Зарудный, между прочимъ, называетъ пятидесятые годы прошлаго столѣтія „эпохою преобразованія судопроизводства въ Европѣ".

Воспринятіе французскаго гражданскаго судопроизводства въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія не ограничилось Женевою и Италіею. Оно произошло также въ Голландіи въ 1838 году, въ Испаніи въ 1855 году, въ Ганноверѣ въ 1850 году, въ Баденѣ въ 1864 году. Кромѣ того надо имѣть въ виду прирейнскія провинціи, въ которыхъ это судопроизводство получило примѣненіе еще при Наполеонѣ I.

Новыя судопроизводственныя и судоустройственныя французскія начала прокладывали себѣ путь въ Западной Европѣ, какъ мы уже отмѣтили, благодаря своей новизнѣ, но ускорялся этотъ процессъ политическими и революціонными движеніями. Въ особенности это приходится утверждать въ отношеніи германскихъ государствъ. Движенія политическаго характера выдвигали и ставили особенно рѣзко вопросъ о судѣ присяжныхъ, въ которомъ французская революція усматривала институтъ политическій, призванный охранять гражданскую свободу.

Такъ, франкфуртское національное собраніе германскаго союза выставило въ 1848 году въ качествѣ основныхъ правъ германскаго народа (Grundrechte des deutschen Volkes): 1) устраненіе вотчинной и кабинетной юстицій, 2) огражденіе личной свободы и домового права, 3) тайну корреспонденціи, 4) устность и гласность судопроизводства, 5) состязательный процессъ и 6) подчиненіе дѣлъ о самыхъ серьезныхъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ политическихъ судамъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей [1]).

И дѣйствительно, одержанная въ политической борьбѣ побѣда, доставшаяся упорнымъ сторонникамъ конституціонной монархіи по французскому образцу, не могла не повести къ полному торжеству въ Германіи французскихъ судоустройства и судопроизводства. Несмотря на предшествующіе 1848 году въ Германіи долгіе споры объ основныхъ началахъ судопроизводства,

---

[1]) Birkmeyer. Deutsches Strafprozessrecht, стр. 822.

теперь безъ всякаго колебанія были заимствованы французскіе образцы.

При этомъ самый характеръ заимствованій былъ двоякаго рода: тамъ, гдѣ законодательство не слишкомъ торопилось, принимались во вниманіе голоса, указывавшіе на недостатки французскаго права (напр., Руппенталь — судебный практикъ изъ прирейнской области), почему заимствованіе и не было рабскимъ, тамъ же, гдѣ спѣшили, создавались дополнительные, какъ бы переходные законы, приставлявшіе къ розыскному уголовному процессу общаго германскаго права французскія формы устнаго, гласнаго и состязательнаго судопроизводства.

Послѣдняго типа было переходное законодательство 1848 и 1849 годовъ Баваріи, Пруссіи, двухъ Гессенскихъ государствъ, Нассаускаго герцогства и Виртемберга. Къ нимъ присоединилось въ 1851 году великое герцогство Баденское. Изданный затѣмъ въ Пруссіи уставъ уголовнаго судопроизводства 1852 года объединилъ свои разрозненныя процессуальныя правила и послужилъ источникомъ уставовъ ольденбургскаго 1857 года, любекскаго 1862 года, бременскаго 1870 года, гессенъ-дармштадтскаго 1865 года, баденскаго 1864 года и виртембергскаго 1868 года. Самостоятельностью отличается ганноверскій уставъ 1850 года (онъ былъ пересмотрѣнъ въ 1859 году). Брауншвейгскій уставъ 1849 года сложился совершенно самостоятельно въ томъ отношеніи, что онъ проникнутъ стремленіемъ подражать англійскому праву. Прямую противоположность ему представляли уставы австрійскій 1853 года и саксонскій 1855 года, стремившіеся сохранить болѣе другихъ нѣмецкихъ уставовъ связь съ старымъ правомъ.

Послѣ 1848 года судъ присяжныхъ былъ введенъ почти во всей Германіи, за исключеніемъ Австріи и Саксоніи, а именно въ Баваріи въ 1848 году, въ томъ же году въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ 1849 году въ Пруссіи, въ Баденѣ, въ Нассау, въ Виртембергѣ, въ Брауншвейгѣ и въ Ганноверѣ.

Очень интересно отмѣтить попутно, что въ разсматриваемое время въ нѣсколькихъ германскихъ государствахъ уже существовалъ судъ шеффеновъ, который вызвалъ впослѣдствіи ожесточенный споръ о преимуществахъ его передъ судомъ присяжныхъ. Впервые онъ былъ введенъ въ Ганноверѣ въ 1850 году, а затѣмъ въ Ольденбургѣ въ 1857 году, въ Кургессенѣ въ

1863 году, въ Баденѣ въ 1864 году для уголовныхъ дѣлъ низшей подсудности, а въ Виртембергѣ и Саксоніи въ 1868 году для дѣлъ средней подсудности. Весьма важно, что судъ этотъ появился отчасти въ качествѣ противовѣса непопулярнымъ въ Германіи единоличнымъ судьямъ и вовсе не считался замѣняющимъ судъ присяжныхъ, который одновременно вводился для дѣлъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ [1]). Бой изъ-за суда шеффеновъ завязался съ появленіемъ извѣстнаго труда Шварце „Geschworenengericht und Schöffengericht", напечатаннаго въ 1864 г.[2]). Съ этимъ изслѣдованіемъ, въ виду его появленія только въ 1864 году, составители Судебныхъ Уставовъ знакомы не были, почему мы и не находимъ въ объясненіяхъ къ нашему судебному преобразованію никакого упоминанія о судѣ шеффеновъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ судебныя законодательства континента Западной Европы, которыя могли быть приняты въ соображеніе при составленіи Судебныхъ Уставовъ.

Что касается положенія процессуальной науки на Западѣ Европы, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что къ половинѣ прошлаго столѣтія она была далека отъ того расцвѣта, котораго она достигла послѣ шестидесятыхъ годовъ того же столѣтія.

Мы не будемъ приводить перечня научныхъ работъ интересующаго насъ времени. Отмѣченными должны быть только тѣ изъ этихъ работъ, на которыя встрѣчаются крайне рѣдкія ссылки въ объяснительныхъ запискахъ составителей Судебныхъ Уставовъ. Въ объяснительной запискѣ къ проекту учрежденія судебныхъ установленій мы вовсе не встрѣчаемъ указаній на какія либо научныя работы. Въ объясненіяхъ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства мы находимъ указанія на труды Фостена Эли и Буатара, комментировавшіе французскій Code d'instruction criminelle (объясн. зап., стр. 93, 171), на объясненія Берлье представленныя французскому законодательному корпусу по поводу названнаго кодекса (объясн. зап., стр. 100 и слѣд.), на труды Миттермайера (объясн. зап., стр. 357, 382). Больше такихъ указаній въ объясненіяхъ къ проекту устава гражданскаго судопроизводства. Такъ, въ нихъ упоминаются: мнѣнія итальянскаго юриста Борсари, французскихъ Бордо и Реньяра и женевскаго Белла

[1]) В. Палаузовъ. Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи, стр. 104 и 105.

[2]) K. Binding. Die drei Grundfragen der Organisation des Strafgerichts, стр. 13.

(объясн. зап., стр. 185), мнѣніе Савиньи (объясн. зап., стр. 308), мнѣніе Бонье (объяснит. зап., стр. 290, 334), работа по французскому гражданскому судопроизводству Лавьеля (объясн. зап., стр. 307, 321, 335), сочиненіе объ обязательствахъ Нотье (объясн. зап., стр. 321).

Изъ иностранныхъ государствъ и ихъ законодательствъ составители Судебныхъ Уставовъ ссылались въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта объ основныхъ положеніяхъ судебнаго преобразованія 1862 года: на существованіе въ законодательствѣ Западной Европы двухъ формъ процесса—обвинительной и слѣдственной (стр. 170), на постановку суда присяжныхъ въ Англіи (стр. 186). На законодательства иностранныхъ государствъ нѣтъ ссылокъ въ объяснительной запискѣ къ проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ. Въ объясненіяхъ же къ проекту устава уголовнаго судопроизводства указаны: французскіе Code civil и Code d'instruction criminelle (объясн. зап., стр. 14, 19, 92, 152, 156, 421), англійскій статутъ 14 августа 1848 года (объясн. зап., стр. 63), кодексы бельгійскій, итальянскій, австрійскій, саксонскій, баварскій, брауншвейгскій, тюрингенскій, баденскій, ганноверскій, нассаускій, прусскій законъ 17 октября 1856 года, шотландскій законъ 1765 года, законы нью-іоркскій, массачусетскій, виргинскій (объясн. зап., стр. 156), англійское право (объясн. зап., стр. 166, 435), брауншвейгское законодательство (объясн. зап., стр. 358), женевскій законъ (объясн. зап., стр. 358). Наконецъ, въ объясненіяхъ къ проекту устава гражданскаго судопроизводства мы встрѣчаемъ ссылки: на французскій Code de procédure civile (объясн. зап., стр. 14, 69, 85, 97, 144, 184, 215, 263, 280, 283, 334, 469), на итальянскій уставъ (объясн. зап., стр. 14, 184, 334), на англійское право (объясн. зап., стр. 15), на женевскій уставъ (объясн. зап. стр. 184, 334, 385), на австрійскій уставъ (объясн. зап., стр. 281), на уставы гражданскаго судопроизводства Фрейбурга 1849 года, Ааргау 1851 года, Граубиндена 1855 года, Бадена 1851 года, Ганновера, Ольденбурга, Веймара и Кобургъ-Гота (объясн. зап., стр. 314), на законы Пьемонта (объясн. зап., стр. 393), на законы Тосканы (объясн. зап., стр. 393).

Въ матеріалахъ работъ составителей Судебныхъ Уставовъ обращаютъ на себя вниманіе, кромѣ указанныхъ выше русскихъ переводовъ отдѣльныхъ иностранныхъ уставовъ, русскій переводъ

проекта бельгійскаго судопроизводства 1862 года, сдѣланный Н. Рембелинскимъ и изданный Государственною Канцеляріею въ 1864 году. Достойны быть отмѣченными и нѣкоторыя записки, имѣющіяся въ этихъ матеріалахъ. На первый планъ мы ставимъ записку С. И. Заруднаго, озаглавленную—„Общія соображенія по вопросу о составѣ уголовнаго суда". Въ ней высказаны нѣкоторыя мысли, которыя не могутъ быть оставлены безъ упоминанія. Такъ, авторъ отмѣчаетъ, что „на дѣла уголовныя устремлено общее вниманіе", что „отъ правильнаго разрѣшенія ихъ зависитъ всеобщее довѣріе", что „эти дѣла должны быть рѣшаемы въ такомъ составѣ суда, который не оставлялъ бы въ обществѣ и тѣни недовѣрія къ его рѣшеніямъ". „Это и будетъ служить источникомъ общаго довѣрія, такимъ образомъ, что если дѣла гражданскія и будутъ подлежать разрѣшенію того же суда, но въ особомъ составѣ, то довѣріе, возбужденное дѣйствіями суда въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ, по необходимости, отразится и на всѣ рѣшенія дѣлъ гражданскихъ". Въ судѣ уголовномъ, по мнѣнію Заруднаго, составъ долженъ быть двоякій: „постоянный и перемѣнный". „Первый всегда долженъ выражать общее направленіе суда: твердость, строгость и непреклонность, а другой долженъ примирять эти необходимыя и непреложныя условія съ общимъ теченіемъ и различными обстоятельствами обыденной жизни". „Примѣненіе закона должно быть предоставлено постояннымъ судьямъ, а разрѣшеніе спора о событіи—судьямъ перемѣннымъ". „Образованіе для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ суда изъ судей постоянныхъ и перемѣнныхъ, писалъ Зарудный, имѣетъ очень много общаго съ судомъ, который въ государствахъ Западной Европы называется жюри или судъ присяжныхъ, но существенное отличіе у насъ отъ существующаго почти во всей Европѣ суда присяжныхъ должно состоять въ томъ, что наше учрежденіе не можетъ и не должно имѣть характера политическаго".

Въ подтвержденіе своего мнѣнія Зарудный ссылается на Миттермайера, на государственнаго совѣтника Небеніуса при разсужденіяхъ въ 1844 году о введеніи присяжныхъ въ Баденѣ. Небеніусъ объяснялъ, что основныя начала присяжныхъ нисколько не противны началамъ монархическаго правленія, какъ никто и не думаетъ, чтобы коммерческіе

суды, въ рѣшеніи которыхъ принимаютъ участіе лица, не принадлежащія къ сословію постоянныхъ судей, ограничиваютъ въ чемъ либо начала монархическаго правленія. Свою интереснѣйшую, можно сказать, историческую записку Зарудный — этотъ, какъ его называлъ Скальковскій,—астрономъ, посвятилъ краткому обозрѣнію суда присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Женевѣ, Бельгіи, Германіи, Италіи и обнаружилъ при этомъ такое знаніе предмета, которое по плечу далеко не всякому профессіональному юристу. Упомянемъ далѣе записку объ устройствѣ уголовнаго суда Ровинскаго, высказавшагося горячо за введеніе у насъ присяжныхъ засѣдателей, за своевременность этой мѣры и за точное ея соотвѣтствіе нашимъ бытовымъ условіямъ, записку объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства, записку о теоріи доказательствъ въ уголовномъ судопроизводствѣ и многія другія.

Русская научная юридическая литература была въ бѣдственномъ положеніи передъ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ, послѣ которыхъ она собственно и получила свое бытіе. Понятно, что въ научной литературѣ нашей составители Судебныхъ Уставовъ и не могли почерпнуть ничего полезнаго для своей работы. Смѣшно было бы имъ пользоваться, напримѣръ, трудомъ профессора С.-Петербургскаго университета С. Баршева (Основанія уголовнаго судопроизводства), который доказывалъ необходимость отдѣленія уголовныхъ судовъ отъ гражданскихъ, отстаивалъ слѣдственный процессъ, возставалъ противъ гласнаго судопроизводства и т. д.

Но зато существенную помощь составителямъ Судебныхъ Уставовъ оказалъ основанный въ 1859 году „Журналъ Министерства Юстиціи“ (онъ просуществовалъ одиннадцать лѣтъ), который помѣстилъ рядъ весьма цѣнныхъ работъ по судебнымъ вопросамъ, выдвигавшимся на очередь намѣченнымъ преобразованіемъ, а также и переводовъ изслѣдованій иностранныхъ ученыхъ. Весьма полезнымъ оказался „Морской Сборникъ“, въ которомъ помѣщались весьма дѣльныя статьи, посвященныя судебному праву. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ помѣщенныя въ этомъ журналѣ за 1860 годъ работы П. Глѣбова, командированнаго по иниціативѣ Великаго Князя Константина Николаевича за границу для изученія иностранныхъ законодательствъ о военно-морскомъ судѣ и составленія

законопроектовъ по этому поводу. Написанные Глѣбовымъ въ Парижѣ въ 1859 году проектъ и въ особенности объяснительная къ нему записка имѣли большое значеніе для работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ. Объяснительная записка Глѣбова, напечатанная въ „Морскомъ Сборникѣ“ въ 1860 году, есть первая офиціальная работа, въ которой съ удивительною ясностью были выдвинуты начала самостоятельности судей (несмѣняемость), устности и гласности процесса и права защиты обвиняемаго. Отзывы, данные на работы Глѣбова болѣе, чѣмъ 200 лицами—представителями администраціи, судебными дѣятелями, юридическими факультетами, составили два тома, изданные въ 1861 году.

Для судебнаго преобразованія сыграло нѣкоторую роль и возобновленіе въ 1859 году „Юридическихъ Записокъ“, не издававшихся съ 1842 года. Въ 1860 году появился четвертый томъ этихъ записокъ, изданный П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. Въ этомъ томѣ мы находимъ, между прочимъ, статью Яневича-Яневскаго (онъ былъ командированъ, какъ и Глѣбовъ, за границу морскимъ вѣдомствомъ для изученія судебныхъ порядковъ) о судѣ присяжныхъ въ Англіи. Этою статьею, написанною въ пользу присяжнаго института, „Юридическія Записки“ измѣнили свой прежній взглядъ, враждебный по отношенію къ суду присяжныхъ. Наконецъ, намъ остается упомянуть о томъ обширнѣйшемъ матеріалѣ, который дали составителямъ Судебныхъ Уставовъ наши отечественные отзывы на основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи.

Одинъ бѣглый внѣшній обзоръ всего использованнаго составителями Судебныхъ Уставовъ для отысканія основъ и формъ настоящаго правосудія свидѣтельствуетъ о томъ, какъ неосновательно и легкомысленно было заявленіе о томъ, что наши юристы „вообще не особенно ломали головы—взяли и перевели, напр., сардинскій кодексъ съ легкими кое-гдѣ поправками“. Ближайшее дальнѣйшее сопоставленіе главныхъ институтовъ, введенныхъ въ наше судебное законодательство Судебными Уставами, съ подобными же институтами въ современной имъ западно-европейской постановкѣ покажетъ намъ, насколько справедливъ и другой упрекъ въ „плагіатѣ“, на который не поскупились враги нашей судебной реформы.

II.

Во всякой совокупной дѣятельности гармоническое и цѣлесообразное приложеніе общественныхъ силъ немыслимо безъ правильной организаціи. Такъ, и на войнѣ безъ надлежащаго устройства военныхъ силъ не можетъ быть военнаго успѣха. Пулеметы, гаубицы и самое усовершенствованное вооруженіе войска не спасутъ плохо организованной арміи. То же приходится сказать и о судебномъ дѣлѣ. Какія бы совершенныя судопроизводственныя правила ни были представлены въ распоряженіе суда, правосудія не будетъ при неудовлетворительномъ устройствѣ суда. Эту простую истину вполнѣ сознавали составители Судебныхъ Уставовъ, отмѣтившіе, „что безъ соотвѣтствующаго судоустройства и самыя совершенныя формы судопроизводства оставались бы безъ исполненія или исполнялись бы несогласно съ существенною своею цѣлью". Подтвержденіе приведенной мысли на-лицо въ недавнемъ законодательномъ опытѣ 12 іюля 1889 г. возвратить судебное дѣло въ вѣдѣніе административныхъ чиновъ. Опытъ, какъ извѣстно, не далъ плодотворныхъ результатовъ, несмотря на то, что земскихъ участковыхъ начальниковъ вооружили весьма совершенными судопроизводственными правилами 29 декабря 1889 года, списанными съ Судебныхъ Уставовъ.

Очевидно, судоустройство есть главный и основной вопросъ въ судебномъ дѣлѣ. Поэтому Учрежденіе Судебныхъ Установленій должно быть признано самою важною частью Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года. Не даромъ и нападки на нихъ направлялись исключительно на отдѣльные институты именно этой части Уставовъ.

Каковъ же остовъ, на которомъ покоится устройство суда по Судебнымъ Уставамъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Новое судоустройство, принявшее для дѣлъ меньшей важности единоличную судебную организацію, а для дѣлъ большей важности — коллегіальную систему съ проведеніемъ начала двухъ инстанцій и подчиненіемъ всѣхъ судовъ юридической провѣркѣ и надзору единаго кассаціоннаго суда и связавшее ихъ этимъ высшимъ судомъ въ одно цѣлое для отправленія правосудія и по уголовнымъ, и по гражданскимъ дѣламъ, ввело у насъ роман-

скій, точнѣе говоря, французскій судебный строй. Такимъ отвѣтомъ вовсе однако не рѣшается споръ о томъ, перенесли ли къ намъ Судебные Уставы иноземные судебные порядки или нѣтъ. Для рѣшенія его важно выяснить, какое содержаніе влито въ шаблонъ, который является господствующимъ для устройства судебной части. Въ сущности его даже не слѣдовало бы называть французскимъ, такъ какъ то случайное обстоятельство, что онъ раньше другихъ государствъ получилъ наиболѣе яркое выраженіе во Франціи, едва ли имѣетъ существенное значеніе. Правъ былъ С. И. Зарудный, высказавшій въ предисловіи къ переводамъ сардинскаго и венгерскаго уставовъ гражданскаго судопроизводства, что „не допускать въ одномъ государствѣ доказанныхъ въ другомъ общихъ началъ усовершенствованія только потому, что они иностранныя, а не національныя, значило бы почти то же, что не допускать введенія желѣзныхъ дорогъ или телеграфовъ въ государствахъ, жители которыхъ не имѣли случая дойти до подобнаго общенароднаго изобрѣтенія".

Да и какіе другіе шаблоны могли быть приняты для судебнаго устройства? Со времени Петра Великаго, который, по выраженію поэта, „уздой желѣзной Россію вздернулъ на дыбы", на мѣсто личнаго начала судоустройства у насъ было введено начало коллегіальное, причемъ учрежденіе о губерніяхъ Екатерины II положило въ основу судоустройства германскій принципъ трехъ инстанцій. Высшую инстанцію составляли палаты гражданскаго и уголовнаго суда, а среднія и низшія были раздѣлены по сословіямъ и имѣли выборный составъ (для дворянъ—уѣздный судъ и верхній земскій судъ, для городскихъ обывателей—магистратъ или ратуша и губернскій магистратъ, для крестьянъ — нижняя расправа и верхняя расправа, для разночинцевъ въ столицахъ — нижній и верхній надворные суды). Изъ третьей инстанціи дѣла переходили въ Сенатъ, откуда они могли восходить въ Государственный Совѣтъ. Рѣшенія послѣдняго въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть обжалованы въ Комиссію прошеній и снова поступать на Высочайшее разсмотрѣніе. Очевидно, нельзя было оставлять такую плачевную схему судоустройства, въ которой судъ имѣлъ сословную раздробленность, былъ переплетенъ съ административною властью, утопалъ во множествѣ инстанцій и

окончательно сливался въ своихъ вершинахъ съ властью законодательною.

Другая схема, имѣвшаяся подъ руками, была схема шведскаго уложенія 1734 года, существовавшая въ Финляндіи въ видѣ сохранившихъ средневѣковую скорлупу герадскихъ, ратгаучскихъ судовъ и гофгерихтовъ. Говорить о принятіи для Россіи такой системы судоустройства, не обособившейся отъ административной власти и не выдѣлившей слѣдственной власти, можно было бы только въ видѣ злой насмѣшки.

Не менѣе странно было бы ожидать, что судебное устройство въ Прибалтійскихъ губерніяхъ послужитъ для насъ образцомъ. Прежде всего ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ каждая изъ названныхъ губерній имѣла свои особыя судебныя установленія, лишенныя всякой цѣльности. Такъ въ Лифляндской губерніи дѣйствовали гофгерихтъ и ландгерихты, въ Курляндской—обергофгерихтъ и обергауптманскіе суды, въ Эстляндской—оберландгерихтъ, интерландгерихтъ и мангерихты; въ городахъ существовали магистраты съ нижними ихъ судами и кромѣ того въ нѣкоторыхъ городахъ имѣлись фохтейскіе суды. Всѣ эти пестрые суды имѣли сословный характеръ, должности въ нихъ замѣщались по выбору всесильнаго дворянства; самыя процессуальныя правила, которыя они примѣняли, отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ и неопредѣленностью. Такіе судебные порядки подлежали только одной мѣрѣ: сметенію ихъ безъ остатка, что, какъ извѣстно, и было сдѣлано закономъ 9 іюля 1889 года.

Не давала никакого образца, достойнаго вниманія и русская Польша. Можно увѣренно утверждать, что Привислинскія губерніи до введенія въ нихъ положеніемъ 19 февраля 1875 года Судебныхъ Уставовъ не получили правильнаго судоустройства. Со времени герцогства Варшавскаго судебное преобразованіе въ Царствѣ Польскомъ ставилось не разъ на очередь, но всѣ попытки, дѣлавшіяся по этому предмету, успѣха не имѣли. Послѣ присоединенія русской Польши къ Россіи по Вѣнскому трактату 28 мая (9 іюня) 1815 года намѣченное конституціею 15 (27) ноября того же года устройство судебной части осталось безъ осуществленія (достойно вниманія, что этою конституціею была намѣчена широкая несмѣняемость судей). Польскій сеймъ 1820 года отвергъ проектъ конституціоннаго судоустройства

главнымъ образомъ потому, что въ немъ не намѣчался къ введенію судъ присяжныхъ [1]).

Такимъ образомъ, ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ Польша сохраняла судебныя мѣста, бывшія еще въ герцогствѣ Варшавскомъ и носившія явный слѣдъ смѣшенія прусскаго и австрійскаго судоустройства съ судоустройствомъ Франціи. Суды уголовные въ этой системѣ стояли отдѣльно отъ судовъ гражданскихъ. Первыми являлись: суды простой полиціи, суды исправительной полиціи, уголовные суды и апелляціонный судъ, который, въ составѣ однихъ и тѣхъ же судей, рѣшалъ одни и тѣ же дѣла и во второй и въ третьей инстанціяхъ. Гражданскими судами были: мировые суды, гражданскіе трибуналы первой инстанціи, апелляціонный судъ и высшая палата гражданскаго суда [2]). Достойно вниманія то обстоятельство, что въ одной половинѣ русской Польши (находившейся ранѣе подъ прусскимъ владычествомъ) дѣла уголовныя производились и рѣшались по прусскому уставу уголовнаго судопроизводства 1805 года, а въ другой половинѣ (принадлежавшей Австріи) по правиламъ австрійскаго устава 1803 года. Въ дѣлахъ же гражданскихъ со времени образованія подъ протекторатомъ Наполеона I послѣ Тильзитскаго мира 1807 года герцогства Варшавскаго примѣнялся французскій code de procedure civile. Само собою разумѣется, что при существованіи такой судебной путаницы, являвшей изъ себя mixtum compositum, не могло быть и судоустройства, на которомъ надлежало бы остановиться составителямъ Судебныхъ Уставовъ. Къ тому же съ 1841 года пестрыя судебныя мѣста Польши были подчинены двумъ учрежденнымъ въ Варшавѣ департаментамъ Правительствующаго Сената (девятому и десятому), которые ввели въ систему судебныхъ учрежденій Царства Польскаго третью инстанцію и притомъ апелляціонную [3]).

Совершенно непригодную для введенія въ Россіи схему судоустройства представляла собою германская судебная система, которая была принята въ германскихъ государствахъ до появленія французскаго болѣе совершеннаго образца и перенесена къ намъ при Екатеринѣ II. Въ этой системѣ отличительною особенностью являлись перегруженность ея инстанціями,

[1]) Н. М. Рейнке. Очеркъ законодательства Царства Польскаго, стр. 48 и 163.
[2]) Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ, т. III, стр. 342 и 343.
[3]) Тамъ же, стр. 346.

съ главенствомъ высшей въ качествѣ апелляціонной и отсутствіе объединенія судовъ гражданскихъ и уголовныхъ [1]).

Непригодна была и хаотическая схема англійскаго судоустройства, отдѣляющая гражданскую юстицію отъ уголовной и могущая держаться только на крѣпкихъ историческихъ корняхъ. Конечно и такая схема для Россіи не годилась. Оставалась, какъ единственно возможная, та, которая и была принята составителями Судебныхъ Уставовъ.

Какое содержаніе вложили они въ принятый ими общій абрисъ судоустройства? Вотъ тутъ то и проявилось ихъ постоянное стремленіе писать для Россіи судебные законы, строго памятуя „особенности нашего отечества, которое развивается подъ иными условіями, нежели западныя государства" (журналъ Соед. Деп. Гос. Сов. о преобраз. суд. части въ Россіи 1862 г., стр. 170), а также и то, что „слѣпое во всемъ подражаніе другимъ государствамъ, безъ соображенія съ потребностями нашего отечества, было бы вредно" (объясн. зап. къ проекту уст. угол. суд., стр. 156), и что „за границею совершенно другія условія, нежели у насъ" (объясн. зак. къ проекту уст. гражд. суд., стр. 374).

Прежде всего бросается въ глаза устройство мировыхъ судебныхъ установленій. Это учрежденіе, какъ удостовѣряли сами составители Судебныхъ Уставовъ, „вполнѣ самобытное". „Предполагаемыя у насъ мировыя учрежденія, т. е. мировые судьи и ихъ съѣзды, значится въ объясненіяхъ составителей Уставовъ, имѣютъ мало общаго съ англійскими учрежденіями, коимъ присваиваютъ такое же названіе, еще менѣе общаго съ французскими учрежденіями, которыя, сознательно или безсознательно, принимаются у насъ не рѣдко за основу преобразованій по судебной части" (объясн. зап. къ проекту уст. гражд. суд., стр. 97). И дѣйствительно, наши мировыя учрежденія не имѣютъ западно-европейскаго образца, съ которымъ ихъ можно было бы сравнивать.

А присяжные засѣдатели, скажутъ намъ, вотъ доказательство заимствованія западно-европейскаго образца? Но и тутъ

[1]) К. И. Малышевъ. Курсъ Гражданскаго Судопроизводства, т. I, стр. 84 и 85.

сравненіе не пойдетъ далѣе заголовка. Постановка русскихъ присяжныхъ существенно отличается отъ постановки ихъ въ другихъ континентальныхъ государствахъ. Тамъ par excellence это учрежденіе политическое, родившееся среди бушующихъ политическихъ страстей; у насъ же это учрежденіе чисто правовое, судебное. Съ англійскимъ образцомъ русскій судъ присяжныхъ имѣетъ также мало общаго. Составители Судебныхъ Уставовъ признавали безусловную необходимость „обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера“ (журн. Соед. Деп. Гос. Сов. о преобраз. суд. части въ Россіи 1862 г., стр. 184).

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же объясненій мы читаемъ: „на присяжный судъ многіе смотрятъ, какъ на учрежденіе политическое и, въ соотвѣтственности тому, исполненіе обязанности присяжнаго считаютъ правомъ, имѣющимъ связь съ избирательнымъ правомъ, въ порядкѣ управленія“. „Это ошибочное воззрѣніе имѣло самое неблагопріятное вліяніе на организацію суда чрезъ присяжныхъ и приводило къ различнымъ затрудненіямъ“ (тотъ же журналъ, стр. 314).

На мировой судъ и на присяжныхъ засѣдателей составители Судебныхъ Уставовъ смотрѣли, какъ на проявленіе въ судебномъ устройствѣ существовавшаго у насъ выборнаго начала. „Новое судоустройство, говорится въ ихъ объясненіяхъ, имѣющее основаніемъ съ одной стороны, избранныхъ всѣми сословіями мировыхъ судей, долженствующихъ вѣдать бо́льшую часть дѣлъ, остававшихся почти внѣ круга дѣйствій судебныхъ мѣстъ, а съ другой — присяжныхъ засѣдателей, принимающихъ важное участіе при рѣшеніи судомъ дѣлъ уголовныхъ, усвоитъ, наконецъ, сословному представительству въ судѣ то дѣйствительное значеніе, которое было, въ прошедшемъ столѣтіи, существенною цѣлью дарованія нашимъ сословіямъ выборнаго права. Съ предоставленіемъ же присяжнымъ засѣдателямъ окончательнаго опредѣленія вины или невинности подсудимыхъ въ важнѣйшихъ изъ производящихся общимъ порядкомъ уголовныхъ дѣлахъ, выборное начало получитъ полное развитіе и самое правильное

направленіе. Въ порядкѣ суда одно это право важнѣе всѣхъ прочихъ, взятыхъ въ совокупности" (тотъ же журналъ, стр. 308, 309).

Въ соотвѣтствіе съ приведеннымъ выше взглядомъ на присяжныхъ засѣдателей дѣла о государственныхъ преступленіяхъ были отнесены основными положеніями устройства судебныхъ мѣстъ 29 сентября 1862 года, а затѣмъ и Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года,—къ вѣдомству судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Судъ этотъ, вошедшій въ строй нашихъ судебныхъ мѣстъ, есть такая оригинальность Судебныхъ Уставовъ, подобной которой мы не находимъ ни въ одномъ западно-европейскомъ законодательствѣ.

Наиболѣе заимствованными изъ Франціи въ ряду нашихъ судебныхъ учрежденій являются судебные слѣдователи и кассаціонные департаменты Правительствующаго Сената. Но и здѣсь творцы Судебныхъ Уставовъ сумѣли быть „самобытными".

Должности судебнаго слѣдователя они придали гораздо болѣе самостоятельное положеніе по сравненію съ французскимъ образцомъ, въ особенности относительно прокурорскаго надзора, а кассаціонный судъ нашъ они поставили подъ одну крышу съ Петровскимъ Сенатомъ, чѣмъ придали ему особую устойчивость и авторитетность.

Соединить кассаціонные департаменты съ административными департаментами Сената, есть мысль въ высшей степени оригинальная, необычайно удачная и притомъ невѣдомая Западной Европѣ. Въ 1902 году, когда у насъ собрался Съѣздъ Международнаго Союза Криминалистовъ, намъ пришлось показывать многимъ иностраннымъ членамъ Съѣзда помѣщеніе Сената. Объясненія, которыя были имъ даны относительно устройства нашего кассаціоннаго суда, вызвали съ ихъ стороны, а въ особенности со стороны французовъ, единодушное одобреніе. Что же касается самой идеи чистой кассаціи, то и ее составители Судебныхъ Уставовъ не считали новою для Россіи. „Общее понятіе о кассаціи судебныхъ рѣшеній, значится въ ихъ объясненіяхъ, было искони не чуждо Россіи: оно существовало въ древности, подъ именемъ суда съ головы; подъ этимъ же именемъ оно вошло и въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, въ гл. X ст. 10, на которой осно-

вана и 545 ст. т. X, ч. 2, зак. гражд. суд., въ коей сказано: „но когда дѣло въ нижнемъ судѣ произведено столь неправильно, что безъ новаго производства рѣшить оное невозможно, тогда самое рѣшеніе нижняго суда считается ничтожнымъ и дѣло обращается въ оный для новаго производства, съ положеніемъ на судъ надлежащаго за сіе взысканія“ (объясн. зап. къ проекту уст. гражд. суд., стр. 467 и 468).

Прокурорскій надзоръ по Судебнымъ Уставамъ также ошибочно считать снимкомъ съ французскаго „паркета“. „Въ правилахъ нашихъ уставовъ, говоритъ Н. В. Муравьевъ, можно указать черты, рѣзко и выгодно отличающія русскую прокуратуру отъ французской. Такъ, прежде всего, въ нашемъ учрежденіи нѣтъ и тѣни вмѣшательства прокурора во внутреннюю жизнь судовъ, первенства надъ судьями, поползновенія стѣснять ихъ самостоятельность, начальственнаго надзора надъ цѣлымъ рядомъ лицъ судебнаго вѣдомства. Іерархическія отношенія самихъ прокурорскихъ чиновъ другъ къ другу и связывающая ихъ дисциплина у насъ не страдаютъ тою недосказанностью и тѣмъ отсутствіемъ постановленій, гарантирующихъ личную независимость совѣсти и убѣжденія, на которыя постоянно жалуются французскіе юристы“ [1]). Лучше трудно характеризовать русскую прокуратуру по Судебнымъ Уставамъ, существенно отличающуюся отъ западно-европейской. Смѣшать ихъ можетъ только предвзятая близорукость. Надо еще отмѣтить, что нашей прокуратурѣ не предоставлено въ дѣлахъ гражданскихъ того излишне сложнаго и крайне широкаго участія, которое присвоено ей во Франціи, и что она не имѣетъ никакого политическаго характера, а потому, какъ справедливо отмѣтилъ тотъ же авторъ, не можетъ сдѣлаться „тѣмъ орудіемъ политическихъ и во всякомъ случаѣ не судебныхъ цѣлей, какимъ нерѣдко служитъ французская прокуратура“ [2]).

Адвокатура по Судебнымъ Уставамъ также не носитъ характера заимствованія. Во Франціи, въ Англіи и въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи ходатайство по дѣлу не вручалось всецѣло адвокатамъ. Обязанности этого рода раздѣлялись между правозаступниками и стряпчими. Обязанность послѣднихъ заклю-

---

[1]) Н. В. Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, стр. 440 и 441.

[2]) Тамъ-же, стр. 441.

чалась въ подготовкѣ дѣла къ судебному разсмотрѣнію или, какъ значилось во французскомъ законодательствѣ, pour postuler et conclure; обязанность же правозаступника состояла не въ этой подготовительной черной работѣ, а въ свободной устной защитѣ дѣла передъ судомъ. Такое раздѣленіе обязанностей признается необходимымъ условіемъ для поддержанія въ адвокатскомъ сословіи той нравственной чистоты, того благороднаго безкорыстія, которыми отличается сословіе французскихъ адвокатовъ [1]). Стряпческое подготовленіе дѣла даетъ слишкомъ соблазнительную для человѣческой слабости возможность эксплоатировать тяжущихся. Соединеніе же правозаступничества съ стряпческими обязанностями приводитъ не столько къ улучшенію стряпческой дѣятельности, сколько къ умаленію достоинства адвокатскаго сословія.

Основныя положенія нашего судебнаго преобразованія и Учрежденіе Судебныхъ Установленій соединили стряпческую и адвокатскую дѣятельности въ одномъ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ этомъ случаѣ была проявлена большая, быть можетъ, даже чрезмѣрная осторожность изъ опасенія, что стряпчіе, если бы ихъ дѣятельность была выдѣлена, станутъ тягостнымъ игомъ для тяжущихся.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ главное содержаніе, которое влито Учрежденіемъ Судебныхъ Установленій въ тотъ простой, наиболѣе пріемлемый шаблонъ судебнаго устройства, который положили въ основаніе своихъ работъ составители Уставовъ. Что же, наполненный такимъ содержаніемъ строй нашихъ судебныхъ установленій является чужеземнымъ, рабски заимствованнымъ, „плагіатомъ"? Отвѣтъ отрицательный подсказывается самъ собою. Вліяніе иностранныхъ законодательствъ сказалось въ этомъ случаѣ самымъ отдаленнымъ образомъ, т. е. въ той мѣрѣ, въ которой общечеловѣческое не можетъ не отражаться въ законодательствѣ каждой страны. Но за этими предѣлами Учрежденіе Судебныхъ Установленій создало самобытный русскій судъ и грѣшно говорить, что нашъ судъ напоминаетъ платье иноземнаго покроя. Творили его русскіе люди и сдѣланное ими есть русское дѣло. Не даромъ въ 1863 году, въ послѣдовавшемъ единодушномъ подъемѣ народнаго

---

[1]) Е. В. Васьковскій. Организація адвокатуры.

духа по случаю дерзкихъ притязаній поляковъ и сопровождавшихъ ихъ попытокъ иноземныхъ державъ вмѣшаться въ наше внутреннее дѣло, благовѣстомъ прозвучали знаменательныя слова[1]) московскихъ старообрядцевъ, обращенныя къ Императору Александру II: „въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится"!

Къ тому же судебное устройство, осуществленное Судебными Уставами, при сравненіи съ французскимъ судоустройствомъ, оказывается значительно осложненнымъ. Въ немъ нѣтъ той простоты, которая составляетъ значительную выгоду французской системы, и является, конечно, существеннымъ условіемъ правильнаго судоустройства. Къ французскому шаблону у насъ *приставили чисто сословный волостной судъ*, организованный незадолго передъ судебною реформою Положеніемъ 29 февраля 1861 года. Касаться этого суда при судебномъ преобразованіи было признано нежелательнымъ. „Мировой судья—говорится въ сужденіяхъ къ основнымъ положеніямъ 29 сентября 1862 года,—въ особенности съ перваго раза, не можетъ вполнѣ замѣнить сельскіе и волостные суды, которые останутся, какъ и теперь, не въ видѣ самостоятельнаго суда, а въ видѣ предварительной мѣстной расправы" (журн. Соед. Деп. Гос. Сов. о преобразованіи суд. части въ Россіи, 1862 г., стр. 19 и 20). Но вопросъ о томъ, чтобы связать волостные суды съ мировыми судебными установленіями, ставился при обсужденіи проекта устава гражданскаго судопроизводства и, къ сожалѣнію, вопреки мнѣнію М. И. и С. И. Зарудныхъ, былъ разрѣшенъ отрицательно. Восторжествовала едва ли правильная мысль, по которой „при совершенно исключительномъ положеніи волостныхъ судовъ, прямая связь ихъ съ прочими судебными мѣстами Имперіи не только не представляется необходимою, но отчасти даже вредною для дѣятельности волостныхъ судовъ" (объясн. зап. къ проекту уст. гражд. суд., стр. 32).

Вспомнимъ далѣе, что мировыя учрежденія, „самобытно" созданныя, не были поставлены въ связь съ общими судеб-

---

[1]) С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Т. I, стр. 466.

ными мѣстами. Были сооружены два отдѣльныя, несообщающіяся зданія, вмѣсто одного цѣльнаго многоэтажнаго: одно — мировая, другое — обыкновенная юстиція. Прибавимъ къ этому раздробленность уголовной юстиціи, въ которой въ качествѣ суда первой инстанціи, наряду съ мировыми судьями и окружными судами, были поставлены, для нѣкоторыхъ дѣлъ, судебныя палаты и Правительствующій Сенатъ. Извѣстная, хотя и меньшая, раздробленность была допущена и въ отношеніи гражданскихъ судовъ. Такъ, наряду съ новыми судами были оставлены внѣ связи съ ними коммерческіе суды, а въ составѣ новыхъ судовъ въ качествѣ первой инстанціи для нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ были образованы судебно-административныя присутствія въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ и Соединенное Присутствіе въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Къ общечеловѣческимъ требованіямъ правильной судебной организаціи относится, между прочимъ, отдѣленіе суда отъ власти законодательной и управленія. Въ первомъ отношеніи составители Судебныхъ Уставовъ сдѣлали все необходимое, а во второмъ не довершили стоявшей передъ ними задачи. Извѣстныя ст. 9 и 10 Уст. Гр. Суд. и ст. 12 и 13 Уст. Уг. Суд. даютъ широкій просторъ суду толковать законъ, не стѣсняясь даже „недостаткомъ“ его, за исключеніемъ уголовнаго закона, которымъ судимое дѣяніе воспрещено подъ страхомъ наказанія. Мы говоримъ объ этихъ статьяхъ, въ связи съ Учрежденіемъ Судебныхъ Установленій, такъ какъ мѣсто имъ именно въ этой части Судебныхъ Уставовъ, а не въ отдѣльныхъ процессуальныхъ кодексахъ. Законъ нашъ воспрещаетъ останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, а по Уставу Гражданскаго Судопроизводства — и недостатка законовъ, подъ угрозою отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи или за бездѣйствіе власти.

Разсматриваемыя постановленія послѣдовали подъ несомнѣннымъ вліяніемъ § 4 французскаго гражданскаго кодекса, угрожающаго судьѣ, который отклонитъ рѣшеніе, подъ предлогомъ недостатка, неясности или неполноты закона, наказаніемъ какъ за отказъ въ правосудіи. (Le juge, qui refusera de juger sous pretexte du silence, de l'obscurité ou de l'insuffisance de la loi,

pourra être poursuivi comme coupable de déni de justice). Но Судебные Уставы лучше обставили указанное полномочіе суда, указавъ, что онъ долженъ извлечь недостающую норму изъ „общаго смысла законовъ", а между тѣмъ французскій законъ совершенно не указываетъ, откуда судья долженъ добывать норму права, не имѣющуюся въ писанномъ законодательствѣ [1]).

Отмежевавъ судъ отъ законодательной власти и давъ ему широкія полномочія по толкованію законовъ, Судебные Уставы тѣмъ самымъ стали на ту господствующую въ настоящее время точку зрѣнія, что не законъ, но законъ и судья создаютъ народу его право. Въ концѣ же XVIII столѣтія одинъ законъ считался регуляторомъ права, а судья признавался чуть не автоматическимъ его исполнителемъ.

Отдѣленіе суда отъ управленія было признано необходимымъ составителями Судебныхъ Уставовъ, но, какъ мы уже отмѣтили, они не додѣлали его до конца. Правда, они сосредоточили управленіе судебною частью въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи, т. е. признали нужнымъ образованіе для судебныхъ установленій особаго вѣдомства, поставили судейскую несмѣняемость на подобающую высоту, превосходящую и французскій законъ 20 апрѣля 1810 года и ст. 103 сардинскаго закона 1859 года о судоустройствѣ (упоминаемъ объ этомъ законѣ, чтобы устранить подозрѣніе въ заимствованіи изъ сардинскаго законодательства, дававшаго судьямъ несмѣняемость по истеченіи трехъ лѣтъ службы, съ правомъ переводить судью для пользы службы изъ одного суда въ другой) и равняющуюся только съ постановкою судейской несмѣняемости по ст. 100 бельгійской конституціи 7 февраля 1831 года [2]); не подчинили судъ прокуратурѣ, ограничили отвѣтственность судей дисциплинарную, гражданскую и уголовную разумными рамками и т. под. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они оставили волостные суды внѣ судебной организаціи, они образовали судебно-административныя присутствія для гражданской отвѣтственности административныхъ чиновъ, а, что всего прискорбнѣе, они оставили въ вѣдѣніи административныхъ начальствъ такія чисто судебныя полномочія, какъ возбужденіе преслѣдованія и преданіе суду за преступленія по службѣ. И для

[1]) Шершеневичъ. Общая теорія права, IV, стр. 745 и слѣд.

[2]) Ранѣе бельгійской конституціи несмѣняемость судейская была широко поставлена въ польской конституціи 1815 года.

такой широкой постановки административной гарантіи даже враги судебнаго преобразованія не могли бы отыскать никакого чужеземнаго образца.

Быть можетъ, тотъ громадный переворотъ, который внесли Судебные Уставы въ наше судебное дѣло, и надо было ограничить извѣстными рамками, не слишкомъ затрогивая всесильную и всемогущую въ тѣ времена административную власть,— судить объ этомъ не беремся. Говорятъ, не додѣлать иногда лучше, чѣмъ передѣлать. Но во всякомъ случаѣ и сдѣланное велико, и само ярко свидѣтельствуетъ о своихъ высокихъ достоинствахъ.

Намъ остается сопоставить съ нашимъ Учрежденіемъ Судебныхъ Установленій имѣвшіеся въ распоряженіи составителей Судебныхъ Уставовъ въ русскомъ переводѣ законъ 13 ноября 1859 года о судоустройствѣ Пьемонта и присоединенныхъ къ нему провинцій Италіи и проектъ бельгійскаго судоустройства, составленный въ маѣ 1862 года. Сопоставленіе обнаруживаетъ такое ничтожное число постановленій, заимствованныхъ нами, о которомъ и говорить не стоитъ. Такъ, ст. 184 и 185 Учр. Суд. Уст. являются повидимому воспроизведеніемъ ст. 219 и 220 бельгійскаго проекта о вакантномъ времени для судебныхъ мѣстъ. Ст. 224 Учр. Суд. Уст. объ обязанности явки на службу не позже мѣсяца послѣ объявленія о назначеніи на судебную должность напоминаетъ собою аналогичныя ст. 191 бельгійскаго проекта и ст. 6 итальянскаго закона. Ст. 229 Учр. Суд. Уст. соотвѣтствуетъ ст. 238 бельгійскаго проекта о годичной болѣзни, служащей основаніемъ для увольненія, хотя и отличается отъ нея отсутствіемъ правила о предѣльномъ возрастѣ. Тому же бельгійскому проекту соотвѣтствуютъ также ст. 358, 361 и 368 Учр Суд. Уст., о присяжныхъ повѣренныхъ (см. ст. 296, 308 и 314 бельг. проекта). И только. Все же остальное и самая система расположенія статей въ нашемъ Учрежденіи Судебныхъ Установленій существенно отличаются отъ западно-европейскихъ образцовъ.

Итакъ, главная и основная часть нашихъ Судебныхъ Уставовъ—Учрежденіе Судебныхъ Установленій—не есть плодъ заимствованія. Это самостоятельный русскій памятникъ судебнаго устройства.

III.

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года произвелъ у насъ полный переворотъ въ постановкѣ уголовнаго правосудія. Значеніе его далеко не замыкается одними техническими усовершенствованіями. Оно поднимается на высоту общегосударственную, затрогивающую глубокіе общественные интересы. 21 апрѣля 1785 г. извѣстная Екатерининская грамота дворянству повелѣвала: „безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія“ (ст. 8—11).

Съ изданіемъ же Устава Уголовнаго Судопроизводства дворянская привилегія превращена въ привилегію всенародную, такъ какъ по ст. 1 этого Устава „никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами Устава Уголовнаго Судопроизводства“, а по ст. 14 „никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащіе судебному вѣдомству, иначе, какъ по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу“.

Всякое судопроизводство, состоящее изъ трехъ главныхъ частей: разслѣдованія, постановленія приговора и его исполненія, должно быть возложено, въ силу основныхъ требованій правосудія, на судъ. Между тѣмъ, Петровская Русь не успѣла изъять ни одной изъ этихъ частей судопроизводства изъ рукъ управленія.

Реформа Екатерины II (Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г.) изъяла изъ вѣдомства администраціи одно только произнесеніе приговора, предоставивъ его особымъ учрежденіямъ судебнымъ, но и эта мѣра была не полная, такъ какъ судебные приговоры уголовныхъ палатъ шли на утвержденіе губернскихъ и областныхъ начальствъ. Очищенія судопроизводства отъ прикосновенія къ нему административной власти, и то не въ полномъ объемѣ, достигли только Судебные Уставы.

На долю одного изъ крупнѣйшихъ юристовъ, а именно Миттермайера, котораго Н. С. Таганцевъ, его слушатель, справедливо назвалъ юристомъ „міровой извѣстности“ [1]), выпало характеризовать

---

[1]) Н. С. Таганцевъ. Миттермайеръ. Вступительная лекція въ СПБ. университетѣ 11 января 1868 г. Журналъ Министерства Юстиціи, 1868 года, томъ XXXV.

проектъ нашего устава уголовнаго судопроизводства 1863 года, сдѣлавшійся 20 ноября 1864 года закономъ. Названный иностранный ученый, знавшій въ совершенствѣ всѣ процессуальные законы Западной Европы, отозвался о проектѣ слѣдующимъ образомъ: „Въ цѣломъ русскій проектъ уголовнаго судопроизводства представляетъ новый шагъ впередъ, сравнительно съ другими законодательствами, и по послѣдовательности проведенія обвинительнаго начала и устности стоитъ выше даже многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ. Въ немъ, кромѣ того, несравненно менѣе замѣтна подражательность предписаніямъ французскаго законодательства, недостатки котораго мы недавно указывали; напротивъ того, онъ гораздо больше держится англійскаго образца, хотя и съ этой стороны далекъ отъ слѣпого подражанія“ [1]).

Мнѣніе исключительнаго знатока судебнаго права и иностранныхъ кодексовъ, что доказывается его многочисленными трудами, испещренными ссылками на различныя законодательства (приведемъ для примѣра его замѣчательную работу—Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren, 1856 года, которая была переведена въ 1864 году на русскій языкъ Бартеневымъ), въ сущности избавляетъ насъ отъ необходимости доказывать, что нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства не есть переводъ сардинскаго устава, составлявшаго полное заимствованіе французскаго Code d'instruction criminelle, и не составляетъ вообще воспроизведенія какого-либо другого иноземнаго кодекса. Тѣмъ не менѣе попытаемся дать краткій, подкрѣпленный выдержками изъ нашего устава, отвѣтъ на сомнѣнія, брошенныя по этому поводу лицами, которыя навѣрно и не держали никогда въ своихъ рукахъ никакихъ иностранныхъ уставовъ уголовнаго судопроизводства. Истина не пострадаетъ отъ повторенія ея лишній разъ.

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, какъ извѣстно, воспринялъ смѣшанную форму процесса, т. е. сочеталъ процессы слѣдственный и состязательный. Въ этомъ отношеніи,

---

[1]) Миттермайеръ. Новый проектъ русскаго Уголовнаго Судопроизводства. „Журналъ Министерства Юстиціи“, 1864 года, томъ XXII.

можно сказать, онъ близокъ къ французскому образцу. Но эта близость ограничивается общими очертаніями, такъ какъ сущность нашего процесса слишкомъ отходитъ отъ французскаго судопроизводства и притомъ въ сторону бо́льшаго совершенства.

Остановимся на предварительномъ слѣдствіи и преданіи суду, которыя построены у насъ на началахъ слѣдственныхъ. Наше предварительное слѣдствіе выгодно отличается отъ французскаго тѣмъ, что въ немъ нѣтъ того всемогущества прокуратуры, которая во Франціи поставлена во главѣ судебной полиціи и располагаетъ даже нѣкоторыми слѣдственными полномочіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ по своимъ задачамъ наше слѣдствіе шире французскаго, такъ какъ оно производится по поводу обнаруженнаго преступленія, хотя бы въ виду не было лица, подозрѣваемаго въ его совершеніи. Обстоятельство же это не маловажно, такъ какъ оно суживаетъ роль полиціи въ предварительномъ разслѣдованіи. Наше предварительное слѣдствіе при своемъ заключеніи знаетъ особый обрядъ предъявленія его обвиняемому (ст. 476 Уст. Уг. Суд.), котораго нѣтъ ни во Франціи, ни въ другихъ государствахъ. Намъ пришлось однажды бесѣдовать въ Парижѣ съ лучшими французскими слѣдователями по этому поводу. Всѣ они, узнавъ отъ меня о существующемъ у насъ обрядѣ предъявленія слѣдствія, въ одинъ голосъ признали бо́льшее совершенство въ этомъ отношеніи нашего закона.

Обрядъ преданія суду есть по всей вѣроятности та часть уголовнаго судопроизводства, которая всего болѣе приближаетъ нашъ Уставъ къ французскому. И тамъ, и тутъ принятъ ревизіонный порядокъ разсмотрѣнія обвинительною камерою обвинительныхъ актовъ въ присутствіи прокурора. Но въ отношеніи редакціи, въ которой изложены соотвѣтствующія статьи сравниваемыхъ уставовъ, существуетъ большое различіе (ср. ст. 217—250 Code d'instruction criminelle и ст. 529—542 нашего Уст. Уг. Суд.). Есть различіе и въ существѣ самыхъ постановленій. Такъ, напримѣръ, нашъ Уставъ совершенно не знаетъ предоставленнаго французскимъ обвинительнымъ камерамъ права возлагать на одного изъ своихъ членовъ производство дополнительнаго слѣдствія (ст. 235 и 236 Code d'instruction criminelle).

Судебное слѣдствіе и приготовительныя распоряженія суда довольно существенно отличаются у насъ и во Франціи. Доста-

точно указать на то, что у насъ нѣтъ особаго порядка неотложнаго разсмотрѣнія дѣлъ о лицахъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, права суда немедленно разсмотрѣть дѣло о преступленіи, совершенномъ въ самомъ судебномъ засѣданіи (délit d'audience), широкаго права подсудимаго на вызовъ свидѣтелей безъ контроля суда, права суда заключать подъ стражу свидѣтелей, показанія которыхъ кажутся лживыми, дискреціоннаго права предсѣдателя вызывать свидѣтелей, не вызванныхъ сторонами, и требовать новые документы, и т. д. и т. д. Въ особенности послѣднее различіе кладетъ совершенно другой отпечатокъ на судебное слѣдствіе наше и французское. Въ послѣднемъ предсѣдатель является полновластнымъ распорядителемъ судебнаго слѣдствія, чего у насъ нѣтъ. Французскому законодательству пришлось даже уже послѣ изданія нашихъ Судебныхъ Уставовъ, а именно въ 1881 году, для нѣкотораго обузданія своихъ предсѣдателей, лишить ихъ права произносить передъ присяжными засѣдателями заключительное слово.

Особенно велико различіе между сравниваемыми процессами въ отношеніи права прокуратуры опротестовывать оправдательные приговоры, постановленные съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Во Франціи такого права прокуратура не имѣетъ и оправдательный приговоръ суда присяжныхъ —паркетъ—можетъ опротестовать только въ интересахъ закона, причемъ рѣшеніе кассаціоннаго суда получаетъ чисто академическое значеніе, не вліяя на дѣйствительную отмѣну оправдательнаго приговора (ст. 409 Code d'instruction criminelle).

Далѣе различествуетъ и постановка поводовъ, по которымъ допускается обжалованіе судебныхъ приговоровъ въ кассаціонномъ порядкѣ. Франція установила перечневую ихъ систему. Въ Code d'instruction criminelle почти подъ каждою статьею, предписывающею какую-либо существенную процессуальную форму, оговорено, что форма эта устанавливается подъ угрозою недѣйствительности (sous peine de nullité) всего послѣдующаго производства; сверхъ того кассація, въ силу ст. 408, допускается по неподсудности дѣла, а также въ случаяхъ, если судъ оставитъ безъ вниманія ходатайство подсудимаго или прокурора о разрѣшеніи имъ воспользоваться какимъ-либо правомъ, предоставленнымъ имъ по закону, хотя бы та процессуальная форма, объ исполненіи которой было заявлено ходатайство, и не была

предписана подъ страхомъ недѣйствительности. Въ Уставѣ же Уголовнаго Судопроизводства (ст. 174 и 912) законъ далъ общія указанія относительно судопроизводственныхъ нарушеній, могущихъ влечь отмѣну приговора.

Мы никогда не кончили бы, если бы задались цѣлью исчерпать всѣ различія французскаго и русскаго уголовнаго судопроизводства по Судебнымъ Уставамъ. Укажемъ еще на совершенное недопущеніе французскимъ уставомъ уголовно-частнаго обвиненія, на различія въ постановкѣ въ уголовномъ судѣ гражданскаго иска, вытекающаго изъ преступленія.

Тщетно отыскивая во французскомъ Code d'instruction criminelle статьи, которыя совпадали бы со статьями нашего Устава, мы нашли только довольно близкое соотвѣтствіе статей 615—618 французскаго устава статьямъ 10 и 11 Уст. Угол. Суд., обязывающимъ судью и прокурора освобождать лицъ, неправильно содержащихся подъ стражею или содержащихся въ ненадлежащемъ мѣстѣ заключенія. Да и не мудрено. Code d'instruction criminelle содержитъ въ себѣ 643 статьи, а Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года 1254 статьи, причемъ, какъ мы указали, они расходятся въ существѣ почти со всѣмъ главнымъ процессуальнымъ институтомъ.

Совпаденіе разсматриваемыхъ уставовъ въ главныхъ основаніяхъ судебнаго слѣдствія, требующихъ непосредственности, гласности, состязательности и оцѣнки доказательствъ по внутреннему убѣжденію, есть совпаденіе въ началахъ „естественныхъ", безъ которыхъ въ настоящее время не мыслимо судопроизводство ни въ одной странѣ. Поэтому тождество этихъ началъ не можетъ придать тому или другому судопроизводству національной окраски. Послѣдняя дается самою постановкою отдѣльныхъ процессуальныхъ институтовъ, которая въ нашемъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства во многихъ случаяхъ достаточно „самобытна", почему и эта часть Судебныхъ Уставовъ никоимъ образомъ не можетъ почитаться заимствованною.

Ошибочно, думается намъ, покойный Миттермайеръ находилъ, что проектъ нашего Устава Уголовнаго Судопроизводства, отходя отъ неудовлетворительнаго французскаго образца, придерживался больше англійскаго права. Англійскій уголовный процессъ съ его оригинальными law of evidence, отсутствіемъ организованнаго должностного обвиненія, континентальнаго пред-

варительнаго слѣдствія, обряда постановки вопросовъ, правильно поставленнаго обжалованія не могъ служить образцомъ для насъ, что и доказывается постановкою въ нашемъ Уставѣ всѣхъ главныхъ процессуальныхъ институтовъ уголовно-судебнаго права иначе, чѣмъ въ Англіи.

Наше уголовно-судебное законодательство, предшествовавшее Судебнымъ Уставамъ, помимо своихъ коренныхъ недостатковъ, отличалось между прочимъ тѣмъ, что въ немъ предусматривалось множество особыхъ чрезвычайныхъ видовъ судопроизводства. Дробныя исключенія заслоняли собою общее правило, которое само превращалось какъ бы въ исключеніе. Самый бѣглый обзоръ т. XV ч. 2 Св. Зак., изд. 1857 г., вполнѣ подтверждаетъ сказанное. Общій процессъ былъ тяжелъ, медленъ, неудобенъ; вмѣсто того, чтобы его перестроить, дореформенное законодательство наше устраняло отъ него цѣлые разряды дѣлъ и лицъ, передавая ихъ въ вѣдѣніе особыхъ, въ особенности военныхъ, судовъ или подчиняло ихъ въ общихъ судахъ особому порядку судопроизводства (такихъ особыхъ порядковъ было 16). Уставъ Уголовнаго Судопроизводства свелъ всѣ эти многочисленныя исключенія подъ одинъ знаменатель однообразнаго процесса, значительно обрѣзавъ и бо́льшую часть вѣтвей огромной военной юрисдикціи.

Въ этомъ громадная заслуга новаго Устава, который допустилъ изъятія изъ общаго порядка судопроизводства только для дѣлъ, производимыхъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства, для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, по преступленіямъ должности, для преступленій, относящихся до разныхъ частей административнаго управленія и для дѣлъ смѣшанной подсудности военной и гражданской. Въ отношеніи послѣднихъ новый Уставъ внесъ весьма важное начало недѣлимости дѣлъ уголовныхъ, которое было ранѣе отвергаемо нашимъ законодательствомъ. До Судебныхъ Уставовъ дѣла уголовныя, къ которымъ были прикосновенны лица военныя и гражданскаго вѣдомства, рѣшались особо судомъ военнымъ и особо судомъ гражданскимъ, каждымъ относительно своихъ подсудимыхъ. Одинъ судъ рѣшалъ по подлиннымъ актамъ, а другой—по копіямъ съ нихъ. Путаница получалась въ такомъ судопроизводствѣ невообразимая. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Императору Александру I Лагарпъ выразился о нашемъ прежнемъ судопроизводствѣ слѣ-

дующимъ образомъ: „Ваше судопроизводство—сущій Дедалъ, и только кляузы, плутни и взятки помогаютъ выбраться изъ этого лабиринта“ [1]). Лучше нельзя было его и охарактеризовать.

IV.

Послѣдняя часть, чисто судебная, нашихъ Судебныхъ Уставовъ—Уставъ Гражданскаго Судопроизводства 20 ноября 1864 г. вполнѣ подтверждаетъ уже сказанное нами объ Учрежденіи Судебныхъ Установленій и Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства. Это есть плодъ не только русскаго историческаго опыта, но, какъ выразился К. И. Малышевъ, „и знакомства съ исторіею и современными учрежденіями Запада, въ особенности государствъ французской группы, хотя можно указать въ Судебныхъ Уставахъ *лишь немного прямыхъ заимствованій*“ [2]). И въ нашемъ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, подобно Уставу Уголовнаго Судопроизводства, мы находимъ проведенными въ законѣ такія начала процесса, которыя являются результатомъ общаго историческаго развитія и движенія идей, почему они и могутъ быть названы „естественными“. Видѣть въ принятіи такихъ началъ заимствованіе—значитъ отрицать существованіе общечеловѣческихъ идей и понятій, которыя составляютъ достояніе всего міра. Такими началами въ нашемъ обновленномъ гражданскомъ процессѣ являются устность, гласность, состязательность, принципъ болѣе свободной оцѣнки доказательствъ и разрѣшенія дѣлъ по непосредственному разсмотрѣнію самимъ судомъ и по добросовѣстному убѣжденію суда, съ тѣмъ только, чтобы рѣшеніе не противорѣчило законамъ.

Вѣчна и непреложна та истина, что никакой споръ, возникшій между двумя лицами, не можетъ быть разрѣшенъ правильно, безъ выслушанія объясненій обѣихъ сторонъ. Audiatur et altera pars—еще у римлянъ было основой гражданскаго правосудія, и съ тѣхъ поръ нѣтъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, въ коихъ не заключалось бы этого правила. Заключается оно и въ уставахъ французскомъ, итальянскомъ,

---

[1]) Министерство Юстиціи за сто лѣтъ 1802—1902. Историческій очеркъ, стр. 23.

[2]) К. И. Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I, стр. 63.

женевскомъ и въ другихъ, современныхъ составленію нашихъ Уставовъ; не могло оно не быть внесено и въ нашъ Уставъ и не могло потому, что оно есть основа, краеугольный камень каждаго устава гражданскаго судопроизводства.

Иначе обстоитъ вопросъ о наиболѣе правильномъ способѣ выясненія правды въ каждомъ отдѣльномъ спорѣ. Въ этомъ отношеніи историческіе памятники законодательствъ разныхъ временъ представляютъ весьма любопытную картину постоянныхъ исканій того, чего невозможно найти, и напрасныхъ попытокъ сдѣлать истиной то, въ чемъ нѣтъ истины. Такъ, первоначально, за непреложную истину берется убѣжденіе въ томъ, что vox populi—vox dei, и на этомъ основаніи цѣлые вѣка правосудіе находится въ рукахъ весьма многочисленныхъ судилищъ—собраній геліастовъ, ареопаговъ, санхедроновъ, синедріоновъ и пр. и пр. Разубѣдившись въ истинности этого воззрѣнія, человѣчество создаетъ себѣ новую истину: чистую настоящую правду можетъ познавать только божество, почему и объявлять ее людямъ могутъ только близко стоящіе къ божеству—его служители. На этомъ основаніи правосудіе передается въ руки понтифофъ, друидовъ, священниковъ и епископовъ. Опять проходятъ вѣка прежде, чѣмъ человѣчество убѣждается въ непригодности и этого средства, и предоставляетъ самому божеству рѣшать споры, заставляя для этого спорящихъ выходить на поединокъ или подвергая ихъ жестокимъ испытаніямъ огнемъ и желѣзомъ. Далѣе, нарождается воззрѣніе, по которому на судью должна быть возложена обязанность не постановлять рѣшенія прежде, чѣмъ онъ не выяснитъ истины, употребляя для этого все, что можетъ быть въ его распоряженіи, и такимъ образомъ устанавливается инквизиціонное начало въ дѣлѣ отправленія гражданскаго правосудія, послѣдствіемъ чего дѣла затягиваются на десятки и сотни лѣтъ, и въ концѣ концовъ оканчиваются тогда, когда ни тяжущихся, ни спорнаго имущества нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Въ своемъ знаменитомъ романѣ „Холодный Домъ“ Чарльзъ Диккенсъ прекрасно описываетъ одинъ изъ такихъ процессовъ, длившихся болѣе столѣтія и окончившагося тѣмъ, что спорнаго имущества не хватало на вознагражденіе адвокатовъ и стряпчихъ.

И эта истина должна была уступить мѣсто другой, появившейся въ умахъ юристовъ лишь въ послѣдніе годы XVIII сто-

лѣтія: спорящія стороны сами должны стремиться къ тому, чтобы выяснить ту правду, за которую они спорятъ, и для этого должны представлять судьѣ всѣ имѣющіяся у нихъ къ тому данныя, которыя судья, какъ безпристрастный посредникъ, долженъ разобрать, взвѣсить и оцѣнить по своему убѣжденію, отнюдь не вмѣшиваясь въ автономію сторонъ и не дозволяя себѣ основывать свое рѣшеніе на какихъ бы то ни было данныхъ, не исходящихъ отъ тяжущихся.

Эта доктрина сдѣлалась господствующей у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Она господствуетъ и нынѣ, какъ господствовала въ другихъ странахъ въ то время, когда разрабатывался нашъ Уставъ.

И составители нашего Устава правильно основали правила нашего новаго гражданскаго судопроизводства на этомъ новомъ принципѣ, все болѣе и болѣе усваиваемомъ всѣмъ человѣчествомъ, иначе имъ пришлось бы сохранить тотъ архаическій порядокъ, который давно былъ осужденъ всѣми. Но развѣ это можетъ быть поставлено имъ въ упрекъ, развѣ это можетъ быть названо простымъ подражаніемъ, когда впослѣдствіи этотъ же принципъ сталъ полагаться въ основу кодексовъ другихъ странъ и народовъ, и по послѣднему слову науки признается единственно правильнымъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые человѣчество когда-либо полагало въ основу своихъ процессуальныхъ правилъ?

Принявъ начало автономіи сторонъ и вытекающую изъ него состязательность въ гражданскомъ процессѣ, составители Устава Гражданскаго Судопроизводства были далеки отъ мысли поставить судъ въ совершенно пассивное положеніе зрителя процессуальной борьбы сторонъ; напротивъ, они призвали судъ къ активному участію въ установленіи фактическаго матеріала разсматриваемыхъ дѣлъ, но только не въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя, а въ роли помощника и совѣтника сторонъ. Судъ, какъ они признали, не въ правѣ самъ, по собственному почину, собирать доказательства и справки (ст. 367 Уст. Гр. Суд.), но онъ долженъ заботиться о надлежащемъ выясненіи обстоятельствъ дѣла и съ этой цѣлью предлагать тяжущимся вопросы и указывать имъ на пробѣлы въ представленныхъ доказательствахъ. Такое содѣйствіе сторонамъ является не только правомъ, но и обязанностью суда [1]).

---

[1]) Е. Васьковскій. Курсъ гражданскаго процесса, т. I, стр. 400.

Въ этомъ отношеніи нашъ Уставъ отличается отъ французскаго устава, который даетъ суду право совершать по собственной иниціативѣ нѣкоторыя дѣйствія съ цѣлью выясненія фактическихъ обстоятельствъ дѣла, какъ-то: требовать личной явки сторонъ и предлагать имъ вопросы, назначать осмотры вещественныхъ доказательствъ, экспертизу, допросъ свидѣтелей, указанныхъ сторонами, предлагать сторонѣ принять присягу въ подтвержденіе не вполнѣ доказанныхъ фактовъ [1]).

Въ своей работѣ составители Устава Гражданскаго Судопроизводства не пренебрегали вовсе всѣмъ тѣмъ, что въ прежнихъ нашихъ процессуальныхъ законахъ казалось имъ жизненнымъ, а потому и подлежащимъ сохраненію. Такъ, они оставили въ нашемъ гражданскомъ процессѣ дознаніе черезъ окольныхъ людей, правила объ освобожденіи отъ платежа судебныхъ издержекъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, и т. п.

Въ матеріалахъ къ судебному преобразованію въ Россіи сохранился, между прочимъ, очень интересный сравнительный указатель статей уставовъ гражданскаго судопроизводства русскаго, французскаго, женевскаго и итальянскаго. Сопоставленіе названныхъ уставовъ при помощи этого указателя приводитъ къ тому заключенію, что по многимъ существеннымъ вопросамъ нашъ Уставъ расходится съ сравниваемыми иностранными кодексами, и что въ немъ почти нѣтъ статей, совпадающихъ буквально съ соотвѣтствующими статьями указанныхъ иностранныхъ уставовъ, которые, какъ можно предполагать, въ виду того, что въ свое время былъ составленъ сравнительный указатель, именно по отношенію къ статьямъ этихъ уставовъ, и послужили нѣкоторымъ образцомъ для нашего Устава Гражданскаго Судопроизводства. Для примѣра, укажемъ, что итальянскій уставъ, который, по удостовѣренію С. И. Заруднаго, предсѣдателя Комиссіи по составленію проекта устава гражданскаго судопроизводства, былъ лучшимъ изъ всѣхъ европейскихъ уставовъ, въ которыхъ принята французская система, расходится съ нашимъ Уставомъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

По итальянскому уставу въ производствѣ у мировыхъ судей есть значительная доля письменности, такъ какъ допускается представленіе судьѣ письменныхъ объясненій (ст. 79 и 81), тре-

---

[1]) Е. Васьковскій. Курсъ гражданскаго процесса, т. I, стр. 398.

буется составленіе подробнаго журнала (ст. 81), наконецъ, рѣшеніе постановляется на основаніи не словесныхъ объясненій, а „подлинныхъ журналовъ, актовъ и документовъ“ (ст. 83). Затѣмъ установленъ особый обрядъ публичнаго объявленія рѣшенія (ст. 85). Допускается постановка вопросовъ одной стороной другой, при чемъ отказъ въ отвѣтѣ считается за признаніе (ст. 112). Извѣстенъ институтъ обязательной присяги по требованію одного изъ тяжущихся (juramentum delatum, ст. 113). Наконецъ, есть правила объ участіи третьихъ лицъ (ст. 134—136), вовсе отсутствовавшія въ нашемъ мировомъ уставѣ.

Относительно производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ итальянскому уставу извѣстенъ, отвергнутый у насъ, принципъ обязательной адвокатуры (ст. 144). Поэтому въ немъ не содержится правила нашего Устава о такъ называемомъ юридическомъ адресѣ. Затѣмъ письменная подготовка по дѣлу производится путемъ обмѣна бумагъ между адвокатами (ст. 149 и др.—какъ во Франціи) и заканчивается обмѣномъ между ними „записокъ“ (cedola; во Франціи—conclusions), содержащихъ „рѣшительныя законныя требованія“ (ст. 159). Съ прочтенія этихъ записокъ начинается и слушаніе дѣла въ судѣ (ст. 188). Представленіе новыхъ документовъ, не сообщенныхъ противнику, допускается лишь въ теченіе 8 дней до засѣданія (ст. 166). Допускается разрѣшеніе дѣла на основаніи присяги, приносимой по требованію одной изъ сторонъ (ст. 166, 278 и слѣд.). Возможенъ разспросъ сторонъ судомъ (ст. 272 и слѣд.), напоминающій французскій interrogatoire sur faits et articles (ст. 324—336) и совершенно неизвѣстный нашему Уставу. Устанавливаются разные виды рѣшеній, всецѣло заимствованные изъ французскаго устава (ст. 200). Устанавливается принципъ объявленія всѣхъ вообще рѣшеній тяжущимся лично, путемъ сообщенія копій (ст. 225 и слѣд.). Участіе третьихъ лицъ конструируется совершенно по образцу французскаго права, съ различеніемъ такъ называемой „garantie formelle“ и „simple“ (ст. 260), чего у насъ вовсе не имѣется. Равнымъ образомъ, по примѣру французскаго устава, различается „сличеніе почерковъ“ отъ „спора о подлогѣ“ (ст. 373—434; ср. ст. 193—251 франц. устава)—различіе, хотя и заимствованное нашимъ Уставомъ, но въ нѣсколько иной постановкѣ. Весьма широко очерчены поводы для отвода судей (ст. 442), при чемъ за подачу неосновательной

просьбы объ отводѣ истецъ подвергается штрафу (ст. 455). Устанавливаются, неизвѣстныя нашему праву, правила о прекращеніи иска (ст. 468 и слѣд.).

Затѣмъ итальянскому уставу извѣстенъ особый „спѣшный" порядокъ судопроизводства и притомъ въ двухъ видахъ: „простой" и „въ срочное засѣданіе", при чемъ первый допускается лишь по опредѣленнымъ дѣламъ, а второй—по всѣмъ прочимъ, по распоряженію предсѣдателя (ст. 472 и 497). Несомнѣнно, что первый изъ нихъ является болѣе подробнымъ развитіемъ французской procédure sommaire (ст. 404—413). Этотъ порядокъ былъ принятъ у насъ въ видѣ такъ называемаго сокращеннаго производства (ст. 348—365 Уст. Гр. Суд.), при чемъ въ редакціонномъ отношеніи и эти статьи нашего Устава едва ли можно признать заимствованными изъ итальянскаго. По своей краткости онѣ скорѣе походятъ на французскія. Второй же порядокъ неизвѣстенъ ни французскому, ни нашему Уставу 20 ноября 1864 года.

Точно также въ правилахъ производства дѣлъ въ высшихъ инстанціяхъ можно указать на цѣлый рядъ постановленій, сближающихъ итальянскій уставъ съ французскимъ и совершенно устраняющихъ возможность отождествленія его съ нашимъ Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства.

Такъ, напримѣръ, при апелляціонномъ производствѣ допускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ передача дѣла для новаго разсмотрѣнія въ судъ первой инстанціи (ст. 534; ср. у насъ ст. 772); пересмотръ рѣшеній допускается въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ у насъ (ст. 557; ср. у насъ ст. 750 и 794), причемъ просьбы о пересмотрѣ разрѣшаются, какъ во Франціи (ст. 490), судомъ, постановившимъ рѣшеніе (ст. 563), а не высшимъ, какъ это дѣлается у насъ; установлены особыя правила о пересмотрѣ дѣлъ по просьбѣ кредиторовъ (ст. 581—585); точно перечислены случаи „явнаго нарушенія закона", служащіе основаніемъ для кассаціи (ст. 588), причемъ кассація рѣшенія допускается не только по просьбамъ тяжущихся, но и по протестамъ прокурора (ст. 594); наконецъ, по примѣру французскаго устава, устанавливается послѣдовательное разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ въ двухъ присутствіяхъ: въ отдѣленіи „первоначальнаго разсмотрѣнія жалобъ" (во Франціи—chambre de requêtes), и затѣмъ „въ гражданскомъ отдѣленіи"

(chambre civile) (ст. 604 и 622). Наконецъ, при просьбахъ объ отмѣнѣ рѣшеній требуется представленіе залога (ст. 599), котораго въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства 1864 года опредѣлено не было.

Мы такъ подробно остановились на различіяхъ, отличающихъ нашъ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства отъ лучшаго изъ современныхъ ему по изданію кодексовъ, именно итальянскаго, чтобы наглядно доказать, что и эта часть Судебныхъ Уставовъ не есть плодъ заимствованія, а результатъ хорошо продуманной самостоятельной работы [1]).

А въ такой работѣ для отправленія правосудія по гражданскимъ дѣламъ Россія очень нуждалась. Въ дореформенное время полиція завѣдывала у насъ взысканіями по дѣламъ безспорнымъ, она же принимала мѣры обезпеченія и исполняла судебныя рѣшенія по дѣламъ тяжебнымъ. Гражданское собственно судопроизводство, чинившееся судомъ, распадалось на четыре главныхъ и восемнадцать особенныхъ порядковъ. Все это сложное производство, построенное на слѣдственномъ началѣ, окутанное канцелярскою тайною, сводилось къ рѣшенію дѣла по докладной запискѣ, составленной въ канцеляріи суда. Многія дѣла, соединенныя съ общественнымъ интересомъ, переходили на ревизію изъ низшихъ инстанцій въ высшія даже безъ жалобъ сторонъ! Уставъ Гражданскаго Судопроизводства разъ навсегда покончилъ съ этими невозможными судебными порядками, оставившими послѣ себя самую печальную память.

V.

Ближайшее знакомство съ постановкою главнѣйшихъ судоустройственныхъ и судопроизводственныхъ началъ на западѣ Европы ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ приводитъ такимъ образомъ къ тому единственно правильному заключенію, что они не только не совершили „плагіата“, но и не заимствовали рабски иноземныхъ порядковъ. Принимали они изъ иностранныхъ источниковъ только то, что повелѣвается выработанными

---

[1]) При составленіи настоящей главы мы пользовались просвѣщенными указаніями В. Л. Исаченко и И. Д. Мордухай-Болтовского, которымъ приносимъ нашу искреннюю благодарность.

вѣками общечеловѣческими требованіями въ качествѣ основъ правосудія. Требованія же эти, какъ золото, интернаціональны. Утверждавшіе противоположное расписывались въ своемъ полномъ незнаніи какъ Судебныхъ Уставовъ, такъ и тѣхъ источниковъ, которые они считали списанными для нашего правосудія. Шумѣли они, гремѣли, а что же осталось послѣ нихъ? Одно только жалкое воспоминаніе о безсиліи человѣческой злобы, которой не дано колебать того вѣчнаго, которое именуется правдою.

Злоба по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ приводила не только къ упрекамъ въ томъ, что они списаны съ западноевропейскихъ образцовъ и что они разрушаютъ нашъ государственный строй, но что они „насквозь проникнуты глубокою фальшью". Послѣднее обвиненіе, совершенно исключительное и безпримѣрное, принадлежало нашему извѣстному публицисту и общественному дѣятелю, профессору гражданскаго права К. Д. Кавелину. Всегда оригинальный въ своихъ взглядахъ, Кавелинъ, качаясь въ нихъ, подобно маятнику, между западничествомъ и славянофильствомъ, любилъ иногда доводить свои умствованія до невѣроятныхъ крайностей. Не пощадилъ онъ и суда послѣ того, какъ побывалъ въ немъ въ роли присяжнаго засѣдателя по дѣлу Островлевой и Худина. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Кавелинѣ В. Д. Спасовичъ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ защитника, упоминаетъ о томъ, что въ числѣ присяжныхъ оказался Кавелинъ, избранный старшиною [1]). Женщина, 25 лѣтъ, Островлева отправилась со служившимъ у нея крестьяниномъ Худинымъ за городъ, на Лахту. Они наняли извозчика, чухонца, 19 лѣтъ, Савина, а на пути напали на него и ранили. Савинъ притворился умершимъ; съ него напавшими былъ снятъ армякъ, въ который нарядился Худинъ. Въ городъ похитители вернулись на пролеткѣ Савина, которую вмѣстѣ съ лошадью продали барышникамъ. Это простое дѣло о разбоѣ разрослось въ cause célèbre, благодаря психіатрической экспертизѣ, которая чрезвычайно осложнила его. Впервые по этому дѣлу экспертами было выпущено на свѣтъ Божій слово „психопатка", получившее затѣмъ право гражданства. Психическая уродливость Островлевой усматривалась не столько въ ея разумѣніи, сколько въ чувствова-

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. II. Воспоминанія о Кавелинѣ В. Д. Спасовича, XXX.

ніи и волѣ. Дѣло окончилось оправданіемъ Островлевой и осужденіемъ Худина. По порученію присяжныхъ засѣдателей, удостовѣряетъ Спасовичъ, Кавелинъ, по постановленіи приговора, имѣлъ длинное объясненіе съ предсѣдателемъ суда [1]).

Толковъ и разговоровъ по окончаніи дѣла Островлевой было не мало. Бранили присяжныхъ засѣдателей за ея оправданіе. К. Д. Кавелинъ, болѣзненно чуткій ко всему, что касалось его личности, откликнулся въ своей незаконченной рукописи, озаглавленной „Кое о чемъ", на этотъ процессъ. Излагая въ формѣ бесѣды между пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ присяжный засѣдатель, участвовавшій въ дѣлѣ о содержательницѣ извозчичьяго двора, обвинявшейся въ ночномъ грабежѣ и присяжными оправданной, Кавелинъ вложилъ въ уста этого присяжнаго засѣдателя слѣдующія мысли, касающіяся суда: „Наши судебные порядки—подстрочный переводъ съ французскихъ порядковъ. Что въ нихъ ни возьми,—учрежденія прокуратуры, полная зависимость отъ нея слѣдственной власти, институтъ мирового суда, педантическое формальное разграниченіе гражданской и уголовной процедуры даже въ мировой юстиціи, адвокатура, отношеніе присяжныхъ къ суду и слѣдствію,—словомъ, весь существенный механизмъ судебной организаціи и судопроизводства построены на началахъ законодательства Наполеона I". На замѣчаніе собесѣдника, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ, такъ какъ французскіе судебные порядки — самые лучшіе, образцовые, присяжный засѣдатель отвѣтствовалъ такъ: „то-то и есть, что они не лучшіе и не образцовые, а скомпанованные соотвѣтственно съ потребностями Франціи, тотчасъ по выходѣ ея изъ страшной революціи".

„Французскіе судебные порядки, по словамъ присяжнаго засѣдателя, насквозь проникнуты глубокою фальшью. Наполеонъ задался мыслью прибрать весь судъ и весь ходъ процесса къ рукамъ администраціи, сохранивъ за нимъ снаружи весь видъ самостоятельнаго и независимаго суда. Корсиканецъ разрѣшилъ эту задачу геніально. Разнузданный революціею, „самодержавный народъ" былъ прибранъ къ рукамъ, — на него былъ надѣтъ крѣпкій намордникъ, но ему приданъ видъ народныхъ

---

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. II. Воспоминанія о Кавелинѣ В. Д. Спасовича. XXXI.

свободъ; этой фальшью драпирована несамостоятельность суда, какъ при Робеспьерѣ гильотина скрашена и украшена цвѣтами. Ни составители нашихъ Судебныхъ Уставовъ, ни законодатели, ихъ одобрившіе, конечно, и не подозрѣвали этой стороны французскихъ судебныхъ учрежденій. Имъ и въ голову не могли прійти лукавыя заднія мысли, подъ наитіемъ которыхъ создана судебная организація Франціи — не могли прійти потому, что и надобности въ нихъ у насъ не было никакой. Новый судъ не былъ насильно вырванъ изъ рукъ у власти или народа . . . . „Если бы мы больше думали, больше привыкли ходить на своихъ ногахъ, не побирались за мыслями у другихъ, наши новыя судебныя учрежденія не нуждались бы вовсе въ той лжи и фальши, которая въѣлась въ нихъ во Франціи. Мы хлебнули ихъ съ наивностью младенца и тѣмъ затмили ясный и свѣтлый образъ правды, который каждый изъ насъ носитъ въ своемъ сердцѣ“ [1]).

Странно читать „о подстрочномъ переводѣ съ французскихъ порядковъ“ у юриста, который не могъ бы отговариваться незнаніемъ судебнаго законодательства. На эту тему мы уже достаточно говорили; къ сказанному возвращаться не будемъ. Но о „лжи и фальши“, яко бы перенесенныхъ въ Судебные Уставы „съ наивностью младенца“, сказать нужно. Сѣвъ, какъ на коня, на извѣстное, хотя и не приведенное имъ, мнѣніе Тэна, что режимъ Наполеона I есть „философская казарма“, и что онъ далъ Франціи организацію, далекую отъ свободы, Кавелинъ съ несомнѣнною на этотъ разъ „наивностью младенца“ утверждаетъ, что ни составители Судебныхъ Уставовъ, ни законодатели, ихъ одобрившіе, не подозрѣвали, что во французскихъ судебныхъ порядкахъ несамостоятельность суда задрапирована „фальшью“. Да, это было бы такъ, если бы составители Судебныхъ Уставовъ списали французскіе судебный строй и судопроизводство. Но вѣдь они именно этого не сдѣлали. И удивительнѣе всего то, къ какимъ противоположнымъ выводамъ приводитъ сторонниковъ мнѣнія о „подстрочномъ переводѣ“, эта ихъ основная ложная посылка. Каткова и его единомышленниковъ она приводила къ утвержденію, что судъ у насъ слишкомъ самостоятельно поставленъ и устанавливаетъ какъ бы само-

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. II, стр. 1139 и 1140.

державіе суда, а Кавелину, напротивъ того, казалось, что судъ поставленъ несамостоятельно, такъ какъ онъ взятъ къ намъ съ Наполеоновскимъ „крѣпкимъ намордникомъ". Такова ужъ роковая судьба лжи, что она не можетъ обосновать ни одного правильнаго вывода. Все на ней построенное будетъ всегда сплошною „фальшью". Quod ab initio viciosum est и т. д., невольно подумаетъ всякій добросовѣстно мыслящій юристъ по поводу всего, на лжи основаннаго, и признаетъ его полное ничтожество.

Нашимъ Судебнымъ Уставамъ много разъ ставилось въ вину, какъ мы только что отмѣтили, что они создали какъ бы государство въ государствѣ, придавъ судьѣ слишкомъ самостоятельное положеніе. Это обвиненіе есть плодъ совершеннаго непониманія правосудія и его основныхъ задачъ. Первымъ глашатаемъ у насъ идеи самостоятельности суда былъ никто иной, какъ простой крестьянинъ Иванъ Тихоновъ Посошковъ-- современникъ Петра Великаго, называвшій себя „человѣкомъ неученнымъ", но „любителемъ правды", видѣвшимъ „правду отверженну". Въ своей замѣчательной книгѣ „О скудости и о богатствѣ" въ главѣ III, о правосудіи, Иванъ Посошковъ—этотъ русскій самородокъ—высказываетъ такую замѣчательную для своего времени мысль: „правосудное установленіе самое есть дѣло высокое и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было" [1]). Развѣ въ этихъ словахъ не вырисовывается судейская несмѣняемость, какъ „незыблемость" отъ всякаго чина? Книга Посошкова, писанная имъ „своеручно", имѣетъ своею датою 24 февраля 1724 года. Сто сорокъ лѣтъ понадобилось, чтобы заявленная имъ мысль получила свое осуществленіе! Тотъ же Посошковъ требовалъ также, чтобы была „сочинена правосудная книга съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла. А буде, поясняетъ онъ, не сочинить на рѣшенье всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякаго судьи свой умъ; и какъ кому понравится, то такъ и судитъ" [2]). Черезъ сто сорокъ лѣтъ появи-

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, изданныя профессоромъ М. Погодинымъ, 1842 годъ т. I, стр. 77.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

лась и такая „правосудная“ книга въ грамотѣ судьямъ, именуемой Судебными Уставами!

Правосудіе—jus dicendi officium предполагаетъ, что дѣйствія суда, подчиняясь только закону, свободны отъ всякаго вліянія управленія, даже высшаго правительства, которое, хотя и назначаетъ судью, но не можетъ указывать, какіе приговоры онъ долженъ постановлять. Зависимое правосудіе не будетъ никогда правосудіемъ. Независимостью въ отправленіи правосудія всякій судья отличается отъ чиновника. Судья имѣетъ передъ собою только: 1) дѣло, 2) законъ и 3) свою совѣсть. Ограждаетъ государство такое положеніе судьи, давая ему несмѣняемость исключительно притомъ въ интересахъ правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельность судейскаго положенія не создаетъ изъ судей особаго государства. Судьи суть прежде всего слуги государства, они—весьма важная часть громаднаго государственнаго механизма, долженствующая считаться съ общегосударственными интересами. Судебные Уставы вовсе и не поставили, какъ напротивъ того ошибочно находили нѣкоторые ихъ критики, „учившіеся понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“, судебное вѣдомство въ положеніе какого-то независимаго царства, самоуправнаго, не имѣющаго надъ собою ничего, кромѣ открытаго неба. Составители Уставовъ считали судей отвѣтственными за ихъ дѣйствія и въ судейской присягѣ выразили обязанность „хранить вѣрность Его Императорскому Величеству, Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому и исполнять свято законы Имперіи“ подъ угрозою „отвѣта предъ закономъ и предъ Богомъ на Страшномъ Судѣ Его“.

Въ нашемъ вступленіи мы привели выдержку изъ прекраснаго вдохновеннаго слова Ѳ. Н. Плевако, посвященнаго Судебнымъ Уставамъ, которые онъ назвалъ „уставами обновленія“. Но они заслуживаютъ наименованія ихъ также „уставами освобожденія“. Связанные крѣпкою и неразрывною генетическою связью съ положеніемъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Судебные Уставы, конечно, менѣе величавы по своему наружному виду, доступному взору каждаго, чѣмъ такой законодательный колоссъ, какимъ является крестьянская реформа. Но по своему существу Судебные Уставы не менѣе важны для общественныхъ интересовъ страны. Правосудіе со-

ставляетъ существеннѣйшую потребность всякаго народа. Если же вспомнимъ то, что творилось въ нашихъ судахъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то нельзя не признать, что нашъ народъ не только былъ передъ тѣмъ въ крѣпостной зависимости, но онъ находился также въ кабалѣ самаго отвратительнаго изъ всѣхъ видовъ взяточничества—взяточничества судебнаго. Освобожденіе отъ него народу дали Судебные Уставы 20 ноября 1864 года волею Монарха-Освободителя.

И. Щегловитовъ.

Связь судебной реформы съ другими реформами Императора Александра II.

I. Освобожденіе крестьянъ—основная предпосылка судебнаго преобразованія. II. Преобразовательная программа 1862 г. III. Судебная реформа и мѣры къ распространенію народнаго просвѣщенія. IV. Судебная реформа и законодательство о печати. V. Реформы въ области администраціи, стоявшія въ связи съ судебной реформой. VI. Попытки реформы порядка разбирательства дѣлъ казеннаго управленія. VII. Судебная реформа и отношеніе ея къ реформѣ земской. VIII. Связь судебной реформы съ реформою военныхъ и духовныхъ судовъ.

I. Освобожденіе крестьянъ — основная предпосылка судебнаго преобразованія.

Въ Московскомъ Кремлѣ, въ круглой залѣ зданія стараго Сената, отведеннаго въ 1866 году судебнымъ учрежденіямъ, въ числѣ 18 горельефовъ имѣется одинъ, который изображаетъ „мольбу русскихъ о дарованіи права суда и человѣколюбивыхъ законовъ".

Подъ этимъ горельефомъ надпись „Желаніе Россіи".

Зданіе Московскаго Сената съ знаменитой ротондой построено въ 1787 году, т. е. 25 лѣтъ послѣ воцаренія царственной составительницы „Наказа", уже послѣ изданія знаменитыхъ законодательныхъ актовъ: „Учрежденія о губерніяхъ" и двухъ „Жалованныхъ Грамотъ", дворянству и городамъ.

Поэтъ Апухтинъ въ извѣстномъ стихотвореніи: „Недостроенный Памятникъ" влагаетъ въ уста Екатерины II слова: „Съ дворянства моего оковы были сняты; безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда"...

Историкъ согласится съ тѣмъ, что дворянству пожалованы и подтверждены обширныя привилегіи, что Екатерина съ отвра-

щеніемъ относилась къ пыткамъ, какъ средству добиться признанія со стороны виновнаго, но не могъ бы согласиться ни съ тѣмъ, что исполнено было желаніе Россіи о дарованіи человѣколюбивыхъ законовъ и праваго суда, ни съ тѣмъ, что глаголъ суда со временъ Екатерины былъ святъ и что сей глаголъ гремѣлъ по Россіи. Въ блестящемъ громадномъ зданіи русскаго государства суду было отведено скромное помѣщеніе, двери въ которое отнюдь не были отверсты всѣмъ, кто жаждалъ услышать святой глаголъ безпристрастнаго и нелицепріятнаго судейскаго приговора.

Не государственное устройство Россіи было помѣхой для правильнаго и цѣлесообразнаго устройства суда и его дѣятельности. Абсолютная монархія не препятствуетъ ни безпристрастному, ни скорому, ни, даже, гласному суду, ибо неограниченный Монархъ не заинтересованъ въ отчужденности суда отъ населенія, въ бумажномъ формализмѣ судопроизводства, въ крючкотворствѣ судей и взяточничествѣ судейскихъ подъячихъ. Напротивъ, неограниченная власть Монарха только и можетъ быть твердой, если законъ, какъ выраженіе воли Самодержавной Верховной власти, имѣетъ своимъ проводникомъ судъ независимый и сообразующійся исключительно съ волею Самодержца, воплотившейся въ словахъ закона. Исключительные и рѣдкіе случаи непосредственнаго вторженія личной воли Монарха въ сферу суда могутъ парализовать дѣйствіе суда въ отдѣльномъ случаѣ, могутъ ему воспрепятствовать наложить свою руку на отдѣльное лицо или остановить приведеніе въ исполненіе судебнаго приговора и замѣнить объективную мѣрку закономѣрной справедливости—субъективнымъ рѣшеніемъ Монаршаго милосердія или снисходительности, но повседневная дѣятельность судовъ этими актами не пересѣкается, точно также какъ право англійскаго парламента издавать билли объ обвиненіи или преслѣдованіи не воспрепятствовало англійскому суду оставаться охранителемъ законности въ общежитіи. Извѣстный случай непосредственнаго, и явно даже несправедливаго, вмѣшательства въ судебное дѣло прусскаго короля Фридриха Великаго не повлекъ за собой колебанія гордаго слова пруссаковъ его времени: „Имѣются судьи въ Берлинѣ“. И отсутствіе кодификаціи можетъ не препятствовать суду быть охранителемъ справедливости и творцомъ правды. Англійскій судья до сихъ поръ имѣетъ

предъ собой не систематическій кодексъ, а пеструю смѣсь нормъ обычнаго права, судебныхъ прецедентовъ и парламентскихъ статутовъ. Но о правильной организаціи и дѣятельности суда не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ большинство населенія не имѣетъ человѣческой свободы, является объектомъ права другихъ лицъ и поставлено почти въ уровень съ вещами. Древнее русское національное судопроизводство начало терять свою жизненную силу по мѣрѣ разростанія холопства и замерло со времени укорененія крѣпостного права. До отмѣны крѣпостного права не могло быть рѣчи о дарованіи Россіи праваго суда.

Я. И. Ростовцевъ въ письмѣ къ князю А. Ф. Орлову отъ 14 февраля 1859 года писалъ, что Императоръ Александръ II рѣшилъ создать въ Россіи „народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало".

Милліоны крѣпостныхъ крестьянъ стояли какъ бы внѣ государства и соприкасались съ нимъ лишь въ случаѣ совершенія тяжкаго преступленія или при поступленіи въ армію. По словамъ Императора Николая I крѣпостное право обращало большинство русскаго народа въ „вещь, принадлежащую другому".

Для дѣятелей крестьянской реформы стояло внѣ сомнѣнія, что освобожденіе крестьянъ было необходимой предпосылкой для судебной реформы.

Недавно умершій, послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ участникъ реформы, бывшій членъ-экспертъ и завѣдывавшій дѣлами Редакціонной Комиссіи П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій на экземплярѣ своего труда „Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи" [1]), поднесенномъ министру юстиціи И. Г. Щегловитову, творцу закона о мѣстномъ судѣ, написалъ: „Достойному охранителю правосудія и справедливости въ жизни русскаго народа И. Г. Щегловитову, на долю котораго выпадаетъ нынѣ завершеніе одной изъ величайшихъ реформъ великой эпохи освобожденія путемъ преобразованія института судебныхъ учрежденій". Покойный П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій указалъ на органическую связь между двумя реформами и въ рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ 5 марта 1912 г.

---

[1]) П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.), томъ I, стр. 77.

Точно также, какъ всѣ попытки преобразованія устарѣвшей системы финансовъ, организаціи войска, строя мѣстнаго хозяйства, измѣненія законовъ, регулировавшихъ дѣятельность торговли и промышленности и народнаго образованія, были осуждены на неудачу или на половинчатый успѣхъ, пока надъ Россіей тяготѣло крѣпостное право,—всякая реформа суда должна была быть признана невозможной до совершенія акта освобожденія.

Коль скоро же Верховная власть рѣшилась уничтожить крѣпостное право, этотъ устой помѣщичьей Россіи, и.стать лицомъ къ лицу съ многомилліоннымъ народомъ, заслоненнымъ отъ нея помѣщичьимъ слоемъ, она не могла не приступить къ судебной реформѣ и не могла медлить съ ней, ибо сословные суды, бумажное дѣлопроизводство, система формальныхъ, закономъ напередъ взвѣшенныхъ и оцѣненныхъ, доказательствъ, не могли бы, даже при ревностномъ и честномъ служеніи всего судейскаго персонала, удовлетворить всѣмъ новымъ и сложнымъ требованіямъ, которыя обновленная общественная жизнь должна была предъявить государственному суду [1]). Верховная власть, освобождая крѣпостныхъ крестьянъ, знала что въ этой массѣ она получитъ богатый силами не только физическій, но и духовно нравственный капиталъ, но капиталъ пока мертвый и грубый, что въ русскомъ народѣ, одаренномъ всѣми задатками развитія, не могли развиться ни чувство собственнаго достоинства, ни сознаніе права личнаго, ни уваженіе къ праву ближняго въ той мѣрѣ, которая необходима для мирнаго сосперничества равно свободныхъ классовъ. Закона эта масса не знала или вовсе, или знала его только по слухамъ, ибо въ теченіе почти двухъ вѣковъ онъ былъ замѣненъ волею помѣщика или управляющаго, жалоба на которыхъ возбранялась. Слѣдовательно передъ Верховной властью стояла задача не только дать на-

[1]) Органическая связь крестьянской реформы съ необходимой реформой суда была ясна главному сотруднику Императора Александра II, Великому Князю Константину Николаевичу, который писалъ въ 1857 г. кавказскому намѣстнику князю А. И. Барятинскому: „Важные жизненные интересы внутренней администраціи нашей требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія, а именно о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судъ и полицію наши такъ, чтобы народъ находилъ гдѣ нибудь судъ и расправу и чтобы высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣ законнымъ средствамъ. Мы слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и при томъ не только бѣднѣе матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ управленія“ (цитировано изъ сочиненія А. Ѳ. Кони „На жизненномъ пути“. Изд. 2-е, томъ II, стр. 453).

роду судъ, цѣлесообразно организованный, но и судъ, способный своимъ живымъ словомъ воспитать народъ въ уваженіи къ закону и праву, собственному и чужому. Судъ долженъ былъ превратиться въ воспитательное заведеніе, въ которое воспитываемый въ гражданственности народъ могъ бы вступать безъ боязни передъ судьями, съ увѣренностью, что правду можно узнать не только въ загробной, но и въ земной жизни. Судебная реформа, это сознавали всѣ сторонники государственныхъ преобразованій, была безусловно необходимымъ выводомъ изъ акта объ освобожденіи, стояла въ непосредственной связи со всѣми другими преобразованіями, или должна была, въ свою очередь, вызвать реформы въ такихъ областяхъ жизни, которыя, на первый взглядъ, не имѣли непосредственнаго отношенія къ суду.

Верховная власть, сознавая необходимость коренныхъ преобразованій въ общественной жизни, какъ всѣмъ извѣстно, приступила къ главному дѣлу, отъ исхода котораго все зависѣло, къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нерѣшительно.

Въ знаменитомъ манифестѣ 19 марта 1856 г., въ которомъ Россія извѣщалась о заключеніи Парижскаго мира, и который содержитъ въ себѣ какъ бы программу задуманныхъ Монархомъ реформъ, о крѣпостномъ правѣ ничего не говорится и находится только намекъ на преобразованіе суда. Извѣстны слова манифеста; „...да утверждается, совершенствуется внутреннее благоустройство, правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея (Россіи), да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“...

Казалось, что Верховная власть признавала возможнымъ водворить въ Россіи правый и милостивый судъ и при сохраненіи крѣпостного строя. Но общество съ самаго начала связало вопросъ объ освобожденіи съ вопросомъ о судебной реформѣ. А. Герценъ въ нашумѣвшей статьѣ въ „Колоколѣ“, написанной по вступленіи на престолъ Императора Александра II, заявилъ, что Россія ждетъ отъ новаго Государя освобожденія крестьянъ съ землею, уничтоженія тѣлесныхъ

наказаній и гласности въ судѣ и печати. Привѣтствуя актъ освобожденія въ 1861 году, онъ кончилъ статью по поводу манифеста 19 февраля словами: „Чередъ за гласностью". Еще рѣшительнѣе сознаніе необходимой связи между освобожденіемъ крестьянъ и судебной реформой сказывалось въ самой Россіи, въ которой пониманіе конкретныхъ требованій жизни выражалось яснѣе, нежели въ пламенныхъ статьяхъ извѣстнаго публициста „въ прекрасномъ далекѣ". Одна группа дворянъ депутатовъ, вызванныхъ въ Редакціонныя Комиссіи, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга представила адресъ, въ которомъ, на ряду съ желаніемъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, было высказано пожеланіе учрежденія суда присяжныхъ и гражданскихъ судебныхъ учрежденій, независимыхъ отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго дѣлопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ.

Вопросомъ о преобразованіи суда, о введеніи гласности въ судопроизводство и привлеченіи представителей общества къ участію въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ занимались, какъ указано въ первомъ отдѣлѣ этого изданія (см. стр. 75), и дворянскія собранія уже въ 1858 г.

Адресы дворянскихъ собраній были встрѣчены министромъ внутреннихъ дѣлъ, конечно, неодобрительно. Онъ призналъ, что дворянство не имѣло права возбуждать такихъ вопросовъ [1]).

Въ слояхъ общества, не заинтересованныхъ въ сохраненіи старыхъ порядковъ, эта связь освобожденія съ судебной реформой чувствовалась настолько отчетливо, что не только лица, которыя желали ломки почти всего, что Россія унаслѣдовала отъ предыдущихъ временъ и преобразованія ея по западноевропейскому образцу или даже по указаніямъ отвлеченной теоріи, но и люди съ консервативнымъ укладомъ мысли, сознававшіе, что полнаго разрыва съ прошлымъ быть не можетъ, потому что онъ внѣ силъ человѣческихъ, говоря объ освобожденіи крестьянъ, всегда затрогивали и вопросъ о потребности Россіи въ болѣе совершенной формѣ суда.

Извѣстный дѣятель судебной реформы, С. И. Зарудный, въ краткихъ автобіографическихъ замѣткахъ, писанныхъ на склонѣ

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 1903.

лѣтъ, долгое время спустя послѣ реформъ, говоритъ: „Если бы въ 1861 году не состоялось по волѣ Самодержца Всероссійскаго освобожденія крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные Уставы. При крѣпостномъ правѣ въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики, надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покориться, но въ ихъ рукахъ сосредоточивалась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Крестьяне расправлялись съ помѣщиками судомъ Линча. Послѣ 19 февраля и высшіе сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ".

Зарудный въ одномъ отношеніи не правъ. Сановники, т. е. тѣ изъ нихъ, которые обладали извѣстнымъ запасомъ знанія и политической проницательности, не только до 19 февраля, но уже въ царствованіе Александра I и Николая I сознавали недостатки судоустройства и судопроизводства (напр., гр. Завадовскій, Сперанскій, Мордвиновъ, Киселевъ, Блудовъ) и не были слѣпы въ этомъ отношеніи, а рядъ ревизовавшихъ различныя губерніи сенаторовъ не только по бумажнымъ жалобамъ, доходившимъ до Сената, но и воочію убѣдились въ несостоятельности какъ значительной части судейскаго персонала, такъ и обрядовъ и условій, которыми были связаны судебныя учрежденія отъ уѣзднаго суда до Сената.

Но правительственныя, руководящія сферы не приступали къ реформамъ, признаннымъ необходимыми, съ тѣмъ юношескимъ энтузіазмомъ и увѣренностью въ несомнѣнномъ успѣхѣ, которыми было одушевлено такъ называемое интеллигентное общество. Едва ли правильно видѣть въ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ высшихъ слоевъ того времени признаки упрямаго и близорукаго консерватизма, или объяснять ихъ какими-либо эгоистическими, корыстными мотивами, что такъ часто дѣлалось „прогрессистами" и что нерѣдко приходится читать въ статьяхъ и книгахъ, посвященныхъ эпохѣ реформъ. Чѣмъ болѣе выяснялась необходимость не ограничиться частичнымъ ремонтомъ судебнаго строя и приступить къ перестройкѣ всего зданія на совершенно новыхъ началахъ, заимствованныхъ отчасти у западно-европейскихъ народовъ, далеко опередившихъ Россію въ культурномъ отношеніи, тѣмъ явственнѣе становилось, что реформа одной

области государственной жизни должна была повлечь за собой коренныя реформы, если не во всѣхъ, то во многихъ другихъ областяхъ, смежныхъ съ областью судебной дѣятельности. Устность, гласность, независимость судебной власти, общественное участіе въ судоговореніи въ формѣ суда присяжныхъ, ограниченіе числа инстанцій, установленіе высшаго кассаціоннаго суда, имѣющаго не только право кассировать рѣшенія по поводу неправильнаго примѣненія закона или нарушенія формъ судопроизводства, но и право разъяснять точный смыслъ законовъ и публиковать свои рѣшенія для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію закона, предоставленіе судебнымъ учрежденіямъ права основывать свои рѣшенія на общемъ смыслѣ закона и возложеніе на нихъ обязанности не останавливать рѣшенія дѣла въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія, а въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ случаѣ недостатка закона — всѣ эти новшества могли въ Россіи, успѣвшей привыкнуть къ властной регламентаціи жизни сверху и къ стѣсненію самостоятельности органовъ власти, вызвать много добраго, но могли при извѣстныхъ условіяхъ породить и явленія далеко нежелательныя съ точки зрѣнія постепеннаго превращенія Россіи изъ государства полицейскаго въ правовое. Воспитательная сила новыхъ учрежденій должна была проявиться въ будущемъ, а до наступленія результатовъ этого воспитанія на началахъ права приходилось дѣйствовать въ кругу, не обладающемъ еще этимъ воспитаніемъ. Всѣ тѣ неприглядныя стороны жизни въ Россіи, которыя нашли себѣ художественную обрисовку въ твореніяхъ Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, въ стихотвореніяхъ Некрасова и т. д., не ограничивались вѣдь одной сферой высшихъ классовъ. Онѣ были присущи и тѣмъ классамъ, которые законодателемъ должны были быть призваны къ самостоятельному и независимому участію въ дѣлѣ суда. Изъ среды всѣхъ этихъ классовъ приходилось брать и коронныхъ судей, членовъ прокуратуры и мировыхъ судей, и адвокатовъ, и присяжныхъ засѣдателей. Счастливы были тѣ, кто твердо вѣрилъ въ облагораживающую силу учрежденій, построенныхъ правильно и дѣйствующихъ во имя просвѣщенныхъ началъ, что геній свободы и гуманности, который по словамъ Джаншіева [1]), виталъ въ эпоху

---

[1]) „Эпоха великихъ реформъ“, 9 изданіе, стр. 398.

реформъ надъ Россіей, могъ предохранить не только въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, но и въ будущемъ, и власть и общество отъ уступокъ какъ силѣ бюрократическаго формализма, такъ и силѣ сентиментальной дряблости и классоваго эгоизма.

„Молодые юристы" Государственной Канцеляріи, работавшіе надъ проектами Судебныхъ Уставовъ, успокаивали лицъ, неувѣренно относящихся къ вводимымъ новымъ началамъ судоустройства и судопроизводства: „Конечно, развитость народа имѣетъ немалое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ, безъ него не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ".

Въ частности, судъ присяжныхъ долженъ былъ сыграть роль могучаго рычага въ этомъ воспитательномъ дѣлѣ. „Неразвитость нашего народа представляетъ основанія для скорѣйшаго введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали. Нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія" [1]).

Вѣрилъ въ силу учрежденій и такой скептикъ, какъ К. П. Побѣдоносцевъ. „Дѣйствіе учрежденій, писалъ онъ, зависитъ отъ людей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя упускать изъ вида, что и люди образуются въ духѣ тѣхъ или другихъ учрежденій, и что есть такія учрежденія, при дѣйствіи коихъ нельзя ожидать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія не соотвѣтствуютъ" [2]).

Это благородная, юношески-пылкая вѣра въ воспитательную силу учрежденій и уставовъ вызываетъ чувство глубокаго ува-

[1]) Ср. Библ. Гос. Сов. Дѣло о преобразованіи судебной части, томъ 17, стр. 30.

[2]) Записка Побѣдоносцева о проектѣ судебной реформы, преимущественно о реформѣ гражданскаго судопроизводства, напечатана въ томѣ 13 того же дѣла.

женія, и безъ этой вѣры, несомнѣнно, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ не хватило бы энергіи для реформъ, преобразившихъ внѣшнюю жизнь Россіи, но, къ сожалѣнію, не устранившихъ нѣкоторыхъ и очень серьезныхъ язвъ внутреннихъ, вреднымъ дѣйствіемъ коихъ и объясняется, что преобразовательная дѣятельность прежнихъ царствованій во многихъ случаяхъ привела только къ внѣшнимъ, формальнымъ результатамъ. Учрежденія Петра Великаго и Екатерины II для своего времени были также хороши; учрежденія, ими созданныя, могли бы также принести бóльшую пользу, чѣмъ они принесли въ дѣйствительности. А въ концѣ концовъ Россія дожила до такихъ порядковъ, про которыя одинъ изъ участниковъ судебной реформы, сенаторъ Принтцъ [1]) говоритъ, „что поколѣніе, ихъ не видѣвшее, содрогнулось бы и не повѣрило, что могли такъ недавно существовать порядки, столь мало отвѣчающіе справедливости и народному благосостоянію".

Если не всѣ современники признавали коренную судебную реформу своевременной и рѣшались произносить то слово, за которое поэтъ произнесъ надъ ними суровый приговоръ, слово — „рано", то теперь пора бы перестать клеймить ихъ обвиненіемъ въ тупомъ ретроградствѣ и признать, что опасенія объяснялись различными и иногда основательными соображеніями.

Теперь ко всѣмъ вопросамъ, безпокоившимъ отжившее поколѣніе, современное реформѣ, относятся спокойнѣе.

Спасовичъ [2]) писалъ: „Судебная реформа 20 ноября 1864 г. обозначаетъ переходъ русскаго общества со средневѣкового положенія на современное европейское, образованіе правового государства съ выдѣленіемъ изъ общаго состава администраціи суда, водворяющаго во всѣ человѣческія правоотношенія небывалую дотолѣ и извѣстную только по слухамъ законность. Въ области уголовнаго права, наиболѣе интересующей государство, такъ какъ оно считаетъ наказаніе своимъ самонужнѣйшимъ оплотомъ, русская судебная реформа прибѣгла къ весьма смѣлому, радикальному, но рискованному средству, позаимствовавши отъ запада уже практиковавшійся тамъ инсти-

---

[1]) Статья въ „Журн. Мин. Юст." 1894 г. „Случайности, вліявшія на судебное преобразованіе 1864 г.".

[2]) Статья „Вопросъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать лицъ, повинившихся въ преступленіяхъ", „Вѣстникъ Права". 1901 г. № 1.

тутъ присяжныхъ засѣдателей, о которомъ никто не зналъ, придется ли онъ намъ по плечу. Реформа поставила этотъ институтъ во главѣ всѣхъ другихъ видовъ судопроизводства. Только этимъ путемъ возможно было сразу отвязаться отъ прошлаго, освободиться отъ пережитковъ, избавиться отъ старинной техники розыска, доискивающагося собственнаго признанія подсудимаго посредствомъ пытки, а затѣмъ, послѣ того, какъ пытка была отмѣнена, мучительною продолжительностью подслѣдственнаго ареста, освободиться отъ сопряженнаго съ волокитою хода дѣла по инстанціямъ, отъ безполезной мотивировки приговора объ обвиняемомъ, котораго судъ не видалъ и о существованіи котораго зналъ только по бумагамъ. Въ судъ введены понятые изъ народа, ничего не смыслящіе въ теоріи предустановленныхъ закономъ доказательствъ, способные судить только по простому здравому смыслу. Имъ поручено вершить судьбы людей только по совѣсти и по данной присягѣ".

Указывая затѣмъ на увлеченіе судомъ присяжныхъ, знаменитый криминалистъ говоритъ:

„Нашъ народъ еще мало культуренъ; въ нашихъ присяжныхъ еще слабо сознаніе, что они призываются охранять государственный интересъ, страдающій отъ безнаказанности преступниковъ, что преслѣдованіе преступниковъ не есть обязанность одного лишь правительства. Наши присяжные не злобствуютъ, они скорѣе мягкосердечны. Они всегда будутъ вводимы въ искушеніе, когда имъ будетъ представляться возможность исполнить долгъ свой не весь, а въ половину: потерпѣвшаго по возможности удовлетворить, а обвиняемаго съ Богомъ отпустить, не помышляя о государствѣ".

Эти слова Спасовича, писанные 40 лѣтъ спустя послѣ судебной реформы, мѣтко указываютъ на главную слабость русскаго общества, которая могла, если не вступятъ въ дѣйствіе уравновѣшивающія ее силы просвѣщенія, воспитывающаго человѣка въ сознаніи долга передъ обществомъ, и самоуправленія, пробуждающаго сознаніе о связанности личнаго благополучія съ успѣхами общежитія, сдѣлать главныя начала судебной реформы—независимость и безапелляціонность суда съ участіемъ представителей общества, равноправіе сторонъ въ процессѣ и гласность судопроизводства,—факторами развитія русскаго общества въ направленіи, неблагопріятномъ для правовой гражданственности.

Въ „Юридическомъ Журналѣ“ Салманова[1]) была напечатана статья I. Шилля подъ заглавіемъ „Созрѣли-ли мы?“ Въ означенной статьѣ авторъ бичуетъ склонность общества все сваливать на правительство, вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ: а что русское общество сдѣлало для достиженія цѣлей и исполненія задачъ, о которыхъ такъ много разсуждали, если не громогласно, то въ тиши кабинетовъ, во время дружескихъ бесѣдъ и преній, и указываетъ на основную причину неудачи многихъ прекрасныхъ начинаній и до реформъ Императора Александра II, и во время оныхъ, и послѣ эры реформъ.

Авторъ писалъ: „Года три—четыре тому назадъ, кто то сказалъ, по поводу готовящихся и совершаемыхъ у насъ административныхъ преобразованій, что «лѣстницу метутъ сверху». Съ радостью привѣтствовали мы эти слова, и повторяли и продолжаемъ повторять ихъ кстати и не кстати. Но вникните въ сущность и основаніе нашей радости, и вы убѣдитесь, что это радость Обломовыхъ, довольныхъ тѣмъ, что есть къ чему придраться, чтобы не заниматься своимъ дѣломъ, не трудиться, а только лежать, лежать, все лежать по прежнему. Правда, лѣстницу метутъ сверху, но лѣстница лѣстницѣ рознь: одна состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ ступеней, лѣстница обыкновенная, которую можетъ мести и ребенокъ, не только дворникъ, другая—громадная общественная лѣстница. На этой послѣдней каждый обязанъ мести свою ступень, въ противномъ случаѣ, она будетъ всегда грязна и восходить на нее будутъ только съ грязными ногами. Какъ ни геніаленъ былъ Петръ Великій, какъ ни трудился и ни заботился онъ объ очищеніи грязи на ступеняхъ такой лѣстницы, но вполнѣ справиться съ нею Онъ не могъ, а все потому, что другіе, большинство, мало содѣйствовали ему. То же повторилось и съ Екатериной Второю—въ лучшіе годы Ея царствованія. Какъ ни прекрасны и честны были намѣренія этой Государыни, какъ ни человѣколюбивъ Наказъ Ея комиссіи для составленія законовъ, какъ ни прекрасна была цѣль собранія такой комиссіи, но что же вышло? А все потому, что Она одна или почти одна мела тогдашнюю лѣстницу и большинство не только не помогало Ей въ этомъ дѣлѣ надлежащимъ образомъ, но даже и не прочь было и противодѣйствовать, во многихъ

[1]) 1860 г. Сентябрь.

отношеніяхъ по крайней мѣрѣ, такому дѣлу, честному по цѣли, а благому по результатамъ"..... „Мы жалуемся на неправду въ судахъ, на беззащитность многихъ, преимущественно тѣхъ, которые не знаютъ законовъ и къ тому же не имѣютъ средствъ отстаивать нарушаемыя права свои"... „Понятно, что правительство наше, какъ бы ни заботилось оно о водвореніи правды въ нашихъ судахъ, какъ бы ни стремилось къ обезпеченію правъ всѣхъ и каждаго, какъ бы ни желало оно, можетъ быть, и введенія гласнаго судопроизводства, не можетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшиться на коренное преобразованіе нашего судопроизводства, не взвѣсивши предварительно всѣхъ условій и результатовъ такого преобразованія. Понятно, что оно задаетъ себѣ, между прочимъ, и вопросъ: есть ли у насъ достаточное количество людей, способныхъ быть не мишурно блестящими юристами—ораторами, не адвокатами—горланами, какихъ вездѣ не только много, но даже слишкомъ много, нѣтъ, а адвокатами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. людьми, посвятившими себя адвокатурѣ не изъ какихъ-либо мелочныхъ расчетовъ, а по призванію и съ сознаніемъ важности и святости своего назначенія. Введеніе гласнаго судопроизводства можетъ имѣть, въ первое время, различные результаты, т. е. или преимущественно дурные или преимущественно хорошіе, смотря по тому, какъ поймутъ адвокаты и судьи свои назначенія. Если они будутъ дѣйствовать неразумно, во имя однихъ мелочныхъ личныхъ интересовъ—если будутъ хлопотать о пріобрѣтеніи популярности во что бы то ни стало и т. п., для достиженія такихъ мишурныхъ цѣлей будутъ жертвовать общественнымъ достояніемъ, спокойствіемъ и своимъ адвокатскимъ назначеніемъ, то, конечно, гласное судопроизводство поведетъ къ лишнимъ скандаламъ и серьезнымъ недоразумѣніямъ, даже къ опасной враждѣ интересовъ и сословій, такимъ образомъ будетъ началомъ и основаніемъ не блага, а зла,—не правды, а вражды и борьбы. Положимъ, что такое скандальное судопроизводство не можетъ никоимъ образомъ существовать долго, но и кратковременное зло—всетаки зло. Положимъ, что въ обществѣ скоро подымутся голоса противъ такихъ адвокатовъ, но гласное судопроизводство уже будетъ скомпрометировано въ глазахъ многихъ, не будетъ пользоваться надлежащимъ уваженіемъ, не будетъ имѣть надлежащей поддержки ни въ обществѣ, ни въ правительствѣ, а развѣ что

либо подобное не зло? Если же наши будущіе адвокаты и судьи будутъ проникнуты важностію своего назначенія вообще и значенія въ государствѣ, если они поймутъ, что задача ихъ—содѣйствовать добру и правдѣ, любви и миру, а не враждѣ и раздору,—о, тогда гласное судопроизводство сразу же принесетъ громадную пользу всему и всѣмъ въ государствѣ и тотчасъ же окажется дѣйствительнымъ средствомъ къ общественному благосостоянію и государственному благоустройству, чѣмъ и слѣдуетъ ему быть. Тогда и правительство будетъ довольно своимъ подвигомъ, и въ обществѣ будутъ раздаваться только благословенія правительству за такое преобразованіе. Будущіе суды наши должны быть храмами правды и мира, въ которыхъ раздавались бы не упреки сыновьямъ и внукамъ за ошибки отцовъ и дѣдовъ, а благословеніе потомкамъ, исправляющимъ ошибки предковъ... Если бъ правительство могло быть увѣрено, что наши будущіе судьи и адвокаты, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, будетъ дѣйствовать только честно, законно, благородно и притомъ съ тактомъ, необходимымъ въ общественной сферѣ, т. е. политически благоразумно, то конечно ничего бы не помѣшало ему и поспѣшить введеніемъ такого судопроизводства, которое вполнѣ, по возможности, обезпечиваетъ правду въ государствѣ, права всѣхъ и каждаго, уваженіе къ законамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и должную преданность къ Верховной власти, все нужное охраняющей и обезпечивающей своими мѣрами и распоряженіями".

Мы привели длинную выписку изъ статьи въ давно забытомъ журналѣ. Нельзя не признать, что опасенія относительно способа использованія благъ новыхъ судебныхъ формъ были не вполнѣ лишены основаній. Послѣ введенія всѣхъ крупныхъ реформъ первыхъ десяти лѣтъ царствованія Александра II, когда подъемъ мысли въ обществѣ уступилъ мелкимъ заботамъ будничной жизни, оказалось, что далеко не всѣ надежды, съ коими обновленная Россія встрѣтила преобразованія, оправдались. Великія начала гласности, независимости, самостоятельности, общественной самодѣятельности, вытѣснивъ много неприглядnаго и порочнаго изъ общественной жизни, не смогли предупредить новыхъ золъ, не столь наглядныхъ и легко отсѣкаемыхъ, какъ болячки дореформеннаго режима, но опасныхъ для роста медленно пробуждавшагося правового чувства въ русскомъ обществѣ.

Оно и не могло быть иначе. Въ дореформенной Россіи правительство заботилось о незыблемости внѣшняго, формальнаго порядка, о неприкосновенности объективнаго права, воплощеннаго не только въ массѣ далеко не всегда ясныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу законовъ, но и въ властныхъ приказаніяхъ, отмѣнявшихъ зачастую въ отношеніи отдѣльныхъ случаевъ силу закона. Объ охранѣ субъективныхъ правъ гражданъ почти не было рѣчи, коль скоро они приходили въ соприкосновеніе съ волею охранителей незыблемости внѣшняго порядка и правиломъ о субординаціи подданныхъ.

Для общества, почуявшаго новое направленіе въ правительственной политикѣ и мечтавшаго о возможности въ скоромъ времени увидать осуществленіе надеждъ на уравненіе Россіи съ передовыми странами Европы (а въ средѣ общества уже раздавались голоса, которые эти самыя передовыя страны клеймили упрекомъ отсталости и признавали ихъ не удовлетворяющими требованіямъ радикальныхъ ученій о будущемъ нормальномъ строѣ человѣчества) весь этотъ государственный строй съ требованіями внѣшняго порядка и буквальнаго, по возможности, исполненія и законовъ и начальственныхъ предписаній былъ предметомъ ненависти, или, по крайней мѣрѣ, воплощеніемъ устарѣвшихъ взглядовъ и предразсудковъ. Оно заботилось не столько объ охранѣ объективнаго права, сколько интересовалось неприкосновенностью субъективныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ въ области имущественныхъ отношеній и личныхъ сношеній. Оно желало не суда, прилагающаго къ дѣяніямъ человѣческимъ мѣрку закона, а суда, судящаго по совѣсти, измѣряющаго значеніе отдѣльныхъ фактовъ эластичнымъ мѣриломъ индивидуальнаго убѣжденія. Поэтому обществу и нравился судъ съ участіемъ присяжныхъ, при коемъ присяжные могли на вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго отвѣчать свободно по совѣсти: да или нѣтъ, даже при доказанности совершеннаго имъ преступнаго дѣянія, а коронный судъ долженъ былъ на основаніи этого безапелляціоннаго вердикта опредѣлять наказаніе не по свободному убѣжденію и воззрѣнію на мѣру виновности, а въ точно опредѣленныхъ рамкахъ Уложенія о Наказаніяхъ.

Казалось бы, что при всеобщемъ желаніи видѣть въ Россіи судъ независимый и высоко стоявшій, судебная реформа должна

была привести къ организаціи суда по англійскому образцу, гдѣ коронный судья пользуется широкой властью при опредѣленіи мѣры наказанія. Однако Англія въ данномъ случаѣ не послужила образцомъ.

Одинъ изъ дѣятелей судебной реформы, сенаторъ Буцковскій [1]) замѣчаетъ:

„Нечего и говорить, что при судебномъ преобразованіи въ нашемъ отечествѣ невозможно было помышлять о заимствованіи изъ англійской системы уголовнаго судопроизводства тѣхъ порядковъ, которые зависятъ отъ высокаго положенія англійскихъ судей и отъ обширной власти, предоставленной имъ въ опредѣленіи наказаній. Наши судьи пользовались доселѣ слишкомъ слабымъ довѣріемъ общества, чтобы можно было ожидать въ этомъ отношеніи крутого поворота въ общественномъ мнѣніи вслѣдъ за преобразованіемъ судебной части".

По этимъ соображеніямъ, по мнѣнію Буцковскаго, при судебной реформѣ власть присяжныхъ была преувеличена въ ущербъ власти судей.

Судъ присяжныхъ признавался вѣнцомъ предстоявшей реформы. Ни на одинъ изъ новыхъ институтовъ не возлагали столько надеждъ, сколько именно на судъ общественной совѣсти и въ увлеченіи этимъ институтомъ, еще неиспытаннымъ въ Россіи, выразился весь нѣсколько романтическій духъ времени великихъ реформъ, наравнѣ съ вѣрой въ здоровую силу самоуправляющейся крестьянской общины. Всякій, кто не твердо и не безусловно вѣрилъ въ благодѣянія свободной общины и свободнаго отъ всякихъ стѣсненій суда совѣсти, признавался человѣкомъ испорченнымъ духомъ крѣпостничества и бюрократизма.

II. Преобразовательная программа 1862 г.

Въ первомъ № газеты „Сѣверная Почта", 1862 г., которая была основана министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, должна была служить органомъ этого Министерства и объяснять на-

[1]) Въ своихъ „Очеркахъ судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года", стр. 236 и 237.

мѣренія и планы правительства (первымъ редакторомъ газеты былъ извѣстный профессоръ, затѣмъ академикъ, а ранѣе цензоръ, А. В. Никитенко) —было напечатано объявленіе отъ государственнаго секретаря, которое сообщало о тѣхъ работахъ, которыми были заняты высшіе правительственные органы послѣ совершенія акта освобожденія 19 февраля 1861 года, и которыя всѣ стояли въ непосредственной связи съ великой реформой, „создавшей ранѣе не существовавшій народъ".

Въ означенномъ объявленіи перечислены слѣдующія работы: составленіе главныхъ началъ преобразованія судебной части, составленіе проекта полнаго преобразованія городской и земской полиціи, составленіе правилъ о порядкѣ составленія, утвержденія и исполненія государственной росписи и смѣтъ по отдѣльнымъ частямъ управленія, преобразованіе управленія государственныхъ имуществъ и быта государственныхъ крестьянъ, а равно и крестьянъ въ имѣніяхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ и, наконецъ, работа по устройству народныхъ школъ, вообще по созданію всей системы народнаго образованія, начиная съ университетовъ, которые переживали въ то время различныя смуты и волненія.

Въ означенномъ объявленіи упомянуты далеко не всѣ работы, надъ которыми трудились правительственныя сферы. Здѣсь не упомянуто о проектѣ отмѣны жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, которыя примѣнялись какъ по приговору суда, такъ и безъ всякаго приговора и, помимо закона, различными органами власти, о замѣнѣ откуповъ акцизной системой обложенія спиртныхъ напитковъ, о громадной задачѣ составленія проекта преобразованія всей податной системы.

Податная реформа, повидимому, не имѣетъ никакой связи съ реформой суда. Что, дѣйствительно, общаго между системою обложенія и организаціей судопроизводства?

Однако связь существуетъ и притомъ очень серьезная.

Русская податная система страдала отсутствіемъ началъ справедливости и уравнительности податной тяготы. Низшіе классы были обременены налогами настолько, что лишены были возможности удѣлить достаточную часть своего заработка для покрытія расходовъ на улучшеніе, хотя бы скромное, своего быта. Судебная реформа должна была повлечь за собой введеніе новой, хотя и почетной повинности для народныхъ массъ: обязанности

участія въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Можно-ли было ждать отъ массы, переобремененной налогами, готовности отбывать эту новую повинность, которая отнимаетъ у мужика, еле-еле сводящаго концы съ концами,—рядъ рабочихъ дней? Можно-ли было ждать отъ присяжнаго изъ крестьянъ, знавшаго, что всякій утраченный рабочій день, отзовется тягчайшимъ образомъ на его достаткѣ,—полнаго вниманія къ исполненію серьезныхъ обязанностей?

Намѣченная въ извѣстной „податной комиссіи" при Министерствѣ Финансовъ, реформа нашей налоговой системы,—осталась на бумагѣ и осуществилась отчасти, лишь 20—30 лѣтъ спустя. Вплоть до царствованія Императора Александра III сохранилась разница между податными и неподатными классами, какъ рѣзкій диссонансъ, плохо гармонировавшій съ началомъ равенства,—которое легло въ основу судебной реформы. Программа молчитъ также о проектѣ земскаго самоуправленія и, наконецъ, о составленіи проекта правилъ о печати, долженствовавшихъ замѣнить устарѣвшій Цензурный Уставъ 1828 года съ наросшими на немъ отдѣльными правилами, которыя стѣсняли и литературу и періодическую печать до крайности.

Исполненіе всѣхъ этихъ сложныхъ и обширныхъ преобразовательныхъ плановъ могло бы занять и трудъ и время не одного, а нѣсколькихъ поколѣній. Русское общество съ нетерпѣніемъ ждало ихъ исполненія и признавало возможнымъ проведеніе ихъ въ жизнь въ короткій періодъ времени. Для исполненія всѣхъ намѣченныхъ задачъ требовались не только время и усидчивый трудъ, но и, преимущественно, множество людей, энергичныхъ, просвѣщенныхъ и безкорыстныхъ.

Джаншіевъ въ извѣстной книгѣ „Эпоха великихъ реформъ", въ главѣ 24, посвященной дѣятельности К. К. Грота (9 изданіе стр. 713), говоритъ про эпоху 60-хъ годовъ, что „она, обновляя русскую жизнь во всѣхъ направленіяхъ, предъявила сильный запросъ на людей знанія и опыта, твердыхъ принциповъ, крѣпкаго нравственнаго закала, неподкупной честности и независимаго характера. Бодрое общественное воодушевленіе радостно привѣтствовало рѣшимость правительства уничтожить всѣ застарѣлыя язвы государственнаго организма, начиная съ крѣпостного права и кончая розгами. Не вѣсть откуда явилась фаланга молодыхъ, знающихъ, трудолюбивыхъ, преданныхъ дѣлу,

воодушевленныхъ любовью къ отечеству государственныхъ дѣятелей, шутя двигавшихъ вопросы, вѣками ждавшіе очереди и наглядно доказавшихъ всю неосновательность обычныхъ жалобъ на неимѣніе людей".

Эти люди явились, но нельзя сказать, чтобы „не вѣсть откуда". Они явились изъ тѣхъ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ, въ которыхъ, если вѣрить радикаламъ тѣхъ же 60-хъ годовъ, проживали почти исключительно кнутофилы и ретрограды, истязатели крестьянъ, погрязшіе въ схоластикѣ устарѣвшихъ сословныхъ понятій, въ пережившей якобы свое время христіанской вѣрѣ, въ понятіяхъ не космополитизма, а вѣрности престолу и отечеству. Эти „не вѣсть откуда" явившіеся дѣятели получили воспитаніе въ тѣхъ дореформенныхъ университетахъ, въ которые по словамъ одного писателя того времени, наука не проникала, но оставалась въ положеніи касательной линіи, въ кадетскихъ корпусахъ, въ ненавистныхъ всѣмъ прогрессистамъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Училищѣ правовѣдѣнія и Александровскомъ лицеѣ.

Эти дѣятели 60-хъ годовъ выросли подъ вліяніемъ идеалистическаго философскаго міровоззрѣнія 30-хъ и 40-хъ годовъ, которое не чуждалось самодовлѣющей поэзіи, воспѣвающей красоту и не поставившей себя на службу тѣмъ или инымъ реальнымъ тенденціямъ, однимъ словомъ они развились въ томъ духѣ, который такъ противенъ былъ глашатаямъ новаго, якобы передового направленія, Чернышевскимъ и Писаревымъ и ихъ поклонникамъ.

Только презрѣнный идеализмъ и далъ имъ силу погрузиться въ кипучую реформаторскую работу и надѣяться на силу нравственныхъ началъ, которыя ни во что не ставились представителями реалистическаго направленія, выведенными Тургеневымъ въ лицѣ Базарова, въ романѣ „Отцы и Дѣти" или въ кружкѣ Губарева въ повѣсти „Дымъ".

Если бы идеалистическое направленіе этихъ дѣятелей сохранилось въ русскомъ обществѣ, то эра реформъ не привела бы къ многимъ тяжкимъ разочарованіямъ. Къ сожалѣнію, время преобразованій было свидѣтелемъ проникновенія въ русское общество такихъ идей и ученій, которыя отнюдь не соотвѣтствовали тѣмъ высокимъ нравственнымъ началамъ, изъ коихъ исходили крупнѣйшія изъ реформъ, въ томъ числѣ и судебная

реформа, расчитанная на сознаніе долга передъ государствомъ, на уваженіе передъ положительнымъ закономъ и уваженіе къ личности человѣка, какъ существа духовно-нравственнаго, дѣйствующаго не по слѣпому инстинкту и животнымъ страстямъ, а въ сознаніи необходимости подчиненія велѣніямъ совѣсти, съ убѣжденіемъ въ существованіи вѣчныхъ и непреложныхъ истинъ.

Съ запада проникли въ Россію ученія, выросшія на почвѣ далеко несходной съ русской и, какъ всегда, подражатели старались опередить оригиналы крайностями выводовъ изъ предпосылокъ непровѣренныхъ и на вѣру принятыхъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Лорисъ-Меликова, представленномъ Императору Александру II въ 1880 году [1]), начальникъ Верховной Распорядительной Комиссіи писалъ: „время особаго усиленія соціалистическихъ ученій въ Европѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда общественная жизнь въ Россіи находилась въ періодѣ великихъ преобразованій, ознаменовавшихъ славное царствованіе Вашего Величества. Ученія эти находили здѣсь, какъ и вездѣ, послѣдователей, но число таковыхъ не могло быть велико и вліяніе ихъ не было замѣтно на первыхъ порахъ".

Но успѣхъ пропаганды въ средѣ молодежи черезъ нѣсколько лѣтъ оказался несомнѣннымъ. Ученія соціалистовъ и даже анархистовъ нашли послѣдователей въ лицахъ, потерпѣвшихъ крушеніе уже на университетской скамьѣ. Семьи и общество были въ общемъ мало знакомы съ сущностью этихъ враждебныхъ исторически развившемуся государству ученій и относились зачастую равнодушно къ проявленіямъ крайнихъ теорій. Эти теоріи не находили отпора въ авторитетныхъ кружкахъ, схватывались безъ всякой критики клочками, но загнѣздились въ цѣлыхъ кружкахъ и начали проявляться наружу грубѣйшими и даже звѣрскими способами. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ распространялись прокламаціи, содержаніе которыхъ было недалеко отъ извѣстнаго манифеста анархиста Нечаева. Поджоги въ городахъ Россіи, въ особенности въ столицѣ, попытки поднять на ноги крестьянъ при помощи подложныхъ манифестовъ, все это показывало, что лжеученія успѣли въ короткое время пустить корни и грозили стать силою, которая создала нездоровую атмосферу

---

[1]) Ср. Татищевъ. „Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе". Томъ II, стр. 637, изданіе первое, 1903 г.

и настроеніе, неблагопріятное для спокойнаго воспріятія новыхъ началъ государственной жизни.

Дневникъ академика А. В. Никитенка (въ особенности II томъ, охватывающій время 1855 по 1864 г.) полонъ жалобъ на шатаніе умовъ, на склонность къ радикализму, къ преклоненію передъ всякимъ ученіемъ, кажущимся новымъ, на отсутствіе самообладанія, спокойной трудовой энергіи, на привычку все сваливать на правительство, на умственное и нравственное невѣжество массъ и на поверхностное образованіе тѣхъ слоевъ общества, которые заигрывая съ радикализмомъ, выставляли себя сторонниками прогресса.

2 августа 1861 года Никитенко пишетъ слѣдующія слова: „Дѣло не въ томъ, чтобы сдерживать крайнихъ разнузданныхъ прогресистовъ, но стоять во главѣ умѣренныхъ и благоразумно руководить послѣдними, не допуская ихъ до отчаянія и до того, чтобы они, отказываясь отъ дѣла, въ силу обстоятельствъ, не примкнули также къ крайнимъ. Дѣла управленія въ наши дни становятся сложнѣе, чѣмъ прежде; тогда слѣдовали системѣ—руби съ плеча.

Я весь принадлежу принципу нашего политическаго возрожденія, но съ тѣмъ, чтобы оно шло рука объ руку съ нравственнымъ. Первое не бываетъ прочно безъ второго.

Нація не можетъ оставаться въ застоѣ, въ неподвижности. Настоящее движеніе есть движеніе естественное. Его принципъ развиваться въ нравственномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, согласно духу и способностямъ національнымъ. Это движеніе началось съ Петра, но настоящій сознательный и опредѣленный характеръ его наступаетъ только теперь. Нынѣшній Государь далъ ему санкцію освобожденіемъ крестьянъ. Естественно, что съ этимъ событіемъ національное движеніе становится неизбѣжнымъ и вопіющею потребностію. Но въ этомъ движеніи надо отличать два элемента или двѣ стороны—искусственную, проистекающую изъ духа подражанія и поверхностнаго образованія, что доселѣ было нашимъ удѣломъ, и истинную – ту, о которой я сказалъ выше. Искусственный элементъ породилъ у насъ стремленіе къ такъ называемому прогрессу съ девизомъ: впередъ очертя и сломя голову. Другой элементъ породилъ тоже стремленіе къ прогрессу, но умѣренному, постепенному и потому самому—болѣе полному и плодовитому бла-

гими послѣдствіями. Задача правительства отличить одно направленіе отъ другого, одно ограничивать, другому содѣйствовать и наставлять его, чтобы оно съ отчаянія тоже не впало въ крайность".

III. Судебная реформа и мѣры къ распространенію народнаго просвѣщенія.

Послѣ освобожденія крестьянъ, приступая къ ряду коренныхъ реформъ, правительство сознавало, что весь успѣхъ реформаторской дѣятельности зависитъ отъ возможности просвѣтить народъ, дать ему образованіе. Судебная реформа болѣе, чѣмъ всѣ другія, могла быть проведена только въ расчетѣ на успѣшное распространеніе просвѣщенія. Всѣ ея главныя начала: гласность, устность процесса, равноправіе сторонъ, независимость суда, участіе въ судѣ представителей общества, могли быть плодотворными, если бросаемое судомъ сѣмя гуманности и правды падетъ на почву, удобренную просвѣщеніемъ, и притомъ просвѣщеніемъ, дающимъ не только познанія, но и развивающимъ религіозно-нравственныя чувства и совѣсть.

А съ народнымъ просвѣщеніемъ дѣло обстояло въ Россіи далеко неудовлетворительно. Мало было разсадниковъ просвѣщенія и мало педагогическихъ силъ.

Шесть университетовъ, нѣсколько лицеевъ, два привилегированныхъ учебныхъ заведенія, нѣсколько спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній должны были дать государству съ населеніемъ свыше 60 милліоновъ столь необходимый контингентъ людей съ высшимъ образованіемъ. 60 гимназій, а внизу сравнительно очень незначительное количество и при томъ плохо обставленныхъ начальныхъ (уѣздныхъ) училищъ, немного приходскихъ школъ и небольшое количество частныхъ учебныхъ заведеній! Если прибавить къ этимъ общегражданскимъ учебнымъ заведеніямъ военныя учебныя заведенія и, наконецъ, учебныя заведенія для духовенства, то оказывалось, что ничтожный процентъ населенія получалъ образованіе, и то далеко не всегда

основательное. Разсадниковъ педагоговъ было такъ мало, что укомплектованіе учительскаго персонала дѣльными, нравственно чистыми и не только въ политическомъ, но и въ общежитейскомъ смыслѣ, благонадежными учителями—было дѣломъ труднымъ. Между тѣмъ реформированный судъ былъ предназначенъ не для одного только высшаго класса, а для всего населенія, по крайней мѣрѣ, коренной Россіи. Реформы въ области народнаго образованія, формально не стоявшія ни въ какой связи съ судебной реформой, должны были получить большое значеніе именно съ точки зрѣнія будущей дѣятельности судебныхъ учрежденій.

Университетскій уставъ 1835 г. былъ фактически отмѣненъ или сохранился только въ обломкахъ. Онъ былъ на дѣлѣ замѣненъ рядомъ дополнительныхъ правилъ, которыя противорѣчили другъ другу, отмѣняли сегодня то, что было недавно установлено и возстанавливали затѣмъ то, что только что было отмѣнено. Постоянныя броженія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, столкновенія съ властями студентовъ, растерянность учебнаго персонала, незнавшаго, что допустимо, что нѣтъ, были результатомъ такого положенія вещей. За годъ до изданія Судебныхъ Уставовъ былъ изданъ новый университетскій уставъ (1863 г.), который (хотя вскорѣ опять были допущены отклоненія отъ его правилъ) ввелъ на время порядокъ въ университетахъ. Наравнѣ съ другими факультетами и юридическій факультетъ, который долженъ былъ дать государству часть судейскаго персонала—былъ расширенъ введеніемъ новыхъ предметовъ и новыхъ программъ преподаванія. Различные запреты дореформеннаго режима отпали и юридическая наука въ Россіи могла развернуться. Конечно, нельзя согласиться съ тѣми, кто, преувеличивая стѣсненія научной дѣятельности въ царствованіе Императора Николая I (вѣрнѣе послѣ 1848 года), утверждаетъ, что до эпохи реформъ въ Россіи не могла существовать юридическая наука, а существовало только казенное законовѣдѣніе, которое сводилось къ пересказу статей Свода Законовъ. Было бы несправедливо забыть, что въ царствованіе Императора Николая I и въ первые годы царствованія Его Преемника, еще до освобожденія крестьянъ, появился рядъ трудовъ Неволина, Кавелина, первые труды Чичерина, сочиненія Дмитріева, что преподавалъ Мейеръ, учитель двухъ поколѣній русскихъ юристовъ, по сло-

вамъ А. Х. Голмстена [1]), что тѣ крупные юристы, которые послѣ введенія устава 1863 года заняли каѳедры на юридическихъ факультетахъ, напр., Сергѣевичъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, или продолжали свою профессорскую дѣятельность, какъ Рѣдкинъ, Андреевскій, Кавелинъ, Чичеринъ и Крыловъ, что юристы, оставившіе университетъ вслѣдствіе печальныхъ событій 1861 года, Спасовичъ и Утинъ, да и рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ юристовъ-профессоровъ—были питомцами дореформенныхъ юридическихъ факультетовъ.

У насъ довольно распространенъ странный, не историческій пріемъ; для того, чтобы какъ можно рельефнѣе выставить культурное значеніе реформъ 60 годовъ, умаляютъ значеніе всего того, что сдѣлано было ранѣе. Въ качествѣ характерныхъ моментовъ дореформенной эры указываютъ на назначеніе въ Харьковскомъ университетѣ на кафедру философіи—частнаго пристава, на нѣкоторые оригинальные, даже комическіе поступки и распоряженія попечителей учебныхъ округовъ, въ родѣ дерптскаго попечителя Крафштрема или харьковскаго Жерве, или петербургскаго Мусина-Пушкина. Для характеристики дореформенныхъ профессоровъ указываютъ на криминалиста Баршева, который сперва восхвалялъ кнутъ, а потомъ плеть и т. д. Но такія карикатурныя явленія вызывали насмѣшку и ропотъ и дореформеннаго времени. При этомъ замалчиваютъ о трудѣ первоклассныхъ юристовъ, о которыхъ сказано выше, а тѣмъ болѣе о трудахъ второстепенныхъ ученыхъ, которые также внесли свою лепту въ скромную, въ сравненіи съ западно-европейской, сокровищницу русской юридической науки, и говорятъ такъ, какъ будто не было въ Россіи ни Неволина, Мейера и Кавелина, ни извѣстной дерптской школы историковъ права (Эверса, Неймана, Рейтца, Тобина), ни Морошкина, Бѣляева, Калачова, Иванишева и т. д. Ни реформы вообще, ни судебная реформа въ частности не нуждаются въ такихъ пріемахъ восхваленія и не понятно было бы, откуда явилась юридическая подготовка плеяды молодыхъ дѣятелей въ Государственной Канцеляріи, многихъ первыхъ предсѣдателей окружныхъ судовъ, департаментскихъ предсѣдателей въ судебныхъ палатахъ, прокуроровъ въ

---

[1]) Ср. статью Д. И. Мейеръ. „Его жизнь и дѣятельность". Журналъ Юридическаго общества при СПБ. Унив. 1894 г., кн. 5.

Сенатѣ, палатахъ и судахъ и т. д., если бы русская юридическая наука была тѣмъ кладбищемъ, какимъ она рисуется не въ мѣру ревностными восхвалителями реформенной эры.

Всѣ тѣ крупные русскіе юристы, которые, послѣ обновленія Россіи реформами Александра II, обогатили русскую литературу своими трудами, равныхъ по достоинству которымъ въ настоящее время рѣдко встрѣтишь: А. Д. Градовскій, И. Е. Андреевскій, Пахманъ, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ, Таганцевъ, Фойницкій, Сергѣевскій и т. д. были или сами еще студентами дореформеннаго университета, или учениками тѣхъ, кто работалъ въ университетѣ въ мрачную эпоху 40-хъ и 50-хъ годовъ, въ тѣ времена, когда наука отчасти только касательной линіей проникала въ университетъ. Исторія юридической литературы поставитъ творенія ихъ несомнѣнно выше трудовъ многихъ ихъ преемниковъ и по ясности изложенія и по глубинѣ мысли.

Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ представителей началъ гласности и гуманности въ судахъ, А. Ѳ. Кони когда то сказалъ, что если онъ во время своихъ занятій желалъ освѣжить логическіе пріемы юридическаго мышленія, то онъ прибѣгалъ къ пожелтѣвшимъ тетрадкамъ, въ коихъ были записаны лекціи Никиты Крылова, этого незабвеннаго учителя московскихъ юристовъ, надъ слабостями котораго издѣвался Герценъ. Дореформенная русская юридическая наука, все равно какъ бы ни назывались курсы, читавшіеся въ университетахъ: курсами ли законовѣдѣнія или курсами правовѣдѣнія, воспитала дѣятелей судебной реформы и эта реформа отчасти дѣло ея рукъ. Но конечно, разъ Верховная власть рѣшилась покрыть Россію сѣтью судебныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ требованіямъ времени, то она не могла не принять мѣръ къ тому, чтобы преподаваніе юриспруденціи въ университетахъ было расширено и отвѣчало успѣхамъ науки [1]). Университетскій Уставъ 1863 г.

---

[1]) Если бы весь судейскій персоналъ дореформенной Россіи представлялъ изъ себя темную среду безъ всякаго просвѣта, какъ рисуютъ его не въ мѣру усердные энтузіасты-хвалители эпохи реформъ, то оглашеніе „Основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи“ привело бы къ тому, что откликнулись бы только ученые юристы и лица, проживающія въ столицахъ; губерніи же и уѣзды пропустили бы этотъ призывъ къ критикѣ проекта мимо ушей.

Однако въ напечатанныхъ Государственной Канцеляріей въ 1863 г. замѣчаніяхъ о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи въ числѣ 448 доставленныхъ въ Государственную Канцелярію различнаго достоинства и различнаго объема предложеній, замѣтокъ, и совѣтовъ мы видимъ, что откликнулись: 86 уѣздныхъ

кстати сказать составленный при ближайшемъ участіи русскихъ ученыхъ, получившихъ образованіе въ дореформенныхъ университетахъ, ввелъ новыя каѳедры въ юридическіе факультеты и переименовалъ отчасти старыя.

По уставу 1835 года на юридическихъ факультетахъ существовали каѳедры: энциклопедіи и методологіи законовѣдѣнія, каѳедры Россійскихъ Основныхъ Государственныхъ законовъ и учрежденій и законовъ о состояніяхъ, римскаго законодательства и исторіи его, исторіи Россійскаго законодательства, законовъ гражданскаго судопроизводства, законовъ уголовныхъ и полицейскихъ, законовъ благоустройства и благочинія, законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, дипломатіи и общенароднаго правовѣдѣнія, законовъ о государственныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ (Московскомъ, Петербургскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ) читались спеціальныя лекціи, посвященныя праву отдѣльныхъ частей Россіи. Такъ въ Москвѣ читались лекціи по гражданскому и уголовному праву и по исторіи права Царства Польскаго, въ Дерптѣ лекціи по мѣстному балтійскому праву.

Названія курсовъ звучатъ для насъ странно, но отъ названія не зависитъ суть дѣла. Подъ скромнымъ казеннымъ названіемъ можетъ скрываться богатый запасъ содержанія, точно также, какъ подъ блестящими заглавіями и вычурной терминологіей, желающей опередить даже пресловутое послѣднее слово науки, могутъ быть скрыты безпочвенная фантазія и отсутствіе знаній, необходимыхъ для уразумѣнія права въ его непрерывномъ историческомъ развитіи.

Уставъ 1863 года ввелъ слѣдующіе каѳедры и курсы: 1) а) Энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ. б) Исторіи философіи права. 2) Исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ

стряпчихъ и стряпчихъ по уголовнымъ дѣламъ, 72 уѣздныхъ судей, 66 предсѣдателей и товарищей предсѣдателей палатъ и 26 лицъ дореформеннаго прокурорскаго надзора. (Остальныя замѣчанія доставлены: различными лицами отчасти не состоявшими на службѣ, чинами сенатскихъ канцелярій, служащими въ коммерческихъ судахъ, судебными слѣдователями, однимъ вице-губернаторомъ, 3 предводителями дворянства и т. д.).

Очевидно, въ дореформенной Россіи, въ провинціи дѣйствовали не одни Тяпкины-Ляпкины. Да если бы почва, на которой пришлось построить монументальное зданіе новаго суда была исключительно рыхлой и болотистой, она бы и не выдержала монументальнаго зданія.

законодательствъ древнихъ и новыхъ. 3) Исторіи русскаго права. 4) Исторіи славянскихъ законодательствъ. 5) Римскаго права: а) Исторіи римскаго права. б) Догматики римскаго гражданскаго права. в) Византійскаго права. 6) Государственнаго права. а) Теоріи государственнаго права. б) Государственнаго права важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ. в) Русскаго государственнаго права. 7) Гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства. 8) Уголовнаго права и уголовнаго судоустройства и судопроизводства. 9) Полицейскаго права: а) Ученія о безопасности (законы благочинія). б) Ученія о благосостояніи (законъ благоустройства). 10) Финансоваго права: а) Теоріи финансовъ. б) Русскаго финансоваго права. 11) Международнаго права. 12) Политической экономіи и статистики. 13) Церковнаго законовѣдѣнія. Впослѣдствіи была еще учреждена каѳедра судебной медицины.

Уставъ 1863 г. усилилъ значеніе теоретическихъ частей курсовъ, возстановивъ устраненный, въ особенности послѣ 1848 г., элементъ философскій и экономическій. Въ этомъ несомнѣнно большой успѣхъ, но нерѣдко жаловались, что юридическіе факультеты давали слушателямъ слишкомъ много теоріи и слишкомъ мало знанія положительнаго законодательства [1]).

Н. Х. Бунге какъ бы предвидѣлъ этотъ недостатокъ въ статьяхъ „Объ устройствѣ учебной части въ нашихъ университетахъ“ [2]) и писалъ: „У насъ мало хорошихъ юристовъ; болѣе десяти лѣтъ правительство употребляетъ всѣ свои усилія для сокращенія переписки, а между тѣмъ главная цѣль все еще не достигнута. Отчего? Оттого, думаемъ мы, что лица, занимающія высшія должностныя мѣста и сознающія необходимость преобразованія, не могутъ добиться дѣльныхъ, практическихъ отвѣтовъ. Многіе изъ служащихъ, получившихъ образованіе въ университетѣ, не знаютъ ничего болѣе кромѣ нѣсколькихъ томовъ Свода Законовъ и юридической практики, которая у нихъ передъ глазами. Какой порядокъ дѣлопроизводства существовалъ у насъ прежде, что его усложняло, какія упрощенія сдѣланы у другихъ народовъ по подобнымъ дѣ-

---

[1]) О развитіи юридическаго образованія въ Россіи ср. книгу Н. П. Яснопольскаго. Спеціализація учебныхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридическими, государственными и экономическими въ университетахъ Россіи 1907 г.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“. 1858 г.

ламъ, какія средства были придуманы для подобнаго упрощенія и проч., все это темный лѣсъ для нашихъ практиковъ". Бунге, признавая подготовку молодыхъ лицъ какъ къ административной, такъ и судебной дѣятельности, дававшуюся университетами, крайне неудовлетворительной, предлагалъ въ университетахъ отдѣлить науки юридическія въ строгомъ смыслѣ, отъ наукъ государственныхъ и создать два факультета; факультетъ государственныхъ или общественныхъ наукъ и факультетъ юридическій. Послѣдній долженъ былъ быть раздѣленъ на общій курсъ и два спеціальныхъ, одинъ для гражданскаго, другой для уголовнаго права. Студенты должны были по возможности участвовать въ практическихъ занятіяхъ. Эти практическія занятія должны были состоять какъ въ рѣшеніи уже рѣшенныхъ дѣлъ, такъ и въ ознакомленіи въ теченіе опредѣленнаго времени съ работами въ судебныхъ мѣстахъ. „Занятіе дѣломъ, писалъ онъ, имѣющимъ современный интересъ, не уяснило ли бы для учащихся значенія науки, не указало ли бы на то, что послѣдняя можетъ извлечь изъ самой практики. Практика должна быть не механическимъ навыкомъ, а средствомъ для цѣлей ученыхъ и для примѣненія знанія къ дѣлу".

Съ 60-хъ годовъ начинается оживленіе въ области изученія какъ строго юридическихъ, такъ и юридико-политическихъ наукъ и русская юридическая литература, отзываясь на теоретическія и практическія потребности времени, обогащается и крупными и мелкими изслѣдованіями по всѣмъ юридическимъ дисциплинамъ. Растетъ книжная литература, но еще быстрѣе развивается литература періодическихъ изданій, преимущественно журнальная. Цѣлый рядъ журналовъ, посвященныхъ спеціально юриспруденціи даритъ русскимъ юристамъ ежемѣсячно или еженедѣльно статьи, въ числѣ которыхъ немало такихъ, которыя не по объему, но по содержанію стóятъ многихъ книгъ: „Журналъ Министерства Юстиціи", „Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права", „Юридическій Вѣстникъ", „Вѣстникъ Права", „Юридическая Лѣтопись", „Юридическая Газета", „Право" и т. д. За 50 лѣтъ появилось такое множество статей крупныхъ и мелкихъ, что русскій юристъ нашего времени дѣйствительно съ трудомъ понимаетъ, какъ отошедшее въ могилу поколѣніе дореформенныхъ юристовъ могло жить безъ этой пищи ума.

Судебная реформа была однимъ изъ главныхъ импульсовъ оживленія юридической мысли. Это несомнѣнно, но столь же несомнѣнно, что и другіе факторы съ равной силой, а иногда и съ большей, вліяли на развитіе русской юриспруденціи. Реформа мѣстнаго самоуправленія, попытки реформы мѣстнаго короннаго управленія, реформы въ области финансовъ и т. д. повлекли за собою напряженную научную и публицистическую работу, ибо эти реформы затрагивали также наболѣвшія мѣста въ русскомъ государственномъ организмѣ. Извѣстенъ фактъ, что юридико-политическія дисциплины разрабатывались въ Россіи усерднѣе, нежели строго-юридическія и что число т. н. цивилистовъ у насъ менѣе значительно, нежели число представителей различныхъ отраслей публичнаго права.

Къ судебной реформѣ, какъ фактору болѣе быстраго развитія юриспруденціи въ Россіи прибавились двѣ мѣры: откомандированіе молодыхъ ученыхъ заграницу, для изученія юридическихъ наукъ въ западноевропейскихъ, преимущественно германскихъ университетахъ, и реформа въ области законодательства о печати.

Законодатель, давъ университетамъ уставъ и расширивъ преподаваніе юридическихъ наукъ (въ 1874 г. былъ преобразованъ бывшій камеральный Демидовскій Лицей въ Юридическій Лицей, причемъ реформа мотивирована тѣмъ, что распространеніе Судебныхъ Уставовъ на все большее количество мѣстностей требуетъ усиленія мѣръ для подготовки молодыхъ юристовъ), сознавалъ, что нескоро удастся замѣстить всѣ судейскія должности научно-подготовленными юристами. Въ виду этого не было признано возможнымъ установить немедленно для должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства спеціальный юридическій цензъ какъ безусловное требованіе.

Въ Учрежденіе Судебныхъ Установленій была введена статья, гласящая, что должности предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей, чиновъ прокурорскаго надзора, оберъ-секретарей, секретарей и ихъ помощниковъ замѣщаются не иначе, какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, или же доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части.

Безусловное требованіе спеціальной юридической подготовки привело бы къ тому, что пришлось бы уволить множество старыхъ слугъ судебнаго вѣдомства, не получая взамѣнъ ихъ спеціально образованныхъ юристовъ. Но со времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Министерство Юстиціи настойчиво стремилось замѣстить всѣ должности по судебному вѣдомству юристами и успѣло въ этомъ въ такой степени, что нынѣ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ рѣдко встрѣтишь лицо, не имѣющее юридическаго образованія. Судебное вѣдомство въ этомъ отношеніи занимаетъ, наравнѣ съ нѣкоторыми вѣдомствами, которыя отъ служащихъ требуютъ спеціальной технической научной подготовки, исключительное положеніе, ибо, если не считать техническихъ отраслей государственной службы, Россія не знаетъ того, что, напр., въ Пруссіи является общимъ правиломъ: *спеціальной подготовки служащихъ для опредѣленнаго рода службы.*

Конечно, не всегда университетскій аттестатъ обезпечивалъ полную пригодность лица для судейской дѣятельности. Съ начала 80-хъ годовъ XIX столѣтія замѣчается наплывъ массы молодыхъ людей на юридическіе факультеты, и увеличеніе числа студентовъ-юристовъ привело къ явленію нежелательному. Болѣе близкое вліяніе профессоровъ на слушателей становилось тѣмъ труднѣе, чѣмъ быстрѣе росло число слушателей. О введеніи практическихъ занятій издавна у насъ много говорили, но организація ихъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если или число преподавателей значительно, или число слушателей не превышаетъ извѣстной нормы. Стали высказываться жалобы на плохую подготовку молодыхъ аспирантовъ на судейскую карьеру, на плохое знакомство съ отечественнымъ законодательствомъ, даже на плохое знакомство съ русской грамматикой.

Но Судебные Уставы, выставивъ требованіе спеціальнаго юридическаго ценза, сами признавали теоретическую подготовку недостаточной и ввели то, что можно называть школой практическаго изученія юриспруденціи. Созданъ былъ институтъ кандидатовъ на судебныя должности, которые, подъ руководствомъ уже пріобрѣвшихъ опытъ судей-юристовъ, должны были пополнять свои, нерѣдко недостаточно глубокія теоретическія познанія изученіемъ стекавшагося со всѣхъ сторонъ Россіи житейскаго матеріала. Благодаря институту кандидатовъ на судебныя должности, судебныя учрежденія Россіи стали школами юриди-

ческой мысли для многихъ сотенъ молодыхъ людей, которые, пройдя ее, вооруженные не только отвлеченными научными знаніями, но и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ живыхъ картинъ гражданскаго и уголовнаго процесса, могли вступать на судейскую стезю съ сознаніемъ, необходимымъ для всякаго истиннаго судьи, что чѣмъ болѣе знаешь, тѣмъ болѣе чувствуешь необходимость большаго знанія, и что судья до конца своего поприща долженъ учиться, уча другихъ правдѣ и законности.

Реформа университетовъ, въ которыхъ все возраставшее количество молодыхъ людей получало юридическое образованіе, имѣло непосредственное значеніе для судебнаго вѣдомства. Реформа учебныхъ заведеній, дававшихъ общее образованіе подрастающему поколѣнію, и въ такой же мѣрѣ забота объ организаціи правильной и по возможности обнимающей всю Россію системы народныхъ школъ стояли, на первый взглядъ, вдали отъ работъ по преобразованію суда и въ комиссіяхъ, вырабатывавшихъ проекты среднихъ учебныхъ заведеній или намѣчавшихъ пути и средства для доставленія всей массѣ народа возможности получать хотя бы скромное, элементарное образованіе, а равно при обсужденіи внесенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія проектовъ гимназическаго устава и уставовъ народныхъ школъ въ Государственномъ Совѣтѣ не былъ обсуждаемъ вопросъ о значеніи успѣха образовательнаго дѣла для благопріятнаго или неблагопріятнаго дѣйствія реформированныхъ судебныхъ установленій. Однако, едва ли дѣятели 60-хъ годовъ не сознавали, что распространеніе народнаго просвѣщенія стоитъ въ ближайшей, хотя бы и не формальной, и непосредственно осязаемой связи съ судебной реформой. Иго рабства, которое заклеймило Русь,—черная неправда въ судахъ, лесть и ложь и вся мерзость, которыя, по словамъ Хомякова, наполняли Русь и лишали русскій народъ возможности дышать чистымъ воздухомъ,—всѣ эти темныя силы были только возможны благодаря умственной и еще болѣе нравственной отсталости населенія, сколько низшихъ его классовъ, столько и тѣхъ, которые къ „подлому народу“ не принадлежали и пользовались различными привилегіями. Призывать населеніе къ участію въ судѣ, открывать двери суда публикѣ, не заботясь въ то же время о доставленіи средствъ, которыя бы подняли эту самую публику на болѣе высокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія,

значило отнимать у суда возможность находить опору въ томъ народѣ, въ который должны были быть внесены лучи милости и правды. Еще полбѣды, если бы масса народная могла и послѣ проведенія широкихъ реформъ сохранить свои патріархальные привычки и взгляды, вѣками установившіеся устои семейной жизни и незатронутую никакими новыми вѣяніями отеческую вѣру. Такая отсталая грубая народная стихія могла бы, подъ вліяніемъ гласнаго и близкаго населенію суда, постепенно воспріять здоровыя нравственныя понятія объ уваженіи передъ закономъ и передъ правами другихъ лицъ, на законѣ основанными и народной массѣ не всегда понятными. Но переустройство народной жизни и переходъ населенія отъ патріархальнаго уклада жизни самодовлѣющихъ въ хозяйственной дѣятельности помѣстій, селъ и деревень къ новымъ формамъ свободной хозяйственной дѣятельности, которыя неминуемо должны были усилить наклонность къ отхожимъ промысламъ, къ движенію изъ одного угла Россіи въ другой, должны были повлечь за собой и не мало перемѣнъ въ установившемся міровоззрѣніи народа, а на первыхъ порахъ—и броженіе мысли, ранѣе или совсѣмъ не бывавшее или рѣдко замѣтное.

Правительство своими же реформами подготовляло сліяніе сословій. Сооруженіе желѣзнодорожной сѣти, новые законы о пользованіи правомъ торговли и промысловъ, введеніе земства, реформа городского самоуправленія на всесословныхъ началахъ, наконецъ, замѣна сословной рекрутской повинности всеобщей воинской повинностью были факторами, одинъ мощнѣе другого, для устраненія сословныхъ перегородокъ, за которыми успѣли образоваться своеобразные сословные взгляды на жизнь, на пристойное и непристойное, на способы и условія приложенія своихъ силъ для добыванія себѣ земного счастія. Народныя школы и среднія учебныя заведенія, приспособленныя къ нуждамъ населенія, дававшія возможность не только получить знанія, безъ коихъ новая Россія не могла обойтись, но и воспитаніе этическое и религіозное, могли разбудить дремлющія силы молодого поколѣнія къ честной и усердной работѣ. Неправильная же организація школъ, представляющая одно лишь умственное развитіе и возможность накопленія поверхностныхъ знаній, не дающая молодой душѣ никакой этической и религіозной пищи или вносящая въ молодую жизнь ученія атеизма и

матеріализма, могла привести къ тому, что глаголъ суда, вѣщавшій правду и законность, встрѣтилъ бы не отзывчивую среду, а такую, для которой ссылки на право, законъ, нравственность и богобоязнь имѣли бы значеніе напоминаній объ устарѣлыхъ понятіяхъ и лишнихъ узахъ для свободнаго отъ всѣхъ предразсудковъ человѣка.

Къ сожалѣнію, въ ущербъ всѣмъ реформаторскимъ начинаніямъ, а въ особенности реформѣ суда, преобразованія въ области народнаго образованія оказались наименѣе успѣшными изъ всѣхъ. Создать въ короткое время сѣть народныхъ школъ, мало мальски удовлетворяющихъ требованіямъ многомилліоннаго населенія или достаточное количество среднихъ учебныхъ заведеній—оказалось невозможнымъ, даже если бы правительство рѣшилось затратить большія суммы на просвѣтительное дѣло. И тогда бы не удалось обезпечить школы достаточнымъ контингентомъ учителей, ибо учительскій персоналъ не создается съ сегодня на завтра. Можно было обратиться къ содѣйствію общества, но допущенное участіе общественныхъ элементовъ, увы, вскорѣ привело къ неблагопріятнымъ результатамъ. Извѣстно и не подлежитъ сомнѣнію, что воскресныя школы, которыя въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ расплодились въ городахъ, въ особенности въ столицахъ, были использованы для пропаганды матеріализма, соціализма и атеизма, ученій, признававшихся передовыми въ одной части интеллигенціи. Ихъ пришлось закрыть. Этотъ неуспѣхъ воскресныхъ школъ имѣлъ роковое значеніе, ибо правительство поневолѣ стало относиться съ подозрѣніемъ къ частной иниціативѣ въ школьномъ дѣлѣ, и когда проведена была земская реформа и земствамъ, а затѣмъ и городамъ была предоставлена возможность поработать на нивѣ просвѣщенія, то правительство признало необходимымъ обставить просвѣтительное дѣло сложнымъ контролемъ. Народное образованіе весьма медленно подвигалось впередъ, и ростъ умственнаго, а равно нравственнаго развитія не шелъ въ уровень съ прогрессомъ въ учрежденіяхъ государства, а преимущественно съ успѣхами организаціи судебныхъ учрежденій. Успѣхъ революціонной пропаганды, который далъ противникамъ послѣдовательнаго и неуклоннаго проведенія преобразовательныхъ принциповъ возможность и основаніе настаивать на дополненіи Судебныхъ Уставовъ нормами, не согласовавшимися

съ основными ихъ началами, объясняется тѣмъ, что народное образованіе не двинулось такъ, какъ того требовали нужды государства.

IV. Судебная реформа и законодательство о печати.

Судъ долженъ былъ стать гласнымъ, и реформа 1864 года упразднила безслѣдно дореформенный судъ, который зналъ подсудимаго только по бумагамъ, и который былъ извѣстенъ подсудимому только по слухамъ, опроснымъ листамъ и по волокитѣ. Но гласность суда не могла означать, что судъ долженъ былъ производиться подъ открытымъ небомъ. Въ помѣщеніе суда могло быть допускаемо въ лучшемъ случаѣ только ограниченное количество постороннихъ лицъ. Слѣдовательно начало гласности судопроизводства, точно такъ же какъ въ наше время, гласность дѣятельности законодательныхъ собраній требовало возможности знакомить широкія массы гражданъ съ тѣмъ, что происходило въ залахъ суда. Безъ реформы законодательства о печати гласность суда осталась бы на добрую половину мертвой буквой.

Дѣйствовавшій къ моменту изданія Судебныхъ Уставовъ законъ о печати, цензурный уставъ 1828 г. былъ изданъ въ такое время, когда о гласности дѣйствій какого-либо органа власти не было рѣчи, и когда показалось бы неслыханною смѣлостью говорить о такомъ актѣ, какъ опубликованіе по Высочайшему повелѣнію „Основныхъ началъ“ предположенной судебной реформы, въ видахъ побужденія общества высказаться по этому государственному дѣлу.

Излишне говорить о тѣхъ стѣсненіяхъ, коимъ была подвергнута и неповременная и повременная печать, благодаря предварительной цензурѣ или, вѣрнѣе, благодаря существованію ряда соперничавшихъ другъ съ другомъ предварительныхъ цензуръ всѣхъ почти вѣдомствъ. Субъективныя воззрѣнія отдѣльныхъ цензоровъ наравнѣ съ нерѣдко быстро другъ за другомъ слѣдовавшими перемѣнами во взглядѣ правительства на то, что можетъ быть дозволено и что не допустимо, поставили печать въ положеніе невыносимое. Рѣшеніе Верховной власти допустить

гласность въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ земскихъ собраніяхъ и въ судѣ должно было по логической необходимости повлечь за собою и пересмотръ законовъ о печати. Судебная реформа, построенная на началѣ независимости суда отъ вмѣшательства администраціи, была бы логическимъ абсурдомъ, если бы самое мощное орудіе гласности, печать, осталась подъ опекою цензуры.

М. Н. Катковъ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1869 г. № 202: „новые порядки не могутъ процвѣтать безъ публичности, такъ что самые жизненные интересы государства требуютъ настоятельно, чтобы у насъ во всѣхъ дѣлахъ вырабатывалось и зрѣло свое собственное мнѣніе. . .“ „Не надо закрывать себѣ глаза на то, что многія изъ новыхъ учрежденій могутъ быть опасны безъ свободы печати. Въ нынѣшнее царствованіе создано много независимыхъ должностей, особенно по судебному вѣдомству“.

Правда, съ 1856 года строгости цензуры были ослаблены, и неповременная и повременная печать заговорили о вопросахъ, которыхъ касаться ранѣе было запрещено подъ страхомъ различныхъ взысканій, постигавшихъ то цензора, то издателя, то автора, а то и всѣхъ вмѣстѣ. Но эти ослабленія не имѣли законной почвы и были результатомъ неустойчиваго усмотрѣнія.

„Границы между дозволеннымъ и недозволеннымъ, говоритъ К. К. Арсеньевъ въ своемъ очеркѣ: „Законодательство о печати“ [1]) становились все менѣе и менѣе опредѣленными по мѣрѣ того, какъ усложнялись задачи внутренняго управленія и ставились на очередь преобразованія первостепенной важности. Неизбѣжно возникалъ вопросъ, какое участіе въ ихъ обсужденіи можно и должно предоставить обществу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о призваніи и значеніи печатнаго слова.

Предстояло выбрать ту или другую политику по отношенію къ печати, установить порядокъ, соотвѣтствующій сдѣланному выбору. Другими словами, предстоялъ пересмотръ законодательства о печати. Необходимость его была сознана очень рано; уже въ 1857 г. повелѣно было приступить къ составленію новаго цензурнаго устава. Дѣло, повидимому не особенно сложное, затянулось, однако, на много лѣтъ, и всѣ главные законодатель-

---

[1]) „Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ“. С.-Петербургъ. 1893 г., стр. 6 и 7.

ные акты эпохи великихъ реформъ: Положенія о крестьянахъ, Университетскій уставъ, Судебные Уставы, Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ—опередили законъ 6 апрѣля 1865 года, неполный и состоявшійся лишь въ видѣ переходной мѣры".

Правила 6 апрѣля 1865 г. изданы въ качествѣ временныхъ въ виду, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ отъ того же числа, переходного положенія судебной части. Извѣстно, что Судебные Уставы, введенные въ дѣйствіе съ 1866 года, распространялись на Россію постепенно.

Маститый публицистъ, изъ сочиненія котораго заимствованы приведенныя выше слова, въ одномъ ошибается: онъ признаетъ дѣло изданія закона о печати не особенно сложнымъ. Напротивъ, оно было дѣломъ весьма сложнымъ и именно въ виду того, что Россія должна была ужиться съ новыми судебными учрежденіями. Правила 6 апрѣля 1865 года, какъ извѣстно, освободили отъ предварительной цензуры издаваемыя въ столицахъ книги объемомъ не менѣе 10 листовъ (для оригинальныхъ) и 20 листовъ (для переводныхъ сочиненій), причемъ виновные въ совершеніи преступленій или проступковъ печати отвѣчали только передъ судомъ. Повременная печать въ зависимости отъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ могла быть также освобождена отъ предварительной цензуры и лица, отвѣтственныя за преступленія и проступки, совершенные при посредствѣ повременнаго органа печати, отвѣчали только передъ судомъ, и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ предъ администраціей [1]).

---

[1]) Законъ о печати 1865 года не удовлетворилъ тѣхъ, кто желалъ видѣть послѣдовательное проведеніе прогрессивныхъ началъ, вылившихся въ законодательные акты 19 февраля 1861, 1 января 1864 и 20 ноября 1864 г.г. А. Д. Градовскій въ статьѣ „О свободѣ печати", напечатанной въ 1868 году, указываетъ на то, что если сравнить исходныя точки указанныхъ трехъ крупнѣйшихъ законовъ перваго десятилѣтія царствованія Императора Александра II съ „Временными Правилами о печати 1865 г.", то придется отмѣтить противорѣчіе въ ихъ характерѣ и цѣли. Тамъ довѣріе къ обществу, которое призывается къ участію въ устроеніи судебъ Россіи, здѣсь напротивъ глубокое недовѣріе.

Знаменитый государствовѣдъ называетъ положеніе печати въ Россіи до 1865 года крѣпостнымъ, а съ 1865 г.—осаднымъ.

Между тѣмъ свобода печати, по его мнѣнію, *была необходима именно въ виду* появленія такихъ учрежденій, какъ земство и новый судъ. Отсутствіе ея могло сдѣлать опасными именно эти учрежденія. „Независимость суда, писалъ Градовскій, есть одно изъ коренныхъ условій дѣйствительности правосудія, но извѣстно, что она легко можетъ перейти въ произволъ. Гдѣ же искать обезпеченія противъ такого оборота дѣла? въ правительственной власти? Но власть отказалась отъ участія въ правосудіи,

Всѣ уголовные процессы, возбужденные по преступленіямъ и проступкамъ печати, должны были происходить гласно и публично, въ виду того, что Судебные Уставы допускали разсмотрѣніе дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ.

Верховная власть, вводя судъ новаго устройства, новый совершенный порядокъ судопроизводства и ставя обвиняемыхъ въ преступленіяхъ печати передъ этотъ форумъ, не могла не колебаться. Гласный судъ, судящій преступленія печати, могъ противъ воли превратиться въ орудіе пропаганды опасныхъ для государственнаго правопорядка ученій. Издатель или редакторъ органа повременной печати, или авторъ, или издатель книги или брошюры, привлекались къ отвѣтственности передъ гласнымъ судомъ. Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, происходившихъ при открытыхъ дверяхъ, должны были быть допущены къ печатанію въ газетахъ и журналахъ. Печатный станокъ несомнѣнно служилъ и служитъ орудіемъ распространенія просвѣщенія. Объ образовательномъ значеніи хорошихъ книгъ нечего и говорить. Повременная печать неоднократно называлась общенародной каѳедрой, съ которой лица, посвятившія себя дѣлу прессы, обращаются къ громадной аудиторіи.

Законодателю предстояло рѣшить нелегкую задачу: дать прессѣ неповременной и повременной надлежащій просторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить злоупотребленія имъ.

Русская литература и повременная печать въ началѣ 60-хъ годовъ не успѣла, отчасти благодаря стѣсненіямъ дореформеннаго законодательства, занять положеніе, равное той вліятельной роли, которую печать играла на западѣ. Она еще сохраняла въ общемъ идейный характеръ и не спустилась на уровень промысла, въ коемъ матеріальные интересы преобладаютъ надъ интересами служенія идеѣ. Но съ пробужденіемъ Россіи къ болѣе живой и самостоятельной дѣятельности стали замѣчаться и первые признаки измѣненія характера печати, преимущественно повремен-

---

давъ судебнымъ установленіямъ обезпеченіе противъ посягательствъ со стороны администраціи. Легко представить себѣ результатъ, если при независимости юстиціи будетъ устранена возможность свободной и откровенной критики судебныхъ рѣшеній и отдѣльныхъ дѣйствій судебной власти. Примѣръ старыхъ французскихъ парламентовъ ясно показываетъ, во что обращается судъ, получившій извѣстную долю самостоятельности по отношенію къ правительству и заручившійся молчаніемъ общества".

ной. Рано или поздно, промышленникъ долженъ былъ вторгнуться въ печать. Съ 60-хъ же годовъ въ печати начали также проявляться тенденціи, къ которымъ государственная власть не могла относиться безучастно въ надеждѣ, что односторонняя и завѣдомо или незавѣдомо извращенная передача и оцѣнка различныхъ событій общественной и государственной жизни найдетъ естественный противовѣсъ въ поправкахъ, вносимыхъ органами прессы другихъ направленій.

До введенія въ силу правилъ 6 апрѣля 1865 года печать имѣла дѣло только съ администраціей, которая въ своихъ рукахъ сосредоточивала средства предупредить распространеніе ученій, предосудительныхъ съ точки зрѣнія государственной власти или опасныхъ для общественнаго спокойствія. Различныя вѣдомства, начиная съ вѣдомства народнаго просвѣщенія, въ рукахъ коего находилась общая цензура, облегчали себѣ задачу обузданія писателей, издавая въ изобиліи различныя инструкціи и отдѣльныя предписанія, коими цензора могли пользоваться и пользовались, употребляя цензорскія красныя чернила съ должнымъ усердіемъ. Правила 1865 года, сохранивъ въ распоряженіи администраціи цѣлый рядъ мѣръ воздѣйствія на печать, ввели новое начало: отвѣтственности виновныхъ въ преступленіяхъ печати передъ судомъ. Судебнымъ учрежденіямъ пришлось теперь имѣть дѣло съ преступленіями особаго характера, совершенно неизвѣстными судамъ дореформеннымъ.

Въ 1866 году, т. е. въ первый годъ дѣйствія новыхъ судовъ, въ С.-Петербургской судебной палатѣ, вслѣдствіе апелляціоннаго отзыва товарища прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда противъ оправдательнаго приговора окружного суда по дѣлу обвиненія Ю. Жуковскаго и редактора журнала „Современникъ“ А. Пыпина въ оскорбленіи чести и достоинства всего дворянскаго землевладѣльческаго сословія въ статьѣ означеннаго журнала: „Вопросъ молодого поколѣнія“, товарищъ прокурора Тизенгаузенъ въ рѣчи, въ которой отражается неустановившійся еще взглядъ на преступленія печати въ вѣдомствѣ, только что пережившемъ крупнѣйшую реформу, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ своеобразное положеніе суда при обсужденіи и рѣшеніи вопроса о наличности состава преступленія въ дѣлахъ печати. „Главнѣйшая особенность дѣлъ о преступленіяхъ печати состоитъ въ томъ, что обвинительная власть

и судъ имѣютъ предъ собою, въ этого рода дѣлахъ, не дѣяніе, въ томъ смыслѣ, какъ это понятіе принимается въ другихъ дѣлахъ, подлежащихъ суду закона, но мысль и слово. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ, подлежавшихъ суду закона, исходной точкою сужденія представляется внѣшній фактъ, значеніе котораго, какъ скоро самое совершеніе его удостовѣрено, не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Въ дѣлахъ же этого рода, къ которому принадлежитъ разсматриваемое нынѣ, внѣшняя сторона факта—выраженіе мысли посредствомъ преступнаго слова—сама по себѣ не представляетъ ничего преступнаго и предъ лицомъ уголовнаго суда получаетъ значеніе преступности лишь тогда, когда сама мысль, выраженная въ преступномъ словѣ, или самое слово, представляютъ собою что либо воспрещенное закономъ. И такъ, тутъ на первомъ планѣ не опредѣленіе свойства дѣянія, внѣшняго факта, а оцѣнка мысли и слова, и преимущественно мысли. Но какъ оцѣнивать мысль? Оцѣнка дѣянія опредѣляется судомъ на основаніи общихъ началъ права, выраженныхъ въ положительномъ законодательствѣ и рѣзко разграниченныхъ отъ области духовнаго закона нравственности. Но мысль человѣка не можетъ подлежать такой чисто внѣшней оцѣнкѣ; оцѣнивать достоинство мысли мы можемъ не иначе, какъ путемъ того нравственнаго закона—который начертанъ въ сердцѣ человѣка и выражается въ приговорахъ приносимыхъ его совѣстью.

И такъ, необходимость нравственной оцѣнки факта—вотъ первое, что должно лечь въ основу рѣшенія суда въ дѣлѣ о преступленіи печати, и на эту особенность считаемъ нужнымъ указать въ томъ вниманіи, что большая часть недоразумѣній, встрѣчавшихся въ этого рода дѣлахъ, основывается единственно на томъ ошибочномъ, по нашему убѣжденію, взглядѣ, будто предъ лицомъ суда всякое излишество въ пользованіи свободою печати должно быть оправдано, коль скоро оно не вполнѣ подходитъ подъ букву положительнаго закона или какого нибудь юридическаго опредѣленія. Другая особенность этого рода дѣлъ въ томъ, что въ преступленіяхъ печати степень противозаконности поступка часто находится въ завимости отъ обстоятельствъ времени. То или другое нарушеніе постановленій о печати можетъ представляться болѣе или менѣе преступнымъ, смотря въ какое время оно совершено. Отсюда—независимо отъ нравственной оцѣнки факта—необходимость со-

ображать его еще и съ условіями, заявляемыми даннымъ временемъ. На эти условія могутъ существовать въ обществѣ самые разнообразные взгляды,—и вотъ новый источникъ недоумѣній и недоразумѣній, для разъясненія коихъ и должны служить преимущественнымъ руководствомъ приговоры судебной власти по этимъ дѣламъ [1]).

Защитникъ Жуковскаго и Пыпина, К. К. Арсеньевъ, не оставилъ объясненій особенности преступленій печати, данныхъ прокуроромъ, безъ отвѣта, но и его остроумная рѣчь не опровергла основательности мнѣнія, что преступленія печати имѣютъ особый характеръ и что суду, какъ одному изъ представителей государственной власти, приходится оцѣнивать не только субъективную виновность лицъ, причастныхъ къ преступленію, но и объективный вредъ, который даннымъ произведеніемъ печати можетъ быть нанесенъ общежитію.

Представитель прокурорскаго надзора, правильно отмѣтивъ затруднительное положеніе суда при сужденіи не всѣхъ, но многихъ дѣлъ по преступленіямъ печати, едва ли былъ правъ, если признавалъ возможнымъ наложить на судъ обязанность оцѣнки дѣянія сообразно съ измѣнчивыми условіями времени. Судъ, по крайней мѣрѣ коронный судъ, не можетъ судить вполнѣ свободно, а долженъ прилагать при оцѣнкѣ дѣянія мѣрку положительнаго закона, буквы, или разума его. Свободнѣе стоитъ судъ присяжныхъ. Законодатель признавалъ возможнымъ распространить юрисдикцію суда присяжныхъ на преступленія посредствомъ печати, хотя нерѣдко высказывались опасенія, что эта форма суда въ дѣлахъ печати не вполнѣ пригодна. Чичеринъ [2]) говорилъ 30 лѣтъ спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, по вопросу о допущеніи суда присяжныхъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати: „Но нельзя не сказать, что присяжные, вообще, слишкомъ подвержены общественнымъ увлеченіямъ и именно въ этого рода дѣлахъ всего менѣе являются безпристрастными судьями. Если писатель находитъ въ нихъ самую надежную гарантію, то для государственныхъ требованій они представляютъ наименьшее обезпеченіе“.

---

[1]) Матеріалы, собранные особою комиссіею Высоч. учрежд. 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій, часть III, стр. 165.

[2]) Курсъ Госуд. Науки, часть I. „Общее Государственное Право“, стр. 219.

Въ прессѣ уже до судебной реформы въ статьяхъ, обсуждавшихъ вопросъ о реформѣ законодательства о печати, высказывались не разъ пожеланія, чтобы преступленія печати были подвѣдомственны суду присяжныхъ. Такъ, въ журналѣ „Отечественныя записки“ въ 1862 году была напечатана статья Д. В. Скарятина: „Объ измѣненіи цензурнаго устава“. Авторъ писалъ: „Если бы самъ геній разума и справедливости принялся писать уставъ предварительной цензуры, онъ все таки не умѣлъ бы оградить писателя отъ произвола цензора. Останутся три буквы предварительнаго устава, и въ этихъ трехъ буквахъ произволъ найдетъ достаточно простора. Мы предпочитаемъ судъ, даже самый жестокій судъ, самому мягкому отеческому произволу. Никакой, самый подробнѣйшій уставъ не въ силахъ опредѣлить всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слово составляетъ преступленіе. Уставъ можетъ только назначить нѣсколько категорій употребленія слова, которыя считать преступленіями, напримѣръ, онъ можетъ сказать, что оскорбленіе словомъ закона, религіи и. т. п. составляетъ преступленіе, но только здравый смыслъ и совѣсть судьи могутъ рѣшить оскорблены или не оскорблены религія и законъ такимъ напечатаннымъ словомъ. Вотъ почему въ судѣ надъ печатью можетъ быть допущено только одно изъ двухъ: или безграничный административный произволъ, или судъ по совѣсти, который въ сущности тотъ же произволъ“. Скарятинъ предлагалъ организовать судъ сложнаго состава: трое коронныхъ судей и 12 присяжныхъ, избранныхъ по жребію изъ 100 лицъ, половина коихъ избирается городскою думой С.-Петербурга (на всю Россію предположенъ одинъ судъ по дѣламъ печати), другая же половина избирается всѣми жителями столицы, получившими высшее образованіе.

Судебные Уставы 1864 года подчинили дѣла печати вѣдомству окружнаго суда на общемъ основаніи. Только въ томъ случаѣ, если преступленіе печати имѣло характеръ государственнаго преступленія, оно было подвѣдомо особому присутствію судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Однако не успѣли Судебные Уставы вступить въ силу, какъ законъ 12 декабря 1866 года подчинилъ цѣлый рядъ дѣлъ печати непосредственному разсмотрѣнію судебной палаты, на приговоры которыхъ, если они постановлены безъ участія присяжныхъ засѣдателей, подавались апелляціонные отзывы и протесты прокурора

Правительствующему Сенату по Уголовному кассаціонному департаменту. Съ участіемъ присяжныхъ рѣшались только дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры и по возбужденію къ сопротивленію властямъ. Слѣдовательно въ вѣдѣніи окружныхъ судовъ остались только дѣла печати, содержащія въ себѣ признаки преступленія противъ частныхъ лицъ, да дѣла по нарушенію болѣе важныхъ постановленій цензурнаго устава формальнаго характера. Этотъ же законъ возложилъ обязанность возбужденія преслѣдованія по преступленіямъ печати на главное управленіе по дѣламъ печати и на цензурные комитеты. Прокурорскій же надзоръ возбуждалъ преслѣдованіе лишь въ случаѣ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, но не иначе, какъ по жалобамъ заинтересованнаго учрежденія или должностного лица. Въ означенныхъ случаяхъ, а равно въ случаѣ возбужденія дѣла органомъ надзора за печатью прокурорскій надзоръ обязанъ былъ начать преслѣдованіе.

К. К. Арсеньевъ, въ статьѣ „Русскіе законы о печати", говорилъ по этому поводу:

„Законъ 12 декабря 1866 года создалъ для обвинительной власти по дѣламъ печати положеніе совершенно особаго рода, не сходное съ тѣмъ, которое оно занимаетъ вообще въ уголовномъ процессѣ. Она лишена принадлежавшаго ей права иниціативы, права возбуждать преслѣдованіе по непосредственно усмотрѣннымъ преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній (Уст. Уг. Суд., ст. 297, п. 4). Она поставлена въ необходимость поддерживать обвиненіе даже и тогда, когда признаетъ его неосновательнымъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ лица прокурорскаго надзора должны дѣйствовать единственно на основаніи убѣжденія и существующихъ законовъ (Учр. Суд. Уст., ст. 130).

Трудно объяснить, почему законодательство столь быстро отступило отъ началъ, принятыхъ Судебными Уставами. Ни судъ, ни прокурорскій надзоръ не успѣли еще доказать, что они относятся къ дѣламъ печати не съ должной серьезностью.

Администрація, какъ бы уже заранѣе рѣшила, что на судъ и прокуратуру нельзя положиться, и, не желая выждать того, что укажетъ опытъ, рѣшила настоять на установленіи особаго судебнаго порядка для дѣлъ печати. Между тѣмъ, если и признать, что судъ и прокуратура не сразу освоились съ новыми

для нихъ дѣлами, то не было причинъ полагать, что органы судебной власти окажутся безсильными въ борьбѣ съ злоупотребленіями свободою печатнаго слова". [1])

Когда въ 1869 г. въ I департаментѣ Пр. Сената слушалось дѣло, возникшее по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи Аксаковской газеты „Москва", то три сенатора изъ десяти присутствовавшихъ заявили, что судебныя учрежденія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось разсматривать дѣла о преступленіяхъ противъ законовъ о печати, вполнѣ сознательно относились къ симъ преступленіямъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ приговоры. Изъ свѣдѣній, обнародованныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о судебныхъ процессахъ сего рода съ 1866 по 1868 г., видно, по мнѣнію сенаторовъ, что лица, противъ которыхъ начаты были подобныя преслѣдованія, почти всегда были признаваемы виновными и подвергались опредѣленному въ законѣ наказанію.

Сенаторы говорили далѣе: приведенные примѣры доказываютъ, что при судебномъ преслѣдованіи преступленія противъ законовъ о печати не остаются безнаказанными, и это даетъ полное право предполагать, что и на будущее время, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинительная власть, при явныхъ нарушеніяхъ сего рода обратится къ власти судебной, послѣдняя, стоя на почвѣ строгой законности, всегда исполнитъ свой долгъ и будетъ служить надежною охраной справедливости и существенныхъ интересовъ общества и государства.

Означенные три сенатора настаивали на томъ, что, если въ органѣ печати обнаружено преступленіе, предусмотрѣнное въ уголовномъ законѣ, то таковыя дѣла подлежатъ суду, а не должны давать повода къ административнымъ репрессіямъ.

Когда дѣло перешло въ Общее Собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи, то изъ 29 сенаторовъ—9 (въ томъ числѣ Н. В. Калачовъ и Зарудный) повторили эти соображенія, и притомъ они воспользовались случаемъ, чтобы дать опредѣленіе понятія „вредное направленіе",—обвиненіе, которое чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе служило поводомъ къ административнымъ репрессіямъ до прекращенія органа печати включительно.

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1869 г.

„Подъ вреднымъ направленіемъ, говорили они, должно разумѣть не что иное, какъ постоянное проведеніе вредныхъ ученій, касающихся основныхъ началъ народной жизни, государственнаго устройства, религіи и нравственности, и притомъ въ такой формѣ, которая, не составляя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ явнаго и осязательнаго преступленія, предусмотрѣннаго законами уголовными, не можетъ, слѣдовательно, дать повода къ судебному преслѣдованію, въ виду чего и представляется необходимымъ прибѣгать къ мѣрамъ административнымъ".

Администрація не усвоила себѣ этого взгляда на „вредное направленіе" и съ одной стороны налагала административныя кары на органы печати и въ томъ случаѣ, когда обнаруженныя въ нихъ нарушенія закона имѣли явные признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ въ законѣ, такъ и въ томъ, когда ни весь характеръ даннаго органа, ни буква статей не доказывали желанія проведенія какихъ либо вредныхъ ученій, направленныхъ противъ государства, религіи, нравственности и основныхъ началъ народной жизни. Конечно судъ не могъ слѣдовать за Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ такой оцѣнкѣ всего, что писалось и печаталось.

Въ томъ же 1869 году по поводу одного дѣла о печати, разсматривавшагося въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, большинство членовъ означенной коллегіи высказалось слѣдующимъ образомъ:

„Возбужденіе судебнаго преслѣдованія могло бы имѣть мѣсто три съ половиной года тому назадъ, когда еще не выяснялись въ цѣломъ рядѣ процессовъ тѣ отношенія суда къ дѣламъ печати, которыя привели нынѣ къ пересмотру существующихъ законоположеній".

Къ сожалѣнію, совѣтъ не опредѣлилъ точнѣе, въ какихъ случаяхъ судъ отнесся къ дѣламъ печати не такъ, какъ слѣдуетъ.

Конечно, печать, въ особенности повременная, за исключеніемъ сравнительно немногихъ органовъ, не отличалась должной осмотрительностью, и на столбцахъ газетъ и страницахъ журналовъ появились статьи, тенденція коихъ не могла бымъ признана здоровою, а тѣмъ болѣе полезною для мирнаго теченія общественной жизни. Умѣренное употребленіе полномочій административной власти въ борьбѣ съ такими выходками печати

никого бы не огорчило, но къ сожалѣнію аппаратъ административныхъ репрессій заработалъ съ такой энергіей, что читателю инкриминируемыхъ статей становилось совершенно неяснымъ, что предосудительнаго найдено было въ инкриминируемыхъ статьяхъ. А ст. 140 устава о цензурѣ была использована для цѣлей, которыя отнюдь не были въ виду у законодателя, когда онъ администраціи предоставилъ право запрещать въ чрезвычайныхъ случаяхъ касаться вопросовъ особой государственной важности. Жалоба же суду на такое произвольное и противорѣчащее разуму закона пользованіе правомочіями, какъ извѣстно, не была предоставлена тѣмъ, кому приказано было молчать.

Такимъ образомъ реформа законодательства о печати въ конечномъ результатѣ не привела къ тому, чтобы печать заняла положеніе, которое по своей правовой обезпеченности соотвѣтствовало бы началамъ, легшимъ въ основу Судебныхъ Уставовъ. Вскорѣ установился такой порядокъ, при которомъ судъ знакомился съ печатью развѣ въ томъ случаѣ, если дѣло касалось частныхъ лицъ и ихъ чести. Во всѣхъ другихъ случаяхъ печать была выведена изъ подъ охраны суда.

Чины преобразованнаго судебнаго вѣдомства отнюдь не были склонны смотрѣть на то, что дѣлала печать, снисходительно, если по ихъ убѣжденію интересы правосудія требовали обузданія свободы печатнаго слова. Тому служитъ доказательствомъ законъ, установившій наказаніе за оглашеніе въ печати свѣдѣній, обнаруживаемыхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 30 января 1870 г.). Вопросъ о томъ, допустимо ли оглашеніе означенныхъ свѣдѣній, былъ возбужденъ прокурорскимъ надзоромъ (прокурорами Московской, а затѣмъ и С.-Петербургской судебныхъ палатъ) и вотъ по какимъ поводамъ. Для обнаруженія виновниковъ страшнаго пожара, превратившаго въ пепелъ почти весь городъ Симбирскъ, была наряжена особая слѣдственная комиссія. Комиссія производила слѣдствіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и въ печати появились сообщенія о работахъ ея, которыя, по мнѣнію прокурорскаго надзора, могли только послужить къ тому, что виновные успѣли скрыть и безъ того незначительные слѣды ихъ участія въ дѣлѣ. Черезъ два года (въ 1868 году) въ Петербургѣ появилась въ продажѣ брошюра, предметомъ которой было убійство въ Гусевомъ переулкѣ,

т.-е. то дѣло, которое памятно всѣмъ петербургскимъ старожиламъ, и которое во время оно, когда жители не успѣли еще привыкнуть къ страшнымъ и жестокимъ преступленіямъ, произвело сильную сенсацію. Авторъ брошюры сумѣлъ раздобыть свѣдѣнія изъ слѣдственныхъ актовъ и подѣлился добытымъ съ читателями.

Прокуратура возбудила вопросъ объ изданіи закона, который бы призналъ оглашеніе въ печати, до воспослѣдованія судебнаго приговора, обстоятельствъ, производимыхъ по уголовнымъ дѣламъ предварительныхъ слѣдствій, дознаній и розысковъ—дѣйствіемъ преступнымъ.

Министерство Юстиціи признало приведенные прокуратурой доводы основательными и привело вопросъ къ благополучному концу въ законодательномъ порядкѣ [1]).

Печать этимъ новшествомъ была крайне недовольна и „Московскія Вѣдомости" (въ № 46, 1870 года), возстали противъ этого ограниченія свободы печати, и безъ того не особенно широкой, спрашивая, что представляетъ изъ себя этотъ новый законъ: шагъ назадъ или шагъ впередъ въ духѣ началъ, положенныхъ въ основу нашей судебной реформы? Послѣ пространнаго разсужденія, въ которомъ указывалось, что печать, оглашая такого рода данныя, можетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принести вредъ, но, въ большинствѣ случаевъ, пользу, газета объявила, что это, несомнѣнно, шагъ назадъ къ канцелярской тайнѣ. Такъ какъ Судебные Уставы отмѣняли канцелярскую тайну для подсудимаго, то слѣдственныя дѣйствія, по логикѣ вещей, не могутъ де быть тайною и для постороннихъ лицъ.

Свидѣтели, дающіе показаніе, писала газета Каткова, окольные люди, эксперты, понятые—все это необходимые дѣятели предварительнаго слѣдствія и законъ нигдѣ не беретъ съ нихъ слова молчать о томъ, что имъ извѣстно. Такимъ образомъ, происходившее на предварительномъ слѣдствіи проникаетъ въ публику, по силѣ самого закона, и становится однимъ изъ элементовъ публичнаго мнѣнія въ томъ или другомъ дѣлѣ.

Министерство Юстиціи, съ своей стороны, отнюдь не признавало полезнымъ, если пресса во время производства предва-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3454.

рительнаго или судебнаго слѣдствія образовывала общественное мнѣніе, а то и муссировала его, полагая, что т. н. общественное мнѣніе есть явленіе весьма своеобразное и не можетъ быть надежнымъ союзникомъ правосудія.

Оно уже въ третій годъ дѣйствія Судебныхъ Уставовъ въ Москвѣ признало необходимымъ предостеречь предсѣдателя окружнаго суда противъ склонности слишкомъ много считаться съ тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, которое слагалось по поводу различныхъ судебныхъ дѣлъ въ первопрестольной столицѣ, подъ вліяніемъ газетныхъ статей [1]).

Предоставляя печати ту же гарантію безпристрастнаго сужденія, которая, благодаря судебной реформѣ, должна была стать достояніемъ всѣхъ гражданъ Россіи, законодатель не могъ не подойти къ вопросу, какихъ дѣятелей печати слѣдуетъ признать преимущественно отвѣтственными за то, что выходитъ изъ печатнаго станка и распространяется въ странѣ. Поскольку въ области неповременной печати этотъ вопросъ рѣшался легко, ибо здѣсь могла идти рѣчь только о томъ, кого въ первую очередь считать отвѣтственнымъ—автора или издателя книги и брошюры, настолько трудно поддавался рѣшенію этотъ вопросъ, коль скоро дѣло касалось повременной печати. Вѣдь вся судебная реформа преслѣдовала въ сущности одну цѣль (посколько рѣчь шла о реформѣ уголовнаго процесса), предупредить возможность обвиненія невиннаго и обезпечить возможность справедливаго наказанія виновнаго соразмѣрно его винѣ. Судебная реформа, которая бы не приняла всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы карательная власть настигла дѣйствительно виновнаго—была бы реформой безъ содержанія. И вотъ именно, съ этой точки зрѣнія, повременная печать представляла собой кругъ отношеній, который затруднилъ рѣшеніе этой задачи сообразно съ требованіями дѣйствительно праваго суда. Правильная конструкція отвѣтственности по преступленіямъ печати, строго говоря только одна: каждый отвѣчаетъ за то, что имъ сочинено и пущено въ печать. Однако эта единственно правильная конструкція оказалась невозможной и какъ западно-европейскому законодательству,

---

[1]) Интересная переписка по этому вопросу хранится въ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 3261, озаглавленное „О упущеніяхъ должностныхъ лицъ судебныхъ вѣдомствъ и о особо важныхъ происшествіяхъ, замѣченныхъ Министерствомъ Юстиціи изъ повременныхъ изданій".

такъ и власти, поведшей Россію по пути реформъ, пришлось помириться съ искусственной конструкціей, несправедливость которой должна была чувствоваться тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ больше печать развивалась въ томъ направленіи, которое намѣчено было съ момента, когда капиталъ и промысловые расчеты избрали этого рода литературную дѣятельность областью своихъ операцій.

Нѣмецкій историкъ Гейнрихъ Трейчке въ своемъ курсѣ „Политики“ [1]), признавая необходимость свободы печати въ современномъ государствѣ, указываетъ на внутреннее противорѣчіе, которое сопровождаетъ дѣятельность печати; онъ говоритъ: „страшный обычай анонимности—нравственная порча, послѣдствія которой трудно изобразить съ должной силой. Какое заблужденіе было думать, что свободная печать станетъ высшей школой гражданскаго сужденія. Напротивъ, она превратилась въ школу нравственной трусости... Обезпечить себя противъ отвѣтственности за оскорбленія при помощи анонимности—вездѣ считается подлой трусостью. Что недостойно отдѣльнаго индивида, то не можетъ быть благодѣяніемъ для общественной жизни. Это положеніе находитъ примѣненіе въ отношеніи печати тѣмъ болѣе, что напечатанное слово пріобрѣтаетъ большее распространеніе и большую силу и что тѣмъ самымъ нравственная отвѣтственность вырастаетъ. Поневолѣ вспоминаешь о домѣ умалишенныхъ, если приходится видѣть, какъ люди, которые скрываютъ свое имя, признаютъ себя призванными предавать гласности все то, что скрывается и боится свѣта. Трудно выразить, въ какой мѣрѣ такой порядокъ вещей содѣйствуетъ порчѣ общественнаго мнѣнія“.

Съ этой анонимностью пришлось имѣть дѣло и судебной власти въ виду того, что правила 1865 года установили общее начало объ отвѣтственности за преступленія печати передъ судомъ.

Правила 6 апрѣля 1865 года, независимо отъ издателя, установили новое званіе „отвѣтственнаго редактора“.

Соотвѣтственно съ этимъ правиломъ, въ Уложеніе о Наказаніи была введена статья (1044), согласно коей отвѣтственность за содержаніе, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ статей, возлагается, во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго ви-

[1]) 2 изданіе, т. I, стр. 174 и слѣд.

новника, на редактора изданія. Судъ долженъ былъ считаться съ этимъ правиломъ, тѣмъ болѣе, что Сенатъ, неоднократно, своими руководящими разъясненіями подтверждалъ его и настаивалъ на признаніи редактора отвѣтственнымъ и въ томъ случаѣ, если его указаніе, что онъ не читалъ статьи, содержащей въ себѣ признаки преступленія, оказывалось правдоподобнымъ. Законодатель, возлагая на судъ обязанность считаться съ редакторомъ, какъ главнымъ и преимущественно отвѣтственнымъ лицомъ, исходилъ изъ идеальнаго представленія о редакторѣ, какъ о дѣйствительномъ, свободномъ отъ всякаго посторонняго вліянія, руководителѣ даннаго органа прессы и не принялъ во вниманіе, что означенный руководитель могъ быть лицомъ, вполнѣ зависимымъ отъ лицъ, стоящихъ за его спиной, отъ издателя, вдохновителей и главныхъ сотрудниковъ и т. д. Наше законодательство не приняло института принудительной дачи показаній подъ присягою объ авторѣ преступной статьи и тѣмъ самымъ дало прессѣ, которая должна была играть роль помощницы и суда и администраціи въ дѣлѣ разоблаченія различныхъ золъ общественной жизни Россіи, возможность скрывать виновныхъ въ преступленіи печати за ширмой анонимности и за спиной редактора, а судъ поставило въ необходимость осуждать редактора за чужую вину, въ нарушеніе коренного начала уголовнаго права. Если бы виновные въ преступленіи печати (повременной) продолжали въ теченіе и слѣдующихъ десятилѣтій нести отвѣтственность передъ судомъ, то уже 30—40 лѣтъ тому назадъ появились бы и тѣ „дѣятели“ печати, которые на Западѣ Европы столь часто превращаютъ отвѣтственность передъ судомъ въ жалкую комедію, т. е. фиктивные редакторы, продающіе свое имя для подписи подъ газетой или журналомъ, а свою личность для отсиживанія срока ареста въ мѣстахъ заключенія.

Но судебное преслѣдованіе за преступленія печати стало вскорѣ рѣдкимъ явленіемъ, затѣмъ прекратилось и весь трудъ борьбы съ преступленіями печати перешелъ на плечи администраціи, которая не преминула использовать всѣ предоставленныя ей полномочія въ этой области, начиная съ предостереженій и кончая запрещеніемъ какъ книгъ, такъ и повременныхъ изданій.

Къ эпохѣ, когда судебное преслѣдованіе виновныхъ въ преступленіяхъ печати не отошло еще въ область преданій, хотя

бы еще свѣжихъ, относится попытка министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, объяснить судебнымъ учрежденіямъ, какъ имъ слѣдуетъ понимать задачу суда при сужденіи привлеченныхъ къ отвѣтственности за преступленія печати. Министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ вниманіе министра юстиціи на необходимость поставить на видъ суду не вполнѣ правильное отношеніе къ преступленіямъ печати. (Переписка между обоими министрами возникла по поводу судебнаго преслѣдованія сборника „Лучъ", изданнаго взамѣнъ прекращеннаго по Высочайшему повелѣнію журнала „Русское Слово").

По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, цѣль законодательства 6 апрѣля 1865 года никогда не была бы достигнута, если бы судъ въ дѣлахъ печати ограничивался однимъ формальнымъ примѣненіемъ буквы закона только къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ книги, не обращая вниманія на ея общее направленіе и на тѣ побочныя обстоятельства, которыя могутъ показывать цѣль сочинителей и издателей и степень обдуманности ихъ дѣйствій. Отдѣльныя мѣста какой либо книги, хотя и составлявшія нарушеніе закона, но неимѣющія связи съ общимъ его направленіемъ и часто являющіяся только случайнымъ послѣдствіемъ неосмотрительности и увлеченія авторовъ, не могутъ имѣть въ глазахъ суда того же значенія, какъ систематическое и упорное проведеніе безнравственнаго или противоправительственнаго направленія, осужденнаго самою Верховною властью и тѣмъ не менѣе стремящагося проводить себя въ публику черезъ всѣ поставляемыя сему преграды. Это желаніе министра внутреннихъ дѣлъ превратить судъ въ органъ цензуры, судящій не факты, а направленіе книги, конечно не могло быть удовлетворено министромъ юстиціи, который очевидно и не признавалъ за собою права „ставить суду на видъ" что либо. Но отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру юстиціи (оно относится къ 1868 году) доказываетъ какъ туго прививалась мысль, положенная въ основу Судебныхъ Уставовъ въ сферахъ администраціи, а съ другой стороны и не могло не служить доказательствомъ, что формальное по необходимости отношеніе суда къ преступленіямъ печати не могло устранить объективнаго вреда, который можетъ быть послѣдствіемъ преступленія печати.

Печать знакомила общество съ дѣятельностью судебныхъ учрежденій. Каждая крупная газета старалась отвести на своихъ столбцахъ особое мѣсто для судебной хроники, завести судебныхъ репортеровъ, которые, слѣдя за всѣмъ интереснымъ, что происходило въ залахъ суда, передавали бы болѣе или менѣе подробно свои впечатлѣнія, рисовали бы ходъ процесса, давали бы характеристику и обвинителя, и защитника, и обвиняемаго, и свидѣтелей и, наконецъ, публики. Газетныя сообщенія о громкихъ процессахъ читались нерѣдко на расхватъ и нельзя не признать, что процессуальныя картины, нарисованныя судебными репортерами, нерѣдко живо и даже художественно, принесли долю пользы. Русское общество, сравнительно немногочисленные представители котораго попадали въ залы суда, знакомилось съ дѣятельностью суда и перестало смотрѣть на судъ, какъ на нѣчто непонятное или неизвѣстное.

Но эта передача происходившаго на судѣ имѣла и нежелательныя послѣдствія. Въ судебныхъ засѣданіяхъ развертывались картины не только потрясающія и поучительныя. Сенсаціонные процессы, которые давали обильный матеріалъ перу репортеровъ, давали и поводъ къ подробному обсужденію такихъ явленій, которыя, привлекая серьезное вниманіе судьи и врача, могли отражаться отнюдь не благопріятно на чувствахъ и мысли читающей публики. Возбужденіе интереса къ явленіямъ преступности, изслѣдуемымъ до самыхъ подробностей передъ судомъ, въ особенности благодаря талантливымъ и нерѣдко страстнымъ рѣчамъ защитниковъ, которые, бывало, забывали, что они не призваны къ обѣленію обвиняемыхъ во что бы то ни стало, влекло за собой послѣдствія далеко нежелательныя. Преступленіе становилось дѣломъ понятнымъ, отвращеніе къ нему ослаблялось, сострадание къ личности преступника, любовное отношеніе къ его ненормальной психикѣ, приводило въ концѣ концовъ къ снисходительной оцѣнкѣ самого преступнаго дѣянія. Пресса, знакомя общество съ дѣятельностью суда, популяризовала его, но она, несомнѣнно, противъ воли, популяризовала иногда и преступленіе. Къ сожалѣнію состраданіе къ преступнику доводило и до возвеличенія его личности, а въ иныхъ случаяхъ и до восхваленія.

Какъ во многихъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь, повременная печать, содѣйствуя гласности суда, приносила пользу и, одно-

временно, приносила вредъ. Крупные органы повременной печати, ежемѣсячные журналы, въ особенности въ теченіе 60-хъ годовъ, держались въ рамкахъ дѣловитости и въ большинствѣ случаевъ не отводили своихъ страницъ для службы сенсаціи, на которую чѣмъ дальше, тѣмъ больше стала падка публика. И въ нихъ крупные процессы подвергались разбору, но разбору обдуманному, хотя, конечно, далеко не всегда безпристрастному. Но ежедневная пресса относилась нерѣдко къ суду легкомысленно и святое дѣло правосудія слишкомъ часто служило поводомъ для игры газетнаго остроумія и репортерскихъ хлесткихъ фразъ. Легко понять, что когда зашла рѣчь о введеніи гласности въ судахъ и логическомъ послѣдствіи ея, объ оглашеніи того, что происходило на судѣ, то правительство съ нѣкоторой нерѣшительностью разрѣшало расширеніе программъ органовъ повременной прессы въ отношеніи допущенія въ нихъ отдѣла „судебная хроника“.

Еще до введенія Судебныхъ Уставовъ обсуждался вопросъ о допустимости и желательности такого отдѣла.

Правительство неохотно разрѣшало печати касаться того, что происходило на судѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ (еще до судебной реформы) повременная печать рѣшилась коснуться запретной ранѣе области. Что отзывы о судебныхъ порядкахъ стараго режима были неблагопріятны—это понятно и, какъ позднѣе, такъ и въ то время, печать не могла отказаться отъ обобщеній; сообщая объ отдѣльныхъ случаяхъ злоупотребленій, она рисовала всѣ судебныя учрежденія исключительно густыми черными красками.

Въ 1862 году велась переписка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и Министерствомъ Юстиціи по поводу одной статьи въ газетѣ „Сѣверная Пчела“, дѣтищѣ Греча и Булгарина. Передовая статья № 96 означенной газеты содержала въ себѣ разборъ отчета Министерства Юстиціи за 1860 годъ. Приведемъ интересную выписку изъ отношенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

„Авторъ, пишетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, большею частью бездоказательно и голословно, и притомъ въ самыхъ неприличныхъ и желчныхъ выраженіяхъ, обвиняетъ нашу юстицію въ крайнихъ злоупотребленіяхъ, а приводимые изъ отчета факты подвергаетъ отчасти несправедливой критикѣ, оскорбительной

для судебныхъ мѣстъ и нарушающей уваженіе къ нашимъ законамъ по судебной части. Предпосылая общее сужденіе о томъ, что юстиція, допускающая незаконные поборы, не стоитъ ни гроша, только развращаетъ народъ, растлѣваетъ нравы и т. д., авторъ, очевидно, мѣтитъ на нашу юстицію, потому что дальше приписываетъ ей, именно, тѣ злоупотребленія, которыя заслуживали бы подобнаго порицанія, и признаетъ нашу систему правосудія никуда негодной. Хотя авторъ и утѣшается предстоящимъ вскорѣ преобразованіемъ нашего судопроизводства, но это скорѣе усиливаетъ, чѣмъ ослабляетъ ѣдкое поруганіе вообще настоящаго судебнаго устройства и въ особенности служащихъ въ этой части".

Министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что неумѣстно допускать въ печати и особенно въ весьма распространенной газетѣ, статьи, наполненныя бранью и клеветою на наши судебныя учрежденія.

Со стороны вѣдомства, которое вѣдало цензуру, Министерства Народнаго Просвѣщенія, были приняты мѣры для предупрежденія такихъ выходокъ. Если даже газета Греча рѣшалась на такія разсужденія, то чего можно было ожидать отъ журналовъ „Современникъ" и „Отечественныя Записки". Ежедневная пресса должна была ограничиться теоретическими разсужденіями о переустройствѣ судебной части. Беллетристика же взялась за описаніе существовавшихъ порядковъ. „Губернскіе Очерки" Салтыкова-Щедрина дали характеристику старыхъ судебныхъ дѣятелей, которая по красочности, конечно, далеко оставила за собой выпады Греча.

Министерство Юстиціи, съ своей стороны, признавало цензуру статей, посвященныхъ юстиціи, необходимой. Даже собственный журналъ Министерства („Журналъ Министерства Юстиціи") былъ подчиненъ надзору особаго цензора.

Въ 1862 году профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея Лохвицкій, столь извѣстный впослѣдствіи ученый и публицистъ, задумалъ приступить къ изданію юридической газеты подъ заглавіемъ „Законъ". Въ программѣ газеты былъ указанъ отдѣлъ: „Судебная Практика".

Означенный отдѣлъ долженъ былъ содержать: описаніе процессовъ и тексты судебныхъ приговоровъ судовъ всѣхъ инстанцій по дѣламъ замѣчательнымъ или по важности своей, или по

новости вопроса, или по пониманію и примѣненію закона, или, наконецъ, потому, что они представляютъ любопытную картину нравовъ извѣстной мѣстности или общественной среды, а затѣмъ, критику судебныхъ рѣшеній въ томъ размѣрѣ и съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя положены закономъ [1]).

Во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія стоялъ съ 1862 году либеральный Головнинъ, а Министерствомъ Юстиціи управлялъ Замятнинъ. Ни первый, ни второй не рѣшились допустить такого отдѣла въ газетѣ „Законъ".

Товарищъ министра юстиціи Стояновскій, подписавшій отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія, находилъ, что до осуществленія судебной реформы и опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ круга дѣйствій частныхъ юридическихъ изданій по предметамъ новаго судоустройства и судопроизводства представляется невозможнымъ утвердить программу Лохвицкаго. Проф. Лохвицкому было разрѣшено издавать газету, но съ сокращеніемъ программы.

Въ 1862 году цензоры получили особое наставленіе для цензурованія статей, касавшихся судебной части.

Въ этомъ наставленіи было сказано:

„Не дозволять печатаніе порицаній Пр. Сената и другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, не допускать разборъ такихъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ 1 и 2 степени суда, которыя, по силѣ существующаго нынѣ законодательства, могли бы быть перевершены или измѣнены судомъ высшей инстанціи.

Перепечатаніе рѣшеній судебныхъ мѣстъ дозволяется, когда рѣшеніе уже было напечатано въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ" или въ одномъ изъ офиціальныхъ журналовъ, хотя бы и не въ офиціальной части журнала".

Въ „Основныхъ Положеніяхъ" преобразованія судебной части въ п. 62 также затрагивается вопросъ о правѣ печатать

---

[1]) Въ 1862 году въ Петербургѣ издавались три органа печати, которые по характерному для того времени выраженію цензурнаго вѣдомства „относились къ вѣдомству Министерства Юстиціи". То были:

„Журналъ Министерства Юстиціи" (редакторъ: Чебышевъ-Дмитріевъ), „Юридическій Вѣстникъ", издававшійся Калачовымъ и „Юридическій Журналъ", издававшійся Салмановымъ.

и обсуждать рѣшенія судебныхъ мѣстъ. Здѣсь было сказано слѣдующее:

„Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся публично, можетъ быть напечатано, какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами, и обсуждаемо сими послѣдними въ юридическихъ журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія. Преслѣдованіе нарушеній сего правила возлагается на обязанность прокуроровъ судебныхъ мѣстъ, чѣмъ, впрочемъ, не отнимается у частныхъ лицъ право приносить куда слѣдуетъ жалобы на сдѣланное имъ оскорбленіе".

Слѣдовательно, первоначально сами творцы Судебныхъ Уставовъ полагали возможнымъ допустить обсужденіе процессовъ лишь въ юридическихъ журналахъ, а не въ общихъ органахъ повременной прессы.

20 ноября 1866 года были изданы Высочайше утвержденныя правила для печатанія рѣшеній судебныхъ установленій. Эти правила дали печати нѣсколько большій просторъ сравнительно съ указанными выше цензурными правилами 1862 года. О всемъ происходившемъ въ публичныхъ засѣданіяхъ судебныхъ установленій, а равно рѣшенія, состоявшіяся въ этихъ засѣданіяхъ, дозволено печатать во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ. Что же касается разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній, то таковые допускались лишь въ спеціальныхъ юридическихъ журналахъ и въ тѣхъ повременныхъ изданіяхъ, въ которыхъ будетъ особый отдѣлъ юридической хроники. Такъ какъ программы повременныхъ изданій утверждались правительствомъ, то отъ усмотрѣнія власти зависѣло допустить или не допустить въ повременномъ изданіи отдѣлъ „юридической хроники", и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое при рѣшеніи вопроса о допущеніи въ данномъ изданіи такого отдѣла, предварительно всегда запрашивало мнѣніе Министерства Юстиціи, далеко не всѣмъ изданіямъ разрѣшало ввести отдѣлъ такого рода. Когда въ 1867 году нѣкій учитель Артоболевскій, а затѣмъ московское юридическое общество ходатайствовали, первый о дозволеніи основать стенографическую газету „Гласный Судъ", а второе газету подъ названіемъ: „Юридическая Газета" (подъ редакціей профессора Лешкова), то Министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ были согласны въ томъ, что московское юридическое общество можетъ получить право не только на основаніе

газеты, но и право отвести особый отдѣлъ разбору судебныхъ рѣшеній. Г. Артоболевскому же было отказано въ удовлетвореніи ходатайства, такъ какъ онъ не представилъ ручательства въ томъ, что онъ отнесется къ дѣлу съ должной серьезностью.

На томъ же основаніи уже въ 1866 году было отказано въ разрѣшеніи открыть отдѣлъ „Судебная Хроника“ редактору извѣстной газеты „Голосъ“, Краевскому. Въ одномъ докладѣ департамента Министерства Юстиціи по вопросу о размѣрахъ предоставляемой повременной печати свободы подвергать сужденію судебные приговоры, департаментъ высказалъ слѣдующее мнѣніе, которое едва ли можетъ быть признано вполнѣ неосновательнымъ и въ наши дни. Въ означенномъ докладѣ [1]) мы читаемъ:

„. . Если, съ одной стороны, по отношенію къ отчетамъ судебныхъ засѣданій принято начало гласности безъ всякаго ограниченія (вышеупомянутыми правилами 1866 года), то, съ другой стороны, законодатель желалъ обезпечить серьезное и добросовѣстное обсужденіе судебныхъ рѣшеній и воспрепятствовать тому, чтобы отдѣлъ, въ которомъ должны помѣщаться эти разборы, не сдѣлался фельетономъ юридическихъ скандаловъ. Дѣйствительно, насколько полезно, какъ для правосудія, такъ и для юридическаго образованія народа, чтобы все происходившее въ судебныхъ засѣданіяхъ могло сдѣлаться извѣстнымъ публикѣ не только путемъ личнаго присутствія въ судѣ, но и путемъ печати, настолько было бы вредно дозволить всѣмъ и каждому, безъ надлежащаго знанія дѣла, обсуждать судебныя рѣшенія. Такое дозволеніе имѣло бы послѣдствіемъ лишь то, что судья, находясь подъ опасеніемъ публичнаго осужденія, дѣйствовалъ бы въ угоду той или другой журнальной партіи съ ущербомъ для правосудія, а публика, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній для надлежащей оцѣнки предложенной ей критики, введена была бы въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго смысла судебнаго рѣшенія и приведенныхъ въ немъ законовъ, вслѣдствіе чего подорвалось бы довѣріе къ новымъ судебнымъ установленіямъ, въ самомъ началѣ существованія ихъ. Уваженіе къ закону лежитъ въ основѣ общественнаго порядка, а такъ какъ судебныя рѣшенія суть спеціальные законы, то обсужденіе ихъ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 5870.

можетъ быть допущено лишь съ серьезною научною цѣлью въ предѣлахъ, обезпечивающихъ сохраненіе должнаго къ нимъ уваженія".

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вполнѣ раздѣляло точку зрѣнія Министерства Юстиціи и потому не ставило препятствій спеціальнымъ юридическимъ органамъ печати при обсужденіи судебныхъ рѣшеній, но далеко не всегда допускало введеніе отдѣла „Судебная хроника" въ программу ежедневныхъ газетъ. Серьезныя газеты безпрепятственно получали разрѣшеніе на введеніе означеннаго отдѣла. Такъ, въ 1868 году дано было разрѣшеніе на расширеніе программы въ данномъ отношеніи газетамъ „Русскія Вѣдомости" и „Москва". Характеръ обѣихъ газетъ гарантировалъ, что судебная хроника не будетъ использована для привлеченія читателей крикливыми описаніями и тенденціознымъ обсужденіемъ судебныхъ процессовъ.

Если вспомнить о томъ, какъ часто въ газетахъ судебныя дѣла были использованы бойкими репортерами или фельетонистами для набора хлесткихъ фразъ и обрисовки жирной кистью различныхъ уголовныхъ дѣлъ, то придется признать, что разсужденія въ докладѣ департамента Министерства Юстиціи были вполнѣ правильны.

Въ 1868 году въ Министерствѣ Юстиціи вновь обсуждался вопросъ о томъ, какъ обезпечить правильную и точную публикацію судебныхъ рѣшеній и оглашенія всего того, что происходило въ судѣ во время публичнаго засѣданія. Министерство колебалось: основать ли особый офиціальный судебный органъ для оглашенія рѣшеній и отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ, или предоставить право печатанія рѣшеній и отчетовъ полуофиціальнымъ или даже частнымъ повременнымъ изданіямъ.

Министръ юстиціи, графъ Паленъ, находилъ полезнымъ собрать подробныя свѣдѣнія о порядкѣ, существующемъ по сему предмету въ иностранныхъ государствахъ, и „объ отношеніи газетъ и журналовъ сего рода къ администраціи, суду, прокурорамъ и адвокатамъ".

Для изученія сего вопроса, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ западно-европейскія государства былъ командированъ одинъ изъ чиновниковъ Министерства Юстиціи Карцевъ.

О результатѣ изслѣдованій Карцева свѣдѣній въ дѣлахъ не имѣется.

Уже въ 1866 г. нѣсколько начальниковъ губерній, въ которыхъ были открыты новыя судебныя установленія, ходатайствовали передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о дозволеніи печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ извѣстія о дѣятельности этихъ установленій. Послѣ сношенія съ министромъ юстиціи, который, конечно, не встрѣтилъ препятствій къ уваженію сего ходатайства, разрѣшено (17 декабря 1866 г.) открыть въ губернскихъ вѣдомостяхъ особый юридическій отдѣлъ „для сообщенія въ немъ стенографическихъ отчетовъ о ходѣ судебныхъ засѣданій".

V. Реформы въ области администраціи, стоявшія въ связи съ судебной реформой.

Распространеніе образованія, какъ высшаго, такъ и средняго и низшаго, и освобожденіе печати отъ тѣхъ стѣсненій, которыя поставили ее въ положеніе нѣмого страдальца, были реформы, которыя должны были сопровождать судебную реформу и должны были дать русскому народу возможность подняться въ культурномъ отношеніи до уровня, равнаго тому, на которомъ должны были стоять судебныя учрежденія, какъ вѣстники права и правды. Но этихъ реформъ было недостаточно для очищенія почвы для новаго зданія; необходимо было устранить такія явленія, коихъ вопіющая несообразность бросалась всякому въ глаза, и устраненіе коихъ не встрѣчало непосильныхъ для власти препятствій. Страннымъ казалось бы, если бы преобразованному суду пришлось примѣнять всѣ жестокія наказанія, которыя Россія унаслѣдовала отъ временъ, бывшихъ изобрѣтательными при назначеніи мучительныхъ каръ, и странно было бы также, если бы суду пришлось дѣйствовать въ государствѣ, которое терпѣло, по неправильнымъ притомъ фискальнымъ расчетамъ, систему спаиванія народа скверными спиртными напитками, въ угоду откупщикамъ, державшимъ на откупѣ не только сбытъ спиртныхъ напитковъ, но и немалое количество должностныхъ

лицъ мѣстной администраціи, превратившихся въ щедро оплачиваемыхъ слугъ богачей-откупщиковъ. Гуманность въ наказаніяхъ и очищеніе атмосферы, въ которой жила администрація,— безъ этихъ реформъ глаголъ правды въ судахъ былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Далѣе всѣмъ знавшимъ дѣло было ясно, что какъ русское гражданское, такъ и русское уголовное матеріальное право были не только далеки отъ совершенства (въ этомъ отношеніи они дѣлили участь не малаго количества правовыхъ системъ Запада), но они были полны такихъ недочетовъ, которые должны были стѣснять судъ, налагать на него тяжелую обузу исканія права въ лабиринтѣ множества статей, неясныхъ, нерѣдко содержащихъ въ себѣ не юридическія нормы, а нравственныя поученія. Но пересмотръ матеріальнаго права не могъ быть совершенъ до введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ учрежденій.

Откладывать же судебную реформу до реформы матеріальнаго права—значило бы сохранить старое судебное устройство и производство еще на полустолѣтіе. Но отдѣльныя части матеріальнаго права могли быть измѣнены и до систематическаго пересмотра нашихъ, такъ называемыхъ, кодексовъ.

17 апрѣля 1863 года былъ изданъ указъ, отмѣнявшій жестокія тѣлесныя наказанія, какъ то: наказаніе плетьми, кошками, шпицрутенами, и наложеніе клеймъ. Верховная власть этимъ актомъ, наконецъ, осуществила желаніе Императрицы Елисаветы объ отмѣнѣ смертной казни, какъ наказанія, примѣняемаго не только въ исключительныхъ случаяхъ.

Извѣстно, что смертная казнь формально не была отмѣнена Елисаветой Петровной. Она продолжала существовать не только для самыхъ тяжкихъ преступленій, но, фактически, примѣнялась и тамъ, гдѣ по закону ей быть даже не полагалось, ибо кнутъ убивалъ не мало людей, а прогнаніе сквозь строй въ войскахъ было не чѣмъ инымъ, какъ квалифицированной смертной казнью. Къ тюремной реформѣ и пересмотру лѣстницы наказаній въ Уложеніи о Нак. приступлено было послѣ проведенія судебной реформы, хотя уже въ концѣ 50-хъ годовъ въ Министерствѣ Юстиціи обдумывали возможность реформъ и въ этой части законодательства.

Въ 1862 году была отмѣнена откупная система и порвана связь между мѣстной администраціей и откупщиками, которая

дѣлала всякую борьбу съ алкоголизмомъ невозможной. О примѣненіи хотя бы скромныхъ мѣръ борьбы съ язвою алкоголизма нельзя было не думать, такъ какъ столь распространенное въ Россіи „веселіе пити“ ставило не мало рекрутъ въ армію преступности.

Скромный сравнительно успѣхъ мѣръ по распространенію просвѣщенія, къ сожалѣнію, былъ причиной тому, что пьянство продолжало опустошать и деревню, и города. Процентъ преступленій, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, не понижался, а, напротивъ, имѣлъ тенденцію къ повышенію.

Какъ величайшая изъ реформъ Императора Александра II, освобожденіе крестьянъ, должна была повлечь за собой перестройку многихъ обветшалыхъ частей русскаго государственнаго зданія для того, чтобы изъ словъ, начертанныхъ на бумагѣ, превратиться въ дѣло, такъ и судебная реформа заключала въ себѣ требованія, которыя не могли найти себѣ мѣста на страницахъ Судебныхъ Уставовъ, но бывшихъ однако неизбѣжнымъ выводомъ изъ основныхъ началъ, на которыхъ она была построена.

Общеизвѣстно остроумное слово, сказанное однимъ французскимъ государственнымъ дѣятелемъ: „дайте намъ хорошую политику, и мы вамъ дадимъ хорошіе финансы“. Этотъ афоризмъ могъ быть примѣненъ mutatis mutandis при преобразованіи судоустройства и судопроизводства. Вполнѣ основательно всѣ личныя силы, призванныя къ дѣятельности въ области суда, могли сказать: дайте Россіи хорошую администрацію и вы получите не только болѣе совершенную форму суда, но и дадите суду возможность быть не изолированнымъ и поэтому недостаточно сильнымъ факторомъ въ строеніи земли на началахъ права и правды.

Однимъ изъ коренныхъ принциповъ судебной реформы было—отдѣленіе суда отъ администраціи. Однако, отдѣленіе суда отъ администраціи не могло значить, что между судомъ и администраціей будутъ порваны всѣ связи, которыя соединяютъ всѣ функціи государственной власти въ одно цѣлое, объединенное одной общей идеей служенія высшей цѣли государства: народному благу и развитію всѣхъ силъ народа, и матеріальныхъ и духовно-нравственныхъ до возможнаго совершенства. Раздѣленіе властей не означало ихъ обособленія въ чуждыя другъ другу

сферы или въ станы враждующихъ другъ съ другомъ органовъ единой Верховной власти.

Основные Государственные Законы, въ редакціи, установленной при составленіи Свода Законовъ, содержали цѣлую графу (8) „О законахъ", которая была писана не для суда одного, но столько же и для управленія.

Въ этихъ основныхъ нормахъ всѣмъ органамъ власти напоминалось, что Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ (ст. 47), что никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона (ст. 61), что законъ, въ надлежащемъ порядкѣ обнародованный, долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ (ст. 63), что законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. На столѣ каждаго присутственнаго мѣста стояло зерцало законовъ • съ знаменитымъ указомъ Петра Великаго 17 апрѣля 1722 года, содержащимъ указаніе на главный принципъ государственной жизни, отъ котораго нельзя было отказаться, разъ не отказывались отъ надежды создать въ предѣлахъ Россіи правовое государство:

„Понеже ничто такъ въ управленіи государствомъ нужно есть, какъ храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или играть ими въ карты, подбирая масть къ масти, что нигдѣ не творится, какъ у насъ и нынѣ творится и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды".

Если Императоръ Александръ II въ манифестѣ 1856 года съ высоты престола объявилъ свою державную волю, чтобы правда и милость царствовали въ судахъ, то онъ ограничился указаніемъ на судъ не потому, что онъ полагалъ, чтобы администраціи могла быть чужда правда и что о милости въ ней рѣчи быть не можетъ, а потому, что неустройство суда требовало неотложныхъ мѣръ исправленія и можно было въ двухъ словахъ опредѣлить задачу суда. Иначе обстояло дѣло съ администраціей, которая имѣла задачей не возстановленіе нарушеннаго права, а предупрежденіе его нарушенія и содѣйствіе мирному теченію общественной жизни, оказаніе помощи тамъ, гдѣ частныхъ силъ не хватало, безпрерывную заботу о томъ, чтобы

не только законныя права подданныхъ были ограждаемы, но чтобы ихъ справедливые интересы находили должное удовлетвореніе.

Судъ могъ прилагать къ оцѣнкѣ человѣческихъ дѣяній объективное мѣрило положительнаго закона; администрація должна была одновременно руководствоваться и правомъ и соображеніями цѣлесообразности и вся задача ея усовершенствованія сводилась къ тому, чтобы предупредить и ослабленіе права слишкомъ усерднымъ служеніемъ цѣлесообразности и отказъ отъ разумнаго примѣненія полномочій ссылкой на формулу закона, которая не можетъ предусмотрѣть всей пестроты явленій общественной жизни. Дореформенный судъ былъ втиснутъ въ рамки строжайшаго формализма. Со временъ Екатерины II дѣйствовало правило, включенное въ Основные Законы, согласно которымъ законы должны были быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія. Законъ возбранялъ обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій. Эти ограничительныя нормы служили почвой, на которой выросли и крючкотворство и волокита. Суду нужно было дать просторъ. Онъ и былъ данъ предоставленіемъ права судить по разуму закона. Администрація, напротивъ, привыкла смотрѣть на законъ, какъ на средство, которое можно было пустить въ ходъ когда угодно или въ качествѣ прикрасы усмотрѣнія, или тогда, когда почему либо усмотрѣніе не приводило къ цѣли: У нея было слишкомъ много простора, настолько много, что для правъ гражданъ не осталось мѣста. Сохранить этотъ просторъ, дававшій на первый взглядъ столь много силы управленію, а на самомъ дѣлѣ превращавшій его въ хрупкое оружіе, коль скоро Верховная власть требовала отъ него исполненія серьезныхъ задачъ, значило отказаться отъ мысли осуществить то, ради чего предпринята была вся судебная реформа; дать Россіи охрану права, суду гарантію, что его приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе, а гражданамъ увѣренность, что ихъ скромныя права будутъ охранены не на бумагѣ судебныхъ протоколовъ и словахъ приговоровъ, а и въ дѣйствительности. Судебные Уставы, дѣлая суды независимыми отъ администраціи, ставили судъ въ равный рангъ съ администраціей. Это равенство положенія должно было сблизить судъ съ администраціей.

Въ Основныхъ Положеніяхъ преобразованія судебной части (Часть вторая, Уголовное Судопроизводство. Общія правила) было помѣщено слѣдующее положеніе.

„Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу".

„Примѣчаніе. Административная власть принимаетъ въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры для предупрежденія и прекращенія преступленій и проступковъ."

Предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и въ дореформенный режимъ было обязанностью администраціи, или, вѣрнѣе, одной отрасли общей полиціи, по выраженію М. М. Сперанскаго.

Творецъ Свода Законовъ въ своемъ „Руководствѣ къ познанію законовъ" (СПБ. 1845 г., стр. 157) говорилъ, что весь кругъ общей полиціи заключается въ пяти дѣйствіяхъ: въ предупрежденіи нарушеній, въ пресѣченіи ихъ, въ обличеніи, въ исполненіи судебныхъ приговоровъ и въ содѣйствіи отдѣльнымъ полиціямъ (таковыми отдѣльными полиціями онъ признавалъ полицію таможенную, горную, лѣсную и т. п.).

Общая полиція, по объясненію Сперанскаго, имѣетъ кругъ вѣдомства, заключающійся въ пяти дѣйствіяхъ: въ предупрежденіи нарушеній, въ пресѣченіи ихъ, въ обличеніи, въ исполненіи судебныхъ приговоровъ и въ содѣйствіи отдѣльнымъ полиціямъ, и согласно съ родомъ дѣйствій въ Россіи имѣется полиція понудительная, судебная (которая вѣдаетъ дѣла о насильныхъ и и самовольныхъ завладѣніяхъ имущества, дѣла объ обидахъ и ущербахъ, дѣла по исполненію обязательствъ, словесно заключенныхъ), полиція слѣдственная и полиція исполнительная (исполненіе судебныхъ приговоровъ и содѣйствіе полиціямъ отдѣльнымъ).

Въ одномъ замѣчаніи, не вошедшемъ въ текстъ руководства, Сперанскій отмѣтилъ: „Всѣ установленія предписываютъ, одна полиція дѣйствительно исполняетъ. Слѣдовательно, полиція есть установленіе, посредствомъ коего всѣ другія установленія входятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ; она одна имѣетъ исключительно власть исполненія."

Безъ этой исполнительной власти и судъ не могъ обойтись, а полиція, организованная на началахъ Екатерининскаго зако-

нодательства, не удовлетворяла никого, независимо отъ низкаго нравственнаго своего уровня.

Преобразованный судъ не могъ имѣть своей помощницей полицію, сохранившую еще отчасти сословный оттѣнокъ, чрезмѣрно сильную, коль скоро она рѣшалась обрушиться на гражданина, не принадлежавшаго къ высшимъ кругамъ общества, недосягаемымъ даже въ случаѣ совершаемаго въ ихъ средѣ несомнѣннаго преступленія, и слабую, если ей приходилось безпристрастно и нелицепріятно приводить въ исполненіе судебные приговоры или общее требованіе закона. Дореформенная полиція, притомъ, исполняла не только административныя, но и судебныя задачи. Не только предварительное слѣдствіе было ей ввѣрено; она судила мелкіе проступки, рѣшала мелкія тяжебныя дѣла. Полицейскіе съѣзжіе дома въ городахъ, служебныя помѣщенія, въ коихъ засѣдали управы благочинія и земскіе суды, г.г. исправники, городничіе, становые пристава и т. д. были мѣстами, въ коихъ производился судъ настолько патріархальный, что и судящіе и подсудимые забывали о существованіи законовъ и знали только отеческое усмотрѣніе и дѣтскую покорность. Правда, въ 1837 г. было издано положеніе о земской полиціи, но эта реформа органичилась въ сущности введеніемъ новаго органа патріархальной полиціи, станового пристава, который относительно простоты своихъ пріемовъ совсѣмъ не отличался отъ исправниковъ или городничихъ. Общественный элементъ, представленный въ засѣдателяхъ, конечно, не вносилъ дисгармоніи въ дѣйствіе охранителей порядка, ибо участіе ихъ въ дѣлахъ полицейскаго суда сводилось къ приложенію своей покорной руки къ протоколамъ, а то даже къ метенію комнатъ и сидѣнію въ сѣняхъ. Они служили менѣе за совѣсть, нежели за страхъ. О томъ, какъ органы полиціи, начиная отъ высшихъ, и кончая мелкими служащими—будочниками, сотскими, десятскими — кормились отъ дѣлъ, ходили по всей Россіи разсказы, въ которыхъ проглядывало рѣдко раздраженіе, а чаще всего добродушное примиреніе съ неизбѣжнымъ зломъ, настолько обычнымъ, что „охраняемый“ обыватель отказался отъ надежды на возможность узрѣть иные порядки.

Уже въ концѣ 50-хъ годовъ правительство рѣшило преобразовать полицію. При Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ была

образована комиссія подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина для начертанія проекта преобразованія полиціи. Благодаря учрежденію должности судебныхъ слѣдователей полиція была устранена отъ производства уголовныхъ слѣдствій и за ней оставили только обязанность производства дознаній. Въ Высочайшемъ указѣ 25 декабря 1862 г., въ коемъ указывалось на безусловную необходимость преобразованія полиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуто, что „сіе важное дѣло можетъ воспріять окончательное свое совершеніе", когда изданы будутъ составленные по Высочайшему повелѣнію и имѣющіе непосредственную связь съ нимъ уставы судоустройства и судопроизводства.

Въ этотъ день изданы Временныя правила объ устройствѣ полиціи [1]), въ силу которыхъ совершилось объединеніе уѣздной полиціи съ городской (за исключеніемъ болѣе крупныхъ городскихъ центровъ, въ коихъ образовано особое городское полицейское управленіе). Такъ какъ содержаніе полицейскихъ чиновъ было увеличено, то правительство надѣялось, что взяточничество если не исчезнетъ окончательно, то сократится по крайней мѣрѣ. Однако, плохое состояніе финансовъ, при одновременномъ возрастаніи расходовъ, не позволило ни увеличить количество полицейскихъ органовъ въ той мѣрѣ, какъ того требовали громадные размѣры территоріи, ни обставить полицейскую службу такими условіями, которыя дѣлали ее мало мальски привлекательной для лицъ съ болѣе высокимъ образованіемъ. Умственный уровень служащихъ въ полиціи едва ли повысился, а о значительномъ повышеніи нравственнаго уровня рѣчи не было. Полиція, помощница суда, далеко не удовлетворяла требованіямъ, которыя и государственная власть и общество должны были къ ней предъявлять.

Освобождая полицію отъ обязанностей по производству предварительнаго слѣдствія,—правительство признало необходимымъ замѣнить полицейскій судъ—мировыми судами, которые въ странѣ съ обширной территоріей, и рѣдкимъ населеніемъ должны были удовлетворять потребности въ органѣ близкомъ къ населенію и быстро, безъ излишнихъ формальностей рѣшать мелкія дѣла, возникающія въ будничной жизни (намѣченныя къ образованію новыя судебныя учрежденія не могли быть

---

[1]) 2-е П. С. З., № 39.087.

столь многочисленными, какъ было желательно, ибо для многочисленныхъ окружныхъ судовъ не хватало ни личныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ).

Въ апрѣлѣ 1859 года Совѣтъ Министровъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, выслушалъ журналъ комиссіи учрежденной по Высочайшему повелѣнію для разсмотрѣнія отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 г.; комиссія указала на рядъ недостатковъ судопроизводства по дѣламъ маловажныхъ преступленій и проступковъ, которые вѣдались преимущественно полиціей. Государь Императоръ повелѣлъ передать означенный журналъ во II Отдѣленіе Собст. Е. И. В. Канцеляріи для принятія въ соображеніе его при начертаніи проекта новаго устава судопроизводства уголовнаго. Проектъ, какъ извѣстно, вырабатывался подъ руководствомъ Блудова.

Указанная выше комиссія полагала въ видахъ устраненія медленности производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, которая приводитъ къ тому, что арестанты подолгу содержатся въ мѣстахъ заключенія и въ нихъ теряютъ остатокъ нравственности и обременяютъ казну безполезнымъ содержаніемъ, расширить компетенцію судовъ полицейскихъ, рѣшающихъ дѣла въ сокращенномъ порядкѣ.

Главноуправляющій же II Отдѣленіемъ всталъ на противоположную точку зрѣнія и доложилъ Государю Императору, что Имъ уже были утверждены основныя начала для устройства уѣздной полиціи и что однимъ изъ этихъ основныхъ началъ было—отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной и ограниченіе дѣятельности полиціи исключительно полицейскими обязанностями. Слѣдовательно, расширеніе судебной компетенціи полиціи было бы отступленіемъ отъ этого начала. Блудовъ предложилъ учредить въ каждомъ уѣздѣ „малый судъ“, болѣе близкій къ мѣсту, въ коемъ совершено маловажное преступленіе и введеніе въ этомъ маломъ судѣ сокращеннаго судопроизводства. Къ обязанностямъ сихъ судовъ, по его мнѣнію, можно было отнести и рѣшеніе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Эти малые суды должны были называться мировыми судами.

Императоръ Александръ II призналъ мысли Блудова заслуживающими особеннаго вниманія.

Мировые суды по проекту Блудова должны были быть улучшенными полицейскими судами и должны были находиться въ

подчиненіи высшихъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Извѣстно, что мировыя судебныя учрежденія, созданныя Судебными Уставами 1864 г., построены на началахъ, не сходныхъ съ проектомъ Блудова [1]).

Какъ судебная реформа, такъ и почти одновременное учрежденіе земскаго самоуправленія (и слѣдовавшая за ней реформа общественнаго самоуправленія въ городахъ) освободили полицію отъ ряда обязанностей, на ней лежащихъ. Правда, и послѣ этихъ реформъ полиція несла множество обязанностей и съ полнымъ основаніемъ все снова подымался вопросъ объ освобожденіи ея отъ сложныхъ и поистинѣ нерѣдко непосильныхъ трудовъ, которые не оказываясь особенно полезными для общества, обременяли полицію массою мелкихъ дѣлъ, препятствуя ей сосредоточиться на тѣхъ обязанностяхъ, которыя соотвѣтствуютъ ея организаціи.

Судебная реформа, на которую немало органовъ полиціи смотрѣло косо, вводя начало равенства всѣхъ передъ судомъ, должна была упрочить и положеніе полиціи, которое, несмотря на кажущееся всемогущество полицейскихъ органовъ, было очень шаткимъ. Полиція пользовалась еще меньшимъ уваженіемъ, нежели дореформенные суды.

Она, правда, внушала страхъ, но страхъ условный, въ зависимости отъ того, насколько органъ полиціи стоялъ выше того, надъ кѣмъ онъ обнаруживалъ свою власть [2]). „Мужика, говоритъ авторъ этой статьи, стращила власть станового, котораго помѣщикъ не пускалъ къ себѣ дальше передней. Онъ кланялся въ ноги исправнику, который въ свою очередь меньше боялся выговоровъ губернскаго правленія, нежели чиновнаго барина, съ котораго ему приходилось производить взысканіе. Отъ этого само собою установилось такое отношеніе администрируемыхъ къ администраторамъ, что представители полицейской власти служили источникомъ всякой бѣды для однихъ лицъ и посмѣшищемъ для другихъ".

Судебныя учрежденія новаго строя взяли и полицію подъ свою защиту. „И долго бы еще пришлось всѣмъ должностнымъ лицамъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, подвергаться всей не-

---

[1]) Сен Арх., дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 4892.

[2]) Ср. статью „Судъ и Полиція" въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы 1868 г.

выгодѣ завѣщанной старымъ порядкомъ вещей, если бы на помощь къ нимъ не явилось судебное преобразованіе". „Его значеніе, въ этомъ отношеніи, заключается прежде всего въ томъ, что со дня открытія новаго суда административная власть отдѣлена отъ судебной, и этимъ не только той и другой дана необходимая свобода въ законныхъ дѣйствіяхъ, но еще и уничтожено вмѣшательство административной власти въ дѣла судебныя, такъ часто подвергавшія ее справедливымъ нареканіямъ и отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ административной власти дана возможность прибѣгать къ содѣйствію скораго суда всякій разъ, когда представители ея подвергаются оскорбленіямъ или нападеніямъ со стороны частныхъ лицъ и при томъ пользуются всѣми выгодами суда публичнаго, гласнаго, при которомъ дѣйствія должностныхъ лицъ и частныхъ лицъ одинаково подвергаются оцѣнкѣ со стороны общества. Виновный несетъ нерѣдко не только заслуженное имъ законное возмездіе, но еще и подвергается карѣ общественнаго мнѣнія".

Если суду приходилось имѣть дѣло съ оскорбленіемъ органовъ полиціи при отправленіи служебныхъ обязанностей, то виновные, независимо отъ чина и званія, подвергались наказанію и судъ выносилъ оправдательный приговоръ лишь въ томъ случаѣ, если было доказано, что дѣйствіе полиціи было незаконное или что органъ полиціи самъ позволилъ себѣ оскорбить частное лицо [1]). Такое отношеніе суда къ дѣламъ этого рода содѣйствовало оздоровленію атмосферы, въ которой дѣйствовала полиція.

Но правильное взаимоотношеніе суда и полиціи, требовало еще одной мѣры, которая не была принята. Полиція въ правовомъ государствѣ или государствѣ, стремившемся стать правовымъ, должна руководствоваться закономъ. Но каковы были законы, которые опредѣляли задачи и порядокъ дѣйствія полиціи, кругъ ея полномочій и права по отношенію къ обывателямъ? Между законами, трактовавшими о полиціи и Судебными Уставами лежала цѣлая пропасть. Судебные Уставы были памятникомъ законодательства XIX столѣтія, отличались ясностью редакціи и стройностью своей системы. Мелкіе недочеты не

[1]) Ср. замѣчаніе министра юстиціи на журналѣ Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 7187.

вредили ихъ несомнѣнному высокому достоинству. Судъ могъ, съ увѣренностью найти необходимое руководящее указаніе, обращаясь къ этой системѣ нормъ. Полиція же имѣла дѣло съ узаконеніями, которыя были созданы въ XVIII столѣтіи. Достаточно напомнить Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, въ основѣ котораго лежалъ уставъ благочинія Императрицы Екатерины II, т. е. законъ, въ которомъ, сообразно съ нравоучительными наклонностями Великой Императрицы, этическія нормы перемѣшаны были съ далеко неточными юридическими нормами и въ которомъ благонамѣренный пафосъ затемнялъ юридическую опредѣленность. Эти полицейскіе законы могли съ грѣхомъ пополамъ удовлетворить людей патріархальныхъ временъ, когда города были малолюдны, когда населеніе и г.г. градоправители понятія не имѣли о томъ, чего требуетъ упорядоченіе жизни въ городахъ со скученнымъ населеніемъ, и когда въ селахъ господствовала даровая полицейская сила помѣщика. Полиція читала во II томѣ Св. Законовъ такія нравоученія: „Полиція выслушиваетъ всѣхъ безъ изъятія: убогихъ, богатыхъ, сильныхъ, безсильныхъ, знатныхъ и незнатныхъ“ (ст. 3960) или „Полиція приводитъ всякаго къ предписанному законами исполненію, несмотря ни на какое лицо“ (ст. 3959, изд. 1857 г.) или находила въ XIV томѣ такіе законы, которые смотря по толкованію каждаго отдѣльнаго чина, могли послужить основаніемъ и къ мирному созерцанію всего того, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ въ упованіи, что все образуется само собой, или для инквизиторскаго вмѣшательства въ интимнѣйшія стороны человѣческой жизни.

Ст. же 29 Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьми постановляла: „за неисполненіе законныхъ требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда симъ уставомъ не опредѣлено за то иного наказанія, виновный подвергается и т. д.“. Сенатъ же (рѣшеніе Уголовн. кас. деп. 1867 г.) разъяснилъ, что изъ сей статьи слѣдуетъ: „что ежели судъ имѣетъ право подвергать взысканію виновныхъ въ неисполненіи лишь законныхъ требованій полиціи, то полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана по требованію суда представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованія. Эти доказательства судъ имѣетъ право уважить или

признать недостаточными". Это разъясненіе Сената было логически вполнѣ правильно. Иного онъ и вынести не могъ, но полиція далеко не всегда могла себѣ выяснить, что законно, что незаконно, именно вслѣдствіе своеобразнаго характера тѣхъ частей Свода Законовъ, въ которыхъ содержались нормы полиціи безопасности и благоустройства.

Это смѣшеніе въ нашемъ законодательствѣ нравственныхъ совѣтовъ и юридическихъ нормъ, административныхъ распоряженій, которыя должны по необходимости имѣть характеръ временныхъ нормъ, и постоянныхъ законовъ, смѣшеніе, которое ставило въ затруднительное положеніе всѣ органы администраціи, начиная отъ министровъ и губернаторовъ и кончая исправниками, становыми или полиціймейстерами и ихъ подчиненными, насколько послѣдніе вообще удосуживались заглядывать въ Сводъ Законовъ,—было роковымъ недостаткомъ. Правительство сознавало это, и одновременно съ приступомъ къ реформамъ, одинъ изъ птенцовъ Сперанскаго, баронъ М. А. Корфъ, главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, составилъ проектъ пересмотра Свода съ цѣлью исключенія изъ него всѣхъ постановленій, не составляющихъ законовъ въ собственномъ смыслѣ. Но это столь важное именно въ виду судебной реформы дѣло не двинулось и осталось невыполненнымъ. За изданіемъ Судебныхъ Уставовъ должно было по необходимости слѣдовать изданіе полицейскаго устава, составленнаго соотвѣтственно духу и редакціи законовъ, по коимъ дѣйствовалъ судъ. Полицейскій уставъ не былъ составленъ и изданъ и понятно, что двѣ власти, изъ коихъ одна имѣла въ своихъ рукахъ кодексъ XIX столѣтія, а другая не то законъ, не то полицейскій катехизисъ XVIII в. должны были столкнуться другъ съ другомъ. Онѣ и столкнулись. Въ особенности огорчало полицію предоставленное суду право давать полиціи предостереженія въ случаѣ замѣченныхъ при производствѣ дѣлъ въ судѣ незаконности ея дѣйствій. Препирательства между судебной и административной властью начались уже немедлено послѣ введенія въ силу Судебныхъ Уставовъ. Объ этихъ столкновеніяхъ, которыя и привели къ тому, что въ административныхъ слояхъ начали сперва съ сомнѣніемъ въ правильности, а затѣмъ и несомнѣнно враждебно относиться къ дѣятельности суда, будетъ сказано въ другомъ отдѣлѣ труда. Поэтому мы и

воздержимся отъ описанія этихъ столкновеній и объясненія ихъ послѣдствій.

Но мы считаемъ необходимымъ остановиться на одномъ документѣ, относящемся къ первымъ годамъ послѣ введенія новыхъ судебныхъ установленій, на интересной докладной запискѣ одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей полиціи тѣхъ временъ, ген.-адъютанта Трепова, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера съ 1866 по 1878 г.г., лица, несомнѣнно содѣйствовавшаго тому, что столица хотя бы въ нѣкоторой степени пообчистилась и приняла болѣе порядочный видъ.

19 октября 1868 г. ген.-адъютантъ Треповъ вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запиской, въ коей онъ описалъ то странное по его мнѣнію положеніе, въ которое полиція была поставлена къ суду послѣ судебной реформы [1]).

Записка Трепова составлена въ судебномъ отдѣленіи канцеляріи оберъ-полиціймейстера и отличается отъ обыкновенныхъ рапортовъ органовъ полиціи тѣмъ, что авторъ старается встать на принципіальную точку зрѣнія и развертываетъ весьма интересную картину тогдашнихъ недоумѣній въ средѣ полиціи послѣ того, какъ она очутилась лицомъ къ лицу съ новымъ судомъ.

Генералъ-адъютантъ Треповъ писалъ:

„Введеніе въ дѣйствіе судебной реформы въ С.-Петербургѣ послѣдовало на первыхъ порахъ вступленія моего въ должность с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Такимъ образомъ мнѣ представилась полная возможность не только постоянно шагъ за шагомъ слѣдить за развитіемъ взаимныхъ отношеній юстиціи и полиціи, но и, по званію моему, принимать дѣятельное участіе въ установленіи этихъ отношеній. Основною руководительною мыслью моею при этомъ было то, что какъ ни новы были начала настоящаго порядка судопроизводства и потому, какъ бы труднымъ ни представлялось согласованіе съ ними существовавшей до того времени административной практики, несомнѣнны казались возможность и даже необходимость этого согласованія. Ставъ на такую точку зрѣнія, я постоянно наставлялъ дѣятельность столичной полиціи въ этомъ смыслѣ. Конечно не обошлось на дѣлѣ безъ недоумѣній, болѣе или ме-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 1991. Оно озаглавлено: „По поводу предъявленныхъ разными административными властями затрудненій въ примѣненіи Судебныхъ Уставовъ".

нѣе важныхъ затрудненій, возникали къ сожалѣнію и столкновенія. Тѣмъ не менѣе эти обстоятельства не могли привести меня къ убѣжденію въ невозможности примиренія основныхъ началъ новаго судопроизводства съ требованіями администраціи. Поэтому въ совѣщаніи нѣкоторыхъ г. г. министровъ, происходившемъ въ прошедшемъ году по поводу заявленныхъ разными административными властями затрудненій въ примѣненіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, мною высказано было убѣжденіе, что общій смыслъ статей Уставовъ, опредѣляющихъ отношенія полиціи къ судебному вѣдомству, существо дѣятельности полиціи и самое значеніе сей послѣдней въ ряду прочихъ установленій достаточно указываютъ на ея права и обязанности, вслѣдствіе чего встрѣчающіяся затрудненія должны сами собою устраниться при правильномъ толкованіи и примѣненіи постановленій Уставовъ. Для сего, по мнѣнію моему, недостаточно однихъ инструкцій и циркуляровъ административнаго начальства, въ коихъ подчиненные исполнители могли бы находить правильное истолкованіе постановленій Уставовъ, ибо во многихъ случаяхъ неправильное пониманіе ихъ поддерживается въ чинахъ полиціи нѣкоторыми лицами судебнаго вѣдомства, усвоившими себѣ такой же взглядъ и проводящими его на практикѣ. Потому я полагалъ необходимымъ принять такую мѣру къ устраненію подобныхъ затрудненій, которая имѣла бы послѣдствіемъ правильное пониманіе и примѣненіе постановленій Уставовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія юстиціи и полиціи не только со стороны чиновъ сей послѣдней, но и со стороны лицъ судебнаго вѣдомства и чиновъ прокурорскаго надзора, такъ чтобы дѣйствіе сихъ законовъ было бы однообразно и постоянно, а не находилось бы въ зависимости отъ личнаго воззрѣнія исполнителей. Въ частности помянутыя затрудненія касаются преимущественно дѣла преслѣдованія и раскрытія преступленій, и въ этомъ отношеніи мною выражено, что какъ бы ни были разграничены въ законѣ розыскъ отъ предварительнаго слѣдствія, на дѣлѣ они по необходимости, по силѣ самыхъ вещей, до того тѣсно связаны, что часто совершенно сливаются, вслѣдствіе чего можно положительно сказать, что безъ согласной дѣятельности слѣдователей и полиціи, при взаимномъ недовѣріи и антагонизмѣ, обнаруженіе преступленія рѣшительно немыслимо“.

Генералъ-адъютантъ Треповъ указывалъ затѣмъ на то, что право, предоставленное судебному слѣдователю (ст. 433 Уст. Уг. Суд.) требовать личной явки свидѣтелей въ свою камеру для допроса примѣнялось слѣдователями и по отношенію къ главѣ полиціи, заваленному дѣлами и принужденному благодаря этимъ вызовамъ отрываться отъ служебныхъ дѣлъ въ ущербъ полицейской службѣ. Чѣмъ дѣятельнѣе начальникъ полиціи, тѣмъ больше можетъ находиться дѣлъ, имъ возбужденныхъ у мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей, слѣдовательно тѣмъ чаще ему приходится фигурировать въ качествѣ свидѣтеля. Треповъ требовалъ отмѣны этого постановленія или введенія въ законъ оговорки въ томъ смыслѣ, что оберъ-полиціймейстеръ долженъ быть освобожденъ отъ такой обязанности (вскорѣ ст. 433 и была измѣнена въ смыслѣ предоставленія лицамъ опредѣленнаго служебнаго положенія нѣкоторой льготы). Затѣмъ генералъ перешелъ къ изложенію доводовъ, которые должны были доказать, что ст. 29 Уст. о нак., нал. мир. суд., необходимо требуетъ разъясненія, охраняющаго полицію противъ слишкомъ формальной оцѣнки закономѣрности дѣйствій со стороны мирового судьи. Онъ указывалъ на то, что въ законодательствѣ отсутствуетъ точное опредѣленіе понятія „законность распоряженій администраціи". Положеніе полиціи, по мнѣнію Трепова, стало особенно тяжелымъ послѣ того, какъ Сенатъ разъяснилъ, что полиція обязана доказать законность своихъ требованій, а судья имѣетъ право уважить доказательство или признать его недостаточнымъ. По мнѣнію оберъ-полиціймейстера суду въ этомъ случаѣ представляются два исхода: или онъ можетъ признать достаточнымъ лишь то доказательство, которое состоитъ въ указаніи прямой статьи закона, устанавливающей извѣстную обязанность, или судъ, рѣшая вопросъ о виновности лица, привлеченнаго къ отвѣтственности по требованію полиціи, можетъ руководствоваться своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и признать виновность, когда требованіе полиціи хотя и не основано на буквальномъ смыслѣ закона, но представляется законнымъ по своему внутреннему содержанію, т.-е. соотвѣтствуетъ существу правъ полиціи, выводимыхъ изъ совокупнаго смысла полицейскихъ законовъ, цѣли и назначенія полиціи, какъ органа власти правительственной. И первый и второй путь рѣшенія вопроса сопряженъ для полиціи съ боль-

шими затрудненіями и въ концѣ концовъ затруднительное положеніе ея отражается и на интересахъ всего населенія, такъ какъ полиція лишается возможности принять мѣры, необходимыя для безопасности и благоустройства жизни лишь потому, что наше законодательство по вопросамъ полицейскимъ не развилось до уровня, требуемаго сложностью жизни, въ особенности въ большихъ городахъ. Недостатокъ нашего законодательства въ этомъ отношеніи сталъ еще болѣе ощутительнымъ со времени разграниченія власти судебной и административной. Въ особенности неумѣстно было бы предоставить суду рѣшать вопросъ о законности требованія полиціи по своему внутреннему убѣжденію, такъ какъ въ такомъ случаѣ усмотрѣнію различныхъ судей былъ бы открытъ слишкомъ большой просторъ. Такой способъ рѣшенія вопроса о законности или незаконности требованій полиціи не соотвѣтствовалъ бы значенію администраціи, ибо онъ привелъ бы къ тому, что судъ подчинилъ бы себѣ администрацію, нарушено было бы начало отдѣленія суда отъ управленія.

Единственный исходъ изъ этого затрудненія, по мнѣнію Трепова, заключался въ предоставленіи полицейскимъ распоряженіямъ и постановленіямъ, исходящимъ отъ главы полиціи законо-обязательной для всѣхъ силы, такъ, чтобы исполненіе ихъ было обязательнымъ для всѣхъ, а неисполненіе ихъ почиталось бы проступкомъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 29 Уст. о наказ. до той поры, пока такое распоряженіе не будетъ отмѣнено или издавшимъ постановленіе административнымъ начальствомъ или Сенатомъ. Осуществленіе этого предположенія, по мнѣнію Трепова, не могло бы повлечь за собою стѣсненія правъ частныхъ лицъ, ибо каждому представляется возможность обратиться въ Сенатъ съ просьбою объ отмѣнѣ неправильнаго по мнѣнію его полицейскаго требованія.

Наконецъ, Треповъ предлагалъ предоставить полиціи право, въ случаѣ упорства частнаго лица, къ коему обращено требованіе полиціи, привести его въ исполненіе за счетъ виновнаго. Требованія предъявляются въ интересахъ общественности, а лицо, не желающее имъ подчиниться, обыкновенно находитъ для себя болѣе выгоднымъ подчиниться денежному взысканію, въ 15 рублей, къ коему оно присуждается судьей, нежели исполнить то, что отъ него требуется.

Записка генералъ-адъютанта Трепова была препровождена къ министру юстиціи графу К. И. Палену.

Отвѣтъ министра юстиціи тѣмъ интересенъ, что въ немъ чуть ли не впервые предложено учрежденіе органа административной юстиціи въ прямомъ значеніи слова, т.-е. органа коллегіальнаго для каждой губерніи, который бы разрѣшалъ жалобы частныхъ лицъ на нарушеніе ихъ правъ обязательными постановленіями и распоряженіями административной власти.

Министръ юстиціи высказалъ сперва нѣсколько общихъ соображеній по вопросу о томъ: какъ съ одной стороны обезпечить полиціи возможность осуществленія ея задачи дѣятельнымъ образомъ охранять безопасность и благоустройство, а затѣмъ, съ другой стороны, оградить и частныхъ лицъ противъ требованій полиціи явно незаконныхъ. Министръ признавалъ, что напередъ нельзя опредѣлить законность полицейскихъ постановленій по внутреннему ихъ содержанію и что законность постановленій полиціи должна быть поставлена въ зависимость отъ наличности извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ.

Судъ можетъ ихъ признать законными лишь тогда, когда они исходятъ отъ власти, уполномоченной на изданіе общеобязательныхъ постановленій, когда они изданы въ предѣлахъ вѣдомства данной власти, опредѣленныхъ закономъ и если они объявлены въ порядкѣ, которымъ обусловливается вообще вступленіе постановленія въ обязательную силу.

Министръ юстиціи предлагалъ предоставить право издавать общеобязательныя постановленія въ губерніи—губернатору, въ уѣздѣ—исправнику, въ столицахъ—оберъ-полиціймейстерамъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности представлять свои распоряженія своему непосредственному начальству въ іерархическомъ порядкѣ. Отъ начальства зависѣла бы отмѣна или измѣненіе тѣхъ изъ нихъ, которыя оказались бы несоотвѣтствующими дѣйствующимъ законоположеніямъ или вообще неправильными.

Затѣмъ слѣдовало опредѣлить срокъ, съ котораго постановленія должны почитаться вошедшими въ законную силу, предоставить частнымъ лицамъ, права которыхъ могутъ быть нарушены этими постановленіями и распоряженіями, приносить на нихъ жалобы тѣмъ властямъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ отмѣна и, наконецъ, учредить при губернаторѣ совѣтъ изъ начальниковъ губернскихъ управленій, къ предметамъ вѣдомства кото-

раго отнести разсмотрѣніе представленій начальниковъ уѣздовъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, предварительное обсужденіе постановленій, издаваемыхъ властью самихъ губернаторовъ, разсмотрѣніе жалобъ частныхъ лицъ на распоряженія начальниковъ уѣздовъ и, наконецъ, разрѣшеніе вопросовъ о преданіи суду за преступленія должности лицъ административнаго вѣдомства, подчиненныхъ губернаторамъ.

Что же касается отношенія суда къ администраціи, то, по мнѣнію министра юстиціи, слѣдовало бы опредѣлить въ точности гдѣ предѣлы судебной власти относительно опредѣленія законности постановленій и распоряженій правительственныхъ и полицейскихъ властей при примѣненіи ст. 29 Уст. о нак. и указать, что они ограничиваются лишь правомъ удостовѣриться въ томъ: исходятъ ли они отъ лицъ на то уполномоченныхъ, не отмѣнены ли они подлежащимъ начальствомъ и распубликованы ли они въ должномъ порядкѣ во всеобщее свѣдѣніе. Высшею инстанціей по рѣшенію этихъ вопросовъ долженъ былъ быть I департаментъ Пр. Сената.

Министръ высказалъ желаніе о составленіи подробнаго законопроекта по затронутымъ предметамъ и заявилъ, что подробно онъ выскажетъ свое мнѣніе при обсужденіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ [1]).

Н. М. Коркуновъ [2]) говоритъ по поводу соображеній гр. Палена: „Безъ сомнѣнія, предположеніе о предоставленіи администраціи права издавать указы въ подобныхъ условіяхъ можетъ быть объяснено лишь совершенною новизною и невыясненностью вопроса. Такъ, совершенно несообразнымъ представляется предположеніе о присвоеніи указамъ административныхъ властей „обязательной силы закона“. Вѣроятно и самъ гр. Паленъ не думалъ дѣйствительно сказать того, что вытекаетъ, какъ необходимый выводъ, изъ такого опредѣленія. Вѣдь, если постановленіемъ административныхъ властей „присвояется обязательная сила закона“, значитъ, ими могутъ быть отмѣняемы и законы. Однако, все-таки дѣло не сводилось тутъ только къ неудачному выраженію. Министерство Юстиціи, очевидно, хотѣло дѣйствительно придать этимъ постановленіемъ въ отношеніи къ суду такую формальную силу,

---

[1]) Записка генералъ-адъютанта Трепова напечатана въ „Матеріалахъ, собранныхъ комиссіей о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ“. Отдѣлъ админ. Ч. I. 1870. Отд. 10.

[2]) „Указъ и Законъ“. Спб. 1894 г., стр. 338 и слѣд.

какую имѣютъ законы, не подлежащіе критикѣ суда по содержанію. Точно такъ же и относительно административныхъ постановленій предѣлы судебной власти ограничиваются лишь правомъ удостовѣриться надлежащимъ ли порядкомъ они изданы — и только. Судебный контроль содержанія указовъ тѣмъ самымъ совершенно устранялся. Судъ былъ бы обязанъ карать нарушителей всѣхъ, даже явно незаконныхъ указовъ, разъ они созданы надлежащимъ образомъ. По остроумному замѣчанію Градовскаго, при такихъ условіяхъ взаимное соотношеніе полиціи и суда выражалось въ формулѣ: „Полиція указала, судъ приговорилъ".

Послѣдующее законодательство вооружило администрацію, какъ центральную, такъ и мѣстную весьма широкою распорядительною властью. Она получила право издавать распоряженія не только въ исполненіе, но и въ развитіе закона. Контроль же суда не расширился, а остался въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, которыя были установлены въ 1864 г.

Ст. 29 Уст. о нак. осталась по существу неизмѣненной, несмотря на то, что и въ слѣдующее время полицейскія власти выражали свое недовольство тѣмъ ограниченіемъ, которое она ставила усмотрѣнію административной власти.

Что же касается другой нормы Судебныхъ Уставовъ, на примѣненіе коей жаловалась администрація, а именно ст. 53 Уст. Уг. Суд., то она, какъ извѣстно, была замѣнена въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта 18 декабря 1879 г. правиломъ, что въ случаѣ неисполненія полиціей обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мирового судьи, послѣдній сообщаетъ о томъ прокурору окружнаго суда (или его товарищу), который даетъ дальнѣйшее направленіе дѣлу въ порядѣ ст. 485 Уст. Уг. Суд.

Екатерининскій строй судебныхъ и административныхъ учрежденій, присужденный къ преобразованію, наравнѣ съ многими недостатками, изъ которыхъ главнымъ и общепризнаннымъ было отсутствіе должной независимости суда отъ администраціи (что было признано всѣми), включалъ въ себѣ одно учрежденіе, которое при надлежащей своей постановкѣ и должной поддержкѣ со стороны власти, могло имѣть хорошее вліяніе на администрацію, но которое должно было при проведеніи судебной реформы или исчезнуть, или быть замѣнено

другимъ. То была прокуратура, олицетворенная въ губернскихъ прокурорахъ и подчиненныхъ имъ стряпчихъ. Екатерининская прокуратура, созданная учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. и замѣнившая отчасти прокуратуру Петра Великаго, должна была быть по мысли законодательства окомъ закона, органомъ надзора, слѣдящимъ за закономѣрностью дѣйствій не только судебныхъ, но и административныхъ учрежденій.

Согласно „Учрежденію о губерніяхъ“ губернскій прокуроръ и подчиненные ему стряпчіе смотрятъ и наблюденіе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка, закономъ опредѣленнаго, и въ производствѣ и въ отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣлость власти, установленій и интереса Императорскаго Величества, наблюдаютъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не собиралъ, и долгъ имѣютъ истреблять повсюду „зловредные взгляды“. Буде, сказано далѣе, „губернскій прокуроръ гдѣ усмотритъ злоупотребленія, противныя законамъ, учрежденіямъ или указамъ, то долженствуетъ о томъ (прилично по тому случаю) напамятовать и увѣдомить намѣстническое правленіе и генералъ-прокурора, дабы злоупотребленія исправлены были“.

По Своду Законовъ губернскіе прокуроры и подчиненные имъ стряпчіе сохранили эту функцію, и кромѣ того обязаны были охранять интересы казны, заботиться о т. н. безгласныхъ уголовныхъ дѣлахъ и объ интересахъ безпомощныхъ лицъ (несовершеннолѣтнихъ, глухонѣмыхъ, содержащихся подъ стражей). Они присутствовали въ засѣданіяхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, давали заключенія по дѣламъ, просматривали журналы и постановленія присутственныхъ мѣстъ; пропускали ихъ, если не находили ничего незаконнаго, и имѣли право пріостанавливать исполненіе постановленія, если находили его незаконнымъ.

Правда, на дѣлѣ роль губернскихъ прокуроровъ и тѣмъ болѣе стряпчихъ была не блистательна и далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ законодателя. Просмотръ журналовъ и постановленій сводился въ большинствѣ случаевъ къ пустой формѣ. Губернская прокуратура не занимала достаточно независимаго положенія, въ особенности послѣ того, какъ главные начальники вѣдомства эмансипировались отъ власти генералъ-прокурора. Въ должности прокуроровъ рѣдко встрѣчались хорошо подготовленные юристы и фактическая зависимость ихъ отъ

главныхъ мѣстныхъ начальниковъ, губернаторовъ, сказывалась на каждомъ шагу. Закономѣрности имъ водворить не удалось и зловредныхъ нравовъ они не устранили. Но что губернская прокуратура могла имѣть и полезное вліяніе доказываетъ дѣятельность такихъ губернскихъ прокуроровъ, какъ Фришъ въ Астрахани, Ровинскій въ Москвѣ, Н. П. Семеновъ въ Вильнѣ. При лучшей обстановкѣ этой должности, она дала бы и лучшіе результаты. Нужно было только дать прокурорамъ должную независимость, повысить ихъ въ рангѣ и назначать прокурорами по возможности юристовъ. Установленіе для нихъ того образовательнаго ценза, того служебнаго стажа, который былъ Судебными Уставами установленъ для судей и членовъ судебной прокуратуры поставилъ бы ихъ на должную высоту. Однако, съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ губернская прокуратура должна была исчезнуть.

Судебные Уставы (ст. 135 Учр. Суд. Уст.) ограничили занятія прокуратуры дѣлами судебнаго вѣдомства и лишь впослѣдствіи, при организаціи т. н. смѣшанныхъ присутствій, получившихъ отчасти характеръ органовъ юстиціи административной, прокуратура была вновь привлечена къ участію въ дѣлахъ правительственнаго и общественнаго мѣстнаго управленія.

Однако, такое устраненіе прокуратуры отъ обязанностей, лежавшихъ на ней до судебной реформы, совершилось не безъ колебаній со стороны органа законодательной власти Государственнаго Совѣта. Когда Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ разсматривали въ 1864 г. проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ, они не отрицали пользы и даже необходимости установленія прокурорскаго надзора за дѣлопроизводствомъ административныхъ мѣстъ и положили мнѣніемъ: предоставить министру юстиціи войти въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами и главноуправляющими отдѣльными частями о томъ, на какомъ основаніи слѣдуетъ устроить надзоръ за тѣми не-судебными дѣлами, которыя ранѣе были подчинены прокурорскому и стряпческому надзору, а общія по сему предмету соображенія представить на уваженіе законодательной власти въ установленномъ порядкѣ.

Министръ юстиціи Замятнинъ не сочувствовалъ этой мысли, опасаясь, что осуществленіе ея приведетъ къ обремененію прокуроровъ посторонними занятіями въ ущербъ прямымъ ихъ

обязанностямъ. Въ 1866 году Государственный Совѣтъ, не удовлетворяясь заключеніемъ министра юстиціи, вновь возвратился къ вопросу и поручилъ министру войти въ сношеніе съ другими министрами въ видахъ выясненія: не полезно ли будетъ прокурорскій надзоръ замѣнить въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ мѣстамъ, какимъ-либо другимъ [1]).

Въ 1866 г. с.-петербургскій губернскій прокуроръ вошелъ къ министру юстиціи съ рапортомъ, въ коемъ онъ подробно выяснилъ, къ какимъ неудобствамъ и даже вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ упраздненіе прокурорскаго надзора за администраціей.

Должно быть этотъ интересный рапортъ подѣйствовалъ на министра. Онъ вошелъ въ сношеніе съ другими министрами по вопросу: не полезно ли замѣнить упраздненную прокуратуру дореформеннаго времени другимъ органомъ надзора, но встрѣтилъ возраженіе со стороны, преимущественно, министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

Приведемъ интересный рапортъ с.-петербургскаго губернскаго прокурора и мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Губернскій прокуроръ писалъ, что по указаніямъ, существовавшимъ до обнародованія Высочайше утвержденныхъ 7-го марта 1866 года правилъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о правахъ и обязанностяхъ лицъ прокурорскаго надзора, лица эти, просматривая постановленія всѣхъ почти губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, при обнаруживавшихся по дѣламъ признакамъ проступковъ и преступленій, не только могли начать преслѣдованіе ихъ, но, затѣмъ, вновь просматривая журналы и опредѣленія присутственныхъ мѣстъ, имѣли полную возможность настаивать, чтобы не было дѣлаемо никакого послабленія виновнымъ.

Правилами 7 марта 1866 года, освободившими лицъ прокурорскаго надзора отъ многихъ несущественныхъ обязанностей, вышеозначенная дѣятельность прокуроровъ и стряпчихъ сохранена за ними безъ измѣненій. На этомъ основаніи статьями 9, 10, 11 и 13 означенныхъ правилъ было установлено:

а) что на просмотръ губернскихъ прокуроровъ или уѣздныхъ стряпчихъ, по принадлежности, должны быть сообщаемы всѣ

[1]) Ср. ст. И. Г. Щегловитова. „Прокуратура въ строѣ будущихъ губернскихъ учрежденій“. Право. 1903 г. № 36. Ср. также А. Ѳ. Кони. „На жизненномъ пути“. Т. I, стр. 101.

постановленія губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ о преданіи суду, о назначеніи слѣдствія и о наложеніи административныхъ взысканій; б) что губернскимъ прокурорамъ и уѣзднымъ стряпчимъ предоставляется предлагать подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ или должностнымъ лицамъ о назначеніи слѣдствія, преданіи суду или наложеніи административныхъ взысканій въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до лицъ прокурорскаго надзора свѣдѣніямъ, это окажется нужнымъ; в) что губернскіе прокуроры и уѣздные стряпчіе имѣютъ право требовать во всякое время внезапнаго освидѣтельствованія, въ ихъ присутствіи, казначейства вѣдомства Министерства Финансовъ, и равно и тѣхъ установленій, въ которыхъ хранятся общественныя суммы и имущество, съ обязанностью объ оказавшемся при такомъ освидѣтельствованіи доносить своему непосредственному начальству, и г) что губернскіе прокуроры и уѣздные стряпчіе сохраняютъ право входить во всѣ присутственныя мѣста и требовать къ своему разсмотрѣнію производящіяся въ нихъ дѣла.

Положеніе лицъ прокурорскаго надзора вновь учреждаемыхъ судебныхъ установленій будетъ совершенно инымъ.

На основаніи 19 ст. правилъ 7-го марта 1866 г., съ упраздненіемъ должностей губернскихъ, уѣздныхъ и другихъ наименованій прокуроровъ и стряпчихъ, надзоръ со стороны должностныхъ лицъ вѣдомства Министерства Юстиціи за губернскими, уѣздными и городскими установленіями прекратится. Вслѣдствіе сего, хотя по 4 ст. Уст. Уг. Суд. обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возложено на лицъ прокурорскаго надзора, а по 311 ст. имъ предоставлено возбуждать дѣла по доходящимъ до нихъ свѣдѣніямъ и по непосредственно ими усмотрѣннымъ преступленіямъ или проступкамъ, но какъ, за силою вышеприведенной 19 ст. правилъ 7-го марта, лица прокурорскаго надзора будутъ лишены права требовать къ своему разсмотрѣнію дѣла, производящіяся въ административныхъ учрежденіяхъ, то при исполненіи такой обязанности они встрѣтятъ крайнее затрудненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предположеніе проступка или преступленія вытекаетъ изъ дѣлъ, производящихся въ означенныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Еще болѣе затрудненій и почти полную невозможность они встрѣтятъ по преслѣдованію преступленій должности чиновъ административныхъ вѣдомствъ.

За исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя на основаніи 1090 и 1091 ст.ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г. будутъ переданы самимъ начальствомъ обвиняемыхъ къ производству судебныхъ слѣдователей, всѣ прочія останутся вполнѣ изъятыми отъ контроля со стороны лицъ прокурорскаго надзора, что можетъ нерѣдко повести къ оставленію въ безгласности весьма важныхъ нарушеній и именно тѣхъ, гдѣ, при отсутствіи гражданскихъ истцовъ, страдаютъ лишь государственное достояніе или другой общественный интересъ.

Возможность установленія указываемаго положенія дѣлъ, утверждалъ прокуроръ, основывается не на одномъ простомъ предположеніи, но на фактахъ, почерпнутыхъ изъ его собственной служебной дѣятельности.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ (1866 г.) по судебнымъ мѣстамъ одного города Петербурга обнаружились слѣдующіе четыре случая, свидѣтельствующіе, сколь необходимо сохранить вліяніе лицъ прокурорскаго надзора за дѣйствіями административныхъ присутственныхъ мѣстъ, по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Случаи эти состояли въ слѣдующемъ.

1) Торговый смотритель Григорьевъ дозволилъ себѣ закрытіе въ прошломъ 1865 г. выставки овощей, конфискацію товара и продажу его, съ обращеніемъ вырученныхъ денегъ въ пользу с.-петербургской городской казны. Несмотря на то, что это дѣло, по ст. 197 положенія 9-го февраля 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, вовсе не подлежало вѣдѣнію с.-петербургской распорядительной думы и Григорьевъ явно превысилъ власть, предоставленную ему закономъ, дума признала дѣйствія его правильными и обратила вырученныя имъ чрезъ продажу неправильно конфискованнаго товара деньги въ городскую казну. По этому дѣлу даны предложенія прокуроромъ, но на нихъ не получено никакого увѣдомленія отъ с.-петербургской распорядительной думы.

2) По дѣлу о растратѣ денегъ въ с.-петербургской губернской чертежной землемѣрами Гаврилой и Иваномъ Зайцевыми. Изъ слѣдственнаго дѣла оказалось, что губернское правленіе не производило ежегодныхъ ревизій означенныхъ суммъ и потому члены присутствія губернскаго правленія могутъ подлежать возмѣщенію казеннаго убытка при недостаткѣ имущества

у виновныхъ уже умершихъ, но какъ разслѣдованіе этого дѣла производилось черезъ губернское правленіе, то обстоятельство это обойдено. По этому дѣлу также дано предложеніе С.-Петербургской уголовной палатѣ.

3) По дѣлу о растратѣ казначеемъ губернскаго правленія Брюновымъ 41,374 руб. 62 к. изъ суммъ губернскаго правленія; дознаніе и затѣмъ разсмотрѣніе слѣдствія производили только тѣ самые члены губернскаго правленія, которые состояли въ ономъ на службѣ въ то время, когда совершилась растрата. Прочіе же члены отъ подписки журналовъ по этому дѣлу уклонились. Только вслѣдствіе даннаго прокуроромъ предложенія губернское правленіе въ составѣ тѣхъ же самыхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу членовъ представило на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи отвѣтственности ихъ и направленіи дѣла къ законному порядку.

4) По производящемуся въ уголовной палатѣ дѣлу о покушеніи на кражу изъ магазина часовыхъ дѣлъ мастера Шпергазе; еще при производствѣ слѣдствія обнаружились противозаконные поступки чиновъ полиціи, заключавшіеся въ составленіи неправильнаго акта осмотра, въ наущеніи свидѣтелей къ ложнымъ показаніямъ и, наконецъ, въ самомъ попустительствѣ кражи, вмѣсто предупрежденія оной. Хотя слѣдователемъ, совмѣстно со стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ, тогда еще было доведено объ этомъ до свѣдѣнія бывшаго оберъ-полиціймейстера, но этотъ послѣдній не только не счелъ нужнымъ привлечь чиновъ полиціи къ отвѣтственности, но поступокъ слѣдователя, доведшаго о такихъ упущеніяхъ до его свѣдѣнія, передалъ на усмотрѣніе уголовной палаты и только нынѣ, при разсмотрѣніи означеннаго дѣла по существу, палата заключила дать этому обвиненію дальнѣйшій ходъ.

Имѣя при этомъ въ виду: а) что порядокъ надзора за административными присутственными мѣстами по упраздненіи должностей губернскихъ прокуроровъ и уѣздныхъ стряпчихъ еще окончательно не установленъ; б) что лицамъ прокурорскаго надзора должны быть предоставлены законные способы къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ по 4 и 311 ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г., и в) что преслѣдованіе всѣхъ вообще преступныхъ дѣяній составляетъ главнѣйшую обязанность лицъ прокурорскаго надзора и потому обнаруженіе ихъ и по дѣламъ,

производящимся въ административныхъ присутственныхъ мѣстахъ, должно прямо входить въ кругъ ихъ дѣйствій, указанный въ 135 ст. Учр. Суд. Уст. 1864 г., прокуроръ довелъ о всѣхъ этихъ случаяхъ до свѣдѣнія министра юстиціи на тотъ конецъ, не будетъ ли признано полезнымъ: по упраздненіи должностей прокурорскаго надзора при судебныхъ мѣстахъ стараго порядка, сохранить за лицами прокурорскаго надзора при новыхъ судебныхъ установленіяхъ права, предоставленныя нынѣ губернскимъ прокурорамъ и уѣзднымъ стряпчимъ ст. 4, 10, 11 и 13 правилъ 7-го марта 1866 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о правахъ и обязанностяхъ лицъ прокурорскаго надзора. Чтобы не идти въ разрѣзъ съ 1077, 1083, 1086, 1090, 1092 ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г., эти статьи можно бы было выразить приблизительно въ слѣдующей редакціи:

1. Лица прокурорскаго надзора имѣютъ право входа во всѣ присутственныя мѣста и требовать къ своему разсмотрѣнію производящіяся въ нихъ дѣла.

2. Лица прокурорскаго надзора имѣютъ право требовать во всякое время внезапнаго освидѣтельствованія, въ ихъ присутствіи, казначействъ вѣдомства Министерства Финансовъ, и право освидѣтельствованія всѣхъ тѣхъ установленій, въ которыхъ хранятся общественныя суммы и имущество.

3. Сообщенія прокуроровъ начальству должностныхъ лицъ о признакахъ преступленій и проступковъ по должности, не могутъ быть оставлены этимъ послѣднимъ безъ надлежащаго обсужденія.

4. Всѣ постановленія административныхъ присутственныхъ мѣстъ о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій, назначеній слѣдствій и о преданіи суду сообщаются подлежащимъ лицамъ прокурорскаго надзора.

5. Когда лица прокурорскаго надзора усмотрятъ, что означенными постановленіями предположено прекратить административнымъ порядкомъ обвиненія въ случаяхъ, опредѣленныхъ въ 1089 ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г., а также когда по дѣламъ этого рода предварительное слѣдствіе возлагается на административныхъ чиновниковъ, то они предлагаютъ подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ о направленіи означенныхъ дѣлъ къ законному порядку. Когда же административное начальство съ

предположеніемъ ихъ не согласится, то возникшее по сему предмету разномысліе разрѣшается въ порядкѣ, опредѣленномъ 1092, 1093 и 1094 ст. ст. Уст. Уг. Суд.

Рапортъ былъ препровожденъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ цѣлью узнать его мнѣніе по существу возбужденнаго вопроса. Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ (18-го сентября 1866 г.) доказываетъ, что П. А. Валуевъ отнюдь не желалъ усилить власти прокуратуры.

Онъ писалъ:

„По случаю возбужденнаго въ Высочайше утвержденномъ 7-го марта 1866 года мнѣніи Государственнаго Совѣта вопроса о томъ, не полезно ли будетъ предназначенный къ уничтоженію прокурорскій надзоръ въ губерніяхъ замѣнить другимъ, Ваше Высокопревосходительство, изволите спрашивать заключенія моего по этому предмету, относительно мѣстъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Сообразивъ означенный вопросъ съ существующими узаконеніями о губернской администраціи, равно съ имѣющимися у меня въ виду предположеніями по этому предмету я нахожу:

а) что предположенный къ упраздненію, вслѣдствіе судебной реформы, прокурорскій надзоръ въ губерніяхъ, будучи не столько надзоромъ, сколько вмѣшательствомъ органовъ судебной власти въ дѣла администраціи,—не достигалъ своей цѣли, какъ это подтвердилось многолѣтнимъ у насъ опытомъ.

б) что по сему и при существованіи установленнаго закономъ надзора губернаторовъ за подвѣдомственными имъ административными учрежденіями, едва ли можетъ быть рѣчь собственно о замѣнѣ помянутаго упраздненнаго надзора другимъ. Такая замѣна была бы и неудобна и безполезна.. Неудобна потому, что учрежденіе въ губерніяхъ особыхъ органовъ надзора, подобныхъ прокурорамъ (кромѣ излишнихъ издержекъ казны на ихъ содержаніе), было бы лишь повтореніемъ той старой системы двойственнаго надзора, несостоятельность которой вполнѣ уже оказалась на практикѣ. Безполезна потому, что дѣйствительный надзоръ за правильнымъ ходомъ административныхъ дѣлъ въ губерніяхъ уже есть въ лицѣ начальниковъ губерніи. Слѣдовательно нынѣ, по моему мнѣнію, вопросъ долженъ состоять не въ томъ, чтобы замѣнить прокурорскій надзоръ другимъ, а въ томъ, чтобы улучшить

существующій уже надзоръ губернаторовъ. Смотря съ этой точки зрѣнія на настоящее дѣло считаю долгомъ выразить: что вопросъ объ улучшеніи надзора начальниковъ губерній, обсуждался въ послѣднее время, какъ Вамъ извѣстно, въ Комитетѣ Министровъ, и въ Высочайше утвержденномъ 22 іюня сего года журналѣ Комитета начертаны уже основныя правила о порядкѣ и образѣ дѣйствій этого надзора, въ развитіе существующихъ по этому предмету узаконеній.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, а равно, принимая во вниманіе, что въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ нынѣ производится коренной пересмотръ учрежденія губернаторовъ и губернскихъ правленій, я полагалъ бы: власть надзора начальниковъ губерній опредѣлить окончательно при преобразованіи означенныхъ учрежденій, а до того времени надзоръ сей оставить въ предѣлахъ, указанныхъ въ вышеприведенномъ положеніи Комитета Министровъ".

Положеніе Комитета Министровъ, на которое ссылается министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ имѣетъ слѣдующую исторію: несмотря на то, что первыя десять лѣтъ царствованія Императора Александра II были ознаменованы рядомъ обширныхъ и благодѣтельныхъ реформъ, которыя въ краткій сравнительно промежутокъ времени преобразили жизнь Россіи почти до неузнаваемости, въ обществѣ замѣчалось враждебное отношеніе къ правительству.

„При общемъ возбужденіи и при господствующемъ духѣ критики, сказано въ «Историческомъ Обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ, составленномъ С. М. Середонинымъ» [1]), трудно было ожидать, чтобы всѣ были довольны совершившимися реформами: великая и славная эпоха, какъ показываетъ историческій опытъ, должна была породить массу недовольныхъ; въ то время, какъ одни находили, что реформы идутъ слишкомъ далеко и скоро, и видѣли въ нихъ нарушеніе своихъ интересовъ, матеріальныхъ и духовныхъ, другимъ, напротивъ того, казалось, что реформа подвигается впередъ слишкомъ медленно или, что ее слѣдовало бы вести въ иномъ направленіи".

Если, съ одной стороны, во имя нарушенныхъ сословныхъ интересовъ высшаго сословія высказывалось требованіе вознагра-

[1]) Томъ третій, ч. I, стр. 123 и 124.

дить его за утрату помѣщичьей власти надъ крестьянами расширеніемъ его политическихъ правъ до участія въ осуществленіи правъ Верховной власти включительно, то съ другой предъявлялось требованіе демократизировать Россію съ безпощадной послѣдовательностью и преобразовать ее согласно съ идеями соціалъ-демократіи. И сторонники политической реформы въ духѣ олигархіи, и сторонники соціальной революціи, казались одинаково опасными элементами. Тѣ же слои общества, которые стояли въ сторонѣ отъ этихъ крайнихъ партій, привыкшіе къ пассивности, не умѣли дать отпоръ крайностямъ или безучастно смотрѣли на проявленія этихъ тенденцій, или ограничивались покачиваніемъ головы и упреками, что де правительство не умѣетъ взяться за дѣло успокоенія недовольныхъ какъ слѣдуетъ.

„Все это, продолжаетъ Середонинъ въ указанномъ трудѣ (стр. 125), создавало необыкновенно трудную обстановку, не совсѣмъ понятную для людей послѣдующихъ поколѣній: великая эпоха представляется имъ какимъ то славнымъ продолжительнымъ праздничнымъ днемъ въ русской жизни, и только скорбный ликъ Царя-Освободителя, кровію своею пожертвовавшаго за великое дѣло, заставляетъ пристальнѣе искать темныхъ точекъ на яркой картинѣ".

Правительство полагало, что необходимо усилить компетенцію главныхъ представителей власти въ губерніяхъ. Въ 1866 году, т. е. въ годъ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, въ округахъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ, три сановника, (министръ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и шефъ жандармовъ) подали Императору Александру II записку, въ которой они доказывали необходимость усиленія власти губернаторовъ.

По ихъ мнѣнію, губернаторы послѣ отдѣленія, благодаря учрежденію земства, земско-хозяйственной части, и судебной власти, вслѣдствіе реформы судебныхъ установленій, потерпѣли умаленіе власти въ такой степени, что должность губернатора и въ общественномъ мнѣніи и въ сознаніи правительства являлась отсталою, отодвинутою столь далеко, что поднятіе ея до уровня другихъ новыхъ учрежденій, поставленныхъ подобно суду и земству самостоятельно, оказалось неотложною необходимостью.

Такимъ образомъ, былъ поставленъ вновь на очередь вопросъ о томъ, какую роль долженъ играть губернаторъ, и въ какомъ

отношеніи онъ долженъ стоять къ суду и обществу, которое уже по мысли и желанію Императрицы Екатерины II должно было принять участіе въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ. Вопросъ этотъ возникалъ уже въ началѣ XIX столѣтія, когда Императоръ Александръ I и его совѣтники въ негласномъ комитетѣ, а затѣмъ Сперанскій, въ эпоху подготовки коренныхъ реформъ 1808—1810 г.г., разсуждали о томъ, какъ обезпечить на мѣстахъ охрану закона и должную заботу объ интересахъ населенія. Этотъ же вопросъ былъ вновь возбужденъ Императоромъ Николаемъ I, когда онъ учредилъ комитетъ 6 декабря 1826 года для обсужденія тѣхъ вопросовъ преобразованія, которыхъ касались различныя записки, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра I.

И тогда уже жаловались на то, что будто престижъ губернаторской власти потерпѣлъ ущербъ. Но различныя мѣропріятія Верховной власти не привели къ тому, чтобы и власть была довольна губернаторами, и населеніе съ довѣріемъ смотрѣло на этихъ „хозяевъ“ губерніи. Рядъ сенаторскихъ ревизій открылъ множество злоупотребленій или бездѣйствіе губернаторовъ и немало людей полагало, что губернаторы были потому не на высотѣ своего призванія, что они имѣли слишкомъ много власти и что имъ было ввѣрено слишкомъ много дѣлъ, а не потому, что ихъ компетенція была слишкомъ узка и правомочія слишкомъ слабы. Можно было думать, что отдѣленіе суда отъ администраціи и врученіе заботы о хозяйственныхъ дѣлахъ мѣстнымъ установленіямъ, въ которыхъ дѣйствовали бы лица, близко знавшія мѣстность и заинтересованныя въ ея благополучіи, должно было быть привѣтствовано всѣми, ибо сложеніе съ губернаторовъ непосильнаго бремени давало имъ возможность осуществленія надлежащаго административнаго надзора за мѣстными правительственными учрежденіями, оберегая вмѣстѣ съ тѣмъ интересы государства въ тѣхъ случаяхъ, когда общественныя установленія вздумаютъ ими пренебрегать. Полиція во всякомъ случаѣ оставалась въ непосредственномъ подчиненіи у губернатора и сосредоточеніе всѣхъ усилій на должной постановкѣ полицейскаго дѣла могло настолько занять губернатора, что ему бы не пришлось жаловаться на бездѣлье или сожалѣть, что онъ устраненъ отъ участія въ судѣ и отъ обязанности входить въ мелочи мѣстной хозяйственной жизни. Губернаторская власть

послѣ реформъ судебной и земской могла стать сильнѣе прежняго, не въ смыслѣ широты произвола и сатрапскаго усмотрѣнія, а въ смыслѣ сосредоточенной, закономѣрной дѣятельности во имя общественной безопасности. То глухое недовольство, которое такъ тревожило правительство, объяснялось въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что русскимъ подданнымъ не была обезпечена неприкосновенность личности и охрана ихъ законныхъ правъ.

Между тѣмъ—рѣчь зашла объ усиленіи власти губернатора и о предоставленіи ему права надзора, какъ административнаго, такъ и того надзора, который производился далеко неудовлетворительно губернскими прокурорами и подчиненными имъ стряпчими. Нѣкоторымъ представителямъ центральной власти казалось, что именно преимущества судебной реформы, давшія Россіи независимый судъ, привели къ умаленію престижа губернатора. Въ судѣ видѣли какую то враждебную силу, не желавшую считаться съ видами правительства, слишкомъ объективно и хладнокровно относившуюся къ различнымъ проявленіямъ новаго времени, своими приговорами, не считавшимися съ чиномъ, служебнымъ положеніемъ и родовитостью, колебавшую уваженіе къ предержащимъ властямъ. Судъ независимый отъ начальства и его внушенія, требовалъ какъ бы противовѣса въ лицѣ органа власти, болѣе отзывчиваго къ тому, чего требовала не буква закона, а интересы внутренней политики.

Послѣ разсмотрѣнія записки въ особой комиссіи дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ.

Комитетъ разсуждалъ, что губернаторъ, представитель высшей правительственной власти въ губерніи, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяинъ губерніи, исполнитель законовъ, который не въ правѣ, ни дѣлать новыхъ постановленій, ни отступать отъ старыхъ. На особенную обязанность его возложено попеченіе о верховныхъ правахъ Самодержавія, о пользѣ государства, о точномъ исполненіи законовъ, Высочайшихъ повелѣній, указовъ Сената и предписаній начальства.

Этой точкой зрѣнія Комитетъ руководился, когда онъ положилъ усилить губернаторскую власть, въ смыслѣ расширенія его права надзора за административными учрежденіями гражданскаго вѣдомства и должностными лицами въ губерніи. Въ его рукахъ долженъ былъ быть сосредоточенъ мѣстный надзоръ за

всѣми этими учрежденіями, за исключеніемъ судебныхъ установленій и контрольной палаты. Положеніе Комитета Министровъ было Высочайше утверждено и тѣмъ самымъ вопросъ о томъ, кѣмъ замѣнить упраздненную должность губернскаго прокурора—былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что она останется безъ замѣны. Между тѣмъ отмѣна этой должности именно въ виду новыхъ условій мѣстной жизни, результата крестьянской реформы, отдѣленія суда отъ администраціи, земской реформы, ряда реформъ въ области финансовъ и хозяйственной жизни, была необходимѣе, чѣмъ когда либо. Губернаторъ не могъ замѣнить губернскаго прокурора. Какъ явствуетъ изъ опредѣленія губернаторской должности, усвоеннаго Комитетомъ Министровъ, эта должность должна была сохранить преимущественно политическій характеръ. Попеченіе о правахъ Самодержавія, о пользѣ государственной, это задачи политическія, и, что, вполнѣ понятно, губернаторъ, въ особенности въ эпоху политическаго броженія, долженъ былъ сосредоточить свое вниманіе на этихъ политическихъ задачахъ. Соблюденіе же закона различными мелкими властями, мало пріученными къ уваженію къ закону, должно было показаться и дѣйствительно показалось дѣломъ второстепеннымъ. Судъ имѣлъ дѣло съ преступными дѣяніями. Предупредить ихъ онъ не могъ или могъ только косвенно, безпристрастными справедливыми карами, дабы другимъ не повадно было нарушать законъ. Губернскій прокуроръ и былъ, по идеѣ Екатерины II, призванъ пещись о сохраненіи авторитета закона и о предупрежденіи нарушенія законовъ. Губернская прокуратура неудовлетворительно исполнила свою задачу, но столь же неудовлетворительно, какъ исполнили свою задачу многіе изъ губернаторовъ и большинство органовъ полиціи, а никакъ не болѣе. Это было несомнѣнно, и рѣчь могла зайти о томъ, какъ обезпечить должную независимость губернскихъ прокуроровъ, какъ возвысить авторитетъ этого органа надзора. Упраздненіе же его оставило пробѣлъ въ строѣ администраціи, донынѣ не восполненный.

Ни для губернаторовъ, ни для вице-губернаторовъ законодатель не установилъ того служебнаго стажа, который Судебными Уставами былъ установленъ для судей и чиновъ прокурорскаго надзора. Отъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, совѣтниковъ губернскаго правленія, не требовалось также

удовлетворенія опредѣленному спеціальному образовательному цензу.

Хорошо, если губернаторскій постъ занималъ научно-образованный юристъ. Но это случалось далеко не столь часто, какъ того нужно было желать. Какъ и ранѣе, такъ и послѣ реформы, постъ губернатора зачастую занималъ военный или лицо гражданское безъ юридическаго образованія, т. е. лица, которыя съ законами и съ юридической логикой и искусствомъ правильнаго толкованія должны были знакомиться тогда, когда, нежданная благополучнаго окончанія этихъ автодидактическихъ занятій, жизнь требовала неотложнаго рѣшенія назрѣвавшихъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше осложнявшихся вопросовъ. Эпоха реформъ была эпохой обильнаго законодательства, которое въ кодификаціонномъ порядкѣ вводилось въ рамки Свода Законовъ, нерѣдко игравшія роль прокрустова ложа, въ которое новыя нормы втискивались не безъ нѣкотораго насилія. Разобраться въ этомъ пестромъ наслоеніи старыхъ и новыхъ нормъ было не легко и для опытнаго юриста. Каково же было военному или не юристу, который привыкъ къ образу мышленія совершенно иного характера. Для юриста законъ—позиція, предъ которой онъ слагаетъ оружіе и отступаетъ; для военнаго—это позиція, которую необходимо брать приступомъ (коль скоро дѣло идетъ не о военныхъ законахъ). Хорошо еще, если I департаментъ Сената давалъ свои руководящія указанія. Но ихъ приходилось понять, вдуматься въ нихъ и умѣть примѣнить въ должномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ губернаторы, органы надзора на мѣстахъ, остались безъ помощи со стороны стоящаго возлѣ нихъ должностного лица, которое, не будучи обязаннымъ понимать виды политики, заботилось бы только объ одномъ, объ охранѣ закона, содѣйствуя по мѣрѣ силъ тому, чтобы не пришлось и надъ обновленной Россіей произнести тотъ суровый приговоръ, который знаменитый историкъ Ключевскій произнесъ надъ XVIII столѣтіемъ: обильное законодательство при отсутствіи закона.

Безслѣдное упраздненіе старой губернской прокуратуры не привело къ хорошимъ результатамъ, ибо оно противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями губернскаго строя, далекаго отъ совершенства.

А. Ѳ. Кони, въ своихъ очеркахъ „За послѣдніе годы“ (стр. 261—263), высказываетъ сожалѣніе по поводу необдуманнаго освобожденія администраціи отъ компетентнаго независимаго надзора.

„Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ лѣса. Кто знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбляемыхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій поросло бы травою забвенія, если бы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была бы въ 1864 г. влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.“

Въ 1860-хъ годахъ вопросъ заглохъ и вновь всталъ на очередь лишь въ 1880 годахъ, но постановка его оказалась теперь болѣе узкой. Шла рѣчь лишь объ учрежденіи органа надзора въ одной только отрасли администраціи: финансовой, объ учрежденіи финансовой прокуратуры по образцу Австріи и Италіи.

Судебная реформа побудила законодателя подвергнуть пересмотру и статьи II тома Свода Законовъ, касающіяся круга вѣдомства того учрежденія, которое по словамъ закона есть высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества и не получающее ни отъ кого указовъ и предписаній, кромѣ Императорскаго Величества и Правительствующаго Сената—т. е. губернскаго правленія.

Это „высшее мѣсто“ въ губерніи, какъ извѣстно, далеко не соотвѣтствовало по своему значенію и вліянію громкимъ словамъ закона. Оно обладало обширными правами административной юрисдикціи и число т. н. судныхъ дѣлъ, которыя имъ разсматривались и отчасти рѣшались, было велико (извѣстно, что слово „судный“ не соотвѣтствуетъ въ нашемъ законодательствѣ слову „судебный“, а имѣетъ условный смыслъ. Дѣла судныя—это дѣла, разсматриваемыя въ коллегіальномъ порядкѣ.)

Судебные Уставы сократили въ значительной степени компетенцію губернскихъ правленій въ дѣлахъ судныхъ, но въ кругъ вѣдомства губернскаго правленія и послѣ судебной ре-

формы входили важные вопросы мѣстной администраціи. Оно вѣдало на основаніи указа 1865 года, измѣнившаго порядокъ дѣлопроизводства въ губернскихъ правленіяхъ и раздѣлившаго всѣ дѣла на три разряда: дѣла судныя, дѣла административныя перваго и второго разряда, всѣ дѣла по пререканіямъ о компетенціи между административными мѣстами, дѣла по отдачѣ подъ судъ чиновниковъ административныхъ вѣдомствъ, дѣла по выясненію сомнѣній, возникающихъ при примѣненіи законовъ и дѣла по наложенію денежныхъ взысканій за упущенія по службѣ. Всѣ эти дѣла должны были рѣшаться въ коллегіальномъ порядкѣ, т. е. не единоличной властью губернатора.

Казалось бы полезнымъ, даже необходимымъ, ввести въ составъ губернскаго правленія должностное лицо, удовлетворяющее опредѣленному образовательному цензу и прошедшему опредѣленный стажъ, обезпечивающій практическое знакомство съ дѣлами, имѣющими отчасти судебный характеръ. Вѣдь члены губернскаго правленія еще рѣже нежели губернаторы и вице-губернаторы обладали юридической подготовкой. На должности совѣтниковъ губернскихъ правленій обыкновенно назначали пожилыхъ людей, посѣдѣвшихъ за канцелярскимъ столомъ и усвоившихъ рутину письмоводства, но не обладавшихъ умѣніемъ обращаться съ закономъ.

Благодаря плохому составу губернскихъ правленій, это „высшее мѣсто“ продолжало влачить довольно жалкое существованіе и цѣль закона 1865 года, сдѣлать губернское правленіе дѣйствительно вліятельнымъ и верховнымъ административнымъ органомъ губерніи, не была достигнута. Безсиліе губернскаго правленія было настолько замѣтно, что въ 1870 году, когда въ средѣ правительства вновь заговорили о необходимости реформы мѣстнаго короннаго управленія и объ усиленіи губернаторской власти, предположено было передать часть дѣлъ губернскаго правленія въ канцелярію губернатора, а для дѣлъ судныхъ создать особый органъ—губернскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Однако, составители проекта сознавали, что въ этомъ совѣтѣ, который долженъ былъ вѣдать не только дѣла особой важности или представляющія общій для администраціи интересъ, но также и вопросы о пререканіяхъ между административными мѣстами, обсуждать проекты постановленій губернаторовъ, вопросъ о преданіи суду чиновниковъ, разсматривать

жалобы частныхъ лицъ на лицъ должностныхъ, нельзя обойтись безъ представителя той сферы, которая была поставлена независимо отъ губернатора. Предположено было ввести въ составъ совѣта прокурора окружнаго суда, какъ лицо, обладающее тѣми свѣдѣніями, которыя зачастую отсутствовали у представителей администраціи.

Въ фигурѣ прокурора окружнаго суда возвратился какъ бы дореформенный губернскій прокуроръ. Проектъ, какъ извѣстно, остался проектомъ. Но сознаніе необходимости привлечь органы, созданные Судебными Уставами, на которые немало администраторовъ косилось какъ на представителей какой-то вражеской силы, не подчиненной мѣстнымъ власть-имѣющимъ, въ правительственной средѣ все болѣе усиливалось, и когда въ Россіи появились т. н. „смѣшанныя присутствія", этотъ въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворительный суррогатъ административно-судебныхъ учрежденій, законодатель ввелъ въ ихъ составъ представителя прокурорскаго надзора, а то и предсѣдателя окружнаго суда. Конечно, такое привлеченіе должностныхъ лицъ суда и прокуратуры, обремененныхъ массой отвѣтственныхъ и сложныхъ дѣлъ, не могло оказаться дѣломъ въ достаточной степени благотворнымъ. И судъ и прокуратура имѣли свои задачи, исполненіе коихъ требовало напряженія всей трудовой энергіи человѣка. Эти представители суда и прокуратуры поневолѣ должны были смотрѣть на свои новыя обязанности, какъ на лишнюю обузу, которая отвлекала ихъ отъ прямыхъ обязанностей. Участіе просвѣщенныхъ, опытныхъ юристовъ въ дѣлахъ административно-судебныхъ принесло пользу, но эта польза могла быть болѣе осязательной, если бы не отвергнута была мысль о замѣнѣ губернскаго прокурора другимъ, надлежаще поставленнымъ органомъ надзора за законностью въ сферѣ управленія.

Благодаря неудачному исходу попытокъ преобразовать строй мѣстнаго самоуправленія, сохранилось, въ теченіе всего полустолѣтія, истекшаго со времени судебной реформы, бьющее въ глаза разногласіе между основными началами, на коихъ покоился и дѣйствовалъ судъ, съ тѣми, на коихъ была построена администрація.

Когда въ царствованіе Императора Александра III вновь обратились къ мѣрамъ согласованія суда съ администраціей.— Н. Х. Бунге вполнѣ основательно въ слѣдующихъ словахъ опре-

дѣлилъ положеніе вещей, созданное реформами, проведенными наполовину.

„При реформахъ Императора Александра II, крестьянской, судебной и земской, писалъ онъ, не были въ надлежащей степени согласованы старыя учрежденія съ новыми. На дѣлѣ если старыя учрежденія не мѣшали, не были явно несообразны, то ихъ оставляли; если необходимы были новыя, то ихъ или добавляли къ существующимъ или ставили особнякомъ. Губернаторы, вице-губернаторы, губернскія правленія перестали быть, чѣмъ были прежде, но не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ по духу новыхъ преобразованій имъ слѣдовало быть; они видѣли только, что съ возникновеніемъ новыхъ судовъ, новыхъ акцизныхъ управленій, что съ стремленіемъ каждаго Министерства къ большей самостоятельности и независимости отъ другихъ Министерствъ въ средѣ подчиненнаго имъ губернскаго управленія, съ предоставленіемъ самоуправленія крестьянамъ, съ появленіемъ земскаго и городового положенія—умалялась ихъ власть. По крайней мѣрѣ имъ представлялось такъ, потому что положеніе ихъ власти не было выяснено... былъ установленъ только modus vivendi, что для администраціи совершенно непригодно“ [1]).

VI. Попытки реформы порядка разбирательства дѣлъ казеннаго управленія.

Судебная реформа побудила главныхъ начальниковъ административныхъ вѣдомствъ, министровъ, возбудить вопросы, которые были предметомъ многостороннихъ сужденій: вопросъ о созданіи особыхъ органовъ, имѣющихъ спеціальной задачей представлять, гдѣ необходимо, отдѣльныя вѣдомства на случай нарушенія ихъ правъ или матеріальныхъ интересовъ и вопросъ о порядкѣ защиты казеннаго интереса передъ судами новаго строя.

До судебной реформы юрисдикція суда распространялась на дѣла казеннаго управленія только въ случаѣ тяжбы съ казной о нѣдвижимыхъ имуществахъ, въ случаѣ спора о правѣ соб-

[1]) Цитировано въ Историческомъ обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ. Т. IV.

ственности на казенныя оброчныя статьи и на лѣсныя угодья. Всѣ же споры по договорамъ и обязательствамъ, заключеннымъ съ казною, рѣшались въ порядкѣ административномъ, и частнымъ лицамъ приходилось, для удовлетворенія своихъ притязаній къ казнѣ, обращаться съ жалобами по начальству.

Казна представлялась на судѣ особыми стряпчими казенныхъ дѣлъ.

Этотъ порядокъ обезпечивалъ интересы казны, но интересы частныхъ лицъ при немъ страдали чувствительнѣйшимъ образомъ, такъ какъ судебныя мѣста въ рѣшеніи сихъ дѣлъ были подчинены правительственнымъ мѣстамъ. Это, конечно, далеко не обезпечивало безпристрастнаго ихъ рѣшенія. Притомъ дѣла казеннаго управленія проходили не менѣе, чѣмъ черезъ 11 инстанцій. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства подчинилъ дѣла казеннаго управленія общимъ судебнымъ установленіямъ, допуская только нѣкоторыя отступленія отъ установленнаго для другихъ дѣлъ процессуальнаго порядка. Въ законодательныхъ мотивахъ къ Уст. Гр. Суд. (изданія Государственной Канцеляріи) этотъ переходъ къ возможному уравненію правъ частныхъ лицъ съ правами казны въ сферѣ процесса былъ мотивированъ весьма убѣдительнымъ образомъ. Въ нихъ было указано на то, что дореформенный порядокъ судебнаго разбирательства дѣлъ казеннаго управленія, а тѣмъ болѣе рѣшеніе ихъ властью административной, противорѣчило началу отдѣленія власти судебной отъ административной, а равно противорѣчило всѣмъ правильнымъ началамъ гражданскаго процесса и всякаго правильнаго производства. Подчиненіе дѣлъ казеннаго управленія общему состязательному процессу, подъ наблюденіемъ прокуроровъ, оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи не только не ослабитъ защиты правъ казны, но, напротивъ, вѣрнѣе оградить государственныя имущества отъ неправильныхъ посягательствъ частныхъ лицъ и, значительно ускоряя ходъ такихъ дѣлъ, усилитъ уваженіе къ суду и общее довѣріе къ рѣшеніямъ правительства въ дѣлахъ, касающихся общественныхъ и государственныхъ пользъ. Если казна выступала истцомъ, то дѣла должны были впредь начинаться въ судѣ по иску, предъявленному офиціальными представителями интересовъ даннаго вѣдомства или присяжными повѣренными.

Но эти представители казны не должны пользоваться какими либо преимуществами въ сравненіи съ представителями частныхъ интересовъ.

Въ 1865 году, еще до введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, министръ Императорскаго Двора графъ Адлербергъ возбудилъ вопросъ о приспособленіи административныхъ учрежденій къ проистекающимъ изъ Судебныхъ Уставовъ новымъ отношеніямъ администраціи къ судебной власти.

По сношеніи министра Императорскаго Двора съ другими министрами было рѣшено ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ объ учрежденіи особаго междувѣдомственнаго комитета для обсужденія 4 вопросовъ: какіе именно посредствующіе органы нужны административнымъ вѣдомствамъ для правильныхъ и успѣшныхъ сношеній съ судебной властью, въ чемъ должны состоять права и обязанности такихъ органовъ, ихъ отношенія къ начальству и къ суду, какія по этому случаю средства нужны Министерствамъ и прочимъ административнымъ вѣдомствамъ, и какія за симъ нужно сдѣлать измѣненія и дополненія въ дѣйствующихъ учрежденіяхъ Министерствъ и подвѣдомыхъ имъ установленій.

Комитетъ долженъ былъ составить проектъ положенія по сему предмету.

Означенный проектъ долженъ былъ быть затѣмъ разсмотрѣнъ въ особой коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Буткова для работъ по преобразованію судебной части и, наконецъ, поступить на уваженіе законодательной власти.

Государь Императоръ соизволилъ на представленіе графа Адлерберга. Комитетъ былъ учрежденъ (подъ предсѣдательствомъ сенатора Зубова) и выработалъ проектъ положенія о порядкѣ судебной защиты дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны и вообще административныхъ установленій.

Въ проектѣ было предположено учредить въ Министерствахъ и административныхъ установленіяхъ, которыя по кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ приходятъ въ соприкосновеніе съ судомъ по охранѣ имущественныхъ правъ и интересовъ казны, должности юрисконсультовъ и ихъ помощниковъ, коимъ и поручить защиту правъ казны передъ судомъ, а равно и наблюденіе за всѣми дѣлами, которыя возникаютъ вслѣдствіе притязаній къ

казнѣ или, наоборотъ, вслѣдствіе притязаній казны къ частнымъ лицамъ или общественнымъ установленіямъ. Юрисконсульты вообще должны были играть роль юридическихъ консультантовъ при министрахъ или начальникахъ вѣдомствъ. Одинъ изъ представителей вѣдомствъ въ комитетѣ (Половцовъ, представитель Министерства Государственныхъ Имуществъ) приводилъ, между прочимъ, въ защиту мысли объ учрежденіи такихъ юрисконсультовъ соображеніе, что послѣ проведенія судебной реформы разовьется и въ Россіи то, что французы называютъ, „юриспруденціей", и что административнымъ вѣдомствамъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи лицъ спеціально знакомыхъ съ движеніемъ права.

Онъ, въ своемъ особомъ мнѣніи, указывалъ на то, что одно изъ самыхъ важныхъ послѣдствій преобразованія судебной части будетъ заключаться въ крайнемъ увеличеніи значенія и силы судебныхъ рѣшеній, судебной практики. Многія узаконенія, порождавшія не мало различныхъ недоумѣній и однажды въ истинномъ ихъ смыслѣ истолкованныя, будутъ понимаемы и примѣняемы всѣми судебными мѣстами единообразно. Такимъ образомъ, рядомъ съ положительнымъ общимъ закономъ, возникнетъ и образуется та судебная доктрина, которая играетъ столь важную роль въ судебной организаціи иностранныхъ государствъ и отсутствіе которой было въ Россіи столь ощутительно.

На основаніи ея судебныя мѣста будутъ руководствоваться при рѣшеніи извѣстныхъ дѣлъ не одними существующими по симъ дѣламъ узаконеніями, но и рѣшеніями кассаціоннаго суда по подобнымъ дѣламъ, въ которыхъ законы эти были истолкованы и разъяснены. Но этого еще недостаточно. Нѣтъ сомнѣнія, что, если не на первыхъ порахъ, то съ теченіемъ времени, суды будутъ принимать во вниманіе и свои собственныя, никѣмъ необжалованныя или не утвержденныя высшею инстанціею, рѣшенія.

Послѣ разсмотрѣнія проекта, составленнаго въ Комитетѣ, дѣло перешло на разсмотрѣніе комиссіи Буткова. Такъ какъ соглашенія между представителями различныхъ вѣдомствъ не было достигнуто и такъ какъ въ отзывахъ министровъ на присланный имъ проектъ оказались также разногласія и новыя соображенія, то министры рѣшили обсудить проекты комитета и соображенія комиссіи Буткова въ непосредственномъ совѣщаніи

министровъ. Это обсужденіе происходило въ 1866 году (въ мартѣ). Особенно энергично за предоставленіе казнѣ болѣе широкой возможности защиты своихъ правъ и интересовъ стоялъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Онъ объяснялъ, что къ сожалѣнію, интересы казны, интересы администраціи, во всей совокупности не были достаточно приняты во вниманіе при начертаніи новаго порядка судопроизводства по дѣламъ казны, которая поставлена въ этомъ отношеніи наравнѣ съ частными лицами. Вслѣдствіе этого прокурорскому надзору не дано той силы, власти и значенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ интересами, ввѣренными попеченію администраціи, которыя необходимы для огражденія правъ казны и вообще административныхъ вѣдомствъ и содѣйствіе, съ готовностью оказываемое министромъ юстиціи требованіямъ административныхъ вѣдомствъ, парализуется безсиліемъ подчиненныхъ ему органовъ.

Сколько извѣстно, продолжалъ П. А. Валуевъ, ни одно изъ важнѣйшихъ европейскихъ законодательствъ не ставитъ администрацію въ такое беззащитное положеніе и ни одно изъ важнѣйшихъ европейскихъ законодательствъ не подвергаетъ общіе интересы администраціи такому риску громадныхъ ущербовъ, на который обрекаетъ его система судебной защиты, введенная Судебными Уставами 1864 года. Всѣ эти обстоятельства сами собою вызываютъ, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, необходимость какъ новыхъ административныхъ учрежденій или органовъ судебно-административной защиты, такъ и нѣкоторыхъ повидимому репрессивныхъ, но тѣмъ не менѣе раціональныхъ мѣръ, обезпечивающихъ общіе государственные интересы. Конечно такія учрежденія и мѣры потребуютъ новыхъ значительныхъ для казны расходовъ, которыхъ, по всей вѣроятности, можно было бы избѣжать, если бы нынѣшняя система Судебныхъ Уставовъ не представляла важныхъ пробѣловъ относительно гарантіи интересовъ казны и администраціи на судѣ. По симъ соображеніямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ безусловно необходимымъ принять для защиты казенныхъ интересовъ особыя мѣры [1]).

---

[1]) Всѣ цитаты взяты изъ объемистаго дѣла Мин. Юст., озаглавленнаго: „О примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ административнымъ вѣдомствамъ“. Сен. Арх. 1866 г. № 7614.

Легко замѣтить, что П. А. Валуевъ въ своихъ разсужденіяхъ вышелъ изъ рамокъ тѣхъ вопросовъ, которые были поставлены какъ комитету, такъ и комиссіи Буткова. Въ разсужденіи министра ясно слышится нотка раздраженія по поводу той независимости отъ администраціи, которая была дарована судебнымъ установленіямъ. Очевидно, Валуевъ опасался, что уравненіе казны въ ея правахъ по защитѣ имущественныхъ интересовъ съ частными лицами, отразится и на такихъ дѣлахъ, которыя не могутъ быть названы дѣлами казеннаго управленія въ строгомъ смыслѣ. Эти опасенія были конечно лишни, ибо суду не была дана возможность вмѣшиваться въ дѣятельность администраціи, какъ органа власти. Но слова Валуева характерны. Они доказываютъ, что въ моментъ, когда Судебные Уставы только еще вводились въ дѣйствіе, глава вѣдомства, которому приходилось имѣть всѣхъ чаще дѣло съ судами (вся полиція кромѣ всемогущаго въ то время III Отдѣленія была въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ), уже подозрѣвалъ въ новомъ судѣ какую то стѣсняющую администрацію силу.

Въ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ сенатора Зубова былъ подвергнутъ обсужденію и вопросъ, касавшійся отношенія суда и администраціи къ преслѣдованію должностныхъ лицъ за преступленія по должности.

Въ Основныхъ Положеніяхъ о преобразованіи судебной части (ч. II, ст. 132) было сказано, что преданіе суду должностного лица за преступленіе и проступки по должности допускается не прежде, какъ вслѣдствіе постановленія о томъ подлежащаго начальства.

Это правило, которое признавалось необходимымъ въ видахъ поддержанія самостоятельности административной власти, нашло себѣ выраженіе и въ ст.ст. 1087, 1091 и 1095 Уст. Уг. Суд. (первое изданіе). Одна часть членовъ комитета, въ томъ числѣ и извѣстный криминалистъ Чебышевъ-Дмитріевъ, находила, что означенный порядокъ не даетъ обвиняемому достаточныхъ гарантій безпристрастнаго рѣшенія, въ особенности если предварительное слѣдствіе будетъ поручено не судебному слѣдователю, а лицу, принадлежащему къ числу подчиненныхъ того начальства, которое возбудило дѣло. Эти члены предлагали предоставить веденіе предварительнаго слѣдствія непремѣнно судебному слѣдователю, или, если слѣдствіе будетъ поручено не судебному

должностному лицу, предоставить чиновнику, коему грозитъ предстать передъ судомъ, право жалобы суду, въ случаѣ если онъ усмотритъ въ дѣйствіяхъ слѣдователя какія-либо неправильности или пристрастіе.

Но противъ этой попытки поставить администрацію подъ надзоръ суда возстало большинство членовъ, къ коему принадлежалъ и профессоръ Лохвицкій. Большинство настаивало на томъ, что должно сохранить порядокъ, установленный Судебными Уставами, а именно, что по всякому дѣлу о преступленіи по должности иниціатива не только должна принадлежать административному начальству, но, что оно должно имѣть безусловное право требовать всякихъ объясненій отъ заподозрѣннаго, назначать о дѣйствіяхъ его предварительное слѣдствіе, разсматривать оное и засимъ рѣшать вопросъ исключительно въ административномъ порядкѣ или предавать чиновника суду. Жалобы на предварительное слѣдствіе должны быть подаваемы только начальству. Предполагать противное, разсуждали члены комитета, принадлежавшіе къ большинству, т. е. допустить участіе въ такихъ дѣлахъ судебной власти, до рѣшенія начальства о степени виновности обвиняемаго, значило бы отступить отъ смысла Судебныхъ Уставовъ и Основныхъ Положеній, на коихъ они построены, и ставить рѣшеніе начальства въ зависимость отъ опредѣленія суда о правильности произведеннаго по приказанію начальства слѣдствія.

Если меньшинство полагало, что предложенная имъ мѣра доставитъ подчиненному должную гарантію въ безпристрастномъ разрѣшеніи его жалобы, то это мнѣніе неправильно. Эти соображенія ведутъ скорѣе къ обратному заключенію. Трудно понять, разсуждало большинство, отчего начальство, опредѣлившее чиновника и за симъ вполнѣ знающее его служебную дѣятельность и благонадежность, можетъ быть къ нему пристрастнѣе и строже, нежели судъ. Опытъ службы въ административныхъ установленіяхъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ начальство видитъ хотя бы медленность подчиненнаго, неизбѣжную по сложности занятій и потому заслуживающую оправданія, судъ съ неумолимою холодностью примѣняетъ законъ, смотря на все съ точки зрѣнія административнаго будто бы произвола, въ который легко можетъ впасть и самая судебная власть. Если, какъ думаютъ члены, принадлежавшіе къ мень-

шинству, противъ обвиняемаго могутъ быть приняты слишкомъ строгія мѣры относительно его личности, то отмѣна такихъ мѣръ, уже по свойству административнаго производства, скорѣе можетъ послѣдовать отъ высшаго начальства, чѣмъ отъ суда.

Такимъ образомъ, попытка поколебать т. н. административную гарантію при возбужденіи преслѣдованія противъ должностного лица потерпѣла крушеніе.

Уже тогда, когда новыя судебныя установленія, не вступивъ еще въ дѣйствіе, возбуждали розовыя надежды, въ „эпоху романтическую новаго судебнаго строя", по выраженію Джаншіева, администрація, если къ тому оказывался удобный случай, старалась доказать, что дѣятельность административная отнюдь не область чистаго произвола и усмотрѣнія въ противоположность области судебной дѣятельности, въ коей якобы для произвола нѣтъ мѣста. Въ газетѣ „Сѣверная Почта", органѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нѣсколько разъ подчеркивалось, что и сужденія судей не лишены произвола, что и они подвергаются человѣческимъ слабостямъ, и что незачѣмъ постоянно, въ видахъ прославленія суда, рисовать администрацію въ самыхъ черныхъ краскахъ. Этотъ аргументъ, а равно другой, близкій къ нему, что администрація принимаетъ во вниманіе и требованіе справедливости не-формальной, между тѣмъ, какъ судъ склоненъ все обсуждать только съ точки зрѣнія холоднаго разсудка, приводилось уже въ 60-хъ годахъ неоднократно, коль скоро органы администраціи полагали, что хотятъ сузить ихъ компетенцію и, пожалуй, подчинить управленіе суду и его контролю, вопреки принципу раздѣленія властей, который защитники независимости администраціи охотно желали бы видѣть проведеннымъ въ строгой послѣдовательности, въ крайнемъ случаѣ съ нѣкоторой уступкой въ пользу администраціи, но отнюдь не въ пользу суда.

Государственный Совѣтъ, мнѣніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія 2 января 1868 г., утвердилъ проектъ объ устройствѣ при нѣкоторыхъ министерствахъ юрисконсультской части и препроводилъ проекты положенія о порядкѣ судебной защиты дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны, на предварительное заключеніе Министерства Юстиціи, съ тѣмъ, чтобы, по сношенію со II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, симъ Министерствомъ представлены были соображенія по этому

предмету, а также заключеніе о томъ, какія именно статьи существующихъ узаконеній должны быть замѣнены и дополнены правилами новаго положенія.

Въ 1870 г. Министерство Юстиціи внесло въ Государственный Совѣтъ записку по возбужденному вопросу, которая въ свою очередь была разослана на заключеніе всѣхъ министровъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы (1871 и 1872 г.) Высочайше повелѣно было Военному Министерству внести въ Государственный Совѣтъ проектъ положенія о защитѣ на судѣ дѣлъ казны, по полученіи отъ всѣхъ вѣдомствъ соображеній и по обсужденіи дѣлъ въ засѣданіи всѣхъ министровъ.

Такимъ образомъ, возбужденный вскорѣ по изданіи Судебныхъ Уставовъ вопросъ породилъ лишь многолѣтнюю переписку и въ концѣ 80-хъ годовъ дѣло поступило вновь на разсмотрѣніе особой комиссіи, въ которой разсматривался и проектъ сенатора Н. А. Тура объ учрежденіи въ Россіи финансовой прокуратуры.

VII. Судебная реформа и отношеніе ея къ реформѣ земской.

Въ 1914 году Россія празднуетъ не только пятидесятилѣтіе изданія Судебныхъ Уставовъ, но и пятидесятилѣтіе введенія земскихъ учрежденій. Съ земской же реформой стоитъ въ неразрывной связи реформа городского общественнаго самоуправленія, послѣдовавшая шесть лѣтъ спустя. Какъ новый судъ, такъ и новая организація общественнаго самоуправленія должны были разбудить дремавшія общественныя силы Россіи.

Земская реформа 1864 г. была такимъ же смѣлымъ шагомъ, какъ реформа судебная. Обѣ онѣ проникнуты духомъ довѣрія къ обществу.

Главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его И. Вел. Канцеляріи баронъ М. А. Корфъ правильно замѣтилъ въ отзывѣ по поводу проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ: „Рѣзко отличаясь отъ тѣхъ робкихъ преобразовательныхъ попытокъ и полумѣръ, которыми такъ богата исторія всѣхъ законодательствъ, настоящій проектъ имѣетъ въ виду сразу утвердить наше мѣстное самоуправленіе на широкихъ началахъ и окончательно

расторгнуть связь со старыми, отжившими свой вѣкъ, преданіями и привычками нашей бюрократической администраціи".

И обѣ реформы, которыя такъ смѣло повели Россію впередъ по пути развитія, потерпѣли ту же участь: противники усмотрѣли въ нихъ попытку ограниченія Верховной власти, не желая признать, что самое дѣйствительное и важное оружіе власти при управленіи громаднымъ государствомъ — законъ — находитъ лучшаго охранителя въ лицѣ независимаго суда, а самостоятельный трудъ выборныхъ отъ общества въ мѣстномъ управленіи ни въ какомъ случаѣ не служитъ къ умаленію престижа Верховной власти, скорѣе страдающаго въ томъ случаѣ, если коронные органы управленія оказываются несостоятельными въ дѣлѣ заботливаго отношенія къ разнообразнымъ нуждамъ мѣстности.

Едва ли возможно не замѣчать связи между судебной реформой и реформой, выразившейся въ законѣ 1 января 1864 года, несмотря на то, что начала, на коихъ покоится первое изъ указанныхъ преобразованій, не сходны съ тѣми, на коихъ построено второе.

Судъ во всѣхъ инстанціяхъ творится по Указу Его Величества. Въ каждомъ приговорѣ и опредѣленіи суда къ гражданину и всему обществу говоритъ государственная власть, осуществляя одну изъ первѣйшихъ своихъ обязанностей: охрану государственнаго правопорядка.

Земская реформа, напротивъ, построена на т. н. общественной теоріи самоуправленія, хотя въ первоначальномъ проектѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ указывалось на необходимость смотрѣть на земское самоуправленіе, какъ на особый органъ одной и той же государственной власти, получающій отъ нея свои права и полномочія.

„Земскія учрежденія, сказано было въ 1859 году при начертаніи перваго проекта положенія [1]), имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать внѣ его, а наравнѣ съ прочими учрежденіями подчиняются тѣмъ же условіямъ и тому общественному управленію, которыя устанавливаются центральной государственной властью".

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту положенія о земскихъ учрежденіяхъ и временнымъ правиламъ для сихъ учрежденій, стр. 26.

Эта точка зрѣнія была затѣмъ оставлена и, какъ извѣстно, одержала верхъ т. н. общественная теорія, которая сущность самоуправленія видитъ въ предоставленіи мѣстному обществу права вѣдать свои общественные интересы и тѣмъ самымъ противопоставляетъ мѣстность государству, общественные интересы государственнымъ.

Однако эта точка зрѣнія не была выдержана послѣдовательно. Извѣстно, что на общественное самоуправленіе была возложена обязанность доставлять матеріальныя средства на содержаніе различныхъ органовъ государственнаго управленія. Судебная же реформа привлекла общественное самоуправленіе къ участію въ доставленіи личныхъ силъ для пополненія судейскаго персонала въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная доля судебной власти ввѣрялась органамъ суда, вышедшимъ изъ среды общества, а не назначеннымъ правительствомъ. Выборы мировыхъ судей должны были производиться въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, въ ихъ очередныхъ засѣданіяхъ (а въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ). Въ столичныхъ же городахъ и въ городѣ Одессѣ обязанность земскихъ собраній по выбору мировыхъ судей была возложена на городскія думы. Списокъ избранныхъ мировыхъ судей долженъ былъ представляться на утвержденіе I департамента Пр. Сената и если кто либо избранъ въ мировые судьи въ противность закону, то губернаторъ долженъ былъ о томъ представлять Сенату. Слѣдовательно, на личный составъ мирового суда долженъ былъ, по необходимости, вліять личный составъ земскихъ собраній и городскихъ думъ и въ зависимости отъ того, какъ было организовано представительство въ учрежденіяхъ общественнаго самоуправленія, долженъ былъ опредѣлиться и контингентъ лицъ, попадавшихъ на мѣста мировыхъ судей, ибо образовательный, имущественный и нравственный цензы, установленные для мировыхъ судей въ Судебныхъ Уставахъ, опредѣлили лишь формальныя рамки, въ предѣлахъ коихъ выборъ судей былъ свободенъ.

Органы общественнаго самоуправленія были призваны также къ участію и при организаціи суда присяжныхъ, ибо общій списокъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землею или другимъ указаннымъ въ законѣ имуществомъ, составлялся по каждому уѣзду отдѣльно, особыми комиссіями, состоящими изъ лицъ, назна-

чаемыхъ для сей цѣли ежегодно земскимъ уѣзднымъ собраніемъ, а въ столицахъ городскими думами.

Городовое положеніе 1870 г. создало мѣстный органъ административной юстиціи—губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія городского общественнаго самоуправленія, для разбора пререканій между этимъ управленіемъ и другими органами мѣстной администраціи и для рѣшенія вопросовъ о преданіи суду должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія, причемъ въ составъ присутствія былъ введенъ прокуроръ окружнаго суда и предсѣдатель мирового съѣзда, т. е. лица, которыя, если они принадлежали къ числу стойкихъ представителей началъ законности, могли сыграть въ присутствіи вліятельную роль по своему независимому, въ сравненіи съ другими членами, служебному положенію. Во время слушанія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта городового положенія, когда обсуждались статьи о томъ, кому предоставить право разсмотрѣнія, а въ соотвѣтствующихъ случаяхъ и рѣшенія спорныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства—губернатору, губернскому правленію или непосредственно I департаменту Сената, высказывалось опредѣленно мнѣніе, что послѣ судебной реформы 1864 года органы административной юстиціи (насколько конечно этотъ терминъ примѣнимъ къ учрежденіямъ, подобнымъ присутствію по городскимъ дѣламъ) должны быть поставлены если не въ непосредственную связь съ судебными установленіями, то, по крайнемъ мѣрѣ, должны получить въ извѣстной мѣрѣ характеръ независимаго, какъ бы судебнаго органа, организація котораго гармонировала бы въ нѣкоторой степени съ организаціей общихъ судебныхъ установленій.

Идеи, коими руководились составители Судебныхъ Уставовъ, повліяли несомнѣнно какъ на учрежденіе, обсуждавшее предварительно проектъ городового положенія 1870 г. (II Отдѣленіе Собств. Его Вел. Канцеляріи), такъ и на Государственный Совѣтъ, когда онъ разсматривалъ проектъ этого положенія.

Государственный Совѣтъ указывалъ на недостатокъ въ Россіи мѣстнаго учрежденія, которое могло бы правильно, безпристрастно и безъ замедленія разрѣшать возникающіе по дѣламъ управленія споры, пререканія и всякаго рода вопросы

судебно-административнаго свойства и что этотъ пробѣлъ даетъ себя особенно сильно чувствовать съ введеніемъ самоуправленія, самостоятельныхъ всесословныхъ выборныхъ учрежденій, каковыми должны быть земскія и предположенные уже къ учрежденію органы городского управленія, ибо, чѣмъ болѣе разростается дѣятельность этихъ учрежденій, тѣмъ болѣе должны размножаться и возбуждаемые ихъ дѣятельностью споры, жалобы и пререканія.

Государственный Совѣтъ указывалъ на то, что само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое возражало противъ учрежденія губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, признало необходимость учрежденія губернскаго совѣта, какъ общаго органа административной юстиціи въ мѣстности.

Государственный Совѣтъ не указалъ на то, что въ особенности въ виду того, что общественное самоуправленіе было построено на т. н. общественной теоріи самоуправленія, которая противопоставляетъ общество государству, а общественные интересы государственнымъ, необходимо было учредить достаточно независимый органъ административной юстиціи, дабы онъ могъ предупредить слишкомъ большое вліяніе на общественныя дѣла коронной администраціи, которая, если предоставить ей рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, должна была стать судьей въ собственныхъ дѣлахъ.

I департаментъ Сената въ своихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ, до него доходившимъ, старался, хотя далеко не всегда послѣдовательно, примѣнять основныя начала Судебныхъ Уставовъ и при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ, возникающихъ въ области общественнаго самоуправленія [1]).

---

[1]) См. Тиграновъ. „Къ вопросу административной юстиціи въ Россіи". Журн. Гражд. и Угол. Права. 1891 г.

Ср. также бар. Корфъ. „Административная Юстиція въ Россіи". Томъ II, глава 11, стр. 58—99.

VIII. Связь судебной реформы съ реформою военныхъ и духовныхъ судовъ.

До судебной реформы, какъ уже указано выше, существовало нѣсколько десятковъ различныхъ порядковъ судебнаго разбирательства. Реформа 1864 года покончила съ большинствомъ этихъ особыхъ судилищъ. Остались особые органы суда для крестьянъ, особые коммерческіе суды (мы оставляемъ въ сторонѣ суды для инородцевъ) и совершенно особо стояли суды военные и духовные.

Судебная реформа не коснулась крестьянскаго суда. Въ то время признавали невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, вреднымъ, создавать для крестьянъ какой либо судъ, не вышедшій изъ ихъ среды и твердо вѣрили въ благодатную силу сословной обособленности крестьянства.

Коммерческіе суды существовали до реформы и послѣ реформы только въ немногихъ городахъ. Во всѣхъ же городахъ, въ коихъ не было коммерческаго суда, дѣла подвѣдомственныя симъ судамъ вошли въ кругъ вѣдомства окружныхъ судовъ. Судебное межевое разбирательство было признано неудовлетворительнымъ и по введеніи новыхъ судебныхъ установленій, немедленно былъ возбужденъ вопросъ о реформѣ его, въ видахъ распространенія на межевыя дѣла порядковъ, введенныхъ реформой 1864 года.

Въ 1866 году изданы временныя правила производства межевыхъ дѣлъ въ мѣстахъ, гдѣ введены въ дѣйствіе Судебные Уставы и согласно этимъ правиламъ всѣ дѣла подвѣдомственныя судебно-межевому разбирательству были введены въ кругъ вѣдомства окружныхъ судовъ.

Вслѣдъ затѣмъ сталъ на очередь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ новыя процессуальныя начала могутъ быть распространены на суды военные и духовные.

Что вѣдомства военно-сухопутное и морское откликнулись на реформу суда и безъ колебаній восприняли при реорганизаціи военнаго и морского судовъ начала, на которыхъ были построены Судебные Уставы, обусловлено несомнѣнно тѣмъ, что во главѣ ихъ въ эпоху реформъ стояли лица, сочувствовавшія и содѣй-

ствовавшія преобразовательному движенію. Извѣстно, какое близкое участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ принималъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, извѣстно также, что онъ стоялъ за отмѣну жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ морское вѣдомство стало однимъ изъ тѣхъ органовъ управленія, которые съ полнымъ сознаніемъ недочетовъ дореформеннаго режима, не противились новымъ идеямъ, а старались примѣнить ихъ для того, чтобы влить новую жизнь въ обветшалое зданіе администраціи.

Уже въ періодъ 1855—1860 г.г. Великій Князь Константинъ Николаевичъ принялъ рядъ мѣръ къ устраненію нѣкоторыхъ недостатковъ военно-морского суда и въ 1857 г. поручилъ особому комитету при аудиторіатскомъ департаментѣ составить проектъ морского суднаго устава на началахъ самостоятельности судей, состязательности, устности и гласности. Проектъ устава былъ напечатанъ въ 1860 г., слѣдовательно за два года до утвержденія извѣстныхъ „Основныхъ положеній“ преобразованія судебной части въ Россіи.

Литературный органъ Морского Министерства: „Морской Сборникъ“ уже въ 50-хъ годахъ отводилъ мѣсто разбору вопросовъ о раціональной постановкѣ судебнаго дѣла и отнюдь не ограничивался вѣдомственными вопросами, а отзывался на все, что занимало мыслящее общество.

Военный же министръ Д. А. (впослѣдствіи графъ) Милютинъ, единственный изъ министровъ, который въ теченіе всего царствованія Царя-Освободителя удержался на своемъ посту, не уклоняясь отъ признанныхъ правильными и цѣлесообразными взглядовъ на факторы развитія Россіи въ направленіи правового государства, твердо отстаивалъ всякое преобразованіе, которое вело къ цѣли и понятно привѣтствовалъ судебную реформу.

Русское общество познакомилось въ первый разъ съ гласнымъ судопроизводствомъ въ примѣненіи этого начала не къ суду гражданскому, а военному, и притомъ военно-полевому, въ Новгородѣ и Москвѣ въ 1865 году.

Три года спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ проведена военно-судебная реформа (въ 1867 году). Всѣ коренныя начала Судебныхъ Уставовъ: состязательный процессъ съ равноправіемъ сторонъ, гласность, устность, приспособленныя въ

извѣстной степени къ своеобразнымъ условіямъ военной среды, легли и въ основу этой реформы, двѣ инстанціи для рѣшенія дѣла по существу (полковые суды и военно-окружные суды) и кассаціонная инстанція въ лицѣ Главнаго военнаго суда съ состоящимъ при немъ главнымъ военнымъ прокуроромъ,—вездѣ замѣтно стремленіе дать военному классу тѣ же гарантіи безпристрастія и закономѣрности, которыя были дарованы гражданамъ, не имѣвшимъ чести носить мундиръ русской арміи. Дабы обезпечить военно-судебнымъ органамъ персоналъ судей и прокуроровъ, обладающихъ должнымъ научнымъ образованіемъ, Д. А. Милютинъ создалъ Военно-Юридическую Академію, которая стала скоро однимъ изъ первоклассныхъ разсадниковъ юридическаго образованія въ Россіи.

Также въ 1867 году, взамѣнъ упраздненнаго Морского Генералъ-Аудиторіата открытъ Главный военно-морской судъ и затѣмъ учреждены военно-морскіе суды въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ. Излишнимъ, кажется, говорить, что въ вѣдомствѣ, во главѣ котораго стоялъ генералъ-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, для судебныхъ учрежденій послужили образцомъ судебныя установленія, созданныя Судебными Уставами, насколько, конечно, особыя условія морского дѣла не требовали отступленій.

Что же касается судовъ духовныхъ, которые имѣли значеніе не для одного духовенства, ибо въ кругъ ихъ вѣдомства входили дѣла, которыя затрагивали общегражданскіе интересы, то попытки, если не распространить на нихъ коренныя начала судебной реформы, то, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной мѣрѣ сблизить ихъ организацію и процессуальные порядки съ тѣмъ, что было создано судебной реформой, не привели къ желаннымъ результатамъ. Вопросъ о преобразованіи духовнаго или церковнаго суда, былъ возбужденъ уже въ 1865 г. Духовный судъ имѣетъ, какъ извѣстно, своимъ органомъ въ высшей инстанціи Св. Синодъ, а въ первой—подчиненныя епархіальнымъ архіереямъ духовныя консисторіи. Устройство этихъ судебныхъ установленій было опредѣлено консисторскимъ уставомъ 1841 г., а кругъ вѣдомства по дѣламъ гражданскимъ опредѣлился еще въ царствованіе Петра Великаго, когда все то, что не касалось вопроса о незаконности брака или его расторженія, отошло къ судамъ свѣтскимъ.

При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта Судебныхъ Уставовъ было указано на необходимость принять мѣры къ тому, чтобы согласовать порядокъ разбирательства дѣлъ въ духовныхъ судахъ, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, съ процессуальнымъ порядкомъ въ преобразуемыхъ свѣтскихъ судахъ. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства, равно какъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, содержали въ себѣ ссылки на особый духовный судъ и его кругъ вѣдомства (Уст. Гражд. Суд. Раздѣлъ III Глава I. Уст. Уг. Суд. Книга Третья, Раздѣлъ I, ст. ст. 1001—1016).

Святѣйшій Синодъ, по обнародованіи Высочайше утвержденныхъ 20 ноября 1864 г. Судебныхъ Уставовъ, принялъ въ соображеніе, что въ сихъ. законоположеніяхъ находятся постановленія, прямо или косвенно относящіяся къ Вѣдомству Православнаго Исповѣданія и что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій, со времени приведенія въ дѣйствіе новыхъ Судебныхъ Уставовъ, должны измѣниться, отчасти, не только существовавшія отношенія между судебными и правительственными установленіями, свѣтскими и духовными, но и данный порядокъ и образъ дѣйствій въ сихъ послѣднихъ по нѣкотораго рода дѣламъ. Въ виду этого Святѣйшій Синодъ призналъ необходимымъ, во избѣжаніе могущихъ возникнуть въ духовныхъ установленіяхъ недоразумѣній на практикѣ, составить особыя правила, которыя содержали бы въ себѣ разъясненія, какъ вошедшихъ въ новыя законоположенія постановленій, въ чемъ либо касающихся Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, такъ и образа дѣйствій со стороны духовныхъ установленій въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предоставляются сими законоположеніями по нѣкоторымъ предметамъ управленія и суда какія либо права или возлагаются на нихъ по этимъ предметамъ какія либо обязанности.

Синодальный оберъ-прокуроръ, генералъ-адъютантъ Ахматовъ, поручилъ юрисконсульту Синода Полнеру составить особую записку, въ которой должны были быть изложены соображенія, на основаніи коихъ надлежало бы составить таковыя правила и, кромѣ того, соображенія о томъ, какія измѣненія должны быть внесены въ узаконенія по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, опредѣляющія подсудность дѣлъ, порядокъ ихъ производства и предѣлы власти духовныхъ установленій, которыя вызываются изданіемъ Судебныхъ Уставовъ.

Полнеръ составилъ обстоятельную записку по этому предмету. Онъ указывалъ въ ней на то, что Судебные Уставы 20 ноября 1864 года предоставляютъ свѣтскимъ судебнымъ установленіямъ новыя или улучшенныя средства къ достиженію истины на судѣ, слѣдовательно и къ поддержанію правосудія и уваженію къ закону. Такимъ образомъ, Верховная власть сознала невозможность дальнѣйшаго удержанія стараго порядка производства дѣлъ въ судахъ. Въ главныхъ же основаніяхъ этотъ же порядокъ, который признанъ неудовлетворительнымъ въ свѣтскихъ судахъ, существуетъ и въ духовныхъ судебныхъ установленіяхъ.

Слѣдовательно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что многія узаконенія, опредѣляющія формы, обряды и пріемы, употребляемые при судоговореніяхъ въ духовныхъ установленіяхъ, требуютъ пересмотра, дабы и сіи суды получили болѣе дѣйствительныя средства для выясненія истины.

Но юрисконсультъ Синода указалъ и на то, что если признается необходимымъ ввести въ духовныхъ судахъ новые порядки, то таковые не должны быть въ противорѣчіи съ коренными основаніями установленнаго въ церкви порядка и священными преданіями. Новыя мѣры должны быть согласованы и по духу и по сущности съ древними вселенскими постановленіями церкви. Поэтому ко всѣмъ вновь вводимымъ мѣрамъ нужно относиться осторожно.

По мнѣнію Полнера необходимо было приступить къ принятію троякаго рода мѣръ. Во-первыхъ, необходимо разъяснить вошедшія въ Судебные Уставы постановленія, имѣвшія отношеніе къ вѣдомству Православнаго Исповѣданія. Во-вторыхъ, необходимо составить проектъ правилъ для руководства духовнымъ установленіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ возлагаются новыми постановленіями какія-либо обязанности или предоставляются права по нѣкоторымъ предметамъ управленія и суда. Въ третьихъ, необходимо составить проектъ новыхъ постановленій по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ судопроизводства въ духовныхъ установленіяхъ, подлежащихъ введенію въ дѣйствіе немедленно, не ожидая общаго преобразоанія судебной части въ духовномъ вѣдомствѣ.

Записка Полнера по распоряженію преемника оберъ-прокурора Ахматова, графа Д. А. Толстого была въ 1867 году представлена на благоусмотрѣніе Синода, который постановилъ

предоставить оберъ-прокурору испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе временнаго комитета изъ представителей вѣдомствъ (Синода, Министерства Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ и II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи) для обсужденія возбужденныхъ вопросовъ. Таковой комитетъ былъ учрежденъ въ 1867 г. Работы его продолжались нѣсколько лѣтъ, но не были увѣнчаны успѣхомъ, хотя онъ успѣлъ выработать основныя начала реформы, по которой брачныя дѣла должны были быть изъяты изъ вѣдомства духовныхъ судовъ и предоставлены судамъ свѣтскимъ [1]).

Э. Берендтсъ.

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3464.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ СТРОЙ.

Очеркъ основныхъ началъ судоустройства Россіи и главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ за пятьдесятъ лѣтъ.

I. Введеніе. Отдѣленіе судебной власти. Независимость ея. II. Несмѣняемость судей. Увольненіе, перемѣщеніе, оставленіе за штатомъ. Судейская дисциплина. Устройство дисциплинарныхъ судовъ. Дисциплинарное производство. Надзоръ за судьями. Его органы и полномочія. III. Матеріальное обезпеченіе судей. Порядокъ назначенія ихъ и повышенія. IV. Коллегіальное начало. Устройство коллегіи. Принципъ двухъ инстанцій. Кассаціонная инстанція. Участіе народнаго элемента въ осуществленіи судебной власти. V. Заключительные выводы. Значеніе Судебныхъ Уставовъ въ дѣлѣ устройства правосудія въ Россіи.

I. Введеніе. Отдѣленіе судебной власти. Независимость ея.

Въ ~~замѣчательномъ~~ указѣ 20 ноября 1864 года, сопровождавшемъ обнародованіе Судебныхъ Уставовъ, Императоромъ Александромъ II было провозглашено, что одною изъ задачъ предпринятаго преобразованія было „возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго". Въ этихъ словахъ указа, съ одной стороны, весьма ярко выражена цѣль судебной реформы: поставить законъ единственнымъ руководствомъ для дѣятельности какъ населенія, такъ и власти, а съ другой—чрезвычайно скромно оцѣнивается одно изъ величайшихъ „дѣяній" судебнаго преобразованія. Указъ говоритъ о „возвышеніи" судебной власти. На самомъ дѣлѣ Судебные Уставы *создали* въ Россіи судебную власть, впер-

вые рѣшительно и дѣйствительно выдѣлили судъ изъ управленія въ особыя установленія, тогда какъ дореформенныя судебныя учрежденія, по образному выраженію М. Н. Каткова, были лишь „придаткомъ администраціи". Величіе судебнаго преобразованія 20 ноября 1864 г. въ дѣлѣ русскаго государственнаго строительства въ томъ и заключалось, что проведеніемъ въ наше законодательство идеи раздѣленія властей или, правильнѣе, обособленія государственныхъ функцій подготовлялись условія для охраны гражданской свободы, обезпеченія законности и устраненія произвола, ибо только при условіи освобожденія исполнительной власти отъ судейскихъ полномочій, предоставленія „cette puissance de juger si terrible parmis les hommes", какъ говорилъ Montesquieu [1]), особымъ установленіямъ возможна закономѣрность государственнаго управленія, возможно утвержденіе въ народѣ уваженія къ закону.

„Власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной"—таково, поставленное во главу всего судебнаго преобразованія, начало, выраженное составителями Судебныхъ Уставовъ въ первой статьѣ Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 г. „Основныхъ Положеній". Но, принявъ въ основу судебной реформы принципъ обособленія властей, составители Уставовъ неизбѣжно должны были сдѣлать и логически вытекающій изъ него выводъ о самостоятельности или независимости судебной власти. Этотъ послѣдній принципъ, говоря словами стараго германскаго законодательства, состоитъ въ томъ, что судебная власть отправляется независимыми, не подчиненными никакому другому авторитету, кромѣ закона, судами (конст. актъ Пруссіи 31 янв. 1850 г., ст. 86), и означаетъ свободу суда при постановленіи приговоровъ отъ всякаго вліянія органовъ управленія, даже высшаго — „правительства", не могущихъ предписывать суду приговоровъ и рѣшеній [2]). Въ Судебныхъ Уставахъ начало независимости судебной власти получило выраженіе въ статьѣ второй Основныхъ Положеній (ст. 1 Учр. Суд. Уст.) въ формѣ исчерпывающаго перечисленія тѣхъ учрежденій — которымъ „власть судебная принадлежитъ".

---

[1]) Цитируется по A. Esmein. Elements de droit const. franç. et comparé, 1909, p. 439.

[2]) Гергардъ Аншютцъ. Юстиція и администрація (рус. пер. 1907 г.), стр. 7.

Независимость судебной власти, какъ необходимая основа правильнаго судоустройства, обезпечиваетъ единство и цѣлостность судебной системы. Но для того, чтобы судъ ~~стоялъ на высотѣ своей отвѣтственной~~ задачи, одной организаціи самостоятельныхъ отъ иныхъ властей учрежденій недостаточно. Судъ осуществляется судьями. Поэтому, ~~по справедливому замѣчанію~~ А. Ѳ. Кони, центромъ тяжести организаціи правосудія—долженъ быть признанъ судья [1]).

Постановка званія судьи даетъ ясную картину состоянія правосудія, обезпеченности условій вынесенія справедливыхъ, по внутреннему убѣжденію постановляемыхъ, приговоровъ и рѣшеній. И если вообще всѣ государственныя учрежденія расчитаны на средняго человѣка и существуютъ для того, чтобы обходиться безъ героевъ, то задача судоустройства въ томъ и заключается, чтобы „поставить средняго человѣка въ такія условія, которыя давали бы ему возможность наиболѣе приблизиться къ идеалу судьи“ [2]).

Такимъ средствомъ является несмѣняемость судей, впервые установленная въ нашемъ законодательствѣ Судебными Уставами и состоящая въ томъ, что судья не можетъ быть ни удаленъ отъ занимаемой должности, ни перемѣщенъ на низшую или равную должность, ни оставленъ за штатомъ по усмотрѣнію власти, его назначившей, а лишь при наличности его на то согласія или судебнаго приговора.

Эти три главныхъ устоя правильнаго устройства отправленія правосудія—обособленіе судебной власти отъ прочихъ, самостоятельность, несмѣняемость ея носителей—вызвали въ ~~восьмидесятые годы прошлаго столѣтія, какъ извѣстно,~~ страстныя нападки.

Независимость суда стала выдаваться за начало антигосударственное. Обособленіе судебной власти, несмѣняемость судей признавались несоотвѣтствующими условіямъ и основамъ ~~нашего, освященнаго временемъ~~, государственнаго строя. Составителей Судебныхъ Уставовъ упрекали въ томъ, что подъ вліяніемъ увлеченія теоретическими построеніями и западно-евро-

---

[1]) А. Ѳ. Кони. Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ. Журн. Мин. Юст., 1902 г., кн. 1, стр. 4.

[2]) І. В. Михайловскій. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. 1905 г., стр. 64.

пейскими образцами они создали судебный строй, пригодный для дѣйствія въ любомъ государствѣ Западной Европы, но недостаточно приспособленный къ условіямъ нашего отечества [1]).

Этихъ упрековъ въ Сборникѣ, посвященномъ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ болѣе нельзя не коснуться, что, какъ то было отмѣчено еще Г. А. Джаншіевымъ, укоры въ „списываніи“ съ иностранныхъ кодексовъ—„ходячая версія о возникновеніи Судебныхъ Уставовъ“ [2]). Замѣчательно то, что эти упреки раздавались и со стороны такихъ лицъ, которыхъ едва ли возможно причислить къ противникамъ позаимствованій изъ общечеловѣческой культурной сокровищницы, а также заподозрѣть въ недостаточной освѣдомленности. Критикуя Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи, Н. П. Огаревъ писалъ въ герценовскомъ „Колоколѣ“: „одно изъ отличительныхъ свойствъ всѣхъ правительственныхъ проектовъ и положеній, это ихъ подражаніе иностраннымъ учрежденіямъ. Списывая французскія учрежденія и примѣшивая, уже не такъ охотно, кое-что изъ англійскихъ, наши комиссіи какъ будто жалѣютъ, что, сталкиваясь съ русскою дѣйствительностью, онѣ бываютъ вынуждены не совсѣмъ цѣликомъ переписывать иностранныя постановленія“ [3]). Тотъ же упрекъ, но уже только въ сферѣ судоустройства, дѣлаетъ и проф. Кистяковскій въ своей извѣстной работѣ о судебной организаціи во Франціи [4]).

Вліяніе законодательства иностранныхъ государствъ на воспринятыя Судебными Уставами основныя начала несомнѣнно. Необходимость руководства опытомъ странъ, опередившихъ Россію на пути культурнаго развитія, не только сознавалась, но прямо была предуказана Верховною властью въ извѣстномъ повелѣніи Государственной Канцеляріи: „изложить въ общихъ чертахъ . . . . . о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“ [5]). И если творцы Су-

[1]) См. Г. А. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. 1907 г., стр. LV и сл., 497 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 386.

[3]) Н. П. Огаревъ. Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи. „Колоколъ“, № 150, 15 ноября 1862 г., стр. 1237.

[4]) А. Кистяковскій. Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1879 г., кн. III, стр. 28.

[5]) Журналъ Гос. Сов. 1862 г., № 65, стр. 10.

дебныхъ Уставовъ, слѣдуя французскому и англійскимъ законодательствамъ,— этимъ „учителямъ всего человѣчества“ въ области судебнаго права,— приняли идеи обособленія властей, независимости судебной власти и несмѣняемости судей, то они привили только нашему государственному устройству то, что̀, раздѣлялось и раздѣляется всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, что̀ положено въ основу строя всѣхъ странъ.

„Весь міръ, говоритъ И. Я. Фойницкій, живетъ (этими) началами, вся цивилизація въ области процесса опредѣляется англо-французскими положеніями“ [1]). Это знаменательное тождество главныхъ началъ судебнаго строя въ разныхъ странахъ, независимое отъ ихъ государственнаго устройства, обусловливается, какъ на то указываетъ Laband, технически правовыми точками зрѣнія, проведеніе которыхъ обезпечиваетъ справедливое, безпристрастное и согласное съ обстоятельствами разрѣшеніе судебнаго дѣла [2]),—другими словами, обезпечиваетъ правосудіе.

Теоретическія положенія о независимости суда, несмѣняемости судей выросли на почвѣ практическихъ требованій достиженія справедливыхъ судебныхъ приговоровъ, да и сама обосновывающая эти принципы теорія Montesquieu, какъ извѣстно, представляетъ не что иное, какъ отвлеченіе общихъ идей отъ англійскаго строя. Приговоръ или рѣшеніе, возстанавливающіе поколебленный правопорядокъ, произносятся судомъ, сталкивающимся при осуществленіи своей дѣятельности съ самыми разнообразными, борющимися въ обществѣ, силами, и постановляются по свободному внутреннему убѣжденію входящихъ въ составъ суда судей. И для того, чтобы рѣшенія и приговоры суда внушали къ себѣ довѣріе, были далеки отъ подозрѣній въ какихъ бы то ни было вліяніяхъ на совѣсть судьи и, въ частности, отъ давленій со стороны той же государственной власти, вѣтвью которой является власть судебная, для того, чтобы общество было увѣрено, что судъ есть, дѣйствительно, воплощеніе закона, а судья—„живой выразитель правосудія“, и что, говоря словами Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, „всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“—необходимы и отдѣленіе судебной

---

[1]) И. Я. Фойницкій. Курсъ уголовн. судопроизводства, т. I, 1912 г., стр. 43.

[2]) Laband. Das Staatsrecht des deutshen Reichs., B. III, 344.

власти, и ея независимость не только отъ сторонъ, въ дѣлѣ участвующихъ, но и отъ властей, и несмѣняемость судей.

Такимъ образомъ, эти, признаваемыя теоріею права необходимыми для правильной государственной организаціи, начала судебнаго строя почерпаются изъ тѣхъ задачъ, которыя ставятся суду, какъ органу государства, изъ цѣлей правосудія. Они обусловливаются собственною ихъ цѣнностью, внутреннею полезностью, чѣмъ и объясняется усвоеніе ихъ законодательствами странъ самаго разнообразнаго образа правленія.

При единствѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ признанныхъ всѣмъ человѣчествомъ началъ судебнаго строя, на долю національнаго творчества каждаго народа выпадаетъ воплощеніе этихъ міровыхъ основъ судоустройства въ постановленія закона, обезпечивающія достиженія правосудія. „Довѣріе къ силамъ русскаго народа и сознаніе (составителями Судебныхъ Уставовъ) его особенныхъ интересовъ, говоритъ И. Я. Фойницкій, были причиною, что прямого заимствованія въ Судебныхъ Уставахъ мало, почти незамѣтно. Почти ни одинъ институтъ Уставовъ не можетъ быть признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ, на каждомъ изъ нихъ легла печать самобытности, каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельную русскую физіономію“ [1]).

Первою задачею настоящаго очерка и является, путемъ сопоставленія главнѣйшихъ институтовъ, изъ коихъ слагаются основы русскаго судоустройства, съ принятыми въ эпоху составленія Судебныхъ Уставовъ въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы, выяснить ту „печать самобытности“, „самостоятельную русскую физіономію“ этихъ институтовъ, въ созданіи которыхъ выразилось, по словамъ Н. А. Буцковскаго, не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою. Вторая задача очерка логически вытекаетъ изъ первой. Она состоитъ въ выясненіи ко дню пятидесятилѣтія Судебныхъ Уставовъ того, какія измѣненія тѣ же главныя начала судоустройства претерпѣли за полвѣка у насъ и въ тѣхъ же странахъ запада.

Среди этихъ важнѣйшихъ институтовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ настоящемъ очеркѣ, на первомъ мѣстѣ должно поставить начало несмѣняемости, своею цѣлью имѣющей

---

[1]) И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 43.

обезпечить возможность для судей „творить судъ по чистой совѣсти безъ всякаго въ чью-либо пользу лицепріятія“, и тѣснѣйшимъ образомъ связанные съ этимъ институтомъ вопросы о положеніи судьи, а именно о порядкѣ назначенія, повышенія судей, о вознагражденіи, оставленіи судей за штатомъ, дисциплинарной отвѣтственности и надзорѣ.

Всѣ эти основы судоустройства имѣютъ своею задачею обезпечить государству безпристрастіе судьи. Но для конечныхъ цѣлей государственнаго суда—правосудныхъ приговоровъ и рѣшеній и единства примѣненія закона—необходимо огражденіе и судей отъ невольныхъ ошибокъ и заблужденій. Изъ этихъ требованій вытекаетъ начало коллегіальности въ устройствѣ судовъ, принципъ двухъ инстанцій и идея кассаціоннаго суда. Далѣе, для огражденія права каждаго гражданина быть судимымъ своимъ „естественнымъ судьею“, для устраненія всякихъ сомнѣній въ возможности подбора коллегіи судей—въ судебныхъ организаціяхъ современныхъ государствъ устанавливаются особыя правила объ устройствѣ коллегіи и пополненіи ея состава, при недостаткѣ членовъ.

Наконецъ, въ области устройства уголовнаго правосудія всѣ современныя государства требуютъ участія общественнаго элемента. Отсюда одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ судебнаго права объ организаціи народнаго участія въ осуществленіи судебной власти.

Объективное сопоставленіе, въ виду ограниченнаго размѣра очерка, лишь наиболѣе существенныхъ и важныхъ сторонъ всѣхъ перечисленныхъ выше основныхъ началъ судоустройства у насъ и въ западно-европейскихъ странахъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и нынѣ, позволитъ сдѣлать и безпристрастные выводы о томъ, что дали намъ Судебные Уставы, стояли ли они на уровнѣ или выше или ниже „учителей“, и выяснить тѣ пути, по которымъ пошли въ развитіи судебнаго строя законодательства: наше и западно-европейскія.

II. Несмѣняемость судей. Увольненіе, перемѣщеніе, оставленіе за штатомъ. Судейская дисциплина. Устройство дисциплинарныхъ судовъ. Дисциплинарное производство. Надзоръ за судьями. Его органы и полномочія.

Понятіе судейской несмѣняемости, согласно тому опредѣленію ея, которое нынѣ принято въ наукѣ судебнаго права [1]), состоитъ въ огражденіи судей отъ произвольнаго увольненія, перемѣщенія и оставленія за штатомъ. Несмѣняемость—институтъ публичнаго порядка, она не создаетъ для чиновъ магистратуры субъективнаго права и устанавливается въ государственныхъ интересахъ для обезпеченія безпристрастнаго правосудія [2]). Поэтому, гарантія эта должна быть предоставлена всѣмъ должностнымъ лицамъ, исполняющимъ судейскія обязанности, а законодательныя постановленія, опредѣляющія тѣ элементы, изъ коихъ слагается понятіе несмѣняемости, съ одной стороны, должны оградить судью отъ условій, дающихъ основаніе къ развитію въ немъ малодушія и угодливости, дать возможность спокойно и безтрепетно осуществлять свою судейскую дѣятельность [3]), а, съ другой—предоставить государственной власти возможность устраненія судей неспособныхъ или недостойныхъ для исполненія своихъ отвѣтственныхъ обязанностей. Основными требованіями для достиженія этихъ цѣлей доктрина права считаетъ установленіе правилъ о томъ, что оставленіе судьи за штатомъ, при упраздненіи должности, возможно лишь при сохраненіи до новаго назначенія на равную должность полнаго содержанія, недобровольныя же увольненіе или перемѣщеніе судей—только при наличности опредѣленныхъ въ законѣ поводовъ по приговору суда (уголовнаго или дисциплинарнаго). Къ числу поводовъ, дающихъ основаніе къ увольненію и перемѣщенію въ порядкѣ дисциплинарномъ, теорія относитъ не только проступки по должности, но и внѣслужебные поступки, несовмѣстимые съ

---

[1]) См. выше, стр. 403.

[2]) Дюги. Констит. право (рус. пер. 1908 г.), стр. 666 и 667; Simonet. Traité de droit public et administratif. 1902, p. 111.

[3]) А. Ѳ. Кони, ук. ст., стр. 11.

высокимъ званіемъ судьи. Достоинство того или иного національнаго законодательства въ области упроченія положенія судьи и измѣряется степенью его приближенія къ этимъ началамъ.

Наши Судебные Уставы предоставили гарантію несмѣняемости всѣмъ судьямъ какъ мировыхъ, такъ и общихъ судебныхъ мѣстъ, установивъ, что судьи не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія, временное же устраненіе отъ должности допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду, а совершенное удаленіе или отрѣшеніе отъ должности—не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда (ст. 72 и 243 Учр Суд. Уст.). Изъ общаго правила о неувольненіи судей иначе, какъ по прошенію или приговору уголовнаго суда, были допущены исключенія для судей: 1) неприбывшихъ безъ уважительныхъ причинъ на службу въ теченіе мѣсяца, 2) тяжко-больныхъ, не являвшихся въ теченіе года на службу, 3) подвергшихся наказанію за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ, и 4) несостоятельныхъ должниковъ или подвергшихся задержанію за долги. Первыя двѣ категоріи судей могли быть уволены, по истребованіи объясненій отъ нихъ и выслушаніи прокурора, не иначе, какъ по опредѣленію общаго собранія судебнаго мѣста, къ которому принадлежитъ судья, причемъ на это опредѣленіе допускались жалобы въ высшій въ порядкѣ инстанцій судъ (ст.ст. 228—231 Учр. Суд. Уст., изд. 1864 г.), а послѣднія категоріи по опредѣленію Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената (ст.ст. 295 и 296 Учр. Суд. Уст., изд. 1864 г.). Недобровольныя же перемѣщенія были допущены лишь для судебныхъ слѣдователей, но только изъ одного въ другой участокъ одного и того же суда и не иначе, какъ по утверждаемымъ министромъ юстиціи опредѣленіямъ общаго собранія суда (ст. 227 Учр. Суд. Уст.). Наконецъ, усмотрѣнію Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ было предоставлено преданіе уголовному суду судьи, подвергшагося въ теченіе одного года тремъ предостереженіямъ (ст. 293 Учр. Суд. Уст.).

Сопоставленіе установленнаго у насъ въ 1864 году понятія несмѣняемости съ опредѣляющими эту судейскую гарантію правилами западныхъ законодательствъ не можетъ не привести къ выводу, что Судебными Уставами нашимъ судьямъ было даровано положеніе совершенно исключительное въ

судебномъ мірѣ главнѣйшихъ государствъ континентальной Европы [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, если оставить въ сторонѣ Англію [2]),—гдѣ институтъ несмѣняемости покоился болѣе на историческихъ традиціяхъ, чѣмъ на твердыхъ правилахъ закона,—въ законодательствахъ главнѣйшихъ государствъ континентальной Европы, ко времени изданія Судебныхъ Уставовъ, судейская несмѣняемость или вовсе не существовала (въ Австріи, гдѣ она установлена основнымъ закономъ о судебной власти 21 декабря 1867 г., ст. 6), или была гарантирована въ значительно меньшей степени, а объемъ ея примѣненія, въ нѣкоторыхъ странахъ, несравненно уже, чѣмъ то было установлено у насъ Судебными Уставами.

Въ иныхъ государствахъ несмѣняемость предоставлялась далеко не всѣмъ судьямъ. Такъ, въ Италіи, на основаніи конституціи 4 марта 1848 г., кантональные судьи, а въ Баденѣ амтсрихтеры не пользовались несмѣняемостью, всѣ же прочіе пріобрѣтали ее только послѣ истеченія трехъ лѣтъ службы [3]). Во Франціи несмѣняемость не была предоставлена мировымъ судьямъ (ст. 56 конст. 14 янв. 1852 г.; конст. 4 ноября 1848 г., ст. 87) и въ сущности, такъ называемымъ, дополнительнымъ судьямъ (juges suppléants), такъ какъ для этихъ послѣднихъ всякій отказъ отъ исполненія обязанностей влекъ увольненіе отъ должности (ст. 10 зак. 10 апр. 1838 г.) [4]). Баварская конституція (§ 3

---

[1]) Проф. А. В. Завадскій, въ сочиненіи своемъ „Несмѣняемость судьи и его независимость“ (Труды Казанскаго Юридич. Общества за 1903 г., ч. I, стр. 47) указываетъ, что Судебными Уставами нашимъ судьямъ было дано „единственное положеніе въ Европѣ“. Это утвержденіе слишкомъ категорично, такъ какъ, на основаніи ст. 100 бельгійской конституціи 7 февраля 1831 г., и въ Бельгіи судья не могъ быть лишенъ мѣста или отрѣшенъ отъ должности иначе, какъ на основаніи судебнаго приговора, а перемѣщенъ только съ его согласія.

[2]) Хотя англійскіе мировые судьи съ XVII ст., а полицейскіе—со времени ихъ учрежденія (1835 г.) не были смѣщаемы, но, по закону, они назначаются „during good pleasure“: на время добраго расположенія короны. Только высшіе судьи (члены трехъ судовъ общаго права и канцлерскаго отдѣленія, объединенныхъ въ 1873 г. въ Supreme Cour of judicature) призываются „during good behaviour“, пока ихъ поведеніе безупречно и могутъ быть смѣщаемы лишь по адресу обѣихъ палатъ королю. Палаты подъ условія „during good behaviour“ могутъ подвести любую формулу неодобрительнаго поведенія, которое можетъ способствовать нарушенію довѣрія къ судьѣ, но, обыкновенно, парламентъ отказывается вотировать адресъ. По установившемуся, однако, обычаю судьи, имена коихъ въ такихъ обстоятельствахъ были произнесены въ палатахъ, подаютъ прошенія объ отставкѣ. См. Franqueville. Le système judiciaire de la Grande Bretagne, 1893, p. 90, 384, 388—389. В. Энсонъ. Англ. корона, ея конст. законы и обычаи (рус. пер., 1914 г.), стр. 200—201, 452—455. П. И. Люблинскій. Очерки угол. суда и наказанія въ совр. Англіи, 1911 г., стр. 210 и 234.

[3]) А. В. Завадскій, *ук. ст., стр. 45; Итал. конст., ст. 69.*

[4]) А. Н. Чебышевъ-Дмитріевъ. Нач. франц. угол. судопр. Юр. Вѣстн. 1863 г., № 11, стр. 73.

отд. VIII) лишь запрещала увольненіе отъ должности съ утратою содержанія и тѣмъ признавала за правительствомъ право увольнять судей, не лишая, однако, ихъ жалованья.

Трудно говорить о несмѣняемости судей, достигшихъ установленнаго въ нѣкоторыхъ странахъ предѣльнаго возраста, ибо и съ наступленіемъ этого возраста [1]) судьи остаются въ своихъ должностяхъ, но могутъ быть смѣщены во всякое время (ст. 3 декр. 1 марта 1852 г.—Франція, ст. 106 зак. 13 ноября 1859 г.—Италія, § 51 сакс. зак. 1881 г. и др.).

Кромѣ того, итальянское и баденское законодательства не ограждали несмѣняемыхъ судей отъ переводовъ, безъ ихъ на то согласія, на равную должность въ другое судебное учрежденіе, допуская эти переводы королевскимъ приказомъ для пользы службы. Итальянскіе же слѣдователи даже при назначеніи ихъ изъ числа несмѣняемыхъ судей могли быть смѣняемы (ч. 2 ст. 29 зак. 1859 г.). Прусскій законъ 7 мая 1851 г. допускалъ перемѣщеніе судей, вопреки ихъ волѣ, тогда, „когда это является крайне необходимымъ для правосудія“ (§ 51). Французское законодательство не ограждало судей отъ увольненія, а прусское—отъ недобровольнаго перемѣщенія при уничтоженіи должности (франц. зак. 23 сент. 1824 г., ст. 5; прус. зак. 7 мая 1851 г., § 51) [2]).

Устраненіе судей, по физическимъ или нравственнымъ причинамъ неспособныхъ къ продолженію судейской дѣятельности или совершившихъ проступокъ по службѣ, въ видѣ общаго правила, производилось по рѣшенію суда (уголовнаго или дисциплинарнаго), но и здѣсь допускались значительныя отступленія. Такъ, во Франціи судья, самовольно отлучившійся изъ мѣста своей службы и не возвратившійся по вызову генеральнаго прокурора, могъ быть уволенъ отъ должности декретомъ императора. Въ Италіи—безъ суда могъ быть уволенъ судья, трижды подвергшійся дисциплинарному взысканію (ст. 110, п. 4 ст. 109 зак. 1859 г.), то же допускалось и баварскимъ законодательствомъ [3]). Въ такомъ же порядкѣ увольнялись въ Италіи судьи,

---

[1]) Во Франціи — 75 лѣтъ для членовъ кассаціоннаго суда и 70 лѣтъ для прочихъ судей, въ Италіи—75 лѣтъ, въ Пруссіи, Баваріи, Саксоніи—65 лѣтъ.

[2]) А. В. Завадскій, ук. ст., стр. 45; ст. 103 итал. зак. 1859 г. См. также M. Massabiau. Manuel de Ministère Public près les cours et les tribunaux, t. I—III, 1904, n° 173.

[3]) Massabiau, l. c., n° 117. Aubin. Die Entwickelung der richterliche Unabhängigkeit, 1906, s. 32.

лишившіеся возможности исполнять свои обязанности по болѣзни (ст. 107 зак. 1859 г.). Во Франціи для тяжко захворавшихъ судей закономъ 16 іюня 1824 г. была создана нѣкоторая гарантія, состоявшая въ томъ, что въ случаѣ „d'infirmités graves et permanentes" судьи могли быть уволены лишь согласно рѣшенію комиссіи судей, состоявшей изъ предсѣдателя, предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ и старшаго члена суда, къ которому принадлежитъ заболѣвшій судья (ст. 2 зак. 1824 г.).

Увольненіе отъ должности, помимо случаевъ присужденія судьи къ наказаніямъ, которыя влекли за собою это послѣдствіе, допускалось какъ при осужденіи уголовнымъ судомъ къ наказанію даже и не тяжкому [1]), такъ и въ качествѣ высшей мѣры дисциплинарнаго взысканія, по рѣшенію дисциплинарныхъ судовъ. Какъ мѣра дисциплинарнаго взысканія, увольненіе судей могло имѣть мѣсто не только въ случаяхъ совершенія проступковъ по должности, но и при совершеніи проступковъ (хотя бы и внѣ должности), по опредѣленію французскаго и итальянскаго законодательствъ, порочащихъ судейское достоинство (comprometra la dignité de son caractère), или, какъ говорятъ германскіе законодатели, лишающихъ довѣрія и уваженія, которыхъ требуетъ должностное положеніе судьи [2]).

Отказавшись отъ установленія предѣльнаго возраста, „имѣющаго видъ какъ бы наказанія за то, что должностное лицо достигло извѣстнаго возраста на службѣ" [3]), даровавъ гарантію несмѣняемости всѣмъ безъ исключенія лицамъ судейскаго званія, не допустивъ ничѣмъ не мотивированныхъ произвольныхъ переводовъ судей и слѣдователей и предоставивъ потерявшимъ силы судьямъ годичный срокъ для возстановленія здоровья и смѣщеніе ихъ поставивъ въ зависимость отъ вотума общихъ собраній судовъ, а увольненіе во всѣхъ прочихъ случаяхъ — отъ приговора уголовнаго суда, составители Судебныхъ Уставовъ, дѣйствительно, поставили русскихъ судей на недосягаемую для главнѣйшихъ западныхъ странъ высоту.

---

[1]) При осужденіи къ простому полицейскому наказанію (ст. 59 франц. зак. 20 апр. 1810 г.) или наказанію, не соединенному съ воспрещеніемъ поступать на службу (п. 1 ст. 108 итал. зак. 1859 г.), или къ лишенію свободы на срокъ свыше одного года (§ 6 прус. зак. 1851 г.).

[2]) Ст. 49 франц. зак. 20 апр. 1810 г.; ст. 4 декр. 1 марта 1852 г.; п. 2 ст. 109 итал. закона 1859 г.; § 1 прус. зак. 7 мая 1851 г.

[3]) Журн. Гос. Сов. 1864 г., № 48, стр. 33.

Лишь послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ къ концу пятидесятилѣтняго существованія Уставовъ, иностранныя законодательства начинаютъ приближаться къ той постановкѣ судейской несмѣняемости, которая была установлена у насъ въ 1864 году.

Несмѣняемость мировыхъ судей во Франціи установлена лишь закономъ 12 іюля 1905 г. Но несмѣняемость въ значительной мѣрѣ болѣе шаткая, чѣмъ остальныхъ судей, такъ какъ, согласно ст. 21 закона 1905 г. о реорганизаціи мировой юстиціи, судьи, во первыхъ, ограждаются только отъ произвольныхъ увольненій и пониженій въ содержаніи, но не отъ перемѣщеній, а во вторыхъ, увольненіе и пониженіе ихъ поставлены въ зависимость отъ рѣшенія не общаго для всей французской магистратуры высшаго совѣта—общаго собранія кассаціоннаго суда,—а особаго установленія, большинство членовъ коего находится въ полной зависимости отъ правительства, а именно комиссіи, состоящей изъ генеральнаго прокурора кассаціоннаго суда, трехъ совѣтниковъ этого суда и трехъ директоровъ министерства юстиціи. Затѣмъ, нѣсколько упрочено положеніе судей, утратившихъ здоровье, такъ какъ рѣшеніе объ увольненіи предоставлено общему собранію кассаціоннаго суда (ст. 15 зак. 30 авг. 1883 г.), и, наконецъ, дарована несмѣняемость дополнительнымъ судьямъ (ст. 14 того же закона). Италія, сохраняющая прежнее правило о предоставленіи судьямъ гарантіи несмѣняемости только послѣ трехлѣтней службы (ст. 1 зак. 24 іюля 1908 г.), распространила ее на единоличныхъ судей (ст. 199 учр. суд. уст. 6 дек. 1865 г.), оградила судей отъ произвольныхъ перемѣщеній, допустивъ такіе переводы не иначе, какъ по постановленію высшаго совѣта магистратуры [1]) (ст. 4 того же закона), и понизивъ предѣльный возрастъ для судей, занимающихъ должности ниже члена апелляціоннаго суда, до 70 лѣтъ, устранила возможность оставленія ихъ въ положеніи смѣняемыхъ въ любой моментъ, такъ какъ нынѣ (ст. 32 зак. 14 іюля 1907 г.) они увольняются въ силу закона.

---

[1]) Въ составъ совѣта входятъ: первый президентъ и генеральный прокуроръ римскаго кассаціоннаго суда, девять судей, въ званіи не ниже перваго президента апелляціоннаго суда, назначаемыхъ королевскимъ приказомъ по обсужденіи представленія министра юстиціи въ совѣтѣ министровъ, и девять членовъ, назначаемыхъ министромъ юстиціи, изъ числа избранныхъ пятью кассаціонными судами Италіи.

Австрійскій основной законъ о судебной власти 21 декабря 1867 г. несмѣняемость предоставилъ только тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыя считаются судьями, а именно: предсѣдателямъ, ихъ товарищамъ, членамъ коллегіальныхъ судовъ и участковымъ судьямъ (ст. 2 зак. 27 ноября 1896 г. объ учрежденіи судовъ). Но эта гарантія не распространяется на адъюнктовъ суда [1]), которымъ, однако, по распоряженію министра юстиціи, можетъ быть предоставлено право голоса по уголовнымъ дѣламъ (ст. 30 того же закона), и на слѣдователей (§§ 1, 48 и 55 зак. 21 мая 1868 г.). Увольненіе судей и перемѣщеніе противъ желанія законъ 1867 г. поставилъ въ зависимость отъ судебнаго приговора, но дальнѣйшее законодательство предоставило министру юстиціи право, по своему усмотрѣнію, перемѣщать судей, въ предѣлахъ округа апелляціонной палаты, изъ одного суда въ другой, а въ судъ другого округа на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ (§ 49 зак. 21 мая 1868 г.). Не предоставило гарантіи несмѣняемости, такъ называемымъ, асессорамъ—соотвѣтствующимъ по своему положенію адъюнктамъ—и германское учрежденіе судебныхъ установленій 1877 г. Между тѣмъ, министерствамъ юстиціи германскихъ государствъ предоставлено командировать асессоровъ для замѣщенія судей, какъ единоличныхъ, такъ и коллегіальныхъ. Годъ за годомъ, говоритъ Aubin, сотни должностей амтсрихтеровъ исполняются асессорами [2]).

Всѣ ограниченія принципа несмѣняемости, сохраняющіяся въ дѣйствующихъ и нынѣ закодательныхъ актахъ иностранныхъ государствъ, изданныхъ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, равно какъ и только что приведенныя отступленія отъ начала несмѣняемости, допущенныя въ законахъ, послѣдовавшихъ послѣ введенія у насъ Судебныхъ Уставовъ, позволяютъ сказать, что законодательства главнѣйшихъ иностранныхъ государствъ не достигли той высоты постановки этого института, на которую онъ былъ возведенъ составителями Судебныхъ Уставовъ.

Нужно, однако, здѣсь же отмѣтить, что и наши новеллы къ Судебнымъ Уставамъ допустили существенныя отступленія отъ

[1]) Адъюнкты—вспомогательные судебные чины, обычно помогающіе судьямъ въ дѣйствіяхъ, не заключающихъ въ себѣ судебнаго опредѣленія, напр., въ дѣйствіяхъ по спорному и охранительному производствамъ.

[2]) Aubin. l. c., S. 18, 37—41, 45.

начала несмѣняемости, какъ оно было установлено въ Уставахъ. Въ настоящее время гарантіи несмѣняемости лишены мировые судьи въ мѣстностяхъ, гдѣ они назначаются отъ правительства. Возвращеніемъ въ этомъ отношеніи къ началамъ Судебныхъ Уставовъ, но не полнымъ, является законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, установившій, что въ западныхъ губерніяхъ, а также въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской и Ставропольской и повсемѣстно, гдѣ мировые судьи назначены въ виду неизбранія ихъ земскими собраніями, судьи получаютъ гарантію несмѣняемости по прослуженіи въ должности не менѣе трехъ лѣтъ. Судебные слѣдователи нынѣ могутъ быть перемѣщаемы изъ округа одного суда въ другой—по постановленію общаго собранія департаментовъ судебной палаты, а изъ одного округа судебной палаты въ округъ другой — по опредѣленію Соединеннаго Присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ.

Если въ сопоставленіи съ тѣми требованіями, которыя ставитъ теорія судебнаго права по отношенію несмѣняемости судей, большинство современныхъ Судебнымъ Уставамъ иностранныхъ законодательствъ не стояли на должной высотѣ, то и въ правилахъ Учрежденія Судебныхъ Установленій 1864 г., съ точки зрѣнія доктрины права, слѣдуетъ отмѣтить два недостатка.

Первый изъ нихъ относится къ недостаточному огражденію положенія судьи въ случаѣ упраздненія его должности[1]. Второй заключается въ томъ, что подъ гарантію несмѣняемости, такъ, какъ она была очерчена Судебными Уставами, могъ укрыться и недостойный судья[2]. Дѣйствительно, установляя, что увольненіе судьи можетъ имѣть мѣсто только по приговору уголовнаго суда, составители Судебныхъ Уставовъ удаленіе недостойнаго служителя правосудія поставили въ зависимость отъ того, предусмотрѣнъ ли и обложенъ ли такимъ наказаніемъ поступокъ судьи въ многочисленныхъ, но имѣющихъ чисто формальный характеръ, постановленіяхъ дисциплинарнаго свойства Уложенія о Наказаніяхъ. Между тѣмъ, этотъ уголовный кодексъ составлялся при совершенно иномъ положеніи, иныхъ условіяхъ и нравахъ судебнаго вѣдомства и не предусматриваетъ многихъ

---

[1]) См. Е. В. Васьковскій. Курсъ гражд. процесса, т. I, 1913 г., стр. 132; И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 236.

[2]) А. В. Завадскій, ук. соч., стр. 47.

дѣйствій, несогласныхъ съ достоинствомъ судебной службы въ той высокой ея постановкѣ, которая ей придана Судебными Уставами [1]).

Какъ же могло произойти, что составители Уставовъ, по поводу почти каждой обсуждавшейся ими мѣры, отмѣчавшихъ, что отправленіе правосудія зависитъ столько же отъ совершенства законовъ, сколько отъ достоинства судей, а достоинство судьи отъ его нравственныхъ качествъ,—сознававшихъ необходимость подвергать преслѣдованію каждое „неблаговидное дѣйствіе" судей, дабы возвысить въ глазахъ общества должность судьи [2]),—тѣмъ не менѣе, допустили возможность такого построенія института несмѣняемости, которое не только ограждало честно исполнявшихъ свой тяжелый долгъ судей, но и давало щитъ прикрытія и для „оскорблявшихъ своими поступками достоинство своего сословія". Это странное, на первый взглядъ, противорѣчіе объясняется тѣмъ, что творцы Судебныхъ Уставовъ предполагали принимаемыми ими мѣрами къ возвышенію должности судьи привлечь въ судебное вѣдомство лучшихъ, отборныхъ людей общества. И въ журналѣ Государственнаго Совѣта при обсужденіи Основныхъ Положеній, и въ объяснительной запискѣ къ учрежденію судебныхъ установленій, и въ журналѣ Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи проекта учрежденія красною нитью проходитъ мысль о необходимости изыскать способы къ привлеченію на службу по судебному вѣдомству и удержанію въ немъ лицъ, достойныхъ носить высокое званіе судьи [3]). Съ другой стороны, при преобразованіи судебной части предполагалось — и эта мысль также неоднократно подчеркивалась въ трудахъ по составленію Судебныхъ Уставовъ,—ограничиться „по возможности самымъ меньшимъ числомъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства" [4]). Но то, что было пригодно для незначительнаго по своей численности, а слѣдовательно могущаго быть тщательно подобраннымъ, судебнаго персонала первыхъ лѣтъ судебной реформы, оказалось

---

[1]) И. Я. Фойницкій, ук. соч., т. I, стр. 269.

[2]) Журналъ 1862 г., № 65, стр. 333; объясн. зап. 1863 г., стр. 103—110, 137; журналъ 1864 г., № 48, стр. 31 и 32.

[3]) Журналъ 1862 г., № 65, стр. 333, объясн. зап. 1863 г., стр. 137, 138; журналъ 1864 г., № 48, стр. 31 и 32.

[4]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 126, 140—142 и др.

недостаточнымъ, когда судебное сословіе начало исчисляться тысячами. Опытъ показалъ, что въ судейскую среду могутъ проникать и лица, далекія отъ того идеала, которому должны удовлетворять судьи, что и нашему законодательству необходимы имѣвшіяся въ иностранныхъ странахъ нормы, дающія возможность устраненія судей, не совершившихъ дѣянія, караемаго по уголовнымъ законамъ, но недопустимаго для глашатая закона—судьи.

Къ устраненію обоихъ, отмѣченныхъ выше, недостатковъ установленнаго Судебными Уставами института несмѣняемости и были направлены послѣдующіе законодательные акты.

Законъ 6 марта 1900 г. (ст. 231^1—231^4 Учр. Суд. Уст.) установилъ, что, при упраздненіи судейскихъ должностей въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, должности эти, когда въ сокращаемомъ судебномъ мѣстѣ нѣтъ свободныхъ вакансій, освобождаются чрезъ переводъ въ другой судъ, чрезъ увольненіе отъ службы или отчисленіе за штатъ судей, изъявившихъ на то свое согласіе, а при отсутствіи согласія—по представленію министра юстиціи. Что касается мировыхъ судей, то они въ такомъ случаѣ увольняются отъ службы, причемъ законъ (ст. 38^2 Учр. Суд. Уст. по зак. 15 іюня 1912 г.) опредѣляетъ, что увольненію подлежатъ получившіе меньшее число голосовъ при выборахъ. Судьи, оставленные за штатомъ, получаютъ или въ теченіе двухъ лѣтъ полный окладъ, или въ теченіе четырехъ лѣтъ половинный окладъ содержанія, если за это время имъ не будутъ предоставлены новыя должности, а при увольненіи въ отставку получаютъ пенсіи на особыхъ основаніяхъ: прослужившіе отъ 10 до 20 лѣтъ—$^1/_3$, отъ 20 до 30—$^2/_3$, а отъ 30 и выше—полный окладъ пенсіи.

Мѣра эта, смягчая допущенное при составленіи Судебныхъ Уставовъ нарушеніе принципа несмѣняемости, ставитъ нашихъ судей въ лучшее положеніе, чѣмъ, напр., во Франціи, гдѣ нынѣ послѣ закона 30 августа 1883 г., при упраздненіи должности, судья можетъ быть уволенъ въ отставку, пенсіи же назначаются чрезъ 30 и, лишь при увольненіи по предѣльному возрасту—чрезъ 20 лѣтъ. Размѣръ пенсіи равняется $^1/_6$ части содержанія и не долженъ превышать 6.000 фр. [1]). Однако законъ

[1]) Massabiau, l. c, n° 187, 191.

6 марта 1900 г., не можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ постановленіями другихъ иностранныхъ законодательствъ, усвоившихъ выдвигаемый доктриною права принципъ, что судья, находящійся за штатомъ, получаетъ полное свое содержаніе (ст. ст. 1 и 33 итал. зак. 14 іюля 1907 г.; ч. 3 § 8 герм. учр. суд. уст. 1 февр. 1877 г.).

Закономъ 20 мая 1885 г. введено у насъ увольненіе отъ должности или перемѣщеніе судей на равную въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Первая мѣра допущена при совершеніи судьею служебныхъ упущеній, не влекущихъ удаленія отъ должности по суду, но свидѣтельствующихъ о несоотвѣтствіи его занимаемому положенію или о явномъ небреженіи къ своимъ обязанностямъ, а равно поступковъ внѣ службы, настолько противныхъ нравственности или предосудительныхъ, что они несовмѣстимы съ достоинствомъ судейскаго званія и, получивъ огласку, лишаютъ судью необходимыхъ довѣрія и уваженія. Вторая мѣра можетъ быть примѣнена къ судьѣ, отказывающемуся отъ перевода въ другую мѣстность на равную должность, несмотря на то, что онъ образомъ своихъ дѣйствій поставилъ себя въ положеніе, подающее поводъ къ сомнѣніямъ въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей (ст. 295[2] Учр. Суд. Уст.).

Постановленія закона 20 мая 1885 г., направленныя къ устраненію изъ судейскаго сословія лицъ, роняющихъ достоинство суда, не противорѣча, въ отношеніи поводовъ къ увольненію, доктринѣ права, приблизили наше законодательство къ западноевропейскимъ порядкамъ, существовавшимъ во время составленія Судебныхъ Уставовъ и получившимъ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующее время. Не говоря уже о Франціи,—законодательство которой (ст. 14 зак. 30 авг. 1883 г.) сохраняетъ всѣ прежнія постановленія относительно очищенія судейскаго персонала,—по основаніямъ, почти тождественнымъ, предоставляютъ государственной власти увольнять въ дисциплинарномъ порядкѣ судей и законодательства другихъ иностранныхъ государствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, и притомъ новѣйшія, идутъ дальше новеллы 1885 г., распространяя это право и на поступки, несовмѣстимые съ достоинствомъ судьи, не получившіе огласки.

Такъ, согласно баварскому закону 26 марта 1881 года, перемѣщеніе судьи, кромѣ случаевъ перемѣщенія въ видѣ взы-

сканія, можетъ послѣдовать, если безъ вины судьи наступили такія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ правильная его дѣятельность въ данномъ мѣстѣ служенія дѣлается на продолжительное время невозможною, или если такія обстоятельства наступили, хотя и не безъ его вины, но дисциплинарное преслѣдованіе невозможно за истеченіемъ давности. Увольненіе судьи допускается, если онъ учинилъ грубое нарушеніе служебнаго долга или же поступокъ безнравственный или лишающій его уваженія, и оставленіе его въ должности невозможно безъ явнаго ущерба для судейской должности (§ 6) [1]).

Въ Пруссіи, по законамъ 7 мая 1851 г. и 9 апрѣля 1879 г., переводъ съ пониженіемъ содержанія или исключеніе изъ службы могутъ имѣть мѣсто въ случаяхъ нарушенія судьею его обязанностей и при поступкахъ, обнаружившихъ какъ по службѣ, такъ и внѣ ея, что судья недостоинъ довѣрія и уваженія, которыхъ требуетъ его должностное положеніе. Аналогично постановленіе и австрійскаго закона 21 мая 1868 г.

Наконецъ, изданный всего нѣсколько лѣтъ назадъ итальянскій законъ „о судейскихъ гарантіяхъ и дисциплинарной отвѣтственности чиновъ судебнаго вѣдомства" допускаетъ и отрѣшеніе отъ должности и исключеніе изъ службы судей, нарушающихъ или небрежно исполняющихъ обязанности, на нихъ возлагаемыя, или поведеніе коихъ на службѣ или внѣ ея (ou au dehors) можетъ сдѣлать ихъ недостойными довѣрія, уваженія и почтенія, требуемыхъ ихъ званіемъ, или скомпрометировать достоинство или престижъ судебнаго сословія (ст. ст. 11 и 12 зак. 24 іюля 1908 г.). Перемѣщенія же могутъ послѣдовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судьи по какой бы то ни было причинѣ, даже и независимо отъ какой-либо вины съ ихъ стороны, не сумѣютъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ отправлять правосудіе въ условіяхъ, требуемыхъ достоинствомъ и престижемъ судебнаго званія (ст. 4 зак. 1908 г.).

Всѣ эти постановленія отличаются отъ поводовъ потери судьею несмѣняемости, даваемыхъ въ новеллѣ 1885 г., лишь редакціонными измѣненіями и въ существѣ своемъ не отличаются отъ ст. 295[2] Учр. Суд. Уст. [2]). Такимъ образомъ и въ

[1]) См. также Aubin, l. c., S. 32—34.

[2]) Это мнѣніе высказываетъ и проф. А. В. Завадскій, ук. ст., стр. 47 и 48.

отношеніи этихъ частныхъ законодательныхъ постановленій, опредѣляющихъ случаи, когда несмѣняемость можетъ быть нарушена, наблюдается такъ же, какъ и относительно основныхъ началъ судоустройства, тождество постановленій судебнаго права, что̀ указываетъ на государственную ихъ необходимость. Несомнѣнно, что опредѣленія пунктовъ ст. 295[2] Учр. Суд. Уст., равно какъ и соотвѣтствующія имъ постановленія западно-европейскихъ законодательствъ, отличаются значительною широтою. Нѣмецкая литература называетъ приведенныя постановленія дисциплинарныхъ законовъ — „каучуковыми“ [1]). Но едва ли и возможно дать объективные признаки поступковъ судьи, которые могутъ влечь отмѣну гарантіи несмѣняемости. Какъ на то указываетъ проф. А. В. Завадскій, суть здѣсь каждый разъ не въ объективныхъ признакахъ совершившагося событія или дѣйствія, а въ томъ, является ли это событіе или дѣйствіе показателемъ неспособности судьи или заслуженной потери имъ довѣрія. Къ тому же всѣ законодательства, въ полномъ согласіи съ теоріею права, признаютъ, что въ данномъ случаѣ инкриминироваться судьѣ могутъ и поступки частной его жизни, разъ они колеблютъ уваженіе къ нему въ обществѣ. Невозможно, замѣчаетъ Aubin, ни исчислить исчерпывающимъ образомъ всѣ мыслимыя нарушенія служебныхъ обязанностей, ни безконечное число возможныхъ эксцессовъ частной жизни, отъ контролированія которой государственная власть не можетъ отказаться въ интересахъ достоинства судебнаго званія. „Судья, говоритъ Vivien, не былъ бы достоинъ исполнять долгъ правосудія, если бы онъ въ своей частной жизни былъ извѣстенъ нечестностью (deloyalité) и неделикатностью“ [2]).

При неизбѣжной, такимъ образомъ, гибкости опредѣленій, указывающихъ случаи, когда гарантія несмѣняемости устраняется, исключительную важность пріобрѣтаютъ составъ учрежденій, уполномоченныхъ на лишеніе судей этой гарантіи путемъ увольненія ихъ или перемѣщенія, и порядокъ производства дѣлъ этими учрежденіями. Если справедливо высказанное извѣстнымъ итальянскимъ государствовѣдомъ и политическимъ дѣятелемъ Orlando

---

[1]) Aubin, l. c., S. 28—29.

[2]) І. В. Михайловскій, ук. соч., стр. 137 и 138 и сл.; Н. О. Куплеваскій. Госуд. служба въ теоріи и въ дѣйств. правѣ, 1888 г., стр. 56 и 57; Aubin, l. c., S. 28 и 29; Massabiau, l. c., n° 5459.

положеніе, что вся дисциплинарная организація магистратуры должна быть сведена къ формулѣ: „абсолютныя гарантіи и желѣзная дисциплина", то эти гарантіи дисциплинарнаго устройства и судопроизводства, проникающихъ въ интимную жизнь судьи, должны въ полной мѣрѣ обезпечивать всесторонность и тщательность обсужденія вмѣняемаго судьѣ поступка, давать максимальную охрану процессуальныхъ правъ обвиняемаго судьи. Съ этой точки зрѣнія и подлежатъ разсмотрѣнію вопросы объ организаціи дисциплинарныхъ судовъ для магистратуры и примѣняемыя въ нихъ процессуальныя правила.

Итакъ, первый вопросъ—объ устройствѣ учрежденій, увольняющихъ и перемѣщающихъ судей противъ ихъ желанія.

Судебные Уставы, какъ мы видѣли, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ими допускалось увольненіе и перемѣщеніе судей не по судебному приговору, уполномачивали принимать эти мѣры общія собранія судебныхъ мѣстъ. Тотъ же порядокъ, ~~пятьдесятъ~~ лѣтъ тому назадъ, существовалъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда увольненіе или перемѣщеніе судей было предоставлено исполнительной власти (ст. 111 итал. зак. 1859 г., прусск. зак. 1851 г., ст. 20; франц. декретъ 1 марта 1852 г., ст. 5).

Законъ 20 мая 1885 г., для разрѣшенія вопросовъ объ увольненіи и перемѣщеніи судей, въ предусмотрѣнныхъ ст. 295^2 Учр. Суд. Уст. случаяхъ, учредилъ Высшее Дисциплинарное Присутствіе въ составѣ: первоприсутствующихъ кассаціонныхъ департаментовъ (2) всѣхъ сенаторовъ Соединеннаго Присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ (7, считая и первоприсутствующаго), и четырехъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, назначаемыхъ ежегодно Высочайшею властью (ст. 119^1 Учр. Суд. Уст.). Недостатки въ организаціи Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія въ нашей литературѣ усматриваютъ въ томъ, во 1-хъ, что въ его составъ входятъ, хотя и въ маломъ числѣ, не пользующіеся несмѣняемостью сенаторы I департамента, во 2-хъ, что, какъ эти сенаторы, такъ и четыре сенатора кассаціонныхъ департаментовъ, назначаются ежегодно и, въ 3-хъ, что составъ Присутствія малочисленъ, и, такимъ образомъ, правительство получаетъ возможность вліять на составъ Присутствія. Цѣлесообразнымъ порядкомъ образованія дисциплинарныхъ учрежденій въ теоріи считается или образо-

ваніе присутствій путемъ выбора членовъ ихъ общими собраніями судовъ, или предоставленіе дисциплинарной власти этимъ послѣднимъ [1]).

Однако, нынѣ западно-европейскія законодательства пришли къ учрежденію дисциплинарныхъ присутствій на замѣну общихъ собраній судебныхъ мѣстъ, въ качествѣ дисциплинарныхъ учрежденій, которымъ предоставляется рѣшеніе вопроса о лишеніи судьи гарантіи несмѣняемости. За исключеніемъ Франціи, въ которой, однако, послѣ изданія закона 30 августа 1883 г., дѣла о перемѣщеніи и увольненіи судей, кромѣ мировыхъ, изъяты изъ вѣдѣнія общихъ собраній судебныхъ мѣстъ и сосредоточены въ высшемъ совѣтѣ французской магистратуры — общемъ собраніи кассаціоннаго суда (ст. 13) [2]),—въ остальныхъ главнѣйшихъ странахъ континента Европы для указанной цѣли учреждены дисциплинарныя присутствія, причемъ замѣчается тенденція въ децентрализаціи этихъ учрежденій. Дѣйствительно, въ Австріи (зак. 21 мая 1868 г.), Италіи (зак. 24 іюля 1908 г.), Баваріи (зак. 26 марта 1881 г.), Саксоніи (зак. 20 марта 1881 г.) и Пруссіи (зак. 7 мая 1851 г. и 9 апр. 1879 г.) существуютъ дисциплинарныя присутствія и при высшихъ судахъ государства, и при судахъ апелляціонныхъ, причемъ въ первыхъ двухъ государствахъ компетенція послѣднихъ болѣе или менѣе ограниченная, не превышающая дѣлъ о членахъ судовъ первой инстанціи, а въ германскихъ странахъ—распространяющаяся и на предсѣдателей ландгерихтовъ и даже членовъ судовъ, при коихъ присутствія состоятъ [3]).

Составъ этихъ присутствій немногочисленный, а организація въ значительной степени зависитъ отъ судебной администраціи, къ числу которой литература относитъ, какъ извѣстно, и назначаемыхъ правительствомъ предсѣдательствующихъ судей [4]). Въ

---

[1]) А. В. Завадскій, ук. соч., стр. 49; Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 132 и 233; И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 239.

[2]) Для мировыхъ судей во Франціи учреждено особое дисциплинарное присутствіе закономъ 12 іюля 1905 г. (см. выше стр. 413), а въ февралѣ 1907 г. внесенъ въ палату депутатовъ проектъ учрежденія особаго дисциплинарнаго присутствія для разрѣшенія дѣлъ о перемѣщеніяхъ судей, въ составѣ перваго президента и генеральнаго прокурора кассац. суда и назначаемыхъ ежегодно двухъ членовъ этого суда и одного директора министерства юстиціи. Annexe au procés-verbal de la séance de la Chambre des députés du 26 fevrier 1907. Projet de la loi sur l'organisation des cours et des tribunaux.

[3]) Aubin, l. c., S. 27—31.

[4]) І. В. Михайловскій, ук. соч., стр. 133; А. В. Завадскій, ук. ст., стр. 57—59; Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 234.

Австріи члены дисциплинарныхъ присутствій назначаются ежегодно предсѣдателями судовъ, при которыхъ они учреждены, въ числѣ при апелляціонныхъ—высшихъ земскихъ судахъ (Oberlandsgerichte),—кромѣ предсѣдателя суда, четырехъ членовъ, а при высшемъ кассаціонномъ судѣ (der oberste Gerichtshof)—изъ восьми членовъ, не считая предсѣдателя суда. Въ германскихъ государствахъ дисциплинарныя присутствія составляются разными порядками и на разные сроки. Въ Пруссіи—на годичный срокъ тѣмъ же способомъ, какъ и образованіе состава отдѣленій суда, установленнымъ § 61 учрежденія судебныхъ установленій Германской имперіи 27 января 1877 г., т. е. президіумомъ, состоящимъ изъ предсѣдателя суда, директоровъ (предсѣдателей отдѣленій) и старшаго члена суда. Въ Баваріи—на тотъ срокъ, въ теченіе коего судья, назначенный въ дисциплинарное присутствіе, будетъ состоять въ должности судьи,—королемъ по представленію президіума суда (§ 17 зак. 26 марта 1881 г.). Въ Саксоніи—непосредственно королемъ на годичный срокъ. Наиболѣе многочисленный составъ дисциплинарныхъ присутствій въ Пруссіи—семь судей, считая предсѣдателя, — при апелляціонныхъ судахъ и пятнадцать съ предсѣдателемъ—при каммергерихтѣ. Онъ понижается въ дисциплинарныхъ присутствіяхъ при апелляціонныхъ судахъ до шести — въ Баваріи и трехъ—въ Саксоніи, семи въ главномъ земскомъ судѣ Баваріи и предсѣдателя суда, предсѣдателей отдѣленій и двухъ предсѣдателей земскихъ судовъ—въ Саксоніи [1]).

Устройство дисциплинарныхъ судовъ Италіи—послѣднее слово западно-европейскаго законодательства въ этой области судебной организаціи. Законъ 24 іюля 1908 г. относительно гарантіи и отвѣтственности магистратуры установилъ при апелляціонныхъ палатахъ дисциплинарные совѣты въ составѣ: предсѣдателя суда, старшаго предсѣдателя отдѣленія и двухъ избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ палаты, отнеся къ компетенціи совѣта дѣла о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій (а въ томъ числѣ и увольненіе отъ службы—ст. 12) на судей не выше члена суда первой инстанціи (ст. ст. 15—17). Высшій дисциплинарный судъ, которому вручена дисциплинарная власть надъ всѣми остальными судьями, находится при министерствѣ юстиціи и состоитъ, подъ предсѣдательствомъ перваго президента римскаго касса-

---

[1]) Aubin, l. c. S. 31 и 34, 77—79.

ціоннаго суда, изъ шести старшихъ членовъ этого суда и назначаемыхъ декретомъ короля, послѣ обсужденія въ совѣтѣ министровъ представленія министра юстиціи, семи сенаторовъ (членовъ верхней законодательной палаты Италіи), причемъ, однако, въ члены суда не могутъ быть назначены тѣ сенаторы, кои состояли судьями или занимаются адвокатурою (ст. 18). Составъ членовъ суда обновляется каждые два года.

Если въ малочисленности состава учрежденія, которому предоставляется право рѣшать вопросы о перемѣщеніяхъ [1]) и увольненіяхъ судей, и въ зависимости образованія этихъ учрежденій не отъ общихъ собраній судовъ—усматривать колебаніе принципа несмѣняемости и независимости судей, то, въ виду состава дисциплинарныхъ присутствій значительной части крупнѣйшихъ государствъ Западной Европы, придется признать, что во всѣхъ этихъ странахъ этой независимости нанесены серьезнѣйшіе удары.

Несомнѣнно, конечно, что въ учредительныхъ постановленіяхъ о преобразованіи дисциплинарныхъ присутствій сказывается желаніе исполнительной власти оказывать вліяніе на устраненіе недостойныхъ судей. Это стремленіе ярко выражается въ австрійскомъ законодательствѣ, гдѣ образованіе дисциплинарныхъ присутствій вручено предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, для которыхъ, въ силу закона, обязательны указанія, даваемыя имъ министромъ юстиціи по вопросамъ судебнаго управленія (ст. 75 зак. 27 ноября 1896 г.) [2]). Оно особенно сказалось въ исторіи итальянскаго закона 1908 г. При первоначальномъ проектированіи этого закона предполагалось, что сенаторы будутъ избираться въ составъ высшаго дисциплинарнаго суда сенатомъ, на срокъ одной легислатуры [3]). Тотъ порядокъ назначенія сенаторовъ, который принятъ въ законѣ, говоритъ неаполитанскій профессоръ Tambaro, дѣлаетъ ихъ не делегатами сената, какъ учежденія политическаго, осуществляющаго обязанности контроля, а довѣренными правительства. Да и самое учрежденіе высшаго дисциплинарнаго суда,—при наличности образованнаго закономъ 14 іюля 1907 г. высшаго совѣта итальянской маги-

---

[1]) Въ Италіи перемѣщеніе судей зависитъ отъ высшаго совѣта магистратуры. См. выше, стр. 422.

[2]) Aubin, l. c., S. 77—79.

[3]) А. Люблинскій. Проектъ итал. закона о суд. гарантіяхъ. Журн. Мин. Юст. 1908 г., кн. I, стр. 299; ст. 18 проекта.

стратуры, который и по способу свой организаціи и по предметамъ, ему ввѣреннымъ, былъ бы наилучшаго качества установленіемъ и для дѣлъ дисциплинарныхъ, — по мысли Tambaro, дѣлаетъ неяснымъ цѣли, преслѣдовавшіяся закономъ [1]).

Тенденція современныхъ законодательствъ къ предоставленію, наряду съ регламентаціею отношеній исполнительной и судебной власти, нѣкотораго вліянія первой изъ нихъ на дѣла судебнаго управленія, съ которою мы встрѣтимся и дальше въ вопросѣ о судейской карьерѣ, находитъ извѣстную опору въ доктринѣ права.

Если принципъ обособленія властей, говоритъ Esmein, представляетъ великую истину, то все же не абсолютную истину. Это начало ни въ одномъ законодательствѣ не проводится, да, какъ то признается въ наукѣ государственнаго права, и не можетъ быть проведено безусловно. Обособленіе должно влечь независимость, говоритъ Franqueville, но независимость ограниченную, всѣ три обособленныя власти идутъ къ одной цѣли, всѣ они необходимые органы государственнаго организма, и каждая изъ нихъ, выполняя свою задачу, способствуетъ поддержанію государственной жизни. Обособленіе власти есть разность въ сотрудничествѣ различныхъ органовъ въ общей дѣятельности государства, отмѣчаетъ Duguit. Въ такомъ сотрудничествѣ различныя власти, дѣйствуя въ предѣлахъ своихъ полномочій, взаимно контролируютъ другъ друга и въ случаяхъ надобности противопоставляютъ, по мѣткому выраженію Esmein, на законной почвѣ то мирное противодѣйствіе, которое охраняетъ общественную свободу.

И какъ исполнительная власть, продолжаетъ Esmein, контролируется властью законодательною, такъ судебная власть должна быть подъ надзоромъ и контролемъ исполнительной. Надзоръ, говоритъ Duguit, принадлежитъ высшей администраціи и простирается на всѣхъ агентовъ власти безъ различія, каковъ бы ни былъ способъ ихъ назначенія, и какова бы ни была природа ихъ полномочій: на агентовъ по назначенію и агентовъ по выборамъ, на агентовъ судебныхъ и административныхъ. Дисциплина же есть санкція этого надзора [2]).

---

[1]) Ignatio Tambaro. Loi sur les garanties et la discipline des magistrats italiens. Revue du Droit public et de Science politique en France et à l'Etranger, № 4. 1908.

[2]) Esmein, l. c. p. 406, 441; Franqueville, l. c., p. 9; Дюги, назв. соч., стр. 455, 457, 640, 641.

Но если, въ виду соотношенія судебной и исполнительной властей въ современныхъ государствахъ, послѣдней изъ нихъ предоставляется въ дѣлѣ организаціи дисциплинарныхъ судовъ для судей извѣстное вліяніе, то несомнѣнно, однако, что этому вліянію должны быть положены извѣстныя границы. Иначе можетъ оказаться, что судейская независимость, торжественно запечатлѣнная въ законахъ, а во многихъ государствахъ даже въ конституціонныхъ грамотахъ, станетъ тѣмъ, по остроумному выраженію Адольфа Экснера, „обѣтомъ", за которымъ не послѣдовало исполненія. Тогда между судьею—„магистратурою" и чиновникомъ—„бюрократіею" останется лишь различіе въ наименованіи. И поэтому вліянію исполнительной власти на организацію учрежденій, которымъ ввѣряется дисциплинарная власть надъ судьями, долженъ быть положенъ предѣлъ въ томъ, вытекающемъ изъ принципа обособленія властей, положеніи, что дисциплинарная власть должна принадлежать судебнымъ органамъ, ибо, иначе, по правильному указанію Е. В. Васьковскаго, самостоятельность суда не можетъ быть обезпечена [1]).

О томъ, что ~~эти~~ органы должны быть коллегіальными, нѣтъ надобности и говорить, ибо, по справедливому замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ, чтобы судъ былъ самостоятельнымъ, а судья независимымъ, необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія личной подчиненности. Но разъ дисциплинарныя учрежденія должны быть устроены на коллегіальномъ началѣ, то и въ отношеніи ихъ организаціи долженъ получить примѣненіе, такъ называемый, принципъ устойчивости коллегіальныхъ судовъ (Unverschiebbarkeit), заключающійся въ такомъ устроеніи суда, при которомъ устраняется возможность подбора состава суда по усмотрѣнію власти, формирующей судъ. Этому принципу, несомнѣнно, противорѣчитъ принятое въ большинствѣ странъ краткосрочное назначеніе членовъ дисциплинарныхъ судовъ—на годъ или на два. Лица, назначенныя членами суда, отправляющаго правосудіе надъ судьями, не могутъ не имѣть той гарантіи, которая предоставляется подсудимымъ въ этихъ судахъ—несмѣняемости.

Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы признать наиболѣе правильнымъ принятый баварскимъ законодательствомъ по-

---

[1]) Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 233.

рядокъ назначенія судей членами дисциплинарныхъ судовъ на срокъ пребыванія въ должности судьи. Во всѣхъ прочихъ государствахъ порядокъ образованія дисциплинарныхъ присутствій, которымъ вручается право перемѣщенія и увольненія судей, долженъ быть признанъ дающимъ мѣсто для слишкомъ значительнаго вліянія правительственной власти. Но это явленіе при настоящихъ условіяхъ государственной жизни, повидимому, неизбѣжно.

Тѣмъ бо́льшую важность пріобрѣтаетъ второй ~~и послѣдній~~ изъ намѣченныхъ вопросовъ разсматриваемой области судоустройства—о порядкѣ производства дѣлъ въ дисциплинарныхъ присутствіяхъ при разрѣшеніи дѣлъ объ увольненіи и перемѣщеніи судей.

Судебные Уставы по этому вопросу ограничивались указаніемъ, что общія собранія судебныхъ мѣстъ, при обсужденіи дѣлъ объ увольненіи судей, не прибывшихъ въ срокъ къ мѣсту служенія или прохворавшихъ въ теченіе года, или присужденныхъ къ наказанію за внѣслужебные проступки, должны были постановлять рѣшенія по выслушаніи объясненій обвиняемаго и заключенія прокуратуры (ст. ст. 228—231 и 295 Учр. Суд. Уст.). Новелла 1885 г. не внесла въ эту область какихъ-либо улучшеній, такъ какъ въ ст. 295[2] Учр. Суд. Уст. только указывается, что Высшее Дисциплинарное Присутствіе рѣшаетъ дѣло по истребованіи отъ судьи объясненія [1]). Но такъ какъ тѣ основанія, по коимъ могло послѣдовать увольненіе, закономъ 20 мая 1885 г. измѣнены, и вмѣсто такихъ, вполнѣ объективныхъ фактовъ, какъ неприбытіе на службу, тяжкая болѣзнь, осужденіе,— Дисциплинарному Присутствію предоставлено право увольненія по обстоятельствамъ, крайне неопредѣленнымъ, процессуальный порядокъ разсмотрѣнія Присутствіемъ дѣлъ нельзя не признать совершенно несоотвѣтствующимъ ни громадности принадлежащей ему власти, ни крайней важности и тягости налагаемыхъ взысканій, ни положенію обвиняемаго судьи.

Съ точки зрѣнія процессуальныхъ гарантій правъ увольняемаго судьи, порядки западно-европейскихъ государствъ должны быть признаны стоящими неизмѣримо выше, чѣмъ установлен-

---

[1]) Практикою допущены личная явка обвиняемаго и представленіе устно своихъ объясненій.

ные Судебными Уставами и, въ особенности, новеллою 1885 г. Такъ, напримѣръ, по прусскому закону 1851 г., при неподачѣ захворавшимъ судьею прошенія объ отставкѣ въ теченіе шести недѣль, назначалось особое разслѣдованіе чрезъ судебнаго комиссара, а затѣмъ происходило устное разбирательство въ присутствіи судьи (§§ 61 и 62). Что же касается увольненія судей по другимъ причинамъ, то, по современнымъ Судебнымъ Уставамъ законодательствамъ, принявшимъ начало несмѣняемости, оно производилось въ томъ же порядкѣ, въ какомъ вообще налагались на судью дисциплинарныя взысканія, такъ какъ и увольненіе, и перемѣщеніе судей входили, ~~входятъ и нынѣ~~ въ лѣстницу этихъ взысканій, примѣняемыхъ тѣми же дисциплинарными присутствіями.

Въ этомъ громадная разница между Судебными Уставами и западными законодательствами. По нашему праву, увольненіе и перемѣщеніе судей въ дисциплинарномъ порядкѣ можетъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 295^{2} Учр. Суд. Уст. На западѣ, какъ въ этихъ случаяхъ—мы видѣли, что соотвѣтствующія постановленія иностранныхъ законодательствъ отличаются отъ правила ст. 295^{2} только редакціонно,—такъ и во всѣхъ иныхъ, когда противъ судьи можетъ быть возбуждено дисциплинарное производство, т. е. слѣдовательно и за проступки судьи по службѣ, ибо дисциплинарный судъ властенъ примѣнять за каждое обсуждаемое имъ дѣяніе судьи любое изъ находящихся въ его распоряженіи взысканій, соразмѣряя тяжесть взысканія, какъ говоритъ прусскій законъ 1851 г. (§ 16), съ большею или меньшею важностью проступка и принимая во вниманіе обычное поведеніе обвиняемаго. Такимъ образомъ, у насъ, съ одной стороны, область примѣненія наиболѣе тяжкихъ мѣръ воздѣйствія по отношенію къ судьѣ—увольненіе и перемѣщеніе—у́же, чѣмъ въ иностранныхъ законодательствахъ, а съ другой—объемъ правъ Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія меньше, чѣмъ въ аналогичныхъ учрежденій запада. Ограниченные же такъ предѣлы власти Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія могутъ вести или къ оправданію преданнаго суду Присутствія судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, находя наличность допущенныхъ судьею несовмѣстныхъ съ его званіемъ поступковъ, не признаетъ возможнымъ примѣнить эти серьезныя мѣры, или къ примѣненію ихъ и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ При-

сутствіе, обладая иными взысканіями, могло бы примѣнить эти послѣднія.

Еще болѣе существенная разница между нашимъ правомъ и западно-европейскимъ въ отношеніи порядка производства дѣлъ въ дисциплинарныхъ присутствіяхъ.

Правила производства дисциплинарныхъ дѣлъ на западѣ во время составленія Судебныхъ Уставовъ были уже вполнѣ выработанными и установившимися въ Пруссіи, Италіи и Франціи. Сохраняются они съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями донынѣ и постепенно усваиваются другими странами. Въ первыхъ двухъ они покоились на предписаніяхъ закона (въ Пруссіи—зак. 7 мая 1851 г., въ Италіи—зак. 13 ноября 1859 г.), въ послѣдней на твердо укрѣпившейся практикѣ. Въ общихъ чертахъ этотъ процессъ сводится къ слѣдующему. Производство возбуждается или одною прокуратурою, по приказанію министра юстиціи: Франція [1]), Италія (ст. 135 зак. 1859 г.) или же прокуратурою либо судомъ: Пруссія (§ 23 и сл. зак. 1851 г.). Во Франціи и Пруссіи дисциплинарный судъ, заслушавъ докладъ дѣла, разрѣшаетъ вопросъ о производствѣ предварительнаго изслѣдованія, которое при утвердительномъ рѣшеніи производится во Франціи –членомъ-докладчикомъ, въ Пруссіи—слѣдователемъ (§ 17 назв. зак.). На слѣдствіи допрашиваются обвиняемый, свидѣтели и вообще собираются доказательства (§ 27). Въ Италіи, по закону 1859 г., по полученіи предложенія прокуратуры предсѣдатель обязанъ былъ въ пятидневный срокъ вызвать судью (ст. 136), который долженъ явиться лично и лишь при наличности, признаваемыхъ судомъ уважительными, особыхъ причинъ могъ дать письменное объясненіе (ст. 137). Разборъ дѣла производится, по выслушаніи доклада дѣла, при закрытыхъ дверяхъ присутствія. Предъ рѣшеніемъ даютъ объясненія прокуроръ и обвиняемый или его защитникъ (въ Италіи защита не допускалась—ст. ст. 138 и 139 зак. 1859 г.), а въ Пруссіи производится допросъ свидѣтелей и вообще представленіе доказательствъ (§ 31).

Такой порядокъ производства дѣлъ объ увольненіи и перемѣщеніи судей, ~~конечно~~, ни въ какой мѣрѣ не можетъ быть сравниваемъ съ нашимъ, установленнымъ Судеб-

[1]) Massabiau, l. c., n° 135.

ными Уставами и сохраненнымъ закономъ 20 мая 1885 г. донынѣ.

Но, помимо этого, чрезвычайнаго, такъ сказать, порядка, у насъ существовалъ и существуетъ обыкновенный порядокъ дисциплинарнаго производства для разсмотрѣнія упущеній по службѣ (ст. 263 Учр. Суд. Уст.).

По Судебнымъ Уставамъ онъ сводился къ слѣдующему. Судъ—Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ относительно оберъ-прокуратуры Сената, магистратуры и прокуратуры судебныхъ палатъ и общее собраніе палатъ относительно магистратуры и прокуратуры окружныхъ судовъ — не подчиняется никакимъ особеннымъ формамъ, и порядокъ объясненія дѣла зависитъ отъ усмотрѣнія суда, но онъ долженъ руководствоваться правилами ст. 274—281 Учр. Суд. Уст. (ст. 282 того же Учрежденія). Правила эти просты и немногочисленны. По возбужденіи дисциплинарнаго производства судомъ или министромъ юстиціи, предсѣдатель суда, являющагося въ данномъ случаѣ дисциплинарнымъ судомъ, предлагаетъ дѣло на предварительное обсужденіе въ распорядительномъ засѣданіи суда. При этомъ обсужденіи, говоритъ законъ, судъ собираетъ справки и требуетъ объясненій отъ обвиняемаго [1]). Затѣмъ дѣло разсматривается въ общемъ собраніи департаментовъ или отдѣленій суда, куда можетъ явиться самъ обвиняемый, но не его повѣренный. По общему правилу, дѣло слушается при закрытыхъ дверяхъ присутствія, но обвиняемый можетъ просить о докладѣ дѣла въ публичномъ засѣданіи, и тогда обвиняемый вправѣ имѣть защитника изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Предъ рѣшеніемъ дѣла выслушивается заключеніе прокуратуры, обвиняемаго или его защитника.

Сопоставленіе порядка, установленнаго Судебными Уставами, съ изложенными выше порядками иностранныхъ государствъ не можетъ не привести къ выводу, что процессуальныя формальности производства дѣлъ, составляющія охрану правъ обвиняемаго, у насъ несравненно меньше, чѣмъ на западѣ. Такое построеніе дисциплинарнаго производства составители Судебныхъ Уставовъ приняли потому, что они придавали дисциплинарному суду „видъ

[1]) Практикою, въ соотвѣтствіи съ мотивами (об. зап., 1863 г., стр. 206), допускается обращеніе привлеченнаго съ ходатайствами о вызовѣ и допросѣ свидѣтелей, истребованіи документовъ. Отказъ можетъ послѣдовать только мотивированный (опр. Соед. Прис. I и касс. деп. 14 окт. 1904 г. по д. № 233).

и значеніе домашняго суда, несложнаго и освобожденнаго отъ всякихъ формальностей, затрудняющихъ и судебное мѣсто и стѣсняющихъ положеніе привлекаемаго къ дисциплинарной отвѣтственности лица свыше необходимости и вины его". Этотъ характеръ дисциплинарнаго суда условливаетъ, по мнѣнію составителей Уставовъ, и такъ сказать домашній, какъ и самъ судъ, порядокъ вчинанія дѣлъ и ихъ производство. „Они должны быть возбуждаемы прямо въ томъ судѣ, которому подсудно дисциплинарное дѣло, безъ всякихъ предварительныхъ разысканій" [1]). Но, наряду съ такимъ, едва ли съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя ставятся процессуальнымъ правиламъ, удачнымъ отступленіемъ отъ иностранныхъ порядковъ, Судебные Уставы установили то, чего не было на западѣ: гласность и притомъ полную, по требованію обвиняемаго, и, кромѣ того, давность. По ст. 273 Учр. Суд. Уст., по истеченіи одного года со времени упущенія, дисциплинарное производство не можетъ быть возбуждено. Такое правило было введено въ 1881 г. только въ Баваріи, но его нѣтъ и нынѣ въ прочихъ крупныхъ государствахъ континентальной Европы [2]). Даже въ итальянскомъ законѣ 24 іюля 1908 г., совершенно сближающемъ дисциплинарный процессъ съ уголовнымъ [3]), постановленій о давности не существуетъ, а гласность не допускается (ч. 2 ст. 23).

Но едва ли можно сдѣлать упрекъ составителямъ Судебныхъ Уставовъ въ непринятіи ими строгихъ формальныхъ правилъ производства дисциплинарныхъ дѣлъ, если вспомнить, что единственное взысканіе, которое могло быть наложено на судью въ дисциплинарномъ порядкѣ — было предостереженіе. На западѣ же, ~~какъ это уже нами отмѣчалось~~, дисциплинарный судъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую лѣстницу наказаній. Во Франціи, по дѣйствовавшему во время изданія Судебныхъ Уставовъ закону 20 апрѣля 1810 г. (ст. 50), дисциплинарный судъ могъ

---

[1]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 204 и 205.

[2]) Massabiau, l. c., n° 5460. Н. О. Куплеваскій, *ук. соч.*, стр. 79.

[3]) „Разслѣдованіе производится на основаніи правилъ, указанныхъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства" (ст. 21); въ судъ вызываются свидѣтели и эксперты (ст. 22); защита допускается (ч. 3 ст. 23), и вообще слушаніе дѣла происходитъ съ соблюденіемъ правилъ уголовнаго судопроизводства, поскольку то возможно по характеру дѣла (ч. 2 ст. 29), причемъ законъ особо указываетъ, что судъ не связанъ при оцѣнкѣ доказательствъ и долженъ руководствоваться внутреннимъ убѣжденіемъ и „обязанностью строго охранять достоинство и престижъ судебнаго сословія" (ч. I ст. 25).

подвергнуть судью слѣдующимъ взысканіямъ: простому замѣчанію, выговору (который соединялся съ лишеніемъ содержанія въ теченіе мѣсяца), временному удаленію отъ должности (влекшему и лишеніе содержанія). Наложеніе судомъ послѣдняго взысканія предоставляло министру юстиціи право предложить кассаціонному суду объ увольненіи судьи отъ службы (ст. 4 декр. 1 марта 1852 года). Аналогичны постановленія итальянскаго закона 1859 г., (ст. ст. 117, 125—128) и германскихъ государствъ. Законодательство послѣднихъ предоставляетъ суду, кромѣ указанныхъ мѣръ, право перевести судью въ другой судъ на низшій окладъ содержанія или подвергнуть денежному взысканію, не превышающему четырехмѣсячнаго содержанія (прусск. зак. 7 мая 1851 г., ст. 15 и 26 марта 1856 г. ст. 1). Предостереженіе—avertissement, Warnung,—какъ наименьшее изъ дисциплинарныхъ взысканій, знали во время составленія Судебныхъ Уставовъ и иностранныя законодательства, но они предоставляли налагать его единоличнымъ органамъ власти: министру юстиціи и предсѣдателямъ судовъ (ст. ст. 120 и 122 итал. зак. 1859 г.; ст. 49 франц. зак. 20 апр. 1810 г.; ст. ст. 81, 82 сенатусъ-конс. 16 терм. X года; прусск. зак. 1851 г.), и такъ какъ предостереженіе являлось по закону дисциплинарнымъ взысканіемъ, то и министръ юстиціи и предсѣдатели являлись дисциплинарною властью [1]). Достаточно сопоставить это право, предоставленное судебной администраціи относительно судей западно-европейскими законодательствами, съ тѣмъ, что для объявленія предостереженія Судебные Уставы установили хотя „домашняго характера", но процессъ и судъ авторитетной коллегіи, чтобы стало яснымъ, насколько составители Уставовъ стремились поставить высоко положеніе судьи и насколько наши Уставы 1864 г. въ этомъ отношеніи выше иностранныхъ.

Но, какъ уже отмѣчалось въ литературѣ, „стремясь оградить судейскую независимость, составители Уставовъ пошли слишкомъ далеко", и ограничить карательную власть дисциплинарныхъ судовъ правомъ налагать на судей одно только низшее взысканіе, носящее скорѣе предупредительный характеръ, было нецѣлесообразно [2]).

---

[1]) Massabiau, l. c., nº 136.

[2]) Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 240.

Новелла 1885 г. расширила власть дисциплинарныхъ судовъ, предоставивъ имъ за упущенія по службѣ подвергать судей не только предостереженіямъ, но и вычетамъ изъ жалованья (ст. 264 Учр. Суд. Уст.). Въ процессуальныя же правила законъ 20 мая 1885 г. внесъ слѣдующія измѣненія: уничтожена совершенно гласность производства и устранена защита (ст. ст. 281 и 282 Учр. Суд. Уст.), Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ, какъ дисциплинарный судъ для оберъ-прокуратуры и прокуратуры и магистратуры судебныхъ палатъ, замѣнено Высшимъ Дисциплинарнымъ Присутствіемъ, къ компетенціи котораго отнесены и дѣла о дисциплинарной отвѣтственности предсѣдателей окружныхъ судовъ (ст. 270 Учр. Суд. Уст.). „Домашній“ характеръ дисцицлинарнаго нашего процесса остался, такимъ образомъ, непоколебленнымъ, приблизившись къ западно-европейскому только тѣмъ, что была уничтожена гласность.

Лѣстница же дисциплинарныхъ взысканій попрежнему незначительна и не можетъ идти въ сравненіи съ тѣми, что содержатся и нынѣ въ законодательствахъ иностранныхъ государствъ, въ которыхъ наблюдается скорѣе склонность сдѣлать дисциплинарныя взысканія для судей болѣе суровыми. Дѣйствительно, во Франціи (ст. ст. 14 и 17 зак. 30 авг. 1883 г.) и Пруссіи (зак. 7 мая 1851 г. и 9 апр. 1879 г.) сохранялась та же длинная и внушительная скала дисциплинарныхъ мѣръ воздѣйствія на судей, что была и ранѣе. Австрійскій (1868 г.), а также баварскій и саксонскій законы о дисциплинарной отвѣтственности судей 1881 года, восприняли прусскую систему. Итальянскій же законъ 24 іюля 1908 г. даетъ уже болѣе длинную и чувствительную лѣстницу дисциплинарныхъ взысканій (ст. 12). Онъ знаетъ предостереженіе, объявляемое министромъ юстиціи или „начальникомъ“ (т. е. предсѣдателемъ) суда, которому предоставлено право надзора (предостереженіе вносится въ послужной списокъ судьи— ст. 13), и слѣдующія кары, налагаемыя уже дисциплинарнымъ судомъ: выговоръ, лишеніе старшинства на время отъ одного до двухъ лѣтъ [1]), лишеніе права на повышеніе въ должности. Послѣднее наказаніе безсрочное. Оно можетъ быть отмѣнено въ порядкѣ, въ которомъ наложено, но не ранѣе какъ черезъ пять

[1]) На основаніи закона 14 іюля 1907 г., въ Италіи назначеніе на должность производится или въ порядкѣ старшинства, или по заслугамъ (ст. ст. 17, 19 и сл.).

лѣтъ, причемъ освобожденный отъ этого взысканія подвергается лишенію права старшинства на три года. Ко всѣмъ этимъ взысканіямъ можетъ быть еще присоединена, дополнительно, такая серьезная мѣра, какъ перемѣщеніе (ч. 1, 2, 3 и 4 ст. 14). Отрѣшеніе отъ должности и исключеніе изъ службы—таковы наказанія, которыми завершаются эти, имѣвшія задачею установить „желѣзную дисциплину" въ итальянскомъ судебномъ вѣдомствѣ, постановленія новѣйшаго западно-европейскаго закона по судоустройству. Оба эти взысканія влекутъ воспрещеніе навсегда поступать на государственную службу, а послѣднее изъ нихъ можетъ влечь частичное и даже полное лишеніе права на пенсію (ч. 5 и 6 ст. 14). Но и этого мало. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не будетъ представлено достаточныхъ доказательствъ виновности судебнаго чина, но изъ дѣла видно будетъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ потерялъ въ общественномъ мнѣніи уваженіе, довѣріе и авторитетъ, которые требуются его должностью, дисциплинарный судъ, говоритъ законъ, предлагаетъ министру юстиціи объ увольненіи судьи отъ должности (ч. 2 ст. 25 зак. 1908 г.).

Возбужденіе дѣлъ для наложенія въ порядкѣ дисциплинарнаго производства перечисленныхъ выше взысканій предполагаетъ право надзора.

Сущность всякаго надзора состоитъ въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ подчиненными его контролю установленіями ихъ обязанностей, законностью ихъ дѣйствій, возстановленіи нарушеннаго порядка и, какъ крайнее средство, въ использованіи, принадлежащаго обычно надзирающимъ учрежденіямъ и лицамъ, права возбужденія дисциплинарнаго преслѣдованія. Дисциплинарная власть, по словамъ Duguit, есть лишь санкція надзора, являющагося функціею управленія и обусловленнаго принципомъ государственности суда, подзаконностью судебной власти, вытекающею изъ самыхъ задачъ правосудія и важности судейскихъ обязанностей, необходимостью единообразія и строгой законности судебной службы, ибо независимость судьи—не безотвѣтственность [1]). Но какъ бы ни была очевидна настоятельная надобность надзора, посредствомъ котораго поддерживается судебная дисциплина, охраняющая, какъ говоритъ В. К. Слу-

[1]) Ср. И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 256; Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 221 и 222; В. К. Случевскій. Учебникъ русск. угол. процесса, 1910 г., стр. 167; І. В. Михайловскій, стр. 130 и сл.

чевскій, честь и достоинство судебнаго званія и обезпечивающая существованіе правъ и обязанностей судебныхъ чиновъ, столь же насущна и независимость судьи—основа судоустройства. Отсюда вытекаетъ чрезвычайно серьезный для судебнаго строя вопросъ объ организаціи надзора и предѣлахъ его полномочій.

Чтобы судъ могъ быть самостоятельнымъ, а судья независимымъ, разсуждали составители Судебныхъ Уставовъ, необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной подчиненности, чтобы надъ ними не было другого начальства, кромѣ судебной власти. Посему надзоръ за судебными мѣстами и составляющими оныя судьями принадлежитъ исключительно суду въ порядкѣ подчиненности. Надзоръ за ними со стороны предсѣдателей, прокуроровъ и министра юстиціи творцы Уставовъ ставили очень узко. Именно, по ихъ мысли, онъ долженъ ограничиваться заявленіемъ объ извѣстныхъ министру или прокуратурѣ нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ надлежащему суду, для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій [1]).

Эти соображенія, положенныя въ основу организаціи надзора за судебными установленіями, привели къ такой системѣ контроля, установленной Судебными Уставами.

Надзоръ за судебными установленіями принадлежитъ высшимъ въ порядкѣ подчиненности судебнымъ мѣстамъ: кассаціоннымъ департаментамъ—за всѣми мѣстами и установленіями Имперіи, судебнымъ палатамъ—за состоящими въ ихъ округѣ, кромѣ мировыхъ, судебными установленіями, окружнымъ судамъ—за всѣми должностными лицами, принадлежащими къ этимъ судамъ (ст. 250 Учр. Суд. Уст.), и мировымъ съѣздамъ—за мировыми судьями округа съѣзда (ст. 64 Учр. Суд. Уст.). Надзоръ предсѣдателей ограничивается только „отвращеніемъ" замѣченныхъ упущеній собственными распоряженіями (ст. 251 Учр. Суд. Уст.). Прокуратура, „по праву наблюденія за охраненіемъ законовъ", можетъ лишь сообщать предсѣдателямъ или доносить по начальству о замѣченныхъ упущеніяхъ (ст. 253 Учр. Суд. Уст.). Министръ юстиціи уполномачивается: 1) предлагать предсѣдателямъ принимать мѣры къ отвращенію медленности и накопленія дѣлъ и требовать по этому поводу отъ нихъ объясненій (ст. 255), 2) поручать про-

[1]) Объясн. зап., 1863 г., стр. 172—174.

курорамъ принимать законныя мѣры къ отклоненію нарушенія правилъ внутренняго устройства дѣлопроизводства въ судахъ (ст. 259), 3) производить лично или черезъ товарища ревизію и 4) поручать обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ членамъ палаты (ст. 256 Учр. Суд. Уст.). Общему Собранію Кассаціонныхъ Департаментовъ предоставлялось представлять на усмотрѣніе Верховной власти о производствѣ ревизіи судебныхъ установленій чрезъ сенаторовъ (ст. 257 Учр. Суд. Уст.). Когда упущенія произошли отъ неисправности судебнаго установленія, то органы надзора въ правѣ возбудить уголовное преслѣдованіе (ст. 250, 251, 258, 272 Учр. Суд. Уст.).

Такъ называемый, инстанціонный надзоръ—высшими судами надъ низшими—логически вытекающій изъ основного принципа самостоятельности судебной власти, явленіе общее всѣмъ странамъ. Въ той постановкѣ, которая придана этому виду надзора Судебными Уставами, онъ существовалъ во всѣхъ странахъ (во Франціи—по сенатусъ-консульту 16 терм. X года, въ Италіи—по закону 1859 г., въ Пруссіи—по закону 7 мая 1851 г.).

Значительно отличался въ дѣйствовавшихъ во время составленія Судебныхъ Уставовъ законодательствахъ иностранныхъ государствъ надзоръ надъ судебными установленіями со стороны единоличныхъ органовъ. Выше мы уже говорили о принадлежащей во многихъ иностранныхъ государствахъ министру юстиціи и предсѣдателямъ судовъ дисциплинарной власти по объявленію судьямъ предостереженій. Здѣсь нужно отмѣтить только, что осуществленіе этой власти со стороны предсѣдателей западныя законодательства ставятъ въ зависимость какъ отъ усмотрѣнія предсѣдателей, такъ и отъ предложенія прокуратуры, причемъ первые президенты апелляціонныхъ судовъ властны объявлять предостереженія всѣмъ судьямъ округа. Ихъ надзоръ распространяется на весь округъ апелляціоннаго суда (ст. 49 франц. зак. 20 апр. 1810 г.; ст. 23 прус. зак. 1851 г.; ст.ст. 119, 120 и 122 итал. зак. 1859 г.). Роль прокуратуры въ нѣкоторыхъ государствахъ не ограничивается наблюденіемъ за исполненіемъ закона. На нее былъ возложенъ, напримѣръ во Франціи и Италіи, и надзоръ за сохраненіемъ магистратурою ея достоинства. Прокуратура должна наблюдать за соблюденіемъ строгой дисциплины магистратуры во всемъ округѣ. Она слѣдитъ за усернымъ исполненіемъ судьями своихъ обязанностей, отмѣчая и

донося начальству о непосѣщеніи судьями засѣданій, можетъ дѣлать судьямъ „частныя замѣчанія", если же они не окажутъ дѣйствія, то доносить министру юстиціи [1]). Въ Италіи прокуратура имѣла право требовать созыва общаго собранія суда по каждому вопросу, касающемуся дисциплины (ст. 165 зак. 1859 г.).

Особенно интересно сопоставить приведенныя постановленія Судебныхъ Уставовъ о надзорѣ надъ судами съ итальянскимъ учрежденіемъ судебныхъ установленій 6 декабря 1865 г., почти сверстникомъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. По этому узаконенію, министру юстиціи принадлежитъ право надзора по отношенію ко всѣмъ судьямъ и судамъ. Онъ можетъ требовать объясненій и личной явки отъ всѣхъ судей и властенъ дѣлать имъ внушенія. То же право принадлежитъ первымъ предсѣдателямъ: кассаціоннаго суда—по отношенію къ членамъ этого суда, апелляціонныхъ палатъ—относительно всѣхъ судей округа, президентамъ судовъ первой инстанціи — относительно членовъ суда и преторовъ даннаго округа. Внушенія налагаются какъ по усмотрѣнію президентовъ, такъ и по предложенію прокуратуры (ст. ст. 216—220).

Всѣ эти постановленія иностранныхъ законодательствъ въ общемъ сохраняются и нынѣ, причемъ французскій законъ 30 авг. 1883 г., закрѣпляя за министромъ юстиціи принадлежавшія ему и ранѣе права по надзору за судами, предоставилъ ему власть требовать отъ всѣхъ судей, не исключая и членовъ кассаціоннаго суда, представленія объясненій по фактамъ, которые судьѣ вмѣняются (de recevoir les explications des faits, qui lui sont imputés). Насколько значительна власть министра юстиціи во Франціи, видно изъ того, что всякая критика его распоряженій составляетъ дисциплинарный проступокъ [2]). Еще болѣе усиливаютъ власть единоличныхъ органовъ надзора законы позднѣйшаго времени.

Ст. 73 австрійскаго закона объ учрежденіи судовъ 27 ноября 1896 г. рѣзко и категорически опредѣляетъ: суды въ отношеніи дѣлъ судебнаго управленія подчинены министру юстиціи. Ему принадлежитъ непосредственный надзоръ за судебными палатами, общій за отправленіемъ суда во всѣхъ судахъ и право

---

[1]) Massabiau, nº 122, 5461, 5462.

[2]) Ibid., l. c., nº 5451.

во всякое время произвести ревизію или поручать производство таковой избраннымъ имъ для этого лицамъ (ст. 74) [1]). Министръ юстиціи властенъ давать указанія судьямъ и ихъ предсѣдателямъ относительно осуществленія ими обязанностей надзора, онъ разрѣшаетъ производство чрезвычайныхъ ревизій судебныхъ установленій предсѣдателями судовъ второй инстанціи (ст. 75). Предсѣдатели судовъ имѣютъ надзоръ за участковыми судьями, а предсѣдатели апелляціонныхъ палатъ—за судьями округа палаты, наблюдая за исправнымъ отправленіемъ дѣлъ, понуждая ихъ къ исполненію обязанностей, исправляя найденныя упущенія и донося о нихъ высшему суду. Ранѣе же изданный австрійскій законъ о дисциплинарной отвѣтственности 21 мая 1868 г. предоставляетъ предсѣдателямъ судовъ наложеніе на судей, входящихъ въ округъ ихъ суда, такъ называемыхъ служебныхъ взысканій (Ordnungsstrafen): предостереженія (Mahnung) и даже выговора (Verweis), причемъ послѣдній заносится въ послужной списокъ судьи. Законъ 1896 г. особо затѣмъ оговариваетъ, что судьи и входящіе въ составъ ихъ чины обязаны въ точности исполнять распоряженія учрежденій и органовъ, которымъ порученъ надзоръ, и по ихъ требованію доставлять имъ нужныя свѣдѣнія и разъясненія (ст. ст. 74—77). И такъ какъ право надзора принадлежитъ министру юстиціи, то слѣдовательно и его распоряженія являются обязательными для судовъ и въ частности для ихъ предсѣдателей, которыхъ наказъ австрійскимъ судебнымъ мѣстамъ и признаетъ органами министра юстиціи по дѣламъ вѣдомства юстиціи (§ 1) [2]). Наконецъ, на „начальниковъ судовъ" австрійскій законъ 1896 г. возлагаетъ обязанность ревизіи подчиненныхъ ихъ надзору судебныхъ установленій, причемъ ревизіи эти обязательно должны производиться каждые два года (ст. 75).

Съ возложенія на обязанность первыхъ президентовъ апелляціонныхъ палатъ ревизій судовъ округа палаты начинается послѣднее, насколько извѣстно, иностранное узаконеніе въ этой области судоустройства—французскій декретъ 28 іюня 1910 г. Декретъ предписываетъ первымъ президентамъ производить ре-

---

[1]) Подобный порядокъ надзора со стороны министра дѣйствуетъ и въ Италіи, см. Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 224.

[2]) См. фонъ-Энгель. „Положеніе судьи въ правовомъ государствѣ". Сообщенія союза австрійскихъ судей 1912 г., № 3.

визіи судовъ періодически и внезапно (inopinement). Онъ указываетъ подробныя правила ревизіи и особенно рекомендуетъ осуществлять надзоръ надъ всѣмъ отправленіемъ правосудія (et ils exercent leur contrôle sur tous les services judiciaires). Послѣ каждой ревизіи они должны представлять рапортъ министру юстиціи и отдѣльныя замѣчанія о каждомъ судьѣ обревизованнаго суда. Тѣ же права—и въ этомъ нельзя не усмотрѣть серьезнаго нарушенія принципа самостоятельности судебной власти—декретъ предоставляетъ и генеральнымъ прокурорамъ судебныхъ палатъ (ст. 34). Значительно расширяетъ декретъ и такъ уже достаточно внушительныя въ отношеніи судебнаго управленія права французскаго министра юстиціи. Ему предоставляется командировать, по своему усмотрѣнію, или совѣтника кассаціоннаго суда, или директора департамента министерства юстиціи для производства общей ревизіи исполненія судьями своихъ обязанностей или для разслѣдованія по отдѣльному опредѣленному дѣлу. Онъ можетъ поручить этимъ ревизорамъ изслѣдованіе (investigation) и повѣрку (verification) всего того, что относится къ вопросамъ, касающимся личнаго состава и судебнаго управленія. Въ отчетахъ о ревизіи командированные сообщаютъ замѣчанія о каждомъ судьѣ апелляціонной палаты или суда, ими посѣщенныхъ (ст. ст. 34—36 декрета).

У насъ установленный Судебными Уставами порядокъ надзора за судебными установленіями подвергся измѣненіямъ, неоднократно упоминавшимся уже закономъ 20 мая 1885 г. и въ послѣднее время закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Измѣненія направились въ сторону расширенія правъ надзора единоличныхъ органовъ: министра юстиціи, предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, особенно старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуратуры—и усиленія власти инстанціоннаго надзора. Если сопоставить созданный этими законами порядокъ надзора съ дѣйствующими въ западно-европейскихъ государствахъ, то разница окажется незначительная.

Дѣйствительно, новелла 1885 г. предоставила министру юстиціи право требовать отъ чиновъ судебнаго вѣдомства доставленія свѣдѣній и объясненій письменно, а въ случаѣ необходимости и личнаго ихъ представленія (ст. 254 Учр. Суд. Уст.), дѣлать судьямъ, допустившимъ безпорядки и неправильности, указанія и напоминанія (ст. 255), назначать обозрѣніе

дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій чрезъ членовъ консультаціи Министерства Юстиціи, оберъ-прокуроровъ кассаціонныхъ департаментовъ, ихъ товарищей, прокуроровъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ (ст. 256), т. е. русскому министру юстиціи нынѣ принадлежатъ тѣ же права, что и французскому, австрійскому и итальянскому. Нѣсколько у́же, чѣмъ на западѣ, но также неоригинальны постановленія о надзорѣ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и прокуратуры. Предсѣдателямъ судовъ предоставлено только обозрѣвать дѣлопроизводства отдѣленій суда и всѣхъ должностныхъ лицъ суда (ст. 250), а прокуратурѣ—предлагать на обсужденіе суда о замѣченныхъ ею недостаткахъ. Но предоставленіе старшему предсѣдателю судебной палаты права наблюдать за всѣми должностными лицами, а въ томъ числѣ и мировыми установленіями и дѣлать имъ напоминанія и указанія (ст. 251[1] Учр. Суд. Уст. по закону 15 іюня 1912 г.), въ сущности — повтореніе западноевропейскихъ законодательствъ о контролѣ со стороны первыхъ президентовъ надъ веденіемъ дѣлъ судами и судьями округа апелляціонныхъ палатъ и объявленіи судьямъ avertissement и Warnung.

Нѣкоторое отличіе отъ западно-европейскихъ законодательствъ представляетъ измѣненіе, внесенное закономъ 1877 г. въ организацію высшаго инстанціоннаго надзора. Какъ извѣстно, законъ 10/12 іюня 1877 г. для надзора со стороны Сената за судебными установленіями учредилъ Соединенное Присутствіе I и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената (п. 1 ст. 249 Учр. Суд. Уст.). Но отступленіе это отъ началъ, принятыхъ Судебными Уставами, а равно и западными законодательствами, едва ли можетъ быть признано съ точки зрѣнія основъ судоустройства правильнымъ, такъ какъ если многочленное Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ и нельзя признать цѣлесообразнымъ органомъ для надзора, то введеніемъ въ составъ Соединеннаго Присутствія сенаторовъ I департамента, несомнѣнно, нарушено начало самостоятельности судебной власти. Ежегодное же обновленіе состава Соединеннаго Присутствія противорѣчитъ одному изъ главнѣйшихъ принциповъ судоустройства—устойчивости коллегіальныхъ судовъ (Unverschiebbarkeit).

Наконецъ, законъ 15 іюня 1912 г. подчинилъ надзору судебныхъ палатъ и ихъ старшихъ предсѣдателей мировыя судебныя

установленія, т. е. и въ этомъ отношеніи наше законодательство пошло по пути западно-европейскихъ.

Теорія права по отношенію къ организаціи надзора за судебными установленіями и дисциплинарной отвѣтственности судей предъявляетъ, какъ извѣстно, то требованіе, чтобы надзоръ и отвѣтственность не влекли ни прямой, ни косвенной зависимости судей отъ органовъ надзора и дисциплинарной власти. *Иначе подвергается серьезному испытанію и судейское безпристрастіе и судейская независимость* [1]).

Сопоставляя съ этой точки зрѣнія порядки, созданные Судебными Уставами въ той области судоустройства, которая опредѣляетъ важнѣйшіе институты, оберегающіе судейскую независимость — несмѣняемость судей и тѣснѣйшимъ образомъ съ нею связанные: устройство органовъ надзора и дисциплинарныхъ учрежденій, объемъ ихъ правъ и порядокъ ихъ дѣйствій—съ западно-европейскими, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ заявить, что составители Уставовъ создали для всѣхъ этихъ институтовъ совершенно самостоятельную, съ западно-европейскимъ правомъ несравнимую, систему нормъ, вполнѣ ограждавшихъ судъ отъ какой бы то ни было—прямой или косвенной — зависимости отъ органовъ надзора и дисциплинарной власти.

Гарантія несмѣняемости была предоставлена судьямъ абсолютная. Въ той формѣ, какъ онъ вылился въ постановленіяхъ Судебныхъ Уставовъ, институтъ несмѣняемости не существовалъ и не существуетъ ни въ одномъ законодательствѣ крупнѣйшихъ западно-европейскихъ странъ, давая щитъ прикрытія даже для лицъ, недостойныхъ высокаго званія судьи. Дисциплинарная власть была ограничена настолько, что учрежденія, коимъ она была ввѣрена—общія собранія кассаціонныхъ департаментовъ и судебныхъ палатъ — имѣли въ своемъ распоряженіи *лишь то средство воздѣйствія по отношенію судей* — объявленіе предостереженія — которое законодательства континентальныхъ странъ запада предоставляли министру юстиціи и предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ. Стремленіе не допустить вліянія какой либо подчиненности, дабы судъ былъ самостоятельнымъ, а судья независимымъ, привело составителей Судеб-

[1]) Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 222; І. В. Михайловскій, ук. соч. стр. 137 и 138.

ныхъ Уставовъ къ построенію такой системы надзора за судебными установленіями, которая сводила къ minimum'у возможность воздѣйствія на судей со стороны единоличныхъ органовъ надзора, пользовавшихся и пользующихся на западѣ весьма широкими полномочіями.

И давая отвѣтъ на первый изъ вопросовъ, поставленныхъ нами въ качествѣ задачи настоящаго очерка—что̀ дали Судебные Уставы въ отношеніи опредѣленія судейской независимости, стояли ли они выше или ниже западно-европейскихъ учителей,—мы съ полнымъ правомъ можемъ повторить то, что говорили относительно отдѣльныхъ, разсмотрѣнныхъ нами институтовъ: Судебные Уставы поставили судейскую независимость на недосягаемую для важнѣйшихъ континентальныхъ странъ высоту. Дальнѣйшее развитіе нашего законодательства сблизило наши судебные порядки съ судебнымъ строемъ крупнѣйшихъ континентальныхъ государствъ.

III. Матеріальное обезпеченіе судей. Порядокъ ихъ назначенія и повышенія.

Положеніе судьи, опредѣляющее состояніе правосудія въ странѣ, характеризуется не одною постановкою института несмѣняемости и тѣсно съ нимъ связанными устройствомъ дисциплинарныхъ учрежденій, объемомъ ихъ власти и процессуальными правилами производства дисциплинарныхъ дѣлъ. Несмѣняемость—значительнѣйшая изъ гарантій судейской независимости, но все таки лишь одна изъ гарантій. Она существенна только тогда, когда и другія условія, характеризующія положеніе судьи въ государствѣ, соотвѣтствуютъ задачамъ правосудія, способствуютъ судейской независимости. „Дѣлаютъ судей несмѣняемыми, чтобы они оставались свободными, говоритъ Токвиль, но что въ томъ, что у нихъ никто не можетъ похитить независимость, когда они сами охотно ею жертвуютъ“ [1]). Старая доктрина о значеніи, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ (для независимости судейской), несмѣняемости должна быть разъ на-

[1]) Цитируется по ук. соч. А. В. Завадскаго, стр. 60.

всегда покинута, какъ не подтверждаемая дѣйствительностью замѣчаетъ профессоръ А. А. Кистяковскій [1]).

Несмотря на то, что дисциплинарныя учрежденія западно-европейскихъ странъ, наскольно извѣстно, въ литературѣ не вызываютъ особыхъ упрековъ, а французскій высшій совѣтъ магистратуры считается идеальнымъ судомъ для несмѣняемыхъ судей [2]), дисциплинарный же процессъ построенъ въ западныхъ законодательствахъ по образцу уголовнаго, тѣмъ не менѣе во всѣхъ странахъ, преимущественно же въ Италіи, Франціи и Австріи, раздаются горькія сѣтованія на отсутствіе должной независимости магистратуры [3]). Прежнее равнодушіе къ судьямъ, которые были много лѣтъ „въ тѣни", говоритъ объ австрійской и германской магистратурѣ въ своемъ интересномъ докладѣ „о положеніи судьи въ правовомъ государствѣ" первому всеобщему съѣзду нѣмецкихъ судей въ Вѣнѣ судья фонъ Энгель, исчезло, уступивъ мѣсто живому, чтобы не сказать страстному интересу и интересу недружелюбному. Нѣтъ недостатка въ порицаніяхъ. Они глухо раздаются въ сообщеніяхъ научнаго міра, они звучатъ полнымъ хоромъ въ прессѣ и направлены противъ судей. Нѣтъ числа выставленнымъ упрекамъ: современное правосудіе называютъ поддѣльнымъ, несправедливымъ, не отвѣчающимъ времени, ремесленнымъ, механическимъ, бездушнымъ, пресмыкающимся, приспособляющимся къ обстоятельствамъ [4]).

Оказывается, что и при хорошо огражденной въ законѣ несмѣняемости ~~возможенъ сервилизмъ~~, возможно „~~искательство~~", а ~~слѣдовательно~~ и давленіе на судей. Причины этого ~~между-~~ ~~народнаго~~ явленія въ томъ, что во всѣхъ странахъ судьба судей, такъ или иначе, въ концѣ концовъ зависитъ отъ правительства. Отсюда важное значеніе пріобрѣтаютъ постановленія, посредствомъ которыхъ законодательная власть стремится нейтрализовать вліяніе исполнительной власти на судейскую карьеру. Эти законоположенія заключаются въ особыхъ правилахъ о порядкѣ назначенія, повышенія и содержаніи

---

[1]) А. А. Кистяковскій. Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы. Журн. Гражд. и Угол. Права 1879 г., кн. III, стр. 28.

[2]) А. В. Завадскій, ук. соч., стр. 51.

[3]) А. И. Люблинскій, ук. соч., стр. 291; Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 138; А. В. Завадскій, ук. соч., стр. 58—60; Aubin, l. c. ss. 88—90.

[4]) Сообщеніе союза австрійскихъ судей 1912 г., № 3, стр. 80 и сл.

судей, опредѣляющихъ сущность положенія судьи, и при правильной постановкѣ которыхъ пріобрѣтаетъ дѣйствительную гарантію и несмѣняемость судей. Принципъ несмѣняемости превращается въ пустое слово, рѣшительно заявляетъ проф. Е. В. Васьковскій, и очень легко обезсиливается стоящею во главѣ судебнаго вѣдомства властью, если ей предоставлено по своему усмотрѣнію повышать судей въ должностяхъ или увеличивать ихъ содержаніе [1]). Къ разсмотрѣнію постановленій о такъ называемой судейской карьерѣ и вознагражденіи судей мы и обратимся.

Въ этихъ вопросахъ такъ же, какъ раньше при разсмотрѣніи института несмѣняемости, нужно прежде всего выдѣлить Англію, счастливую страну, повидимому, вполнѣ раціонально рѣшившую проблему, составляющую больное мѣсто современнаго судоустройства континентальныхъ странъ.

Англійскіе судьи, разъ назначенные на какую-либо должность, уже не могутъ расчитывать на дальнѣйшее повышеніе, такъ какъ на должности высшія той, которую судья занимаетъ, судьи не назначаются, а эти должности замѣщаются, какъ и всѣ судейскія мѣста, адвокатами. Въ Англіи существуетъ всего четыре судебныхъ должности—судебные лорды,—на которыя могутъ претендовать лица, занимающія не менѣе двухъ лѣтъ высшую (послѣ лордовъ) судебную должность; но и эти должности, по обычаю, замѣщаются адвокатами, имѣющими не менѣе 15 лѣтъ судебной практики, а въ дѣйствительности еще болѣе опытными адвокатами—послѣ практики, исчисляемой десятками лѣтъ, такъ что возрастъ англійскихъ судей, по словамъ Franqueville, колеблется между 47—77 годами [2]).

Лишивъ судей какихъ-либо надеждъ на измѣненіе разъ полученнаго положенія, англійское заканодательство позаботилось обставить ихъ въ матеріальномъ отношеніи совершенно исключительно. Мировые судьи, по имѣющей уже двухвѣковую давность традиціи, содержанія не получаютъ, но они обезпечиваются хорошо оплачиваемыми синекурами, которыми обильна Англія, сохраняющая старыя должности, потерявшія свое практическое значеніе [3]). Всѣ же прочіе судьи получаютъ ни съ

[1]) Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 137.

[2]) В. Энсонъ, ук. соч., стр. 263, 459, 473; П. И. Люблинскій, ук. соч. стр. 235; Franqueville, l. c. p. 377; I. В. Михайловскій, ук. соч., стр. 125—129.

[3]) П. И. Люблинскій, ук. соч., стр. 213.

одною континентальною страною несравнимое содержаніе. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія полицейскіе судьи получали 1.000 ф. ст., судьи въ графствахъ отъ 1.000 до 1.500 ф. ст., судьи высшихъ судовъ — 5.000, главные судьи въ судѣ казначейства и общихъ исковъ—по 7.000 ф. ст. и главный судья суда королевской скамьи—8.000 ф. ст. [1]). Это содержаніе сохраняется за судьями и нынѣ. Такимъ образомъ англійскіе судьи получаютъ отъ 10.000 до 80.000 руб. въ годъ содержанія. Срокъ для выслуги пенсіи всего пятнадцатилѣтній, причемъ пенсія составляетъ $^2/_3$ всего громаднаго жалованья судьи. Но столь радикальное разрѣшеніе вопроса о нейтрализаціи стремленій судей къ повышенію въ должности и въ содержаніи могла позволить себѣ даже богатая Англія лишь потому, что число судей въ ней очень незначительно—всего 260.

Вопросъ обезпеченности судебныхъ дѣятелей весьма озабочивалъ ~~и~~ составителей Судебныхъ Уставовъ, хорошо понимавшихъ, что доставленіе судьямъ содержанія, могущаго обезпечить имъ средства къ жизни, принадлежитъ къ важнѣйшимъ условіямъ правильнаго судоустройства. Необходимо, говорили составители Судебныхъ Уставовъ, для огражденія судебныхъ мѣстъ отъ потери испытанныхъ многолѣтнею судебною практикою судей, установить постепенное улучшеніе матеріальнаго положенія, независимо отъ надежды на повышеніе. Съ этою цѣлью было предположено установить для предсѣдателя и членовъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ періодическія прибавки въ размѣрѣ одной пятой содержанія чрезъ каждыя семь лѣтъ службы въ одной должности [2]). Предположенія эти не получили осуществленія только въ виду отсутствія данныхъ опыта, и поэтому Государственный Совѣтъ предоставилъ министру юстиціи войти съ представленіемъ о прибавкахъ къ содержанію судей особо [3]). И тѣмъ не менѣе, хотя эта, возможно, наилучшимъ образомъ разрѣшающая вопросъ объ огражденіи судейской независимости, мысль составителей Судебныхъ Уставовъ не нашла выраженія въ законѣ, опредѣленное ими судьямъ содержаніе (отъ 2.200 р.—для членовъ суда—до 9.000 р. для

[1]) Журн. Мин. Юст. 1861 г., № 9, стр. 736—738.

[2]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 138—140.

[3]) Журналъ Гос. Сов. 1864 г., № 69, стр. 13 и 14.

первоприсутствующаго Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ) представлялось весьма значительнымъ не только по сравненію съ жалованіемъ служащихъ прочихъ вѣдомствъ, но по условіямъ тогдашней жизни и по сравненію съ западноевропейскими законодательствами. Весьма существеннымъ было и то, что Судебные Уставы не приняли существовавшаго почти во всѣхъ странахъ различія содержанія судей въ зависимости отъ класса судовъ или ранговъ судей.

Въ самомъ дѣлѣ, во время составленія Судебныхъ Уставовъ, отвѣтственный трудъ судьи на западѣ оплачивался весьма скудно. Въ нѣкоторыхъ странахъ были судьи безъ содержанія (напримѣръ, дополнительные судьи во Франціи, асессоры—въ Пруссіи). Въ Австріи, въ зависимости отъ ранга судьи, содержаніе колебалось: единоличныхъ судей отъ 1.000 до 1.200 флориновъ, совѣтниковъ ландгерихтовъ—1.400—1.800, совѣтниковъ оберъ-ландгерихтовъ—2.000—3.000 флориновъ, предсѣдатели ландгерихтовъ получали 4.000, а оберъ-ландгерихтовъ 6.000 флориновъ [1]). Нѣсколько, но незначительно, больше содержаніе было въ германскихъ странахъ.

Сравненіе этихъ окладовъ съ установленными Судебными Уставами говоритъ такимъ образомъ не въ пользу нѣмецкихъ странъ, такъ какъ низшій судейскій окладъ у насъ (2.200 р.) почти въ три раза превышалъ соотвѣтствующій нѣмецкихъ странъ (около 700 р.), а высшій (9.000 р.) болѣе, чѣмъ вдвое (около 4.000 р.).

Еще рѣзче несоотвѣтствіе, если сравнить окладъ судей въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія у насъ и въ романскихъ странахъ. Во Франціи мировые судьи дѣлились на 9 классовъ [2]) и получали содержаніе отъ 1.800 до 3.000 фр. (въ Парижѣ 8.000 фр.). Окружные суды были шести классовъ, причемъ въ каждомъ классѣ содержаніе членовъ, вице-президентовъ и президентовъ было весьма различно, колеблясь для первыхъ отъ 2.400 фр. (VI кл.) до 5.000 фр.(II кл.) и 8.000 фр. (I кл. въ Парижѣ), для вторыхъ отъ 3.375 фр. до 6.250 фр. (II кл.) и 10.000 фр. (I кл. въ Парижѣ) и для третьихъ—отъ 3.600 фр. до 10.000 и 20.000 фр. въ Парижѣ. Апелляціонныя палаты раздѣлялись на три класса, причемъ для совѣтниковъ содержаніе было установлено: въ III кл. (453 со-

[1]) Журн. Мин. Юст. 1861 г. № 9, стр. 739. Флоринъ въ то время равнялся 65 коп.

[2]) А. А. Леонтьевъ. Мировая Юстиція во Франціи. Журн. Мин. Юст., 1897 г., № 6, стр. 137 и 138.

вѣтника)—5.000 фр., во II кл. (100 совѣтниковъ)—7.000 фр. и въ I кл. (64 совѣтника) — 11.000 фр. Президенты отдѣленій получали болѣе ихъ въ каждомъ классѣ на 2.500 фр., а первые президенты: въ III кл. (21 президентъ)—15.000 фр., во II кл. (4 президента)—20.000 фр. и въ I кл. (всего одинъ)—25.000 фр. Въ кассаціонномъ судѣ жалованье совѣтникамъ равнялось 17.000 фр. и перваго президента 35.000 фр. [1]). Въ этихъ окладахъ обращаетъ вниманіе значительность содержанія предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, превышающаго опредѣленное Судебными Уставами. Оклады первыхъ президентовъ апелляціонныхъ палатъ и даже окружныхъ судовъ I класса (20.000—25.000 фр.) выше, чѣмъ нашихъ сенаторовъ, но оклады членовъ коллегіи или мало разнятся (въ первыхъ классахъ) отъ нашихъ или совершенно ничтожны, доходя до 900 рублей (2.400 фр.), то есть менѣе содержанія секретарей нашихъ судовъ по Судебнымъ Уставамъ (1.200 р.). Содержаніе судей въ Италіи было ниже, чѣмъ во Франціи, а въ различіяхъ по отдѣльнымъ должностямъ незначительно отличалось отъ французскихъ. Италія не знала раздѣленія судовъ на классы, но въ каждомъ судѣ судьи дѣлились по содержанію на ранги, такъ что въ апелляціонныхъ палатахъ половина судей получала одно содержаніе, четверть другое и четверть—иное. Въ окружныхъ судахъ $^2/_5$ судей—одно и каждая пятая часть судей—другое [2]).

Такимъ образомъ, хотя все число несмѣняемыхъ судей распредѣлялось и въ западныхъ странахъ такъ же, какъ и у насъ, между тремя судебными учрежденіями, но іерархическихъ ступеней въ судебной службѣ было, если принимать во вниманіе должности товарищей предсѣдателей (вице-президентовъ) и предсѣдателей департаментовъ (президентовъ отдѣленій или сенатовъ) не 8, какъ у насъ, а въ судахъ первой инстанціи Франціи—16, въ апелляціонныхъ палатахъ—9, а всего 25. Нѣсколько меньше, но все же значительно было число ранговъ судей въ другихъ государствахъ.

Въ этой іерархіи—этой длинной лѣстницѣ различныхъ ступеней содержанія, въ громадномъ различіи его окладовъ, предоставленіе которыхъ въ рукахъ судебной администраціи, по-

---

[1]) А. А. Кистяковскій, ук. ст., кн. II, стр. 68 и 69; Журн. Мин. Юст. 1861 г. кн. 9, стр. 395 и 396.

[2]) Законъ 1859 г., ст. 232.

гребена, говоритъ Jules Favre, независимость судейскаго сословія. До тѣхъ поръ, пока будутъ сохранять іерархію и классы, устанавливающіе между судьями произвольныя различія по рангамъ и содержанію, различія столь противныя какъ идеѣ правосудія, такъ и достоинству его служителей и которыя нельзя объяснить иначе, какъ намѣреніемъ держать въ рукахъ исполнительной власти подчиненную магистратуру — независимость есть только приманка. Поэтому судейское сословіе, которое по буквѣ закона пользуется независимостью, въ дѣйствительности ея лишено, чтобы не сказать больше—находится въ порабощеніи [1]).

Однако, это различіе по классамъ и по разрядамъ и донынѣ сохраняется во Франціи и Италіи. Существуетъ оно въ извѣстной мѣрѣ и въ Австріи. Французскій законъ 30 августа 1883 г., отмѣнивъ различіе по классамъ апелляціонныхъ палатъ (выдѣлена только парижская), сохранилъ однако четыре класса судовъ первой инстанціи (ст. 3 и прил. къ ст. 5 зак. 1883 г.). И удовлетворительныхъ результатовъ законъ, по удостовѣренію Massabiau, не принесъ [2]). Точно также итальянскій законъ 14 іюля 1907 г. сохраняетъ различныя по содержанію категоріи судей. Въ Австріи существуетъ увеличеніе содержанія въ предѣлахъ одного и того же судейскаго ранга, но зависитъ оно отъ правительства. И для того, чтобы добиться сравнительно незначительнаго (4.800 кронъ) оклада совѣтника ландгерихта, являющагося для большей части судей высшей ступенью, судья долженъ пройти три судейскихъ ранга, т. е. онъ трижды зависитъ отъ доброй воли судебной администраціи. Въ одной и той же инстанціи судовъ имѣется шесть ранговъ, т. е. шесть моментовъ зависимости отъ правительства. Такая система окладовъ, свидѣтельствуетъ Aubin, является наиболѣе достойною сожалѣнія стороною во всемъ вопросѣ о судейской независимости въ Австріи, побуждая судей пресмыкаться въ передней и идти на встрѣчу видамъ правительства. Поэтому въ австрійской литературѣ раздаются все настойчивѣе голоса о введеніи такой системы, при которой для полученія увеличеннаго оклада не требуется ни назначенія, ни распоряженія власти [3]) т. е.,

[1]) Цитируется по ук. статьѣ А. А. Кистяковскаго, стр. 71.

[2]) Massabiau, l. c., nº 165.

[3]) Aubin, l. c. ss. 88–90; Энгель, назв. докладъ.

намѣчавшейся составителями Судебныхъ Уставовъ системы періодическихъ прибавокъ. Эта идея творцовъ Уставовъ нашла первое примѣненіе въ Пруссіи, гдѣ періодическія прибавки введены закономъ 31 мая 1897 г. и лишь чрезъ 11 лѣтъ—въ 1908 г. (зак. 3 іюля), но въ значительно ограниченномъ видѣ, у насъ.

Въ настоящее время содержаніе судей въ главнѣйшихъ странахъ континентальной Европы установлено, принимая во вниманіе различные классы судовъ и разряды судей, въ такихъ размѣрахъ [1]).

Единоличные судьи: въ Австріи—2.800—3.600 кр., въ Пруссіи—3.000—6.600 мар., во Франціи—2.500—5.000 фр. (въ Парижѣ—8.000 фр.), въ Италіи—2.000—3.000 лир. У насъ по закону 15 іюня 1912 г. мировымъ судьямъ положено 2.800 руб.

Члены судовъ первой инстанціи: въ Австріи—4.000—4.800 кр., въ Пруссіи—3.000—6.600 мар. [2]), во Франціи—3.000—6.000 фр. (въ Парижѣ—8.000 фр.), въ Италіи—4.000—5.000 лиръ. У насъ, по закону 3 іюля 1908 г.—3.300—4.200 руб.

Товарищи предсѣдателя судовъ первой инстанціи: въ Пруссіи 5.400—7.200 мар. [3]), во Франціи 5.000—10.000 фр. (въ Парижѣ 20.000 фр.); у насъ—по тому же закону—4.200 р.

Предсѣдатели судовъ: въ Австріи—5.000—12.000 кр., въ Пруссіи—5.400—11.000 мар. [4]), во Франціи—5.000—10.000 фр. (въ Парижѣ 20.000 фр.), въ Италіи—6.000—8.000 лиръ. У насъ 5.300 рублей.

Члены апелляціонныхъ инстанцій: въ Австріи—5.000—7.200 кр.; въ Пруссіи—5.400—7.200 мар. [5]), во Франціи—7.000 фр. (въ Парижѣ 11.000 фр.), въ Италіи—6.000—8.000 лиръ. У насъ—4.200 рублей.

Предсѣдатели департаментовъ тѣхъ же палатъ: въ Австріи—9.000—12.000 кр., въ Пруссіи—7.500—11.000 мар. во Франціи—13.500 фр. (въ Парижѣ 18.000 фр.), въ Италіи—10.000 лиръ. У насъ — предсѣдатели департаментовъ судебныхъ палатъ — 5.600 рублей.

---

[1]) Австрійскій законъ 15 апр. 1873 г., прусскій—31 мая 1897 г., французскіе—30 авг. 1883 г. и 21 іюля 1905 г., итальянскій—14 іюля 1907 г.

[2]) Послѣ шести прибавокъ чрезъ каждое трехлѣтіе по 600 мар. каждый разъ.

[3]) Послѣ трехъ прибавокъ чрезъ каждое трехлѣтіе по 600 мар. каждый разъ.

[4]) Послѣ трехъ прибавокъ по 900 мар. чрезъ каждое трехлѣтіе.

[5]) Послѣ трехъ прибавокъ черезъ каждое трехлѣтіе.

Первые предсѣдатели апелляціонныхъ палатъ: въ Австріи— 16.000 кр., въ Пруссіи — 14.000 мар., во Франціи — 18.000 фр. (въ Парижѣ — 25.000 фр.), въ Италіи — 12.000 лиръ. У насъ старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ—7.000 рублей.

Члены кассаціонныхъ судовъ: въ Пруссіи — 12.000 мар., во Франціи—18.000 фр., въ Италіи—10.000 лиръ. У насъ — сенаторы—8.000 рублей.

Предсѣдатели отдѣленій или департаментовъ (вице-предсѣдатели) кассаціонныхъ судовъ: въ Пруссіи — 14.000 мар., во Франціи — 25.000 фр., въ Италіи — 12.000 лиръ. У насъ первоприсутствующій кассаціонныхъ департаментовъ— 9.000 рублей.

Первые президенты кассаціонныхъ судовъ: въ Пруссіи — 25.000 мар., во Франціи—30.000 фр., въ Италіи —15.000 лиръ. У насъ первоприсутствующіе Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ—10.000 руб. [1]).

Сравнивая оклады жалованья нашихъ судей съ максимальными размѣрами содержанія иностранныхъ, т. е. судей первыхъ классовъ Франціи, первыхъ разрядовъ—Италіи и Австріи и получившихъ уже періодическія прибавки въ Пруссіи, мы должны признать, что наша магистратура въ общемъ занимаетъ по вознагражденію первое мѣсто.

Дѣйствительно, содержаніе единоличныхъ судей въ Италіи и Австріи втрое и вдвое ниже нашихъ и только черезъ 18 лѣтъ службы прусскіе амтсрихтеры и парижскіе мировые судьи получаютъ приблизительно столько же, сколько наши мировые судьи. Въ Пруссіи только послѣ шести трехлѣтнихъ прибавокъ (т. е. послѣ занятія должности 18 лѣтъ), а во Франціи лишь въ Парижѣ члены суда получаютъ около 3.000 руб. (2.840 — 2.960 руб.) — наивысшее содержаніе членовъ суда запада — тогда какъ нашимъ членамъ положено—3.300 р. и послѣ двухъ пятилѣтнихъ прибавокъ—4.200 руб., т. е. такое вознагражденіе, которое весьма значительно превышаетъ жалованье французскихъ и германскихъ судей и съ которымъ, конечно, никакъ не могутъ быть сравниваемы скудные оклады въ 1.920 руб. въ

[1]) Нужно имѣть въ виду, что и нынѣ въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ судьи, не получающіе содержанія, напр. асессоры въ Пруссіи и juges suppléants во Франціи. Закономъ 13 апр. 1900 г. учреждено сто окладовъ по 1.500 фр. каждый для дополнительныхъ судей во Франціи, распредѣленіе ихъ—прерогатива правительства.

Италіи и 1.850 руб. въ Австріи, т. е. меньшіе, чѣмъ у насъ были установлены въ 1864 году.

Жалованье нашихъ сенаторовъ, старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и предсѣдателей судовъ (кромѣ предсѣдателей Парижскихъ судовъ (20.000 фр. и 25.000 фр., слѣд. около 7.500 р. и 10.000 р.) выше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ. И только вознагражденіе членовъ апелляціонныхъ судовъ во Франціи около 5.000 р. и въ Пруссіи около 4.500 р. нѣсколько выше нашего содержанія членовъ палатъ—4.200 руб.

Значительнымъ, по сравненію съ западными странами, матеріальнымъ благополучіемъ наша магистратура обязана закону 3 іюля 1908 г., повысившему оклады содержанія всѣмъ судьямъ и установившему періодическія прибавки, но, къ сожалѣнію, не всѣмъ лицамъ судейскаго званія, какъ то предполагали составители Судебныхъ Уставовъ, а лишь членамъ окружныхъ судовъ. Въ этомъ неполномъ осуществленіи высказанной впервые у насъ идеи постепеннаго, въ силу закона, повышенія оклада содержанія судьямъ—первый недостатокъ новаго нашего закона. Второй недостатокъ, указанный уже проф. Е. В. Васьковскимъ [1]),—въ незначительности увеличенія судейскаго содержанія. Если сравненіе жалованья нашихъ судей и иностранныхъ приводитъ къ выводу о худшей обезпеченности послѣднихъ, то для объективнаго вывода о достаточности вознагражденія столь важнаго труда, какъ судейскій, нужно принять во вниманіе и бо̀льшую дороговизну жизни у насъ и размѣръ содержанія у насъ служащихъ другихъ вѣдомствъ. Между тѣмъ жалованье чиновниковъ, занимающихъ по классу должности, равныя мѣста съ судьями, въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ у насъ болѣе значительно, чѣмъ судей. И законъ 3 іюля 1908 г., не поставивъ судей въ отношеніи содержанія на первое мѣсто среди должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, упустилъ изъ вида, что, какъ на то указывали составители Судебныхъ Уставовъ, „нѣтъ никакого основанія и даже возможности сравнивать службу судьи со службою административнаго чиновника, такъ какъ всегда и вездѣ служба судьи считалась важнѣе, отвѣтственнѣе и тягостнѣе службы другихъ чиновниковъ“ [2]). „Не можетъ быть экономіи хуже, говорилъ извѣстный

---

[1]) Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 159.

[2]) Журн. Гос. Сов. 1864 г., № 48, стр. 33.

лордъ Брумъ, какъ экономія въ назначеніи судьямъ жалованья" [1]). И такъ какъ высокое вознагражденіе судей обусловливается задачами правосудія, предъ которыми, по прекраснымъ словамъ проф. Тальберга, „должны преклониться, отступить всѣ другія преходящія цѣли государства", то очевидно, что для полнаго осуществленія возвышенныхъ идей творцовъ Судебныхъ Уставовъ наше законодательство должно еще предпринять дальнѣйшіе шаги.

Во всякомъ случаѣ, содержаніе, получаемое нашими судьями, въ общемъ значительно превышаетъ жалованье судей континентальныхъ государствъ Западной Европы. И если достаточность вознагражденія судей является однимъ изъ существеннѣйшихъ средствъ для огражденія судейской независимости, то нужно признать, что эта ея охрана у насъ, благодаря Судебнымъ Уставамъ, поставлена лучше, чѣмъ въ другихъ крупныхъ европейскихъ государствахъ.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ о содержаніи судей стоитъ вопросъ о порядкѣ ихъ назначенія и повышенія. Незначительность судейскаго содержанія во всѣхъ континентальныхъ странахъ Западной Европы и необходимость судьямъ въ Австріи, Франціи и Италіи для достиженія сколько нибудь порядочной обезпеченности, равной содержанію нашего члена окружнаго суда, пройти длинный рядъ ступеней дѣлаютъ очевиднымъ, что отъ того или иного порядка назначенія судей и повышенія ихъ въ должности въ весьма значительной степени зависитъ судейская независимость. Въ странахъ, гдѣ суды или судьи раздѣляются на классы или ранги, при зависимости отъ центральной власти повышеній судей, для судьи, по мѣткому выраженію судьи фонъ-Энгеля, гарантировано лишь пребываніе въ низшемъ классѣ, т. е. для заслуженнаго судебнаго дѣятеля почти нищенскій окладъ содержанія: въ Австріи—4.000 кр. (около 1.600 р.), во Франціи—3.000 фр. (около 1.125 р.) и въ Италіи—4.000 лиръ (около 1.500 р.).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ назначеніе судей во всѣхъ главнѣйшихъ странахъ Европы было правительственное—главою государства по представленію министра юстиціи. Во Франціи рядомъ декретовъ и циркуляровъ министерства юстиціи (23 іюня 1826 г., 25 октября 1829 г., 7 іюля 1841 г. и др.) ко времени

---

[1]) Цитируется по статьѣ М. И. Заруднаго. „Французскіе суды". Русскій Вѣстникъ 1862 г., ноябрь, стр. 336.

изданія Судебныхъ Уставовъ, былъ установленъ такой, усвоенный въ общихъ чертахъ и другими странами, порядокъ назначенія судей. Когда должность судьи освобождается вслѣдствіе смерти или подачи въ отставку, генеральный прокуроръ долженъ извѣстить министра телеграммою. Въ теченіе десяти дней со дня открывшейся вакансіи первые президенты апелляціонныхъ палатъ должны представить списокъ нѣсколькихъ кандидатовъ на открывшуюся должность для выбора изъ этого списка министромъ кандидата. Могли дѣлать представленія и генеральные прокуроры, но съ вѣдома первыхъ президентовъ, а кандидаты въ мировые судьи намѣчались по соглашенію президентовъ и прокуроровъ. Но право представленія принадлежало исключительно chef du tribunal и судебное мѣсто, какъ бы оно высоко ни было, не могло представлять кандидатовъ. Самое назначеніе судей производилось декретомъ главы государства по представленію министра юстиціи, но назначеніе первыхъ президентовъ и генеральныхъ прокуроровъ, предварительно представленія кандидатовъ на утвержденіе императора, обсуждалось въ совѣтѣ министровъ [1]).

Съ такимъ порядкомъ назначенія и повышенія судей составители Судебныхъ Уставовъ, несомнѣнно, были хорошо знакомы, такъ какъ въ высшей степени обстоятельныхъ сужденіяхъ ихъ по этому вопросу съ чрезвычайною ясностью были указаны всѣ недостатки этой системы. Вообще, на соображеніяхъ творцовъ Уставовъ о судейской карьерѣ необходимо остановиться нѣсколько дольше, такъ какъ правильность доводовъ ихъ о достоинствахъ или недостаткахъ той или иной стороны этой области судоустройства только теперь начинаетъ сознаваться, а нѣкоторыя ихъ предположенія, лишь спустя почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ они были высказаны, начинаютъ осуществляться въ нѣкоторыхъ странахъ запада.

Какъ извѣстно, при составленіи Судебныхъ Уставовъ по вопросу о порядкѣ назначенія судей боролись два теченія: одно стояло за правительственное назначеніе судей, другое, основываясь на сословныхъ привилегіяхъ, отстаивало выборность судей, но не срочную, а пожизненную съ тѣмъ, что разъ выбранный судья получалъ уже дальнѣйшее движеніе по судебному вѣдом-

[1]) Massabiau, l. c. nº 24—33.

ству. Со стороны защитниковъ этого послѣдняго взгляда принципъ правительственнаго назначенія судей и подвергся самой всесторонней критикѣ.

Положивъ въ основу разсужденій то несомнѣнное начало, что судъ можетъ достигнуть своего назначенія только въ томъ случаѣ, когда онъ пользуется общимъ въ государствѣ довѣріемъ—это довѣріе необходимо, какъ самая твердая опора правительства, какъ основное условіе общаго въ государствѣ спокойствія—сторонники выборной системы опредѣленія судей указывали, что довѣріе не можетъ быть достигнуто, если составъ суда будетъ предоставленъ исключительно усмотрѣнію административной власти. Назначеніе отъ правительства, говорили они, есть въ существѣ не что иное, какъ назначеніе однимъ лицомъ, коему правительство довѣряетъ этотъ выборъ, но чѣмъ шире кругъ дѣйствій этого лица, чѣмъ большее число лицъ предоставлено его выбору, тѣмъ для него труднѣе дѣлается выборъ и тѣмъ менѣе оно имѣетъ возможности назначать людей съ чувствомъ полной увѣренности въ хорошемъ выборѣ, и потому то право назначать служащихъ, мало по малу, переходитъ отъ главнаго начальника въ руки канцелярій и секретарей, т. е. такихъ лицъ, которыя при всей добросовѣстности не должны бы пользоваться этимъ правомъ. Въ такомъ пространномъ государствѣ, какъ Россія, невозможно будетъ одному лицу назначать всѣхъ судей: придется отъ министра юстиціи передать эту власть съ практическою цѣлью предсѣдателю палаты. Но, съ одной стороны, это уронитъ значеніе судей, а съ другой, и предсѣдатель палаты, несмотря на то, что онъ долженъ находиться ближе къ мѣсту, не будетъ въ состояніи, по положенію своему, назначать судей во всѣ окружные суды. А чѣмъ ниже передавать право назначенія судей, тѣмъ болѣе роняется ихъ значеніе, и неудивительно, что въ такихъ случаяхъ выборъ лицъ бываетъ нерѣдко основанъ не столько на достиженіи главной цѣли—избирать достойныхъ людей—сколько на произволѣ [1]).

Какъ, однако, ~~извѣстно~~, относительно назначенія судей общихъ судебныхъ мѣстъ былъ принятъ принципъ правительственнаго назначенія, причемъ въ Основныхъ Положеніяхъ онъ былъ формулированъ въ чистомъ его видѣ: предсѣдатель и

[1]) Судебные Уставы, изд. Гос. Канцел., изд. 2, 1867 г., ч. III, стр. XII—XIV.

члены назначаются Высочайшею властью по представленію министра юстиціи (ст.ст. 22 и 39 Осн. Пол.). Выборное начало, тоже въ его чистомъ видѣ, т. е. срочное, было принято въ отношеніи мировыхъ судей (ст. 13 Осн. Пол.), но по соображеніямъ совершенно иного порядка.

Создавая мировой институтъ, творцы Судебныхъ Уставовъ, несомнѣнно, за образецъ брали англійскій мировой институтъ, а не французскаго juge de paix, превратившагося къ тому времени во Франціи во второстепеннаго чиновника, смѣняемаго и плохо оплачиваемаго. Но, несомнѣнно, также, что, учреждая этотъ институтъ, составители Уставовъ дѣятельность мировыхъ судей представляли себѣ совершенно иначе, чѣмъ она вылилась, да и могла быть осуществлена въ дѣйствительности. Они такъ же идеализировали дѣятельность мирового судьи, какъ и французы, вводя выборный мировой институтъ въ концѣ XVIII столѣтія. Сужденія составителей нашихъ Уставовъ по поводу мирового института не отличаются такою экспансивностью, какъ учредителей мировыхъ судей во Франціи, но сущность ихъ одна и та же.

Французскіе законодатели, установляя для должности мировыхъ судей всего два условія: пользованіе политическими и гражданскими правами и возрастъ въ 30 лѣтъ, такъ представляли себѣ ихъ дѣятельность. „Каждый порядочный человѣкъ, имѣющій немного опытности и знанія дѣла, можетъ исправлять эту должность; мировой судъ долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ формъ и тонкостей, при которыхъ самый знающій судья доходитъ до того, что не знаетъ, на чьей сторонѣ правда. Подсудны ему должны быть дѣла простыя, небольшія, требующія для правильности рѣшеній знаній, доступныхъ только мѣстному дѣятелю, который изслѣдуетъ на мѣстѣ дѣло и въ своей опытности найдетъ наилучшія правила къ справедливому рѣшенію дѣла. Представьте человѣка, который только и думаетъ, что о согражданахъ, только и живетъ для нихъ, который особенно заботится о малолѣтнихъ, отсутствующихъ и о всѣхъ безпомощныхъ лицахъ; представьте отца среди своихъ дѣтей, онъ скажетъ слово, и несправедливость умолкаетъ, жалобы берутся назадъ, процессовъ болѣе нѣтъ, его непрерывная, неустанная дѣятельность обезпечиваетъ каждому покой и счастье—это и есть мировой судья“ [1]).

---

[1]) А. Н. Чебышевъ-Дмитріевъ. „Начала франц. угол. проц.“ Юр. Вѣстн. 1863 г. кн. 9, стр. 64 и 65.

Составители Судебныхъ Уставовъ ~~тоже~~ находили, что на мирового судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ между большинствомъ населенія, большая часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма и уважаетъ естественную справедливость, а потому главнѣйше заботится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ о справедливости основанномъ рѣшеніи. Важнѣйшая задача мирового судьи и высшее качество его правосудія — примиреніе. Въ лицѣ его соединяются обязанности примирителя, присяжнаго повѣреннаго, гражданскаго и уголовнаго судьи и хранителя мира. Для успѣшнаго исполненія такого важнаго призванія мировой судья долженъ пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей, а довѣріе это онъ можетъ заслужить не столько юридическимъ образованіемъ, сколько знаніемъ народныхъ понятій, нравовъ, обычаевъ, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни и въ особенности своимъ здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ и безукоризненною жизнью [1]). По этимъ соображеніямъ при составленіи Уставовъ и было рѣшено установить избраніе мировыхъ судей представителями всѣхъ сословій—именно, земскими собраніями. Такимъ образомъ выборный порядокъ опредѣленія мировыхъ судей былъ созданъ въ виду особыхъ условій положенія мирового судьи, какъ оно рисовалось составителямъ Судебныхъ Уставовъ, а не вслѣдствіе преимуществъ его предъ правительственнымъ назначеніемъ.

Но, сохранивъ и при окончательномъ редактированіи Судебныхъ Уставовъ начало выборности мировыхъ судей въ томъ видѣ, какъ оно было предуказано въ Основныхъ Положеніяхъ, составители Уставовъ вопросъ о порядкѣ назначенія отъ правительства судей общихъ судебныхъ мѣстъ подвергли всестороннему обсужденію. Значеніе такъ называемой судебной карьеры было для нихъ вполнѣ ясно, такъ какъ, говорили творцы Уставовъ, безъ нея „нѣтъ никакой возможности устроить магистратуру на прочныхъ основаніяхъ“ [2]). И для достиженія этой цѣли была предложена смѣшанная система съ одной стороны „конкурснаго состязанія“ для замѣщенія должности членовъ окружныхъ судовъ и, съ другой, выборовъ прочихъ судей высшихъ

---

[1]) Журналъ Гос. Сов. 1862 г., № 65, стр. 300—309.

[2]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 80.

ранговъ общими собраніями высшаго въ инстанціонномъ порядкѣ судебнаго мѣста, за исключеніемъ сенаторовъ, подлежавшихъ избранію Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ. Конкурсное состязаніе на должность члена суда должно было производиться въ видѣ экзамена предъ комиссіей судебной палаты, въ округѣ которой открылась вакансія, послѣ опубликованія срока состязанія. Въ составъ комиссіи должны были входить: старшій предсѣдатель, два члена и прокуроръ палаты и одинъ или два преподавателя законовѣдѣнія въ университетѣ или губернской гимназіи. Списокъ кандидатовъ, выдержавшихъ устное и письменное испытаніе и диспутъ съ членами комиссіи, долженъ былъ представляться министру юстиціи, которому предоставлялось отдавать предпочтеніе и не старшему по балламъ кандидату, но вмѣнялось въ обязанность вносить на Высочайшее усмотрѣніе списокъ всѣхъ кандидатовъ, съ объясненіемъ причинъ, по которымъ онъ не считаетъ возможнымъ утвердить представленіе палаты [1]).

Это предположеніе не было принято по цѣлому ряду соображеній техническаго несовершенства проекта, а также и по тому серьезному основанію, что „какъ бы строго и тщательно ни было испытаніе и какъ бы ни превосходно оно было выдержано, едва ли можно взять его за основаніе при назначеніи въ судебную должность, когда неизвѣстны ни нравственныя качества, ни прежняя дѣятельность кандидата".

Взамѣнъ этого порядка большинство комиссіи по преобразованію судебной части остановилось на системѣ такъ называемой кооптаціи, т. е. избранія кандидатовъ на открывшуюся вакансію коллегіею подлежащаго судебнаго мѣста, причемъ предполагалось предоставить общимъ собраніямъ окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ избраніе не только членовъ и сенаторовъ, но и предсѣдателей и первоприсутствующихъ, а министра юстиціи обязать при представленіи Верховной власти своихъ кандидатовъ на открывшіяся должности объяснять причины, побуждающія его къ устраненію кандидатовъ, избранныхъ судебными мѣстами (ст.ст. 175, 177 и 179 проекта комиссіи). При окончательномъ обсужденіи вопроса о порядкѣ замѣщенія судейскихъ должностей избраніе кандида-

[1]) Объясн. зап., 1863 г., стр. 101 и 102.

товъ на должности сенаторовъ Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ было признано „излишнимъ", а избраніе предсѣдателей „неудобнымъ", выборъ же кандидатовъ въ члены палатъ и судовъ „не настолько для него (министра юстиціи) обязательнымъ, чтобы онъ непремѣнно долженъ былъ объяснять причины" отклоненія представленій судовъ и палатъ [1]).

Такимъ образомъ, у насъ по Судебнымъ Уставамъ былъ принятъ двоякій способъ замѣщенія судейскихъ должностей: для мировыхъ судей — не существовавшій нигдѣ въ главнѣйшихъ странахъ Европы выборный порядокъ: путемъ избранія судей земскими собраніями и утвержденія ихъ Правительствующимъ Сенатомъ (ст. 32 и сл. Учр. Суд. Уст. 1864 г.), и для замѣщенія судейскихъ должностей въ общихъ судебныхъ мѣстахъ — система правительственнаго назначенія, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ западно-европейскихъ законодательствъ, что рекомендація кандидатовъ въ члены судебныхъ мѣстъ была предоставлена общимъ ихъ собраніямъ. Такою постановкою порядка назначенія и повышенія членовъ судебныхъ учрежденій составители Судебныхъ Уставовъ создали особую русскую систему, несомнѣнно имѣвшую значительно бо̀льшія достоинства, чѣмъ порядки, существовавшіе въ другихъ иностранныхъ государствахъ. Интересно здѣсь же отмѣтить, что за желательность этой системы раздаются голоса въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ. Въ Англіи, какъ то свидѣтельствуетъ профессоръ П. И. Люблинскій, очень многочисленны голоса въ пользу передачи функцій назначенія мировыхъ судей въ руки совѣтовъ самоуправленія (Town and County Councils) [2]). За установленіе принятой у насъ системы рекомендаціи кандидатовъ высказывается, повидимому не зная ея, фонъ-Энгель въ упоминавшемся уже докладѣ его съѣзду нѣмецкихъ судей, мирящійся даже съ тѣмъ, чтобы рекомендаціи кандидатовъ въ судьи дѣлались не общими собраніями судовъ, а, какъ онъ называетъ, отдѣленіями личнаго состава, въ которыя входили бы президентъ, старшіе члены коллегіи, предсѣдатели отдѣленій.

Установленная Судебными Уставами система назначеній и повышеній судей сохраняется у насъ и въ настоящее время.

---

[1]) Журн. Гос. Сов. 1864 г., № 48, стр. 27 и 28.

[2]) П. И. Люблинскій, ук. соч., стр. 223, прим.

Сохранился въ неприкосновенности существовавшій пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ и въ Австріи порядокъ замѣщенія судейскихъ должностей Верховною властью по представленію министра юстиціи [1]). Недостатки такого порядка, указанные еще составителями Судебныхъ Уставовъ, живо чувствуются въ сохраняющихъ эту систему странахъ.

Въ дебатахъ во французской палатѣ о положеніи французской магистратуры, происходившихъ въ 1905 г., между прочимъ, было указано, что если независимость французскаго судьи иногда не проявляется на дѣлѣ, что если магистратура проявляетъ наклонность прислушиваться только къ голосу правительства, то это потому, что хотя правительство невластно „бросить за бортъ" судью, который рѣшаетъ дѣла въ смыслѣ, непріятномъ правительству, однако отъ правительства зависитъ, во 1-хъ, назначеніе и, во 2-хъ, повышеніе или пониженіе по должности. Понятно, что эти двѣ прерогативы правительства дѣйствуютъ гипнотизирующимъ образомъ на судей, склонныхъ скорѣе прислуживаться, чѣмъ прислушиваться только къ велѣніямъ совѣсти.

Система назначеній судей въ Австріи ставитъ судью въ полную зависимость отъ правительства, свидѣтельствуетъ Aubin. Система назначенія судей главою государства, принятая итальянскимъ статутомъ, говоритъ Orlando, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что она подвержена незаконнымъ вліяніямъ исполнительной власти и, что еще хуже, вмѣшательствамъ со стороны парламента.

При этой системѣ особо важное значеніе получаетъ вопросъ о томъ, какимъ способомъ министръ юстиціи получаетъ свѣдѣнія о судьяхъ, достойныхъ повышенія. Въ Австріи, Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, такъ называемыя аттестаціи даются единственно президентами судовъ, въ Пруссіи и Баваріи президіумомъ, т. е. коллегіею, состоящею изъ предсѣдателя суда, предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ (директоровъ) и старшаго судьи. Такое возвышеніе вліянія части коллегіи, или только одного, хотя бы и перваго среди равныхъ, судьи, несомнѣнно можетъ отражаться на судейской независимости. Страшно уже

[1]) Aubin, l. c. S. 101—104; Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 51.

созданіе атмосферы, говоритъ профессоръ А. В. Завадскій, гдѣ предсѣдатели получаютъ вѣсъ (въ коллегіи) не по личнымъ качествамъ, а по особой прибавочной цѣнности. Положеніе милостынираздантелей нелегко, и при извѣстныхъ условіяхъ предсѣдатели превращаются въ „судебныхъ губернаторовъ", личная воля которыхъ можетъ, пожалуй, отражаться и на судебной дѣятельности [1]).

Но и нашъ порядокъ назначенія и повышенія судей, какъ показалъ опытъ, страдаетъ значительными несовершенствами. Порядокъ назначенія на судебныя должности, говоритъ Н. В. Муравьевъ,—слагается у насъ изъ двухъ частей: представленія снизу и избранія или назначенія сверху. Первое, относительно судейскихъ должностей, идетъ порядкомъ коллегіальнымъ, чрезъ высшихъ представителей судебной власти на мѣстахъ, а второе сосредоточивается въ центральномъ управленіи Министерства Юстиціи. И тотъ и другой фазисъ въ дѣлѣ замѣщенія судебныхъ должностей по дѣйствующему положенію отличаются,—по заявленію Н. В. Муравьева,—существенными практическими недостатками. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе значительное преобладаніе элемента случайности, бороться съ которымъ очень затруднительно; кругозоръ начальственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, руководящихъ назначеніемъ, по необходимости, весьма ограниченъ: одни представляютъ только тѣхъ лицъ, которыя находятся, такъ сказать, у нихъ подъ руками, другія могутъ назначать лишь представляемыхъ кандидатовъ или вмѣсто нихъ — лицъ, случайно извѣстныхъ центральной власти. А тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто случайность, находятъ себѣ просторъ и другія нежелательныя обстоятельства и соображенія. Не говоря уже о протекціи и искательствѣ, совершенно недопустимыхъ въ такомъ важномъ и святомъ дѣлѣ, какъ дѣло правосудія, при самомъ честномъ исполненіи обязанностей начальствомъ, назначающимъ на судебныя должности, оно само не можетъ быть свободно отъ справедливаго опасенія, что въ данномъ случаѣ лицо, дѣйствительно достойное, обойдено, что сдѣланное назначеніе при другихъ условіяхъ могло бы не состояться. Поэтому Н. В. Муравьевъ находилъ необходимымъ выработать

[1]) Р. Д. Гурвичъ. Судъ во Франціи. Вѣстн. Права, 1906 г., кн. II, стр. 286. Орландо. Принципы конст. права (русск. пер. 1907 г.), стр. 234 и 235. Aubin, l. c. S. 101—104. А. В. Завадскій, ук. ст., стр. 57 и 58.

такой однообразный порядокъ замѣщенія судебныхъ должностей, который обезпечивалъ бы для всего судебнаго вѣдомства: 1) законныя формальныя права судебныхъ дѣятелей на дальнѣйшее служебное движеніе безъ всякаго съ ихъ стороны искательства и даже заявленій и 2) широкій просторъ для личныхъ способностей и дарованій. Словомъ, совмѣстное обезпеченіе заслугъ и дарованій [1]).

Эта широкая и глубокая идея не получила, однако, осуществленія. Въ проектѣ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій было лишь предположено „въ видѣ корректива (къ дѣйствующему порядку) установить, чтобы судебными мѣстами къ концу каждаго года избирались заразъ нѣсколько кандидатовъ, рекомендуемыхъ ими впередъ на тѣ вакансіи участковыхъ судей и членовъ окружного суда, которыя могутъ открыться въ теченіе будущаго года съ тѣмъ, чтобы списки кандидатовъ направлялись затѣмъ въ Министерство Юстиціи чрезъ старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ“ [2]) (ст. 273 пр. нов. ред. учр. суд. уст.).

Для достиженія въ дѣлѣ назначенія и повышенія судей тѣхъ цѣлей, которыя такъ ярко были выражены Н. В. Муравьевымъ,— обезпеченія заслугъ и дарованій—въ двухъ странахъ Западной Европы: Франціи и Италіи, за послѣдніе годы были предприняты весьма рѣшительныя мѣры, причемъ въ основу ихъ были положены мысли, высказывавшіяся составителями Судебныхъ Уставовъ, а именно о „конкурсныхъ состязаніяхъ“.

Результатомъ обсужденія въ палатѣ депутатовъ состоянія французской магистратуры, о которомъ упоминалось выше, явилось включеніе въ законъ о бюджетѣ на 1906 г. постановленія (ст. 38), предоставившаго правительству, до изданія органическаго закона относительно порядка назначенія и повышенія судей, регламентировать этотъ вопросъ въ административномъ порядкѣ.

18 августа 1906 г. былъ опубликованъ соотвѣтствующій декретъ [3]). Сущность его сводилась къ тому, что, за немногими

---

[1]) Рѣчь Н. В. Муравьева въ Совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ 4 января 1895 г. по вопросу о судебной карьерѣ. Труды Высоч. учр. ком. для пересмотра законопол. по суд. части, т. I, стр. 291 и 292.

[2]) Объясн. зап. къ проекту новой ред. учр. суд уст., т. II, стр. 280—281.

[3]) Русскій переводъ этого декрета г-номъ А. Л. былъ напечатанъ въ № 9 Журн. Мин. Юст. за 1906 г., стр. 279 и сл.

исключеніями, на судейскую должность могли быть назначаемы лишь лица, выдержавшія конкурсный экзаменъ предъ особой комиссіей и внесенныя, въ порядкѣ оказанныхъ успѣховъ, въ составленный ею и опубликованный офиціально списокъ, причемъ первый по списку кандидатъ назначается на ближайшую вакансію (ст. ст. 1, 12, 13 и 14 декрета). Повышенія по службѣ могли, по декрету, получать только судьи, внесенные въ особый списокъ (tableau d'avancements) комиссіею, состоящею изъ перваго президента, генеральнаго прокурора и четырехъ, назначаемыхъ президентомъ, по представленію министра юстиціи, совѣтниковъ кассаціоннаго суда и директоровъ департаментовъ министерства юстиціи. Составленный списокъ сообщался судьямъ и ихъ заявленія передавались въ комиссію для обсужденія. Однако не по списку кандидатовъ судьи могли назначаться на должности членовъ кассаціоннаго суда, первыхъ президентовъ и генеральныхъ прокуроровъ апелляціонныхъ судовъ, предсѣдателя и прокурора парижскаго суда и судебныхъ слѣдователей (ст. ст. 15—22). Не по списку могли получать повышенія по службѣ также тѣ лица, которыя, вообще, могли назначаться на судейскія должности независимо отъ внесенія въ списокъ и категоріи коихъ, по декрету 1906 г., были немногочисленны. Къ тому же число назначеній не по списку не могло превышать одной четверти общаго числа вакансій, открывшихся въ теченіе года (ст. 23).

Декретъ этотъ вызвалъ большія нападки въ парламентѣ и депутатъ Giaux отъ имени партіи радикаловъ-соціалистовъ внесъ даже законодательное предположеніе объ его отмѣнѣ. Сущность возраженій противъ декрета 18 августа 1906 г. сводилась къ тому, что онъ умаляетъ права исполнительной власти. Изданный, въ его отмѣну, декретъ 13 февраля 1908 г. имѣлъ цѣлью дать удовлетвореніе противникамъ порядка, созданнаго въ 1906 г. Онъ увеличиваетъ власть министра юстиціи и уменьшаетъ гарантіи, предоставленныя судьямъ въ 1906 г. [1]).

Декретъ 13 февраля 1908 г. отмѣняетъ, прежде всего, конкурсный экзаменъ, замѣняя его „профессіальнымъ“ по значительно упрощенной программѣ. Категоріи лицъ, назна-

---

[1]) Notice par. M. Frèrejouan du Saint. Annuaire de legislation francaise, publié par la societé de legislation comparée, 1908, p. 53 et suiv.

ченіе которыхъ судьями предоставлено министру юстиціи безъ экзамена, весьма расширены. Но и того, что далъ декретъ 1908 г., оказалось недостаточнымъ, и декреты 9 марта 1910 г. и 10 апрѣля 1912 г. еще болѣе увеличиваютъ число изъятій.

Самыя же главныя измѣненія, въ сторону расширенія дискреціонной власти министра юстиціи, лишить которой его хотѣли въ 1906 г., произведены декретомъ 13 февраля 1908 г. въ постановленіяхъ, регламентирующихъ порядокъ повышенія судей. По декрету 18 августа 1906 г. списокъ лицъ, подлежавшихъ обсужденію комиссіи о повышеніяхъ, изготовлялся такимъ образомъ, что въ его составленіи принимали участіе и предсѣдатели и прокуроры судовъ первой и второй инстанціи (ст. 16). Теперь къ этому дѣлу привлекаются только первые президенты палатъ (ст. 23 декр. 1908 г.), а комиссія получаетъ право предложить министру включить въ списокъ судей, и не представленныхъ къ повышенію (ст. 24). Въ самой таблицѣ повышеній имена кандидатовъ располагаются въ алфавитномъ порядкѣ, а не въ томъ, въ которомъ, по мнѣнію комиссіи, слѣдовало ихъ повышать, и, что особенно важно, тогда какъ по декрету 1906 г. комиссія составляла самую таблицу повышеній (tableau d'avancement), слѣдовать которой министръ былъ обязанъ, декретъ 13 февраля 1908 г., говоритъ M. Frèrejouan du Saint, не предоставляетъ комиссіи ничего болѣе, какъ только права предложеній (droit de proposition). По ст. 24 таблица повышеній составляется министромъ юстиціи на основаніи всѣхъ свѣдѣній, полученныхъ имъ о кандидатахъ, и въ числѣ ихъ указаны и предположенія комиссіи о повышеніяхъ. Таблица повышеній утверждается не позднѣе 1 января года, въ коемъ она должна быть примѣнена и публикуется въ Journal Officiel.

Такимъ образомъ въ итогѣ всѣхъ измѣненій, которымъ подверглась мысль декрета 18 августа 1906 г., оказывается, что власть министра юстиціи ограничивается только тѣмъ, что онъ въ теченіе года три четверти назначеній на судейскія должности, кромѣ высшихъ, долженъ дѣлать изъ числа тѣхъ лицъ, которыхъ онъ же намѣтилъ, и, слѣдовательно, всѣ эти мѣропріятія сводятся въ сущности къ тому, чтобы министръ имѣлъ возможно болѣе полныя свѣдѣнія о судьяхъ, могущихъ получить дальнѣйшее движеніе.

Въ промежутокъ времени между изданіемъ во Франціи декретовъ 18 августа 1906 г. и 13 февраля 1908 г. былъ изданъ, посвященный въ значительной степени тому же вопросу, что и эти декреты, итальянскій законъ 14 іюля 1907 г. [1]).

Этотъ законъ устанавливаетъ такой порядокъ повышеній судей въ должностяхъ. Три пятыхъ назначеній производится въ порядкѣ старшинства, двѣ пятыхъ—по заслугамъ и по конкурсу. Для назначенія по старшинству необходимо, однако, постановленіе о возможности предоставленія повышенія со стороны особыхъ судебныхъ совѣтовъ, учрежденныхъ при судахъ и апелляціонныхъ палатахъ въ составѣ предсѣдателя, прокурора и двухъ избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ суда или палаты. Назначенія по заслугамъ происходятъ послѣ конкурса кандидатовъ предъ высшимъ совѣтомъ итальянской магистратуры, въ составъ котораго входятъ: первый президентъ и генеральный прокуроръ римскаго кассаціоннаго суда, шесть членовъ и три товарища генеральнаго прокурора кассаціонныхъ судовъ, назначаемыхъ министромъ юстиціи изъ числа избранныхъ пятью кассаціонными судами королевства, и девять членовъ въ званіи не ниже перваго президента апелляціоннаго суда, назначаемыхъ декретомъ короля по представленію министра юстиціи. Назначеніе членовъ кассаціоннаго суда, предсѣдателей отдѣленій апелляціоннаго суда и товарищей генеральнаго прокурора при кассаціонномъ судѣ производится исключительно по конкурсу. Къ конкурсу на указанныя должности допускаются: члены и товарищи прокуроровъ апелляціонныхъ судовъ, предсѣдатели и прокуроры судовъ первой инстанціи. Для назначенія по старшинству и по конкурсу на должности членовъ и товарищей прокурора апелляціонныхъ палатъ, предсѣдателей и прокуроровъ должно пробыть въ должности членовъ и товарищей прокурора первой категоріи не менѣе трехъ лѣтъ. На эти послѣднія должности назначаются по особому экзамену [2]) судейскіе помощники чрезъ три года службы. Конкурсъ состоитъ въ оцѣнкѣ свѣдѣній, доставленныхъ высшему совѣту магистратуры судебными

---

[1]) Законъ переведенъ А. И. Люблинскимъ въ Журн. Мин. Юст. № 2 за 1908 г., стр. 257 и слѣд.

[2]) Экзаменъ производится особой комиссіей изъ семи членовъ, назначаемыхъ министромъ юстиціи изъ судебныхъ чиновъ кассаціоннаго и апелляціонныхъ судовъ, профессоровъ-юристовъ и практикующихъ адвокатовъ.

совѣтами и собранныхъ непосредственно высшимъ совѣтомъ, составляющимъ послѣдовательный списокъ кандидатовъ. Для назначенія кого либо вопреки заключенію высшаго совѣта магистратуры требуется заключеніе совѣта министровъ. Назначеніе первыхъ предсѣдателей, генеральныхъ прокуроровъ апелляціонныхъ и кассаціонныхъ судовъ, а равно предсѣдателей отдѣленій и генеральныхъ адвокатовъ (первыхъ товарищей генер. прокуроровъ) этихъ послѣднихъ судовъ изъято изъ вѣдѣнія высшаго совѣта магистратуры и предоставлено совѣту министровъ по представленію министра юстиціи (ст. 27).

Какъ на главный недостатокъ итальянской системы назначеній проф. Е. В. Васьковскій указываетъ на то, что большинство членовъ высшаго совѣта находится въ зависимости отъ министра юстиціи [1]). Это вполнѣ справедливое указаніе свидѣтельствуетъ о стремленіи исполнительной власти и въ Италіи сохранить такъ или иначе и при тѣхъ ограниченіяхъ, которые созданы закономъ 14 іюля 1907 г., вліяніе на назначенія судей. Стремленіе это особенно рельефно сказалось въ декретѣ 10 октября 1907 г. относительно порядка дѣйствій высшаго совѣта магистратуры. Законъ 14 іюля 1907 г. (ст. 35) установилъ, что высшій совѣтъ магистратуры разсматриваетъ дѣла въ двухъ секціяхъ, причемъ къ компетенціи первой изъ нихъ отнесъ важнѣйшіе вопросы—о назначеніи высшихъ чиновъ магистратуры и прокуратуры (ст. 25), о временныхъ назначеніяхъ судей въ высшіе и низшіе суды (ст. 36) и нѣк. др. И декретъ 10 октября 1907 г. (ст. 7) опредѣлилъ составъ этой секціи такимъ образомъ, что большинство членовъ состоитъ изъ лицъ, назначаемыхъ въ составъ высшаго совѣта правительствомъ, а именно въ число девяти членовъ секціи входятъ: генеральный прокуроръ римскаго кассаціоннаго суда и пять членовъ изъ числа тѣхъ, которые назначаются въ высшій совѣтъ королемъ по представленію министра юстиціи, остальные три должны быть: два члена кассаціоннаго суда и одинъ товарищъ прокурора кассаціоннаго суда.

Предлагая вниманію русскихъ читателей переводъ французскаго декрета 18 августа 1906 г., г. А. Л. писалъ: насколько они (правила декрета) окажутся жизнеспособными и будутъ ли

---

[1]) Е. В. Васьковскій, ук. соч., стр. 144.

содѣйствовать поднятію уровня французской магистратуры,— покажетъ, конечно, будущее; но нельзя скрыть опасенія въ томъ, что, не улучшая одновременно матеріальнаго вознагражденія магистратуры, надѣляя ее только номинальной независимостью и оставляя широкое вліяніе на назначенія и повышенія усмотрѣнію министра юстиціи, находящагося, быть можетъ, подъ давленіемъ своихъ политическихъ единомышленниковъ, новый декретъ (1906 г.) едва ли сумѣетъ внести серьезныя измѣненія въ нынѣшнее положеніе судебнаго вѣдомства во Франціи" [1]).

Въ значительной мѣрѣ эти соображенія приложимы и къ итальянскому закону 14 іюля 1907 г. Содержаніе судей, установленное этимъ закономъ, какъ мы видѣли, ничтожно. Усмотрѣнію исполнительной власти, благодаря составу высшаго совѣта магистратуры и, въ особенности, установленному декретомъ 10 октября 1907 г., составу его секцій предоставлены широкіе предѣлы. Что касается французскаго законодательства, то послѣдовавшими послѣ 1906 года декретами усмотрѣніе министра юстиціи въ дѣлѣ назначенія и повышенія судей еще болѣе расширено.

Конечно, время дѣйствія новыхъ—французской и итальянской — системъ назначеній и повышеній не настолько значительно, чтобы можно было сдѣлать уже окончательные выводы о томъ, насколько они обезпечиваютъ въ этомъ важномъ дѣлѣ „и заслуги, и дарованія". Но что касается Франціи, то есть основанія думать, что тамъ ничто не измѣнилось. Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ 3 апрѣля 1914 г. бывшій предсѣдатель совѣта министровъ и министръ юстиціи Aristid Briand рѣшительно заявилъ [2]): „назначеніе судей, ихъ повышеніе, перемѣщеніе, ихъ карьера, жизнь—все это въ нашихъ рукахъ".

---

[1]) А. Л. Обзоръ иностр. закон. Журн. Мин. Юст. 1906 г., № 9, стр. 279.

[2]) Journal Officiel du 4 april 1914.

Chambre des députés, 10 legislation, session ordinaire de 1914, 99-e séance, 2-e séance du venredi 3 avril. p. 2228.

M. Aristid Briand.

„Ah! la magistrature manque d'indépendance. Ah! ce procureur général, sous son hermine, sous sa robe rouge, il n'a pas eu la concience assez haute pour résister à des ordres?

Mais d'ou vient le mal, messieurs? Comment voulez vous qu'ils soient pleinement indépendants ces magistrats? Leur nomination, leur avancement, leur deplacement, leur carrière, leur vie, tout cela est entre nos mains".

Но если такъ, если, несмотря на попытки болѣе или менѣе тщательной регламентаціи дѣйствій исполнительной власти при назначеніи судей, всетаки судейская карьера оказывается въ рукахъ этой власти, то, очевидно, что всѣ принятыя до настоящаго времени въ этой области судоустройства мѣры недостаточны, и важнѣйшая проблема судебнаго права объ устроеніи независимаго отъ постороннихъ судебному дѣлу вліяній движенія магистратуры ждетъ еще, соотвѣтствующаго задачамъ правосудія и независимости судебной власти разрѣшенія.

Едва ли, однако, правъ Ihering, держащійся того пессимистическаго взгляда, что вопросъ о гарантіяхъ судейской независимости, угрожаемой перспективой повышеній, принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ вполнѣ удовлетворительно [1]). Правильное рѣшеніе этой проблемы судебнаго права, возможно думать, лежитъ въ плоскости не тѣхъ мѣръ, которыя выдвигаются во Франціи и Италіи, но на томъ пути, на который вступило въ 1897 г. прусское законодательство, а въ 1908 г. — правда, очень недостаточно—и наше: именно, въ принятіи и послѣдовательномъ проведеніи идеи составителей Судебныхъ Уставовъ о періодическихъ прибавкахъ, или, какъ говорятъ нѣмецкіе писатели, въ системѣ постепеннаго движенія (Vorrückungssystem).

При этой системѣ для полученія высшаго оклада не требуется ни назначеній, ни повышеній. Эта система не исключаетъ назначенія вѣдомствомъ юстиціи, которое попрежнему назначаетъ судей первой, второй и третьей инстанцій. Но послѣ этихъ назначеній для большинства нѣтъ уже болѣе повышеній, а имѣется лишь автоматическое увеличеніе содержанія. Упреки, дѣлаемые этой системѣ въ сравненіи неспособнаго со способнымъ, въ исключеніи изъ дѣятельности могучаго двигателя въ трудѣ—честолюбія и въ побужденіи судей ограничивать свою дѣятельность предѣлами необходимаго,—едва ли заслуживаютъ вниманія. Во всѣхъ странахъ даже враги суда признаютъ громадность труда, выпадающаго на долю судей, и ихъ исключительное трудолюбіе. Едва ли вѣрно и соображеніе, что система движенія убиваетъ честолюбіе, а съ нимъ и побужденіе создавать что либо значительное. Въ крайнемъ случаѣ, по справедливому указанію судьи Энгеля, этой системой былъ бы нане-

[1]) R. Ihering. Der Zweck im Recht, S. 398.

сенъ ударъ лишь нездоровымъ побужденіямъ, искательству, о чемъ жалѣть не приходится.

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что наше законодательство, обезпечивъ судей лучше, чѣмъ иностранныя государства, и введя частично—для судей первой инстанціи—періодическія прибавки, сравнивающія ихъ по окладамъ содержанія съ судьями второй инстанціи, даже сохраняя неудовлетворительную систему повышенія судей въ должностяхъ, едва ли можетъ быть поставлено ниже западно-европейскихъ и въ отношеніи опредѣленія тѣхъ условій положенія судьи,—ихъ вознагражденія и повышенія,—при правильной постановкѣ которыхъ пріобрѣтаетъ дѣйствительное значеніе и гарантія несмѣняемости.

IV. Коллегіальное начало. Устройство коллегіи. Принципъ двухъ инстанцій. Кассаціонная инстанція. Участіе народнаго элемента въ осуществленіи судебной власти.

При всемъ громадномъ, для правильной постановки судебнаго строя, значеніи положенія судьи въ государствѣ тѣхъ институтовъ, которые имѣютъ задачею обезпечить обществу безпристрастіе судьи, однѣхъ этихъ мѣръ для конечныхъ цѣлей государственнаго суда -правосудныхъ приговоровъ и рѣшеній и единства примѣненія закона—недостаточно. Мы уже говорили, что для достиженія этихъ задачъ необходимо огражденіе и самихъ судей отъ невольныхъ ошибокъ и заблужденій. И на судей, обезпеченныхъ въ возможно большей степени независимостью, не можетъ быть распространенъ догматъ о непогрѣшимости. Судью, говоритъ А. Ѳ. Кони, нужно поставить въ такое положеніе, при которомъ его мнѣніе можетъ быть оспариваемо и критикуемо, вырабатываясь не замкнутымъ въ себѣ размышленіемъ, а совокупными силами нѣсколькихъ одинаково призванныхъ къ рѣшенію и отвѣтственныхъ за него [1]). И если вспомнить, что, по выраженію Бентама, даже „три плохихъ судьи въ состояніи составить хорошую судебную коллегію“, то

[1]) А. Ѳ. Кони, ук. ст., стр. 10.

станетъ яснымъ значеніе коллегіальнаго начала въ судебномъ строѣ. Но съ установленіемъ коллегіальнаго начала необходимо оградить, чтобы каждый судился своимъ „естественнымъ судьею", нужно устранить возможность подбора судебной коллегіи.

Эти требованія приводятъ къ вопросамъ объ устройствѣ коллегіи и пополненіи ея состава при недостаткѣ членовъ.

Но и окончательно сложившееся рѣшеніе коллегіи судей не можетъ быть гарантировано отъ промаховъ и ошибокъ. Для обезпеченія конечныхъ цѣлей государственнаго суда необходимо допущеніе провѣрки первоначально постановленныхъ приговоровъ другими, болѣе опытными, годами судебной работы испытанными, судьями. Однако, государственная необходимость въ судѣ скоромъ, безъ котораго не можетъ быть суда праваго и милостиваго,—ибо судебная волокита: и несправедливость въ отношеніи обвинителя или истца, и напрасная жестокость для обвиняемаго или отвѣтчика,—не допускаетъ многократнаго пересмотра дѣлъ. Изъ этого положенія вытекаетъ одно изъ основныхъ судоустройственныхъ началъ—принципъ двухъ инстанцій: каждое дѣло можетъ быть разсмотрѣно по существу двумя и только двумя судебными учрежденіями.

Но одна апелляція, говорили составители Судебныхъ Уставовъ, не можетъ служить полнымъ огражденіемъ тяжущихся и подсудимыхъ, потому что и въ рѣшеніяхъ апелляціонныхъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть нарушены прямой смыслъ закона или такіе обряды и формы судопроизводства, при несоблюденіи которыхъ судебное рѣшеніе невозможно признать дѣйствительнымъ [1]). Повѣрка юридической стороны судебнаго рѣшенія требуется и государственными интересами единства примѣненія закона. Устами судей долженъ гласить законъ. Но „языкъ закона, говоритъ А. Ѳ. Кони, скупъ и лакониченъ". Его опредѣленія требуютъ часто вдумчиваго толкованія, проникновенія въ мысль законодателя. И если одинъ и тотъ же законъ будетъ въ разныхъ мѣстахъ примѣняться различно, то едва ли могутъ утвердиться и уваженіе къ закону и къ его выразителю—судьѣ, и закономѣрность управленія. Необходимость суда, слѣдящаго за единствомъ примѣненія судами закона, отмѣняющаго приго-

---

[1]) Учр. Суд. Уст., изд. Гос. Канцел., стр. 15.

воры и рѣшенія и обращающаго судебныя дѣла къ пересмотру, признается почти во всѣхъ законодательствахъ, какъ насущная принадлежность правильной системы судоустройства, давая жизнь кассаціонной инстанціи.

Наконецъ, въ области устройства уголовнаго правосудія, въ виду исключительнаго значенія въ уголовныхъ дѣлахъ бытовыхъ ихъ сторонъ, чрезвычайной важности тѣхъ послѣдствій, которыя наступаютъ отъ примѣненія наказаній, всѣ современныя государства, въ цѣляхъ приданія суду вящшей независимости, требуютъ участія при отправленіи правосудія общественнаго элемента. Отсюда одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ судебнаго права—объ организаціи народнаго участія въ отправленіи правосудія, въ осуществленіи судебной власти, и взаимоотношеніи короннаго и народнаго элемента суда.

Разсмотрѣніемъ законодательныхъ постановленій, опредѣляющихъ намѣченныя начала судебнаго строя, мы и закончимъ нашъ очеркъ основныхъ началъ судоустройства Россіи и главнѣйшихъ западныхъ странъ за пятьдесятъ лѣтъ.

Практическое осуществленіе принциповъ двухъ инстанцій и коллегіальности, тѣхъ началъ теоріи, чтобы каждое судебное дѣло было разсмотрѣно по существу въ двухъ, но и только въ двухъ инстанціяхъ, и чтобы судебное рѣшеніе явилось результатомъ совокупной дѣятельности нѣсколькихъ судей, ибо, по словамъ Feuerbach'a, „совпаденіе убѣжденій различныхъ лицъ относительно одного предмета служитъ внѣшнимъ удостовѣреніемъ внутренней истинности", сталкивается съ двумя могучими требованіями современной государственной жизни: быстроты судопроизводства и экономіи народныхъ средствъ, обязывающихъ законодателей достигать возможно большихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ и народнаго достоянія. Удовлетвореніе этихъ требованій вноситъ на практикѣ въ законодательства всѣхъ странъ существенныя измѣненія указанныхъ принциповъ. Многочисленность мелкихъ, создающихся условіями будничной жизни, но живо затрогивающихъ интересы мѣстнаго населенія гражданскихъ споровъ и уголовныхъ проступковъ вызываетъ необходимость въ томъ, чтобы органъ суда стоялъ возможно ближе къ населенію, дѣйствовалъ быстро, такъ какъ только при этихъ условіяхъ уголовная репрессія можетъ обладать надлежащею силою, а удовлетвореніе гражданскихъ при-

тязаній не превращаться въ тяжкую судебную волокиту, причемъ издержки производства и трата времени превышаютъ стоимость самихъ претензій. Эти мотивы побуждаютъ современныя законодательства, во-первыхъ, отказаться отъ устройства для дѣлъ меньшей, относительно, важности судовъ коллегіальныхъ и замѣнить ихъ единоличными судьями, а, во-вторыхъ, въ отступленіе отъ принципа двухъ инстанцій, предоставить наиболѣе, съ точки зрѣнія закона, мелкія дѣла разрѣшать по существу въ одной инстанціи, допуская по нимъ лишь кассаціонное обжалованіе.

Во время составленія Судебныхъ Уставовъ въ Западной Европѣ единоличные судьи существовали во всѣхъ странахъ, находясь, однако, въ тѣсномъ общеніи съ коллегіальными судами, учрежденными для разсмотрѣнія болѣе крупныхъ дѣлъ въ качествѣ суда первой инстанціи, но являвшимися для единоличныхъ судей апелляціонною инстанціею. На этой системѣ, усвоенной континентальными законодательствами изъ Франціи, остановились первоначально и составители Судебныхъ Уставовъ, предположивъ, что апелляціонною инстанціею для учреждавшихся органовъ единоличнаго суда—мировыхъ судей—долженъ быть окружной судъ. Но то, нѣсколько идеализированное, воззрѣніе на задачи и дѣятельность мирового института, которое нами было отмѣчено при разсмотрѣніи вопроса о способахъ замѣщенія мировыхъ судей,—взглядъ на этихъ судей, какъ на примирителей, творящихъ судъ, свободный отъ всякихъ формальностей,—привели, въ концѣ концовъ, составителей Уставовъ къ мысли объ учрежденіи особой апелляціонной инстанціи, коллегіальнаго суда въ составѣ нѣсколькихъ мировыхъ судей, названнаго съѣздомъ мировыхъ судей, задачею котораго было бы „обревизованіе дѣла, рѣшеннаго мировымъ порядкомъ, въ томъ же порядкѣ во-второй инстанціи“ [1]). Наряду съ двумя инстанціями мировой юстиціи, были созданы коллегіальные суды двухъ степеней, такъ называемыя, общія судебныя мѣста: окружные суды, въ качествѣ первой, и судебныя палаты, въ качествѣ второй (апелляціонной) инстанціи. Такимъ образомъ, Судебными Уставами принципъ двухъ инстанцій былъ воплощенъ въ совершенно своеобразной системѣ судовъ, не имѣвшей

[1]) Суд. Уставы 20 ноября 1864 г., изд. 2-ое Гос. Канцел., 1867 г., ч. I, стр. 82—84.

на континентѣ Европы образца и не имѣющей пока, насколько извѣстно, себѣ подражанія. Нашу систему мирового института нѣсколько напоминаетъ лишь англійская, гдѣ четвертныя сессіи являются апелляціонной инстанціею не только для мировыхъ судей, но и для полицейскихъ. Подчиненіе дѣлъ, разсмотрѣнныхъ послѣдними, апелляціи четвертныхъ сессій, т. е. коллегіи непрофессіональныхъ судей, вызываетъ въ Англіи нареканія. Существуютъ предположенія для полицейскихъ судей создать особую вторую инстанцію въ составѣ chief magistrate и двухъ чередующихся police magistrates, т. е.—систему, весьма напоминающую нашъ съѣздъ мировыхъ судей [1]).

Коллегіальные суды учреждаются для разрѣшенія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и въ громадномъ своемъ большинствѣ во всѣхъ странахъ, въ цѣляхъ наилучшаго разрѣшенія дѣлъ каждой категоріи, дѣлятся на отдѣленія, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько судей. Раздѣленіе судовъ на отдѣленія, распредѣленіе по нимъ судей и образованіе, наконецъ, состава судебнаго присутствія для разсмотрѣнія даннаго дѣла—и въ моментъ составленія Судебныхъ Уставовъ, и въ настоящее время производятся въ разныхъ странахъ различными способами, избраніе коихъ очень ярко характеризуетъ степень самостоятельности, предоставляемой законодательствомъ судебной власти.

Постановленія нашего законодательства сводятся къ тому, что раздѣленіе окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ на отдѣленія и департаменты производится особыми расписаніями (ст.ст. 80 и 111 Учр. Суд. Уст.), т. е. законодательнымъ порядкомъ; члены распредѣляются по отдѣленіямъ и департаментамъ общими собраніями судебныхъ мѣстъ (ст.ст 78^{5} и 113 Учр. Суд. Уст.). Въ засѣданіяхъ отдѣленій и департаментовъ должно присутствовать не менѣе трехъ членовъ (ст. 140 Учр. Суд. Уст.); въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ для составленія засѣданія, предсѣдатель приглашаетъ члена другого отдѣленія или департамента младшаго по назначенію (ст. 145 Учр. Суд. Уст.), а при невозможности пополнить присутствіе такимъ способомъ въ засѣданіе привлекаются другія лица судейскаго званія порядкомъ, который точно указанъ въ законѣ (ст. 146), причемъ

---

[1]) П. И. Люблинскій, ук. соч., стр. 232.

особо оговаривается, что судебные слѣдователи не могутъ участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ, по коимъ они производили слѣдствіе (ст. 147). Такимъ образомъ, наше законодательство распредѣленіе судей по отдѣленіямъ относитъ къ обязанностямъ судебнаго управленія, осуществляемымъ такою независимою коллегіею, какъ общее собраніе судебнаго мѣста, а образованіе состава суда опредѣляетъ твердыми правилами закона. Такимъ порядкомъ наше законодательство въ полной мѣрѣ обезпечиваетъ, такъ называемый принципъ устойчивости (Unverschiebbarkeit) коллегіальныхъ судовъ, и изложенная система образованія судебныхъ присутствій въ теоріи признается наиболѣе цѣлесообразною [1]) Система эта самобытна и установленіе ея—большое достоинство нашихъ Судебныхъ Уставовъ.

Дѣйствительно, законодательства западно-европейскихъ государствъ въ далеко меньшей степени допускаютъ въ этой области судоустройства самодѣятельность судебныхъ коллегій и на мѣсто твердыхъ основаній закона нерѣдко ставятъ произвольное усмотрѣніе предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, а нерѣдко и власти исполнительной.

Такъ, во Франціи распредѣленіе судей на l'année judiciaire по отдѣленіямъ судовъ первой инстанціи и апелляціонныхъ палатъ производится особою комиссіею изъ президента, предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ и старшаго члена суда. Это распредѣленіе разсматривается общимъ собраніемъ судовъ и, при несогласіи его съ комиссіею, дѣло окончательно разрѣшаетъ министръ юстиціи. Замѣна въ судебномъ присутствіи,—состоящемъ въ судѣ первой инстанціи изъ трехъ, а во-второй изъ пяти судей—отсутствующаго судьи дѣлается распоряженіемъ предсѣдателя, причемъ могутъ быть привлечены не только дѣйствительные судьи (juges titulairs), но и дополнительные. Эти послѣдніе могутъ быть, согласно закону 18 апрѣля 1898 г., командированы первымъ президентомъ для исполненія обязанности въ другой судъ округа той же палаты. Постановленіе этого закона вызвано тѣмъ, что только новелла 8 декабря 1897 г. воспретила судьѣ-слѣдователю принимать участіе въ рѣшеніи дѣла, по которому онъ производилъ слѣдствіе [2]).

---

[1]) Aubin, l. c. S. 61—62.

[2]) Massabiau, l. c. nº 207, 223, 226, 251, 298—301, 309.

Германское законодательство, опредѣливъ, что распредѣленіе членовъ судовъ по камерамъ производится президіумомъ, т. е. комиссіею, состоящей изъ предсѣдателя, директоровъ (предсѣдательствующихъ въ камерахъ) и старшаго члена суда (§§ 62 и 64 учр. суд. уст. 1877 г.), тѣмъ не менѣе сохранило въ силѣ положенія мѣстныхъ законовъ о правѣ на временное вступленіе въ судейскія обязанности (§ 10 учрежденія). Этимъ постановленіемъ германское учрежденіе судебныхъ установленій открыло широкій доступъ къ участію при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ не пользующимся гарантіею несмѣняемости асессорамъ, къ услугамъ коихъ, обычно, въ Пруссіи и Саксоніи и прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо пополненіе состава присутствія суда. Въ Баденѣ же въ этихъ случаяхъ даже привлекаются практиканты правъ (наши кандидаты на судебныя должности). Любопытно отмѣтить, что, когда разрабатывалось германское учрежденіе судебныхъ установленій, то, при обсужденіи вопроса о пополненіи коллегіи, попытки склонить рейхстагъ къ рѣшенію воспретить исполненіе судейскихъ обязанностей несамостоятельными судьями вызвало указаніе, что такое постановленіе, отражающееся на правахъ министерства юстиціи, никогда не получитъ одобренія прусскаго правительства. И Aubin считаетъ, что замѣна, при недостаткѣ членовъ присутствія, одного самостоятельнаго судьи другимъ такимъ же, т. е. то, что у насъ существуетъ уже пятьдесятъ лѣтъ—было бы „идеальнымъ разрѣшеніемъ задачи“ [1]). Quorum судебнаго присутствія — три члена, въ уголовныхъ камерахъ, при главномъ слѣдствіи,—пять членовъ (§ 76 учр.).

Въ Австріи распредѣленіе судей по отдѣленіямъ производится единоличнымъ распоряженіемъ предсѣдателя, отъ усмотрѣнія котораго зависятъ и измѣненія въ составѣ отдѣленій въ теченіе года. Имъ же пополняется, въ случаѣ недостатка quorum'a — трое судей—присутствія, причемъ въ числѣ судей при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ въ судахъ первой инстанціи могутъ участвовать и непользующіеся несмѣняемостью адъюнкты, если имъ министромъ юстиціи предоставлено право голоса (ст.ст. 30, 32, 34, 42 зак. 27 ноября 1896 г.).

Но наиболѣе рѣзкое нарушеніе принципа самостоятельности судебной власти въ этой области судостройства представляетъ

---

[1]) Aubin, l. c. S. 37—41.

итальянское законодательство. Не только раздѣленіе судовъ на отдѣленія, но и распредѣленіе судей по отдѣленіямъ предоставлено усмотрѣнію исполнительной власти, такъ какъ такое распредѣленіе совершается ежегодно издаваемыми декретами короля (ст.ст. 44 и 69 учр. 6 дек. 1865 г.). Въ основаніе этого распредѣленія кладутся представленія первыхъ президентовъ апелляціонныхъ палатъ, составляемыя ими по соглашенію съ генеральными прокурорами (ст. 91 учр.). Но, что особенно замѣчательно, принадлежавшее предсѣдателямъ судовъ право пополненія судебнаго присутствія въ случаѣ, когда отдѣленіе суда окажется не въ составѣ (ст. 48 учр.), закономъ 19 декабря 1912 г. [1]) было отмѣнено, и пополненіе коллегіи нынѣ производится, по общему правилу, судьями сосѣдняго суда, назначаемыми въ началѣ каждаго года королевскимъ декретомъ (ст. 19 зак.). Тѣмъ же закономъ министру юстиціи предоставлено право временно назначать большее число совѣтниковъ кассаціоннаго и апелляціоннаго суда (ч. 3, ст. 20). Этими постановленіями принципъ устойчивости коллегіальныхъ судовъ замѣненъ новымъ въ судебной организаціи началомъ образованія судебной коллегіи по свободному усмотрѣнію исполнительной власти.

Закономъ 19 декабря 1912 г. совершена въ Италіи и другая, еще болѣе серьезная реформа судоустройства, а именно упразднено коллегіальное разсмотрѣніе гражданскихъ дѣлъ въ судахъ первой инстанціи. Именно, ст. 18 закона постановляетъ: „присутствіе для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ первой инстанціи образуется изъ предсѣдателя суда или судьи. Дѣла уголовныя, а также гражданскія дѣла въ апелляціонной инстанціи разсматриваются судомъ въ составѣ трехъ членовъ".

Оцѣнкѣ этой весьма существенной реформы, конечно, не мѣсто въ настоящемъ очеркѣ. Здѣсь, въ заключеніе обзора постановленій объ устройствѣ коллегіальныхъ судовъ и огражденіи состава суда отъ постороннихъ правосудію вліяній, можно лишь сказать, что не только итальянскіе, но и изложенные выше порядки другихъ западныхъ странъ, въ этой области судоустройства настолько умаляютъ самостоятельность судебной власти, что нѣтъ надобности въ какихъ либо подчеркиваніяхъ

---

[1]) Законъ 19 декабря 1912 г., № 1311, измѣняющій учрежденіе судебныхъ установленій (Racolta ufficiale delle leggi e dei decreti Regno d'Italia 1912 p. 4265).

тѣхъ преимуществъ, которыми мы, благодаря Судебнымъ Уставамъ, обладаемъ.

Всѣ системы судовъ континентальныхъ странъ Европы вѣнчаются—верховнымъ кассаціоннымъ судилищемъ. Вопросу объ устройствѣ и дѣятельности этого суда въ настоящемъ трудѣ посвящается спеціальное изслѣдованіе. Поэтому, въ очеркѣ основныхъ началъ судостройства, который, конечно, не полно изображалъ бы существенныя черты судебнаго строя, если умолчать вовсе о кассаціонной инстанціи, возможно сказать немного словъ.

Судить значитъ примѣнять законъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни. Судья долженъ быть, такъ сказать, воплощеннымъ, говорящимъ закономъ. Если бы справедливость могла спуститься съ неба и начертать законы столь ясно, подробно и точно, чтобы примѣненіе ихъ стало просто работою по шаблону, то, говоритъ Ihering, ничего болѣе совершеннаго нельзя было бы придумать для огражденія правосудія; на землѣ возникло бы идеальное царство справедливости [1]). На самомъ дѣлѣ законы, какъ мы уже отмѣчали, требуютъ нерѣдко вдумчиваго толкованія, проникновенія въ мысль законодателя. Къ тому же, говоря словами А. Ѳ. Кони, пестрыя явленія и новыя потребности мимобѣгущей жизни обгоняютъ законъ съ его тяжелою поступью [2]). И суду, соприкасающемуся въ его дѣятельности съ самыми разнообразными явленіями общежитія, постоянно приходится сталкиваться со случаями, прямо, буквальнымъ смысломъ закона, непредусмотрѣнными. Необходимость устраненія тяжкой для тяжущихся волокиты, неизбѣжной, однако, если обязать суды въ такихъ случаяхъ останавливать рѣшенія и обращаться за разрѣшеніемъ къ законодательной власти [3]), привели законодательства къ тому, что, еще ранѣе обособленія судебной власти отъ другихъ, судамъ было предоставлено право свободнаго, по общему смыслу, толкованія законовъ.

---

[1]) Ihering, l. c. S. 387—389.

[2]) А. Ѳ. Кони, ук. ст., стр. 14.

[3]) Попытка ограниченія судовъ толкованіемъ законовъ по буквальному смыслу, какъ извѣстно, была сдѣлана, подъ вліяніемъ теоріи гуманистовъ о томъ, что судьи только исполнители закона, въ XVIII вѣкѣ. Результатъ, который имѣла эта попытка, полная, по словамъ Laurent (Principes de droit civ. franç., I, nº 254), остановка правосудія, скоро привела къ отмѣнѣ послѣдовавшихъ воспрещеній судьямъ толковать законы по общему смыслу.

Но въ свободѣ толкованія закона лежитъ опасность разнообразія примѣненія закона. Самостоятельность судебной власти, недопустимость вмѣшательства въ совершаемое ею дѣло правосудія иныхъ органовъ государственной власти приводятъ къ идеѣ учрежденія въ системѣ судовъ установленія, стоящаго на стражѣ закона. Такимъ учрежденіемъ является кассаціонный судъ.

„Кассаціонный судъ, говоритъ Helie, есть и долженъ быть установленіемъ судебнымъ, ибо авторитетъ судебныхъ рѣшеній утрачивался бы, завися отъ власти несудебной. Онъ стоитъ на стражѣ законовъ, наблюдая за ихъ исполненіемъ и единообразнымъ примѣненіемъ. Онъ судья, но не судья дѣла, а судья рѣшенія и приговора, его функція—изслѣдованіе, не нарушенъ ли законъ такимъ рѣшеніемъ или приговоромъ". Столь высокая миссія кассаціоннаго суда—ограждать единство закона—обусловливаетъ и его организацію, требуя сосредоточенія функцій этого суда въ единомъ учрежденіи.

Судебные Уставы, вводя у насъ судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію, воспрещая судамъ, подъ угрозою отвѣтственности, останавливать рѣшенія подъ предлогомъ неполноты закона, внесли въ новый судебный строй новое для нашего законодательства, заимствованное изъ французскаго права, начало кассаціоннаго суда. Этотъ судъ учрежденъ въ составѣ Правительствующаго Сената. Власть его въ отношеніи судебной части распространяется на всю Имперію и выражается въ наблюденіи за охраненіемъ точной силы закона и единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями (ст.ст. 1, 4 и 5 Учр. Суд. Уст.).

Сознаніе необходимости единства кассаціоннаго суда было, въ моментъ созданія нашихъ Судебныхъ Уставовъ, на западѣ Европы всеобщимъ. Такъ, напр., изданный вскорѣ послѣ нашей судебной реформы австрійскій основной законъ объ организаціи судебной власти (21 декабря 1867 г.) установилъ единую кассаціонную палату для королевствъ и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ (ст. 12). Даже въ Италіи, гдѣ въ то время было четыре кассаціонныхъ палаты, не было сомнѣній въ томъ, что, съ точки зрѣнія юридической, кассаціонная палата должна быть одна въ государствѣ. Препятствіемъ къ объединенію ихъ служили причины политическія, которыя, предполагалось тогда,

будутъ устранены, когда столицею Италіи будетъ Римъ [1]). Однако, дѣйствительность не оправдала ожиданій и съ перенесеніемъ столицы въ Римъ была образована пятая римская кассаціонная палата. Въ настоящее время сдѣланы уже шаги къ сосредоточенію кассаціонныхъ функцій въ римской палатѣ, къ компетенціи которой отнесены всѣ уголовныя дѣла, прекеканія о подсудности и нѣк. др.

Но вскорѣ начался процессъ децентрализаціи кассаціонной функціи. Такъ, хотя по германскимъ уставамъ, нормально, кассаціонною или, вѣрнѣе, ревизіонною инстанціею является имперскій судъ, однако, по дѣламъ, подлежащимъ рѣшенію шеффеновъ, а также по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ ландгерихтами, въ которыхъ не возбуждается вопросовъ о толкованіи имперскаго законодательства, право кассаціоннаго пересмотра принадлежитъ высшимъ земскимъ судамъ (Oberlandesgerichte) [2]). По гражданскимъ дѣламъ съ компетенціею имперскаго суда конкурируетъ мюнхенскій высшій апелляціонный судъ, разрѣшающій жалобы на апелляціонные суды Баваріи [3]).

Крайнее переобремененіе нашего кассаціоннаго Сената съ первыхъ лѣтъ судебной реформы и стремленіе къ ускоренію судопроизводства побудили и наше законодательство отступить отъ начала единства кассаціонной инстанціи, и на окраинахъ (въ Сибири, Туркестанѣ, Степныхъ областяхъ и на Кавказѣ), для дѣлъ мировой юстиціи, кассаціонными инстанціями являются судебныя палаты. Но единство кассаціоннаго суда было у насъ нарушено и при самомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ отнесеніемъ разсмотрѣнія жалобъ на окончательные приговоры и рѣшенія мировыхъ судей къ вѣдомству мировыхъ съѣздовъ. Если, однако, сравнительная ничтожность дѣлъ, изъятыхъ въ порядкѣ кассаціоннаго производства изъ вѣдомства Правительствующаго Сената, давала возможность говорить о единствѣ, по Судебнымъ Уставамъ, кассаціоннаго суда, то практическія условія жизни, вынудившія, къ сожалѣнію, отнести кассаціонное разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ мировой подсудности, возникающихъ въ Азіатской Россіи, къ компетенціи судебныхъ палатъ, несомнѣнно, болѣе глубоко, чѣмъ въ другихъ

[1]) Рѣчь министра юстиціи Pisanelli въ засѣданіи итальянской палаты депутатовъ 22 апрѣля 1863 г. См. Журн. Мин. Юст. 1863 г., іюнь, стр. 799.

[2]) И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 375.

[3]) Planck, Lehrbuch, B. 2, S. 147.

странахъ, кромѣ, конечно, Италіи, нарушили единство судебной практики.

Являясь „верховнымъ", кассаціонный судъ осуществляетъ не только функціи надзора за единообразнымъ примѣненіемъ закона, но онъ есть и органъ надзора за самымъ осуществленіемъ судебной дѣятельности. Объ этой сторонѣ дѣятельности кассаціоннаго суда мы уже говорили. Намъ остается лишь сказать, что наши кассаціонные департаменты имѣютъ еще и совершенно своеобразную дисциплинарную власть, по отношенію уже не къ судьямъ, какъ къ отдѣльнымъ судебнымъ дѣятелямъ, а въ отношеніи судебныхъ учрежденій. Исключительно кассаціоннымъ департаментамъ Правительствующаго Сената, говоритъ законъ (ст. 265 Учр. Суд. Уст.), принадлежитъ право дѣлать предостереженія или замѣчанія судебному мѣсту въ цѣломъ его *составѣ или въ составѣ присутствія, разсматривавшаго дѣло.*

Послѣдній вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію въ настоящемъ очеркѣ — объ участіи общественнаго элемента въ отправленіи правосудія, считающемся основнымъ и необходимымъ началомъ правильнаго судоустройства преимущественно въ области суда уголовнаго [1]).

Создавая новый судъ, на знамени котораго было написано „правда и милость да царствуютъ въ судахъ", составители Судебныхъ Уставовъ, несмотря на предостерегающій голосъ одного изъ виднѣйшихъ нашихъ ученыхъ—В. Д. Спасовича, утверждавшаго, что при нравственной простотѣ нашего народа, у котораго безотчетный страхъ къ начальству заступаетъ мѣсто уваженія къ закону, о введеніи суда присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи [2]),—сдѣлали очень смѣлый шагъ, призвавъ „вчерашняго раба къ участію въ отправленіи правосудія въ качествѣ присяжнаго". Изъ двухъ формъ участія народа въ осуществленіи судебной власти, извѣстныхъ въ то время на западѣ Европы—суда присяжныхъ и шеффеновъ [3]), творцы нашего новаго суда

---

[1]) *Насколько извѣстно, нигдѣ, кромѣ Англіи, присяжные къ разрѣшенію гражданскихъ дѣлъ не привлекаются.*

[2]) Цитируется по статьѣ И. Г. Щегловитова. Судъ присяжныхъ, 1913 г., стр. 37 (см. также Журн. Мин. Юст. ноябрь 1913 г.).

[3]) Schöffengericht былъ введенъ съ 1850 г. въ Ганноверѣ, гдѣ къ тремъ коронным судьямъ присоединялись четыре шеффена. Затѣмъ онъ былъ принятъ въ Вюртембергѣ, Ольденбургѣ, Баденѣ и особенно широкое развитіе получилъ въ Саксоніи, гдѣ, какъ и въ Ольденбургѣ, существовали два шеффенскіе суда: по дѣламъ меньшей важности къ

остановились на первой изъ нихъ. Созданному у насъ Судебными Уставами суду присяжныхъ посвящается въ настоящемъ трудѣ особая статья. Поэтому, мы должны ограничиться въ нашемъ очеркѣ лишь тѣми вопросами организаціи суда присяжныхъ, которые имѣютъ государственно-правовое значеніе, непосредственно относясь къ устроенію судебной власти, и затѣмъ перейти къ другимъ существующимъ у насъ формамъ привлеченія населенія или его представителей къ судебной дѣятельности.

Призывая населеніе къ осуществленію судейскихъ функцій въ формѣ суда присяжныхъ, современныя законодательства присоединяютъ народную коллегію къ судебнымъ установленіямъ, поручая первой рѣшеніе вопроса о виновности, а вторымъ—вопросъ о наказаніи [1]).

Въ западно-европейскихъ законодательствахъ, во время составленія Судебныхъ Уставовъ, существовали двѣ системы устройства короннаго элемента въ судѣ съ присяжными.

На родинѣ суда присяжныхъ—въ Англіи—присяжные засѣдатели присоединялись или къ четвертнымъ сессіямъ мировыхъ судей, причемъ этотъ судъ могъ назначать наказаніе не свыше двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія, или къ одному, выѣзжавшему по спеціальному порученію короны, судьѣ одного изъ судовъ общаго права [2]). Такимъ образомъ англійское законодательство знало двѣ формы устройства короннаго элемента въ судѣ съ присяжными засѣдателями: коллегіальную и единоличную.

Первая изъ нихъ была усвоена Франціею, и по французскому образцу, съ нѣкоторыми измѣненіями, прочими странами. Во Франціи судъ присяжныхъ созывается при апелляціонной палатѣ, изъ состава которой должна, по закону, формулироваться и коллегія коронныхъ судей. Но на практикѣ, обычно, изъ судей апелляціонной палаты въ коронной коллегіи суда присяжныхъ участвуетъ одинъ совѣтникъ въ качествѣ предсѣдателя, членами же являются судьи судовъ первой инстанціи. Самое

двумъ судьямъ присоединялись три шеффена, а по дѣламъ средней важности къ тремъ судьямъ—четыре или пять шеффеновъ (И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 141).

[1]) Такова общепринятая форма суда присяжныхъ. Объ отклоненіяхъ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, см. ук. статью И. Г. Щегловитова, стр. 7—13.

[2]) И. Я. Фойницкій, стр. 316 и 396.

образованіе коллегіи для каждой сессіи производится путемъ спеціальнаго назначенія судей. По ст. 16 зак. 20 апр. 1810 г., назначеніе президента ассизовъ должно производиться первымъ президентомъ апелляціонной палаты, но, добавляетъ законъ, министръ юстиціи можетъ во всѣхъ случаяхъ назначать въ ассизный судъ президентовъ и судей. На практикѣ, обычно, назначеніе президентовъ ассизовъ производится министромъ юстиціи, а членовъ (числомъ двухъ)—первымъ президентомъ по соглашенію съ генеральнымъ прокуроромъ [1]). Порядокъ этотъ сохранился и донынѣ, причемъ участіе первыхъ президентовъ въ назначеніи президентовъ выражается въ представленіи, по соглашенію съ генеральнымъ прокуроромъ (что закономъ не предусмотрѣно), списка членовъ апелляціонной палаты, достойныхъ быть назначенными президентами ассизовъ въ настоящемъ году (l'année judiciaire). Въ списки вносятся совѣтники, по мнѣнію представляющихъ списокъ, предсѣдательствующіе: 1) съ совершенствомъ (avec superiorité), 2) съ достаточными способностями (avec capacité suffisante) и 3) еще не предсѣдательствовавшіе, но достойные быть назначенными президентами ассизовъ. Назначеніе предсѣдательствовать въ ассизахъ имѣетъ во французской магистратурѣ громадное значеніе, такъ какъ президенты ассизовъ получаютъ довольно крупное суточное вознагражденіе отъ 20 до 60 франковъ [2]).

Вполнѣ аналогичная система образованія коронной коллегіи была принята, до изданія общегерманскаго учрежденія судебныхъ установленій, въ Баваріи, съ тою лишь разницею, что къ предсѣдателю — члену апелляціоннаго суда — присоединялось четыре члена окружного суда. Въ Пруссіи судъ присяжныхъ состоялъ при окружныхъ судахъ, изъ состава коихъ образовалась и коронная коллегія этого суда [3]). Въ Италіи, наоборотъ, всѣ коронные судьи въ судъ присяжныхъ назначались указомъ короля изъ числа членовъ апелляціонныхъ палатъ (ст.ст. 42, 44 и 51 зак. 13 ноября 1859 г.).

Хотя коронная коллегія въ судѣ присяжныхъ во всѣхъ этихъ странахъ была въ то время вполнѣ отдѣлена отъ народной, и

---

[1]) А. Н. Чебышевъ-Дмитріевъ, ук. соч., Юр. Вѣстникъ 1863 г., № 12, стр. 77, 78, 83.

[2]) Massabiau, l. c., nº 158 и 3055.

[3]) Fecht. Gerichtsverfassungen der deutsch. Staat., ss. 90—94, 232—233.

первой изъ нихъ принадлежала лишь власть опредѣленія наказанія согласно вердикту присяжныхъ, но на коронной коллегіи и, въ особенности, на ея предсѣдателѣ, лежала, какъ и нынѣ, чрезвычайно важная обязанность руководства въ изслѣдованіи дѣла и установленія предѣловъ этого изслѣдованія. Значеніе порядка образованія коронной коллегіи въ судѣ присяжныхъ было вполнѣ ясно для русской юридической литературы шестидесятыхъ годовъ. Проф. А. Н. Чебышевъ-Дмитріевъ въ своихъ извѣстныхъ лекціяхъ о началахъ французскаго уголовнаго судопроизводства по поводу порядка образованія короннаго элемента въ ассизныхъ судахъ говорилъ: необходимо, чтобы независимость юстиціи обусловливалась самою организаціею юстиціи; между тѣмъ, понятно, въ какой степени парализуется президентъ, если званіе это является предметомъ честолюбивыхъ исканій, и назначенный однажды президентъ можетъ стараться своимъ образомъ дѣйствій благорасположить министра въ другой разъ получить это назначеніе. Назначеніе президентовъ министромъ юстиціи сильно нарушаетъ принципъ независимости юстиціи—и это нарушеніе крайне опасно при той власти, которая дана президенту, при томъ вліяніи, которое онъ оказываетъ на ходъ процесса [1]).

Этого недостатка въ устройствѣ короннаго элемента суда присяжныхъ счастливо избѣжала система, принятая Судебными Уставами.

По Судебнымъ Уставамъ, судъ присяжныхъ засѣдателей, въ зависимости отъ рода дѣлъ, могъ быть образованъ при Уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, судебной палатѣ и окружномъ судѣ (ст.ст. 7, 201, 1105 и 1106 Уст. Уг. Суд., изд. 1864 г.), причемъ никакихъ особыхъ правилъ объ образованіи состава коронныхъ судей и пополненіи ихъ коллегіи въ законѣ не содержалось, и, такимъ образомъ, примѣнялись общія, уже нами разсмотрѣнныя, правила по этому предмету, въ полной мѣрѣ, какъ мы видѣли, обезпечивающія принципъ устойчивости коллегіальнаго суда.

Въ изложенный порядокъ образованія коронной коллегіи суда присяжныхъ за пятьдесятъ лѣтъ были внесены болѣе или менѣе существенныя измѣненія во всѣхъ странахъ, кромѣ Фран-

---

[1]) А. Н. Чебышевъ-Дмитріевъ, ук. соч., Юр. Вѣстникъ, 1863 г., № 12, стр. 79.

ціи, въ законодательствѣ которой, какъ мы уже говорили, никакихъ перемѣнъ по этому вопросу не произошло, и, конечно, Англіи, неподвижность законодательства которой извѣстна.

У насъ судъ присяжныхъ, компетенція котораго значительно за это время сократилась, сохранился только при окружныхъ судахъ. Въ образованіи коронной коллегіи окружного суда при присяжныхъ допущено нѣкоторое вмѣшательство со стороны старшаго предсѣдателя судебной палаты. Именно, закономъ 20 мая 1885 г. ему предоставлено для тѣхъ сессій, въ которыхъ не предполагается участіе предсѣдателя или товарища предсѣдателя, назначать предсѣдательствующихъ членовъ суда, замѣна коихъ при болѣзни производится общимъ собраніемъ отдѣленій суда. Но назначаются предсѣдательствующіе члены однажды въ годъ, одновременно съ установленіемъ расписаній сессій (ст. 78[1] Учр. Суд. Уст.).

Въ германскихъ странахъ судъ присяжныхъ образуется нынѣ только при судахъ первой степени. Образованіе коронной коллегіи предоставлено отчасти президенту оберландгерихта, отчасти предсѣдателю ландгерихта: первый назначаетъ предсѣдателя суда присяжныхъ изъ числа членовъ оберландгерихта или ландгерихта, второй — замѣстителя предсѣдателя ассизовъ и двухъ членовъ (§ 83 герм. учр. суд. уст. 1877 г.). Общій порядокъ опредѣленія коллегіи судей и ея пополненія въ Австріи, разсмотрѣнный нами выше, сохраняется и для образованія коронаго элемента суда присяжныхъ.

Наконецъ, итальянскій законъ 14 іюля 1907 г. замѣнилъ въ ассизахъ коллегію коронныхъ судей единоличнымъ предсѣдательствующимъ, назначаемымъ королевскимъ приказомъ, одновременно съ распредѣленіемъ судей по отдѣленіямъ.

Отличія порядка образованія коронной коллегіи въ судѣ присяжныхъ по иностраннымъ законодательствамъ и по нашему праву настолько рѣзки, что, думается, нѣтъ надобности въ сколько-нибудь подробномъ сопоставленіи ихъ для того, чтобы признать нашу систему имѣющею предъ иностранными громадное преимущество въ простотѣ образованія коронной коллегіи и допущеніи въ несравненно меньшемъ объемѣ единоличныхъ распоряженій при ея составленіи [1]).

[1]) И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. 395 и 398.

Другими словами, принципъ устойчивости коллегіи, обезпечивающій независимость суда и не допускающій искусственнаго подбора, въ нашемъ законодательствѣ огражденъ лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Кромѣ присяжнаго института, Судебные Уставы ввели у насъ еще одну, и притомъ вполнѣ своеобразную, форму участія общественнаго элемента въ отправленіи правосудія, именно судъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Этотъ судъ былъ учрежденъ исключительно для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ судебныхъ палатахъ, составъ присутствія въ которыхъ образовывался изъ старшаго предсѣдателя, четырехъ членовъ палатъ и четырехъ сословныхъ представителей: губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, городского головы и волостного старшины, участвующихъ какъ въ опредѣленіи вины или невиновности подсудимаго, такъ и въ опредѣленіи наказанія. Послѣдующимъ законодательствомъ вѣдомство этого суда было чрезвычайно расширено, и въ настоящее время сословные представители присоединяются къ коронной коллегіи судей не только судебной палаты (по весьма многочисленнымъ категоріямъ дѣлъ), но и Правительствующаго Сената и окружныхъ судовъ. Привлеченіе лицъ, избранныхъ каждый особымъ порядкомъ—разными группами населенія, къ профессіональнымъ судьямъ даетъ основаніе говорить объ участіи и въ этой формѣ суда общественнаго элемента, но, въ сущности, какъ то отмѣчено И. Г. Щегловитовымъ, эти выборные вступаютъ въ составъ присутствія въ качествѣ лицъ должностныхъ и не имѣютъ численнаго перевѣса предъ коронными судьями, что̀ составляетъ необходимое условіе построенія суда, въ которомъ народный и коронный элементъ слиты въ одну коллегію. Помимо этого недостатка самой конструкціи учрежденія, судъ сословныхъ представителей оказался совершенно неотвѣчающимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ правильной постановкѣ суда, и потому, что, какъ оказалось на практикѣ, сословные представители не проявляютъ должной самостоятельности взглядовъ и сужденій, относятся къ исполненію своихъ обязанностей пассивно, а при постановленіи приговоровъ вполнѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, подчиняются мнѣнію коронныхъ судей [1]).

---

[1]) И. Г. Щегловитовъ, ук. ст., стр. 42.

Такимъ образомъ, сословные представители играютъ у насъ роль тѣхъ „сонныхъ шеффеновъ“ Германіи, участіе которыхъ въ отправленіи правосудія рекомендуется сторонниками короннаго суда въ скрытыхъ цѣляхъ устраненія народнаго элемента въ осуществленіи судебной власти [1]). И расширеніе вѣдомства этихъ судовъ у насъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ никакъ нельзя признать за улучшеніе нашихъ судебныхъ порядковъ.

Третьею формою участія народнаго элемента въ уголовномъ судѣ, неизвѣстною Судебнымъ Уставамъ, являются гминные суды, весьма близкіе, но не тождественные съ шеффенскимъ институтомъ. Въ гминныхъ судахъ нѣтъ мѣста коронному элементу, какъ въ шеффенгерихтѣ, а весь составъ — предсѣдатель и три лавника — выборный. Лавники призываются не для разсмотрѣнія ряда дѣлъ, какъ шеффены, а избираются на долгій срокъ—три года. Апелляціонною инстанціею для гминныхъ судовъ является съѣздъ мировыхъ судей, въ коихъ участвуютъ, на правахъ членовъ, и гминные судьи.

Наконецъ, послѣднею формою народнаго участія въ правосудіи являются новые органы нашей судебной системы—волостные и верхніе крестьянскіе суды. Еще при составленіи Судебныхъ Уставовъ предполагалось распространить судебную реформу и на крестьянскія дѣла. Хотя эта мысль въ Уставахъ не получила осуществленія, но уже въ 1865 г. была образована комиссія для выясненія вопроса о сліяніи крестьянскихъ учрежденій съ мировыми судебными установленіями. Съ тѣхъ поръ и вплоть до нашего времени этотъ вопросъ не сходилъ съ очереди. Впервые, съ точки зрѣнія основъ судоустройства, правильное разрѣшеніе этотъ вопросъ получилъ въ 1889 г. съ изданіемъ 9 іюля волостного судебнаго устава прибалтійскихъ губерній, который ввелъ волостные суды въ общую судебную систему Имперіи. На началахъ, весьма близкихъ къ этому уставу, образованы и волостные суды закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Волостной судъ по этимъ законамъ состоитъ изъ выборныхъ предсѣдателя и не менѣе двухъ (въ прибалтійскихъ губ. четырехъ) судей, утверждаемыхъ въ должностяхъ

---

[2]) И. Г. Щегловитовъ, ук. ст., стр. 18.

судебною властью—мировымъ съѣздомъ. Второю инстанціею для дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостнымъ судамъ, является верхній сельскій судъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ этотъ судъ носитъ наименованіе верхняго крестьянскаго и состоитъ изъ назначаемаго министромъ юстиціи предсѣдателя и приглашаемыхъ по очереди, въ качествѣ членовъ, предсѣдателей волостныхъ судовъ. По закону 15 іюня 1912 г., верхній сельскій судъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ участковаго мирового судьи и изъ членовъ—предсѣдателей волостныхъ судовъ. Непосредственный надзоръ за этими судами принадлежитъ мировымъ судьямъ, высшій—мировымъ съѣздамъ, которые являются и кассаціонною инстанціею для дѣлъ волостной юстиціи.

Эти преобразованія разрѣшили задачу, поставленную еще составителями Судебныхъ Уставовъ. Волостной судъ отнынѣ является у насъ, говоритъ И. Я. Фойницкій, низшимъ членомъ мѣстнаго суда, органически связаннымъ со всею судебною системою. Въ апелляціонную инстанцію вводится построеніе, въ которомъ составители закона 15 іюня видятъ одну изъ формъ шеффенскаго института, такъ что, замѣчаетъ И. Я. Фойницкій, „началамъ единства суда и народнаго участія въ немъ дается развитіе въ духѣ Судебныхъ Уставовъ. Эти драгоцѣнныя указанія составляютъ торжественное признаніе коренныхъ устоевъ 20 ноября и залогъ того, что дальнѣйшее движеніе нашей правовой жизни будетъ происходитъ на почвѣ ихъ“ [1]).

V. Заключительные выводы. Значеніе Судебныхъ Уставовъ въ дѣлѣ устройства правосудія въ Россіи.

На этихъ коренныхъ началахъ Судебныхъ Уставовъ, при сохраненіи животворящаго духа которыхъ, по словамъ того же, недавно скончавшагося, учителя многихъ поколѣній русскихъ юристовъ, лишь и возможно дальнѣйшее развитіе въ судахъ законности и правды, мы и остановимся.

---

[1]) И. Я. Фойницкій, ук. соч., стр. III.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ основныхъ институтовъ судоустройства, мы уже указывали созданныя творцами Судебныхъ Уставовъ своеобразныя особенности каждаго изъ нихъ. Заканчивая вторую главу нашего очерка, мы отмѣчали печать самобытности постановленій, ограждающихъ судейскую независимость. Отвѣчая на поставленный задачею очерка вопросъ о томъ, что̀ дали намъ Судебные Уставы, стояли ли они на уровнѣ или ниже или выше иностранныхъ „учителей“ въ вопросѣ охраны судейской независимости, мы говорили, что предоставленіемъ нашимъ судьямъ гарантіи несмѣняемости въ объемѣ, исключительно широкомъ по сравненію съ законодательствами главнѣйшихъ государствъ континента Европы, и огражденіемъ судейской самостоятельности отъ какого бы то ни было, прямого или косвеннаго, воздѣйствія со стороны органовъ надзора и дисциплинарной власти Судебные Уставы поставили русскихъ судей на высоту, недосягаемую для западныхъ странъ, не достигшихъ уровня Уставовъ и донынѣ.

Мы отмѣтили, затѣмъ, что въ установленіи дальнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ положеніе судьи въ государствѣ—правилъ о вознагражденіи судей и порядкѣ ихъ назначенія и повышенія — Судебные Уставы, созданіемъ особой системы назначенія судей, выгодно отличавшейся отъ существовавшей въ прочихъ континентальныхъ государствахъ Европы, и опредѣленіемъ высокаго, по сравненію съ установленнымъ законодательствами тѣхъ же странъ (кромѣ Англіи), содержанія судей, дали лучшее обезпеченіе независимости нашихъ судей.

Столь же самостоятельны и также обладаютъ значительными преимуществами предъ иностранными „образцами“ постановленія Судебныхъ Уставовъ, устанавливающія институты, обезпечивающіе, наряду съ условіями, ограждающими безпристрастіе судьи, конечныя цѣли государственнаго суда—правосудные приговоры и рѣшенія.

Принципъ двухъ инстанцій воплощенъ Судебными Уставами, какъ мы видѣли, въ совершенно своеобразной системѣ двухъ вѣтвей судебной власти—мировой и общей юстиціи, — объединяющихся въ общемъ верховномъ кассаціонномъ судѣ, системѣ, не имѣющей на континентѣ Европы образца.

Мы, наконецъ, отмѣчали вполнѣ самобытную разработку составителями Судебныхъ Уставовъ коллегіальнаго начала

въ устройствѣ нашихъ судовъ, выразившуюся въ томъ, что порядки распредѣленія судей по отдѣленіямъ судовъ, образованія состава присутствія суда и устройства короннаго элемента въ судѣ съ присяжными, созданные Уставами, въ большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ Европы, устраняютъ возможность подбора судебной коллегіи, охрана же единства примѣненія закона учрежденіемъ единаго кассаціоннаго суда, изъ вѣдомства котораго были изъяты только ничтожныя по своему значенію дѣла, ограждалась Судебными Уставами въ большей мѣрѣ, чѣмъ во многихъ странахъ запада.

Какъ всякое твореніе рукъ человѣческихъ, Судебные Уставы не могли не имѣть своихъ недостатковъ. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ настоящей работы мы ихъ и указывали, отмѣчая, что́ сдѣлано послѣдующимъ законодательствомъ къ ихъ устраненію. Мы видѣли, что недостатки эти относились къ частностямъ технической разработки коренныхъ основъ Судебныхъ Уставовъ, и эти частные недочеты не подрываютъ значенія общихъ началъ, на которыхъ возведено величественное зданіе русскихъ судебныхъ установленій.

И, давая въ заключеніе настоящаго очерка общій отвѣтъ на вопросъ — что́ дали Россіи Судебные Уставы, мы скажемъ: они дали нашей родинѣ то, чего въ ней не было,—правосудіе, они создали судъ не по имени только,—такой судъ былъ всегда и въ дореформенное время,—а судъ, мощный своею независимостью, обладавшій дѣйствительными средствами служить осуществленію законности — этой главнѣйшей основѣ культуры. Воплощая въ постановленія Учрежденія Судебныхъ Установленій начала, „признанныя всѣмъ человѣчествомъ“, составители Судебныхъ Уставовъ въ „этой книгѣ, малой по объему, великой по содержанію“, осуществили необходимыя гарантіи праваго суда съ такимъ совершенствомъ, что почти каждый институтъ судоустройства оказался неизмѣримо лучшимъ иностранныхъ образцовъ, а въ цѣломъ судебный строй Уставовъ 20 ноября 1864 г. значительно выше судебной организаціи современныхъ имъ законодательствъ западно-европейскихъ континентальныхъ государствъ.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій—первая и главная часть Судебныхъ Уставовъ,—по справедливости, можетъ почитаться

гордостью русскаго юридическаго творчества, однимъ изъ лучшихъ памятниковъ нашего законодательства, который и въ далекомъ будущемъ послужитъ величайшею честью и эпохѣ, его создавшей, и незабвеннымъ дѣятелямъ судебнаго преобразованія, душу свою положившимъ въ дѣло устройства нелицепріятнаго суда въ родной землѣ.

А. Лазаренко.

Гражданскій процессъ.

I. Основныя начала новаго гражданскаго процесса. II. Судъ скорый. 1. Единоличный судъ. а) Предѣлы вѣдомства мировыхъ судей. б) Особенности порядка производства дѣлъ у мировыхъ судей. 2. Ограниченіе числа инстанцій. 3. Объединеніе порядковъ судопроизводства. 4. Частное обжалованіе. III. Судъ правый. 1. Начало состязательности. 2. Начало устности. 3. Начало гласности. 4. Начало непосредственности. 5. Свободная оцѣнка доказательствъ. 6. Обжалованіе рѣшеній. а) Апелляція. б) Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній. IV. Судъ милостивый. V. Судъ равный для всѣхъ.

I. Основныя начала новаго гражданскаго процесса.

„Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ". Въ этихъ немногихъ словахъ знаменитаго указа Правительствующему Сенату отъ 20 ноября 1864 г. Державнымъ Преобразователемъ была выражена, какъ самая сущность тѣхъ высокихъ стремленій, которыя воодушевляли Его при осуществленіи задуманной Имъ великой реформы, такъ и оцѣнка того огромнаго труда, который былъ положенъ составителями Судебныхъ Уставовъ на осуществленіе Монаршей Воли. Дѣйствительно, стремленіе къ достиженію суда „скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ" проходитъ красною нитью черезъ всѣ составленные въ то время проекты и эти именно качества вновь образуемыхъ судебныхъ установленій являлись наиболѣе цѣнными въ глазахъ, какъ самихъ авторовъ Судебныхъ Уставовъ, такъ и всего тогдашняго общества. Вполнѣ естественно, что стремленіе это должно было самымъ рѣшительнымъ образомъ отразиться и на проектировавшихся въ то время нормахъ гражданскаго процесса, строившагося на совершенно новыхъ, малоизвѣстныхъ до того началахъ.

Теперь, въ день истеченія полустолѣтія съ того дня, въ который новый Уставъ Гражданскаго Судопроизводства получилъ силу закона, весьма интересно прослѣдить—какими именно средствами составители его надѣялись достигнуть предуказанныхъ имъ Высочайшею волею благихъ цѣлей, насколько избранныя ими средства оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды и, наконецъ, какое развитіе получили они въ дальнѣйшемъ нашемъ законодательствѣ. Посильному освѣщенію этихъ вопросовъ и будетъ посвящено дальнѣйшее изложеніе.

II. Судъ скорый.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обезпеченіе населенію суда скораго служило одною изъ первѣйшихъ цѣлей всей судебной реформы. Это видно уже изъ того, что по удостовѣренію самихъ составителей Судебныхъ Уставовъ колыбелью судебной реформы являлась резолюція Блаженной Памяти Императора Николая I-го отъ 16 ноября 1848 года по знаменитому Баташевскому дѣлу, производившемуся съ тою „медленностью непомѣрной", которая „ясно выставляла всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства" [1]). А насколько „эта медленность непомѣрная" была не исключительнымъ, а нормальнымъ явленіемъ, это можно обнаружить хотя бы при бѣгломъ просмотрѣ, составленнаго въ 1864 г. сборника рѣшеній Общаго Собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента Герольдіи Правительствующаго Сената за 1835—1864 г.г. Изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ многочисленныхъ рѣшеній видно, что огромное большинство дѣлъ, по которымъ они послѣдовали, разсматривались въ судебныхъ установленіяхъ въ теченіе не менѣе 10—15 лѣтъ. Очень многія требовали для своего разрѣшенія болѣе 20 лѣтъ (напр. №№ 172, 175, 594, 682 и мн. др.), нѣкоторыя же даже свыше 30 лѣтъ (напр., №№ 21, 196, 661, 723 и др.), причемъ одно изъ этихъ послѣднихъ, тянувшееся 38 лѣтъ (съ 1825 по 1863 г.), касалось вексельнаго обязательства. Наконецъ, встрѣчаются даже такіе чудовищные процессы, которые не могли быть закончены ранѣе истеченія полустолѣтія. Такъ, напримѣръ, опре-

[1]) Судебные Уставы, изд. Гос. Канцел., 1867 г., ч. I, вступленіе, стр. 1.

дѣленіемъ 2 іюня 1861 г. (№ 669) было закончено дѣло Вольскихъ, возбужденное въ 1804 г., а опредѣленіемъ 3 марта 1859 г. —дѣло Самойлова съ казною, возбужденное въ 1805 г. (№ 617). Любопытно между прочимъ то, что послѣднее изъ этихъ двухъ дѣлъ было разрѣшено еще въ 1818 г. опредѣленіемъ уѣзднаго суда. Однако, такъ какъ это рѣшеніе не было надлежащимъ образомъ объявлено кому слѣдуетъ, то черезъ двадцать два года (въ 1840 г.) Правительствующій Сенатъ предписалъ объявить это рѣшеніе на правѣ апелляціи, каковая и была принесена въ 1844 г. Такимъ образомъ въ дѣлѣ этомъ на принесеніе апелляціонной жалобы потребовалось 26 лѣтъ. Съ точки зрѣнія причинъ такой медленности гражданскихъ дѣлъ очень характерно также дѣло № 175 резешей вотчины Шафренканъ. Изъ послѣдовавшаго по этому дѣлу 18 мая 1845 г. опредѣленія Сената видно, что споръ названныхъ резешей съ Калистра о землѣ былъ разрѣшенъ Эсскимъ цынутнымъ судомъ 10 декабря 1820 г., послѣ чего резеши принесли 12 января 1821 г. апелляціонную жалобу Бессарабскому областному гражданскому суду. Однако сей послѣдній удосужился обратить вниманіе на эту жалобу лишь черезъ 18 лѣтъ (въ 1839 г.), причемъ предполагалъ привести рѣшеніе цынутнаго суда въ исполненіе въ виду того, что „со стороны тяжущихся болѣе десяти лѣтъ никакого хожденія по этому дѣлу не было". Едва ли можно обвинять въ неделикатности Сенатъ, признавшій, что областному суду „не слѣдовало примѣнять къ настоящему дѣлу десятилѣтней давности и прикрывая оною упущеніе свое въ продержаніи апелляціи резешей осемнадцать лѣтъ безъ всякаго дѣйствія, обращать собственную вину на другихъ".

Нельзя при этомъ не замѣтить, что указанная выше нормальная продолжительность гражданскихъ процессовъ представляется не только не преувеличенной, но значительно преуменьшенной. Это видно уже изъ того, что даже окончательное разрѣшеніе Сенатомъ возникшаго гражданско-правового спора отнюдь не обезпечивало дѣйствительную возможность скораго осуществленія присужденнаго требованія: вѣдь за сенатскимъ опредѣленіемъ слѣдовало еще продолжительное и сложное исполнительное производство, требовавшее въ свою очередь иногда десятковъ лѣтъ. Въ качествѣ характерной иллюстраціи можно привести хотя бы помѣщенное въ томъ же сборникѣ рѣшеніе

Сената 28 февраля 1861 г. (№ 661) по дѣлу полковника Кононова, который тщетно въ теченіе 33 лѣтъ добивался приведенія въ исполненіе рѣшенія черкасскаго сыскного начальства отъ 24 октября 1828 г. по иску его съ Золотарева. Какою грустною ироніею звучитъ резолютивная часть этого опредѣленія Сената, предписавшаго произвести въ пользу Кононова взысканіе „со всею, предписанною статьею 74, 2 ч., X т. свода законовъ гражданскихъ, скоростію и строгостію", въ особенности если имѣть въ виду, что по вышеупомянутому дѣлу Самойлова (№ 617) на одно объявленіе сенатскаго указа потребовалось болѣе трехъ лѣтъ!

Когда Государственный Совѣтъ, при выработкѣ „главныхъ началъ" гражданскаго судопроизводства, остановился на изысканіи мѣръ къ устраненію отмѣченной съ Высоты Престола медленности въ движеніи гражданскихъ дѣлъ, то онъ совершенно правильно отмѣтилъ, что медленность эта составляетъ, въ сущности говоря, не самостоятельный недостатокъ прежняго процесса, а лишь „внѣшній признакъ несовершенствъ существующаго порядка" и что поэтому устраненіе ея возможно лишь путемъ выясненія тѣхъ „непосредственныхъ" недостатковъ послѣдняго, которыми обусловливается ея развитіе [1]). Къ такимъ „непосредственнымъ" недостаткамъ нашего дореформеннаго процесса Государственный Совѣтъ отнесъ цѣлый рядъ его характерныхъ особенностей, перечисленныхъ въ 25 пунктахъ [2]). Однако при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи этого списка приходится признать, что лишь немногіе изъ указанныхъ въ немъ недостатковъ являлись непосредственной причиной чрезмѣрной медленности гражданскаго процесса. Прочіе же недостатки если и могли усугублять эту медленность, то развѣ лишь постолько, посколько на быстротѣ производства можетъ отозваться даже всякая неудачная редакція процессуальнаго закона, могущая вызвать излишніе споры и пререканія. Къ числу такихъ преимущественныхъ причинъ медленности прежняго производства могутъ быть отнесены слѣдующіе изъ указанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ недостатковъ:

1) несуществованіе особаго сокращеннаго порядка для дѣлъ простыхъ и малоцѣнныхъ;

---

[1]) Ср. соображенія Госуд. Канцел. 1862 г., стр. 1 и 2.

[2]) Журн. 1859 г. о главныхъ началахъ гражд. судопр., стр. 5 и 6.

2) многочисленность судебныхъ инстанцій;

3) огромное разнообразіе порядковъ судопроизводства, и

4) неудовлетворительность правилъ подачи частныхъ жалобъ.

Первые два изъ указанныхъ недостатковъ имѣли, въ сущности говоря, скорѣе судоустройственный, чѣмъ судопроизводственный характеръ и въ цѣляхъ устраненія ихъ въ основу Судебныхъ Уставовъ были положены два принципа: 1) подчиненіе наиболѣе мелкихъ дѣлъ единоличнымъ судьямъ и 2) разсмотрѣніе гражданскихъ дѣлъ только въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ. Прочіе же 2 недостатка имѣли уже чисто процессуальный характеръ и подлежали устраненію путемъ соотвѣтственныхъ измѣненій нашихъ процессуальныхъ законовъ.

1. Единоличный судъ.

Вопросъ объ организаціи мирового суда относится всецѣло къ области судоустройства и будетъ разобранъ ниже, въ особомъ отдѣлѣ. Въ настоящемъ же мѣстѣ, посвященномъ гражданскому процессу, не лишнее остановиться на болѣе подробномъ выясненіи вопросовъ лишь о предѣлахъ вѣдомства мировыхъ судей и о тѣхъ особенностяхъ, которыя отличали и отличаютъ порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ у нихъ отъ порядка производства таковыхъ же дѣлъ въ коллегіальныхъ судахъ въ цѣляхъ его ускоренія.

а) Предѣлы вѣдомства мировыхъ судей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мысль объ образованіи особыхъ органовъ судебной власти спеціально для дѣлъ, требующихъ болѣе быстраго разрѣшенія, явилась у составителей Судебныхъ Уставовъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго процессуальнаго законодательства. Дѣйствительно, въ то время на континентѣ Европы безусловно господствующимъ являлся древне-германскій принципъ разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ не иначе, какъ въ коллегіальныхъ судахъ. Этотъ принципъ несо-

мнѣнно отозвался и на нашей дореформенной судебной организаціи, которая уже со временъ Петра I была всецѣло основана на началѣ коллегіальности. Единственнымъ отступленіемъ въ разсматриваемомъ отношеніи являлась Франція, въ которой единоличное начало сохранялось въ парижской судебной организаціи еще съ 1313 г., а въ прочихъ мѣстностяхъ—съ 1769 г. Затѣмъ въ 1790 г. тамъ были учреждены должности особыхъ мировыхъ судей (juges de paix) для разрѣшенія дѣлъ, не превышающихъ цѣною 100 франковъ [1]). По всей вѣроятности подъ вліяніемъ французскаго законодательства идея подчиненія болѣе мелкихъ дѣлъ единоличнымъ судьямъ была отчасти воспринята и въ Германіи; по крайней мѣрѣ ко времени изданія нашихъ Судебныхъ Уставовъ мы уже встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ такихъ единоличныхъ носителей судебной власти (напр., въ Брауншвейгѣ по закону 21 августа 1849 г.; въ Ганноверѣ по закону 8 ноября 1850 г.; въ Австріи по закону 20 ноября 1852 г.; въ Ольденбургѣ по закону 29 августа 1857 г.) [2]).

Заимствовавъ, однако, эту идею изъ Франціи, составители Судебныхъ Уставовъ не послѣдовали слѣпо готовому образцу, а, напротивъ того, смѣло сдѣлали шагъ впередъ, опредѣливъ вѣдомство мировыхъ судей въ 500 руб., т. е. въ размѣрѣ, значительно превышавшемъ западно-европейскіе образцы. Интересно, что этимъ шагомъ они какъ бы предугадали будущее движеніе, какъ нашего законодательства, такъ и западно-европейскихъ. Дѣйствительно, всѣ послѣдовавшія у насъ въ разсматриваемой области новеллы имѣли своею цѣлью дальнѣйшее расширеніе вѣдомства единоличныхъ судей [3]).

При этомъ отмѣченное движеніе наблюдается главнымъ образомъ въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны—путемъ подчиненія мировымъ судьямъ дѣлъ казеннаго управленія, а съ другой—путемъ особенно серьезнаго расширенія предѣловъ ихъ вѣдомства въ окраинныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Первое направленіе сказалось впервые въ законѣ 12 декабря 1878 г., которымъ, въ изъятіе изъ п. 2 ст. 31 Устава, вѣдом-

---

[1]) Garçonnet. Précis de procédure civile, 1897 г., стр. 18, слѣд.

[2]) Renaud. Lehrbuch des gem. deutsch. Civilprozessrechts, 1867 г., стр. 47.

[3]) Единственнымъ исключеніемъ является законъ 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ привислинскимъ, когорымъ вѣдомство единоличныхъ судей было ограничено 300 рублями (ст. 1489 Уст. Гр. Суд.).

ству мировыхъ судей были подчинены дѣла о потравахъ и другихъ поврежденіяхъ въ дачахъ б. Министерства Государственныхъ Имуществъ. Затѣмъ, закономъ 12 іюня 1885 г. къ мировой подсудности были отнесены на общемъ основаніи дѣла казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; законами 1901—1903 г.г. — дѣла земскихъ учрежденій, городовъ, дворянскихъ обществъ, управленій по дѣламъ земскаго хозяйства и общественнаго управленія г. С.-Петербурга; законами 1904—1906 и 1912 г.г.—дѣла, возникающія на основаніи особыхъ правилъ о вознагражденіи вольнонаемныхъ служащихъ и рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и отъ поврежденій въ здоровьѣ въ техническихъ предпріятіяхъ разныхъ вѣдомствъ; закономъ 30 мая 1905 г.—дѣла, касающіяся страхованія доходовъ и капиталовъ черезъ посредство государственныхъ сберегательныхъ кассъ; наконецъ, законами 23 іюня 1912 г. и 20 февраля 1913 г. сюда же отнесены дѣла климатическихъ станцій и минеральныхъ водъ, принадлежащихъ казнѣ, дѣла удѣльнаго вѣдомства и дѣла сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ складовъ переселенческаго управленія (прим. 3—6 къ ст. 1282 и прим. 1—7 къ ст. 1289). Такимъ образомъ происходило хотя медленное, но упорное разрушеніе одного изъ изъятій, допущенныхъ Судебными Уставами изъ основного положенія о подчиненіи всѣхъ малоцѣнныхъ дѣлъ вѣдѣнію единоличныхъ судей. Едва ли при этомъ можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что такое направленіе нашего новаго законодательства было вполнѣ согласно съ общимъ духомъ Судебныхъ Уставовъ, неуклонно преслѣдовавшихъ насажденіе у насъ суда скораго и равнаго для всѣхъ. Поэтому вполнѣ понятно, что отмѣченное выше постепенное сокращеніе этого изъятія должно было привести въ концѣ концовъ къ полному его крушенію. Это и послѣдовало дѣйствительно съ изданіемъ закона 15 іюня 1912 г., которымъ было сказано въ этомъ направленіи послѣднее и рѣшительное слово путемъ подчиненія всѣхъ вообще дѣлъ казеннаго управленія вѣдѣнію мировыхъ судей въ тѣхъ же предѣлахъ, которые были установлены этимъ закономъ для дѣлъ частныхъ лицъ.

Второе изъ указанныхъ выше направленій — касающееся окраинныхъ мѣстностей Имперіи, сказалось почти тотчасъ послѣ обнародованія Судебныхъ Уставовъ, такъ какъ уже закономъ 22 ноября 1866 г. мировымъ судьямъ въ Закавказьѣ были под-

чинены гражданскія дѣла до 2000 руб. и при томъ какъ о движимомъ, такъ и о недвижимомъ имуществѣ (ст. 1462 Уст.). Законъ этотъ послужилъ затѣмъ образцомъ для цѣлаго ряда позднѣйшихъ узаконеній, которыми дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ распространялось на различныя окраинныя мѣстности Имперіи. Такъ, закономъ 29 января 1896 г. въ этихъ именно предѣлахъ было очерчено вѣдомство мировыхъ судей въ Архангельской губерніи, закономъ 13 мая 1896 г.—въ Сибири; закономъ 23 мая 1896 г.—въ Черноморской губерніи; закономъ 2 іюня 1898 г.—въ Степныхъ областяхъ и Туркестанѣ; наконецъ, въ этихъ же предѣлахъ вѣдѣнію мировыхъ судей подчинены гражданскія дѣла русскихъ подданныхъ въ Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ.

Кромѣ указанныхъ болѣе крупныхъ измѣненій, вѣдомство мировыхъ судей было нѣсколько расширено закономъ 9 іюля 1889 г., подчинившимъ имъ всѣ просьбы объ обезпеченіи доказательствъ по искамъ на всякую сумму.

Отмѣченная тенденція нашего законодательства къ постепенному расширенію предѣловъ вѣдомства единоличныхъ судей получила свое завершеніе въ законѣ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, который въ корнѣ измѣнилъ соотвѣтственныя постановленія Судебныхъ Уставовъ и тѣмъ поднялъ единоличную судебную власть на небывалую высоту. Сущность произведенныхъ этимъ закономъ измѣненій состоитъ въ томъ, что вѣдѣнію мировыхъ судей подчинены всѣ дѣла до 1.000 р., какъ о движимомъ, такъ и о недвижимомъ имуществѣ и притомъ какъ частныхъ лицъ, такъ и казенныхъ управленій.

Если мы теперь попытаемся сравнить общій ходъ развитія нашего законодательства по разсматриваемому вопросу съ движеніемъ главнѣйшихъ законодательствъ Западной Европы, то получится въ общихъ чертахъ одна и та же картина: постепенное, неуклонное стремленіе къ расширенію предѣловъ вѣдомства единоличныхъ судей.

Движеніе законодательства въ этомъ именно направленіи видно прежде всего во Франціи, гдѣ первоначально мировымъ судьямъ были подчинены дѣла только до 100 франковъ. Однако уже закономъ 25 мая 1838 г. сумма эта была увеличена до 200 франковъ, причемъ сверхъ того какъ этимъ закономъ, такъ и впослѣдствіи закономъ 2 мая 1855 г. вѣдѣнію мировыхъ судей были подчинены нѣкоторыя отдѣльныя, особо поименован-

ныя группы дѣлъ цѣною до 1.500 фр. и даже иногда безъ ограниченія суммою. Наконецъ, 12 іюля 1905 г. послѣдовалъ новый законъ о возвышеніи нормальной подсудности мировыхъ судей до 600 франковъ. Равнымъ образомъ, въ Италіи первоначально къ вѣдомству мировыхъ судей относились только дѣла до 300 лиръ, впослѣдствіи до 1.000 лиръ, а въ настоящее время, когда единоличная судебная власть раздѣлена между мировыми судьями и преторами,—къ вѣдѣнію первыхъ отнесены дѣла до 100 лиръ, а къ вѣдѣнію послѣднихъ до 1.500 лиръ (т. е. около 600 руб.). Совершенно аналогичное явленіе наблюдается въ Германіи. Уже въ 1877 году, когда единоличный судья (Amtsrichter) былъ признанъ нормальнымъ судомъ первой степени для всей Германіи, ему были подчинены всѣ вообще дѣла до 300 марокъ и, сверхъ того, нѣкоторыя дѣла безъ ограниченія какою либо суммою (Gerichtsverfassungsgesetz, § 23). Закономъ же 1 іюня 1909 г. нормальная подсудность мировыхъ судей увеличена сразу вдвое—до 600 марокъ. Въ Австріи закономъ 27 ноября 1895 г. вѣдомство единоличныхъ судей было установлено въ еще болѣе крупномъ размѣрѣ, охватывая всѣ дѣла до 500 гульденовъ (около 400 р.) и, сверхъ того, нѣкоторыя дѣла безъ ограниченія суммою (§ 49).

Однако наше законодательство позднѣйшаго времени не ограничилось въ области расширенія единоличнаго суда однимъ увеличеніемъ предѣловъ вѣдомства мировыхъ судей. Напротивъ того, наиболѣе существеннымъ въ этомъ отношеніи является тотъ шагъ, который былъ сдѣланъ закономъ 15 іюня 1912 года, образованіемъ особаго единоличнаго органа судебной власти — въ лицѣ отдѣльнаго члена окружного суда, разбирающаго эти дѣла безъ ограниченія суммою въ порядкѣ такъ называемаго „понудительнаго исполненія“ [1]).

Съ принципіальной точки зрѣнія въ этомъ нововведеніи нельзя не усмотрѣть весьма любопытнаго проявленія все болѣе и болѣе развивающейся общей тенденціи къ возвращенію отъ господствующей въ новѣйшее время древне-германской идеи коллегіальнаго суда [2]) къ древне-римской величественной идеѣ еди-

---

[1]) Ст. 365[1] Уст. Гр. Суд.; стен. отч. Гос. Сов., сессія VI, засѣд. 25, II, 1912 г., стр. 2110—2125.

[2]) Ср. Heffter. System des röm. und deutschen Prozessrechts, 1843, § 62; Siegel. Geschichte des deutsch. Gerichtsverf., т. I, стр. 96 и слѣд.

ноличнаго judex'a, такъ горячо поддерживавшейся Бентамомъ [1]), а въ настоящее время находящей себѣ все больше и больше послѣдователей въ германской юридической литературѣ [2]).

б) Особенности порядка производства дѣлъ у мировыхъ судей.

Исходя при учрежденіи мирового института изъ мысли о приближеніи суда къ населенію и ускореніи судебныхъ дѣлъ, составители Судебныхъ Уставовъ установили для дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ, цѣлый рядъ особыхъ правилъ, имѣющихъ своей главнѣйшею цѣлью возможно большее ускореніе гражданскаго процесса.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи должно быть, конечно, поставлено почти полное упраздненіе въ мировыхъ процессахъ элемента письменности. Дѣйствительно, если нашъ общій процессъ долженъ считаться построеннымъ на смѣшанномъ началѣ — письменномъ и устномъ — съ нѣкоторымъ лишь преобладаніемъ послѣдняго,—то мировой процессъ несомнѣнно представляется чисто-устнымъ. Это выражено прежде всего въ ст. 68 Устава, согласно которой разбирательство дѣлъ у мировыхъ судей происходитъ на словахъ. Никакой письменной подготовки дѣла не полагается, никакихъ состязательныхъ бумагъ не предусматривается. Даже исковая просьба, приносимая мировому судьѣ, можетъ быть не только письменная, но и словесная (ст. 51).

Въ связи съ отсутствіемъ письменной подготовки стоятъ также сокращеніе сроковъ и измѣненіе самаго порядка вызова тяжущихся въ судъ. Прежде всего постановлено было, что вызовъ этотъ, въ отличіе отъ вызова въ общія судебныя мѣста, можетъ производиться только посредствомъ повѣстки (а не публикаціи). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ст. 59 Устава оговорено, что срокъ на явку отвѣтчика полагается со времени врученія повѣстки не менѣе одного дня на каждыя пятнадцать верстъ разстоянія его жительства отъ мирового судьи. Въ случаѣ же лич-

[1]) О судоустройствѣ, пер. Книрима, 1860 г., стр. 34—44.

[2]) Adickes, Wagner, Mügel, и др. Подробности см. у Васьковскаго. Курсъ гражданскаго процесса, I, 1913 г., стр. 163 и слѣд.

ной явки обѣихъ тяжущихся сторонъ къ мировому судьѣ, онъ можетъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію ихъ спора (ст. 60). По отношенію къ просьбамъ объ исполненіи договоровъ и обязательствъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ установленнымъ порядкомъ, мировымъ судьямъ предоставлялось вызывать отвѣтчиковъ „на самый краткій срокъ“ (ст. 74).

Наконецъ, въ тѣхъ же видахъ ускоренія производства гражданскихъ дѣлъ [1]), въ статьѣ 57 Устава была попытка установить нѣчто подобное такъ называемой Eventualmaxime дореформеннаго германскаго процесса, путемъ возложенія на истца, основывающаго свои требованія на письменныхъ доказательствахъ, обязанности представлять ихъ при самой подачѣ исковой просьбы и во всякомъ случаѣ не позже двухъ часовъ пополудни наканунѣ дня, назначеннаго для вызова въ судъ (ст. 75).

Въ этихъ постановленіяхъ выражено, въ сущности говоря, кардинальное различіе между мировымъ и общимъ порядкомъ производства гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ въ остальномъ порядокъ этотъ, за нѣкоторыми лишь весьма незначительными отступленіями, почти тождественъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ упрощенный порядокъ былъ установленъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго законодательства, которое установило для мировыхъ судей правила, весьма близкія къ нашимъ, хотя, быть можетъ, въ слишкомъ уже сокращенномъ изложеніи. Такъ, въ отношеніи письменности, французскій уставъ категорически воспрещалъ подавать мировому судьѣ письменныя объясненія (art. 9) [2]), причемъ послѣднему предписывалось выслушивать состязанія сторонъ и постановлять рѣшенія немедленно (art. 13). Затѣмъ между вызовомъ и явкою въ судъ долженъ истечь по крайней мѣрѣ одинъ день (art. 5). Впрочемъ въ спѣшныхъ случаяхъ судьѣ предоставляется сокращать этотъ срокъ (art. 6). Наконецъ въ отношеніи письменныхъ документовъ, французскій уставъ постановляетъ, что „судья можетъ потребовать предъявленія документовъ, если найдетъ это необходимымъ“ (art. 13).

Серьезное вліяніе въ данномъ случаѣ французскаго законодательства подтверждается между прочимъ тѣмъ обстоятель-

---

[1]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 43.

[2]) Ср. Декретъ 18—26 окт. 1790 г., tit III, art. I.

ствомъ, что въ прочихъ законодательствахъ Западной Европы, имѣвшихся въ рукахъ составителей Судебныхъ Уставовъ и находившихся всецѣло подъ вліяніемъ германскаго дореформеннаго процесса [1]), вовсе не наблюдалось такихъ процессуальныхъ порядковъ, которые могли бы считаться родственными нашему мировому порядку. Правда, и въ Германіи существовало понятіе „устнаго" процесса для такъ называемыхъ Bagatellsachen и суммарныхъ видовъ производства. Но, по вѣрному замѣчанію юридической литературы, эти виды производства едва ли вообще можно было считать дѣйствительно построенными на устномъ началѣ, такъ какъ и въ нихъ соблюдался тотъ принципъ, что судья рѣшаетъ дѣло исключительно на основаніи того, что было записано въ протоколъ [2]). Что же касается „суммарнаго" производства, то подъ нимъ понимался не какой либо одинъ опредѣленный видъ производства, а совокупность всевозможныхъ отступленій отъ общаго порядка, установленныхъ для отдѣльныхъ видовъ дѣлъ. При этомъ по существу своему эти особые порядки скорѣе подходили къ нашему „понудительному исполненію по актамъ", чѣмъ къ производству у мировыхъ судей [3]).

Указанныя выше характерныя черты нашего мирового процесса не только сохранились до настоящаго времени, но даже получили въ новѣйшихъ законодательныхъ актахъ дальнѣйшее развитіе.

Такъ, прежде всего, въ развитіе начала чистой устности, закономъ 15 іюня 1912 г. постановлено (ст. 68[1]), что у мировыхъ судей могутъ быть заявляемы на словахъ не только исковыя, но всякія вообще просьбы, ходатайства, отзывы и жалобы, за исключеніемъ апелляціонныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ этимъ въ Уставъ включено прямое указаніе на то, что, за исключеніемъ дѣлъ казеннаго управленія, въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ представленіе при просьбахъ, отзывахъ и частныхъ жалобахъ копій съ нихъ и съ прилагаемыхъ къ нимъ документовъ необязательно (ст. 52[1]).

---

[1]) Исключеніемъ является ганноверскій уставъ 8 ноября 1850 г., послужившій образцомъ для уставовъ нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствъ (Ольденбургъ, Липпе-Детмольдъ, и нѣк. др.), основанный, впрочемъ на принципахъ того же французскаго устава.

[2]) См. напр. Endemann. Das deutsche Civilprozessrecht, 1868, стр. 360.

[3]) Тамъ же, стр. 1034 и слѣд.; см. также Bayer. Theorie der summarischen Prozesse.

Равнымъ образомъ существенной переработкѣ подвергалось постановленіе статьи 57, которое на практикѣ не оправдало возлагавшихся на него составителями Судебныхъ Уставовъ надеждъ. Дѣйствительно, толкованіе первоначальнаго текста этой статьи, въ смыслѣ установленія у насъ эвентуальнаго принципа, рѣзко противорѣчило бы общему духу нашего Устава. Поэтому вполнѣ понятно, что Сенатъ допускалъ представленіе документовъ и послѣ указаннаго въ этомъ постановленіи срока (рѣш. 1876 г. № 416 и мн. др.). Вслѣдствіе этого закономъ 15 іюня 1912 г. разсматриваемое постановленіе было замѣнено другимъ—предоставляющимъ мировому судьѣ право требовать представленія письменныхъ доказательствъ до открытія засѣданія и притомъ столь заблаговременно, чтобы отвѣтчикъ имѣлъ возможность съ ними познакомиться. Благодаря этому, можетъ быть устранена возможность искусственнаго затягиванія процесса путемъ представленія такихъ доказательствъ въ самый день засѣданія.

Наконецъ съ тою же цѣлью закономъ этимъ суду предоставлено право устранять доказательства, представляемыя сторонами въ подтвержденіе несущественныхъ для дѣла или уже выясненныхъ обстоятельствъ (ст. ст. 81^1 и 366^1), а также назначать срокъ на представленіе доказательствъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ несоблюденія его дѣлу давался дальнѣйшій ходъ, не выжидая ихъ представленія (ст. ст. 81^2 и 366^2).

Напротивъ того, прежнія правила о порядкѣ вызова тяжущихся къ суду были подвергнуты существенному измѣненію по закону 15 іюня 1912 года, которымъ на мировыхъ судей были распространены общія правила о вызовѣ отвѣтчика, мѣсто жительства котораго истцу неизвѣстно, путемъ публикаціи (ст. 58 и 58^1). Правда, тѣмъ самымъ на мировыхъ судей оказались распространенными и тѣ болѣе длительные сроки на явку въ судъ, которые установлены для общихъ судебныхъ мѣстъ, но это являлось уже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ публикаціоннаго вызова, по самому существу своему несовмѣстимаго съ той быстротой, которая возможна при извѣстности мѣстонахожденія отвѣтчика.

Если мы теперь попробуемъ сравнить разсмотрѣнныя выше постановленія нашего Устава съ аналогичными постановленіями новѣйшихъ западно-европейскихъ законодательствъ, то должны будемъ признать, что нашъ Уставъ не только не отсталъ отъ

нихъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проводитъ принятыя имъ начала дальше и послѣдовательнѣе, чѣмъ эти послѣднія.

Такъ, прежде всего, какъ германскій, такъ и австрійскій уставы пошли по пути нашего законодательства, установивъ принципъ устнаго разбирательства у единоличныхъ судей и допустивъ словесное предъявленіе всякаго рода исковъ, заявленій, просьбъ и требованій (австр. § 434, герм. § 496). Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ по этимъ уставамъ вызовъ отвѣтчика производится путемъ сообщенія ему копіи съ искового прошенія или составленнаго судьею протокола (австр., § 438; герм. § 498), послѣдствіемъ чего является необходимость представленія при подаваемыхъ въ судъ письменныхъ актахъ необходимаго числа копій послѣднихъ (ср. герм. § 496, абз. 2). Такимъ образомъ то обременительное для тяжущихся требованіе, которое предъявляется у насъ только по дѣламъ казеннаго управленія, въ Германіи и Австріи дѣйствуетъ по всѣмъ дѣламъ мировой подсудности.

Затѣмъ какъ тотъ, такъ и другой уставъ, опять таки на подобіе нашего, отмѣняютъ обязанность предварительнаго письменнаго состязанія сторонъ, но однако не устраняютъ совершенно возможности такого состязанія (ср. § 502 герм. уст.). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ обмѣнъ состязательными бумагами можетъ быть даже потребованъ судомъ отъ тяжущихся (австр., § 440, абз. 3 и 5).

Наконецъ въ отношеніи порядка вызова сторонъ постановленія разсматриваемыхъ уставовъ ни въ чемъ существенномъ не отличаются отъ нашего, допуская вызовъ отвѣтчика какъ путемъ повѣстки, такъ и путемъ публикаціи и устанавливая сокращенный срокъ для явки его въ судъ (австр., § 436 и слѣд.; герм., § 499 и слѣд.).

Чтобы исчерпать тѣ мѣропріятія, которыя принимались нашимъ законодательствомъ въ цѣляхъ ускоренія производства у мировыхъ судей, необходимо еще указать на существенное измѣненіе ст. 39 Устава, введенное закономъ 10 іюня 1914 г. Сущность этого измѣненія состоитъ въ слѣдующемъ: по первоначальной редакціи ст. 39 Устава заявленіе у мирового судьи встрѣчнаго иска, неразрывно связаннаго съ первоначальнымъ, но не подлежащаго вѣдомству мирового судьи, влекло за собою полное прекращеніе производства у послѣдняго, съ предоставленіемъ

тяжущимся разобраться въ окружномъ судѣ. Постановленіе это было дополнено, по закону 15 іюня 1912 г., оговоркою, что въ указанномъ въ немъ случаѣ истецъ по первоначальному иску въ правѣ предъявить его въ окружномъ судѣ, не ожидая предъявленія иска противною стороною. Однако и въ такой измѣненной редакціи разсматриваемое постановленіе могло давать широкое поле для тѣхъ злоупотребленій со встрѣчными исками, которыя постоянно наблюдались въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, такъ какъ недобросовѣстному отвѣтчику по прежнему достаточно заявить у мирового судьи о желаніи предъявить встрѣчный искъ, чтобы дѣло по основному иску было прекращено судьею. Въ цѣляхъ устраненія подобнаго рода затягиваній гражданскаго процесса, закономъ 10 іюня 1914 г., и было установлено, что на судьбу первоначальнаго иска должно вліять не заявленіе, а только предъявленіе встрѣчнаго иска, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій для исковыхъ прошеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ тяжущійся освобождается отъ необходимости предъявленія, въ случаѣ прекращенія дѣла мировымъ судьею, новаго иска въ окружномъ судѣ, а на мирового судью возлагается обязанность препроводить оба иска, какъ встрѣчный, такъ и первоначальный, въ подлежащій окружной судъ, причемъ оба иска должны считаться находящимися въ производствѣ суда со времени предъявленія ихъ мировому судьѣ [1]).

Установленная такимъ образомъ отсылка дѣла мировымъ судьею въ окружной судъ является частичнымъ заимствованіемъ извѣстнаго германскому процессу института такъ называемой Verweisung, которая поставлена въ немъ однако въ гораздо болѣе широкой формѣ, будучи допускаема не только въ случаѣ предъявленія встрѣчнаго иска (§ 507), но и во всѣхъ случаяхъ, когда у мирового судьи предъявляется искъ, выходящій за предѣлы его вѣдомства или неподсудный ему по мѣстнымъ основаніямъ подсудности (§ 506).

Трудно съ увѣренностью угадать—насколько введенный закономъ 10 іюня 1914 г. порядокъ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды: всетаки нельзя не считаться съ тѣмъ, что далеко не всѣ наши мировые судьи обладаютъ юридическимъ образованіемъ, вслѣдствіе чего всегда можно ожидать случаевъ несоблю-

---

[1]) См. докладъ ком. Госуд. Думы по суд. реф. № 84, стр. 20 и сл.

денія или тѣхъ или иныхъ условій, необходимыхъ для принятія искового прошенія. А между тѣмъ такая ошибка съ ихъ стороны можетъ иногда поставить окружной судъ въ весьма затруднительное положеніе.

Тѣмъ не менѣе, попытку эту нельзя не привѣтствовать, какъ нѣкоторый шагъ впередъ на пути приближенія суда къ населенію и устраненія лишнихъ поводовъ для замедленія гражданскихъ процессовъ.

---

2. Ограниченіе числа инстанцій.

Какъ при составленіи первоначальныхъ проектовъ судебной реформы, такъ и при обсужденіи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ [1]), постоянно указывалось на то, что одною изъ главныхъ причинъ той „непомѣрной медленности" производства гражданскихъ дѣлъ, которая наблюдалась въ нашихъ дореформенныхъ судахъ, являлась многочисленность судебныхъ инстанцій или, правильнѣе, многочисленность переходовъ дѣла для провѣрки и новаго разсмотрѣнія изъ одного учрежденія въ другое.

Однако недостатокъ этотъ вовсе не можетъ считаться коренящимся въ самомъ существѣ нашего дореформеннаго судоустройства. Напротивъ того, прежніе законы о судопроизводствѣ гражданскомъ въ той редакціи ихъ, которая дѣйствовала ко времени изданія Судебныхъ Уставовъ (т. е. въ изданіи 1857 г.), всецѣло стояли на общепризнанномъ въ современной имъ Германіи принципѣ разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ въ трехъ инстанціяхъ: первую степень составляли уѣздные и окружные суды, городовые магистраты и ратуши и суды надворные; вторую степень—палаты гражданскаго суда, губернскіе суды и мѣста имъ равныя; третью же степень—Правительствующій Сенатъ (ст. 204 зак. суд. гражд.). Вмѣстѣ съ тѣмъ на рѣшенія судебныхъ мѣстъ первой степени допускались апелляціи только по дѣламъ цѣною не ниже 30 р., а на рѣшенія судебныхъ мѣстъ второй степени—не ниже 600 р. (ст.ст. 500 и 555).

---

[1]) Проектъ ст.-секр. гр. Блудова 1857 г., стр. 77—81; журн. 1859 г., стр. 7 и 8; журн. Гос. Сов. 1862 г. № 65, стр. 15—17.

Однако на практикѣ дѣло обстояло совершенно иначе. Дѣло въ томъ, что прежде всего кромѣ этого, такъ сказать нормальнаго, перехода дѣлъ изъ одной инстанціи въ другую въ апелляціонномъ порядкѣ, нашимъ дореформеннымъ законамъ былъ извѣстенъ еще исключительный порядокъ обжалованія судебныхъ рѣшеній посредствомъ принесенія жалобъ на Высочайшее имя (ст. 602 и слѣд.). При этомъ жалобы эти восходили къ Государю Императору черезъ Комиссію прошеній, и въ случаѣ ихъ удовлетворенія, дѣло не рѣшалось окончательно, а вновь передавалось на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

Рядомъ съ этимъ стоялъ цѣлый рядъ совершенно своеобразныхъ особенностей въ самомъ порядкѣ производства судебныхъ дѣлъ, благодаря которымъ къ участію въ разсмотрѣніи послѣднихъ привлекались нѣкоторыя правительственныя установленія. Такъ, напримѣръ, при разсмотрѣніи въ судахъ второй степени дѣлъ казеннаго управленія предоставлялось постановлять рѣшенія не ранѣе, какъ по полученіи заключеній казенныхъ палатъ или палатъ государственныхъ имуществъ (ст. 695); въ Сенатъ же рѣшенія этихъ судовъ представлялись съ приложеніемъ мнѣнія губернатора (ст. 714). Затѣмъ въ Правительствующемъ Сенатѣ дѣла эти выслушивались по истребованіи заключеній подлежащихъ министровъ (ст. 715) и рѣшались сенаторами единогласно (ст. 586). Если же въ департаментѣ единогласнаго рѣшенія не состоялось, то дѣло переносилось въ Общее Собраніе Сената (ст. 588), гдѣ для его рѣшенія требовалось большинство $^2/_3$ голосовъ (ст. 594). При отсутствіи же такового дѣло поступало на разсмотрѣніе консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, а затѣмъ министръ юстиціи давалъ согласительное предложеніе Сенату. Если же и послѣ этого не составлялось узаконеннаго большинства, то дѣло вносилось на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта (ст. 594), причемъ мнѣніе послѣдняго представлялось на Высочайшее утвержденіе.

Практическое значеніе всей этой длительной процедуры усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что по силѣ ст. 545 зак. суд. гражд., примѣнявшейся во всѣхъ высшихъ инстанціяхъ, „когда дѣло въ нижнемъ судѣ произведено столь неправильно, что безъ новаго производства рѣшеніе онаго невозможно: тогда самое рѣшеніе нижняго суда считается ничтожнымъ и дѣло обращается въ оный для новаго производства“. Естественнымъ

результатомъ этого правила получалась возможность безконечнаго перебрасыванія дѣла изъ одного установленія въ другое, причемъ нельзя скрывать того печальнаго обстоятельства, что иногда такое перебрасываніе дѣла изъ высшаго суда въ низшій производилось исключительно съ цѣлью сбыть его съ рукъ, дабы оно не числилось за даннымъ судебнымъ мѣстомъ.

Понятно, что такое положеніе вещей не могло не обратить на себя особенно пристальнаго вниманія при составленіи Судебныхъ Уставовъ. Отмѣтивъ, что многочисленность судебныхъ инстанцій есть одна изъ важныхъ причинъ медленности судопроизводства, Государственный Совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ совершенно правильную мысль, „что продолжительность тяжбъ не только не способствуетъ къ разъясненію спорныхъ обстоятельствъ, но нерѣдко еще запутываетъ ихъ и затемняетъ, возбуждая со стороны тяжущихся и со стороны суда новыя недоумѣнія, заявленія и требованія“ [1]). Вслѣдствіе этого въ основу Устава Гражданскаго Судопроизводства было положено начало о производствѣ гражданскихъ дѣлъ не болѣе какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ (ст. 11), съ сохраненіемъ третьей инстанціи лишь въ цѣляхъ провѣрки рѣшеній судебныхъ мѣстъ въ особомъ, такъ называемомъ кассаціонномъ, порядкѣ. Этотъ основной принципъ нашего гражданскаго судопроизводства, всецѣло заимствованный изъ французскаго права, сохранился во всей своей неприкосновенности и до настоящаго времени, когда онъ можетъ считаться общепризнаннымъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. По крайней мѣрѣ новѣйшіе уставы Германіи и Австріи встали на тотъ же путь, который былъ избранъ составителями Судебныхъ Уставовъ, рѣшительно отказавшись отъ прежняго принципа трехъ инстанцій въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Установленныя же одновременно съ этимъ начало полнаго отдѣленія судебной власти отъ административной, исключающее возможность какого либо участія органовъ послѣдней въ отправленіи правосудія, и правило о рѣшеніи дѣлъ въ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената простымъ большинствомъ голосовъ, съ полною отмѣною всеподданнѣйшихъ жалобъ на эти рѣшенія, окончательно обезпечили строгое соблюденіе указаннаго основного положенія.

---

[1]) Журн. 1862 г. № 65, стр. 15.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ подвергнулъ самому тщательному обсужденію вопросъ о такъ называемой „апелляціонной суммѣ", то есть о желательности допущенія права апелляціи только по наиболѣе крупнымъ дѣламъ. Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что въ то время необходимость такой „апелляціонной суммы" являлась общепризнанною. По крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ законодательствъ, даже сравнительно новыхъ, она существовала. Въ качествѣ примѣра можно указать хотя бы на французское законодательство, гдѣ по законамъ 11 апрѣля и 25 мая 1838 г. и 2 мая 1855 г. апелляція на рѣшенія низшихъ коллегіальныхъ судовъ допускалась по личнымъ искамъ и о движимости на сумму свыше 1500 фр., а о недвижимости—свыше 60 фр. дохода; на рѣшенія же мировыхъ судей—по искамъ на сумму свыше 100 фр. Равнымъ образомъ почти всѣ германскія партикулярныя законодательства устанавливали такое ограниченіе, допуская впрочемъ огромное разнообразіе въ опредѣленіи какъ его условій, такъ и размѣра апелляціонной суммы. Такъ, нѣкоторыя законодательства устанавливали послѣднюю только для жалобъ на вторую инстанцію; другія устанавливали двѣ разныхъ суммы—меньшую для первой инстанціи и большую для второй инстанціи, третьи варьировали суммы эти въ зависимости отъ того—было ли рѣшеніе второй инстанціи согласно съ рѣшеніемъ первой или нѣтъ и т. д. Размѣръ же апелляціонной суммы колебался между 50—1.000 фл. Выше было уже указано, что и въ нашемъ дореформенномъ процессѣ существовала апелляціонная сумма для первой инстанціи въ размѣрѣ 30 р., а для второй—въ размѣрѣ 600 р.

Однако Государственный Совѣтъ, по подробномъ соображеніи этого вопроса, рѣшительно высказался противъ какихъ бы то ни было ограниченій права апелляціи, оговоривъ, однако, что „вообще нѣтъ правила, которое не допускало бы изъятій". Въ данномъ случаѣ такое отступленіе должно было быть, по его мнѣнію, допущено для самыхъ малоцѣнныхъ исковъ, примѣрно до 30 рублей, которые мировой судья долженъ рѣшать окончательно, главнымъ образомъ потому, что „допущеніе въ такихъ дѣлахъ апелляціи повело бы къ затрудненіямъ, переѣздамъ и издержкамъ, вовсе несоразмѣрнымъ съ цѣнностью спорнаго имущества". Согласно съ этимъ въ Уставъ была включена ст. 134, несомнѣнно навѣянная съ одной стороны—статьею 500 зак. суд.

гражд., а съ другой—французскими законами 1838 и 1855 годовъ. Нѣкоторое расширеніе этого начала было допущено закономъ 22 ноября 1866 г. въ отношеніи Закавказья, гдѣ окончательными были признаны всѣ рѣшенія мировыхъ судей по искамъ не свыше 100 рублей, не касающимся недвижимыхъ имуществъ (ст. 1467). Впослѣдствіи это исключительное постановленіе было распространено и на нѣкоторыя другія окраины (Архангельская губ. и сѣверные уѣзды губерніи Вологодской, Сибирь, Туркестанъ и Степныя области; см. ст.ст. 2099, 2121 и 2151).

Что же касается вновь вводившагося у насъ института кассаціи, то въ этомъ отношеніи составители Судебныхъ Уставовъ встали еще на болѣе рѣшительную точку зрѣнія, допустивъ принесеніе кассаціонныхъ жалобъ на всѣ, безъ исключенія, окончательныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ (т. е. какъ на рѣшенія судебныхъ палатъ и мировыхъ съѣздовъ, такъ и на рѣшенія мировыхъ судей по искамъ до 30 рублей). Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ они пошли значительно далѣе французскаго законодательства, изъ котораго ими была заимствована самая идея кассаціи, такъ какъ во Франціи еще § 15 закона 25 мая 1838 г. было установлено, что окончательныя рѣшенія мировыхъ судей (т. е. по дѣламъ до 100 фр.) подлежатъ кассаціи исключительно въ случаѣ нарушенія этими судьями предѣловъ вѣдомства и власти (excès de pouvoir). Замѣтимъ при этомъ, что и новѣйшія западно-европейскія законодательства — германское и австрійское—въ значительной мѣрѣ ограничиваютъ право принесенія жалобъ въ третью инстанцію (такъ наз. ревизія). Такъ, напримѣръ, по германскому уставу (§ 546) ревизія допускается, во-первыхъ, только на рѣшенія, постановленныя въ качествѣ апелляціонной инстанціи высшими земскими судами (Oberlandsgerichten); благодаря этому оказывается, что ревизія вовсе не допускается по дѣламъ, подвѣдомственнымъ единоличнымъ судьямъ, такъ какъ въ апелляціонномъ порядкѣ послѣдніе подчинены Landgericht'амъ. Во-вторыхъ—по имущественнымъ дѣламъ ревизія допускается только въ такихъ случаяхъ, если цѣнность той части иска, по поводу которой приносится жалоба, превышаетъ 4.000 марокъ [1]). Въ Австріи право ревизіи

[1]) Первоначально, по уставу 1877 г., эта сумма равнялась 1500 маркамъ, затѣмъ по закону 1905 г. она была увеличена до 2.500 и, наконецъ, по закону 1910 г.—до 4.000 марокъ; ср. Hellwig. System des deutschen Civilprozesses, 1912 г., стр. 849.

допускается значительно шире; тѣмъ не менѣе и здѣсь ревизіонное обжалованіе вовсе не допускается по такъ называемымъ малоцѣннымъ дѣламъ, т. е. не превосходящимъ 50 гульденовъ (§§ 448 и 502).

Эти основныя положенія, принятыя составителями Судебныхъ Уставовъ, подверглись въ настоящее время нѣкоторымъ измѣненіямъ въ двоякомъ отношеніи, причемъ однако въ обоихъ случаяхъ измѣненія эти вызывались, въ сущности говоря, однимъ и тѣмъ же стремленіемъ къ борьбѣ съ тѣмъ огромнымъ переобремененіемъ Гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената дѣлами, которое впервые обнаружилось чуть ли не съ перваго года его дѣятельности и которое продолжаетъ наблюдаться еще и въ настоящее время.

Возможность такого переобремененія Сената неосновательными жалобами предугадывалась, отчасти, уже при самомъ составленіи Судебныхъ Уставовъ, такъ какъ уже въ то время въ Государственномъ Совѣтѣ высказывалось мнѣніе о желательности, въ видахъ устраненія такого переобремененія, установленія залога въ обезпеченіе правильности жалобъ, приносимыхъ въ кассаціонный судъ. Однако предположеніе это было отвергнуто на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что оно противорѣчило бы предположеніямъ проекта объ отмѣнѣ всѣхъ вообще существовавшихъ въ прежнее время штрафовъ за неправильные иски и жалобы [1]).

Однако это льготное начало Судебныхъ Уставовъ дѣйствовало очень недолго.

Уже закономъ 22 ноября 1866 г. въ отношеніи Закавказья было установлено, что при просьбахъ о кассаціи окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей представляется въ залогъ 5 рублей, а о кассаціи рѣшеній окружныхъ судовъ, постановленныхъ въ качествѣ судовъ второй степени,—20 рублей. Затѣмъ въ 1867 г. Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ Сената высказалось за желательность распространенія этой мѣры на всю Имперію въ цѣляхъ предупрежденія доступа въ кассаціонный судъ слишкомъ большого количества явно неосновательныхъ жалобъ. Вслѣдствіе этого 1 іюля 1868 г., по представленію б. министра юстиціи графа Палена, послѣдовало Высочайше

[1]) Журн. 1862 г. № 65, стр. 107—109.

утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ былъ введенъ залогъ правой кассаціи по жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ въ размѣрѣ 10 р., а на рѣшенія судебныхъ палатъ—100 рублей. При этомъ отъ представленія такого залога освобождались казенныя управленія и лица, находящіяся въ положеніи, безусловно оправдывающемъ примѣненіе къ нимъ права бѣдности, если только жалобы ихъ, хотя и неуваженныя, не представляются лишенными всякаго основанія (ст.ст. 190 и 800). Несомнѣнно, что это нововведеніе, вызванное соображеніями чисто практическаго свойства, въ значительной мѣрѣ расходилось съ принятымъ составителями Судебныхъ Уставовъ положеніемъ о необходимости открытія широкаго доступа къ кассаціонному обжалованію для всѣхъ, безъ исключенія, лицъ, обращающихся къ помощи новыхъ судовъ, такъ какъ твердо фиксированный размѣръ залога сводился, въ сущности, къ почти полному воспрещенію кассаціи по наиболѣе мелкимъ дѣламъ, по которымъ онъ могъ достигать у мировыхъ судей до 33%, а въ окружныхъ судахъ—до 20% суммы иска.

Весьма серьезной переработкѣ разсматриваемыя постановленія Устава подверглись въ законѣ 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда.

При начертаніи этого закона было обращено, между прочимъ, вниманіе на то, что интересы тяжущихся несомнѣнно обезпечиваются въ большей мѣрѣ при допущеніи не кассаціоннаго, а апелляціоннаго обжалованія, которое даетъ возможность исправить не только формальныя погрѣшности рѣшенія и неправильное примѣненіе закона, но устранить также недостатки рѣшенія по существу. Вслѣдствіе этого [1]) было признано желательнымъ вовсе отмѣнить статью 134 Устава, допустивъ обжалованіе въ апелляціонномъ порядкѣ всѣхъ вообще рѣшеній мировыхъ судей. Закономъ же 26 іюня 1913 г., о введеніи въ дѣйствіе закона о преобразованіи мѣстнаго суда, эта мѣра была распространена на всѣ окраины Имперіи [2]), въ томъ числѣ и на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ допустимость апелляціоннаго обжалованія была ограничена дѣлами, превосходящими сумму въ 100 рублей.

---

[1]) Предст. мин. юст., стр. 100 и 101.

[2]) Путемъ отмѣны статьи 1467 Устава и измѣненія цѣлаго ряда ссылавшихся на нее другихъ статей.

Съ другой стороны, однако, законодательная власть не могла не остановить вниманія на томъ совершенно ненормальномъ обремененіи дѣлами Гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената, благодаря которому тяжущимся приходится иногда ждать рѣшенія Сената въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а иногда и нѣсколькихъ лѣтъ, и которое не удалось устранить ни введеніемъ по закону 1-го іюля 1868 г. залога права кассаціи, ни образованіемъ по закону 10 іюня 1877 г. въ составѣ кассаціонныхъ департаментовъ отдѣленій для разрѣшенія простѣйшихъ дѣлъ. Въ виду этого [1]) въ статьѣ 186 Устава была помѣщена оговорка о томъ, что просьбы о кассаціи рѣшеній мировыхъ судей не допускаются по дѣламъ, въ коихъ цѣна иска не превышаетъ ста рублей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эти два нововведенія, взаимно другъ друга дополняющія, имѣютъ однако совершенно различную цѣнность съ точки зрѣнія теоріи и основныхъ принциповъ нашего процессуальнаго законодательства.

Первое изъ нихъ—касающееся отмѣны ст. 134 Устава—стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ „общимъ духомъ“ Судебныхъ Уставовъ и является лишь послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ основныхъ положеній, изъ которыхъ исходили составители послѣднихъ.

Едва ли это можно сказать про второе изъ разсматриваемыхъ нововведеній, несомнѣнно ограничивающее въ извѣстной мѣрѣ тяжущихся въ правахъ судебной защиты и притомъ въ зависимости отъ такого случайнаго признака, какъ размѣръ цѣны иска. По этому поводу нельзя не вспомнить мудрыхъ словъ составителей Судебныхъ Уставовъ: „проводить въ законѣ всякое начало до крайности, ради принципа, безъ соображенія съ условіями практики, всегда будетъ вредно для самаго принципа“. Ну, а въ данномъ случаѣ практическая потребность даже въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ въ этомъ направленіи едва ли можетъ вызывать даже самыя легкія сомнѣнія. Впрочемъ и съ чисто житейской точки зрѣнія разсматриваемое постановленіе закона 15 іюня 1912 г. едва ли можно считать слишкомъ опаснымъ. Прежде всего, всѣ рѣшенія по дѣламъ до 30 р.—ранѣе подлежавшія провѣркѣ только въ кассаціонномъ порядкѣ—нынѣ

[1]) Предст. мин. юст., стр. 114—119.

могутъ быть обжалованы въ порядкѣ апелляціонномъ. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ тяжущіеся не только ничего не потеряли, но напротивъ того очень много выиграли. Затѣмъ, благодаря значительному расширенію предѣловъ вѣдомства мировыхъ судей, получилось косвенное уменьшеніе залога правой кассаціи, такъ какъ по дѣламъ отъ 500 до 1.000 руб., а по дѣламъ о недвижимостяхъ даже отъ 1 р. до 1.000 р., залогъ этотъ долженъ теперь взиматься въ размѣрѣ 10 р., а не 100 руб. Другими словами, максимальный размѣръ залога по дѣламъ коллегіальной подсудности уменьшенъ съ 20% до 10% суммы иска. Такимъ образомъ, такъ сказать, совершенно обиженными остаются дѣла отъ 30 до 100 р. Однако нельзя не замѣтить, что именно по этимъ дѣламъ представленіе кассаціоннаго залога, какъ составлявшаго отъ 10 до 33% цѣны иска, оказывалось особенно обременительнымъ, вслѣдствіе чего и принесеніе по этимъ дѣламъ кассаціонныхъ жалобъ едва ли могло встрѣчаться слишкомъ часто. Наконецъ, нельзя не считаться и съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ законъ 15 іюня 1912 г. хотя и отступаетъ отъ чистыхъ принциповъ первоначальныхъ Судебныхъ Уставовъ, но пошелъ въ этомъ отношеніи, по пробитой тропѣ, по которой уже давно и притомъ съ гораздо большею рѣшительностью пошли западно-европейскія законодательства.

---

3. Объединеніе порядковъ судопроизводства.

При составленіи Судебныхъ Уставовъ многократно [1]) указывалось, что однимъ изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ нашего дореформеннаго судопроизводства являлось то, что въ немъ вовсе не было установлено одного общаго порядка производства гражданскихъ дѣлъ, а существовало четыре отдѣльныхъ порядка, называемые „главными“, и шестнадцать „особенныхъ“ родовъ судопроизводства. Такое разнообразіе формъ усложняло и запутывало постановленія о подсудности, такъ какъ при на-

[1]) Журн. 1859 г., стр. 5, 6 и 15—18; журн. 1862 г. № 65, стр. 45—48 и др.

чалѣ каждаго дѣла необходимо было прежде всего опредѣлить, къ какому именно роду судопроизводства данное дѣло относится.

Эта пестрота судопроизводственныхъ правилъ отнюдь не являлась въ то время свойственною только одному нашему процессу. Напротивъ того, вытекая изъ причинъ историческаго свойства, пестрота эта быть можетъ въ еще большей степени наблюдалась въ „общемъ" германскомъ процессѣ. Дѣйствительно, въ послѣднемъ, кромѣ „обыкновеннаго" способа производства гражданскихъ дѣлъ (ordentlicher Civilprozess) существовалъ еще цѣлый рядъ „суммарныхъ" процессовъ, объединявшихся одною общею идею упрощенія и ускоренія гражданскаго процесса [1]). Таковы были, напримѣръ, Mandatsprozess и Executionsprozess, близкіе къ понудительному исполненію по актамъ нашего современнаго права; Wechselprozess, касавшійся порядка производства вексельныхъ взысканій; Provocationsprozess, послужившій колыбелью для современныхъ исковъ о признаніи (Feststellungsklagen) [2]) и цѣлый рядъ другихъ производствъ, для которыхъ устанавливались болѣе или менѣе существенныя отличія отъ обыкновенныхъ процессуальныхъ формъ и обрядовъ [3]). По правильному замѣчанію Wetzell'я [4]), возникновеніе и существованіе особыхъ процессуальныхъ формъ рядомъ съ обыкновеннымъ процессомъ обусловливается главнымъ образомъ состояніемъ послѣдняго: чѣмъ болѣе неудовлетворителенъ этотъ процессъ благодаря своей медлительности и искусственности, тѣмъ болѣе охотно отыскивался каждый удобный случай для созданія новыхъ процессуальныхъ путей. Этимъ объясняется то любопытное явленіе, что суммарныя производства получаютъ свое наибольшее развитіе въ наиболѣе мрачныя эпохи процессуальнаго права и, напротивъ, почти совершенно исчезаютъ послѣ цѣлесообразнаго преобразованія, упрощенія и ускоренія послѣдняго.

Очевидно, что эта именно причина—крайняя неудовлетворительность нашего дореформеннаго процесса—повлекла за собою столь широкое развитіе у насъ отдѣльныхъ формъ производства гражданскихъ дѣлъ.

---

[1]) Wetzell. Das deutsche Civilprozessrecht, 1868, стр, 1024, слѣд.; ср. Bayer. Theorie der summarischen Prozesse, 1859.

[2]) См. Гордонъ. Иски о признаніи. 1906 г., стр. VIII и слѣд.

[3]) Подробнѣе см. Reusche. Die ausserord. Prozesse, 1868.

[4]) Назв. соч., стр. 1025.

Въ общихъ чертахъ система отдѣльныхъ процессуальныхъ формъ по законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, изд. 1857 г., сводилась къ слѣдующему.

Прежде всего производство гражданскихъ дѣлъ раздѣлялось на безспорное и спорное (ст. 1). Первое было почти совсѣмъ исключено изъ вѣдѣнія судебныхъ установленій и находилось въ рукахъ органовъ полицейскаго управленія. При этомъ, однако, оно охватывало очень широкій кругъ дѣлъ, къ числу которыхъ относились всѣ дѣла по обидамъ и по ущербамъ имуществу (ст. 4), по завладѣнію (ст.ст. 2 и 5), по договорамъ и обязательствамъ „законно совершеннымъ“ (ст. 3) и, наконецъ, всѣ дѣла между казною и частными лицами, за исключеніемъ споровъ о правахъ на недвижимое имущество (ст. 138).

Затѣмъ судопроизводство въ дѣлахъ спорныхъ, т. е. подвѣдомственныхъ судебнымъ установленіямъ, распадалось на два вида — вотчинное, касавшееся вещныхъ правъ на движимыя и недвижимыя имущества, и исковое, касавшееся споровъ по договорамъ и обязательствамъ и по взысканіямъ за нарушеніе правъ обидами, убытками и самоуправнымъ завладѣніемъ (ст. ст. 153—155). Въ частности, порядокъ вотчиннаго судопроизводства могъ быть слѣдственный или апелляціонный, въ зависимости отъ того—переносились ли дѣла на разсмотрѣніе высшей инстанціи по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ или въ ревизіонномъ порядкѣ (ст. ст. 156 и 157). Исковое судопроизводство въ свою очередь распадалось на два вида—„по неисполненнымъ обязательствамъ и договорамъ“ и „по взысканіямъ въ обидахъ, ущербахъ и самоуправномъ завладѣніи“ (ст. 158). Наконецъ, рядомъ съ этими „главными порядками“ стоядо 18 [1]) особенныхъ родовъ тяжбъ и исковъ (ст. 774). Въ дѣйствительности, однако, число такого рода исключительныхъ порядковъ было значительно больше, такъ какъ многіе гражданско-правовые споры были подчинены спеціальнымъ установленіямъ (напр. третейскимъ, совѣстнымъ и словеснымъ судамъ) или предусматривались въ особыхъ узаконеніяхъ. Кромѣ того въ законахъ о судопроизводствѣ содержался цѣлый рядъ исключительныхъ по-

[1]) Составители Судебныхъ Уставовъ говорятъ только о 16 особенныхъ видахъ процесса очевидно потому, что два вида изъ числа указанныхъ въ ст. 774 зак. суд. гражд. регулировались не этими законами, а уставами горнымъ и торговымъ (ср. прим. I къ ст. 774).

становленій для отдѣльныхъ мѣстностей и народностей Имперіи (ст. 1241 и слѣд.). Въ общемъ составители Судебныхъ Уставовъ насчитывали 63 порядка судопроизводства [1]).

Своеобразною особенностью нашего законодательства, въ отличіе отъ германскаго, являлось то, что только очень немногіе изъ предусмотрѣнныхъ въ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ особенныхъ порядковъ содержали попытки къ ускоренію и упрощенію нашихъ процессуальныхъ формъ и обрядовъ. Остальные же особенные порядки были вызваны, напротивъ того, стремленіемъ законодателя сколь возможно болѣе обезпечить интересы тѣхъ тяжущихся, которыхъ онъ находилъ достойными особаго попеченія, и поэтому характеризовались скорѣе усугубленіемъ, чѣмъ уменьшеніемъ процессуальнаго формализма. Въ частности, къ числу льготныхъ порядковъ могли быть отнесены слѣдующіе:

1) Дѣла по искамъ о долговыхъ обязательствахъ, которыя по словамъ закона (ст. 747), должны были рѣшаться „безъ формальнаго суда, скоро-окончательнымъ образомъ". Впрочемъ, въ чемъ именно долженъ заключаться этотъ „скоро-окончательный способъ" — въ законѣ не пояснялось и единственнымъ отступленіемъ отъ общихъ правилъ было то, что дѣла эти слушались „по однимъ выпискамъ за скрѣпою секретаря, безъ вызова тяжущихся для рукоприкладства" (ст. 748);

2) Дѣла по искамъ въ обидахъ, ущербахъ и завладѣніи, особенностью которыхъ было то, что дѣла эти могли по желанію истца вчиняться или въ полиціи, или въ судѣ (ст. 757 п. 1 и ст. 7).

3) Судъ по формѣ (ст.ст. 1062—1125), установленный Императоромъ Петромъ I, 5 ноября 1723 г., въ цѣляхъ прекращенія безпорядковъ и злоупотребленій въ дѣлахъ гражданскихъ. Этотъ „судъ по формѣ" представлялъ собою, съ теоретической точки зрѣнія, едва ли не самую свѣтлую часть нашихъ прежнихъ процессуальныхъ законовъ. Дѣйствительно, въ этомъ порядкѣ производства мы видимъ явное стремленіе построить гражданскій процессъ на тѣхъ принципахъ устности и непосредственности, которые черезъ сто слишкомъ лѣтъ были положены въ основаніе нашихъ Судебныхъ Уставовъ (ст. ст. 1062—1125).

---

[1]) Объясн. зап. 1864 г., ст. 90—105; журн. 1864 г. № 44, стр. 124.

Къ сожалѣнію, этотъ порядокъ производства, представляющійся съ перваго взгляда какъ бы прообразомъ нашего будущаго мирового разбирательства, не имѣлъ никакого успѣха въ практикѣ судебныхъ мѣстъ. Это видно изъ того, что уже начиная съ 1754 и вплоть до 1848 года постоянно наблюдаются попытки къ его отмѣнѣ, оправдывавшіяся широкою возможностью злоупотребленія тѣми привилегіями, которыя предоставлялись имъ истцамъ. По удостовѣренію гр. Блудова [1]), возможность этихъ злоупотребленій объяснялась, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въ законѣ требованія о подкрѣпленіи иска доказательствами, благодаря чему судомъ по формѣ можно было вчинять иски самые неосновательные и ябедническіе, и требованіемъ отъ отвѣтчика, подъ страхомъ личнаго заключенія, обезпеченія иска при самомъ предъявленіи послѣдняго.

4) Послѣднюю группу упрощенныхъ порядковъ судопроизводства составляли производства въ особыхъ судахъ, образованныхъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ родовъ дѣлъ, каковы, напримѣръ, третейскіе суды (ст. 1185 и слѣд.), совѣстные суды (ст. 1216 и слѣд.), словесные суды въ городахъ (ст. 1230 и слѣд.) и, наконецъ, учрежденныя въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особыя временныя комиссіи для разсмотрѣнія споровъ между нанимателями и рабочими.

Исходя изъ желанія упростить и ускорить нашъ процессъ, составители Судебныхъ Уставовъ остановились на мысли о замѣнѣ всѣхъ отдѣльныхъ порядковъ, одними правилами сокращеннаго судопроизводства. Вслѣдствіе этого, вмѣсто прежнихъ четырехъ главныхъ и цѣлаго ряда особыхъ родовъ, ими были установлены только два порядка гражданскаго судопроизводства: обыкновенный и сокращенный [2]). При этомъ различіе между ними сводилось, главнымъ образомъ, къ тому, что въ обыкновенномъ порядкѣ словесному состязанію тяжущихся, составляющему центръ тяжести всего производства, непремѣнно предшествуетъ такъ называемая письменная подготовка, т. е. обмѣнъ состязательными бумагами, а въ сокращенномъ порядкѣ—предсѣдатель суда вызываетъ тяжущихся въ судъ и затѣмъ, послѣ предварительнаго съ ними объясненія, назначаетъ засѣданіе

---

[1]) Объясн. зап. 1859 г., стр. 6 и сл.

[2]) Зап. ст.-секр. гр. Блудова 1858 г., стр. 6—12; журн. 1862 г. № 65, стр. 47 и 48.

для слушанія дѣла или опредѣляетъ тяжущимся срокъ для дачи предварительныхъ письменныхъ объясненій (ст.ст. 350 и 354). Впрочемъ, если судъ, при производствѣ дѣла сокращеннымъ порядкомъ, найдетъ, что оно, по сложности своей, не можетъ быть разъяснено словеснымъ состязаніемъ, то можетъ предоставить тяжущимся представить по одному письменному объясненію (ст. 362). Наконецъ, особенностью сокращеннаго порядка было то, что на истца возлагалась обязанность представлять всѣ документы по дѣлу при самой подачѣ искового прошенія, а на отвѣтчика—не позже явки въ судъ (ст. 353). Что же касается объема примѣненія сокращеннаго порядка, то онъ былъ допущенъ факультативно, т. е. по соглашенію сторонъ—по всѣмъ дѣламъ, а обязательно—по нѣкоторымъ, точно опредѣленнымъ родамъ дѣлъ, въ томъ числѣ „по просьбамъ объ исполненіи договоровъ и обязательствъ“ (ст. 348 и 349).

Въ этихъ правилахъ сокращеннаго судопроизводства сравнительно скоро обнаружился одинъ весьма существенный недостатокъ. Дѣло въ томъ, что по ст. 350 предсѣдатель суда долженъ былъ, по поступленіи искового прошенія, вызывать тяжущихся не прямо въ засѣданіе для слушанія дѣла, а только для предварительныхъ объясненій. Этотъ предварительный вызовъ составлялъ совершенно излишнюю формальность и лишь безполезно усложнялъ порядокъ сокращеннаго производства. Дѣйствительно, единственная цѣль этого вызова состояла въ томъ, чтобы предоставить предсѣдателю возможность убѣдиться въ несложности дѣла. Между тѣмъ ознакомленіе съ дѣломъ лишь настолько, чтобы имѣть возможность судить о его простотѣ, можетъ быть съ успѣхомъ достигнуто въ первомъ засѣданіи, тѣмъ болѣе, что по ст. 362 судъ во всякомъ случаѣ вправѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса о сложности дѣла и послѣ разрѣшенія его предсѣдателемъ [1]). Въ видахъ устраненій вызывавшихся этими правилами затрудненій, закономъ 3 іюня 1891 г. было постановлено, что въ сокращенномъ порядкѣ производства стороны вызываются прямо ко дню засѣданія и притомъ въ кратчайшіе сроки (ст. 350); вопросъ же о сложности или несложности дѣла разрѣшается непосредственно судомъ (ст. 362) [2]).

---

[1]) Представленіе министра юстиціи отъ 2 апрѣля 1890 г. за № 10857, стр. 35 и 36.

[2]) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что такой порядокъ установился на практикѣ во многихъ судахъ еще до изданія закона 3 іюня 1891 г.

Однако, на этомъ не остановилось движеніе нашего законодательства на пути ускоренія гражданскаго процесса.

Дѣйствительно, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, установленный въ 1864 г. сокращенный порядокъ судопроизводства далеко не обезпечивалъ на практикѣ необходимую быстроту въ направленіи безспорныхъ гражданскихъ дѣлъ, т. е. такихъ, по которымъ требованіе истца не удовлетворяется должникомъ не потому, что послѣдній не считаетъ себя обязаннымъ его исполнить, а только потому, что должникъ не желаетъ добровольно исполнить свое обязательство или не имѣетъ на это необходимыхъ средствъ. Причиною этого была, прежде всего, необходимость вызова отвѣтчика въ судъ, который на практикѣ оказывался иногда весьма затруднительнымъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ проживалъ далеко отъ истца или когда онъ сознательно уклонялся отъ принятія повѣстки. Кромѣ того, при производствѣ дѣла въ сокращенномъ порядкѣ отвѣтчику открывалась широкая возможность искусственнаго замедленія дѣла путемъ предъявленія разнаго рода возраженій.

Въ дореформенномъ процессѣ потребность въ ускореніи процесса по такого рода требованіямъ въ извѣстной мѣрѣ удовлетворялась существованіемъ особаго безспорнаго порядка взысканія по обязательствамъ черезъ полицію (и управу благочинія). Понятно поэтому, что мысль о допущеніи у насъ особаго понудительнаго исполненія по актамъ, при которомъ судъ обращаетъ находящійся въ рукахъ истца актъ къ исполненію, не вызывая отвѣтчика, возникала еще при первоначальномъ составленіи судебныхъ уставовъ, причемъ высказывались предположенія о возложеніи подобнаго рода функцій какъ на полицію, такъ и на мировыхъ судей, безъ ограниченія суммы акта. Однако, мысль эта не встрѣтила сочувствія ни у большинства членовъ редакціонной комиссіи, ни у Государственнаго Совѣта [1]). Затѣмъ, уже въ 1868 г., вопросъ объ установленіи особаго понудительнаго порядка исполненія по безспорнымъ актамъ былъ вновь возбужденъ въ Министерствѣ Юстиціи, послѣ чего разработка этого вопроса была поручена особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря барона Бруна, которою къ 1883 г.

---

[1]) Ср. ст. 19 Осн. Пол. 1862 г.; объясн. зап. 1863 г., стр. 298—300; журн. 1864 г., стр. 89—91.

былъ составленъ продробный проектъ правилъ, внесенный министромъ юстиціи въ Государственный Совѣтъ [1]), но не получившій дальнѣйшаго движенія. Впослѣдствіи предположенія этого проекта были включены въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ правила для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (ст.ст. 141—160). Послѣ этого, въ 1890 г., Министерство Юстиціи возбудило вопросъ о распространеніи понудительнаго порядка также и на дѣла о взысканіяхъ по актамъ, производящіяся въ судебныхъ мѣстахъ [2]), но Государственный Совѣтъ призналъ болѣе соотвѣтственнымъ установить по возможности одинъ общій порядокъ взысканія какъ по векселямъ, такъ и по прочимъ безспорнымъ актамъ [3]). Согласно съ этимъ указаніемъ Совѣта, Министерствомъ Юстиціи былъ составленъ проектъ объ упрощенномъ порядкѣ производства [4]), получившій 3 іюня 1891 г. силу закона (ст.ст. 365^{1}—365^{24} Уст.).

Упрощенный порядокъ производства имѣлъ своею цѣлью возможно быстрое удовлетвореніе основанныхъ на письменныхъ актахъ требованій истца. Ради этого при упрощенномъ порядкѣ, между прочимъ, продолжительность всѣхъ сроковъ подверглась еще дальнѣйшему сокращенію (ст. ст. 365^{7}, 365^{10} и др.); суду было предоставлено право разсматривать дѣло хотя бы въ отсутствіи обѣихъ сторонъ (ст. 365^{9}); была подтверждена обязанность суда разрѣшать дѣло въ томъ же засѣданіи, которое назначено для разбирательства, и не допускать отсрочекъ производства (ст. ст. 365^{11} и 365^{13}). Съ другой стороны, однако, и при разсмотрѣніи дѣла въ упрощенномъ порядкѣ былъ необходимъ вызовъ отвѣтчика (ст. ст. 365^{7} и 365^{8}) и, слѣдовательно, допускалось предъявленіе имъ спора противъ исковыхъ требованій (ст. 365^{10}). Наконецъ, правила объ упрощенномъ производствѣ предусматривали возможность обращенія дѣла къ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ (ст. ст. 365^{20} — 365^{22}).

Къ сожалѣнію, однако, правила упрощеннаго производства получили лишь очень ограниченное примѣненіе [5]). Объясненіемъ

---

[1]) Представленіе отъ 19 марта 1884 г. № 7409.

[2]) Представленіе отъ 2 апрѣля 1890 г. № 10857.

[3]) Правила 1889 г. на векселя не распространялись.

[4]) Представленіе отъ 29 декабря 1890 г. № 34240.

[5]) По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ представленіи министра юстиціи по законопроекту о преобразованіи мѣстнаго суда, видно, что случаевъ примѣненія упрощеннаго порядка во всей Имперіи было въ 1902 г.—11.189, 1903—10.831, въ 1904—15.022 (предст., стр. 131 и 132).

этого явленія служитъ то, что правила эти, съ точки зрѣнія облегченія взыскателей, представляли весьма мало преимуществъ предъ обыкновеннымъ процессомъ. Въ частности, изъ отзывовъ судебныхъ установленій [1]) видно, что къ числу недостатковъ закона 3 іюня 1891 г. относились главнымъ образомъ: а) требованіе врученія отвѣтчику повѣстки о вызовѣ къ суду (ст. 365^{8}), которое сопряжено съ тѣми же затрудненіями, какъ и при предъявленіи обыкновеннаго иска, б) допустимость заявленія отвѣтчикомъ различнаго рода споровъ, отводовъ и возраженій (ст. 365^{10}), и в) предоставленіе отвѣтчику права обратить дѣло къ производству въ общемъ порядкѣ (ст. 365^{15} и 365^{20}).

Вслѣдствіе этого вопросъ объ установленіи понудительнаго порядка исполненія по безспорнымъ актамъ былъ вновь поставленъ на очередь при начертаніи закона 15 іюня 1912 г. и, наконецъ, разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Сущность этого порядка, въ краткихъ словахъ, состоитъ въ томъ, что подлежащій понудительному исполненію актъ (таковыми могутъ быть крѣпостные, нотаріальные и засвидѣтельствованные акты о платежѣ денегъ, о возвратѣ движимаго имущества и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о наймѣ недвижимаго имущества, а также протестованные векселя и акты соглашеній по дѣламъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ), предъявляется по общимъ правиламъ о подсудности мировому судьѣ или члену окружного суда, назначенному общимъ собраніемъ, который налагаетъ на немъ резолюцію, не вызывая отвѣтчика, послѣ чего актъ подлежитъ понудительному исполненію по правиламъ, установленнымъ для исполненія судебныхъ рѣшеній. Отвѣтчикъ, признающій требованіе взыскателя неправильнымъ, можетъ предъявить къ нему въ теченіе 6 мѣсяцевъ искъ и, кромѣ того, въ теченіе семи дней, просить мирового судью или члена суда о пріостановленіи взысканія (ст. ст. 161^{1} — 161^{24} и 365^{1}).

Въ связи съ установленіемъ у насъ понудительнаго исполненія по актамъ не могъ не возникнуть вопросъ о дальнѣйшемъ сохраненіи особаго сокращеннаго порядка производства.

Дѣйствительно, при введеніи у насъ, по примѣру французскаго устава (art. 404), двухъ порядковъ судопроизводства, имѣ-

---

[1]) Подготов. матер. ком. по пересм. законоп. по суд. части, сводъ рев. отчетовъ, т. IV, стр. 26—28 и 134—146 и т. V, стр. 431—433.

лось въ виду, главнымъ образомъ, раздѣленіе гражданскихъ дѣлъ по самому ихъ свойству на дѣла болѣе сложныя и болѣе простыя. Между тѣмъ, полувѣковой опытъ показалъ, что на практикѣ очень часто наиболѣе сложными оказываются именно тѣ дѣла, которыя въ силу закона должны производиться сокращеннымъ порядкомъ, тогда какъ дѣла, направляемыя въ обыкновенномъ порядкѣ, нерѣдко являются простыми и несложными. Вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенный порядокъ судопроизводства примѣнялся гораздо рѣже сокращеннаго, вслѣдствіе чего, въ дѣйствительности, дѣла, производящіяся обыкновеннымъ порядкомъ, составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Наконецъ, механическое раздѣленіе дѣлъ на дѣла обыкновеннаго и сокращеннаго порядка вовсе неизвѣстно новѣйшимъ законодательствамъ Германіи и Австріи и не встрѣчало сочувствія въ юридической литературѣ какъ русской, такъ даже и французской [1]).

Обстоятельства эти послужили основаніемъ для изданія закона 2 іюня 1914 г., сущность котораго сводится къ тому, что: 1) вмѣсто двухъ порядковъ судопроизводства у насъ установленъ одинъ, причемъ предсѣдателю суда предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніе вопроса о томъ, требуется ли по свойству дѣла письменная подготовка или не требуется (ст. 312). Такимъ образомъ оказывается отчасти возстановленнымъ прежнее правило ст. 354, съ тѣмъ однако существеннымъ отличіемъ, что распоряженіе о порядкѣ направленія дѣла производится предсѣдателемъ безъ вызова сторонъ, на основаніи разсмотрѣнія одного искового прошенія. Впрочемъ за судомъ сохраняется право требовать обмѣна письменными объясненіями и послѣ перваго засѣданія (ст. 335[1]); 2) вызовъ тяжущихся производится по общему правилу прямо въ засѣданіе; въ случаѣ же назначенія письменной подготовки, отвѣтчикъ вызывается для подачи объясненія и сообщенія своего юридическаго адреса; 3) на вновь устанавливаемый общій порядокъ распространяется установленный для сокращеннаго порядка мѣсячный срокъ на принесеніе апелляціонной жалобы

[1]) Bordeaux. Philosophie de la procédure civile, стр. 456—458. П. Юреневъ. „Нѣкоторые вопросы французскаго гражданскаго судопроизводства", Журн. Мин. Юст. 1863 г., т. XVI, іюнь, стр. 655—674; Ф. Осецкій. „Практическія замѣтки о сокращенномъ судопроизводствѣ", Журн. Мин. Юст. 1898 г., кн. 5, стр. 194—198; В. Ф. „Отмѣна различія общаго и сокращеннаго порядка", Вѣстн. Права 1900 г., № 9, стр. 151, 152 и др.

(ст. 748) и двухнедѣльный на подачу отзыва противъ заочнаго рѣшенія; кассаціонный же срокъ сокращается съ 4 до 2 мѣсяцевъ; 4) *по отношенію ко всѣмъ дѣламъ* сохраняется дѣйствовавшее въ отношеніи сокращеннаго порядка правило (ст. 353) о представленіи всѣхъ документовъ къ первому засѣданію, причемъ однако правило это распространяется на всѣ вообще доказательства (ст. 330[1]) и притомъ снабжено санкціею, состоящею въ томъ, что въ случаѣ несвоевременнаго представленія доказательствъ, повлекшаго замедленіе въ разрѣшеніи дѣла, судъ можетъ возложить на виновнаго въ этомъ тяжущагося всѣ или часть судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ, хотя бы рѣшеніе было постановлено въ его пользу (ст. 331[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ аналогичное правило установлено и для производства въ апелляціонной инстанціи (ст. 776[1]), тогда какъ постановленіе ст. 353 въ послѣдней не примѣнялось (касс. рѣш. 1880 г., № 213).

Наконецъ характерною особенностью новаго закона является то, что имъ подчинены вновь установленному порядку производства между прочимъ всѣ дѣла казенныхъ управленій, которыя по Судебнымъ Уставамъ вовсе не подлежали производству въ сокращенномъ порядкѣ (ст. 1289).

Бросая общій взоръ на приведенный краткій очеркъ развитія у насъ сокращенныхъ формъ судопроизводства, обнаруживается весьма любопытная историческая модуляція. До 1864 г. законодательство наше, съ его разнообразіемъ процессуальныхъ формъ, было почти всецѣло построенно на началахъ „общаго“ германскаго процесса римско-каноническаго типа. При изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. наша законодательная власть, признавъ необходимымъ подвергнуть нашъ процессъ коренному преобразованію и очиститься отъ устарѣвшихъ процессуальныхъ формъ, рѣшительно встала на почву французскаго права, введя у насъ два порядка производства гражданскихъ дѣлъ въ коллегіальныхъ судахъ: общій и сокращенный. Въ 1891 г. къ этимъ двумъ видамъ прибавляется третій порядокъ— упрощенный. Затѣмъ, закономъ 15 іюня 1912 г. введено у насъ понудительное исполненіе по актамъ, давно извѣстное германскому праву, какъ „общему“ (Mandatsprozess), такъ и новѣй-

шему (Mahnverfahren: §§ 688 —703) [1]). Наконецъ, закономъ 2 іюня 1914 г., опять таки по германскому образцу, сокращенный порядокъ сливается съ общимъ въ одинъ обыкновенный состязательный процессъ, противуполагаемый понудительному исполненію по актамъ, лишенному состязательнаго начала. Такимъ образомъ нашъ процессъ, первоначально стоявшій на почвѣ германскаго права, въ теченіе почти 50 лѣтъ придерживался принциповъ французскаго кодекса для того, чтобы теперь опять вернуться къ началамъ права германскаго, но, конечно, не того, которое онъ такъ блестяще обогналъ въ 1864 г., а того, которое является, такъ сказать, послѣднимъ словомъ современной юридической мысли.

4. Частное обжалованіе.

При составленіи Судебныхъ Уставовъ неоднократно и очень настойчиво указывалось на то, что одною изъ существенныхъ причинъ медленности производства гражданскихъ дѣлъ является широкое право тяжущихся обжаловать каждое опредѣленіе судебнаго мѣста отдѣльно отъ апелляціи путемъ принесенія такъ называемой частной жалобы (ст.ст. 491 и сл., 549 и сл. зак. суд. гражд.), послѣдствіемъ которой оказывалось пріостановленіе дальнѣйшаго движенія дѣла [2]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такого рода жалобы допускались во всѣ инстанціи, такъ что по поводу какого-либо отдѣльнаго частнаго вопроса, возникшаго въ первой инстанціи, дѣло можно было довести до Сената, причемъ оно могло получить дальнѣйшее движеніе только послѣ постановленія послѣднимъ опредѣленія по данному спорному вопросу. Единственное ограниченіе права принесенія частныхъ жалобъ состояло въ томъ, что онѣ не допускались „по дѣламъ, по суммѣ оныхъ неподлежащимъ апелляціи“, исключая, впрочемъ, жалобъ на медленность и неправильную оцѣнку предмета спора или иска (ст. 494, п. 1). Обусловливаемое этимъ замедленіе производства усугублялось еще чрезвычайно длительнымъ

[1]) Ср. австр. уст. 1895 г., ст. 548 и слѣд.

[2]) Журн. Гос. Сов. 1862 г., № 65, стр. 97 и 98; объясн. зап. 1863 г., стр. 339 и 340.

срокомъ на принесеніе частныхъ жалобъ, который опредѣлялся въ шесть мѣсяцевъ со дня приведенія обжалуемаго постановленія въ дѣйствіе или трехъ мѣсяцевъ со времени его объявленія, если оно приведено въ дѣйствіе не было (ст. 494, п. 2).

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта черта нашего прежняго процесса была всецѣло свойственна и дореформенному процессу Западной Европы. Правда, въ „общемъ" германскомъ правѣ понятіе „частной жалобы" (querela simplex) имѣло гораздо болѣе узкое значеніе, чѣмъ теперь, примѣняясь исключительно къ случаямъ обжалованія такихъ распоряженій органовъ судебной власти, которыми вовсе не нарушались права и интересы тяжущихся по отношенію ихъ другъ къ другу (такъ напр., медленность въ производствѣ, распоряженія о наложеніи штрафовъ на свидѣтелей и т. п.). Французскому же кодексу понятіе „частной жалобы" даже вовсе неизвѣстно. Однако рядомъ съ этимъ узкимъ толкованіемъ понятія „частной жалобы" стояло, напротивъ того, значительно болѣе широкое, чѣмъ теперь, понятіе апелляціи. Дѣло въ томъ, что въ дореформенномъ правѣ Германіи апелляція допускалась не только на рѣшеніе, которымъ оканчивалось дѣло, но и на всѣ вообще опредѣленія суда, постановлявшіяся послѣ состязанія сторонъ. При этомъ такая апелляція почти всегда обладала „суспензивнымъ" дѣйствіемъ, т. е. влекла за собою пріостановленіе производства [1]). Равнымъ образомъ во Франціи апелляція допускается какъ на „jugements définitifs", такъ и на „jugements interlocatoires" и „provisoires", причемъ влечетъ за собою пріостановленіе исполненія, если только судъ не постановилъ противнаго (art. 451 и 457).

Стремясь къ устраненію наблюдавшагося въ дореформенномъ процессѣ чрезвычайнаго злоупотребленія тяжущимися правомъ принесенія такихъ жалобъ, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ развитіе судебной волокиты, составители Судебныхъ Уставовъ подвергли институтъ частнаго обжалованія весьма существенной переработкѣ, главнымъ образомъ, путемъ установленія слѣдующихъ трехъ основныхъ положеній: 1) частныя жалобы въ видѣ общаго правила вовсе не допускаются отдѣльно отъ апелляціи; исключеніемъ изъ этого правила являются лишь нѣкоторые, прямо указанные въ законѣ случаи (ст. 783); 2) за исключе-

[1]) Wetsell. System, стр. 705 и сл.; Renaud. Lehrbuch, стр. 479 и сл.

ніемъ нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ, принесеніе частной жалобы не пріостанавливаетъ приведеніе обжалованнаго опредѣленія въ исполненіе (ст. 787), и 3) срокъ на принесеніе частныхъ жалобъ устанавливается двухнедѣльный (ст. 785).

Вводя подобнаго рода постановленія и, въ частности, ограничивая допустимость частнаго обжалованія строго опредѣленными въ законѣ случаями, составители Судебныхъ Уставовъ послѣдовали, по всей вѣроятности, примѣру проекта баденскаго устава гражданскаго судопроизводства (§ 1157 уст. 18 марта 1884 г.) [1]), который впослѣдствіи былъ въ этомъ отношеніи положенъ въ основу общегерманскаго устава 1877 г. Такимъ образомъ система, принятая въ этомъ отношеніи какъ въ нашемъ, такъ и въ германскомъ уставахъ (§ 567), рѣзко отличается отъ системы устава австрійскаго, постановляющаго, напротивъ того, что на всякое опредѣленіе первой инстанціи можетъ быть принесена частная жалоба, за исключеніемъ особо указанныхъ въ законѣ случаевъ (§ 514). При сравненіи этихъ двухъ системъ нельзя, казалось бы, не признать, что первая изъ нихъ хотя и страдаетъ нѣкоторыми недостатками, всегда присущими попыткѣ дать въ законѣ исчерпывающее перечисленіе, но всетаки она заслуживаетъ предпочтеніе передъ второю, которая, обладая тѣмъ же недостаткомъ, сверхъ того открываетъ широкую возможность къ распространительному толкованію правила о допустимости частнаго обжалованія и къ возрожденію этимъ путемъ прежней судебной волокиты.

Эти постановленія нашего Устава продолжаютъ дѣйствовать и въ настоящее время.

III. Судъ правый.

Обсуждая вопросъ о желательной постановкѣ новаго процесса, составители Судебныхъ Уставовъ пришли къ тому убѣжденію, что всѣ почти недостатки нашего судопроизводства зависятъ отъ примѣненія въ немъ началъ производства слѣдственнаго, совершенно противнаго существу дѣлъ тяжебныхъ, при кото-

[1]) См. Stempf. Prozess-Ordnung f. d. Grossherz. Baden, 1864 г., стр. 283.

ромъ главная задача суда—обнаруженіе дѣиствительной истины—не достигается [1]). „Въ необходимой связи съ формою словеснаго процесса состоятъ всѣ другіе существенные недостатки нашего гражданскаго суда .... слѣдственный процессъ составляетъ главнѣйшую причину неумѣреннаго развитія письменности и формализма; канцелярская тайна есть необходимая его принадлежность, а при отсутствіи публичнаго состязанія сторонъ всѣ дѣйствія суда должны быть основаны на письменныхъ объясненіяхъ“ [2]).

Въ цѣляхъ устраненія этихъ отрицательныхъ сторонъ дореформеннаго процесса въ основу новаго Устава Гражданскаго Судопроизводства были положены четыре основныя начала: состязательности, устности, гласности и непосредственности. Рядомъ съ этими главными основаніями въ качествѣ средства къ достиженію „суда праваго“ слѣдуетъ поставить также тѣ мѣропріятія, которыя были приняты составителями Судебныхъ Уставовъ въ цѣляхъ устраненія господствовавшей въ прежнемъ процессѣ формальной теоріи доказательствъ. Наконецъ, послѣднюю категорію мѣръ, обезпечивающихъ у насъ существованіе суда „праваго“, составляетъ система обжалованія судебныхъ рѣшеній.

На разсмотрѣніи этихъ отдѣльныхъ группъ процессуальныхъ нормъ мы и остановимся.

---

1. Начало состязательности.

Выше мы уже видѣли, что въ тѣхъ элементахъ слѣдственности, которые были присущи нашему дореформенному процессу, составители Судебныхъ Уставовъ усматривали одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ послѣдняго, обусловливающій собою цѣлый рядъ отрицательныхъ послѣдствій. Весьма любопытно при этомъ то обстоятельство, что рѣшительно вставъ на сторону начала состязательности, авторы нашего Устава оправдывали это не общепринятымъ въ то, да и въ позднѣйшее, время

---

[1]) Журн. 1859 г., стр. 13 и 14; журн. 1862 г., № 65, стр. 48 и 49.

[2]) Журн. 1862 г., № 65, стр. 50.

разсужденіемъ о неразрывной связи этого начала съ принципомъ произвольности гражданскихъ правъ вообще [1]), а главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что состязательное начало наиболѣе обезпечиваетъ возможность выясненія въ гражданскомъ процессѣ матеріальной истины [2]).

Однако по этому поводу нельзя не сдѣлать одной весьма серьезной оговорки.

Дѣло въ томъ, что чтеніе высказанныхъ составителями Судебныхъ Уставовъ соображеній оставляетъ такое впечатлѣніе, какъ будто нашъ дореформенный гражданскій процессъ былъ построенъ всецѣло на слѣдственномъ началѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности этого не было. Напротивъ того, при подробномъ разсмотрѣніи законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, изд. 1857 г., съ несомнѣнностью выясняется, что въ нихъ содержались указанія на всѣ тѣ основныя положенія процесса, которыя по общепризнанному мнѣнію являются главнѣйшимъ выраженіемъ состязательнаго начала. Къ сожалѣнію однако изъ этихъ общихъ правилъ допускались столь существенныя отступленія, что при нѣкоторомъ желаніи можно было дѣйствительно свести состязательное начало къ нулю, придавъ процессу чисто слѣдственный характеръ [3]). По вѣрному замѣчанію проф. Гольмстена, два обстоятельства содѣйствовали этому въ прежнее время: „умственныя и нравственныя качества судей и неудовлетворительная редакція закона. И дѣйствительно, выбраться благополучно изъ этого непроходимаго лѣса статей— дѣло нелегкое; прослѣдить проявленіе состязательнаго начала въ отдѣльныхъ фазахъ процесса дѣло настолько трудное, что по окончаніи его все еще думаешь: да такъ ли это"?

Въ качествѣ иллюстраціи высказанной нами мысли укажемъ на слѣдующіе примѣры.

Въ силу состязательнаго начала гражданское дѣло можетъ быть возбуждено не иначе какъ путемъ предъявленія иска заинтересованнымъ лицомъ (nemo judex sine auctore). Это положеніе неоднократно высказывалось и въ законахъ о судопро-

---

[1]) Напр. Canstein. Die rationellen Grundlagen des Civilprozesses, 1877, стр. 29 и сл., стр. 185 и сл.; подробнѣе см. у Васьковскаго. Курсъ, I, стр. 381 и сл.

[2]) Журн. 1859 г., ст. 14; журн. 1862 г. № 65, стр. 49.

[3]) Ср. Гольмстенъ. Юрид. изслѣд. и статьи, 1894 г., стр. 439; Васьковскій. Курсъ, I, 1913 г., стр. 399.

изводствѣ гражданскомъ (см., напр., ст.ст. 3, 57, 672, 757 и др.). Однако рядомъ съ этимъ въ ст.ст. 6, 7 и 9 оговорено, что дѣла объ удовлетвореніи обидъ, о вознагражденіи убытковъ и ущербовъ и о завладѣніи начинаются въ полиціи или по прошенію, или же по „непосредственному ея дѣйствію". Затѣмъ въ силу ст. 22 въ дѣлахъ объ обидахъ и ущербахъ полиція, въ случаѣ возникновенія спора, „пересылаетъ дѣло въ судъ". Равнымъ образомъ относительно дѣлъ по обязательствамъ въ ст. 745 говорится, что, въ случаѣ возникновенія спора, полиція отсылаетъ дѣло въ судъ. Наконецъ, по ст. 672 дѣла вотчинныя начинаются не только подачею прошенія, но и пересылкою дѣла изъ какого либо судебнаго или полицейскаго мѣста.

Едва ли совсѣмъ чуждо Своду Законовъ было и второе проявленіе состязательнаго начала—совершеніе судомъ процессуальныхъ дѣйствій не иначе, какъ по желанію сторонъ (ne procedat judex ex officio). Такъ, напримѣръ, отъ согласія тяжущихся зависѣло обращеніе дѣла къ примирительному разбирательству (ст. 1127), къ третейскому суду (ст. 1136), къ суду совѣстному или словесному (ст.ст. 1230, 1276 и др.). Имъ были предоставлены широкія права въ отношеніи просьбъ объ отсрочкахъ (ст.ст. 457, 582, 1074 и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ однако закону были извѣстны обезпечительныя мѣры, предпринимавшіяся судами обязательно, безъ просьбъ заинтересованныхъ лицъ (напр. ст.ст. 379, 680, 682, 1078—1083 и мн. др.). Съ другой стороны, въ виду отсутствія начала устности и разрѣшенія судомъ дѣла въ закрытомъ засѣданіи, самое движеніе дѣла зависѣло въ концѣ концовъ отъ усмотрѣнія самого суда. Наконецъ, иногда даже переходъ дѣла въ высшую инстанцію происходилъ помимо просьбы объ этомъ сторонъ (такъ наз. слѣдственный порядокъ, въ отличіе отъ апелляціоннаго).

Затѣмъ на обязанности же тяжущихся лежало сообщеніе и представленіе суду доказательствъ (quod non est in actis, non est in mundo). Такъ, въ силу ст.ст. 312 и 313 „обязанность истца есть доказать свой искъ, равно отвѣтчикъ долженъ основательнымъ доказательствомъ себя оправдать". Истецъ долженъ изложить въ прошеніи свои „причины и доводы" (ст. 245), а отвѣтчикъ долженъ „очистить пункты" (ст. 292), „правдою ихъ опровергнуть" (ст. 313); стороны могли ссылаться на свидѣтелей (ст. 458), представлять документы (ст. 323), дѣлать на судѣ при-

знаніе (ст. 293 и др.) и т. п. Однако рядомъ съ этимъ въ законахъ о судопроизводствѣ говорится о томъ, что по безспорнымъ дѣламъ полиціи предоставлено „отбирать показанія и изслѣдовать событіе“ (ст.ст. 21 и 22); въ силу ст. 213 дѣло, вслѣдствіе истеченія давностнаго срока, уничтожается и „предается забвенію“; суду разрѣшается по своей иниціативѣ назначать осмотры на мѣстѣ (ст. 356), экспертизы (ст. 357) и повальные обыски (ст. 417); наконецъ—и это самое главное—„судъ обязанъ объяснить приготавливаемое къ слушанію дѣло всѣми потребными къ тому обстоятельствами... и приступать къ рѣшенію всякаго дѣла не иначе, какъ по учиненіи надлежащихъ справокъ“ (ст. 441). Эта статья говоритъ о тѣхъ знаменитыхъ „справкахъ“, о которыхъ съ такимъ нерасположеніемъ отзывались составители Судебныхъ Уставовъ. Собраніе ихъ „по усмотрѣнію самихъ судовъ, или, вѣрнѣе, по усмотрѣнію судебныхъ канцелярій, даетъ имъ полное право усилить или ослабить доказательства, на которыя ссылаются тяжущіеся, и чрезъ это имѣть прямое вліяніе на рѣшеніе дѣла... оно сдѣлалось у насъ обыкновеннымъ средствомъ затягивать и запутывать дѣла“ [1]).

Наконецъ и въ дореформенномъ процессѣ содержаніе судебнаго рѣшенія несомнѣнно было ограничено притязаніями истца (ne eat judex ultra petita). Хотя прямо этого и не высказано въ законѣ, но это явствуетъ хотя бы изъ требованія, чтобы въ прошеніи было точно изъяснено, чего истецъ проситъ (ст. 246) [2]).

Рѣшивъ окончательно отказаться отъ слѣдственныхъ элементовъ въ гражданскомъ процессѣ и построить послѣдній всецѣло на состязательномъ началѣ, составители Судебныхъ Уставовъ выразили свою точку зрѣнія съ полною ясностью и послѣдовательностью въ слѣдующихъ трехъ правилахъ нашего Устава: 1) судебныя установленія могутъ приступать къ производству гражданскихъ дѣлъ не иначе, какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до коихъ эти дѣла касаются (ст. 4); 2) судъ основываетъ рѣшенія исключительно на доказательствахъ, представленныхъ тяжущимися (ст. 367); 3) судъ не имѣетъ права ни постановлять рѣшеній о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія, ни присуждать болѣе того, что требовалось

---

[1]) Проектъ гр. Блудова 1857 г., стр. 283 и сл.; ср. Гольмстенъ. Юрид. изслѣд. и статьи, стр. 471; Васьковскій. Курсъ I, 1913 г., стр. 399 и 400.

[2]) Ср. Гольмстенъ, н. с., стр. 478.

тяжущимися, ни возбуждать вопроса о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались (ст. 706).

Сверхъ того въ цѣломъ рядѣ статей Устава эти начала получили свое дальнѣйшее развитіе (ст.ст. 129, 132, 339 и мн. др.).

Наконецъ, кромѣ приведенныхъ постановленій положительнаго характера, составители Судебныхъ Уставовъ сочли необходимымъ дополнить ихъ отрицательными указаніями на тѣ процессуальныя дѣйствія, которыя такъ широко примѣнялись въ дореформенное время и которыя вовсе не должны были имѣть примѣненіе въ новыхъ судахъ. Мы говоримъ о ст. 3 Устава, въ силу которой правительственнымъ мѣстамъ запрещалось передавать дѣла въ судебныя установленія, и о ст. 367, въ силу которой устанавливалось, что судъ „ни въ коемъ случаѣ не собираетъ самъ доказательствъ или справокъ". Такъ великъ былъ страхъ составителей Устава передъ возможностью возрожденія у насъ прежней волокиты, что они невольно включили въ Уставъ эти эпитафіи на смерть приснопамятныхъ „справокъ" и „отсылокъ"!

Строго проведя въ процессѣ начало состязательности, составители Судебныхъ Уставовъ вовсе не хотѣли однако лишать судъ всякой самостоятельности и ставить его въ совершенно пассивное положеніе. Напротивъ того, они призвали его къ активному участію въ установленіи фактической стороны разсматриваемаго дѣла, хотя и не въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя, а въ качествѣ помощника и совѣтчика сторонъ [1]). Дѣйствительно, они предоставили суду право назначать по собственному усмотрѣнію осмотръ на мѣстѣ (ст. 507) и экспертизу (ст. 515), требовать объясненій отъ стороны, выражающейся неясно и неопредѣленно (ст. 335), предлагать тяжущимся вопросы для полнаго разъясненія дѣла (ст. 361); наконецъ, въ статьѣ 368 постановлено, что „когда по выслушаніи сторонъ судъ найдетъ, что по нѣкоторымъ изъ приведенныхъ ими обстоятельствъ, существенныхъ для рѣшенія дѣла, не представлено доказательствъ, то объявляетъ объ этомъ тяжущимся и назначаетъ срокъ для разъясненія вышеуказанныхъ обстоятельствъ".

Если мы сравнимъ эти постановленія нашего Устава съ современными ему постановленіями западно-европейскихъ за-

[1]) Васьковскій. Курсъ I, стр. 400.

конодательствъ, то придется признать, что въ самомъ провозглашеніи принципа состязательности въ области гражданскаго процесса едва ли можно усмотрѣть какое либо „новое слово". Дѣйствительно, принципъ этотъ былъ въ то время не только общеизвѣстенъ, но пожалуй и общепризнанъ. Не чуждый римскому процессу и даже выраженный въ процессѣ древне-германскомъ [1]), онъ получилъ вполнѣ послѣдовательное и совершенное развитіе въ „общемъ" германскомъ процессѣ [2]) и затѣмъ былъ заимствованъ во французскомъ уставѣ 1806 г. Впослѣдствіи этотъ принципъ перешелъ и въ позднѣйшія партикулярныя германскія законодательства (напр. баденскій уставъ 18 марта 1864 г.) [3]). Весьма существенное отступленіе отъ этого начала было допущено въ прусскомъ уставѣ 1793 г., въ которомъ было, между прочимъ, предписано судамъ „изслѣдуя основательность или неосновательность фактическихъ обстоятельствъ дѣла, самостоятельно и непосредственно выяснять ихъ" (введ., § 7), причемъ оговаривалось, что „судья не связанъ заявленіями стороны, на которой лежитъ бремя доказывать, но имѣетъ право и обязанность примѣнять, даже безъ явнаго желанія сторонъ, и другія средства, которыя обнаружатся изъ ихъ заявленій или преній" (§ 17) [4]). Однако этотъ новый порядокъ просуществовалъ недолго и уже законами 1 іюня 1833 г. и 21 іюля 1846 г. былъ замѣненъ прежнимъ состязательнымъ процессомъ, сначала для суммарныхъ и наиболѣе мелкихъ дѣлъ (Bagatellprozess), а затѣмъ для большинства гражданскихъ дѣлъ. Наконецъ, и древне-русскій процессъ, начиная удѣльнымъ періодомъ и кончая „судомъ по формѣ" 1723 г., былъ построенъ всецѣло на состязательномъ началѣ, хотя и съ допущеніемъ болѣе или менѣе существенныхъ отъ него отступленій [5]).

Такимъ образомъ съ исторической точки зрѣнія введеніе въ нашъ процессъ состязательнаго начала не представляло со-

---

[1]) Wetzell. System, 1878, стр. 517.

[2]) Wetzell. System, стр. 516 и сл.; Endemann, D. deutsche Civilprozess, стр. 364 и сл.; Renaud. Lehrbuch, стр. 180 и сл.

[3]) Stempf. Prozessordnung f. d. Grossherz. Baden, 1864.

[4]) Васьковскій. Курсъ I, стр, 317; Hellwig, н. с., стр. 406.

[5]) Подробнѣе см. Гольмстенъ. Юрид. изслѣд., стр. 428 и сл.; Михайловъ. Исторія русскаго гражд. процесса, I, 1848, стр. 68 и сл., 83 и сл.; Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 88.

бою чего нибудь совершенно новаго. Поэтому совершенно правъ проф. Гольмстенъ, говоря, что „измѣненія, внесенныя Уставомъ, разсматриваемыя съ точки зрѣнія теоретической, заключаются въ ясной и категорической формулировкѣ положеній, основанныхъ на состязательномъ началѣ гражданскаго процесса, положеній, лежащихъ, однако въ духѣ Свода“ [1]).

Значительно болѣе интересными представляются тѣ отступленія отъ состязательнаго начала, которыя были допущены составителями Судебныхъ Уставовъ. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи составители Судебныхъ Уставовъ были очень, и даже можетъ быть слишкомъ, осторожны. По крайней мѣрѣ допущенныя ими отступленія значительно уже тѣхъ, которыя были извѣстны современнымъ западно-европейскимъ законодательствамъ. Главное различіе между ними состояло въ томъ, что по другимъ законодательствамъ суду предоставлялось: 1) требовать личной явки сторонъ и предлагать имъ вопросы, служащіе къ разъясненію дѣла, и 2) воспринимать указанныя сторонами доказательства и безъ спеціальнаго ходатайства объ этомъ послѣднихъ [2]). Въ частности, особенно серьезнымъ представлялось такъ называемое Fragerecht суда, въ силу котораго онъ могъ ставить сторонамъ вопросы, требуя на нихъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта подъ угрозою въ противномъ случаѣ признанія спорнаго вопроса разрѣшенныхъ въ смыслѣ невыгодномъ для даннаго тяжущагося [3]). Правда, и въ нашемъ Уставѣ существовала вышеприведенная ст. 368, которая, при болѣе широкомъ ея толкованіи, могла бы дать нѣкоторыя основанія для большаго развитія самостоятельности суда въ цѣляхъ воспособленія тѣмъ тяжущимся, которые вслѣдствіе своей неосвѣдомленности завѣдомо неспособны какъ слѣдуетъ защитить свои интересы. Равнымъ образомъ и статья 335 могла бы путемъ практики развиться въ нѣчто подобное германскому Fragerecht'у. Къ сожалѣнію, однако, наша судебная практика, воодушевленная стремленіемъ къ поддержанію принципа состязательности во всей его чистотѣ и неприкосновенности, не пошла по этому

---

[1]) Гольмстенъ. Юрид. изслѣд., стр. 483.

[2]) См. напр., ст.ст. 119, 254, 295 и 302 франц. уст.; ст.ст. 999, 1000 и др. баден. уст. и др.

[3]) См. напр., баден. уст., l. c.

пути, а напротивъ того стремилась сузить объемъ примѣненія этихъ постановленій [1]).

Любопытно при этомъ замѣтить, что вопросъ о желательности допустить у насъ разспросъ тяжущихся судомъ былъ подвергнутъ при составленіи Судебныхъ Уставовъ весьма подробному и тщательному обсужденію, причемъ въ составлявшей проектъ уставовъ комиссіи послѣдовало крупное разногласіе. Тридцать членовъ комиссіи, ссылаясь на чисто состязательный характеръ гражданскаго процесса, находили такой разспросъ совершенно недопустимымъ, какъ содержащій элементъ слѣдственнаго начала. Остальные же 16 членовъ, напротивъ того, высказались за разспросъ тяжущихся, указывая на то, что вызовъ къ разспросу, гдѣ оба тяжущіеся могутъ на словахъ возразить другъ другу, ни въ чемъ не можетъ противорѣчить состязательному началу [2]). Государственный Совѣтъ, въ свою очередь нашелъ правило о вызовѣ самого тяжущагося, несмотря на присутствіе повѣреннаго, несогласнымъ ни съ правомъ каждаго тяжущагося замѣнять себя на судѣ повѣреннымъ, ни съ сущностью состязательнаго процесса, а потому призналъ, что такой „вызовъ не долженъ быть допускаемъ ни по усмотрѣнію самого суда, ни по требованію противной стороны“ [3]).

Опытъ, однако, доказалъ, что иногда вызовъ тяжущагося является настоятельно необходимымъ для выясненія обстоятельствъ дѣла. Поэтому законодательная власть впослѣдствіи узаконила такого рода вызовы въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Такъ, законъ 12 іюня 1890 г., предоставивъ сторонамъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не являться въ судъ, включилъ однако въ Уставъ оговорку о томъ, что отъ суда зависитъ потребовать личной явки истца или отвѣтчика или чрезъ повѣреннаго (ст.ст. 145^{1}, 145^{2}, 719 и 719^{1} Уст.). Затѣмъ вызовъ тяжущихся судомъ для личнаго разспроса допущенъ въ губерніяхъ привислинскихъ и прибалтійскихъ по дѣламъ торговымъ (ст. 1683 и ст. 7 прил. къ ст. 1805). Недостаткомъ нашего Устава въ разсматриваемомъ отношеніи является то, что требованіе суда о личной явкѣ тяжущагося лишено всякой санкціи, такъ что не-

---

[1]) См. напр., касс. рѣш. 1893 г. № 21, 1876 г. № 150 и мн. др.

[2]) Объясн. зап. 1863 г. стр. 287.

[3]) Журн. 1864 г., № 44, стр. 5.

исполненіе его не влечетъ для тяжущагося никакихъ отрицательныхъ послѣдствій.

Та осторожность, съ которой составители Судебныхъ Уставовъ допускали отступленія отъ состязательнаго начала, сдѣлалась особенно чувствительною въ послѣднее время, когда въ юридической литературѣ вообще въ значительной мѣрѣ поколебалась безусловная вѣра въ необходимость строгаго приведенія въ гражданскомъ процессѣ состязательнаго начала безъ всякихъ отъ него отступленій. Дѣйствительно, въ настоящее время едва ли можно найти такого процессуалиста, который защищалъ бы состязательное начало въ безусловно чистомъ видѣ; господствующимъ же въ новѣйшей юридической литературѣ является мнѣніе о необходимости извѣстнаго сочетанія состязательнаго начала съ слѣдственнымъ, путемъ предоставленія суду болѣе или менѣе активнаго положенія въ процессѣ [1]). Этотъ взглядъ нашелъ себѣ полное отраженіе и въ новѣйшихъ законодательствахъ Западной Европы, вставшихъ болѣе или менѣе рѣшительно на точку зрѣнія необходимости нѣкотораго ограниченія состязательности. Такъ уже въ 1877 г. германскій уставъ возложилъ на судъ обязанность путемъ разспроса тяжущихся добиваться того, чтобы были выяснены неясныя заявленія, восполнены недостаточныя фактическія свѣдѣнія, указаны нужныя доказательства, вообще были представлены объясненія, необходимыя для установленія фактической стороны дѣла (§ 139). Вмѣстѣ съ тѣмъ суду предоставлено право требовать личной явки сторонъ для выясненія фактическихъ данныхъ (§ 141). Кромѣ того суду предоставляется по своему усмотрѣнію требовать отъ тяжущихся предъявленія имѣющихся у нихъ актовъ и документовъ (§§ 142 и 143), назначать осмотры на мѣстѣ и допросы свѣдущихъ людей (§ 144) и возлагать обязательную присягу на одного изъ тяжущихся (§ 475). Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ закономъ 1 іюня 1909 г., установившимъ, что мировой судья „обязанъ выяснять фактическую сторону дѣла вмѣстѣ съ сторонами и содѣйствовать тому, чтобы стороны дали полныя объясненія по всѣмъ важнѣйшимъ обстоятельствамъ". По мнѣнію же комментаторовъ это поста-

---

[1]) См. напр., Canstein. Die ration. Grundlagen, стр. 230—234; подробнѣе у Гольмстена. Юрид. изслѣд. и статьи, стр. 404 и сл., и у Васьковскаго. Курсъ, I, стр. 395 и сл.

новленіе возлагаетъ на судью обязанность прямо помогать той сторонѣ, которая не умѣетъ въ достаточной мѣрѣ защищать свои права и даже какъ бы научать ее въ отношеніи принадлежащихъ ей процессуальныхъ правъ [1]).

Еще гораздо дальше въ этомъ направленіи пошелъ австрійскій уставъ 1895 г., предоставившій суду, кромѣ правъ, указанныхъ въ германскомъ уставѣ, еще требовать отъ сторонъ предъявленія всякихъ вообще вещественныхъ доказательствъ, а также назначать допросъ свидѣтелей, показанія которыхъ могутъ служить къ разъясненію существенныхъ для дѣла обстоятельствъ. Затѣмъ единственнымъ ограниченіемъ этихъ широкихъ правомочій является то, что относительно документовъ и свидѣтелей они не могутъ быть осуществлены, если обѣ стороны на это несогласны (§ 183). Единоличнымъ же судьямъ прямо предписывается давать неопытнымъ въ судебныхъ дѣлахъ лицамъ надлежащія наставленія по совершенію ими процессуальныхъ дѣйствій и предварять ихъ о послѣдствіяхъ, связанныхъ съ совершеніемъ или несовершеніемъ такихъ дѣйствій (§§ 432 и 435). Предоставленіе суду такихъ широкихъ правъ привело даже къ тому, что въ юридической литературѣ высказывалось мнѣніе о томъ, будто австрійскій процессъ долженъ считаться въ настоящее время построеннымъ не на состязательномъ, а на слѣдственномъ началѣ [2]).

Такое направленіе новѣйшихъ законодательствъ и юридической литературы не могло не отозваться и на нашемъ процессѣ. Дѣйствительно, первые и весьма серьезные шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда.

Такъ, прежде всего, при начертаніи этого закона было обращено вниманіе на то, что судебныя мѣста, опираясь на букву закона, отказываются отъ собиранія въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и такихъ свѣдѣній, которыя вовсе къ существу дѣла не относятся, и требуютъ представленія самими сторонами подобныхъ справокъ, усугубляя тѣмъ издержки производства и трудъ по веденію дѣла. Вслѣдствіе этого и въ видахъ возможнаго облегченія веденія дѣлъ у единоличныхъ судей, послѣднимъ

---

[1]) Напр., Delius. Die Civilprozessordnung, стр. 347.

[2]) См.напр., Schrutka Edler v. Rechtenstamm. Grundriss des Civilprozessrechts, 1909 г., S. 112.

предоставлено право пріобщать къ дѣлу подобныя справочныя свѣдѣнія, поскольку они находятся въ дѣлахъ того мирового судьи, которымъ разсматривается данное дѣло (ст. 82).

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено было, что строгое проведеніе принципа состязательности, выраженнаго въ ст. 82 Устава, встрѣчаетъ особенно серьезныя затрудненія у единоличныхъ судей въ виду малаго юридическаго развитія нашего народа. Поэтому и въ цѣляхъ возможнаго огражденія менѣе развитого класса населенія отъ эксплоатаціи со стороны болѣе опытныхъ въ судебныхъ дѣлахъ противниковъ, мировому судьѣ предоставлено право требовать представленія такихъ доказательствъ, на которыя стороны указывали въ своихъ объясненіяхъ, хотя бы онѣ прямо на нихъ и не ссылались (ст. 82^1).

Затѣмъ нѣкоторыя отступленія отъ принципа состязательности допущены по отношенію къ искамъ о доходахъ и убыткахъ, въ случаѣ предъявленія которыхъ истецъ даже при самомъ тщательномъ и заботливомъ веденіи дѣла не можетъ иногда достичь полной достовѣрности указываемыхъ имъ отдѣльныхъ цифръ. Поэтому и по примѣру § 260 герм. уст. и § 273 австр. уст., въ Уставъ включено указаніе на то, что въ этихъ случаяхъ мировой судья можетъ назначить истцу вознагражденіе по своему справедливому усмотрѣнію, основанному на соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла (ст. 135^1) [1]). Согласно желанію Общаго Собранія Государственной Думы это послѣднее постановленіе распространено и на коллегіальные суды (ст. 706^1) [2]).

Наконецъ, въ отступленіе отъ состязательнаго начала суду предоставлено право примѣнять, по собственному усмотрѣнію, необходимыя мѣры для установленія обычая въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе обычая по закону обязательно (ст. ст. 10^1 и 10^2) [3]).

Въ ближайшей связи съ ученіемъ о состязательномъ началѣ стоитъ весьма трудный и сложный вопросъ гражданскаго про-

---

[1]) Объясн. зап. мин. юст., стр. 139—141; докл. ком. Госуд. Думы, стр. 6.

[2]) Стенограф. отч., сессія VII, 1912 г., стр. 2158.

[3]) Впрочемъ это есть прямой выводъ изъ принципа „iura novit curia". Ср. объясн. зап. мин. юст., стр. 142—144; стен. отч. Госуд. Думы 1910 г., II, 557—563; III, 2322—2325; Журн. ком. Гос. Сов. 3 дек. 1911 г. № 26, стр. 4—6.

цесса—о значеніи неявки сторонъ въ судъ вообще, и въ частности, о такъ называемомъ заочномъ производствѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ исторіи современнаго гражданскаго процесса обнаруживаются три различныя точки зрѣнія по этому вопросу, которыя, однако, всѣ коренятся въ принципахъ римскаго процесса. Послѣдній всегда исходилъ изъ того принципа, что процессъ можетъ возникнуть лишь при условіи совершенно опредѣленнаго двусторонняго процессуальнаго акта (litis contestatio), при непремѣнномъ участіи въ этомъ обоихъ тяжущихся лицъ [1]). До совершенія же этого акта (сущность котораго измѣнялась въ различные періоды римскаго права) процессъ вовсе не считался возникшимъ. Приэтомъ неявка сторонъ въ судъ влекла за собою совершенно различныя послѣдствія въ зависимости отъ того, имѣла ли она мѣсто до или послѣ возникновенія процесса. Въ первомъ случаѣ неявка истца влекла за собою только прекращеніе производства, неявка же отвѣтчика давала истцу право на принятіе извѣстныхъ обезпечительныхъ мѣръ, состоявшихъ, главнымъ образомъ, въ предоставленіи всего или части имущества отвѣтчика въ его временное владѣніе (missio in bona), которое однако могло быть прекращено по требованію отвѣтчика, если послѣдній явится и приметъ на себя защиту (defensio) въ теченіе опредѣленнаго срока. Тогда процессъ возобновлялся снова, причемъ однако отвѣтчикъ выступалъ иногда какъ бы въ роли истца, отыскивающаго свое имущество изъ чужого владѣнія [2]). При неявкѣ же кого либо изъ тяжущихся послѣ возникновенія процесса, т. е. къ тому дню, который назначенъ былъ судомъ для разсмотрѣнія дѣла по существу (lis deserta), явившійся имѣлъ право—въ древнѣйшемъ періодѣ—требовать постановленія рѣшенія въ его пользу (praesenti lis addicitur) [3]), а въ позднѣйшемъ—разсмотрѣнія дѣла на основаніи односторонне представленныхъ имъ объясненій (eremodicium). При этомъ, однако, судъ исходилъ изъ предположенія, что противникъ не согласенъ съ доводами просителя и поэтому могъ признать ихъ пра-

---

[1]) Гольмстенъ. Принципъ тождества, 1884 г., стр. 101 и сл.; Bethmann-Hollweg. Der römische Civilprozess, 1865, II, стр. 478 и сл.; III, стр. 251 и сл.

[2]) Bethmann-Hollweg, н. с., стр. 555 и сл.; III, стр. 300 и сл.; Endemann, н. с., стр. 454 и сл.

[3]) Bethmann-Hollweg, II, стр. 603 и сл.; Endemann, н. с., стр. 455 и сл.

вильными, если только они подтверждаются достаточными доказательствами (si bonam causam habet) [1]).

Въ каноническомъ, а затѣмъ и „общемъ" германскомъ правѣ было всецѣло рецепировано это послѣднее правило, причемъ, въ виду исчезновенія необходимости участія обѣихъ сторонъ въ моментъ возникновенія процесса [2]), оно было распространено на всѣ вообще случаи неявки тяжущихся въ судъ. Такимъ образомъ неявка какъ истца, такъ и отвѣтчика всегда влекла одинаковыя послѣдствія—право явившагося требовать разрѣшенія дѣла на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ [3]).

Эта точка зрѣнія подверглась существенному измѣненію въ прусскомъ уставѣ 1793 г., который, примѣнясь къ древнѣйшему римскому праву, установилъ, что неявившійся отвѣтчикъ считается признавшимъ требованія истца правильными и поэтому долженъ быть во всякомъ случаѣ присужденъ къ удовлетворенію иска (1, 8, § 10). Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе можетъ быть поколеблено только просьбою о „реституціи" и при этомъ въ случаѣ представленія отвѣтчикомъ уважительныхъ причинъ его неявки (1, 14, §§ 71 и 76) [4]). При неявкѣ истца производство по дѣлу прекращается (1, 20, § 19). Эта система была впослѣдствіи воспроизведена во многихъ партикулярныхъ германскихъ законодательствахъ [5]), которыя вообще провозглашали тотъ принципъ, что факты, неоспоренные противною стороною, должны считаться признанными ею [6]).

Наконецъ, на совершенно иную почву всталъ французскій уставъ, принявшій цѣликомъ ту систему, которая существовала въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ юстиніановскаго періода. Уставъ этотъ различаетъ въ этомъ отношеніи два момента въ процессѣ: до подачи повѣренными сторонъ своихъ объясненій суду (mise en état) неявка одного изъ тяжущихся даетъ другому

---

[1]) Bethmann-Hollweg, н. с., III, стр. 307 и сл.; Endemann, н. с., стр. 456 и сл.

[2]) Вѣрнѣе—настоящая litis contestatio была замѣнена фиктивною; ср. Гольмстенъ. Юрид. изслѣд., стр. 106.

[3]) Впрочемъ отвѣтчикъ имѣлъ право требовать и просто прекращенія дѣла (absolutio ab instantia): Wetsell. System, стр. 605; Endemann, н. с., стр. 458 и сл.; Renaud, Lehrbuch, стр. 442 и сл.

[4]) Тоже самое было постановлено для суммарнаго производства въ законѣ 1 іюня 1833 г. (ст. 12).

[5]) Напр., ганноверскій уст., §§ 368, 369; баденскій уст., § 326; ср. Renaud, н. с. стр. 446; Endemann, н. с., стр. 461.

[6]) Renaud, н. с., стр. 452.

право требовать постановленія заочнаго рѣшенія (prendre défaut) въ его пользу, если представленныя имъ доказательства достаточны (justes et bien vérifiées; art. 150). Такое рѣшеніе признается завѣдомо несовершеннымъ и отсутствовавшій тяжущійся можетъ подать просьбу о его пересмотрѣ (opposition), не подтверждая ее при этомъ никакими доводами или доказательствами (§§ 157 и 158). Послѣ же „mise en état“ можетъ быть постановлено только обыкновенное состязательное рѣшеніе, подлежащее обжалованію на общемъ основаніи [1]).

Что же касается, затѣмъ, нашего дореформеннаго законодательства, то по правильному замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ [2]), въ немъ вообще не былъ опредѣленъ порядокъ постановленія и обжалованія заочныхъ рѣшеній въ случаѣ неявки тяжущихся къ суду. Единственное указаніе по этому предмету содержалось въ статьѣ 290, постановлявшей, что „въ случаѣ непредставленія отвѣта въ установленные сроки, безъ достаточныхъ къ тому препятствій, дѣло рѣшается по имѣющимся въ ономъ доказательствамъ“. Въ примѣчаніи же къ этой статьѣ было оговорено, что срокъ на обжалованіе заочнаго рѣшенія полагается тотъ же, какой установленъ вообще на обжалованіе судебныхъ рѣшеній. Въ противоположность этому въ главѣ „о производствѣ дѣлъ судомъ по формѣ“ постановлялось, что въ случаѣ неявки отвѣтчика „онъ обвиняется въ искѣ безъ суда (то есть, безъ судоговоренія), исключая дѣлъ крѣпостныхъ, по коимъ рѣшеніе постановляется по обрѣтающимся въ дѣлѣ обстоятельствамъ“ (ст. 1074) [3]). Эти хотя и скудныя, но совершенно ясныя постановленія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наше прежнее законодательство покоилось отчасти на приведенныхъ выше принципахъ „общаго“ германскаго процесса, заимствованныхъ изъ римскаго „eremodicium“, а отчасти на началахъ прусскаго устава 1793 г., и, въ сущности говоря, вовсе не знало „заочныхъ“ рѣшеній въ современномъ смыслѣ этого слова.

Составители Судебныхъ Уставовъ съ особенно тщательнымъ вниманіемъ остановились на этомъ вопросѣ, причемъ въ средѣ членовъ редакціонной комиссіи послѣдовало очень крупное раз-

---

[1]) Garçonnet. Précis, 1897 г., стр. 436 и сл.

[2]) Журн. 1859 г., о главн. началахъ, стр. 21.

[3]) Въ примѣчаніи къ этой статьѣ было разъяснено, что „дѣлами крѣпостными“ въ уложеніи 1649 года назывались всѣ дѣла по письменнымъ договорамъ и обязательствамъ.

ногласіе. Четырнадцать ея членовъ находили, что право подачи отзыва должно быть предоставлено только такимъ отвѣтчикамъ, „о которыхъ можно, по всей справедливости, предположить, что они вовсе не знаютъ о предъявленномъ противъ нихъ искѣ". Поэтому они предполагали признавать заочнымъ только такое рѣшеніе, которое постановлено противъ отвѣтчика, неподавшаго или неприславшаго отвѣта на исковое прошеніе въ назначенный судомъ срокъ. Девятнадцать же членовъ полагали, что въ виду положеннаго въ основаніе новаго процесса начала устности, постановленіе заочнаго рѣшенія должно являться послѣдствіемъ неявки отвѣтчика къ словесному состязанію, хотя бы имъ и было представлено въ судъ письменное объясненіе. Это послѣднее мнѣніе и было выражено въ статьяхъ 719—735 Устава, изд. 1864 г.

Такимъ образомъ, въ нашемъ процессѣ была создана совершенно новая конструкція заочнаго рѣшенія, неизвѣстная прежнимъ процессуальнымъ системамъ: съ одной стороны—была заимствована точка зрѣнія французскаго (и юстиніановскаго) права на заочное рѣшеніе, какъ на такое, которое можетъ быть уничтожено въ упрощенномъ порядкѣ, путемъ подачи отзыва, а не апелляціи,—съ другой же стороны—право подачи отзыва было допущено не только въ случаѣ полнаго невступленія отвѣтчика въ процессъ (litis contestatio), но и въ случаѣ неявки его къ словесному состязанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно было отвергнута точка зрѣнія прусскаго права о возможности „безсуднаго" осужденія отвѣтчика (praesenti lis addicitur) и было установлено, что заочнымъ рѣшеніемъ истцу присуждается только „требованіе, имъ доказанное" (eremodicium). Въ случаѣ же неявки истца отвѣтчикъ могъ просить о прекращеніи производства дѣла и о взысканіи съ истца судебныхъ издержекъ и убытковъ, причиненныхъ ему вызовомъ въ судъ (ст. 718, п. 2).

Эти постановленія Устава о заочныхъ рѣшеніяхъ однако уже очень скоро послѣ введенія его въ дѣйствіе оказались страдающими однимъ весьма серьезнымъ недостаткомъ. Дѣло въ томъ, что по общему правилу заочное рѣшеніе подлежало объявленію отвѣтчику путемъ доставленія ему копіи его (ст. 725), причемъ срокъ на подачу отзыва исчислялся имъ со времени врученія такой копіи или со времени предъявленія повѣстки объ исполненіи, смотря по тому, что прежде послѣдовало (ст. 728). Резолюція

же заочнаго рѣшенія, постановленнаго противъ отвѣтчика, мѣстожительство коего не было указано истцомъ, публиковалась въ вѣдомостяхъ (ст. 726), причемъ въ этомъ случаѣ срокъ на подачу отзыва полагался со дня публикаціи (ст. 728). А такъ какъ публикаціи эти никто не читалъ, то недобросовѣстные истцы получали возможность, путемъ умышленнаго сокрытія свѣдѣній о мѣстѣ жительства отвѣтчика, добиваться постановленія въ ихъ пользу рѣшеній противъ совершенно ни въ чемъ неповинныхъ лицъ [1]). Поэтому закономъ 17 января 1878 г. постановленія эти были измѣнены въ томъ смыслѣ, что 1) отмѣнена особенность исчисленія сроковъ для принесенія отзывовъ на заочныя рѣшенія противъ отвѣтчиковъ, мѣсто жительства коихъ неизвѣстно (ст. 728), 2) допущено предварительное исполненіе заочныхъ рѣшеній (ст. 737) и 3) установленъ особый видъ просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній судебныхъ палатъ, постановленныхъ противъ отвѣтчиковъ, мѣсто жительства которыхъ не было указано (ст. 794, п. 2). Необходимость допустимости подобнаго рода просьбъ обусловливалась тѣмъ соображеніемъ, что если истецъ, въ случаѣ неявки отвѣтчика, проиграетъ дѣло въ окружномъ судѣ и перенесетъ его по апелляціи въ судебную палату, то рѣшеніе послѣдней, хотя бы и постановленное противъ неявившагося отвѣтчика, всетаки не считается заочнымъ и отзыву не подлежитъ. Благодаря этому, недобросовѣстные истцы могли бы умышленно проигрывать дѣло въ окружномъ судѣ и представлять доказательства въ судебную палату, дабы лишить отвѣтчика права отзыва [2]).

Діаметрально противоположные цѣли преслѣдовалъ позднѣйшій законъ 12 іюня 1890 г.: если законъ 1878 г. имѣлъ своею главною и исключительною цѣлью борьбу съ недобросовѣстными истцами, то законъ 1890 г., напротивъ того, былъ направленъ на огражденіе истцовъ отъ злоупотребленія правомъ подачи отзыва со стороны недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ. По удостовѣренію Министерства Юстиціи [3]) практика какъ общихъ, такъ и мировыхъ судебныхъ установленій уже въ то время свидѣтельствовала о томъ, что право подачи отзывовъ служитъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ излюбленнымъ средствомъ

[1]) Предст. мин. юст. 28 января 1877 г. № 1703, стр. 1 и 2.
[2]) Тамъ же, стр. 6—9.
[3]) Предст. 2 апрѣля 1890 г. № 10857, стр. 2.

къ замедленію процессовъ. При проектированіи тѣхъ мѣръ, путемъ которыхъ можно бы бороться съ подобнаго рода нежелательными явленіями, Министерство Юстиціи, прежде всего, совершенно отвергло мысль какъ о полной отмѣнѣ права отзыва, такъ и объ ограниченіи его такими случаями, когда отвѣтчикъ докажетъ, что неявка его вызвана какими-либо уважительными причинами [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство Юстиціи остановилось на мысли о томъ, что главными причинами наблюдавшихся на практикѣ неблагопріятныхъ послѣдствій заочнаго разбирательства являются два слѣдующія обстоятельства: 1) что принесеніе отзыва лишаетъ заочное рѣшеніе всякой силы (ст. 731) и 2) что предварительное исполненіе заочнаго рѣшенія противъ отвѣтчика, мѣсто жительства коего было указано суду, допускается не всегда, а только въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 737. Къ устраненію этихъ недостатковъ заочнаго разбирательства и былъ направленъ законъ 12 іюня 1890 г., сущность котораго сводится къ слѣдующимъ немногимъ положеніямъ: 1) установлено, что заочное рѣшеніе теряетъ силу только за воспослѣдованіемъ новаго (ст. 731); 2) допущено предварительное исполненіе всѣхъ заочныхъ рѣшеній (ст.ст. 138^1 и 737^1) и 3) срокъ для принесенія аппеляціонныхъ жалобъ на заочныя рѣшенія постановлено исчислять какъ для истца, такъ и для отвѣтчика со дня сообщенія отвѣтчику выписки изъ рѣшенія или предъявленія ему повѣстки объ исполненіи (ст.ст. 155 и 734).

Кромѣ того закономъ этимъ отвѣтчику предоставлено право требовать, въ случаѣ неявки истца, постановленія рѣшенія по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ (ст.ст. 145 и 718).

Затѣмъ, при начертаніи этого закона было обращено вниманіе на то, что по первоначальной редакціи ст. 719 Устава отвѣчику было предоставлено право просить о разсмотрѣніи дѣла въ его отсутствіе. Истецъ же этого права былъ лишенъ и, слѣдовательно, на него возлагалась обязанность во всякомъ случаѣ явиться въ судъ подъ опасеніемъ прекращенія дѣла (ст. 718). Между тѣмъ иногда требованія истца столь безспорны,

---

[1]) Предст. 2 апрѣля 1890 г. № 10857, стр. 2—7. Весьма любопытны подробныя соображенія Министерства Юстиціи по второму изъ этихъ вопросовъ, содержащія, въ скрытомъ видѣ, сокрушительную критику постановленій по этому предмету, содержавшихся въ правилахъ 29 декабря 1889 г. о производствѣ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.

что обязательная явка въ судъ его или присылка имъ повѣреннаго представляется совершенно излишнею и безполезною [1]). Въ виду этого закономъ 12 іюня 1890 г. истцу было предоставлено право просить судъ о разрѣшеніи дѣла въ его отсутствіе, причемъ однако отъ суда зависѣло, въ случаѣ признанной имъ необходимости, потребовать явки истца въ судъ лично или черезъ повѣреннаго (ст. 719[1]). Это послѣднее право было предоставлено суду и въ отношеніи отвѣтчика (ст. 719).

Наконецъ этимъ же закономъ, въ видахъ смягченія правила о предварительномъ исполненіи заочныхъ рѣшеній, было установлено, что въ этихъ случаяхъ продажа арестованнаго или отнятаго имущества отсрочивается на 1 мѣсяцъ, а по дѣламъ, производящимся въ обыкновенномъ порядкѣ, даже до 6 недѣль (ст. 924[1]).

Дальнѣйшее, хотя и второстепенное измѣненіе въ разсматриваемой области было произведено закономъ 23 марта 1912 г., которымъ была вовсе отмѣнена ст. 726 Устава [2]), предписывавшая публикацію въ вѣдомостяхъ заочныхъ рѣшеній противъ отвѣтчиковъ, мѣсто жительства коихъ не было указано суду. Отмѣна эта мотивировалась тѣмъ, совершенно правильнымъ, соображеніемъ, что послѣ воспослѣдованія закона 17 января 1878 г. [3]) публикаціи эти утратили всякое практическое значеніе и вызывали только лишніе и притомъ безцѣльные расходы [4]).

Изложенное развитіе нашего законодательства относительно заочныхъ рѣшеній получило свое завершеніе въ законѣ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда.

Министерство Юстиціи, исходя въ этомъ отношеніи изъ соображеній составителей Судебныхъ Уставовъ, находило, что въ виду положенной въ основаніе правилъ о заочныхъ рѣшеніяхъ презумпціи о неизвѣстности отвѣтчику предъявленнаго противъ него иска, наиболѣе правильнымъ было бы не допускать отзывъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта презумпція оказывается несоотвѣтствующей дѣйствительности. Сюда же могутъ быть отнесены три категоріи случаевъ: 1) когда отвѣтчикъ лично получилъ повѣстку о вызовѣ къ суду; 2) когда онъ принималъ

---

[1]) Предст. мин. юст. 2 апрѣля 1890 г, № 10857, стр. 38—40.

[2]) А также ст. 726[1], касавшаяся Кубанской и Терской областей.

[3]) См. выше, стр. 542.

[4]) Предст. мин. юст. 25 февр. 1910 г., стр. 12 и 13; докладъ ком. Гос. Думы № 326, стр. 3.

лично или черезъ повѣреннаго какое либо участіе въ дѣлѣ и 3) когда онъ находился при слушаніи дѣла въ залѣ засѣданія, но объясненій, по требованію суда, не представилъ [1]). Эти предположенія Министерства Юстиціи, послѣ долгихъ и оживленныхъ дебатовъ, были приняты Общимъ Собраніемъ Государственной Думы [2]). Однако Государственный Совѣтъ нашелъ, что одно врученіе повѣстки лично отвѣтчику не можетъ служить доказательствомъ намѣреннаго уклоненія его отъ явки въ судъ, такъ какъ неявка его можетъ иногда произойти по другимъ причинамъ, отъ него независящимъ. Поэтому Государственный Совѣтъ нашелъ необходимымъ помѣстить въ законѣ указаніе только на два послѣдніе изъ приведенныхъ выше случаевъ [3]).

Согласно съ этимъ и были редактированы статьи 149^{1} и 721^{1} устава по закону 15 іюня 1912 г.

За этимъ нововведеніемъ нельзя не признать весьма серьезное значеніе съ теоретической точки зрѣнія, такъ какъ благодаря ему въ нашемъ Уставѣ оказалось проведеннымъ съ полной послѣдовательностью то положеніе, что заочнымъ считается только такое рѣшеніе, которое постановлено безъ участія въ дѣлѣ отвѣтчика. Тѣмъ самымъ нашъ Уставъ сблизился съ уставомъ французскимъ, уже давно державшимся именно этого принципа. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ Уставъ, опять таки по примѣру французскаго, съ одной стороны—допускаетъ постановленіе заочнаго рѣшенія лишь по провѣркѣ представленныхъ доказательствъ, а съ другой—не требуетъ при заявленіи отзыва указанія на основанія неявки отвѣтчика. Наконецъ, благодаря этому же нововведенію все ученіе о заочномъ производствѣ по нашему Уставу перешло, такъ сказать, изъ области ученія объ устности гражданскаго процесса въ область ученія о состязательномъ его характерѣ [4]).

---

[1]) Представ. мин. юст., постат. объясн., стр. 113 и 114.

[2]) Стеногр. отчетъ, 1910 г., II, 682; III, 2338—2353.

[3]) Журн. ком. Гос. Сов.

[4]) Въ связи съ ученіемъ о заочныхъ рѣшеніяхъ стоитъ также законъ 12 марта 1914 г. (Собр. Узак., ст. 904) о назначеніи защитниковъ при исполненіи судебныхъ рѣшеній, касающихся отвѣтчиковъ, мѣсто жительства которыхъ неизвѣстно. Законъ этотъ имѣетъ своею цѣлью обезпечить возможность исполненіе судебныхъ рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ, когда повѣстка объ исполненіи не можетъ быть вручена отвѣтчику въ порядкѣ ст. 942^{1} Устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ приведенія рѣшенія къ исполненію, право отвѣтчика на принесеніе отзыва на заочное рѣшеніе ограничено трехлѣтнимъ срокомъ (ст. 967^{10}).

Если теперь мы попробуемъ сравнить современное положеженіе нашего законодательства о заочныхъ рѣшеніяхъ съ постановленіями по этому предмету новѣйшихъ западно-европейскихъ уставовъ, то едва ли преимущество окажется на сторонѣ послѣднихъ.

Такъ, германскій уставъ, принялъ въ данномъ случаѣ крайне своеобразную и притомъ безусловно непослѣдовательную конструкцію, основанную на смѣшеніи совершенно противоположныхъ принциповъ. Прежде всего онъ остался на точкѣ зрѣнія прусскаго устава, согласно которой неявка отвѣтчика имѣла значеніе признанія съ его стороны правильными всѣхъ фактическихъ утвержденій истца (§ 331), вслѣдствіе чего судъ не только не обязанъ, но и не въ правѣ останавливаться на ихъ провѣркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ допустилъ, по примѣру французскаго устава, возможность принесенія отсутствующимъ тяжущимся немотивированнаго отзыва (§ 338), причемъ право принесенія отзыва признается какъ за истцомъ, такъ и за отвѣтчикомъ. При этомъ подъ „неявкою" понимается неявка тяжущагося къ словесному состязанію, такъ что одно участіе въ письменномъ состязаніи не превращаетъ рѣшенія въ состязательное. Наконецъ, наиболѣе любопытнымъ является постановленіе § 332, согласно которому заочное рѣшеніе, подлежащее отзыву, можетъ быть постановлено въ случаѣ неявки одной изъ сторонъ не только къ первому засѣданію, но и къ одному изъ послѣдующихъ, назначаемыхъ для словеснаго состязанія. Въ законодательныхъ мотивахъ это своеобразное постановленіе оправдывалось принятымъ въ проектѣ началомъ „единства устнаго состязанія"—соображеніе, открывшее двери для безпредѣльнаго затягиванія процесса по желанію тяжущихся и едва ли правильное съ теоретической точки зрѣнія [1]).

Что же касается австрійскаго устава, то онъ впалъ въ другую крайность, совершенно отвергнувъ возможность подачи отзыва на заочное рѣшеніе и допустивъ противъ такого рѣшенія только апелляцію (§ 461) или просьбу о возстановленіи, по уважительнымъ причинамъ, въ прежнее положеніе (§ 146). Засимъ, самое понятіе заочнаго рѣшенія оказалось сохраненнымъ лишь въ цѣляхъ указанія на нѣкоторыя особенности въ самомъ

[1]) Hellwig. System, I, стр. 641 и 645; Weismann. Lehrbuch, I, 1903 г., § 93, IV, 1.

его постановленіи, заключающіяся главнымъ образомъ въ сохраненіи презумпціи дореформеннаго процесса о признаніи неявившимся тяжущимся приводимыхъ его противникомъ фактическихъ данныхъ (§ 395). При этомъ письменныя объясненія, высланныя неявившимся тяжущимся къ состязательному состязанію, вовсе не принимаются въ соображеніе (§ 397), но судъ обязанъ имѣть въ виду заявленія и указанія, изложенныя въ подготовительныхъ бумагахъ (§ 399). Наконецъ, рѣзкое отличіе отъ германскаго устава заключается въ томъ, что возможность постановленія заочнаго рѣшенія обусловливается не только неявкою отвѣтчика въ первое засѣданіе, но и непредставленіемъ имъ своевременно письменнаго отвѣта; въ этомъ случаѣ даже явка его въ засѣданіе не препятствуетъ постановкѣ заочнаго рѣшенія, причемъ словесныя его объясненія вовсе не принимаются во вниманіе (§ 399) [1]).

Такимъ образомъ, если германскій уставъ заставляетъ судью, при постановленіи заочнаго рѣшенія противъ неявившагося въ засѣданіе отвѣтчика, не принимать во вниманіе письменныхъ объясненій послѣдняго, то австрійскій, наоборотъ, запрещаетъ судьѣ принимать во вниманіе словесныя объясненія отвѣтчика, явившагося въ засѣданіе, но не подавшаго своевременно письменнаго отвѣта. Въ обоихъ случаяхъ проявляется тотъ элементъ процессуальнаго формализма, благодаря которому судья можетъ иногда оказаться вынужденнымъ постановить рѣшеніе, коренным образомъ противорѣчащее его внутреннему убѣжденію.

---

2. Начало устности.

„Письменный характеръ гражданскаго процесса зависитъ не отъ того, что въ немъ вообще что нибудь пишется, а тѣмъ болѣе не отъ того, много или мало пишется. Письменнымъ процессъ становится только тогда, когда письменные акты считаются за единственное основаніе судебнаго рѣшенія“ [2]), т. е.

---

[1]) Ullmann. Grundriss des Civilprozessrechts, 1900, стр. 127, 128; Katz. Das Urteil im neuen Oester. Civilprozesse, стр. 66—84; Hellwig. System, стр. 34.

[2]) Endemann. Das Deutsche Civilprozessrecht, 1868, стр. 357, 358; ср. Нефедьевъ. Основныя начала гражд. судопроизводства. 1895 г., стр. 11.

когда законодатель требуетъ, чтобы судъ принималъ въ соображеніе только то, что заключается въ поданныхъ тяжущимися бумагахъ и судебныхъ протоколахъ, согласно принципу „quod non est in actis, non est in mundo".

Въ этой чистой своей формулировкѣ принципъ письменности началъ развиваться въ средніе вѣка въ каноническомъ и свѣтскомъ процессахъ, но окончательнаго развитія онъ достигъ значительно позже, приблизительно къ XVII вѣку, въ тѣсной связи съ появившимся въ то время, такъ называемымъ, эвентуальнымъ принципомъ и происшедшей коренной реформой въ области доказательнаго производства [1]). Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробномъ изложеніи всѣхъ отрицательныхъ сторонъ письменнаго производства: не подлежитъ сомнѣнію, что безусловное и послѣдовательное его проведеніе „повсюду привело къ печальнымъ результатамъ, къ полному упадку правосудія и къ процвѣтанію кляузничества" [2]). Этимъ объясняется то, что уже въ сравнительно давнее время въ Западной Европѣ появилось сильное теченіе къ ослабленію начала письменности путемъ введенія въ гражданскій процессъ устнаго состязанія сторонъ въ присутствіи суда. Такъ уже въ „общемъ" германскомъ процессѣ существовали особые такъ называемые суммарные виды производства, при которыхъ допускалось устное состязаніе сторонъ. Но, какъ выше было уже указано, основаніемъ рѣшенія всетаки служило не непосредственное воспріятіе судомъ словесныхъ объясненій тяжущихся, а тѣ протоколы, въ которыхъ излагались эти объясненія въ письменной формѣ [3]). Рѣшительный шагъ впередъ сдѣлалъ только французскій уставъ 1806 г. Порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ въ коллегіальныхъ судахъ по этому уставу и по позднѣйшимъ узаконеніямъ сводился ко времени изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г., въ краткихъ словахъ, къ слѣдующему: вызовъ отвѣтчика въ судъ передается ему повѣреннымъ (avoué) истца черезъ судебнаго пристава, помимо суда, съ сообщеніемъ сущности иска и имѣющихся у истца доказательствъ, послѣ чего между повѣрен-

---

[1]) Renaud. Lehrbuch, стр, 186 и сл.; Wetzell. System, стр. 890 и сл.

[2]) Васьковскій. Курсъ, I, стр. 445; подробное изложеніе высказывавшихся въ литературѣ взглядовъ см. у него же, стр. 434—442.

[3]) Endemann, н. с., стр. 360; нѣчто подобное было узаконено и въ прусскомъ уставѣ 1793 г.

ными сторонъ происходитъ обмѣнъ состязательными бумагами, остающимися вовсе неизвѣстными суду (art. 61 и сл.). По окончаніи такой подготовки дѣла повѣренные предъявляютъ суду письменныя заключенія (conclusions), содержащія изложеніе всѣхъ объясненій тяжущихся (зак. 30 марта 1808 г.). Засимъ въ слѣдующемъ засѣданіи происходитъ словесное состязаніе (plaidoirie) адвокатовъ (avocats), которое и служитъ впослѣдствіи главнымъ основаніемъ судебнаго рѣшенія [1]) въ связи съ представленными повѣренными тяжущихся „заключеніями". Такимъ образомъ, получается процессъ, основанный на смѣшанномъ—письменномъ и устномъ—началѣ, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, преобладаніемъ послѣдняго. У мировыхъ же судей производство вообще освобождено отъ какихъ-либо формальностей и имѣетъ чисто устный характеръ.

Эти постановленія французскаго устава нашли себѣ серьезный откликъ въ Германіи. Такъ, прежде всего, его примѣру послѣдовали законы 1 іюня 1833 г. и 21 іюля 1846 г. въ Пруссіи, которыми было установлено, что послѣ обмѣна состязательными бумагами, между тяжущимися происходитъ словесное состязаніе въ присутствіи суда. Этому состязанію предшествовалъ словесный докладъ судьи, причемъ словесныя объясненія тяжущихся могли имѣть своимъ предметомъ лишь дополненіе и исправленіе этого доклада. Приведеніе же какихъ либо новыхъ данныхъ, неуказанныхъ въ бумагахъ, вовсе не допускалось. Такимъ образомъ судебныя рѣшенія основывались на устномъ докладѣ члена суда, правильность котораго находилась подъ контролемъ тяжущихся. Эти принципы прусскаго процесса были заимствованы въ цѣломъ рядѣ партикулярныхъ германскихъ законодательствъ [2]).

Значительно далѣе пошелъ ганноверскій уставъ 8 ноября 1850 г., послужившій впослѣдствіи образцомъ для баденскаго устава 18 марта 1864 г. Этотъ уставъ покоился на томъ принципѣ, что устное состязаніе сторонъ, хотя и подготовляется обмѣномъ письменныхъ бумагъ, но является главнымъ основаніемъ судебнаго рѣшенія. Правда, судъ не лишенъ права принимать во вниманіе и тѣ заявленія сторонъ, которыя были

[1]) Garçonnet. Précis, стр. 168 и сл., 187 и сл., 189 и сл.

[2]) Напр. франкфуртскій уставъ 21 окт. 1848 г.; кургессенскій 28 окт. 1863 г. и др. подробнѣе см. у Renaud, н. с., стр. 188 и 189.

сдѣланы въ бумагахъ, но лишь постолько, посколько они не измѣнены тяжущимися при словесномъ состязаніи. Такимъ образомъ безусловное преимущество отдается послѣднему [1]).

Что касается нашего дореформеннаго законодательства, то и оно, по примѣру „общаго" германскаго права, было построено всецѣло на принципѣ строгой письменности. Это выражалось прежде всего въ томъ, что по общему правилу все состязаніе сторонъ сводилось къ обмѣну между ними цѣлаго ряда состязательныхъ бумагъ: вызовъ отвѣтчика производился сообщеніемъ ему копіи искового прошенія (ст. 271), причемъ ему давался срокъ отъ двухъ мѣсяцевъ до 1½ лѣтъ (въ зависимости отъ способа врученія вызова и мѣста жительства отвѣтчика) на представленіе отвѣта (ст. 289). Послѣ этого истцу предоставлялось подать въ мѣсячный срокъ возраженіе, а затѣмъ отвѣтчику въ такой же срокъ—опроверженіе (ст. 296). Хотя такимъ образомъ по буквальному смыслу закона тяжущимся предоставлялось подавать только четыре письменныя бумаги, но по удостовѣренію самого Свода Законовъ (прим. къ ст. 297) „правило сіе не соблюдалось, ибо по одному и тому же вотчинному дѣлу принимаемы были, отъ двухъ или трехъ спорящихъ, прошеній тридцать и болѣе". Послѣ окончанія письменнаго состязанія, ни та ни другая сторона не могутъ уже подавать „пополнительныхъ прошеній ни въ оправданіе ни въ опроверженіе" (ст. 297). Такимъ образомъ, содержаніе поданныхъ тяжущимися бумагъ совершенно предопредѣляло предѣлы судебнаго производства. На основаніи этихъ бумагъ канцеляріею составлялась „докладная записка" (ст. 448), содержавшая „весь ходъ и все существо дѣла съ начала до конца" (ст. 446), т. е., на практикѣ, почти дословное воспроизведеніе состязательныхъ бумагъ и протоколовъ, касавшихся производства по доказательствамъ. Послѣ этого тяжущимся назначался срокъ (отъ 7 дней до 4 мѣсяцевъ) для явки къ прочтенію этой записки и рукоприкладства (ст.ст. 448, 450 и сл.) и, сверхъ того, особый срокъ на самое совершеніе послѣдняго (отъ 2 недѣль и болѣе, смотря по размѣрамъ записки: ст. 454). Подписанная тяжущимися записка докладывалась секретаремъ присутствію суда (ст. 462). При докладѣ имѣли право присутствовать тяжущіеся или ихъ повѣренные (ст. 465)

---

[1]) Leonardt. Das Civilprozessverfahren des König. Hannover, 1861, стр. 45 и сл.

и, если бы замѣтили что либо упущеннымъ, то могли объ этомъ заявлять суду, „удерживаясь отъ всякихъ споровъ“ (ст. 467). Этотъ докладъ и являлся единственнымъ матеріаломъ, на которомъ судъ основывалъ свое рѣшеніе.

Такимъ образомъ, та система, которая была принята въ нашемъ дореформенномъ процессѣ, была наиболѣе близка къ системѣ прусскихъ законовъ 1833 и 1846 г.г., требуя, какъ и послѣдніе, письменнаго изложенія тяжущимися ихъ доводовъ и соображеній, устанавливая докладъ дѣла на основаніи состязательныхъ бумагъ и допуская словесныя объясненія сторонъ только въ дополненіе къ такому докладу.

Выше уже было упомянуто, что, по мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ, полное господство одного письменнаго производства принадлежало къ самымъ серьезнымъ недостаткамъ нашего дореформеннаго процесса и являлось одною изъ причинъ медленности въ ходѣ дѣлъ и излишняго развитія формализма, нерѣдко препятствовавшаго достиженію праваго суда. Исходя изъ такого взгляда, они съ особою тщательностью остановились на вопросѣ о „значеніи словеснаго процесса вообще и письменной инструкціи въ частности“. При этомъ, однако, въ редакціонной комиссіи послѣдовало крупное разногласіе, коренившееся, въ сущности говоря, въ различномъ пониманіи начала устности [1]). Меньшинство членовъ комиссіи (14) полагало желательнымъ установить, что словесному суду должна непремѣнно предшествовать письменная инструкція дѣла, съ ограниченіемъ числа состязательныхъ бумагъ четырьмя и съ тѣмъ, чтобы тяжущіеся не имѣли права во время словеснаго состязанія приводить такія доказательства, о которыхъ они не упоминали въ поданныхъ на судѣ состязательныхъ бумагахъ [2]). Нельзя не согласиться съ указаніемъ большинства членовъ комиссіи (19) на то, что проектъ меньшинства въ сущности оставлялъ почти безъ измѣненія существовавшій до того письменный порядокъ [3]), сходясь отчасти съ прусскими законами 1833 и 1846 г.г.

---

[1]) На это совершенно правильно указано въ мнѣніи большинства комиссіи; см. объясн. зап. 1863 г., стр. 214.

[2]) Тамъ же, стр. 197 и 212. Любопытно то, что это мнѣніе поддерживалось, между прочимъ, такими убѣжденными сторонниками коренной процессуальной реформы, какъ Вицынъ, Зарудный, Ровинскій и др.

[3]) Тамъ же, стр. 223 и 224.

Напротивъ, большинство членовъ комиссіи, исходя изъ стремленія основать новый процессъ на устномъ началѣ, предполагали признать за тяжущимися право приводить при словесномъ состязаніи новые доводы къ разъясненію обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ въ поданныхъ ими бумагахъ. Этотъ взглядъ былъ одобренъ и Государственнымъ Совѣтомъ [1]), вслѣдствіе чего въ Уставъ было включено постановленіе статьи 331. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, суду вовсе не воспрещалось принимать во вниманіе также и тѣ данныя, которыя были указаны въ состязательныхъ бумагахъ. Благодаря этому, у насъ получился процессъ, построенный какъ бы на смѣшанномъ принципѣ устности и письменности, въ которомъ какъ письменныя, такъ и словесныя заявленія сторонъ пользуются одинаковымъ юридическимъ значеніемъ: ни обмѣнъ состязательными бумагами, ни устныя пренія не обязательны. Стороны могутъ не подать письменныхъ объясненій, а прямо явиться въ засѣданіе—въ такомъ случаѣ процессъ будетъ чисто устнымъ. Наоборотъ, стороны въ правѣ обмѣняться состязательными бумагами, но не явиться въ засѣданіе—въ этомъ случаѣ производство будетъ чисто письменнымъ [2]). Наконецъ, тяжущіеся могутъ сдѣлать и то и другое—тогда процессъ будетъ смѣшаннымъ. Нельзя не отмѣтить того, что такая система является наиболѣе цѣлесообразною. Превосходство ея надъ всѣми другими состоитъ въ томъ, что она не навязываетъ тяжущимся какой либо одной формы производства для всѣхъ дѣлъ, независимо отъ ихъ простоты или сложности, а даетъ возможность сторонамъ избрать, подъ контролемъ суда, такую форму, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру каждаго отдѣльнаго дѣла [3]).

Впрочемъ, рядомъ съ этимъ, такъ сказать, нормальнымъ видомъ гражданскаго процесса въ Судебныхъ Уставахъ были допущены еще два особыхъ вида, въ которыхъ элементу устности было отдано нѣкоторое преимущество. Сюда относится, во-первыхъ, производство у мировыхъ судей, основанное всецѣло на началѣ устности и не допускающее никакихъ состязательныхъ бумагъ (конечно, кромѣ искового прошенія) [4]), а во-вторыхъ,—

---

[1]) Журн. 1864 г. № 44, стр. 26.

[2]) Васьковскій. Курсъ, I, стр. 447 и 448.

[3]) Тамъ же, стр. 448.

[4]) Ср. рѣшеніе Гражд. касс. деп. 1869 г. № 1168.

такъ называемый сокращенный порядокъ судопроизводства, при которомъ обмѣнъ состязательными бумагами допускался лишь въ силу особаго постановленія суда (ст. 362). Наконецъ, закономъ 2 іюня 1914 г. письменная подготовка по всѣмъ вообще дѣламъ признана необязательною, и назначеніе или неназначеніе ея предоставлено усмотрѣнію самого суда или его предсѣдателя (ст. 312 и 335[1]) [1]).

Если теперь попробовать сравнить постановку вопроса о письменности въ нашемъ Уставѣ съ постановкою этого вопроса въ новѣйшихъ западно-европейскихъ законодательствахъ, то придется констатировать, что составители Судебныхъ Уставовъ какъ бы угадали то теченіе, которое является едва ли не господствующимъ теперь, черезъ полстолѣтіе послѣ ихъ вдохновенной работы.

Дѣйствительно, германскій уставъ 1877 г., въ отличіе отъ нашего, былъ первоначально основанъ исключительно на принципѣ устности: состязаніе сторонъ всегда должно быть устнымъ (§ 128). Хотя ему и можетъ предшествовать письменная подготовка, но она не обязательна (§ 129). Стороны обязаны изложить на словахъ какъ свои требованія, такъ и обстоятельства дѣла, хотя бы послѣднія были изложены на письмѣ. Судъ не имѣетъ права принимать во вниманіе указанія, сдѣланныя въ бумагахъ, если указанія эти не были повторены на словахъ (§§ 137 и слѣд.). Наконецъ, въ основаніе рѣшенія кладется исключительно то, что было сообщено суду при устномъ состязаніи (§§ 286 и 313). На практикѣ такое послѣдовательное и строгое проведеніе устности дало отрицательные результаты. Совершенно правильно указывалось въ юридической литературѣ[2]), что такой порядокъ „могъ бы дать блестящіе результаты при наличности отличныхъ судей, примѣрныхъ тяжущихся и адвокатовъ и достаточнаго времени. Но при такихъ условіяхъ тѣ же результаты могли бы быть получены и при самомъ плохомъ уставѣ. Отъ хорошаго закона можно требовать, чтобы онъ такъ регулировалъ процессъ, чтобы послѣдній и при обыкновенныхъ условіяхъ приводилъ къ хорошимъ результатамъ. Едва ли подлежитъ какому либо сомнѣнію, что у насъ (т. е. въ Германіи)

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. выше.

[2]) Hellwig. System, стр. 524 и 525.

этого нѣтъ". Послѣдствіемъ весьма сильной литературной критики [1]) оказался законъ 1 іюня 1909 г., который, по крайней мѣрѣ по отношенію къ единоличнымъ судьямъ, нѣсколько смягчилъ принципъ чистой устности, разрѣшивъ тяжущимся ссылаться на письменныя объясненія, вмѣсто воспроизведенія содержанія послѣднихъ, если другая сторона и судъ противъ этого не возражаютъ (§ 502). Конечно, и это представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ сравненіи съ прежнимъ ригоризмомъ. Но главный недостатокъ все-таки остался не устраненнымъ, такъ какъ и при такой постановкѣ тяжущійся все-таки безусловно обязанъ явиться въ судъ, хотя бы только для того, чтобы сказать: „я не имѣю ничего прибавить къ изложенному въ письменномъ объясненіи" [2]). Едва ли такое положеніе можетъ быть признано сколько-нибудь цѣлесообразнымъ. Невольно вспоминаются мудрыя слова составителей Судебныхъ Уставовъ: „проводить въ законѣ всякое начало до крайности, ради принципа, безъ соображенія съ условіями практики, всегда будетъ вредно для самаго принципа" [3]).

Что же касается австрійскаго устава, то онъ, какъ и нашъ, построенъ на состязательномъ началѣ, хотя и со значительнымъ перевѣсомъ на сторонѣ устности. Такъ, по примѣру германскаго устава, въ видѣ общаго правила, онъ требуетъ, чтобы рѣшеніе было основано на словесномъ состязаніи (§ 414). Точно также результаты воспріятія доказательствъ членомъ суда докладываются суду устно (§§ 262 и 287). Наконецъ, въ случаѣ неявки тяжущагося присланное имъ въ засѣданіе письменное объясненіе оставляется безъ вниманія (§ 397). Съ другой стороны, уставъ требуетъ непремѣннаго предъявленія отвѣтчикомъ письменнаго отвѣта (§ 243) и допускаетъ дополнительныя письменныя объясненія (§ 258). Наконецъ, если послѣ обмѣна состязательными бумагами одна изъ сторонъ не явилась въ засѣданіе, то при рѣшеніи дѣла судъ принимаетъ во вниманіе заявленія, сдѣланныя ею въ означенныхъ бумагахъ (§ 399) [4]). Главный недостатокъ австрійскаго устава состоитъ въ томъ, что въ случаѣ явки тяжущагося въ

---

[1]) Подробно см. у Васьковскаго. Курсъ, I, стр. 443 и сл.

[2]) Ср. Hellwig, н. с., стр. 526.

[3]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 263.

[4]) Аналогичныя постановленія содержитъ венгерскій уставъ 1911 г.

засѣданіе судъ не въ правѣ принимать въ соображеніе такія данныя, которыя были указаны въ состязательныхъ бумагахъ, но не были воспроизведены, по забывчивости или разсѣянности, этими тяжущимися устно.

3. Начало гласности.

Въ ближайшей и неразрывной связи съ началомъ устности гражданскаго процесса стоитъ начало гласности. Связь эта, *понятна сама собою: накопленіе бумагъ, являющееся естественнымъ* послѣдствіемъ письменности производства, ставитъ само по себѣ между судомъ и тяжущимися канцелярію, работа которой несовмѣстима съ публичностью [1]). Кромѣ того, при строго письменномъ характерѣ процесса судья можетъ и даже долженъ разбирать дѣло по частямъ, въ разное время, чтеніемъ бумагъ, требующихъ продолжительнаго уединеннаго труда и приготовительныхъ работъ канцеляріи. При такихъ условіяхъ и дѣятельность судьи, и работа канцеляріи, и, наконецъ, самое слушаніе и рѣшеніе становятся дѣломъ внутренняго канцелярскаго производства, къ которому не могутъ быть допущены постороннія лица [2]). Этимъ объясняется, что въ тѣхъ процессахъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ нашемъ дореформенномъ и „общемъ" германскомъ, господствовалъ принципъ письменности, неизбѣжно наблюдался и принципъ канцелярской тайны [3]). При этомъ тайна эта обусловливала невозможность присутствія при совершеніи процессуальныхъ дѣйствій не только постороннихъ лицъ, но иногда даже самихъ тяжущихся. Такъ, напримѣръ, согласно принятому въ „общемъ" германскомъ процессѣ, а также и въ нашемъ дореформенномъ законодательствѣ, принципу, тяжущіеся вовсе не могли присутствовать при допросѣ свидѣтелей [4]). При производствѣ же повальнаго обыска тяжущіеся не только не могли присутствовать, но даже обязаны

[1]) Нефедьевъ. Основныя начала, стр. 25.

[2]) Журн. 1862 г. № 65, стр. 51.

[3]) Ср. Renaud. Lehrbuch, стр. 189 и сл.; Endemann, н. с., стр. 360 и 361.

[4]) Зак. суд. гражд., ст. 383, 384, 399; Renaud. Lehrbuch, стр. 649 и сл.; Endemann, н. с., стр. 843.

были, въ случаѣ жительства ихъ въ томъ же мѣстѣ, оттуда выѣхать (ст. 413 зак. суд. гражд.). Напротивъ того, какъ только въ процессъ вводился принципъ устности — сейчасъ же являлась возможность придать процессу гласный характеръ. Поэтому ко времени изданія Судебныхъ Уставовъ принципъ гласности былъ извѣстенъ именно тѣмъ процессамъ, которые были построены на устномъ началѣ [1]).

Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи тѣхъ соображеній, которыя приводились составителями Судебныхъ Уставовъ въ пользу гласности, замѣтимъ только, что на уничтоженіе канцелярской тайны и замѣну ея гласностью производства они смотрѣли какъ на одно изъ необходимыхъ условій правильнаго правосудія [2]). Выразивъ это основное начало въ ст. 153 Учрежденія Судебныхъ Установленій, составители Судебныхъ Уставовъ нашли вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ въ ст. 324 Устава Гражданскаго Судопроизводства спеціально оговорить, что „докладъ дѣла и словесное состязаніе тяжущихся происходятъ въ открытомъ засѣданіи суда", причемъ подъ выраженіемъ „открытое засѣданіе" ими понималась возможность присутствія въ немъ не только тяжущихся, но и постороннихъ лицъ. Постановленіе это представлялось почти дословнымъ повтореніемъ § 87 французскаго и § 5 баденскаго устава.

При этомъ въ отношеніи самихъ тяжущихся этотъ принципъ имѣетъ безусловное значеніе и не терпитъ никакихъ исключеній. Такъ, стороны имѣютъ право присутствовать при всѣхъ дѣйствіяхъ судебныхъ установленій (ст. 13), а въ частности при допросѣ свидѣтелей и совершеніи всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій внѣ засѣданія (ст. 390, 414, 501 и др.), обозрѣвать въ канцеляріи суда все дѣлопроизводство по своимъ дѣламъ [3]). Единственнымъ исключеніемъ является моментъ совѣщанія судей передъ постановленіемъ рѣшенія, которое происходитъ въ особой комнатѣ, куда никто посторонній не допускается (ст. 693) [4]). На практикѣ Сенатъ крайне ревниво оберегалъ право тяжу-

---

[1]) Французскій уставъ, § 87; франкфуртскій уставъ 21 октября 1848 г., § 10; ганноверскій уставъ 8 ноября 1850 г., §§ 87—89; баденскій уставъ 18 марта 1864 г., § 5.

[2]) Журн. 1859 г., стр. 59 и 60; журн. 1862 г. № 65, стр. 49—52.

[3]) Ср. Васьковскій. Курсъ, I, стр. 450.

[4]) Замѣтимъ, что въ нашей литературѣ раздавались голоса за распространеніе принципа гласности даже на этотъ моментъ процесса; см. Боровиковскій. Отчетъ судьи, III, 1894 г., стр. 17 и 18.

щихся присутствовать при совершеніи судебныхъ дѣйствій, неоднократно разъясняя, что нарушеніе его служитъ безусловнымъ поводомъ для кассаціи рѣщеній [1]).

Что же касается постороннихъ лицъ, то подъ вліяніемъ необходимости составители Судебныхъ Уставовъ допустили нѣкоторыя изъятія изъ общаго начала.

Прежде всего, по соображеніямъ общественной пользы суду предоставлено право, по собственному усмотрѣнію или по требованію прокурора, постановить, чтобы засѣданіе происходило при закрытыхъ дверяхъ, если, по особому свойству дѣла, публичность засѣданія можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности (ст. 325). Кромѣ того, судебное засѣданіе можетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ, когда обѣ стороны будутъ о семъ просить и судъ найдетъ ихъ просьбу заслуживающею уваженія (ст. 326). Наконецъ, въ закрытомъ засѣданіи разсматривается отзывъ судьи, возражающаго противъ заявленнаго противъ него отвода (ст. 672). Сверхъ того, въ силу законовъ 3 іюня 1902 г. и 28 іюня 1912 г., при закрытыхъ дверяхъ происходятъ засѣданія по дѣламъ: 1) о содержаніи внѣбрачныхъ дѣтей и 2) о тѣхъ привилегіяхъ на изобрѣтенія или усовершенствованія, которыя не подлежатъ опубликованію. Впрочемъ и въ этихъ случаяхъ объявленіе рѣшенія происходитъ публично (ст. 700).

Эти постановленія нашего Устава въ значительной мѣрѣ совпадаютъ съ аналогичными постановленіями западно-европейскихъ законодательствъ. Такъ, напримѣръ, въ силу § 87 французскаго устава, судъ можетъ постановить о закрытіи дверей (съ доведеніемъ до свѣдѣнія главнаго прокурора, а иногда и министра юстиціи), если публичное обсужденіе дѣла можетъ „entraîner un scandale ou des inconvénients graves“. Равнымъ образомъ германскій уставъ указываетъ: 1) на случаи, угрожающіе общественному порядку или нравственности, 2) на дѣла брачныя и 3) на дѣла объ ограниченіи гражданской правоспособности (§§ 171 — 173 учр. суд. уст.). Наконецъ, по австрійскому уставу, публичность засѣданія устраняется, если она можетъ быть предосудительна для нравственности или

---

[1]) Напр., рѣш. 1876 г. № 263, 1875 г. № 991 и мн. др.

общественнаго порядка, или если есть основаніе опасаться, что публичность можетъ подать поводъ къ затрудненію разбирательства. Сверхъ того, судъ можетъ, по просьбѣ хотя бы одной изъ сторонъ, устранить публичность разбирательства, если для разрѣшенія дѣла необходимо войти въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, касающихся семейной жизни тяжущагося (§ 172). Нельзя не замѣтить, что нашъ Уставъ отличается отъ западноевропейскихъ главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что онъ предоставляетъ суду нѣсколько болѣе широкое право закрывать двери по ходатайству тяжущихся лицъ — особенность, едва ли могущая вызывать иное чувство, кромѣ симпатіи [1]).

---

4. Начало непосредственности.

Съ теоретической точки зрѣнія принципъ непосредственности состоитъ въ томъ, что судъ долженъ убѣждаться въ правильности приводимыхъ сторонами фактическихъ данныхъ на основаніи личнаго воспріятія относящихся къ нимъ доказательствъ. Основаніе этого принципа лежитъ съ одной стороны—въ стремленіи достигнуть на судѣ гражданскомъ обнаруженія матеріальной истины, а съ другой—въ томъ обстоятельствѣ, что при воспріятіи доказательствъ при посредствѣ другихъ лицъ всегда возможны заблужденія благодаря нѣкоторой субъективности, неизбѣжно связанной со всякимъ сообщеніемъ факта другимъ лицомъ. „Съ каждой новой передачей описанія какого либо событія новымъ лицомъ, картина событія все болѣе и болѣе отдаляется отъ истины, потому что каждый передатчикъ упускаетъ какую либо подробность или даетъ той или иной части другую окраску, другой оттѣнокъ“ [2]).

Въ нашемъ дореформенномъ процессѣ, всецѣло построенномъ на письменномъ началѣ, принципъ непосредственности

---

[1]) Мы позволили себѣ недолго остановиться на началѣ гласности несмотря на всю его важность, такъ какъ по самому существу своему ученіе о ней скорѣе относится къ области судоустройства, чѣмъ гражданскаго процесса.

[2]) Щегловитовъ. О значеніи началъ устности и непосредственности. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1888 г. № 8, стр. 135.

почти не имѣлъ примѣненія. Прежде всего это выражалось въ томъ, что ознакомленіе суда со всѣмъ фактическимъ матеріаломъ по данному дѣлу происходило при посредствѣ докладной записки, составлявшейся канцеляріею и неизбѣжно отражавшей на себѣ субъективные взгляды послѣдней (ст. 445 и слѣд. зак. суд. гражд.). Затѣмъ самый докладъ дѣла производился путемъ чтенія секретаремъ записки и подлинныхъ мѣстъ изъ самаго дѣла, нужныхъ къ объясненію онаго (ст. 462). Хотя при этомъ на судей возлагалось наблюденіе, „дабы ничего изъ дѣла и изъ законовъ пропущено не было и докладъ учиненъ былъ съ точностью, чистосердечностью и сходностью съ истиною“ (ст. 466), но на практикѣ это наблюденіе не имѣло почти никакого значенія и фактически рѣшеніе постановлялось исключительно на основаніи канцелярскаго доклада. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое воспріятіе доказательствъ производилось сплошь и рядомъ не самимъ судомъ, а полиціею (ст. ст. 368 и 399), причемъ судъ получалъ свѣдѣнія о результатахъ этого воспріятія только при посредствѣ полицейскихъ протоколовъ.

Этотъ порядокъ былъ признанъ составителями Судебныхъ Уставовъ совершенно неудовлетворительнымъ, такъ какъ при немъ „обязательное изученіе письменнаго матеріала возлагается исключительно на лицъ, непринадлежащихъ къ составу присутствія, неучаствующихъ въ рѣшеніи дѣла и не несущихъ на себѣ прямой отвѣтственности за рѣшенія . . . . . чтеніе нѣкоторыхъ документовъ никакъ не можетъ замѣнить изученіе дѣла во всей цѣлости, которое необязательно ни для всего суда, ни для отдѣльныхъ его членовъ“ [1]). Для устраненія этого въ Уставъ было включено правило, что докладъ дѣла всегда производится членомъ суда, на основаніи представленныхъ тяжущимися бумагъ и документовъ (ст. 327), безъ предварительнаго составленія канцеляріею докладныхъ записокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на судъ же было возложено непосредственное воспріятіе представляемыхъ сторонами доказательствъ (ст. ст. 385 и 500).

Однако, безусловное проведеніе въ законѣ этого послѣдняго правила оказалось фактически невозможнымъ. Дѣйствительно, уже въ ст. 500 первоначальной редакціи Устава Гражданскаго

---

[1]) Журн. 1862 г. № 65, стр. 103.

Судопроизводства было постановлено, что повѣрка доказательствъ можетъ быть поручена, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, одному изъ членовъ окружного суда. Такими же случаями признавались—всякіе осмотры на мѣстѣ (ст. 508), производство изслѣдованій черезъ свѣдущихъ людей въ дѣлахъ, „требующихъ пространнаго и сложнаго изслѣдованія" (ст. 517), повѣрка записокъ и счетовъ съ подлинными книгами и актами (ст. 534), освидѣтельствованіе и повѣрка актовъ, противъ коихъ заявлено сомнѣніе въ подлинности (ст. 548) или споръ о подлогѣ (ст. 561), и, наконецъ, допросъ свидѣтелей, когда свидѣтель не можетъ явиться въ судъ по уважительнымъ причинамъ, когда оказывается нужнымъ произвести допросъ на самомъ мѣстѣ и когда требуется допросить значительное число лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ, внѣ того города, гдѣ находится судъ. Правда, постановленія эти являлись довольно существеннымъ отступленіемъ отъ положеннаго въ основаніе Устава начала непосредственности (ср. ст. 50 Осн. Пол. 1862 г.). Этимъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что при обсужденіи вопроса о допустимости допроса свидѣтелей черезъ члена суда въ средѣ составителей Судебныхъ Уставовъ послѣдовало крупное разногласіе. Большинство членовъ комиссіи (16-ть) находило, что безусловное правило о допросѣ свидѣтелей всегда въ полномъ присутствіи суда можетъ повести къ замедленію хода гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ допросъ многихъ свидѣтелей можетъ занять нѣсколько засѣданій, въ продолженіе коихъ и свидѣтели и тяжущіеся будутъ томиться въ ожиданіи своей очереди. Поэтому большинство комиссіи предполагало предоставить суду право въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется надобность допросить въ одинъ день нѣсколькихъ свидѣтелей, назначать для этого одного изъ своихъ членовъ, который производитъ этотъ допросъ публично. Напротивъ того, меньшинство членовъ комиссіи (15-ть) находили, что допросъ свидѣтелей черезъ одного изъ членовъ суда противорѣчитъ тѣмъ основаніямъ, по которымъ признано необходимымъ постановить общимъ правиломъ, что свидѣтели допрашиваются въ засѣданіи, а потому, отстаивая начало непосредственности, полагали, что такой порядокъ допроса долженъ быть для суда обязательнымъ и что изъятія изъ этого общаго правила должны быть положительно опредѣлены закономъ и по воз-

можности ограничены [1]). Государственный Совѣтъ, съ своей стороны, согласился съ мнѣніемъ меньшинства, находя, что допросъ свидѣтелей черезъ одного члена отнялъ бы у свидѣтельскихъ показаній ту достовѣрность, которую они имѣли бы, если бы свидѣтели были допрошены въ самомъ судѣ [2]). Результатомъ такого взгляда Государственнаго Совѣта оказалась первоначальная редакція ст. 386 Устава, допускавшая допросъ свидѣтелей внѣ присутствія суда лишь черезъ одного изъ его членовъ и притомъ только въ точно указанныхъ ею трехъ случаяхъ.

Однако практика не замедлила обнаружить недостаточность этого постановленія.

Дѣло въ томъ, что командированіе члена окружного суда для производства такъ называемыхъ мѣстныхъ дѣйствій неизбѣжно оказывалось сопряженнымъ съ довольно крупными расходами, падавшими весьма тяжелымъ бременемъ на тяжущихся лицъ. По собраннымъ Министерствомъ Юстиціи свѣдѣніямъ издержки эти по многимъ дѣламъ составляли 10—25% исковой суммы, а иногда встрѣчались случаи, когда издержки на выѣздъ члена окружного суда даже превышали цѣну иска [3]). Такое положеніе представлялось совершенно недопустимымъ, такъ какъ оно преграждало неимущимъ людямъ доступъ къ содѣйствію судебной власти и заставляло лицъ, нуждающихся въ судебной защитѣ, мириться съ тѣмъ фактическимъ положеніемъ, при которомъ они считаютъ свои права нарушенными [4]). Въ видахъ устраненія этого законами 12 іюля 1889 г. и 23 декабря 1896 г. окружнымъ судамъ было предоставлено право возлагать исполненіе мѣстныхъ дѣйствій на уѣздныхъ членовъ окружного суда и участковыхъ мировыхъ судей, если дѣйствія эти предстоятъ въ мѣстности, отдаленной отъ города, гдѣ находится окружной судъ, или хотя и въ смежной съ нимъ, но находящейся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ камеры мирового судьи или уѣзднаго члена, чѣмъ отъ окружного суда [5]).

---

[1]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 260—265.

[2]) Журналъ 1864 г., № 44, стр. 29.

[3]) Предст. мин. юст. 28 февраля 1896 г. за № 7196, стр. 1 и 2; въ представленіи этомъ приводится случай, когда по иску въ 100 р., разсматривавшемуся въ Кіевскомъ окружномъ судѣ, издержки на выѣздъ члена суда составили 291 р. 96 к.

[4]) Тамъ же, стр. 5.

[5]) Ст. 386, 500[1], 500[3], 504 и мн. др. Уст. Гр. Суд.; законы эти, какъ установившіе очень серьезное отступленіе отъ начала непосредственности, были встрѣчены нашей

Наконецъ послѣдній и наиболѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ закономъ 2 іюня 1914 г., установившимъ, что судъ имѣетъ право поручать допросъ свидѣтелей одному изъ своихъ членовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такой допросъ можетъ оказать вліяніе на ускореніе производства дѣла (ст. 386[1]) [1]).

Правда, съ теоретической точки зрѣнія, этотъ законъ представлялъ собою дальнѣйшее отступленіе отъ начала непосредственности. Однако сравненіе этихъ постановленій съ аналогичными постановленіями западно-европейскихъ законодательствъ показываетъ, что послѣднія идутъ, пожалуй, еще дальше на пути ослабленія принципа непосредственности въ цѣляхъ ускоренія и удешевленія гражданскаго процесса.

Такъ, напримѣръ, во Франціи допросъ свидѣтелей даже всегда производится однимъ изъ членовъ суда, рѣшающаго дѣло (Juge commissaire) или при посредствѣ мирового судьи, либо другого коллегіальнаго суда [2]). Сверхъ того, отдѣльному члену суда можетъ быть порученъ цѣлый рядъ другихъ процессуальныхъ дѣйствій въ области доказательнаго производства (напр. повѣрка документовъ § 196; разспросъ сторонъ—§§ 325 и 326; осмотръ на мѣстѣ—§ 296 и др.).

Германскій уставъ, хотя и устанавливаетъ въ видѣ общаго принципа, что воспріятіе доказательствъ должно происходить передъ судомъ, рѣшающимъ дѣло (§ 355), но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ изъ этого правила многочисленныя исключенія. Такъ, напримѣръ, черезъ отдѣльнаго члена суда или черезъ другой судъ могутъ быть произведены допросы свидѣтелей (§§ 375 и 382), осмотръ на мѣстѣ (§ 372), экспертиза (§§ 402 и 405), воспріятіе документа (§ 434), принесеніе присяги (§ 479). Въ частности, допросъ свидѣтелей въ этомъ порядкѣ допускается: 1) когда ихъ нужно допросить на мѣстѣ, 2) когда допросъ ихъ въ судѣ встрѣчаетъ существенныя затрудненія, 3) когда свители не могутъ явиться въ судъ и 4) когда они живутъ въ отдаленіи отъ суда. Особенно серьезное значеніе имѣетъ пра-

---

литературой не совсѣмъ сочувственно; ср. Сабининъ. „Нарушеніе принципа непосредственности". Суд. Газ. 1898 г. № 13; Васьковскій. Курсъ, I, стр. 411.

[1]) Это постановленіе введено по иниціативѣ Государственной Думы; см. докладъ ком. по суд. реф. № 248, стр. 40 и 41.

[2]) Code de procédure, § 259; Garçonnet. Précis, стр. 242.

вило, помѣщенное подъ п. 2, такъ какъ на практикѣ подъ понятіе „затрудненій“ подводится между прочимъ крайнее обремененіе суда дѣлами, благодаря чему установленное въ законѣ исключительное постановленіе въ дѣйствительности превратилось въ общее правило [1]).

Еще дальше идетъ австрійскій уставъ, который, кромѣ постановленій, аналогичныхъ германскому (§§ 282, 328, 352 и др.), содержитъ общее указаніе на возможность назначенія особаго подготовительнаго производства передъ назначеннымъ для этого членомъ суда, если стороны ссылаются на доказательства, „повѣрка которыхъ не можетъ быть произведена во время словеснаго состязанія или усложнила бы или замедлила словесное состязаніе“.

5. Свободная оцѣнка доказательствъ.

Гражданскій процессъ имѣетъ своею конечною цѣлью постановленіе судебнаго рѣшенія, сущность котораго сводится къ примѣненію опредѣленныхъ юридическихъ нормъ къ обстоятельствамъ даннаго дѣла. Поэтому очевидно, что возможность воспослѣдованія рѣшенія обусловливается предварительнымъ установленіемъ фактической стороны дѣла, которая, въ свою очередь, въ виду господствующаго въ гражданскомъ процессѣ состязательнаго начала, можетъ быть выяснена лишь при помощи представленныхъ тяжущимися доказательствъ. А такъ какъ судебное рѣшеніе есть результатъ извѣстной логической дѣятельности суда, то значитъ конечная цѣль этихъ доказательствъ состоитъ въ томъ, чтобы вызвать у суда убѣжденіе въ существованіи или несуществованіи тѣхъ или иныхъ указанныхъ сторонами фактовъ, т. е. въ истинности или ложности сдѣланныхъ тяжущимися заявленій. Казалось бы, что уже изъ этого должно вытекать то положеніе, что оцѣнка предъявленныхъ сторонами доказательствъ должна зависѣть отъ свободнаго усмотрѣнія судьи, такъ какъ только при такихъ условіяхъ у него можетъ выработаться дѣйствительно искреннее убѣжденіе въ истинности доказываемыхъ событій [2]). Такъ оно и было въ

[1]) Hellwig. System, стр. 409, 686 и 713.

[2]) Ср. Canstein. Die ration. Grundlagen, стр. 52 и сл.

древнѣйшихъ формахъ гражданскаго процесса, каковы, напримѣръ, процессы римскій и древне-германскій. Напротивъ того, въ средне-вѣковомъ каноническомъ правѣ появилась впервые такъ называемая законная теорія доказательствъ, которая имѣла своею цѣлью заранѣе, силою самого закона, опредѣлить относительную цѣнность каждаго отдѣльнаго доказательства, т. е. ту степень довѣрія, которое должно быть ему оказано со стороны судьи. Поэтому законодательная власть старалась установить совершенно точныя правила оцѣнки доказательствъ, стремясь къ тому, чтобы превратить судью, такъ сказать, въ механическаго счетчика представленныхъ доказательствъ, который могъ бы рѣшить дѣло на основаніи простого ариѳметическаго подсчета послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, было установлено понятіе „полнаго" доказательства, которымъ являлись: признаніе, официальный документъ, словесное показаніе двухъ „классическихъ", т. е. непорочныхъ, свидѣтелей (testes classici) и, иногда, присяга. Засимъ установлено понятіе „неполнаго" доказательства (probatio minus plena), которое могло получить силу только въ случаѣ восполненія его другими, дополнительными доказательствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ указывалъ, какія изъ полныхъ или неполныхъ доказательствъ имѣютъ преимущественное значеніе. Въ этомъ своемъ видѣ формальная теорія доказательствъ перешла въ свѣтскій гражданскій процессъ, причемъ къ XIX вѣку явилась безусловно господствующей на континентѣ Европы. Не говоря уже о такъ называемомъ „общемъ" германскомъ процессѣ и прусскомъ уставѣ 1793 г., воспринявшихъ ее въ полномъ объемѣ [1]), подъ непосредственнымъ вліяніемъ ея находилось даже такое передовое въ то время законодательство, какъ французское. Такъ, въ гражданскомъ кодексѣ 1807 г. (ст.ст. 1315—1369) содержались весьма подробныя правила по этому предмету, допускавшія даже такъ называемое „commencement de preuve par écrit" (§ 1347), которое, очевидно, являлось ничѣмъ инымъ, какъ отзвукомъ средневѣковаго ученія о „probatio minus plena".

Впрочемъ ко времени составленія нашихъ Судебныхъ Уставовъ въ германской судебной практикѣ началъ наблюдаться

---

[1]) Renaud, н. с., стр. 224 и сл.; Endemann, н. с., стр. 688 и сл.; Wetzell, System, стр. 192 и сл.; прусскій уставъ, 1, 10, § 227 и сл.

нѣкоторый поворотъ въ сторону возврата къ древнѣйшей системѣ оцѣнки доказательствъ по свободному убѣжденію судьи [1]). Конечно, стѣсненное нормами положительнаго права, движеніе это не могло выйти изъ предѣловъ послѣднихъ, но тѣмъ не менѣе общая тенденція практики въ этомъ направленіи была выражена настолько сильно, что дала основаніе юридической литературѣ высказать мнѣніе, что германскій общій процессъ основанъ (вопреки очевидности) не на формальной, а на смѣшанной теоріи доказательствъ [2]).

Наше дореформенное законодательство также всецѣло стояло на почвѣ этой теоріи. Такъ, напримѣръ, ему было извѣстно понятіе „совершеннаго", безусловно обязательнаго для суда доказательства, каковыми являлись: письменные акты, признанные дѣйствительными отъ того лица, противъ котораго представлены (ст. 329), показанія двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ тяжущимися и совершенно между собою согласныхъ (ст. 404), показаніе большинства обыскныхъ людей при повальномъ обыскѣ (ст. 416). Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство наше допускало и „половинныя" доказательства, которыя могли превратиться въ совершенныя въ случаѣ подтвержденія ихъ присягою. Сюда принадлежали: письменныя свидѣтельства постороннихъ лицъ (ст. 331), купеческія книги въ искахъ противъ лицъ, къ торговому званію не принадлежащихъ (ст. 332), показаніе одного свидѣтеля (ст. 402) и т. п. Наконецъ, въ законахъ нашихъ содержались подробныя правила о сравнительной оцѣнкѣ равносильныхъ доказательствъ, такъ, напримѣръ, устанавливалось, что если показанія свидѣтелей противорѣчатъ между собою, слѣдуетъ давать преимущество: 1) мужчинѣ передъ женщиной; 2) знатному предъ незнатнымъ; 3) ученому предъ неученымъ; 4) духовному предъ свѣтскимъ (ст. 405).

Въ основѣ этой формальной теоріи лежала довольно правильная идея—устранить, по возможности, произволъ судьи въ дѣлѣ оцѣнкѣ доказательствъ и тѣмъ обезпечить возможно болѣе безпристрастное отношеніе его къ тяжущимся [3]). Однако на практикѣ она повсюду дала совершенно отрицательные результаты. Главною причиною этого была невозможность предусмо-

---

[1]) Renaud, н. с., стр. 226; Endemann, н. с., стр. 690.

[2]) Wetzell, н. с., стр. 194.

[3]) Ср. Canstein, н. с., стр. 52.

трѣть въ законѣ разъ навсегда то довѣріе, которымъ должно пользоваться данное доказательство. Поэтому всякія попытки законодательной власти въ этомъ направленіи только связывали судью и нерѣдко ставили его въ необходимость постановлять завѣдомо неправосудныя рѣшенія. Сверхъ того, теорія эта, создавъ понятіе неполнаго доказательства, неизбѣжно должна была допустить существованіе дополнительныхъ доказательствъ. А такъ какъ мнѣніе суда о наличности только неполнаго доказательства могло создаться лишь послѣ того, какъ тяжущимися будутъ исчерпаны всѣ имѣющіяся у нихъ средства къ представленію полнаго доказательства, то вполнѣ естественно, что въ качествѣ дополнительныхъ доказательствъ пришлось допустить такіе формальные способы констатированія фактовъ, которые, въ сущности говоря, ничего не доказывали, но зато всегда были въ распоряженіи тяжущихся и суда. Такимъ способомъ была главнымъ образомъ присяга, которая получила благодаря этому очень широкое распространеніе, хотя по существу своему она могла вызывать къ себѣ довѣріе лишь при очень высокомъ уровнѣ нравственнаго и религіознаго развитія присягающаго лица. Съ теоретической же точки зрѣнія такая постановка процесса послужила основаніемъ къ появленію чудовищной теоріи о двухъ истинахъ—матеріальной и „юридической",—изъ которыхъ яко бы только вторая является предметомъ изслѣдованія въ гражданскомъ процессѣ.

Выше было уже упомянуто, что явный недостатокъ формальной теоріи привелъ къ нѣкоторому ослабленію ея въ германской судебной практикѣ. Отчасти это направленіе сказалось и въ положительныхъ законодательствахъ. Такъ, напримѣръ, баденскій уставъ 18 марта 1864 года въ принципѣ отъ нея отказался, хотя и сохранилъ нѣкоторыя правила оцѣнки доказательствъ, но уже въ видѣ не безусловно обязательныхъ, а только, такъ сказать, примѣрныхъ, инструктивныхъ (§§ 484—487).

Составители нашихъ Судебныхъ Уставовъ весьма подробно остановились на вопросѣ о формальной теоріи доказательствъ. Это обусловливалось главнымъ образомъ тѣмъ, что одинъ изъ членовъ редакціонной комиссіи [1]), ссылаясь на глубокое различіе между уголовнымъ и гражданскимъ процессами и на полную

[1]) Буцковскій; см. объясн. зап. 1863 г., стр. 265 и сл.

невозможность повѣрки правильности рѣшенія, основаннаго на „внутреннемъ убѣжденіи", проектировалъ цѣлый рядъ постановленій о порядкѣ оцѣнки доказательствъ, въ значительной мѣрѣ воплощавшихъ въ себѣ формальную теорію доказательствъ. Однако, остальные члены комиссіи (29) нашли, что правила эти „принадлежатъ къ остаткамъ отживающей теоріи законныхъ доказательствъ, въ силу коей формѣ отдается предпочтеніе предъ существомъ дѣла и жизнь стѣсняется мертвыми формами" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они подчеркнули, что при составленіи проекта постоянно имѣлось въ виду оставить правила объ оцѣнкѣ доказательствъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно нужны, и устранить ихъ тамъ, гдѣ они не содѣйствуютъ, а препятствуютъ открытію истины, гдѣ они служили бы къ „соблазнительному перевѣсу истины формальной надъ матеріальной" [2]).

Результатомъ этихъ соображеній явилось введеніе въ нашемъ Уставѣ принципа свободной оцѣнки доказательствъ по убѣжденію суда. Правда, принципъ этотъ оказался прямо выраженнымъ лишь въ отношеніи мировыхъ судей (ст. 129), но несомнѣнно, что онъ обязателенъ и для всѣхъ судебныхъ установленій, какъ это видно изъ постановленій Устава по поводу силы и значенія отдѣльныхъ видовъ доказательствъ (ст. 411—касающаяся свидѣтелей, 437—окольныхъ людей, 533—свѣдущихъ лицъ и др.).

Однако и въ современномъ нашемъ законодательствѣ допускаются нѣкоторыя отступленія отъ этого общаго начала. Такъ, прежде всего, свободная оцѣнка суда не распространяется на способы констатированія фактовъ путемъ соглашенія тяжущихся, такъ какъ подобнаго рода соглашенія, какъ покоящіяся на принципѣ произвольности гражданскихъ правъ, безусловно обязательны для суда (см. напр., ст.ст. 422, 480, 498). Сверхъ того, нѣкоторыя ограниченія свободной оцѣнки установлены для письменныхъ доказательствъ (ст.ст. 410 и 459). По объясненію составителей Судебныхъ Уставовъ эти послѣднія правила вызваны необходимостью охранить значеніе актовъ, совершенныхъ по предписанному закономъ порядку и надлежащимъ образомъ оглашенныхъ.

---

[1]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 277.

[2]) Тамъ же, стр. 278.

Въ связи съ принятіемъ у насъ начала свободной оцѣнки доказательствъ стоитъ также полная отмѣна присяги, принимаемой одною изъ сторонъ по требованію суда. Выше было уже указано, что послѣдствіемъ формальной теоріи доказательствъ было сильное развитіе въ „общемъ" германскомъ правѣ рѣшенія дѣла на основаніи присяги сторонъ. При этомъ такая присяга могла устанавливаться или по требованію одной изъ сторонъ (juramentum delatum), или по усмотрѣнію самого суда (juramentum necessarium), если онъ признавалъ спорныя обстоятельства недостаточно доказанными [1]). Эти два вида присяги были извѣстны и нашему дореформенному процессу (ст.ст. 420—440 зак. суд. гражд.), хотя у насъ они и не получили столь широкаго развитія, какъ въ Западной Европѣ.

Составители Судебныхъ Уставовъ отнеслись совершенно отрицательно къ судебной присягѣ, признавъ, что съ юридической точки зрѣнія присяга „не можетъ усилить достовѣрность событія", по коему заинтересованное въ дѣлѣ лицо ее принимаетъ, и что она „вовсе не соотвѣтствуетъ основной цѣли правосудія — открытію истины". Вслѣдствіе этого и послѣ подробнаго разсмотрѣнія мнѣнія меньшинства (14) комиссіи, полагавшаго желательнымъ оставить у насъ сверхъ присяги договорной еще присягу добровольную, принимаемую по требованію одного изъ тяжущихся, большинство комиссіи (17) встало на ту точку зрѣнія, что присяга можетъ имѣть значеніе лишь тогда, когда ей довѣряетъ не только судъ, но и обѣ стороны, т. е. когда сами тяжущіеся пожелаютъ окончить дѣло на основаніи присяги одного изъ нихъ [2]). Согласно съ этимъ въ Уставѣ нашемъ оговорено, что судъ не можетъ ни принудить тяжущихся къ принятію присяги, ни предлагать ее отъ себя истцу или отвѣтчику, и что принесеніе ея допускается лишь по добровольному соглашенію тяжущихся (ст.ст. 115 и 485).

Такое послѣдовательное проведеніе начала свободной оцѣнки доказательствъ сразу поставило насъ впереди всѣхъ современныхъ Судебнымъ Уставамъ западно-европейскихъ законодательствъ. Къ гордости нашей можно удостовѣрить, что и теперь нашъ Уставъ

---

[1]) Wetzell. System, § 25.

[2]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 302—327.

стоитъ въ этомъ отношеніи впереди даже самыхъ совершенныхъ процессуальныхъ законовъ Западной Европы.

Дѣйствительно, французское законодательство еще и до сего времени сохраняетъ упомянутые выше остатки формальной теоріи доказательствъ, содержащіеся въ гражданскомъ кодексѣ Наполеона. Затѣмъ, германскій уставъ, хотя и стоитъ принціально на почвѣ свободной оцѣнки доказательствъ (§ 286), но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ рѣшеніе дѣла на основаніи присяги, принимаемой или по требованію одной изъ сторонъ (§§ 445 и сл.; т. наз. Eideszuschiebung), или по постановленію суда (§ 475; т. наз. richterliche Eid), причемъ въ обоихъ случаяхъ принесеніе присяги считается за полное доказательство (§ 463).

Нѣсколько впередъ пошелъ австрійскій уставъ 1895 г., который, установивъ принципъ свободной оцѣнки судомъ доказательствъ (§§ 272 и 327) [1]), допустилъ рѣшительную присягу только на основаніи соглашенія сторонъ, въ видѣ особой мировой сдѣлки (§ 205). Присяга, возлагаемая по требованію тяжущихся или суда, замѣнена особымъ институтомъ допроса сторонъ, производящагося примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для допроса свидѣтелей (§ 371 и сл.), причемъ судъ можетъ потребовать дачи показаній подъ присягой (§ 378). Однако, отказъ отъ такого присяжнаго показанія, равно какъ и несходство показаннаго подъ присягою съ показаніемъ безъ присяги, оцѣнивается судомъ по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла (§ 381) [2]). Такимъ образомъ въ австрійскомъ процессѣ возложеніе судомъ на тяжущагося обязанности принести присягу является не окончательнымъ способомъ констатированія спорныхъ фактовъ, а только однимъ изъ способовъ доказыванія ихъ, подлежащимъ оцѣнкѣ на общемъ основаніи. Тѣмъ самымъ прежній формальный элементъ, присущій обязательной процессуальной присягѣ, оказывается въ значительной мѣрѣ смягченнымъ.

Всетаки и по поводу этого нововведенія австрійскаго процесса нельзя не вспомнить приведенныхъ составителями Судебныхъ Уставовъ [3]) словъ знаменитаго наказа Императрицы Ека-

---

[1]) Ullmann. Grundriss des Civilprozessrechts, 1900 г., стр. 96.
[2]) Ullmann, н. с., стр. 121—123.
[3]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 325.

терины II 30 іюня 1767 г. [1]): „крестнаго цѣлованія не можно ни въ какихъ другихъ случаяхъ употреблять, какъ только въ тѣхъ, въ которыхъ клянущійся никакой собственной пользы не имѣетъ, какъ то судія и свидѣтель".

6. Обжалованіе рѣшеній.

При составленіи Судебныхъ Уставовъ нельзя было не считаться съ тѣмъ, что несмотря на всѣ указанныя выше мѣры, принятыя съ цѣлью обезпечить у насъ существованіе „суда праваго", всетаки на практикѣ оставались возможными случаи, когда постановленное судомъ рѣшеніе будетъ страдать тѣми или иными недостатками, устраняющими его правосудный характеръ. Чтобы обезпечить возможность исправленія такого рода недостатковъ, составители Судебныхъ Уставовъ ввели у насъ цѣлую систему обжалованія судебныхъ рѣшеній, отличающуюся иногда весьма интересными и своеобразными особенностями.

По формулировкѣ, принятой въ нашемъ Уставѣ [2]), всѣ вообще способы обжалованія распадаются на три группы:

1) частныя жалобы; 2) апелляціонныя жалобы и 3) просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній.

Что касается частныхъ жалобъ, то единственнымъ интереснымъ въ этой области вопросомъ представляется вопросъ о предѣлахъ допустимости подобнаго рода жалобъ, съ достаточною подробностью разсмотрѣнный нами выше, среди другихъ мѣръ, направленныхъ на ускореніе гражданскаго процесса. Поэтому здѣсь мы остановимся подробнѣе лишь на двухъ послѣднихъ способахъ обжалованія.

---

[1]) П. С. З., № 12.949.

[2]) Теоретически далеко не точной, но на практикѣ довольно удобной.

а) Апелляція.

По идеѣ своей апелляція есть требованіе перерѣшенія дѣла, ненадлежащимъ образомъ разрѣшеннаго [1]). Слѣдовательно, сущность апелляціоннаго обжалованія состоитъ въ томъ, чтобы высшій судъ пересмотрѣлъ, провѣрилъ рѣшеніе суда низшаго и притомъ въ полномъ его объемѣ, т. е. съ точки зрѣнія соотвѣтствія его какъ дѣйствующимъ законамъ, такъ и конкретнымъ обстоятельствамъ даннаго дѣла. Въ этой своей формулировкѣ институтъ апелляціи, появившійся еще въ римскомъ правѣ, былъ извѣстенъ какъ всѣмъ западно-европейскимъ законодательствамъ, такъ и нашему дореформенному процессу. Даже болѣе того: законы о судопроизводствѣ гражданскомъ вовсе не знали какихъ-либо иныхъ способовъ исправленія судебныхъ рѣшеній, кромѣ пересмотра ихъ въ апелляціонномъ порядкѣ. Правда, особо отъ апелляціи законы эти упоминали еще о жалобахъ, на Высочайшее имя приносимыхъ (ст. 602 и слѣд.), но и послѣднія въ существѣ своемъ представлялись лишь особымъ видомъ апелляціоннаго обжалованія, отличающимся отъ обыкновеннаго только тѣмъ, что въ немъ высшая инстанція не постановляла сама новаго рѣшенія, а возвращала дѣло въ низшую для его пересмотра. Поводомъ же для такой отмѣны могли быть тѣ же обстоятельства, которыя служили основаніемъ для перевершенія дѣла апелляціоннымъ судомъ.

Заимствовавъ, такимъ образомъ, идею апелляціи изъ прежняго процесса, составители Судебныхъ Уставовъ ввели однако въ апелляціонное производство цѣлый рядъ весьма существенныхъ измѣненій и усовершенствованій.

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ, конечно, разсмотрѣнный уже выше принципъ разсмотрѣнія всѣхъ гражданскихъ дѣлъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ (ст. 11), благодаря которому съ одной стороны — апелляція была допущена на всѣ рѣшенія окружныхъ судовъ, безъ всякаго ограниченія суммою иска, а съ другой—оказались недопустимыми апелляціонныя жалобы въ Правительствующій Сенатъ и жалобы на Высочайшее имя.

---

[1]) Гольмстенъ. Учебникъ, стр. 282.

Затѣмъ самый порядокъ принесенія апелляціонныхъ жалобъ по прежнимъ нашимъ законамъ страдалъ крайнею сложностью. Обрядъ апелляціоннаго обжалованія начинался заявленіемъ въ томъ судѣ, гдѣ дѣло рѣшено, неудовольствія на рѣшеніе въ семидневный срокъ со дня объявленія послѣдняго (ст. 503—505). Послѣ этого тяжущемуся выдавалось особенное апелляціонное свидѣтельство (ст. 507), а дѣло посылалось въ высшій судъ (ст. 508). Затѣмъ просителю предоставлялось подать въ годовой (а иногда—двухгодовой) срокъ апелляціонную жалобу въ высшій судъ (ст. 513). Наконецъ, если апелляторъ желалъ пріостановить исполненіе обжалованнаго рѣшенія, то долженъ былъ подать жалобу въ мѣсячный срокъ, иногда удлинявшійся до 4 мѣсяцевъ (ст.ст. 515 и 516). При разсмотрѣніи этихъ постановленій составители Судебныхъ Уставовъ обратили вниманіе на крайнюю ихъ сложность и неудобство. Прежде всего они признали совершенно излишнимъ особый обрядъ объявленія неудовольствія. Затѣмъ крайне неудобнымъ представлялось, по ихъ мнѣнію, возможность приведенія въ исполненіе рѣшеній, не вошедшихъ въ законную силу. Наконецъ, срокъ на принесеніе апелляціонныхъ жалобъ былъ слишкомъ продолжительный.

Въ видахъ устраненія этихъ неудобствъ обрядъ объявленія неудовольствія былъ вовсе отмѣненъ, причемъ было установлено, что апелляціонная жалоба подается въ тотъ судъ, на рѣшеніе котораго приносится (ст. 744), въ четырехмѣсячный, а при сокращенномъ порядкѣ — въ мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія (ст.ст. 748 и 749). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ общаго правила, было постановлено, что впредь до истеченія срока на принесеніе апелляціонной жалобы рѣшеніе первой инстанціи не подлежитъ исполненію (ст. 736 и п. 1 ст. 892). Замѣтивъ, однако, что на практикѣ „могутъ быть случаи, въ которыхъ немедленнымъ приведеніемъ рѣшенія въ исполненіе только и можетъ быть достигнута цѣль суда—возстановленіе нарушеннаго права“ [1]), составители Судебныхъ Уставовъ допустили въ нѣкоторыхъ случаяхъ предварительное исполненіе рѣшенія, не вошедшаго въ законную силу (ст. 737), причемъ указали—когда такое исполненіе допускается не иначе, какъ по истребованіи отъ просителя надлежащаго обезпеченія на случай измѣненія палатою

[1]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 415.

рѣшенія суда (ст. 738). Наконецъ въ ст. 740 было оговорено, что предварительное исполненіе вовсе не допускается, когда отъ этого можетъ послѣдовать для противной стороны такой ущербъ, который обезпеченъ быть не можетъ. Эти правила подверглись впослѣдствіи лишь незначительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Такъ, закономъ 12 іюня 1890 г. предварительное исполненіе было допущено въ отношеніи заочныхъ рѣшеній [1]) и, сверхъ того, въ ст. 738 было оговорено, что упоминаемое въ ней обезпеченіе можетъ состоять въ пріостановленіи передачи истцу арестованнаго или описаннаго имущества или передачи ему суммъ, взысканныхъ съ отвѣтчика. Затѣмъ, закономъ 27 мая 1902 г. предварительное исполненіе было допущено по взысканіямъ, присужденнымъ по опротестованнымъ векселямъ, а законами 2 іюня 1903 г., 23 и 28 іюня 1912 г. — по взысканіямъ на основаніи особыхъ правилъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ и, наконецъ, закономъ 15 іюня 1912 г.—въ случаяхъ, когда съ нанимателя присуждено въ пользу домашней прислуги или рабочихъ вознагражденіе за услуги или работу (п.п. 5—7 ст. 737, по прод. 1912 г., и ст. 737 въ ред. зак. 15 іюня 1912 г.).

Нѣсколько уже предварительное исполненіе рѣшеній допускается по германскому уставу. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., аналогичномъ указанному въ п. 1 ст. 737) оно назначается по распоряженію суда даже безъ просьбы стороны (§ 708), причемъ къ числу этихъ случаевъ относится между прочимъ неупоминаемый у насъ случай присужденія алиментовъ (§ 708 п. 6). Однако предѣлы его примѣненія значительно сокращены тѣмъ, что по просьбѣ истца оно допускается, кромѣ прямо указанныхъ въ законѣ случаевъ (п. 1—3 § 709; ср. п.п. 2, 3 и 5—7 ст. 737 уст. гражд. суд.), только когда цѣна присужденнаго не свыше 300 марокъ. Затѣмъ правила о представленіи обезпеченія въ общихъ чертахъ схожи съ соотвѣтственными правилами нашего Устава.

Что же касается австрійскаго законодательства, то предварительное исполненіе рѣшеній въ точномъ смыслѣ ему совсѣмъ неизвѣстно. Оно замѣняется „мѣрами взысканія для обезпеченія денежныхъ требованій“ (зак. 27 мая 1896 г., §§ 370—402), аналогичными нашимъ мѣрамъ „обезпеченія исковъ“, но примѣняе-

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. выше, стр. 543.

мыми по отношенію къ взысканіямъ, присужденнымъ рѣшеніями, не вступившими въ законную силу. Условія допустимости и предѣлы дѣйствія этихъ мѣръ болѣе или менѣе аналогичны правиламъ нашего Устава объ обезпеченіи исковъ и, слѣдовательно, значительно менѣе выгодны для взыскателей, чѣмъ дѣйствующія у насъ правила о предварительномъ исполненіи.

Затѣмъ первоначальныя постановленія Устава объ апелляціонномъ срокѣ были измѣнены закономъ 2 іюня 1914 г., которымъ, въ виду произведеннаго имъ объединенія двухъ различныхъ порядковъ производства въ окружныхъ судахъ, установленъ одинъ общій для всѣхъ дѣлъ мѣсячный срокъ на принесеніе апелляціонныхъ жалобъ. Такое сокращеніе апелляціоннаго срока находится въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіями западноевропейскихъ законодательствъ, такъ какъ, напримѣръ, во Франціи срокъ этотъ опредѣленъ въ 2 мѣсяца (art. 443, по закону 3 мая 1862 г.), въ Германіи въ — 1 мѣсяцъ (§ 576), въ Австріи — всего въ 2 недѣли (§ 464).

Что касается затѣмъ самаго порядка производства дѣлъ во второй инстанціи, то здѣсь слѣдуетъ только подчеркнуть, что въ Судебныхъ Уставахъ были сохранены постановленія законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ (ст.ст. 526 и 527) о томъ, что въ апелляціонной жалобѣ запрещается просить о такихъ предметахъ, о которыхъ не было сужденія въ низшемъ судѣ, но разрѣшается представлять новыя доказательства [1]) (ср. ст. 747 Уст. Гр. Суд.; рѣш. касс. деп. 1899 г. № 63 и др.). Весьма существенное различіе замѣчается, однако, въ томъ, что по прежнимъ правиламъ новыя доказательства могли представляться только на письмѣ, между тѣмъ какъ по новому Уставу такого ограниченія не существуетъ, вслѣдствіе чего палата можетъ провѣрять всякія вообще доказательства, какъ представленныя уже окружному суду, такъ и вновь представляемыя (ср. ст. 771 и рѣш. касс. деп. 1877 г. № 99). Тѣмъ самымъ въ нашемъ процессѣ твердо и рѣшительно установлено такъ называемое beneficium novorum, общепризнанное въ современныхъ западноевропейскихъ законодательствахъ [2]). Впрочемъ, право сторонъ представлять новыя доказательства въ апелляціонной инстанціи

[1]) Представленіе новыхъ доказательствъ не допускалось только въ Правительствующемъ Сенатѣ (ст. 561 зак. суд. гражд.); объясн. зап. 1863 г., стр. 425.

[2]) Герм. уст., § 529; австр., § 476; ср. франц. уст., §§ 464, 465 и 470.

имѣло своимъ послѣдствіемъ то нежелательное явленіе, что тяжущіеся иногда съ намѣреніемъ не представляли существенныхъ доказательствъ въ окружной судъ, чтобы добиться впослѣдствіи отмѣны рѣшенія окружного суда и получить вознагражденіе за веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ или просто замедлить дѣло [1]). Вслѣдствіе этого закономъ 2 іюня 1914 г. установлено, что если палата признаетъ, что рѣшеніе окружного суда отмѣнено вслѣдствіе представленія апелляторомъ такихъ новыхъ доказательствъ, которыя, по его винѣ, не были представлены въ окружномъ судѣ, то апелляторъ, по просьбѣ противной стороны, можетъ быть лишенъ права на возмѣщеніе издержекъ апелляціоннаго производства (ст. 776[1]). Въ этомъ случаѣ наше законодательство пошло по слѣдамъ германскаго (§ 97) и австрійскаго (§§ 43—45) уставовъ, причемъ, однако, послѣдній идетъ еще дальше, предоставляя апелляціонному суду право даже вовсе устранять такія доказательства, которыя не были заявлены ранѣе съ явнымъ намѣреніемъ затянуть дѣло. Сверхъ того, судъ можетъ подвергнуть штрафу адвоката, сдѣлавшаго такое заявленіе (§ 179).

Наконецъ, послѣднее существенное отступленіе отъ прежняго порядка производства во второй инстанціи установлено было въ ст. 772 устава, согласно которой палата обязана рѣшить всякое дѣло, не возвращая его въ окружной судъ. Правило это имѣло своею цѣлью устранить замедленіе въ ходѣ гражданскихъ дѣлъ, происходившее въ прежнее время вслѣдствіе злоупотребленія принадлежавшимъ высшему суду широкимъ правомъ возвращенія дѣлъ въ низшій судъ для новаго производства (ст. 545 зак. суд. гражд.). Однако, безусловное проведеніе этого начала на практикѣ оказалось положительно невозможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ низшей инстанціи были допущены столь существенныя нарушенія процессуальныхъ законовъ, что соблюденіе его вело бы къ нарушенію принципа о разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ въ двухъ инстанціяхъ. Поэтому Сенатъ оказался вынужденнымъ допускать довольно серьезныя отступленія отъ этого общаго правила [2]). Западно-европейскія законодательства, придерживаясь въ принципѣ того же начала, указываютъ,

---

[1]) Предст. мин. юст. 5 декабря 1912 г., стр. 25.

[2]) См. напр. рѣш. 1893 г. № 62; 1881 г. № 77, 1868 г. № 48 и др.

однако, на возможность возвращенія дѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ низшую инстанцію, какъ, напр., когда заявленныя сторонами требованія вовсе не разрѣшены въ обжалованномъ рѣшеніи или когда рѣшеніемъ этимъ разрѣшенъ только вопросъ о правѣ, но не о количествѣ взысканія [1]).

б) Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній.

Идея особыхъ просьбъ объ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній, вступившихъ въ законную силу, несомнѣнно была заимствована составителями судебныхъ уставовъ изъ французскаго законодательства, которому были извѣстны три вида такого рода просьбъ: pourvoi en cassation (зак. 1 дек. 1790 г., 27 вент. VIII г., 20 апр. 1810 г. и art. 540 уст.), requête civile (art. 480 — 503) и tierce opposition (art. 474—479). Точно также и въ нашемъ Уставѣ были допущены три рода просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній: просьбы о кассаціи рѣшеній, о пересмотрѣ ихъ и просьбы не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ (ст. 792).

Вопросу о постановкѣ въ нашемъ законодательствѣ кассаціоннаго производства посвященъ въ настоящемъ изданіи особый очеркъ. Поэтому здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ только о вліяніи просьбы о кассаціи на возможность приведенія судебнаго рѣшенія въ исполненіе.

По нашему дореформенному законодательству судебное рѣшеніе вступало, по общему правилу, въ „окончательную“ законную силу только послѣ того, какъ устранялась всякая возможность дальнѣйшаго его обжалованія. Такимъ образомъ, не только самое принесеніе жалобы, но даже одна возможность такого принесенія пріостанавливала иногда приведеніе рѣшенія въ исполненіе. Составители Судебныхъ Уставовъ отнеслись совершенно отрицательно къ такому порядку вещей, и, исходя изъ воззрѣнія на просьбы объ отмѣнѣ, какъ на экстраординарный способъ обжалованія, установили въ ст. 814, что „принесеніе просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія не останавливаетъ исполненія рѣшенія, доколѣ не послѣдуетъ опредѣленія Сената объ обраще-

[1]) Ср. герм. уст. §§ 538 и 359; австр. уст. § 496; франц. уст. art. 473.

ніи дѣла къ новому разсмотрѣнію". Однако, послѣдовательное проведеніе этого правила на практикѣ вызывало очень серьезныя затрудненія. Прежде всего оно оказывалось иногда крайне вреднымъ для интересовъ отвѣтчика, который, удовлетворивъ требованія истца, впослѣдствіи, послѣ отмѣны рѣшенія Сенатомъ, оказывался лишеннымъ всякой возможности получить обратно взысканную съ него сумму. Затѣмъ большіе споры возбуждалъ вопросъ о предѣлахъ правъ взыскателя на спорное имущество въ періодъ времени между исполненіемъ рѣшенія и отмѣны его Сенатомъ [1]). Поэтому закономъ 8 іюня 1893 г. [2]) были допущены нѣкоторыя отступленія отъ этого общаго правила, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему. До истеченія срока на принесеніе кассаціонной жалобы исполненіе рѣшеній не допускается по дѣламъ о законности рожденій и о расторженіи или признаніи недѣйствительными браковъ между старообрядцами и сектантами, по дѣламъ, подлежащимъ судебномировому разбирательству, и по искамъ противъ казенныхъ управленій (ст. 814[1] и 1295[1]). Сверхъ того, исполненіе можетъ быть пріостановлено, по просьбѣ отвѣтчика, если оно можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ такія измѣненія въ имуществѣ, послѣ которыхъ приведеніе послѣдняго въ прежнее состояніе становится невозможнымъ или крайне затруднительнымъ (ст. 814[2]). Въ прочихъ случаяхъ окончательное рѣшеніе приводится въ исполненіе немедленно, но отвѣтчикъ можетъ требовать принятія обезпечительныхъ мѣръ, на случай поворота исполненія (ст. 814). Къ просьбамъ о пересмотрѣ рѣшенія, а также къ просьбамъ 3-хъ лицъ эти правила не примѣняются, за исключеніемъ просьбъ, указанныхъ въ п. 2 ст. 794 (ст. 814[6]).

Что касается затѣмъ просьбъ о пересмотрѣ рѣшеній въ случаѣ открытія новыхъ обстоятельствъ или подлога въ актахъ, то выше мы уже упомянули, что образцомъ для нихъ служила французская requête civile. Однако, заимствуя этотъ способъ отмѣны рѣшеній изъ французскаго права, составители Судебныхъ Уставовъ допустили три весьма существенныхъ отступленія отъ постановленій послѣдняго.

---

[1]) Ср. касс. рѣш. 1892 г. № 69, 1879 г. № 32, 1876 г. № 46 и мн. др.

[2]) Предст. мин. юст. 15 марта 1893 г. № 7642.

Прежде всего они отказались отъ принятаго во Франціи (art. 480 и 481) подробнаго перечисленія поводовъ пересмотра, замѣнивъ его указаніемъ вообще на „новыя обстоятельства“ и оговоривъ спеціально только случай подлога въ актахъ. Интересно отмѣтить, что по этому именно пути пошли новѣйшіе германскій (§ 580) [1]) и австрійскій (§ 530) уставы.

Затѣмъ разсмотрѣніе просьбъ о пересмотрѣ у насъ сосредоточено въ Правительствующемъ Сенатѣ, который руководствуется при этомъ правилами кассаціоннаго производства (ст. 801 и слѣд.), между тѣмъ какъ во Франціи онѣ подаются тому же суду, которымъ постановлено первоначальное рѣшеніе (art. 490). Этотъ послѣдній порядокъ принятъ теперь въ Германіи (§ 584) и Австріи (§ 532). Съ практической точки зрѣнія различіе это едва ли можетъ имѣть существенное значеніе въ виду сравнительно небольшого количества просьбъ о пересмотрѣ.

Наконецъ, послѣдняя особенность нашего законодательства состоитъ въ томъ, что особыя „просьбы о пересмотрѣ“ допускаются имъ только въ отношеніи рѣшеній второй инстанціи. Пересмотръ же рѣшеній первой инстанціи вслѣдствіе вновь открывшихся обстоятельствъ производится путемъ принесенія апелляціонной жалобы, отличающейся отъ обыкновенной только тѣмъ, что срокъ на принесеніе ея исчисляется не со дня объявленія рѣшенія (ст. 749), а съ того дня, когда открыто просителемъ новое обстоятельство (ст. 750) [2]).

Рядомъ съ этимъ первоначальнымъ видомъ просьбъ о пересмотрѣ рѣшеній закономъ 17 января 1878 г. были постановлены еще особыя правила о пересмотрѣ въ случаѣ, когда рѣшеніе судебной палаты постановлено было противъ неявившагося къ слушанію дѣла отвѣтчика, мѣсто жительства котораго не было указано (ст. 794, п. 2). Подробнѣе объ этихъ просьбахъ было указано выше, по поводу вопроса о заочныхъ рѣшеніяхъ.

Наконецъ, прототипомъ просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ служилъ французскій институтъ „tierce opposition“ (art. 474—479), причемъ, однако, онъ былъ подвергнутъ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Главнѣйшія различія сво-

[1]) Въ германскомъ уставѣ просьбы объ отмѣнѣ отчасти соотвѣтствуютъ такъ называемой Restitutionsklage (§§ 578—591).

[2]) Ср. ст. 162[1] въ ред. зак. 15 іюня 1912 г.

дятся къ тому, что во Франціи просьбы эти подаются въ судъ, постановившій рѣшеніе (art. 475), и влекутъ за собою пріостановленіе исполненія рѣшенія (art. 478), между тѣмъ какъ у насъ онѣ подаются въ Сенатъ (ст. 801 и сл.) и не служатъ основаніемъ для пріостановленія исполненія (ст. 814, въ ред. 1864 г., и ст. 814[6], въ ред. зак. 8 іюня 1893 г.). А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ третьи лица заинтересованы прежде всего именно въ такомъ пріостановленіи, то вполнѣ понятно, что такія лица предпочитали охранять свои права путемъ предъявленія самостоятельныхъ исковъ [1]), благодаря чему разсматриваемыя постановленія Устава остались почти мертвой буквой [2]). Впрочемъ и съ теоретической точки зрѣнія конструкція разсматриваемаго института, какъ способа обжалованія судебныхъ рѣшеній, едва ли представляется правильною. Дѣйствительно, институтъ этотъ имѣетъ своею исключительною цѣлью предоставленіе третьимъ лицамъ возможности предупредить или пріостановить исполненіе рѣшенія, нарушающаго ихъ права. Такимъ образомъ, онъ находится въ близкой органической связи съ общими началами вступленія въ процессъ третьихъ лицъ и можетъ разсматриваться какъ особый видъ вступленія въ процессъ въ стадіи исполнительнаго производства. Такъ именно и конструируется этотъ институтъ въ германскомъ (§§ 771—774) и австрійскомъ (зак. 27 мая 1896 г. о взысканіяхъ, §§ 37 и 42, п. 5) законодательствахъ, изъ которыхъ первое создало для него даже особый терминъ „Executionsintervention“.

IV. Судъ милостивый.

Если въ судѣ уголовномъ, преслѣдующемъ главнымъ образомъ публично-правовые интересы, „милость“, понимаемая какъ снисхожденіе къ виновному съ стороны того, чьи интересы нарушены, можетъ имѣть довольно широкое примѣненіе, то въ судѣ гражданскомъ, имѣющемъ дѣло почти исключительно съ правами и интересами частныхъ лицъ, примѣненіе ея можетъ

[1]) Ср. касс. рѣш. 1873 г. № 1240.

[2]) Въ качествѣ иллюстраціи можно указать на то, что по отчетамъ Гражд. касс. деп. въ 1910 г. была подана 1 просьба объ отмѣнѣ, въ 1911—4, въ 1912 г.—15.

имѣть мѣсто развѣ только въ очень узкихъ предѣлахъ: вѣдь жертва интересами одного изъ тяжущихся ради интересовъ другого была бы не милостью, а неправосудіемъ. Тѣмъ не менѣе и въ гражданскомъ процессѣ можно найти элементы „суда милостиваго", посколько законодательная власть при его регулированіи поступается интересами государственными съ тѣмъ, чтобы сдѣлать обращеніе къ судебной власти возможно болѣе доступнымъ и возможно менѣе отяготительнымъ для частныхъ лицъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ, всѣ тѣ мѣры, которыя имѣютъ своею цѣлью обезпечить дешевизну гражданскаго процесса, хотя бы иногда въ ущербъ интересамъ казны или органамъ правительственной власти. Съ другой стороны, сюда же могутъ быть отнесены тѣ мѣры, путемъ которыхъ устраняется слишкомъ суровое отношеніе къ отвѣтчику, посколько таковое не вызывается необходимостью оградить справедливые интересы истца.

Судебныя издержки по прежнему нашему законодательству слагались изъ слѣдующихъ суммъ:

1) Пошлины съ прошеній, подаваемыхъ въ судебныя мѣста, взыскивавшіяся въ разъ навсегда фиксированной суммѣ: по 1 р. 80 к. съ каждаго искового прошенія и по 3 к. съ каждаго мироваго прощенія (ст. 1735).

2) Такъ называемыя „переносныя деньги", вносившіяся въ залогъ правой апелляціи тоже въ разъ навсегда фиксированной суммѣ: при переносѣ изъ первой инстанціи во вторую 7 р. 50 к. сер., а при переносѣ въ Правительствующій Сенатъ—60 р. сер. (ст. ст. 506, 556 и 1741); эти деньги возвращались въ случаѣ признанія апелляціи заслуживающей уваженія или окончанія дѣла миромъ (ст. 1744).

3) Деньги за припечатаніе объявленій въ размѣрѣ 3 рублей за каждую статью (ст. 1749), въ томъ числѣ за вызовъ отвѣтчика, всегда производившійся троякимъ образомъ: черезъ повѣстку, публикацію и выставленіе объявленій въ судѣ (ст. 271).

4) Гербовыя пошлины, взимавшіяся путемъ изложенія на гербовой бумагѣ не только прошеній, подаваемыхъ частными лицами (ст. 1759 и сл.), но и всего производства по дѣлу, т. е. протоколовъ, журналовъ и исходящихъ бумагъ (ст. 1768).

Кромѣ того взимались особые штрафы за неправильное вчиненіе и оспариваніе исковъ (ст. 227 и сл.) въ размѣрѣ 5%

съ оспаривавшейся суммы въ случаѣ производства дѣла въ одной инстанціи, 10%—въ случаѣ производства въ двухъ инстанціяхъ и 20%—въ случаѣ производства дѣла въ трехъ инстанціяхъ (ст.ст. 665, 746 и 759).

Наконецъ, дореформенному законодательству были извѣстны также расходы по производству дѣла въ точномъ смыслѣ, какъ напримѣръ, на вызовъ свидѣтелей и экспертовъ, на выѣздъ суда на мѣсто и т. п., причемъ однако въ законѣ не содержалось сколько нибудь точныхъ о нихъ постановленій.

Эти правила дореформеннаго законодательства были признаны составителями Судебныхъ Уставовъ и нецѣлесообразными, и несправедливыми.

Такъ, по поводу штрафовъ за предъявленіе неправильнаго иска и за подачу неправильной апелляціи Государственный Совѣтъ еще при выработкѣ Основныхъ Положеній судебной реформы[1]) замѣтилъ, что взысканіе этихъ штрафовъ „одна изъ принадлежностей слѣдственнаго процесса. Гражданскія дѣла возникаютъ большею частью не по злонамѣренности тяжущихся, но по крайнему убѣжденію каждой стороны въ справедливости ихъ правъ, и различное воззрѣніе на сказанныя права происходитъ часто отъ неяснаго уразумѣнія законовъ; а какъ въ состязательномъ процессѣ всякій долженъ имѣть право ограждать свою собственность въ законномъ порядкѣ, то предъявленіе неправильнаго иска не можетъ считаться такимъ дѣйствіемъ, за которое слѣдовало бы налагать какое-либо взысканіе, равнымъ образомъ, и апелляція не должна быть признаваема жалобою на судъ низшей степени, а собственно просьбою о новомъ разсмотрѣніи дѣла, потому, что тяжущіеся не убѣждены въ справедливости мнѣнія суда, рѣшившаго дѣло". Вслѣдствіе сего постановленія о взиманіи означенныхъ штрафовъ были вовсе отмѣнены.

Затѣмъ по поводу прежнихъ правилъ о гербовомъ сборѣ было замѣчено, что хотя по закону дѣла должны производиться на гербовой бумагѣ, но что на практикѣ они производятся на простой бумагѣ и уже по окончаніи ихъ съ проигравшаго дѣло взыскиваются деньги за гербовую бумагу. Между тѣмъ взысканіе этихъ денегъ оказывалось очень затруднительнымъ, а часто

---

[1]) Журн. 1862 г., № 65, стр. 52 и 53.

даже оставалось совершенно безрезультатнымъ [1]). Поэтому было признано болѣе цѣлесообразнымъ вовсе отмѣнить правило объ оплатѣ гербовымъ сборомъ всего судебнаго производства (ст. 847 Уст.), сохранивъ этотъ сборъ только для всѣхъ бумагъ, подаваемыхъ въ судъ тяжущимися, а также получаемыхъ ими изъ суда, каковы, напримѣръ, исполнительные листы, копіи рѣшеній, справки и т. п. (ст. 844).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы устранить возможность причиненія казнѣ какихъ-либо убытковъ, было рѣшено замѣнить прежде существовавшую пошлину съ исковыхъ прошеній, такъ называемою судебною пошлиною, количество которой должно опредѣляться въ зависимости отъ цѣны иска (ст.ст. 123, 124 и 125 Осн. Пол.). Въ частности, при обсужденіи вопроса о размѣрѣ этой пошлины, была высказана мысль, что пошлину эту не слѣдуетъ разсматривать какъ плату за пользованіе судебными установленіями, такъ какъ установленія эти „необходимы въ государствѣ для поддержанія порядка и однимъ существованіемъ своимъ въ большей части случаевъ обезпечиваютъ неприкосновенность правъ гражданъ“, а потому „всего справедливѣе и правильнѣе было бы отнести содержаніе ихъ сполна на общіе государственные расходы“. Такимъ образомъ судебная пошлина „должна представлять собою только средство къ возмѣщенію части тѣхъ расходовъ казны, которые не могутъ, безъ обремененія государственнаго бюджета, покрываться вполнѣ изъ общихъ государственныхъ доходовъ“ [2]). Вслѣдствіе этого, большинство комиссіи находило, что пошлина эта „должна быть настолько умѣренна, чтобы наложеніе ея . . . . . не представляло значительныхъ стѣсненій для лицъ, желающихъ получить удовлетвореніе по своему домогательству“, и что поэтому ее слѣдовало бы опредѣлить въ размѣрѣ 20 коп. со 100 руб. каждаго искового прошенія, встрѣчнаго иска, отзыва на заочное рѣшеніе, просьбы третьяго лица и апелляціонной жалобы. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинствомъ комиссіи были отвергнуты предложенія нѣкоторыхъ ея членовъ объ установленіи пошлины въ уменьшающейся, сообразно увеличенію цѣны иска, прогрессіи; о взиманіи ея въ увеличенномъ размѣрѣ съ отзывовъ и апелляціон-

[1]) По удостовѣренію составителей Судебныхъ Уставовъ въ московскомъ уѣздномъ казначействѣ къ 1 іюля 1859 г. числилось болѣе 15.000 р. недоимки по гербовому сбору.

[2]) Объясн. зап. 1863 г., II, стр. 324 и 325.

ныхъ жалобъ; объ ограниченіи размѣровъ ея какимъ-нибудь максимальнымъ предѣломъ и о взиманіи ея только съ исковыхъ прошеній [1]). Предположенія эти были одобрены и Государственнымъ Совѣтомъ, который призналъ однако необходимымъ увеличить размѣръ судебной пошлины до 50 коп. со 100 руб., и въ такомъ видѣ были введены въ новый Уставъ (ст. 848) [2]).

Затѣмъ, однако, рядомъ съ судебными пошлинами были установлены такъ называемыя пошлины канцелярскія, взимавшіяся въ пользу канцелярій судебныхъ мѣстъ [3]) по 20 коп. съ листа при выдачѣ тяжущимся различнаго рода бумагъ изъ судебныхъ установленій (ст. 854) и, сверхъ того, за приложеніе печати—10 коп. (ст. 855).

Кромѣ того въ Уставъ были включены подробныя постановленія о такъ называемыхъ „сборахъ по производству дѣлъ“ (ст. ст. 857—867), причемъ въ частности было указано, что на вызовъ отвѣтчика, мѣсто жительства коего неизвѣстно, прилагается 6 рублей (ст. 857).

Наконецъ, для облегченія частнымъ лицамъ доступа въ мировыя судебныя установленія, было установлено, что производство въ этихъ установленіяхъ вовсе освобождается отъ гербоваго сбора и всякихъ пошлинъ, за исключеніемъ канцелярскихъ, подлежащихъ взиманію въ размѣрѣ 10 к. съ листа (ст. ст. 200 и 201) [4]).

Уже этотъ краткій обзоръ правилъ о судебныхъ издержкахъ показываетъ, что составители Судебныхъ Уставовъ сдѣлали очень многое для удешевленія у насъ гражданскаго процесса. Однако главнымъ нововведеніемъ въ этой области, дѣйствительно открывавшимъ широкій доступъ въ судъ несостоятельному населенію, было установленіе такъ называемаго права бѣдности. Правда, и въ прежнихъ законахъ указывалось на то, что отъ взноса при апелляціи переносныхъ денегъ и слѣдующихъ за припечатаніе объявленія о вызовѣ освобождаются лица, „объявившія, что по неимуществу своему не могутъ внести оныхъ“, но льгота эта примѣнялась лишь къ незначительной части судебныхъ издержекъ и вовсе не распространялась на наиболѣе

---

[1]) Объясн. записка 1863 г., II, стр. 319—333.

[2]) Журн. 1864 г. № 44, стр. 96 и 97.

[3]) Въ силу закона 17 декабря 1890 г. пошлины эти поступаютъ въ доходъ казны.

[4]) Закономъ 15 іюня 1905 г. канцелярскія пошлины у мировыхъ судей увеличены до 20 к. съ листа (ст. 201).

крупныя изъ нихъ. По новому же Уставу признаніе за тяжущимся права бѣдности влечетъ за собою освобожденіе его рѣшительно отъ всѣхъ судебныхъ издержекъ, съ возложеніемъ въ этомъ случаѣ сборовъ по производству дѣла на казну (ст. ст. 880 и 887).

Если теперь просмотрѣть тѣ измѣненія, которыя были введены во всѣ эти правила въ теченіе пятидесятилѣтняго ихъ дѣйствія, то придется признать, что измѣненія эти носили въ значительной мѣрѣ случайный характеръ и не объединялись какою-либо одною общею цѣлью. Дѣйствительно, всѣ послѣдовавшія за истекшія 50 лѣтъ узаконенія, относящіяся къ разсматриваемой области, распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одну составляютъ тѣ, которыя были направлены на нѣкоторое возвышеніе судебныхъ сборовъ, а другую—тѣ, которыя, напротивъ того, имѣли своею цѣлью болѣе или менѣе серьезное удешевленіе процесса.

Правда, число первыхъ очень незначительно. Сюда собственно могутъ быть отнесены только двѣ новеллы: во-первыхъ, законъ 10 мая 1877 г.—установившій для мировыхъ судебныхъ установленій судебную пошлину въ размѣрѣ одной копѣйки съ рубля и, сверхъ того, особый „сборъ съ бумаги“ въ размѣрѣ десяти копѣекъ съ каждаго листа поданной тяжущимися въ судъ или полученной ими изъ суда бумаги (ст. 200^{2} и 200^{3}), имѣвшій замѣнить собою гербовый сборъ. Во-вторыхъ—законъ 30 іюля 1908 г., которымъ судебная пошлина въ коллегіальныхъ судахъ была увеличена съ 50 к. съ каждыхъ 100 р. до одной копѣйки съ каждаго рубля. Увеличеніе это находилось, впрочемъ, въ ближайшей связи съ произведеннымъ тѣмъ же закономъ значительнымъ увеличеніемъ содержанія должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства.

Что же касается второй группы новыхъ узаконеній, то здѣсь слѣдуетъ упомянуть прежде всего о цѣломъ рядѣ законовъ [1]), въ силу которыхъ право бѣдности было признано за всѣми лицами, ищущими на основаніи особыхъ правилъ о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и профессіональныхъ заболѣваній, безъ необходимости признанія за ними

---

[1]) 2 іюня 1903 г., 9 іюня 1904 г., 6 іюня 1905 г., 19 декабря 1905 г., 6 марта 1906 г. 19 апрѣля 1906 г., 23 и 28 іюня 1912 г. и др.

этого права судомъ (ст. ст. 880[1] и 1289, прим. 3). Затѣмъ сюда же относится разсмотрѣнный выше законъ 1896 г. о разрѣшеніи коллегіальнымъ судамъ поручать совершеніе отдѣльныхъ процессуальныхъ дѣйствій уѣзднымъ членамъ окружного суда и мировымъ судьямъ, всецѣло вызванный стремленіемъ къ удешевленію производства по гражданскимъ дѣламъ. Значительное удешевленіе гражданскаго процесса было достигнуто также закономъ 7 іюня 1909 г. о сношеніи суда съ тяжущимися черезъ почту (прил. къ ст. 267 Уст.), изданіе котораго было обусловлено тѣмъ, что необходимость сношенія суда съ тяжущимися черезъ судебныхъ приставовъ и разсыльныхъ вызывала издержки, иногда даже превосходившія размѣръ самого иска [1]). Въ этомъ случаѣ наше законодательство послѣдовало примѣру уставовъ германскаго и австрійскаго, изъ которыхъ по первому вручение бумаги черезъ почту составляетъ право (§§ 176—179), а по второму даже обязанность (§ 88) суда. Наконецъ къ числу разсматриваемыхъ узаконеній долженъ быть отнесенъ законъ 23 марта 1912 г. объ измѣненіи порядка публикацій по судебнымъ и нѣкоторымъ административнымъ дѣламъ, которымъ плата за публикацію въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, въ виду отмѣны правила о троекратномъ производствѣ такихъ публикацій, была сокращена съ 3 р. до 1 р. 50 к. [2]). Обязательныя же публикаціи судебныхъ вызововъ въ газетахъ, издающихся на иностранныхъ языкахъ, а также публикаціи заочныхъ рѣшеній, закономъ этимъ было вовсе отмѣнены (ст. 13, прил. къ ст. 318 (прим.) Учр. Сен. и ст. ст. 295, 297, 726 и 726[1] Уст. Гр. Суд.).

Въ общемъ, несмотря на послѣдовавшее въ 1908 г. возвышеніе судебныхъ пошлинъ, всетаки нельзя не признать, что нашъ Уставъ въ этомъ отношеніи представляется значительно болѣе льготнымъ для тяжущихся, чѣмъ западно-европейскіе и тѣмъ самымъ даетъ заинтересованнымъ лицамъ гораздо болѣе широкій доступъ къ судебной помощи. Дѣйствительно, напримѣръ по французскому законодательству, кромѣ гербоваго сбора,

---

[1]) Предст. мин. юст. отъ 1 ноября 1907 г., стр. 1.

[2]) Такое сокращеніе было введено по иниціативѣ Государственнаго Совѣта; см. докл. ком. законод. предп., сессія VII, № 6, стр. 3. Мотивировалось оно тѣмъ, что „весьма желательно, по возможности, уменьшить такого рода накладные расходы, въ особенности, если уменьшеніе ихъ не грозитъ ущербомъ для государственнаго казначейства".

взимается пропорціональная судебная пошлина въ размѣрѣ отъ $1^1/_4{}^0/_0$ до $3^3/_4{}^0/_0$ съ суммы иска, въ зависимости отъ категорій судебныхъ учрежденій и отъ рода дѣлъ [1]). По германскому же закону 18 іюня 1878 г. ставки судебной пошлины, возрастая въ убывающей прогрессіи, составляютъ отъ $0{,}9^0/_0$ до $100^0/_0$ (при цѣнѣ иска въ 1 марку), и въ частности, при суммѣ иска въ 500 руб. (средняя подсудность нашего мирового судьи), пошлина эта составляетъ 32 марки, т. е. превышаетъ $3^0/_0$. Тяжесть такого обложенія оказывается еще значительнѣе, если имѣть въ виду, что означенныя ставки пошлины взимаются въ каждой инстанціи отдѣльно за устное состязаніе сторонъ, доказательное производство и за рѣшеніе дѣла, благодаря чему размѣръ пошлины можетъ увеличиться втрое. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что во второй инстанціи указанныя ставки увеличиваются на $^1/_4$, а въ третьей—на половину [2]). Ясно, что при такихъ условіяхъ размѣръ судебныхъ пошлинъ можетъ во много разъ превзойти установленный нашимъ закономъ, достигая чуть ли не $20^0/_0$ съ оспоренной суммы.

Что касается затѣмъ той группы процессуальныхъ мѣръ, которая имѣла своею цѣлью облегченіе положенія тяжущихся при производствѣ гражданскихъ дѣлъ, то на первомъ мѣстѣ здѣсь долженъ быть, конечно, поставленъ вопросъ о личномъ задержаніи должниковъ, столь распространенномъ какъ въ нашемъ, такъ и въ западно-европейскихъ дореформенныхъ законодательствахъ.

По законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ объемъ примѣненія личнаго задержанія былъ очень широкъ, такъ какъ оно допускалось во всѣхъ случаяхъ, когда должникъ „не имѣетъ чѣмъ заплатить и обезпечить свой долгъ“ (ст. 2217). Прекращалось же оно въ случаѣ неуплаты кредиторами кормовыхъ денегъ (ст. 2220), погашенія или прощенія взысканія, признанія должника несостоятельнымъ несчастнымъ и истеченія пяти лѣтъ со времени задержанія неосторожнаго должника (ст. 2222). Эти правила обратили на себя самое серьезное вниманіе составителей Судебныхъ Уставовъ, которые, послѣ тщательнаго ихъ обсу-

---

[1]) Зак. 26 янв. 1892 г.; 30 дек. 1873 г.; 23 авг. 1871 г. и 6 Преріала VII г.

[2]) Gerichtskostengesetz 18 іюня 1878 г., §§ 8, 15, 16, 18, 19 и сл.; Rintelen. Systematische Darstellung des gesammten neuen Prozessrechts, 1881, т. I, стр. 656 и сл.

жденія [1]), не рѣшились однако поднять вопросъ о полной отмѣнѣ личнаго задержанія, очевидно имѣя въ виду существованіе его въ то время во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ. Такъ, во Франціи, по гражданскому кодексу Наполеона (ст.ст. 2059—2062 и 2066), нѣсколько измѣненному законами 17 апрѣля 1832 г. и 13 сентября 1848 г., личное задержаніе допускалось въ очень многочисленныхъ случаяхъ, причемъ иногда оно носило обязательный для суда характеръ, иногда же зависѣло отъ его усмотрѣнія. Наконецъ, были случаи, когда оно покоилось на договорномъ началѣ (ст. 2060, п. 5). Впрочемъ достоинствомъ французскаго законодательства было то, что оно допускало личное задержаніе всетаки не всегда, а только въ прямо указанныхъ закономъ случаяхъ, притомъ въ тѣхъ, въ которыхъ можно было усмотрѣть наличность злонамѣренности со стороны должника. Гораздо шире личное задержаніе было поставлено въ Австріи (уст. 1 мая 1781 г. §§ 348 и сл. и зак. 24 окт. 1858 г.), а также въ другихъ германскихъ государствахъ, гдѣ оно допускалось вообще въ случаѣ безуспѣшности взысканія, обращеннаго на имущество должника.

Сохранивъ такимъ образомъ въ новомъ Уставѣ личное задержаніе, какъ способъ взысканія съ неисправныхъ должниковъ (ст.ст. 1223—1266), составители Судебныхъ Уставовъ тѣмъ не менѣе внесли въ него нѣкоторыя довольно существенныя улучшенія. Правда, несмотря на послѣдовавшее по этому предмету разногласіе въ редакціонной комиссіи [2]), Государственный Совѣтъ [3]) не рѣшился болѣе точнымъ образомъ перечислить случаи допустимости личнаго задержанія. Благодаря этому, послѣднее продолжало допускаться во всѣхъ случаяхъ, когда должникъ „не уплачиваетъ присужденнаго взысканія и не можетъ указать способа исполненія рѣшенія“ (ст. 1224). Зато было установлено, что долгъ ниже 100 р. не можетъ служить поводомъ къ задержанію (ст. 1227), опредѣлены точные сроки задержанія въ зависимости отъ суммы взысканія (ст. 1234), установлена безотвѣтственность должника по долгу, по которому онъ былъ лишенъ свободы (ст. 1237), и т. п.

---

[1]) Объясн. зап. 1863 г., т. II, стр. 245—279.

[2]) Объясн. зап. 1863 г., т. II, стр. 246 и сл.

[3]) Журн. 1864 г. № 44, стр. 84 и 85.

Однако уже вскорѣ послѣ обнародованія Судебныхъ Уставовъ (въ 1868 г.) въ Военномъ Совѣтѣ [1]) былъ возбужденъ вопросъ о желательности полной отмѣны задержанія за долги, какъ мѣры нецѣлесообразной и несправедливой [2]). Послѣдствіемъ этого было образованіе въ 1871 г. при Министерствѣ Юстиціи комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Бруна, которою и былъ выработанъ законопроектъ объ отмѣнѣ задержанія за долги, удостоившійся 7 марта 1879 г. Высочайшаго утвержденія. Закономъ этимъ личное задержаніе, какъ способъ взысканія съ неисправныхъ должниковъ, отмѣнялось по всей Имперіи, за исключеніемъ лишь: 1) предварительнаго ареста должниковъ при производствѣ вексельныхъ взысканій, 2) взятія подъ стражу по дѣламъ о несостоятельности и 3) обезпеченія исковъ при производствѣ дѣлъ по формѣ, согласно указу 1723 г. Сверхъ того, личное задержаніе сохранялось временно въ губерніяхъ прибалтійскихъ и привислинскихъ.

Первое изъ этихъ исключеній отпало послѣ примѣненія къ вексельнымъ взысканіямъ, производящимся въ коммерческихъ судахъ, упрощеннаго порядка судопроизводства [3]). Третье изъ нихъ утратило практическое значеніе со времени повсемѣстнаго введенія Судебныхъ Уставовъ. Наконецъ, закономъ 3 іюня 1886 г. личное задержаніе отмѣнено въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Такимъ образомъ въ настоящее время оно примѣняется только по дѣламъ о несостоятельности и, сверхъ того, сохраняется въ губерніяхъ привислинскихъ [4]).

Отмѣнивъ личное задержаніе, законъ 7 марта 1879 г. ввелъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашъ Уставъ нѣкоторыя постановленія, имѣвшія своею цѣлью, по мысли законодателя, хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ предоставить истцу тѣ обезпечительныя мѣры, которыми онъ обладалъ въ прежнее время. Сюда относятся, съ одной стороны — возможность обезпеченія иска путемъ отобранія отъ отвѣтчика подписки о невыѣздѣ (ст.ст. 652^{1}—652^{3} и 1222^{1}—1222^{3}), а съ другой—особыя правила о розысканіи средствъ къ

[1]) Въ бытность военнымъ министромъ ген.-ад. Милютина.

[2]) Журн. Выс. учр. ком., стр. 1 и 2.

[3]) Законъ 24 марта 1892 г. (ср. примѣч. къ ст. 76 Уст. суд. торг., изд. 1903 г.).

[4]) Въ настоящее время на разсмотрѣніи Государственной Думы находится проектъ министра юстиціи объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги въ привислинскихъ губерніяхъ.

удовлетворенію взысканія путемъ вызова съ этою цѣлью должника въ судъ (ст.ст. 1222^{4}—1222^{10}). Къ сожалѣнію, однако, нельзя не отмѣтить, что мѣры эти не получили у насъ сколько-нибудь широкаго развитія на практикѣ.

Затѣмъ, однако, этимъ не исчерпываются тѣ мѣры, которыя приняты въ нашемъ Уставѣ въ цѣляхъ возможнаго облегченія положенія тяжущихся въ процессѣ. Такъ, напримѣръ, сюда можетъ быть отнесено правило статьи 136 Устава, въ силу котораго мировому судьѣ предоставлено право разсрочить должнику, неимѣющему никакихъ наличныхъ средствъ для удовлетворенія взысканія, уплату на опредѣленные сроки [1]). Затѣмъ здѣсь же можно упомянуть о возложеніи на судъ обязанности склонять тяжущихся къ примиренію (ст.ст. 70, 177 и 337), въ которой составители Судебныхъ Уставовъ усматривали „главную обязанность мирового судьи, который долженъ быть по преимуществу судья примирительный, такъ что рѣшенія мировымъ судьею постановляются только въ случаѣ неуспѣха въ примиреніи“ [2]). Равнымъ образомъ, къ этой же категоріи процессуальныхъ мѣръ могутъ быть отнесены правила статей 135^{1} и 706^{1} (въ ред. закона 15 іюня 1912 г.), предоставляющія суду въ искахъ о доходахъ и убыткахъ назначать размѣръ вознагражденія по своему справедливому усмотрѣнію, если истецъ оказывается по самому свойству дѣла лишеннымъ возможности представить надлежащія доказательства въ подтвержденіе размѣровъ предъявленнаго имъ иска. Наконецъ, нельзя не вспомнить о разсмотрѣнныхъ выше правилахъ закона 8 іюня 1893 г. о пріостановленіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненія судебнаго рѣшенія, вступившаго въ законную силу, но могущаго причинить отвѣтчику невознаградимый ущербъ.

Впрочемъ перечисленіе это можно было бы продолжать чуть ли не до безконечности: вѣдь всѣ Судебные Уставы живутъ одной идеей—идеей высокой человѣчности, идеей милосердія ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“.

---

[1]) Правило это было, очевидно, статьею 1244 французскаго гражданскаго кодекса.

[2]) Журн. 1862 г. № 65, стр. 24.

V. Судъ равный для всѣхъ.

Мы уже неоднократно указывали выше на то крайнее разнообразіе порядковъ производства гражданскихъ дѣлъ, которое наблюдалось въ нашемъ дореформенномъ процессѣ. Разнообразіе это, посколько оно стояло въ зависимости отъ самаго свойства различныхъ гражданскихъ дѣлъ, конечно не нарушало само по себѣ принципа равенства всѣхъ передъ судомъ. Но посколько разнообразіе это зависѣло отъ участія въ гражданскомъ дѣлѣ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ—оно неизбѣжно создавало для этихъ лицъ извѣстныя привиллегіи и, слѣдовательно, несомнѣнно становилось въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ правильнаго судоустройства и судопроизводства.

Между тѣмъ въ нашемъ дореформенномъ процессѣ подобнаго рода исключеній было не мало. Прежде всего это выражалось, конечно, въ сословномъ строѣ всей вообще судебной организаціи, отъ котораго составители Судебныхъ Уставовъ такъ рѣшительно отказались. Затѣмъ, въ частности, въ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ указываются въ качествѣ дѣлъ, подлежащихъ производству въ особомъ порядкѣ, дѣла казенныя, удѣльныя, крѣпостныхъ крестьянъ, монастырей и другихъ духовныхъ учрежденій, половниковъ, колонистовъ и т. п. Словомъ, значительное большинство тѣхъ „особенныхъ“ родовъ тяжбъ и исковъ, о которыхъ говорилось въ ст. 774, имѣли, такъ сказать, субъективный характеръ, отличаясь другъ отъ друга именно участіемъ въ данномъ дѣлѣ опредѣленныхъ тяжущихся.

Составители Судебныхъ Уставовъ рѣшительно отказались отъ такого разнообразія процессуальныхъ порядковъ, подчинивъ всѣ вообще гражданскія дѣла дѣйствію однихъ и тѣхъ же правилъ. Впрочемъ ими всетаки были допущены нѣкоторыя отступленія отъ этого общаго начала; отступленій этихъ было всего три, причемъ два изъ нихъ (дѣла о взысканіи убытковъ съ должностныхъ лицъ и дѣла брачныя и о законности рожденія) обусловливались дѣйствительными внутренними особенностями данныхъ гражданскихъ дѣлъ. Затѣмъ прежній, такъ сказать

субъективно-привилегированный, характеръ сохранился лишь за одною группою дѣлъ—дѣлъ казенныхъ управленій. На постановленіяхъ, касающихся этой группы дѣлъ, мы и позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе.

По дореформенному нашему законодательству гражданскіе споры, въ которыхъ принимала участіе казна, находились подъ дѣйствіемъ совершенно особыхъ узаконеній. Прежде всего, значительное большинство дѣлъ по притязаніямъ казны къ частнымъ лицамъ и частныхъ лицъ къ казнѣ было вовсе изъято изъ вѣдѣнія судебной власти и производилось въ административномъ, безспорномъ порядкѣ. Сюда относились, по общему правилу, дѣла о завладѣніи (ст. 103), по договорамъ и обязательствамъ (ст. 104), по возмѣщенію ущерба, причиненнаго казеннымъ имуществамъ (ст. 105). Такимъ образомъ вѣдѣнію судебныхъ установленій были подчинены во всякомъ случаѣ только споры о недвижимыхъ имуществахъ (ст. ст. 693, 697 и сл.), о крѣпостныхъ крестьянахъ (ст. 723 и сл.) и о лѣсныхъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ (ст. 731 слѣд.). Затѣмъ самое производство этихъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ обладало очень серьезными особенностями. Это выражалось съ одной стороны—въ подчиненіи казенныхъ дѣлъ слѣдственному порядку, а съ другой—въ привлеченіи къ участію въ ихъ разрѣшеніи цѣлаго ряда лицъ и учрежденій административнаго вѣдомства. Такъ, дѣла эти могли начинаться и безъ предъявленія формальнаго иска, по однимъ сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ (ст. 698); затѣмъ разсмотрѣнію дѣла предшествовало производство слѣдствія чрезъ земскій судъ (ст. 701), при участіи депутата отъ казны (ст. 699); при недостаточности доказательствъ въ защиту казны, судъ самъ требуетъ ихъ отъ чиновъ администраціи (ст. 705); въ случаѣ неблагопріятнаго для казны рѣшенія, дѣла эти вносятся на ревизію суда второй степени (ст. 706). Рѣшенія же судовъ второй степени, въ случаѣ отчужденія чего либо отъ казны, сообщаются на заключеніе палатъ государственныхъ имуществъ (а иногда другихъ учрежденій) и засимъ вносятся въ Правительствующій Сенатъ, съ заключеніемъ губернатора (ст. 709 и сл.); въ Сенатѣ по этимъ дѣламъ требуется заключеніе подлежащаго министра и, въ случаѣ несогласія Сената съ нимъ, дѣло вносится въ Общее Собраніе (ст. 715); рѣшенія Сената объ отчужденіи чего либо отъ казны вносятся на Вы-

сочайшее утвержденіе черезъ министра юстиціи и Государственный Совѣтъ (ст. 715).

По совершенно правильному замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ, порядокъ этотъ существеннымъ образомъ нарушалъ начало равенства сторонъ передъ судомъ, превращая представителей казны изъ простыхъ защитниковъ ея интересовъ въ судей по дѣлу, въ которомъ сама казна заинтересована. Вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ направленіи и рѣшеніи этихъ дѣлъ множества мѣстъ и лицъ не только не способствовало правильному ихъ рѣшенію, но скорѣе запутывало дѣло и замедляло его ходъ [1]).

Въ цѣляхъ устраненія этихъ неудобствъ и медленности было признано необходимымъ распространить на дѣла казны общій состязательный порядокъ, принятый въ нашемъ Уставѣ (ст. ст. 1287 и 1288). Впрочемъ, провозглашая это общее начало, составители Судебныхъ Уставовъ не рѣшились окончательно отказаться отъ всякихъ преимуществъ казны на судѣ и, подъ вліяніемъ вѣдомствъ, установили для этихъ дѣлъ цѣлый рядъ отступленій отъ общаго порядка.

Отступленія эти, въ краткихъ словахъ, сводились къ слѣдующему: 1) дѣла казеннаго управленія изъемлются изъ вѣдѣнія мировыхъ судей, не подлежатъ производству сокращеннымъ порядкомъ и не могутъ быть оканчиваемы присягою и примиреніемъ; 2) разрѣшаются эти дѣла по выслушаніи заключенія прокурора; 3) по искамъ, предъявляемыхъ къ казнѣ, не допускается обезпеченіе исковъ и предварительное исполненіе рѣшеній (ст. 1291); 4) рѣшенія объявляются казнѣ путемъ сообщенія копій съ нихъ (ст. 1292) и срокъ на принесеніе жалобъ исчисляется со дня полученія этихъ копій (ст. 1293); 5) министры имѣютъ право входить въ Сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ рѣшенія судебныхъ палатъ независимо отъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (ст. 1295); 6) дѣла казеннаго управленія освобождены отъ платежа гербоваго сбора и судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ (ст. 879); и, наконецъ, 7) на предъявленія исковъ по договорамъ подряда, поставки и содержанія оброчныхъ статей назначены опредѣленные сроки, по истеченіи которыхъ частное лицо можетъ добиваться защиты своихъ правъ только жалобою по начальству (ст. 1300 и сл.).

[1]) Уст. Гр. Суд., изд. Гос. Канцел., 1867 г., стр. 603 и 605.

Эти постановленія Судебныхъ Уставовъ подверглись въ теченіе пятидесяти лѣтъ весьма существеннымъ измѣненіямъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ клонившимся къ подчиненію дѣлъ казеннаго управленія общимъ процессуальнымъ правиламъ. Число узаконеній противуположнаго направленія очень невелико. Сюда долженъ быть отнесенъ прежде всего рядъ законовъ [1]), которыми правила, установленныя для дѣлъ казеннаго управленія, были распространены на дѣла городскихъ, земскихъ и дворянскихъ обществъ, на управленія земскимъ хозяйствомъ и на общественное управленіе г. С.-Петербурга (ст. 1282, прим. 1—6). Затѣмъ разсмотрѣннымъ выше закономъ 8 іюня 1893 г. въ виду исключительныхъ свойствъ казны, какъ отвѣтчика безусловно состоятельнаго, и особой важности казенныхъ интересовъ [2]), было установлено, что по искамъ противъ казны исполненіе рѣшенія не допускается до истеченія срока на принесеніе кассаціонной жалобы (ст. 1295^{1}). Наконецъ, въ связи съ послѣдовавшею 26 іюня 1889 г. отмѣною общихъ запрещеній [3]), закономъ 29 декабря 1897 г. были установлены особыя правила о порядкѣ розысканія имущества казенныхъ должниковъ (ст. 1222^{11}—1222^{20}), въ общемъ аналогичныя установленнымъ въ 1879 г. такимъ же правиламъ для частныхъ взысканій (ст. 1222^{1}—1222^{10}).

Гораздо многочисленнѣе узаконенія, направленныя на устраненіе какихъ либо особенностей въ производствѣ казенныхъ дѣлъ. Сюда прежде всего относится цѣлый рядъ уже разсмотрѣнныхъ нами законовъ [4]) о подчиненіи различныхъ дѣлъ казеннаго управленія вѣдомству мировыхъ судей, закончившійся закономъ 15 іюня 1912 г., которымъ на всѣ вообще дѣла казеннаго управленія были распространены общія правила о подсудности (ст. 1289). Впрочемъ, расширивъ предѣлы вѣдомства мировыхъ судей, законъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ для производящихся у нихъ казенныхъ дѣлъ, нѣкоторыя изъятія, состоящія въ томъ, что по дѣламъ этимъ: 1) обязательно сообщеніе казенному управленію копій подаваемыхъ противною стороною бумагъ (ст. 1289^{1}); 2) срокъ на явку къ мировому судьѣ удлиняется до 2 недѣль; 3) министрамъ предоставляется право

[1]) 12 іюня 1890 г., 11 іюня 1892 г., 4 іюля 1901 г., 10 іюня 1902 г. и др.
[2]) Предст. мин. юст. 15 марта 1893 г. № 7642, стр. 15 и 16.
[3]) Ср. предст. мин. фин. 16 окт. 1897 г. № 198.
[4]) См. выше, стр. 495 и 496.

входить въ Сенатъ съ представленіями объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ (ст. 1295) и 4) на требованія къ казеннымъ управленіямъ не распространяются правила о понудительномъ исполненіи по актамъ (ст. 161^{2}, п. 1).

Затѣмъ въ большинствѣ изъ указанныхъ законовъ содержалось указаніе также на возможность производства упоминаемыхъ въ нихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ; закономъ же 2 іюня 1914 г., уничтожившимъ различіе между сокращеннымъ и общимъ порядками, казенныя дѣла подчинены тѣмъ же правиламъ, которыя установлены для прочихъ дѣлъ. Кромѣ того нѣкоторыми изъ этихъ законовъ допущена возможность окончанія цѣлаго ряда дѣлъ казеннаго управленія (желѣзныхъ дорогъ, увѣчныхъ рабочихъ, климатическихъ станцій и минеральныхъ водъ, сельскохозяйственныхъ складовъ) примиреніемъ тяжущихся. Затѣмъ закономъ 9 мая 1911 г. было отмѣнено правило о рѣшеніи дѣлъ казеннаго управленія по выслушаніи заключенія прокурора (ст. 343 и 1290) въ виду полной безполезности этого обряда на практикѣ [1]). Наконецъ, законами о вознагражденіи рабочихъ и служащихъ въ казенныхъ техническихъ заведеніяхъ за причиненныя имъ увѣчья и поврежденія въ здоровьѣ было допущено по дѣламъ этого рода предварительное исполненіе рѣшенія, постановленнаго противъ казеннаго управленія (ст. 1291, прим.).

Изъ этого краткаго обзора видно, что въ настоящее время установленныя для дѣлъ казеннаго управленія исключительныя постановленія въ значительной мѣрѣ сокращены и въ большинствѣ своемъ сводятся къ такимъ, которыя вытекаютъ изъ несомнѣнно присущихъ казнѣ особенностей. Настоящими льготами, нарушающими, притомъ, въ извѣстной степени принципъ равенства, являются лишь правила о недопустимости предварительнаго исполненія рѣшеній (ст. 1291), о неисполненіи рѣшенія впредь до истеченія срока на принесеніе кассаціонной жалобы (ст. 1295^{1}) и о недопустимости понудительнаго исполненія по актамъ противъ казенныхъ управленій (ст. 161^{2}, п. 1).

И. Мордухай-Болтовской.

---

[1]) Предст. мин. юст. 25 февраля 1910 г., стр. 13 и сл.

Очеркъ общихъ основаній нашего уголовнаго процесса по сравненію съ иностранными законодательствами.

Вступленіе. I. Гласность. II. Непосредственность и устность. III. Обвиненіе. IV. Гражданскій искъ. V. Защита. VI. Состязательное и инструкціонное начала въ различныхъ стадіяхъ процесса. VII. Принудительныя мѣры (арестъ, обыскъ, выемка). VIII. Обжалованіе апелляціонное и кассаціонное. IX. Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ.—Заключеніе.

Вступленіе.

Реформа нашего уголовнаго процесса, завершившаяся изданіемъ Устава Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 г., происходила въ то время, когда западно-европейская мысль стала отклоняться отъ французскихъ судебныхъ порядковъ и начала болѣе глубоко изучать строй процесса Англіи, законодательство коей послужило, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ, исходною точкою для созданія французскихъ судопроизводственныхъ законовъ. Уставы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ по многимъ капитальнымъ вопросамъ процесса представляли уже своеобразныя особенности. Тѣмъ же отличался и нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. Разсмотрѣніе основныхъ его началъ въ свѣтѣ сравнительнаго законодательства дастъ возможность не только лучшаго пониманія этихъ началъ, но и уясненія того, что внесъ нашъ Уставъ въ общую сокровищницу судебнаго права.

Въ слѣдующее за изданіемъ нашихъ Судебныхъ Уставовъ время процессуальное законодательство Западной Европы сдѣлало крупные шаги впередъ. Выработался германскій типъ процесса, нашедшій свое выраженіе, съ тѣми или иными особенно-

стями, въ уставахъ австрійскомъ (1873 г.), общегерманскомъ (1877 г.), норвежскомъ (1887 г.) и венгерскомъ (1896 г.). Не остановились въ своемъ развитіи и романскіе уставы, построенные въ общемъ подъ наиболѣе рѣзкимъ вліяніемъ французскаго code d'instruction criminelle. Обвинительная форма процесса, въ видѣ нѣкотораго, хотя и очень слабаго, смягченія инквизиціоннаго характера построенія предварительнаго слѣдствія, сдѣлала завоеваніе даже въ этомъ послѣднемъ уставѣ. Таковъ французскій законъ 8 декабря 1897 г. о реформѣ предварительнаго слѣдствія. Высокій интересъ представляетъ и новѣйшій изъ западныхъ судопроизводственныхъ уставовъ—итальянскій (1913 г.). Для русскаго юриста является далеко небезразличнымъ вопросъ, какое же положеніе ко дню своего пятидесятилѣтія занимаетъ нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства по сравненію со своими болѣе юными собратьями на Западѣ. Освѣщеніе нашего Устава съ такой точки зрѣнія будетъ только выраженіемъ уваженія къ памяти тѣхъ, которые свыше полувѣка тому назадъ создавали новые судебные порядки съ глубокою вѣрою въ начала, выработанныя наукою и опытомъ западныхъ народовъ.

На обязанность уголовнаго суда возлагается разрѣшеніе притязанія государства на наказаніе лица, подозрѣваемаго въ совершеніи преступнаго дѣянія. Дѣятельность уголовнаго суда по выполненію такой обязанности носитъ строго публичный характеръ. Она опредѣляется цѣлымъ рядомъ правилъ, составляющихъ, въ ихъ совокупности, уголовно-процессуальное законодательство. Цѣлью его является снабженіе суда такого рода средствами, которыя давали бы ему возможность отысканія въ каждомъ данномъ случаѣ не формальной только, а и матеріальной истины. Казалось бы, разъ цѣлью стремленія уголовнаго суда является матеріальная истина, то заботой законодателя должно быть не ограниченіе, а, напротивъ, возможное расширеніе судебныхъ полномочій въ указанномъ направленіи. Такая точка зрѣнія была бы, однако, крайне ошибочной. Установленіе правилъ, вводящихъ дѣятельность суда въ извѣстныя нормы, напротивъ, является залогомъ его успѣха въ осуществленіи возложенной на него задачи. Въ разныя историческія эпохи принципы и формы дѣятельности уголовнаго суда опредѣлялись различно. Современный уголовный законодатель считаетъ, прежде всего, что уголовное судопроизводство должно быть проникнуто извѣст-

ными общими основными началами, къ коимъ онъ относитъ гласность, непосредственность и устность. Исходя также изъ обвинительной формы суда, какъ принципа процесса, законодатель естественно долженъ озаботиться о самостоятельной постановкѣ обвиненія и защиты, а равно о проведеніи въ движеніи процесса взаимодѣйствія между этими основными его факторами и объ опредѣленіи отношенія къ нимъ суда, какъ разрѣшителя спора между государствомъ и обвиняемымъ. Снабжая представителей обвиненія и защиты извѣстными полномочіями, законодатель, исходя изъ публичнаго характера уголовнаго процесса, имѣетъ въ виду не частные какіе либо ихъ интересы, и въ такомъ случаѣ полномочія обвиненія и защиты онъ разсматриваетъ, какъ орудія для достиженія публично-правовой цѣли уголовнаго процесса — обвиненія виновнаго и оправданія невиннаго. Это положеніе не мѣняетъ своего характера и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинительная дѣятельность вручается частнымъ лицамъ. Правда, законодатель считается съ желательностью доставить потерпѣвшему возможность оградить свои интересы, но допускаетъ это лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ она или не препятствуетъ или содѣйствуетъ основной цѣли уголовнаго процесса. Къ этой области относятся нормы о частномъ обвинителѣ и гражданскомъ истцѣ.

Кромѣ основного стремленія къ установленію процессуальныхъ правилъ, въ цѣляхъ такой организаціи дѣятельности суда, которая наиболѣе обезпечивала бы его успѣхъ, законодатель долженъ считаться и съ необходимостью гарантировать гражданъ отъ неосновательнаго не только осужденія, но и привлеченія къ суду, и принятія разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ. Къ достиженію этой цѣли направлены, конечно, всѣ нормы процесса и самое устройство суда. Въ частности же особое вниманіе обращается на гарантіи противъ принятія разнаго рода принудительныхъ мѣръ, ограничивающихъ личную свободу и неприкосновенность домашняго очага.

Конечно, ни характеръ, ни размѣры настоящей статьи не могутъ позволить разсмотрѣть положенія Устава Уголовнаго Судопроизводства во всей полнотѣ. Необходимо выдвинуть лишь основные общіе вопросы о гласности, непосредственности, устности, а равно о проведеніи принципа обвинительной формы суда въ построеніи различныхъ процессуальныхъ институтовъ, о граж-

данскомъ искѣ и принятіи главнѣйшихъ понудительныхъ мѣръ (арестъ, обыскъ, выемка). Обсужденіе процессуальныхъ нормъ въ означенныхъ предѣлахъ можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать представленіе о всѣхъ существенныхъ элементахъ процесса, даже въ его движеніи. Завершеніемъ такой системы изложенія можетъ служить разсмотрѣніе тѣхъ правилъ, которыя особо устанавливаются законодательствами для большаго обезпеченія устраненія судебныхъ ошибокъ (обжалованіе и возобновленіе уголовныхъ дѣлъ). Что же касается участія въ уголовномъ судѣ народнаго элемента и, въ особенности, его роли и положенія въ процессѣ, то означенные предметы, въ виду посвященія суду присяжныхъ особой статьи, выходятъ уже изъ рамокъ настоящаго очерка.

I. Гласность.

Руководящая идея современнаго уголовнаго процесса—обезпеченіе отысканія матеріальной истины—терпитъ ограниченія прежде всего въ установленіи начала гласности процессуальныхъ дѣйствій. Гласность эта раздѣляется на гласность общую, т. е. на дозволеніе присутствовать на судѣ всѣмъ желающимъ [1]), и на гласность сторонъ, подъ коей разумѣется право присутствовать при судопроизводственныхъ дѣйствіяхъ только тѣхъ лицъ, кои участвуютъ въ дѣлѣ въ качествѣ сторонъ [2]). Составители Судебныхъ Уставовъ предполагали установить у насъ оба вида гласности даже во время предварительнаго слѣдствія. Они всецѣло слѣдовали примѣру Англіи, гдѣ допущеніе публики предоставлено на волю судьи, производящаго предварительное слѣдствіе [3]). Также, по примѣру Англіи, они проектировали допущеніе участія при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ не только прокурора, потерпѣвшаго, обвиняемаго (ст.ст. 239, 267, 280, 318, 403 проекта уст. уг. суд. 1863 г.), но и защитника послѣд-

---

[1]) Понятіе „всѣ желающіе“ обыкновенно не распространяется въ законодательствахъ на несовершеннолѣтнихъ, на лицъ, являющихся въ судъ вооруженными или въ состояніи, несоотвѣтствующемъ достоинству суда.

[2]) Фойницкій. Курсъ угол. судопроизводства, т. I, 1912 г., стр. 102—103.

[3]) Объясн. зап. къ проекту уст. уг. суд. 1863 г., стр. 159; Фойницкій. Курсъ угол. судопроизводства, т. II, 1910 г., стр. 347

няго (тамъ же ст. 259). Такая широкая постановка гласности не получила силы закона. Во время предварительнаго слѣдствія у насъ сохранилось изъ намѣченныхъ составителями Судебныхъ Уставовъ предположеній только гласность сторонъ, безъ участія защитника со стороны обвиняемаго и повѣреннаго со стороны потерпѣвшаго (ст.ст. 280, 304, 316, 359, 446 и 456 Уст. Уг. Суд.). При этомъ, вопреки буквѣ и духу Устава Уголовнаго Судопроизводства, получила, къ сожалѣнію, весьма широкое распространеніе практика, въ силу которой допросы свидѣтелей въ отсутствіе обвиняемыхъ сдѣлались общимъ правиломъ. Конечно, принятая Уставомъ гласность на предварительномъ слѣдствіи, если и не могла быть сопоставляема съ англійскимъ законодательствомъ, тѣмъ не менѣе представляла крупный шагъ впередъ, сравнительно съ французскимъ уставомъ и съ построенными по его образцу уставами отдѣльныхъ германскихъ государствъ, скрывавшими отъ обвиняемаго все происходящее на предварительномъ слѣдствіи [1]). Это начало тайны предварительнаго слѣдствія только въ весьма слабой степени колебалось предшествовавшимъ нашимъ Судебнымъ Уставамъ брауншвейгскимъ уставомъ 1849 г. (§ 7), и лишь современникъ нашего Устава—баденскій уставъ 18 марта 1864 г.—допустилъ присутствіе защитника (но не обвиняемаго) при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, устанавливающихъ объективный составъ преступнаго дѣянія (§ 197), слѣдовательно—при дѣйствіяхъ, кромѣ допросовъ обвиняемыхъ и свидѣтелей.

Развитіе послѣдующихъ законодательствъ пошло прежде всего въ направленіи расширенія гласности сторонъ. Въ этомъ отношеніи преимущество должно быть отдано законодательствамъ германскаго типа, такъ какъ даже новый итальянскій уставъ допускаетъ во время предварительнаго слѣдствія гласность сторонъ только во время производства судебнаго опыта, при дачѣ заключенія экспертами, при опознаніяхъ и домашнихъ обыскахъ [2]) (ст. 198), а французскій законъ 8 декабря 1897 г. не предоста-

---

[1]) Фойницкій. Курсъ, т. II, стр. 349; Миттермайеръ. Законодательство и юридическая практика (русскій переводъ 1864 г.), стр. 310; Zachariae. Handbuch des deutschen Strafprocesses, т. II, 1868 г., стр. 200—201.

[2]) Обвиняемый допускается къ означеннымъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, если объ этомъ просятъ прокуроръ или защитникъ, либо это представляется необходимымъ по свойству совершаемаго дѣйствія.

вилъ защитнику права присутствовать при какихъ либо слѣдственныхъ дѣйствіяхъ (кромѣ допроса обвиняемаго) [1]). Изъ законодательствъ германскаго типа въ наиболѣе тѣсныхъ предѣлахъ допускаетъ гласность сторонъ на предварительномъ слѣдствіи австрійскій уставъ. Въ силу § 97 этого устава, обвинитель и защитникъ (но не обвиняемый) [2]) могутъ присутствовать только при осмотрѣ, домовомъ обыскѣ и выемкѣ бумагъ. Общегерманскій же уставъ допускаетъ гласность сторонъ (въ частности и обвиняемаго) [3]) на предварительномъ слѣдствіи, какъ при осмотрѣ, такъ и при допросѣ такихъ свидѣтелей и экспертовъ, которые, какъ можно предполагать, не будутъ въ состояніи явиться къ разсмотрѣнію дѣла по существу (§ 191). Эту систему принимаетъ и венгерскій уставъ (§§ 125, 126, 127), по которому также домашній обыскъ, выемка, осмотръ писемъ производятся, гдѣ возможно, въ присутствіи сторонъ или ихъ уполномоченныхъ (§ 126). Особенно интересными представляются постановленія норвежскаго устава о гласности во время предварительнаго производства дѣла. Этотъ уставъ знаетъ, прежде всего, въ качествѣ общаго правила, гласность сторонъ, съ двумя однако изъятіями: 1) допросъ свидѣтеля долженъ быть произведенъ въ отсутствіе прокурора, обвиняемаго и его защитника, если есть данныя для предположенія, что свидѣтель въ ихъ присутствіи не дастъ заслуживающаго довѣрія показанія, и 2) при особыхъ обстоятельствахъ, судья можетъ постановить о полномъ устраненіи обвиняемаго и избраннаго имъ защитника до тѣхъ поръ, пока существуютъ основанія для опасенія, что иначе цѣль преслѣдованія будетъ разстроена или поставлена въ опасность. (§ 278). Кромѣ того, норвежскому уставу извѣстна во время предварительнаго производства дѣла и общая гласность. Такъ, засѣданія суда публичны во время дознанія, когда къ суду обращаются за совершеніемъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій [4]) (§§ 267 —

[1]) См. П. И. Люблинскій. Свобода личности въ угол. процессѣ, 1906 г., стр. 527 и слѣд.

[2]) Lohsing. Oesterreichisches Strafprocessrecht in systematischer Darstellung, 1912 г., стр. 233.

[3]) При опасности, что свидѣтель не скажетъ правды въ присутствіи обвиняемаго, послѣдній можетъ быть не допущенъ къ присутствованію при допросѣ (§ 192).

[4]) Дознаніе производится подъ руководствомъ прокуратуры, которая однако во многихъ случаяхъ нуждается въ содѣйствіи суда, напр. для производства осмотровъ, обысковъ, выемокъ, закрѣпленія свидѣтельскихъ показаній. Равнымъ образомъ, къ содѣйствію суда можетъ обращаться и лицо противъ котораго направлено преслѣдованіе, чтобы устано-

269), а равно во время предварительнаго слѣдствія, если судъ не находитъ нужнымъ закрыть двери—потому ли, что публичность не помѣшаетъ полному и достовѣрному разъясненію дѣла, или вслѣдствіе того, что признаетъ недостаточными для закрытія дверей засѣданія тѣ основанія, которыя приведены обвиняемымъ, а если онъ моложе 15 лѣтъ, его опекуномъ (ч. 2 § 113).

Такимъ образомъ, развитіе западно-европейскихъ законодательствъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ пошло по пути, который намѣчали составители послѣднихъ, и если въ свое время нашъ Уставъ представлялъ по вопросу о гласности сторонъ на предварительномъ слѣдствіи крупный шагъ впередъ, то нынѣ, въ особенности въ практическомъ его примѣненіи, онъ остается далеко позади своихъ позднѣйшихъ собратій.

По вопросу о гласности во время разбирательства дѣла по существу Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, конечно, сталъ на точку зрѣнія признанія гласности и сторонъ, и общей. Въ послѣднемъ отношеніи онъ принялъ перечневую систему, предписавъ ограниченіе гласности по нѣкоторымъ точно указаннымъ группамъ дѣлъ, а именно о посягательствахъ противъ религіи, правъ семейственныхъ, противъ чести и цѣломудрія женщинъ, о развратномъ поведеніи, противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ (ст.ст. 620 и 89), равно по дѣламъ, преслѣдуемымъ по частной жалобѣ, въ случаѣ просьбы сторонъ (ст. 89) и о произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома (ст. 1056).

По сравненію съ другими законодательствами, система нашего Устава не можетъ быть сопоставляема только съ англійскимъ, которое устанавливаетъ ограниченіе гласности лишь по преступленіямъ, касающимся половыхъ отношеній [1]). Что же касается другихъ законодательствъ, современныхъ изданію Судебныхъ Уставовъ и послѣдующихъ, то они, слѣдуя примѣру Франціи, приняли общую формулу для ограниченія гласности — въ случаяхъ признанія судомъ публичнаго разбирательства вреднымъ для общественнаго спокойствія или нравственности. Иногда эта формула расширяется, иногда суживается. Такъ, саксонскій уставъ 1855 г. предписывалъ закрытіе дверей засѣданія не только тогда,

---

вить тѣ или иныя обстоятельства (Olaf Salomonsen. Das norwegische Schwurgericht въ сборн. Mittermaier'a и Liepmann'a „Schwurgericht und Schöffengericht", т. I, стр. 718).

[1]) Миттермайеръ, указан. соч., стр. 258.

когда слѣдовало опасаться нарушенія чувства стыдливости или опасности для публичнаго порядка, но и тогда, когда въ интересахъ государства являлось полезнымъ устраненіе публичности (§ 6). Равнымъ образомъ, итальянскій уставъ (1913 г.) дозволяетъ ограниченіе гласности, когда она можетъ повредить нравственности, публичному порядку или публичному интересу (ст. 373). Съ другой стороны, норвежскій уставъ допускаетъ устраненіе гласности только въ тѣхъ случаяхъ, когда она поставила бы въ опасность нравственность, или когда ограниченіе ея требуется отношеніями къ иностраннымъ державамъ (ч. 1 § 113). Наше позднѣйшее законодательство (зак. 12 февраля 1887 г.), сохраняя прежнюю систему, вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало за западно-европейскими законодательствами. Оно установило для суда широкія основанія, въ силу коихъ онъ можетъ закрывать двери засѣданія (оскорбленіе религіознаго чувства, нарушеніе требованій нравственности, необходимость огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій—ст. 620^{3}). Пріемъ, принятый въ свое время при составленіи Судебныхъ Уставовъ, такимъ образомъ, оказался отступающимъ отъ западно-европейскихъ образцовъ. Однако мы не можемъ поставить это въ упрекъ творцамъ Уставовъ. Какъ отмѣчено въ нашей литературѣ проф. Фойницкимъ, пріемъ этотъ много содѣйствовалъ закрѣпленію гласности въ уголовномъ судопроизводствѣ [1]).

Послѣ изданія Уставовъ наше законодательство по вопросу о гласности не ограничилось подражаніемъ иностраннымъ образцамъ. Оно ввело постановленіе, которое получило впослѣдствіи широкое распространеніе въ иностранныхъ законодательствахъ. Законъ 2 іюня 1897 г. предоставилъ суду право закрывать двери засѣданія по всякаго рода дѣламъ, если подсудимыми являются несовершеннолѣтніе (ст. 89^{2} и 620^{4}). Съ другой стороны, помянутымъ выше закономъ 1887 г. оно создало своеобразное постановленіе, коимъ ограниченіе гласности предоставлено не только суду, но и министру юстиціи (ст. 89^{1} и 621^{1}).

---

[1]) Фойницкій. Курсъ, т. I, стр. 113.

II. Непосредственность и устность.

Ограниченіе руководящаго положенія уголовнаго процесса—отысканія матеріальной истины—находитъ свое выраженіе также въ другомъ общепризнанномъ началѣ реформированнаго процесса—непосредственности судебнаго разбирательства, предполагающей отсутствіе посредниковъ между судомъ и источникомъ, воспроизводящимъ доказательство. Однако неуклонное проведеніе этого начала представляется недостижимымъ. Собраніе нѣкоторыхъ доказательствъ самимъ судомъ, рѣшающимъ дѣло, очень часто оказалось бы невозможнымъ, по запоздалости его. На этомъ основаніи, законодательства допускаютъ или прочтеніе на судебномъ слѣдствіи актовъ объ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ (см. ст. 687 нашего Уст. Уг. Суд.) или допросъ лица дѣлавшаго осмотръ, либо производившаго вскрытіе (Англія). Съ другой стороны, при возникающей у суда, уже рѣшающаго дѣло, необходимости произвести повѣрку осмотра или новый осмотръ, для него не всегда возможно непосредственное производство такого осмотра, напр. по отдаленности мѣста, подлежащаго обзору. Необходимость указаннаго отступленія отъ начала непосредственности можетъ возникнуть не только для апелляціоннаго суда, но и для судей первой инстанціи. Въ этомъ отношеніи большинство уставовъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ устанавливало осмотръ всѣмъ составомъ суда [1]). Однако такой порядокъ нерѣдко можетъ оказаться затруднительнымъ для суда. Поэтому болѣе правильно поступаютъ тѣ законодательства, какъ напр. германское [2]) или венгерское (§ 306), которыя предоставляютъ усмотрѣнію суда или непосредственно произвести осмотръ, или поручить его своему члену, либо иному судьѣ, соображаясь съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая. Нашъ же Уставъ выдвигаетъ на первый планъ ограниченіе начала непосредственности, предписывая по общему правилу осмотръ по порученію (ст. 688), допуская лишь для чрез-

---

[1]) Plank. Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens, 1857 г., стр. 376 и 377.
[2]) Löwe. Die Strafprocessordnung für das Deutsche Reich, 1907, § 224, Anm. 4.

вычайныхъ случаевъ по важнымъ преступленіямъ выѣздъ суда на мѣсто преступленія (ст. 689).

Ограниченіе начала непосредственности получаетъ особое значеніе въ отношеніи того вида его, который носитъ техническое названіе устности судопроизводства. Послѣдняя требуетъ, чтобы показанія свидѣтелей и заключенія экспертовъ дѣлались непосредственно передъ судомъ. Здѣсь также безусловное воспрещеніе прочтенія прежде данныхъ показаній и заключеній могло бы представить серьезную опасность для правосудія. Такой запретъ часто лишалъ бы судъ источника для открытія истины. Существенно важнымъ является установленіе границъ нарушенія начала устности. Онѣ должны прежде всего опредѣляться невозможностью, по практическимъ или правовымъ основаніямъ, добиться явки свидѣтеля или эксперта на судъ. Затѣмъ, эти границы могутъ обусловливаться необходимостью провѣрить устное показаніе письменнымъ, при ихъ противорѣчіи. Игнорированіе въ этихъ случаяхъ письменныхъ показаній никоимъ образомъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Какъ справедливо замѣчено Глазеромъ, запись безпристрастнаго показанія, сдѣланнаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, можетъ быть во многихъ случаяхъ гораздо болѣе цѣнною, нежели изустное повтореніе такого показанія при обстоятельствахъ, которыя способны вызвать сомнѣніе въ свѣжести и достовѣрности воспоминанія, или внушаютъ опасеніе, что свидѣтельствующій самъ сдѣлался доступенъ вліянію или расчету, которые явились впослѣдствіи [1]). Наконецъ, оглашеніе письменнаго показанія можетъ быть признано необходимымъ въ случаяхъ отказа отвѣчать или запамятованія показанія.

Ограниченіе устности указанными предѣлами не только допускалось современными Судебнымъ Уставамъ законодательствами, но признается и всѣми позднѣйшими. Нашъ Уставъ разрѣшаетъ пользованіе письменными показаніями въ болѣе тѣсныхъ границахъ. Такъ для оглашенія показанія неявившихся свидѣтелей необходимо, чтобы неявка послѣдовала за смертью, болѣзнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою, а также въ силу предоставленнаго свидѣтелю права допроса на дому (ст. 626). Если

---

[1]) Руководство къ уголовному процессу, переводъ Лихачева, т. I, стр. 203.

нельзя признать правильными французскую судебную практику [1]), а равно постановленія нѣкоторыхъ уставовъ германскихъ государствъ [2]) относительно оглашенія на судебномъ слѣдствіи письменныхъ показаній свидѣтелей, неявившихся въ судъ безъ законной причины, то, съ другой стороны, даваемый нашимъ Уставомъ тѣсный перечень причинъ неявки свидѣтеля, какъ основаній для оглашенія его показанія, является нерѣдко поводомъ къ весьма частымъ откладываніямъ дѣла, опаснымъ для интересовъ правосудія и тягостнымъ для обвиняемыхъ, хотя практика нѣсколько и расширила предѣлы ст. 626. Современные намъ иностранные уставы даютъ болѣе обобщенное указаніе причинъ неявки, обусловливающихъ возможность прочтенія показаній: уважительныя причины (австр. § 252), несоразмѣрныя неудобства и издержки для явки (норвежск. § 332), большія затрудненія или несоразмѣрно большія издержки (венгерск. § 313). Равнымъ образомъ и относительно оглашенія показаній явившихся свидѣтелей нашъ Уставъ, въ качествѣ основанія послѣдняго, указываетъ только несогласіе изустнаго показанія съ письменнымъ (ст. 627), упуская изъ виду отказъ свидѣтеля отъ показанія и запамятованіе.

Въ отношеніи же заключеній экспертовъ въ Уставѣ не содержится особыхъ постановленій. Изъ смысла ст.ст. 690—692, въ связи со ст. 687, несомнѣнно слѣдуетъ, что производство новой экспертизы зависитъ отъ усмотрѣнія суда. Послѣдній, вмѣсто того, можетъ ограничиться прочтеніемъ протокола объ экспертизѣ, произведенной на предварительномъ слѣдствіи. Такъ смотритъ на это и судебная практика (рѣш. Угол. касс. деп. 1874 г. № 283). Она вообще допускаетъ широкое оглашеніе на судебномъ слѣдствіи протоколовъ объ экспертизѣ, внѣ какой либо связи съ условіями, установленными въ ст.ст. 626 и 627 для оглашенія свидѣтельскихъ показаній (рѣш. Угол. касс. деп. 1869 г. № 326; 1870 г. № 723; 1874 г. № 453; 1876 г. № 243). Въ этомъ отношеніи нашъ Уставъ очень близко подходитъ къ законодательствамъ тѣхъ германскихъ государствъ, которыя устанавливали прочтеніе протоколовъ объ экспертизѣ, какъ общее правило [3]). Ограниченіе начала устности въ разсматри-

[1]) Объясн. зап. къ проекту новой редакціи уст. уг. суд. 1900 г. т. III, стр. 200.

[2]) Plank, указан. сочин., стр. 371.

[3]) Тамъ же, стр. 375.

ваемомъ направленіи проводитъ и новый итальянскій уставъ (1913 г.), не допускающій вызова къ судебному слѣдствію, по просьбѣ сторонъ, ни новыхъ, ни прежнихъ экспертовъ, если на предварительномъ слѣдствіи между экспертами не было разногласія (ст. 367). Напротивъ, другія законодательства ставятъ для оглашенія заключенія экспертовъ одинаковыя, какъ для свидѣтелей, условія (напр., австр. § 252; германск. §§ 250 и 252; норвежск. § 332).

Многія законодательства, какъ прежнія, такъ и нынѣ дѣйствующія, допускаютъ еще цѣлый рядъ неизвѣстныхъ нашему праву, весьма существенныхъ отступленій отъ началъ непосредственности и устности. Въ этомъ отношеніи на первое мѣсто должно быть поставлено французское законодательство и, въ особенности, французская судебная практика. Въ code d'instruction criminelle нѣтъ точныхъ правилъ объ оглашеніи на судѣ показаній. Практика, основываясь на статьяхъ устава о дискреціонной власти предсѣдателя (ст.ст. 268 и 269), считаетъ усмотрѣніе послѣдняго единственнымъ мѣриломъ того, какія письменныя доказательства возможно предъявлять на судебномъ слѣдствіи. На этомъ основаніи читаются, напр., даже показанія невызывавшихся свидѣтелей [1]), свидѣтелей и экспертовъ, допрошенныхъ прокуроромъ, если они не явились въ засѣданіе. Все это происходитъ подъ видомъ такъ называемыхъ пояснительныхъ свѣдѣній [2]). Слѣдуя этому принципу, нѣкоторыя германскія законодательства предоставляли усмотрѣнію предсѣдателя или суда оглашать всѣ тѣ акты предварительнаго слѣдствія, прочтеніе коихъ они признаютъ полезными [3]), и разрѣшали обвинительной камерѣ указывать также такихъ свидѣтелей, показанія коихъ подлежали, безъ вызова ихъ, прочтенію на судѣ [4]). Такое грубое нарушеніе начала устности допускаетъ и самый новый процессуальный уставъ—итальянскій. Онъ дозволяетъ оглашать на судѣ показанія невызванныхъ, но допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, свидѣтелей, если во

---

[1]) Объясн. зап. къ проекту новой редакціи уст. уг. суд. 1900 г. т. III, стр. 200. Наша судебная практика допускаетъ оглашеніе показанія невызывавшагося свидѣтеля только въ томъ случаѣ, если свидѣтель умеръ, безразлично былъ ли онъ включенъ въ списокъ свидѣтелей (1907 г. № 26) или нѣтъ (1870 г. №№ 322 и 664).

[2]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 398.

[3]) Zachariae, указан. сочин., т. I, стр. 55; Plank, указан. сочин., стр. 371.

[4]) Plank, указан. сочин., стр. 371; Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 254—255.

время приготовительныхъ къ суду распоряженій прокуратура и стороны сослались на этихъ свидѣтелей только съ цѣлью, чтобы были прочтены ихъ показанія (ст. 404 въ связи съ ч. 5 ст. 367) [1]).

Ограниченіе начала непосредственности и устности происходитъ иногда скрытно, въ формѣ допроса подсудимаго предсѣдателемъ, гдѣ этотъ допросъ, какъ во Франціи и въ законодательствахъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, имѣетъ или имѣлъ инквизиціонный характеръ. Производство такого допроса, говоритъ Миттермайеръ [2]), можетъ уничтожить принципъ устности, такъ какъ предсѣдатель получаетъ данныя для допроса изъ актовъ предварительнаго слѣдствія и выставляетъ въ своихъ вопросахъ за истину факты, собранные слѣдственнымъ судьею. Равнымъ образомъ, можетъ глубоко колебать непосредственность судебнаго разбирательства правило, извѣстное большинству не только прежнихъ, но и новѣйшихъ законодательствъ [3]), о передачѣ присяжнымъ засѣдателямъ, въ томъ или иномъ объемѣ, актовъ слѣдственнаго производства въ совѣщательную комнату [4]). По этому предмету составителями Судебныхъ Уставовъ было справедливо замѣчено, что при устномъ порядкѣ судопроизводства всѣ акты предварительнаго слѣдствія повѣряются на судѣ, что врученіе присяжнымъ засѣдателямъ какихъ либо актовъ предварительнаго слѣдствія можетъ принести весьма сомнительную пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное значеніе актовъ измѣнилось при слѣдствіи судебномъ, потому что, такимъ образомъ, послѣднее впечатлѣніе оставалось бы за слѣдствіемъ предварительнымъ, доставляющимъ лишь одинъ грубый матеріалъ, очищаемый на судѣ [5]).

Такимъ образомъ, нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства наиболѣе строго и послѣдовательно проводитъ начало устности въ отношеніи такого широко примѣняемаго доказательства, какъ свидѣтельскія показанія. Если постановленія его

---

[1]) См. А. И. Люблинскій. Новый итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства, 1913 г., стр. 69 и 70.

[2]) Указан. сочин., стр. 58 и 59, 382 и 383.

[3]) Исключеніе всегда представляла Англія.

[4]) О прежнихъ законодательствахъ см. у Миттермайера, указан. сочин., стр. 456 и 457. Изъ новыхъ см. австр. (§ 325), германск. (§ 302), норвежск. (§ 348), венгерск. (§ 364).

[5]) Объясн. зап. къ проекту уст. уг. суд., стр. 398.

по сему предмету и требуютъ какой либо реформы, то развѣ только въ направленіи нѣкотораго расширенія случаевъ оглашенія показаній. Напротивъ, относительно экспертизы нашъ Уставъ уступаетъ болѣе новымъ уставамъ. Онъ забываетъ, что для оцѣнки судомъ заключенія экспертовъ очень важенъ при этомъ ихъ допросъ и ознакомленіе съ ихъ личностью, равно какъ съ тѣми способами, посредствомъ коихъ они дошли до своего сужденія [1]).

III. Обвиненіе.

Какъ мы уже отмѣчали во введеніи, обвинительная форма, проникающая, въ качествѣ основного принципа, современный реформированный процессъ, выдвинула задачу организаціи обвиненія, какъ самостоятельнаго процессуальнаго института. Разъ потерялъ свое значеніе судья—инквизиторъ, совмѣщавшій въ себѣ и рѣшеніе дѣла, и обвиненіе, послѣднее естественно должно было обособиться. Возникали при этомъ вопросы, въ чьихъ рукахъ для наилучшаго и наиболѣе полнаго преслѣдованія преступныхъ дѣяній должна быть сосредоточена обвинительная дѣятельность—должностныхъ или частныхъ, и въ какомъ объемѣ, чѣмъ долженъ руководствоваться обвинитель, не должны ли его дѣйствія подвергнуться какимъ либо ограниченіямъ. Послѣдовательное же проведеніе обвинительной формы требовало устраненія суда отъ всякаго участія въ дѣятельности по преслѣдованію и обличенію обвиняемыхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ.

Такимъ образомъ, представляется вполнѣ естественнымъ, что паденіе розыскного процесса и введеніе обвинительной формы суда выдвинуло вопросъ о возложеніи на особый органъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія и поддержанія обвиненія на судѣ. Народное обвиненіе, въ качествѣ основного нормальнаго института, оказалось мало пригоднымъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ опытъ Англіи — страны съ широко развитой личной иниціативой и общественною самодѣятельностью [2]). На конти-

[1]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 253 и 254.

[2]) Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ, т. I, стр. 222 и слѣд.

нентѣ Европы получило господство должностное обвиненіе въ лицѣ прокурорскаго надзора. Равнымъ образомъ и у насъ, при судебномъ преобразованіи, прокуратура, введенная Петромъ Великимъ, въ качествѣ органа надзора, была сдѣлана органомъ обвиненія. Однако этимъ не разрѣшался вопросъ о постановкѣ обвиненія во всей его полнотѣ. Существенно важными явились также вопросы о томъ, должна ли прокуратура получить монополію обвиненія и какой долженъ быть контроль надъ ея обвинительной дѣятельностью. Французское законодательство сосредоточило такую дѣятельность почти всецѣло въ рукахъ прокуратуры и создало контроль надъ этой дѣятельностью въ учрежденіи обвинительныхъ камеръ. Въ такомъ построеніи контроля сказалось вліяніе идей розыскнаго процесса, который отдавалъ обвиненіе въ руки суда [1]). На этотъ послѣдній путь сталъ и нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства (ст.ст. 517, 518 и слѣд). Однако уже въ современныхъ послѣднему законодательствахъ германскихъ государствъ намѣчался, хотя очень осторожно, иной путь. По преступнымъ дѣяніямъ, возбуждаемымъ по жалобѣ потерпѣвшаго, но неоканчиваемымъ примиреніемъ, въ случаѣ отказа прокурорскаго надзора отъ уголовнаго преслѣдованія, потерпѣвшій могъ принять обвиненіе на себя [2]). Ограниченіе монополіи прокурорскаго обвиненія въ указанномъ направленіи получило особенное развитіе въ послѣдовавшихъ за изданіемъ Судебныхъ Уставовъ уставахъ австрійскомъ, венгерскомъ, норвежскомъ и германскомъ. Напротивъ, новѣйшій итальянскій уставъ болѣе строго, чѣмъ французскій, сосредоточиваетъ преслѣдованіе въ рукахъ прокуратуры. Онъ не предоставляетъ, какъ французскій, права обвиненія, исключительно или параллельно съ органами прокурорскаго надзора, также и нѣкоторымъ другимъ должностнымъ лицамъ по преслѣдованію нарушеній интересовъ, ввѣренныхъ ихъ спеціальной защитѣ [3]). Уставы же, ограничивающіе прокурорскую монополію, идутъ двумя путями. Одни (австрійскій и венгерскій) вполнѣ послѣдовательно проводятъ обвинительное начало, устраняютъ контроль суда надъ дѣятельностью прокуратуры по уголовному преслѣдованію и,

---

[1]) Фойницкій. Курсъ, т. II, стр. 86 и 87.

[2]) В. Ширковъ. Участіе потерпѣвшаго въ возбужденіи угол. преслѣдованія и обвиненіи обвиняемаго (Вѣстникъ Права, 1900 г. № 6, стр. 120).

[3]) А. И. Люблинскій, указан. сочин., стр. 13 и 14.

для огражденія правъ пострадавшихъ отъ преступнаго посягательства, допускаютъ потерпѣвшихъ къ участію въ дѣлѣ, взамѣнъ прокурора, предоставляя имъ права его [1]). Этой же системы придерживается норвежскій уставъ [2]). Напротивъ, германскій уставъ сохраняетъ черты инквизиціоннаго процесса въ контролѣ суда надъ обвинительною дѣятельностью прокуратуры, устраняя монополію ея, предоставленіемъ потерпѣвшему права жалобы суду [3]), вслѣдствіе чего участіе потерпѣвшаго въ самомъ ходѣ процесса допускается не взамѣнъ прокуратуры, а въ дополненіе къ ней [4]).

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства очень широко обезпечилъ права потерпѣвшаго въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, предоставивъ ему права обвинителя по всѣмъ общимъ

---

[1]) В. Ширковъ, указан. ст., стр. 129. Австрійскій уставъ создаетъ однако для субсидіарнаго обвинителя нѣкоторыя ограниченія, напр. въ правѣ обжалованія, въ недопущеніи ходатайствовать о возобновленіи дѣла (§ 49).

[2]) Для характеристики разсматриваемой системы приведемъ существенныя постановленія норвежскаго устава. Согласно этому уставу, при отказѣ прокуратуры вполнѣ или условно возбудить обвиненіе или при прекращеніи ею возбужденнаго обвиненія, а равно при необжалованіи приговора, коимъ обвиняемый вполнѣ или частью оправданъ или осужденъ за менѣе важное преступное дѣяніе, потерпѣвшій можетъ принять преслѣдованіе на себя, если онъ не заявилъ при предварительномъ слѣдствіи, что не желаетъ никакого возбужденія обвиненія (§ 94 по зак. 1902 г.). Дѣйствія такого обвинителя стоятъ подъ контролемъ суда, напр. относительно преданія суду (§ 434), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по представленію доказательствъ (§ 425). Если прокуроръ отказался отъ обвиненія на главномъ слѣдствіи, то потерпѣвшій можетъ въ такомъ случаѣ прямо взять на себя преслѣдованіе (§ 433). Прокуроръ, несмотря на отказъ отъ обвиненія или на прекращеніе обвиненія, имѣетъ право вновь вступить въ дѣло; въ такомъ случаѣ частный обвинитель можетъ присоединиться къ преслѣдованію и сохранить за собою принадлежащія ему права стороны (§ 435 по зак. 1902 г.). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ норвежскій уставъ нѣсколько примыкаетъ къ германской системѣ побочнаго обвинителя (см. ниже, въ текстѣ).

[3]) Такъ, при отказѣ въ возбужденіи преслѣдованія (§ 169), потерпѣвшему предоставляется, прежде всего, право жалобы начальствующимъ лицамъ прокуратуры, а при отклоненіи ими жалобы — право просить рѣшенія суда (§ 170), причемъ опредѣленіе послѣдняго о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія обязательно для прокуратуры (§ 173).

[4]) Поэтому представляется весьма естественнымъ, что по германскому уставу право побочнаго обвинителя принадлежитъ тому, кто требованіемъ судебнаго опредѣленія вызвалъ возбужденіе публичнаго обвиненія. Однако, это имѣетъ мѣсто не при всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, а только при посягательствахъ, направленныхъ на жизнь, здоровье, свободу, личныя права состоянія или на имущественныя права (ч. 2 § 435). Кромѣ того, права побочнаго обвинителя предоставлены частному обвинителю, если прокуратура приняла преслѣдованіе на себя (ч. I § 435), а равно лицу, имѣющему право на денежное вознагражденіе—буссу, присуждаемую при оскорбленіи, клеветѣ и тѣлесномъ поврежденіи (ч. 1 § 443). Самое положеніе побочнаго обвинителя, по предоставленнымъ ему правамъ, очень близко къ положенію офиціальнаго обвинителя (см. В. Ширковъ, указан. ст., стр. 128).

дѣламъ, хотя бы возбуждаемымъ въ публичномъ порядкѣ (ст. 3). По дѣламъ же общихъ судебныхъ установленій Уставъ, хотя и не предоставилъ потерпѣвшему правъ обвинителя, тѣмъ не менѣе онъ довольно серьезно оградилъ его интересы, придавъ жалобѣ потерпѣвшаго значеніе законнаго повода и достаточнаго основанія для начатія предварительнаго слѣдствія (ст. ст. 297 и 303). При этомъ потерпѣвшій получилъ широкія права по участію на предварительномъ слѣдствіи и, въ частности, по представленію доказательствъ въ подкрѣпленіе своего иска (ст. 304). Затѣмъ, позднѣйшій законъ 3 мая 1883 г. далъ потерпѣвшему еще орудіе для защиты своихъ интересовъ въ видѣ права жалобы на прекращеніе дѣла окружнымъ судомъ (ст. 528[2]). Казалось бы, послѣ изданія этого закона долженъ былъ самъ собою стать на очередь вопросъ о правѣ того потерпѣвшаго, который добился отмѣны прекращенія дѣла и постановки его на судъ, выступать дополнительнымъ обвинителемъ. Шага этого сдѣлано не было. Не были устранены слѣды инквизиціоннаго процесса, въ видѣ судебнаго контроля надъ обвинительною дѣятельностью прокуратуры [1]), съ предоставленіемъ, по примѣру австрійскаго и норвежскаго уставовъ, потерпѣвшему правъ субсидіарнаго обвинителя. При расширеніи помянутымъ закономъ 1883 г. судебнаго контроля потерпѣвшій, добившійся судебнаго преслѣдованія, не получилъ и положенія побочнаго обвинителя. Попрежнему, наши потерпѣвшіе, для огражденія своихъ нематеріальныхъ интересовъ, должны, насколько это представляется возможнымъ, пользоваться правами гражданскихъ истцовъ, хотя они не вполнѣ соотвѣтствуютъ правамъ, которыя свойственны обвинителю.

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства не даетъ прямого отвѣта на вопросъ, какимъ началомъ должны руководствоваться должностные обвинители—законности (Legalitäts-princip) или удобства (Opportunitäts-princip). Теорія и практика, основываясь на разумѣ закона, приходятъ къ выводу, что у насъ принято начало законности. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ и господствовавшимъ во время составленія Уставовъ взглядамъ на Западѣ. На этой точкѣ зрѣнія, съ нѣкоторыми незначительными изъятіями, стоятъ и

---

[1]) Реформа въ этомъ направленіи (т. е. устраненіи судебнаго контроля) едва ли и соотвѣтствовала бы нашимъ взглядамъ и традиціямъ.

позднѣйшіе уставы — австрійскій [1]), германскій [2]) и венгерскій. Только норвежскій уставъ въ основу возбужденія обвиненія положилъ принципъ усмотрѣнія. Согласно этому уставу, кромѣ особо и точно указанныхъ случаевъ [3]), обвиненіе можетъ быть не возбуждено также въ томъ случаѣ, когда можно предполагать, что общественные интересы не требуютъ наказанія, а именно, если со времени совершенія дѣянія прошелъ особенно большой промежутокъ времени или существуютъ особо смягчающія обстоятельства. Невозбужденіе уголовнаго преслѣдованія можетъ быть связано съ условіемъ, чтобы въ опредѣленный обвинительной властью срокъ [4]) обвиняемый не сдѣлался виновнымъ въ новомъ умышленномъ преступленіи или нарушеніи (§ 85 по зак. 22 мая 1902 г.). До постановленія приговора или рѣшенія присяжныхъ начатое преслѣдованіе можетъ быть прекращено по тѣмъ же основаніямъ по коимъ оно могло быть не возбуждено съ самаго начала (§ 86). Право прокуратуры руководствоваться принципомъ усмотрѣнія поставлено норвежскимъ уставомъ подъ контроль государственнаго прокурора и короля. Послѣднему принадлежитъ по сему предмету окончательное рѣшеніе (§ 91). Opportunitäts-princip начинаетъ проникать и въ уголовно-правовую мысль Германіи. Правительственный проектъ 1909 г. вводитъ это начало довольно широко, но только по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ а равно по дѣламъ, подсуднымъ единоличнымъ судьямъ, безъ участія шеффеновъ. Проектъ обязываетъ прокуратуру, въ первомъ случаѣ, отказаться отъ преслѣдованія, если слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ наказаніемъ воспитательнымъ и исправительнымъ мѣрамъ, и предоставляетъ, во второмъ,—не начинать обвиненія, если въ немъ не настоитъ надобности по незначительности проступка (§ 153). Также въ

---

[1]) § 34. Въ такъ наз. объективномъ производствѣ по дѣламъ печати начало законности склоняется въ пользу принципа усмотрѣнія настолько, насколько прокуратура можетъ ограничиться арестомъ произведенія печати и отказаться отъ преслѣдованія опредѣленнаго лица, какъ виновника (§ 493).

[2]) § 152 (ч. 2). Въ видѣ исключенія принципъ усмотрѣнія примѣняется въ случаяхъ, гдѣ, наряду съ публичнымъ обвиненіемъ, допустимо частное обвиненіе (§ 416), а также относительно деликтовъ, совершенныхъ за границей (§ 4 угол. улож.).

[3]) Къ такимъ особо и точно указаннымъ случаямъ принадлежитъ, напр., невозбужденіе преслѣдованія потому, что по правиламъ о совокупности не можетъ быть примѣнено къ виновному наказаніе или подлежитъ примѣненію незначительное наказаніе (§ 85).

[4]) Этотъ срокъ не можетъ быть больше давностнаго и никогда двухъ лѣтъ.

другихъ дѣлахъ прокурорскій надзоръ получаетъ полномочіе не возбуждать обвиненія, если наказаніе, къ которому можетъ повести преслѣдованіе, наряду съ наказаніемъ, отбываемымъ или ожидаемымъ, не представляется важнымъ (§ 154). Въ общемъ же предположенія германскаго проекта являются болѣе скромными по сравненію съ соотвѣтственными постановленіями норвежскаго устава.

Начало усмотрѣнія серьезно колеблетъ безпартійность права обвиненія, почему отсутствіе этого начала въ нашемъ законодательствѣ не только не составляетъ дефекта, но скорѣе является его достоинствомъ. Если ему и суждено проникнуть къ намъ, то, безъ сомнѣнія, только для дѣлъ о малолѣтнихъ, гдѣ воспитательные интересы должны быть поставлены выше карательныхъ. Сторонникамъ начала усмотрѣнія нельзя къ тому же забывать, что и при господствѣ принципа законности свободной оцѣнкѣ обвинительной власти принадлежитъ рѣшеніе вопроса объ обоснованности уголовнаго преслѣдованія въ каждомъ данномъ случаѣ. Вопросъ этотъ часто оказывается сомнительнымъ, вслѣдствіе чего, само собою, за прокуратурой сохраняется право поступать въ извѣстныхъ предѣлахъ по своему усмотрѣнію.

Официальное обвиненіе черезъ посредство прокурорскаго надзора ставится иногда въ зависимости отъ другихъ должностныхъ лицъ. Это наиболѣе рѣзко и крупно выражается въ административной гарантіи при возбужденіи преслѣдованія за служебныя преступленія. Составители Судебныхъ Уставовъ въ этомъ отношеніи послѣдовали не за англо-американскимъ правомъ, которое не знаетъ изъятій изъ общаго порядка уголовнаго преслѣдованія для должностныхъ лицъ, а за французскимъ. Они постановили, что уголовное преслѣдованіе за служебныя преступныя дѣянія не можетъ послѣдовать безъ разрѣшенія начальства преслѣдуемаго (ст. 1085 и слѣд.).

Первоначально (въ началѣ XIX вѣка) административная гарантія была заимствована изъ Франціи многими государствами— Бельгіей, Голландіей, Испаніей, Италіей и отдѣльными германскими государствами. Однако, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ административная гарантія просуществовала недолго. Въ Голландіи она отмѣнена 4 февраля 1816 г., а въ Бельгіи пала въ силу ст. 24 конституціи 1831 г., постановившей, что

для преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ не требуется никакого предварительнаго разрѣшенія. Напротивъ, въ испанскомъ законодательствѣ и частью въ итальянскомъ она сохранилась. Изъ новѣйшихъ законодательствъ административная гарантія принята въ норвежскомъ уставѣ; по этому уставу для начатія обвиненія за служебное преступное дѣяніе необходимо постановленіе короля (§ 88). Австрійскій же и венгерскій уставы не устанавливаютъ особенныхъ правилъ относительно возбужденія дѣла за должностныя преступленія. Что же касается германскаго законодательства, то, съ изданіемъ общеимперскихъ учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства 1877 г., административная гарантія получила ограниченіе въ двоякомъ направленіи. Во 1-хъ, законъ о введеніи въ дѣйствіе помянутаго учрежденія допускаетъ изъятія для начатія дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ только въ тѣхъ предѣлахъ (по мѣсту и лицамъ), въ коихъ они существовали ранѣе. Во 2-хъ, тѣмъ же закономъ ограниченъ кругъ вопросовъ, требующихъ предварительнаго разрѣшенія высшихъ административныхъ судовъ или имперскаго суда (§ 11). Задача ихъ сводится къ отвѣту на вопросы, вышелъ ли чиновникъ изъ предѣловъ своихъ служебныхъ полномочій или допустилъ ли онъ бездѣйствіе власти [1]). Отрицательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, обязательное для суда, влечетъ за собою прекращеніе судебнаго производства дѣла.

Недостатки административной гарантіи хорошо извѣстны. Однако, существованіе ея и въ настоящее время во многихъ государствахъ можетъ дать основаніе къ тому, чтобы не ставить въ большой упрекъ составителямъ Судебныхъ Уставовъ введенія ея у насъ.

Если административная гарантія ставитъ прокуратуру въ зависимое положеніе относительно возбужденія уголовнаго преслѣдованія, то по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ органы прокурорскаго надзора уже совершенно устраняются отъ обвинительной дѣятельности. Таковы по нашему праву довольно многочисленныя дѣла частнаго обвиненія, по коимъ какъ возбужденіе преслѣдованія, такъ и поддержаніе обвиненія предоставлены исключительно частнымъ обвинителямъ—потерпѣвшимъ отъ преступ-

[1]) Löwe, указ. сочин., § 11 закона о введеніи.

ныхъ дѣяній. По означеннаго рода дѣламъ самое производство имѣетъ весьма много сходныхъ чертъ съ гражданскимъ процессомъ. Дѣло не только возбуждается по жалобѣ потерпѣвшаго, но можетъ быть окончено примиреніемъ (ст. ст. 5 и 16). Неявка частнаго обвинителя или его повѣреннаго, безъ законныхъ причинъ, влечетъ прекращеніе дѣла (ст. ст. 135 и 593). Судъ ограничивается разсмотрѣніемъ доказательствъ, представленныхъ сторонами (ст. 104, изд. 1892 г.). Порядокъ частнаго обвиненія на практикѣ не создаетъ затрудненій для частныхъ обвинителей лишь по дѣламъ мировой подсудности. Въ общихъ же судебныхъ мѣстахъ наши частные обвинители обыкновенно оказываются въ безпомощномъ положеніи.

Система эта является своеобразною среди другихъ законодательствъ [1]). Законодательства французскаго типа совершенно не знаютъ частнаго обвиненія. Уставы же германскій, венгерскій и австрійскій хотя и допускаютъ частное обвиненіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечиваютъ и возможность участія прокуратуры въ дѣлахъ частнаго обвиненія. Такъ, по германскому и венгерскому уставамъ прокурорскому надзору предоставляется возбудить и по этимъ дѣламъ публичное обвиненіе, когда то окажется нужнымъ въ общественномъ интересѣ, или во всякомъ положеніи дѣла, до вступленія приговора въ законную силу, принять преслѣдованіе на себя. Въ такихъ случаяхъ потерпѣвшій можетъ присоединиться къ прокурорскому обвиненію на правахъ побочнаго обвинителя [2]). По австрійскому уставу прокуроръ принимаетъ на себя поддержаніе обвиненія только по просьбѣ частнаго обвинителя (§§ 2 и 46). Отличіе австрійской системы отъ германской довольно существенно. Въ Австріи, съ принятіемъ прокуратурою на себя представительства частнаго обвинителя, не измѣняется частный характеръ деликта. Въ Германіи же, если прокуратура принимаетъ преслѣдованіе на себя производство по частному обвиненію, даже если оно уже имѣетъ

---

[1]) Порядокъ преслѣдованія уголовно-частныхъ дѣлъ частнымъ обвинителемъ сохраненъ въ норвежскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства (§§ 92, 423—436).

[2]) Герм. уст., §§ 416, 417, 424, 435; венгерск. уст., § 41. По венгерскому уставу, если прокуратура принимаетъ на себя представительство обвиненія, то частному обвинителю предоставляется только вспомогательный кругъ дѣйствія (онъ можетъ знакомиться съ актами производства, дѣлать предложенія относительно отвѣтственности подсудимаго и примѣненія къ нему уголовнаго закона, но не въ правѣ касаться размѣра и наказанія).

мѣсто въ высшей инстанціи, подлежитъ прекращенію; затѣмъ должно быть начато совершенно новое производство, возбужденіемъ публичнаго обвиненія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, западнымъ законодательствамъ совершенно неизвѣстно то положеніе, что по разсматриваемымъ дѣламъ судъ долженъ руководствоваться только доказательствами, представленными сторонами. Въ послѣднее время и наше законодательство вступило на путь устраненія недостатковъ частнаго обвиненія; закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда отмѣнена ст. 104 Устава Уголовнаго Судопроизводства, воспрещавшая суду по дѣламъ частнаго обвиненія выходитъ за предѣлы доказательствъ, представленныхъ сторонами.

IV. Гражданскій искъ.

Предоставляя потерпѣвшему, ради устраненія недостатковъ монополіи прокурорскаго обвиненія, права субсидіарнаго либо побочнаго обвинителя, законодатель тѣмъ самымъ обезпечиваетъ также и его личные интересы. Но одно огражденіе личныхъ интересовъ признается недостаточнымъ. Государство старается облегчить потерпѣвшаго и съ матеріальной стороны. Выражается это въ допущеніи его къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца, отыскивающаго вознагражденіе за причиненный ему преступнымъ дѣяніемъ ущербъ. Косвенно здѣсь получается содѣйствіе обвинительной дѣятельности прокуратуры. Однако законодатель придаетъ и самостоятельное значеніе оказанію помощи потерпѣвшему. Это особенно сказывается, какъ будетъ отмѣчено ниже, въ постановленіяхъ тѣхъ законодательствъ, которыя въ ихъ основаніе полагаютъ уже интересы публичнаго свойства.

Нашъ Уставъ, по примѣру французскаго законодательства и слѣдовавшихъ за нимъ уставовъ германскихъ государствъ, предоставилъ потерпѣвшему право выступать въ уголовномъ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ, пользующимся въ процессѣ правами стороны. По пути принятія т. н. соединеннаго процесса

[1]) Löwe, указан. сочин., § 417 Anm. 7.

послѣдовали и позднѣйшіе уставы. Исключеніе представляетъ общегерманскій уставъ. Онъ, взамѣнъ допущенія въ уголовномъ процессѣ гражданскаго иска, разрѣшаетъ уголовному суду по нѣкоторымъ дѣламъ [1]) присужденіе потерпѣвшему [2]) вознагражденія въ видѣ Busse. Послѣдняя имѣетъ строго личный характеръ и исключаетъ возможность требовать вознагражденія въ порядкѣ гражданскаго процесса (§§ 443 и 444). Главнымъ возраженіемъ противъ допущенія гражданскаго иска въ уголовный судъ послужило соображеніе о томъ, что онъ ведетъ къ усложненію и замедленію, вредитъ главной цѣли уголовнаго судопроизводства [3]). Другія законодательства не только не раздѣлили этихъ опасеній [4]), но пошли дальше. Они обезпечили матеріальные интересы потерпѣвшаго такого рода постановленіями, которыя въ основаніи своемъ имѣютъ уже начала не гражданскаго, а публичнаго свойства. Первымъ сталъ на такой путь австрійскій уставъ. По этому уставу, хотя уголовный судъ и не можетъ постановить рѣшенія о частно-правовыхъ притязаніяхъ потерпѣвшаго, безъ просьбы послѣдняго (§ 4), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имущественный вредъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ, и всѣ прочія, вытекающія изъ наказуемаго дѣянія, частно-правовыя послѣдствія, устанавливаются ex officio (§ 365) [5]). Австрійскій уставъ предписываетъ извѣщать потерпѣвшаго объ уголовномъ производствѣ, чтобы онъ могъ къ нему присоединиться (§ 365), и не допускаетъ прекращенія дѣла за неявкою къ главному слѣдствію; въ послѣднемъ случаѣ требованія потерпѣвшаго прочитываются по актамъ производ-

---

[1]) Сюда относятся дѣла о клеветѣ, тѣлесномъ поврежденіи, недобросовѣстной конкуренціи и о нарушеніяхъ духовной собственности.

[2]) Для этого потерпѣвшій долженъ выступить въ качествѣ частнаго либо побочнаго обвинителя и заявить о вознагражденіи до провозглашенія приговора 1 инстанціи.

[3]) Д. Г. Тальбергъ. Гражд. искъ въ угол. судѣ, 1888 г., стр. 47. Въ настоящее время, при пересмотрѣ уголовнаго законодательства въ Германіи, уже не раздѣляютъ подобныхъ опасеній и предполагаютъ допустить соединенный процессъ, если сумма вознагражденія не превышаетъ 20 т. марокъ (§ 57 проекта угол. улож.).

[4]) Нѣкоторые уставы, допускающіе соединенный процессъ, устраняютъ это опасеніе тѣмъ, что предоставляютъ уголовному суду отклонять гражданскій искъ, если разрѣшеніе его создаетъ опасность замедленія уголовнаго разбирательства (см., напр., § 366 австр. уст., § 5 венгерск. уст.) или если разсмотрѣніе гражданскаго иска не можетъ происходить безъ особаго затрудненія (см., напр., § 441 норвежск. уст.).

[5]) Венгер. уст., въ отличіе отъ австрійскаго, постановляетъ объ изслѣдованіи ex officio возникшаго вреда только настолько, насколько это необходимо для правильнаго примѣненія угол. закона (§ 486), секвестръ же на недвижимость можетъ быть всегда наложенъ ex officio (§ 492).

ства (§ 47). Значительно дальше въ указанномъ направленіи пошелъ норвежскій уставъ. Онъ предоставляетъ прокуратурѣ, если это является возможнымъ безъ особаго затрудненія, принять на себя поддержаніе гражданско-правового притязанія, какъ по просьбѣ потерпѣвшаго, такъ и по собственной иниціативѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, это допускается только при томъ условіи, если нѣтъ основанія для предположенія, что потерпѣвшій не пожелалъ осуществить въ уголовномъ дѣлѣ свое гражданское требованіе. Если дѣло, подсудное суду шеффеновъ, въ виду сознанія подсудимаго, разрѣшается единоличнымъ судьей, то все только что сказанное о прокуратурѣ всецѣло относится къ этому судьѣ (§ 440). При недовольствѣ потерпѣвшаго рѣшеніемъ, которое состоялось безъ его требованія или согласія, онъ можетъ отъ него отказаться и осуществить свое притязаніе въ порядкѣ гражданскаго процесса (§ 446). Итальянскій уставъ также постановляетъ, что требованіе о вознагражденіи можетъ быть предложено прокуратурой въ интересѣ потерпѣвшаго, не выступившаго въ качествѣ гражданскаго истца и не заявившаго законно своей воли въ противоположномъ смыслѣ (т. е. нежеланія взыскивать). Въ отличіе отъ норвежскаго, итальянскій уставъ допускаетъ это при томъ только условіи, если потерпѣвшій малолѣтній или, вслѣдствіе душевной либо физической болѣзни, неспособный заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ (ст. 64). Однако итальянскій уставъ, въ смыслѣ огражденія интересовъ потерпѣвшаго, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ и по сравненію съ норвежскимъ уставомъ. Итальянскій уставъ, не только обязалъ судебнаго слѣдователя разслѣдовать ex officio, когда потерпѣвшій не присоединился къ дѣлу въ качествѣ гражданскаго истца, какой вредъ причинило преступное дѣяніе (ст. 190), но предоставилъ суду, въ видѣ общей нормы, право постановить въ обвинительномъ приговорѣ о возмѣщеніи вреда потерпѣвшему, даже не предъявившему гражданскаго иска (ст. 430). Помимо этихъ постановленій, вводящихъ публичный элементъ въ гражданско-правовыя отношенія, разъ они соприкасаются съ преступнымъ дѣяніемъ, разсматриваемый уставъ очень облегчаетъ положеніе потерпѣвшаго и въ другомъ направленіи. Онъ разрѣшаетъ, при преступленіяхъ противъ личности, личной свободы, чести лица или семьи, неприкосновенности жилища либо тайны, предъявленіе гражданскаго иска о денежномъ вознагра-

жденіи (Busse), даже если бы эти преступленія не причинили никакого вреда (ч. 2 ст. 7). Далѣе, уставъ также оказываетъ весьма серьезную помощь потерпѣвшему, когда онъ постановляетъ, что по ходатайству гражданскаго истца, за коимъ признано право бѣдности, ему можетъ быть назначенъ защитникъ и при томъ не только при разсмотрѣніи дѣла по существу, но и во время предварительнаго слѣдствія (ст. 56).

Въ изложенныхъ постановленіяхъ норвежскаго и, въ особенности, итальянскаго уставовъ нашло себѣ выраженіе то выдвигаемое въ послѣднее время, главнымъ образомъ, тюремными конгрессами положеніе, что законодательства должны озабочиваться установленіемъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для обезпеченія вознагражденія потерпѣвшаго. Многое изъ принятаго новѣйшими уставами заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія для пополненія законодательства, созданнаго, какъ нашъ Уставъ, въ то время, когда забота о потерпѣвшемъ не ставилась такъ рѣзко, какъ нынѣ.

V. Защита.

При господствѣ розыскного начала въ процессѣ, судья исполнялъ, вмѣстѣ съ судейскими обязанностями, и обязанности защитника подсудимаго. Когда это начало пало, въ качествѣ господствующаго, и получила доминирующее значеніе обвинительная форма суда, возникла необходимость организовать, въ качествѣ самостоятельнаго института, не только обвиненіе, о чемъ мы уже говорили, но и защиту. Какъ обвинительная дѣятельность государства должна была получить представительство, такъ представительство слѣдовало получить и защитѣ обвиняемаго. Отсюда возникъ и сталъ на очередь вопросъ о формальной защитѣ.

Ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ вопросъ этотъ не вызывалъ никакихъ возраженій. Оставался открытымъ только вопросъ о допустимости защиты во время предварительнаго производства дѣла. Англія и Сѣверная Америка давали утвердительный на него отвѣтъ во всей полнотѣ. Франція же и подавляющее большинство германскихъ государствъ (исключеніе

Брауншвейгъ и Нассау) совершенно не допускали защиты на предварительномъ слѣдствіи. Да и двумъ указаннымъ нѣмецкимъ государствамъ защита въ этотъ періодъ процесса была извѣстна въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Брауншвейгскій уставъ (1849 г.) разрѣшалъ обвиняемому являться на всякій допросъ съ защитникомъ и говорить съ нимъ безъ свидѣтелей (§ 7), защитнику же разрѣшалось обозрѣніе слѣдственныхъ актовъ (§ 8). По законодательству Нассау (1849 г.) защитникъ могъ заявлять требованія и приносить жалобы (§ 71), переговариваться съ находящимся подъ арестомъ обвиняемымъ (однако въ присутствіи лица судебнаго вѣдомства) и обозрѣвать дѣло, если слѣдователь не сомнѣвался въ допустимости этого (§§ 72 и 74). Ни то, ни другое законодательство не устанавливало правъ защиты на присутствіе при совершеніи слѣдственныхъ дѣйствій. Важнымъ же и цѣннымъ достоинствомъ ихъ было то, что они ввели для лицъ неимущихъ обязательное назначеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, хотя и допущенной въ очень скромныхъ размѣрахъ (§ 7 брауншв. уст.; § 70 устава Нассау).

Какъ мы уже отмѣтили выше [1]), предположенія составителей Судебныхъ Уставовъ о введеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи не получили осуществленія. Центръ тяжести вопроса о формальной защитѣ переносился, такимъ образомъ, на участіе ея въ позднѣйшей стадіи процесса—на судебномъ слѣдствіи. Здѣсь къ самому допущенію защиты законодатель уже не встрѣчалъ какихъ либо препятствій; въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ признавалось лишь обязательное назначеніе защиты. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ современныхъ составленію Судебныхъ Уставовъ законодательствахъ двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга системы. Англійское право совершенно не знало обязательной защиты; отсутствіе ея восполнялось общественной иниціативой по пріисканію подсудимымъ защитниковъ. Напротивъ, французскій уставъ предписываетъ обязательное назначеніе защиты по дѣламъ, подвѣдомственнымъ суду присяжныхъ. Нарушеніе этого правила является безусловнымъ кассаціоннымъ поводомъ (ст. 294). Этой системѣ слѣдовали уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Нѣкоторые изъ нихъ условіемъ обязательнаго назначенія защитника ста-

[1]) Стр. 598 и 599.

вили не подвѣдомственность дѣла суду присяжныхъ, а тяжесть угрожающаго наказанія [1]).

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, ограничивается добровольною защитою, по соглашенію. Между дѣлами же, подвѣдомственными общимъ судебнымъ мѣстамъ, Уставъ не сдѣлалъ различія по тяжести наказанія. Какъ по точному смыслу ст. 566, такъ и по соображеніямъ, высказаннымъ Государственнымъ Совѣтомъ при созданіи ея [2]), по всѣмъ указаннымъ дѣламъ назначеніе защитника является обязательнымъ. Система нашего Устава отличается отъ системы западныхъ законодательствъ только тѣмъ, что у насъ обязательно назначеніе защитника лишь по просьбѣ подсудимаго. Законъ пошелъ, такимъ образомъ, у насъ дальше, чѣмъ западные уставы. Онъ призналъ обязательную защиту и по дѣламъ менѣе важнымъ, чѣмъ дѣла, подвѣдомственныя присяжнымъ. Жизнь не оправдала этого. Недостатокъ юридически образованныхъ защитниковъ вынудилъ кассаціонную практику къ признанію того положенія, что несоблюденіе требованія ст. 566 не составляетъ кассаціоннаго повода, если оно произошло по отсутствію въ распоряженіи суда присяжныхъ повѣренныхъ и свободныхъ отъ занятій кандидатовъ на судебныя должности (рѣш. Угол. касс. деп. 1869 г. №№ 11 и 909; 1875 г. № 283 и др.). Особенно же является безпомощнымъ положеніе подсудимыхъ въ уѣздныхъ городахъ, въ виду того, что, по разъясненію Правительствующаго Сената, обязанность защиты по назначенію можетъ быть возлагаема на присяжныхъ повѣренныхъ только въ мѣстѣ ихъ жительства (рѣш. Общ. Собр. 1887 г. № 11).

Послѣдовавшіе за Судебными Уставами новые западные процессуальные кодексы расширили участіе формальной защиты какъ въ отношеніи объема ея допустимости при предварительномъ производствѣ, такъ и въ отношеніи обязательнаго назначенія защитника. Объемъ участія защиты при совершеніи судебныхъ дѣйствій во время дознанія, а равно при предварительномъ слѣдствіи, какъ мы уже видѣли выше [3]), представляется

---

[1]) Брауеръ. Судъ присяжныхъ по законодательствамъ Германіи, стр. 115 и слѣд. (русск. переводъ 1865 г.).

[2]) Журналъ 1864 г. № 47.

[3]) Стр. 599 и 600.

по западнымъ законодательствамъ чрезвычайно разнообразнымъ— отъ французскаго закона 8 декабря 1897 г., сводящаго защиту на предварительномъ слѣдствіи собственно къ дачѣ подсудимому совѣтовъ и присутствію защитника при допросѣ подсудимаго, до норвежскаго устава, допускающаго защитника къ участію при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ (§ 278). Этотъ послѣдній уставъ нашелъ способъ устранить или, во всякомъ случаѣ, смягчить неудобства для обвиняемаго тѣхъ неизбѣжныхъ правилъ, въ силу коихъ слѣдственной власти дается полномочіе не допускать обвиняемаго и его защитника къ присутствію при тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ или къ обозрѣнію актовъ производства. Норвежскому уставу извѣстенъ институтъ особыхъ офиціальныхъ защитниковъ. Для исполненія обязанностей этихъ защитниковъ король назначаетъ достаточное число лицъ мужскаго пола, при высшемъ судѣ, изъ состоящихъ при немъ адвокатовъ, а при другихъ судахъ изъ адвокатовъ либо иныхъ пригодныхъ для этой цѣли лицъ (§ 104). Такой оффиціальный защитникъ обязательно долженъ быть назначенъ, когда самъ обвиняемый или избранный имъ защитникъ совершенно устранены отъ присутствованія при совершеніи какихъ либо слѣдственныхъ дѣйствій [1]) въ виду опасенія, что иначе цѣль разслѣдованія будетъ разстроена или поставлена въ опасность (§ 101 и ч. 3 § 278). Оффиціальному защитнику не можетъ быть отказано и въ составленіи извлеченій изъ протоколовъ и актовъ предварительнаго слѣдствія и въ осмотрѣ ихъ (ч. 3 § 280), тогда какъ самъ обвиняемый и избранный имъ защитникъ могутъ быть и не допущены до этого.

Во время составленія Судебныхъ Уставовъ необходимость обязательнаго назначенія защиты, согласно со всѣмъ строемъ тогдашняго процесса, признавалась только для судебнаго слѣдствія. Съ допущеніемъ же защиты на предварительномъ слѣдствіи обязательное назначеніе защитника продвинулось, хотя и не вездѣ, также къ началу процесса. Уже австрійскій уставъ установилъ обязательное назначеніе недостаточному обвиняемому, по его просьбѣ, защитника для принесенія жалобъ во время

---

[1]) Это правило не распространяется на тѣ случаи, когда прокуроръ, обвиняемый и его защитникъ устраняются отъ присутствія во время допроса свидѣтеля, если есть основаніе для предположенія, что свидѣтель въ ихъ присутствіи не дастъ заслуживающаго довѣрія показанія.

дознанія и предварительнаго слѣдствія, а также для обоснованія возраженія противъ обвинительнаго акта (§ 41). Объ одномъ случаѣ обязательной защиты на предварительномъ слѣдствіи по норвежскому уставу мы уже только что говорили [1]). Этой стадіи процесса и даже болѣе ранней можетъ касаться и требованіе этого устава объ обязательной защитѣ: 1) при установленіи доказательствъ, когда предполагается, что актъ можетъ быть использованъ на главномъ слѣдствіи, какъ доказательство, и 2) при дѣйствіяхъ, которыя происходятъ при закрытыхъ дверяхъ или совершаются безъ приглашенія обвиняемаго или, буде онъ арестованъ, безъ представленія его къ слѣдственному дѣйствію. Обязательная защита извѣстна норвежскому уставу также во время приготовительныхъ распоряженій. Сюда относятся случаи, когда доказательство устанавливается въ виду невозможности или затруднительности его установить на судебномъ слѣдствіи либо опасности отложить установленіе его до этого момента, или дѣло касается свидѣтелей, которые не обязаны являться къ главному слѣдствію (§§ 101 и 100). Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ назначеніе офиціальнаго защитника, согласно изложеннымъ только что правиламъ, не представляется необходимымъ, но гдѣ въ силу особаго свойства случая оно признается нужнымъ, недостаточному обвиняемому также долженъ быть назначенъ офиціальный защитникъ (§ 102).

Напротивъ, венгерскому уставу обязательное назначеніе защиты ранѣе судебнаго слѣдствія извѣстно въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, когда находящійся подъ стражей обвиняемый не избралъ защитника для присутствія при допросѣ на предварительномъ слѣдствіи такихъ свидѣтелей или экспертовъ, которые, какъ можно предполагать, не будутъ имѣть возможности явиться къ главному слѣдствію (ч. 2 § 127). Новѣйшій же итальянскій уставъ, признающій обязательность защиты по всѣмъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ о нарушеніяхъ, караемыхъ лишеніемъ свободы до 5 дней или штрафомъ до 150 лиръ (ч. 1 ст. 73), распространилъ этотъ принципъ обязательнаго назначенія защиты и на предварительное слѣдствіе (ч. 1 ст. 74 и ст. 196), конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ она тамъ допускается. Также по англійскому закону

---

[1]) Стр. 622.

1903 г. содѣйствіе обвиняемому назначеннаго защитника обезпечивается не только для окончательнаго, но и для предварительнаго производства. Законъ этотъ назначеніе защитника ставитъ однако въ тѣсные предѣлы; онъ требуетъ для этого, во 1-хъ, чтобы судъ призналъ, что, въ интересахъ справедливости, обвиняемому необходимо обезпечить помощь юридически образованнаго лица и, во 2-хъ, чтобы обвиняемый удостовѣрилъ, что онъ не располагаетъ достаточными для приглашенія защитника средствами [1]).

Наконецъ, западныя законодательства расширили область обязательнаго назначенія защиты и по роду дѣлъ. Одни изъ нихъ, какъ напр. норвежское, распространили такое назначеніе на всѣ дѣла (§§ 100 и 101); другіе обусловили его минимальнымъ размѣромъ наказанія (итальянск. уст., ст. 73) или наличностью просьбы подсудимаго (венгерск. уст., § 56), въ связи съ недостаточностью у него средствъ (австр. уст., § 41). Германское законодательство въ подобныхъ случаяхъ требуетъ, во 1-хъ, чтобы была просьба подсудимаго или его законнаго представителя и, во 2-хъ, чтобы предметомъ судебнаго разслѣдованія явилось „преступленіе“ въ техническомъ смыслѣ [2]), за исключеніемъ дѣяній, являющихся „преступленіемъ“ вслѣдствіе повторенія (§ 140). Кромѣ того, въ качествѣ обстоятельства, обусловливающаго обязательное назначеніе защиты, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (германск. уст., § 140; венгерск. уст., § 56) выдвигается нѣмота или глухонѣмота подсудимаго, либо недостиженіе имъ опредѣленнаго возраста (16 лѣтъ). Въ послѣдніе годы малолѣтство подсудимаго начало получать во всѣхъ законодательствахъ значеніе обстоятельства, влекущаго обязательное назначеніе защитника.

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства послѣ 20 ноября 1864 г. дополненъ двумя новеллами, касающимися обезпеченія защиты подсудимымъ. Законъ 2 іюня 1897 г. установилъ по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ отъ 10 до 17 лѣтъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, обязательное назначеніе защиты, независимо отъ просьбы о томъ самого

---

[1]) Фойницкій. Курсъ, т. II, стр. 62.

[2]) Обязательное же назначеніе защиты по германскому уставу, внѣ просьбы подсудимаго, происходитъ только по дѣламъ, подвѣдомственнымъ имперскому суду въ 1-й инстанціи, и суду присяжныхъ (§ 140).

подсудимаго, его родителей или лицъ, на попеченіи коихъ онъ состоитъ (ст. 566[1]). Кромѣ того, закономъ 28 января 1892 г. установлено обязательное назначеніе защитника при разсмотрѣніи дѣла въ судебной палатѣ въ апелляціонномъ порядкѣ. Въ остальномъ, несмотря на то, что законъ, по своей мысли и буквѣ, имѣетъ въ виду обязательную защиту на судѣ, правда—при просьбѣ подсудимаго, сохраняется прежнее положеніе—беззащитность обвиняемаго не только на предварительномъ слѣдствіи, но и на судебномъ внѣ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія вопроса о формальной защитѣ необходимо отмѣтить, что недовѣрчивое отношеніе къ такой защитѣ, въ частности, въ лицѣ адвокатуры, находило отраженіе въ нѣкоторыхъ процессуальныхъ законахъ. Напр., по французскому уставу, предсѣдатель обязанъ дѣлать увѣщанія защитнику, въ формѣ довольно оскорбительной, о томъ, что онъ не можетъ ничего говорить противъ своей совѣсти или противъ того уваженія, которое онъ обязанъ питать къ законамъ, а долженъ выражаться съ надлежащею благопристойностью и умѣренностью (ст. 311). Новѣйшіе процессуальные кодексы не проявили недовѣрчиваго отношенія къ защитѣ и потому не восприняли приведеннаго выше постановленія французскаго устава объ особомъ наставленіи со стороны предсѣдателя защитнику. Изъ прежнихъ же отдѣльныхъ нѣмецкихъ уставовъ только очень немногіе повторили правило ст. 311 code d'instruction criminelle[1]). Не пошелъ этимъ путемъ и нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, хотя слѣды недовѣрчиваго отношенія къ защитѣ проявились все-таки въ немъ. Ст. 745 только по отношенію къ одному защитнику содержитъ предписаніе не нарушать должнаго уваженія къ религіи, закону и къ установленнымъ властямъ, не употреблять выраженій оскорбительныхъ для чьей бы то ни было личности. Правильнѣе поступалъ австрійскій уставъ 1853 г. Онъ предписывалъ предсѣдателю рекомендовать всѣмъ входящимъ въ судъ оказывать уваженіе и умѣренность и наставлять представителей тяжущихся (слѣдовательно и прокурора), что они должны стремиться только къ истинѣ и справедливости[2]).

---

[1]) Plank., указан. сочин., стр. 50.

[2]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 380.

VI. Состязательное и инструкціонное начала въ различныхъ стадіяхъ процесса.

Принятіе, въ качествѣ основного начала, обвинительной формы суда, налагаетъ на законодателя обязанность не ограничиваться только организаціей представительства обвиненія и защиты. Послѣдовательное проведеніе этой, называемой также состязательной, формы процесса требуетъ, чтобы представленіе и изслѣдованіе доказательствъ было предоставлено сторонамъ, снабженнымъ равными правами, чтобы судъ явился лишь безпристрастнымъ рѣшителемъ спора между обвиненіемъ и защитой.

Здѣсь, однако, слѣдуетъ оговориться, что такое пассивное положеніе суда по отношенію къ полученію и изслѣдованію доказательствъ не было принято ни однимъ законодательствомъ ни во время составленія Судебныхъ Уставовъ, ни послѣ. Даже въ Англіи, гдѣ процессъ наиболѣе проникнутъ состязательностью, судья на судебномъ слѣдствіи, по своей должности, считается защитникомъ, совѣтникомъ обвиняемаго и обязывается, въ силу закона, предпринимать нѣкоторыя дѣйствія съ цѣлью изслѣдовать все, что можетъ быть нужно для защиты [1]). Наличность активности у англійскаго суда относительно обвиняемаго можно объяснить тѣмъ, что англійское законодательство до послѣдняго времени (1903 г.) не знало обязательной защиты. Однако, это обстоятельство не ослабляетъ, а лишь подкрѣпляетъ то, лежащее въ основаніи самодѣятельности суда, положеніе, что уголовный судъ, устанавливающій публично-правовое отношеніе между государствомъ и преступникомъ, не можетъ зависѣть отъ произвола сторонъ, отъ ихъ умѣнья и находчивости, отъ ихъ ошибокъ или небрежности. Справедливо отмѣчено составителями Судебныхъ Уставовъ, что начало судебнаго состязанія сторонъ не исключаетъ самодѣятельности суда въ уголовномъ судопроизводствѣ и не обязываетъ его рѣшать дѣло только по тѣмъ даннымъ, которыя предъявлены сторо-

[1]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 373. Названный авторъ приводитъ даже изъ англійской практики случай, когда судья самъ вызвалъ свидѣтеля, благопріятнаго для защиты (тамъ же, выноска 4 на стр. 374).

нами...., что задача уголовнаго суда есть открытіе въ каждомъ дѣлѣ безусловной истины, что въ стремленіи къ этой цѣли судъ уголовный не можетъ принимать въ уваженіе желанія сторонъ, — ни того, что самъ подсудимый не хочетъ оправдывать свою невиновность, ни того, что самъ обвинитель потворствуетъ виновному [1]). Самодѣятельность уголовнаго суда, вытекающая изъ его задачи открыть въ каждомъ дѣлѣ матеріальную истину и носящая техническое названіе инструкціоннаго начала, не можетъ быть признана за выраженіе слѣдственной или розыскной формы процесса [2]). Инструкціонное начало даетъ суду возможность только восполнять дѣятельность сторонъ по собранію и изслѣдованію доказательствъ. Если же судъ въ означенной дѣятельности получаетъ первое мѣсто, а стороны получаютъ только вспомогательную роль, то инструкціонное начало извращается въ сторону инквизиціонной формы суда.

Такимъ образомъ, лицу, интересующемуся вопросомъ, насколько нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, по сравненію съ иностранными кодексами, проникнутъ болѣе совершенной обвинительной или состязательной формой процесса, представляется также необходимымъ выяснить во всѣхъ стадіяхъ процесса взаимоотношеніе суда, обвиненія и защиты по представленію и изслѣдованію доказательствъ и при томъ еще въ свѣтѣ только что указаннаго инструкціоннаго начала.

Ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ предварительная стадія уголовнаго процесса носила состязательный характеръ только въ Англіи и въ законодательствахъ, построенныхъ по ея системѣ (напр. С. Америка). Однако и въ Англіи встрѣчаются въ стадіи предварительнаго слѣдствія особенности, свидѣтельствующія о томъ, что руководящимъ также является и инструкціонное начало. Въ отличіе отъ судебнаго слѣдствія, судья проявляетъ здѣсь самодѣятельность по отношенію къ обвиненію, напр. приглашаетъ нужныхъ для подкрѣпленія обвиненія свидѣтелей не только по требованію обвинителя, но и по заявленію каждаго посторонняго лица, подкрѣпленному прися-

---

[1]) Объясн. зап. къ проекту уст. уг. суд. 1863 г., стр. 339.

[2]) Ср. иную точку зрѣнія у Розина. Уголовное Судопроизводство, изд. 2, стр. 448. Михайловскаго. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. 1905 г., стр. 87 и слѣд.

гой [1]). На строго инквизиціонной системѣ былъ построенъ французскій уставъ уголовнаго судопроизводства, смотрѣвшій на обвиняемаго какъ на предметъ изслѣдованія, лишавшій его какихъ либо правъ и скрывавшій отъ него до окончанія слѣдствія акты производства [2]). Французскому уставу слѣдовали уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ [3]). До шестидесятыхъ годовъ только въ двухъ изъ этихъ уставовъ (брауншвейгскомъ и нассаусскомъ) инквизиціонное начало отчасти смягчалось, допущеніемъ защиты. Однако защита, чтобы хотя нѣсколько поколебать это начало на предварительномъ слѣдствіи, должна имѣть право не только предъявлять требованія о собраніи доказательствъ, но и право присутствовать при ихъ изслѣдованіи, равно какъ право знакомиться съ дѣломъ и имѣть общеніе съ обвиняемымъ, даже находящимся подъ стражей. Тѣ два устава 1849 г., которые допускали участіе защиты на предварительномъ слѣдствіи, какъ мы уже видѣли выше [4]), не шли такъ далеко.

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства построилъ предварительное слѣдствіе по старому типу розыскного процесса и не допустилъ защиты. Тѣмъ не менѣе, онъ выгодно отличается отъ французскаго и нѣмецкихъ уставовъ. Онъ смягчилъ инквизиціонное начало, предоставленіемъ обвиняемому нѣкоторыхъ правъ,—присутствованія при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и предъявленія замѣчаній и возраженій (ст.ст. 316, 359, 446, 456 и 468), указанія обстоятельствъ въ опроверженіе показаній свидѣтелей, каковыя обстоятельства должны быть изслѣдованы слѣдователемъ (ст. 449), полученія копій слѣдственныхъ протоколовъ (ст. 475), требованія дополненія слѣдствія по предъявленіи его (ст. 477). Къ сожалѣнію, нашъ Уставъ не принялъ мѣръ къ обезпеченію пользованія обвиняемымъ своимъ правомъ присутствія при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ обязалъ судебнаго слѣдователя извѣщать обвиняемаго только о времени производства дознанія черезъ окольныхъ людей (ст. 455).

---

[1]) Фойницкій. Курсъ, т. II, стр. 347. Объясняется такая особенность англійскаго предварительнаго слѣдствія тѣмъ, что оно, въ отличіе отъ континентальнаго, преслѣдуетъ не полноту изслѣдованія, а лишь установленіе данныхъ, достаточныхъ для предания суду (см. Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 269—271).

[2]) Фойницкій, тамъ же, стр. 349.

[3]) Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 62, 68 и 69.

[4]) Стр. 620.

Послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ западныя законодательства не пошли на полную реформу предварительнаго слѣдствія въ смыслѣ сближенія построенія его со слѣдствіемъ судебнымъ. Тѣмъ не менѣе, они внесли въ постановленія о предварительномъ слѣдствіи весьма существенныя измѣненія въ направленіи большаго проведенія обвинительной формы процесса. Наиболѣе послѣдовательно шли этимъ путемъ законодательства германскаго типа. Они уничтожили безпредметность и безпредѣльность предварительнаго слѣдствія, ограниченіемъ его задачи опредѣленнымъ дѣяніемъ и лицомъ, обусловили его начатіе предъявленіемъ опредѣленнаго обвиненія со стороны обвинителя, отказъ котораго отъ обвиненія влечетъ и прекращеніе дѣла [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, они приняли мѣры къ обезпеченію обвиняемому возможности установленія во время предварительнаго производства дѣла данныхъ, служащихъ для его защиты. Такъ, уставы германскій [2]), норвежскій (§ 268) и венгерскій (§ 100 ч. 2) предоставляютъ обвиняемому уже во время дознанія, производимаго подъ контролемъ и даже при непосредственномъ участіи прокуратуры, право обращаться къ судьѣ съ требованіемъ о производствѣ, въ интересахъ защиты, отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій по разслѣдованію. Конечно, это же право сохраняется за обвиняемымъ и во время предварительнаго слѣдствія. Въ частности, обвиняемому дается возможность, главнымъ образомъ при осмотрѣ, когда возникаютъ вопросы, разрѣшеніе коихъ требуетъ спеціальныхъ свѣдѣній, охранить свои интересы приглашеніемъ особаго, съ своей стороны, эксперта (герм. § 193; норвежск. § 207; венгерск. § 228; итальянск. §§ 211, 213, 214 и 218). Западныя законодательства, однако, какъ мы выше видѣли [3]), относятся съ нѣкоторымъ опасеніемъ къ такому весьма важному праву обвиняемаго, какъ присутствіе его при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. Они или ставятъ осуществленіе его въ зависимость отъ наличности извѣстныхъ условій (итальян. уст.) или безусловно устраняютъ обвиняемаго отъ присутствія при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ (австр. уст.) либо только при допросѣ свидѣтелей и экспертовъ (герм. и венгерск. уст.), или предоставляютъ усмо-

[1]) Исключеніе изъ этого послѣдняго правила представляетъ общегерманскій уставъ (§ 154).

[2]) §§ 163 и 164, Löwe, указан. сочин.

[3]) Стр. 599 и 600.

трѣнію слѣдственной власти устраненіе обвиняемаго отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣйствій (норвежск. уст.). Это ограниченіе обвиняемаго восполняется однако принятіемъ мѣръ къ допущенію болѣе широкаго участія защиты при предварительномъ производствѣ дѣла. Законодательства обыкновенно гораздо шире ставятъ право защитника на присутствіе при тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ [1]) Они предписываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщать его о предстоящемъ совершеніи дѣйствій, при коихъ онъ въ правѣ присутствовать, если нѣтъ особыхъ для этого препятствій [2]).

Существующее въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (австр., германск., итальянск.) ограниченіе обвиняемаго въ правѣ знакомиться со слѣдственнымъ производствомъ не распространяется также на защитника. Онъ или можетъ пользоваться этимъ правомъ съ разрѣшенія слѣдователя (австр. § 45), или только по особому постановленію слѣдственной власти можетъ быть стѣсненъ въ означенномъ правѣ [3]) до окончанія слѣдствія [4]) (норвежск. §§ 270 и 280; венгерск. § 63; итальянск. ст. 197) [5]). Такимъ образомъ, защитнику въ общемъ предоставляется довольно широкая возможность знакомиться съ дѣломъ. Если же принять во вниманіе, что большинство законодательствъ предоставляетъ обвиняемому возможность пользоваться содѣйствіемъ защитника даже во время дознанія, когда совершаются для установленія какихъ либо обстоятельствъ судебныя дѣйствія (австр. § 45; герм. § 142; норвежск. § 99; венгерск. § 62), то не трудно придти къ заключенію, что участіе защиты при предварительномъ производствѣ дѣла является

---

[1]) См. выше стр. 599 и 600.

[2]) См. австр. § 116; герм. § 191; норвежск. § 277; венгерск. § 126; итальянск. ст. 200. Подъ особыми препятствіями обыкновенно разумѣются случаи, когда представляется необходимымъ безотлагательно совершить слѣдственное дѣйствіе (см., напр., венгерск. § 126).

[3]) По венгерск. (§ 63) и герм. (§ 147) уставамъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть воспрещено обозрѣніе протоколовъ допроса обвиняемаго, экспертовъ, а равно протоколовъ о такихъ судебныхъ дѣйствіяхъ, при коихъ допускается присутствіе защитника.

[4]) Изъ законодательствъ, допускающихъ защиту во время дознанія, венгерск. и норвежск. уставы ставятъ обозрѣніе защитникомъ и обвиняемымъ актовъ дознанія въ тѣ же условія, какъ и обозрѣніе актовъ предв. слѣдствія, причемъ послѣдній уставъ для назначеннаго защитника не ставитъ никакихъ ограниченій ни при дознаніи, ни при слѣдствіи.

[5]) По итальянск. уставу судья можетъ задержать предоставленіе для обозрѣнія только протоколовъ допроса.

наиболѣе серьезнымъ средствомъ для ослабленія инквизиціоннаго характера предварительнаго слѣдствія. Дѣйствительно, напр., нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, какъ мы уже видѣли, предоставляетъ обвиняемому на предварительномъ слѣдствіи довольно значительныя права. Между тѣмъ, на практикѣ эти права осуществляются слабо. Съ другой стороны, и слѣдственная власть мало соблюдаетъ постановленія, устанавливающія эти права [1]), чего не могло бы быть при допущеніи защиты. На Западѣ, при меньшихъ правахъ самого обвиняемаго, но при участіи защиты, доказательства, служащія въ пользу обвиняемаго, собираются не только по иниціативѣ слѣдователя, несущаго на себѣ обязанности обвиненія и защиты, и прокурора, но и по иниціативѣ защитника. Такимъ образомъ, основное требованіе обвинительной формы процесса о раздѣленіи указанныхъ обязанностей находитъ до извѣстной мѣры свое выраженіе.

Также нашъ Уставъ представляется отсталымъ и въ стадіи преданія суду, происходящаго черезъ обвинительную камеру въ ревизіонномъ порядкѣ. Эта система, замедляющая движеніе дѣла и, какъ показываетъ практика, довольно слабо гарантирующая интересы обвиняемаго, построена по французскому образцу, господствовавшему на континентѣ Европы во время составленія Уставовъ. Нужно однако замѣтить, что и англійская форма преданія суду черезъ большое жюри оказалась, по удостовѣренію Миттермайера [2]), мало способствующей защитѣ обвиняемаго, главнымъ образомъ, потому, что предающее суду жюри основывается на одностороннемъ изображеніи дѣла обвинителемъ, не выслушиваетъ обвиняемаго и его свидѣтелей. Усовершенствованіе обряда преданія суду, естественно, направилось въ сторону проведенія и здѣсь обвинительной формы судопроизводства. Послѣдовательнѣе всего эта форма процесса можетъ считаться проведенной въ томъ случаѣ, когда преданіе суду, т. е. предъявленіе обвиненія передъ компетентнымъ судомъ, предоставлено обвинительной власти. Такъ поступаютъ законодательства шотландское [3]) и норвежское (§§ 284, 286 и 292 уст.).

---

[1]) Труды Комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, т. III, стр. 317 и слѣд.

[2]) Указан. сочин., стр. 79.

[3]) Тамъ же, стр. 88 и 89; Фойницкій. Курсъ, т. II, стр. 386.

Однако этотъ порядокъ предполагаетъ высокій авторитетъ обвинительной власти, не вездѣ существующій. Поэтому является болѣе правильной система австрійскаго и венгерскаго законодательствъ, сохраняющихъ по общему правилу преданіе суду прокуратурой, но предоставляющихъ обвиняемому право возраженія на обвинительный актъ въ судъ второй инстанціи. По австрійскому уставу судъ постановляетъ рѣшеніе по выслушаніи заключенія состоящаго при немъ прокурора въ непубличномъ засѣданіи (§§ 207—210), не будучи связанъ содержаніемъ возраженія обвиняемаго [1]). Венгерскій же уставъ въ большей мѣрѣ проводитъ состязательность, такъ какъ онъ допускаетъ стороны къ устнымъ объясненіямъ, причемъ послѣднее слово всегда предоставляется обвиняемому и его защитнику (§ 261).

При инквизиціонномъ характерѣ предварительнаго слѣдствія, особенное значеніе въ отношеніи представленія доказательствъ пріобрѣтаетъ промежуточная между преданіемъ суду и разсмотрѣніемъ дѣла по существу стадія процесса, называемая у насъ приготовительными къ суду распоряженіями. Въ это время уличающія обвиняемаго доказательства собраны, обвиненіе формулировано и предъявлено. Казалось бы, нѣтъ уже основанія опасаться обвиняемаго и его защитника. Принципъ состязательности и вытекающая изъ него равноправность сторонъ должны получить здѣсь полное осуществленіе. Послѣдовательное проведеніе такого принципа предполагаетъ дополненіе доказательственнаго матеріала по свободному усмотрѣнію сторонъ, безъ контроля суда. Такова система англійскаго и норвежскаго законодательствъ. Послѣднее допускаетъ только одно исключеніе. Если прокуратура отказывается во время приготовительныхъ къ суду распоряженій удовлетворить требованіе защиты о дополнительномъ выясненіи дѣла въ интересахъ обвиняемаго, то разногласіе по сему предмету между прокуратурой и защитой разрѣшается судомъ, производившимъ предварительное слѣдствіе, а если послѣдняго не было, предсѣдателемъ (§ 295) [2]). Устранивъ, въ видѣ общаго правила, судъ или предсѣдателя отъ контроля за представленіемъ сторонами доказательствъ, законодательства англійское и норвежское тѣмъ не менѣе по отно-

[1]) Lohsing, указан. сочин., стр. 426.

[2]) На практикѣ это встрѣчается не часто (см. Olaf Salomonsen, указан. сочин., стр. 720).

шенію къ обвиняемому, не пользующемуся все таки довѣріемъ въ ихъ глазахъ, создали коррективъ противъ безгранично свободнаго представленія имъ доказательствъ. На обвиняемаго они возложили обязанность оплаты издержекъ по вызову свидѣтелей. Подобнымъ положеніемъ фактически нарушилось равенство между обвиненіемъ и защитой. Въ Англіи помогаетъ обвиняемымъ общество. Въ Норвегіи же самъ законъ стремится возстановить до извѣстной мѣры нарушаемую этимъ положеніемъ равноправность обвиняемаго съ обвинителемъ. Такъ, если прокуроръ или судъ представленіе доказательствъ или вызовъ свидѣтеля находятъ основательнымъ [1]), то издержки возмѣщаются казной (§ 297, 303). Въ особенности же положеніе обвиняемаго облегчается тѣми правилами норвежскаго устава, въ силу коихъ, если у подсудимаго есть офиціально назначенный защитникъ, на него уже не возлагается обязанности представленія опредѣленной закономъ суммы для оплаты издержекъ по установленію во время приготовительныхъ распоряженій доказательствъ и, въ частности, по вызову свидѣтелей (тѣ же §§).

Конечно, если бы норвежскому уставу было извѣстно обязательное назначеніе офиціальнаго защитника во время приготовительныхъ распоряженій вообще во всѣхъ случаяхъ [2]), то несомнѣнно система этого устава была бы очень высокаго достоинства.

Англійская система вызова свидѣтелей безъ предварительнаго рѣшенія судомъ вопроса о важности или неважности свидѣтелей проникла и въ нѣкоторые старые нѣмецкіе уставы, современные составленію нашихъ Судебныхъ Уставовъ. Однако нѣмецкіе уставы не содержали, во-1-хъ, постановленій, аналогичныхъ норвежскому уставу, а во-2-хъ, не проводили послѣдовательно и англійской системы, такъ какъ устанавливали ограниченія, преслѣдовавшія цѣль предупрежденія злоупотребленій или чрезмѣрнаго обремененія процесса [3]).

Другой типъ представляетъ система французскаго устава, который чрезвычайно слабо обезпечиваетъ интересы подсуди-

---

[1]) Такое значеніе прокуратуры объясняется тѣмъ, что по норвежск. уставу всѣ вызовы во время приготовительныхъ къ суду распоряженій производятся ею.

[2]) Случаи, когда обязательно назначеніе защиты во время приготовительныхъ распоряженій, указаны выше, стр. 623.

[3]) Напр. опредѣляли число свидѣтелей, которые должны показывать объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ; Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 353—359.

маго. Онъ не проводитъ равенства между обвинителемъ и обвиняемымъ. Первый вызываетъ свидѣтелей свободно, по своему усмотрѣнію; послѣдній долженъ принимать на свой счетъ издержки по вызовамъ, вмѣстѣ съ платою вызваннымъ свидѣтелямъ [1]). Нѣкоторымъ облегченіемъ для обвиняемаго является постановленіе французскаго устава о томъ, что прокуроръ можетъ приказать вызвать тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ указалъ ему подсудимый, если признаетъ, что показаніе ихъ можетъ быть полезно къ открытію истины (ст. 321). На практикѣ во Франціи допускается вызовъ прокуроромъ свидѣтелей въ пользу обвиняемаго [2]). Положеніе послѣдняго по закону также можетъ облегчаться тѣмъ, что президентъ имѣетъ право дѣлать распоряженіе о вызовѣ на счетъ казны тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ указываетъ недостаточный обвиняемый, если, по мнѣнію президента, показанія ихъ полезны для открытія истины (зак. 22 января 1851 г.). Къ сожалѣнію, на практикѣ, президенты, пользуясь своей дискреціонной властью [3]), вызываютъ гораздо чаще свидѣтелей во вредъ подсудимому. Уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ, въ общемъ, не послѣдовали за французскимъ уставомъ: одни изъ нихъ, какъ мы видѣли, заимствовали, хотя и съ извращеніемъ, англійскую систему, а другіе предоставили разрѣшеніе ходатайствъ обвиняемыхъ о вызовѣ свидѣтелей судамъ [4]) или предсѣдателямъ [5]), которые обязывались принимать во вниманіе важность ходатайствъ. При этомъ нѣкоторые изъ послѣднихъ уставовъ [6]), при отказѣ судомъ въ вызовѣ свидѣтелей на счетъ казны, предписывали тѣмъ не менѣе вызовъ ихъ, если подсудимый уплачивалъ издержки [7]).

Система вызова свидѣтелей и экспертовъ съ разрѣшенія суда или предсѣдателя получила свое развитіе въ новыхъ законодательствахъ. Австрійскій уставъ предоставляетъ обвинителю и обвиняемому во время приготовительныхъ къ суду распоряженій равныя права по вызову свидѣтелей и экспертовъ, а также по дополненію дѣла новымъ разслѣдованіемъ, по распоряженію пред-

---

[1]) Къ свидѣтелямъ приравниваются и эксперты.

[2]) Проф. Даневскій. Приготовительныя къ суду распоряженія, 1895 г., стр. 41.

[3]) О вызовѣ свидѣтелей по усмотрѣнію предсѣдателя см. ниже.

[4]) Zachariae, указан. сочин., стр. 354—356.

[5]) См., напр., § 129 баварск. уст. 1848 г.

[6]) См., напр., § 261 саксон. уст. 1855 г.

[7]) См. также Plank, указан. сочин., стр. 335 и 336.

сѣдателя (§§ 222 и 224). Стороны должны при этомъ приводить основанія своего ходатайства о вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ (§ 222). Предсѣдатель, если не находитъ необходимымъ удовлетворить ходатайство, передаетъ его въ совѣщательную камеру [1]). Отказъ послѣдней не подлежитъ обжалованію, но законъ предоставляетъ сторонамъ право возобновить ходатайство на главномъ слѣдствіи (§ 225). Опредѣленіе, состоявшееся здѣсь, подлежитъ кассаціонной повѣркѣ (§§ 238, 281 п. 4, 344 п. 5), насколько судъ упустилъ изъ виду или неправильно примѣнилъ такія правила судопроизводства, соблюденіе коихъ необходимо въ силу основныхъ началъ производства, обезпечивающаго въ равной мѣрѣ интересы уголовнаго преслѣдованія и защиты (§§ 281 п. 4 и 344 п. 5) [2]). Система австрійскаго устава принята и венгерскимъ, съ тою разницею, что во время приготовительныхъ распоряженій отказываетъ въ вызовѣ самъ предсѣдатель (см. §§ 288 и 292).

Иное положеніе занялъ общегерманскій уставъ. Онъ такъ же, какъ и нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, не предоставилъ подсудимому равныхъ правъ съ прокуроромъ. Послѣдній можетъ невозбранно представлять дополнительныя доказательства (§ 221 ч. *2*), для подсудимаго же требуется разрѣшеніе предсѣдателя суда (§ 219). Отказъ предсѣдателя не подлежитъ обжалованію. Подсудимому предоставляется или возобновить свое ходатайство на судѣ (§§ 243 и 245), опредѣленіе котораго съ правовой стороны подлежитъ кассаціонной повѣркѣ [3]), или вызвать свидѣтеля либо эксперта безъ разрѣшенія предсѣдателя, но уже на свой счетъ. На свой счетъ подсудимый можетъ вызвать нужныхъ ему лицъ вообще непосредственно, безъ всякаго предварительнаго заявленія своего ходатайства предсѣдателю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ облегчаетъ положеніе подсудимаго, предоставляя суду право принять вызовъ на счетъ казны, если на судебномъ (главномъ) слѣдствіи окажется, что допросъ лица, вызваннаго подсудимымъ непосредственно, былъ полезенъ для разъясненія дѣла (§ 219). Постановленія новаго итальянскаго устава по своему существу, но не по внѣш-

---

[1]) Совѣщательная камера—отдѣленіе суда I степени, состоящее изъ 3 членовъ, для наблюденія за предварительнымъ слѣдствіемъ.

[2]) *Глазеръ, указан. сочин.*, т. II, стр. 51 и 52.

[3]) Löwe, указан. сочин., § 243 Anm. 9в, 10а.

ней формѣ изложенія, очень близко подходятъ къ германскому уставу [1]). Разница сводится, главнымъ образомъ, къ равноправности обвинителя и обвиняемаго, проводимой до извѣстной мѣры итальянскимъ уставомъ. Предсѣдатель одинаково можетъ устранить изъ составленнаго и прокуроромъ, и обвиняемымъ списка такихъ свидѣтелей, которые являются недопустимыми по закону или показанія которыхъ не относятся къ предмету процесса (ст. 371). Такихъ свидѣтелей уставъ этотъ, въ отличіе отъ германскаго, не предоставляетъ обвиняемому вызывать и на свой счетъ. Затѣмъ итальянскій уставъ освобождаетъ отъ оплаты издержекъ по вызовамъ только подсудимаго, пользующагося правомъ бѣдности (ст. 370) [2]), нарушая этимъ существенно равенство между обвиненіемъ и защитой.

Сопоставленіе изложенныхъ законоположеній приводитъ къ тому заключенію, что въ западно-европейскихъ уставахъ уже къ шестидесятымъ годамъ намѣтились всѣ тѣ системы по вызову свидѣтелей, которыя дѣйствуютъ и нынѣ. Современныя законодательства только въ большей мѣрѣ стараются обезпечить интересы обвиняемаго: или уравненіемъ его правъ съ прокуроромъ (австр., венгерск., частью итальян.), или расширеніемъ случаевъ принятія издержекъ на счетъ казны (герм.), или устраненіемъ какихъ либо ограниченій для вызова, если таковой предъявляется защитникомъ, пользующимся особымъ довѣріемъ со стороны закона (норвежск.). Какое же положеніе занимаетъ нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства по отношенію къ западнымъ законодательствамъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ?

Непримѣнимость къ намъ англійской и норвежской системъ, конечно, ясна. Первой — потому, что въ такомъ случаѣ наши подсудимые, по бѣдности своей и отсутствію общественной иниціативы, совершенно не могли бы имѣть на судебномъ слѣдствіи важныхъ для ихъ интересовъ свидѣтелей; второй—въ виду невозможности организовать у насъ обязательную защиту изъ за-

[1]) По вопросу о вызовѣ экспертовъ итальянскій уставъ представляетъ крупную особенность (см. объ этомъ ниже).

[2]) Изъ сопоставленія ст. 370 съ другими статьями, касающимися вызововъ, единственно только и можно заключить, что по итальянскому уставу обвиняемые, имѣющіе средства, вообще должны оплачивать вызовъ просимыхъ ими свидѣтелей и экспертовъ, такъ какъ въ этомъ уставѣ нѣтъ постановленія, аналогичнаго германскому, о томъ, что обвиняемый долженъ оплачивать вызовъ только тѣхъ лицъ, которыя приглашены имъ непосредственно, т. е. которыхъ миновалъ контроль предсѣдателя.

щитниковъ, пользующихся особымъ довѣріемъ. Въ самой Норвегіи, какъ мы видѣли, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій защита обезпечена не всѣмъ подсудимымъ. Заимствованіе же французской системы, по неограженію ею интересовъ подсудимыхъ, не составило бы пріобрѣтенія для Устава Уголовнаго Судопроизводства. Составители его послѣдовали за французскимъ уставомъ въ томъ только отношеніи, что не установили у насъ равноправности прокурора и обвиняемаго. Они исходили изъ соображенія, что конечной цѣлью дѣйствій прокурора должно быть не обвиненіе, но исключительно раскрытіе истины..., что дѣйствуя такимъ образомъ, прокуроръ обязанъ требовать къ судебному слѣдствію всѣхъ свидѣтелей, которыхъ показанія могутъ служить къ раскрытію истины, а не тѣхъ исключительно, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе, что только одно желаніе устранить всякій поводъ къ сомнѣнію въ одностороннемъ направленіи дѣла можетъ побудить къ предоставленію подсудимымъ права дополнять списокъ свидѣтелей, требуемыхъ прокуроромъ къ судебному слѣдствію [1]).

Жизнь не оправдала ожиданій составителей Устава. Прокурорскій надзоръ развѣ въ видѣ исключительнаго явленія вызывалъ свидѣтелей, служащихъ въ пользу обвиняемаго. Впослѣдствіи и Правительствующій Сенатъ, основываясь на текстѣ закона, совершенно правильно разъяснилъ, что обвинительная власть не обязана вызывать свидѣтелей, оправдывающихъ обвиняемаго (рѣш. Угол. касс. деп. 1906 г. № 11). Другимъ основаніемъ для установленія правилъ о вызовѣ свидѣтелей послужило соображеніе, что подсудимые могутъ употреблять во зло право вызова въ судъ свидѣтелей, если оно будетъ ничѣмъ не ограничено [2]). Изъ этого соображенія становится яснымъ, что составители Судебныхъ Уставовъ должны были склониться къ системѣ тѣхъ нѣмецкихъ уставовъ, которые для вызова свидѣтелей по ходатайству обвиняемаго требовали разрѣшенія суда. Самыя же данныя, коими долженъ былъ руководствоваться судъ при разрѣшеніи ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, также сравнительно близки къ системѣ указанныхъ уставовъ: основательность пред-

[1]) Объясн. зап. къ проекту уст. уг. суд. 1863 г. стр. 286, 287.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

ставляемыхъ къ тому причинъ и важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію (ст. 575).

Позднѣйшимъ закономъ 18 марта 1896 г. изложенное правило было существенно измѣнено въ пользу обвиняемаго. Суду, въ руководство, указано только одно основаніе—значеніе показанія свидѣтеля для дѣла. Слѣдовательно, въ настоящее время судъ не въ правѣ, при разрѣшеніи ходатайства о вызовѣ свидѣтелей, входить въ оцѣнку существенности или важности свидѣтельскаго показанія. Равнымъ образомъ, не можетъ судъ останавливаться на вопросѣ, представляются ли основательными причины, по коимъ не было сдѣлано ссылки на свидѣтеля ранѣе — во время предварительнаго слѣдствія. Если въ 1864 г. нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, въ общемъ, былъ на уровнѣ современныхъ ему законодательствъ, то послѣ закона 18 марта 1896 г. онъ, въ смыслѣ огражденія правъ обвиняемаго, сталъ выше германскаго, въ практическомъ его примѣненіи, и венгерскаго уставовъ. Въ Германіи предсѣдатель можетъ отказать въ вызовѣ свидѣтеля какъ въ виду неважности обстоятельства, подлежащаго доказыванію, такъ и потому, что показаніе свидѣтеля не представляется надлежащимъ доказательствомъ, напр., когда подсудимый называетъ лицо, извѣстное суду, какъ незаслуживающее довѣрія [1]). Также по венгерскому уставу вызовъ свидѣтелей или экспертовъ долженъ быть отклоненъ, если обстоятельство, которое желаютъ доказать, представляется совершенно несущественнымъ, либо, если очевидно, что ссылка на свидѣтелей или экспертовъ сдѣлана для замедленія разрѣшенія дѣла (§ 288).

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства близокъ къ германской системѣ въ томъ отношеніи, что предоставляетъ подсудимому вызовъ на его счетъ такихъ свидѣтелей, въ ходатайствѣ о вызовѣ коихъ на счетъ казны ему было отказано (ст. 576). Особенность нашего Устава заключается здѣсь въ томъ, что судъ можетъ не только распорядиться о вызовѣ свидѣтелей на счетъ просителя, но и предоставить послѣднему пригласить ихъ въ судъ отъ себя. Въ практическомъ примѣненіи приведенное постановленіе Устава гораздо ближе къ системѣ старыхъ нѣмецкихъ кодексовъ, чѣмъ къ общегерманскому уставу.

---

[1]) Löwe, указан. сочин. § 218 Anm. 2; Глазеръ, указан. сочин., т. II, стр. 54.

Напримѣръ, саксонскій уставъ 1855 г. постановлялъ, что при вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ на счетъ подсудимаго предполагается, что этотъ вызовъ не будетъ соединенъ съ неоправдываемымъ замедленіемъ главнаго (судебнаго) слѣдствія (§ 261). Напротивъ, по общегерманскому уставу вызовъ на счетъ подсудимаго не подвергается никакимъ ограниченіямъ (§ 219). Лишь на судебномъ слѣдствіи на обязанности суда лежитъ недопущеніе принятія такихъ доказательствъ (въ томъ числѣ, конечно, свидѣтелей и экспертовъ), которыя являются недопустимыми по закону или не имѣютъ отношенія къ дѣлу[1]). У насъ же, несмотря на то, что въ текстѣ ст. 576 Уст. Уг. Суд. не содержится никакихъ ограниченій, Правительствующій Сенатъ, начиная съ извѣстнаго рѣшенія по дѣлу Засуличъ (1878 г. № 34), придерживается той практики, что по помянутой ст. 576 не могутъ быть вызываемы свидѣтели, показанія коихъ не имѣютъ отношенія къ дѣлу (см. также рѣш. Угол. касс. деп. 1899 г. № 16; 1905 г. № 1). Одіозный характеръ такого толкованія для интересовъ подсудимыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Оцѣнка относимости къ дѣлу свидѣтельскаго показанія на судебномъ слѣдствіи представляется неизмѣримо болѣе совершенной и болѣе гарантирующей, чѣмъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ предпочтенія западная система, допускающая повтореніе на судебномъ слѣдствіи основного ходатайства о вызовѣ свидѣтелей на счетъ казны, сравнительно съ нашей, по коей, внѣ открытія новыхъ обстоятельствъ, просьбы о вызовѣ свидѣтелей по ст. 575 разрѣшаются окончательно во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ кассаціонной практики по ст. 576, нельзя не признать, что нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, послѣ закона 18 марта 1896 г., поставившаго въ качествѣ единственнаго руководящаго принципа значеніе для дѣла свидѣтельскаго показанія, представляетъ серьезныя гарантіи для подсудимаго, особенно, если бы Правительствующій Сенатъ неуклонно проводилъ свои разъясненія о повѣркѣ, со стороны логической и юридической, опредѣленій судовъ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей и о необходимости мотивированія судами

[1]) См. Löwe, указан. сочин., § 244 Anm. 3 и 4.

признанія показаній свидѣтелей неимѣющими значенія для дѣла [1]).

Слѣдуетъ также отмѣтить, что составители Судебныхъ Уставовъ, при выработкѣ правилъ о вызовѣ свидѣтелей, съ одной стороны, установили неизвѣстное западнымъ законодательствамъ льготное для подсудимаго постановленіе объ обязательномъ вызовѣ, по его ходатайству, свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи (ст. 574) [2]), а съ другой—не послѣдовали за тѣми нѣмецкими законами [3]), которые предоставляли суду право ограничивать число свидѣтелей, имѣющихъ показывать по одному и тому же предмету [4]) (напр. прусскій, брауншвейгскій, нассаускій), или которые право вызова новыхъ свидѣтелей, недопрошенныхъ черезъ слѣдователя, дали только одному предсѣдателю, по его собственному усмотрѣнію (см. напр. § 86 баденскаго зак. 5 февраля 1851 г.).

Вызовъ къ судебному слѣдствію экспертовъ, какъ видно уже изъ предшествующаго изложенія законодательства, обыкновенно подчиняютъ тѣмъ же правиламъ, что и вызовъ свидѣтелей. Однако, встрѣчаются и серьезныя отступленія. Напримѣръ, ганноверскій уставъ (1850 г.) предоставлялъ прокурору и подсудимому права вызова лишь тѣхъ свѣдущихъ людей, которые привлекались на предварительномъ слѣдствіи (§ 142). Также и новый итальянскій уставъ содержитъ серьезныя ограниченія по этому предмету. Онъ дозволяетъ вызовъ къ главному (судебному) слѣдствію, по ходатайству сторонъ, новыхъ экспертовъ только по предмету, не подвергавшемуся изслѣдованію на предварительномъ слѣдствіи, а экспертовъ, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, лишь при условіи, если заключеніе ихъ не было единогласнымъ (ст.ст. 367 и 368) [5]). Ограниченія въ вызовѣ

[1]) Германскій кассаціонный судъ также признаетъ недостаточною такую, напр., мотивировку, какъ обозначеніе ходатайства о доказательствѣ „фактически неважнымъ“ (Löwe, указан. сочин., § 243, Anm. 9в).

[2]) Ст. 574 закономъ 18 марта 1896 г. отмѣнена. Эту отмѣну едва ли возможно считать серьезнымъ недостаткомъ въ виду расширенія помянутымъ закономъ правъ подсудимаго на вызовъ свидѣтелей по ст. 575.

[3]) См. Брауеръ. Судъ присяжныхъ по законодательствамъ Германіи. Русск. переводъ 1865 г., стр. 205, 215 и 216.

[4]) Германская практика придерживается этого правила (Löwe, указан. сочин., § 218 Anm. 2; Глазеръ, указан. сочин., т. II, стр. 54), хотя на него въ текстѣ закона нѣтъ прямого указанія.

[5]) Если во время судебнаго слѣдствія обнаруживаются обстоятельства, на основаніи коихъ возможно предположить, что они пригодны для измѣненія выводовъ ранѣе дан-

экспертовъ могутъ корениться и въ порядкѣ оглашенія на судебномъ слѣдствіи протоколовъ о произведенной на предварительномъ слѣдствіи экспертизѣ. Если это оглашеніе поставлено широко, то оно косвенно вліяетъ на вызовъ экспертовъ, въ смыслѣ стѣсненія его.

Нашъ Уставъ въ ст. 578 говоритъ, что стороны могутъ просить судъ о вызовѣ не только свидѣтелей, но и экспертовъ, для объясненія какого либо предмета или для повѣрки сдѣланнаго испытанія. Чѣмъ долженъ въ этихъ случаяхъ руководствоваться судъ и можетъ ли онъ принимать во вниманіе правила, установленныя для вызова свидѣтелей, законъ молчитъ, предоставляя все усмотрѣнію суда. Хотя Сенатъ и разъяснилъ, что вызовъ экспертовъ зависитъ отъ того, признаетъ ли судъ имѣющими значеніе для дѣла тѣ обстоятельства, для разрѣшенія которыхъ подсудимый просилъ о вызовѣ ихъ (рѣш. Угол. касс. деп. 1875 г. № 148), но, съ другой стороны, въ виду указанія Сената, что необходимость повѣрки произведенной экспертизы зависитъ отъ усмотрѣнія суда [1]), приведенное разъясненіе 1875 г. является руководящимъ, согласно при томъ и самому тексту ст. 578, главнымъ образомъ, для случаевъ ходатайства о производствѣ новой экспертизы по предмету, не подвергавшемуся ранѣе изслѣдованію. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что для интересовъ правосудія имѣетъ серьезное значеніе присутствіе эксперта на судѣ, безразлично—для производства ли экспертизы по новому предмету, не изслѣдованному на предварительномъ слѣдствіи, для объясненія ли, либо повѣрки произведенной экспертизы (начало устности). Поэтому, конечно, заслуживаютъ предпочтенія законодательства, которыя вызовъ экспертовъ ставятъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣ же условія, какъ и вызовъ свидѣтелей [2]). Текстъ нашего Устава не идетъ однако такъ далеко, какъ практика, ставящая въ благопріятное положеніе одного прокурора, требованіе котораго о вызовѣ эксперта обязательно и въ томъ случаѣ, когда оно заявлено во время

ной экспертизы, или если судья признаетъ необходимымъ потребовать объ эскпертизѣ объясненія, то, по итальянскому уставу, судья въ правѣ, независимо отъ ходатайства сторонъ, предписать о явкѣ допрошенныхъ экспертовъ (ст. 399 ч. 2).

[1]) См. выше, стр. 605.

[2]) Англійское, французское, всѣ новые германскаго типа, а также частью и прежніе уставы германскихъ государствъ.

приготовительныхъ распоряженій (рѣш. Угол. касс. деп. 1868 г. № 943; 1872 г. № 974).

Неравноправность обвиняемаго и обвинителя—прокурора выражается по Уставу Уголовнаго Судопроизводства также въ томъ, что прокуроръ не ограниченъ срокомъ въ вызовѣ свидѣтелей (ст. 573). Обвиняемый же, по истеченіи установленнаго ст. 557 срока, въ правѣ просить о вызовѣ свидѣтелей лишь по вновь открывшимся обстоятельствамъ (ст. 577). Такого ограниченія интересовъ обвиняемаго не знали даже современные составленію Судебныхъ Уставовъ нѣмецкіе процессуальные кодексы. Хотя имъ и былъ извѣстенъ срокъ для представленія доказательствъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, тѣмъ не менѣе, несоблюденіе этого срока давало только противной сторонѣ право требовать отсрочки дѣла или возражать противъ допроса [1]). Общегерманскому же уставу неизвѣстны и сроки для представленія доказательствъ (§ 245) [2]). По этому уставу судъ свободно рѣшаетъ какъ о томъ, былъ ли у противника, при позднемъ представленіи доказательства, недостатокъ времени для собранія справокъ о такомъ доказательствѣ, такъ и о томъ, нуждался ли онъ вообще, по положенію дѣла, въ такихъ справкахъ [3]). Если же обратить вниманіе на то, что понятіе „вновь открывшагося обстоятельства“ представляется само по себѣ довольно растяжимымъ, что подсудимому трудно установить, что данное обстоятельство обнаружилось по истеченіи семидневнаго срока [4]), что на Западѣ основаніемъ для отказа въ принятіи съ опозданіемъ представляемаго доказательства можетъ служить также лишь значеніе его [5]), то не трудно замѣтить, что проводимая нашимъ Уставомъ въ ст. 577 система не только нарушаетъ принципъ (равноправность сторонъ), но и создаетъ существенныя препятствія для обвиняемаго въ защитѣ его интересовъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія вопроса о проведеніи начала состязательности во время приготовительныхъ къ суду распо-

---

[1]) Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 421.

[2]) На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ венгерскій уставъ (§ 306).

[3]) Глазеръ, указан. сочин., т. II, стр. 84.

[4]) Даневскій, указан. статья, стр. 57 и 58.

[5]) Глазеръ, тамъ же, стр. 74; Löwe, указан. сочин., § 243 Anm. 9 в. См. текстъ § 331 норвежскаго устава.

ряженій необходимо остановиться на возможности пополненія доказательственнаго матеріала по иниціативѣ самого суда. Текстъ Устава Уголовнаго Судопроизводства даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Уставъ не предоставляетъ суду ни права вызова, по собственной иниціативѣ, свидѣтелей и экспертовъ, ни права также ex officio, дополнять дѣло новыми доказательствами. Составители Уставовъ смотрѣли однако нѣсколько иначе. По ихъ мысли, судъ, по полученіи каждаго дѣла, обязанъ, прежде всего, удостовѣриться, между прочимъ, въ томъ, не предстоитъ ли надобности въ дополненіи дѣла изысканіемъ обстоятельствъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія, или истребованіемъ въ судъ какихъ либо доказательствъ [1]). Это предположеніе не нашло прямого выраженія въ законѣ. Судебная же практика считаетъ обязанностью суда, исполняемой во время приготовительныхъ къ суду распоряженій ex officio, лишь собраніе свѣдѣній о званіи, возрастѣ и прежней судимости подсудимаго, а равно собраніе и приложеніе къ дѣлу вещественныхъ доказательствъ [2]).

Шире полномочія суда во время судебнаго слѣдствія. Уставъ оговариваетъ это точно, предоставляя суду право, независимо отъ ходатайства сторонъ, по своему почину, вызвать прежнихъ экспертовъ или назначить новую экспертизу (ст. ст. 690 и 692), повѣрку осмотра или новый осмотръ (ст. ст. 688 и 689). Въ приведенныхъ постановленіяхъ нашли свое выраженіе соображенія составителей Уставовъ о самодѣятельности уголовнаго суда, о независимости его отъ желанія сторонъ. Дальше приведенныхъ положеній они не пошли; права вызова свидѣтелей по своему усмотрѣнію они суду не предоставили и во время судебнаго слѣдствія. Поэтому было бы большой натяжкой признавать за судомъ право вызова свидѣтелей по собственному почину во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Это такое серьезное полномочіе, что предполагать его безъ прямого указанія закона едва ли возможно [3]).

---

[1]) Объясн. зап. къ проекту уст. уг. суд. 1863 г. стр. 262 и 263.

[2]) Это послѣднее положеніе представляетъ собою однако естественное послѣдствіе ст. 696, предписывающей нахожденіе вещественныхъ доказательствъ въ засѣданіи суда.

[3]) Такъ рѣшаетъ вопросъ и Сенатъ по одному частному дѣлу, резол. 4 отд. Угол. касс. деп. 13—20 ноября 1898 г. по дѣлу Скитскихъ. Для съѣздовъ (ст. 159[1] по закону 15 іюня 1912 г.) и для палатъ, какъ апелляціонныхъ инстанцій (ст. 879[1]), существуетъ

Западныя законодательства, за исключеніемъ Англіи, рѣзко отличаются отъ нашего относительно вызова свидѣтелей ex officio. Французскій уставъ далъ предсѣдателю дискреціонное право вызывать безъ просьбы сторонъ свидѣтелей, а равно приказывать представлять себѣ новые документы (ст. 269). Хотя по тексту закона указанное полномочіе предоставляется предсѣдателю во время судебнаго засѣданія, но практика распространила его и на приготовительныя къ суду распоряженія [1]). За французскимъ уставомъ послѣдовали уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ [2]). Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, предоставили предсѣдателю, для дополненія и уясненія дѣла, наряду съ производствомъ, непосредственно или черезъ другой судебный органъ, слѣдственныхъ дѣйствій, также право допроса свидѣтелей [3]).

Право вызова свидѣтелей сохраняютъ за предсѣдателемъ и новые уставы. Каждый изъ нихъ однако представляетъ свои особенности, которыя частью существовали уже въ сепаратныхъ нѣмецкихъ кодексахъ. Австрійскій уставъ даетъ предсѣдателю на главномъ слѣдствіи (но не до начала его) [4]) право, безъ требованія обвинителя или обвиняемаго, приглашать, а въ случаѣ надобности распоряжаться приводомъ и допрашивать свидѣтелей и экспертовъ, отъ коихъ по ходу слѣдствія должно ожидать разъясненій по существеннымъ фактамъ, равно какъ требовать новыхъ заключеній и т. п. (§ 254). Напротивъ, по

спеціально указанное закономъ изъятіе о вызовѣ свидѣтелей по собственному ихъ усмотрѣнію (см. рѣш. Угол. касс. деп. 1897 г. № 35). Закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда такое право признано за мировыми судьями (ст. 65). Кассаціонная практика, предоставлявшая ранѣе его мировымъ судьямъ вызовъ свидѣтелей помимо ходатайства сторонъ, не была основана на законѣ.

[1]) Глазеръ, указан. сочин., стр. 49—50.

[2]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 399 и 400; Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 363—365. Иногда полномочіе на вызовъ свидѣтелей дается только въ интересахъ защиты (см. § 260 саксонск. уст. 1855 г.).

[3]) Подобное право давало предсѣдателю возможность допроса такихъ новыхъ свидѣтелей, которые не могли явиться или имѣли право не являться къ судебному слѣдствію (см. Plank, указан. сочин., стр. 332). Новые уставы содержатъ спеціальныя по этому предмету постановленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространяютъ право допроса по отдѣльному требованію во время приготовительныхъ къ суду распоряженій на случаи невозможности явки экспертовъ (герм. уст. § 222, норвежск. уст. § 297, венгерск. уст. § 287 и 312, итальянск. уст. ст. 369 и 395). Нашъ уставъ, къ сожалѣнію, не знаетъ подобнаго правила. Отсутствіе его часто создаетъ безвыходное положеніе: свидѣтель—нерѣдко очень существенный—указанъ вновь, вызванъ судомъ, но допросить его не представляется возможности, напр., свидѣтель пользуется правомъ, предоставленнымъ п. 2 ст. 642, а допросъ по мѣсту жительства невозможенъ, такъ какъ его не разрѣшаетъ законъ.

[4]) Löhsing, указан. сочин., стр. 467.

германскому уставу, предсѣдатель имѣетъ право вызова по собственной иниціативѣ свидѣтелей и экспертовъ, равно какъ доставленія другихъ доказательствъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій (§ 220), а во время главнаго слѣдствія такое право предоставлено только суду (ч. 3 § 243). По норвежскому уставу дополненіе дѣла новыми доказательствами ex officio принадлежитъ лишь суду и притомъ при разсмотрѣніи дѣла по существу (ч. 4 § 331). Уставъ этотъ предоставляетъ особыя полномочія предсѣдателю только по дѣламъ, подсуднымъ суду шеффеновъ, и, кромѣ того, при условіи, если обвиняемый не имѣетъ защитника. Въ такомъ случаѣ на предсѣдателя возлагается обязанность, по полученіи отъ прокурора актовъ, изслѣдовать, не должны ли быть предприняты разслѣдованія, кромѣ тѣхъ, о коихъ сдѣлано предложеніе (ч. 2 § 367). Венгерскій же уставъ, въ качествѣ общаго правила, предоставляетъ предсѣдателю право приглашенія свидѣтелей и экспертовъ, безъ требованія сторонъ, какъ во время разсмотрѣнія дѣла по существу (ч. 3 § 306), такъ и во время приготовительныхъ къ суду распоряженій (ч. 5 § 288); въ первомъ случаѣ аналогичное право принадлежитъ и суду (ч. 3 § 306). Значительны полномочія предсѣдателя, а въ соотвѣтствующихъ случаяхъ единоличнаго судьи и по новому итальянскому уставу; уставъ этотъ предоставляетъ и право разслѣдованія во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, и право производства новой и повторенія произведенной экспертизы, и право вызова свидѣтелей (см. ст. ст. 352, 369, 399 и 400).

Оцѣнивая изложенныя постановленія западныхъ уставовъ, нельзя не придти къ заключенію, что на болѣе правильномъ пути, съ точки зрѣнія обвинительной формы процесса, стоятъ тѣ изъ нихъ, которыя разрѣшаютъ пополненіе ex officio дѣла новыми доказательствами только во время судебнаго слѣдствія; въ этотъ моментъ процесса судъ менѣе всего можетъ проявлять розыскную дѣятельность, такъ какъ свѣдѣнія о новыхъ доказательствахъ онъ получаетъ изъ данныхъ, обнаруженныхъ передъ нимъ судебнымъ разбирательствомъ. Лишеніе суда возможности пользоваться этими свѣдѣніями, независимо отъ указаній сторонъ, означало бы принесеніе въ жертву формализму той истины, къ которой уголовный судъ, въ виду публичнаго свойства уголовнаго иска, долженъ стремиться.

Проведеніе обвинительной формы суда во время судебнаго слѣдствія характеризуется различными моментами. Прежде всего, существенное значеніе имѣетъ то обстоятельство, разсматриваетъ ли законъ въ этой стадіи процесса подсудимаго, какъ сторону, или какъ объектъ изслѣдованія. Если принята послѣдняя точка зрѣнія, то допросъ подсудимаго получаетъ рѣзко инквизиціонный характеръ. Напротивъ, при первой—законъ или совершенно не допускаетъ допроса подсудимаго, или даетъ ему такую обрисовку, въ силу коей отвѣты подсудимаго разсматриваются какъ его право, безъ принятія при томъ въ отношеніи подсудимаго какихъ либо, хотя бы самыхъ косвенныхъ и отдаленныхъ, принудительныхъ къ отвѣту мѣръ. Ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ на Западѣ отошли въ область прошлаго не только пытка, но и дисциплинарныя взысканія для обвиняемыхъ. Тѣмъ не менѣе, законодательства сохраняли постановленія, направленныя къ понужденію обвиняемыхъ, конечно, уже психическими мѣрами, давать правдивыя показанія. Напр., предписывалось обращать вниманіе обвиняемаго, что отказъ его отвѣчать послужитъ не только къ замедленію разслѣдованія, но и создастъ опасность, что вслѣдствіе его могутъ остаться неразслѣдованными тѣ или иныя обстоятельства, служащія къ защитѣ, и можетъ укрѣпиться противъ обвиняемаго подозрѣніе [1]).

Не отказались отъ такой точки зрѣнія даже нѣкоторыя новѣйшія законодательства. Такъ, норвежскій уставъ постановляетъ, что если обвиняемый отказывается отъ отвѣта или даетъ объясненія съ оговоркою, то судья можетъ указать ему на возможность, что непредставленіе объясненія въ цѣломъ или относительно предметовъ, которые, какъ можно допустить, извѣстны ему, будетъ разсматриваться въ качествѣ обстоятельства, говорящаго противъ него (§ 260). Равнымъ образомъ, по венгерскому уставу, если обвиняемый не желаетъ отвѣчать вообще или на извѣстные вопросы, либо если онъ представляетъ себя глухимъ, нѣмымъ, слабоумнымъ или душевно-больнымъ, и если допрашивающій на основаніи собственнаго впечатлѣнія, показаній свидѣтелей или заключенія экспертовъ придетъ къ убѣжденію, что обвиняемый симулируетъ, то онъ

[1]) Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 259; Plank, указан. сочин., стр. 246 и слѣд.

долженъ обратить вниманіе послѣдняго на то, что его поведеніе не воспрепятствуетъ продолженію производства и что при случаѣ (eventuell) онъ можетъ лишиться средствъ защиты (§ 134). При этомъ венгерскій уставъ прямо предписываетъ соблюденіе изложеннаго правила и на судебномъ (главномъ) слѣдствіи (§ 304 ч. 2). Французскому законодательству не были извѣстны ни дисциплинарныя взысканія для обвиняемаго за отказъ отъ показанія, ни постановленія, аналогичныя только что приведеннымъ. Законъ 8 декабря 1897 г. предписалъ даже судебному слѣдователю предварять обвиняемаго о томъ, что онъ воленъ не давать объясненій (ст. 3). Инквизиціонное начало проводится во Франціи и довольно рѣзко въ другомъ направленіи. По французской системѣ, которая была принята также и въ сепаратныхъ германскихъ уставахъ, предсѣдатель долженъ, прежде допроса свидѣтелей, сдѣлать допросъ подсудимому (ст. 319 и 405). Въ виду возлагаемой французскимъ уставомъ на предсѣдателя обязанности принимать всѣ мѣры, необходимыя для открытія истины (ст. 268), и въ частности требовать отъ подсудимаго объясненій, нужныхъ также для обнаруженія истины (ч. 3 ст. 319), во Франціи допросъ подсудимаго предсѣдателемъ получилъ рѣзко выраженный обвинительный характеръ. Предсѣдатели, черпая, въ нарушеніе начала устности, матеріалы изъ актовъ предварительнаго слѣдствія, стремятся обыкновенно изобличить подсудимыхъ въ возводимыхъ на нихъ преступныхъ дѣяніяхъ. До какихъ рѣзкихъ инквизиціонныхъ формъ можетъ доходить предсѣдательскій допросъ подсудимаго показываетъ въ послѣднее время громкое дѣло Стэнель, послѣ котораго былъ даже поставленъ законодательный вопросъ о реформѣ допроса подсудимаго. Инквизиціонный характеръ допроса подсудимаго сохранился и по итальянскому уставу 1913 г. [1]).

Прямую противоположность французской системѣ представляло до послѣдняго времени англійское законодательство, не допускавшее допроса подсудимаго. Такое направленіе законодательства, конечно, наиболѣе соотвѣтствуетъ идеѣ обвинительнаго процесса. Однако удержаться въ этихъ предѣлахъ представляется едва ли возможнымъ: слишкомъ цѣнный матеріалъ для рѣшенія уголовнаго иска представляетъ показаніе подсудимаго. Даже англій-

[1]) А. Люблинскій, указан. сочин., стр. 72.

ское право не въ состояніи было остаться на прежней точкѣ зрѣнія. Законъ 1898 г., принятый „ради огражденія невиновныхъ“ [1]), дозволяетъ каждому подсудимому, по его просьбѣ, выступить свидѣтелемъ по своему дѣлу и подвергнуться перекрестному допросу и допросу судьи. Такой подсудимый, какъ и всякій свидѣтель, приводится къ присягѣ и даетъ свои показанія съ мѣста, предназначеннаго для свидѣтелей, если только судъ не постановитъ иначе. Нежеланіе подсудимаго дать свидѣтельское показаніе не можетъ быть предметомъ замѣчаній со стороны обвиненія. Такимъ образомъ, допросъ подсудимаго по англійскому закону 1898 г. является не принудительною по отношенію къ нему мѣрой, а его процессуальнымъ правомъ [2]). Однако, законъ этотъ страдаетъ и серьезными недостатками, заключающимися, главнымъ образомъ, въ совершенно ненормальномъ приравниваніи подсудимаго къ свидѣтелю, преимущественно въ отношеніи отвѣтственности за клятвопреступленіе [3]).

Нашъ Уставъ въ своихъ постановленіяхъ о допросѣ подсудимаго стоитъ неизмѣримо выше французскаго и сепаратныхъ нѣмецкихъ уставовъ, а равно современныхъ намъ уставовъ — норвежскаго и венгерскаго. Онъ не принимаетъ даже на предварительномъ слѣдствіи никакихъ мѣръ понужденія обвиняемаго къ дачѣ показанія (ст. 405, 406, 679 и слѣд.), а для судебнаго слѣдствія точно оговариваетъ, что молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины (ст. 685). Далѣе, конструкція статей Устава о допросѣ подсудимаго такова, что веденіе его у насъ во французскомъ духѣ было бы существеннымъ нарушеніемъ, ибо ст. 684, предоставляющая право допроса несознающагося подсудимаго предсѣдателю и судьямъ, имѣетъ въ виду разъясненіе обстоятельствъ дѣла посредствомъ разспросовъ подсудимаго по какимъ либо къ тому поводамъ, т. е. при разсмотрѣніи представленныхъ противъ него доказательствъ и недостаточнаго разъясненія имъ падающаго на него подозрѣнія, а не съ цѣлью вынудить отъ него признаніе по такимъ обстоятельствамъ, которыя ничѣмъ не подтверждаются [4]). Нашъ Уставъ такимъ образомъ занялъ среднее мѣсто между кодек-

---

[1]) Л. Е. Владиміровъ. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, 1910 г., стр. 281.
[2]) Фойницкій. Курсъ, т. II, стр. 328.
[3]) Л. Е. Владиміровъ, указан. сочин., стр. 281 и 282.
[4]) Журналъ Госуд. Совѣта 1864 г № 47.

сами, стоявшими еще очень близко въ отношеніи допроса обвиняемаго къ инквизиціонному процессу, и законодательствомъ англійскимъ, до закона 1898 г., проводившимъ въ чистомъ видѣ состязательное начало. Система нашего Устава, съ одной стороны (ст. 683), предоставляетъ подсудимому объяснить все, что онъ находитъ нужнымъ, а съ другой—не лишаетъ суда возможности получить весьма серьезное доказательство—показаніе подсудимаго.

Въ результатѣ допроса подсудимаго, или даже представленія имъ объясненій по собственной иниціативѣ, можетъ послѣдовать признаніе имъ своей вины. Какое же значеніе можетъ имѣть такое признаніе? При послѣдовательномъ проведеніи обвинительной формы процесса руководящимъ началомъ является то положеніе, что признанное что-либо какой-либо изъ сторонъ себѣ въ ущербъ оставляется внѣ спора [1]). Съ точки зрѣнія этого положенія, признаніе подсудимымъ своей виновности должно влечь за собою непосредственное постановленіе приговора о наказаніи и разрѣшеніе только правовыхъ вопросовъ, какъ, съ другой стороны, за отказомъ отъ обвиненія, должно слѣдовать прекращеніе дѣла.

Изъ западныхъ законодательствъ только англійское допускало и допускаетъ, при сознаніи подсудимаго, устраненіе присяжныхъ и непосредственное постановленіе приговора судомъ. Этой системѣ, съ нѣкоторыми модификаціями, слѣдовало также значительное число сепаратныхъ германскихъ уставовъ [2]).

Трудно, однако, согласиться съ правильностью такой системы. Хорошо извѣстно, что сознанію подсудимаго не всегда возможно довѣрять, нерѣдко оно основывается на заблужденіи, непониманіи или даже на сознательномъ стремленіи ввести власть въ заблужденіе. При такихъ условіяхъ, ставить уголовный искъ въ зависимость отъ частнаго произвола стороны не представляется никакого основанія. Отказываясь придавать рѣшающее значеніе сознанію подсудимаго, законодательства тѣмъ самымъ еще не слѣдуютъ инквизиціонному принципу. Напротивъ, считаясь съ публичною природою уголовнаго иска, они подчиняются только инструкціонному началу, устанавливающему самодѣятельность

---

[1]) Plank, указан. сочин., стр. 178.

[2]) Брауеръ, указан. сочин., стр. 262 и 263.

суда и несвязанность его волеизъявленіями сторонъ. По этимъ соображеніямъ, нельзя не признать правильной точку зрѣнія тѣхъ законодательствъ, которыя, какъ наше, придаютъ сознанію подсудимаго только значеніе обстоятельства, вліяющаго на объемъ доказательственнаго матеріала. Такъ, Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, при невозбуждающемъ сомнѣнія сознаніи подсудимаго, разрѣшаетъ суду не производить судебнаго слѣдствія (ст. 681 и 682) [1]).

Затѣмъ, закономъ 15 іюня 1912 г., аналогичное постановленіе создано для дѣлъ мѣстной подсудности. Мировому судьѣ предоставлено, не производя дальнѣйшаго разслѣдованія, приступить къ постановленію приговора, если обвиняемый призналъ себя виновнымъ и признаніе его не возбуждаетъ сомнѣнія (ст. 91[1]). На сокращеніе же предварительнаго слѣдствія сознаніе подсудимаго, по нашему закону, въ отличіе отъ норвежскаго и венгерскаго уставовъ, никакого вліянія не можетъ оказывать [2]). Такая постановка представляется и болѣе правильной, такъ какъ сокращенное разслѣдованіе, въ случаѣ взятія на судѣ назадъ сознанія, можетъ оказаться совершенно недостаточнымъ и потребовать отложенія дѣла для дополнительнаго разслѣдованія.

Характеръ судебнаго слѣдствія въ особенности опредѣляется тѣмъ взаимоотношеніемъ, въ которомъ находятся судъ и стороны. Если изслѣдованіе собраннаго матеріала, составляющаго задачу судебнаго слѣдствія, находится въ рукахъ сторонъ, то слѣдствіе получаетъ состязательный характеръ. Послѣдовательное проведеніе состязательнаго начала предполагаетъ вполнѣ

---

[1]) По норвежскому уставу, въ случаѣ принесенія подсудимымъ полнаго сознанія, судъ рѣшаетъ, должно ли и въ какомъ объемѣ имѣть мѣсто установленіе доказательствъ (§ 331).

[2]) По норвежскому уставу, при невозбуждающемъ сомнѣнія сознаніи обвиняемаго, могутъ быть приглашены въ качествѣ свидѣтелей только такія лица, которыя дадутъ показанія, относящіяся непосредственно до совершенія дѣянія или большей, либо меньшей наказуемости обвиняемаго (§ 302). Сверхъ того, этотъ уставъ допускаетъ, когда налицо сознаніе, непосредственное постановленіе приговора безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, но только при согласіи обвиняемаго и по дѣламъ, подсуднымъ суду шеффеновъ (§§ 283 и 270). По венгерскому же уставу, если признаніе представляется вполнѣ исчерпывающимъ и если также другія данныя дѣла его подкрѣпляютъ, то производство дальнѣйшаго дознанія или слѣдствія зависитъ отъ предложенія обвинителя (§ 139). Кромѣ того, по дѣламъ, влекущимъ лишеніе свободы свыше пяти лѣтъ (но не пожизненное), когда по общему правилу обязательно предварительное слѣдствіе, таковое не производится, если обвиняемый принесъ вполнѣ согласное съ данными дѣла сознаніе (§ 103).

пассивное отношеніе суда къ происходящему передъ нимъ. Судъ является въ такомъ случаѣ только безпристрастнымъ зрителемъ производимаго сторонами изслѣдованія. Въ этомъ нѣкоторые процессуалисты видятъ залогъ безпристрастнаго отношенія суда къ доказательственному матеріалу, залогъ безпартійности суда при разрѣшеніи вопроса о виновности. Однако, полная пассивность суда, даже безучастность его къ изслѣдованію, происходящему на судебномъ слѣдствіи, является несовмѣстимой съ публичной природой уголовно-процессуальнаго отношенія.

Въ качествѣ образца проведенія состязательнаго начала указываютъ англійское законодательство. Англійскій судья, по общему правилу, не допрашиваетъ подсудимаго и свидѣтелей, а по тому самому, какъ удостовѣряетъ Миттермайеръ, онъ далекъ отъ всякаго желанія получить при допросѣ извѣстныя показанія для подтвержденія обвиненія, отъ всякаго замѣчанія о несправедливости отвѣтовъ обвиняемаго и свидѣтелей и о томъ, что вина обвиняемаго доказана при предварительномъ изслѣдованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Миттермайеръ приводитъ, что судья все таки производитъ допросъ свидѣтелей и экспертовъ, но только тамъ, гдѣ требуетъ этого интересъ защиты обвиняемаго (въ случаѣ, если послѣдній не имѣетъ защитника) или разъясненія истины (въ случаѣ, если свидѣтель даетъ неясные отвѣты) [1]) и вообще тамъ, гдѣ допросъ былъ неполный и не представилъ достаточно фактовъ [2]). Миттермайеръ не видитъ въ этомъ основанія для нарушенія безпристрастія судьи [3]).

Законодательства, проводящія инструкціонное начало, очень близки къ этой системѣ; они даютъ судьямъ право допроса, но только послѣ того, какъ стороны использовали свои права по изслѣдованію доказательства. Такая система, согласная съ публичнымъ характеромъ уголовнаго процесса, въ силу коего уголовный судъ не можетъ мириться съ ошибками и небрежностью сторонъ, представляется и наиболѣе цѣлесообразной, наиболѣе достигающей основной цѣли уголовнаго процесса—отысканія матеріальной истины. Упрекъ же въ инквизиціонномъ характерѣ можно и должно сдѣлать тѣмъ законодательствамъ, которыя изслѣдованіе на судебномъ слѣдствіи

---

[1]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 388.

[3]) Тамъ же, стр. 69.

сосредоточиваютъ въ рукахъ суда или, точнѣе, его органа — предсѣдателя, а сторонамъ предоставляютъ только право дополнительнаго допроса, съ нарушеніемъ иногда равенства между обвиненіемъ и защитой. Это послѣднее выражается или въ подозрительномъ отношеніи къ защитѣ и лишеніи ея права непосредственнаго допроса, при свободномъ пользованіи прокуроромъ такимъ правомъ, либо въ томъ, что обвиняемый совершенно не допускается къ допросу свидѣтелей и экспертовъ.

Во время составленія Судебныхъ Уставовъ являлась господствующей не англійская, а французская система веденія судебнаго слѣдствія, проникнутая инквизиціонными началами. По французскому уставу допросы сосредоточены въ рукахъ президента (ст. 319). Въ дальнѣйшемъ допросъ предоставляется и сторонамъ, но съ той разницей, что прокуроръ можетъ предлагать вопросы непосредственно, а защитникъ черезъ посредство президента, отъ котораго зависитъ предложить или не предложить вопроса. Кромѣ того, ограниченіе защиты въ правѣ непосредственнаго допроса представляется неудобнымъ еще и въ томъ отношеніи, что желательный для защиты вопросъ въ устахъ президента можетъ получить совершенно иные смыслъ и значеніе. Отдѣльные уставы германскихъ государствъ, въ общемъ, хотя и слѣдовали французской системѣ веденія судебнаго слѣдствія, тѣмъ не менѣе въ значительной мѣрѣ смягчили его инквизиціонный характеръ. Они допустили непосредственный допросъ свидѣтелей и экспертовъ сторонами послѣ допроса предсѣдателя, съ тою иногда разницею, что прокурору предсѣдатель обязанъ былъ предоставить непосредственный допросъ, а обвиняемому и защитнику—могъ [1]). Прусскій же законъ 3 мая 1852 г. (ст. 77), которому затѣмъ послѣдовалъ баденскій уставъ 1864 г. (§ 238), принялъ среднюю форму, уполномочивъ президента предоставлять вести допросъ прежде всего прокурору и защитнику, по единогласному ихъ о томъ требованію.

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства пошелъ значительно дальше нѣмецкихъ уставовъ. Относительно допроса свидѣтелей онъ принялъ систему, близкую къ англійскому праву, установивъ предварительно перекрестный допросъ (ст. ст. 719 и 720) свидѣтеля сторонами и предоставивъ допросъ предсѣдателю только

[1]) Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 203—205; Plank, указан. сочин., стр. 354—355.

при условіи, если отвѣтами на вопросы сторонъ предметъ показанія не вполнѣ объясненъ (ст. 724). Если относительно допроса экспертовъ нашъ Уставъ не выдвинулъ сторонъ на первое мѣсто, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и не создалъ для нихъ какихъ-либо ограниченій при допросѣ экспертовъ (ст. 695). Сохраненіе при допросахъ преимущественнаго значенія за сторонами, предоставленіе предсѣдателю права лишь восполнять дѣло своимъ допросомъ, исправлять неполноту и ошибки сторонъ, введеніе полной равноправности сторонъ на судебномъ слѣдствіи (ст. 630), составляютъ отличительную черту нашего Устава Уголовнаго Судопроизводства, его крупное достоинство по сравненію не только съ современными ему законодательствами, но и съ позднѣйшими—нынѣ дѣйствующими.

Изъ послѣднихъ близокъ къ нему норвежскій уставъ. По этому уставу свидѣтели прежде всего допрашиваются той стороной, которой они представлены, а затѣмъ противной стороной. На предсѣдателя, однако, во всякомъ случаѣ, возлагается обязанность принять допросъ на себя, если онъ или судъ признаетъ неудовлетворительнымъ способъ, коимъ ведется допросъ (§ 334). При нормальномъ же порядкѣ, послѣ допроса сторонами, предсѣдатель можетъ, пособственной иниціативѣ или по побужденію одного изъ сочленовъ, допросить свидѣтеля по такимъ пунктамъ, которые свидѣтелю были недостаточно представлены или относительно которыхъ его отвѣтъ являлся неяснымъ или неполнымъ (§ 335). Лежащая, въ числѣ другихъ, въ основаніи норвежскаго устава идея лишать сторону допроса, если она ведетъ его неудовлетворительно, получила болѣе подробное выраженіе въ венгерскомъ уставѣ. Уставъ этотъ допускаетъ допросъ свидѣтелей и экспертовъ прежде всего сторонами только тогда, когда обвиняемый имѣетъ защитника и обвинитель не возражаетъ, или по единогласному требованію сторонъ, если обвиняемый и не имѣетъ защитника, но по своему развитію или компетентности въ предметѣ является способнымъ къ веденію допроса (§ 308). Внѣ этихъ условій допросъ ведется предсѣдателемъ (§ 307). Независимо отъ этого, судъ, во всякомъ случаѣ, можетъ прекратить допросъ сторонами, коль скоро онъ убѣдится, что допрашивающій не обладаетъ способностью предлагать вопросы (§ 308 ч. 6).

Конечно, нельзя отрицать того, что могутъ быть случаи, когда производимый стороною допросъ долженъ быть прекращенъ

судомъ, напр., когда сторона предлагаетъ противозаконные или не относящіеся къ дѣлу вопросы. Идти дальше этого—ставить такое серьезное право стороны, какъ непосредственный допросъ, въ зависимость отъ развитія или компетентности допрашивающаго, едва ли есть какое-либо достаточное основаніе, тѣмъ болѣе, что послѣ неудовлетворительнаго допроса, произведеннаго малоразвитымъ подсудимымъ, предсѣдатель всегда въ правѣ сдѣлать дополнительный допросъ. Въ виду этого, направленіе, принятое обоими указанными уставами по разсматриваемому предмету, не можетъ быть признано шагомъ впередъ, сравнительно съ нашимъ Уставомъ.

Другіе уставы, изданные послѣ 1864 г., еще въ большей мѣрѣ представляются отсталыми. Такъ, по австрійскому уставу, допросъ ведется предсѣдателемъ, и только послѣ этого допроса стороны, съ разрѣшенія предсѣдателя, имѣютъ право допрашивать (§§ 232 и 249). Общегерманскій уставъ принялъ систему прусскаго закона 3 мая 1852 г., съ тою однако разницею, что передача допроса въ руки сторонъ, при единогласномъ ихъ требованіи, является обязательной для предсѣдателя (§ 238). Съ другой стороны, общегерманскій уставъ, въ отличіе отъ нашего Устава, допускаетъ передачу допроса въ руки прокурора и защитника, но не подсудимаго [1]). Новѣйшій же итальянскій уставъ лишаетъ вообще подсудимаго права допроса свидѣтелей даже послѣ предсѣдательскаго допроса, причемъ прокуроръ и защитникъ могутъ предлагать вопросы лишь черезъ посредство предсѣдателя или единоличнаго судьи (ст. 409).

Если при установленіи характера судебнаго слѣдствія должно оказывать вліяніе не одно только состязательное начало, но и начало инструкціонное, то изъ этихъ же принциповъ представляется необходимымъ исходить и при разрѣшеніи вопроса о предѣлахъ возможности и допустимости измѣненія судомъ обвиненія. На практикѣ весьма часто происходитъ, что обвиненіе, какъ оно формулировано обвинителемъ, на судебномъ слѣдствіи подвергается существеннымъ перемѣнамъ: добавляется какой либо признакъ, усиливающій или, напротивъ, ослабляющій отвѣтственность подсудимаго, самое дѣяніе, благодаря обнаружившимся новымъ обстоятельствамъ, переходитъ въ иное, по юридическимъ

[1]) Löwe, указан. сочин., § 238, Anm. 3.

его свойствамъ, встрѣчаются и такіе случаи, когда дѣяніе, составлявшее предметъ обвиненія, оказывается совершенно отпавшимъ, а на его мѣсто выплываетъ иное, можетъ быть, по юридической природѣ тождественное съ прежнимъ, можетъ быть совершенно отъ него отличное; словомъ, съ первоначально предъявленнымъ обвиненіемъ происходятъ весьма разнообразныя перемѣны какъ юридическаго, такъ и чисто фактическаго свойства. Какъ же законодатель долженъ относиться къ такого рода измѣненіямъ обвиненія?

Если исходить исключительно изъ состязательнаго начала, то возможно придти къ тому заключенію, что разъ предъявленное обвиненіе не должно подлежать измѣненію со стороны суда [1]). Послѣдовательное проведеніе этого положенія было бы чрезвычайно вреднымъ и для общественныхъ интересовъ, и даже для интересовъ обвиняемаго. При малѣйшемъ измѣненіи обвиненія, что происходитъ очень часто, судъ долженъ былъ бы выносить оправдательный приговоръ, и такимъ образомъ, обыкновенно создавалась бы чрезвычайная льгота для привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности, въ ущербъ общественнымъ интересамъ. Государство вынуждено было бы допустить новое преслѣдованіе за измѣненное дѣяніе, такъ какъ этимъ не очень нарушался бы принципъ ne bis in idem. Въ такомъ случаѣ получилось бы крайне тяжелое положеніе обвиняемаго, которому, можетъ быть, пришлось бы подвергнуться неоднократному суду за одно и то же по существу своему дѣяніе.

Справедливость этихъ соображеній подтверждается англійскимъ законодательствомъ. До половины XIX столѣтія въ немъ господствовалъ принципъ неизмѣнности обвиненія. Присяжные имѣли право отвѣтить утвердительно на обвинительный актъ только въ томъ случаѣ, когда признавали доказанными всѣ указанія обвинительнаго акта до мельчайшихъ подробностей. По свидѣтельству англійскихъ юристовъ, „проигрывались, благодаря такому порядку, справедливѣйшія дѣла въ мірѣ“, „отправленіе правосудія превращалось въ какой то торжественный фарсъ“ [2]). Законы второй половины XIX столѣтія разрѣшили переходъ отъ

---

[1]) По вопросу объ измѣненіи обвиненія см. сочиненіе М. Немировскаго, „Отношеніе приговора къ обвиненію“ 1906 г., а также его статью „Объ измѣненіи обвиненія“ въ Журн. Мин. Юст. за 1909 г., № 6.

[2]) Изъ указан. статьи Немировскаго, стр. 6—7.

цѣлаго къ части, напр., отъ убійства предумышленнаго къ убійству просто умышленному, а также допустили переходъ обвиненія къ весьма близкимъ по составу и наказуемости преступнымъ дѣяніямъ. Узкіе предѣлы, въ которыхъ въ Англіи можетъ происходить измѣненіе обвиненія, влекутъ за собой то послѣдствіе, что иногда новое обвиненіе имѣетъ своимъ предметомъ то же дѣяніе съ чисто фактическими модификаціями, поскольку разсмотрѣніе ихъ въ первомъ процессѣ было невозможно, и потому послѣдовалъ оправдательный приговоръ. Напр., новое обвиненіе отличается отъ прежняго только тѣмъ, что фактъ убійства изображается совершенно иначе, чѣмъ прежде—ударомъ ружья по головѣ, а не выстрѣломъ изъ ружья.

Если допущеніе измѣненія обвиненія представляется необходимымъ, если судъ, въ виду опять таки публичнаго свойства уголовнаго иска, долженъ ex officio принимать во вниманіе это измѣненіе, то, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что для интересовъ защиты представляется весьма важной точная формулировка обвиненія, что для нея весьма опасна неизвѣстность обвиненія. Доводы эти могутъ имѣть только одно значеніе, а именно, что измѣненіе обвиненія должно происходить съ соблюденіемъ такихъ процессуальныхъ правилъ, которыя вполнѣ гарантировали бы обвиняемаго отъ неожиданныхъ измѣненій и предоставляли бы ему необходимыя средства защиты. Прежде всего, весьма существенное значеніе имѣетъ то положеніе, что измѣненіе обвиненія должно быть допускаемо только въ предѣлахъ сохраненія тождества дѣянія. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ на судебномъ слѣдствіи, вмѣсто преступленія, бывшаго предметомъ обвиненія, обнаружилось иное дѣяніе въ смыслѣ реальной совокупности, тамъ не представляется основанія допускать постановленіе приговора и относительно этого послѣдняго, развѣ бы на это послѣдовало согласіе подсудимаго, и судъ, съ своей стороны, находилъ бы новое обвиненіе достаточно выясненнымъ. Внѣ же этихъ условій, какъ справедливо замѣчено Немировскимъ, распространеніе приговора на другое дѣяніе, дѣйствительно, перенесло бы на судью функціи обвиненія, сдѣлало бы его представителемъ государственнаго интереса въ преслѣдованіи преступленій, сообщило бы судьѣ тѣ черты, которыя наблюдались у инквирента въ слѣдственномъ

процессѣ [1]). Установленіе точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, вытекающихъ изъ уголовно-правового понятія единства дѣянія, для опредѣленія того, сохранилось ли тождество дѣянія или налицо реальная совокупность, имѣетъ весьма серьезное значеніе.

Отсутствіе ясныхъ критеріевъ, какъ, напр., во французскомъ правѣ, и ведетъ къ такимъ случаямъ, какъ разрѣшеніе суду перехода отъ разбоя къ причиненію ранъ и даже отъ кражи со взломомъ къ истязаніямъ [2]). Эти примѣры уже достаточно наглядно показываютъ опасность неопредѣленнаго допущенія измѣненія обвиненія. Но и при измѣненіи обвиненія въ предѣлахъ сохраненія тождества дѣянія, для огражденія интересовъ подсудимаго, необходимо предупрежденіе его о возможномъ измѣненіи и его юридическомъ значеніи, а равно предоставленіе подсудимому возможности обсудить происшедшее измѣненіе. Особенно же можетъ быть важной отсрочка разбирательства для опроверженія обстоятельствъ, обусловливающихъ измѣненіе и вообще для представленія новыхъ доказательствъ, находящихся въ связи съ измѣненіемъ обвиненія. Нельзя упускать при этомъ изъ виду, что для подсудимаго одинаково представляется имѣющимъ значеніе измѣненіе обвиненія и чисто фактическаго свойства, безъ усиленія наказуемости.

Обнаруженіе на судебномъ слѣдствіи новыхъ данныхъ можетъ обусловить собою необходимость отсрочки разбирательства и для подкрѣпленія обнаружившагося на судебномъ слѣдствіи новаго, болѣе тяжкаго обвиненія. Поэтому законъ въ равной мѣрѣ долженъ обезпечивать интересы обѣихъ сторонъ—защиты и обвиненія. Болѣе спорнымъ является вопросъ о правѣ самого суда, по собственной иниціативѣ, отсрочить засѣданіе для собранія новыхъ доказательствъ, подтверждающихъ обнаружившееся на судебномъ слѣдствіи указаніе на измѣненіе обвиненія. Конечно, строгіе послѣдователи состязательнаго начала дадутъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но съ точки зрѣнія обвинительной формы суда, проникнутой инструкціоннымъ началомъ, утвердительный отвѣтъ не можетъ возбуждать сомнѣній. Совершенно правильно отмѣчено Немировскимъ, что проявле-

---

[1]) Немировскій, указан. сочин., стр. 329 и 330.

[2]) Тамъ-же, стр. 14.

ніемъ инквизиціоннаго принципа были бы случаи отсрочки не для совершенія опредѣленныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, а для производства розыска доказательствъ другого характера дѣянія, на основаніи неопредѣленныхъ догадокъ или намековъ какого либо свидѣтеля, и направленіе дѣла въ стадію предварительнаго слѣдствія [1]).

Ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ институтъ измѣненія обвиненія, въ смыслѣ огражденія интересовъ и самаго обвиненія, и въ особенности защиты, былъ слабо разработанъ въ западно-европейскомъ правѣ. Принципіальную постановку англійскаго законодательства мы уже видѣли. Было отмѣчено и то, къ чему приводитъ неопредѣленность французскаго законодательства въ смыслѣ установленія самыхъ предѣловъ измѣненія обвиненія. Не ограждаетъ французскій уставъ обвиняемаго и въ отношеніи предупрежденія его до закрытія судебнаго слѣдствія о постановкѣ субсидіарнаго вопроса, такъ какъ упущеніе такого предупрежденія не составляетъ повода къ отмѣнѣ приговора. Но уже нѣкоторые уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ принимали мѣры къ большему обезпеченію положенія обвиняемаго [2]), постановляя, напр., что обвиняемый долженъ быть освѣдомленъ объ измѣненіи обвиненія и не долженъ быть лишенъ права защиты [3]). Однако и они не дали полной и всесторонней разработки разсматриваемаго вопроса.

Слабо онъ разработанъ и нашимъ Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, который посвящаетъ ему статьи 752 и 753. Статьи эти, по буквальному ихъ смыслу, имѣютъ въ виду обнаруженіе новаго дѣянія въ смыслѣ реальной совокупности, а не измѣненіе обвиненія въ предѣлахъ сохраненія тождества дѣянія. Только судебная практика распространила ихъ дѣйствіе на случаи послѣдняго рода (1868 г. № 72). Установленный затѣмъ критерій невозможности разсмотрѣнія измѣненнаго дѣянія или новаго дѣянія—тяжесть наказанія—является недостаточнымъ, такъ какъ для интересовъ подсудимаго весьма важно измѣненіе

---

[1]) Указан. сочин., стр. 351.

[2]) Въ общемъ же сепаратные германскіе уставы примыкали или къ англійскому законодательству (меньшинство, напр., брауншвейгскій уставъ) или къ французскому (большинство).

[3]) Прусскій законъ 1852 г. § 84, саксон. уст. § 298, см. также австр. уст. 1853 г. § 250.

чисто фактическаго свойства, безъ усиленія отвѣтственности. Отраженіе измѣненнаго только съ фактической стороны обвиненія можетъ быть болѣе труднымъ, чѣмъ защита противъ того же обвиненія, но только съ какимъ либо придаткомъ, повышающимъ наказуемость. Затѣмъ Уставъ умалчиваетъ объ огражденіи интересовъ подсудимаго, когда случаи не подходятъ подъ ст.ст. 752 и 753, и дѣло, по измѣненному обвиненію, подлежитъ немедленному разсмотрѣнію. Уставъ не предписываетъ предупрежденія подсудимаго объ измѣненіи обвиненія и о предоставленіи ему возможности, отсрочкою засѣданія, обосновать свою защиту. Кассаціонная практика до нѣкоторой степени восполнила эти пробѣлы. Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что въ случаяхъ менѣе существенныхъ измѣненій, вслѣдствіе коихъ усиливается однако уголовная отвѣтственность, но когда не представляется надобности въ составленіи новаго обвинительнаго акта, предсѣдатель обязанъ предупредить подсудимаго о возможности болѣе строгой наказуемости и что въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ отказывать подсудимому въ просьбѣ о пріостановленіи засѣданія, для предоставленія ему возможности приготовиться къ защитѣ противъ новаго обвинительнаго факта, открытаго при судебномъ слѣдствіи (1868 г. № 72; 1872 г. № 642).

Западно-европейскіе уставы, изданные послѣ нашихъ Судебныхъ Уставовъ, болѣе тщательно разрабатываютъ вопросъ объ измѣненіи обвиненія въ смыслѣ приближенія къ тѣмъ общимъ теоретическимъ соображеніямъ, которыя были приведены выше. Нельзя однако не отмѣтить, что новые уставы особо стараются охранить интересы подсудимыхъ лишь при измѣненіи обвиненія, влекущемъ болѣе суровую отвѣтственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже такіе, напр, уставы, какъ германскій и венгерскій, особенно обстоятельно останавливающіеся на обсуждаемомъ вопросѣ, не обезпечиваютъ интересовъ подсудимаго при модификаціи чисто фактическихъ обстоятельствъ, напр., когда на судебномъ слѣдствіи, вмѣсто обстоятельствъ, указанныхъ обвиненіемъ, представляются доказанными другія, хотя и подходящія подъ дѣйствіе того же уголовнаго закона.

VII. Принудительныя мѣры (арестъ, обыскъ, выемка).

Изложенное въ предшедшихъ главахъ построеніе уголовнаго процесса на основаніи принциповъ гласности, непосредственности, устности, а равно обвинительной формы суда, имѣетъ цѣлью обезпечить государству возможность правосуднаго примѣненія наказанія къ виновному, а гражданъ обезпечить отъ опасности невиннаго привлеченія къ суду и осужденія. Въ нормахъ, вытекающихъ изъ этихъ началъ, заключаются гарантіи и противъ неосмотрительнаго и произвольнаго примѣненія разнообразныхъ принудительныхъ мѣръ, главнѣйшими изъ коихъ являются арестъ, обыски и выемки. Однако, по существу своему, эти мѣры самостоятельно привлекаютъ къ себѣ вниманіе и внѣ условій организаціи ихъ въ предѣлахъ общихъ принциповъ процесса.

Государству при построеніи указанныхъ мѣръ приходится выбирать путь между различными интересами. Интересъ разслѣдованія, конечно, побуждаетъ наиболѣе широко пользоваться такими мѣрами, а интересы личной свободы и неприкосновенности домашняго очага всѣхъ вообще гражданъ требуютъ, чтобы подобныя мѣры принимались въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. Достиженіе этой послѣдней цѣли видятъ въ томъ, чтобы въ видѣ общаго правила принудительные способы разслѣдованія осуществлялись судебною властью, съ соблюденіемъ однако извѣстныхъ условій, и, лишь по исключенію, полиціей, но, въ послѣднемъ случаѣ, при наличности разнаго рода ограниченій и всетаки подъ контролемъ суда. Уже ко времени составленія Судебныхъ Уставовъ указанныя начала находили свое осуществленіе не только въ такихъ законодательствахъ, какъ англійское и бельгійское, но и въ законодательствѣ многихъ германскихъ государствъ.

Останавливаясь, ранѣе всего, на постановленіяхъ о примѣненіи ареста, какъ мѣры предварительной полицейской, мы видимъ дѣйствительно, что начало, провозглашенное „основными правами“ нѣмцевъ, объ обязанности полицейской власти всякаго задержаннаго въ теченіе слѣдующаго дня или освободить или передать судебному установленію, стало находить себѣ признаніе

въ германскихъ законодательствахъ [1]). Не оттѣнялось только въ нихъ положеніе, принятое въ англійскомъ законодательствѣ и получившее почти общее признаніе въ позднѣйшихъ уставахъ, что полицейскій арестъ можетъ имѣть мѣсто лишь при болѣе или менѣе серьезныхъ преступныхъ дѣяніяхъ. Не выставлялось первоначально и то, признанное нынѣ, требованіе, что полиція въ правѣ арестовать только тогда, когда промедленіе вслѣдствіе обращенія къ судьѣ представлялось бы опаснымъ [2]) (при flagrant delit это само собою разумѣется).

У насъ въ основныхъ положеніяхъ уголовнаго судопроизводства, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 г., указывалось, что полиція, при производствѣ дознанія, можетъ задерживать подозрѣваемаго въ преступленіяхъ только въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, и, по задержаніи кого либо, должна немедленно увѣдомить о семъ судебнаго слѣдователя и прокурора (ст. 35), что обвиняемый, подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ непремѣнно въ теченіе сутокъ (ст. 45). Изъ приведенныхъ положеній какъ будто представляется возможность сдѣлать тотъ выводъ, что и у насъ при судебномъ преобразованіи предполагалось, по примѣру западныхъ законодательствъ, поставить полицейскій арестъ подъ контроль судебной власти. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не получилось. Редакторы Устава Уголовнаго Судопроизводства не возложили на полицію обязанности представлять задержаннаго къ судебной власти въ теченіе какого либо краткаго срока. Слѣдовательно, полицейскій арестъ не является по нашему праву ограниченнымъ какимъ либо срокомъ. Мало того, нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства поставилъ полицію относительно ея правъ на арестъ въ положеніе судебной власти, такъ какъ онъ говоритъ не о предварительномъ полицейскомъ арестѣ, а о принятіи полиціей мѣръ къ пресѣченію подозрѣваемому уклоняться отъ слѣдствія, въ число коихъ входитъ и арестъ въ качествѣ одной изъ мѣръ, и возлагаетъ на полицію обязанность во всей точности соблюдать правила, постановленныя для производства предварительнаго слѣдствія (ст. 256, 257 и 259). Въ задачу нашего очерка не можетъ входить раз-

---

[1]) См., напр., §§ 58 и слѣд. ганноверскаго уст.; §§ 4 и 5 прусск. зак. 12 февр. 1850 г. объ охранѣ личной свободы; § 4 австр. зак. 27 окт. 1862 г. по тому же предмету.

[2]) Изложеніе иностранныхъ законодат. объ арестѣ см. въ книгѣ П. И. Люблинскаго. Свобода личности въ угол. процессѣ. 1906 г.

смотрѣніе всѣхъ, вытекающихъ изъ такого положенія, послѣдствій. Необходимо лишь отмѣтить, что, приравнивая въ отношеніи ареста полицейскую власть къ судебной, составители Судебныхъ Уставовъ естественно не могли, въ качествѣ общаго правила, поставить для полицейскаго ареста ограниченій по тяжести преступныхъ дѣяній, а равно не могли обусловить его опасностью промедленія. Кромѣ того, изъ обсуждаемаго общаго положенія вытекаетъ, что въ случаяхъ, гдѣ законъ говоритъ объ арестѣ судебною властью, долженъ подразумѣваться также и арестъ полицейскій, производимый на основаніи ст. 256 и 257 Уст. Уг. Суд. Это и сказалось, напр., при разрѣшеніи Правительствующимъ Сенатомъ вопроса о допустимости задержанія полиціей на основаніи указанныхъ статей члена Государственной Думы, при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія или на слѣдующій день, въ виду ст. 15 Учр. Гос. Думы, постановляющей, что членъ Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти. Отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, Сенатъ и указалъ прямо, что примѣненіе къ членамъ Государственной Думы п. 1 ст. 257 Уст. Угол. Суд. вовсе не противорѣчитъ ст. 15 Учр. Гос. Думы, такъ какъ полиція, при отсутствіи судебнаго слѣдователя, до его прибытія дѣйствуетъ въ качествѣ судебной власти (рѣш. Угол. касс. деп. 1907 г. № 19).

Послѣдовавшіе за изданіемъ Судебныхъ Уставовъ законы, до закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, не только не ограничили власти полиціи по задержанію подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, но скорѣе расширили ее [1]). Такъ, по преступленіямъ государственнымъ, въ силу законовъ 19 мая 1871 г. и 7 іюня 1904 г., полицейскій арестъ, примѣняемый чинами корпуса жандармовъ (ст. 1037^{I} Уст., изд. 1892 г.; ст. 1035^{II} Уст., по прод.), получилъ значеніе общаго правила, ибо по означеннымъ преступнымъ дѣяніямъ самое жандармское дознаніе также имѣетъ значеніе общаго правила, а не исключенія, какъ предварительное слѣдствіе. Помянутымъ же выше закономъ 15 іюня 1912 г. на полицію по дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировымъ судьямъ, возложено въ теченіе 24-хъ

[1]) Здѣсь не имѣются въ виду законы объ исключительныхъ положеніяхъ.

часового срока [1]) или освобожденіе или представленіе задержанныхъ къ мировому судьѣ, который, также не позже 24-хъ часовъ по приводѣ, обязанъ опросить задержаннаго и постановить объ освобожденіи его изъ-подъ стражи или о дальнѣйшемъ задержаніи (ст. 51^{1} и 51^{2}). Введеніе въ наше законодательство такого правила, обезпечивающаго личную свободу только по дѣламъ мѣстной подсудности, конечно, ставитъ на ближайшую очередь распространеніе его, для устраненія страннаго противорѣчія, на всѣ дѣла.

Если постановленія Устава Уголовнаго Судопроизводства относительно полицейскаго ареста (нынѣ по дѣламъ общихъ судебныхъ установленій) представляются отсталыми не только отъ новѣйшихъ западно-европейскихъ процессуальныхъ уставовъ, но и отъ современныхъ ему, то, съ другой стороны, правила нашего Устава о лишеніи свободы, какъ мѣры слѣдственной — предупрежденія уклоненія обвиняемаго отъ суда, имѣютъ значительныя преимущества передъ дѣйствующими даже въ настоящее время западными законодательствами. Такъ, нашъ Уставъ по самымъ тяжкимъ преступнымъ дѣяніямъ не дѣлаетъ обязательнымъ содержаніе подъ стражей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по дѣламъ менѣе важнымъ, въ качествѣ высшей мѣры предупрежденія уклоненія отъ суда, устанавливаетъ залогъ или поручительство (ст.ст. 417—419 и 77).

Многіе же западные уставы не разрѣшаютъ замѣнять лишеніе свободы денежнымъ обезпеченіемъ, если обвиняемому угрожаетъ строгое наказаніе [2]) (обыкновенно каторжныя работы на срокъ не ниже десяти лѣтъ). Съ другой стороны, нѣкоторые иностранные уставы (напр., австрійскій, венгерскій и норвежскій) допускаютъ подслѣдственный арестъ и по маловажнымъ дѣламъ, хотя и устанавливаютъ для этихъ случаевъ болѣе строгія условія. Такъ, австрійскій уставъ разрѣшаетъ примѣненіе подслѣдственнаго ареста даже по нарушеніямъ при опасности побѣга, попыткѣ воздѣйствія на свидѣтелей, экспертовъ, сообвиняемыхъ, либо при попыткѣ затрудненія разслѣдованія уничтоженіемъ слѣдовъ дѣяній или при основательномъ

[1]) Если задержаніе состоялось въ пунктѣ, отдаленномъ отъ мѣста постояннаго пребыванія мирового судьи, то этотъ срокъ можетъ быть увеличенъ, насколько это по мѣстнымъ условіямъ необходимо для привода задержаннаго къ мировому судьѣ.

[2]) П. И. Люблинскій, указан. сочин., стр. 440 и 441.

опасеніи возможности этого (§ 452). Также, по норвежскому уставу, подслѣдственный арестъ можетъ имѣть мѣсто независимо отъ тяжести наказанія, если поведеніе обвиняемаго даетъ достаточное основаніе для опасенія, что онъ, уничтоженіемъ слѣдовъ дѣянія, или соглашеніемъ со свидѣтелями, либо съ обвиняемыми, или инымъ способомъ, разстроитъ собраніе доказательствъ (§ 245).

Относительно производства обысковъ и выемокъ въ современныхъ составленію Судебныхъ Уставовъ законодательствахъ мы встрѣчаемъ значительное разнообразіе воззрѣній, которое сохранилось до настоящаго времени и даже, можно сказать, значительно углубилось. Съ одной стороны, по главнѣйшему для насъ вопросу о правѣ полиціи на эти дѣйствія, мы встрѣчаемъ законодательство англійское, которое ограничиваетъ полицію по совершенію указанныхъ дѣйствій, самостоятельно, безъ судебнаго приказа, только опредѣленными опороченными мѣстами, напр., домами, занятыми въ теченіе послѣднихъ 12-ти мѣсяцевъ осужденными за покупку краденаго и укрывательство воровъ. Съ другой стороны—французскій уставъ, разрѣшающій полиціи производство обысковъ и выемокъ при условіяхъ flagrant delit (ст.ст. 49 и 36), понимаемыхъ, какъ извѣстно, довольно широко. Нѣмецкіе уставы примкнули къ французской системѣ и наряду съ этимъ допустили также другое условіе для производства полиціей обысковъ и выемокъ безъ судебнаго приказа,—опасность отъ промедленія при обращеніи къ судебной власти [1]). Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства воспринялъ положеніе нѣмецкихъ уставовъ. Ст. 258 для производства полиціей обысковъ и выемокъ требуетъ наличности слѣдующихъ условій: захватъ при flagrant delit (когда полиціей застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе) или возможность исчезновенія слѣдовъ преступленія до прибытія на мѣсто происшествія судебнаго слѣдователя, причемъ и для того и для другого условія требуется, чтобы разсматриваемыя слѣдственныя дѣйствія не терпѣли отлагательства.

Изъ послѣдовавшихъ за изданіемъ Судебныхъ Уставовъ процессуальныхъ кодексовъ только итальянскій уставъ 1913 г.

---

[1]) Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 169—172; см. также, напр., австр. уст. 1853 г. § 106; баденскій уст. 18 марта 1864 г. § 53.

принялъ французскую систему (ст.ст. 166 и 167). Другіе же уставы, какъ австрійскій, общегерманскій, норвежскій и венгерскій, обусловили право полиціи на производство обысковъ и выемокъ опасностью промедленія, а нѣкоторые изъ нихъ и наличностью flagrant delit [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство названныхъ уставовъ предоставило полиціи такое право и внѣ означенныхъ условій, но по отношенію, какъ и англійское право, къ подозрительнымъ мѣстамъ [2]), а также по отношенію къ подозрительнымъ лицамъ [3]) или подлежащимъ аресту [4]). Нашему Уставу Уголовнаго Судопроизводства всѣ послѣдняго рода случаи неизвѣстны, хотя они представляются весьма цѣлесообразными и не нарушающими притомъ начала неприкосновенности жилища, ибо касаются помѣщеній, которыя, сами по себѣ или въ силу принадлежности ихъ опредѣленной категоріи лицъ, не могутъ пользоваться покровительствомъ указаннаго начала.

Новые уставы германскаго типа выдвинули также то весьма важное положеніе, что разсматриваемыя дѣйствія, разъ они совершены полиціей, должны быть проконтролированы судебною властью. Такъ, австрійскій уставъ постановляетъ, что протоколы произведенныхъ полиціей обысковъ должны быть немедленно, подъ страхомъ ничтожности ихъ, переданы судебному слѣдователю, который обязанъ изслѣдовать ихъ со стороны формы и полноты и, въ случаѣ надобности, повторить или дополнить производство (§ 88) [5]). Германскій же уставъ требуетъ судебнаго утвержденія въ трехдневный срокъ только для выемки,

---

[1]) Норвежскій уставъ во всѣхъ этихъ случаяхъ требуетъ, кромѣ того, чтобы существовало сильное подозрѣніе въ совершеніи преступленія, которое влечетъ за собою болѣе высокое наказаніе, чѣмъ 6 мѣсяцевъ лишенія свободы (§ 223 по зак. 22 мая 1902 г.).

[2]) Сюда, напр., относятся, по германскому уставу, жилища лицъ, состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, а равно помѣщенія, доступныя каждому въ ночное время или извѣстныя полиціи, какъ пристанища или мѣста сборищъ подвергнувшихся наказаніямъ лицъ, какъ мѣста склада вещей, пріобрѣтаемыхъ посредствомъ преступныхъ дѣяній, или какъ притоны азартной игры или профессіональнаго непотребства (§ 105). Норвежскій уставъ говоритъ не только о домахъ и помѣщеніяхъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи или въ коихъ отправляется промыселъ, требующій согласія полиціи, но вообще о помѣщеніяхъ, по своему назначенію доступныхъ для всѣхъ (§ 223).

[3]) Это допускаетъ только венгерскій уставъ по отношенію къ помѣщенію, хозяинъ коего состоитъ подъ надзоромъ полиціи или извѣстенъ послѣдней, какъ профессіональный преступникъ (§ 180).

[4]) Къ этой категоріи принадлежатъ лица, о коихъ изданъ приказъ о приводѣ или арестѣ (см. австр. уст. § 141; венгерск. § 180; норвежск. § 223).

[5]) Аналогичныя постановленія содержитъ венгерск. уст. (§§ 98 и 177).

при условіи, если при ней не присутствовалъ ни тотъ, кого она касалась, ни взрослый членъ его семьи, или хотя они и присутствовали, но заявили протестъ (§ 98) [1]). Нашъ Уставъ въ ст. 269 указываетъ только, что судебный слѣдователь имѣетъ право повѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія полиціи по произведенному ею первоначальному изслѣдованію. Категорическаго же предписанія о повѣркѣ судебнымъ слѣдователемъ такихъ дѣйствій полиціи, какъ обыскъ и выемка, въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства не содержится [2]), чѣмъ онъ и отличается существенно отъ только что указанныхъ уставовъ.

Послѣдніе устанавливаютъ также особыя ограничительныя правила для обыска и выемки бумагъ. По нашему Уставу обыскъ въ бумагахъ подозрѣваемаго лица долженъ быть произведенъ съ крайнею осторожностью, безъ оглашенія обстоятельствъ, неотносящихся къ слѣдствію, причемъ отбирать и прилагать къ дѣлу слѣдуетъ только бумаги необходимыя, которыя и предъявляются понятымъ и другимъ присутствующимъ при обыскѣ лицамъ (ст. 367). Австрійскій, германскій и венгерскій уставы идутъ значительно дальше въ огражденіи тайнъ. На основаніи правилъ перваго изъ нихъ, если при обыскѣ бумагъ владѣлецъ ихъ не допускаетъ до ихъ осмотра, то онѣ должны быть отданы опечатанными на сохраненіе суду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть тотчасъ испрошено рѣшеніе совѣщательной камеры по вопросу о томъ, долженъ ли быть произведенъ осмотръ бумагъ или онѣ должны быть возвращены (§ 145). Венгерскій уставъ говоритъ только о письмахъ и, въ случаѣ протеста противъ ихъ осмотра или прочтенія, предписываетъ испрашивать разрѣшеніе обвинительной камеры на ихъ изслѣдованіе (§ 184). Нѣсколько иную систему принимаетъ германскій уставъ. Онъ дозволяетъ производить осмотръ бумагъ лица, котораго касается обыскъ, только судьѣ, а другимъ должностнымъ лицамъ лишь съ согласія хозяина бумагъ. При отсутствіи такого согласія,

[1]) Норвежскій уставъ, хотя также требуетъ судебнаго утвержденія только для выемки, но не обусловливаетъ необходимости его отсутствіемъ при выемкѣ заинтересованныхъ лицъ, либо ихъ протестомъ (§ 215).

[2]) Только по дѣламъ мировой подсудности на мирового судью возложена обязанность повѣрки, но и то не безусловно, а въ случаѣ представленія которою либо изъ сторонъ уважительныхъ причинъ сомнѣнія въ достовѣрности произведенныхъ полиціей обысковъ и выемокъ (ст. 107 въ редакціи закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда).

нужныя бумаги вкладываются въ пакетъ, который въ присутствіи хозяина запечатывается и отсылается судьѣ (§ 110). Разница германскаго устава отъ австрійскаго и венгерскаго заключается въ томъ, что первый, въ случаѣ возраженія, для осмотра и прочтенія бумагъ не требуетъ разрѣшенія коллегіальнаго судебнаго учрежденія и совсѣмъ не допускаетъ возраженія противъ осмотра бумагъ, если онъ производится судьей.

При составленіи Судебныхъ Уставовъ, по примѣру французскаго устава, совершенно не было установлено никакихъ правилъ относительно осмотра и выемки корреспонденціи изъ почтово-телеграфныхъ учрежденій [1]). Пробѣлъ этотъ восполненъ закономъ 30 сентября 1878 г., требующимъ для совершенія такихъ дѣйствій разрѣшенія окружнаго суда и предоставляющимъ судебному слѣдователю только право задержанія корреспонденціи, а также право требованія свѣдѣній о ней (ст. 368^{1}). По дѣламъ же о государственныхъ преступленіяхъ законъ этотъ расширилъ полномочія не только слѣдственной, но и полицейской власти. Онъ предоставилъ чинамъ жандармскаго управленія, производящимъ дознаніе, дѣлать осмотръ и выемку корреспонденціи съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, даннаго по соглашенію съ министромъ юстиціи (ст. 1035^{7}, по изд. 1892 г.), а члену палаты, производившему предварительное слѣдствіе,—самостоятельно, безъ испрошенія разрѣшенія суда (ст. 1042, по изд. 1892 г.). Такое же полномочіе предоставлено закономъ 26 мая 1897 г. членамъ палатъ, производящимъ предварительныя слѣдствія по дѣламъ о преступленіяхъ должности губернаторовъ (ст. 1089^{4}, по прод.). Законъ 7 іюня 1904 г. сохранилъ для предварительнаго слѣдствія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ порядокъ, установленный закономъ 1878 г., предоставивъ права члена палаты лицу, производящему слѣдствіе (ст. 1037 по прод.). Во время же дознанія производство осмотра и выемки корреспонденціи разрѣшено помянутымъ закономъ 1904 года лицу, производящему дознаніе, по соглашенію съ наблюдающимъ за дознаніемъ лицомъ прокурорскаго надзора (ст. 1305^{11}, по прод.). Если приведенные особые законы оставить въ сторонѣ и сопоставить съ западными уставами общія нормы за-

[1]) Уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ содержали по этому предмету спеціальныя правила. Они допускали выемку корреспонденціи съ почты только по письменному требованію суда (Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 180).

кона 1878 г., то послѣднему должно быть отдано преимущество. Онъ требуетъ для производства осмотра и выемки корреспонденціи разрѣшенія коллегіальнаго установленія, тогда какъ иностранные уставы даютъ право не только выемки, но и осмотра (т. е. вскрытія) единоличнымъ судебнымъ органамъ [1]), а право задержанія выдачи корреспонденціи прокуратурѣ [2]) и даже полиціи [3]).

Въ послѣднее время сталъ на очередь вопросъ о нарушеніи, въ цѣляхъ разслѣдованія преступныхъ дѣяній, не только тайны корреспонденціи, но и тайны телефонныхъ сношеній. Изъ процессуальныхъ уставовъ на него даетъ отвѣтъ новѣйшій итальянскій уставъ, разрѣшающій должностнымъ лицамъ судебной полиціи и судьямъ, для цѣлей своей службы, поступать на телефонъ, чтобы прерывать сообщенія, препятствовать имъ или получать свѣдѣнія о разговорахъ (ст.ст. 170 и 238).

VIII. Обжалованіе апелляціонное и кассаціонное.

Всѣ процессуальныя правила, опредѣляющія порядокъ предварительнаго и окончательнаго производства дѣла, имѣютъ своимъ назначеніемъ обезпеченіе суду возможности постановленія правосуднаго приговора. Законодатель однако не ограничивается этимъ. Онъ принимаетъ еще мѣры къ тому, чтобы установить особые способы повѣрки состоявшагося приговора. На этомъ и основаны разные виды обжалованія. На первое мѣсто изъ нихъ можно поставить апелляцію. Однако, начиная со второй четверти прошлаго столѣтія, она стала вызывать противъ себя возраженія преимущественно въ германской литературѣ [4]). Встрѣтила серьезныя ограниченія апелляція и въ законодательствахъ. Возникновеніе такого теченія становится яснымъ, если принять во вниманіе, что, при введеніи устнаго судопроизводства, судьи инстанціи, провѣряющей приговоръ,

---

[1]) См., напр., герм. уст. § 100; венгерск. уст. §§ 177, 178 и 98; итальянск. уст. ст. 238.

[2]) Уставы австрійск. (§ 146), германск. (§ 100), норвержск. (§ 217), венгерск. (§ 178).

[3]) Итальянск. уст., предоставляющій право задержанія судебной полиціи (ст. 170).

[4]) Я не имѣю здѣсь въ виду исторіи апелляціи временъ инквизиціоннаго процесса.

оказались въ иномъ положеніи, сравнительно съ положеніемъ судей во времена письменнаго процесса. Послѣдніе имѣли въ своемъ распоряженіи тотъ же самый матеріалъ, что и судьи первой инстанціи; при устномъ же производствѣ вторая инстанція не всегда можетъ располагать полнымъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ же самымъ матеріаломъ, какъ и первая. Повѣрка приговора существенно мѣняетъ свой характеръ. Понятно, что вопросъ о возможности или невозможности повѣрки приговора апелляціонной инстанціей и явился тѣмъ центромъ, около котораго разгорѣлись споры противниковъ и сторонниковъ апелляціи. Въ связи съ этимъ, возникли и основные для апелляціоннаго производства вопросы о представленіи въ апелляціонную инстанцію новыхъ доказательствъ, а равно о пользованіи прежними доказательствами, при соблюденіи началъ непосредственности и устности.

При составленіи Судебныхъ Уставовъ первый, главный вопросъ, согласно съ французскимъ правомъ, былъ разрѣшенъ въ пользу апелляціи, за исключеніемъ, конечно, дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда съ участіемъ народнаго элемента. Изъяты изъ апелляціи, хотя по инымъ основаніямъ, и самыя маловажныя дѣла мировой подсудности. Въ Германіи и Италіи встрѣчался другой взглядъ. Нѣкоторыя государства совершенно отказывались отъ апелляціи [1]), другія ограничивали ее или по роду, и притомъ серьезныхъ дѣлъ [2]), внѣ зависимости отъ разрѣшенія ихъ съ участіемъ народнаго элемента, или по вопросамъ, подлежащимъ обжалованію [3]). Отношеніе къ апелляціи западныхъ уставовъ, слѣдовавшихъ за нашими Судебными Уставами, первоначально было отрицательное, но затѣмъ начало мѣняться въ пользу ея. Взглядъ составителей нашего Устава Уголовнаго Судопроизводства не оказался отжившимъ.

Австрійскій (§ 464) и общегерманскій (§ 354) уставы сохранили апелляцію по вопросу о виновности лишь для дѣлъ мѣстной подсудности; австрійскимъ уставомъ подчинены апелляціи при-

---

[1]) Брауншвейгъ, Неаполь, Тоскана, Парма, Пьемонтъ (Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 517).

[2]) Напримѣръ, прусскій законъ 25 апрѣля 1853 г. не допускалъ апелляціи для политическихъ дѣлъ.

[3]) Напримѣръ, альтенбургскій уставъ не допускалъ апелляціи по вопросу о виновности (Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 519).

говоры окружныхъ судовъ и даже ассизовъ, но только въ части наказанія и гражданскаго иска, если нѣтъ указанія на кассаціонныя нарушенія по вопросу о наказаніи (§§ 283 и 345), т. е. по австрійскому уставу апелляціи по дѣламъ общей подсудности подлежатъ вопросы о чрезвычайномъ смягченіи или замѣнѣ наказанія или непользованіи этимъ правомъ [1]). Для оцѣнки отрицательнаго отношенія къ апелляціи германскаго устава, съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ, нужно имѣть въ виду, что при пересмотрѣ въ послѣднее время (проектъ 1909 г.) въ Германіи процессуальнаго законодательства предположено ввести апелляцію и для приговоровъ окружныхъ судовъ, постановляемыхъ съ участіемъ шеффеновъ. По этому предмету мотивы къ германскому проекту замѣчаютъ, что такое предположеніе не нуждается теперь въ болѣе подробномъ обоснованіи. „Исторія попытокъ такой реформы, продолжаютъ далѣе мотивы, показываетъ, что для законодательныхъ органовъ уже долгіе годы не представляетъ никакого спора необходимость возстановленія апелляціи; даже военный уставъ уголовнаго судопроизводства 1 декабря 1898 г. удовлетворилъ эту потребность для военнаго процесса. Представляется полнымъ противорѣчія и неподлежащимъ сохраненію современное правовое состояніе, когда для малозначительныхъ уголовныхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ шеффенами, допущена апелляція, а, напротивъ, при присужденіи къ болѣе тяжкому наказанію уголовною камерою исключается всякое изслѣдованіе фактическаго вопроса въ обыкновенномъ порядкѣ“ [2]).

За апелляцію высказались и новѣйшіе процессуальные уставы—венгерскій (§§ 381 и 547), итальянскій [3]), а также норвежскій. Постановка обжалованія въ послѣднемъ уставѣ представляетъ много своеобразнаго. Приговоры, постановленные низшимъ судомъ [4]) или судомъ шеффеновъ [5]), могутъ быть обжа-

[1]) Mitterbacher, указан. сочин., стр. 465.

[2]) Begründung. Zu den Entwürfen, стр. 15. Взглядъ правительственнаго проекта раздѣлила и комиссія рейхстага.

[3]) Итальянск. уставомъ установлены нѣкоторыя ограниченія апелляціоннаго обжалованія по роду дѣлъ (см. А. И. Люблинскій, указан. сочин., стр. 92).

[4]) Этому суду подвѣдомственны дѣла, по коимъ обвиняемые въ преступленіяхъ, караемыхъ тюрьмой на срокъ не свыше 8 лѣтъ, принесли безусловное признаніе (Olaf Salomonsen, указан. сочин., стр. 708).

[5]) Суду шеффеновъ подсудны дѣла, не подлежащія вѣдѣнію суда присяжныхъ.

лованы двояко — или перенесеніемъ дѣла на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, или подачею жалобы въ высшій судъ (§§ 398 и 400). Если же принять во вниманіе, что, по норвежскому уставу, обжалованіе въ высшій судъ, по существу своему, есть кассаціонное обжалованіе, то представится несомнѣннымъ, что въ Норвегіи судъ присяжныхъ—апелляціонная инстанція для указанныхъ выше приговоровъ [1]). Обращеніе къ суду присяжныхъ въ такомъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто, когда указывается именно на неправильное рѣшеніе вопроса о виновности, и жалоба не опирается исключительно на то, что неправильно примѣненъ законъ (§ 401). Прокуратура можетъ безъ всякихъ ограниченій переносить дѣло въ судъ присяжныхъ; обвиняемый же по нѣкоторымъ дѣламъ [2]) долженъ испросить на то разрѣшеніе особаго комитета при высшемъ судѣ (§ 400 по зак. 22 мая 1902 г.). При передачѣ дѣла въ судъ присяжныхъ, дальнѣйшее подготовительное и окончательное производство происходитъ по общимъ правиламъ (§ 404 по тому же зак.) [3]).

Изъ постановленій норвержскаго устава ясно прогляды-ваетъ та мысль, что надлежащая апелляціонная повѣрка существа приговора возможна, когда она происходитъ съ соблюденіемъ гарантій производства, установленныхъ для 1 инстанціи, какъ въ отношеніи собранія доказательствъ, такъ и относительно соблюденія такого основного правила процесса, какъ устность. Также и въ Англіи, хотя не въ такой своеобразной формѣ, какъ въ Норвегіи, апелляціонный процессъ для дѣлъ суммарнаго производства (по закону 1879 г.) является новымъ слушаніемъ дѣла, при которомъ соблюдаются всѣ формы гласнаго состязательнаго процесса, допрашиваются свидѣтели, обязательно присутствуютъ стороны [4]).

---

[1]) Olaf Salomonsen, указан. сочин., стр. 709—710. По дѣламъ о нищенствѣ и пьянствѣ, предусмотрѣннымъ закономъ 31 мая 1900 г., не допускается обращеніе въ судъ присяжныхъ.

[2]) Сюда относятся дѣла о нарушеніяхъ, а также о преступленіяхъ противъ главы угол. улож. о тѣлесн. поврежденіи, оскорбленіи, поврежденіи имущества и противъ правилъ плаванія, если наложеніе наказанія во всѣхъ этихъ случаяхъ состоитъ только въ буссѣ или въ условномъ лишеніи свободы (Olaf Salomonsen, указан. сочин., стр. 710).

[3]) Въ Норвегіи судомъ присяжныхъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, было разрѣшено—въ 1903 г. 261 дѣло, въ 1904 г. 216 дѣлъ (Olaf Salomonsen, указан. сочин., стр. 711).

[4]) П. И. Люблинскій. Очерки уголовнаго суда и наказанія въ современной Англіи. 1911 г., стр. 46.

Другія законодательства не обезпечиваютъ, въ такой же мѣрѣ, полноты доказательствъ и устности. Тѣмъ не менѣе юридическая мысль приходитъ къ выводу, что достоинство апелляціоннаго производства зависитъ отъ того, насколько оно приближается къ производству въ 1 инстанціи. Степень этого приближенія была очень разнообразна во время составленія Судебныхъ Уставовъ; разнообразна она и теперь. По австрійскому уставу 1853 года, порядокъ производства въ высшихъ инстанціяхъ былъ только письменный, такъ что судьи рѣшали дѣло единственно на основаніи слѣдствія, произведеннаго въ первой инстаціи [1]). Прусскій законъ 3 мая 1852 г. разрѣшалъ второй инстанціи допустить повтореніе доказательствъ только въ томъ случаѣ, если возникаютъ существенныя и неустраняемыя прежнимъ производствомъ сомнѣнія противъ установленія фактовъ, содержащихся въ первомъ приговорѣ, или если повтореніе представляется необходимымъ, въ виду вновь представленныхъ фактовъ или доказательствъ (ст. 101). Французскій уставъ, къ которому примыкало большинство германскихъ уставовъ, хотя и не устанавливалъ такихъ ограничительныхъ правилъ, какъ австрійскій уставъ и прусскій законъ 3 мая 1852 г., тѣмъ не менѣе допросъ прежнихъ и новыхъ свидѣтелей ставилъ въ зависимость отъ усмотрѣнія суда [2]).

Близка къ этому и система нашего Устава Уголовнаго Судопроизводства. Усмотрѣніе имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ экспертизы [3]). Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно вызова новыхъ свидѣтелей. По дѣламъ мировой подсудности вызовъ ихъ зависѣлъ всецѣло отъ усмотрѣнія съѣзда. Такъ этотъ вопросъ и разрѣшала кассаціонная практика [4]). По дѣламъ же общихъ судебныхъ установленій вызовъ новыхъ свидѣтелей допустимъ только при наличности условій, указанныхъ въ ст. 577, т. е. по вновь открывшимся обстоятельствамъ [5]). Вызовъ прежнихъ свидѣтелей также допускался и частью теперь допускается ограниченно. По точному смыслу и ст. 159 (изд. 1864 г.), и 879 (нынѣ 879[1]) вызовъ прежнихъ свидѣтелей обусловленъ отсутствіемъ

[1]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 535.
[2]) Тамъ же, стр. 531, 533 и 534.
[3]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1871 г. № 1776, 1890 г. № 34, 1896 г. № 4 и др.
[4]) См., напр., рѣш. Угол. касс. деп. 1880 г. № 26, 1881 г. № 17, 1906 г. № 1.
[5]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1888 г. № 20.

препятствій для вызова. По мировымъ дѣламъ кассаціонная практика оказалась чрезвычайно сложной и запутанной, напр., признавался обязательнымъ вызовъ для передопроса подъ присягой свидѣтеля противной стороны, тогда какъ вызовъ свидѣтелей, допрошенныхъ по ссылкѣ жалобщика, можетъ быть весьма важныхъ и существенныхъ, не былъ обязательнымъ. Для вызова прежнихъ свидѣтелей въ судебную палату требованія Правительствующаго Сената иныя, болѣе соотвѣтствующія мысли закона. На обязанность палаты, отказывающей въ вызовѣ, возложено указать, какія именно представляются препятствія для явки свидѣтелей [1]). Послѣдующее законодательство внесло существенное измѣненіе только относительно порядка вызова свидѣтелей въ съѣзды. Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда поставилъ вызовъ всѣхъ свидѣтелей, кромѣ допрошенныхъ судьей и приведенныхъ въ съѣздъ, а равно кромѣ тѣхъ, въ допросѣ коихъ неправильно отказано судьей, въ зависимость отъ признанія съѣздомъ имѣющими значеніе для дѣла обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію показаніями свидѣтелей. Съ этимъ закономъ нашъ Уставъ относительно апелляціоннаго производства, хотя только по дѣламъ мѣстной подсудности, сталъ на правильный путь допустимости доказательствъ въ апелляціонной инстанціи исключительно съ точки зрѣнія относимости ихъ къ дѣлу.

Изъ изданныхъ послѣ нашего Устава западныхъ уставовъ (не касаясь разсмотрѣннаго норвежскаго) болѣе къ такой системѣ подходитъ общегерманскій уставъ, который представленіе новыхъ доказательствъ подчиняетъ правиламъ, установленнымъ для производства въ первой инстанціи, и разрѣшаетъ уже допрошенныхъ свидѣтелей и экспертовъ не вызывать, если допросъ ихъ не представляется нужнымъ (§ 364). Австрійскій и венгерскій уставы даютъ иную постановку—болѣе ограничительную. Первый изъ нихъ разрѣшаетъ представленіе новыхъ фактовъ и доказательствъ (ч. 1 § 467) при признаніи ихъ важности и, въ частности, допросъ новыхъ свидѣтелей и экспертовъ—только тогда, когда они являются способными представить неправильными важные факты, признанные первой инстанціей доказанными (ч. 1 § 470). По венгерскому уставу апелля-

[1]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1895 г. № 29.

ціонная инстанція можетъ отказать въ представленіи новыхъ доказательствъ: если она найдетъ обстоятельство, которое желаютъ доказать, несущественнымъ для рѣшенія дѣла, если просятъ о допросѣ лица, проживающаго внѣ венгерской территоріи, и, наконецъ, если возникаетъ основательное подозрѣніе, что указаніе на новыя доказательства имѣетъ цѣлью затяжку рѣшенія дѣла (§§ 393 и 548 ч. 6). Преподаваемыя австрійскимъ и венгерскимъ уставами руководящія начала для вызова новыхъ свидѣтелей уступаютъ правиламъ нашего Устава, созданнымъ закономъ 15 іюня 1912 г. Однако они имѣютъ значительныя преимущества сравнительно съ существующими у насъ, помянутыми уже выше, правилами для общихъ судебныхъ мѣстъ, въ силу коихъ палаты при вызовѣ новыхъ свидѣтелей должны сообразоваться съ такимъ тяжелымъ и ограничительнымъ требованіемъ, какъ вызовъ свидѣтелей по вновь открывшимся обстоятельствамъ. Что же касается допроса свидѣтелей, спрошенныхъ въ первой инстанціи, то во многихъ западныхъ уставахъ онъ поставленъ значительно болѣе ограниченно, чѣмъ по нашему Уставу. Такой допросъ или обусловленъ усмотрѣніемъ апелляціонной инстанціи (венгерск., §§ 418, 419, 551, 553 ч. 3; итальянск., ст. 493), либо допущенъ только для случаевъ, если судъ найдетъ это нужнымъ въ виду существеннаго сомнѣнія относительно правильности установленія фактовъ, содержащагося въ приговорѣ первой инстанціи (австр., ч. 2 § 470).

Допущеніе новаго установленія доказательствъ въ апелляціонной инстанціи имѣетъ существенное значеніе для начала устности. Тамъ, гдѣ, какъ въ Венгріи и Италіи, новое установленіе доказательствъ, въ томъ или иномъ объемѣ, зависитъ отъ суда, является весьма естественнымъ, что, при отрицаніи второй инстанціей необходимости самостоятельнаго установленія доказательствъ, центръ тяжести переносится на докладъ и прочтеніе показаній. То же самое происходитъ и при ограниченіи представленія доказательствъ въ силу установленія закономъ особыхъ стѣснительныхъ для того правилъ [1]). Однако введеніе въ законъ спеціальныхъ правилъ объ условіяхъ оглашенія при апелляціонномъ производствѣ показаній свидѣтелей и экспертовъ

[1]) См. выше постановленія австрійск. устава.

можетъ имѣть и самостоятельное серьезное значеніе. Если эти правила ограничительны, они тѣмъ самымъ вліяютъ на расширеніе объема новаго установленія доказательствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устности производствъ. Такова система германскаго устава, который условіями прочтенія показаній, данныхъ въ первой инстанціи, ставитъ незаявленіе ходатайства о вызовѣ свидѣтеля и эксперта, а равно согласіе прокуратуры и подсудимаго на оглашеніе (§ 366). Проектъ новаго германскаго устава (1909 г.), расширяющій апелляціонное обжалованіе, стремится, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ большему примѣненію начала устности, чѣмъ дѣйствующій уставъ, такъ какъ онъ не допускаетъ прочтенія показаній свидѣтелей и экспертовъ внѣ условій, установленныхъ для первой инстанціи [1]).

Наше законодательство, какъ видно изъ сдѣланнаго выше изложенія его, обезпечиваетъ въ настоящее время возможность широкаго проведенія начала устности только по дѣламъ мировой подсудности [2]). По дѣламъ же, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, устность апелляціоннаго производства представляется чрезмѣрно ограниченной, главнымъ образомъ, не столько самимъ закономъ, сколько чисто фактическимъ обстоятельствомъ—отдаленностью судебныхъ палатъ въ большинствѣ округовъ. Поэтому, проведеніе у насъ порядка, устанавливаемаго германскимъ проектомъ, хотя и являющагося безспорнымъ теоретически, представляется сомнительнымъ съ практической точки зрѣнія. Нужно замѣтить, что отдаленность апелляціоннаго суда принудила даже англійское законодательство сдѣлать отступленія отъ началъ непосредственности и устности. Въ виду нахожденія въ Лондонѣ уголовнаго апелляціоннаго суда, созданнаго закономъ 1907 г. объ апелляціи по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ присяжными, законъ этотъ нарушилъ, напр., начала устности тѣмъ, что предоставилъ апелляціонному суду право поручать допросъ свидѣтелей, живущихъ въ отдаленіи отъ суда, на мѣстѣ и затѣмъ рѣшать дѣло по письменнымъ показаніямъ этихъ свидѣтелей [3]).

---

[1]) Begründung, стр. 178 и 179.

[2]) Собственно въ отношеніи свидѣтелей, такъ какъ производство экспертизы находится въ зависимости отъ усмотрѣнія съѣзда.

[3]) П. И. Люблинскій. Введеніе апелляціи по угол. дѣламъ въ Англіи (см. въ книгѣ „Очерки угол. суда и наказанія въ современной Англіи“, стр. 109).

Общимъ правиломъ апелляціоннаго производства является разрѣшеніе дѣла въ предѣлахъ отзыва. Такова точка зрѣнія нашего Устава и его современниковъ. Практика не выдержала этого начала, признавъ за апелляціоннымъ судомъ право разсмотрѣнія дѣла и за предѣлами указаній сторонъ, но только по вопросамъ, затрагивающимъ публичный интересъ. Законъ 15 іюня 1912 г. закрѣпилъ эту практику для дѣлъ мѣстной подсудности, предоставивъ съѣзду, независимо отъ указаній сторонъ, возстановлять нарушенную подсудность, устранять неправильное примѣненіе уголовнаго закона, когда обвиняемый подвергнутъ отвѣтственности за дѣяніе, не воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, или къ нему примѣнено наказаніе, не установленное закономъ за судимое дѣяніе, либо допущена ошибка въ ссылкѣ на законъ, при опредѣленіи преступнаго дѣянія (ст. 168 Устава). Нѣкоторыя иностранныя законодательства идутъ дальше. Австрійскій уставъ разрѣшаетъ суду по дѣламъ мѣстной подсудности выходить за предѣлы жалобы и въ томъ случаѣ, когда тѣ же самыя основанія, на коихъ покоится его постановленіе въ пользу подсудимаго, примѣнимы къ другому подсудимому, не обжаловавшему приговора вообще или въ отношеніи этой неправильности (§ 377). Эта формула конкретизируется для дѣлъ общей подсудности въ томъ смыслѣ, что, если апелляціонной судъ понижаетъ наказаніе въ пользу одного или многихъ подсудимыхъ по основаніямъ, которыя примѣнимы къ другимъ подсудимымъ, то онъ долженъ поступить такъ, какъ будто послѣдніе обжаловали приговоръ (§ 295). Также по венгерскому уставу, если обстоятельство, служащее въ пользу обжаловавшаго обвиняемаго, имѣетъ значеніе и въ отношеніи другого обвиняемаго, приговоръ долженъ быть измѣненъ въ пользу послѣдняго, хотя бы онъ не подалъ апелляціи (§ 387). Такое направленіе законодательствъ, вытекающее изъ инструкціоннаго принципа уголовнаго процесса, представляется весьма цѣлесообразнымъ, такъ какъ несомнѣнно уголовный судъ, въ интересахъ справедливости, долженъ располагать средствами, устраняющими неправильное осужденіе.

Другую форму обжалованія составляетъ кассація, имѣющая въ своемъ основаніи не существо дѣла, а нарушеніе закона— процессуальнаго или матеріальнаго. Нашему дореформенному

законодательству этотъ способъ обжалованія не былъ извѣстенъ. Составители Судебныхъ Уставовъ заимствовали его изъ французскаго законодательства. Они не послѣдовали за нѣкоторыми германскими уставами, гдѣ намѣчался уже нѣсколько иной видъ этой формы обжалованія—т. н. ревизія [1]), получившая господство въ современныхъ намъ законодательствахъ. Отличіе ревизіи отъ чистой кассаціи заключается въ томъ, что ревизіонный судъ, отмѣняя приговоръ по неправильному примѣненію карательнаго закона, въ правѣ самъ постановить новый приговоръ, исходя изъ установленныхъ уже судомъ, рѣшавшимъ дѣло по существу, фактическихъ основаній [2]), кассаціонный же судъ въ такихъ случаяхъ, какъ и при отмѣнѣ приговора по процессуальнымъ нарушеніямъ, передаетъ дѣло, для новаго его разсмотрѣнія, суду, компетентному на рѣшеніе его по существу [3]). Едва ли есть основаніе отдавать предпочтеніе ревизіонному порядку. Выборъ наказанія тѣсно связанъ съ существомъ дѣла. Ревизіонный же судъ не въ правѣ касаться послѣдняго, почему выборъ наказанія явится для него только одною формальностью. Правильно поэтому поступаетъ германскій уставъ, разрѣшающій ревизіонному суду постановить только объ оправданіи, прекращеніи дѣла или назначеніи абсолютно опредѣленнаго наказанія, либо самаго низшаго по закону наказанія, если на послѣднее согласенъ прокуроръ (§ 394). Въ виду приведенныхъ соображеній, нельзя признать за шагъ впередъ наши позднѣйшіе законы, которые ввели ревизіонное начало по дѣламъ о государственныхъ и должностныхъ преступленіяхъ, когда кассаціонною инстанціею является Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ (ст. 1061^{8} и п. 1 ст. 1105 Устава, по прод.).

Кромѣ отмѣченнаго различія, кассація и ревизія проникнуты одними принципами, преслѣдующими цѣль повѣрки того, правильно ли производился судъ и правильно ли примѣненъ законъ. Существо дѣла здѣсь отходитъ на второй планъ. Касса-

---

[1]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 559.

[2]) Поэтому, если судъ существа дѣла, вслѣдствіе неправильнаго пониманія закона, не установилъ извѣстныхъ фактическихъ признаковъ, то исправленіе приговора ревизіоннымъ судомъ не можетъ имѣть мѣста (Mitterbacher, указан. сочин., стр. 438).

[3]) Ревизіонное начало принято въ уставахъ германскаго типа (австрійскомъ, общегерманскомъ, норвежскомъ и венгерскомъ); начало это начинаетъ проникать и въ романскіе уставы—см., напр., новѣйшій итальянскій уставъ (ст. 253 и 531).

ціонное производство, естественно, получаетъ формальный характеръ. Это и заставляетъ опасаться, чтобы такое производство не впало въ крайнюю оторванность отъ жизни, чтобы отмѣна приговоровъ и оставленіе жалобъ безъ уваженія не получили отвлеченнаго характера. Какъ центральнымъ вопросомъ апелляціи является такая организація ея, чтобы было, насколько возможно, обезпечено новое установленіе доказательствъ при условіяхъ устности производства, такъ для кассаціи основнымъ является вопросъ такой постановки ея, чтобы кассаціонный судъ могъ не впасть въ излишній формализмъ, а оказался способнымъ постановлять рѣшенія, соотвѣтствующія въ каждомъ данномъ случаѣ жизненной правдѣ. Къ этому и стремятся законодательства, въ особенности въ періодъ времени, слѣдовавшій за составленіемъ нашихъ Судебныхъ Уставовъ. Такое направленіе прежде всего сказывается въ обрисовкѣ самыхъ основаній для отмѣны приговоровъ, такъ называемыхъ, кассаціонныхъ поводовъ.

Французскій уставъ такими поводами признаетъ прежде всего нарушенія формъ процесса, соблюденіе коихъ предписано подъ страхомъ недѣйствительности производства. Кромѣ того кассація допускается по неподсудности дѣла, а равно, когда судъ оставитъ безъ вниманія ходатайство подсудимаго или прокурора о разрѣшеніи имъ воспользоваться предоставленнымъ закономъ правомъ, хотя бы процессуальная форма объ исполненіи коей было заявлено ходатайство, и не была предписана подъ страхомъ недѣйствительности производства (ст. 408). Практика не могла удержаться въ этихъ строго формальныхъ рамкахъ: кассаціонный судъ отмѣнялъ приговоры и въ тѣхъ случаяхъ, когда была нарушена вообще существенная форма, т. е. такая, несоблюденіе которой можетъ быть опасно для защиты обвиняемаго [1]). Законы германскихъ государствъ, не слѣдовавшіе за французскимъ уставомъ, старались избѣжать формализма и ограниченности основаній, установленныхъ въ послѣднемъ для отмѣны, тѣмъ, что дозволяли кассацію по причинѣ всякаго нарушенія существенныхъ законныхъ формъ, или, сохраняя это послѣднее положеніе, указывали также и опредѣ-

[1]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 549.

ленныя безусловныя основанія отмѣны приговоровъ [1]). Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства принялъ въ ст. 174 и 912 общую формулу и не указалъ въ самомъ законѣ безусловныхъ поводовъ кассаціи.

При такой формулировкѣ закона естественно возникъ и у насъ, и въ Германіи, вопросъ, въ какихъ же случаяхъ форму судопроизводства нужно считать существенной. Нѣкоторые уставы сами давали на это отвѣтъ, указывая, что отмѣна возможна только тамъ, гдѣ нарушеніе могло имѣть вліяніе на приговоръ [2]). Составители нашего Устава предполагали ввести подобное правило въ законъ [3]), но Государственный Совѣтъ отклонилъ это предположеніе по тому соображенію, что могутъ быть упущенія (напр. неправильный составъ суда), которыя должны влечь отмѣну совершенно независимо отъ того, имѣло ли оно или нѣтъ, по убѣжденію кассаціоннаго суда, вліяніе на приговоръ [4]). Практика пошла путемъ, соединившимъ въ себѣ оба указанныя теченія. Съ одной стороны, она выработала нарушенія, безусловно влекущія отмѣну приговора, а съ другой проводила принципъ проекта устава уголовнаго судопроизводства, признавая, что поводами кассаціи должны считаться такія нарушенія, которыя имѣютъ или могли имѣть существенное вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ или на приговоръ суда [5]). Установившаяся у насъ система наименѣе способна вести къ формализму, такъ какъ она возлагаетъ на кассаціонный судъ обязанность, если нѣтъ на лицо нарушенія, признаваемаго имъ безусловнымъ, входить въ обсужденіе значенія упущенія для даннаго случая. Можно сказать, что было бы, можетъ быть, даже желательнымъ, въ цѣляхъ достиженія устойчивости судебной практики, закрѣпить въ законѣ, въ качествѣ безусловныхъ кассаціонныхъ поводовъ, тѣ нарушенія, которыя признаются таковыми кассаціонной практикой. На этомъ пути и стоятъ современные намъ западные уставы, раз-

---

[1]) Zachariae, указан. сочин. т. II, стр. 640—642.

[2]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 558; Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 642. Болѣе правильной представляется отрицательная формула, а именно, что не представляется въ данномъ случаѣ возможности установить, чтобы нарушеніе осталось безъ всякаго вліянія на приговоръ (см. Plank, указан. сочин., стр. 536). Такая формула принята австрійскимъ уставомъ 1873 г. (см. ч. 2 § 281 и ч. 2 § 344).

[3]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 449.

[4]) Журн. Соедин. Д-въ Госуд. Совѣта 1864 г. № 47, стр. 82.

[5]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1869 г. № 347.

дѣляющіе основанія для отмѣны приговоровъ на безусловныя [1]) и условныя, зависящія отъ признанія возможности вліянія нарушенія на приговоръ [2]). Послѣднія обыкновенно занимаютъ доминирующее положеніе, такъ какъ первыхъ лишь очень незначительное число. Къ смягченію формализма кассаціоннаго обжалованія служитъ также то положеніе, что нарушеніе теряетъ свойства основанія для кассаціи, если заинтересованная сторона своевременно не возражала противъ ограниченія либо лишенія ея какого-либо права [3]). Въ нашемъ Уставѣ положеніе это не выражено, но оно усвоено кассаціонною практикою [4]). Однако она справедливо выдѣляетъ отсюда нарушенія такихъ процессуальныхъ правилъ, которыя установлены для достиженія правосудіемъ его главной цѣли — постановленія справедливаго рѣшенія по дѣлу [5]).

Въ еще большей мѣрѣ служатъ интересамъ справедливости и достиженію матеріальной истины тѣ постановленія, которыя предоставляютъ кассаціонному суду право не ограничиваться указаніями жалобы. Нашъ Уставъ, въ соотвѣтствіи съ господствовавшимъ во время его составленія взглядомъ французскаго законодательства, не указываетъ на подобное право кассаціоннаго суда. Его признала однако судебная практика для тѣхъ случаевъ, гдѣ нарушенъ публичный интересъ, напр., когда приговоръ постановленъ некомпетентнымъ судомъ, либо съ нарушеніемъ правъ состоянія подсудимаго.

Послѣдующіе за составленіемъ Судебныхъ Уставовъ иностранные уставы приняли начало отмѣны приговоровъ внѣ предѣловъ жалобъ, какъ общее правило, но по инымъ, болѣе широкимъ основаніямъ, и притомъ преимущественно съ цѣлью большаго огражденія интересовъ подсудимыхъ. Общимъ для уставовъ австрійскаго

---

[1]) Нѣкоторые уставы, какъ австрійскій и венгерскій, зная безусловные кассаціонные поводы, вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаютъ отмѣны по тѣмъ нарушеніямъ, которыя запрещены, но только въ отдѣльныхъ статьяхъ, подъ страхомъ кассаціи, если представляется несомнѣнно яснымъ, что нарушеніе не могло оказать никакого вреднаго для подсудимаго вліянія на рѣшеніе (ч. 2 § 281 и ч. 2 § 344 австр. уст.), или если очевидно, что формальное нарушеніе не повліяло на приговоръ (ч. 3 § 384 въ связи съ § 427 венгер. уст.).

[2]) Обыкновенно законодательства оговариваютъ это условіе. Во всякомъ случаѣ, оно признается практикой (см. для германской практики Löwe, указан. сочин., § 376 Anm. 7 в.).

[3]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 559; § 281 (ч. 2) и 344 (ч. 2) австр.; § 384 (ч. 4) и § 427 венгерск.; ст. 137 итальян. уст.

[4]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1869 г. № 593.

[5]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1895 г. № 17.

(§§ 290 и 346), германскаго (§ 397), норвежскаго (§ 392), венгерскаго (§§ 430, ч. 3 и 387) и итальянскаго (ст. 530) является правило объ отмѣнѣ приговора въ отношеніи такого подсудимаго, который не обжаловалъ его, если основанія отмѣны, служащія въ пользу жалобщика, относятся и къ нему, причемъ лишь германскій уставъ ограничиваетъ такую отмѣну нарушеніемъ матеріально-правовой нормы. Нѣкоторые изъ указанныхъ уставовъ допускаютъ кассацію также въ пользу лица, принесшаго жалобу, при неправильномъ, во вредъ ему, примѣненіи уголовнаго закона, хотя бы онъ на это не указывалъ [1]). Другіе уставы, какъ венгерскій (§§ 384, 427, 428, 394 и 430) и итальянскій (ст. 136), обязываютъ кассаціонный судъ принимать во вниманіе ex officio и важнѣйшія процессуальныя нарушенія, [2]) причемъ венгерскій уставъ вводитъ нѣкоторое ограниченіе этого начала, заключающееся въ томъ, что если всѣ доводы жалобщика отвергнуты, то уже нельзя изслѣдовать тѣ поводы кассаціи, которые подлежатъ принятію во вниманіе по иниціативѣ самого кассаціоннаго суда. Напротивъ, норвежскій уставъ идетъ значительно дальше въ этомъ направленіи. Онъ предоставляетъ кассаціонному суду, по собственной иниціативѣ, признать недѣйствительнымъ обвинительный приговоръ, правильность коего представляется сомнительной въ виду того, что были оставлены безъ вниманія существенныя правовыя нормы, служащія для защиты подсудимаго (ч. 2 § 392).

Норвежскій чрезвычайный порядокъ отмѣны приговора, независимо отъ жалобы, всетаки еще довольно тѣсно связанъ съ юридическою стороною дѣла. Эту связь совершенно порываетъ австрійскій уставъ, устанавливающій чрезвычайный

---

[1]) Австр. §§ 290 и 346; норвежск. § 392; венгерск. § 430 ч. 3 и § 387.

[2]) По венгерскому уставу къ такимъ нарушеніямъ относятся: незаконный составъ присутствія; участіе въ постановленіи приговора судьи, неприсутствовавшаго во все время главнаго слѣдствія; превышеніе судомъ предѣловъ своего вѣдомства либо признаніе неподсуднымъ подвѣдомственнаго дѣла; производство главнаго слѣдствія въ отсутствіе лица, присутствіе коего законъ считаетъ безусловно необходимымъ, включая защитника въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ защита обязательна; невразумительность резолютивной части приговора или противорѣчіе ея мотивамъ; постановленіе приговора безъ законно предъявленнаго обвиненія. По дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ, сюда, кромѣ того, принадлежатъ—незаконность присутствія суда присяжныхъ, голосованіе при постановленіи вердикта такого присяжнаго, который не присутствовалъ во все время главнаго слѣдствія. Итальянскій уставъ относитъ къ этой категоріи нарушеніе постановленій, касающихся состава суда, участія и представительства прокуратуры, присутствія, защиты и представительства обвиняемаго въ случаяхъ и формахъ, установленныхъ закономъ.

порядокъ отмѣны, средній между кассаціей (ревизіей) и возобновленіемъ дѣлъ (§ 362). Кассаціонный судъ можетъ воспользоваться своими чрезвычайными полномочіями какъ при предварительномъ обсужденіи кассаціонной жалобы или послѣ публичнаго разсмотрѣнія ея, такъ и при обсужденіи рапорта суда по вопросу о помилованіи присужденнаго къ смертной казни, а равно при разсмотрѣніи актовъ, послѣдовавшемъ по особому предложенію генералъ-прокурора. Кассаціонный судъ не связанъ при этомъ тѣми поводами, которые установлены въ уставѣ для возобновленія дѣла въ пользу осужденнаго. Рѣшающее значеніе имѣютъ серьезныя сомнѣнія противъ правильности положенныхъ въ основаніе приговора фактовъ и при томъ сомнѣнія, которыя не устраняются отдѣльными, предписанными кассаціоннымъ судомъ, разслѣдованіями. Въ такихъ случаяхъ кассаціонный судъ, если онъ пришелъ къ единогласному рѣшенію, съ которымъ согласенъ генералъ-прокуроръ, можетъ тотчасъ же постановить новый приговоръ, коимъ обвиняемый оправдывается или къ нему примѣняется болѣе мягкое уголовно-правовое положеніе. Изложенный чрезвычайный порядокъ примѣняется къ дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ; дѣла о нарушеніяхъ исключены (ч. 2 § 480). Хотя этотъ порядокъ введенъ преимущественно для цѣлей компенсаціи отсутствія апелляціоннаго обжалованія по вопросу о виновности [1]), тѣмъ не менѣе примѣненіе его не исключается и для дѣлъ, не подлежащихъ апелляціи, а именно рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ. Повѣрка вердикта присяжныхъ въ Австріи, по существу, напоминаетъ англійскій законъ 1907 г. объ уголовной апелляціи на вердикты присяжныхъ [2]), съ тою разницею, что въ Англіи пересмотръ рѣшенія присяжныхъ по существу судомъ апелляціоннымъ можетъ быть произведенъ не по иниціативѣ самого суда, а по жалобѣ осужденнаго. Такое расширеніе рамокъ кассаціоннаго обжалованія, какое извѣстно австрійскому уставу, дѣйствительно устраняющее всякій формализмъ этого вида обжалованія, не можетъ вызывать противъ себя возраженія, единственно потому, что оно направлено исключительно въ пользу подсудимаго [3]).

---

[1]) Mitterbacher, указан. сочин., стр. 620.

[2]) См. по этому вопросу статью П. И. Люблинскаго въ его книгѣ „Очерки уголовнаго суда и наказанія въ современной Англіи“, 1911 г., стр. 81 и 82.

[3]) Повидимому, иную точку зрѣнія проводитъ венгерскій законъ 28 марта 1914 г., предоставляющій кассаціонному суду широкое право, въ порядкѣ надзора, отмѣнять рѣ-

Нужно замѣтить, что благопріятствованіе интересамъ подсудимаго находитъ вообще широкое примѣненіе въ кассаціонномъ производствѣ. Во время составленія Судебныхъ Уставовъ это благопріятствованіе выражалось, главнымъ образомъ, въ запрещеніи прокуратурѣ требовать отмѣны оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ во вредъ подсудимому, [1]) а также въ правѣ прокурора обжаловать приговоръ въ пользу подсудимаго [2]). Нашъ Уставъ не принялъ ни того, ни другого, и лишь судебная практика допустила принесеніе прокуроромъ протестовъ въ интересахъ подсудимаго, главнымъ образомъ, по вопросамъ о неправильномъ примѣненіи наказанія, напр. при присужденіи подсудимаго къ болѣе строгому, чѣмъ слѣдовало, наказанію. Послѣдующіе уставы также не послѣдовали за французскимъ въ запрещеніи отмѣны оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ установили извѣстныя ограниченія для обжалованія прокуратурой такихъ рѣшеній [3]).

Что же касается права прокурорскаго надзора обжаловать приговоры въ интересахъ подсудимаго, то такое право выражено прямо въ нѣкоторыхъ уставахъ, причемъ въ Австріи и Германіи оно распространяется и на процессуальныя нарушенія [4]). Далѣе, обжалованіе въ интересахъ закона, неизвѣстное нашему праву, [5])

шеніе присяжныхъ и обращать дѣло къ новому разсмотрѣнію, если кассаціонный судъ находитъ, что присяжные ошибочно разрѣшили вопросъ о фактахъ (см. ст. И. Г. Щегловитова. „Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ", т. II, стр. 158.

[1]) Франц. уставъ (ст. 409) и большинство сепаратныхъ нѣмецкихъ уставовъ (Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 555).

[2]) Миттермайеръ, тамъ же, стр. 551.

[3]) Такъ, по германскому уставу, на оправдательный приговоръ, постановленный присяжными, ревизія со стороны прокуратуры можетъ быть только по незаконности состава присутствія, производству главнаго слѣдствія въ отсутствіе лица прокурорскаго надзора или такого лица, присутствіе коего предписывается закономъ, а равно въ случаяхъ, въ коихъ ревизія оправдывается постановкою или непостановкою вопросовъ (§ 379). По итальянскому уставу жалоба на самый оправдательный вердиктъ возможна только, если оправдательный приговоръ послѣдовалъ безъ того, чтобы были рѣшены всѣ предусмотрѣнные закономъ вопросы (ч. 3 ст. 503).

[4]) Для Германіи см. рѣшеніе рейхсгерихта 7 декабря 1881 г.; для Австріи см. указан. выше сочин. Lohsing'a, стр. 619 и 628. У него указывается, что обжалованіе прокуроромъ въ интересахъ подсудимаго въ особенности относится къ случаямъ непостановленія рѣшенія по предложеніямъ, а равно къ случаямъ пренебреженія или нарушенія закона либо основныхъ положеній процесса при разрѣшеніи предложеній или возраженій.

[5]) Кассація въ интересахъ закона предполагаетъ всетаки обжалованіе по данному дѣлу; у насъ же, въ порядкѣ ст. 259[1] Учр. Суд. Уст., вносятся въ Сенатъ только общіе вопросы.

получило въ западно-европейскихъ странахъ или на практикѣ, [1]) или въ самомъ законѣ такую обрисовку, что рѣшеніе кассаціоннаго суда, состоявшееся въ пользу подсудимаго, получаетъ для него реальное значеніе [2]). Такъ, по австрійскому уставу, если подсудимый приговоромъ, оказавшимся при обжалованіи въ интересахъ закона ничтожнымъ, присужденъ къ наказанію, то кассаціонный судъ свободенъ, по своему усмотрѣнію, или оправдать подсудимаго, или примѣнить къ нему болѣе мягкую уголовно-правовую норму или, смотря по обстоятельствамъ, предписать о возобновленіи производства (§ 292). Аналогичное постановленіе содержится въ венгерскомъ уставѣ (§ 442). Итальянскій уставъ содержитъ ту особенность, что при признаніи кассаціоннымъ судомъ назначенія наказанія свыше мѣры, указанной въ законѣ, объ этомъ сообщается въ подлежащій судъ для исправленія, а при признаніи нарушенія существенныхъ формъ судопроизводства осужденному объявляется о семъ и указывается, что если онъ не желаетъ подчиниться назначенному наказанію, то имѣетъ право подвергнуться вторичному судебному разбирательству, при условіи заявленія объ этомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ [3]).

При сопоставленіи нашего Устава съ западными, оказывается, что онъ, обезпечивая наравнѣ съ ними широкую, чуждую формализма, оцѣнку кассаціонныхъ поводовъ, рѣзко отступаетъ отъ нихъ въ огражденіи интересовъ подсудимаго отсутствіемъ нормъ, дающихъ кассаціонному суду возможность удовлетворить требованія справедливости, разсмотрѣніемъ вопросовъ, выходящихъ за предѣлы указаній жалобщиковъ.

---

[1]) См. Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 551.

[2]) Уставы отдѣльныхъ германскихъ государствъ не знали этого начала (см. Zachariae, указан. сочин., т. II, стр. 6501).

[3]) А. И. Люблинскій, указан. сочин., стр. 95.

IX. Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ.

Ошибка въ постановленіи приговора можетъ обнаружиться тогда, когда уже использованы установленные закономъ способы устраненія судебныхъ ошибокъ, въ видѣ апелляціоннаго или кассаціоннаго обжалованія. Игнорировать такую ошибку только потому, что приговоръ вступилъ въ законную силу, не представляется возможности, безъ принесенія въ жертву формализму жизненныхъ интересовъ правосудія. На этомъ покоится институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, введенный у насъ впервые Судебными Уставами. Заимствуя его съ Запада, творцы Уставовъ приняли этотъ институтъ въ формѣ, наиболѣе обезпечивающей интересы подсудимаго. Уже въ то время рѣзко обозначились два теченія по вопросу о допустимости возобновленія во вредъ подсудимому. Одно (французское) отрицательное, другое (нѣмецкое) положительное. Послѣднее выражалось довольно разнообразно. Наиболѣе широко оно было поставлено тамъ, гдѣ возобновленіе во вредъ оправданному допускалось, если онъ приносилъ сознаніе или обнаруживались другіе новые факты или доказательства, которые, сами по себѣ, и безъ ссылки на результаты прежняго установленія доказательствъ виновности обвиняемаго, оказались пригодными для изобличенія въ совершеніи вмѣнявшагося ему дѣянія [1]). Болѣе ограниченная постановка возобновленія во вредъ подсудимому сводилась къ допущенію его, когда рѣшеніе о виновности послѣдовало вслѣдствіе преступленія обвиняемаго [2]).

На близкую къ этой точкѣ зрѣнія сталъ нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства (ст. 23), разрѣшившій возобновленіе, когда приговоръ оправдательный и обвинительный, но болѣе мягкій, чѣмъ слѣдовало, былъ послѣдствіемъ преступленія, хотя бы и не совершеннаго обвиняемымъ. Новые уставы не пошли по среднему пути, принятому нашимъ законодательствомъ. Большинство ихъ поставило возобновленіе во вредъ подсудимому очень широко [3]). Напр., норвеж-

---

[1]) Саксонскій уставъ 1855 г. § 386 (п. 4).

[2]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 579.

[3]) Австрійскій (§§ 355 и 356) и венгерскій уставы (§ 449) стоятъ на приведенной въ текстѣ точкѣ зрѣнія саксонск. устава; по германскому уставу, возобновленіе во вредъ под-

скій уставъ признаетъ достаточнымъ для возобновленія не только собственное сознаніе, но и другія, позднѣе обнаружившіяся, доказательства того, что преступленіе совершено или что совершено существенно болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ то, за которое осужденъ подсудимый (§ 415) [1]. Изъ новыхъ уставовъ только итальянскій уставъ (1913 г.) не разрѣшаетъ возобновленія дѣлъ, окончившихся оправдательнымъ приговоромъ, даже въ томъ случаѣ, если оправданіе послѣдовало благодаря ложной присягѣ свидѣтелей, подложности документовъ или подкупу судьи [2]).

Огражденіе интересовъ подсудимаго выражается не только въ ограниченіи возобновленія дѣлъ ему въ ущербъ, но и въ обрисовкѣ самыхъ поводовъ возобновленія. Въ этомъ отношеніи нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства не послѣдовалъ за французскимъ уставомъ, дававшимъ ограничительный, казуистическій перечень основаній для возобновленія дѣлъ, а по примѣру нѣкоторыхъ нѣмецкихъ уставовъ [3]), наряду съ отдѣльными случаями, далъ и общее основаніе, какъ открытіе доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія свыше мѣры содѣяннаго (п. 2 ст. 935). Подобное же общее указаніе поводовъ для возобновленія даютъ и новые западные уставы. Въ послѣднее время на этотъ путь вступило и само французское законодательство (зак. 8 іюня 1895 г.).

Для болѣе справедливаго примѣненія возобновленія уголовныхъ дѣлъ имѣетъ существенное значеніе вопросъ о томъ, должны ли служить основаніемъ его вообще новыя обстоятельства, или они должны быть, сверхъ того, еще и неизвѣстными подсудимому при прежнемъ производствѣ. Конечно, при принятіи послѣдней точки зрѣнія, возобновленіе существенно ограничивается. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства не даетъ на этотъ вопросъ прямого отвѣта. Кассаціонная практика разрѣ-

судимому, кромѣ случая, когда приговоръ является результатомъ преступленія, допускается, если оправданнымъ сдѣлано передъ судомъ или внѣ суда достовѣрное признаніе въ преступномъ дѣяніи (§ 402).

[1]) Однако, по норвежскому уставу, по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ наказываемыхъ не свыше трехлѣтней тюрьмы, возобновленіе во вредъ подсудимому можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда есть основаніе для предположенія, что подсудимый въ прежнемъ дѣлѣ оказался виновнымъ въ преступномъ поведеніи (ч. 2 § 415 по зак. 21 мая 1902 г.; см. Olaf Salomonsen, указан. сочин., стр. 750).

[2]) А. И. Люблинскій, указан. сочин., стр. 97.

[3]) Миттермайеръ, указан. сочин., стр. 567, 568 и 576.

шила его въ томъ смыслѣ, что основаніемъ для возобновленія могутъ быть такія новыя обстоятельства, которыя не были извѣстны подсудимому по причинамъ, отъ него не зависящимъ. Такъ, по разъясненію Правительствующаго Сената, нельзя просить о возобновленіи дѣла на основаніи показаній такого свидѣтеля, на котораго подсудимый могъ сослаться при прежнемъ производствѣ [1]), либо на основаніи ложнаго показанія свидѣтеля, подозрѣніе противъ котораго могло быть заявлено при прежнемъ разбирательствѣ [2]). Этотъ взглядъ не былъ чуждъ прежнему нѣмецкому праву. Онъ, напр., прямо былъ выраженъ въ саксонскомъ уставѣ 1855 г. (§ 390). Напротивъ, новые уставы его не раздѣляютъ, справедливо предоставляя тѣмъ большій просторъ для примѣненія возобновленія [3]).

Въ самомъ порядкѣ производства дѣлъ о возобновленіи существенное значеніе имѣютъ вопросы о распространеніи на него общихъ началъ процесса—непосредственности, устности, публичности, а равно допущенія участія сторонъ [4]). Вопросы эти совершенно не затрагиваются нашимъ Уставомъ. Не разработаны они и въ современномъ намъ западномъ правѣ. Только на вопросъ о допущеніи сторонъ къ объясненіямъ, при обсужденіи возможности возобновленія, нѣкоторыя западныя законодательства даютъ утвердительный отвѣтъ [5]), да при производствѣ разслѣдованія, ради собранія нужныхъ для возобновленія доказательствъ, примѣняются существующія въ законѣ правила о гласности сторонъ во время предварительнаго слѣдствія [6]). Между

---

[1]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1869 г., № 640.

[2]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1869 г., № 408.

[3]) Изъятія нѣкоторыя существуютъ. По австрійскому уставу, при возобновленіи во вредъ подсудимому, не разрѣшается обвинителю опираться на такія обстоятельства, которыя ему уже ранѣе были извѣстны и для пользованія коими не было никакого фактическаго препятствія (Lohsing, указан., сочин., стр. 699). По германскому уставу по дѣламъ, подвѣдомственнымъ суду шеффеновъ, могутъ быть представляемы только такіе факты и доказательства, о которыхъ осужденный, при прежнемъ производствѣ, не зналъ или которые не могъ представить не по своей винѣ (§ 399). Проектъ (1909 г.) отмѣняетъ это ограниченіе, находя его противорѣчащимъ справедливости (Begründung, стр. 190).

[4]) См. по этому предмету Dr. M. Alsberg. Justizirrtum und Wiederaufnahme, 1913 г. стр. 75 и слѣд.

[5]) Напр., венгерскій уставъ постановляетъ, что если судъ, предписавшій разслѣдованіе, найдетъ результатъ установленія доказательствъ совершенно недостаточнымъ, то отклоняетъ ходатайство о возобновленіи, въ противномъ же случаѣ назначаетъ публичное засѣданіе, къ коему вызываетъ возбудившаго ходатайство о возобновленіи и его противника (§ 455). См. также §§ 408 и 409 герм. уст., § 417 норвежск. уст. и ср. § 357 австр. уст.

[6]) См. § 409 герм. уст.

тѣмъ, производство дѣлъ о возобновленіи во всѣхъ его стадіяхъ съ соблюденіемъ общихъ правилъ процесса, обезпечивающихъ достиженіе истины, имѣетъ существенное значеніе не только для основательнаго исхода дѣла, гарантирующаго интересы правосудія и интересы подсудимаго, но и ради того, чтобы осужденный ясно видѣлъ причины, почему отклонено его ходатайство, что представляется трудно достижимымъ въ настоящее время, при письменномъ производствѣ дѣлъ о возобновленіи [2]).

Заключеніе.

Какой слѣдуетъ сдѣлать общій выводъ изъ сопоставленія положеній нашего Устава Уголовнаго Судопроизводства съ иностранными законодательствами? По отношенію къ современнымъ его составленію процессуальнымъ законамъ нашъ Уставъ, какъ общее правило, или стоялъ на высотѣ лучшихъ началъ, проводившихся въ томъ или иномъ законодательствѣ, или даже шелъ впереди большинства ихъ. Здѣсь необходима одна оговорка. Къ такому положенію, во всѣхъ случаяхъ, приводитъ сравненіе съ континентальными уставами, но не съ англійскимъ законодательствомъ. Требованія послѣдняго по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ болѣе строгія.

Нашъ Уставъ удовлетворяетъ положенію англійскаго процесса о гласности сторонъ на предварительномъ слѣдствіи. Въ отличіе, въ этомъ отношеніи, отъ французскаго и нѣмецкихъ уставовъ, онъ допустилъ къ участію при совершеніи слѣдственныхъ дѣйствій не только прокурора, но и обвиняемаго, и потерпѣвшаго. Равнымъ образомъ, опять таки въ отличіе отъ помянутыхъ уставовъ, онъ смягчилъ инквизиціонное начало на предварительномъ слѣдствіи, предоставленіемъ и обвиняемому, и потерпѣвшему права предъявленія требованій по поводу доказательственнаго матеріала. Общаго же инквизиціоннаго характера предварительнаго слѣдствія нашъ Уставъ не измѣнилъ въ сторону состязательнаго начала, по примѣру англійскаго права, какъ не допустилъ на немъ общей гласности и не ввелъ формальной защиты.

---

[3]) См. Alsberg, указан. сочин., стр. 79.

Нельзя, однако, послать въ этомъ упрека составителямъ Устава. Въ то время построеніе предварительнаго слѣдствія на началахъ стараго инквизиціоннаго процесса было господствующимъ въ Европѣ. Развитіе законодательствъ германскаго типа показываетъ, какъ осторожно идетъ реформа предварительнаго слѣдствія въ сторону состязательности, допущенія защиты и гласности. Романскія законодательства еще осторожнѣе. Самый новый уставъ—итальянскій—сдѣлалъ небольшіе шаги въ допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи, сохранивъ въ основѣ инквизиціонный его характеръ, а относительно общей гласности въ этотъ моментъ процесса итальянскій уставъ даже не обмолвился.

Нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства дѣйствительно представляется отсталымъ, и при томъ даже, сравнительно съ современными ему нѣмецкими законодательствами, въ отношеніи установленія гарантій для предварительнаго полицейскаго ареста. Этого недостатка не можетъ искупить и то, что нашъ Уставъ допускаетъ болѣе осторожное, даже по сравненію съ новыми уставами, примѣненіе подслѣдственнаго ареста.

Въ число безусловныхъ достоинствъ Устава, сравнительно съ современными ему законодательствами, должно быть выдвинуто положеніе, что во время приготовительныхъ къ суду распоряженій онъ не поставилъ подсудимаго въ зависимость, по вызову свидѣтелей, ни отъ матеріальныхъ его средствъ, какъ это дѣлаетъ англійское законодательство, ни отъ усмотрѣнія прокурора и предсѣдателя, какъ французское. Уставъ сравнительно широко обезпечилъ подсудимыхъ относительно вызова свидѣтелей. Не вина его составителей, если практика ввела здѣсь ограниченія, какъ нельзя поставить имъ въ упрекъ и то, что они шире западныхъ законодательствъ установили обязательную защиту, а жизнь разрушила это положеніе законодателя.

Постановленія же Устава относительно такого важнаго начала, какъ устность и такой важнѣйшей части процесса, какъ судебное слѣдствіе, стоятъ неизмѣримо выше не только современныхъ ему уставовъ, но и современныхъ намъ континентальныхъ законодательствъ. Творцы нашего Устава Уголовнаго Судопроизводства, создавая указанныя нормы, устранили все, что находится въ какой либо связи со старымъ инквизиціоннымъ началомъ, и, какъ слѣдствіе этого, ввели равноправность сторонъ. Они создали здѣсь наиболѣе совершенныя орудія оты-

сканія истины и, въ то же время, придали ими Уставу тотъ духъ уваженія къ человѣческой личности, который составляетъ его характерную черту. Благодаря этому, напр., измѣненіе нашего законодательства относительно допроса подсудимаго по образцу болѣе новыхъ уставовъ—норвежскаго и венгерскаго—было бы грубѣйшимъ нарушеніемъ наиболѣе славнаго завѣта эпохи судебной реформы.

Въ согласіи съ направленіемъ современныхъ имъ законодательствъ, составители Судебныхъ Уставовъ оградили интересы потерпѣвшаго допущеніемъ его къ участію въ уголовномъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца. Этимъ достигалась защита не только матеріальныхъ, но частью даже и личныхъ интересовъ пострадавшаго. Въ огражденіе послѣднихъ нашъ Уставъ пошелъ дальше многихъ современныхъ ему уставовъ присвоеніемъ жалобѣ потерпѣвшаго особаго значенія, а по дѣламъ мировой подсудности, гдѣ обличеніе не возложено на прокурорскій надзоръ, предоставленіемъ потерпѣвшему правъ обвинителя, хотя бы онъ не заявлялъ гражданскаго иска.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что успѣхи, которыхъ достигли по нѣкоторымъ вопросамъ западные уставы послѣдующаго за нашей реформой времени, не въ состояніи умалить того, что ею сдѣлано. Не намъ упрекать Судебные Уставы. Наоборотъ, составители ихъ могли бы послать укоръ послѣдующимъ поколѣніямъ. Съ любовью созданный новый процессъ на основаніи матеріала, даннаго наукой и законодательствомъ другихъ странъ, предъявлялъ требованія на развитіе его на томъ же основаніи. Вспомнить объ этомъ, дать себѣ отчетъ, что намъ нынѣ нужно обсудить, чтобы удовлетворить это требованіе,—лучшій способъ почтить память творцовъ Судебныхъ Уставовъ. Положенія, внесенныя закономъ 12 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, относительно обезпеченія личной свободы и расширенія въ апелляціонномъ производствѣ допущенія новыхъ доказательствъ, равно какъ большаго здѣсь обезпеченія начала устности, даютъ увѣренность въ движеніи нашего уголовно-судебнаго законодательства по пути, указанномъ 20 ноября 1864 года.

В. Ширковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ

КЪ

Исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая хронологическая канва по исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. обнимаетъ собою періодъ отъ 6 іюня 1857 г. по день ихъ изданія. Моментъ Высочайшаго повелѣнія о внесеніи составленнаго II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. канцеляріей проекта Уст. Гр. Суд. въ Государственный Совѣтъ избранъ по слѣдующему основанію. Хотя еще съ 1848 г. Верховною властью было обращено вниманіе на крупнѣйшіе недостатки нашего гражданскаго судопроизводства, вслѣдствіе чего и были представляемы гр. Блудовымъ различныя записки и предположенія, но лишь съ 8 іюня 1857 г., т. е. дня внесенія, согласно упомянутой Высочайшей воли, проекта соотвѣтствующаго устава въ Государственный Совѣтъ, дальнѣйшая судьба проектовъ пріобрѣла то желательное для ближайшаго разрѣшенія вопроса о судебномъ преобразованіи направленіе, которое характеризуется введеніемъ нѣкоторыхъ основныхъ, дѣйствительно новыхъ началъ въ старыя предположенія и все возрастающимъ ускореніемъ ихъ разработки въ подлежащихъ учрежденіяхъ. Матеріалъ для исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ, предлагаемый здѣсь, нѣсколько шире того, что можно подразумѣвать подъ этимъ понятіемъ, вслѣдствіе включенія

въ хронологію работъ по преобразованію слѣдственной части, каковое состоялось 8 іюня 1860 г. Но кромѣ причины формальнаго свойства, ибо въ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. вошелъ порядокъ производства слѣдствій, установленный закономъ 1860 г. съ измѣненіемъ устройства слѣдственной части лишь постольку, поскольку явилась необходимость поставить предварительное слѣдствіе въ связь съ судебнымъ,—помимо этого соображенія, слѣдуетъ еще вспомнить, что въ Учрежденіи Судебныхъ Слѣдователей и въ Наказѣ, данномъ имъ, выражены были впервые новыя начала судебной реформы; отсюда ясно, почему въ хронологіи подготовительнымъ работамъ по преобразованію слѣдственной части отведено довольно значительное мѣсто, хотя этотъ вопросъ болѣе относится къ судебной „реформѣ" вообще, чѣмъ собственно къ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ, изд. въ 1864 г. По такому же основанію включенъ законъ 17 апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, обойти который намъ не представилось возможнымъ.—Относительно нѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкаго характера, включеній въ перечень, слѣдуетъ сказать, что встрѣчаются свѣдѣнія о доставленіи замѣчаній лицами, не сыгравшими большого значенія въ общемъ дѣлѣ, съ другой стороны есть общія упоминанія о коллективныхъ замѣчаніяхъ, напр., сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ, изъ которыхъ мнѣнія нѣкоторыхъ повліяли на дальнѣйшую разработку проектовъ, но лица эти не выдѣлены, т. к. для этого понадобилось бы самостоятельное изслѣдованіе; есть назначенія нѣкоторыхъ малозамѣтныхъ дѣятелей, они прошли ради полноты состава комиссіи или присутствія. Тѣ, кто работаютъ въ данной области, выдѣлятъ болѣе важное отъ менѣе важнаго, достиженіе же возможной полноты можетъ дать изслѣдователямъ толчокъ въ ту

или другую сторону. Что касается способа изложенія, то иногда, для лучшаго уясненія обстановки, въ которой протекала преобразовательная дѣятельность нашего правительства, приводятся выдержки изъ докладовъ, записокъ и отношеній; кромѣ того и единство предмета не позволяло въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиться краткими словами о началѣ или порядкѣ производства какой-либо отдѣльной изъ работъ.

Обращаясь къ характеристикѣ матеріаловъ, отмѣтимъ, что, какъ видно изъ самаго перечня и изъ прилагаемаго списка, составитель пользовался исключительно офиціальными источниками и за немногими исключеніями [1])—архивными. Извѣстное „*Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи*“, въ 74 томахъ, (подъ каковымъ подразумѣваются печатные матеріалы, приведенные въ свое время въ порядокъ извѣстнымъ участникомъ судебной реформы С. И. Зарудныхъ), было использовано преимущественно въ Библіотекѣ Госуд. Совѣта, гдѣ оно находится въ отличномъ состояніи. Въ ссылкахъ упомянуты матеріалы изъ того же „Дѣла“, имѣющіеся въ Императорской Публ. Библіотекѣ, но подъ отдѣльными заглавіями, безъ нумераціи томовъ; по этимъ заглавіямъ нетрудно справиться и въ другихъ библіотекахъ, гдѣ имѣется это изданіе. Должно однако замѣтить, что нумерація томовъ въ описяхъ разныхъ учрежденій, а также описи, составленной тѣмъ же Зарудныхъ, не совпадаетъ. Ссылкамъ придается важное значеніе въ виду того, что не всѣ учрежденія одинаково доступны для широкой публики, почему по возможности повторяются ссылки на матеріалы Имп. Публ. Библ., а также съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать яснымъ, какого рода данныя

[1]) Къ нимъ, кромѣ Журнала Министерства Юстиціи и СПБ. Сенатскихъ Вѣдомостей, можно отнести т. наз. печатные матеріалы „Дѣла о преобраз. судебн. части въ Россіи“.

можно искать въ томъ или другомъ дѣлѣ. Ссылки по поводу назначеній не сдѣланы; полученіе свѣдѣній объ этомъ доступно каждому, нами же справки наведены, какъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, такъ и въ формулярныхъ спискахъ, содержащихся въ соотвѣтствующихъ архивахъ. Добавимъ наконецъ, что необходимо отличать рукописныя дѣла о преобразованіи судебной части, хранящіяся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта отъ печатныхъ матеріаловъ подъ такимъ названіемъ; въ рукописныхъ дѣлахъ, помимо матеріаловъ, заключается переписка по составленію проектовъ и вообще всѣ сношенія, относящіяся къ реформѣ; по нимъ съ большою наглядностію возстанавливается внѣшній видъ всего хода славной работы вдохновителей и составителей Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.

В. Яковлевъ.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ

для

хронологическихъ данныхъ къ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.

Архивъ Государственнаго Совѣта.

1) Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. О проектѣ новаго уст. судопроизв. гражд. 1848 г. Къ № 162, ч. II.

2) Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. 1861 г. № 36, ч. I. О составленіи проекта устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ.

3) Дѣла Госуд. Совѣта, Департамента Законовъ. 1859 г. № 50. Объ основныхъ началахъ преобразованія судебной части.

4) Дѣла Госуд. Совѣта, Госуд. Канцеляріи, Отдѣленія Законовъ. 1860 г. № 1. О преобразованіи уѣздной полиціи.

5) Журналы Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. 1859 г. Кн. 4.

6) Главный Комитетъ по крестьянскомъ дѣлу. Устройство уѣзднаго и полицэйскаго управленія. Т. 20, дѣло № 23, I.

7) Дѣла Госуд. Совѣта, Департамента Законовъ. 1860 г. № 41. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи и улучшеніи состава земской полиціи. Къ этому дѣлу приложены 3 особыя книги подъ заглавіемъ: „Труды Комиссіи о Губернскихъ и Уѣздныхъ Учрежденіяхъ“, изъ которыхъ былъ использованъ первый томъ.

8) Дѣла Госуд. Совѣта, Госуд. Канцеляріи, Отдѣленія Дѣлъ Госуд. Секретаря. 1861 г. № 15. О порядкѣ разсмотрѣнія въ Госуд. Совѣтѣ работъ по устройству и преобразованію судебной части въ Россіи.

9) Высочайше учрежденная Комиссія для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части. 1862 г. Дѣла №№ 1 и 2.

10) Дѣла по судебной реформѣ. Дѣло № 1. По проекту устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ. 1860 г.

11) Дѣла Госуд. Совѣта, Департамента Законовъ. 1864 г. №№ 44, 47, 48, ч. I. О преобразованіи въ Имперіи судебной части на началахъ, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 г.

12) Дѣла Госуд. Совѣта, Департамента Законовъ. 1864 г. № 46, ч. II. По проекту устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ.

Сенатскій Архивъ.

1) Всеподданнѣйшіе доклады министра юстиціи.

2) Отчеты по Министерству Юстиціи.

3) Дѣла Министерства Юстиціи. 1859 г. № 6370; 1860 г. № 4892; 1862 г. №№ 5966 и 5967, и 1864 г. № 4202.

Библіотека Государственнаго Совѣта.

„Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи". Печатные матеріалы въ 74 томахъ.

Императорская Публичная Библіотека.

1) Работы о преобразованіи судебной части въ Россіи. Соображенія Государственной Канцеляріи.

2) Работы о преобразованіи судебной части въ Россіи. Б. Матеріалы.

3) Журналы Соедин. Департаментовъ Законовъ и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта.

4) Журналы Общаго Собранія Госуд. Совѣта.

5) Объяснительныя записки къ проектамъ.

6) Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи. М. 1863 г.

7) Журналъ Министерства Юстиціи.

8) С.-Петербургскія Сенатскія Вѣдомости.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ

КЪ

Исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 г.

1857 г.

Іюня 6.—Высочайше повелѣно составленный II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ новаго уст. судопроизв. гражд. и приложенныя къ нему общую объяснительную записку и особыя по нѣкоторымъ вопросамъ записки представить въ Госуд. Совѣтъ для разсмотрѣнія установленнымъ на то порядкомъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. С. Е. И. В. К. О проектѣ нов. уст. судопроизв. гражд. 1848 г. № 162, ч. II, л. 1].

Іюня 8.—II-мъ Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. внесенъ окончательно исправленный проектъ уст. судопроизв. гражд. въ Госуд. Совѣтъ. Разсмотрѣніе этого проекта по Высочайшему повелѣнію возложено на Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ въ усиленномъ ихъ составѣ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 1.—Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—Имп. Публ. Библ. Работы о преобр. судебн. части въ Россіи. Истор. зап. Гос. Канц. объ осн. нач. судоустр. и судопр. гр. и уг. стр. 3 [1])].

Ноября 15, 22, 29, декабря 13; 20, 1858 г.—января 10, 20, 24, февраля 3, 13, 21, 28, марта 5 и 14, мая 9, октября 17 и 31, ноября 14 и 28, декабря 5, 12, 20; 1859 г.—января 9 и 16, февраля 6, 13, 18 и 23, марта 6, 13 и 20, апрѣля 3, мая 1 и 8, сентября 2, 12 и 23. Соед. Деп. Зак. и Гражд. Д. Госуд. Совѣта въ 37 засѣданіяхъ [2]) съ 15 ноября 1857 г.

[1]) Въ запискѣ дата невѣрна (іюля).

[2]) Въ Журналѣ Соед. Деп. о главныхъ началахъ, принятыхъ при разсмотрѣніи проекта новаго уст. гражд. суд., отмѣчено по 8 мая 1859 г.—36 засѣданій [Арх. Гос. Сов., упомянутое дѣло № 50, л.л. 4 и 6], между тѣмъ по точному подсчету по днямъ засѣданій, перечисленныхъ въ „Журналѣ Соед. Деп. по проекту уст. суд. гражд." [тамъ же, тоже дѣло, л.л. 21 и 22] число засѣданій по 8-е мая 1859 г. оказывается 34, а по 23 сентября—37, а не 39, какъ значится въ исторической запискѣ Гос. Канц., откуда перешло и въ другія изданія.

по 23 сентября 1859 г. были разсмотрѣны проекты общаго уст. суд. гражд., а также дополнительныя работы о производствѣ дѣлъ гражданскихъ порядкомъ сокращеннымъ и объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. Въ первомъ засѣданіи признали необходимымъ поручить II-ому Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц., чтобы оно немедленно, и не ожидая окончательнаго утвержденія уст. судопроизв. приступило къ составленію проекта судоустройства, примѣняясь къ основаніямъ, принятымъ для гражданскаго судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г., № 50. Журн. Соед. Деп. о главныхъ началахъ, принятыхъ ими при разсмотрѣніи проекта новаго уст. гражд. суд., л. 22.—И. П. Б. Раб. о преобразованіи судебной части въ Россіи. Сообр. Государ. Канцеляріи. Историч. зап., стр. 3.—Тамъ же. Тотъ же журналъ.—Библ. Гос. Сов. Т. X, I и Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц., объ осн. нач. судоустр. по проектамъ, составл. II Отд. и разсм. Соед. Деп. и по замѣч. доставл. на этотъ проектъ, стр. 2].

Декабря 28.—Въ отчетѣ Министерства Юстиціи за 1857 г. высказано слѣдующее, Высочайше разсмотрѣнное мнѣніе министра: „Изъ числа предположеній объ улучшеніи уголовнаго судопроизводства слѣдовало бы отдѣлить... производство слѣдствій и заняться онымъ преимущественно отдѣльно отъ прочихъ, ибо ощутительный недостатокъ въ твердыхъ, ясныхъ и подробныхъ правилахъ въ семъ отношеніи составляетъ предметъ общихъ, заслуживающихъ уваженія жалобъ". Разсмотрѣно Его Императорскимъ Величествомъ 28 декабря 1857 г. [Сен. Арх. Отчетъ Министерства Юстиціи за 1857 г., л. не обозначенъ].

1858 г.

Мая 14.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. препровожденъ госуд. секретарю для внесенія въ Госуд. Совѣтъ проектъ положенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ порядкомъ сокращеннымъ съ объяснительною къ этому проекту запискою. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 1, отношеніе № 323.—Тамъ же. Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. О проектѣ новаго уст. суд. гражд. 1848 г. къ № 162, ч. II, л. 13].

Іюня 30.—Сенатскій указъ, по Высочайшему повелѣнію.—Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ временной комиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми [1]) [П. С. З., № 33.350].

---

[1]) Въ отчетѣ по Министерству Юстиціи за 1858 г. находимъ слѣдующіе мотивы къ настоящему указу: „Безпрерывно возникавшіе въ столицѣ споры между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми псбудили правительство, для незамедлительнаго разбора дѣлъ сего рода, учредить въ С.-Петербургѣ впредь до преобразованія

Іюля 4.—Высочайшее повелѣніе (Высоч. утвержденный всеподд. докладъ министра внутр. дѣлъ) о началахъ устройства городской полиціи (въ каковые вошли и предположенія о производствѣ слѣдствій). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдств. части отъ полиціи и улучшеніи состава земской полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Ч. I. Учрежденія уѣздныя. Кн. I. Проекты и объясн. записки. 1861 г., стр. 20, 21, 23].

Октябрь.—Высочайше учрежденная особая комиссія (изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ) при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для начертанія проектовъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ составила своды изъ доставленныхъ начальниками губерній отзывовъ [1]) и представила окончательные выводы изъ нихъ. Работа эта, удостоившаяся особаго Высочайшаго одобренія, была представлена въ этомъ мѣсяцѣ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдствен. части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I, стр. 10 и 11].

Ноября 15.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ по Высочайшему повелѣнію препровождена предсѣдателю комиссіи, Высоч. учрежд. для разсмотрѣнія отчета министра юстиціи за 1857 г., записка—„краткое означеніе, относящихся къ судебной части и къ уголовнымъ слѣдствіямъ предположеній II-го Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц., которыя были въ разное время сообщаемы Министерству Юстиціи". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 238].

Декабря 16.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ по Высочайшему повелѣнію препровождена госуд. секретарю для внесенія въ Госуд. Совѣтъ записка главноуправляющаго объ установленіи при гражданскихъ палатахъ и уѣздныхъ судахъ присяжныхъ стряпчихъ, вмѣстѣ съ проектомъ постановленій о семъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. С. Е. И. В. К. О проектѣ новаго уст. суд. гражд. 1848 г. Къ № 162, ч. II, отношеніе № 1901, № листа не обозначенъ.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 232.—Библ. Гос. Сов. т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Собр. Гос. Канц. Истор. зап. объ осн. начал. судоустр. и судопр. гр. и уг., стр. 6].

— Въ отчетѣ Министерства Юстиціи за 1858 г. о дѣятельности Министерства за этотъ годъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

полицейскихъ словесныхъ судовъ, временную комиссію, проектъ положенія коей, составленный Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и юстиціи удостоился Высочайшаго утвержденія въ іюнѣ 1858 г.". [Сен. Арх. Отчетъ по М-ву Юст. за 1858 г., л. 73].

[1]) Въ этой комиссіи и отзывахъ разсматривались вопросы объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи и о мировыхъ посредникахъ, что дало позднѣе матеріалъ для разработки проекта института мировыхъ судей.

„Въ объяснительной запискѣ ко всеподданнѣйшему отчету за 1857 г. министръ юстиціи... упомянулъ о настоятельной потребности отдѣлить отъ уголовнаго судопроизводства по крайней мѣрѣ часть о порядкѣ производства уголовныхъ слѣдствій и заняться ею преимущественно. Вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣно было осуществить это предположеніе, съ тѣмъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ принято было въ соображеніе о назначеніи слѣдственныхъ приставовъ юридически образованныхъ, которые бы употреблялись исключительно для производства слѣдствій. Въ исполненіе упомянутаго Высочайшаго повелѣнія, Министерство Юстиціи сдѣлало распоряженія о составленіи особаго изъ опытныхъ чиновниковъ комитета, коему съ тѣмъ вмѣстѣ указаны главные предметы и основанія преподанныхъ работъ. Въ связи съ пересмотромъ уголовнаго судопроизводства, находится также возникшая въ послѣднее время по Министерству Внутр. Дѣлъ переписка о преобразованіи городской слѣдственной полиціи. По этому предмету Министерство Юстиціи въ 1858 г. требовало отъ губернскихъ прокуроровъ свѣдѣній и соображеній о томъ, что служитъ главною причиною недостаточнаго состоянія городской слѣдственной части и при какомъ устройствѣ полиціи можно ожидать бо̀льшаго успѣха. Доставленные по сему предмету матеріалы приняты въ соображеніе при начертаніи новыхъ правилъ о производствѣ слѣдствій". [Сен. Арх. Отчетъ Министерства Юстиціи за 1858 г., л.л. 97 и и 98.—Журн. Мин. Юст. 1860 г. Т. V. Извлеч. изъ всеод. отчета, стр. 78].

1859 г.

Марта 14.—Государь Императоръ, по выслушаніи въ Совѣтѣ Министровъ журнала комиссіи, Высочайше учрежденной для разсмотрѣнія отчета по Министерству Юстиціи за 1857 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: „Министру юстиціи ускорить доставленіемъ главноуправляющему II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. тѣхъ, приготовляемыхъ въ Министерствѣ, соображеній, которыя необходимы для внесенія въ Госуд. Совѣтъ проекта уголовн. судопроизводства. Для удовлетворительнаго и, по возможности, полнаго обсужденія сего предмета признано было нужнымъ привести въ извѣстность всѣ случаи, по коимъ возбуждались вопросы о недостаточности дѣйствующаго положенія о порядкѣ производства слѣдствій и, въ особенности, принять въ соображеніе донесенія губернскихъ прокуроровъ о несовершенствѣ городской слѣдственной части, которыя получаются въ Министерствѣ по поводу возникшаго еще прежде законодательнаго вопроса. Собранные матеріалы, коимъ составленъ сводъ, убѣдили въ необходимости поручить предстоящую работу должностнымъ лицамъ, спеціально занимающимся производствомъ изслѣдованія и потому нынѣ учрежденъ при Министерствѣ Юстиціи особый комитетъ, дѣйствія котораго имѣютъ быть открыты немедленно по прибытіи назначенныхъ

членами губернскихъ чиновниковъ". [Сен. Арх. Отчетъ Министерства Юстиціи за 1859 г. Записка о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ Мин-вомъ Юст. во исполненіе Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ 1859 г. по разсмотрѣніи отчета сего Министерства за 1857 г., л.л. 1, 6 и обр.].

Марта 25.—Высочайшимъ повелѣніемъ отъ этого числа положены въ основаніе новаго учрежденія уѣзднаго управленія, слѣдующія главныя начала [1]):... 3) отдѣленіе отъ полиціи слѣдственныхъ дѣлъ, съ учрежденіемъ особыхъ слѣдственныхъ чиновниковъ; 4) отдѣленіе, по возможности, отъ полиціи судебныхъ дѣлъ;... 6) точное опредѣленіе случаевъ, когда уѣздная полицейская власть должна пользоваться особыми правами и полномочіемъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 7) предоставленіе хозяйственному управленію въ уѣздѣ бо́льшей самостоятельности и бо́льшаго довѣрія; 8) образованіе, для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, особыхъ мировыхъ учрежденій.—Начертаніе проектовъ, согласно съ таковыми коренными основаніями, по Высочайшему соизволенію, возложено было на особую комиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, наиболѣе опытныхъ губернаторовъ и лицъ губернскаго и уѣзднаго управленій.—При этомъ повелѣно было: 1) проекты объ устройствѣ уѣздной полиціи и инструкціи полицейскимъ и слѣдственнымъ чиновникамъ, по части слѣдственной и уголовной, по изготовленіи оныхъ, представить въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, для предварительнаго разсмотрѣнія, сперва въ учрежденной при Комитетѣ комиссіи, а потомъ въ Главномъ Комитетѣ, и внесенія затѣмъ уже въ Госуд. Совѣтъ, и 2) проектъ положенія о мировыхъ судьяхъ и уѣздныхъ присутствіяхъ сообщить въ учрежденныя, для начертанія общаго крестьянскаго положенія редакціонныя комиссіи, для соглашенія сего проекта съ общимъ устройствомъ сельскихъ обществъ и для внесенія, вмѣстѣ съ прочими работами сихъ комиссій, въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 7 и 8.—Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Истор. зап. объ осн. нач. судоустр. и судопр. гр. и уг., стр. 5].

Марта 27.—Высочайше учреждена особая комиссія при Министерствѣ Вн. Дѣлъ для начертанія проектовъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. (Въ эти проекты входило и учрежденіе слѣдственной части). Предсѣдательствующимъ назначенъ за товарища мин. вн. д., д. ст. с. Н. А. Милютинъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, стр. 315].

---

[1]) Высочайшее утвержденіе журнала Главн. Комитета по крестьянск. дѣлу по этому предмету состоялось 22 того же марта [Арх. Гос. Сов. Журналы Главн. Комит. по кр. д. 1859 г., кн. 4, л.л. 171 и 225], сообщено же предсѣдателемъ Гос. Сов. мин. вн. д. въ отношеніи отъ 25 марта № 300, каковымъ числомъ это повелѣніе и вошло во всѣ изданія. [Арх. Гос. Сов. Главн. Комит. по кр. дѣлу. Устройство уѣзднаго и полицейскаго управленія. Т. 20, дѣло № 23, I, л. 350].

Апрѣля 19.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ препровожденъ госуд. секретарю для внесенія въ Госуд. Совѣтъ проектъ правилъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ съ объяснительною къ нему запискою. („Сіи правила долженствуютъ составить осьмой и послѣдній раздѣлъ новаго уст. суд. гражд."). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 335].

Мая 19.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. препровождены госуд. секретарю „для свѣдѣнія и дальнѣйшаго по усмотрѣнію движенія" статьи о судопроизводствѣ по дѣламъ казны и другихъ особыхъ 16-ти родахъ судопроизводствъ, составленныя во II-мъ Отдѣл. въ дополненіе къ проекту уст. суд. гражд.,—„если сіе будетъ признано нужнымъ". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 279].

Май.—Всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудова, въ которомъ представлены предположенія объ изданіи новаго уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 595 [1])].

Сентября 23.—Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта окончено разсмотрѣніе проектовъ общаго уст. суд. гражд., а также дополнительныхъ работъ о производствѣ дѣлъ гражданскихъ порядкомъ сокращеннымъ и объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. (См. дату отъ 15 ноября 1857 г.). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50. Журн. Соед. Деп. о главн. началахъ, принятыхъ ими при разсмотрѣніи проекта нов. уст. гр. суд., л. 22. — Библ. Гос. Сов. Т. X, I.—И. П. Б. Тотъ же журналъ].

Октябрь.—Работы Соед. Деп. Госуд. Совѣта по разсмотрѣнію внесенныхъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. проектовъ новаго уст. суд. гр. и положенія о присяжныхъ повѣренныхъ были представлены предсѣдателемъ Гос. Совѣта (кн. Орловымъ) на Высочайшее благоусмотрѣніе. Проектъ этотъ исправленный по заключеніямъ Соед. Деп. препровожденъ ко всѣмъ членамъ Госуд. Сов. для сообщенія ихъ замѣчаній. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50. Журн. Соед. Деп. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. г. № 48 (осн. нач. нов. судоустр.), л. 411.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 6.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап., стр. 6.—Тамъ же. Тѣ же журналы].

Октября 27.—Высочайше повелѣно [2]), по докладу предсѣдателя Гос. Совѣта (кн. Орлова): А) предоставить II-му Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. при-

---

[1]) Здѣсь только упоминается о существованіи такого доклада, нами не розысканнаго.

[2]) Въ Ист. зап. Гос. Канц., стр. 6 и 9, это Высочайшее повелѣніе отмѣчено датою 21 октября, откуда, вѣроятно, перешло и въ другія изданія.

ступить немедленно и не ожидая окончательнаго утвержденія проекта уст. суд. гр. къ составленію проекта судоустройства, примѣняясь къ основаніямъ, принятымъ Соед. Департаментами въ проектѣ уст. судопроизводства; В) при составленіи во II-мъ Отдѣл. проекта о судоустройствѣ обратить вниманіе и обсудить имѣющіяся въ виду Гос. Совѣта предположенія: 1) объ увеличеніи числа членовъ судебныхъ мѣстъ и объ уменьшеніи состава канцеляріи оныхъ; 2) о соединеніи магистратовъ, ратушъ и надворныхъ судовъ съ уѣздными судами, а палатъ гражданскихъ съ уголовными; 3) о назначеніи предсѣдателей судовъ не по выборамъ, а отъ правительства; 4) объ учрежденіи судебныхъ исполнительныхъ приставовъ; 5) о назначеніи особыхъ прокуроровъ и стряпчихъ лри каждомъ судебномъ мѣстѣ; 6) объ изъятіи нотаріальной части изъ вѣдомства мѣстъ судебныхъ и т. п.; С) предоставить II-му Отдѣл., начертавъ главныя основанія будущаго устройства и преобразованія судебныхъ у насъ учрежденій, сообщить оныя на предварительное заключеніе министра юстиціи. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50. Журн. Гос. Сов. Соед. Деп. 2 іюня 1861 г. № 48 (осн. нач. нов. судоустр.), л. л. 411 и обр.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 6—И. П. Б. Тотъ же журналъ].

Ноября 12.—Всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудова о преобразованіи устройства судебныхъ мѣстъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 625 [1])].

Ноября 14.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ препровождена по Высочайшему повелѣнію министру юстиціи для замѣчаній копія всеподданнѣйшей докладной записки гр. Блудова о главныхъ основаніяхъ новаго устройства судебныхъ мѣстъ съ обозначеніемъ сдѣланныхъ на подлинникѣ отмѣтокъ Государя Императора, а также и оглавленіе проекта положенія о судоустройствѣ. На подлинной запискѣ Высочайшая резолюція (карандашомъ): „Съ главными началами Я согласенъ". [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 6370, отнош. № 821, л. л. 1 и 2].

Ноября 17.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ препровожденъ министру юстиціи для замѣчаній проектъ главныхъ основныхъ правилъ новаго устройства судебныхъ мѣстъ. [Сен. Арх., то же дѣло, отнош. № 839, л. л. 94 и 95].

Декабря 4.— Министромъ юстиціи гр. Панинымъ препровождены главноуправляющему II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. соображенія по всеподданнѣйшей запискѣ гр. Блудова о главныхъ началахъ новаго судо-

[1]) Здѣсь только упоминается о существованіи такого доклада.

устройства и по проекту положенія объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 6370, отнош. № 20750, л. 105].

Декабря 10.—Всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудова о преобразованіи устройства судебныхъ мѣстъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 625 [1])].

Декабрь.—Всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудова, въ которомъ представлены предположенія объ изданіи новаго уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, стр. 595 [2])].

.— Въ отчетахъ Министерства Юстиціи за 1859 и 1860 г. г. о дѣятельности Министерства въ 1859 г., между прочимъ, говорится слѣдующее: „Въ объяснительной запискѣ о дѣйствіяхъ по Министерству Юстиціи въ 1857 году была... заявлена мысль о необходимости изъ числа предположеній объ улучшеніи уголовнаго судопроизводства отдѣлить производство слѣдствій и заняться онымъ преимущественно, отдѣльно отъ прочихъ, т. к. ощутительный недостатокъ въ твердыхъ, ясныхъ и подробныхъ правилахъ въ семъ отношеніи составляетъ предметъ общихъ, заслуживающихъ уваженія жалобъ. Таковое предположеніе было удостоено Высочайшаго одобренія, и во исполненіе таковой Высочайшей воли былъ немедленно образованъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи особый комитетъ, на обязанность котораго было возложено, по сношеніи съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ, разрѣшить вопросы: а) должны ли быть предварительныя слѣдствія и если должны быть, то чѣмъ они отличаются отъ судебныхъ? б) какъ должна дѣйствовать мѣстная полиція до прибытія слѣдователей и в) какими мѣрами можно удобнѣе достигнуть изобличенія преступниковъ, огражденія невинныхъ и повѣрки за незамедлительнымъ ходомъ дѣйствій? По окончаніи комитетомъ указанныхъ ему занятій, журналъ онаго былъ препровожденъ на заключеніе Министерства Внутр. Дѣлъ, въ которомъ сосредоточены всѣ работы по улучшенію слѣдственной полицейской части". „Министръ внутр. дѣлъ, получивъ соображенія Министерства Юстиціи, 23 декабря 1859 г. отозвался, что какъ труды Высочайше утвержд. при ввѣренномъ ему Министерствѣ комиссіи по общему устройству уѣздной полиціи и особому учрежденію слѣдственныхъ приставовъ приходятъ къ концу и что по совершенномъ окончаніи оныхъ, онъ дастъ общее свое заключеніе по сему предмету и особенно по организаціи слѣдственной части". „Работы Министерства Юстиціи въ 1859 г. (по проекту уст. гр. суд.) заключались въ представленіи

[1]) Здѣсь только упоминается о существованіи такого доклада, нами не розысканнаго.
[2]) Здѣсь только упоминается о существованіи такого доклада, нами не розысканнаго.

Госуд. Совѣту окончательныхъ своихъ замѣчаній и соображеній на сей проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ измѣненъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта". [Сен. Арх. Отчетъ Министерства Юстиціи за 1859 г., л. л. 158—160. — Журн. Мин. Юст. 1861 г. Т. IX. Изъ всепод. отч. по Мин. Юст. за 1859 г., стр. 15 и 16.—Сен. Арх. Отчетъ Мин. Юст. за 1860 г., л. л. 118 обр. и 119.—Журн. Мин. Юст. 1862 г. Мартъ. Т. XI. Изъ всепод. отч. по Мин. Юст. за 1860 г., стр. 80.—Сен. Арх. Отчетъ Мин. Юст. за 1859 г., л. 141].

Въ концѣ 1859 г.—Исправленный, по заключеніямъ Соед. Деп. Гос. Совѣта. проектъ уст. суд. гр., а также дополнительныя работы о производствѣ дѣлъ гражданскихъ порядкомъ сокращеннымъ и объ исполненіи судебныхъ рѣшеній разосланы по Высочайшему повелѣнію ко всѣмъ членамъ Госуд. Совѣта для сообщенія ихъ замѣчаній. [Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Собр. Гос. Канц. Истор. зап. объ осн. нач. судоустр. и судопр. гр. и уг., стр. 3].

1860 г.

Января 21.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ, составленный во II Отдѣл. проектъ положенія объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, послѣ представленія Государю Императору, вторично препровожденъ министру юстиціи гр. Панину для замѣчаній [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 6370, отнош. № 62, л. 165].

Февраля 2.—Министромъ юстиціи гр. Панинымъ препровождены (вторично) замѣчанія на проектъ положенія объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ. [Сен. Арх., то же дѣло, отнош. № 1807, л. 175].

Февраля 17.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собст. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ препровождены госуд. секретарю два проекта правилъ съ объяснительными къ нимъ записками, о порядкѣ производства спорныхъ гражданскихъ дѣлъ и о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству судовъ мировыхъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак 1859 г. № 50, л. 280].

Февраля 18.—Высочайшій указъ Пр. Сенату о назначеніи министра юстиціи ст.-секретаря гр. Панина предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, состоящихъ при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу съ временнымъ освобожденіемъ отъ управленія Министерствомъ, и о вступленіи въ управленіе симъ Министерствомъ товарищу министра, т. с. сенатору Замятнину.

Марта 23.—Комиссіею о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ переданъ въ редакціонныя комиссіи составленный ею проектъ (при объяснительной

запискѣ) объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между крестьянами и помѣщиками. (См. въ настоящемъ перечнѣ дату „октябрь 1858 г.“ и примѣчаніе). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 8].

Апрѣля 14.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Блудовымъ препровождены къ госуд. секретарю Буткову для внесенія въ Госуд. Совѣтъ, составленные вновь во II-мъ Отдѣленіи нижеслѣдующіе проекты и соображенія:

1) проектъ положенія о порядкѣ производства взысканій по безспорнымъ актамъ объ обязательствахъ, съ объяснительною запискою, 2) проектъ правилъ о порядкѣ производства спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ, съ объяснительною запискою, 3) проектъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству судовъ мировыхъ, съ объяснительною запискою, (проектъ этотъ былъ приготовленъ во II-мъ Отдѣл. на основаніи предположеній гр. Блудова, Высочайше одобренныхъ), 4) проектъ положенія о судоустройствѣ съ общею объяснительною запискою и двумя къ оной приложеніями, и 5) соображенія министра юстиціи по первоначальной редакціи сего послѣдняго проекта (въ копіи). Когда проектъ положенія о судоустройствѣ былъ внесенъ въ Госуд. Совѣтъ (т. е. 14 сего апрѣля), то Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ, не разсматривавшіе еще въ то время, ни проекта о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ судахъ, ни проекта новаго уст. уг. суд., признали необходимымъ, для ускоренія всей работы указать только предварительно главныя основанія новаго судоустройства. Затѣмъ, по заключенію Соед. Деп. о дальнѣйшемъ ходѣ работъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы, не приступая къ окончательному разсмотрѣнію всѣхъ предначертанныхъ II-мъ Отдѣл. уставовъ и положеній, касающихся перемѣнъ въ устройствѣ судебной части въ Имперіи, обсуждены были основныя начала судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и судоустройства въ общей ихъ совокупности и связи. Составленіе записки обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части, возложено на Госуд. Канцелярію. Проектъ положенія о судоустройствѣ, составленный во II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц., по полученіи мнѣнія министра юстиціи на сообщенныя ему II-мъ же Отдѣл. главныя основанія судоустройства, былъ препровожденъ къ управляющему Министерствомъ Юстиціи, который доставилъ, какъ свои замѣчанія на этотъ проектъ, такъ и соображенія, полученныя имъ отъ другихъ лицъ, извѣстныхъ своими практическими свѣдѣніями по судебной части.

Изъ полученныхъ такимъ образомъ замѣчаній составленъ въ Госуд. Канц. подробный сводъ, какъ общихъ замѣчаній о главныхъ

началахъ судоустройства, такъ и отдѣльныхъ замѣчаній на самыя статьи, составленнаго во II-мъ Отдѣл. проекта. Вообще, для разсмотрѣнія новыхъ дополнительныхъ проектовъ, представленныхъ гр. Блудовымъ въ 1860 и 1861 г. г., былъ принятъ упомянутый порядокъ, т. е. проекты эти отсылались, прежде всего, къ министру юстиціи для истребованія практическихъ замѣчаній отъ разныхъ лицъ, служащихъ по судебному вѣдомству; по полученіи мнѣнія Министерства и доставленныхъ имъ замѣчаній, изъ нихъ составлялись подробные своды (въ Госуд. Канцеляріи), для представленія на обсужденіе Соед. Департаментовъ. Относительно исправленнаго по заключеніямъ Соед. Деп. проекта уст. суд. гр. въ 1859 г. (см. послѣдній пунктъ въ перечнѣ того года) имѣется слѣдующее указаніе: составленный изъ полученныхъ замѣчаній сводъ, былъ представленъ во исполненіе Высочайшей воли на предварительное разсмотрѣніе Соед. Деп. съ приглашеніемъ тѣхъ же, не принадлежащихъ къ симъ Департаментамъ, членовъ, кои занимались разсмотрѣніемъ проекта уст. суд. гражданскаго. .

[Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 281.— Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I. — И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап., стр. 2, 4, 5 и 7.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV. №№ 1 и 6.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 48.—Тамъ же. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 62, стр. 1].

Апрѣля 30.—Комиссіею, образованной при Министерствѣ Внутр. Дѣлъ для начертанія проектовъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій представлены въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу проекты, съ объяснительною запискою (въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1859 г.), въ томъ числѣ „проектъ учрежденія слѣдственныхъ судей“ (т. е. объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи). Тогда же этотъ проектъ былъ внесенъ министромъ внутр. дѣлъ въ Госуд. Совѣтъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 7 и 8. — Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I. — И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап., стр. 5].

Мая 4, 6, 7 и 14, октября 24. Засѣданія [1]) Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ происходило подробное обсужденіе общихъ замѣчаній (чле-

---

[1]) Всего съ 4 мая 1860 г. по 5 Іюня 1861 г. было четырнадцать засѣданій Соед. Деп., въ которыхъ были разсмотрѣны общія замѣчанія на проектъ и на главныя начала судопроизводства гражданскаго (сводъ замѣчаній, ч. I), частныя замѣчанія на отдѣльныя статьи проекта уст. суд. гр. (сводъ замѣчаній, ч. II) и, какъ общія, такъ и частныя замѣчанія на проектъ и отдѣльныя статьи положенія о присяжныхъ повѣренныхъ (сводъ замѣчаній, ч. III); здѣсь засѣданія перечисляются согласно такому распредѣленію на три группы.

новъ Госуд. Совѣта и полученныхъ отъ министра юстиціи отъ служащихъ въ вѣдомствѣ практиковъ) на проектъ и на главныя начала судопроизводства гражданскаго. (Сводъ замѣчаній, ч. I). [Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 1.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г.г. № 62].

Мая 16.—Высочайше повелѣно разсмотрѣніе заключающихся въ проектахъ, составленныхъ учрежденною при Министерствѣ Внутр. Дѣлъ комиссіею, предположеній, относящихся до отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи, а также и другихъ, кои по указаніямъ Е. В. будутъ необходимы для улучшенія теперешней уѣздной полиціи, возложить на Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта, въ томъ составѣ ихъ, который опредѣленъ для разсмотрѣнія предположеній, относящихся до устройства и преобразованія судебной и слѣдственной частей вообще, пригласивъ въ Соед. Деп. для обсужденія предположеній, касающихся устройства уѣздной полиціи при предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта и членовъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу... Соединенному такимъ образомъ присутствію Деп. Госуд. Совѣта и Главнаго Комитета замѣчанія свои по предметамъ устройства уѣздной полиціи, передаваемымъ на его обсужденіе, внести установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія Госуд. Совѣта такъ, чтобы дѣло сіе въ Общемъ Собраніи было непремѣнно кончено до вакантнаго въ этомъ году времени. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отдѣленія Законовъ. 1860 г. № 1. О преобразованіи уѣздной полиціи, л. л. 3 обр. и 4, 5 обр. и 6].

Мая 19, 23, 24, 25 и 26. — Разсмотрѣніе Соед. Деп. Госуд. Совѣта въ проектахъ, составленныхъ учрежденною при Министерствѣ Внутрен. Дѣлъ комиссіею, предположеній, относящихся до отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи и улучшенія состава земской полиціи. При этомъ разсмотрѣніи, между прочимъ, названіе, предлагаемое проектомъ, „слѣдственныхъ судей“ замѣнено названіемъ „судебныхъ слѣдователей“. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Приложеніе. Труды комиссіи и т. д., ч. I, кн. I. 1861 г., стр. 35 и 38 черн. или 1 и 7 печ.].

Іюня 2.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. внесены въ Госуд. Совѣтъ первые три раздѣла проекта общаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ, съ объяснительною ко всему проекту запискою (въ этихъ раздѣлахъ проекта помѣщены положенія общія и постановленія, какъ о порядкѣ производства слѣдствій, такъ и о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, о случаяхъ отмѣны окончательныхъ по симъ дѣламъ приговоровъ и о порядкѣ исполненія приговоровъ). [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 1, отнош. № 383.—Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап., стр. 5 и 6, 114 и 115].

Іюня 6.—Общимъ Собраніемъ Госуд. Совѣта разсмотрѣны проекты — учрежденія судебныхъ слѣдователей, наказа симъ чиновникамъ, наказа полиціи о производствѣ дознаній по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ и указа Пр. Сенату о главныхъ основаніяхъ отдѣленія слѣдственнной части отъ полиціи и улучшенія состава земской полиціи. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. 1860 г. № 41. Журн. Общ. Собр. Гос. Сов., стр. 43 и обр].

Іюня 8.—Высочайше утвержденное Учрежденіе Судебныхъ Слѣдователей. [П. С. З., № 35.890].

Іюня 8.—Высочайше утвержденный Наказъ Судебнымъ Слѣдователямъ. [П. С. З., № 35.891].

Іюня 8.—Высочайше утвержденнный Наказъ полиціи о производствѣ дознанія по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ. [П. С. З., № 35.892].

Іюня 9.—Министръ внутр. дѣлъ, вмѣстѣ съ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, внесли, въ исполненіе особаго Высочайшаго повелѣнія, въ Госуд. Совѣтъ представленіе о соединеніи магистратовъ и ратушъ съ уѣздными судами. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, журн. Гос. Сов. отъ 2 іюня 1861 г. № 48, л. 411 обр.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 6 и Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц., стр. 23[1]).—Тамъ же. Тотъ же журналъ].

Августа 20.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. препровожденъ госуд. секретарю въ Госуд. Совѣтъ въ дополненіе къ разсмотрѣнному въ Соед. Деп. проекту уст. суд. гр. и внесеннымъ впослѣдствіи дополнительнымъ къ нему проектамъ, вновь составленный проектъ о примирительномъ разбирательствѣ, съ объяснительною къ нему запискою и двумя приложеніями. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 353, отнош. № 663].

Августа 23.—Высочайше утвержденный проектъ положенія о временной комиссіи для словесной расправы между нанимателями или рядчиками и рабочими или мастеровыми въ Москвѣ (Ср. дату 30 іюня 1858 г. и примѣчаніе). [П. С. З., № 36.104].

Сентября 20.—Составлены замѣчанія управляющаго Министерствомъ Юстиціи на проектъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству судовъ мировыхъ. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 4892].

---

[1]) Въ „Соображеніяхъ“ дата невѣрна (іюля).

Октября 24.—Засѣданіе Госуд. Совѣта въ Соед. Деп., въ которыхъ закончилось подробное обсужденіе общихъ замѣчаній (членовъ Госуд. Совѣта и полученныхъ отъ министра юстиціи отъ служащихъ въ вѣдомствѣ практиковъ) на проектъ и на главныя начала судопроизводства гражданскаго. (См. дату, мая 4 и пр. этого же года). [Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 1.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 62].

Октябрь.—Соед. Деп. Госуд. Совѣта, разсмотрѣвъ правила объ отвѣтственности лицъ судебнаго вѣдомства, опредѣлили отложить окончательное ихъ соображеніе до разсмотрѣнія тѣхъ статей проекта о судоустройствѣ, кои относятся до дисциплинарныхъ въ судѣ наказаній. [Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап., стр. 66].

1861 г.

Марта 16.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. препровожденъ госуд. секретарю, для внесенія въ Госуд. Совѣтъ, послѣдній изъ дополнительныхъ проектовъ къ находившемуся на разсмотрѣніи Госуд. Совѣта уст. суд. гр., именно проектъ раздѣла XI устава—„о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 356].

Марта 31, апрѣля 7, 10, 14, 28, мая 5 и іюня 2.—Засѣданія Соед. Деп. Гос. Совѣта, въ которыхъ происходило подробное обсужденіе частныхъ замѣчаній (членовъ Госуд. Совѣта и полученныхъ отъ министра юстиціи отъ служащихъ въ вѣдомствѣ практиковъ) на отдѣльныя статьи проекта уст. суд. гр. (Сводъ замѣчаній, ч. II. См. дату мая 4 и пр. этого же года и примѣчаніе). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 361.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 2.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. г. № 44].

Апрѣля 7.—Министромъ иностр. дѣлъ кн. Горчаковымъ препровожденъ госуд. секретарю отзывъ о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ изложеніи статей въ уст. суд. гр. по дѣламъ иностранцевъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. л. 415—423, отнош. № 2572].

Апрѣля 12.—Министромъ финансовъ Княжевичемъ препровожденъ госуд. секретарю отзывъ относительно отмѣны узаконеннаго третейскаго суда и предоставленія дѣлъ по спорамъ и привилегіямъ вѣдомству уѣздныхъ судовъ. (Въ этомъ отзывѣ выражено согласіе съ предположеніями госуд. секретаря). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 424, отнош. № 942].

Апрѣля 17.—Главнымъ управленіемъ цензуры препровожденъ госуд. секретарю отзывъ относительно судопроизводства по дѣламъ, касающимся правъ собственности на произведенія литературныя и музыкальныя. (Въ этомъ отзывѣ выражено согласіе съ предположеніями госуд. секретаря). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 425, отношеніе № 592].

Мая 5 и іюня 5.—Два засѣданія Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ происходило подробное обсужденіе, какъ общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ (членами Госуд. Совѣта и полученныхъ отъ министра юстиціи отъ служащихъ въ вѣдомствѣ практиковъ) на проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и частныхъ замѣчаній на отдѣльныя статьи означеннаго проекта. (Сводъ замѣчаній, ч. III; см. даты, мая 4 и примѣчаніе—1860 г. и марта 31—1861 г.). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 393.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 3.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г.г. № 45].

Мая 16.—Об.-прокуроромъ Св. Синода препровождены госуд. секретарю соображенія и замѣчанія Св. Синода на статьи раздѣла XI проекта уст. суд. гр.—о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 433, отнош. № 2916].

Мая 19 и іюня 5.—Два засѣданія Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ разсматривался представленный главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ раздѣла X-го уст. суд. гр., о примирительномъ разбирательствѣ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, журн. Соед. Деп. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 46, л. 402.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 4.—И. П. Б. Тотъ же журналъ].

Мая 19.—Министромъ внутр. дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на составленный II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 451, отнош. № 1381].

Мая 25.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ разсматривался проектъ о порядкѣ производства взысканій по актамъ безспорнымъ о обязательствахъ и о примирительномъ разбирательствѣ,—составленный во II-мъ Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц., затѣмъ препровожденный управляющему Министерствомъ Юстиціи, который доставилъ, какъ свои замѣчанія на этотъ проектъ, такъ и соображенія, полученныя имъ отъ другихъ лицъ, извѣстныхъ по Министерству Юстиціи своею практическою опытностью. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, журн. Соед. Деп., л. 408.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 5 и Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр.

1860 и 1861 г. № 47. — Тамъ же. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Истор. зап., стр. 4].

Іюня 2.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось подробное обсужденіе частныхъ замѣчаній (членовъ Госуд. Совѣта и полученныхъ отъ Министерства Юстиціи отъ служащихъ въ вѣдомствѣ практиковъ) на отдѣльныя статьи проекта уст. суд. гр. (Сводъ замѣчаній, ч. II; см. даты, мая 4 и примѣчаніе—1860 г., марта 31 и мая 5—1861 г.). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 361.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 2.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 44].

Іюня 2. — Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ разсматривался проектъ новаго уст. судоустройства и сдѣланныя на него замѣчанія. Соед. Деп. признали необходимымъ для ускоренія всей работы указать предварительно главныя основанія новаго судоустройства и положили предоставить Госуд. Канцеляріи, при содѣйствіи чиновъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и Министерства Юстиціи, сообразивъ всѣ сдѣланныя на проектъ судоустройства замѣчанія, какъ общія, такъ и отдѣльныя на самыя статьи проекта, и собравъ всѣ необходимыя для сей работы свѣдѣнія, согласовать, подъ руководствомъ предсѣдателя Департамента Законовъ Госуд. Совѣта, съ указанными здѣсь главными основаніями, проектъ положенія о судоустройствѣ въ Россіи и, по предварительномъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, представить его на разсмотрѣніе Соед. Департаментовъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, журн. Соед. Деп., л. 411.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 6.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 48].

Іюня 5. — Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось подробное обсужденіе какъ общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ (членами Госуд. Совѣта и полученныхъ отъ министра юстиціи отъ служащихъ въ вѣдомствѣ практиковъ) на проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и частныхъ замѣчаній на отдѣльныя статьи означеннаго проекта. (Сводъ замѣчаній, ч. III; см. даты, мая 4 и примѣчаніе—1860 г., марта 31 и мая 5—1861 г.).—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось разсмотрѣніе представленнаго главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. проекта раздѣла X уст. суд. гр. о примирительномъ разбирательствѣ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 393.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 3 и Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 45. — Тамъ же. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. объ основныхъ началахъ судоустройства, стр. 59.—Библ. Гос. Сов. Т. XIV, № 4.—И. П. Б. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. суд. гр. 1860 и 1861 г. № 46].

Іюня 19. — Министромъ государственныхъ имуществъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на составленный II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц.

проектъ XI раздѣла уст. суд. гр. по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 455, отношеніе № 629].

Іюня 20. — Госуд. секретарь Бутковъ увѣдомилъ управляющаго Министерствомъ Юстиціи, что составленіе предварительныхъ работъ по выработкѣ проекта новаго положенія о судоустройствѣ поручено имъ испр. должн. ст.-секретаря Деп. Законовъ д. ст. с. Зарудному (какъ чину Министерства Юстиціи). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л.л. 700—702, отнош. № 1097].

Іюня 28. — Министромъ Императорскаго Двора препровождено госуд. секретарю заключеніе на составленный II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ XI раздѣла уст. суд. гр., — по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ; въ заключеніи этомъ выражено согласіе съ постановленіями, касающимися дѣлъ удѣльнаго и дворцоваго вѣдомствъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 468, отнош. № 207].

Іюля 14.—Высочайшее утвержденіе штата временнаго стола при департаментѣ Министерства Юстиціи для завѣдыванія дѣлами по преобразованію слѣдственной части [П. С. З., № 37.242].

Октября 6.—Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи доставлены госуд. секретарю замѣчанія должностныхъ лицъ Министерства Юстиціи на проектъ новаго уст. уг. судопроизводства. (Замѣчанія эти сведены въ одну записку). [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 473].

Октября 8.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. внесены въ Госуд. Совѣтъ IV, V и VI раздѣлы проекта общаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ; въ нихъ помѣщены положенія общія и постановленія какъ о порядкѣ производства слѣдствій, такъ и о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, о случаяхъ отмѣны окончательныхъ по симъ дѣламъ приговоровъ и о порядкѣ исполненія приговоровъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 391, отнош. № 737.—Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап., стр. 5 и 6, 114 и 115].

Октября 11.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю замѣчанія на составленный II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ XI раздѣла уст. суд. гр., по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 470, отнош. № 17890].

Октября 13.—Главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій препровождены госуд. секретарю замѣчанія на составленный II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ XI раздѣла уст. суд. гр., по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 474, отнош. № 1089].

Октября 19.—Всеподданнѣйшій докладъ гр. Блудова (предсѣдательствовавшаго въ Госуд. Совѣтѣ), представленный послѣ предварительныхъ совѣщаній его съ госуд. секретаремъ Бутковымъ о порядкѣ разсмотрѣнія въ Госуд. Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія. Докладъ этотъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: „Означеніе составленныхъ и приготовляемыхъ во II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. проектовъ, уставовъ и положеній о преобразованіи судебной части въ Имперіи (внесенныхъ въ Госуд. Совѣтъ и уже разсмотрѣнныхъ въ Соед. Деп. и приготовленныхъ къ внесенію)". На докладѣ кромѣ подписи гр. Блудова его же рукою сдѣлана отмѣтка: „Представлена Е. И. В. въ Царскомъ Селѣ 19 октября 1861 г. Возвращена отъ Государя Императора 23 того же мѣсяца". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 496. — Тамъ же. Дѣла Отдѣленія Дѣлъ Госуд. Секретаря. 1861 г. № 15, л. 1, докладъ гр. Блудова].

Октября 22.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. препровождены об.-прокурору Св. Синода проектъ новаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ и общая объяснительная къ нему записка для дачи заключеній о тѣхъ постановленіяхъ проекта, которыя касаются духовенства православнаго вѣроисповѣданія. [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 654, отнош. № 784.—Библ. Гос. Сов. Т. XV, ст. 2.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Россіи. Б. Матеріалы; ст. 2 по описи, стр. 1].

Октября 23.—Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада гр. Блудова (предсѣдательствовавшаго въ Госуд. Совѣтѣ), представленнаго послѣ предварительныхъ совѣщаній его съ госуд. секретаремъ т. с. Бутковымъ, отъ 19 октября того же года — о порядкѣ окончательнаго разсмотрѣнія проектовъ, составленныхъ II-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канц. (Сюда вошли предположенія объ извлеченіи основныхъ началъ изъ всѣхъ представленныхъ до того времени проектовъ, прикомандированіи къ Госуд. Канц. чиновъ II-го Отд. и извѣстныхъ юристовъ, „коихъ замѣчанія не только на основаніяхъ науки, но и на практикѣ основанныя, могутъ быть... весьма полезны". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отдѣленія Дѣлъ Гос. Секретаря. 1861 г. № 15, л. 1, докладъ гр. Блудова].

Октября 26.—Записка гр. Блудова, въ которой изложено Высочайшее повелѣніе о порядкѣ составленія основныхъ началъ, а именно: „Государь Императоръ, разсмотрѣвъ представленныя Е. В. свѣдѣнія о настоящемъ положеніи въ Госуд. Совѣтѣ всѣхъ работъ по предполагаемымъ измѣненіямъ въ порядкѣ судопроизводства и въ общемъ устройствѣ судебной части въ Имперіи и признавая необходимымъ принять всѣ возможныя мѣры къ скорому и правильному ихъ окончанію, изволилъ найти, что прежде внесенія въ Общее Собраніе Госуд. Совѣта всѣхъ предначертанныхъ II Отдѣл. С. Е. И. В. Канц. положеній и уставовъ, касающихся перемѣнъ въ порядкѣ судопроизводства и въ устройствѣ судебной части въ Имперіи, было бы полезно обсудить и разрѣшить главныя, основныя

ихъ начала. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть: 1) Предоставить Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта въ усиленномъ ихъ составѣ, гдѣ нынѣ разсматриваются всѣ вообще правила по устройству судебной части въ Имперіи, составить и внести въ Общее Собраніе Госуд. Совѣта общую записку обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части, такъ, чтобы сія записка обнимала въ возможной полнотѣ и ясности всѣ многоразличные предметы, къ сей части принадлежащіе, именно: 1, судоустройство; 2, судопроизводство гражданское; 3, судопроизводство уголовное, и наконецъ, 4, нужныя временныя мѣры для перхода отъ порядка нынѣ существующаго къ предполагаемому новому; 2) составленіе сей записки предоставить занимавшимся производствомъ сего дѣла въ Госуд. Совѣтѣ чиновникамъ Госуд. Канцеляріи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ госуд. секретаря и подъ высшимъ наблюденіемъ ст.-секретаря д. т. с. гр. Блудова, какъ предсѣдательствующаго въ Соед. Деп. Зак. и Гражд., разсматривавшихъ доселѣ всѣ касающіеся устройства части судебной проекты; 3) сію записку, по внесеніи оной въ Соед. Деп. и потомъ въ Общее Собраніе Госуд. Совѣта, и послѣ подробнаго оной разсмотрѣнія, вмѣстѣ съ имѣющими быть о томъ разсужденіями и заключеніями, представить на Высочайшее благоусмотрѣніе Е. И. В. установленнымъ порядкомъ; 4) по разсмотрѣніи въ Общемъ Собраніи Госуд. Совѣта всѣхъ основныхъ началъ предполагаемаго новаго устройства судебной части, приступить къ окончательной редакціи самыхъ проектовъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц., съ тѣми исправленіями, дополненіями и вообще перемѣнами, которыя будутъ признаны нужными, вслѣдствіе принятыхъ уже и удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія началъ; 5) сіе окончательное исправленіе редакціи поручить Госуд. Канц. при содѣйствіи, по усмотрѣнію и распоряженію госуд. секретаря, нѣкоторыхъ чиновъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и Министерства Юстиціи, преимущественно юристовъ, коихъ замѣчанія, не только на основаніяхъ науки, но и на практикѣ основанныя, могутъ быть въ семъ случаѣ весьма полезны,—при высшемъ наблюденіи Соед. Деп. Зак. и Гражд.; 6) исправленные такимъ образомъ проекты, по мѣрѣ ихъ приготовленія, вносить, чрезъ Соед. Деп., въ Общее Собраніе Госуд. Совѣта для окончательнаго, прежде представленія ихъ Е. В., разсмотрѣнія". Подписано: „Предсѣдательствующій Гос. Совѣта гр. Д. Блудовъ". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л.л. 500—502 обр.—Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц., Ист. зап., стр. 3 изъ числа не №-хъ стр., слѣд. за 163: это повелѣніе здѣсь отмѣчено ноябремъ].

Ноября 3.—По Высочайшему повелѣнію прикомандированы временно къ Госуд. Канц. для работъ по устройству и преобразованію судебной части: об.-прокуроръ Общаго Собранія московск. департам. Пр. Сената д. ст. с. Буцковскій, об.-секретарь Общаго Собранія тѣхъ же департам. Пр. Сената

ст. сов. Побѣдоносцевъ и московскій губ. прокуроръ ст. сов. Ровинскій [1]). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л.л. 503—505, отнош. гос. секр. къ мин. юст. № 1566].

Ноября 18.—Об.-прокуроромъ Св. Синода предложены Св. Синоду для замѣчаній препровожденный гр. Блудовымъ проектъ новаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ и общая объяснительная записка къ этому проекту. [Библ. Гос. Сов. Т. XV, ст. 2.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Россіи. Б. Матеріалы, ст. 2 по описи, стр. 2].

Декабря 5.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. препровожденъ госуд. секретарю для внесенія въ Госуд. Совѣтъ VII и послѣдній раздѣлъ проекта уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ, содержащій въ себѣ постановленія объ особенныхъ родахъ судопроизводства уголовнаго, съ объяснительною къ нему запискою. [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 518].

Декабря 10.—Предсѣдателю Департамента Законовъ Госуд. Совѣта гр. Блудову доставлены замѣчанія министра юстиціи (гр. Панина) на проектъ новаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 570, отнош. № 21769.—Библ. Гос. Сов., Т. XV, ст. 1.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Россіи. Матеріалы, ст. 1 по описи, стр. 1].

Декабря 12.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. переданы госуд. секретарю замѣчанія министра юстиціи на проектъ новаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ. [Арх. Госуд. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 652, отнош. № 13].

— Въ теченіе 1861 г. „законодательная дѣятельность Министерства Юстиціи главнѣйше заключалась въ составленіи и разсмотрѣніи уже составленныхъ различныхъ проектовъ и разсмотрѣніи возраженій по нимъ, по вопросамъ объ измѣненіи судопроизводства уголовнаго и гражданскаго, а также связаннаго съ этимъ измѣненія въ судоустройствѣ".—„Въ отношеніи проекта новаго уголовнаго судопроизводства Министерство Юстиціи занято было представленіемъ по оному Госуд. Совѣту своихъ соображеній и свѣдѣній, основанныхъ на судебной практикѣ и отчетныхъ свѣдѣніяхъ судебныхъ мѣстъ". [Сен. Арх. Отчетъ Мин-ва Юст. за 1861 г., л.л. 70 и 87].

1862 г.

Января 1.—Предсѣдатель Департамента Законовъ Госуд. Совѣта ст.-секретарь гр. Блудовъ назначенъ предсѣдателемъ Госуд. Совѣта. (Ранѣе, въ 1861 г. исполнялъ обязанности предсѣдателя Госуд. Совѣта).

[1]) Полный списокъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи основныхъ началъ (положеній), помѣщенъ въ началѣ настоящаго тома изданія.

Января 1.—Д. т. с. кн. П. Гагаринъ назначенъ предсѣдателемъ Департамента Законовъ Госуд. Совѣта.

— Высочайшее одобреніе распоряженія предсѣдателя Департамента Законовъ Госуд. Совѣта кн. П. Гагарина о необходимости при составленіи свода замѣчаній на главныя начала проектовъ судопроизводства и судоустройства „изложить въ общихъ чертахъ соображенія Госуд. Канц. и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“ [1]). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, журн. Соед. Деп. 1862 г. № 65, л. л. 787 и 791 обр. или стр. 10 печ.—Библ. Гос. Сов., Т. XVI, ч. I и Т. XVIII.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц. Ист. зап. Стр. не обозн., 2-я изъ слѣдующихъ за 163].

Января 22.—Историческая записка Госуд. Канцеляріи объ основныхъ началахъ судоустройства и судопроизводства, извлеченныхъ изъ проектовъ, составленныхъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и разсмотрѣнныхъ уже или еще не разсмотрѣнныхъ Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 519.—Библ. Гос. Сов., Т. XVI, ч. I.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц., Ист. зап., стр. не обознач., слѣдующая за 163].

Января 31.—Госуд. секретаремъ Бутковымъ препровожденъ на разсмотрѣніе управляющаго Министерствомъ Финансовъ ст.-секретаря Рейтерна составленный особымъ комитетомъ при II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и внесенный на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта проектъ закона о судебныхъ издержкахъ. [Библ. Гос. Сов., Т. XV, ст. 3.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Россіи. Б. Матеріалы, ст. 3 по описи, стр. 1, отнош. № 243].

Февраль (первыя числа).—Госуд. Канцелярія при участіи прикомандированныхъ къ ней юристовъ приступила къ разбору и повѣркѣ основныхъ началъ преобразованій судебной части, составленныхъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и разсмотрѣнныхъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта, а также и всѣхъ на нихъ замѣчаній, сдѣланныхъ разными лицами, знакомыми съ судебною практикою. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отдѣл. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 36].

---

[1]) Точную дату этого Высочайшаго утвержденія распоряженія кн. Гагарина установить не удалось; кромѣ указаннаго журнала 1862 г. № 65 объ этомъ распоряженіи упоминается во всепод. докладѣ Великаго Князя Константина Николаевича отъ 9 апрѣля того же года. Арх. Гос. Сов. Дѣла Отдѣл. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 27. Въ формулярномъ же спискѣ кн. Гагарина, хранящемся въ томъ же архивѣ, хотя и перечислены всѣ важнѣйшіе, представленные имъ на Высочайшее утвержденіе доклады, однако упоминаемаго здѣсь нами не находится. Въ ист. зап. это выражено такъ: „О таковомъ распоряженіи кн. П. П. Гагарина было доведено до свѣдѣнія Государя Императора и оное удостоено Высочайшаго одобренія Его Величества“.

Февраля 11.—Об.-прокуроромъ Св. Синода гр. Толстымъ доставлены главноуправляющему II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. барону Корфу соображенія Св. Синода по поводу постановленій, составленнаго II Отдѣл. проекта новаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ, касающихся духовнаго суда и лицъ духовнаго званія и вѣдомства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 654, отнош. № 755].

Февраля 13.—Замѣчанія Министерства Юстиціи и разныхъ юристовъ на проекты судопроизводства и судоустройства вообще разосланы членамъ Соед. Деп. Гос. Совѣта вмѣстѣ съ трудами состоявшаго при II Отд. Собствен. Е. И. В. Канц. комитета для улучшенія системы податей и сборовъ (замѣчанія относительно судебныхъ издержекъ).—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. барономъ М. Корфомъ препровождены госуд. секретарю Буткову соображенія Св. Синода на тѣ изъ постановленій составленнаго II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. проекта новаго уст. суд. по преступленіямъ и проступкамъ, которыя относятся до духовнаго суда и лицъ духовнаго званія и вѣдомства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 519.—Библ. Гос. Сов. Т. XV, ст. 3.—И. П. Б. Раб. о преоб. суд. ч. въ Россіи. Б. Матеріалы, ст. 3 по описи, стр. 9 и Сообр. Гос. Канц., Ист. зап., стр. 113 и не обозн., слѣд. за 163.—Тамъ же „Основн. полож. преобр. суд. ч. въ Р.". Арх. Гос. Сов. Дѣла по суд. реф. № 1, л. 653, отнош,№ 144].

Марта 21.—Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ ст.-секретаремъ Рейтерномъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ закона о судебныхъ издержкахъ. [Библ. Гос. Сов. Т. XV, ст. 3.—И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Россіи. Б. Матеріалы. Ст. 3 по описи, стр. 1].

Апрѣль—Госуд. Канцелярія окончила свои работы по составленію соображеній объ основныхъ началахъ преобразованій судебной части. Работы эти производились въ теченіе февраля и марта этого года. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отдѣл. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. л. 36 и 95 обр.].

Апрѣля 9.—Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада предсѣдательствующаго въ Госуд. Совѣтѣ Великаго Князя Константина Николаевича о внесеніи на разсмотрѣніе Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта соображеній и основныхъ положеній, составленныхъ Госуд. Канцеляріей при участіи призванныхъ для того юристовъ и о порядкѣ разсмотрѣнія ихъ въ Соед. Депар. и Общемъ Собраніи Госуд. Совѣта [1]). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр.

[1]) Соединенное и усиленное присутствіе (въ Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта), на которое возлагалось разсмотрѣніе поименованныхъ соображеній и положеній, состоялось подъ предсѣдательствомъ кн. П. П. Гагарина, изъ членовъ Госуд. Совѣта: Е. И. Выс. принца П. Г. Ольденбургскаго, А. В. Кочубея, барона М. А. Корфа, Ѳ. П. Литке, гр. В. Н. Панина, Н. И. Бахтина, А. С. Норова, А. Л. Гофмана, И. М. Толстого и П. А. Муханова. (Ж. М. Ю. 1862 г. Т. XIV. Декабрь, стр. 670).

1861 г. № 15, л. 27.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 792, журн. Гос. Сов. 1862 г. № 65.—Библ. Гос. Сов. Т. XVI, ч. I и Т. XVIII, стр. 10 и 11. — И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Р. Сообр. Гос. Канц., Ист. Зап., стр. не обозн., 3 и 4 слѣд. за 163].

Апрѣля 28, мая 2, 5, 9, 12, 16, 19, 23, 26, 30, іюня 2, 6, 23, 27, 30, іюля 30.— Шестнадцать засѣданій Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта, въ которыхъ разсматривались внесенныя II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. предварительныя работы о преобр. суд. ч. въ Россіи, „главныя начала" преобр. суд. ч., выработанныя Госуд. Канц. и соображенія Госуд. Канцеляріи. Чины Гос. Канц. докладывали и объясняли Соед. Деп. основанія и причины, ими при предварительной работѣ принятыя и, послѣ каждаго засѣданія, исправляли первоначальныя работы и составляли, по порученію Департаментовъ, новыя предположенія и соображенія. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 96 и обр.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. л. 787 и 792, журн. Соед. Деп. 1862 г. № 65.—Библ. Гос. Сов. Т. XVIII.—И. П. Б. Тотъ же журналъ].

Іюня 16.—Д. т. с. кн. Гагаринъ назначенъ въ случаѣ отсутствія или болѣзни предсѣдателя Госуд. Совѣта гр. Блудова предсѣдательствовать въ Госуд. Совѣтѣ.

Іюля 10. —Об.-прокуроромъ Св. Синода Ахматовымъ препровождено госуд. секретарю заключеніе Синода отъ 4 того же іюля на соображенія Госуд. Канц. объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства, касающихся вѣдомства православнаго исповѣданія. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 688, отнош. № 4377. — Библ. Гос. Сов. Т. XV, ст. 32. — И. П. Б. Раб. о преобр. суд. ч. въ Россіи. Б. Матеріалы, ст. 32 по описи].

Іюля 30.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось разсмотрѣніе, внесенныхъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. предварительныхъ работъ о преобразованіи судебной части въ Россіи, „главныхъ началъ" преобр. суд. ч., выработанныхъ Госуд. Канц. и соображеній Госуд. Канцеляріи. (См. дату отъ 28 апрѣля этого же года). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. л. 787 и 792, журн. Соед. Деп. 1862 г. № 65.—Тамъ же. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 96.—Библ. Гос. Сов. Т. XVIII.—И. П. Б. Журн. № 65].

Августа 27, сентября 3 и 4. Разсмотрѣніе Общимъ Собраніемъ Госуд. Совѣта основныхъ началъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и судоустройства, выработанныхъ Госуд. Канцеляріей. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. л. 972, 996, 1012.—Библ. Гос. Сов. Т. XIX, № 1.—И. П. Б. Журн. Общ. Собр Гос. Сов. о преобр. суд. ч. въ Р.].

Сентября 24.—Записка госуд. секретаря Буткова, въ которой изложено Высочайшее повелѣніе по меморіямъ Общаго Собранія Госуд. Совѣта отъ 27 августа, 3 и 4 сентября того же года.—„Государь Императоръ, разсмотрѣвъ меморіи Общаго Собранія Госуд. Совѣта по журналамъ онаго 27 августа, 3 и 4 сентября 1862 г. о преобразованіи судебной части, соизволилъ Высочайше утвердить всѣ вообще единогласныя заключенія Госуд. Совѣта. Относительно же возникшихъ въ Общемъ Собраніи Госуд. Совѣта разногласій послѣдовали Высочайшія Е. И. В. разрѣшенія по слѣдующимъ статьямъ"... (слѣдуютъ статьи). „Вмѣстѣ съ тѣмъ Е. И. В. изволилъ утвердить мнѣніе Госуд. Совѣта, чтобы сообразно послѣдовавшимъ Высочайшимъ разрѣшеніямъ, возникшихъ въ общемъ онаго собраніи разногласій, были исправлены Основныя Положенія преобразованія судебной части. На окончательной же меморіи по сему дѣлу вообще, 4 сентября 1862 г., Государь Императоръ соизволилъ Собственноручно написать: „Вмѣняю въ обязанность госуд. секретарю, чтобы всѣ уставы были окончательно изготовлены къ 15-му января 1863 г. для сообщенія ихъ II-му Отдѣл. Собств. Моей Канцеляріи и министру юстиціи. Главноуправляющему II Отд. и министру юстиціи представить свои замѣчанія въ 6-ти недѣльный срокъ, дабы Госуд. Совѣтъ могъ приступить къ ихъ разсмотрѣнію и къ обсужденію исполнительныхъ мѣръ въ теченіе марта мѣсяца будущаго года". Кромѣ того Е. И. В. особо изволилъ написать: „По окончаніи работъ необходимо составить планъ тѣхъ общихъ и частныхъ улучшеній и преобразованій, кои исполнены быть могутъ немедленно или постепенно по мѣрѣ представляющихся къ тому средствъ". Подпис. гос. секр. В. Бутковъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. л. 1021 и 1033].

Сентября 27.—Всеподданнѣйшій докладъ госуд. секретаря Буткова объ образованіи и составѣ особой комиссіи при Госуд. Канцеляріи для составленія проектовъ законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части и объ указаніяхъ, кои должны быть ей преподаны. На докладѣ этомъ Высочайшая резолюція: „Согласенъ на все". [Арх. Гос. Сов. Комиссія Высочайше учрежденная для начертанія законоположеній о преобразов. суд. части. 1862 г. Дѣло № 1, л. л. 1—10.—Тамъ же. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 106].

Сентября 28.—Главноуправляющій II Отд. Собств. Е. И. В. канц. баронъ М. Корфъ увѣдомилъ госуд. секретаря, что въ составъ учреждаемой при Госуд. Канц. комиссіи, назначены имъ: т. с. Бреверн, д. ст. с. Бычковъ и Даневскій и надв. сов. Перетцъ. [Арх. Гос. Сов. Комис. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. № 1, л. 13, отн. № 1101, на отн. гос. секр. отъ 27 того же сентября № 1380, то же дѣло, л. л. 11 и 12].

Сентября 29. Высочайше утвержденныя Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи.—Мнѣніе Госуд. Совѣта, Высо-

чайше утвержденное 29 сентября 1862 г., объявленное Сенату товарищемъ министра юстиціи того же 29 сентября. [П. С. З., № 38.761].

Государь Императоръ, разсмотрѣвъ „Основныя Положенія" Высочайше соизволилъ повелѣть: приступить немедленно къ составленію на основаніи ихъ подробныхъ проектовъ въ томъ порядкѣ, какъ это указано въ мнѣніи Госуд. Совѣта, вмѣстѣ съ симъ Е. В. утвержденномъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1859 г. № 50, л. 1036.—Тамъ же. Комис. Выс. учр. для начерт. законополож. о преобр. суд. ч. 1862 г. Дѣло № 1, л. 23.—Библ. Гос. Сов. Т. XIX.—И. П. Б. Журн. Общ. Собр. Гос. Сов. о преобр. суд. въ Р.—Тамъ же. Основныя Положенія преобр. суд. ч. въ Россіи. М. 1863 г., стр. 3].

Сентября 29.—Открытіе занятій комиссіи учрежд. при Госуд. Канцеляріи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части вообще. Общія собранія ея назначены въ залѣ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. На докладѣ объ открытіи Высочайшая резолюція: „Дай Богъ успѣха". [Арх. Гос. Сов. Комис. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 30.—Тамъ же. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 120].

Сентября 29.—Госуд. секретарь Бутковъ [1]) сообщилъ министру юстиціи и главноуправляющему II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. о составѣ и устройствѣ Высочайше учрежд. комиссіи при Госуд. Канц., о порядкѣ работъ и открытіи въ ней занятій того же числа. „Государь Императоръ, утвердивъ въ 29 день сего сентября мнѣніе Госуд. Совѣта объ учрежденіи при Госуд. Канц. подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ госуд. секретаря комиссіи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части вообще, на указанныхъ Е. В. началахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше соизволилъ повелѣть: 1) Комиссію эту составить изъ членовъ-редакторовъ, назначивъ ими тѣхъ чиновъ Госуд. Канц. и прикомандированныхъ къ оной юристовъ, кои занимались составленіемъ всѣхъ предварительныхъ соображеній о главныхъ началахъ предположеннаго преобразованія, а именно: состоящаго при Госуд. Канц. т. с. Плавскаго, поручивъ ему предсѣдательствовать во всѣхъ соображеніяхъ комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда госуд. секретарь не будетъ лично предсѣдательствовать въ оныхъ; д. ст. с., прикомандированнаго къ Госуд. Канц. об.-прокурора Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Пр. Сената Буцковскаго и испр. должн. ст.-секретарей Госуд. Совѣта Стояновскаго и Заруднаго; ст. сов., прикомандированныхъ къ Госуд. Канц., об.-секретаря Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Пр. Сената Побѣдоносцева и московскаго губернскаго прокурора Ровинскаго и помощниковъ ст.-секретарей Госуд. Совѣта: Шубина, Есипо-

---

[1]) Въ дальнѣйшей части настоящей работы всѣ сношенія комиссіи при Госуд. Канц. съ другими учрежденіями и всѣ представленія ея работъ приведены отъ имени госуд. секретаря, какъ ея предсѣдателя.

вича и кол. сов. Любимова, экспедитора Госуд. Канц. по Деп. Законовъ, надв. сов. Вилинбахова, поручивъ ему управленіе дѣлопроизводствомъ комиссіи, и секретаря при предсѣдателѣ Деп. Зак. Госуд. Совѣта, кол. ас. Желтухина [1]). Въ этомъ составѣ комиссію открыть немедленно, но если бы впослѣдствіи оказалось, что сихъ редакторовъ недостаточно и что для нѣкоторыхъ частей работъ было бы полезно употребить еще другихъ редакторовъ, то объ этомъ госуд. секретарю въ свое время, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, войти съ особымъ докладомъ къ Е. И. В.; 2) въ комиссіи изъ поименованныхъ выше членовъ образовать три редакціонныя отдѣленія: одно по судоустройству, другое по уголовному судопроизводству, а третье по судопроизводству гражданскому. Распредѣленіе членовъ-редакторовъ по отдѣленіямъ предоставить самой комиссіи, съ разрѣшенія госуд. секретаря; 3) работы редакціонныхъ отдѣленій, по мѣрѣ окончанія ихъ, вносить частями въ общее собраніе комиссіи для повѣрки и разсмотрѣнія. Это общее собраніе образовать изъ всѣхъ членовъ-редакторовъ, изъ чиновниковъ, кои будутъ назначены отъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., отъ Министерства Юстиціи и отъ другихъ вѣдомствъ и управленій, участіе коихъ будетъ признано необходимымъ по дѣламъ комиссіи и, наконецъ, изъ другихъ лицъ, преимущественно юристовъ, замѣчанія коихъ могутъ принести пользу при предварительномъ обсужденіи работъ редакторовъ, и кои будутъ, съ разрѣшенія госуд. секретаря, приглашаемы въ засѣданія комиссіи. Къ участію въ засѣданіяхъ комиссіи призвать также нѣкоторыхъ предсѣдателей или товарищей предсѣдателей судебныхъ палатъ, предсѣдателей коммерческихъ судовъ и прокуроровъ, но какъ въ настоящее время трудно указать тѣхъ именно лицъ, коихъ слѣдовало бы вызвать, то объ этомъ предметѣ госуд. секретарю въ свое время, по соглашеніи съ министромъ юстиціи и съ другими вѣдомствами, по принадлежности, войти съ особымъ докладомъ къ Государю Императору и 4) порядокъ работъ и всѣ вообще подробности внутренняго устройства комиссіи опредѣлить по ея ближайшему усмотрѣнію, съ утвержденія госуд. секретаря; переписку же по комиссіи производить чрезъ Отдѣленіе Законовъ Госуд. Канцеляріи". [Арх. Гос. Сов. Комис. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. л. 24—27, отнош. №№ 1386 и 1387.— Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. № 5992, л. л. 16—19, отнош. № 1386].

На разные расходы по комиссіи при Госуд. Канц. ассигновано по Высочайшему повелѣнію изъ госуд. казначейства единовременно 10.000 р. серебромъ. [Арх. Гос. Сов. Комис. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. л. 28 и 29].

Кромѣ вышеизложеннаго госуд. секретарь сообщилъ министру юстиціи, (а также и главноуправляющему II Отд. Собств. Е. И. В. Канц.), что „Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что весь

---

[1]) Впослѣдствіи было прикомандировано еще нѣсколько юристовъ. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. № 5992, л. л. 41, 44, 49, 56, 57 и др.

успѣхъ въ окончаніи порученной комиссіи работы будетъ болѣе всего зависѣть отъ скораго доставленія ей тѣхъ свѣдѣній, кои она, на основаніи п. 7-го Высочайше утвержд. 29 сего сентября мнѣнія Госуд. Совѣта признаетъ нужнымъ извлечь изъ дѣлъ Министерства Юстиціи, изволилъ предоставлять Вашему Сіятельству сдѣлать распоряженія, чтобы всѣ требуемыя комиссіею дѣла и свѣдѣнія были ей сообщаемы безъ всякаго замедленія и и не позже какъ въ семидневный срокъ съ тѣмъ, что если въ этотъ срокъ требуемыя комиссіею дѣла и свѣдѣнія не будутъ доставлены, то госуд. секретарь долженъ доводить о томъ до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора". [Арх. Гос. Сов. Комис. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. л. 19—22.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5992, л. л. 13, 14 и 15, отнош. № 1389].

Министръ юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря, что въ составъ учреждаемой при Госуд. Канц. комиссіи назначенъ имъ вице-директоръ департамента Министерства Юстиціи, д. ст. с. баронъ Врангель. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 16, отн. № 3667, на отнош. гос. секр. отъ 27 того же сентября № 1381, то же дѣло, л. л. 14 и 15].

Госуд. секретарь увѣдомилъ министра юстиціи, что Государь Императоръ, назначивъ членами комиссіи при Госуд. Канц. прикомандированныхъ къ ней д. ст. с. Буцковскаго и ст. сов. Побѣдоносцева и Ровинскаго, Высочайше повелѣлъ оставить ихъ до окончанія занятій комиссіи, прикомандированными къ Госуд. Канц. на прежнемъ основаніи. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 17 и 18, отнош. № 1388].

Сентября 30.—Опубликованіе Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія суцебной части. [С.-П.Б. Сенатск. Вѣдом. 1862 г. Дополненіе къ № 78].

Октября 7.—Госуд. секретарь обратился къ министру народнаго просвѣщенія Головнину съ просьбой предложить редакторамъ журналовъ и періодическихъ сочиненій,—не признаютъ ли они возможнымъ передавать непосредственно въ Госуд. Канц. особые, хотя въ двухъ или трехъ экземплярахъ, оттиски всѣхъ статей, которыя могутъ появиться относительно судоустройста и судопроизводства гражд. и уголовнаго, а равно и корректурные листы тѣхъ статей, относящихся до Основныхъ Положеній судопроизводства и судоустройства, кои не будутъ вовсе пропускаемы или будутъ измѣняемы цензурою.—Предложеніе это было сдѣлано министромъ народнаго просвѣщенія черезъ предсѣдателей с.п.б. и московск. цензурныхъ комитетовъ еще 2, того же октября.—Госуд. секретарь обратился къ министру юстиціи съ просьбой предложить чинамъ судебнаго вѣдомства, хорошо знакомымъ съ судебною частью вообще и съ мѣстными условіями нѣкоторыхъ губерній, которые пожелали бы представить практическія свѣдѣнія и соображенія относительно развитія Основныхъ Положеній преобразованія судебной части.

[Арх. Гос. Сов. Ком. Выс.учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 2, отнош. №№ 1423 и 1868, л. л. 3, 4, 5 и 22.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5996, л. 1, отнош. № 1424].

Октября 8.—Комиссія при Госуд. Канцеляріи обратилась къ разнымъ лицамъ, извѣстнымъ своими юридическими познаніями, съ просьбой высказать свои соображенія относительно развитія Основныхъ Положеній о преобразованіи судебной части. Въ числѣ лицъ, къ которымъ обратилась комиссія, значатся: И. Е. Андреевскій, С. И. Баршевъ, И. Д. Бѣляевъ, Ѳ. Дмитріевъ, В. Н· Лешковъ, А. В. Лохвицкій, С. В. Пахманъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, В. Д. Спасовичъ, Б. И. Утинъ, А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ, И. Е. Энгельманъ и др.

Циркуляръ товарища министра юстиціи къ чинамъ судебнаго вѣдомства о доставленіи соображеній относительно развитія Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части („по возможности не позднѣе перваго декабря сего года“ и „если найдутъ возможнымъ замѣчанія по сему предмету доставить для ускоренія хода сего дѣла прямо въ Госуд. Канцелярію“). [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 2, л. 8, отнош. за подписью Плавскаго, л. л. 13 и 14, проектъ циркуляра.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966, л. 33, самый циркуляръ.—Журн. Мин. Юст. 1862 г. Т. XIV. Октябрь, стр. 73 и 74].

Октября 9.—Министръ юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію въ составъ комиссіи при Госуд. Канц. испр. д. помощника юрисконсульта консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, — кол. ас. Книрима. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 33, отнош. № 3774, на отнош. гос. секр. отъ 7 того же октября № 1421, л.л. 31 и 32].

Октября 11.—Комиссія при Госуд. Канцеляріи обратилась въ редакцію газеты „Сѣверная Почта“ съ просьбой напечатать обращеніе комиссіи ко всѣмъ лицамъ, знакомымъ съ судебною частью вообще и съ особыми условіями разныхъ губерній, желающимъ оказать свое содѣйствіе доставленіемъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи въ Госуд. Канц. замѣчаній и предположеній о наиболѣе соотвѣтствующемъ требованіямъ науки и практики развитіи и примѣненіи Основныхъ Положеній преобразованія судебной части, какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ предметамъ, признавая это не только полезнымъ, но и существенно необходимымъ для успѣшнаго совершенія предстоящихъ комиссіи работъ.

Министръ госуд. имуществъ Зеленой увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію начальника отдѣленія лѣсного департамента надв. сов. Рѣпинскаго въ составъ комиссіи при Госуд. Канцеляріи. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣла, № 2, л.л. 15—18; № 1, л. 36, отнош. № 481, на отнош. гос. секр. отъ 7 того же октября № 1422, л.л. 34 и 35].

Октября 13.—Министръ юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію въ комиссію при Госуд. Канц. предсѣдателя СПБ. палаты уголовнаго суда, д. ст. с. Ковалевскаго [Арх. Гос. Сов. Дѣло той же ком., № 1, л. 39, отнош. № 3895, на отнош. гос. секр. отъ 8 октября № 1434, л.л. 37 и 38].

Октября 14.—Всеподданнѣйшая записка госуд. секретаря Буткова о добавленіи къ составу комиссіи при Госуд. Канц. еще нѣсколькихъ членовъ-редакторовъ, практически знакомыхъ съ настоящимъ состояніемъ судебной части, для чего избраны: д. ст. с.—испр. должн. ст.-секретаря Гражд. департамента Госуд. Совѣта Зубовъ и предсѣдатель СПБ. палаты уг. суда Ковалевскій, начальникъ судебнаго отдѣленія въ лѣсномъ департаментѣ Министерства Госуд. Имуществъ над. сов. Рѣпинскій и помощникъ юрисконсульта въ Министерствѣ Юстиціи кол. ас. Книримъ. Высочайшая резолюція: „Согласенъ". [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 43 и 44].

Октября 15.—Комиссія, Высочайше учрежденная при Госуд. Канцеляріи, окончательно составилась и раздѣлена на три редакціонныя отдѣленія: одно по судоустройству, другое по судопроизводству гражданскому и третье по судопроизводству уголовному [1]). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣл. Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 162].

Октября 21.—Увольненіе ст.-секретаря д. т. с. гр. Панина отъ званія министра юстиціи и назначеніе управляющимъ тѣмъ же Министерствомъ товарища министра, сенатора, т. с. Замятнина.

Октября 25.—Министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ принятію участія начальника отдѣленія въ департаментѣ хозяйства и счетныхъ дѣлъ Министерства Иностр. Дѣлъ д. ст. с. Крейтера въ трудахъ комиссіи при Госуд. Канцеляріи. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 57, отнош. № 2327, на отнош. гос. секр. отъ 23 того же октября № 1501, л.л. 55 и 56].

Октября 26. — Госуд. секретарь обратился къ министру внутр. дѣлъ съ просьбой увѣдомить, не имѣется ли какое-либо препятствіе къ осуществленію предположеній комиссіи при Госуд. Канц. о возложеніи на будущихъ мировыхъ судей (участковыхъ и почетныхъ), учреждаемыхъ для разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ меньшей важности, тѣхъ обязанностей, каковыя сохранятся за дѣйствующими мировыми по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями (т. е. мировыми посредниками и мировыми съѣздами) ко времени окончанія трехгодичнаго

---

[1]) Каждое отдѣленіе составилось изъ нѣсколькихъ членовъ-редакторовъ и лицъ, приглашенныхъ гос. секретаремъ въ качествѣ экспертовъ. [Журн. Мин. Юст. 1863 г. Декабрь. т. XVIII, стр. 656].

срока, по истеченіи котораго настоящій способъ выбора мировыхъ посредниковъ долженъ быть замѣненъ особыми о семъ правилами, т. к. предполагается, что къ тому времени уставныя по всѣмъ вообще помѣщичьимъ имѣніямъ грамоты будутъ составлены, утверждены и введены въ дѣйствіе, почему одна изъ главныхъ цѣлей, для которой учреждены мировые посредники, будетъ ими исполнена; съ другой стороны предположено новое положеніе о мировыхъ судьяхъ ввести въ дѣйствіе въ концѣ 1863 или въ началѣ 1864 г., т. е. къ тому же сроку. Сверхъ того госуд. секретарь указалъ на желательность полученія по сему предположенію отзывовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, коимъ ближе извѣстенъ кругъ занятій, предстоящихъ въ будущемъ мировымъ посредникамъ и кои, поэтому могутъ съ большею точностью и опредѣлительностью сказать, какія именно изъ обязанностей предстоящихъ мировымъ посредникамъ въ концѣ 1863 г. и въ началѣ 1864 г., могутъ быть возложены на учреждаемыхъ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей и не слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по особымъ обстоятельствамъ, съ учрежденіемъ мировыхъ судей или оставить на нѣкоторое время и теперешнихъ мировыхъ посредниковъ, или же усилить временно составъ будущихъ мировыхъ судебныхъ учрежденій чинами, исключительно назначенными для дѣлъ по крестьянскому вопросу. Въ случаѣ согласія госуд. секретарь просилъ эти мнѣнія доставить по возможности не позднѣе конца декабря того же 1862 г. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 2, л.л. 32—37, отнош. № 1517].

Октября 30.—Съ этого числа стали поступать въ Министерство Юстиціи замѣчанія отъ чиновъ судебнаго вѣдомства на Основныя Положенія о преобразованіи судебной части. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5966, л. 57].

Ноября 6—12 сентября 1863 г.—Сорокъ семь засѣданій отдѣленія судоустройства комиссіи при Госуд. Канц., въ которыхъ былъ обсужденъ проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ.—[Библ. Гос. Сов. Т. XLVI.—И. П. Б. Объясн. зап. къ проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ, составленному этой комиссіей, [1]) стр. 2].

Ноября 7.—*Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада госуд. секретаря* Буткова (какъ предсѣдателя комиссіи, Высочайше учрежд. при Госуд. Канцеляріи) о нижеслѣдующемъ: 1) Чинамъ комиссіи, учрежд. при Госуд. Канц. для составленія проектовъ законоположеній о преобраз. судебн. части, д. ст. с. Стояновскому и ст. сов. Ровинскому поручить собраніе на мѣстѣ, первому—по С.-Петербургскому, а послѣднему по Московскому судебнымъ округамъ и извлеченіе изъ дѣлъ судебныхъ и

[1]) Въ объясн. зап. перечислены какъ лица, входившія въ составъ комиссіи и отдѣленій, такъ и лица, приглашенныя въ качествѣ экспертовъ.

полицейскихъ учрежденій всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, кои необходимы для опредѣленія состава и круга дѣятельности будущихъ судебныхъ учрежденій сихъ двухъ округовъ; 2) въ помощь имъ командировать нѣсколько занимающихся по комиссіи чиновниковъ Госуд. Канц., а также тѣхъ преимущественно мѣстныхъ чиновниковъ вѣдомства Министерства Юстиціи, кои могутъ быть для этого употреблены по ближайшему усмотрѣнію управляющаго Министерствомъ Юстиціи и соглашенію его съ предсѣдателемъ комиссіи; 3) предоставить С.-Петербургскому и Московскому военнымъ генералъ-губернаторамъ оказать зависящее отъ нихъ содѣйствіе къ скорому и успѣшному исполненію командируемыми чиновниками возлагаемаго на нихъ порученія и 4) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ предложить также начальникамъ тѣхъ губерній, гдѣ окажется необходимымъ, собрать указаннымъ выше порядкомъ мѣстныя, необходимыя для комиссіи свѣдѣнія, оказывать всевозможное содѣйствіе чиновникамъ, комиссіи командированнымъ. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. 1862 г. Дѣло № 2, л.л. 58, 62 и 63.—Тамъ же. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 139].

Ноября 8.—Назначеніе исп. должн. ст.-секретаря Госуд. Совѣта, д. ст. с. Стояновскаго товарищемъ министра юстиціи.

Ноября 10.—Порученіе (вслѣдствіе всепод. доклада госуд. секретаря Буткова) члену комиссіи при Госуд. Канц., д. ст. с. Ковалевскому собрать свѣдѣнія о дѣлахъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденій по С.-Петербургскому судебному округу, вслѣдствіе назначенія д. ст. с. Стояновскаго товарищемъ министра юстиціи. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. 1862 г. Дѣло № 2, л.л. 67 и 68.—Тамъ же. Дѣла Отд. Дѣл. Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 147.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 5967].

Ноября 20.—Управляющій Министерствомъ Юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію въ комиссію при Госуд. Канц. могилевскаго губернскаго прокурора, надв. сов. Попова и товарища предсѣдателя Новгородской палаты гражд. суда, кол. ас. Принца. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 76, отнош. № 5232, на отнош. гос. секр. отъ 17 того же ноября № 1626, то же дѣло л. л. 74 и 75].

Ноября 22.—Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшей записки госуд. секретаря о назначеніи надв. сов. Попова и кол. ас. Принца членами-редакторами въ комиссіи при Госуд. Канцеляріи. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 77 и 78].

Ноября 30—24 октября 1863 г.—Девяносто одно засѣданіе гражданскаго отдѣленія комиссіи при Госуд. Канц., въ которыхъ обсуждался проектъ

первыхъ пяти книгъ уст. гр. судопроизводства. [Библ. Гос. Сов. т. LI, ч. I.— И. П. Б. Объясн. зап.[1]) къ проекту уст. гр. суд., составленному этой комиссіей, стр. 3 и 4].

Декабря 3.— Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта, объявленное Сенату управляющимъ Министерствомъ Юстиціи 11-го того же декабря.— О подготовленіи въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ Министерству Юстиціи, молодыхъ образованныхъ людей для замѣщенія должностей судебныхъ слѣдователей. [П. С. З., № 38.991].

Декабря 7.—Управляющій Министерствомъ Юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію въ комиссію при Госуд. Канц. предсѣдателя Курской палаты гражд. суда ст. сов. Шечкова и товарища предсѣдателя Екатеринославской палаты гражд. суда ст. сов. Гурина. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 91, отнош. № 5494, на отнош. гос. секр. отъ 2 того же декабря № 1715, то же дѣло, л. л. 89 и 90].

Декабря 11.—Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшей записки госуд. секретаря о назначеніи ст. сов. Шечкова и Гурина членами-редакторами въ комиссіи при Госуд. Канцеляріи. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 92 и 93].

Декабря 12.—Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшей записки госуд. секретаря о назначеніи испр. должн. профессора Имп. Училища правовѣдѣнія магистра Б. Утина членомъ-редакторомъ въ комиссіи при Госуд. Канцеляріи. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 96].

Декабря 29.—Госуд. секретарь обратился къ министру народн. просвѣщенія Головнину съ просьбой сообщить комиссіи при Госуд. Канц. предположенія комиссіи относительно новаго устройства цензурной части по вопросамъ, какъ цензуры, такъ и судопроизводства по дѣламъ книгопечатанія („проектъ устава о книгопечатаніи"). [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 2, л.л. 206 и 207, отнош. № 1881].

— Въ теченіе 1862 г. Министерство Юстиціи „по законодательной дѣятельности.... съ одной стороны было занято разсмотрѣніемъ различныхъ проектовъ, касающихся новаго судопроизводства и судоустройства, доставленіемъ составителямъ таковыхъ проектовъ разныхъ свѣдѣній, особенно оказавшихся необходимыми при проектированіи новаго устройства судебныхъ мѣстъ и при предположеніяхъ о распредѣленіи сихъ мѣстъ по губерніямъ и уѣздамъ". [Сен. Арх. Отчетъ Министерства Юстиціи за 1862 г., л.л. 89 обр. и 90].

---

[1]) Въ объясн. зап. перечислены какъ лица, входившія въ составъ комиссіи и отдѣленій, такъ и лица, приглашенныя въ качествѣ экспертовъ.

1863 г.

Января 7.—Министромъ народн. просвѣщенія Головнинымъ доставленъ госуд. секретарю „проектъ устава о книгопечатаніи". [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 2, л. 208, отнош. № 54].

Января 14—30 іюня. — Восемьдесятъ девять засѣданій уголовнаго отдѣленія комиссіи при Госуд. Канц., въ которыхъ былъ обсужденъ проектъ уст. уг. судопроизводства. [Библ. Гос. Сов. Т. XLVIII.—И. П. Б. Объясн. зап. [1]) къ проекту уст. уг. суд., составленному этой комиссіей, стр. 2].

Января 15.—Всеподданнѣйшій докладъ госуд. секретаря, въ которомъ изложены слѣдующія предположенія: „При ближайшемъ соображеніи въ комиссіи оказалось, что, несмотря на все достоинство этихъ проектовъ (т. е. внесенныхъ въ продолженіи съ 1857 по 1861 годъ въ Госуд. Совѣтъ изъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц.), вслѣдствіе принятыхъ въ Основныхъ Положеніяхъ новыхъ началъ, прежніе проекты должны подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ, а нѣкоторыя части оныхъ и совершенной передѣлкѣ. Къ числу такихъ началъ принадлежатъ, между прочимъ: установленіе съѣздовъ мировыхъ судей; допущеніе вмѣсто трехъ степеней общаго суда, т. е. судовъ уѣздныхъ, палатъ и апелляціонныхъ департаментовъ Пр. Сената, только двухъ, именно, — судовъ окружныхъ и палатъ; образованіе отдѣльныхъ кассаціонныхъ департаментовъ Сената; отмѣна, по дѣламъ уголовнымъ, теоріи формальныхъ доказательствъ; введеніе судебнаго слѣдствія въ судѣ, обвинительнаго порядка и суда черезъ присяжныхъ, и т. п." . . . . . .

. . . . . .

„Комиссія при Госуд. Канц. признала нужнымъ войти въ особое сношеніе съ Министерствами и Главными Управленіями о примѣненіи новаго судебнаго порядка къ дѣламъ, касающимся вѣдомства и интересовъ сихъ Министерствъ и Главныхъ Управленій.... Министерства и Главныя Управленія назначили въ своемъ вѣдомствѣ чиновниковъ, спеціально знакомыхъ съ предметами, и комиссія приступила къ совѣщаніямъ съ этими чиновниками на счетъ примѣненія будущаго судебнаго порядка къ дѣламъ, касающимся разныхъ отдѣльныхъ управленій. Независимо отъ сего, при соображеніяхъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе преобразованія судебной части, въ томъ числѣ объ устройствѣ новыхъ судовъ и образованіи судебныхъ округовъ, признано необходимымъ собрать, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, точныя статистическія свѣдѣнія о судебныхъ дѣлахъ, производящихся нынѣ какъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и въ полицейскихъ учрежденіяхъ. Для собранія сихъ свѣдѣній въ губерніяхъ С.-Петербургской и Московской и

---

[1]) Въ объясн. зап. перечислены какъ лица, входившія въ составъ комиссіи и отдѣленій, такъ и лица, приглашенныя въ качествѣ экспертовъ.

смежныхъ съ ними, съ которыхъ предполагается начать судебное преобразованіе, командированы, съ Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества, два члена комиссіи, такъ что и этотъ существенно необходимый для ея работъ матеріалъ, постепенно приводится въ надлежащую извѣстность и полноту. Наконецъ, принявъ во вниманіе, что при введеніи въ Россіи мировыхъ судей будетъ необходимо опредѣлить отношенія къ будущимъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ теперешнихъ мировыхъ учрежденій по крестьянскому дѣлу, комиссія потребовала, чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, свѣдѣній и соображеній по этому предмету губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Большая часть сихъ свѣдѣній уже поступила въ Министерство и на дняхъ будетъ передана комиссіи". [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. л. 163 и 164, 166—168 обр.].

Января 20.—Управляющій Министерствомъ Юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію въ комиссію при Госуд. Канц. предсѣдателя Полтавской гражданской палаты кол. сов. Іонина. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л. 104, отнош. № 386, на отнош. гос. секр. отъ 14 того же января, № 87].

Января 27.—Въ составъ комиссіи при Госуд. Канц. назначенъ испр. должн. ст.-секретаря Госуд. Совѣта кол. сов. кн. Волконскій [1]). [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 110, предписаніе № 121].

Марта 21.—Министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ принятію участія въ работахъ комиссіи при Госуд. Канц. причисленному къ Департаменту Удѣловъ надв. сов. Ляховичу. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 127, отнош. № 164, на отнош. гос. секретаря № 317].

Апрѣля 5.—Госуд. секретарь обратился къ слѣдующимъ лицамъ съ предложеніемъ принять участіе въ засѣданіяхъ общаго собранія комиссіи при Госуд. Канц. для разсмотрѣнія II книги проекта уст. гр. суд.: А. Е. Матюнину, М. Н. Любощинскому, О. В. Эссену, В. В. Фришу, Д. Г. ф.-Дервизу и А. И. Вицыну. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 128].

Апрѣля 10, 12, 16, 19, 23, 26, 30, мая 3, 7, 10, 14, 17, 24, іюня 25, 28, сентября 28, октября 2, 4, 8, 10 и ноября 15. — Двадцать одно засѣданіе общаго собранія [2]) комиссіи при Госуд. Канц., подъ предсѣдатель-

---

[1]) Полный списокъ членовъ комиссіи, а также лицъ, оказавшихъ содѣйствіе ей своими познаніями и работами, приведенъ въ „Описи Дѣлъ Архива Госуд. Совѣта". 1912 г. Т. XVI, стр. 139.

[2]) Общія собранія комиссіи составлялись, подъ предсѣдательствомъ гос. секретаря, изъ членовъ всѣхъ отдѣленій и изъ другихъ лицъ, призванныхъ къ участію въ этомъ дѣлѣ, а также изъ тѣхъ экспертовъ, которые участвовали въ обсужденіи предварительныхъ работъ въ отдѣленіяхъ. [Журн. Мин. Юст. 1863 г. Декабрь. Т. XVIII, стр. 657].

ствомъ госуд. секретаря, въ которыхъ былъ обсужденъ проектъ первыхъ пяти книгъ уст. гр. судопроизводства. [Библ. Гос. Сов. Т. LI, ч. 1.—И. П. Б. Объясн. зап. къ проекту уст. гражд. судопр., составленному этой комиссіей, стр. 3 и 4].

Апрѣля 17.—Именной указъ, данный Сенату, распубликованный 17-го того же апрѣля.—О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. [П. С. З., № 39.504] (Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній).

Мая 10.—Госуд. секретарь обратился къ слѣдующимъ лицамъ съ просьбой участвовать въ общемъ собраніи комиссіи при Госуд. Канц. для разсмотрѣнія проекта уст. гр. суд. у мировыхъ судей: Я. А. Соловьеву, М. И. Зарудному, П. Н. Куломзину и П. Ѳ. Лиліенфельду. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л.л. 132 и 133].

Мая 15.—Управляющій Министерствомъ Юстиціи увѣдомилъ госуд. секретаря объ отсутствіи препятствій къ командированію въ комиссію при Госуд. Канц. товарища предсѣдателя Черниговской гражданской палаты, ст. сов. Баршевскаго. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 131, отнош. № 2250, на отнош. гос. секр. отъ 3 того же мая № 520, то же дѣло, л.л. 129 и 130].

Августа 8, 13, 16, 20, 24, 31, сентября 3 и октября 10. — Восемь засѣданій общаго собранія комиссіи при Госуд. Канц. подъ предсѣдательствомъ госуд. секретаря, въ которыхъ былъ обсужденъ проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ. [И. П. Б. Объясн. зап. къ проекту учрежд. судебн. мѣстъ, составленному этой комиссіей, стр. 2].

Октября 16, 24, декабря 30 и января 2, 3, 4, 6, 7, 9, 24 и 28—1864 г.—Одиннадцать засѣданій гражданскаго отдѣленія комиссіи при Госуд. Канц., въ которыхъ былъ обсужденъ проектъ VI-й книги уст. гр. суд. [Библ. Гос. Сов. Т. LIII.—И. П. Б. Объясн. зап. къ проекту VI-ой книги уст. гр. суд., составленному этой комиссіей, стр. 1].

Ноября 18.—Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта (вслѣдствіе представленія госуд. секретаря) объ ассигнованіи изъ госуд. казначейства единовременно 10.000 руб. въ распоряженіе госуд. секретаря сверхсмѣтнымъ кредитомъ на расходы комиссіи для составленія проектовъ законоположеній о преобраз. суд. части по тѣмъ же предметамъ, на которые была употреблена первая, относящаяся на расходы по той же комиссіи, сумма. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законоположеній о преобр. суд. ч. Дѣло № 1, л.л. 158 и 159].

Декабря 24.—Комиссіей, Высочайше учрежденной при Госуд. Канц., внесены на разсмотрѣніе Соед. Департаментовъ Госуд. Совѣта составленные ею

проекты: 1) учрежденія судебныхъ мѣстъ, 2) уст. уг. судопроизводства (первая книга) и 3) уст. гр. судопроизводства (первыя пять книгъ), съ объяснительными записками и замѣчаніями. Въ отношеніи своемъ къ предсѣдателю Департамента Законовъ Госуд. Совѣта кн. П. Гагарину предсѣдатель комиссіи госуд. секретарь В. Бутковъ излагаетъ слѣдующее: „Высочайше учрежденная при Госуд. Канц. комиссія для начертанія проектовъ законоположеній о преобр. судебн. части составила на началахъ, Госуд. Совѣтомъ разсмотрѣнныхъ и Е. И. В. въ 29 день сентября 1862 г. одобренныхъ, проекты: 1) учрежденія судебныхъ мѣстъ, 2) уст. уг. суд. и 3) уст. гр. судопроизводства. Государь Императоръ по всеподданнѣйшему моему о семъ докладу, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1) Составленные комиссіею проекты по отпечатаніи ихъ, внесть на разсмотрѣніе Соед. Департ. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта, 2) при разсмотрѣніи въ сихъ Департаментахъ этого дѣла сверхъ членовъ оныхъ и членовъ Госуд. Совѣта, ст.-секретаря д. т. с. Бахтина, назначеннаго къ засѣданію по сему же дѣлу Высочайшимъ повелѣніемъ 22 августа 1857 г.,—присутствовать еще: бывшему министру юстиціи ст.-секретарю д. т. с. гр. Панину, управляющему нынѣ симъ Министерствомъ т. с. Замятнину и госуд. секретарю, 3) составленные комиссіею проекты, со всѣми приложеніями, препроводить къ главноуправляющему II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и къ управляющему Министерствомъ Юстиціи, а также ко всѣмъ вообще членамъ Соед. Департаментовъ и лицамъ, назначеннымъ къ засѣданію въ оныхъ, съ тѣмъ, чтобы они свои по симъ проектамъ замѣчанія изложили въ засѣданіяхъ Департаментовъ обще-установленнымъ порядкомъ [1]), 4) проекты сіи также препроводить ко всѣмъ вообще министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, съ тѣмъ, чтобы они, сколь возможно скорѣе, внесли въ Соед. Департаменты замѣчанія свои по тѣмъ статьямъ сихъ проектовъ, кои касаются ввѣренныхъ имъ Министерствъ и Главныхъ Управленій, 5) докладъ Соед. Департаментамъ составленныхъ комиссіею проектовъ поручить, подъ наблюденіемъ, на общемъ основаніи, госуд. секретаря, тѣмъ изъ членовъ комиссіи, которые предсѣдательствовали въ отдѣленіяхъ, гдѣ проекты составлялись, а именно: докладъ проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ—возложить на состоящаго при Госуд. Канц. т. с. Плавскаго; проекта уст. уг. судопроизводства — поручить об.-прокурору Общаго Собранія московскихъ департаментовъ Пр. Сената д. ст. с. Буцковскому и проекта уст. суд. гражданскаго — исправляющему должность ст.-секретаря Деп. Законовъ Госуд. Совѣта д. ст. с. Зарудному, придавъ имъ въ помощь редакторовъ, составлявшихъ разныя отдѣльныя части проектовъ, 6) раз-

[1]) Всѣ вообще составленные комиссіею и представленные Госуд. Совѣту проекты были сообщены министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, замѣчанія коихъ были собраны, напечатаны и разосланы къ членамъ Госуд. Совѣта вмѣстѣ съ особымъ сводомъ или указателемъ замѣчаній по статьямъ каждаго проекта. [Арх. Гос. Сов. Дѣло Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. №№ 44, 47, 48, журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. гр. суд. 1864 г. № 44, л. 719 или 2 печ.—Библ. Гос. Сов., Т. LVI, № 1].

смотрѣнные Соед. Департаментами проекты внесть, установленнымъ порядкомъ въ Общее Собраніе Госуд. Совѣта, и 7) разсмотрѣніе всѣхъ вообще проектовъ, касающихся преобразованія судебной у насъ части, въ Госуд. Совѣтѣ кончить непремѣнно до наступленія вакантнаго въ 1864 г. времени". Сообщая о таковой Высочайшей волѣ, для зависящихъ распоряженій, госуд. секретаремъ В. Бутковымъ препровождены кн. П. Гагарину для внесенія на разсмотрѣніе Соед. Департаментовъ Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта, въ усиленномъ ихъ составѣ, отпечатанные въ типографіи II Отд. Собств. Е. И. В. Канц.:

I. Общую записку о ходѣ работъ по составленію въ учрежденной при Госуд. Канц. комиссіи проектовъ, касающихся преобраз. судебной части. II. Составленные комиссіею проекты: 1) учрежденія судебныхъ мѣстъ; 2) уст. уг. судопроизводства [1]) и 3) уст. гражд. судопроизводства [2]), съ слѣдующими къ онымъ подробными объяснительными записками и III. Служившіе комиссіи матеріалами при ея работѣ, особо отпечатанныя въ 14 томахъ разныя замѣчанія и соображенія, какъ доставленныя чинами судебнаго вѣдомства и посторонними лицами, такъ и составленныя чинами комиссіи по разнымъ предметамъ ея занятій. Вмѣстѣ съ симъ всѣ эти работы препровождены членамъ Соед. Департаментовъ Госуд. Совѣта, лицамъ, назначеннымъ для присутствованія въ оныхъ, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными вѣдомствами съ тѣмъ, чтобы ими внесены были въ Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта замѣчанія по тѣмъ статьямъ, которыя касаются ввѣренныхъ имъ Управленій. [Арх. Гос. Сов. Ком. Выс. учр. для начерт. законопол. о преобр. суд. ч. Дѣло № 2, л.л. 327—338.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. О преобр. суд. ч. въ Р. №№ 44, 47, 48, л.л. 15—19, отнош. № 2043 (подлинное), л.л. 20—24, 116.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 1 и 2, отнош. № 2046.—Тамъ же. Всеподд. доклады мин. юст. за 1863 г., стр. 53 обр.—Тамъ же. Отчетъ Мин. Юст. за 1864 г., л. 3 и обр.].

— Госуд. секретарь въ запискѣ отъ 24 декабря 1863 г. дѣятельность комиссіи при Госуд. Канц. за конецъ 1862 г. и часть 1863 г. представляетъ въ такомъ изложеніи: „Комиссія при Госуд. Канц., тотчасъ по назначеніи въ ея составъ членовъ, приступивъ въ октябрѣ 1862 г. къ порученнымъ ей работамъ, признала полезнымъ и необходимымъ, для успѣшнаго исполненія возложенныхъ на нее занятій, имѣть въ виду всѣ тѣ практическія, относительно развитія преподанныхъ въ руководство комиссіи основныхъ началъ, свѣдѣнія и соображенія, которыя

[1]) Первая книга проекта. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. О преобр. суд. ч. въ Р. 1864 г. № 44, ч. I, Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уг. суд. № 47, л. 781 обр. или 2 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, №№ 1 и 2].

[2]) Первыя пять книгъ проекта. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. О преобр. суд. ч. въ Р. 1864 г. № 44, ч. I. Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. по проекту уст. гр. суд. 1864 г. № 44, л. 718.—Библ. Гос. Сов. Т. LIII.—И. П. Б. Объясн. зап. къ проекту VI книги уст. гр. суд., составленному этой комиссіей, стр. 1].

могли быть доставлены изъ разныхъ частей Россіи лицами, хорошо знакомыми съ судебною частію вообще и съ мѣстными условіями разныхъ губерній. Для полученія такихъ свѣдѣній комиссія: во 1-хъ, отнеслась, чрезъ госуд. секретаря, въ Министерство Юстиціи о приглашеніи всѣхъ вообще чиновъ судебнаго вѣдомства, кто пожелаетъ, доставить прямо въ комиссію свои соображенія относительно развитія Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части. Комиссія полагала, что лучшимъ пособіемъ въ предстоящей ей работѣ можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, послужить сообщеніе ей свѣдѣній, замѣчаній и соображеній всѣхъ тѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, которые пожелаютъ участіемъ своимъ содѣйствовать этому общему для всей Россіи дѣлу; во 2-хъ, особенно отнеслась ко всѣмъ профессорамъ юридическихъ наукъ, о сообщеніи комиссіи ихъ замѣчаній и соображеній по статьямъ Основныхъ Положеній, касательно правильнѣйшаго и наиболѣе удобнаго, согласно требованіямъ науки и условіямъ нашей общественной жизни, развитія сихъ Положеній въ составленныхъ комиссіею проектахъ уставовъ судопроизводствъ и судоустройства; въ 3-хъ, пригласила, чрезъ періодическія изданія, всѣ вообще лица, желающія оказать комиссіи, въ порученномъ ей важномъ и трудномъ дѣлѣ, свое содѣйствіе, доставить въ комиссію замѣчанія и предположенія о развитіи и примѣненіи Основныхъ Положеній преобразованія судебной части какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ предметамъ оныхъ. Такія распоряженія не остались безъ благихъ послѣдствій. Въ короткое время было доставлено комиссіи, со всѣхъ концовъ Россіи, множество замѣчаній и соображеній о развитіи Высочайше утвержденныхъ Основныхъ Положеній преобразованія судебной части и о примѣненіи ихъ къ разнымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ [1]). Всего доставлено подобнаго рода замѣчаній отъ 448 лицъ: изъ нихъ сообщено чинами судебнаго вѣдомства 321, разными другими лицами, въ томъ числѣ профессорами и лицами ученаго сословія, 127. Замѣчанія сіи, по мѣрѣ поступленія ихъ, печатались отдѣльно и составили 6 большихъ томовъ. Замѣчанія, въ этомъ порядкѣ доставленныя, касаются, какъ общихъ положеній, такъ и преимущественно примѣненія Основныхъ Положеній къ разнымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Въ семъ послѣднемъ отношеніи сообщенныя комиссіи замѣчанія составляютъ богатый матеріалъ для обработки предположеній и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ, когда они будутъ утверждены. Изъ всѣхъ замѣчаній, такимъ образомъ полученныхъ, изготовленъ въ Госуд. Канц. и напечатанъ особою 7-ю книгою общій сводъ, въ коемъ противъ каждой статьи Основныхъ Положеній, означаются, въ краткихъ извлеченіяхъ, всѣ сдѣланныя на оную замѣчанія. Въ тѣхъ же видахъ доставленія комиссіи всѣхъ вообще замѣ-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, составленнымъ въ Госуд. Канц., до 1 января 1863 г., слѣдовательно въ теченіе только трехъ мѣсяцевъ со дня обнародованія Основныхъ Положеній, Госуд. Канц. получила отзывы на эти Положенія отъ 325 лицъ [Журн. Мин. Юст. 1863 г. Т. XV, стр. 234].

чаній и соображеній о развитіи Основныхъ Положеній и примѣненіи ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, государ. секретарь: во 1-хъ, отнесся къ министру внутр. дѣлъ объ истребованіи отъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и доставленіи въ комиссію ихъ соображеній о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія должны быть поставлены будущіе мировые судьи къ крестьянскому дѣлу вообще, а также о числѣ и составѣ мировыхъ участковъ по губерніямъ. Доставленныя такимъ образомъ свѣдѣнія и соображенія по онымъ самого Министерства Внутр. Дѣлъ напечатаны отдѣльно; во 2-хъ, отнесся къ министрамъ и главноуправляющимъ, завѣдывающимъ дѣлами казеннаго управленія, о доставленіи въ комиссію возникшихъ въ сихъ Министерствахъ и Главныхъ Управленіяхъ соображеній о примѣненіи Основныхъ Положеній къ дѣламъ и случаямъ, касающимся нарушеній казеннаго и разныхъ другихъ отдѣльныхъ управленій; въ 3-хъ, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе Е. И. В. о порученіи двумъ членамъ комиссіи, д. ст. с. Ковалевскому и ст. сов. Ровинскому собрать по губерніямъ, кои должны войти въ составъ округовъ будущихъ судебныхъ палатъ: С.-Петербургской и Московской, самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о настоящей дѣятельности разныхъ судебныхъ учрежденій въ сихъ губерніяхъ, о числѣ тѣхъ дѣлъ, коими завѣдываютъ нынѣ полицейскія установленія, но которыя, по Основнымъ Положеніямъ преобразованія судебной части, должны будутъ перейти изъ вѣдомства полиціи въ вѣдомство суда, и вообще о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, кои необходимы для введенія въ двухъ означенныхъ округахъ новыхъ уставовъ, когда они будутъ утверждены. По С.-Петербургскому округу собраніе сихъ свѣдѣній и составленіе основанныхъ на нихъ соображеній поручено Ковалевскому, а по Московскому—Ровинскому. Въ распоряженіе ихъ и для содѣйствія имъ были командированы чиновники Госуд. Канц. и мѣстные чиновники Министерства Юстиціи. Симъ порядкомъ собрано много свѣдѣній, кои напечатаны въ 2-хъ особыхъ книгахъ, и въ 4-хъ, вошелъ въ сношеніе съ Главными Начальствами тѣхъ губерній и областей, кои управляются не по общему учрежденію, о доставленіи соображеній о примѣненіи къ онымъ Основнымъ Положеніямъ преобразованія судебной части. Эти соображенія отъ нѣкоторыхъ изъ сихъ начальствъ уже поступили, а, по полученіи ихъ отъ всѣхъ прочихъ, оныя будутъ напечатаны отдѣльно. Сообщенныя же комиссіи разными должностными лицами замѣчанія и соображенія о примѣненіи Основныхъ Положеній къ Сибири, собраны вмѣстѣ и напечатаны въ особой книгѣ. О всѣхъ такихъ распоряженіяхъ и вообще о ходѣ работъ комиссіи было объявляемо въ Журналѣ Министерства Юстиціи и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Все это дало литературѣ нашей поводъ войти также въ обсужденіе весьма многихъ вопросовъ, касающихся развитія и примѣненія Основныхъ Положеній. По сношенію госуд. секретаря съ Министерствами Народн. Просвѣщ. и Внутр. Дѣлъ, многія подобнаго рода литературныя статьи, въ отдѣльныхъ оттискахъ, доставлялись въ комиссію, для ея соображеній. — Для всесторонней разработки уставовъ судопроизводствъ и судоустройства, комиссія признала

необходимымъ собрать подробныя свѣдѣнія и объ иностранныхъ законодательствахъ по этимъ предметамъ, гдѣ опытомъ и теоріею разрѣшены уже разные вопросы въ ихъ примѣненіи. Какъ многія узаконенія иностранныхъ государствъ, касающіяся судопроизводства и судоустройства, у насъ мало извѣстны, то комиссія распорядилась перевести и напечатать ихъ отдѣльно, полными уставами, или только въ видѣ извлеченій изъ оныхъ по нѣкоторымъ особымъ предметамъ. Наконецъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. и Министерство Юстиціи старались всѣми зависящими отъ нихъ средствами оказывать комиссіи полное содѣйствіе доставленіемъ всѣхъ необходимыхъ ей матеріаловъ и свѣдѣній. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. О преобр. суд. ч. въ Р. 1864 г. №№ 44, 47, 48, ч. I. Записка госуд. секр. стр. 11—16 печ., или л.л. 6—8 обр.].

Декабря 30.—Министръ юстиціи испросилъ Высочайшее соизволеніе на осуществленіе слѣдующихъ мѣръ: 1) чтобы министру было дозволено главнѣйшія изъ соображеній его по (внесеннымъ въ Госуд. Совѣтъ) проектамъ сообщить Госуд. Совѣту въ печатныхъ экземплярахъ ко времени, которое будетъ назначено для слушанія дѣла, и затѣмъ представлять Совѣту изустно всѣ тѣ разъясненія, какія окажутся необходимыми; 2) чтобы всѣ работы комиссіи были сообщены на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе сенаторамъ и об.-прокурорамъ, какъ лицамъ, обладающимъ обширными юридическими познаніями и практическою въ судебныхъ дѣлахъ опытностью, и 3) чтобы товарищъ министра т. с. Стояновскій находился во всѣхъ засѣданіяхъ Госуд. Совѣта съ правомъ представлять объясненія и соображенія свои по проектамъ о преобраз. судебн. части. [Сен. Арх. Всепод. доклады мин. юст. за 1863 г., стр. 54 обр. — Тамъ же. Отчеты по Мин. Юст. за 1864 г., л.л. 3 обр.—4 обр.].

1864 г.

— Для ближайшаго обсужденія внесенныхъ въ Госуд. Совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства министръ юстиціи образовалъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особыя совѣщательныя засѣданія, въ которыхъ приняли постоянное участіе: товарищъ министра Стояновскій, директоръ департамента баронъ Врангель, вице-директоръ Хвостовъ и нѣкоторые другіе чины подвѣдомственныхъ министру учрежденій. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ по три раза въ недѣлю по вечерамъ. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій проектовъ, основаній, приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій, въ засѣданіяхъ этихъ, по указаніямъ министра юстиціи, устанавливалась

сущность этихъ замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра юстиціи, окончательно просматривались самимъ министромъ, печатались и по мѣрѣ изготовленія разсылались ко всѣмъ чинамъ. Соед. Деп. Госуд. Совѣта ко времени происходившихъ въ оныхъ засѣданій.—Во всеподданнѣйшей запискѣ по Департаменту Министерства Юстиціи 1864 г. находимъ слѣдующее: „Министерство Юстиціи сообщало... во II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. свои заключенія и доставляло Высочайше учрежд. комиссіи при Госуд. Канц. всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя оказывались необходимыми. По окончательномъ изготовленіи комиссіею означенныхъ проектовъ Министерство Юстиціи съ Высочайшаго соизволенія, разославъ печатные экземпляры ихъ къ сенаторамъ и об.-прокурорамъ для доставленія замѣчаній, приступило вмѣстѣ съ тѣмъ и съ своей стороны къ подробному разсмотрѣнію сихъ проектовъ. По мѣрѣ присылки сенаторами и об.-прокурорами замѣчаній, они печатались и отсылались къ членамъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта и госуд. секретарю для принятія ихъ, согласно Высочайшей волѣ въ соображеніе при окончательномъ обсужденіи Госуд. Совѣтомъ трудовъ комиссіи. Нѣкоторые изъ сенаторовъ доставили отдѣльныя свои замѣчанія, — другіе составили общее собраніе, въ которомъ всѣ возникающіе вопросы и сомнѣнія разрѣшались по большинству голосовъ; многія изъ замѣчаній сенаторовъ приняты Соед. Департаментами и Зак. и Гражд. Дѣлъ. Въ Министерствѣ Юстиціи обсужденіе проектовъ происходило подъ моимъ предсѣдательствомъ (т. е. министра), въ присутствіи моего товарища, директора департамента и нѣкоторыхъ оберъ-прокуроровъ,—и засѣданія продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ по два и по три раза въ недѣлю. Для изложенія сдѣланныхъ замѣчаній и предположеній избраны были мною изъ чиновниковъ Министерства особые редакторы по каждому проекту отдѣльно... Главнѣйшій трудъ по сведенію отдѣльныхъ замѣчаній въ одно общее цѣлое лежалъ на обязанности товарища моего т. с. Стояновскаго, который принималъ участіе въ качествѣ исправлявшаго должность ст.-секретаря Госуд. Совѣта въ начертаніи основныхъ началъ предстоящаго преобразованія, былъ наиболѣе подготовленъ къ этой важной работѣ и присутствовалъ вмѣстѣ со мною, по Высочайшему Вашему повелѣнію, при разсмотрѣніи сихъ проектовъ въ Госуд. Совѣтѣ". [Сен. Арх. Отчетъ по Мин. Юст. за 1864 г., л.л. 4 обр.—5 обр.—Тамъ же. Всепод. зап. мин. юст. 1864 г. Докладъ 12 августа, л.л. 148 обр.—151.—Журн. Мин. Юст. Декабрь 1864 г., т. 22, стр. 582 и 583].

Января 1.—Высочайшее утвержденіе управляющаго Министерствомъ Юстиціи сенатора т. с. Д. Н. Замятнина въ должности министра юстиціи.

Февраля 8.—Министромъ финансовъ ст.-секретаремъ Рейтерномъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44, ч. I. О преобр. суд. ч. въ Р., л. 69, отнош. № 26].

Февраля 10, 12, 17, 22, 24, 25 и марта 2. — Семь засѣданій общаго присутствія комиссіи при Госуд. Канц., въ которыхъ былъ разсмотрѣнъ проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. № 36, ч. I. 1861 г., л.л. 505—544].

Февраля 17.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю, а также и членамъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта замѣчанія на первыя четыре главы книги I и на 1 раздѣлъ и I главу второго раздѣла книги II проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г., № 44, ч. I. О преобр. суд. ч. въ Р., л. 111, отнош. № 2641.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. 13].

Февраля 19.—† гр. Блудовъ (въ должности предсѣдателя Госуд. Совѣта).

Февраля 19.—Высочайше предоставлено товарищу министра юстиціи т. с. Стояновскому быть во всѣхъ засѣданіяхъ Госуд. Совѣта по дѣлу о судебной реформѣ и представлять объясненія и соображенія по проектамъ о преобраз. судебн. части. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 112].

Февраля 21.—Об.-прокуроромъ Св. Синода Ахматовымъ препровождены госуд. секретарю его замѣчанія на составленные комиссіею при Госуд. Канц. проекты (съ объяснительною запискою) — учрежденія судебныхъ мѣстъ, уст. уг. и уст. гр. судопроизводствъ, въ части, касающейся вѣдомства православнаго исповѣданія [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. судебн. ч. въ Р., ч. I, л. 116, отнош. № 1145].

Февраля 24.—Предсѣдателю Департамента Законовъ Госуд. Совѣта д. т. с. кн. Гагарину Высочайше повелѣно быть предсѣдательствующимъ въ Гос. Совѣтѣ съ увольненіемъ его отъ должности предсѣдателя Департамента Законовъ.

Февраля 25 и марта 3.—Два засѣданія общаго собранія комиссіи при Госуд. Канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ госуд. секретаря, въ которыхъ былъ обсужденъ, внесенный гражданскимъ отдѣленіемъ комиссіи, проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства, [И. П. Б. Объясн. зап. къ проекту VI книги уст. гр. суд., составленному этой комиссіей, стр. 1].

Февраля 27.—Д. т. с. Гагарину по случаю назначенія предсѣдательствующимъ въ Госуд. Совѣтѣ Высочайше повелѣно продолжать предсѣдательствовать въ Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ при разсмотрѣніи проектовъ и предположеній о преобразованіи судебной части.

Февраля 28.—Об.-прокуроромъ Св. Синода препровождены госуд. секретарю соображенія и замѣчанія Св. Синода на составленные комиссіей при

Госуд. Канцеляріи проекты (съ объяснительною запискою)—учрежденія судебныхъ мѣстъ, уст. уг. суд. и уст. гр. судопроизводствъ, въ части, касающейся вѣдомства православнаго исповѣданія. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 198, отнош. № 1287].

Февраля 29.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю кн. Гагарину и нѣкоторымъ другимъ членамъ Госуд. Совѣта продолженіе замѣчаній на I и II книги проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 204, отнош. № 3208. — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 16—19].

Марта 4.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю кн. Гагарину и нѣкоторымъ другимъ членамъ Госуд. Совѣта, замѣчанія на отдѣльныя статьи III книги проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 208, отнош. № 3397.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, лл. 22 и 23].

Марта 4, 11, 14, 18, 21 и 28, апрѣля 1, 4, 8, 11, 22, 25 и 29, мая 2, 6, 9, 13 и іюля 1. — Восемнадцать засѣданій Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта, въ которыхъ былъ разсмотрѣнъ въ присутствіи министра юстиціи составленный комиссіей при Госуд. Канцеляріи проектъ уст. гр. судопроизводства. Въ первомъ засѣданіи, начавъ разсмотрѣніе первой книги проекта, положили: для дальнѣйшихъ работъ по преобразованію судебной части собираться два раза въ недѣлю. Проектъ гражданскаго судопроизводства докладывался предсѣдателемъ гражд. отдѣленія комиссіи С. И. Зарудным, проектъ уголовнаго судопроизводства предсѣдателемъ уголовнаго отдѣленія комиссіи Н. А. Буцковскимъ, проектъ уст. о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, чиновникомъ II Отд. Собств. Е. И. В. канц. Е. А. Перетцемъ, проектъ учрежденій и штатовъ судебныхъ мѣстъ предсѣдателемъ отдѣленія комиссіи о судоустройствѣ А. М. Плавскимъ. При докладѣ каждаго проекта находились члены-редакторы комиссіи при Госуд. Канц., а также редакторы представленныхъ отъ Министерства Юстиціи замѣчаній, чиновники этого Министерства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 219, всепод. докладъ гос. секр.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, журн. Соед. Деп. по проекту уст. гр. суд. 1864 г. № 44, л.л. 718 и 719 или 1 и 2 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. XLI, № 1.—Журн. Мин. Юст. 1864 г. Декабрь. Т. 22, стр. 586].

Марта 6.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю дополнительно замѣчанія его (№№ 2 и 3) на проектъ уст. гр. судопроизводства. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. 26 обр., отнош. № 3692].

Марта 7.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю замѣчанія нѣкоторыхъ сенаторовъ на проектъ уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 210, отнош. № 3783].

Марта 10.—Ст. секретаремъ гр. Панинымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на три первыя главы второй книги проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л.л. 109 и 110].

Марта 13. — Ст.-секретаремъ гр. Панинымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на IV и V главы I раздѣла книги II уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 214].

Марта 15.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю кн. Гагарину и нѣкоторымъ другимъ членамъ Госуд. Совѣта, замѣчанія нѣкоторыхъ сенаторовъ и об.-прокуроровъ Пр. Сената на проектъ уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 220, отнош. № 4206. — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 29 и 30].

Марта 17. — Ст.-секретаремъ гр. Панинымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на первую главу II раздѣла II книги проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 223].

Марта 20.—Ст.-секретаремъ гр. Панинымъ препровождено госуд. секретарю особое мнѣніе по разномыслiямъ, возникшимъ въ комиссіи при Госуд. Канц. по вопросамъ, относящимся до содержанія первой главы второго раздѣла второй книги проекта уст. гр. судопроизводства и замѣчанія на главу о доказательствахъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 224].

Марта 25.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю замѣчанія нѣкоторыхъ сенаторовъ на проектъ уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 222].

Марта 25 и 26.—Ст.-секретаремъ гр. Панинымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія его на главу по повѣркѣ доказательствъ и на главу о частныхъ производствахъ проекта уст. гр. судопроизводства [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 226 и 226[1]].

Марта 31.—Министромъ внутр. дѣлъ Валуевымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на тѣ изъ статей проектовъ преобраз. судебн. части, которыя касаются вѣдомства Министерства Внутр. Дѣлъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 231].

Апрѣля 3.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его на III и IV книги проекта уст. гр. суд., а также окончаніе замѣчаній 19-ти сенаторовъ на тотъ же проектъ. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 20 и 21, отнош. № 5112].

Апрѣля 8.—Госуд. секретаремъ препровождены предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта, министру юстиціи и главноуправляющимъ составленный комиссіей при Госуд. Канц. проектъ VI книги уст. гр. суд. объ особыхъ родахъ гражд. судопроизводства съ объяснительною къ нему запискою для замѣчаній. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л.л. 304 и 307. — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 33 и 34, отнош. № 517].

Конецъ марта—начало апрѣля.—Комиссія при Госуд. Канц. окончила и представила Госуд. Совѣту отдѣльно VI книгу проекта уст. гр. суд. объ особыхъ родахъ судопроизводства вмѣстѣ съ объяснительною къ ней запискою. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л.л. 305 обр. и 306, и въ томъ же дѣлѣ журн. Соед. Деп. по проекту уст. гр. суд. 1864 г. № 44, л. 718.— Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 1].

Апрѣль.—Комиссія при Госуд. Канц. окончила и представила Госуд. Совѣту II книгу проекта уст. уг. суд. (объ изъятіяхъ изъ общаго порядка) съ объяснительною къ ней запискою. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Соед. Деп. по проекту уст. уг. суд. № 47, л. 781 обр. или 2 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 2].

Апрѣля 13.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю замѣчанія его на IV и V книги проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 309 и обр., отнош. № 5737.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 36 и 37].

Апрѣля 17.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ другимъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его на V книгу проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 311. — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 39 и обр., отнош. №№ 5785 и 5796].

Апрѣля 24.—Главное Управленіе Коннозаводства увѣдомило госуд. секретаря объ отсутствіи замѣчаній на проектъ VI книги объ особыхъ родахъ гражд. судопроизводства.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ другимъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его на ст.ст. 1—491 проекта уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов.

То же дѣло, л.л. 312 и 313, отнош. №№ 437 и 6219.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л 43 обр. и 44].

Апрѣля 28.—Министромъ внутр. дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія о нѣкоторыхъ новыхъ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на земскія учрежденія въ проектахъ учрежденія судебныхъ мѣстъ и общаго уст. гр. судопроизводства.—Главнымъ начальникомъ III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. ген.-адъютантомъ кн. Долгоруковымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на ст.ст. 39—52 проекта VI книги уст. гр. судопроизводства.—Министромъ внутр. дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на статьи проекта IV книги уст. гр. суд., которыя касаются вѣдомства Министерства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 319, 330—336, отнош. №№ 4654, 775 и 4655].

Апрѣля 29.—Госуд. секретаремъ препровождены министру финансовъ соображенія министра юстиціи на нѣкоторыя статьи проекта IV книги уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 914, отнош. № 641].

Апрѣля 30. — Госуд. секретаремъ препровождены министру финансовъ для заключенія проекты нѣкоторыхъ статей IV книги уст. гр. судопроизводства (по вопросу объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ для продажи ихъ съ публичнаго торга).—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта коллективныя и отдѣльныя замѣчанія сенаторовъ на проектъ уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 314 и 380, отнош. №№ 643 и 6806.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 49 и 50].

Май.—Комиссія при Госуд. Канцеляріи представила Госуд. Совѣту VII (послѣднюю) книгу проекта уст. гр. суд. съ объяснительною къ ней запискою. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Соед. Деп. по проекту уст. гр. суд. 1864 г. № 44, л.л. 718 и обр. или 1 и 2 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 1.].

Мая 1.—Министромъ государственныхъ имуществъ ген.-адъютантомъ Зеленымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на статьи проекта VI книги уст. гр. суд., которыя могутъ касаться вѣдомства Министерства (т. е. 1-ая глава). — Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его на VI книгу проекта уст. гр. суд. и коллективныя замѣчанія сенаторовъ на ту же книгу проекта. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 360 и 381, отнош. №№ 1150 и 6808.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 51 и 52].

Мая 2.—Министромъ иностр. дѣлъ вице-канцлеромъ кн. Горчаковымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на VI книгу проекта уст. гр. суд., объ особыхъ родахъ судопроизводства.—Морскимъ министромъ

ген.-адъютантомъ Краббе препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 382 и 383, отнош. №№ 1004 и 1159].

Мая 3.—Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ Толстымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 388, отнош. № 579].

Мая 4.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Гос. Сов., а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его о системѣ проекта уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 395, отнош. № 6975.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 53 и 54].

Мая 5.—Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичными зданіями препровождены госуд. секретарю замѣчанія на VI книгу уст. гр. судопроизводства.—Об.-прокуроромъ Св. Синода ген.-адъютантомъ Ахматовымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія его на проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 396 и 403, отнош. №№ 346 и 2702].

Мая 7.—Главноуправляющимъ IV Отд. Собств. Е. И. В. Канц. Е. В. принцомъ Петромъ Ольденбургскимъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на VI книгу уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 455, отнош. № 2200].

Мая 8.—Министромъ иностр. дѣлъ вице-канцлеромъ кн. Горчаковымъ препровождены госуд. секретарю соображенія о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 461, отнош. № 1117].

Мая 9.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю, а также предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Гос. Совѣта, замѣчанія его (№ 2) на проектъ уст. уг. судопроизводства.—Министромъ финансовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства. — Министромъ Императорскаго Двора гр. Адлербергомъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства. — Министромъ иностр. дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ IV книги уст. гр. суд.—„объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ". — Высочайше учрежденной комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ IV книги уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 459, 463, 486, 501 и 503, отнош. №№ 7258, 1319, 420, 1120 и 87. — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 55 и 56].

Мая 12.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ

членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его на проектъ VII книги уст. гр. судопроизводства. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 58 и 59, отнош. № 7326].

Мая 13, 16, 20, 23, 27 и 30, іюня 3, 6, 10, 13 и 17.—Одиннадцать засѣданій Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ въ присутствіи министра юстиціи былъ разсмотрѣнъ составленный комиссіей при Госуд. Канц. проектъ уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Россіи, ч. I, журн. Соед.. Деп. по проекту уст. уг. суд. 1864 г. № 47, л. л. 781 и 782 или 1 и 2 печ.—Библ. Гос. Сов., Т. LVI, № 2].

Мая 14.—Высочайше учрежденной комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на статьи проекта уст. гр. суд. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имѣній для залоговъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 508, отнош. № 90].

Мая 14.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. ст.-секретаремъ гр. Панинымъ препровождены госуд. секретарю для внесенія въ Госуд. Совѣтъ: 1) проектъ уст. о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ въ первоначальной и новой его редакціи [1]), 2) объяснительная къ нему записка и 3) дополнительная записка о сдѣланныхъ главноуправляющимъ въ проектѣ измѣненіяхъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. № 36, ч. I. 1861 г., л. 545, отнош. № 331.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ. 1864 г. № 46, л. 1].

Мая 15.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю замѣчанія его на проектъ VII книги уст. гр. судопроизводства.—Об. прокуроромъ Св. Синода препровождены госуд. секретарю замѣчанія Св. Синода на проектъ VI книги уст. гр. судопроизводства.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. представленъ (ср. дату отъ 14 мая) на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта составленный II Отдѣл. проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ (согласно Высо-

---

[1]) Проектъ этотъ первоначально составленъ былъ чиновниками II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., подъ руководствомъ и по указаніямъ бывшаго главноупр. II Отд. ст.-секретаря барона Корфа, но за полученіемъ въ февралѣ 1864 г. барономъ Корфомъ другого назначенія, „по нѣкоторымъ предметамъ сего проекта не послѣдовало отъ него окончательнаго разрѣшенія сомнѣній", возбужденныхъ между чиновниками, участвовавшими въ составленіи проекта. Затѣмъ, вновь назначенный главноуправляющимъ II Отд. гр. Панинъ, разсмотрѣвъ, съ Высочайшаго соизволенія, означенный проектъ и согласившись вообще съ главными, принятыми при составленіи его, началами, призналъ, съ своей стороны, необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя частныя въ немъ измѣненія. Вслѣдствіе этого и произошли двѣ редакціи проекта, представленныя на разсмотрѣніе Гос. Совѣта. Основаніемъ къ составленію проекта уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ, послужило Уложеніе о Наказаніяхъ и отчасти сельскій судебный уставъ. [Журн. Мин. Юст. 1864 г. т. XX, стр. 580 и 581].

чайше утвержд. мнѣнія Гос. Сов. 29 сентября 1862 г.).—Комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю дополненія къ замѣчаніямъ на проектъ уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л.л. 493, 515 и 534, отнош. №№ 7326, 3102 и 91.—По проекту уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. суд. 1864 г. № 46, л. 107, отнош. № 750.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. 60].

Мая 16.—Комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на главу IV раздѣла VIII проекта уст. уг. судопроизводства.—Госуд. секретаремъ препровожденъ министру юстиціи составленный II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ, съ объяснительными записками и всѣми приложеніями для доставленія замѣчаній и соображеній.—[Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 530, отнош. № 92.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту уст. о взыск. за пр., подв. мир. суд. 1864 г. № 46, л.л. 107 и 108, отнош. № 750.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 60 и 61].

Мая 18.—Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта, объявленное Сенату министромъ юстиціи.—О продолженіи срока существованія для временно-учрежденнаго при департаментѣ Министерства Юстиціи стола по дѣламъ преобразованія слѣдственной части. [П. С. З., № 40.887].

Мая 20 и 26.—Госуд. секретаремъ препровожденъ предсѣдателю Госуд. Совѣта, членамъ Соед. Деп., министрамъ и главноуправляющимъ проектъ II книги уст. уг. суд. объ особыхъ родахъ судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Россіи, ч. I, л. 543, отнош. № 850.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л.л. 65 и 66, отнош. № 791].

Мая 23.—Главное Управленіе Госуд. Коннозаводства увѣдомило госуд. секретаря объ отсутствіи замѣчаній на II книгу уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 550, отнош. № 564].

Мая 25.—Министромъ иностр. дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 546, отнош. № 1278].

Мая 27.—Морскимъ Министерствомъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 557, отнош. № 406]

Мая 29.—Министерствомъ Финансовъ (департаментомъ неокладныхъ сборовъ) препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства.—Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В.

Канц. препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 552 и 554, отнош. №№ 2415 и 382].

Мая 30.—Главнымъ Начальствомъ надъ Почтовымъ Департаментомъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 559, отнош. № 748].

Іюня 3.—Комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на статьи III раздѣла II книги проекта уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 560, отнош. № 151].

Іюня 4.—Главноуправляющимъ IV Отд. Собств. Е. И. В. Канц. препровождены госуд. секретарю замѣчанія на статьи III раздѣла и первой главы IV раздѣла II книги проекта уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 569, отнош. № 2773].

Іюня 5.—Об.-прокуроромъ Св. Синода препровождены госуд. секретарю замѣчанія его на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства.—Министерствомъ Госуд. Имуществъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на III и IV раздѣлы II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 570 и 589, отнош. №№ 3704 и 1492].

Іюня 6.—Госуд. секретаремъ внесена въ Госуд. Совѣтъ VII (послѣдняя) книга проекта уст. гр. судопроизводства съ объяснительною къ ней запискою.—Комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на IV раздѣлъ II книги проекта уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 607 и обр., 609, отнош. № 109.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. 74].

Іюня 7.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 640.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 72 и 73, отнош. № 9032].

Іюня 8.—Госуд. Контролемъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства.—Министерствомъ Внутр. Дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства и въ связи съ нимъ на нѣкоторыя статьи проекта I книги того же устава и учрежденія судебныхъ мѣстъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л.л. 641 и 643, отнош. №№ 324 и 1438].

Іюня 9.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія его, коллективныя и отдѣльныя за-

мѣчанія сенаторовъ и об.-прокуроровъ на проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 664.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 76 и 77, отнош. № 9086].

Іюня 10.—Министерствомъ Военнымъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства.—Главнымъ Управленіемъ Путями Сообщеній и Публичными Зданіями препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 638 и 648, отнош. №№ 3457 и 518].

Іюня 11.—Министерствомъ Императорскаго Двора (Департаментомъ Удѣловъ) препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 644, отнош. № 530].

Іюня 12.—IV Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. увѣдомило госуд. секретаря объ отсутствіи возраженій на проектъ VII книги уст. гр. судопроизводства.—Об.-прокуроръ Св. Синода увѣдомилъ госуд. секретаря о согласіи вѣдомства съ проектомъ VII книги уст. гр. суд., въ части касающейся вѣдомства.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія (№ 2) сенаторовъ на проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ.—Госуд. секретаремъ препровожденъ проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ вмѣстѣ съ объяснительною къ нему запискою для доставленій на него замѣчаній: 1) министру внутр. дѣлъ, 2) министру финансовъ, 3) главноупр. пут. сообщ. и публ. зданіями, 4) главноначальств. надъ почтов. департ. и 5) министру госуд. имуществъ [1]). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 663, 662 и 665, отнош. №№ 2870 и 3887.—Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 79 и 80, отнош. № 9330.—Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ. 1864 г. № 46, л. л. 111 и 112, отнош. №№ 959, 958, 961, 960 и 962].

Іюня 13.—III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ II книги уст. уг. суд., объ изъятіяхъ изъ общаго порядка. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 666, отнош. № 1193].

Іюня 16.—Об.-прокуроромъ Св. Синода препровождены госуд. секретарю замѣчанія Св. Синода на проектъ II книги уст. уг. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 672, отнош. № 3965].

---

[1]) А также и ко всѣмъ членамъ Госуд. Совѣта и другимъ, кромѣ поименованныхъ, министрамъ и главноуправляющимъ. См. Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. О составленіи проекта уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. суд. № 36, ч. I. 1861 г.

Іюня 17.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось разсмотрѣніе составленнаго комиссіей при Госуд. Канц. проекта уст. уг. судопроизводства (ср. дату отъ 13 мая этого же года). [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Соед. Деп. по проекту уст. уг. суд. 1864 г. № 47, л. л. 781 и 782 или стр. 1 и 2 печ.].—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 2].

Іюня 17, 20, 24 и 27.—Четыре засѣданія Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ, въ присутствіи министра юстиціи, разсмотрѣнъ составленный комиссіей при Госуд. Канц. проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Соед. Деп. по проекту учрежд. судебн. мѣстъ. № 48, л. 858 и обр. или стр. 1 и 2 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 3].

Іюня 18.—Министерствомъ Императорскаго Двора (Департаментомъ Удѣловъ) препровождены госуд. секретарю замѣчанія министра на проектъ VIII книги уст. гр. судопроизводства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 680, отнош. № 446].

Іюня 20.—Комиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ.—Министромъ юстиціи препровождены госуд. секретарю для членовъ Госуд. Совѣта, а также и непосредственно предсѣдателю и нѣкоторымъ членамъ Госуд. Совѣта замѣчанія на проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. То же дѣло, л. 682, отнош. № 117.—Тамъ же. Деп. Зак. По проекту уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ. 1864 г. № 46, л. 110, отнош. № 9632. — Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 85 и 86].

Іюня 24.—Министромъ финансовъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ. 1864 г. № 46, л. л. 113—115, отнош. № 2005].

Іюня 25.—Главнымъ Начальствомъ надъ Почтовымъ Департаментомъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ.—Министерствомъ Внутр. Дѣлъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 116—119, 149—154, отнош. №№ 858 и 1557].

Іюня 26.—Министерствомъ Госуд. Имуществъ препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. л. 125—148, отнош. № 256].

Іюня 27.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось разсмотрѣніе составленнаго комиссіей при Госуд. Канц. проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ (ср. дату отъ 17 іюня этого же года). [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, журн. Соед. Деп. по проекту учрежд. судебныхъ мѣстъ. № 48, л. 858 и обр. или стр. 1 и 2 печ. — Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 3].

Іюля 1. — Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ закончилось разсмотрѣніе составленнаго Комиссіей при Госуд. Канц. проекта уст. гр. судопроизводства (ср. дату отъ 4 марта этого же года). [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Соед. Деп. по проекту уст. гр. суд. 1864 г. № 44, л. л. 718 и 719 или стр. 1 и 2 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 1].

Іюля 1 и 9.—Два засѣданія Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которыхъ былъ разсмотрѣнъ внесенный II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. О составленіи проекта уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ. № 36, ч. I. 1861 г., журн. Соед. Деп. № 46, л. 675.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту того же устава. 1864 г. № 46, л. 155, тотъ же журналъ.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 846, тотъ же журналъ.—Библ. Гос. Сов. Т. LVI, № 4].

Іюля 11.—Высочайше повелѣно приступить къ разсмотрѣнію въ Общемъ Собраніи Госуд. Совѣта проектовъ, касающихся судебной реформы послѣ вакантнаго времени, т. е. послѣ 15 сентября 1864 г. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г. № 15, л. 226, всеподданнѣйшій докладъ предсѣд. въ Гос. Сов. кн. Гагарина].

Іюля 25.—Госуд. секретаремъ препровождена министру юстиціи особая записка о классахъ должностей и объ окладахъ содержанія чиновъ будущихъ судебныхъ установленій на заключеніе.—Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій препровождены госуд. секретарю замѣчанія на проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1864 г. № 4202, л. л. 89 и 90, отнош. № 1217.—Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. судьямъ. 1864 г. № 46, л. л. 120—124, отнош. № 665].

Августа 20.—Главноуправляющимъ II Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канц. гр. Паниным препровождены госуд. секретарю замѣчанія на статьи IV книги проекта уст. гр. суд. относительно несостоятельности лицъ неторговаго званія. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 688, отнош. № 587].

Сентября 16 и 18.—Два засѣданія Общаго Собранія Госуд. Совѣта, въ которыхъ былъ разсмотрѣнъ проектъ уст. гр. судопроизводства, составленный комиссіей при Госуд. Канц. и исправленный по заключеніямъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Гос. Сов. въ Общ. Собр., л. 905 или стр. 1 печ.—Библ. Гос. Сов. Т. LXV, № 1].

Сентября 23 и 25.—Два засѣданія Общаго Собранія Госуд. Совѣта, въ которыхъ былъ разсмотрѣнъ проектъ уст. уг. суд., составленный комиссіей при Госуд. Канц. и исправленный по заключеніямъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Гос. Сов. въ Общ. Собр., л. 917 или стр. 1 печ.—Библ. Гос. Сов. т. LXV, № 2].

Сентября 30.—Засѣданіе Общаго Собранія Госуд. Совѣта, въ которомъ былъ разсмотрѣнъ проектъ уст. о взыск. за проступки, подвѣдомые мир. судьямъ. [Арх. Гос. Сов. Дѣло II Отд. Собств. Е. И В. Канц. О составленіи проекта уст. о взыск. за проступки, подвѣдом. мир. суд. № 36, ч. I. 1861 г., л. 700.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. По проекту того же устава. 1864 г. № 46, ч. II, журн. Гос. Сов. въ Общ. Собр.—Тамъ же. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, л. 947 или стр. 1 печ.—Библ. Гос. Сов. т. LXV, № 3].

Октября 2.—Засѣданіе Общаго Собранія Госуд. Совѣта, въ которомъ былъ разсмотрѣнъ проектъ учрежденія судебныхъ установленій, составленный комиссіей при Госуд. Канц. и исправленный по заключеніямъ Соед. Деп. Госуд. Совѣта. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I, журн. Гос. Сов. въ Общ. Собр., л. 956 или стр. 1 печ.—Библ. Гос. Сов. т. LXV, № 4].

Октября 9.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ была разсмотрѣна записка о классахъ, разрядахъ и окладахъ чиновъ судебнаго вѣдомства, составленная въ комиссіи при Госуд. Канц., а также замѣчанія на эту записку министровъ юстиціи, внутр. дѣлъ и финансовъ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Соед. Деп. по запискѣ о клас., разр. и окл. чин. суд. вѣд. № 59, л. 888 или стр. 1 печ.—Библ. Гос. Сов. т. LVIII].

Октября 9. — Всеподданнѣйшій докладъ предсѣдательствующаго въ Госуд. Совѣтѣ кн. Гагарина объ окончаніи разсмотрѣнія въ Общемъ Собраніи Госуд. Совѣта проектовъ новыхъ уставовъ—учрежд. судебн. установленій, уставовъ уг. и гр. судопроизводствъ и устава о взыск. за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. На докладѣ Высочайшая резолюція: „Искренно благодарю за окончаніе сего важнаго дѣла. Дай Богъ, чтобы результатъ этого соотвѣтствовалъ Нашимъ ожиданіямъ. Ницца. 16/28-го окт. 1864 г.“ [Арх. Гос. Сов. Дѣла Отд. Дѣлъ Гос. Секр. 1861 г., № 15, л. 273].

Октября 21.—Засѣданіе Соед. Деп. Госуд. Совѣта, въ которомъ была разсмотрѣна (вторично) записка о классахъ, разрядахъ и окладахъ чиновъ

судебнаго вѣдомства, составленная въ комиссіи при Госуд. Канц., т. к., вслѣдствіе сдѣланныхъ въ засѣданіи Общаго Собранія Госуд. Совѣта 19 того же октября министромъ внутр. дѣлъ замѣчаній, не бывшихъ въ виду Соед. Департаментовъ, дѣло это было обращено Общимъ Собраніемъ въ Департаменты для новыхъ объясненій. [Арх. Гос. Сов. Дѣла Гос. Сов. Деп. Зак. 1864 г. № 44. О преобр. суд. ч. въ Р., ч. I. Журн. Соед. Деп. отъ 9 и 21 октября 1864 г. по запискѣ о клас., разр. и оклад. чин. суд. вѣд. № 63, л. 896 или стр. 1 печ. — Библ. Гос. Сов. Т. LVIII].

Ноября 2. — Засѣданіе Общаго Собранія Госуд. Совѣта, въ которомъ была разсмотрѣна записка комиссіи при Госуд. Канц. о классахъ, разрядахъ и окладахъ чиновъ судебнаго вѣдомства. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, журн. Гос. Сов. въ Общ. Собр., л. 960 или стр. 1 печ. — Библ. Гос. Сов. Т. LVIII].

Ноября 20.—Исправленные, сообразно послѣдовавшимъ Высочайшимъ разрѣшеніямъ, проекты законоположеній о судебномъ преобразованіи удостоены Высочайшаго утвержденія, а указъ Пр. Сенату объ обнародованіи сихъ законоположеній удостоенъ подписанія Его Величества, въ Царскомъ Селѣ. [Арх. Гос. Сов. То же дѣло, л. 963 обр.].

Ноября 20.—Именной указъ, данный Сенату. — Объ Учрежденіи Судебныхъ Установленій и о Судебныхъ Уставахъ. [П. С. З., № 41.473].

Ноября 20.—Высочайше утвержденное Учрежденіе Судебныхъ Установленій. [П. С. З., № 41.475].

Ноября 20.—Высочайше утвержденный Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. [П. С. З., № 41.476].

Ноября 20.—Высочайше утвержденный Уставъ Гражданскаго Судопроизводства. [П. С. З., № 41.477].

Ноября 20.—Высочайше утвержденный Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. [П. С. З., 41.478].

Ноября 20.—Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта.—О дозволеніи печатать судебныя рѣшенія въ повременныхъ изданіяхъ. [П. С. З., № 41.481].

СПИСКИ

СУДЕБНЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ:

1) учрежденій, открытыхъ въ 1866—1870 г.г.,

2) получившихъ первоначальное назначеніе въ Правительствующій Сенатъ, палаты и окружные суды, открытые въ 1866—1868 г.г., и состоящихъ къ 20 ноября 1914 г. на службѣ въ Государственномъ Совѣтѣ и Сенатѣ.

Въ день пятидесятилѣтняго юбилея изданныхъ 20 ноября 1864 года Судебныхъ Уставовъ не лишнимъ, думаемъ, будетъ привести указаніе и на составъ открытыхъ для осуществленія положеній этихъ Уставовъ учрежденій.

Съ этою цѣлію приводимъ здѣсь списокъ лицъ, назначенныхъ въ составъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ ко времени ихъ открытія въ 1866—1870 г.г., вмѣстѣ со спискомъ мировыхъ судей городовъ С.-Петербурга (Петрограда) и Москвы перваго избранія, и небольшой списокъ лицъ, призванныхъ на должности въ упомянутыхъ судебныхъ мѣстахъ при открытіи таковыхъ въ 1866, 1867 и 1868 годахъ, которыя нынѣ присутствуютъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ.

Н. Мурзановъ.

СПИСОКЪ

судебныхъ дѣятелей учрежденій, открытыхъ въ 1866—1870 г.г.

(Сенаторы, оберъ-прокуроры, товарищи оберъ-прокуроровъ и оберъ-секретари кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената; предсѣдатели, члены, прокуроры и товарищи прокуроровъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ и мировые судьи городовъ С.-Петербурга и Москвы).

Правительствующій Сенатъ.

Гражданскій кассаціонный департаментъ.

(открытъ 16 апрѣля 1866 г.)

Сенаторы: первоприсутствующій А. Д. Башуцкій, А. И. Войцеховичъ, М. Н. Любощинскій, Д. Н. Набоковъ; оберъ-прокуроръ Д. Г. фонъ-Дервизъ; товарищъ оберъ-прокурора Д. Б. Беръ; оберъ-секретарь В. И. Бартеневъ.

Уголовный кассаціонный департаментъ.

(открытъ 16 апрѣля 1866 г.)

Сенаторы: первоприсутствующій М. М. Карніолинъ-Пинскій, В. А. Арцимовичъ, Н. А. Буцковскій, П. А. Зубовъ; оберъ-прокуроръ М. Е. Ковалевскій; товарищъ оберъ-прокурора Э. В. Фришъ; оберъ-секретарь А. А. Сабуровъ.

С.-Петербургская (нынѣ Петроградская) судебная палата.

(открыта 17 апрѣля 1866 г.)

Старшій предсѣдатель сенаторъ М. Ѳ. Гольтгоеръ, предсѣдатель департамента В. В. Фришъ, члены палаты: бар. Б. Ѳ. Гойнингенъ-Гюне, А. Ѳ. Зубаревъ, А. Е. Ковалевскій, Н. И. Ланге, А. Н. Марковичъ, кн. Н. И. Шаховской, прокуроръ Я. Я. Чемадуровъ, товарищъ прокурора бар. Н. О. Тизенгаузенъ.

С.-Петербургскій (нынѣ Петроградскій) окружный судъ.

(открытъ 17 апрѣля 1866 г.)

Предсѣдатель Г. Н, Мотовиловъ, товарищи предсѣдателя: Н. В. Граве, А. А. Книримъ, В. С. Панафидинъ, А. И. Синицынъ, члены: В. И. Богаевскій, П. П. Веселовскій, И. К. Грумъ-Гржимайло, А. А. Джунковскій, А. С. Ильяшенко, Ѳ. В. Лерхе, В. И. Лихачевъ, П. И. Миловецкій, В. А. Сербиновичъ, А. П. Славинскій, П. П. Тимофеевъ, И. Н. Шаховъ, прокуроръ Н. Н. Шрейберъ, товарищи прокурора: П. І. Александровъ, А. И. Андреевъ, М. Н. Виницкій, И. Я. Голубевъ, Г. А. Евреиновъ, Ѳ. Д. Касперовичъ, И. А. Купріяновъ, Н. А. Лебедевъ, І. А. Плецъ, А. И. Постельниковъ, В. А. Роде, А. А. Стадольскій, А. В. Трейтеръ, Я. И. Утинъ, В. И. Шульгинъ, Н. Б. Якоби.

Новгородскій окружный судъ.

(открытъ 17 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель А. С. Ильяшенко, товарищъ предсѣдателя Ѳ. М. Проскуряковъ, члены: А. С. Вирязовъ, И. Н. Еремѣевъ, Н. Д. Любимовъ, Ѳ. С. Онопріенко-Шолковый, А. П. Племянниковъ, Я. И. Шемякинъ, прокуроръ С. Н. Раевскій, товарищи прокурора А. К. Мейеръ, П. И. Сутовичъ.

Бѣлозерскій окружный судъ.

(открытъ 26 ноября 1866 года)

Предсѣдатель Н. Д. Косаговскій, члены: П. П. Филипченко, Н. И. Цухановъ, прокуроръ Ѳ. Д. Касперовичъ, товарищи прокурора М. Е. Афанасьевъ, Н. И. Елисѣевъ.

Великолуцкій окружный судъ.

(открытъ 28 октября 1866 г.)

Предсѣдатель В. А. Зыбинъ, члены: Н. И. Ансіо, П. А. Аслановичъ, бар. П. П. Гершау, прокуроръ А. И. Андреевъ, товарищъ прокурора В. В. Чеховичъ.

Псковскій окружный судъ.

(открытъ 31 октября 1866 г.)

Предсѣдатель Н. Г. Принцъ, товарищъ предсѣдателя А. И. Постельниковъ, члены: Н. Ѳ. Аккерманъ, А. А. Арцимовичъ, В. П. Лего, Т. А. Тергукасовъ, А. И. Щетинскій, прокуроръ П. І. Александровъ, товарищи прокурора: А. Б. фонъ-Ашебергъ, П. П. Вилліамсъ, А. И. Порешъ.

Устюжскій окружный судъ.

(открытъ 17 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель Б. П. Крейтеръ, члены: Н. Н. Гортынскій, И. Я. Давиденко, А. И. Позенъ, прокуроръ В. И. Золотницкій, товарищъ прокурора Н. М. Зегеръ.

Московская судебная палата.

(открыта 23 апрѣля 1866 г.)

Старшій предсѣдатель сенаторъ М. В. Полѣновъ, предсѣдатель департамента А. Н. Шаховъ, члены: Ѳ. В. Вешняковъ, П. Г. Извольскій, А. И. Котляревскій, К. К. Поппе, Н. Н. Прейсъ, Н. И. Ягнъ, прокуроръ Д. А. Ровинскій, товарищъ прокурора А. А. Шахматовъ.

Московскій окружный судъ.

(открытъ 23 апрѣля 1866 г.)

Предсѣдатель Е. Е. Люминарскій, товарищи предсѣдателя: Н. С. Арсеньевъ, П. А. Дейеръ, М. Н. Лопатинъ, Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, члены суда: А. И. Вицынъ, В. Н. Лавровъ, М. М. Латышевъ, А. К. Пановъ, Ѳ. Р. Синицкій, Э. Н. Сумбулъ, М. М. Сухотинъ, Г. А. Томашевскій, П. И. Федоренко, Э. Я. Фуксъ, И. Н. Шестаковъ, П. М. Щепкинъ, прокуроръ Л. И. Ланге, товарищи прокурора: Ѳ. Ѳ. Крахтъ, К. П. Линдротъ, И. П. Муравьевъ, Н. С. Писаревъ, И. А. Уманецъ.

Владимірскій окружный судъ.

(открытъ 17 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель А. П. Перцовъ, товарищи предсѣдателя: Д. Р. Готманъ, Н. П. Извѣковъ, члены: К. Д. Батуринъ, А. Н. Кишкинъ, П. А. Мулловъ, П. И. Николаевъ, прокуроръ Ѳ. Ѳ. Крахтъ, товарищи прокурора: Г. И. Аммосовъ, С. И. Веселовскій, А. М. Рангъ, І. О. Шадурскій.

Елецкій окружный судъ.

(открытъ 24 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель Н. С. Липкинъ, товарищъ предсѣдателя Е. Ѳ. Гартманъ, члены: В. А. Агаповъ, П. В. Болотниковъ, М. И. Валюжиничъ, Н. Ф. Стоинскій, С. Л. Шаповаловъ, прокуроръ С. М. Гулькевичъ, товарищи прокурора: С. Л. Барыковъ, К. А. Громовъ, А. Л. Родіоновъ.

Калужскій окружный судъ.

(открытъ 24 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, товарищи предсѣдателя: И. М. Родзевичъ, А. Н. Цуриковъ, члены: А. А. Гласонъ, Н. П. Голиковъ, В. И. Драницынъ, В. Н.

Крестьяновъ, И. П. Матвѣевъ, Н. Н. Мясоѣдовъ, И. П. Патонъ, А. Н. Поповъ, прокуроръ Н. А. Манасеинъ, товарищи прокурора: Гончаровъ, П. А. Кавтарадзе, М. А. Матвѣевъ, В. И. Петровъ, С. В. Щелканъ.

Кашинскій окружный судъ.

(открытъ 29 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель П. А. Пещуровъ, члены суда: Д. С. Вода, Н. М. Ергольскій, Ѳ. Ѳ. Ивановъ, прокуроръ А. А. Квачевскій, товарищъ прокурора А. А. Павловскій.

Нижегородскій окружный судъ.

(открытъ 23 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель А. К. Пановъ, товарищи: Е. Ѳ. Гартманъ, П. А. Мулловъ, члены суда: М. С. Баршевъ, В. Б. Беръ, А. А. Богодуровъ, И. А. Еропкинъ, Н. Н. Жадовскій, М. М. Леонтьевъ, И. С. Чаговецъ, прокуроръ В. И. Анненковъ, товарищи прокурора: В. С. Абакумовъ, Д. М. Аверкіевъ, П. Л. Бетлингъ, В. И. Вейсманъ, Г. Г. Гогель, И. Х. Исаковичъ, Н. В. Талицкій, Л. Л. Фатѣевъ.

Ржевскій окружный судъ.

(открытъ 25 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель П. О. Тизенгаузенъ, члены суда: К. А. Мальчевскій, Ѳ. П. Фолендорфъ, Э. А. Штурмъ-де-Штремъ, прокуроръ М. Ф. Шереметевскій, товарищъ прокурора И. Г. Дьяченковъ.

Рыбинскій окружный судъ.

(открытъ 17 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель Г. Ю. Ковалевскій, члены суда: Л. І. Грассъ, С. А. Григорьевъ, Н. В. Домерниковъ, прокуроръ Н. М. Окуловъ, товарищи прокурора: С. М. Бочковъ, И. А. Никольскій.

Рязанскій окружный судъ.

(открытъ 22 октября 1866 г.)

Предсѣдатель В. Г. Коробьинъ, товарищи предсѣдателя: В. В. Граве, М. М. Латышевъ, члены: Д. Г. Богоявленскій, А. Г. Бутаковъ, М. С. Горяиновъ, К. К. Кунъ, П. И. Перепелкинъ, К. И. Порозовъ, Ѳ. Т. Смирновъ, И. А. Ушаковъ, прокуроръ Н. Ф. Деппъ, товарищи прокурора: Б. И. Бартеневъ, С. К. Гобято, А. А. Павловъ, Н. Г. Соловкинъ, И. И. Соцъ, Н. П. Фроловъ, А. А. Шереметевскій.

Смоленскій окружный судъ.

(открытъ 18 ноября 1870 г.)

Предсѣдатель П. И. Федоренко, товарищи предсѣдателя: Ѳ. Ѳ. Ивановъ, В. П. Мордухай-Болтовской, члены: Ѳ. А. Брокъ, Ѳ. И. Вельцъ, С. С. Гончаровъ, кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, Г. И. Красовскій, И. И. Лавровъ, А. Д. Овсянниковъ, И. П. Патонъ, прокуроръ А. Н. Поповъ, товарищи прокурора: К. Е. Березинъ, С. Бѣльченко, Э. Ю. Вейцлеръ, В. Б. Коломитиновъ, П. К. Крафтъ, Н. Е. Никитинъ, О. К. Пфель, Ю. И. Рохальскій, А. М. Симоновъ, П. С. Товарковъ, И. Ѳ. Тютчевъ.

Тверской окружный судъ.

(открытъ 23 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель А. И. Синицынъ, товарищъ предсѣдателя Ѳ. В. Лерхе, члены: К. С. Абрамовичъ, В. А. Зубцовъ, А. В. Лебедевъ, Н. П. Шуйскій, прокуроръ А. А. Стадольскій, товарищи прокурора: В. А. Желеховскій, В. И. Забѣлинъ, Н. С. Соколовъ.

Тульскій окружный судъ.

(открытъ 29 октября 1866 г.)

Предсѣдатель Н. И. Ягнъ, товарищи предсѣдателя: Н. С. Липкинъ, А. К. Пановъ, члены: В. А. Аристовъ, Н. П. Гавриловъ, А. Н. Казариновъ, Н. В. Римскій-Корсаковъ, И. А. Тѣснинскій, Ѳ. И. Шмелевъ, прокуроръ Э. Я. Фуксъ, товарищи прокурора: И. И. Дьяковъ, К. Н. Жуковъ, И. И. Мечниковъ, И. Р. Мирецъ-Имшенецкій, С. И. Нальхановъ, П. Ю. Ягнъ.

Ярославскій окружный судъ.

(открытъ 10 ноября 1866 г.)

Предсѣдатель К. К. Поппе, товарищъ предсѣдателя Н. П. Наумовъ, члены: В. В. Калачовъ, Г. А. Каптыревъ, А. А. Кузьминъ, М. А. Плецъ, С. П. Шлыковъ, прокуроръ П. А. Васильевъ, товарищи прокурора: В. И. Канатовъ, Д. Ѳ. Красильниковъ.

Харьковская судебная палата.

(открыта 16 ноября 1867 г.)

Старшій предсѣдатель сенаторъ бар. Н. Е. Торнау, предсѣдатель департамента И. И. Полнеръ, члены палаты: Г. М. Амантовъ, В. И. Бартеневъ, В. И. Баршевскій, А. В. Брилевичъ, В. И. Гуринъ, Е. Н. Коловратъ-Червинскій, Н. И. Сбитневъ, С. Н. Шечковъ, А. Н. Яблонскій, прокуроръ А. А. Шахматовъ, товарищи прокурора: Н. М. Окуловъ, Н. С. Писаревъ, А. А. Червинскій.

Харьковскій окружный судъ.

(открытъ 16 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель Э. Я. Фуксъ, товарищъ предсѣдателя А. Н. Бурнашевъ, члены: Г. С. Булахъ, Н. М. Депрерадовичъ, М. И. Зарудный, Е. Е. Ковалевскій, Г. П. Цвѣт-

ковъ, прокуроръ В. В. Ненарочкинъ, товарищи прокурора: А. Ѳ. Кони, С. Ѳ. Морошкинъ, Е. Ѳ. де-Росси.

Воронежскій окружный судъ.

(открытъ 26 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель Н. Г. Принцъ, товарищъ предсѣдателя Т. А. Тергукасовъ, члены: А. А. Арцимовичъ, В. Д. Давыдовъ, Д. А. Калмыковъ, А. В. Креницынъ, Н. А. Ридманъ, Н. П. Шарковъ, прокуроръ С. И. Леонтьевъ, товарищи прокурора: М. Ѳ. Кизиловъ, Е. Г. Милло, И. П. Ольшанскій, Л. Н. Скрыпицынъ, К. П. Слѣпневъ.

Екатеринославскій окружный судъ.

(открытъ 8 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель Н. А. Ридманъ, товарищи предсѣдателя: Д. А. Калмыковъ, А. Ѳ. Карповъ, члены: Ѳ. И. Вельцъ, А. А. Ганъ, Ѳ. В. Делинскій, М. Ѳ. Кизиловъ, Е. Л. Никифоровъ, В. А. Нѣмыскій, И. П. Ольшанскій, Г. О. Поржецкій, В. В. Розановъ, П. И. фонъ-деръ-Роппъ, прокуроръ Н. П. Томсенъ, товарищи прокурора: А. М. Вышеславцевъ, А. Ѳ. Доксъ, Н. В. Кобылкинъ.

Изюмскій окружный судъ.

(открытъ 3 декабря 1867 г.)

Предсѣдатель Н. Н. Кишенскій, члены: Н. Н. Абаза, И. Н. Науменко, В. І. Ольденборгеръ, прокуроръ А. И. Браилко, товарищи прокурора: В. К. Анастасьевъ, Д. М. Лущинскій, М. И. Снегиревъ.

Курскій окружный судъ.

(открытъ 20 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель В. И. Богаевскій, товарищъ предсѣдателя П. А. Юреневъ, члены: П. Н. Бетеряковъ, А. К. Гаугеръ, В. И. Евреиновъ, В. М. Ивановъ, кн. Д. М. Назаровъ,

И. К. Наливайко, Е. А. Харламовъ, прокуроръ А. А. Муромцевъ, товарищи прокурора: А. А. Боголюбовъ, Н. В. Всеволожскій, М. Я. Городецкій, И. А. Клоповъ, Н. Ѳ. Остолоповъ, И. Г. Пети, Ю. И. Рохальскій, Н. Я. Ѳаворовъ.

Орловскій окружный судъ.

(открытъ 22 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель А. С. Ильяшенко, товарищъ предсѣдателя А. И. Андреевъ, члены: К. Н. Бурнашевъ, Д. П. Георгіевскій, И. Р. Короновскій, А. П. Крашенинниковъ, А. И. Малиновскій, А. И. Порешъ, В. А. Рѣшетовъ, А. А. Сноповъ, прокуроръ А. Ѳ. Пржецлавскій, товарищи прокурора: Л. М. Барщъ, П. А. Матвѣевъ, кн. А. Б. Сонцовъ-Засѣкинъ, З. В. Троицкій, В. Ѳ. Фененко.

Острогожскій окружный судъ.

(открытъ 28 ноября 1867 г.)

Предсѣдатель А. А. Квачевскій, члены: Н. Г. Ванифантьевъ, П. А. Гавриловъ, К. А. Унгебауеръ, прокуроръ кн. В. А. Кейкуатовъ, товарищи прокурора: В. Л. Васильевъ, В. Г. Вильямсонъ.

Полтавскій окружный судъ.

(открытъ 10 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель И. Я. Петрункевичъ, товарищи предсѣдателя: В. И. Гуринъ, В. И. Іонинъ, члены: Л. М. Барщъ, П. М. Бутовскій, К. І. Зеленскій, А. М. Лазаревскій, В. Ѳ. Луначарскій, В. П. Рощупкинъ, Д. И. Скибинскій, А. Х. Хохряковъ, П. Н. Языковъ, прокуроръ А. Е. Лазаревъ, товарищи прокурора: Н. В. Булюбашъ, П. Г. Васьковъ-Примаковъ, Е. Г. Дьяконовъ, Н. В. Кобцевъ, Г. П. Монастырскій, Н. А. Песлякъ, Н. Н. Рашевскій, С. С. Хрулевъ, В. Е. Шопенъ.

Сумскій окружный судъ.

(открытъ 3 декабря 1867 г.)

Предсѣдатель В. В. Граве, члены: П. Н. Грешищевъ, Н. С. Соколовъ, прокуроръ А. А. Червинскій, товарищи прокурора: Н. К. Гобято, П. В. Кондратьевъ.

Таганрогскій окружный судъ.

(открытъ 30 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель В. В. Граве, товарищъ предсѣдателя Д. П. Война, члены суда: Н. К. Гобято, Н. Н. Гортынскій, Г. И. Гребенщиковъ, К. М. Знаменскій, А. И. Позенъ, А. И. Рейнике, Э. А. Штурмъ-де-Штремъ, прокуроръ Н. А. Лебедевъ, товарищи прокурора А. А. Боголюбовъ, М. П. Мясново, А. А. Суховъ.

Одесская судебная палата.

(открыта 2 апрѣля 1869 г.)

Старшій предсѣдатель сенаторъ А. А. Шахматовъ, предсѣдатель департамента П. Н. Даневскій, члены: Н. А. Антоновичъ-Войшинъ, И. П. Аристовъ, В. В. Граве 1-й, М. И. Зарудный, Ѳ. О. Каменскій, В. И. Колбасьевъ, А. Ѳ. Крушинскій, прокуроръ И. Н. Орловъ, товарищъ прокурора А. О. Пржецлавскій.

Одесскій окружный судъ.

(открытъ 2 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, товарищи предсѣдателя Е. Е. Ковалевскій, П. А. Устимовичъ, члены: Г. Д. Аморетти, К. А. Бороздинъ, бар. В. В. Врангель, К. Ѳ. Ганъ, М. Н. Дараганъ, А. А. Дмитріевъ, П. А. Кулябко, Н. А. Романовъ, К. И. Филипповъ, прокуроръ Г. А. Евреиновъ, товарищи прокурора: В. К. Анастасьевъ, Н. В. Гердзей, М. Я. Городецкій, Н. Н. Иваненко, С. С. Коссаржевскій.

Кишиневскій окружный судъ.

(открытъ 20 декабря 1869 г.)

Предсѣдатель Ѳ. И. Проскуряковъ, товарищи предсѣдателя: А. М. Бульмерингъ, А. В. Лебедевъ, члены: И. Н. Бутковскій, А. Н. Волковъ, А. И. Звягинъ, Ѳ. Ѳ. Крупенскій, Е. Г. Милло, М. А. Плецъ, Г. О. Поржецкій, А. А. Романовскій-Романько, Г. И. Роменскій, прокуроръ Н. В. Гердзей, товарищи прокурора: В. А. Боголюбовъ, Н. П. Вергосъ, В. К. Губеръ, П. Д. Истоминъ, К. Д. Киріякъ, К. Г. Ковалевскій, Макаровъ, А. І. Ярошевичъ.

Симферопольскій окружный судъ.

(открытъ 22 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель Е. Н. Коловратъ-Червинскій, товарищи предсѣдателя В. А. Аристовъ, А. И. Браилко, члены: А. К. Вистингаузенъ, кн. Н. С. Давыдовъ, П. И. Кирсановъ, С. О. Колбъ, Е. Е. Полуянскій, Г. И. Супруненко, Э. О. Флуки, Н. М. Шмаковъ, прокуроръ Л. І. Грассъ, товарищи прокурора: Ѳ. В. Адаменко, Н. А. Бороздинъ, А. А. Желтухинъ.

Херсонскій окружный судъ.

(открытъ 13 апрѣля 1869 г.)

Предсѣдатель В. А. Тарасовъ, товарищъ предсѣдателя Н. П. Ренненкампфъ, члены: К. И. Барковскій, Н. Н. Гортынскій, И. Я. Давиденко, О. В. Домашевскій-Песлякъ, И. Д. Ревуцкій, П. Л. Шестаковъ, прокуроръ П. П. Веселовскій, товарищи прокурора: И. Н. Бутковскій, А. П. Зубовъ.

Казанская судебная палата.

(открыта 8 ноября 1870 г.)

Старшій предсѣдатель сенаторъ кн. М. Н. Шаховской, предсѣдатель департамента А. С. Ильяшенко, члены: А. И.

Елагинъ, П. И. Крапивинъ, Э. Ѳ. Нагулла, Р. П. Ренненкампфъ, В. П. Родіоновъ, Ѳ. Р. Синицкій, А. П. Славинскій, А. И. Янкевичъ, прокуроръ А. А. Червинскій, товарищъ прокурора Н. И. Оболонскій.

Казанскій окружный судъ.

(открытъ 8 ноября 1870 г.)

Предсѣдатель А. Е. Лазаревъ, товарищи предсѣдателя: Э. Ѳ. Бостремъ, В. П. Лего, члены: В. К. Александровъ, Ѳ. С. Глинка, А. А. Жилинскій, А. Ѳ. Кобцевъ, Г. Е. Кроль, П. Г. Мякининъ, Н. А. Неслякъ, прокуроръ А. Ѳ. Кони, товарищи прокурора: С. А. Андреевскій, В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Ѳ. К. Брунъ, І. С. Викторовъ, А. А. Желтухинъ, С. Ѳ. Ильинъ, Н. Д. Лермонтовъ, П. Я. Оптовцевъ, М. А. Поповъ, С. П. Урюпинъ, Э. П. Фальковскій, А. Ѳ. Шульцъ.

Симбирскій окружный судъ.

(открытъ 15 ноября 1870 г.)

Предсѣдатель Б. П. Крейтеръ, товарищи предсѣдателя: А. П. Муравьевъ, Н. Н. Мясоѣдовъ, члены: Г. И. Аляскринскій, А. Ѳ. Жоховъ, Ѳ. И. Кочетковъ, К. Н. Кузьминъ, А. Н. Орловъ, Л. Н. Скрыпицынъ, Г. Н. Юреневъ, Б. Б. Якоби, прокуроръ Т. П. Сольскій, товарищи прокурора: А. Л. Боровиковскій, А. В. Воеводскій, И. Я. Кондаковъ, И. Г. Пети, П. И. Прозоровъ, П. Л. Спасскій, Н. В. Шугуровъ.

Самарскій окружный судъ.

(открытъ 25 ноября 1870 г.)

Предсѣдатель Н. М. Окуловъ, товарищи предсѣдателя: А. М. Бульмерингъ, Ѳ. И. Шмелевъ, члены: А. В. Гурчинъ, И. С. Десницкій, Г. И. Жуковскій, В. Я. Кудряшевъ, В. С. Лозинскій, П. А. Матвѣевъ, Н. А. Нефедьевъ, гр. В. А. Тизенгаузенъ, прокуроръ А. А. Голо-

винскій, товарищи прокурора: Б. А. Араповъ, М. М. Васильевъ, И. И. Влезковъ, В. С. Мамышевъ, П. П. Рыбкинъ, А. Н. Сенявинъ, Г. И. Хрущовъ.

Тифлисская судебная палата.

(открыта 19 февраля 1868 г.)

Старшій предсѣдатель сенаторъ Е. П. Старицкій, предсѣдатель департамента А. С. Оголинъ, члены: кн. І. А. Андрониковъ, В. С. Вержбицкій, В. Р. Коломійцевъ, А. Г. Лисовскій, И. Л. Павловичъ, П. В. Смиттенъ, прокуроръ В. А. Андреевъ.

Тифлисскій окружный судъ.

(открытъ 19 февраля 1868 г.)

Предсѣдатель кн. Н. Д. Чавчавадзе, товарищъ предсѣдателя В. М. Горбовскій-Заранекъ, члены: С. И. Джакели, Г. Д. Кузьминскій, Я. И. Рашетъ, Г. Б. Цинамзгваровъ, А. Н. Юферовъ, прокуроръ, В. И. Канатовъ.

Бакинскій окружный судъ.

(открытъ 21 января 1868 г.)

Предсѣдатель П. Д. Гнилосаровъ, члены: А. Ф. фонъ-Вельке, С. И. Деспотъ-Зеновичъ, Л. В. Пигулевскій, Н. В. Политовскій, В. В. Смиттенъ, прокуроръ Н. П. Витковскій.

Елисаветпольскій окружный судъ.

(открытъ 21 января 1868 г.)

Предсѣдатель П. А. Пещуровъ, товарищъ предсѣдателя Л. И. Леммерманъ, члены: Н. М. Ергольскій, А. П. Смиттенъ, Д. И. Тергукасовъ, прокуроръ П. Ю. Ягнъ, товарищъ прокурора С. И. Еленинъ.

Кутаисскій окружный судъ.

(открытъ 17 апрѣля 1868 г.)

Предсѣдатель Н. Л. Кайтмазовъ, члены: Ѳ. Ѳ. Каврайскій, П. Н. Райко, С. Д. Савеловъ, С. Н. Шиманскій, М. Ѳ. Ѳоминъ-Цагерели, прокуроръ Б. И. Бартеневъ, товарищъ прокурора В. А. Бибиковъ.

Ставропольскій окружный судъ.

(открытъ 17 апрѣля 1868 г.)

Предсѣдатель М. П. Штукинъ, товарищи предсѣдателя: Д. Ѳ. Аверкіевъ, В. С. Вержбицкій, члены: М. А. Демьяновичъ. А. А. Куницынъ, С. П. Логиновскій, М. Г. Песковъ, П. П. Соколовъ, В. А. Чеховскій, прокуроръ В. Н. Синельниковъ, товарищи прокурора А. В. Кривецкій, А. Д. Стрѣльбицкій.

Эриванскій окружный судъ.

(открытъ 21 января 1868 г.)

Предсѣдатель К. И. Меликъ-Агамаловъ, члены: М. Ф. Вильямовскій, Г. Л. Зиссерманъ, И. С. Калита, П. К. Меликъ-Каракозовъ, С. Ф. Соколовскій, прокуроръ А. П. Францовъ, товарищъ прокурора К. Н. Дементьевъ.

Мировые судьи:

города С.-Петербурга (нынѣ Петроградъ).

Почетные: гр. А. П. Бобринскій, гр. В. А. Бобринскій, П. В. Жуковскій, М. Ѳ. Ильинъ, А. Я. Качка, Н. Ѳ. фонъ-Крузе, Г. В. Лермантовъ, В. И. Лихачевъ, М. П. Митковъ, Н. А. Неклюдовъ, гр. М. Я. Ростовцовъ, кн. П. Н. Трубецкой, гр. П. П. Шуваловъ.

Участковые: С. В. Алфимовъ, А. П. Баумгартенъ, В. А. Болотовъ, И. А. Галовъ, Д. Н. Гурьевъ, А. Н. Зиновьевъ, В. Г. Карташевскій, О. И. Квистъ, М. П. Козляниновъ, А. И. Кранихфельдъ, П. П. Куликовъ, П. М. Майковъ, А. Н. Матвѣевъ, Н. Н. Медвѣдевъ, А. А. Муравьевъ, А. И. Неклюдовъ, Н. И. Непорожневъ, А. А. Ольхинъ, Г. П. Орловъ, А. И. Протасьевъ, Э. А. Редеръ, Л. Л. Серебряковъ, А. Ѳ. Тиздель, А. Н. Унковскій, бар. А. К. Фитингофъ, А. О. Фрейманъ, А. В. Яковлевъ и В. В. Яковлевъ.

города Москвы.

Почетные: А. А. Альфонскій, С. И. Баршевъ, гр. А. В. Бобринскій, В. М. Бостанджогло, А. Н. Бухтѣевъ, М. А. Бухтѣевъ, П. П. Воейковъ, А. Н. Волковъ, кн. Л. Н. Гагаринъ, кн. А. М. Голицынъ, кн. М. Ѳ. Голицынъ, Г. В. Грудевъ, П. П. Дюшенъ, Н. Д. Игнатьевъ, И. М. Карповъ, Ѳ. Б. Мильгаузенъ, Б. А. Нейдгартъ, П. А. Новиковъ, П. И. Петровъ, А. Д. Плечко, И. Н. Позняковъ, А. А. Рябининъ, П. Ѳ. Самаринъ, С. А. Тарасовъ, Г. А. Чертковъ, И. И. Четвериковъ, П. С. Шиловскій, К. К. Шильдбахъ.

Участковые: М. Я. Багриновскій, Я. А. Бояркинъ, В. А. Вердеревскій, Н. Н. Даниловъ, гр. М. С. Ланской, А. А. Лопухинъ, М. В. Нероновъ, С. С. Перфильевъ, И. Е. Романовъ, С. С. Румянцевъ, Ѳ. Ѳ. Свѣшниковъ, Н. П. Скопинъ, Г. Я. Титовъ, К. Н. Черневъ, П. Е. Шереметевскій, Н. М. Щепкинъ и Н. І. Эбернъ.

СПИСОКЪ

лицъ, состоящихъ къ 20 ноября 1914 года на службѣ по Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату и получившихъ первоначальныя назначенія на поименованныя въ общемъ спискѣ должности по судебному вѣдомству при введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года: 1) въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената и 2) въ округахъ судебныхъ палатъ, открытыхъ въ 1866, 1867 и 1868 г.г.

Состоятъ на службѣ:	При введеніи реформы назначены:
1) Д. Т. С. Дмитрій Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ.	13 апрѣля 1866 года оберъ-прокуроромъ Гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, открытаго 16 апрѣля 1866 года.
2) Д. Т. С., статсъ-секретарь Андрей Александровичъ Сабуровъ, предсѣдатель Перваго департамента Государственнаго Совѣта, сенаторъ.	16 апрѣля 1866 года оберъ-секретаремъ Уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, открытаго 16 апрѣля 1866 года.
3) Д. Т. С. Николай Николаевичъ Шрейберъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, предсѣдатель Верховнаго Уголовнаго Суда.	4 февраля 1866 года прокуроромъ С.-Петербургскаго (нынѣ Петроградскій) окружнаго суда, открытаго 17 апрѣля 1866 г.

4) Д. Т. С., статсъ-секретарь Иванъ Яковлевичъ Голубевъ, вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта, и. о. предсѣдателя, сенаторъ.	15 февраля 1866 года товарищемъ прокурора С.-Петербургскаго (нынѣ Петроградскій) окружнаго суда, открытаго 17 апрѣля 1866 года.
5) Д. Т. С. Григорій Александровичъ Евреиновъ, сенаторъ, присутствующій въ 1-мъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената.	6 апрѣля 1866 года товарищемъ прокурора С.-Петербургскаго (нынѣ Петроградскій) окружнаго суда, открытаго 17 апрѣля 1866 года.
6) Д. Т. С. Корнилій Антоновичъ Мальчевскій, сенаторъ, присутствующій во 2-мъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената.	25 октября 1866 года членомъ Ржевскаго окружнаго суда, открытаго 25 ноября 1866 года.
7) Д. Т. С. Владиславъ Антоновичъ Желеховскій, сенаторъ, первоприсутствующій Уголовнаго кассаціоннаго департамента, Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ и Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія.	17 ноября 1866 года товарищемъ прокурора Тверскаго окружнаго суда, открытаго 23 ноября 1866 года.
8) Д. Т. С. Петръ Александровичъ Юреневъ, сенаторъ, первоприсутствующій Гражданскаго кассаціоннаго департамента.	12 октября 1867 года товарищемъ предсѣдателя Курскаго окружнаго суда, открытаго 20 ноября 1867 года.

9) Д. Т. С. Анатолій Ѳедоровичъ Кони, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ.	7 ноября 1867 года товарищемъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда, открытаго 16 ноября 1867 года.
10) Д. Т. С. Владиміръ Ѳомичъ Фененко, сенаторъ, присутствующій въ Уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, членъ Верховнаго Уголовнаго Суда.	7 ноября 1867 года товарищемъ прокурора Орловскаго окружнаго суда, открытаго 22 ноября 1867 года.
11) Т. С. Владиміръ Васильевичъ Смиттенъ, сенаторъ, присутствующій во 2-мъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената.	21 января 1868 г. членомъ Бакинскаго окружнаго суда, открытаго 19 февраля 1868 года.

Оглавленіе I тома.

СТРАН.

Указъ Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 года.

Списокъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ . . . . . I—II

Предисловіе . . . . . III—XII

ЧАСТЬ I.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.

Судебный строй и судебные порядки передъ реформой 1864 года . . . . . 3—101

Составилъ *И. А. Блиновъ.*

I. Давнишнее стремленіе къ правосудію . . . . . 3—5

II. Судебная организація и процессъ до реформы 1864 г. 6—27

III. Фактическое состояніе правосудія до реформы 1864 г. 27—40

IV. Всеобщее отрицательное отношеніе къ состоянію правосудія . . . . . 40—53

V. Сознаніе необходимости судебной реформы . . . . . 53—101

СТРАН.

Ходъ судебной реформы 1864 года . . . . . 102—232

Составилъ *И. А. Блиновъ.*

I. Учрежденіе слѣдователей. Проекты Блудова и составленіе Основныхъ Положеній . . . . . 102—145

II. Отношеніе къ Основнымъ Положеніямъ въ обществѣ и печати . . . . . 145—164

III. Замѣчанія, представленныя на Основныя Положенія .. 165—177

IV. Составленіе проектовъ Судебныхъ Уставовъ . . . . 177—188

V. Замѣчанія на проекты Судебныхъ Уставовъ . . . . 188—199

VI. Отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній и откуповъ . . 200—206

VII. Обсужденіе проектовъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе Государемъ . . . . . 206—213

VIII. Къ вопросу о дѣятеляхъ судебной реформы . . . . 213—224

IX. Отношеніе современниковъ къ судебной реформѣ . . 224—232

Вліяніе иностранныхъ законодательствъ на составленіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года . . . 233—285

Составилъ *И. Г. Щеголевитовъ.*

Введеніе. Значеніе Судебныхъ Уставовъ. Трудность задачи ихъ составленія. Упреки въ рабскомъ перенесеніи чужеземныхъ порядковъ. Мнѣнія Кошелева, Шевырева, Аксакова, Каткова, Семенова, Фукса, Скальковскаго . 233—241

I. Судебныя законодательства первой половины XIX столѣтія. Зародыши обновленія судебныхъ началъ въ законодательствѣ французской революціи. Code de procédure civile 1806 года. Code d'instruction criminelle 1808 года. Законъ 20 апрѣля 1810 года о французскомъ судоустройствѣ. Заимствованіе французскаго законодательства другими государствами. Научныя работы и иностранныя законодательства, на которыя ссылались составители Судебныхъ Уставовъ . . . . . 242—253

СТРАН.

II. Учрежденіе Судебныхъ Установленій 20 ноября 1864 года. Самобытность русской судебной организаціи. Рѣзкія черты несходства съ французскою организаціею. Отдѣленіе суда отъ властей законодательной и управленія . . . . . 254—266

III. Значеніе Устава Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года. Мнѣніе Миттермайера. Черты, отличающія русскій уголовный процессъ отъ французскаго и англійскаго процессовъ. Сокращеніе особыхъ цореформенныхъ порядковъ судопроизводства . . . . . 267—273

IV. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства. Мнѣніе К. И. Малышева. Значеніе общихъ началъ гражданскаго процесса. Историческое ихъ развитіе. Сопоставленіе Устава Гражданскаго Судопроизводства съ итальянскимъ уставомъ 1859 года. Главныя черты несходства между ними . . . . . 273—279

V. Вылазки противъ Судебныхъ Уставовъ К. Д. Кавелина. Несостоятельность высказаннаго имъ взгляда. Судебные Уставы въ качествѣ Уставовъ „освобожденія“ . . . . . 279—285

Связь судебной реформы съ другими реформами Императора Александра II . . . . . 286—398

Составилъ *Э. Н. Берендтсъ.*

I. Освобожденіе крестьянъ—основная предпосылка судебнаго преобразованія . . . . . 286—301

II. Преобразовательная программа 1862 г. . . . . 301—307

III. Судебная реформа и мѣры къ распространенію народнаго просвѣщенія . . . . . 307—319

IV. Судебная реформа и законодательство о печати . . . 319—343

V. Реформы въ области администраціи, состоявшія въ связи съ судебной реформой . . . . . 343—380

СТРАН.

VI. Попытки реформы порядка разбирательства дѣлъ казеннаго управленія . . . . . 380—388

VII. Судебная реформа и отношеніе ея къ реформѣ земской . 388—393

VIII. Связь судебной реформы съ реформою военныхъ и духовныхъ судовъ . . . . . 393—398

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ СТРОЙ.

Очеркъ основныхъ началъ судоустройства Россіи и главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ за пятьдесятъ лѣтъ . . . . . 401—489

Составилъ *А. Н. Лазаренко.*

I. Введеніе. Отдѣленіе судебной власти. Независимость ея . 401—407

II. Несмѣняемость судей. Увольненіе, перемѣщеніе, оставленіе за штатомъ. Судейская дисциплина. Устройство дисциплинарныхъ судовъ. Дисциплинарное производство. Надзоръ за судьями. Его органы и полномочія . 408—442

III. Матеріальное обезпеченіе судей. Порядокъ ихъ назначенія и повышенія . . . . . 442—468

IV. Коллегіальное начало. Устройство коллегіи. Принципъ двухъ инстанцій. Кассаціонная инстанція. Участіе народнаго элемента въ осуществленіи судебной власти . . 468—486

V. Заключительные выводы. Значеніе Судебныхъ Уставовъ въ дѣлѣ устройства правосудія въ Россіи . . . . . 486—489

Гражданскій процессъ . . . . . 490—594

Составилъ *И. Д. Мордухай-Болтовской.*

I. Основныя начала новаго гражданскаго процесса . . . 490—491

стран.

II. Судъ скорый. 1. Единоличный судъ. а) Предѣлы вѣдомства мировыхъ судей. б) Особенности порядка производства дѣлъ у мировыхъ судей. 2. Ограниченіе числа инстанцій. 3. Объединеніе порядковъ судопроизводства. 4. Частное обжалованіе . . . . . 491—526

III. Судъ правый. 1. Начало состязательности. 2. Начало устности. 3. Начало гласности. 4. Начало непосредственности. 5. Свободная оцѣнка доказательствъ. 6. Обжалованіе рѣшеній. а) Апелляція. б) Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній . . . . . 526—579

IV. Судъ милостивый . . . . . 579—589

V. Судъ равный для всѣхъ . . . . . 590—594

Очеркъ общихъ основаній нашего уголовнаго процесса по сравненію съ иностранными законодательствами . 595—690

Составилъ *В. П. Ширковъ.*

Вступленіе . . . . . 595—598

I. Гласность . . . . . 598—602

II. Непосредственность и устность . . . . . 603—608

III. Обвиненіе . . . . . 608—616

IV. Гражданскій искъ . . . . . 616—619

V. Защита . . . . . 619—625

VI. Состязательное и инструкціонное начала въ различныхъ стадіяхъ процесса . . . . . 626—660

VII. Принудительныя мѣры (арестъ, обыскъ, выемка). . . 660—668

VIII. Обжалованіе апелляціонное и кассаціонное . . . . 668—684

IX. Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ . . . . . 685—688

Заключеніе . . . . . 688—690

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТРАН.

I. Хронологическія данныя къ исторіи составленія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. . . . . 693—755

Составилъ *В. В. Яковлевъ.*

II. Списокъ судебныхъ дѣятелей учрежденій, открытыхъ въ 1866—1870 г.г. . . . . 757—775

Составилъ *Н. А. Мурзановъ.*

III. Списокъ лицъ, состоящихъ къ 20 ноября 1914 г. на службѣ по Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату и получившихъ первоначальныя назначенія на поименованныя въ общемъ спискѣ должности по судебному вѣдомству при введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ: 1) въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената и 2) въ округахъ судебныхъ палатъ, открытыхъ въ 1866—1868 г.г. . . 777—779

Составилъ *Н. А. Мурзановъ.*